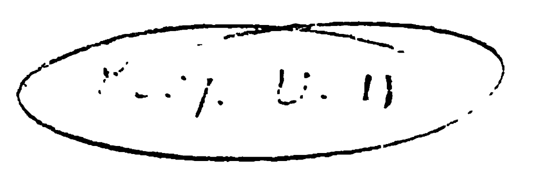






ЧТЕНІЯ

въ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Повременное изданіе.

1860.

ІЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ.

КНИГА ТРЕТЬЯ

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1860.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 25 дня, 1860 года.

Цензоръ Гиляровъ-Платоновъ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

IV.

Въ предшествующихъ главахъ мы означили съ нѣкоторою подробностію время и порядокъ образованія церковной поземельной собственности въ Россіи. Постараемся теперь сдѣлать краткій инвентарь этой собственности и познакомиться ближе съ ея объемомъ, съ свойствомъ имуществъ, входившихъ въ ея составъ, и наконецъ съ образомъ распредѣленія ея между различными сословіями духовенства.

Что касается до объема церковной поземельной собственности, то прежде всего должно замѣтить, что опредѣлить его съ совершенною точностію рѣшительно невозможно. Такому точному опредѣленію препятствуетъ многое. Первое мѣсто между этими препятствіями занимаютъ тѣ безпрестанныя измѣненія, которымъ подвергалось въ Россіи пространство церковныхъ владѣній. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже видѣли выше, что вотчины архіерейскія, монастырскія и церковныя появились у насъ весьма рано, въ скоромъ времени послѣ водворенія Христіанства въ Россіи. Ниже мы увидимъ также, что, не смотря на многократныя попытки къ отобранію ихъ въ казну, они оставались во владѣніи духовенства весьма долго, до самой половины XVIII столѣтія. Но во все продолженіе ихъ существованія, обнимающее около семи столѣтій, нельзя указать ни на одинъ моментъ, какъ на эпоху окончательнаго образованія церковной собственности и прекращенія дальнѣйшаго ея развитія. Собственность эта подвергалась безпрерывнымъ, почти ежеминутнымъ, измѣненіямъ. Съ одной стороны, измѣненія эти обусловливались безпрестаннымъ присоединеніемъ къ образовавшейся уже массѣ церковныхъ имуществъ новыхъ частицъ и долей; съ другой, частными обращеніями нѣкоторыхъ изъ церковныхъ вотчинъ въ казенное вѣдомство, обращеніями, происходившими весьма часто по различнымъ поводамъ и съ различными цѣлями. [223] Если бы даже мы и рѣшились прене-

---

[223] Отдѣльные случаи отобранія въ казну, или присвоенія частными лицами, церковныхъ имуществъ встрѣчаются довольно часто въ нашихъ историческихъ памятникахъ. Такъ уже подъ 1175 годомъ разсказывается въ нашихъ лѣтописяхъ, что племянники Андрея Боголюбскаго, Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи



бречь этими безпрестанными перемѣнами въ объемѣ церковной собственности, происходившими то отъ увеличенія ея, то отъ уменьшенія; если бы выбрали произвольно ту или другую эпоху въ исторіи церковнаго имущества, для опредѣленія количества его въ тотъ данный моментъ, то и въ такомъ случаѣ мы бы не могли достигнуть своей цѣли, по недостатку точныхъ и положительныхъ объ этомъ предметѣ свѣдѣній. Правда, на недостатокъ матеріаловъ для исторіи церковныхъ имуществъ пожаловаться нельзя; ими наполнены какъ печатныя собранія актовъ, такъ и монастырскіе Архивы; но, съ одной стороны, матеріялы эти, при всемъ ихъ богатствѣ, содержатъ въ себѣ весьма мало статистическихъ, числовыхъ указаній, а съ другой, при самой добросовѣстной ихъ обработкѣ, нельзя ручаться за полноту и точность выводовъ. Многіе изъ относящихся сюда актовъ не дошли, вѣроятно, до нашего времени; многіе остаются до сихъ поръ еще не напечатанными и хранятся въ Архивахъ; [224] многіе, наконецъ, еще неизвѣстны ученому міру.

отняли было у Владимірской соборной церкви пожалованныя ей дядемъ ихъ имѣнія. Объ этомъ происшествіи мы уже говорили во 2-й главѣ. Никоновская лѣтопись разсказываетъ подъ 1410 годомъ, что Митрополитъ Фотій «стежанія митропольи своея церковная и доходы.... нача обновляти, і что гдѣ пагибло начать изыскати, или отъ князеі и бояръ что изобижено, или отъ иныхъ нѣкихъ лихоимцевъ что восхищено, села и власти и доходы и пошлины Христова дому и Пречистые Богородицы, и святыхъ великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя. Онъ же вся сия отъ нихъ взимаше і утвержаше крѣпко въ дому Христовѣ и Пречистыя Богородицы, і святыхъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя во священнѣи митрополіи всеа Русиі, и доходы, и пошлины, і земли, і воды, и села и власти, и іная же («Никонов. Лѣтоп.», ч. V, стр. 33. Ср. «Акт. Истор.», т. I, N. 256). См. также ниже примѣч. къ главѣ VIII и IX.

[224] По словамъ г. Иванова (см. его «Путеводитель по Государственнымъ Архивамъ, состоящимъ при Правительствующемъ Сенатѣ въ Москвѣ», 1845, стр. 19, 24). Въ Архивѣ старыхъ дѣлъ, гдѣ хранится около 15,000 подлинныхъ документовъ и списковъ, большая часть ихъ заключается въ жалованныхъ грамотахъ. В. Князей, Царей и другихъ лицъ духовенству. Въ монастыряхъ хранится также множество жалованныхъ грамотъ, кормовыхъ, окладныхъ и расходныхъ книгъ и хозяйственныхъ описей имѣній, весьма важныхъ для нашего предмета, но до сихъ поръ еще не напечатанныхъ. Такъ изъ описанія Саввино-Сторожевскаго монастыря (ст. 66, 67, 69, 117), видно, что въ библіотекѣ этого монастыря хранится нѣсколько приходо-расходныхъ книгъ XVII вѣка и позднѣйшихъ временъ, нѣсколько описей доходовъ съ деревень и угодій монастырскихъ, много переписныхъ или ревизіонныхъ книгъ монастырей, приписанныхъ

хотя и существуютъ, какъ это доказывается безпрерывными открытіями [225] въ неразобранныхъ еще любителями науки, казенныхъ, монастырскихъ и частныхъ, библіотекахъ

Не имѣя возможности опредѣлить объемъ церковныхъ имуществъ съ совершенною точностію, мы должны, по необходимости, довольствоваться приблизительными указаніями. Значительность владѣній духовенства вообще не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; она должна была поразить всякаго, кому только удавалось прочитывать, или перелистывать, наши собранія юридическихъ и историческихъ актовъ. Но чтобъ опредѣлить ближе степень этой значительности, необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ, принадлежащія, впрочемъ, къ весьма различнымъ и отдаленнымъ одна отъ другой эпохамъ. Свидѣтельства эти имѣютъ достоинство весьма не одинаковое, какъ въ отношеніи къ достовѣрности, такъ и въ отношеніи къ точности сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Такъ, нельзя не признать увеличеннымъ и заслуживающимъ мало вѣроятія древнѣйшее изъ сохранившихся до насъ извѣстій этого рода, сообщаемое иностраннымъ писателемъ, Адамомъ Климентомъ. По словамъ этого путешественника, посѣтившаго Россію въ 1553 году, монастырскія имѣнія составляли уже въ это время третью часть всего Государства. [226] Гораздо болѣе точности и достовѣрности находимъ мы въ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ намъ Котошихинымъ

къ Саввину, опись самого Саввина монастыря 1661 года, письма Архимандрита Саввы къ Царямъ Алексѣю, Θеодору, Іоанну и Петру, Синодикъ и Вкладная книга XVII столѣтія и т. под.; весьма любопытные документы. Значительное число жалованныхъ грамотъ, данныхъ этому монастырю въ разныя времена, сохранились въ рукописномъ Сборникѣ, принадлежащемъ М. П. Погодину. Множество такихъ грамотъ утратилось и только содержаніе ихъ извѣстно изъ описей 1661 и 1758 годовъ, хранящихся въ Саввинѣ монастырѣ. Наконецъ, въ казенныхъ архивахъ есть, вѣроятно, множество дѣлъ объ имѣніяхъ духовенства, и нѣтъ сомнѣнія, что дѣла эти, если бы онѣ были когда нибудь напечатаны, прояснили бы намъ вполнѣ бытъ и судьбу этихъ имѣній въ XVIII столѣтіи.

[225] Въ доказательство можно указать на открытіе 2000 столбцевъ въ одномъ подвалѣ Печерскаго монастыря, сдѣланное недавно Преосв. Іаковомъ, Епископомъ Нижегородскимъ. См. «Чтенія въ Общ. ист. и древн. Росс.», Годъ 3-й, N. 3, Отд. I, стр. 33.

[226] «Plurima ibi extruuntur Basilianorum coenobia. His magni sunt agrorum reditus. Nam tertiam fundorum partem totius imperii tenent monachi». Rerum Moscoviticarum. Scriptores varii. Francof. 1600.

и относящимся ко второй половинѣ XVII столѣтія. По словамъ его, во владѣніи Патріарха, четырехъ Митрополитовъ, десяти Архіепископовъ, одного Епископа и монастырей, находилось, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, около 118,000 дворовъ: [227] но самыя достовѣрныя и точныя, хотя и не обнимающія всѣхъ составныхъ частей церковной собственности, извѣстія относятся къ половинѣ XVIII столѣтія, т. е., къ тому времени, когда уже приняты были рѣшительныя мѣры къ обращенію имуществъ духовенства въ вѣдомство казны.

Изъ оффиціальныхъ актовъ того времени оказывается, что всего во владѣніи монастырей и каѳедръ Православнаго исповѣданія, за исключеніемъ находившихся въ Малороссіи и западныхъ губерніяхъ числилось тогда 910,866 душъ. [228] Къ сожалѣнію, о количествѣ, принадлежавшихъ въ то время духовенству земель и другихъ угодій, мы не имѣемъ никакихъ печатныхъ свидѣтельствъ, хотя и объ этомъ предметѣ, по всей вѣроятности, сохранились оффиціальныя свѣдѣнія въ дѣлахъ бывшей Коллегіи Экономіи, завѣдывавшей въ XVIII столѣтіи управленіемъ всѣхъ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ, вотчинъ.

Нѣтъ никакой нужды доказывать, что эти опредѣленія объема церковныхъ владѣній имѣли бы для насъ еще болѣе значенія и точности, если бы мы могли узнать то отношеніе, въ которомъ находилось пространство имѣній духовенства къ пространству имуществъ государственныхъ и частныхъ. Но, во первыхъ, отношеніе это, какъ очевидно съ перваго взгляда, не могло оставаться постоянно одинаковымъ, но должно было неминуемо подвергаться безпрерывнымъ, болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ; а во вторыхъ, ни за одинъ періодъ времени нельзя опредѣлить его съ совершенною точностію, съ одной стороны, по недостатку полныхъ статистическихъ данныхъ, а съ другой по неизвѣстнюсти, въ которой находимся мы до сихъ поръ относительно происхожденія и развитія какъ частной, такъ и казенной земельной собственности въ Россіи. Можно замѣтить только, что ни въ половинѣ XVIII столѣтія, ни въ тотъ періодъ времени, къ которому относится свидѣтельство Котошихина, имѣнія духовенства не могли превосходить своимъ объемомъ имуществъ, принадлежавшихъ лицамъ свѣтскаго званія; доказывать первое

---

[227] Котошихинъ, стр. 114.

[228] См. главу X.

мы считаемъ совершенно безполезнымъ; что же касается до втораго, то достаточно будетъ сослаться на свидѣтельство самого Котошихина, который, означивъ съ точностію число дворовъ, принадлежащихъ Царю и духовенству, находитъ невозможнымъ опредѣлить съ такою же точностію объемъ частной собственности: «и за всѣми тѣми чинами, говоритъ онъ, сколько будетъ числомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, того написати не мочно». [229] По словамъ его, Патріархъ, одинъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ духовнаго званія, имѣлъ не болѣе 7000, тогда какъ между Боярами были такіе, которые имѣли по 10, по 12, по 15, и даже по 17,000 дворовъ. Что касается до древнѣйшихъ временъ, то въ отношеніи къ нимъ можно дѣлать только догадки, болѣе или менѣе правдоподобныя, но едва ли подлежащія строгому доказательству. Можно бы было предположить, на примѣръ, что въ началѣ земельныя владѣнія Церкви превосходили въ болѣе или менѣе значительной степени земельныя владѣнія частныхъ лицъ. [230] Въ пользу этой догадки можно было бы привести и относительно большее количество извѣстій, сохранившихся отъ древнѣйшихъ временъ, о вотчинахъ духовныхъ сословій, и дѣлаемое нѣкоторыми писателями предположеніе о позднемъ развитіи въ Россіи частной земельной собственности. Но доказательства эти, какъ ни кажутся они основательными и правдоподобными, легко могутъ быть опровергнуты. Извѣстія о существованіи частныхъ вотчинъ въ древнѣйшія времена могли дойти до насъ въ такомъ маломъ количествѣ не отъ чего другаго, какъ отъ случайныхъ, весьма возможныхъ, утратъ. Съ другой стороны и предположеніе о позднемъ развитіи у насъ частной собственности само по себѣ есть не болѣе, какъ предположеніе, вовсе еще неподкрѣпленное положительными доказательствами.

Но повторяемъ: въ этомъ случаѣ можно дѣлать только догадки, болѣе или менѣе приближающіяся къ истинѣ; рѣшительнаго, окончательнаго сужденія о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ видовъ земельнаго владѣнія, нельзя будетъ произнести до тѣхъ поръ, пока не накопится большаго числа историческихъ данныхъ и пока не разъяснится вполнѣ общій вопросъ о происхожденіи и развитіи въ Россіи какъ частной, такъ и государственной собственности.

---

[229] Котошихинъ, стр. 115.

[230] Это именно предположеніе развиваетъ г. Лакіеръ въ сочиненіи своемъ: «О помѣстьяхъ и вотчинахъ».



Разсмотрѣвъ земельныя богатства Русской Церкви со стороны ихъ объема, постараемся теперь разсмотрѣть ихъ въ другомъ отношеніи, въ отношеніи къ роду и свойству тѣхъ имуществъ, которыя входили въ ихъ составъ. Къ сожалѣнію, и въ этомъ вопросѣ выводы наши не могутъ имѣть надлежащей точности, съ одной стороны, въ слѣдствіе отрывочности и неполноты тѣхъ данныхъ, которыя находятся въ нашихъ рукахъ, а съ другой, въ слѣдствіе того, что въ составныхъ своихъ частяхъ собственность церковная измѣнялась также часто, какъ и въ своемъ объемѣ. Мы можемъ замѣтить только, что владѣнія Русской Церкви были чрезвычайно разнообразны, и что въ рукахъ нашего духовевства сосредоточивались въ прежнее время недвижимыя имущества всякаго рода. Въ числѣ этихъ разнородныхъ имуществъ особеннаго вниманія, частію по своей многочисленности, частію по прибыльности ихъ для духовенства, заслуживаютъ слѣдующія:

1. Домы, дворы и подворья. Кромѣ дворовъ Архіерейскихъ, находившихся въ каждомъ епархіальномъ городѣ, [231] и кромѣ дворовъ церковныхъ, составлявшихъ принадлежность самой церкви и служившихъ для жительства причта, [232] мы находимъ еще въ актахъ частыя указанія на существованіе домовъ, составлявшихъ отдѣльную собственность лицъ бѣлаго духовенства [233] и такъ

[233] Что каждый епархіальный архіерей имѣлъ въ мѣстѣ своего пребыванія домъ, или дворъ, очевидно само по себѣ и не требуетъ доказательствъ. Такъ Митрополитъ Всероссійскій имѣлъ свой дворъ въ Москвѣ; туда вводились торжественно вновь посвященные Митрополиты; на дворѣ этомъ было нѣсколько зданій: хоромы, конюшни, задній дворъ и т. под. (См. Карамз., т. VIII, стр. 46, прим. 153; т. IX, прим. 268, 273). Дворъ Архіепископа Новгородскаго въ Новгородѣ игралъ важную роль въ историческихъ событіяхъ этого города и объ немъ безпрестанно упоминается въ Новгородскихъ лѣтописяхъ (См., на пр., «Полн. Собр. Русс. Лѣтоп.», т. III, стр. 7, 9, 20, 31, 37, 39, 43, 44, 45, 59, 65, 67, 69, 70, 73, 75, 79, 89, 97, 102, 102, 111, 112, 114, 129, 134, 145, 146, 149, 180, 219). Нѣкоторые изъ Архіереевъ имѣли дворы и подворья въ другихъ городахъ; такъ Митрополитъ Московскій имѣлъ нѣсколько дворовъ въ Новгородѣ, которые подарены ему были Новгородцами въ концѣ XIV столѣтія («Полн. собр. Русс. лѣтоп.», т. IV, стр. 99). Въ сошной на Муромскій посадъ 1574 года сказано: «Въ Муромѣ же на посадѣ дворы бѣлые: въ Успленской улицѣ дворъ владыки Резанскаго, а живутъ на немъ десятильники» («Акты Юридич.», N. 229).

[232] См. ниже, прим. 265.

[233] См. ниже, прим. 268.

называемыхъ монастырскихъ подворій, находившихся въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно же въ столицѣ. Подворья эти служили главнымъ образомъ для жительства настоятелей и монаховъ, пріѣзжавшихъ въ городъ на время, или проживавшихъ въ немъ постоянно для исправленія монастырскихъ надобностей и дѣлъ. Такъ какъ многіе монастыри владѣли вотчинами въ разныхъ мѣстахъ, часто весьма отдаленныхъ другъ отъ друга, то имъ необходимо было имѣть въ каждомъ изъ нихъ своихъ повѣренныхъ и слугъ для ближайшаго надзора за имѣніями, находившимися въ этомъ мѣстѣ. Съ другой стороны, нѣкоторые монастыри отправляли обширную торговлю произведеніями своихъ вотчинъ и посылали ихъ въ очень отдаленныя мѣста для обмѣна на нужные имъ припасы и товары. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ по преимуществу сосредоточивались дѣла этого рода, они содержали также дворы и подворья какъ для храненія запасовъ, такъ и для жительства повѣренныхъ, завѣдывавшихъ монастырскимъ торгомъ. Наконецъ, необходимость имѣть въ столицѣ постоянныхъ ходатаевъ по своимъ дѣламъ и посылать туда, въ случаѣ нужды, особыхъ уполномоченныхъ, побуждала также важнѣйшіе изъ монастырей къ пріобрѣтенію и содержанію въ Москвѣ особыхъ подворій. По всѣмъ этимъ причинамъ имущества такого рода были весьма многочисленны; нѣкоторые изъ монастырей имѣли даже по нѣсколько подворій въ одномъ и томъ же городѣ: Троицкій Сергіевъ, на примѣръ, имѣлъ ихъ три въ одной Москвѣ: въ Кремлѣ, въ Китай-городѣ и на Неглинной; Пѣшношскій имѣлъ одно подворье въ Москвѣ и другое въ Дмитровѣ; изъ послѣдняго примѣра видно, что нѣкоторые монастыри владѣли иногда дворами и въ различныхъ городахъ. [234]

---

[234] См. «Истор. описан. Троиц. Лавры», стр. 158. «Описаніе Пѣшношск. мон.», стр. 47, 105. Въ одномъ актѣ 1506 года упоминается о пяти дворахъ въ Суздалѣ, на посадѣ, принадлежавшихъ Спасо-Евѳиміеву монастырю («Акты Ист.», т. I, N. 116). Чухломской Покровской монастырь, какъ видно изъ одной грамоты 1518 года, имѣлъ два двора: одинъ въ Соли-Галицкой, на погостѣ, другой въ Чухломѣ, внутри города (Тамъ же, т. I, N. 125). Корельской Николаевской монастырь имѣлъ въ XVI столѣтіи нѣсколько дворовъ въ Ненoксѣ (Тамъ же, т. I, N. 141; т. II, N. 77). Тихвинскій Успенскій монастырь имѣлъ въ XVII столѣтіи подворье въ Новгородѣ (Тамъ же, т. II, N. 60). Суздальскій Покровскій въ Суздалѣ на посадѣ (Тамъ же, т. II, N. 73). Архангелогородскій въ Холмогорахъ «для монастырскаго пріѣзду», въ Ненoксѣ и въ



2) Разныя хозяйственныя строенія и заведенія, на примѣръ: амбары и житницы для храненія монастырскихъ припасовъ и товаровъ, [235] гостинные дворы, лавки, харчевни и бани, которыми въ прежнія времена, когда духовенству еще дозволялось заниматься торговлей, владѣли въ городахъ и посадахъ духовныя заведенія и лица, [236] мельницы и другія сельско-хозяйственныя заведенія, бывшія иногда принадлежностію населенныхъ имѣній, иногда же имѣвшіе значеніе особыхъ, самостоятельныхъ имуществъ. [237] Сюда же можемъ мы отнести соляныя варницы, составлявшія въ прежнія времена, и по числу, и по доходности своей, одну изъ самыхъ значительныхъ отраслей церковнаго богатства; многіе изъ монастырей владѣли имуществами этого рода; нѣкоторые, и въ особенности Соловецкій, производили обширный соляный промыслъ добывали соль изъ источниковъ, находившихся на ихъ земляхъ, вываривали ее въ своихъ заведеніяхъ и развозили потомъ по всей Россіи, для промѣна на деньги, или другіе припасы. Для нѣкоторыхъ изъ монастырей въ промыслѣ этомъ заключался даже не только важнѣйшій, но и единственный источникъ дохода. [238]

3) Земли ненаселенныя съ ихъ принадлежностями, пустоши и порозжія мѣста, лѣса, пожни и сѣнокосы, луга и пасть-

---

Унѣ (Тамъ же, т. II, N. 86; т. III, N. 70). Сійскій Антоніевъ имѣлъ на пріѣздъ дворы для промысловъ, на Холмогорахъ и на Емецкомъ стану, и на Вологдѣ, и въ Унѣ и въ Неноксѣ» (Тамъ же, т. III, N. 95). Вообще примѣры такого рода представляются во множествѣ.

235 См., на пр., «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 16, 48. «Акты Юридич.», N. 34, 81.

236 См., на пр., «Дополн. къ Акт. Истор.», т. II, N. 64, 229. «Акты Юридич.», N. 335. «Опис. Пѣшн. мон.», стр. 105. Пѣшношскій монастырь имѣлъ одинъ 20 торговыхъ лавокъ въ принадлежавшемъ ему селѣ. О запрещеніи духовенству заниматься торговлею см. ниже примѣч. къ главѣ VIII.

237 См. на пр. «Опис. Пѣшнош. монаст.», стр. 51, 53, 106. «Акты Археограф. Экспед.», т. II, N. 161. «Акты Юридич.», N. 37, 421 и др.

238 См. «Акты Истор.», т. I, N. 49, 93, 113, 144, 158, 181; т. II, N. 64, 336, 339, 343; т. III, N. 61, 74, 95, 97, 104, 119, 120; стр. 268, N. 175, 217; т. IV, N. 71, 254; т. V, N. 18, 90, 115, 116. «Акты Археогр. Эксп.», т. II, N. 77; т. III, N. 15, 45, 59, 86, 110, 202, 283. «Дополн. къ Акт. Историч.», т. I, N. 26, 46, 111, 140, 223; т. II, N. 77. «Акты Юридич.», N. 85, 90, 227. Вообще о соляныхъ промыслахъ монастырей подробнѣе сказано будетъ ниже, въ главѣ VI.

бища, бобровыя и бортныя ухожья, озера, рѣки и болота. [239] Особенную важность имѣли для духовенства воды; рѣдкій изъ монастырей не былъ снабженъ рыбными ловлями; для многихъ обителей они составляли или главнѣйшее, или исключительное средство содержанія. Кромѣ того многія, изъ духовныхъ заведеній пользовались правомъ производить рыбную ловлю въ чужихъ, чаще всего казенныхъ водахъ и въѣзжать въ Княжескія, Царскія или частныя лѣса для рубки дровъ на монастырскія и церковныя надобности. [240]

4) Земли населенныя, не только села, деревни и починки, составлявшія до половины XVIII столѣтія главную и важнѣйшую часть церковнаго богатства, но даже цѣлые слободы, посады и города, населенные по большей части людьми торговыми и промышленными. [241] Послѣдній родъ населенныхъ имуществъ оставался,

---

[239] Во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ духовенству, помѣщенныхъ въ различныхъ изданіяхъ Археографической Коммиссіи, упоминается безпрестанно объ имуществахъ этого рода. Въ особенности см. о лѣсахъ «Акты Юридич.», N. 1, 59. «Дополн. къ Акт. Историч.», т. I, N. 26, 48, 144; о бортныхъ ухожьяхъ: «Акты Юридич.», N. 142, 202. «Акты Историч.», т. I, N. 15, 80, 108; о рыбныхъ ловляхъ: «Акты Историч.», т. I, N. 55, 76, 85, 91, 96, 125, 192, 193, 223; т. II, N. 33, 64, 68; т. III, N. 60, 61, 75, 95, 97, 111, 118, 120, 129, 146; т. IV, N. 44, 67, 71, 166, 188, 213, 224, 228, 254; т. V, N. 2, 18, 22, 32, 62, 107, 115, 116, 151 (IV) 197. «Акты Археогр. Эксп.», т. III, N. 38, 114, 153. «Дополн. къ Актамъ Истор.», т. I, N. 48, 51 (XV) 130, 132, 142, 143, 223. «Акты Юридич.», N. 5, 18, 25, 73, 74, 85, 160, 179, 231, 261, 421. Ср. также примѣчаніе къ главѣ VI.

[240] См. ниже, прим, 492—493.

[241] Мы уже видѣли выше (въ главѣ II), что по извѣстіямъ нашихъ историческихъ памятниковъ, духовенству принадлежали еще въ до-Монгольскій періодъ нѣкоторые города. И въ послѣдствіи времени встрѣчается нѣсколько свидѣтельствъ о существованіи городовъ, принадлежавшихъ монастырямъ и духовнымъ властямъ въ собственность. Такъ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ подъ 1401 годомъ сказано: «тоя же весны горѣ владычнь городокъ Молвотици». («Полн. Собр. Рус. Лѣт.», т. III, ст. 101). Въ Русскомъ Лѣтописцѣ Львова (т. III, с. 220) сказано подъ 1498 годомъ: «тое же зимы Епископъ Сарайскій Прохоръ оставилъ Епископію и сойде съ Крутицъ къ Богоявленію въ монастырь, и Князь Великій его пожаловалъ, далъ ему Звенигородъ со всѣми вотчинами» (Кажется, впрочемъ, что здѣсь идетъ рѣчь о пожалованіи не города, а доходовъ, или кормленій отъ города). Въ одной грамотѣ Царя Θедора Ивановича (1584 года) сказано: «что мѣнялъ прародитель мой Князь Великій Василій Дмитреевичь, со

впрочемъ, во владѣніи духовенства только до половины XVII вѣка; въ 1649 году предписано было всѣ слободы, принадлежавшія духовнымъ властямъ и монастырямъ, отобрать отъ нихъ, точно такъ

отцомъ своимъ Кипреяномъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всеа Русіи, взялъ Князь Великій Василей у отца своего Кипреяна Митрополита городъ Алексинъ, мѣсто домовое Святыя Богородице, съ данью и съ оброки, и съ судомъ, и разбой и татьба съ поличнымъ и съ душегубствомъ, и со всѣми пошлинами, и со всемъ съ тѣмъ, какъ купилъ Чудотворецъ Петръ Митрополитъ, съ волостьми и съ селы, и съ водами, съ рѣки, и съ озеры, и съ бобровыми ловлями, и съ бортными ухожеи, и со всѣмъ угодьи, что ни потягло изстари къ городу Олексину» («Акт. Истор.», т. I, N. 215. Ср. тамъ же, т. IV, N. 73). Въ царствованіе Михайла Ѳеодоровича Троицкой Сергіевой Лаврѣ переданъ былъ во владѣніе городокъ Радонежъ, запустѣвшій послѣ Литовскаго разоренья («Историч. опис. Троицк. Лавры», стр. 151). Надо замѣтить, впрочемъ, что прежніе города не всегда имѣли то значеніе, какое соединяется съ нынѣшними. Въ большей части случаевъ именемъ этимъ означались только крѣпости, остроги или мѣста укрѣпленныя, такъ что иногда и самый монастырь могъ носить названіе города (См. Проф. Неволина: «Общій списокъ Русскихъ городовъ»). «А будетъ въ Московскомъ государствѣ»,—говоритъ Котошихинъ,—«построенныхъ каменныхъ городовъ, кромѣ монастырей, съ 20 городовъ, или мало больше, а достаточные дѣланы всѣ деревянные, на земленыхъ валахъ и просто на землѣ; и для войны насыпаютъ тѣ городы пескомъ и каменьемъ, а для крѣпости тѣхъ городовъ копаны кругомъ глубокіе рвы и битъ деревянный частоколъ, а въ иныхъ рвахъ пущена кругомъ вода» (стр. 102). Въ одной грамотѣ XVII вѣка сказано: «Пречистые Богородицы Тихвина монастыря келарь.... и братья сказали: у насъ около дому Пречистые Богородицы осада своя, городъ рубленой и около города рвы и надолбы и строенье, и для оберегательства у насъ днемъ и ночью монастырскіе служки и посадцкіе людишки стоятъ безпрестанно своими головами, на караулѣ» («Акты Юридич.», N. 365, стр. 239). Кромѣ городовъ, духовенству принадлежали и посады; такъ посадъ Тихвинскій принадлежалъ Тихвинскому монастырю («Акты Юридич.», N. 42, 64, 69, 195, 290 (XIII) 301 (II), 321 (I—III), 326. «Акты Археогр. Экспед.», т. III, N. 267); посадъ Устюжна Желѣзопольская пожалованъ былъ Царевичемъ Владиславомъ въ пожизненное владѣніе вдовы Ивана IV, Царицы-инокини Маѳы («Акты Арх. Экспед.», т. II, N. 166). Посадъ Осташковскій населенъ былъ людьми Патріарха и монастыря Іосифова Волоколамскаго (Тамъ же, т. III, N. 321); посадъ Ненокоцкій въ Холмогорскомъ уѣздѣ пожалованъ былъ въ 1615 году Царемъ Михайломъ Ѳеодоровичемъ Кириллову Бѣлозерскому монастырю («Акты Историч.», т. III, N. 61). О слободахъ, принадлежавшихъ духовенству, и частію пожалованныхъ ему Правительствомъ, частію основанныхъ самими монастырями, упоминается довольно часто въ нашихъ актахъ. (См., на примѣръ, «Акты Историч.», т. I, N. 88, 148, 215; т. II, N. 73, 260; т. III, N. 94,

же какъ и отъ частныхъ лицъ свѣтскаго званія въ вѣдомство казны. [242] Что же касается до селъ и деревень, то ими, какъ увидимъ ниже, духовенство продолжало еще владѣть до 1764 года. Люди, жившіе въ этихъ селахъ, деревняхъ и починкахъ, и также въ слободахъ и посадахъ, пользовались сначала личною свободою и правомъ перехода на другія земли, но въ послѣдствіи укрѣплены были малу по малу за своими владѣльцами духовнаго званія. [243] Впрочемъ, духовенство и прежде этого времени имѣло иногда въ своемъ владѣніи рабовъ и холопей. [244] Въ XVI и XVII столѣтіяхъ многіе изъ лицъ свободнаго состоянія, «люди посадскіе и уѣздные», добровольно записывались закладчиками за духовенствомъ, желая воспользоваться тѣми преимуществами и выгодами, какія доставляло тогда покровительство столь богатаго и могущественнаго сословія; но ущербъ, происходившій отъ того какъ для казны, такъ и для другихъ свободныхъ состояній, побудилъ Правительство принять дѣятельныя мѣры къ уничтоженію этого вреднаго обычая. [245] Впрочемъ, правомъ имѣть холопей духовенство продолжало поль-

---

119, 140; т. IV, N. 73, 166; т. V, N. 23, 157. «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 148, 185, 186, 189, 201, 206. «Акты Юрид.», N. 5, 287, 290 (XII) 297, 309 (II) 312, 328 (I—II) 363. «Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 102; т. II, 161. Ср. также прим. къ главѣ VIII.

[242] См. объ этомъ подробнѣе въ примѣч. къ главѣ VIII.

[243] См. примѣч. къ главѣ VIII.

[244] Уже въ до-Монгольскій періодъ упоминается о холопяхъ Архіерейскихъ (См. выше, прим. 69 и 70). Въ Русской Правдѣ XIII столѣт. встрѣчается выраженіе: «холопи черньцы» (См. прим. 58). Ср. также ниже, въ прим. 375 выраженіе жалованныхъ грамотъ: «кого призовутъ, или окупивъ посадятъ». На такихъ «окупленныхъ людей» монастыри, по всей вѣроятности, имѣли болѣе правъ, чѣмъ на обыкновенныхъ крестьянъ.

[245] Уже въ царствованіе Өедора Ивановича, въ 1585 году запрещено было монастырямъ держать за собою въ закладчикахъ торговыхъ людей, платящихъ подати (См. ниже прим. къ главѣ VIII). Въ началѣ царствованія Михайла Өедоровича, въ слѣдствіе Литовскаго разоренія, многіе посадскіе и уѣздные люди изъ Замосковныхъ и Заукраинныхъ городовъ «заложились въ закладчики за бояръ и за великихъ людей, а податей никакихъ съ своею братью съ посадскими и съ уѣздными людьми не платятъ, а живутъ себѣ въ покоѣ». По этому въ 1619 году Земскимъ Соборомъ предписано было слѣдующее: «А которые посадскіе и уѣздные люди заложились за Митрополитовъ и за весь священный соборъ, и за монастыри, и за бояръ, и за окольничихъ, и за всякихъ чиновъ людей, и тѣмъ

зоваться и въ XVII столѣтіи, до самаго того времени, когда уничтожилось окончательно существовавшее прежде различіе между холопствомъ и крѣпостнымъ состояніемъ.[246] Наконецъ, надо замѣтить еще, что въ прежнія времена, существовало, кромѣ крестьянъ въ собственномъ смыслѣ, довольно многочисленное сословіе такъ называемыхъ архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ, совершенно соотвѣтствовавшихъ по своему значенію классу дворовыхъ людей и помѣщиковъ свѣтскаго званія: тогда какъ крестьяне занимались работами хозяйственными и преимущественно воздѣлываніемъ земли, слуги жили по большей части въ самыхъ монастыряхъ или архіерейскихъ домахъ, отправляя личную службу, или исполняя разнаго рода порученія духовныхъ властей по дѣламъ торговымъ, по управленію вотчинами, по судебному ходатайству и т. под.[247]

закладчикомъ всѣмъ указали есмя по прежнему, гдѣ были напередъ сего; а на тѣхъ людѣхъ, за кѣмъ они жили, приговорили есмя со всѣми людьми, сыскавъ, счетчи, доправити наши всякія подати за прошлые годы».—«А которые посадскіе и всякіе люди заложились за бояръ, и за монастыри, и за всякихъ людей, и тѣмъ бы людемъ гости и посадскіе и уѣздные люди давали тебѣ» (т. е., Губному Старостѣ, которому предписапо было исполненіе подвѣдомственнаго закона въ подвѣдомственномъ ему округѣ) «имяна за руками, а ты бъ по тѣмъ имяннымъ спискомъ и сверьхъ того имяннаго списку, самъ сыскивалъ, а сыскавъ и подававъ тѣхъ людей на крѣпкія поруки съ записми, велѣлъ имъ быть по прежнему за нами, и гдѣ они прежъ сего были, и наши всякія подати велѣлъ бы еси платити съ посадскими людьми вмѣстѣ по прежнему» («Акты Археогр. Экспед.», т. III, N. 105). Подобныя же мѣры принимаемы были и въ царствованіе Алексѣя Михайловича. См. ниже прим. къ главѣ VIII.

[246] Такъ, на примѣръ, въ самомъ концѣ XVII столѣтія, въ 1692 году, Нерчинской конной Козакъ, Василій Ерофѣевъ Хомунъ, подалъ Нерчинскому Воеводѣ челобитье слѣдующаго содержанія: «Въ прошломъ, де, въ 200 году Нерчинской пѣшей Казакъ Бориско Игнатьевъ волею Божіею въ Нерчинску умре, а а отходя сего свѣта, въ духовной своей написалъ сына своею кресного Мугальской породы, Васку Борисова, въ Троецкой монастырь на усть Тунгуски рѣки, и чтобъ Великіе Государи пожаловали его Васку Хомуна, велѣли изъ приказной избы въ Троецкой монастырь къ строителю съ братьею дать память, почему имъ строителю съ братьею тѣмъ парнемъ Васкою владѣть». Челобитье это было дѣйствительно исполнено («Акт. Историч.», т. V, N. 222).

[247] О монастырскихъ и архіерейскихъ слугахъ, или какъ назывались они иначе, служкахъ, служебникахъ, дворовыхъ людяхъ, упоминается въ актахъ весьма часто. См. напр. «Акт. Юрид.», N. 64, 65, 88, 129, 281, 297, 309,

Исчисливъ такимъ образомъ составныя части церковнаго имущества, мы можемъ перейти теперь къ исчисленію тѣхъ лицъ, во владѣніи которыхъ имущество это находилось, или, другими словами, къ объясненію того порядка, въ которомъ распредѣлялась собственность Церкви между различными классами духовенства. Здѣсь мы должны положить прежде всего необходимое различіе между вотчинами, составлявшими собственность духовныхъ сословій съ одной стороны, и вотчинами, принадлежавшими отдѣльнымъ лицамъ духовнаго званія съ другой. Къ первымъ принадлежали имѣнія: 1) Архіерейскихъ домовъ; 2) монастырей и 3) церквей; ко вторымъ имущества: 1) лицъ бѣлаго духовенства, и 2) лицъ чернаго духовенства, т. е., монаховъ и монахинь. Скажемъ теперь порознь о каждомъ изъ этихъ разрядовъ.

Имѣнія, принадлежавшія Архіерейскимъ домамъ, или точнѣе говоря, составлявшія не личную, но сопряженную съ саномъ, собственность Патріарха и духовныхъ властей, были во всѣ времена весьма многочисленны и представляли собою одну изъ важнѣйшихъ частей церковнаго земельнаго богатства. Значительность ихъ слѣдуетъ приписать всего болѣе необходимости обезпечить содержаніе высшихъ сановниковъ Церкви и многочисленнаго штата, при нихъ находившагося. Но такъ какъ значеніе и важность различныхъ Епархій и ихъ Архіереевъ были неодинаковы, то и самое количество принадлежавшихъ имъ вотчинъ было весьма различно. Многое въ этомъ отношеніи зависѣло и отъ личности самыхъ Архіереевъ; тѣмъ изъ нихъ, которые святостію своей жизни, особеннымъ умомъ и полезною какъ для Государства, такъ и для Церкви дѣятельностію, возбуждали къ себѣ особенное уваженіе, жаловалось Правительствомъ и дарилось частнымъ лицамъ наибольшее число имуществъ. Само собою разумѣется, что богаче и могущественнѣе всѣхъ былъ Патріархъ, какъ начальникъ Русской Церкви, какъ наиболѣе вліятельный изъ духовныхъ сановниковъ, поставленный въ возможность оказывать безчисленныя и самыя важныя услуги не только частнымъ лицамъ, но и самому Правительству. Около половины XVII столѣтія, во владѣніи его, по словамъ Котошихина, находилось подъ Москвою и

314, 321, 330, 346, 364, 365, 376, 423, 427. «Акт. Арх. Экспед.», т. II, N. 12, 42, 84, 168, 204, 205, 209; т. III, N. 11, 33, 69, 86: т. IV, N. 3, 14 и мног. друг.



въ городахъ, въ селахъ и въ волостяхъ.... крестьянъ больше 7000 дворовъ.[248] Въ царствованіе Петра Великаго имѣнія его, въ слѣдствіе упраздненія Патріаршества, перешли въ вѣдѣніе и распоряженіе Святѣйшаго Синода, во владѣніи котораго и оставались до 1764 г., подъ названіемъ имуществъ и крестьянъ Синодальныхъ. Около половины XVIII столѣтія, въ нихъ считалось крестьянъ до 31,468 ревизскихъ душъ.[249] Что касается до владѣній другихъ Епархіальныхъ Архіереевъ, то, по словамъ Котошихина, за четырьмя Митрополитами: Новгородскимъ, Казанскимъ, Ростовскимъ и Крутицкимъ, было вмѣстѣ подъ Москвою и въ городѣхъ, въ вотчинахъ ихъ домовыхъ, въ селахъ и въ деревняхъ, за всѣми, крестьянъ въ 12,000 дворовъ, а за десятью Архіепископами: Астраханскимъ, Сибирскимъ, Псковскимъ, Смоленскимъ, Тверскимъ, Вятскимъ, Рязанскимъ, Полоцкимъ, Вологодскимъ и Суздальскимъ, да еще за Епископомъ Коломенскимъ, считалось всего крестьянъ до 16,000 дворовъ.[250] По ревизіи 1744 года, во владѣніяхъ Архіерейскихъ домовъ, владѣніяхъ, распредѣлявшихся между ними, весьма не ровно, считалось:

				Душъ.
За	Новгородскимъ	Архіерейскимъ	домомъ	21,500
»	Московскимъ	»	»	18,681
»	Ростовскимъ	»	»	16,340
»	Тверскимъ	»	»	11,980
»	Костромскимъ	»	»	11,266
»	Казанскимъ	»	»	10,009
»	Рязанскимъ	»	»	8,502
»	Вятскимъ	»	»	8,064
»	Псковскимъ	»	»	7,947
»	Владимірскимъ	»	»	7,899
»	Крутицкимъ	»	»	7,740
«	Вологодскимъ	»	»	6,356
»	Смоленскимъ	»	»	5,169
»	Переславскимъ	»	»	4,901
»	Тобольскимъ	»	»	3,961
»	Суздальскимъ	»	»	3,520

---

[248] «Котошихинъ», стр. 114.
[249] «Истор. Росс. Іерархіи», т. VI, ст. 1055.
[250] «Котошихинъ», ст. 115.

			Душъ,
За Нижегородскимъ Архіерейскимъ	домомъ		2,895
» Коломенскимъ	»	»	2,796
» Бѣлогородскимъ	»	»	1,512
» Воронежскимъ	»	»	1,357
» Архангельскимъ	»	»	1,339
» Устюжскимъ	»	»	682. [251]

Такимъ образомъ всего во владѣніи Синода и 22 Архіерейскихъ домовъ числилось въ половинѣ XVIII столѣтія 164,414 ревизскихъ душъ. [252] Во владѣніи монастырей находилось гораздо болѣе, и именно, по словамъ Котошихина, 83,000 дворовъ, [253] а по ревизіи 1744 года, 660,185 душъ. Объяснить это явленіе не трудно, если только припомнить многочисленность монастырей, которыхъ считалось въ 1762 году до 966, [254] и особое уваженіе нашихъ предковъ къ иноческой жизни, [255] уваженіе, выражавшееся въ безпрестанномъ построеніи монастырей Правительствомъ и частными людьми и въ страсти къ постриженію, господствовавшей между Князьями, Княгинями и лицами какъ низшаго, такъ и знатнаго происхожденія. [256] Мы уже

[251] Какъ эти, такъ и приведенныя ниже цифры о числѣ крестьянъ, принадлежавшихъ монастырямъ, заимствованы нами изъ вѣдомости, приложенной къ VI части «Исторіи Россійской Іерархіи», стр. 1055—1095.

[252] За Иркутскимъ Архіерейскимъ домомъ не было вотчинъ. «Ист. Рос. Іерарх.», т. VI, ст. 1093—1094.

[253] «Котошихинъ», стр. 115: «за монастыри, которые писаны въ Уложенной книгѣ, въ вотчинахъ ихъ монастырскихъ, въ селѣхъ и въ деревнѣхъ, за всѣми, крестьянъ съ 80,000 дворовъ. Да за монастыри жъ, которые въ Лѣствицѣ и въ Уложенной книгѣ не написаны, крестьянъ съ 3000 дворовъ».

[254] «Истор. Рос. Іер.», т. II, стран. LXXX. Изъ 966 монастырей было 726 мужскихъ и 240 женскихъ.

[255] «Свѣтъ инокомъ ангели, свѣтъ же міряномъ иноки», говорили наши предки. Слова эти повторяются весьма часто въ нашихъ историческихъ памятникахъ; онѣ встрѣчаются, между прочимъ, въ знаменитомъ посланіи Ивана IV къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря («Акты Истор.», т. I, N. 204). Какъ для Ивана, такъ и для всѣхъ Русскихъ людей того времени, монашество было самымъ высшимъ идеаломъ совершенства, до какого только могъ достигнуть человѣкъ въ продолженіе земной своей жизни. Самымъ лучшимъ доказательствомъ можетъ служить страсть къ постриженію, господствовавшая между нашими предками. См. слѣдующее примѣчаніе.

[256] Наши лѣтописи и акты наполнены примѣрами добровольныхъ, или насильственныхъ, постриженій Бояръ, Князей и Княгинь, даже Царей (особенно передъ

видѣли выше, что построеніе монастырей Князьями и частными лицами необходимо влекло за собою надѣленіе ихъ вотчинами, ибо возлагало на строителей обязанность обезпечить ихъ содержаніе.

смертью). См., на пр., Карамзин. т. II, ст. 42, 53, 60, 86, 91, 129, 183, 184; прим. 34, 156, 228, 230, 251, 264, 411; т. III, ст. 45, 55, 56, 57, 62, 67, 69, 83, 88, 104, 105, 112, 122, 134, 151, 154, 156, 170; пр. 62, 77, 78, 90, 97, 142, 153, 182, 186, 190, 326, 364, 369; т. IV, ст. 23, 45, 56, 61, 70, 89, 98, 102, 117, 121, 147, 150, 167, 169, 170; пр. 39, 118, 137, 140, 147, 160, 172, 175, 181, 182, 186, 189, 240, 248, 252, 322, 325, 357, 364; т. V, ст. 12, 20, 54, 55, 60, 101, 103, 140, 186, 203, 207, 223; пр. 3, 4, 114, 119, 137, 202, 222, 254, 258, 386; т. VI, ст. 174, 209; пр. 145, 177, 199, 321, 454; т. VII, стр. 84, 193, 104; пр. 73, 329; т. VIII, ст. 31, 37, 149; т. IX, ст. 5, 12, 26, 27, 48, 54, 59, 83, 94, 96, 110, 114, 136, 161, 208, 209, 258; пр. 36, 38, 85, 86, 108, 144, 398, 758; т. X, стр. 22, 46, 48, 82, 83, 128; пр. 60; т. XI, ст. 60, 61, 73, 103, 104, 148; т. XII, стр. 61, 62, 137. Этотъ обычай Князей и знатныхъ лицъ постригаться въ старости, или передъ кончиною, начался весьма рано и, усиливаясь съ теченіемъ времени, доходилъ иногда до вредныхъ крайностей, такъ что само духовенство вынуждаемо было удерживать Князей отъ излишней ревности. Доказательствомъ можетъ служить описаніе смерти Ростислава Мстиславича въ Ипатіевской лѣтописи: «егда бо отходя житья сего маловременнаго и мимотекущаго, молвяше Семьюнови попови, отцю своему духовному: тобѣ воздати слово о томъ къ Богу, занеже възборони ми отъ постриженія. Молвяше бо Ростиславъ часто то слово къ игумену Печерьскому Поликарпу: Тогда, игумене, взяхъ мысль отъ постриженія, егда же приде ми вѣсть изъ Чернигова о Святославли смерти Олговича; молвяше же и то всегда къ игумену: Постави ми, игумене, келью добру, боюся напрасныя смерти; а что си о мнѣ Богъ устроитъ и ваша молитва...... Велику любовь имѣяше къ св. Богородици и къ святому отцу Ѳедосью; и то повѣствоваше съ Поликарпомъ по вся дни: Хотѣлъ было свободитися отъ маловременнаго и суетнаго свѣта сего, и мимотекущаго и многомятежнаго житья сего, еже преди вспоминахъ ти. Онъ же ему тако молвяше: Вамъ Богъ тако велѣлъ быти: правду дѣяти на семъ свѣтѣ, въ правду судъ судити и въ хрестномъ цѣлованьи вы стояти» («Полн. собр. Рус. лѣтоп.», т. II, ст. 94, 95). Въ Степенной Книгѣ, къ извѣстію о смерти Черниговскаго Князя Давида прибавлено слѣдующее: «Мнози невѣгласи глаголютъ: Не имѣ жены, и кромѣ міра пребывая, заповѣди Господни исправити можетъ; а съ женою и съ чады живуще, не можетъ спастися. Сей же Князь,.... не въ мірѣ ли пребывая, не всей ли земли Черниговстѣй господствуя, еже тогда бяше большее Княженіе, кромѣ Кіева? и како заповѣдь владычню исправи во всѣмъ: не имѣ ли жены, не чада ли породи, како спасеся и каковѣй славѣ сподобленъ бысть отъ Бога»? («Степен. Книга, ч. I, ст. 235).

Къ тѣмъ же самымъ послѣдствіямъ приводилъ и обычай постриженія, потому что Князья и богатыя лица, постригаясь въ тотъ или другой монастырь, естественно отдавали ему или при самомъ вступленіи въ иноческую жизнь, или въ послѣдствіи, при смерти, значительную часть своего имѣнія. [257] Желаніе быть погребен-

[257] Обычай постриженія имѣлъ вообще сильное вліяніе на обогащеніе монастырей. Каждый, вступавшій въ монастырь, обязанъ былъ принести съ собою извѣстный вкладъ, который могъ состоять какъ изъ движимыхъ, такъ и изъ недвижимыхъ имуществъ; лица богатыя часто дарили монастырямъ имущества послѣдняго рода. Изъ многихъ актовъ, подтверждающихъ это замѣчаніе, особеннаго вниманія заслуживаютъ вкладныя грамоты, помѣщенныя въ «Актахъ Юридическихъ». Въ одной изъ нихъ, 1553 года, сказано: «Се язъ Иванъ Львовъ сынъ Злобинъ далъ есми вкладу къ Пречистой и Чюдотворцу Кирилу въ Кирилловъ монастырь, свою вотчину, селцо Тимово, да деревню Михалево, да пустошь Минѣево, съ лѣсы и съ угодьи.... А похочю язъ Иванъ постричись и игумену.... меня Ивана постричи, за тѣмъ же вкладомъ» («Акт. Юрид.», N. 124); въ другой 1651 года, читаемъ: «Вложися въ домъ Пречистые Богородицы Обонѣжскіе пятины Стефанъ Агаѳоновичь Забихинъ; а вкладу своего далъ меринъ рыжъ за 10 рублевъ, да денегъ два рубли. И какъ онъ Степанъ придеть къ Пречистые Богородицы, а ко своему вкладу, жить и намъ игумену Пимену съ братьею, или кто впредь въ томъ монастырѣ по насъ иные игумены и братія будутъ, его Степана приняти и покоити его, какъ и прочую братію». (Тамъ же, N. 127. Ср. еще вкладныя грамоты, помѣщенныя подъ N. 128, 129, 130, 131). Монастыри вообще не соглашались постригать и принимать къ себѣ людей, не приносившихъ вкладовъ; такъ въ одной грамотѣ Патріарха Іова, на которую мы уже ссылались въ одномъ изъ предшествовавшихъ примѣчаній, сказано: «Били намъ челомъ съ Вятки Слободскаго города земской староста.... во всѣхъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто, а сказали: на Вяткѣ, де, въ Слободскомъ городѣ монастыря не бывало искони вѣчно, и многіе, деи, посадскіе люди и волостные крестьяне во ангельскій чинъ постричися желаютъ и имъ, деи, постричися негдѣ; а которые, де, люди наперед сего постриглися, и они, деи, волочатся безъ пристрою межъ дворъ, а отца, деи, духовнаго у нихъ близко нѣтъ, и они, деи, помираютъ безъ даровъ и безъ покаянья; а есть, деи, на Вяткѣ, въ городѣ Хлыновѣ, монастырь Успенія Пречистыя Богородицы, и тотъ, деи, монастырь отъ Слободскаго города отдалѣлъ; а которые, деи, иные посадскіе люди и волостные крестьане въ тотъ Успенской монастырь хотятъ постричися, и того, деи, Успенскаго монастыря архимаритъ Триѳонъ и старцы вкладу у нихъ просятъ дорого, съ человѣка по 10 рублевъ, и по 15, и по 20, и съ убогова, деи, человѣка меньше 10 рублевъ не возьмутъ; а кому, деи, случится постричись у себя на подворьѣ, и они, деи, безъ 5 рублевъ не постригутъ, и многіе, деи, люди помираютъ у нихъ безъ постриженія, хотя и



нымъ въ томъ или другомъ монастырѣ, также не оставалось безъ вліянія на ихъ обогащеніе; [258] а уваженіе и довѣренность, которыми пользовались многіе члены монашескаго сословія у Князей и частныхъ лицъ, давали первымъ возможность заботиться съ успѣхомъ объ увеличеніи богатства тѣхъ обителей, къ которымъ они принад-

---

желаютъ постричися; и они, деи, нынѣ городомъ и уѣздомъ въ городѣ Слободскомъ.... воздвигнули храмъ... и приговорили къ тому храму служити чернаго попа Іасафа Казанца,... и намъ бы ихъ пожаловати..... велѣти бы ему тотъ монастырь у нихъ строити, и братію собирати, и желаемыхъ постригати, чтобъ имъ впредь, которые похотятъ тутъ постричися, постригати ихъ безпенно». («Акт. Арх. Экспед.», т. II, N. 11). Въ Соборномъ опредѣленіи 1681 года сказано: «Желающихъ спасенія, приходящихъ отъ мірскихъ людей, скудныхъ и не имѣющихъ у себя имѣнія, и ихъ пріимать безвкладно въ монастырь, съ разсмотрѣніемъ» («Акт. Истор.», т. V, ст. 113).

[258] Усердіе къ обогащенію монастырей, по словамъ автора Исторіи Россійской Іерархіи, «наипаче умножилось съ тѣхъ поръ, какъ вошло въ обыкновеніе Князьямъ, Боярамъ и прочимъ въ старости, или передъ кончиною принимать на себя монашескій санъ и завѣщавать какъ самихъ, такъ и сродниковъ своихъ погребать въ монастыряхъ, дабы, при ежедневномъ и чинномъ богослуженіи, каковое всегда бывало въ монастыряхъ преимущественно предъ приходскими церквами, имѣть имъ всегдашнихъ молитвенниковъ и о душахъ своихъ». Чрезъ сіе многіе монастыри содѣлались, такъ сказать, фамильными нѣкоторыхъ знатныхъ родовъ кладбищами, и обращали къ себѣ изъ рода въ родъ благотворительное вниманіе потомковъ, почтительныхъ къ памяти своихъ предковъ» («Ист. Росс. Іерарх.», т. II, стр. VII, VIII). Вообще, чѣмъ знаменитѣе былъ монастырь, тѣмъ сильнѣе было желаніе умиравшихъ быть въ немъ погребенными. Такъ въ одной грамотѣ Михаила Өедоровича читаемъ: «Вѣдомо намъ учинилося, что Царя Бориса Өедоровича дочери, Царевны-старицы Олги не стало; а по обѣщанію, де, своему, отходя сего свѣта, приказала намъ бити челомъ, чтобъ намъ пожаловати, тѣло ея велѣти погрести у Живоначальныя Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ съ отцемъ ея и съ матерью вмѣстѣ» («Акты Археогр. Экспед.», т. III, N. 125). Въ духовной вдовы Князя Владиміра Андреевича сказано: «А благословляю свои снохи и своего внука монастыремъ Рожествомъ Св. Богородицы; а дала есьми тому монастырю, гдѣ ми самой лечи, село съ деревнями» («Собран. Госуд. грам. и догов.», т. I, 189). Въ позднѣйшее время, когда вмѣсто вотчинъ, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, на наслѣдниковъ умершихъ возлагалась обязанность давать въ монастырь по душѣ покойника, денежную цѣну его имѣнія, деньги эти, при недостаткѣ особаго о томъ распоряженія, отдавались въ тотъ монастырь, гдѣ завѣщалъ похоронить себя умершій (См. «Сборникъ Муханова», N. 140 и примѣч. 184), въ которомъ изложено содержаніе помѣщенной подъ этимъ N. грамоты.

лежали. Наконецъ, надо замѣтить и то, что для людей, старавшихся обезпечить поминовеніе, а слѣдовательно и спасеніе своей души, монастыри имѣли особенную важность, потому что всего болѣе дѣйствительности и силы можно было ожидать отъ такихъ молитвъ, которыя возносились цѣлымъ собраніемъ людей, отказавшихся отъ міра и часто прославившихся святостію своей жизни. Послѣднее обстоятельство объясняетъ намъ также причину крайне неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ между различными монастырями. Понятно, что какъ Правительство, такъ и частныя лица были гораздо щедрѣе къ обителямъ, прославившимся подвигами своихъ основателей, чистотою жизни ихъ преемниковъ, самою древностію своей, чѣмъ къ монастырямъ, недавно возникшимъ, мало извѣстнымъ и не успѣвшимъ обратить на себя вниманія людей благочестивыхъ и преданныхъ Вѣрѣ. Притомъ же нѣкоторыя изъ обителей, различными, иногда весьма значительными, услугами, оказанными Правительству въ разныя времена, пріобрѣли себѣ право на особенную благосклонность и щедрость; [259] другіе, въ слѣдствіе нѣкоторыхъ случайныхъ обязательствъ, какъ, на пр., мѣстныхъ условій, или личныхъ свойствъ ихъ настоятелей, пользовались особенною милостію Царей, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой любимый монастырь, куда пріѣзжалъ довольно часто молиться Богу, отдыхать отъ мірскихъ заботъ и заниматься охотою, самымъ обыкновеннымъ увеселеніемъ прежняго времени. [260]

---

[259] Для примѣра можно привести Троицкій Сергіевъ монастырь. Извѣстны многочисленныя услуги, оказанныя имъ Правительству въ разныя времена, но особенно въ княженіе Донскаго, и въ эпоху междуцарствія (См. «Историч. опис. Свято-Троицк. Серг. Лавры», М. 1842). Имѣя въ виду это политическое значеніе Троицкой Лавры, не мудрено объяснить себѣ причину необыкновенной къ нему благосклонности и щедрости нашихъ Царей. Мы увидимъ ниже, что въ XVII столѣтіи, когда принимались уже мѣры къ ограниченію правъ духовенства, въ пользу обители Св. Сергія дѣлались почти всегда изъятія изъ общихъ узаконеній.

[260] Такъ, на пр., любимою обителью Царя Алексѣя Михайловича былъ Саввинъ Сторожевскій монастырь, въ которомъ открыты были въ его царствованіе мощи Преп. Саввы. Онъ весьма часто ѣздилъ въ этотъ монастырь на богомолье, живалъ тамъ по нѣскольку дней вмѣстѣ съ Царицею и Царевнами, занимался охотою въ окрестныхъ лѣсахъ, имѣлъ тамъ дворецъ на случай своихъ пріѣздовъ и каждый разъ щедро одарялъ братію. Съ 1650 по 1668 годъ онъ пожертвовалъ на всякіе монастырскіе расходы до 36,000 рублей, а архимандриту и старцамъ раздалъ до 10,000 рублей. За двѣ недѣли до своего пріѣзда, онъ

Наконецъ, къ пожалованію вотчинъ извѣстнымъ монастырямъ преимущественно предъ другими, содѣйствовало иногда и то обстоятельство, что монастыри эти основаны были въ честь тѣхъ святыхъ, къ которымъ дарители чувствовали особенное уваженіе и довѣренность. [266] По всѣмъ этимъ причинамъ, въ то самое время, какъ нѣкоторые монастыри владѣли многочисленными вотчинами въ различныхъ, часто весьма отдаленныхъ другъ отъ друга, областяхъ, [267] и

высылалъ обыкновенно своихъ сытниковъ въ монастырь, для варенія пива, меду, браги и кваса. Говорятъ даже, что по особенной ревности своей къ этой обители, онъ не позволялъ никому другому обогащать вкладами и приношеніями; ему казалось, что дары другихъ служили бы доказательствомъ недостатка собственныхъ его щедротъ. Кромѣ денежныхъ вкладовъ, онъ давалъ этому монастырю разныя вотчины и угодья. Въ 1651 году онъ далъ ему жалованную грамоту на рыбныя ловли въ Москвѣ рѣкѣ отъ Дубенскаго броду до Рузы, и по рѣкамъ Рузѣ, Озернѣ и Веземкѣ. Въ 1654 году, отправляясь въ походъ противъ Польши, онъ остановился въ деревнѣ Нарѣ, Верейскаго уѣзда. Здѣсь, какъ говоритъ преданіе, явился ему во снѣ Преп. Савва и, предсказавъ побѣду, велѣлъ взять въ походъ свой образъ, писанный Діонисіемъ. Возвратившись изъ похода съ побѣдою, Царь пожаловалъ монастырю Нару со всѣми крестьянами и угодьями; кромѣ того, въ память чуднаго явленія Саввы, велѣлъ построить въ Нарѣ часовню. Въ 1656 году онъ подарилъ монастырю рыбныя ловли въ Уфимскихъ водахъ, на рѣкахъ Камѣ и Бѣлой Волошкѣ. Въ 1660 году онъ присоодинилъ къ монастырскимъ отчинамъ Надѣинское усолье въ Казанскомъ уѣздѣ, съ селами, 6 соляными варницами, мельницами, лѣсными угодьями и рыбными ловлями по рѣкамъ Усѣ и Волгѣ, а въ Самарскомъ уѣздѣ Лопатинскія и Васильчиковы воды. Въ слѣдующіе годы Царь далъ на эти угодья охранительную и безпошлинную грамоты. Кромѣ того онъ взялъ Саввинъ монастырь въ непосредственное свое вѣдѣніе и распоряженіе, подчинивъ его по всѣмъ дѣламъ Приказу Тайныхъ Дѣлъ и приписавъ къ нему въ разное время до 14 монастырей. См. составленное Смирновымъ «Описаніе Саввино-Сторожевскаго монастыря».

[266] Такъ въ жалованной грамотѣ Михаила Өедоровича Сійскому Антоніеву монастырю сказано: «Монастырскую вотчину велѣлъ дѣдъ нашъ, Государь, Царь и В. Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи обѣлити, за милостинной хлѣбъ, для сына своего, Царевича Ивана Ивановича всеа Русіи, что Царевичь Иванъ Ивановичь къ Чюдотворцу Антонію вѣру держалъ, и стихиры и канонъ творенія Царевича Ивана Ивановича всеа Русіи» («Акты Историч.», т. III, N. 95).

[267] Такъ, на прим., вотчины Троицкаго Сергіева монастыря были разсѣяны въ самыхъ различныхъ мѣстахъ, по нынѣшнему раздѣленію Имперія, въ 15 губерніяхъ, а именно: во Владимірской, Московской, Тверской, Нижегородской, Костромской, Ярославской, Казанской, Калужской, Симбирской, Пензенской,

одна Троицкая-Сергіева Лавра имѣла въ своемъ владѣніи болѣе 100,000 душъ, многіе монастыри имѣли едва по сотнѣ крестьянъ, а нѣкоторые, вовсе не получивъ населенныхъ вотчинъ, разработывали сами принадлежавшія имъ пустоши, состояли на ругѣ, или же, наконецъ, содержались добровольными приношеніями мѣстныхъ жителей, находясь вообще въ весьма незавидномъ и крайне бѣдномъ положеніи. [26] Всего по ревизіи 1744 года, во владѣніи монастырей различныхъ Епархій, числилось крестьянъ:

Орловской, Рязанской, Новгородской, Архангельской и Вологодской (См. «Опис. Троицк. Серг. Лавры», стр. 158). Кирилловъ монастырь въ просьбѣ своей Шуйскому (1606 г.) говорилъ: «Монастырская, де, вотчина въ разныхъ городахъ, въ Московскомъ, и въ Коломенскомъ, и въ Дмитровскомъ, и въ Бѣжецкомъ Верху, и въ Ростовскомъ, и въ Костромскомъ, и въ Углицкомъ, и въ Пошехонскомъ, и въ Вологоцкомъ уѣздѣ» («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 152). Даже и менѣе значительные монастыри имѣли вотчины въ разныхъ уѣздахъ; такъ владѣнія Пѣшношской обители находились въ уѣздахъ: Дмитровскомъ, Клинскомъ, Тверскомъ и Кашинскомъ (См. «Описан. Пѣшнош. монаст.», стр. 104, 105.

26 Акты XVI и XVII столѣтій показываютъ, что нѣкоторые монастыри были чрезвычайно бѣдны. Такъ въ 1549 году монахи Важескаго Богословскаго монастыря писали въ челобитной своей Ивану IV: «что, де, у нихъ у монастыря пашенка не велика, и коли, де, они что хлѣбца всѣютъ, и тотъ, де, у нихъ хлѣбъ ежелѣто морозомъ побиваетъ, и имъ, де, и прокормитися не чѣмъ, а ихъ, де, въ томъ монастырѣ въ пустынкѣ 30 братовъ и съ игуменомъ; и мнѣ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ дати милостыня съ году на годъ, чтобъ какъ имъ мочно прокормитися» («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 33). Въ челобитной Корельскаго Николаевскаго монастыря Михаилу Ѳеодоровичу (1617 года) сказано: «Стоитъ, де, монастырь Николы Чюдотворца подлѣ моря, а пашни, де, хлѣбныя нѣтъ около монастыря ни которые, съ одну сторону море, а съ иные стороны прилегли мхи и болота, а питаются, де, они тѣмъ: варятъ соль; а сколько соли сварятъ, и они, де, ту соль продаютъ на Вологдѣ, а на тѣ деньги купятъ хлѣба и монастырьскаго всякаго запасу.... и намъ бы ихъ пожаловати для ихъ бѣдности и разоренья и великихъ долговъ и т. д.....» («Акты Истор.», т. III, N. 73). Въ 1627 году Верхотурскій Николаевскій монастырь жаловался, что у него «казны.... монастырскія нѣтъ.... пашни пашутъ собою.... и монастырьскія пашни запустѣли, и нынѣ, де, они питаются въ мірѣ Христовымъ именемъ» (Тамъ же, т. III, N. 148). Въ 1645 году Верхотурскій Покровскій дѣвичій монастырь изъяснялъ въ своей челобитной, что у него «церковь ветха гораздо и не велика, и у кельи углы огнили и обвалились, и ограды, де, около монастыря нѣтъ, а нынѣ, де, ихъ въ томъ въ Покровскомъ монастырѣ 20 старицъ, скитаются промежъ дворъ, а пашни, де, имъ собою завесть и пашенныхъ крестьянъ надѣлить нечѣмъ; и намъ бы ихъ по-

Въ Епархіи	Московской	70,487
» »	Новгородской	51,514
» »	Вологодской	40,172
» »	Ростовской	38,078
» »	Вятской	33,948
» »	Переславской	23,978
» »	Рязанской	22,640
» »	Суздальской	21,247
» »	Тверской	19,697
» »	Нижегородской	17,541
» »	Костромской	17,327
» »	Архангельской	16,294
» »	Казанской	14,424
» »	Псковской	12,970
» »	Крутицкой	11,148
» »	Владимірской	9,659
» »	Тобольской	9,224
» »	Устюжской	7,139
» »	Бѣлогородской	5,752
» »	Коломенской	5,554
» »	Смоленской	3,924
» »	Иркутской	2,241
» »	Воронежской	982
Кромѣ того за Ставропигіальными монастырями		204,244
	Всего:	660,185

жаловати, велѣти въ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ церковь, и въ церкви образы, и книги, и колокола, и кельи, и ограду устроить, а имъ игуменьѣ, и старицамъ учинить нашу годовую денежную и хлѣбную ругу, чтобъ имъ волочась межъ дворы, голодною смертью не помереть» (Тамъ же, т. III, N. 247). Вообще дѣвичьи монастыри были бѣднѣе мужескихъ; въ соборномъ опредѣленіи 1681 года сказано: «А женска полу, которыя безчинно постригались внѣ монастыря, въ домѣхъ своихъ и нынѣ ходятъ по мірскимъ домамъ и садятся по улицамъ и по переулкамъ, просятъ милостыни, и на такихъ старицъ, безчинно постриженныхъ, коемуждо архіерею, во своей епархіи, пріискать мужескіе монастыри съ вотчинами, по своему разсмотрѣнію (потому что дѣвическихъ монастырей мало съ вотчинами и прокормиться безъ вотчинъ въ монастырѣхъ нечѣмъ), и устроить монастыри старицамъ» («Акты Истор.», т. V, стр. 113). Ср. еще выше, прим. 123, 124.

Во владѣніи отдѣльныхъ монастырей, по той же ревизіи 1744 года, считалось крестьянъ:

1) Во владѣніи мужскихъ монастырей:

Троицкаго-Сергіева	106,600
Александро-Невскаго	25,464
Успенскаго-Трифонова	23,859
Кирилло-Бѣлозерскаго съ приписными	21,590
Саввино-Сторожевскаго	16,047
Московскаго-Новоспасскаго	14,125
Спасо-Ярославскаго	13,981
Новоіерусалимскаго-Воскресенскаго	13,660
Московскаго Симонова	12,146
Іосифова-Волоколамскаго	11,422
Пафнутьева-Боровскаго	11,067
Суздальскаго Спасо-Евѳиміева	9,787
Троицкаго-Калязинскаго	8,481
Нижегородскаго Печерскаго	8,236
Свіяжскаго Богородицкаго	7,247
Иверскаго	7,113
Московскаго Донскаго	6,957
Борисоглѣбскаго на Устѣ	6,785
Никольскаго Карельскаго	6,214
Высоко-Петровскаго	5,998
Хутынскаго	5,509
Солотчинскаго	5,432
Соловецкаго	5,180
Курскаго Знаменскаго	4,836
Бѣжецкаго-Антоніевскаго	4,620
Костромскаго-Богоявленскаго	4,610
Новгородскаго-Юрьевскаго	4,508
Тихвинскаго большаго	4,352
Нижегородскаго Благовѣщенскаго	4,197
Крестнаго	3,993
Псково-Печерскаго	3,919
Преображенскаго Пыскорскаго	3,823
Богословскаго	3,794
Московскаго Угрѣшенскаго	3,787

Сійскаго Антоніева	3,333
Крестовоздвиженскаго-Бизюкова	3,219
Макарьевскаго Желтоводскаго	3,171
Троицкаго Даниловскаго	3,153
Макарьевскаго Унженскаго	3,031
Углицкаго Покровскаго	2,964
Высоцкаго	2,963
Св Антонія Римлянина	2,950
Спасскаго Рязанскаго	2,943
Боровскаго	2,887
Старицкаго Успенскаго	2,871
Корниліева	2,803
Спасо-Прилуцкаго	2,798
Троицкаго Селижарова	2,785
Углицкаго Алексѣевскаго	2,596
Галицкаго Паисіевскаго	2,443
Вяземскаго Предтеченскаго	2,398
Бѣлевскаго Спасскаго	2,329
Устюжскаго Архангельскаго	2,315
Павлова Обнорскаго	2,277
Новоторжскаго Борисоглѣбскаго	2,232
Можайскаго Лужецкаго	2,212
Успенскаго Далматова	2,152
Ѳерапонтова	2,151
Тобольскаго Знаменскаго	2,136
Молчанскаго Путивльскаго	2,124
Переславскаго Никитскаго	2,038
Казанскаго Преображенскаго	1,972
Николаевскаго Радовицкаго	1,945
Святогорскаго	1,874
Николаевскаго Чернѣева	1,855
Спасо-Каменнаго	1,718
Московскаго Андроніевскаго	1,682
Московскаго Знаменскаго	1,643
Крестовоздвиженскаго Верхочепецкаго	1,629
Никольскаго Улеменскаго	1,576
Арзамазскаго Спасо-Преображенскаго	1,530
Вяжицкаго	1,490

Адріановскаго	1,486
Никольскаго Шартомскаго	1,474
Ярославскаго Тольскаго	1,447
Деревяницкаго	1,444
Богоявленскаго Авраміева	1,430
Смоленскаго Авраміева	1,427
Брянскаго Петропавловскаго	1,423
Спасо-Геннадіева	1,378
Николаевскаго Рыльскаго	1,365
Желѣзно-Боровскаго	1,361
Лихвинскаго Добраго	1,339
Владычняго	1,331
Великопустынскаго	1,304
Николаевскаго Амвросіева Дудина	1,296
Воскресенскаго Череповскаго	1,280
Тверскаго Отроча	1,275
Спасскаго Муромскаго	1,249
Московскаго Даниловскаго	1,243
Козмина	1,237
Кириллова	1,235
Богоявленскаго-Голутвинскаго	1,234
Борисоглѣбскаго Дмитровскаго	1,214
Александро-Свирскаго	1,168
Лютикова	1,153
Троицкаго Истобенскаго	1,121
Богородицкаго Бобренева	1,111
Тихонова Никольскаго	1,081
Смоленскаго Троицкаго	1,077
Колоцкаго Можайскаго	1,069
Спасскаго Поликарпова	1,058
Московскаго Богоявленскаго	1,014
Троицкаго Гледенскаго	994
Болдина Троицкаго	972
Мещовскаго Юрьевскаго	963
Святогорскаго	957
Мироцкаго	952
Троицкаго Дорогожанскаго	944
Муромскаго Борисоглѣбскаго	932

Углицкаго Воскресенскаго	919
Городецкаго Авраміева	838
Троицкаго Усть-Шехонскаго	821
Кирилова-Новоезерскаго	816
Троицкаго Кодинскаго	775
Шеренской Богородичной пустыни	771
Архангельскаго въ Юрьевѣ Повольскомъ	757
Сновицкаго	752
Троицкаго на устьѣ р. Павловы	752
Иркутскаго Вознесенскаго	741
Духова	734
Отенскаго	727
Боголюбова	702
Пошехонской Выксенской пустыни	697
Спасскаго Старорусскаго	679
Глушацкаго	679
Александро-Шевенскаго	657
Невьянскаго Богоявленскаго	657
Новозаозерскаго Авраміева	653
Клопскаго	649
Вознесенскаго Соликамскаго	645
Знаменскаго Кашина	616
Вознесенской Давидовой пустыни	613
Богоявленскаго Слободскаго	601
Чебоксарскаго Троицкаго	600
Никольскаго Коряжемскаго	590
Уржумскаго Спасскаго Чепочкина	585
Нижеломовскаго Богородичнаго Казанскаго	573
Кизическаго	570
Верхоязвенской Успенской пустыни	563
Московскаго Златоустова	556
Владимірскаго Спасскаго Златовратскаго	552
Верхотурскаго Никольскаго	543
Желтикова	534
Архангельскаго	529
Рафаилова Высоцкаго	524
Спасо-Евѳиміева	524
Лаврентьева Калужскаго	523

Ряснаго Дмитріева 331
Троицкаго Телегова 330
Никандровой пустыни. 319
Космодемьянскаго Гремячего 318
Николаевскаго Моденскаго 312
Московскаго Крестовоздвиженскаго. 309
Духова 306
Великолуцкаго Троицкаго Сергіева 305
Орденской пустыни. 301
Киренскаго. 300
Троицкаго у варницъ. 300
Никольской Верхоломовской пустыни. 299
Лопотова 292
Маркушенскаго 290
Богословскаго 285
Ярославскаго Аѳанасьева 274
Троицкаго Елецкаго. 273
Никольскаго Переславскаго. 273
Александровской пустыни 271
Уфимскаго Успенскаго 271
Петропавловскаго Сереткина 270
Гремячаго. 268
Николаевскаго Прилуцкаго 265
Богословскаго Холуницкаго. 262
Учемской Кассіановой пустыни. 255
Преображенской Чернѣевой пустыни. 254
Великой пустыни за Городецкимъ Авраміевымъ монастыремъ 254
Ливенскаго Сергіева 250
Богородицкаго Задонскаго. 236
Арсеніева 236
Яринскаго Вознесенскаго. 236
Богородицкой Теплогорской пустыни. 234
Кресторосской и Тиховой пустыней 234
Успенской Чусовской пустыни 232
Успенскаго Шеренскаго 230
Спасова Печенскаго. 227
Анастасіина. 225

Троицкой Кодемской пустыни	75
Петровскаго Мценскаго	74
Воздвиженской Семеновой Волошской пустыни	71
Богословскаго Чердынскаго	65
Духова	62
Александровскаго на Куштѣ	60
Георгіевскаго	58
Мохнова	54
Развалжскаго	53
Рождественскаго Сяискаго	52
Бѣлоградскаго Николаевскаго	50
Никольской Пищуровой пустыни	50
Сягомской пустыни	50
Николаевской Кожировой пустыни	50
Валуйскаго Успенскаго	49
Дмитровской Югской пустыни	49
Спасской Рипной пустыни	48
Троицкаго Битюцкаго	48
Преображенскаго Самарина	48
Кашиношверскаго	48
Борисоглѣбскаго Переславскаго на пескахъ	48
Крестовоздвиженскаго	48
Малицкой Николаевской пустыни	47
Троицкаго Сыпанова	45
Успенской Проломской пустыни	42
Троицкаго Шуйскаго	42
Никольской пустыни на Сендегѣ	42
Николаевскаго Одрина	41
Крапивинскаго Троицкаго	39
Раковой пустыни	38
Заоникіевской Владимірской пустыни	38
Ломовской пустыни	36
Предтечевой Соколовой пустыни	36
Верхопаденской Николаевской пустыни	35
Данковскаго Покровскаго	33
Введенскато	33
Успенской Негренской пустыни	31
Золотниковской пустыни	29

Исааковой пустыни	27
Стороженскаго Николаевскаго	27
Перекомскаго	26
Труднаго	25
Партоминскаго	25
Суздальскаго Васильевскаго	24
Верхопожемскаго	24
Красногорскаго	22
Богородицкой Казанской пустыни	21
Кодлоезерской пустыни	18
Троицкой Синозерской пустыни	17
Рождественской Голубинской пустыни	17
Лосиноборскаго Преображенскаго	17
Никольской Столпенской пустыни	17
Архангельской пустыни	16
Любецкаго	16
Доснеѳевой пустыни	16
Верхней пустыни Авраміева монастыря	15
Троицкаго Лисогорскаго	13
Туринскаго Николаевскаго	13
Ниловой пустыни	13
Спасородогожской пустыни	13
Спасской Забережной пустыни	13
Тихвинской пустыни	12
Зоринской пустыни	10
Южной Дороѳеевой пустыни	9
Преображенскаго Селилуцкаго менастыря	9
Дуниловой пустыни	9
Никольской Борщевской пустыни	8
Сыренской пустыни	8
Никольской пустыни въ Красныхъ горахъ	8
Введенской Озерской пустыни	7
Осиновской пустыни	7
Предтечевой Яменской пустыни	7
Николаевскаго Черноострожскаго монастыря	7
Кинешемскаго Преображенскаго	6
Солдовскаго монастыря	6
Никольской Мокрой пустыни	6

Дружинской пустыни	6
Преображенскаго Толшевскаго	5
Печенской пустыни	5
Палеостровскаго монастыря	3
Рождественской на Надогѣ пустыни	3
Никольской Гнилушской пустыни	2
Успенской Седмигорской пустыни	2
Богоявленской пустыни	2
Спасскаго Вожеозерскаго монастыря	1

2) Во владѣніи дѣвичьихъ монастырей:

Московскаго Вознесенскаго	15,581
Московскаго Новодѣвичьяго	14,480
Покровскаго	7,427
Аграфениной дѣвичьей пустыни	2,244
Московскаго Алексѣевскаго	1,586
Тихвинскаго Введенскаго	1,338
Ѳедоровскаго	1,338
Московскаго Рождественскаго	1,009
Срѣтенскаго	1,007
Московскаго Георгіевскаго	757
Костромскаго Крестовоздвиженскаго	678
Троицкаго Белбашскаго	520
Курскаго Троицкаго	455
Звѣринскаго	452
Спасораевскаго Кезовскаго	445
Десятинскаго	400
Новоторжскаго Воскресенскаго	395
Евѳиміева	390
Знаменскаго	355
Московскаго Зачатейскаго	343
Ризположенскаго	324
Старовознесенскаго	310
Лихвинскаго Аѳанасіева	280
Богоявленскаго	255
Енисейскаго Рождественскаго	249
Воскресенскаго	224
Сыркова	224
Предтечева	221

Ильинскаго съ Запсковья	220
Богородицкаго Лыскова	196
Рождественскаго	194
Нововознесенскаго	179
Перемышльскаго Рождественскаго	174
Покровскаго	169
Можайскаго Петровскаго	146
Зачатейскаго	144
Александро-Успенскаго	113
Владимірскаго Успенскаго	109
Казанскаго Богородицкаго	100
Іоакимовскаго	97
Галицкаго Никольскаго Староторжскаго	97
Смоленскаго Вознесенскаго	93
Брянскаго Вознесенскаго	77
Архангельскаго	75
Ильинскаго съ Завелисья	75
Сокольницкаго	67
Московскаго Ильинскаго	66
Рябининой пустыни	63
Воскресенскаго Бродскаго	60
Новгородскаго Ильинскаго	57
Успенскаго съ Опочки	55
Рождественскаго съ Изборска	53
Старорусскаго Успенскаго	50
Зачатейскаго (Костромскаго)	48
Введенскаго	47
Дмитровскаго Варварскаго	44
Медовскаго	36
Курмышскаго Троицкаго	24
Тресвятительскаго	20
Духова съ Усохи	20
Варваринскаго	19
Богородицкаго Елецкаго	12
Порхова Рождественскаго	6
Александровскаго Суздальскаго	3
Усольскаго Рождественскаго	3
Лазарева	1

Кромѣ монастырей и домовъ Архіерейскихъ, участіе въ поземельномъ владѣніи принимали еще и церкви. Но въ этомъ отношеніи необходимо различать церкви соборныя отъ приходскихъ. Первыя владѣли богатыми вотчинами съ самыхъ древнихъ временъ; но ихъ имѣнія такъ смѣшиваются обыкновенно въ актахъ съ имѣніями епархіальныхъ Архіереевъ, что отличить ихъ другъ отъ друга весьма трудно. Въ большей части случаевъ собственность собора была вмѣстѣ съ тѣмъ и собственностію Архіерея, особенно, если соборъ принадлежалъ къ числу, такъ называемыхъ, каѳедральныхъ. Впрочемъ, встрѣчаются примѣры существованія и такихъ соборныхъ вотчинъ, которыя находились въ неотъемлемомъ и полномъ владѣніи соборянъ и въ завѣдываніи которыми Архіерей не принималъ ни малѣйшаго участія. [264] Что касается до церквей приходскихъ, то въ

[264] Въ жалованной грамотѣ Ивана IV Новгородскому Борисоглѣбскому собору читаемъ: «Пожаловалъ есми, въ своей отчинѣ, въ Великомъ Новѣгородѣ, Борисоглѣбскихъ поповъ, Плотенскаго Конца, Заполскіе улицы, попа Илью Филипова сына, да попа Власья Иванова сына, и весь соборъ Борисоглѣбской, или по нихъ кто у Бориса и Глѣба учнутъ иные попы впередъ служити, далъ есми въ домъ Борису и Глѣбу свою.... полянку....» («Акты Историч.», т. I, N. 151). Въ жалованной грамотѣ Бориса Годунова Тверскому Спасо-Преображенскому собору 1601 года сказано: «Пожаловалъ есмя протопопа Василья съ братьею,... что у нихъ въ Тверскомъ уѣздѣ селцо Борзиловское съ деревнями, да въ Захожскомъ стану, да въ Хорвачѣ въ Воскресенскомъ стану деревня Голцово да деревня Озерянкино, пустошь Офонасово» и т. д. («Акты Арх. Эксп.», т. II, N. 16). Въ жалованной грамотѣ Василія Шуйскаго Нижегородскимъ Преображенскому и Архангельскому соборамъ (1606 года) сказано: «Се язъ Царь.... пожаловалъ изъ Нижнего Новагорода, собора Преображенія Спасова протопопа Саву, протодьякона Ивана, попа Смирнова, да попа Кондратья, да попа Тимофея и т. д.... или кто у нихъ у тѣхъ соборовъ иные протопопы, и протодіаконъ, и попы, и діаконы будутъ..... ихъ старинными церковными угодьями, по ихъ дѣловой записи, что у нихъ дѣловая запись въ угодьѣ съ Печерскимъ монастыремъ» и т. д..... («Акты Историч.», т. II, N. 69). Въ одной грамотѣ 1640 года сказано: «Велѣли на Вагѣ, въ Шенкурскомъ острогѣ, въ Соборѣ у Архангела Михаила быть въ третьихъ попѣхъ попу Ѳедору Юрьеву.,.. и церковнымъ всякимъ доходомъ и бѣлыми церковными деревнями, и пашнею и сѣнными покосы велѣно имъ всѣмъ тремъ поверстатца, по третямъ, во всемъ по ровну» («Дополн. къ Акт. Историч.», т. II, N. 84). Изъ этихъ грамотъ ясно видно, что вотчины, о которыхъ идетъ тутъ дѣло, находились во владѣніи соборянъ, а не Архіерея. Изъ другихъ грамотъ, напротивъ, видно столь же ясно, что вотчины многихъ соборовъ, преимущественно же каѳедральныхъ, находились въ пользованіи и распоряженіи епархіальнаго Архіерея. Такъ, на пр.,

прежнія времена они рѣдко владѣли землями, и еще рѣже землями населенными. Встрѣчающіеся примѣры того и другаго владѣнія такъ малочисленны, что должны быть необходимо приняты за исключеніе изъ общаго правила. [265] Вообще и Правительство, и частныя

въ одной грамотѣ XV вѣка самъ Митрополитъ, говоря объ одномъ изъ принадлежавшихъ ему селъ, употребляетъ постоянно выраженіе: «село церковное и мое», «то есть» — говоритъ онъ, — земля церковная Пречистыя Богородицы и митрополича» («Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 74).

[265] Приходскимъ церквамъ принадлежали: 1) дворы и домы. Такъ въ жалованной грамотѣ Михайла Θедоровича церкви св. Николая Великорѣцкаго на Вяткѣ упоминается о «церковныхъ дворахъ», въ которыхъ жили нищіе, питавшіеся отъ церкви Божіей («Акт. Арх. Эксп.», т. III, N. 67). Въ сошной на Муромскій посадъ 1574 г. сказано: «противъ Семена Святаго дворъ Пречистеньской протопопъ Трофимъ» («Акты Юрид.», N. 229). 2) Лавки. Такъ въ сошной на Муромскій посадъ 1574 г. сказано: «съ церковныхъ съ 5 лавокъ рубль, опричь дву мѣстъ безоброчныхъ» («Акт. Юридич.», N. 229). 3) Земли ненаселенныя. Такъ въ одной грамотѣ 1614 года сказано: была изстари церковная пашня Благовѣщенія Святѣй Богородицы, приходскія церкви» («Акт. Арх. Экспед.», т. III, N. 52). Въ жалованной грамотѣ Патріарху Филарету 1625 года сказано: «волно ему, отцу нашему... на церковныя пустошныя земли свою святительскую дань и оброкъ положить» («Акт. Арх. Экспед.», т. III, N. 164). Въ одной грамотѣ 1679 года читаемъ: «У церковныхъ.... причетниковъ, на церковныхъ земляхъ крестьянъ и бобылей на Олонцѣ и въ Олонецкомъ уѣздѣ нѣтъ, толко они попы и церковные причетники во дворахъ живутъ на церковныхъ и на тяглыхъ земляхъ» («Акт. Истор.», т. V, N. 37). Въ соборномъ опредѣленіи 1681 года сказано: «Что къ которой церкви по старымъ писцовымъ книгамъ земли, и что къ той землѣ дано въ прибавку послѣ мороваго повѣтрія, и изъ чьихъ дворовъ порознь дано, о томъ бы для вѣдома, указалъ Великій Государь прислать изъ Земскаго Приказу въ его Патріаршъ Приказъ книги» (Тамъ же, т. V, стр. 117). 4) Земли населенныя. Такъ изъ одной грамоты 1606 года видно, что Крестовоздвиженской Церкви на Устюжнѣ принадлежали: «Церковная деревня Обухова, да пустошь Ивановская и церковная пашня» («Акт. Арх. Эксп.», т. II, N. 62). Въ жалованной грамотѣ Михайла Θедоровича церкви св. Николая Чудотворца въ Чухломѣ сказано: «При прежнихъ... Великихъ Государехъ Царехъ и Великихъ Князехъ всеа Русіи дана была къ церквѣ къ Николѣ Чюдотворцу въ окологородьѣ деревенька Новый Починокъ» (Тамъ же, т. III, N. 95). Въ одной грамотѣ 1635 года упоминается о «Нырыбской деревнѣ», принадлежавшей церкви Св. Николая Чудотворца въ Чердыни (Тамъ же, т. III, N. 254). Въ сошной на волость Ивановъ Борокъ (1557) г.) встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее: «Тоѣ же волости церковь Петръ и Павелъ, на рѣкѣ на Шекснѣ, у Иванова порогу: деревня Нелидово селище на рѣчкѣ на Гре-

лица не были такъ щедры къ церквамъ, какъ къ монастырямъ, что, впрочемъ, совершенно объясняется меньшимъ значеніемъ первыхъ въ общемъ, господствующемъ мнѣніи той эпохи. При необыкновенномъ, доходившемъ иногда до исключительности, уваженіи къ иноческой жизни, составлявшемъ отличительный характеръ того времени, весьма понятно, что церкви не могли имѣть той важности, какую имѣли монастыри; устроить желавшій свою душу, охотнѣе жертвовалъ въ пользу послѣднихъ, въ той увѣренности, что Богу и святымъ должны быть всего угоднѣе возносимыя ими молитвы. Весьма естественно также, что церкви ни въ каковъ случаѣ не могли пріобрѣсть себѣ той всеобщей знаменитости, которая принадлежала нѣкоторымъ изъ обителей: въ нихъ, по справедливому замѣчанію и Лакіера, не могло быть той преемственности святыхъ мужей и святыхъ подвиговъ, которыми такъ славились наши древніе монастыри. [266] По всѣмъ этимъ причинамъ приходскія церкви рѣдко владѣли имуществами недвижимыми, и щедрость къ нимъ Правительства и частныхъ лицъ обнаруживались всего чаще въ снабженіи ихъ хлѣбомъ, деньгами, припасами, книгами, иконами и тому под. движимыми имуществами. По этому содержаніе приходскихъ церквей было въ большей части случаевъ вовсе не обезпечено, и Правительство, особенно въ позднѣйшее время, было нѣсколько разъ вынуждаемо принимать дѣятельныя мѣры для улучшенія участи бѣлаго духовенства, бѣдность котораго обнаруживается съ очевидностію изъ всѣхъ памятниковъ XVI и XVII столѣтій. Въ прежнія времена самое обыкновенное изъ средствъ, къ которымъ прибѣгало Правительство для достиженія этой цѣли, состояло въ назначеніи извѣстнымъ церквамъ жалованья или ружныхъ окладовъ, но позже, именно въ концѣ XVII столѣтія, мы уже встрѣчаемъ законодательныя распоряженія о надѣлѣ всѣхъ вообще церквей извѣстнымъ количествомъ населенныхъ земель, достаточнымъ для ихъ содержанія. [267] Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, кѣмъ принимаемы были эти мѣры, и какой имѣли они успѣхъ?

михѣ, церковная Петровская, дв. Попъ Прокофей, пашни церковные десятина, перелогу десятина жъ въ полѣ, а въ дву полѣхъ по тому жъ, сѣна сорокъ копенъ, и та деревня церковная въ сошную пашню и въ выти не положена». («Акт. Юрид.», N. 228).

266 О помѣстьяхъ и вотчинахъ, стр. 99.

267 См. ниже примѣч. къ гл. VIII и слѣд.



Всѣ виды церковнаго имущества, о которыхъ говорили мы до сихъ поръ, составляли не частную, но общественную собственность духовенства; они принадлежали не Архіереямъ, монахамъ, или священникамъ, но архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и приходскимъ церквамъ. На ряду съ ними существовали, однако же, хотя и въ несравненно меньшемъ числѣ, такого рода имущества, которыми владѣли, какъ собственностію отдѣльною, частною, лица бѣлаго и чернаго духовенства. Такъ на ряду съ имуществами приходскихъ церквей, находившимися только во временномъ, пожизненномъ владѣніи церковнаго причта, мы находимъ въ актахъ примѣры существованія имуществъ, составлявшихъ личную собственность священниковъ, діяконовъ и причетниковъ. Имущества эти по большей части состояли въ домахъ, дворахъ, лавкахъ и земляхъ ненаселенныхъ. [268] Населенныя вотчины встрѣча-

---

[268] Въ одной грамотѣ XV вѣка встрѣчаются слова: «Взялъ есмь Попову Мемитьеву землю» («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 14). Въ одной изъ Новгородскихъ рядныхъ XV вѣка сказано: «Се срядился я попъ Семенъ съ Иваномъ игуменомъ съ Михайловскимъ и со черицами, по суднѣй грамоты. что владѣлъ попъ Семенъ водою Св. Михаила, и попъ Семенъ отступился воды Св. Михаила Куромной, и та вода Св. Михаилу ввѣки. И потомъ не надоби отцу игумену и черицамъ до попа до Семена, ни до его дѣтей, ни до того, что ловилъ на той ихъ водѣ» («Акт. Юрид.», стр. 270). Въ одной купчей 1631 года упоминается о дворѣ Софійскаго протопопа Никитина, въ Новгородѣ, въ Каменномъ городѣ, у Пречистенскихъ воротъ (Тамъ же, N. 99). Въ Бѣлозерскихъ писцовыхъ книгахъ 1674 года сказано: «17 дворовъ и дворовыхъ мѣстъ поповскихъ не тяглыхъ, да они же владѣютъ тяглами 5 дворами да 4 дворовыми и огородными мѣстами, а въ тѣхъ дворѣхъ протопопъ, да 17 поповъ, да 2 дьякона, да 2 вдовьи попадьи, а у нихъ дѣтей и братьи 38 человѣкъ» (Тамъ же, N. 231). Въ одной закладной 1579 г. сказано: «Се язъ старой протодьяконъ Никита Афонасіевъ сынъ, занялъ есми у Пречистенскаго протодьякона у Ѳедота у Васильева сына у Дьяконова 15 рублей денегъ Московскихъ ходячихъ, отъ Срѣтенія Господня до Евдокѣина дни. А въ тѣхъ деньгахъ язъ протодьяконъ Никита заложилъ свой дворъ въ Бакинѣ улицѣ, бѣлой, не тяглой, церковной (?);... а не поспѣютъ деньги на срокъ, на Евдокѣинъ день, ино на тотъ на мой на протодьяконовъ Никитинъ дворъ ся кабала и купчая грамота, безъ выкупу» (Тамъ же N. 249). Въ этой закладной представляется непонятнымъ только то, почему протодьяконъ называетъ церковнымъ дворъ, который онъ закладываетъ и который, слѣдовательно, составляетъ его частную собственность. Вообще во всѣхъ грамотахъ, въ которыхъ упоминается о дворахъ поповъ, дьяконовъ и причетниковъ, не совсѣмъ ясно: идетъ ли дѣло о церковной собственности, или о частномъ имуществѣ лицъ бѣлаго духовенства. Что лица эти вла-

ются также, но чрезвычайно рѣдко, во владѣніи лицъ бѣлаго духовенства. [269] Впрочемъ, въ позднѣйшее время, именно въ XVII столѣтіи, мы находимъ цѣлый рядъ узаконеній, которыми частію въ нравственныхъ, частію въ финансовыхъ видахъ, ограничены были права священно и церковнослужителей на владѣніе нѣкоторыми видами недвижимыхъ имуществъ. Такъ, законами Алексѣя Михайловича и его преемниковъ запрещено было бѣлому духовенству держать за собою лавки и другія торговыя заведенія; съ другой стороны, уже со времени Михайла Ѳедоровича принимаемы были мѣры для воспрещенія всѣмъ бѣломѣстцамъ, а слѣдовательно и лицамъ духовнаго званія, пріобрѣтать и держать за собою имущества тяглыя, т. е.. обложенныя податьми. [270] Что же касается до лицъ монашествующаго духовенства, то какъ по самому существу монастырскаго общежительства, такъ и по церковнымъ законамъ, дѣйствовавшимъ въ Греціи и въ Россіи, имъ запрещалось сохранять за собою послѣ постриженія недвижимыя имущества. [271] Но запрещеніе это не скоро

дѣли и лавками, какъ сказано въ текстѣ, видно изъ законовъ, запрещавшихъ имъ сохранять за собою владѣніе имуществами этого рода. См. ниже примѣч. къ гл. VIII.

269 Въ одной изъ Новгородскихъ купчихъ XV столѣтія читаемъ: «Се купи Михайло Офромѣевичь, у попа у Ортемья, село въ Кяхтѣ въ Малой,.... чѣмъ володѣлъ отецъ его Есифъ и братъ его Демехъ» («Акт. Юрид.», N. 71, стр. 112). Въ 1614 году Михайло Ѳедоровичь пожаловалъ Толвуйскому священнику Ермолаю Герасимову и сыну его Исаку, въ награду за разныя услуги, оказанныя ими Царицѣ Марѳѣ Ивановнѣ «дворцовую волостку,.... въ живущемъ двѣ выти съ полтретью, а впустѣ восмь вытей безъ полутрети, въ вотчину со крестьяны и съ рыбными ловищи и со всякими угодьи, тѣхъ живущихъ и пустыхъ вытей... имъ и дѣтямъ ихъ и внучатамъ въ ихъ родъ въ вѣки неподвижно» («Акт. Истор.», т. III, N. 9).

270 См. ниже примѣч. къ гл. VIII.

271 «Монахи не должны имѣти ничего собственнаго, но все имъ принадлежащее да утверждается за монастыремъ. Ибо блаженный Лука о вѣрующихъ во Христа и представляющихъ собою образъ монашескаго общежитія, глаголетъ, яко ни единъ что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща. Посему желающимъ монашествовати предоставляется свобода завѣщавати о имѣніи своемъ прежде, и передавати оное, какимъ восхотятъ лицамъ, которымъ, то есть, законъ не возбраняетъ. Ибо по вступленіи въ монашество, монастырь имѣетъ власть надъ всѣмъ ихъ имуществомъ, и имъ не предоставлено распоряжати ничѣмъ собственнымъ, ни завѣщавати. Аще же кто обрящется усвояющій себѣ нѣкое стяжаніе, не предоставивъ онаго монастырю, и порабощенный

получило у насъ настоящую обязательную силу. Оно и не могло получить ее въ прежнія времена, когда въ монастыри постригались весьма часто Князья, Княгини и другія лица знатнаго происхожденія. Для такого рода лицъ трудно бы было не допустить въ этомъ отношеніи нѣкотораго послабленія. Дѣйствительно, мы видимъ, что до самой половины XVII столѣтія, монахи и монахини не только владѣли вотчинами, но и распоряжались ими совершенно свободно, продавали, дарили, отдавали по завѣщанію кому хотѣли, не рѣдко даже состоя уже въ монашенствѣ пріобрѣтали въ свою личную пользу новыя имѣнія. [272] Высшее духовенство наше не одоб-

страсти любостяжанія, у таковаго игуменъ, или Епископъ, да возьметъ оное стяжаніе, и въ присутствіи многихъ продавъ, да раздастъ нищимъ и нуждающимся. А того, кто положилъ въ сердцѣ своемъ, подобно древнему оному Ананіи, утаити сіе стяжаніе, святый Соборъ опредѣлилъ вразумити приличной епитеміею. Явно же есть, яко постановленныя святымъ соборомъ правила о монахахъ, праведнымъ призналъ онъ соблюдати и о женахъ монашествующихъ». («Двукрат. Константин. Соб.», прав. 6). Независимо отъ этого прямаго запрещенія, въ монастыряхъ общежительныхъ, по самому существу общежительства, монахи не могли сохранять за собою никакой частной собственности. Даже и въ тѣхъ обителяхъ, въ которыхъ не былъ введенъ общежительный уставъ, существованіе подобной собственности не могло быть допущено, какъ противное самому содержанію иноческаго обѣщанія.

[272] Приведемъ нѣсколько доказательствъ: 1) Монахи и монахини сохраняли за собою, и по вступленіи въ монастырь, принадлежавшія имъ до постриженія недвижимыя имущества. Такъ въ одной грамотѣ Ивана IV сказано: «Били ми челомъ отъ Покрова Пречистые старица Княгиня Еуфимья Шемячичева съ дѣтми о томъ, что есми ихъ пожаловалъ, далъ имъ на ихъ селцо на Глядково свою грамоту жалованную, лготную» («Акт. Истор.», т. I, N. 145). Въ одной грамотѣ 1581 года читаемъ: «Била намъ челомъ Рожества Пречистые Дѣвича монастыря Царевича Михайла Каибуловича старица Огафья, а сказала: въ Ростовскомъ, деи, уѣздѣ за нею вотчина сельцо Юрцово» («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 225). Въ духовномъ завѣщаніи Княгини Александры Беззубцевой, въ монашествѣ Евфросиніи (1546 г.), сказано: «Да что ся у меня оставаетъ животовъ и статковъ: деревня въ Старицкомъ уѣздѣ и съ починки,..... а на ту мою деревню писана купчая на княжъ Дмитреево имя Ивановича Пункова, а купчая у него, а купила есми на свои деньги приданые, а другая деревенька въ Микулинскомъ уѣздѣ» («Акт. Юридич.», N. 419). Въ одной грамотѣ 1606 года сказано: «Въ Приказѣ Большаго Приходу въ Юрьевскихъ въ платежныхъ книгахъ, 114 году, написано: «Князя Данила Андреевича Ногтева старицы Александры село Новоселки» («Акт. Историч.«. т. II, N. 70).

ряло, какъ видно изъ нѣкоторыхъ актовъ, этого обычая, и возставало противъ него во многихъ случаяхъ. [273] Но осужденія его

2) Монахи и монахини дарили, отказывали, продавали, мѣняли и закладывали принадлежавшія имъ недвижимыя имущества, вообще распоряжались ими совершенно свободно (См. примѣры, приведенные выше въ примѣч. 144, 162, 180). 3) Монахи и монахини, уже послѣ вступленія своего въ монастырь, пріобрѣтали себѣ различными способами недвижимыя имущества. Всего чаще жаловались Правительствомъ вотчины постригшимся Княгинямъ и Царицамъ. Такъ В. Князь Василій Ивановичь пожаловалъ первой супругѣ своей, Соломоніи, постригшейся въ монастырь подъ именемъ Софіи, село въ пожизненное владѣніе, съ тѣмъ, чтобы по смерти ея оно перешло къ монастырю (Карамз. т. VII, пр. 280). Когда при Иванѣ IV постриглась жена брата его, Іуліанія, то Царь далъ ей богатыя вотчины (Тамъ же, т. IX, ст. 27). Въ 1587 году Ѳедоръ Ивановичь пожаловалъ «Царевичу Княжь Иванову Ивановича Царицу старицу Александру» — дворцовымъ селомъ съ деревнями, «въ вотчину» и съ правомъ полнаго распоряженія («Акт. Истор.» т. I, N. 218. Ср. N. 226). Въ 1608 году Лжедимитрій пожаловалъ Царицѣ инокинѣ Александрѣ вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ («Акт. Истор.», N. 111). Въ 1610 году Царевичь Владиславъ пожаловалъ супругѣ Ивана IV, старицѣ Марѳѣ, посадъ Устюжну Желѣзопольскую, да въ Устюжскомъ уѣздѣ Понизовскую волость, «въ вотчину, до eѣ живота» («Акты Археогр. Эксп.», т. II, N. 166). Въ 1614 году Михаило Ѳедоровичь пожаловалъ Царицѣ инокинѣ Даріи Алексѣевнѣ село Никифоровское съ деревнями въ пожизненное владѣніе («Акт. Истор.», т. III, N. 41, 67). Въ 1609 году старцу Авраамію Палицыну присуждена была вотчина, заложенная ему Смиряемъ Катулинымъ и просроченная («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 137). Въ одной изъ Новгородскихъ купчихъ XV вѣка сказано: «а купилъ игуменъ Василей ту землю собѣ и въ вѣки»; въ другой: «а купилъ себѣ (игуменъ Василій) одерень и своимъ дѣтямъ» «Акт. Юрид.», N. 71; XII, XIV). Изъ одной грамоты 1616 года видно, что Царица инокиня Дарья Алексѣевна купила себѣ огородное мѣсто въ Устюжнѣ Желѣзопольской (Тамъ же, N. 98).

[273] Такъ въ 1382 году Суздальскій Архіепископъ Діонисій писалъ объ этомъ старцамъ Снѣтогорскаго монастыря: «Богу споспѣшающу и слово утвержающу, Слова ради, и Святымъ Духомъ свершающу, яко же заповѣда всесвятый Патріархъ Вселенскый, пекійся душами человѣчьскыми, учити и наказати и управити, по божественнымъ заповѣдемъ Евангельскымъ добрѣ живущаа укрѣпляти и благословити, съвратившаяжеся възвратити на путь правый, сирѣчь на добродѣтельное житіе, еже уставиша святіи и богоносніи отци общее житіе, по великому Пахомію, еже Ангелъ Божій, и по Великому Василію, еже два чина вписа мнишьскаго житіа, пустынный и общее житіе, еже похвалили паче пустыннаго, и св. Ефремъ тако пишетъ, и святый Іоанъ божественыя Лѣствица списатель

оставались, кажется, безъ дѣйствія до тѣхъ поръ, пока Уложеніемъ Царя Алексѣя Мимайловича не было окончательно запрещено лицамъ чернаго духовенства сохранять за собою недвижимыя имущества. Въ позднѣйшемъ законодательствѣ мы находимъ также нѣсколько распоряженій, имѣвшихъ цѣлью подтвержденіе начала, высказаннаго въ Уложеніи. [274]

наипаче утверди и украси различно премудростьными наказанія. Пришедшю же ми, посланіемъ всесвятаго Патріарха Вселенскаго, въ богохранимый градъ Пськовъ, о исправленіи отлучшихся отъ съборныя апостольскыя Христовы церкви и на утверженіе и на исправленіе священникомъ и честнымъ монастыремъ и всѣмъ христоименитымъ людемъ, и слышахомъ о честномъ монастыри Пресвятыя Богородица, иже именуется Снѣтнаа гора, общеживущимъ, и възрадовахся душею зѣло и возвеселихся по премногу; съ тщаніемъ идохъ, и видѣхъ, и благословихъ отъ Вселенскаго Патріарха, и обрѣтохъ я неисправляющася во всемъ Божественнаго Писанія и богоносныхъ Отець уставы, ово творяця, ово же оставляюща. О божественномъ общемъ житіи и о свершеніи мнишскаго устава и о высотѣ безстрастія, умоленъ быхъ отъ преподобнаго игумена, ту суща, и яже о Христѣ братьи, направити съвратившаяся и наказати ненаказанныя. Азъ Діонисій Архіепископъ Суждальскый, по повелѣнію всесвятаго Патріарха Вселенскаго, възрѣвъ въ Номоканонъ, во правила Св. Отецъ, яже о божественномъ общемъ житіи, поновихъ и уставихъ препущенаа небреженіемъ, въ обиду св. Отецъ устава. Яко же рече правило, еже въ 5 Соборѣ: «Мнихомъ ничто же подобаетъ своего имѣти, но все свое предати монастырю во власть». Рече богоносный Лука о вѣровавшихъ Христу и мнишское житіе исправившихъ: «яко не единъ кто что отъ своего глаголаше его быти, но бѣша всѣмъ обща». Тѣмъ же, хотящимъ мнишствовати, дати сущаа и пріимати потребы; по постриженьи же, впадающимъ къ нему всѣмъ монастырю имѣти власть; ни о чемъ же о своемъ пещися или рядити симъ попущаеться. Аще кто купитъ стяжаніе кое, еже не причастно монастыреви, свое творя, си убо игуменомъ, или епископомъ да въспріиметса, и многимъ дерзновеніемъ продаемо и убогимъ и немощнымъ, клоснымъ да раздастся таковое стяжаніе» и т. д..... «Нынѣ же впадшая въ сія великаа съгрѣшенія и преже реченаа правила Св. Отецъ преступившаа невѣденіемъ, еще начнутъ каятися достойно и обѣщаются въ тѣ же великаа съгрѣшеніа не впадать, азъ смиренный Архіепископъ Діонисій Суждальскій, съ благословеніемъ всесвятаго Патріарха, прощаю. Отселѣ, по повелѣнію всесвятаго Патріарха Вселенскаго, въ честнѣмъ семъ монастыри Святыя Богородица, на Снѣтной горѣ, уставихомъ ти: въ монастыри семъ честнѣмъ, ничто же своею (имѣти) ни игумену, ни братіи, но все отдати Богу и Святѣй Богородици въ монастырь» («Акт. Историч.», т. I, N. 5).

[274] См. ниже прим. къ гл. VIII.

Въ заключеніе настоящей главы скажемъ нѣсколько словъ о различныхъ видахъ поземельнаго владѣнія Церкви въ отношеніи къ существу тѣхъ правъ, которыми пользовалась послѣдняя. Нѣкоторыя изъ недвижимыхъ имуществъ духовенства принадлежали ему на правахъ не полной, а ограниченной собственности. Они состояли частію въ оброчномъ, частію въ помѣстномъ, [275] частію въ пожизненномъ [276] его владѣніи. Впрочемъ, примѣры всѣхъ этихъ видовъ владѣнія встрѣчаются весьма рѣдко и могутъ быть по справедливости названы исключеніями изъ общаго правила. Большая же часть имуществъ, принадлежавшихъ духовенству, составляла его вотчину, т. е., принадлежала ему на правахъ полной собственности. [277] Въ этомъ отношеніи имѣнія духовенства мало отличались отъ имѣній частныхъ лицъ свѣтскаго званія. Различія, между ними существовавшія, проистекали главнымъ образомъ изъ того, что вотчинами перваго рода, составлявшими по большей части собственность лицъ юридическихъ, духовныхъ заведеній, временные владѣльцы ихъ не могли распоряжаться съ совершенною свободою; ихъ стѣсняла обязанность сообразоваться постоянно въ своихъ дѣйствіяхъ съ назначеніемъ церковнаго имущества и отдавать отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ высшему духовному, или свѣтскому начальству. [278] Въ особенности ограничивало ихъ правило о неотчуждаемости церковныхъ имуществъ, какъ посвященныхъ Богу на вѣчныя времена. [279]

---

[275] Въ одной грамотѣ половины XV столѣтія упоминается о томъ, что нѣкто Василій Борисовичь далъ Троицкому Сергіеву монастырю сельцо Егорей Святый въ помѣстье («Акт. Арх. Экспед.», I, 84). При Алексѣѣ Михайловичѣ раздаваемы были въ помѣстье духовенству порожнія земли (См. ниже пр. къ гл. VIII). Въ чемъ именно состояла сущность этого помѣстнаго владѣнія для духовенства, изъ актовъ вовсе не видно. Примѣры оброчнаго владѣнія см. ниже въ пр. 281.

[276] На правахъ пожизненнаго владѣнія жаловались иногда вотчины Правительствомъ Княгинямъ и Царицамъ, постригавшимся въ монастыри. Примѣры см. выше въ прим. 272.

[277] Почти во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ прямо говорится, что то, или другое, имущество дается тому, или другому, монастырю «въ вотчину».

[278] См. ниже примѣч. къ главѣ VI.

[279] Въ первые вѣка Христіянства всѣ имущества, поступившія разъ во владѣніе Церкви, считались посвященными самому Богу, и по общему правилу не могли быть отчуждаемы. Отчужденіе ихъ дозволялось только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, для выкупа плѣнныхъ, для вспоможенія бѣднымъ во время голода, для содержанія духовенства при недостаточности его доходовъ, и то не иначе, какъ

Впрочемъ, правило это, по крайней мѣрѣ, въ прежнія времена, не всегда исполнялось на самомъ дѣлѣ; въ актахъ XV—XVII столѣтій мы находимъ нѣсколько примѣровъ не только промѣна, но даже продажи и заклада монастырскихъ вотчинъ. [280] Наконецъ, къ числу ограниченій права церковной собственности, можно бы было отнести также тѣ многоразличныя обязанности и условія, которыя налагались на духовенство при пожалованіи, дареніи, или отказѣ ему имуществъ. [281] Впрочемъ, если условія и обязанности эти стѣсняли

съ общаго согласія Епископа и духовенства его епархіи и съ одобренія Митрополита, или другихъ Епископовъ той же провинціи (Bingham, Origines. lib. V, pag. 296—299). Въ 42 правилѣ Карѳагенскаго собора сказано: «Опредѣлено такожде, чтобы пресвитеры, безъ соизволенія своихъ Епископовъ, не продавали вещей церкви, въ которой посвящены. Равно и Епископамъ не позволительно продавати церковныя земли, безъ вѣдома Собора, или своихъ пресвитеровъ. Того ради, кромѣ нужды, и Епископу не позволительно расточати вещи, находящіяся въ церковной описи» (Ср. выше пр. 2. Ср. также статью: «Греко-Римскіе Законы въ отношеніи къ Церкви» въ «Журн. Мин. Народн. Просв.», 1850, N. 1, Отд. II, стр. 39). Наше духовенство также смотрѣло на имущество Церкви, какъ на имущество, не подлежащее отчужденію или переходу въ другія руки. Это видно, между прочимъ, изъ отвѣта его Ивану III (См. выше пр. 1). Мы видѣли также (см. прим. 191), что Князья и частныя лица, жалуя монастырямъ вотчины, помѣщали иногда въ грамотахъ своихъ условіе: «не мѣнять ихъ и не продавать».

[280] Такъ въ числѣ купчихъ и рядныхъ Новгородскихъ (XV столѣтія) мы встрѣчаемъ двѣ, указывающія на покупку Посадникомъ поземельнаго участка, принадлежавшаго одному изъ Новгородскихъ монастырей («Акт. Юрид.», N. 71. (XXVI) и 257 (II).) Въ 1526 году Корниліевъ Комельскій монастырь продалъ Князю Кемскому за 100 Московскихъ рублей съ прибавкою лошади два села и десять деревень (Тамъ же, N. 78). Въ 1539 году Кирилловъ монастырь продалъ Саввину Сторожевскому за 200 рублей съ прибавкою вола—села и деревни въ Звенигородскомъ уѣздѣ («Акт. Юрид.», N. 80). Въ одномъ актѣ 1632 года сказано: «Строитель старецъ Трифонъ, будучи въ Богословскомъ монастырѣ, многія монастырскія вотчины земли и сѣнные покосы воровствомъ распродалъ, а иные въ закладъ заложилъ» («Акт. Арх. Эксп.», т. III, N. 202). Многочисленные примѣры отчужденія церковныхъ имуществъ посредствомъ мѣны указаны выше въ прим. 192—198. Мы не говоримъ здѣсь объ отдачѣ церковныхъ имуществъ въ помѣстье и въ наемъ, потому что не считаемъ этого отчужденіемъ.

[281] Мы видѣли выше, что Цари и частныя лица, жалуя монастырямъ вотчины, налагали обыкновенно на нихъ обязанность поминать души дарителей и родственниковъ, или же молиться объ ихъ здравіи. Когда это условіе и не выска-

до извѣстной степени вотчинныя права духовенства, то съ другой

зывалось прямо, то разумѣлось само собою. Мы видѣли также, что нѣкоторыя лица, отдавая въ монастыри свои имѣнія, выговаривали себѣ право не вносить уже особыхъ вкладовъ въ случаѣ, если бы они вознамѣрились постричься. Наконецъ, мы упоминали и о тѣхъ различныхъ обязанностяхъ, которыя возлагались на монастыри завѣщателями для обезпеченія судьбы женъ и дѣтей послѣднихъ. Но всѣ эти условія, исполненіе которыхъ требовалось отъ монастырей, ни сколько не ограничивали ихъ вотчинныхъ правъ, а только налагали на нихъ обязанность сдѣлать извѣстное пожертвованіе для пріобрѣтенія вотчинъ. Точно то же должно сказать и о многихъ другихъ, весьма разнородныхъ условіяхъ, которыя выговаривались иногда дарителями, или завѣщателями, въ духовныхъ и данныхъ (См. образцы тѣхъ и другихъ въ «Актахъ Юридическихъ».— См. также примѣры, приведенные въ пр. 214). Ниже мы увидимъ, что многія изъ принадлежавшихъ монастырямъ вотчинъ находились въ оброчномъ ихъ владѣніи, т. е., пожалованы имъ были съ непремѣннымъ условіемъ платить за нихъ въ казну извѣстное количество оброка. Но этой финансовою повинностію, само собою разумѣется, ни сколько не ограничивались права собственности, принадлежавшія монастырямъ. * Единственное ограниченіе этого права, встрѣчаю-

* Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, надо отличать имущества, находившіяся въ полной собственности монастырей и только обложенныя, вмѣсто обыкновенныхъ податей, извѣстнымъ количествомъ оброка, отъ имуществъ, которыя давались Правительствомъ изъ платежа оброку монастырямъ, также какъ и частнымъ лицамъ, во временное владѣніе и пользованіе, чаще всего на одинъ годъ. Отдача казенныхъ земель въ оброкъ была въ прежнія времена однимъ изъ способовъ извлеченія дохода изъ государственныхъ имуществъ. Монастыри и частныя лица, взявшія на оброкъ такія имущества, могли владѣть ими только въ теченіи извѣстнаго, опредѣленнаго при самой отдачѣ ихъ, срока; по прошествіи этого срока, имущество возвращалось въ распоряженіе Правительства, которое могло или опять предоставить его монастырю па извѣстное время, или дать ему совсѣмъ другое назначеніе. Такъ въ одной грамотѣ Ивана IV, 1555 года, сказано: «Во Псковѣ, на посадѣ,... нашъ огородъ, а въ немъ и пожня прежъ сего на оброцѣ за Иваномъ за Смердовымъ, а послѣ Ивана Смердова былъ тотъ огородъ и съ пожнею на оброцѣ же за Игнашемъ за зелейщикомъ,... а давали, деи, съ того огорода и пожни оброку во Псковѣ въ нашу казну по четверти рубля на годъ, а послѣ, деи, тѣхъ былъ тотъ огородъ и пожня въ оброцѣ же за подъячимъ за Рахманиномъ за Яковлевымъ сыномъ Шиирлина, а наддалъ, деи, Рахманинъ надъ старымъ оброкомъ въ нашу казну десять денегъ Московскую, а давалъ, деи, оброку въ нашу казну по 10 алтынъ на годъ; а послѣ, деи, Рахманина тотъ огородъ и пожню взялъ діакъ нашъ Аѳонасей Соловцовъ на меня, Царя и Великаго Князя, да отдалъ.. въ Крыпецкой монастырь игумену Ѳеоктисту съ братьею на оброкъ же съ наддачею, а наддали, деи, игуменъ Ѳеоктистъ съ братьею надъ старымъ оброкомъ гривну денегъ Московскую» («Дополн. къ Акт. Истор.» т. I, N. 84. Ср. также оброчныя грамоты, напечатанныя въ «Актахъ Юридич.», N. 168, 173). Иногда монастырямъ предоставлялись земли въ оброчное владѣніе на



стороны, предоставленіе ему особыхъ привилегій и льготъ, значи-

щееся въ нашихъ древнихъ актахъ, заключалось въ запрещеніи монастырямъ продавать и мѣнять пожалованныя, или подаренныя, имъ имѣнія. Другія же ограниченія, дѣйствительно существовавшія, но не высказанныя въ жалованныхъ и данныхъ грамотахъ, проистекая, какъ мы уже замѣтили выше, изъ самаго существа и назначенія церковныхъ имуществъ, основывались на общемъ законодательствѣ церковномъ, дѣйствовавшемъ какъ въ Греціи, такъ и въ Россіи.

томъ же основаніи частными лицами. Такъ до насъ дошла оброчная запись Углицкаго Алексѣевскаго монастыря съ Семеномъ Марковымъ на двухгодичное содержаніе его помѣстьевъ (1625 года). Въ ней сказано слѣдующее: «Се язъ съ Углича Олексѣевскаго монастыря строитель старецъ Мисайло съ братьею, поговоря мы на соборѣ, взяли есми на оброкъ у Семена Олександрова сына Маркова помѣстье его въ Ярославскомъ уѣздѣ, деревню Окольшево, да пустошей, пустошь что была деревня Застрахово и т. д..... съ крестьяны, а крестьянъ въ тѣхъ деревняхъ десять дворовъ да одинадцатой бобыль, на два годы, съ нынѣшняго со 133 году Марта съ 6 числа да по 135 Марта по то же число: и на тѣхъ намъ пустошахъ волно пашни пахать и луга косить, и тѣми крестьяны владѣти, какъ мы владѣемъ монастырскими крестьяны, и тѣхъ намъ его Семеновыхъ крестьянъ розно не разогнать; и крестьянинъ судомъ Божіимъ умретъ, и Семену того на насъ не спрашивать; а отъ сторонъ намъ тѣхъ крестьянъ оборонять и въ обиду не давати никому; а оброку намъ давати Семену на годъ по 20 рублей денегъ, за всякіе доходы; а какъ минетъ два годы, и мнѣ строителю старцу Мисаилу съ братьею то его Семеново помѣстье, деревни и пустоши съ крестьяны, отдати назадъ ему Семенову» («Акт. Арх. Экспед.», т. III, N. 160). Изъ другой оброчной грамоты, сохранившейся до нашего времени, видно, что въ 1679 году Тихвинской Введенской монастырь взялъ у монастыря св. Іоанна Богослова пустоши и разныя угодья въ 10-лѣтнее оброчное владѣніе. При этомъ взаимныя права и обязанности обоихъ монастырей опредѣлены были слѣдующимъ образомъ: «И мнѣ строительницы Дорофеи съ сестрами,.... или кто нѣ томъ нашелъ Иванскомъ Богословскомъ дѣвичѣ монастырѣ иные строительницы по мнѣ будутъ, и сестры, и вкладчицы, тѣхъ пустошей никому не промытить, и не промѣнять, и жилища своего не посадить, и на себя пахать не отнять, а имати намъ въ ту 10 лѣтъ,..... за тѣ пустоши и за всѣ угодья оброку, по сей записи, денегъ на годъ по 8 рублевъ, да хлѣба ржи по 15 четвертей, да овса по тому же по 15 четвертей, въ Государеву казенную отдаточную мѣру, въ которую имъ даетца Государево хлѣбное жалованье, а тотъ бы хлѣбъ былъ доброй рожь и овесъ, а писати намъ.... тѣ деньги и хлѣбъ, противъ сей записи, въ Великомъ Новѣгородѣ на срокъ на Богоявленіе Господне погодно..... А какъ владѣнью тѣмъ пустошамъ урочные годы отойдутъ, противъ сей оброчной записи, и имъ того Введенскаго дѣвича монастыря игуменьѣ Парасковьѣ съ сестрами..... землю очистить и крестьянъ своихъ съ той нашей монастырьской Богословской земли свесть безсрочно. А нѣчто кто въ ту 10 лѣтъ, въ тѣ наши пустоши учнетъ у нихъ по какимъ крѣпостямъ ни буди вступатца, и мнѣ, строительницы Дорофѣи съ сестрами,... въ тѣхъ пустошахъ во всемъ ихъ очищать и убытка и волокиды никаковыхъ не учинить». Неустойки, въ случаѣ неисполненія этихъ условій, назначено было 100 рублей. («Акт. Юридич.», N. 174).

тельно расширяло эти права и придавало имъ совершенно особый, болѣе политическій, чѣмъ гражданскій, характеръ. По этому, чтобы составить себѣ полное понятіе о существѣ той власти, которая въ прежнее время принадлежала духовенству надъ его имѣніями, необходимо познакомиться ближе съ самымъ источникомъ этихъ привилегій и льготъ, т. е., съ содержаніемъ, такъ называемыхъ, жалованныхъ, тарханныхъ и несудимыхъ грамотъ. Этому именно предмету посвящена нами вся слѣдующая глава.

V.

Разнообразныя и значительныя привилегіи, которыми въ періодъ до-Петровскій пользовалось духовенство наше въ принадлежавшихъ ему вотчинахъ, составляли одно изъ самыхъ характеристическихъ отличій юридическо-хозяйственнаго быта Церкви въ прежнія времена. Обычай предоставлять духовному сословію такого рода привилегіи получилъ начало свое въ Греціи, гдѣ многочисленными Императорскими узаконеніями установленъ былъ для церковныхъ имѣній особый юридическій бытъ, во многомъ отличный отъ того, какой существовалъ для частныхъ имѣній владѣльцевъ свѣтскаго званія. Впрочемъ, между преимуществами, которыми пользовались церковныя имѣнія въ Греціи, и преимуществами, которыми пользовались они въ Россіи, существовали довольно значительныя различія. Различія эти показываютъ, что въ этомъ отношеніи явленія нашего права должны быть объясняемы не столько дѣйствіемъ Греко-Римскаго законодательства, сколько вліяніемъ тѣхъ особенныхъ, мѣстныхъ обстоятельствъ, которыми обусловливалось существованіе Церкви въ нашемъ отечествѣ. Съ одной стороны привилегіи Русскаго духовенства отличались отъ привилегій духовенства Греческаго уже по самому содержанію и ихъ объему. Но, кромѣ того, мы находимъ еще важное различіе и въ самомъ способѣ происхожденія или установленія этихъ привилегій. Въ Греціи они основывались, по большей части, на общихъ узаконеніяхъ и распространялись одинаково на все духовенство. [282] Въ Россіи, совершенно напротивъ, основаніемъ имъ

---

[282] Греческіе Императоры, подобно Русскимъ Князьямъ, давали иногда особыя жалованныя грамоты не всему духовенству вообще, но тому или другому мо-



служили не общіе законы, а частныя грамоты; сила же ихъ распространялась не на все духовенство, а только на тѣ монастыри и церкви, которымъ они именно были предоставлены. Исключенія въ этомъ случаѣ можно допустить только для Ханскихъ ярлыковъ и для церковныхъ уставовъ, приписываемыхъ Владиміру и Ярославу, какъ для такихъ юридическихъ памятниковъ, въ которыхъ содержалось общее опредѣленіе привилегій всей Церкви. Относительно послѣднихъ должно, впрочемъ, замѣтить, что, во первыхъ, самая подлинность ихъ подлежитъ еще сильному сомнѣнію, а во вторыхъ, что и содержаніе ихъ не обнимаетъ всѣхъ преимуществъ и правъ, которыми пользовалась Церковь въ Россіи. Послѣднее замѣчаніе

настырю, той или другой церкви въ отдѣльности (См. «Указатель актовъ, хранящихся въ обителяхъ Св. Горы Аѳонской», стр. 16 и слѣд. См. также постановленія Императора Ѳеодосія Младшаго объ освобожденіи отъ поземельнаго налога, canon, indictio canonica, трехъ церквей: Константинопольской, Ѳессалоникской и Александрійской (Cod. Theodos. lib. XI, tit. I, de annona et tributo. l. 33, tit. XXIV, de patrocin. vicorum. 1, 6). Но большая часть привилегій Греческой Церкви распространялась на все духовенство и основывалась на общихъ узаконеніяхъ. Такъ, на пр., льгота отъ такъ назыв. exactiones superindictae aut extraordinariae дарована была Константиномъ Великимъ всей Церкви и посредствомъ общаго о томъ узаконенія (Cod. Theod. lib. XI, tit. I, l. 1). Точно также предоставлены были всему духовному сословію: Императоромъ Констанціемъ льгота отъ такъ наз. ungariae et parangariae (ibid. l. XVI, tit. II, l. 10, 14); Императоромъ Гоноріемъ льгота отъ такъ назыв. viarum publicarum et pontium instauratio (Ibid. l. 40); Императоромъ Юстиніаномъ право отыскивать принадлежавшія Церкви владѣнія въ теченіе 100 лѣтъ (Cod. Justin. lib. I, tit. II, de sacros. eccles. l. 23. Nov. IX); тѣмъ же Императоромъ и его преемниками освобожденіе отъ подсудности гражданскимъ начальствамъ (Justin. Nov. 79, 83, 123) и т. д. По содержанію своему привилегіи Греческаго духовенства также отличались отъ привилегій духовенства Русскаго; послѣднія, какъ увидимъ ниже, были гораздо многочисленнѣе первыхъ, состоявшихъ только: 1) въ освобожденіи церковныхъ имуществъ отъ платежа нѣкоторыхъ податей и исправленія нѣкоторыхъ повинностей; 2) въ освобожденіи владѣльцевъ духовнаго званія отъ исправленія общественныхъ должностей, сопряженныхъ съ поземельнымъ владѣніемъ (Munera patrimonialia); 3) въ освобожденіи ихъ отъ подсудности свѣтскимъ властямъ по спорамъ о правѣ собственности, и 4) въ назначеніи для духовенства особыхъ, болѣе продолжительныхъ, чѣмъ для владѣльцевъ свѣтскаго званія, сроковъ къ отыскиванію и возстановленію нарушенныхъ, или подвергнувшихся забвенію, правъ (См. приведенныя выше сочиненія Бингама и Планка).

можетъ быть примѣнено и къ Церковному Уставу, данному Великимъ Княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ Митрополиту Кипріяну въ концѣ XIV, или въ началѣ XV столѣтія. Во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ этого Устава, мы послѣ Ярослава уже не встрѣчаемъ такихъ общихъ узаконеній; а что касается до тѣхъ, которыя издаваемы были въ позднѣйшее время, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, то цѣль ихъ состояла по большей части не столько въ предоставленіи духовенству новыхъ привилегій, сколько въ ограниченіи, или уничтоженіи, прежде существовавшихъ. Такимъ образомъ главнымъ основаніемъ и источникомъ вотчинныхъ правъ Русской Церкви должны быть признаны не общія распоряженія законодательной власти, какъ въ Греціи, а частныя и мѣстныя привилегіи, которыя предоставляемы были, въ формѣ жалованныхъ грамотъ, отдѣльнымъ духовнымъ заведеніямъ. Въ слѣдствіе того и самыя права нашего духовенства по владѣнію недвижимыми имуществами не были одинаковы; одинъ монастырь имѣлъ ихъ болѣе, чѣмъ другой, а иногда случалось, что одинъ и тотъ же монастырь, въ разныхъ имѣніяхъ, ему принадлежавшихъ, имѣлъ, по содержанію данныхъ ему грамотъ, и права совершенно различныя; не рѣдко бывало также, что монастырь въ одной изъ своихъ вотчинъ пользовался обширными привилегіями, ибо получилъ на нее жалованную грамоту, а другою, на которую такой грамоты ему не было выдано, владѣлъ на томъ же основаніи, какъ и всѣ другіе вотчинники. [283] Вообще, для каждаго изъ духовныхъ заведеній, объемъ принадлежавшихъ ему правъ опредѣлялся съ точностію самымъ содержаніемъ той грамоты, которая была ему пожалована. Эти-то грамоты, извѣстныя подъ общимъ названіемъ жалованныхъ и подъ особенными — тархановъ [284]

[283] Что вотчинныя права различныхъ монастырей были не одинаковы, видно изъ самаго содержанія жалованныхъ грамотъ, въ которыхъ не всегда исчислялись одни и тѣ же привилегіи. Иногда ихъ исчислялось больше, иногда меньше. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить между собою первыя двѣ грамоты, какія только попадутся на глаза. Что на каждую изъ монастырскихъ вотчинъ давалась по большей части жалованная грамота, и что нѣкоторые монастыри, получивъ грамоты на однѣ изъ своихъ вотчинъ, не получали ихъ на другія, видно изъ примѣровъ, указанныхъ въ примѣчаніяхъ 331, 349 и 379.

[284] Названіе тарханныхъ грамотъ заимствовано нами отъ Татаръ, у которыхъ тарханомъ назывался человѣкъ, освобожденный отъ всѣхъ повинностей, налагаемыхъ Царемъ, и не обязанный дѣлиться съ нимъ полученною на войнѣ добычею. Въ подобномъ значеніи выдавались и у насъ тарханныя грамоты (См.



(если дѣло шло о финансовыхъ привилегіяхъ) и несудимыхъ (если главнымъ содержаніемъ ихъ были преимущества судебныя) должны составить предметъ нашего разсмотрѣнія въ настоящей главѣ.

Прежде всего представляется вопросъ: кѣмъ и когда пожалованы были духовенству нашему грамоты этого рода? Само собою разумѣется, что предоставленіе такихъ привилегій, которыя заключали въ себѣ по большей части уступку въ пользу духовныхъ заведеній, правъ и преимуществъ, исключительно принадлежавшихъ Правительственной власти, могло быть дѣлаемо только самимъ Правительствомъ, т. е., сначала Князьями Удѣльными и Великимъ, а въ послѣдствіи времени Царями. Нѣкоторыя изъ такихъ привилегій могли быть предоставлены духовенству Ханами Золотой Орды, во время владычества ихъ надъ Россіею. Съ другой стороны, многія изъ принадлежавшихъ Церкви преимуществъ были такого свойства, что могли быть даны Княгинями, Митрополитами, Архіереями и даже просто частными лицами. [285] Относительно времени, къ которому слѣдуетъ отнести происхожденіе обычая давать монастырямъ жалованныя грамоты, должно замѣтить, что, по недостатку данныхъ, нельзя опредѣлить его съ совершенною точностію. Многія изъ грамотъ такого рода могли не дойти до нашего времени; другія, сохранившіяся до нынѣ, извѣстны намъ только въ позднѣйшихъ спи-

---

Пр. Неволина: «О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго» (въ «Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.», 1847, N. 11, Отд. II, стр. 182, пр. 389).

[285] Такъ, на пр., въ одной изъ Новгородскихъ данныхъ XV вѣка, посадникъ Василій Степановичь, отдавая одну изъ своихъ вотчинъ въ монастырь Св. Іоанна Богослова, предоставляетъ монастырю, между прочимъ, слѣдующую привилегію: «а слуцится дѣло монастырскому человѣку съ посадничимъ человѣкомъ съ Васильевымъ, ино судитъ игуменъ съ посадничимъ съ Васильевымъ прикащикомъ». Въ другой данной, принадлежащей также къ разряду Новгородскихъ, сказано: «Се язъ Иванъ Васильевичь, и съ своею женою Евдокіею далъ есми въ домъ Св. Іоанна Богослова.... два села на Паденгѣ, что ми далъ дядя мой Клементей Тимофѣевичь.... и тѣ села вѣдаетъ игуменъ и старьци; а купщики мои съ тѣхъ селянъ купъ не берутъ, и иныхъ никакихъ пошлинъ, ни прикащикъ мой къ нимъ не въѣзжаетъ, ни переваръ не піетъ, ни пошлинъ не емлетъ, ни биричь не наряжаетъ ими, опричь городнаго дѣла, а вѣдаютъ тѣ села на дѣло монастырское». Этотъ Иванъ Васильевичь, какъ видно изъ приписки къ данной, былъ сынъ посадника Василія Степановича («Акты Юрид.», N. 110, VI, VII).

скахъ, такъ что и самая подлинность ихъ подлежитъ болѣе или менѣе сильному сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ можно признать несомнѣннымъ, что въ періодъ до-Монгольскій, обычай дарованія монастырямъ жалованныхъ грамотъ не получилъ еще полной силы и того развитія, до котораго достигъ онъ въ послѣдствіи; по крайней мѣрѣ, изъ этого періода до насъ сохранилось весьма мало извѣстій о предоставленіи духовенству особыхъ правъ и преимуществъ по владѣнію недвижимыми имуществами. [286] Только съ XIV и еще болѣе съ XV вѣка жалованныя духовному сословію грамоты начинаютъ являться во множествѣ. Изъ обозрѣнія ихъ оказывается, что въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ они давались Ханами Золотой Орды (подъ названіемъ ярлыковъ) Новгородскимъ Правительствомъ, [287] Великими Князьями Московскими [288] и другихъ областей, [289] Князь-

---

[286] Изъ до-Монгольскаго періода до насъ дошли, кромѣ Церковныхъ Уставовъ, приписываемыхъ Владиміру и Ярославу, только слѣдующія грамоты, которыя, по содержанію ихъ, можно причислить къ разряду жалованныхъ: 1) грамота В. К. Мстислава Новгородскому Юрьеву монастырю; 2) двѣ грамоты В. К. Всеволода тому же монастырю; 3) грамота Кн. Ростислава Смоленской епископіи. Мы уже говорили объ нихъ выше и замѣтили, что три послѣднія извѣстны намъ не въ подлинникѣ, а въ спискахъ позднѣйшаго времени. Нѣкоторыя другія грамоты того же періода, хотя и могутъ быть отнесены къ разряду жалованныхъ, но разсмотрѣнію нашему не подлежатъ, потому что въ нихъ идетъ дѣло не о вотчинныхъ правахъ духовенства. Такова, на пр., грамота Новгородскаго Князя Всеволода, данная церкви Св. Іоанна Предтечи на Опокахъ (1134—1135) (См. «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 3).

[287] См., на пр., жалованную грамоту Новгородскаго Правительства, т. е., Архіепископа, Посадниковъ, Тысяцкихъ, Бояръ, Житыхъ людей, купцовъ и «всего Господина Государя Великаго Новгорода», данную между 1448 и 1454 годами Троицкому Сергіеву монастырю о несборѣ пошлинъ съ монастырскихъ людей и возовъ, отправляемыхъ съ товарами на Вологду и на Двину («Акты Археогр. Экспед.», т. I, N. 42). См. еще грамоту того же Правительства, данную тому же монастырю объ освобожденіи отъ пошлинъ, отправляемыхъ въ Двинскую землю ладьи и возовъ съ товаромъ, и о неподсудимости Двинскимъ посадникамъ старцевъ, атамановъ и осначевъ (Тамъ же, т. I, N. 104).

[288] Такъ, на примѣръ, В. К. Московскій Иванъ Даниловичъ Калита далъ между 1338 и 1340 годами жалованную грамоту Новгородскому Юрьевскому монастырю о привилегіяхъ людей его, живущихъ на Волгѣ. («Акт. Арх. Экспед.», т. I, N. 4). В. Князь Дмитрій Ивановичъ Донской далъ между 1363—1389 годами, жалованную грамоту Троицкому Сергіеву монастырю (Тамъ же, т. I, N. 7). Сынъ его, В. Князь Василій Дмитріевичъ далъ такія же жалован-

ями Удѣльными, [290] Княгинями, [291] наконецъ Митрополитами и ду-

ныя грамоты между 1389 и 1404 года, Митрополиту Кипріану (Тамъ же, т. I, N. 9); въ 1421 и 1425 годахъ—Митрополиту Фотію (Тамъ же, т. I, N. 23); въ 1425 году — Спасско-Благовѣщенскому монастырю (Тамъ же, т. I. N. 21); въ 1425 году — Спасскому монастырю («Акт. Истор.», т. I, N. 28); около 1428—1436 годовъ, Троицкому Сергіеву монастырю («Акт. Арх. Экспед.», т. I, N. 24). В. Князь Василій Васильевичъ Темный далъ жалованныя грамоты между 1448 и 1454 год. Троицкому Сергіеву монастырю (Тамъ же, т. I, N. 43); въ 1453 году—ему же (Тамъ же, т. I, N. 51, 52); въ 1455 году — ему же (Тамъ же, т. I, N. 56); около 1460 года — ему же (Тамъ же, т. I, N. 64); около 1462 года—ему же («Акт. Истор.», т. I, N. 58, 59); въ 1453, 1459 и 1460 годахъ — Митрополиту Іонѣ («Акт. Арх. Эксп.», N. 50, 61, 63); въ 1455 году — Череповскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 55); въ 1456—Кириллову монастырю (Тамъ же, т. I, N. 60; «Доп. къ Акт. Ист.», т. I, N. 197); около 1462 г. Спасо-Евѳиміеву монастырю («Акт. Истор.», т. I, N. 70, 71); Ср. «Акт. Арх. Эксп.»: т. I, N. 77, 95, 131; «Дополн.», т. I, N. 186. Жалованныхъ грамотъ В. Князя Ивана III, дошло до насъ довольно много. См. «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 73, 76, 82, 83, 89, 98, 110, 112, 113, 117, 118, 122, 124, 126, 130, 131, 133, 139. «Акт. Историч.», т. I, N. 75, 76, 83, 85, 86, 87, 88, 91, 92, 111. Сынъ Ивана III, В. Князь Василій Ивановичъ, также далъ духовенству значительное число жалованныхъ грамотъ. См. «Акт. Арх. Экспед.», т. I, N. 151, 153, 155, 157, 159, 161, 164, 166, 171, 173, 174, 177; т. III, N. 84, 95; «Акт. Истор.», т. I. N. 119, 125, 131, 132, 134.

[289] Такъ, напр., до насъ дошло нѣсколько жалованныхъ грамотъ, данныхъ Великими Князьями: Тверскими («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 5 (1361 — 1365), 34 (1437—1461), 35 (1437 — 1461), 78 (1465), 79 (1465), 116 (1486); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 184 (1428 — 1434)); Нижегородскими («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 12 (1393), 18 (1410 — 1417); «Акт. Истор.», т. I, N. 25, (1418); Рязанскими («Акт. Истор.», т. I, N. 2, (1356 — 1387), 18—14 1402), 36 (1430—1456).

[290] Такъ, на пр., до насъ дошло нѣсколько жалованныхъ грамотъ, данныхъ удѣльными Князьями Ярославскими (Карамз. IV, пр. 328 (XIV вѣка); «Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 15 (1400); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 21 (1497), Верейскими («Акты Арх. Эксп.», т, I. N. 207 (1546), Старицкими («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 217 (1548), 271—773 (1566), Нижегородскими («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 17 (1410—1417), Звенигородскими («Акты Историч.», т. I, N. 15 (1404); «Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 376 (1462—1491), Бѣжецкими («Акты Историч.», т. I, N. 117 (1509), Углицкими («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 19 (1414), 37 (1440), 81 (1466—1478), 102 (1476), 109 (1480), 110 (1486), 121 (1487), 146 (1506), 167 (1520), 329 (1585); «Акты

ховными властями. [292] Со времени Ивана IV, Правительство при-

---

Историч.», т. I, N. 74 (1462—1467), Дмитровскими («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 22 (1423), 69 (1461), 75 (1465), 86 (1470), 88 (1471), 140 (1504), 148 (1507), 152 (1509), 158 (1514), 170 (1521). 371 (1446), 373 (1455), Вологодскими («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 95 (1471), 96 (1471—1473). «Дополн. къ Акт. Ист.», т. I, N. 17, (1479), 198, (1462—1471), 200 (1467), 203, 204, 205, (1471); Бѣлозерскими («Акт. Арх. Экспед.», т. I, N. 30, (1435—1446), 31 (1437), 36 (1438), 47—48 (1450), 65 (1460), 66 (1460), 66 (1460), 100 (1473), 107 (1478—1484), 114 (1485), 377 (1473); «Доп. къ Акт. Ист.», т. I, N. 185 (1435—1447), 187 (1448—1468), 188 (1448—1468), 189 (1448—1468), 190 1448—1468), 192 (1448—1481), 193 (1451), 195 (1455), 196 (1453), 201 (1468), 206 (1471—1475), 207 (1471—1475). (Всѣ эти грамоты даны однимъ только изъ Бѣлозерскихъ Князей, Михайломъ Андреевичемъ); Можайскими («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 38 (1443), Вологодскими («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 136 (1500). «Акт. Истор.», т. I, N. 106 (1498), 108, (1499) и друг. Кромѣ того, монастырямъ давались иногда жалованныя грамоты Татарскими Царями и Царевичами, получившими удѣлы въ Россіи. Такъ до насъ дошли грамоты, данныя Троицко-Песоцкому монастырю Царями: Магмедъ-Аминемъ, («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 135, г. 1498), Обдылъ-Летифомъ (Тамъ же, т. I, N. 154, г. 1512) и Шаалеемъ Шаавлеяровичемъ (Тамъ же, т. I, N. 175, г. 1532); Троицкому Сергіеву монастырю; Царемъ Шаалемъ Шаавлеяровичемъ (Тамъ же, т. I, N. 199 (1543); Кириллову монастырю В. Княземъ Симеономъ Бекбулатовичемъ (Тамъ же, т. I, N. 292 (1576); Спаскому монастырю на Сазѣ имъ же (Тамъ же, т. I, N. 316 (1582).

[291] Такъ, на пр., до насъ дошли жалованныя грамоты, данныя различнымъ духовнымъ заведеніямъ—Великою Княгинею Софіею Витовтовною («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 41, (г. 1448), Великою Княгинею Маріею Ярославовною («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 53 (1453), 72 (1462—1478), 84 (1466—1478), 97 (1471—1473), 99 (1473 — 1478); «Акт. Истор.», т. I, N. 49, (1450); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 194 (1453), Нижегородскою Княгинею Маріею («Акт. Истор.», т. I, N. 29 (1425), Великою Княгинею Рязанскою Анною Васильевною («Акт. Истор.», т. I, N. 81 (1464—1501), старицею Леонидою, вдовою Царевича Ивана Ивановича («Акт. Арх. Экспед.», т. I, N. 320 (1583), и др.

[292] Такъ, на пр., до насъ дошли жалованныя грамоты, данныя Митрополитами Московскими («Акт. Историч.», т. I, N. 129 (1522—1533); «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 105 (1478), 197 (1542), 266 (1564), 278 (1570), 283 (1572), 291 (1576), 325 (1585); «Доп. къ Акт. Ист.», т. I, N. 214 (1496); Патріархами («Акт. Арх. Эксп.», т. II, N. 14 (1601), т. III, N. 175, (1628), 178, (1628); «Акт. Истор.», т. IV, N. 156 (1661); Архіепископами Новгородскими («Акт. Истор.», т. I, N. 142 (1543), 150 (1549), 170 (1563), 181

знало уже необходимымъ пріостановить выдачу новыхъ жалованныхъ грамотъ и принять рѣшительныя мѣры къ уничтоженію существовавшихъ. Тѣмъ не менѣе, грамоты такого рода давались и въ позднѣйшія времена, какъ самимъ Иваномъ IV, [293] такъ и всѣми его преемниками, царствовавшими до начала XVIII столѣтія, Өедоромъ Ивановичемъ, [294] Борисомъ Годуновымъ. [295] Василіемъ Шуйскимъ, [296] Царевичемъ Владиславомъ, [297] Князьями Трубецкимъ и

(1572), 187 (1573), 189 (1574), 197—199 (1577), 203 (1578), 205 (1579), 208 (1580), 210 (1581), 224 (1589); «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 296, (1577), 319 (1583), Митрополитами Новгородскими («Акт. Истор.», т. I, N. 232 — 241 (1591), Архіепископами Ростовскими («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 54 (1455), 71 (1462), 85 (1468), 125 (1489), 128 (1493), 137 (1500), 168 (1520), 176 (1533), 195 (1542), 202 (1544), 293 — 294 (1576), Митрополитами Сибирскими («Акт. Истор.», т. V, N. 247—248 (1695), Епископами Пермскими и Вологодскими («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 214 (1547), 287 (1574); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 220 (1539), Архіепископами Казанскими («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 247 — 248 (1556) и др.

293 См. «Акт. Арх. Экспед.», т. I, N. 178 (1534), 179 (1534), 180 (1534), 182 (1536), 189 (1540), 190 (1540), 194 (1541), 198 (1543), 200 (1543), 203 (1545), 206 (1546), 208 (1546), 216 (1547), 222 (1548), 224 (1549), 252 (1557), 259 (1562), 299 (1578), 300 (1578), 313 (1582), 315 (1582), 317 (1582); «Акт. Историч.», т. I, N. 138 (1537), 141 (1542), 143 (1543), 144 (1545), 145 (1547), 147 (1547), 149 (1547), 152 (1549), 157 (1551), 163 (1556), 164 (1556), 176 (1565), 184 (1573), 188 (1573), 193 (1575), 194 (1575), 202 (1578), 207 (1580), 213 (1583); «Дополн. къ Акт. Историч.», т. I, N. 42 (1547 — 1551), 66 (1555), 111 (1556), 114 (1560), 115 (1562), 122 (1578), 223 (1579), 224 (1579).

294 См. «Акт. Историч.», т. I, N. 217 (1586), 222 (1588), 226 (1589), 246 (1593); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 132 (1587), 136 (1591), 141 (1597), 228 (1591); «Акт. Археогр. Экспед.», т. I, N. 322 (1584), 323 (1584), 327 (1585), 343 (1589), 352 (1591), 353 (1591), 354 (1592), 362 (1595), 363 (1595), 364 (1595).

295 См. «Акт. Истор.», т. II, N. 31 (1600); «Акт. Арх. Эксп.», т. II, N. 12 (1599), 17 (1601), 21 (1602); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 229 (1602); «Полн. Собр. Закон.», т. II, N. 698 (1601), 1016 (1599).

296 См. «Акт. Истор.», т. II, N. 70 (1606), 71 (1606); «Акт. Арх. Эксп.», т. II, N. 68 (1607), 84 (1608), 158 (1610); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 230 (1608).

297 См. «Акт. Арх. Эксп.», т. II, N. 166 (1610).

Пожарскимъ въ эпоху междуцарствія, [298] Михайломъ Өедоровичемъ, [299] Алексѣемъ Михайловичемъ,[300] Өедоромъ Алексѣевичемъ, [301] Петромъ и Иваномъ. [302] Даже и въ XVIII столѣтіи встрѣчаются нѣкоторые, впрочемъ весьма малочисленные, примѣры выдачи, или, по крайней мѣрѣ, подтвержденіе грамотъ этого рода. [303] Вообще, смотря по тому, кто давалъ жалованныя грамоты, и самое содержаніе ихъ было различно; обстоятельство это имѣло даже и на форму ихъ болѣе или менѣе значительное вліяніе. Въ этомъ отношеніи всѣ дошедшіе до насъ памятники этого рода могутъ быть раздѣлены на три главные рязряда, во многомъ отличные одинъ отъ другаго, на грамоты: 1) Монгольскихъ Хановъ; 2) свѣтскаго Правительства древней Россіи, т. е., Князей Удѣльнѣыхъ и Великихъ, Княгинь и Царей, и 3) духовнаго Правительства древней Россіи, т. е., Патріарховъ, Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ. При дальнѣйшемъ изложеніи какъ формы, такъ и содержанія этихъ памятниковъ, мы постоянно будемъ имѣть въ виду это существенное различіе между тремя ихъ разрядами.

---

[298] См. «Акт. Истор.», т. II, N. 339 (1612), 343 (1613).

[299] См. «Акт. Историч.», т. III, N. 2 (1613), 9 (1614), 10 (1614), 58 (1615), 60 (1615), 61 (1615), 67 (1616), 69 (1616), 73 (1617), 82 (1619), 84 (1620), 94 (1621), 111 (1622), 129 (1624), 142 (1626), 144 (1626), 146 (1627), 148 (1627), 149 (1627), 158 (1629), 159 (1629), 186 (1635), 217 (1641); «Акт. Арх. Экспед.», т. III, N. 33 (1614), 41 (1614), 45 (1614), 66 (1615), 69 (1615), 86 (1616), 117 (1621), 164 (1625), 250 (1634), 253 (1635), 267 (1637), 283 (1638), 300 (1641), 301 (1641), 321 (1643); «Полн. Собр. Закон.», т. I, N. 81 (1627), 201 (1625), 205 (1625), 206 (1625); т. II, 681 (1621), 703 (1621), 809 (1619), 811 (1625).

[300] См. «Акт. Историч.», т. IV, N. 41 (1650), 67 (1653), 77 (1654), 86 (1654), 194 (1667), 198 (1667), 208 (1669); «Акт. Арх. Эксп.», т. IV, N. 34 (1648), 42 (1649), 50 (1651), 55 (1652), 58 (1652), 95 (1657), 157 (1667); «Полн. Собр. Закон.», т. I, N. 81 (1652), 93 (1653), 124 (1654), 152 (1655), 224 (1658), 318 (1661), 438 (1668).

[301] См. «Акт. Арх. Эксп.», т. IV, N. 216 (1676), 241 (1680), 244 (1681); «Акт. Истор.», т. V, N. 62 (1680); «Полн. Собр. Зак.», т. II, N. 676 (1677).

[302] См. «Акт. Истор.», т. V, N. 107 (1683), 139 (1686), 141 (1686), 146 (1687), 157 (1687); «Полн. Собр. Закон.», т. II, N. 993 (1683), 1066 (1684), 1130 (1685), 1160 (1686).

[303] См. ниже главу IX.

Жалованныя, тарханныя и несудимыя грамоты давались всего чаще монастырямъ и преимущественно тѣмъ, которые успѣли пріобрѣсть себѣ особую знаменитость и славились какъ святостію своихъ основателей, такъ и господствовавшимъ въ нихъ постоянно духомъ благочестія. По этому наибольшее число такихъ грамотъ получили знаменитѣйшіе изъ нашихъ древнихъ монастырей, Кирилло-Бѣлозерскій, Соловецкій, Троицкій-Сергіевъ и т. под. [304] Вообще, въ этомъ отношеніи мы можемъ только повторить сказанное выше о причинахъ неровнаго распредѣленія богатствъ между различными классами духовенства. Къ выдачѣ жалованныхъ грамотъ монастырямъ преимущественно передъ всѣми прочими духовными заведеніями, или лицами, и съ другой стороны однимъ монастырямъ преимущественно передъ другими, Правительство наше побуждаемо было тѣмъ же самымъ, что побуждало его быть наиболѣе щедрымъ къ монастырямъ, и притомъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ болѣе, чѣмъ къ другимъ. Впрочемъ, кромѣ монастырей, жалованныя грамоты давались также, хотя и въ меньшемъ числѣ, Патріарху, [305] Митрополитамъ и духовнымъ властямъ, [306] церквамъ соборнымъ [307] и даже приход-

---

[304] Считаемъ излишнимъ приводить доказательства: большая часть грамотъ, исчисленныхъ нами въ предшествовавшихъ примѣчаніяхъ, даны монастырямъ, какъ мужескимъ, такъ и женскимъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только заглянуть въ любой томъ «Актовъ Археографической Коммиссіи.»

[305] См., на пр., «Акт. Истор.», т. III, N. 82 (1619); «Акт. Археогр. Экспед.», т. III, N. 109 (1619), 164 (1625); «Акт. Истор.», т. IV, N. 73 (1653), 213, 215 (1670); «Полн. Собр. Закон.», т. I, N. 93 (1653), 200 (1657), 201 (1657); т. II, N. 1130 (1685) и др.

[306] Такъ, на пр., около 1473—1478 годовъ Великая Княгиня Марія Ярославовна дала жалованную грамоту Московскому Митрополиту Геронтію («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 99). Въ 1496 году Иванъ III далъ жалованную грамоту Московскому же Митрополиту Симону (Тамъ же, т. I, N. 133); ему же далъ онъ двѣ жалованныя грамоты въ 1504 году (Тамъ же, т. I, N. 139); ему же въ 1504 году дана была жалованная грамота Дмитровскимъ Княземъ Юріемъ Ивановичемъ (Тамъ же, т. I, N. 140). Въ 1567 году Удѣльный Князь Владиміръ Андреевичь далъ жалованную грамоту Московскому же Митрополиту Филиппу («Акт. Истор.», т. I, N. 178). Въ 1584 году Царь Ѳеодоръ Ивановичъ далъ жалованную грамоту Московскому же Митрополиту Діонисію (Тамъ же, т. I, N. 215). Въ 1598 году Борисъ Годуновъ далъ жалованную несудимую грамоту Новгородскому Митрополиту Варлааму («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 148). Въ 1618 году Михаилъ Ѳедоровичъ далъ жалованную грамоту Новгородскому же

скимъ, [308] наконецъ отдѣльнымъ лицамъ духовнаго званія, т. е., священникамъ [309] и монахамъ. [310] Ханскіе ярлыки писались обыкновенно на имя Митрополита, какъ главы и представителя всего

Митрополиту Исидору («Акт. Историч.», т. III, N. 74). Въ 1623 году онъ же далъ жалованную грамоту Новгородскому же Митрополиту Макарію («Акт. Арх. Эксп.», т. III, N. 139). Въ 1645 году Алексѣй Михайловичъ далъ жалованную грамоту Новгородскому же Митрополиту Аѳонію (Тамъ же, т. IV, N. 3); въ 1649 году Новгородскому же Митрополиту Никону (Тамъ же, т. IV, N. 42), и ему же въ 1651 году (Тамъ же, т. IV, N. 50).

[307] Такъ, на пр., въ 1515 году В. Князь Василій Ивановичъ далъ жалованную грамоту Владимірскому Дмитріевскому Собору (Акт. Арх. Экспед.», т. I, N. 159). Въ 1601 году Борисъ Годуновъ далъ жалованную грамоту Тверскому Спасо-Преображенскому собору («Акт. Арх. Экспед.», т. II, N. 16). Въ 1615 году Михаилъ Ѳедоровичъ далъ жалованную грамоту Торусскому Николаевскому собору («Акт. Истор.», т. III, N. 65). Въ 1625 году онъ же далъ тарханную грамоту Московскому Успенскому собору («Акт. Историч.», т. III, N. 133). Въ 1606 году Василій Шуйскій далъ тарханную грамоту Нижегородскимъ Преображенскому и Архангельскому соборамъ («Акт. Истор.», т. II, N. 69).

[308] Такъ, на пр., въ 1547 году Иванъ IV далъ несудимую грамоту попамъ и церковнымъ причтамъ въ Царскихъ селахъ («Акт. Истор.», т. I, N. 149). Въ 1606 году Шуйскій далъ жалованную грамоту Крестовоздвиженской церкви на Устюжнѣ («Акт. Арх. Эксп.», т. II, N. 162). Въ 1627 году Михаилъ Ѳедоровичъ далъ обѣльную грамоту церкви св. Николая Чудотворца въ Ныробскомъ погостѣ (Акт. Истор.», т. III, N. 149). Въ 1615 году онъ же далъ несудимую грамоту протопопу и прочему духовенству церкви св. Николая Великорѣцкаго на Вяткѣ («Акт. Арх. Эксп.», т. III, N. 67). Въ 1618 году онъ же далъ несудимую грамоту церкви св. Николая Чудотворца въ Чухломѣ (Тамъ же, т. III, N. 95). Въ 1623 году онъ же далъ несудимую грамоту причту церкви Рождества Богородицы въ Устюжнѣ Желѣзопольской (Тамъ же, т. III, N. 130).

[309] Такъ, на пр., въ 1591 году Ѳедоръ Ивановичъ далъ Новгородскому Знаменскому протопопу жалованную грамоту о дозволеніи держать вино на собственной обиходъ и топить лѣтомъ избу и мыльню («Дополн. къ Акт. Историч.», т. I. N. 136). Въ 1614 году Михаилъ Ѳедоровичъ далъ Толвуіскому священнику Ермолаю Герасимову и сыну его, Исааку, обѣльную грамоту на пожалованную имъ вотчину («Акты Историч.», т. III, N. 9).

[310] Такъ, на пр., въ 1446 году Дмитровскій Князь Василій Ярославичъ далъ жалованную грамоту черницѣ Аннѣ Ѳедоровой на принадлежавшее ей имѣніе («Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 371). Въ 1547 году Иванъ IV далъ жалованную грамоту монахинѣ Княгинѣ Евфиміи Шемячичевой («Акты Истор.», т. I, N. 145). Въ 1589 году Царь Ѳедоръ Ивановичъ далъ жалованную грамоту



духовнаго сословія. [311] Что же касается до грамотъ духовныхъ властей, то онѣ, по самому существу ихъ, могли быть даваемы только монастырямъ и церквамъ, какъ непосредственно подчиненнымъ вѣдѣнію и надзору Епархіальнаго начальства. [312]

Жалованная грамота, данная однимъ Княземъ, подтверждалась обыкновенно и всѣми его преемниками; жалованныя грамоты Удѣльныхъ Князей и Княгинь подтверждались иногда Князьями Великими; [313] такія подтвержденія дѣлались даже и послѣ того, какъ за-

---

Царицѣ-инокинѣ Александрѣ («Акты Историч.», т. I, N. 226). Въ 1606 году Василій Шуйскій далъ жалованную грамоту монахинѣ Суздальскаго Покровскаго монастыря, Княгинѣ Александрѣ Ногтевой (Тамъ же, т. II, N. 70).

[311] См. въ текстѣ стр. 79—82.

[312] Всѣ грамоты, исчисленныя въ примѣч. 292, даны монастырямъ и приходскимъ церквамъ (Ср. также прим. 496—519).

[313] Грамоты, данныя Князьями, сказано въ текстѣ, подтверждались обыкновенно ихъ преемниками. Приведемъ нѣсколько доказательствъ. В. Князь Иванъ III, неизвѣстно въ какомъ году, подтвердилъ двѣ жалованныя грамоты отца своего, Василія Темнаго, Кириллову монастырю («Акты Археогр. Экспед.», т. I, N. 48, 60); онъ же подтвердилъ, неизвѣстно въ какомъ году, грамоту Темнаго Троицкому Сергіеву монастырю (Тамъ же, т. I, N. 52). Въ 1465 году грамоту Темнаго же тому же монастырю (Тамъ же, т. I, N. 77). Въ 1494 году грамоту Темнаго же тому же монастырю (Тамъ же, т. I, N. 131). Въ 1484 году грамоту отца же своего Чухломскому Покровскому монастырю (Акты Истор.», т. I, N. 93). Въ 1485 году грамоты отца же своего Симоновскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 95). Сынъ его, В. Князь Василій Ивановичъ, подтвердилъ грамоты своего отца Митрополиту (въ 1506 и 1512 год.; «Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 139) и монастырямъ: Кириллову (въ 1506 и 1531 годахъ; «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 219; «Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 124). Троицкому Сергіеву (въ 1505 и 1534 годахъ. «Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 77, 110, 113, 117, 118, 122, 130, 131), и Спасо-Евѳиміеву (въ 1506 году; «Акты Истор.», т. I, N. 91). Ср. еще прим. 314). Грамоты Удѣльныхъ Князей и Княгинь, сказано далѣе въ текстѣ, подтверждались весьма часто Князьями Великими. Приведемъ нѣсколько доказательствъ и на это положеніе. Въ 1506 году В. К. Василій Ивановичъ, а въ 1534 году сынъ его, Иванъ IV, подтвердили грамоту В. Княгини Маріи Ярославовны Троицкому Сергіеву монастырю («Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 53). Въ 1506 году Василій Ивановичъ, а въ 1534 и 1541 годахъ Иванъ IV подтвердили грамоту той же В. Княгини Благовѣщенскому монастырю на Киржачѣ (Тамъ же, т. I, N. 72). Въ 1534 и 1541 годахъ Иванъ IV подтвердилъ грамоту Дмитровскаго Князя Юрія Ивановича Троицкому Сергіеву мона-

законодательною властію приняты были мѣры къ уничтоженію всѣхъ тархановъ и привилегій духовенства. Иванъ IV-й и всѣ его преемники, до самаго Петра Великаго, не только давали новыя жало-

стырю (Тамъ же, т. I, N. 148). Въ 1539 году Иванъ IV, а въ 1627 году Михаилъ Өедоровичь, подтвердили грамоту того же Князя Срѣтенскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 158). Въ 1587 году Өедоръ Ивановичь, а въ 1606 Самозванецъ, подтвердили жалованную грамоту Волоцкаго Князя, Өедора Борисовича, Іосифову Волоколамскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 136). Въ 1627 году Михаилъ Өедоровичь подтвердилъ грямоту Тверскаго Великаго Князя Бориса Александровича Срѣтенскому женскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 35) и т. д.

Въ дополненіе къ сказанному выше, прибавимъ еще слѣдующія замѣчанія: 1) Нѣкоторые Великіе Князья подтверждали иногда ими же самими данныя грамоты. Такъ, на пр., Иванъ III въ 1499 году подтвердилъ жалованную грамоту, данную имъ Митрополиту Симону въ 1496 году («Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 133). Въ 1547 году Иванъ IV подтвердилъ грамоту, данную имъ же самимъ Симонову монастырю (Тамъ же, т. I, N. 216). Въ 1551 году онъ подтвердилъ жалованную грамоту, данную имъ же самимъ въ 1543 году Троицкому Сергіеву монастырю («Акты Истор.», т. I, N. 143). Въ 1621 году Михаилъ Өедоровичь подтвердилъ жалованную грамоту, данную имъ же самимъ Пурдышевскому монастырю въ 1614 году («Акты Историч.», т. III, N. 94). 2) Нѣкоторые Князья и Цари подтверждали грамоты своихъ предшественниковъ нѣсколько разъ; такъ, на пр., Өедоръ Ивановичь подтвердилъ два раза, сперва въ 1584, а потомъ въ 1587 году жалованную грамоту своихъ предшественниковъ Московскому Митрополиту («Акты Истор.», т. I, N. 215); одна жалованная грамота Өедора Ивановича Троицкому Сергіеву монастырю была два раза подтверждена Михайломъ Өедоровичемъ, сперва въ 1614, а потомъ въ 1615 году («Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 336). Одна жалованная грамота Өедора Ивановича Вяжицкому монастырю была также подтверждена два раза Михайломъ Өедоровичемъ, въ 1617 и въ 1622 годахъ («Акты Историч.», т. II, N. 68). Грамота Ивана IV Солотчинскому монастырю подтверждена была Михайломъ Өедоровичемъ три раза, въ 1614, въ 1621 и 1630 годахъ (Тамъ же, т. II, N. 79). Иванъ IV далъ почти всѣмъ жалованнымъ грамотамъ своихъ предшественниковъ двукратное подтвержденіе, сперва какъ Великій Князь, а потомъ какъ Царь; такъ, на пр., на жалованной грамотѣ В. Княгини, Маріи Ярославовны, Благовѣщенскому на Киржачѣ монастырю приписано слѣдующее: «Князь Великій Иванъ Васильевичь всеа Русіи, по сей грамотѣ пожаловалъ.... игумена Іасафа съ братьею, или кто по нихъ иный игуменъ будетъ, сее грамоты у нихъ рушати не велѣлъ никому ни чѣмъ. Лѣта 7042, Февраля въ 9 день»; и ниже: «Лѣта 7059, Маія въ 17 день, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, сее грамоты слушалъ, и выслушавъ сю грамоту, богомолца своего.... игумена Артемья съ

ванныя грамоты, но и подтверждали обыкновенно всѣ старыя, данныя прежде вступленія ихъ на престолъ. [314] Дѣлалось это почти

братьею, или кто по нихъ иный игуменъ будетъ въ томъ монастырѣ, пожаловалъ, велѣлъ имъ сю грамоту подписати на свое Царево и Великаго Князя имя, и сей у нихъ грамоты рушати не велѣлъ никому ничѣмъ, а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ потому, какъ въ сей грамотѣ писано» («Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 72. См. также «Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 77, 117, 124, 131, 148, 151, 159, 164, 166, 171, 174, 177 и друг.); 3) Случалось иногда, что Удѣльные Князья подтверждали жалованныя грамоты, данныя Князьями Великими. Такъ, на пр., въ 1509 году удѣльный Князь Семенъ Ивановичь подтвердилъ жалованную грамоту Ивана III Троицкому Сергіеву монастырю («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 131). Князь Юрій Васильевичь подтвердилъ жалованную грамоту В. Князя Василія Ивановича Кассіано-Учемскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 171).

[314] Приведемъ нѣсколько примѣровъ: Иванъ IV подтвердилъ въ 1534 году грамоту В. Княгини Маріи Ярославовны Троицкому Сергіеву монастырю («Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 53). Въ 1534 и 1551 годахъ ея же грамоту Благовѣщенскому на Киржачѣ монастырю (Тамъ же, т. I, N. 72). Въ тѣ же года грамоту Ивана III Троицкому Сергіеву монастырю (Тамъ же, т. I, N. 77). Въ 1534 году его же грамоту тому же монастырю (Тамъ же, т. I, N. 110). Въ 1534 и 1551 годахъ его же грамоту тому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 117). Въ 1534 году его же грамоту тому же монастырю (Тамъ же, т. I, N. 118). Въ 1534 и 1551 годахъ его же грамоту Кириллову монастырю (Тамъ же, т. I, N. 124). Въ 1534 году его же грамоту Троицкому Сергіеву монастырю (Тамъ же, т. I, N. 130). Въ 1534 и 1551 годахъ его же грамоту тому же монастырю (Тамъ же, т. I, N. 131). Въ тѣхъ же годахъ грамоту Дмитровскаго Князя Юрія Ивановича тому же монастырю (Тамъ же, т. I, N. 148). Въ тѣхъ же годахъ грамоту В. Князя Василія Ивановича тому же монастырю (Тамъ же, т. I, N. 151). Въ тѣхъ же годахъ его же грамоту Владимірскому Дмитріевскому Собору (Тамъ же, т. I, N. 159). Въ тѣхъ же годахъ его же грамоту Троицкому Сергіеву монастырю (Тамъ же, т. I, N. 164). Въ тѣхъ же годахъ его же грамоту тому же монастырю (Тамъ же, т. I, N. 166). Въ 1534 и 1560 годахъ его же грамоту Кассіяно-Учемскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 171). Въ 1534 и 1551 годахъ его же грамоту Троицкому Сергіеву монастырю (Тамъ же, т. I, N. 174). Въ тѣхъ же годахъ его же грамоту Кириллову монастырю (Тамъ же, т. I, N. 177). Въ 1541 году свою же грамоту Ѳерапонтову монастырю (Тамъ же, т. I, N. 193). Въ 1547 году свою же грамоту Симонову монастырю (Тамъ же, т. I, N. 216). Въ 1551 году свою же грамоту, данную Кириллову монастырю въ 1538 году (Тамъ же, т. I, N. 228). Въ 1535 году грамоту Ивана III Волотовскому монастырю («Акты Историч.», т. I, N. 111). Въ 1547 году свою же грамоту монахинѣ Евѳиміи Шемячичевой (Тамъ же, т. I, N. 145).

Въ томъ же году свою же грамоту Спасо-Евѳиміеву монастырю (Тамъ же, т. I, N. 148). Въ 1551 году свою же грамоту, данную Корельскому Николаевскому монастырю въ 1542 году (Тамъ же, т. I, N. 156). Въ 1556 году грамоты всѣхъ предшественниковъ своихъ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 163). Въ 1558 году свою же грамоту Суздальскому Покровскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 166). Въ 1575 году грамоту Ивана III Троицкому Сергіеву монастырю (Тамъ же. т. I, N. 192). Въ 1578 году грамоту Василія Ивановича Суздальскому Епископу (Тамъ же, т. I, N. 200). Въ 1581 году свою же грамоту Спасо-Евѳиміеву монастырю (Тамъ же, т. I, N. 209). Въ 1548 году грамоту Василія Ивановича Важскому Богословскому монастырю («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 44). Въ 1551 году его же грамоту Новгородскому Юрьеву монастырю (Тамъ же, т. I, N. 46). Въ 1554 году грамоты Ивана III и Василія Ивановича Коневскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 48). Въ 1555 году свою же грамоту Ладожскому Васильевскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 54).

Ѳедоръ Ивановичь подтвердилъ въ 1587 году грамоту Волоцкаго Князя Ѳедора Борисовича Іосифову Волоколамскому монастырю («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 136). Въ 1585 году грамоту Василія Ниловой Сорской пустыни (Тамъ же, т. I, N. 157). Въ 1584 году его же грамоту той же пустынѣ (Тамъ же, т. I, N. 173). Въ 1586 году грамоту Ивана IV Троицкому Сергіеву монастырю (Тамъ жe, т. I, N. 330). Въ 1588 году его же грамоту тому же монастырю (Тамъ же, т. I, N. 336). Въ томъ же году его же грамоту тому же монастырю (Тамъ же, т. I, N. 339). Въ 1589 году его же грамоты Новоторжскому Воскресенскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 344). Въ 1597 году его же грамоту Кириллову монастырю (Тамъ же, т. I, N. 368). Въ 1588 году грамоту Василія Ивановича Терехову монастырю (Тамъ же, т. I, N. 386). Въ 1584 году грамоту Ивава III Волотовскому монастырю («Акты Истор.», т. I, N. 111). Въ 1584 и 1587 годахъ грамоты Василія Дмитріевича, Василія Темнаго, Ивана III, Василія Ивановича и Ивана IV Московскому Митрополиту (Тамъ же, т. I, N. 215). Въ 1588 году грамоту Ивана IV Астраханскому Троицкому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 223). Въ 1595 году свою же грамоту Саввино-Сторожевскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 247). Въ 1584 году грамоту Ивана IV Николаевскому Медвѣдскому монастырю («Дополн. къ Акт. Историч.», т. I, N. 130).

Борисъ Годуновъ подтвердилъ въ 1598 году грамоту Ѳедора Ивановича Николаевскому Медвѣдскому монастырю («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 130). Въ 1599 году его же грамоту Протопопу Новгородской церкви Знаменья (Тамъ же, т. I, N. 136). Въ 1600 году его же грамоту Введенскому на рѣкѣ Ояти монастырю (Тамъ же, т. I, N. 141). Въ 1598 году его же грамоту Валаамскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 142). Въ томъ же году грамоту Ивана IV Савво-Вишерскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 144). Въ

томъ же году грамоту Өедора Ивановича Новгородскому Митрополиту (Тамъ же, т. I, N. 148). Въ 1602 году его же грамоту Троицкому Сергіеву монастырю («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 340). Въ 1599 году грамоту Ивана III Волотовскому монастырю («Акты Историч.», т. I, N. 111). Въ томъ же году грамоты Өедора Ивановича Царицѣ-инокинѣ Александрѣ (Тамъ же, т. I, N. 218, 226). Въ томъ же году его же грамоту Горицкому Воскресенскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 217). Въ томъ же году грамоты Василія Дмитріевича и всѣхъ его преемниковъ Московскимъ Митрополитамъ (Тамъ же, т. I, N. 215). Въ 1600 году грамоту Өедора Ивановича Астраханскому Троицкому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 33). Въ 1601 году грамоту Ивана IV Тверскому Спасо-Преображенскому собору («Акты Арх. Экспед.», т. II, N. 16).

Лжедимитрій подтвердилъ въ 1606 году грамоту Волицкаго Князя Өедора Борисовича Іосифову Волоколамскому монастырю («Акт. Арх. Экспед.», т. I. N. 136). Въ томъ же году грамоту Өедора Ивановича Кириллову монастырю (Тамъ же, I. N. 368). Въ 1605 году грамоту Іоанна IV Солотчинскому монастырю («Акт. Истор. т. II, N. 58). Въ томъ же году его же грамоту Корельскому Николаевскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 59). Въ томъ же году грамоту Өедора Ивановича Тихвинскому Успенскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 60). Въ томъ же году грамоту Ивана IV Суздальскому Покровскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 61). Въ 1606 году грамоту Өедора Ивановича Астраханскому Троицкому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 64). Въ 1605 году грамоту Бориса Годунова Шесскому Николаевскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 347). Въ томъ же году грамоту Ивана IV Данилову монастырю («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 222).

Василій Ивановичь Шуйскій подтвердилъ въ 1607 году грамоты предшественниковъ своихъ Московскимъ Митрополитамъ («Акт. Историч.», т. I, N. 215). Въ 1608 году грамоту Өедора Ивановича Горицкому Воскресенскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 217). Въ 1606 году грамоты Өедора Ивановича Царицѣ-инокинѣ Александрѣ (Тамъ же, т. I, N. 218, 226). Въ томъ же году его же грамоту Ярославскому Спасскому монастырю («Акт. Арх. Экспед.», т. I, N. 362). Въ 1606 году грамоты Ивана IV и Өедора Ивановича Кириллову монастырю («Дополн. къ Акт. Истор.» т. I, N. 152). Въ 1608 году грамоту Өедора Ивановича Михалицкому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 155). Въ 1606 году грамоту Василія Ивановича и Ивана IV Крестовоздвиженской церкви на Устюжнѣ («Акт. Археогр. Экспед.», т. II, N. 62). Въ 1608 году грамоту Өедора Ивановича Солигалицкому Воскресенскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 85). Въ 1610 году грамоты Василья Ивановича, Ивана IV и Өедора Ивановича Борисоглѣбскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 161). Въ 1606 году грамоту Өедора Ивановича Вяжицкому монастырю («Акт. Историч.», т. II, N. 68). Въ томъ же году грамоты своихъ предшественниковъ Нижегородскимъ Соборамъ (Тамъ же, т. II, N. 69). Въ томъ же году грамоты Ивана

IV Суздальскому Покровскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 73, 74). Въ 1607 году его же грамоту Корельскому Николаевскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 77). Въ томъ же году его же грамоту Солотчинскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 79). Въ 1608 году грамоты Ивана IV и Θедора Ивановича Архангелогородскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 86).

Князья Пожарской и Трубецкой, управлявшіе Россіею во времена междуцарствія, подтвердили въ 1611 и 1612 годахъ всѣ жалованныя грамоты, данныя прежними Государями въ Кирилловъ и Соловецкій монастыри («Акты Арх. Экспед.», т. II, N. 204, 205; «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 232).

Михаилъ Θедоровичь подтвердилъ въ 1627 году грамоту Тверскаго В. Князя Бориса Александровича Срѣтенскому монастырю («Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 35). Въ 1613 году грамоту Θедора Ивановича Троицкому Сергіеву монастырю (Тамъ же, т. I, N. 330). Въ 1614 и въ 1625 годахъ его же грамоту тому же монастырю (Тамъ же, т. I, N. 336). Въ 1614 году его же грамоту тому же монастырю (Тамъ же, т. I, N. 339). Въ 1617 году его же грамоту Вяжицкому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 354). Въ 1627 году грамоту Дмитровскаго Князя Юрія Ивановича Срѣтенскому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 158). Въ 1615 году грамоту В. К. Василія Ивановича Владимірскому Дмитріевскому Собору (Тамъ же, т. I, N. 159). Въ 1616 году грамоту Шуйскаго Крестовоздвиженской церкви на Устюжнѣ (Тамъ же, т. II, N. 62). Въ 1614 году грамоты своихъ предшественниковъ Московскимъ Митрополитамъ («Акты Истор.», т. I, N. 215). Въ 1616 году грамоту Θедора Ивановича Астраханскому Троицкому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 223). Въ 1617 и въ 1622 годахъ грамоту Шуйскаго Вяжицкому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 68). Въ 1614 и въ 1624 годахъ его же грамоту Нижегородскимъ Соборамъ (Тамъ же, т. II, N. 69). Въ 1613 году его же грамоту монахинѣ Суздальскаго Покровскаго монастыря Княгинѣ Александрѣ Ноггевой (Тамъ же, т. II, N. 70). Въ 1614 и 1623 годахъ его же грамоты Суздальскому Покровскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 71, 73, 74). Въ 1615 году его же грамоту Корельскому Николаевскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 77). Въ 1614, 1621 и 1630 годахъ его же грамоту Солотчинскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 79). Въ 1613 и 1621 годахъ его же грамоту Архангелогородскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 86). Въ 1616 году его же грамоту Кириллову монастырю («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 152). Въ 1613 году грамоты предшественниковъ своихъ Троицкому Сергіеву монастырю («Акты Арх. Экспед.», т. III, N. 1, 11). Въ 1615 году грамоту Ивана IV церкви Св. Николая Великорѣцкаго на Вяткѣ (Тамъ же, т. III, N. 67). Въ 1616 году грамоты В. К. Василія Ивановича, Ивана IV и Θедора Бѣжецкому Антоніеву монастырю (Тамъ же, т. III, N. 84). Въ 1617 году грамоту Ивана IV Деревяницкому Воскресенскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 89). Въ 1618 году грамоты В. К. Василія Ивановича, Ивана IV и Θедора церкви Св. Николая Чудотворца въ Чухломѣ

(Тамъ же, т. III, N. 95). Въ 1619 году грамоту Ивана IV Патріарху, тогда Митрополиту (Тамъ же, т. III, N. 109). Въ 1620 году грамоту Θедора Ивановича Васильевскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 114). Въ 1623 году грамоту Ивана IV церкви Рождества Богородицы въ Устюжнѣ (Тамъ же, т. III, N. 130). Въ томъ же году грамоты Василія Ивановича и Ивана IV Іоанно-Предтеченскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 133). Въ томъ же году грамоту Θедора Ивановича Новгородской Митрополіи (Тамъ же, т. III, N. 139). Въ 1641 году грамоту Ивана IV Новгородскому Софійскому Собору (Тамъ же, т. III, N. 306). Въ 1642 году свою же грамоту, данную въ 1622 году Тихвинскому Успенскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 314). Въ 1615 году грамоту Θедора Ивановича Торузскому Николаевскому Собору («Акты Истор.», т. III, N. 65). Въ 1616 году грамоту Ивана IV Архангельскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 70). Въ 1617 году грамоту Θедора Ивановича Новгородской Митрополіи (Тамъ же, т. III, N. 74). Въ 1618 году грамоту В. К. Василія Ивановича Вожеозерскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 76). Въ 1619 году грамоту Ивана IV Спасо-Прилуцкому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 79). Въ 1614 и 1621 годахъ грамоты предшественниковъ своихъ Пурдышевскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 94). Въ тѣхъ же годахъ грамоту Θедора Ивановича Сійскому Антоніеву монастырю (Тамъ же, т. III, N. 95). Въ 1621 году грамоту Ивана IV Николаевскому Корельскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 97). Въ томъ же году его же грамоту Вяжицкому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 104). Въ 1622 году грамоту Θедора Ивановича Іосифову Волоколамскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 108). Въ томъ же году грамоту Ивана IV Астраханскому Троицкому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 111). Въ 1621 и 1623 годахъ грамоты всѣхъ предшественниковъ Двинскому Архангельскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 118). Въ 1623 году грамоту Шуйскаго Суздальскому Покровскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 119). Въ томъ же году грамоты своихъ предшественниковъ Симонову монастырю (Тамъ же, т. III, N. 120). Въ томъ же году грамоту Шуйскаго Николаевскому Корельскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 123). Въ томъ же году грамоты своихъ предшественниковъ Двинскому Архангельскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 126). Въ 1625 году грамоты Ивана IV и Θедора Ивановича Московскому Успенскому Собору (Тамъ же, т. III, N. 133).

Алексѣй Михайловичь подтвердилъ въ 1646 году грамоту Михаила Θедоровича Толвуйскому священнику Ермолаю Герасимову («Акт. Истор.», т. III, N. 9). Въ томъ же году его же грамоту Торузскому Николаевскому Собору (Тамъ же, N. 65). Въ 1650 году его же грамоту Пурдышевскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 94). Въ 1646 году его же грамоту Сійскому Антоніеву монастырю (Тамъ же, т. III, N. 95). Въ 1647 году его же грамоту Вяжицкому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 104). Въ 1646 году его же грамоту Астраханскому Троицкому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 111). Въ томъ же

году его же грамоты Тихвинскому Введенскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 139, 142). Въ 1657 году грамоты предшественниковъ своихъ Патріарху (Тамъ же, т. I, N. 215). Въ 1646 году грамоту Θедора Ивановича Астраханскому Троицкому монастырю (Тамъ же, т. I, N. 223). Въ 1653 году грамоту Шуйскаго Вяжицкому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 68). Въ 1649 году его же грамоты Суздальскому Покровскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 73, 74). Въ 1646 году грамоту Михайла Θедоровича Деревяницкому Воскресенскому монастырю («Акт. Арх. Эксп.», т. III, N. 89). Въ 1649 году его же грамоту Васильевскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 114). Въ 1645 году грамоты Михайла Θедоровича Новгородской Митрополіи (Тамъ же, т. IV, N. 3). Въ 1647 году его же грамоту Тихвинскому монастырю (Тамъ же, т. IV, N. 20). Въ 1663 году его же грамоты Устюжскимъ монастырямъ (Тамъ же, т. IV, N. 146). Въ 1648 году грамоту Θедора Ивановича Елецкой Благовѣщенской пустыни («Акт. Истор.», т. IV, N. 24). Въ 1653 году грамоту Михайла Θедоровича Патріарху (Тамъ же, т. IV, N. 73). Въ 1662 году грамоты своихъ предшественниковъ Московскому Новодѣвичьему монастырю (Тамъ же, т. IV, N. 166). Въ 1666 году грамоты Михайла Θедоровича Соловецкому монастырю (Тамъ же, т. IV, N. 188). Въ 1670 году грамоты Михайла Θедоровича Патріарху (Тамъ же, т. IV, N. 213, 215). Въ 1672 году грамоты предшественниковъ своихъ Соловецкому монастырю (Тамъ же, т. IV, N. 228). Въ 1674 году грамоты предшественниковъ своихъ Кольскому Печенскому монастырю (Тамъ же, т. IV, N. 254). Въ 1650 году грамоты прежнихъ Царей Троицкому Сергіеву монастырю («Полн. Собр. Закон.», т. I, N. 35). Въ 1657 году грамоту Бориса Годунова Патріаршему престолу (Тамъ же, N. 200). Въ томъ же году грамоту Михайла Θедоровича также Патріаршему престолу (Тамъ же, т. I, N. 201). Въ томъ же году двѣ грамоты Михайла же Θедоровича Троицкому Сергіеву монастырю (Тамъ же, т. I, N. 205—206).

Θедоръ Алексѣевичь подтвердилъ въ 1677 году грамоту Θедора Ивановича Астраханскому Троицкому монастырю («Акт. Истор.», т. I, N. 223). Въ 1681 году грамоты Шуйскаго Суздальскому Покровскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 73, 74). Въ 1677 году грамоту Михайла Θедоровича Сійскому Антоніеву монастырю (Тамъ же, т. III, N. 95). Въ томъ же году его же грамоту Астраханскому Троицкому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 111). Въ томъ же году его же грамоты Тихвинскому Введенскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 139, 142). Въ томъ же году грамоту Алексѣя Михайловича Іосифову Волоколамскому монастырю («Акт. Арх. Эксп.», т. IV, N. 219). Въ 1679 году грамоты Алексѣя Михайловича Саввино-Сторожевскому монастырю (Тамъ же, т. IV, N. 235). Въ 1676 году его же грамоту Кіевскому Межигорскому монастырю («Акт. Истор.», т. V, N. 3). Въ 1677 году грамоту Бориса Годунова Кириллову монастырю («Полн. Собран. Зак.», т. II, N. 698). Въ 1676 году грамоту Алексѣя Михайловича Макарову Колязинскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 625). Въ 1677 году грамоту Михайла Θедоровича Глушицкому По-

кровскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 681). Въ томъ же году его же грамоту Успенскому Зилантовскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 703). Въ 1678 году грамоту Алексѣя Михайловича Иверскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 716). Въ томъ же году его же грамоту Печерскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 720). Въ 1679 году грамоты прежнихъ Государей Николаевскому Вяжицкому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 769). Въ 1680 году грамоту Бориса Годунова Троицкому Сергіеву монастырю (Тамъ же, т. II, N. 807). Въ томъ же году грамоту Шуйскаго тому же монастырю (Тамъ же, т. II, N. 808), и въ томъ же году три грамоты Михайла Θедоровича тому же монастырю (Тамъ же, т. II, N. 809—811).

Иванъ и Петръ Алексѣевичи подтвердили въ 1688 году грамоту Михайла Θедоровича Толвуйскому священнику Ермолаю Герасимову («Лѣт. истор.», т. III, N. 9). Въ 1685 году его же грамоту Антоніеву Сійскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 95). Въ 1686 году его же грамоты Тихвинскому Введенскому монастырю (Тамъ же, т. III, N. 139, 142). Въ 1684 году грамоты Шуйскаго Суздальскому Покровскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 73, 74). Въ 1682 году грамоту Θедора Алексѣевича Макарьевскому монастырю (Тамъ же, т. V, N. 99). Въ 1684 году грамоты Алексѣя Михайловича и Θедора Алексѣевича Саввино-Сторожевскому монастырю (Тамъ же, т. V, N. 115, 116). Въ 1686 году грамоты Алексѣя Михайловича Новгородской Митрополіи (Тамъ же, т. V, N. 135), а въ 1688 году Кіевскому Вознесенскому (Тамъ же, т. V, N. 164) и Межигорскому Преображенскому монастырямъ (Тамъ же, т. V, N. 165). Въ 1683 году грамоты прежнихъ Царей Корниліеву Комельскому монастырю («Полн. Собр. Закон.», т. II, N. 1016). Въ томъ же году грамоту Алексѣя Михайловича Иверскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 1007). Въ томъ же году его же грамоту Корниліеву Комельскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 1012). Въ томъ же году грамоту Бориса Годунова Кириллову монастырю (Тамъ же, т. II, N. 1041). Въ 1684 году грамоту Алексѣя Михайловича Макарьеву Колязинскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 1063). Въ томъ же году грамоту Михайла Θедоровича Глушицкому Покровскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 1090). Въ 1685 грамоту Алексѣя Михайловича Ставроскому Крестному монастырю (Тамъ же, т. II, N. 1119). Въ томъ же году прежнія грамоты Кіевскому и Галицкому Митрополиту (Тамъ же, т. II, N. 1144). Въ 1686 году грамоту Михайла Θедоровича Корнилову Комельскому монастырю (Тамъ же, т. II, N. 1167). Въ 1687 году грамоты прежнихъ Государей тому же монастырю (Тамъ же, т. II, N. 1242).

О подтвержденіяхъ, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ и нѣкоторыми изъ его преемниковъ, см. ниже въ главѣ IX.

Нельзя не замѣтить, что каждый изъ Государей, о которыхъ сказано было въ этомъ и въ предшествовавшихъ примѣчаніяхъ, большую часть своихъ подтвержденій далъ въ одномъ какомъ либо году, и притомъ вскорѣ по всту-

всегда по просьбамъ самихъ монастырей, [315] частію потому, что древнія грамоты приходили въ ветхость, или случайно погибали, [316] ча-

---

шествіи своемъ на престолъ; Василій Ивановичъ, на пр., въ 1506-мъ, Иванъ IV въ 1534-мъ, Михайло Феодоровичъ въ 1613 — 1615-мъ, Алексѣй Михайловичъ въ 1646-мъ, Феодоръ Алексѣевичъ въ 1677-мъ. Изъ этого видно, что подтвержденіе жалованныхъ грамотъ, данныхъ предшественниками, было общею, обычною мѣрою, распространявшеюся, вѣроятно, на всѣ духовныя заведенія. Подтвердительныя грамоты, которыя давались въ послѣдствіи, въ разные годы и разнымъ монастырямъ, имѣли уже свойство особенныхъ, случайныхъ мѣръ, принимавшихся въ слѣдствіе нарушенія правъ того или другаго монастыря. Въ особенности объ Иванѣ IV должно замѣтить, что онъ два раза въ теченіе своего царствованія далъ общее подтвержденіе почти всѣмъ грамотамъ своихъ предшественниковъ, въ первый разъ въ 1534-мъ, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, и во вторый разъ въ 1551 гоау, послѣ изданія узаконенія, которымъ запрещено было духовенству пріобрѣтать вновь вотчины безъ царскаго разрѣшенія.

315 Въ началѣ подтвердительныхъ грамотъ означалось почти всегда, что ближайшимъ побужденіемъ къ ихъ выдачѣ были просьбы духовнаго заведенія. Почти всегда излагалось при этомъ съ большею или меньшею подробностію и самое содержаніе просьбы. См. примѣры, приведенные въ трехъ слѣдующихъ примѣчаніяхъ.

316 Такъ, на пр., въ одной подтвердительной жалованной грамотѣ Ивана IV Кириллову монастырю (1551 г.), причины выдачи ея объясняются слѣдующимъ образомъ: «билъ ми челомъ богомолецъ нашъ, Кирилова монастыря игуменъ Семіонъ съ братьею, а сказали что, ден, у нихъ была наша жалованная.... грамота.... и та, ден, у нихъ наша жалованная.... грамота утерялась, а въ книгахъ, ден, та грамота у нашихъ дьяковъ у Юрья у Сидорова, да у Кожуха у Кроткаго написана. И будетъ у нихъ та наша грамота жалованная.... утерялася, и язь, Царь и В. Князь, велѣлъ того діакомъ въ книгахъ доискатися: была ли такова у Кириловскаго игумена съ братьею наша жалованная.... грамота? И діаки наши... въ книгахъ тое грамоты доискалися, что такова.... грамота у Кириловскаго игумена съ братьею была, а дана была имъ та грамота по Княжь Дмитровской грамотѣ Ивановича Углецкаго, лѣта 7046, Іюня въ 6, а подпись на грамотѣ была діака нашего, Феодора Мишурина; а на мое Царево и В. Князя имя та грамота была подписана лѣта 7058, Сентября 12, рушити было ее не велѣно никому ничѣмъ, а подписи припись была у тое грамоты діака нашего, Юрья Сидорова. И язъ, Царь и В. Князь, Иванъ Васильевичь всеа Русіи Кирилова монастыря игумена Семіона съ братьею.... пожаловалъ, велѣлъ есми имъ дати.... свою.... грамоту новую, старыя ихъ грамоты съ книгъ слово въ слово» («Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 228). Подтвердительная жалованная грамота того же Государя Корельскому Николаевскому монастырю (1551) начинается такъ: «Се язъ Царь и В. Князь Иванъ Васильевичь всея Русіи пожаловалъ есмя строителя Карьяка съ братьею.... по ихъ

стію на томъ основаніи, что духовенство не считало правъ, дарованныхъ ей какимъ-либо Княземъ, достаточно обезпеченными, пока они не были преемниками его подтверждены и торжественно признаны.[517] Весьма часто подтвержденіе жалованныхъ грамотъ дѣла-

---

по старой по жалованноѣ грамотѣ, которая имъ дана въ лѣтѣ 7056 въ Декабрѣ; а подпись у тоѣ грамоты діака Василья Захарова, и та у нихъ грамота и печать отъ пожару испортилась; и мнѣ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ та грамота переписати. И язъ ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ ту грамоту переписати» («Акты Истор.», т. I, N. 156). Подтвердительная жалованная грамота того же Государя Коневскому монастырю (1554 г.) дана въ слѣдствіе принесенной начальствомъ этого монастыря просьбы слѣдующаго содержанія: «Били мнѣ челомъ о томъ, что, деи, у нихъ въ лѣтѣ 6061 году, въ Пятницу на Св. недѣлѣ, въ ихъ монастырѣ церкви ихъ большая и теплая сгорѣли, и въ церквахъ образы и книги, и все церковное строенье, и всякіе монастырскіе крѣпости, и грамота жалованная, даніе дѣда и отца моего, въ церкви сгорѣла жъ, и колоколы, деи, и кельи, и житницы съ хлѣбомъ, и всякой монастырской животъ погорѣлъ; и нынѣ, деи, имъ, и ихъ людемъ и крестьяномъ, впередъ безъ нашей грамоты жалованные, отъ Нашихъ Ноугороцкихъ, и отъ Корѣльскихъ, и отъ Орѣховскихъ намѣстников, и отъ дворецкихъ, и отъ конюшихъ, и отъ архіепископскихъ пошлинниковъ, и отъ волостелей и отъ ихъ пошлинниковъ прожити не мочно» («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 48). Въ подтвердительной жалованной грамотѣ Шуйскаго Крестовоздвиженской церкви на Устюжнѣ (1606 г.) сказано: «Се язъ Царь и В. Князь.... пожаловалъ есми попа Іосифа.... что онъ намъ билъ челомъ, а сказалъ: грамота, де, у него жалованная В. Князя Василья Ивановича всеа Русіи, и Царя и В. Князя Ивана Васильевича всеа Русіи на тоіі грамотѣ имя подписано, а на Наше Царьское имя тое грамоты подписати нелзѣ, что та грамота ветха; и намъ бы его, попа Іосифа, пожаловати, велѣти та грамота переписати на наше Царево и В. Князя Василья Ивановича всеа Русіи имя» («Акты Арх. Эксп.», т. II, N. 62). Въ подтвердительной жалованной грамотѣ Бориса Годунова Спасо-Преображенскому Тверскому собору сказано: «Божіею милостію Мы, Великій Государь.... пожаловали есмя протопопа Василья съ братьею.... били намъ челомъ и положили передъ нами на деревни жалованную грамоту блаженной памяти Государя, Царя и В. Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, и та грамота ветха, и подписати се на Наше Царьское имя нелзѣ; и Намъ бы Преображенскаго протопопа Василья съ братьею пожаловати, велѣти тое грамоту переписати на свое Царьское имя» (Тамъ же, т. III, N. 16).

517 Это доказывается, съ одной стороны, обычаемъ представлять на подтвержденіе каждому новому Государю, немедленно по вступленіи его на престолъ, всѣ грамоты его предшественниковъ (см. выше прим. 314), а съ другой, выраженіями, подобными слѣдующимъ, часто встрѣчающимися въ подтвердительныхъ

лось по случаю нарушенія ихъ княжескими чиновниками, или другими лицами; [318] такія нарушенія были весьма обыкновенны въ

грамотахъ: «били.... намъ челомъ.... а сказали: дана, де, имъ въ.... монастырь жалованная грамота, блаженныя памяти В. Князя Василья Ивановича.... и та жалованная грамота, блаженныя жъ памяти, на Государево, Царево и В. Князя Ивана Васильевича.... и на Государево Царево и В. Князя Өедора Ивановича.... имя подписана, а на наше (т. е., Михаила Өедоровича) Царьское имя та ихъ жалованная грамота не переписана: и Намъ бы ихъ пожаловати, велѣти бы имъ тоѣ жалованную грамоту переписати на Наше Царьское имя» («Акты Арх. Эксп.», т. III, N. 84).

[318] Такъ, на пр., Иванъ IV въ 1541 году подтвердилъ права Өерапонтова монастыря на неподсудимость Бѣлозерскому Намѣстнику особою грамотою, данною на имя послѣдняго, по слѣдующему поводу: «Билъ Намъ челомъ Өерапонтова монастыря игуменъ Нектарей съ братьею о томъ, что у нихъ Наша жалованная грамота несудимая, что ихъ и ихъ людей и хрестьянъ монастырскихъ вамъ, Нашимъ намѣстникомъ и вашимъ тіуномъ, не судити и доводчикомъ вашимъ ихъ на поруки не давати во всякихъ дѣлѣхъ, опричь душегубства и не въѣзжати къ нимъ ни почто; а ты, деи, ихъ и ихъ людей и хрестьянъ судишь во всякихъ дѣлѣхъ и на поруки ихъ велишь давати людемъ своимъ сильно, черезъ Нашу жалованную грамоту» («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 193). Подтвердительная жалованная грамота Өедора Ивановича Кириллову монастырю 1597 года, дана по слѣдующему случаю, означенному въ самомъ началѣ грамоты: «Се язъ Царь и В. Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи пожаловалъ есми на Бѣлѣозерѣ Кириллова монастыря игумена Корнилья съ братьею.... били они Намъ челомъ, что у нихъ блаженныя памяти отца Нашего Государя, Царя и В. Князя Ивана Васильевича всея Русіи и Наша жалованная грамота, площаднымъ и дворцовымъ и всякимъ недѣлщикомъ въ монастырь и въ монастырскую вотчину не въѣзжати, и братьи и слугъ монастырскихъ и крестьянъ на поруки не давати, а въѣзжати къ нимъ одному данному приставу по срокамъ; и нынѣ, де, у нихъ ту жалованную грамоту рудятъ, въѣзжаютъ къ нимъ въ монастырскую вотчину недѣлщики площадные и дворцовые, и изъ городовъ и изъ волостей приказные люди и губные старосты, и разсыльщики, всегда ихъ и братью и слугъ и крестьянъ на поруки даютъ, не по срокомъ, и отъ того, де, монастырская вотчина пустѣетъ. И язъ Царь и В. Князь Өедоръ Ивановичь всеа Русіи игумена Корнилья съ братьею пожаловалъ, велѣлъ имъ ту Нашу жалованную прежнюю грамоту переписати на свое.... имя» («Акты Арх. Эксп.», т. 1, N. 368). Подтвердительная жалованная грамота Шуйскаго Кириллову монастырю 1606 года дана вслѣдствіе принесенной игуменомъ съ братьею просьбы слѣдующаго содержанія: «Били челомъ Намъ, а сказали: была, де, у нихъ блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, и Государя, Царя и Великаго Князя Өедора Ивановича всеа Русіи,

прежнее время и часто побуждали духовенство обращаться къ Правительству съ просьбами о возстановленіи принадлежавшихъ ему правъ. [519] Кромѣ того, для предупрежденія такихъ посягательствъ на преимущества Церкви, въ самыхъ жалованныхъ грамотахъ писались обыкновенно сильныя угрозы противъ всякихъ возможныхъ нарушителей, [520] а монастырю, которому давалась грамота, предписыва-

и прежнихъ Государей Великихъ Князей жалованная грамота, что онѣ всякіе Наши денежные доходы платили и даточные люди давали на Москвѣ, а нынѣ, де, у нихъ тое Нашу грамоту порудили, а пріѣзжають, де, на Бѣлоозеро Наши пресланники, Бѣлозерскіе приказные люди, правятъ на нихъ старцахъ и на слугахъ и на крестьянахъ, безсрочно всякіе Наши денежные доходы и даточные люди, и лошади велять къ себѣ водити со всее монастырскіе вотчины на Бѣлоозеро къ запискѣ и къ пятну: а монастырская, де, вотчина въ разныхъ городѣхъ.... и отъ того, де, ихъ монастырю чинятца убытки великіе, а ихъ, де, монастырская казна гинетъ напрасно, а монастырская, де, вотчина отъ того досталь пустѣетъ; и Намъ бы ихъ, богомолцевъ своихъ.... пожаловати, велѣти имъ дать Нашу Царскую жалованную грамоту, что имъ платить Наши денежные доходы и даточные люди и лошади давати на Москвѣ, за всю Нашу монастырьскую вотчину, а о Нашей службѣ писати къ нимъ въ монастырь, по прежнему, а Наши бъ посланники и Бѣлозерскіе приказные люди на Бѣлѣозерѣ на ихъ старцахъ и на слугахъ и на крестьянахъ денежныхъ доходовъ, и людей и лошадей даточныхъ, за всю монастырскую вотчину привести не велѣти» («Дополн. къ Акт. Истор.», г. I, N. 152). Подтвердительная жалованная грамота Алексѣя Михайловича Тихвинскому монастырю 1647 года, дана по слѣдующему поводу: «Въ нынѣшнемъ во 155 году бидъ Намъ челомъ Тихвина монастыря игуменъ Сергѣй съ братьею: въ нынѣшнемъ, де, во 155 году пріѣхалъ на Тихвинской посадъ изъ Вел. Новагорода Конскія площадки сборщикъ, стремянной конюхъ Иванъ Соймоновъ, и вступается въ старинную ихъ въ конскую пошлину; и Намъ бы ихъ пожаловать, не велѣти бъ у нихъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ нарушить, и велѣти бъ имъ на Тихвинскомъ посадѣ конская пошлина сбирать въ Тихвинъ монастырь по прежнему, и дати бъ имъ о томъ Нашу грамоту» («Акты Арх. Экспед.», т. IV, N. 20). См. еще «Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 216, 344; т. II, N. 85, 204, 205; т. III, N. 1, 11, 130, 306, 314; т. IV, N. 235. «Акты Историч.», т. I, N. 145, 148, 166, 200, 209, 247; т. III, N. 70, 79, 118; т. V, N. 99, 116. «Дополн. къ Акт. истор.», т. I, N. 44, 54, 144, 155, 232.

519 См. выше прим. 223, 318 и ниже прим. 412, 440, 475.

520 Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Ивана Калиты Новгородскому Юрьеву монастырю (1338 — 1340), сказано: «А кто дѣтій моихъ, или братьи моее, мое данье порушитъ, а то судитъ ему Богъ и св. Георгій въ страшное свое пришествіе, а Князю Великому дастъ сто рублявъ». («Акт. Арх. Экспед.», т. I, N. 4).

лось хранить ее постоянно у себя на случай спора, сомнѣнія, или самовольнаго уничтоженія предоставленныхъ въ ней льготъ, и только предъявить ее предварительно мѣстному начальству для прочтенія и снятія съ нея копіи. [521] Наконецъ, Князья и Цари, въ тѣхъ

Въ грамотѣ Дмитрія Донскаго Троицкому Сергіеву монастырю (1363 — 1389): «А которые мои прародители сей мой обѣтъ порушатъ, или что станутъ съ Троицкія вотчины имети какую подать, имъ будетъ судъ со мною передъ Спасомъ въ будущемъ вѣцѣ, меня съ ними Богъ разсудитъ; а кто сей моей грамоты ослушается, имъ отъ меня быти въ казни» (Тамъ же, т. I, N. 7). Въ жалованной грамотѣ В. Князя Василія Дмитріевича Спасо-Благовѣщенскому монастырю (1423): «А черезъ сю мою грамоту кто на комъ что возметъ, или чѣмъ изобидитъ, быти отъ меня въ казни» (Тамъ же, т. I, N. 21). Въ жалованной Новгородской грамотѣ Троицкому Сергіеву монастырю 1477: «А кто сю нашу жалованную грамоту переступитъ, и онъ дастъ господину государю В. Новугороду въ стѣну 50 рублевъ» (Тамъ же, т. I, N. 104). Въ жалованной грамотѣ Ивана III тому же монастырю (1482): «А кто ся ослушаетъ сей моей грамоты, быти ему отъ меня, отъ В. Князя, въ казни». (Тамъ же, т. I, N. 110). Въ жалованной грамотѣ В. Князя Василія Ивановича тому же монастырю (1529 г.): «А кто учнетъ ослушатися, сей моей грамоты не учнетъ слушати, и тому отъ меня, отъ В. Князя, быти въ опалѣ» (Тамъ же, т. I, N. 174). Подобныя выраженія встрѣчаются почти во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ и притомъ до самаго позднѣйшаго времени; такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Алексѣя Михайловича Батуринскому Николаевскому монастырю (1650) сказано: «А кто на ихъ и на ихъ слугахъ что возьметъ, или чѣмъ изобидитъ, и тѣмъ отъ Насъ быти въ опалѣ, а взятое велимъ отдати вдвое» («Акт. Истор.», т. IV, N. 41); въ его же жалованной грамотѣ Оршинскимъ Кутеинскимъ монастырямъ: «А кто надъ тѣми монастыри, и надъ старцы и надъ старицы, или надъ ихъ монастырскими служебники, и изъ вотчинъ ихъ надъ крестьяны, учинитъ какое разореніе, или грабежъ, или крестьянъ ихъ учнетъ разгоняти и въ полонъ имати, или какое ни буди насиліе чинити, и тѣмъ людемъ отъ Насъ, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя Россіи Самодержца, быти въ великомъ и жестокомъ наказаньѣ и въ казни безо всякія пощады». (Тамъ же, т. IV, N. 86); въ жалованной грамотѣ Царей Ивана и Петра Алексѣевичей Межигорскому Преображенскому монастырю (1688): «А буде кто въ тѣхъ ихъ монастырскихъ маетностяхъ учнутъ разоренія, и насильство, и налоги, и обиды чинити, и тѣмъ людемъ отъ Насъ, Великихъ Государей, отъ Нашего Царскаго Величества, быти въ опалѣ и наказаньѣ» (Тамъ же, N. 165).

[521] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Ивана III Троицкому Сергіеву монастырю (1465), написанной на имя Переяславскихъ таможниковъ, сказано въ концѣ: «А прочеть сю грамоту, отдайте имъ назадъ». («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 76).



же грамотахъ, которыми предоставляли они духовнымъ заведеніямъ преимущества и льготы, обѣщали обыкновенно, что и сами они уничтожатъ ихъ не будутъ, ибо въ прежнее время довольно часто принимались мѣры для уничтоженія тархановъ. [322] Въ огра-

---

Въ жалованной грамотѣ Великой Княгини Маріи Ярославовны тому же монастырю, (1466—1478) написанной на имя Нерехотскихъ тіуна и праветчика, сказано: «А прочетчи грамоту, отдавайте игумему Спиридону и его братьѣ назадъ, и они себѣ держатъ впрокъ, иныхъ дѣля волостей, и тіуновъ, и праветчиковъ, и пятенщиковъ» (Тамъ же, т. I, N. 84). Выраженія этого рода встрѣчаются почти во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ, писанныхъ не прямо на имя монастырей, а на имя мѣстныхъ чиновниковъ (объ этой особой формѣ жалованныхъ грамотъ см. ниже примѣч. 355—356). Притомъ обыкновеніе помѣщать въ грамотахъ этого рода выраженія, подобныя приведеннымъ выше, сохранилось до самаго позднѣйшаго времени: такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Ивана и Петра Алексѣевичей Саввино-Сторожевскому монастырю (1683), данной на имя Самарскаго Воеводы, сказано: «А прочетъ сю Нашу, Великихъ Государей, грамоту, и списавъ съ нея списокъ, оставилъ у себя въ Приказной избѣ, а подлинную Нашу, Великихъ Государей, грамоту отдалъ Савинскаго монастыря промышленникамъ, впредь для иныхъ Нашихъ воеводъ и приказныхъ людей». («Акт. Истор.», N. 107). Когда монастырскія вотчины находились въ разныхъ мѣстахъ, то монастырю, вмѣстѣ съ жалованной грамотой, выдавалась и копія съ нея, для предъявленія начальствамъ разныхъ мѣстъ. Такъ, на пр., подъ одною жалованною грамотою Михайла Ѳедоровича приписано: «Въ нынѣшнемъ въ 131 году, билъ Намъ челомъ.... игуменъ съ братьею,.... а сказали, что дана имъ та Наша жалованная тарханная грамота изъ Приказу Сыскныхъ Дѣлъ,.... а съ тоѣ, де, нашія жалованныя грамоты списка за дьячьею приписью не дано,.... и Намъ бы ихъ пожаловати, велѣти съ тоѣ нашія жалованныя грамоты дати имъ списки слово в слово, за дьячьею приписью, возити имъ по городамъ для Нашихъ воеводъ и приказныхъ людей. И Мы, Великій Государь... игумена.... съ братьею пожаловали: велѣли имъ съ тоѣ Нашія жалованныя грамоты дати имъ списокъ слово въ слово за дьячьею приписью» («Акт. Истор.» т. III, N. 108).

322 О частыхъ нарушеніяхъ жалованныхъ грамотъ Князьями свидѣтельствуютъ самыя выраженія, помѣщавшіяся обыкновенно въ грамотахъ этого рода. (См. слѣдующее примѣчаніе). Но кромѣ того до насъ дошли и положительныя свидѣтельства, показывающія, что Князья, въ особенности Удѣльные, довольно часто посягали на права и собственность Церкви, при томъ не только въ военное время (объ этомъ см. выше примѣч. 91), но и въ мирное. Такъ, на пр., въ 1175 году племянники Андрея Боголюбскаго отняли, какъ мы видѣли уже выше, у Владимірской Соборной церкви всѣ ея имѣнія. (см. въ текстѣ стр. 70—71). Въ XIII вѣкѣ Митрополитъ Кириллъ III говорилъ, въ посланіи своемъ къ Великому Князю Владимірскому, Василію Александровичу: «Виждь, сыну Княже,

жденіе монастырей отъ нарушеній этого рода, въ концѣ жалованныхъ грамотъ прибавлялись иногда слѣдующія выраженія, «а на которую грамоту свою грамоту дамъ. а на сію грамоту иные моей

како были Велицін Князи, твои прадѣды и дѣды, и отецъ твой, Великій Князь, Александръ, украсили церковь Божію клирошаны и книгами и богатили домы великими десятинами по всѣмъ градомъ и суды церковными, и нынѣ, сыну Княже, азъ, отецъ твой, Епископъ Володимирскы, поминаю ти, сыну своему, о церкви Божіей, а самъ, сыну, вѣдаешь церкви та ограблена и домы ея пусты». (Восток. Опис. рукоп. Румянц. муз., стр. 281, N. 231; ст. проф. Неволина: «О пространствѣ Церковнаго Суда», «Журн. Народ. Просвѣщ.», 1847, Октября, стр. 3). Въ Никоновской лѣтописи подъ 1367 годомъ сказано: «Тое жъ зимы Князь Михайло Васильевичь Кашинскій, внукъ Михайловъ, правнукъ Ярославль, въ Кашинѣ, изъ монастыря церковь Пречистые Богородицы повелѣ снести внутрь града, и мѣсто то святое раскопати, и во гробехъ мертвыхъ кости разрушили издавна положенныхъ иноковъ. И тоежъ весны за многи дни бысть болѣзнь незнаема Князю Михайлу.... и Княгинѣ его, болѣзнь велия, и незнаема, и тяжка зело. Самого же его Богъ помилова, а Княгиня его Василиса преставися........ И тако Князь Михайло... устрашись и ужасесь, того ради и прощения проси у Владыки Василія, и у всего священнаго собора. И повелѣ ему владыко Василей не до конца мѣсто то разорить; и послушавъ владыки малую тамъ церковь поставилъ Пречистыя Богородицы, и потомъ и ту разнесли». («Ник. лѣтоп.», т. IV, ст. 22, 23). Въ Княженіе Василія Ивановича, внукъ Темнаго, Удѣльный Князь, Өедоръ Борисовичь, наносилъ всякія обиды Іосифову Волоколамскому монастырю: «Да послѣ, господине», говоритъ Іосифъ Волоцкій въ своемъ посланіи, «Князя Бориса Васильевича и его Княгини, Князь Өедоръ Борисовичь во все вступился, что Богъ пошлетъ намъ, въ томъ воли не даетъ, иное даромъ проситъ, а иное на полцѣны емлетъ, а гдѣ его не послушаемъ, и онъ хочетъ кнутьемъ бити чернцовъ, а на меня бранится; и мы, Господине, боялися его, давали ему, что не давали монастырю, кони, доспѣхъ, платье; и онъ то ималъ, какъ хотѣлъ; да захотѣлъ, Господине, деньги и иныя вещи имати, почалъ, Господине, къ намъ присылати денегъ просити, и мы ему послали 60 рублевъ, и послѣ того еще прислалъ просити денегъ, и мы ему, Господине, послали 40 рублевъ; да уже, Господине, за нимъ тѣ деньги 10 лѣтъ, и мы послали попросити тихъ денегъ, и онъ хотѣлъ чернца Герасима чернаго кнутьемъ бити, а денегъ не далъ» и т. д.... («Древн. Россійс. Вивліоө.», изд. второе, т. XIV, ст. 180 и слѣд.). Чиновники этого Князя говорили монахамъ Іосифова монастыря: «Воленъ, де, Государь въ своихъ монастыряхъ, хочетъ жалуетъ, хочетъ грабитъ». (стр. 188); по видимому, правило это примѣнялось Княземъ Өедоромъ Борисовичемъ и къ другимъ обителямъ. Іосифовскіе монахи говорили своему игумену: «А ведаешь и самъ, какъ Князь Өедоръ на Возмицѣ, да въ Селижаровѣ, да въ Левкѣевѣ монастыре не оставилъ

грамоты нѣту ни которыми дѣлы;» или же короче: «а кому дамъ на грамотчики грамоту, а на его мою жалованную грамоту грамоты нѣтъ». [525]

ничего въ казнѣ» (стр. 183. Ср. ниже примѣч. 422). Великіе Князья, и въ послѣдствіи Цари, весьма часто, или вовсе отнимали у монастырей жалованныя ихъ грамоты, или предоставляли третьимъ лицамъ такія права, съ признаніемъ которыхъ не могло уже согласоваться существованіе привилегій монастырскихъ, или же, наконецъ, издавали постановленія, которыми пріостанавливали на время силу тархановъ, подводя такъ называемыхъ грамотниковъ подъ дѣйствіе общихъ законовъ. См. главу VIII.

[525] Такого рода выраженія встрѣчаются почти во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ, и при томъ какъ древнѣйшихъ, такъ и позднѣйшихъ. Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Тверскихъ Князей Тверскому Отрочу монастырю (1311—1365) сказано: «А хотя коли повелимъ имати на тѣхъ, у кого будутъ грамоты наши жалованные, на монастырскихъ людехъ ни тогды ни кто не емли ничего, по сей нашей грамотѣ» («Акты Эксп.», т. I, N. 5). Въ жалованной грамотѣ Вел. Князя Василія Дмитріевича Спасо-Благовѣщенскому монастырю (1423 г.) сказано: «А на которые грамоты свои грамоты даю, а на сію грамоту иные мои грамоты нѣтъ» (Тамъ же, т. I, N. 21). Въ жалованной грамотѣ Великаго Князя Василія Ивановича Троицкому Сергіеву монастырю (1517): «А у кого будутъ у нашихъ намѣстниковъ и у волостелей на грамотчики грамоты, а на сю мою грамоту грамоты нѣтъ» (Тамъ же, т. I, N. 164). Въ жалованной грамотѣ Царя Шаалея Троицкому Бѣлопесоцкому монастырю (1532): «Тако же есми игумена Сергія съ братьею пожаловалъ: котораго своего намѣстника Каширскаго пожалую, дамъ ему на грамотники грамоту, и на сію мою грамоту грамоты нѣтъ» (Тамъ же, т. I, N. 175). Въ жалованной грамотѣ Михаила Ѳедоровича Кирилову Бѣлозерскому монастырю сказано: «А кому дамъ жалованную грамоту на грамотѣ, въ которомъ городѣ ни буди и въ Поморьѣ, пожалую язъ, Царь и Великій Князь, Михайло Ѳедоровичь, всеа Русіи, а на сю мою грамоту грамоты и наказовъ нѣтъ» («Акты Историч.», т. III, N. 61). Въ его же жалованной грамотѣ Новоспасскому монастырю (1615): «Также есми Архимарита Іосифа съ братьею пожаловалъ: коли велю язъ, Царь и Великій Князь съ тарханей со всѣхъ какую свою дань взяти, для какихъ нужныхъ дѣлъ, и тогды о сей тархани доложить Насъ будетъ: велимъ съ сего тархани какую дань взяти, и тогды возмутъ по Нашему указу, а безъ Нашего указу съ сеѣ тархани не имаютъ у нихъ никакихъ податей» (Тамъ же, т. III, N. 60). Въ жалованной грамотѣ Алексѣя Михайловича Московскому Новодѣвичьскому монастырю (1662): «А кому даримъ свою Царскую жалованную грамоту на грамотчики, а на сю Нашу жалованную новаго дѣвича монастыря грамоту грамоты нѣтъ» («Акты Истор.», т. IV, N. 166).

Побужденія къ пожалованію духовенству грамотъ такого рода были вообще тѣ же самыя, какъ и къ надѣленію его вотчинами. Въ частности первое мѣсто между ними занимали любовь къ вѣрѣ, уваженіе къ духовенству [324] и мысль о душеспасительности великаго дѣйствія, совершеннаго въ его пользу. [325] Другой, не менѣе

[324] На это побужденіе указываютъ самыя жалованныя грамоты; во многихъ изъ нихъ встрѣчаются слѣдующія выраженія: «Язъ Князь Великій, Пречистые дѣля Богоматери и Великаго Чудотворца Кирила, игумена Касьяна съ братьею Кирилова монастыря пожаловалъ» («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 186. Грамота Василія Темнаго (1448—1462) Кирилову монастырю), или: «Пречистые ради Богородицы и честнаго ея Успенья.... се язъ.... пожаловалъ» (Тамъ же, т. I, N. 203. Гр. Вологод. Кн. Андрея (1471) тому же монастырю); или; «пожаловалъ есми Бога дѣля и Святаго дѣля Юрія» («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 4. — Грамота Великаго Князя Ивана Калиты (XIV в.) Новгородскому Юрьеву монастырю), или: «Святаго дѣля Спаса и Святаго дѣля Благовѣщенья.... се язъ.... пожаловалъ» (Тамъ же, т. I, N. 21. Грамота Великаго Князя Василія Дмитріевича Спасо-Благовѣщенскому монастырю), или: «Се язъ..... отца своего для Іоны Митрополита Кіевскаго и всеа Русіи, пожаловалъ есмь....» (Тамъ же, т. I, N. 63. Грамота В. К. Василія Темнаго (1460) крестьянамъ митрополичьяго села Порѣцкаго), или: «Се язъ Князь.... отца своего для Филиппа Митрополита всея Руси пожаловалъ есмь» (Тамъ же, т. I, N. 75). Грамота Дмитровскаго Князя Юрія (1465) Ильинскому монастырю) и т. под. Къ этому надо прибавить, что большая часть жалованныхъ грамотъ даны были по просьбѣ самаго духовенства; многія изъ нихъ начинаются словами: «Били ми челомъ N монастыря игуменъ N. съ братьею» (См., на пр., «Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 76) и «Дополн. къ Акт. Истор.», N. 186). По большей части при этомъ излагалось и самое содержаніе просьбы; на пр., въ жалованной грамотѣ Углицкаго Князя, Дмитрія Ивановича (1585) Покровскому монастырю сказано: «Что били они намъ челомъ, а сказали: Монастырь, де, Покрова Пресвятыя Богородицы опустѣлъ отъ великихъ податей, братья разошлись, а вотчина ихъ монастырская вся пуста, а податей, де, они съ тое монастырской вотчины платили съ пуста, съ 200 безъ чети, а окупали, де, тѣ сохи монастырскою казною, и нынѣча, де, въ монастырѣ скудость великая, тое имъ своей монастырской вотчины окупати не чѣмъ: и намъ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ на ту ихъ монастырскую вотчину и на слободку дати своя жалованная грамота» («Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 329).

[325] Слѣды этого побужденія также замѣтны въ жалованныхъ грамотахъ; такъ, на пр., грамота Тверскихъ Князей Тверскому Отрочу монастырю (1361—1365) начинается словами: «Во имя Св. Троицы Отца и Сына и Святаго Духа, се ми рабы святыя Троица.... (слѣдуетъ исчисленіе Князей, дающихъ грамоту) ... Бога дѣля и своего дѣля спасенья, пожаловали есмы отца своего Архимандри-

важною цѣлью выдачи жалованныхъ грамотъ было желаніе окончательно обезпечить содержаніе и благосостояніе духовнаго сословія, что могло бы, не смотря на многочисленныя имѣнія, и не быть достигнуто, если бы имѣнія эти не освобождены были отъ тягостныхъ поборовъ и если бы вотчинныя права Церкви не были ограждены надежнымъ образомъ отъ самовластныхъ поступковъ мѣстныхъ начальствъ и сильныхъ людей. [326] На эту цѣль указываютъ всего яснѣе самое содержаніе грамотъ и сущность тѣхъ привилегій, которыя предоставляемы были духовенству. Кромѣ того особыми, случайными поводами къ выдачѣ, или подтвержденію, жалованныхъ грамотъ служили иногда бѣдность монастыря, [327] разореніе его внѣ-

---

та, кто ни будетъ у Св. Богородицы, дали есми сю милостыню церкви Св. Богородицы, Отрочью монастырю, на память преставившимся отъ сего житья роду нашему, а намъ пребывающимъ въ житьи семь за въздоровіе». «(Акт. Арх. Эксп. т. I, N 5. См. Тамъ же, N 34)». Жалованная грамота Тверскаго Великаго Князя Бориса Александровича Срѣтенскому монастырю (1437—1461) начинается словами: «Милости ради Устрѣтенья и своего ради спасенія, се азъ пожаловалъ» (Тамъ же, т. I, N. 35). Жалованная грамота Тверскаго Великаго Князя Михайла Борисовича Троицкому Сергіеву монастырю (1465) начинается слѣдующимъ образомъ: «Милости ради Святыя и Живоначальныя Троицы, своего ради спасенья, се азъ.... пожаловалъ». (Тамъ же, т. I, N. 78, 79); въ жалованной грамотѣ Бѣлозерскаго Князя Михайла Андреевича Кирилову монастырю (1485) сказано въ началѣ: «Пречистыя ради Богородицы и Честнаго ея Успенья, и Чудотворца дѣля Кирила, и своего ради спасенія», и въ концѣ: «и ты бъ игуменъ и вся братья молили Бога и Пречистую Богородицу и Чудотворца Кирила о моемъ здоровье» (Тамъ же, т. I, N. 114).

[326] Всего яснѣе, какъ сказано въ текстѣ, указываетъ на эту цѣль самое содержаніе жалованныхъ грамотъ (Объ этомъ см. ниже). Отчасти на это указываютъ и слѣдующія выраженія, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ грамотахъ. «и намъ бы ихъ пожаловати, велѣти та ихъ монастырская вотчина.... обѣлити, на церковное строенье, и на ладанъ, и на вино церковное, и на свѣчи, и въ хлѣбные и денежные руги мѣсто». («Допол. къ Акт. Истор.», т. I, N. 141.». Грамот. Ѳедора Ивановича Введенскому монастырю 1597 г.); или: «а сія пошлина придана къ Великому Воскресенью на воскъ да на темьянъ.» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 100. Грам. Бѣлозерскаго Князя Михайла Андреевича Череповскому Воскресенскому монастырю 1473—1486 годовъ).

[327] Такъ, на прим., мы уже видѣли выше, что жалованная грамота Углицкаго Князя, Дмитрія Ивановича, Покровскому монастырю дана была изъ уваженія къ бѣдности послѣдняго. См. выше прим. 324.

шними, или внутренними, врагами, [328] особыя заслуги, оказанныя имъ Правительству, [329] притѣсненія со стороны мѣстныхъ начальствъ [330] и т. под. Наконецъ, если разсматривать отдѣльно привилегіи, которыя давались духовенству, то легко замѣтить, что существовали еще особенныя, ближайшія побужденія къ предоставленію каждой изъ нихъ въ частности. Побужденія такого рода означены будутъ ниже, при обозрѣніи самаго существа этихъ привилегій. Съ другой стороны, нельзя не упомянуть здѣсь и о тѣхъ общихъ причинахъ, которыми обусловливалось обыкновеніе опредѣлять права и обязанности не только духовенства, но и всѣхъ вообще сословій не общими узаконеніями, а специальными жалованными грамотами. Причины эти заключались, во первыхъ, въ разрозненности и обособленіи всѣхъ элементовъ тогдашняго общества, въ стремленіи каждаго изъ нихъ отдѣлиться рѣзко отъ всѣхъ другихъ и образовать для себя совершенно особый кругъ правъ, совершенно самостоятельную сферу дѣйствія; а во вторыхъ, въ страдательномъ положеніи тогдашней законодательной власти, которая, при господствѣ обычая, служившаго первоначально важнѣйшимъ источникомъ права, не иначе могла обнаруживать свою дѣятельность, какъ только признаніемъ юридическихъ началъ, образовавшихся независимо отъ нея, или же установленіемъ въ пользу извѣстныхъ, опредѣленныхъ лицъ частныхъ, специальныхъ изъятій изъ общаго, имѣвшаго силу закона, обычая. Установленіе такихъ изъятій, такихъ исключеній изъ общаго правила, привилегій въ обширномъ смыслѣ этого слова, составляло всегда и вездѣ естественный и необходимый переходъ отъ господства обычнаго права къ

---

[328] Такъ, на пр., жалованная грамота Михаила Ѳедоровича Кириллову Бѣлозерскому монастырю (1615) дана въ слѣдствіе того, что «ихъ вотчины Польскіе и Литовскіе люди, и Черкасы, и Казаки запустошили и разорили; а въ тѣхъ, де, ихъ монастырскихъ вотчинахъ въ службахъ и въ Поморскихъ промыслахъ братія и служки побиты, а иные перемучены, и казна, де, монастырская, деньги и лошади, и хлѣбъ, и великіе годовые запасы поиманы, а иные пожжены, и отъ того, де, нынѣ монастырь оскудѣлъ, и братія, и служки, и служебники изъ монастыря бредутъ розно, и въ монастырѣ, де, имъ въ осадѣ сидѣти не съ кѣмъ». («Акт. Истор.», т. III, N. 61).

[329] Такъ, на пр., за особыя услуги, оказанныя Царицѣ Марѳѣ Ивановнѣ Толвуйскимъ священникомъ, Ермолаемъ Герасимовымъ, ему дана была обѣльная грамота Царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ 1614 году («Акт. Ист.», т. III, N. 9).

[330] См. выше прим. 318 и ниже прим. 412, 440, 475.



самостоятельности законодательной власти. То же самое было и въ Россіи, гдѣ, такъ называемыя, жалованныя грамоты, въ теченіи весьма долгаго времени, являлись, если не единственнымъ, то, по крайней мѣрѣ, важнѣйшимъ органомъ образованія и развитія юридическихъ началъ. Въ древней Россіи этимъ путемъ опредѣлялись преимущественно права и обязанности какъ цѣлыхъ сословій, такъ и отдѣльныхъ лицъ. По этому-то, всякій разъ, какъ монастырь пріобрѣталъ себѣ новое имущество, онъ считалъ необходимымъ испросить на него отъ Правительства особую жалованную грамоту и считалъ это необходимымъ по тому, что безъ такой грамоты онъ не могъ бы знать тѣхъ правъ, которыя принадлежали ему надъ этимъ имуществомъ: «Билъ ми челомъ, сказано въ одной грамотѣ Великой Княгини Маріи Ярославны, Троицы Сергіева монастыря игуменъ Спиридоній съ братьею о томъ, что имъ далъ въ домъ живоначальныя Троицы Василій Борисовичъ сельцо Егорей святый въ помѣстье, въ моей волости въ Нерехтѣ, къ ихъ сельцу къ Лихоревскому, и на то сельцо Егорьевское, и на Лихоревское, и на деревни, моей Великія Княгини грамоты жалованныя у нихъ нѣтъ, по чему у нихъ ходити волостелю, и тіуну, и праветчику; и вы бъ у нихъ въ судѣ, и въ кормѣхъ, и въ поборѣхъ, и во всѣхъ пошлинахъ ходили по моей, Великія Княгини, грамотѣ жаловальной, по той, какова у нихъ моя грамота жаловалная на ихъ сего Ѳедоровское и на деревни». [331]

Спрашивается теперь: что могло побуждать Хановъ Золотой Орды къ дарованію Русскому духовенству обширныхъ привилегій, къ выдачѣ ему, такъ называемыхъ, ярлыковъ? Понятно, что побужденія Монгольскихъ Хановъ, издали владычествовавшихъ надъ Россіею, не могли быть одинаковы съ побужденіями Русскихъ Великихъ Князей, настоящихъ и законныхъ Государей страны. Но въ чемъ именно состояли эти побужденія? Это другой вопросъ, которому различные писатели даютъ и рѣшенія, совершенно различныя. Выше мы уже имѣли случай замѣтить, что, по мнѣнію однихъ ученыхъ, Монгольскіе Ханы имѣли при этомъ виды политическіе, т. е., желали привлечь на свою сторону духовенство, чтобы воспользоваться для утвержденія своего господства надъ Россіею могуществомъ этого сословія и вліяніемъ его какъ на Князей, такъ и на народъ. По мнѣнію другихъ писателей Монголами руководили въ этомъ случаѣ

---

[331] См. «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 84.



не столько политическія, сколько религіозныя соображенія. При ихъ доказанной вѣротерпимости, соединенной съ неограниченнымъ суевѣріемъ, весьма естественно, что они дорожили одинаково молитвами всякаго духовенства, къ какому бы исповѣданію оно ни принадлежало. Которое изъ двухъ мнѣній справедливѣе?—рѣшить трудно; весьма быть можетъ, что оба они имѣютъ свою долю истины, но во всякомъ случаѣ первое есть только догадка, тогда какъ подтвержденіемъ втораго могутъ служить самые Ханскіе ярлыки, въ которыхъ не встрѣчается никакихъ слѣдовъ политическаго разсчета, а напротивъ прямо высказываются религіозныя побужденія. «И онъ, т. е., Митрополитъ, сказано въ одномъ изъ нихъ, какъ сядетъ на своемъ столѣ, молитъ Бога за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаетъ». «Гдѣ сей Іона, сказано въ другомъ, Митрополитъ молебникъ за насъ молится, отъ первыхъ добрыхъ временъ и доселѣ, тако жъ и иныя церковныя молебницы, ино не надобе имъ мзда, ни которая пошлина, и не емлютъ у нихъ ничего, занеже они молитву за насъ творятъ къ Богу». Такія же выраженія встрѣчаются и во всѣхъ другихъ, сохранившихся до насъ ярлыкахъ. [338]

---

[338] Первое изъ приведенныхъ нами мѣстъ находится въ ярлыкѣ Атюляка Митрополиту Михаилу: второе — въ ярлыкѣ Тайдулы Митрополиту Іонѣ. Въ ея же ярлыкѣ Митрополиту Ѳеогносту сказано: «Отъ давныхъ добрыхъ временъ и доселѣ, что зовутся богомольцы, и весь поповскій чинъ, тѣмъ не надобѣ ни которые пошлины, занеже самому Богу молятся за насъ и за наше племя въ родъ и родъ»; въ Менгу-Темировомъ ярлыкѣ сказано: «Пожаловали поповъ и черницовъ и всѣхъ богодѣльныхъ людей, да правымъ сердцемъ молятъ за насъ Бога и за наше племя, безъ печали, и благословляютъ насъ»; и далѣе: «а попове отъ насъ пожалованы по первымъ грамотамъ, Бога молятъ стояще и насъ благословляюще; аще ли кто имать неправымъ сердцемъ за насъ молити Бога, ино тотъ грѣхъ на немъ будетъ»; въ ярлыкѣ Бердибека Митрополиту Алексѣю читаемъ: «Чингисъ царь и первые цари отцы наши, жаловали церковныхъ людей, кои за нихъ молилися, молебники, и весь чинъ поповскій. Такъ молвя, написали есмя: какова дань ни будетъ, или пошлина, ино того тѣмъ ни видѣти, ни слышати не надобѣ, чтобы въ упокои Богу молилися и молитву воздавали, такъ молвя, ярлыки подавали».... «Потому жъ есмя Алексѣя Митрополита пожаловали: какъ сядетъ на своемъ столѣ, и молитву воздаетъ къ Богу за насъ и за наше племя, такъ есмя молвили»; а въ концѣ: «А о насъ Богу молися, занеже ты преже, а мы о томъ не молвимъ ничего».



Относительно формы Ханскіе ярлыки довольно рѣзко отличались отъ жалованныхъ грамотъ, данныхъ Русскими Князьями и Царями съ одной стороны, и духовными властями съ другой. Число и распоряженіе составныхъ частей одинаковы или, по крайней мѣрѣ, сходны почти во всѣхъ ярлыкахъ. Всѣ они начинаются словами: «Безсмертнаго Бога силою», или однозначащими; [333] далѣе слѣдуетъ означеніе характера грамоты, посредствомъ выраженій: такого-то Хана «слово» или такой-то Ханъ «слово рекъ», [333] и подробное исчисленіе всѣхъ должностныхъ лицъ, къ которымъ обращается это слово. [335] За этимъ излагаются въ ярлыкахъ побужденія къ

[333] Ярлыкъ Узбека начинается слѣдующимъ образомъ: «Вышняго и безсмертнаго Бога силою, и волею, и величествомъ, и милостію его многою». Въ началѣ другихъ ярлыковъ мы находимъ слѣдующія выраженія: «Безсмертнаго Бога силою и величествомъ» (ярлыкъ Бердибека и Атюляка); «Вышняго Бога силою, и вышняя Троицы волею» (ярлыкъ Менгу-Темира). Только въ ярлыкахъ, данныхъ Ханшею Тайдулою, не находимъ мы подобныя выраженія. По мнѣнію Г. Григорьева (см. его сочиненіе: «О достовѣрности Ханскихъ ярлыковъ», стр. 58—60), словами: «Безсмертнаго Бога силою» и подобными имъ, Ханъ означалъ, что властію своей считаетъ себя обязаннымъ одному Богу, или Небу, но Тайдула, какъ женщина, не могла сказать этого про себя; если она и имѣла власть давать ярлыки, то власть эту имѣла въ качествѣ жены Ханской и, слѣдовательно, обязана ею была не Богу, а своему мужу.

[334] За выраженіями, означенными въ предшествовавшемъ примѣчаніи, слѣдуютъ въ каждомъ ярлыкѣ слѣдующія: «Менгутемирово слово» (ярлыкъ Менгу-Темира); «Азбяково слово» (ярлыкъ Узбека); «изъ дѣдъ и прадѣдъ, Бердебеково слово» (ярлыкъ Бердибека); «изъ дѣдъ и изъ прадѣдъ, отъ первыхъ Царей и отъ отецъ нашихъ, Атюлякъ Царь слово рекъ, Мамаевою мыслію дядиною» (ярлыкъ Атюляка). Тайдулины ярлыки начинаются прямо съ такихъ выраженій: «Тайдулино слово» («ярлыкъ Митрополиту Іонѣ); По Зенебекову ярлыку: «Тайдулино слово» (ярлыкъ Митрополиту Ѳеоносту и Алексѣю). Выраженія: «Изъ дѣдъ и прадѣдъ», — «Мамаевою мыслію дядиною» и «по Зенебекову ярлыку» указываютъ на одну изъ побудительныхъ причинъ къ выдачѣ грамотъ.

[335] «Людскимъ Баскокомъ, и Княземъ и полководнымъ Княземъ, и данщикомъ, и писцомъ, и мимоѣздящимъ посломъ, и сокольникомъ, и пардусникомъ, и бураложникомъ, и всѣмъ пошлинникомъ» (ярлыкъ Менгу-Темира). «Всѣмъ нашимъ Князямъ великимъ, и среднимъ, и нижнимъ, и сильнымъ Воеводамъ и Вельможамъ, и Княземъ нашимъ удѣльнымъ, и Дорогамъ славнымъ, и польскимъ (или «полчнымъ») Княземъ высокимъ и нижнимъ, и книжникомъ, уставодержальникомъ и учительнымъ людскимъ повѣстникомъ, и сбирателемъ, и Баскакомъ, и посломъ нашимъ, и гонцомъ, и данщикомъ, и писцомъ, и мимоѣздя-

ихъ выдачѣ, [356] самыя преимущества и льготы, ими предоставляе-

щимъ посломъ, и ловцомъ нашимъ, и сокольникомъ, и пардусникомъ, и всѣмъ людямъ, высокимъ и нижнимъ, малымъ и великимъ, нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ наша, Бога безсмертнаго силою, власть держитъ и слово наше владѣетъ» (ярлыкъ Узбека); «Татарскимъ улуснымъ и ратнымъ Княземъ, Муалбегиною мыслію, волостнымъ саномъ дорогамъ и Княсемъ, и писцомъ, и таможникомъ, и побережникомъ, и мимохожимъ посломъ, и сокольникомъ, и пардусникомъ, и бураложникомъ, и Заставщикомъ, и лодейщикомъ, и закезникомъ, и всѣмъ пошлинникомъ, или кто на каково дѣло не поѣдетъ, и всѣмъ многимъ людемъ» (ярлыкъ Бердибека); «Ординскимъ и улуснымъ всѣмъ и ратнымъ Княземъ, и писцемъ, и таможникомъ, и побережникомъ и мимохожимъ посломъ, и сокольникомъ, и Пардусникомъ, и бураложникомъ, и сотникомъ, и заставщикомъ, и лодейникомъ, или кто на кого дѣло не пойдетъ, и многимъ людемъ» (ярлыкъ Атюляка); «Ординскимъ улуснымъ Княземъ, и волостнымъ и огороднымъ и сельскимъ дорогамъ, и таможникомъ, и побережникомъ, и мимохожимъ Посломъ, или кто на каково дѣло пойдетъ, ко всемъ пошлинникомъ» (ярлыкъ Тайдулы Митрополиту Ѳеогносту); «Къ темнымъ и къ тысячнымъ Княземъ, и сотникомъ, и десятникомъ, и волостителемъ и городнымъ дорогамъ, и Княземъ, и мимохожимъ посломъ, и ко многимъ людемъ, и всемъ приказникомъ» (ярлыкъ Тайдулы Митрополиту Алексѣю). Только въ одномъ ярлыкѣ Тайдулы Митрополиту Іонѣ нѣтъ подобнаго исчисленія. Значеніе всѣхъ этихъ названій Монгольскихъ чиновниковъ объясняется въ статьѣ Г. Бѣляева, посвященной именно этому предмету и помѣщенной въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» (изд. 5, Калачева. Москва, 1850, отд. I).

[356] Въ слѣдъ за исчисленіемъ чиновниковъ, къ которымъ обращается Ханское слово, въ ярлыкѣ Менгу-Темировомъ встрѣчаемъ слѣдующее: «Чингій Царь, потомъ кто ни будетъ, дали есми жалованныя грамоты Русскимъ Митрополитамъ и церковнымъ людемъ, тако молвячи: чтобъ есте и послѣдніе Цари, по тому жъ пути, пожаловали поповъ и чернцовъ и всѣхъ богодѣльныхъ людей, да правымъ сердцемъ молятъ за насъ Бога, и за наше племя, безъ печали, и благословляютъ насъ, и не надобе имъ дань, и тамга, и поплужное, ни ямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ. И какъ первые Цари ихъ пожаловали, и мы Богу моляся, и ихъ грамотъ не изынначивая, по тому жъ жалуемъ». Въ ярлыкѣ Бердибека: «Чингисъ Царь и первые цари, отцы наши, жаловали церковныхъ людей, кои за нихъ молилися, молебники, и весь чинъ поповскій. Такъ молвя, написали есмя: какова дань ни будетъ, или пошлина, ино того тѣмъ ни видѣти, ни слышати не надобѣ, чтобы въ упокои Бога молили, и молитву воздавали, такъ молвя, ярлыки подавали. И то увѣдавши, всѣ, иже по нихъ, иные Цари ярлыки свои давали. И мы нынѣ, первыхъ ярлыковъ не изынначивая, и думавъ, по тому жъ есмя Алексѣя Митрополита пожаловали». Въ ярлыкѣ Атюляка: «Отъ первыхъ Царей при Чингисъ Царь, и по немъ иные Цари, Азизъ и Бердебекъ, и тіи

мыя, [337] и наконецъ запрещеніе посягать на эти преимущества, съ угрозою строгаго наказанія всякому возможному нарушителю. [338]

жаловали церковныхъ людей, а они за нихъ молились. И весь чинъ поповскій, и всіи церковніи люди, не токмо жаловали ихъ, какова дань ни буди, или какая пошлина, или которые доходы, или заказы, или работы, или сторожа, или кормы, ино тѣмъ церковнымъ людемъ ни видѣти, ни слышати того не надобы, чтобъ въ упокои Бога молили, и молитву за нихъ воздавали къ Богу. Да и по нихъ кто ни будетъ, всѣ тѣ, обыскавъ, ярлыки подавали. И нынѣ мы, по первомъ ярлыкомъ изыскавши и удумавши, и думавъ, не изыначиваемъ первыхъ ярлыковъ, по тому жъ сего Митрополита Михаила пожаловали есмя». Въ ярлыкѣ Тайдулы Ѳеогносту: «Отъ давныхъ добрыхъ временъ и доселѣ, что зовутся богомольцы, и весь поповскій чинъ, тѣмъ не налобѣ ни которые пошлины, занеже самому Богу молятся за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаютъ; такъ молвя, Ѳеогноста Митрополита Царь пожаловалъ, со алою тамгою ярлыкъ далъ. И мы первыхъ ярлыковъ не изыноча, тако жъ молвя, Ѳеогносту Митрополиту съ нишенемъ грамоту дали есмя». Въ двухъ другихъ Тайдуловыхъ ярлыкахъ, а также въ ярлыкѣ Узбека, тотчасъ послѣ исчисленія должностныхъ лицъ, къ которымъ обращается Ханъ съ своимъ словомъ, слѣдуетъ исчисленіе самыхъ преимуществъ, предоставляемыхъ Митрополиту и церковнымъ людямъ. Впрочемъ, какъ въ нихъ, такъ и во всѣхъ другихъ ярлыкахъ съ изложеніемъ этихъ преимуществъ постоянно соединяются и перепутываются такія выраженія, которыми частію объясняются побужденія Хановъ къ выдачѣ ярлыковъ, частію налагается прямо на Митрополитовъ и церковныхъ людей обязанность молить Бога за Царя и за весь его родъ. См. ниже прим. 369—374, и выше прим. 332.

337 См. ниже прим. 369—374.

338 Въ концѣ Менгу-Темирова ярлыка сказано: «И въ томъ, и такъ что будетъ, молвя, сему Митрополиту грамоту сію дали есмя. И сію грамоту видяще и слышаще попове и черницы, ни дани, ни иного чего не даютъ; а кто возьметъ Баскаци наши и Княжіе писцы, и поплужницы, и таможницы, и они по велицѣй язѣ не извинится, и смертію да умретъ. Тако молвя, ярлыкъ далъ». Въ концѣ Узбекова: «Такъ слово наше учинено, и дали есмя Петру Митрополиту грамоту, сію крѣпости ему для, да сію грамоту видяще и слышаще вси людіе и всѣ церкви, и всѣ монастыри, и всѣ прічты церковные, да не преслушаютъ его ни въ чѣмъ, но послушни ему будутъ, по ихъ закону и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ. Да пребываетъ Митрополитъ правымъ сердцемъ, безъ всякіе скорби и безъ печали, Бога моля о насъ и о нашемъ царствѣ. А кто вступится въ церковное и въ Митрополичье, и на того гнѣвъ будетъ Божій, а по нашему великому истязанію не извинится ни чѣмъ же, и умретъ злою казнію. Такъ ярлыкъ данъ. Такъ молвя, слово наше учинило». Въ другихъ ярлыкахъ короче; въ Бердибековомъ: «Такъ рекше, и ярлыкъ съ алою

Въ заключеніе означаются годъ, мѣсяцъ и день, когда писанъ ярлыкъ по Монгольскому, а иногда и Мусульманскому лѣтосчисленію, [539] мѣсто, гдѣ находилась Орда во время написанія ярлыка, [540] и наконецъ имена лицъ, докладывавшихъ и писавшихъ ярлыкъ. [541]

Жалованныя грамоты Русскихъ Князей и Царей, относительно формы, значительно разнятся между собою и могутъ быть раздѣлены на нѣсколько разрядовъ. Прежде всего слѣдуетъ отличить между ними грамоты жалованныя (въ собственномъ смыслѣ) отъ грамотъ подтвердительныхъ. Первыя, въ свою очередь, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько разрядовъ: одни написаны были на имя тѣхъ монастырей, или лицъ духовнаго званія, которымъ давались, другія на имя тѣхъ должностныхъ лицъ, въ вѣдѣніи которыхъ находилось

тамгою дали есми на утвержденіе вамъ». Въ Атюляковомъ: «Такъ рекши, утвердихомъ со алою тамгою ярлыкъ». Въ Тайдулиномъ Іонѣ: «Такъ молвя, грамоту дали есмя». Въ ея же Ѳеогносту: «Такъ молвя, на утвержденіе нынѣшнюю грамоту дали». Въ ея же Алексѣю: «А кто паки силу учинитъ, и онъ на великой пошлинѣ перемолвитъ самъ; такъ молвя, нишенную грамоту дали есмя». Впрочемъ, подобныя же выраженія встрѣчаются и въ серединѣ ярлыковъ, при самомъ исчисленіи преимуществъ, предоставляемыхъ Церкви. См. ниже прим. 369—374.

539 «Заячьяго лѣта, осенняго перваго мѣсяца, въ 4-й день Ветха» (ярлыкъ Менгу-Темира); «таковою крѣпостію утвердило Заячьяго лѣта, осѣнняго перваго мѣсеца 4 Ветха» (ярлыкъ Узбека). «Дали есмя Овечья лѣта, Дарыка въ семъ сотъ осьмое лѣто, Солгата мѣсеца, въ день Нова» (ярлыкъ Атюлека); «Тешгуя лѣта, десятаго мѣсяца въ 10 Нова, Солгата мѣсяца въ семъ сотъ осьмое» (ярлыкъ Бердибека); «Етия году, Арама мѣсеца во 2 Ветха» (ярлыкъ Тайдулы Алексѣю); «Заячьяго лѣта, Арама мѣсяца, въ 8 день Нова» (ярлыкъ Ѳеогносту); «Виннаго лѣта, осмого мѣсяца, въ 6 Ветха» (ярлыкъ Тайдулы Іонѣ). Объясненіе всѣхъ этихъ выраженій см. у г. Григорьева (стр. 86—93).

540 «На помихъ писанъ и данъ» (ярлыкъ Узбека); «на великомъ лузѣ на рѣчномъ орда кочевала» (ярлыкъ Атюляка); «на Желтой трости орда кочевала» (ярлыкъ Тайдулы Іонѣ); «въ Варлѣ орда кочевала» (ярлыкъ Тайдулы Ѳеогносту); «на Телы писаны» (ярлыкъ Менгу-Темира); «орда кочевала на Каонгѣ» (ярлыкъ Бердибека); «Орда кочевала на Вули станѣ» (ярлыкъ Тайдулы Алексѣю). Объясненіе этихъ выраженій см. также у г. Григорьева (стр. 93—95).

541 «А жалобу положилъ Тайобога Айтача, Мухтаръ, Учагуи, Карапчіи писали» (ярлыкъ Тайдулы Ѳеогносту); «Ваябога, Усяинъ, Варли, Ягатлаи, Кутлубуга и тѣ головные князи жалобу клали. Сѣгучъ, Темирѣ, Мюрбокшеи писали» (ярлыкъ Бердибека); «Семаръ Ходча жалобу положилъ» (ярлыкъ Тайдулы Алексѣю). Въ другихъ ярлыкахъ имена докладчиковъ и писцовъ не означены.

духовное заведеніе, получавшее извѣстныя права въ порядкѣ финансовомъ, или судебномъ. Различіе между двумя послѣдними видами относилось, разумѣется, не къ содержанію, а только къ формѣ; по содержанію, и тѣ и другія были жалованными грамотами, но въ отношеніи къ формѣ назначеніе это могло быть дѣйствительно примѣнено только къ первымъ, ибо вторыя писались обыкновенно совершенно также, какъ и всѣ другія сообщенія высшаго Правительства съ подчиненными ему лицами, Жалованныя грамоты, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, были опять разнаго рода: одни заключали въ себѣ исчисленіе всѣхъ вообще правъ, предоставлявшихся монастырю надъ его вотчиною, [342] другія относились только къ какой либо одной опредѣленной привилегіи, [343] третьи, наконецъ,

[342] Таковы, на пр., жалованная грамота Ивана III Троицкому Сергіеву монастырю на Бѣжецкую его вотчину, 1494 года («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 131); жалованная грамота В. Князя Василія Ивановича Владимірскому Дмитріевскому собору 1515 года (Тамъ же, т. I, N. 159); жалованная грамота Ивана IV Корельскому Николаевскому монастырю, 1542 года («Акты Истор.», т. I, N. N. 141); его же жалованная грамота Вассіановой Строкинской пустынѣ, 1547 года (Тамъ же, т. I, N. 147); жалованная грамота Михайла Ѳедоровича Толвуйскому священнику Герасимову, 1614 года (Тамъ же, т. III, N. 9) его же жалованная грамота Патріарху Филарету, 1619 года (Тамъ же, т. III, N. 82), и многія другія. Отличительное свойство грамотъ этого разряда состоитъ въ томъ, что въ нихъ исчисляется весь кругъ привилегій, предоставленныхъ монастырю, или лицу духовнаго званія, и что цѣль ихъ выдачи заключается не въ дарованіи только извѣстному духовному заведенію какого либо одного опредѣленнаго преимущества, но въ общемъ опредѣленіи его правъ и степени власти надъ принадлежащимъ ему имѣніемъ.

[343] Таковы, на прим., жалованныя грамоты Василія Темнаго Троицкому Сергіеву монастырю (1428—1436) о томъ, чтобы Воеводы и ѣздоки не ѣздили мимо монастыря, не ставились въ немъ и кормовъ не брали («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 24); Ивана III тому же монастырю (1485, о дачѣ ему пристава для поимки людей, въѣзжающихъ безъ доклада въ монастырскіе лѣса (Тамъ же, т. I, N. 112); Углицкаго Князя Дмитрія Ивановича тому же монастырю (1506 г.) объ освобожденіи людей его отъ пошлинъ (Тамъ же, т. I, N. 146); Ивана IV тому же монастырю (1533) на судные сроки его крестьяномъ (Тамъ же, т. I, N. 178); Царя Шигалея Шигавліяровича тому же монастырю (1543) о безпрепятственномъ въѣздѣ монастырскихъ прикащиковъ въ Царевы лѣса и объ освобожденіи отъ пошлинъ монастырскаго судна (Тамъ же, т. I, N. 199); Ивана IV тому же монастырю (1545) о повсемѣстномъ освобожденіи отъ пошлинъ запасовъ, провозимыхъ въ этотъ монастырь изъ его вотчинъ (Тамъ же, т.

единяли въ себѣ пожалованіе монастырю имущества съ исчисленіемъ правъ, на это имущество предоставленныхъ. [344] Впрочемъ, различія эти не заключали въ себѣ ничего существеннаго, или особенно важнаго, такъ что форма всѣхъ актовъ этого рода въ существѣ своемъ была одинакова. Всѣ они заключали въ себѣ слѣдующія составныя части: 1) означеніе имени Князя, или Царя, отъ котораго давалась

I, N. 203), и многія другія. Грамотъ этого рода дошло до насъ особенно много. Относительно формы, они отличаются отъ перваго рода грамотъ только тѣмъ, что заключаютъ въ себѣ не полное опредѣленіе правъ монастыря, а только означеніе извѣстной, спеціальной привилегіи, ему предоставленной. Онѣ по этому самому короче грамотъ перваго рода, но, не смотря на то, заключаютъ въ себѣ всѣ тѣ же составныя части.

[344] Такова, на пр., жалованная грамота Углицкаго Князя Дмитрія Юрьевича Троицкому Сергіеву монастырю (1440), о пожалованіи ему села Присѣцкаго и о предоставленіи ему разныхъ преимуществъ по владѣнію этимъ селомъ («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 37); жалованная грамота Царя Мегмедъ-Аминя тому же монастырю (1498) на лѣса въ Каширскомъ уѣздѣ, съ предоставленіемъ разныхъ преимуществъ по владѣнію ими (Тамъ же, т. I, N. 135); жалованная грамота Волоцкаго Князя, Ѳедора Борисовича, Іосифову Волоколамскому монастырю на деревню и слободку, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ податей и съ предоставленіемъ имъ разныхъ другихъ преимуществъ (Тамъ же, т. I, N. 136); жалованная грамота Михаила Ѳедоровича Новоспасскому монастырю (1615) на третью долю Варзужской волости и на разныя преимущества по владѣнію его («Акты Истор.», т. III, N. 60); его же жалованная грамота Кирилло-Бѣлозерскому монастырю (1615 г.) на посадъ Ненокоцкій и на разныя привилегіи по владѣнію имъ (Тамъ же, т. III, N. 61), и многіе другія. И этого рода грамоты ничѣмъ не отличались въ формѣ своей отъ грамотъ, указанныхъ въ примѣчан. 342 и 343, кромѣ того только, что въ началѣ ихъ, прежде исчисленія привилегій, говорилось о пожалованіи монастырю Царемъ, или Княземъ, того имущества, на которое давалась грамота. Такъ, на прим., жалованная грамота Волоцкаго Князя Іосифову Волоколамскому монастырю, о которой мы сейчасъ упоминали, начинается слѣдующимъ образомъ: «Се язъ Князь Ѳедоръ Борисовичъ пожаловалъ есми игумена Іосифа, или кто по немъ иной игуменъ будетъ, далъ есми въ домъ Пречистыя, въ своей отчинѣ, въ Ржевѣ, въ Клиганскомъ уѣздѣ, свою деревню Медвѣдкову, да къ тому есми придалъ половину слободки Тимоѳеевской, что нынѣ за Ивашкомъ за Поповичемъ, со всѣмъ съ тѣмъ, что къ той деревнѣ и къ слободкѣ потягло изстари; а кто ихъ въ той деревнѣ и въ слободкѣ иметъ людей жити, и тѣмъ ихъ людемъ и крестьянамъ не надобѣ моя дань....» и т. дал.; слѣдуетъ исчисленіе привилегій, которое сдѣлано совершенно также, какъ и во всѣхъ другихъ жалованныхъ грамотахъ.

грамота съ болѣе или менѣе подробнымъ описаніемъ его титула, [345] а иногда, особенно въ древнѣйшихъ актахъ, съ прибавленіемъ въ началѣ выраженій, подобныхъ слѣдующимъ: «Пречистые дѣля Богоматери и своего ради спасенья;» [346] 2) означеніе имени духовнаго заведенія, или лица, которому давалась грамота; если же выдача ея послѣдовала въ слѣдствіе чьей ни будь просьбы, то какъ означеніе этого обстоятельства, такъ и подробное изложеніе самаго содержанія просьбы; [348] 3) означеніе имени вотчины, на которую давалась грамота, съ точнымъ показаніемъ ея мѣстоположенія, состава, а иногда границъ и самаго способа пріобрѣтенія; [349] 4) исчисленіе самыхъ привилегій, которыя предоставлялись духовному

[345] На примѣръ: «Се язъ Князь Ѳедоръ Борисовичъ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 136); или: «Се язъ Князь Великій Василей Ивановичь всея Русіи» (Тамъ же, т. I, N. 166); или «Се язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи» (Тамъ же, т. I, N. 249); или: «Божію милостію Мы, Великій Государь Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ» («Акт. Истор.», т. IV, N. 166), и т. под.

[346] Смотри выше прим. 324, 325.

[347] На примѣръ: «Пожаловалъ есми Спаскаго и Благовѣщенскаго Архимарита Іону съ братьею» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 12); или: «пожаловалъ есмь игумена Германа Ѳерапонтова монастыря съ братьею, или кто будетъ по немъ иной игуменъ» (Тамъ же, т. I, N. 47); или: «Пожаловалъ есми Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря архимарита Кирила съ братьею, или кто по немъ впредь у Живоначальныя Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ иный архимаритъ будетъ» (Тамъ же, т. I, N. 273); или: «Пожаловали есмя Пречистыя Богородицы чюдотворнаго образа Смоленскія, новаго Дѣвича монастыря, что на Москвѣ, за посадомъ, игуменью Меланью, да намѣстницу старицу Настасью съ сестрами, или кто по нихъ въ томъ монастырѣ иныя игуменьи будутъ» («Акт. Истор.», т. IV, N. 166), и т. под.

[348] См. примѣры, приведенные въ примѣч. 324.

[349] На примѣръ: «что у нихъ въ Галичѣ двѣ варницы, а третья варница Семеновская Морозова, и язъ, Князь Великій, ихъ пожаловалъ, съ тѣхъ варницъ ненадобѣ....» и т. д. («Акт. Арх. Эксп.,», т. I, N. 52); или: «что ихъ селъ и съ деревнями на Угличѣ и въ Кинельскомъ стану, монастырь Рожество Христово въ Прилуцѣ, Удинское село съ деревнями до Вокъюлбова, а далъ Володимеръ Ирѣцкой, да Перетержское съ пустошми, а въ Городцкомъ стану Баскача деревня да Шуйпинская деревня съ пустошми, да что имъ далъ Борисъ Пожегочинъ сынъ Нефедьевское, и что къ тому потягло съ деревнями въ Куткобалѣ, да Полубожинъ далъ пустошь Савинскую, да что имъ дала Агафья пустошь Иванково, да Милково, да пустошь Марьинское, да что ихъ пустошь въ

заведенію на его вотчины, болѣе или менѣе подробное, смотря по обстоятельствамъ, но дѣлавшееся, въ большей части случаевъ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ; [350] 5) означеніе неприкосновенности правъ, предоставленныхъ грамотою, запрещеніе должностнымъ лицамъ нарушать эти права и угрозы, болѣе или менѣе сильныя, болѣе или менѣе опредѣленныя, всякому возможному нарушателю; [351] 6) обѣщаніе со стороны самаго Князя, или Царя, предоставлявшаго духовенству извѣстныя привилегіи, не нарушать ихъ ни въ какомъ случаѣ; [352] наконецъ 7) означеніе мѣста и времени, т. е., года, мѣсяца и дня написанія грамоты. [353] Написанные по такимъ формамъ акты подписывались обыкновенно самимъ Княземъ, или Царемъ, и однимъ изъ его Дьяковъ; сверхъ того, они скрѣплялись Княжескою, или Царскою печатью. [354] Почти также писались и тѣ грамоты, которыя, какъ замѣчено было выше, не принадлежали собственно къ числу жалованныхъ, хотя и заключали въ себѣ исчисленіе преимуществъ, дарованныхъ духовенству. Единственныя отличительныя черты послѣднихъ заключались въ томъ, что они: 1) писались на имя не духовнаго заведенія, но должностнаго лица, обязаннаго, въ слѣдствіе присвоенія духовенству извѣстной привилегіи, совершить извѣстныя дѣйствія, или, напротивъ, воздержаться

Куткобалѣ же Филитово, и кто иметъ въ тѣхъ селехъ и въ деревняхъ монастырскихъ жити людей..... и тѣмъ людямъ не надобѣ моя дань»... и т. д. (Тамъ же, т. I, N. 56).

[350] Примѣры см. ниже въ примѣч. 375 и слѣдующихъ.

[351] Примѣры см. выше въ примѣч. 320.

[352] Примѣры см. выше въ примѣч. 323.

[353] На примѣръ: «А дана грамота Маіа въ 8 того лѣта, коли Князь Великій Данило Борисовичъ вышелъ на свою отчину отъ Мехмета Царя въ другій рядъ». («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 18); или: «А дана грамота, коли Князь Великій Княжну отдалъ во Царь, на ту зиму на вербницу» (Тамъ же, т. I, N. 19). «А дана грамота на Москвѣ въ лѣто 6963, Февруарія въ 11-й день» (Тамъ же, т. I, N. 55); или: «А дана грамота на Москвѣ, лѣта 7048, Генваря въ 5» (Тамъ же, т. I, N. 189); или: «Дана ся наша Царская жалованная грамота въ государствія нашего Дворѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 6170, Апрѣля во 2-й день» («Акт. Истор.», т. IV, N. 166), и т. под.

[354] См. въ «Изданіяхъ Археографической Коммисіи» замѣчанія, сдѣланныя въ низу большей части жалованныхъ грамотъ.



отъ ихъ совершенія [355], и 2) въ концѣ ихъ прибавлялось обыкновенно предписаніе должностнымъ лицамъ отдать адресованную на ихъ имя бумагу, по прочтеніи и снятіи съ нея копіи, тому самому монастырю, до котораго она относилась. [356]

Подтвержденіе жалованныхъ грамотъ дѣлалось троякимъ образомъ: иногда оно писалось на самомъ оборотѣ ихъ; въ такомъ случаѣ означалось, по однообразной формѣ, что такой-то Князь, или Царь, выслушавъ представленную ему грамоту, пожаловалъ такого-то Архіерея, игумена или священника, не велѣлъ нарушать ее никому ничѣмъ. Подъ этимъ подписывался иногда самъ Великій Князь, или Царь, а чаще одинъ изъ его Дьяковъ. [357] Иногда, оставаясь тою

---

[355] Грамоты этого рода начинались обыкновенно по слѣдующей формѣ: отъ такого-то Князя, или Царя, такимъ-то должностнымъ лицамъ, на примѣръ: «Отъ Великія Княгини Марьи, въ Нерехту, Тіуну моему Алексѣю Бобошѣ, да праветчику Якову Курицѣ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 84); или: «Отъ Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, въ Юрьевъ, намѣстнику нашему Семену Карповичу» (Тамъ же, т. I, N. 130); или: «Великіе Россійскіе Державы Московскаго Государства отъ Бояръ, отъ Князя Дмитрея Тимоѳѣевича Трубецкаго да отъ Ивана Мартыновича Заруцкаго, на Бѣлоозеро и въ Бѣлозерской уѣздъ, на Вологду и въ Вологоцкой уѣздъ, въ Ярославль и въ Ярославскій уѣздъ, въ Ростовъ и въ Ростовскій уѣздъ, на Кострому и въ Костромской уѣздъ, въ Дмитровъ и въ Дмитровской уѣздъ, на Городецъ и въ Городецкій уѣздъ, и въ Бѣжецкой верхъ, въ Тверь и въ Тверской уѣздъ, въ Пошехонье и въ Пошехонской уѣздъ, на Колмогоры и въ Колмогорскій уѣздъ, въ Каргополь и въ Каргопольской уѣздъ, и въ Поморье, и въ иные городы Московскаго Государства, Боярамъ, и Воеводамъ, и Діакомъ, и Волостелемъ, и ихъ Тіуномъ, и всякимъ приказнымъ людемъ, и таможнымъ цѣловальщикомъ, и по мытомъ мытчикомъ, и перевозчикомъ и всякимъ пошлинникомъ» («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 232); или: «Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи, въ Ростовъ, Воеводѣ нашему, Митрофану Ивановичу Хрипунову» («Акт. Истор.», т. IV, N. 73) и т. под.

[356] Примѣры см. выше въ прим. 321.

[357] На примѣръ: «По грамотѣ отца своего Великаго Князя, Князь Великій Иванъ (т. е., Иванъ III) пожаловалъ игумена Касьяна съ братьею, грамоты сеа рушити не велѣлъ.... А подписалъ Ѳедоръ Дьякъ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 48); или: «Князь Великій Иванъ Васильевичъ всеа Русіи (т. е., Иванъ IV) по сей грамотѣ пожаловалъ Троицкаго Сергіева монастыря Іосафа съ братьею, кто по немъ иный игуменъ будетъ, сіи грамоты у нихъ рушати не велѣлъ никому ничѣмъ. Лѣта 7042, Февраля въ 9 день». Приписъ Дьяка Оѳонасья Курицына. Печать у грамоты на черномъ воску (Тамъ же, т. I, N. 110), и т. под.

же въ сущности, форма эта значительно распространялась посредствомъ вставки многихъ придаточныхъ предложеній, не измѣнявшихъ самаго содержанія, но только усиливавшихъ, или опредѣлявшихъ, его точнѣе. [358] Со времени Алексѣя Михайловича образовалась совершенно новая форма подтвержденій, о которыхъ скажемъ мы ниже, на томъ основаніи, что она уже проистекала изъ новаго, возникшаго въ XVII вѣкѣ, стремленія къ ограничеію вотчинныхъ правъ духовенства и къ согласованію ихъ съ общими началами законо-

---

[358] На примѣръ: «Лѣта 7125, Іюня въ 27 день, Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи сіи грамоты слушалъ, а выслушавъ Николы чудотворца Вяжицкаго монастыря игумена Генадья съ братьею пожаловалъ, велѣлъ сю грамоту подписати на свое Государево Царево и Великаго Князя Михайла Ѳеодоровича всеа Русіи имя, и сее у нихъ грамоты рудити не велѣлъ никому ничѣмъ, а велѣлъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. Дьякъ Иванъ Болотниковъ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 354). Въ этомъ примѣрѣ мы находимъ только распространеніе формы, не относящееся нисколько къ содержанію. Но иногда и самое содержаніе при подтвержденіи опредѣлялось точное, или, даже подвергалось измѣненіямъ, впрочемъ, не такимъ, которыя бы имѣли цѣлью уменьшеніе предоставленныхъ духовенству привилегій; такъ, на прим., на оборотѣ жалованной грамоты Кн. Волоцкаго Іосифову Волоколамскому монастырю написано: «Лѣта 7114 году, Сентября въ 13 день, Государь Царь и Великій Князь Дмитрій Ивановичъ всеа Русіи, Пречистыя Богородицы Іосифова монастыря великаго преподобнаго игумена Іосифа грамоты слушалъ, и выслушавъ жалованную грамоту, пожаловалъ игумена Арсенья съ братьею.... велѣлъ имъ сее жалованную грамоту подписати на свое Царево и Великаго Князя имя, и сіи у нихъ грамоты рудити никому ни въ чемъ не велѣлъ, а велѣлъ имъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано; а Ржевскимъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ, и Воеводамъ Ржевскимъ, и Осташковскіе слободы Воеводамъ, судити ихъ монастырскихъ прикащиковъ и доводчиковъ, которые въ Осташковской слободѣ на приказѣ будутъ, и Осташковской слободы монастырскихъ крестьянъ и ихъ подсусѣдниковъ, судити ни въ чемъ не велѣлъ, а судятъ тѣхъ своихъ крестьянъ монастырскіе прикащики и доводчики и пошлины съ судныхъ дѣлъ емлютъ на монастырь» (Тамъ же, т. I, N. 136). При подтвержденіи жалованныхъ грамотъ, предоставлявшихъ монастырямъ право имѣть особыхъ приставовъ, назначались иногда въ эту должность новыя лица, что и объяснялось въ самомъ подтвержденіи, на пр.: «Князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, по сей грамотѣ пожаловалъ Пречистые Учемскаго монастыря игумемену Іону съ братьею,... сее у нихъ грамоты рушати не велѣлъ никому ничѣмъ; а далъ есми имъ въ даннаго пристава въ мѣсто Хрипуна Гридина даннаго жъ пристава Ширяя Александрова сына Падникова» (Тамъ же, т. I, N. 171).



дательства. [359] Но и въ прежнее время, кромѣ указанной выше, существовали другія формы подверждёнія, а именно, въ случаѣ ветхости, порчи, или случайнаго уничтоженія стараго документа; вообще во всѣхъ случаяхъ, когда на оборотѣ не возможно было написать подтвержденія, составлялась новая подтвердительная грамота, совершенно по тѣмъ же формамъ, по какимъ составлялись и жалованныя, [360] съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ началѣ означались подробно причина и цѣль подтвержденія, а иногда и все содержаніе прежняго акта. [361] Наконецъ, въ случаѣ нарушеній мѣстными начальствами привилегій извѣстнаго монастыря подтвержденіе дѣлалось обыкновенно посредствомъ грамотъ, которыя писались на имя должностныхъ лицъ, нарушителей привилегіи, и заключали въ себѣ строгое имъ предписаніе воздерживаться впредь отъ подобныхъ нарушеній. [362]

Жалованныя грамоты, данныя духовными властями, мало отличались, по формѣ своей, отъ данныхъ Князьями, Царями и вообще Правительствомъ свѣтскимъ. Подобно послѣднимъ, они заклю-

---

[359] Объ этой позднѣйшей формѣ подтвержденій см. ниже прим. 851.

[360] Таковы, на примѣръ, подтвердительныя жалованныя грамоты Өедора Ивановича Троицкому Сергіеву монастырю, 1586 года («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 330); его же и тому же монастырю, 1588 года (Тамъ же, т. I, N. 336); Михайла Өедоровича Торуэскому Николаевскому собору, 1615 года (Акты Историч.», т. III, N. 65); его же Спасо-Прилуцкому монастырю, 1619 года (Тамъ же, т. III, N. 79); Алексѣя Михайловича Московскому Новодѣвичьему монастырю, 1662 года (Тамъ же, т. IV, N. 166), и многія другія.

[361] Примѣры см. выше въ примѣч. 310—318.

[362] Этого рода подтвердительныя грамоты начинались обыкновенно съ означенія, отъ кого и къ кому грамота пишется, на примѣръ: «Отъ В. Князя Ивана Васильевича всея Русіи, въ Переславль къ таможникамъ Мартину Чермному да Гриднѣ Ильину» («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 76; или: «Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи, въ Каргополь, Воеводѣ нашему, Василію Ивановичу Жукову» («Акты Истор.», т. IV, N. 24). За этимъ слѣдовало изложеніе жалобы духовнаго заведенія, или лица, на нарушеніе данной ему грамоты (примѣры см. выше въ прим. 318). Потомъ помѣщалось предписаніе чиновнику не нарушать предоставленныхъ духовному заведенію, или лицу, привилегій, на примѣръ: «и ты бъ у нихъ тѣ нашіе грамоты не рудилъ, ходилъ бы еси по нашимъ грамотамъ жалованнымъ, а корму съ ихъ крестіянъ съ монастырскихъ и праведчикова побору не брали, и сили бъ имъ отъ тебе и отъ твоихъ людей не было («Дополн. къ Акт. Историч.», т. I. N. 219); или: «и ты бъ съ Покровскихъ дѣвича монастыря селъ, и деревень, и починковъ кормовыхъ денегъ

чали въ себѣ: 1) означеніе имени и самаго лица, дававшаго грамоту; 2) означеніе имени духовнаго заведенія, которому она давалась; [363] 3) означеніе причинъ, побудившихъ къ ея выдачѣ; [364] 4) исчисленіе

не ималъ; а будетъ еси съ ихъ монастырскихъ селъ и деревень и починковъ кормовые деньги за намѣстничь кормъ и присудъ 66 года взялъ, и ты бъ игуменьѣ Василисѣ съ сестрами, или ихъ прикащикомъ, кормовыя деньги отдалъ назадъ, да и впередъ были съ ихъ монастырскихъ селъ и деревень и починковъ кормовыхъ денегъ не ималъ» («Акты Истор.», т. I, N. 166). Въ заключеніе помѣщались обыкновенно предписанія чиновниковъ отдать грамоту, по прочтеніи ея, въ монастырь, а въ самомъ концѣ означеніе мѣста и времени ея написанія, подпись и печать (См. «Акты Истор.», т. I, N. 166. «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 219. «Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 109) и многія другія.

[363] На примѣръ: «Се язъ Геронтей, Митрополитъ всеа Руси, пожаловалъ есмь архимандрита Сергіа своихъ монастырей Благовѣщенскаго въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ и Костянтино-Еленскаго въ Володимери, или кто по немъ иный архимандритъ будетъ» («Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 105); или: «Божіею милостію се язъ преосвященный Іона, Архіепископъ Ростовскій и Ярославскій и Бѣлозерскій, пожаловалъ есми сына своего Кириловскаго монастыря игумена, корму, яже о Христѣ съ братьею, или по немъ кто будетъ иный игуменъ» (Тамъ же, т. I, N. 293) и т. под.

[364] На примѣръ: «Се язъ Архіепископъ Тихонъ Ростовскій и Ярославскій и Бѣлозерскій, бывшаго дѣля Архіепископа Іасафа, пожаловалъ есмь: что поставилъ церковь онъ же на новѣ ризъ Положеніе Св. Богородици, на Бородавѣ, и у тое церкви кто будетъ игуменъ и попъ».... я т. д. («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 125). Въ жалованной грамотѣ Ростовскаго Архіепископа Тихона Кириллову монастырю (1500) сказано, что «у нихъ церковь поставлена на новѣ, Благовѣщенія Святѣй Богородици въ Каргополѣ и у той церкви кто будетъ игуменъ, попъ и дьяконъ, не надобѣ имъ моя дань....» и т. д. (Тамъ же, т. I, N. 137). Въ жалованной грамотѣ Ростовскаго Архіепископа Алексѣя Троицкому Сергіеву монастырю (1544): «Божіею милостію се язъ.... Архіепископъ Алексѣй.... милости ради Святыя Живоначальныя Троицы и Преподобнаго Отца нашего Сергіа Чудотворца, пожаловалъ есмь» (Тамъ же, т. I, N. 202). Въ жалованной грамотѣ Вологодскаго Епископа Кипріяна Кириллову монастырю, 1574 года: «Били намъ челомъ Пречистыя Богородицы Кириллова монастыря игуменъ Козма; яже о Христѣ съ братьею, а сказывали, что у нихъ въ нашей Епископьѣ Вологодской.... церкви, грѣхъ ради нашихъ, въ повѣтрее запустѣли и поосқудѣли.... и намъ бы ихъ, для Успенья Пречистыя и Св. Преподобнаго Чудотворца Кирилла, пожаловати, не велѣти съ тѣхъ церквей дани имати» (Тамъ же, т. I, N. 287). См. также «Акты Историч.», т. I, N. 142—197.

самыхъ преимуществъ, предоставляемыхъ монастырю или церкви; [365] наконецъ, 5) подпись и печать Архіерея или его Дьяка, съ означеніемъ мѣста и времени составленія грамоты. [366] Иногда грамоты такого рода писались прямо на имя тѣхъ Архіерейскихъ чиновниковъ, которые должны были, въ слѣдствіе предоставленія извѣстныхъ льготъ духовному заведенію, совершить въ его пользу извѣстныя дѣйствія, или же, напротивъ, прекратить ихъ совершенія. [367] Что же касается подтвержденія преимуществъ, данныхъ духовными властями, то оно дѣлалось обыкновенно по тѣмъ же самымъ формамъ, какъ и подтвержденія привилегій, предоставленныхъ Свѣтскимъ Правительствомъ. [368]

---

[365] Примѣры см. ниже въ примѣч. 496—250.

[366] На примѣръ: «Дана грамота на Вологдѣ, лѣта 7056, Октября въ 11 день». Въ концѣ собственноручная подпись: «Епископъ Кипріянъ». На отгибѣ края приложена черновосковая епископская печать («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 214. Жалованная грамота Вологодскаго Епископа Кипріяна Кириллову монастырю, 1578 года); или: «Господинъ Макаріе, Епископъ Вологодцки, велѣлъ къ сей грамотѣ печать свою приложити, а подписати ее велѣлъ дьяку своему Ивану Иньеву. Писано на Вологдѣ лѣта 7082, Марта въ 24 день. Владычень діакъ Иванъ Иніевъ» (Тамъ же, т. I, N. 287). Жалованная грамота Вологодскаго Епископа Макарія Кириллову монастырю, 1574 года).

[367] «Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 128. Такія грамоты начинались всегда съ означенія, отъ кого и кому грамота пишется, на прим.: «Отъ Архіепископа Тихона Ростовскаго и Ярославскаго и Бѣлозерскаго десятиннику моему, Исаку Остафіеву, и даньщику, Ѳедцу Темилову, или кто по нихъ будутъ иные мои десятинники и даньщики» («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 128). Въ концѣ помѣщались, какъ и въ Княжескихъ грамотахъ, выраженія, подобныя слѣдующимъ: «А прочетъ сію мою грамоту отдавайте назадъ, и они себѣ держатъ ее иныхъ дѣля моихъ десятинниковъ и даньщиковъ» (Тамъ же, т. I, N. 128).

[368] Такъ, на прим., на оборотѣ одной жалованной грамоты Ростовскаго Архіепископа Іоны Кириллову монастырю, 1576 года, написано: «Лѣта 7087, Декабря въ 20 день, Господинъ Преосвященный Давыдъ, Архиепископъ Ростовскый и Ярославскый и Бѣлозерскый, сіи грамоты слушалъ, и сына своего Кирилова монастыря игумена Козму съ братьею пожаловалъ, сю имъ грамоту велѣлъ подписати на свое Архіепископье Давыдово имя, и сіи у нихъ грамоты рушати не велѣлъ ни кому ни чѣмъ, а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. А подписалъ Архіепископль дьякъ Износокъ Губастаго». Далѣе слѣдуютъ подобныя же подтвержденія Архіепископовъ Ростовскаго Евѳимія въ 1583 и Іова въ 1586 годахъ («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 293. См.

Обращаясь теперь къ самому содержанію жалованныхъ грамотъ, т. е., къ существу тѣхъ привилегій, которыя предоставлялись духовнымъ заведеніямъ, мы будемъ разсматривать отдѣльно грамоты: 1) Хановъ Монгольскихъ, 2) Князей и Царей Русскихъ, и 3) властей духовныхъ. Нѣкоторыя изъ правъ и преимуществъ, означенныхъ въ памятникахъ всѣхъ трехъ разрядовъ, не относятся собственно къ владѣнію недвижимыми имуществами; тѣмъ не менѣе мы исчислимъ ихъ здѣсь сполна, съ тою цѣлью, чтобы дать ясное и точ-

---

тамъ же, т. I, N, 214, 247, 296. «Акты Истор.», т. I, N. 142, 170, 187, 197, 198, 199). Въ другихъ случаяхъ подтвердительная грамота писалась вновь, что и означалось въ самомъ ея началѣ, на примѣръ, въ жалованной грамотѣ Ростовскаго Архіепископа Іоны Кириллову монастырю 1576 года: «Божіею милостію се язъ, Преосвященный Іона, Архіепископъ Ростовскій и Ярославскій и Бѣлоозерскій, пожаловалъ есми, по старой грамотѣ» и т. д. («Акты Арх. Экспед.», т. I, N. 294. См. тамъ же, т. I, N. 296, 319. «Акты Истор.», т. I, N. 150, 181, 187, 198). Иногда означались и самыя причины выдачи новой подтвердительной грамоты; на прим.: «А ся имъ новая грамота дана въ старые грамоты мѣсто, потому что старая имъ грамота изветчала, и подписати на ней негдѣ и печать порушилась («Акты Истор.», т. I, N. 187. Смотри еще тамъ же, т. I, N. 198). Иногда Архіепископы въ своихъ грамотахъ подтверждали грамоты Царскія; такъ, на пр., въ одной грамотѣ Новгородскаго Архіепископа (1573) сказано: «Также' есми: игумена съ братьею.... по Государевѣ Царевѣ и В. Князя грамотѣ, пожаловалъ».... («Акты Истор.», т. I, N. 187). Иногда подъ грамотою подписывались просто имена подтверждавшихъ ее епископовъ; на прим., подъ грамотою Казанскаго Архіепископа Гурія Свіяжскому Богородицкому монастырю, 1556 года, подписано: «Смиренный Гурей, Божію милостію Архіепископъ Казанскій, и Свіяжскій», и далѣе имена его преемниковъ: «Германъ, Лаврентій, Васьянъ, Тихонъ, Іеремей, Козма, Тихонъ, Ермогенъ Митрополитъ, Ефремъ Митрополитъ, Симонъ Митрополитъ» («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 248. См. тамъ же, т. I, N. 247). При подтвержденіи грамоты, получавшіе ее должны были платить извѣстныя пошлины Архіерейскимъ чиновникамъ, въ видѣ вознагражденія за услуги ихъ при написаніи и запечатаніи грамоты. Такъ, на прим., на оборотѣ жалованной грамоты одного Новгородскаго Архіепископа приходской церкви въ Устюжнѣ Желѣзопольской (1563) написано подтвержденіе ея Новгородскимъ же Митрополитомъ Варлаамомъ, а подъ нимъ слѣдующее: «Пошлинъ Митрополитскихъ отдано печатнику Митрополичю старцу Мисаилу 9 алтынъ и 2 деньги, печатнаго алтынъ, истобникомъ алтынъ, да дворецкому Матѳею Левскому алтынъ, да дьячихъ одноѣ половины отдано казначею 4 алтына 4 деньги; а дьякъ Илья Мясной свою вытъ взялъ то жъ» («Акты Истор.», т. I, N. 170. См. также «Акты Истор.», т. I, N. 181, 187, 197, 198, 199).

ное понятіе о характерѣ и содержаніи самыхъ жалованныхъ грамотъ, какъ одного изъ важнѣйшихъ источниковъ нашего древняго права.

I. Ярлыки Монгольскихъ Хановъ, весьма однообразные по своему содержанію, заключали въ себѣ, по большей части, слѣдующія привилегіи и льготы:

1. Признаніе свободы вѣроисповѣданія и неприкосновенности всѣхъ зданій и вещей, служащихъ для богослуженія. Монгольскимъ чиновникамъ строго запрещалось осуждать и хулить Православную вѣру, тѣмъ болѣе ругаться надъ нею. Отъ виновныхъ въ оскорбленіи ея святости не принималось никакихъ оправданій; они наказывались «злою смертію». Строго запрещалось отнимать, рвать, портить иконы, книги и всѣ вообще вещи, необходимыя для богослуженія. Неприкосновенность монастырей, церквей, часовень и всѣхъ служащихъ къ отправленію богослуженія зданій была ограждена отъ всякихъ нарушеній; Монгольскіе чиновники не могли ни ставиться въ зданіяхъ этого рода, ни разрушать ихъ, ни вредить ихъ цѣлости какимъ бы то ни было образомъ. Виновные въ нарушеніи этого предписанія, кромѣ отвѣтственности передъ Богомъ за свой грѣхъ, подвергались отъ Хановъ самому строгому наказанію — лишенію жизни. [369]

2. Общее признаніе неприкосновенности церковныхъ имуществъ и запрещеніе всѣмъ лицамъ, подчиненнымъ Ханамъ Золотой Орды, нарушать вещественныя права Церкви, какимъ бы то ни было образомъ. Всѣ виды церков-

---

[369] Такъ въ ярлыкѣ Менгу-Темира сказано: «Что въ законѣ ихъ иконы и книги, или иное что, по чему Бога молятъ, того да не емлютъ, не издерутъ, ни испортятъ. Да не клянутъ насъ, но въ покои молятся за насъ. А кто вѣру ихъ похулитъ, или ругается, тотъ ничѣмъ не извинится, и умретъ злою смертію»; въ ярлыкѣ Узбека: «А что законъ ихъ церкви и монастыри, и часовни ихъ ни чѣмъ да не вредитъ ихъ, ни хулитъ; а кто учнетъ вѣру хулити, или осуждати, и тотъ человѣкъ не извинится ничимъ же и умретъ злою смертію»; въ ярлыкѣ Бердибека: «А въ церковныхъ домахъ никто же не ставится, ни рушати ихъ; а кто ся вины имѣетъ ставити, или рушати ихъ учнетъ, и тотъ въ грѣхъ да будетъ и умретъ злою смертію»; въ ярлыкѣ Атюляка: «А въ церковныхъ домахъ ни стати никому, ни рушати ихъ, а кто ся станетъ ставити въ церковныхъ домахъ, или рушити ихъ, а тѣ люди отъ Бога во грѣсѣхъ будутъ, а намъ ся на кого пожалуютъ ти церковные люди, и тотъ отъ насъ не животнѣю казнею казненъ будетъ».



наго имущества: села, волости, люди, земли, воды, лѣса, огороды, мельницы, ловли, борти, стада и т. под., объявляемы были неприкосновенною собственностію Церкви. Подъ страхомъ смертной казни, запрещалось Монгольскимъ чиновникамъ насильственно отнимать у Церкви ея стяжанія, или вмѣшиваться въ управленіе ими. Чиновникъ, взявшій что либо у духовенства, долженъ былъ немедленно и безъ отговорки возвратить ему взятое. Церковные люди, за убіеніе Монгольскаго чиновника, при защитѣ своего добра, не подвергались на какой отвѣтственности; напротивъ, за убіеніе церковныхъ людей Монгольскіе чиновники подлежали смертной казни. Строго запрещалось всякое нарушеніе правъ, принадлежавшихъ Церкви; строго преслѣдовалась всякая обида, нанесенная Митрополиту, Архимандритамъ, Игуменамъ, Попамъ, церковнымъ причтамъ и всѣмъ людямъ церковнымъ и митрополичимъ. Сами Ханы обѣщали за себя и за дѣтей своихъ не вступаться ни какимъ образомъ въ принадлежащее Церкви, «занеже то Божіе все суть..... а мы Божія брежемъ, а даннаго Богу не взимаемъ». [370]

---

[370] Такъ въ ярлыкѣ Менгу-Темира сказано: «Что церковные земли, воды, огороды, винограды, мѣльницы, зимовища, лѣтовища да не замаютъ ихъ, и что будетъ взяли, и они отдаютъ безпосульно»; въ ярлыкѣ Узбека: «Да никто же обидитъ на Руси соборную церковь Митрополита Петра, и его людей и церковныхъ его; да никто же взимаетъ ни стяжаній, ни селеній, ни людей;.... да не вступаются въ церковное и Митрополиче никто же, занеже то Божіе все суть; а кто вступится, а нашъ ярлыкъ и наше слово преслушаетъ, тотъ есть Богу повиненъ и гнѣвъ на себя отъ него пріиметъ, а отъ насъ казнь ему будетъ смертная..... а намъ въ то не вступатися ни во что, ни дѣтямъ нашимъ, княземъ нашего царства и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ, да не вступаются никто же ни чемъ, въ церковныя и въ Митрополичи, ни въ волости ихъ, ни въ села ихъ, ни во всякія ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ ограды, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни винограды ихъ, ни въ мѣльницы ихъ, или зимовища ихъ, ни въ стада ихъ конные, ни во всякія скотскія стада;.... да не будетъ ничто же перечинено, или порушено, или кѣмъ изобижено, да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ кроткомъ житіи безъ всякія голки; да правымъ сердцемъ и правою мыслію и молитъ Бога за насъ и за наши жены, и за наши дѣти, и за наше племя. И мы бо тако же управляемъ и жалуемъ, яко же и прежніе Цари ярлыки имъ давали и жаловали ихъ, а мы по тому же пути тѣми же ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ, заступитъ; а мы Божіе брежемъ и даннаго Богу не взимаемъ; а кто взимаетъ Божіе, и тотъ будетъ Богу повиненъ, а гнѣвъ Божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнью: да то видя, и иныя въ боязни будутъ.



3. **Освобожденіе духовенства отъ всѣхъ податей и повинностей.** Митрополитъ, священники, монахи и всѣ люди, принадлежавшіе къ Церкви, или ей подвѣдомственные, отъ мала и до велика, освобождались отъ всѣхъ податей и повинностей, отъ дани мзды, запросовъ, поминковъ, тамги, поплужнаго, мыта, мостовщины, яма, подводъ, полѣтняго, поклоннаго выхода, становаго, въѣзднаго, мимоходнаго, повинности военной (войны), кормовъ, ловитвы, службы, работы, даровъ, почестья и всякихъ вообще пошлинъ. Принадлежавшихъ духовенству людей: ремесленниковъ, писцовъ, каменьщиковъ, плотниковъ, ловцовъ, сокольниковъ и всякихъ вообще мастеровъ, слугъ и работниковъ запрещалось Монгольскимъ чиновникамъ: нардусникамъ, ловцамъ, сокольникамъ и побережникамъ наряжать въ работу, или сторожу, распоряжаться ими и отнимать у нихъ что бы то ни было, въ особенности же орудія ихъ производства. Монгольскіе финансовые чиновники: баскаки, поплужники, таможники, пошлинники и писцы не должны были ничего требовать отъ духовенства; взысканныя же пошлины должны были возвращать въ тройномъ количествѣ и сверхъ того подлежали отъ Хана особому наказанію. Въ нѣкоторыхъ ярлыкахъ за насильственное взысканіе съ духовенства податей назначаема были даже смертная казнь. [371]

А поѣдутъ наши баскаки, и таможники, даньщики, поборщики, писцы, по симъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило и уставило, да всѣ будутъ цѣлы соборные церкви Митрополичи, ни кѣмъ ни отъ кого не изобижены вся его люди и вся его стяжанія, какъ ярлыкъ имѣетъ: Архимандриты, и игумены, и попы и вси причты церковныя, ни чѣмъ никто да не будетъ изобиженъ»; въ ярлыкѣ Бердибека: «Что церковные земли и воды, домы, огороды, винограды, мѣльницы, того у нихъ никто ничего не замаютъ ни насилуютъ надъ ними; а кто будетъ что взялъ, и онъ отдастъ безпосудно»; въ ярлыкѣ Атюляка: «Что церковные домы, воды, земли, огороды, винограды, мѣльницы, стада конскіе, скотъ и овчіи, или что ни буди ихъ, въ то ся у нихъ не вступаетъ никто ихъ, ни насилья да не творитъ имъ никакова; а кто будетъ взялъ не вѣдая, и онъ отдастъ безпосудно;..., а кого нашихъ пословъ или пошлинниковъ убіютъ церковные люди надъ своимъ добромъ, тому телева нѣтъ; а кого нашъ убіетъ церковныхъ людей, и тотъ самъ смертію да умретъ»; въ ярлыкѣ Тайдулы Ѳеогносту: «А земли его, и воды, ни огородовъ, ни мѣльницъ, и что ни будетъ нашихъ не замаютъ, ни силы не творятъ надъ ними, ни истомы никакой, и не отнимаютъ у нихъ ничего.»

371 Въ ярлыкѣ Менгу-Темира сказано: «Не надобѣ имъ (церковнымъ людямъ) дань, тамга и поплужное, ни ямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ;... во всѣхъ

4. **Признаніе за Митрополитомъ права судить все духовенство и управлять безотчетно церковнымъ имуществомъ.** Митрополиту предоставлялось право судить самому, или по-

пошлинахъ, не надобѣ имъ ни которой Царева пошлина, ни Царицына, ни Князей, ниродцевъ, ни дороги, ни посла, ни которыхъ пошлинниковъ, ни которые доходы;.... а что церковныя люди: мастеры, сокольницы, пардусницы, или которыя слуги и работницы и кто не будетъ ихъ людей, тѣхъ да не замаютъ ни на что: ни на работу, ни на сторожу;... а сію грамоту видяще и слышаще попове и чернцы, ни дани, ни иного чего не даютъ; а кто возьметъ, Баскацы наши, и княжія писцы, и поплужницы, и таможенцы, и они по велицѣй язѣ не извинятся, и смертію да умретъ»; въ ярлыкѣ Узбека: «Дань ни на насъ емлютъ, или иное что ни буди: тамга ли, поплужное ли, ямъ ли, мыть ли, мостовщина ли, война ли; или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать сбирати, гдѣ восхотимъ воевати, а отъ соборныя церкви и отъ Петра Митрополита никто же да не взимаетъ, и отъ ихъ людей и отъ всего его пріяти; ти бо за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ; кто бо того и прежъ насъ не вѣдаетъ, что Бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ и воюютъ, то всѣ вѣдаютъ. И мы Богу моляся, по первымъ Царей грамотамъ, грамоты имъ давали жалованныя, а не изыначивали ни въ чемъ, какъ то было прежде насъ, такъ молвя, и наше слово уставлю. По первому пути которая дань наша будетъ, или запросы наши накинемъ, или поплужное, или послы наши будутъ, или кормы наши и коней нашихъ, или подводы, или кормъ пословъ нашихъ, или нашихъ царицъ, или нашихъ дѣтей, и кто ни будь, да не взимаютъ, да не просятъ ничто же, а что возмутъ, и они отдадутъ назадъ третицею, аще будетъ взяли за нужду великую; а отъ насъ имъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не смотритъ. А что будутъ церковныя люди, ремосленницы кои, или писцы, или каменые здатели, или древянные, или иные мастеры каковы ни буди, или ловцы какова лова ни буди, или сокольницы, а въ то наши никто не вступается, и на наше дѣло да не емлютъ ихъ, и пардусницы наши, и ловцы наши, и сокольницы наши, и побереженцы наши да не вступаются въ нихъ, и да не взимаютъ у нихъ дѣльныхъ орудій, да не отъимеютъ ничего же»; въ ярлыкѣ Бердибека: «Какова дань ни буди, или пошлина, и того тѣмъ ни видати, ни слышати не надобѣ. Да не емлютъ у нихъ ни подводъ, ни корму, ни питья, ни запросовъ, ни почести не даютъ». Въ ярлыкѣ Атюляка: «Не надобѣ сему (Митрополиту), ни его людемъ, ни всѣмъ церковнымъ богомольцамъ, попомъ, и чернцомъ, и бѣльцомъ, и ихъ людемъ, отъ мала и до велика, ни какова дань, ни которая пошлина, ни кормъ, ни питіе ни запросъ, ни дары, ни почестья не воздаютъ ни какова, ни службы, ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выходъ, ни полѣтное, ни становое, ни въѣздное, ни мимоходное, на дорозѣ послу, ни Баскаку, ни которому моему пошлиннику»; въ ярлыкѣ Тайдулы Іонѣ: «Гдѣ сей Іона Митрополитъ молебникъ за насъ молится, отъ первыхъ

средствомъ уполномоченныхъ—всѣхъ людей, принадлежащихъ къ духовному сословію, во всѣхъ дѣлахъ, гражданскихъ и уголовныхъ, не исключая разбоя, татьбы и поличнаго. Ему же предоставлялось право управлять одному всѣми дѣлами Церкви и безотчетно распоряжаться всѣми ея имуществами. Всѣ монастыри и церкви, всѣ причты и люди церковные должны были повиноваться и покоряться Митрополиту; Монгольскимъ чиновникамъ запрещалось вступаться въ судъ и расправу, ему предоставленныя. Но, утверждая за Митрополитами такія обширныя права, Ханы въ ярлыкахъ своихъ требовали отъ нихъ совѣстливаго и справедливаго исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей. Митрополиты не должны были употреблять во зло своей власти, распоряжаться церковными имуществами и людьми неправильно, или въ противность древнимъ обычаямъ, чрезъ пошлину. Они должны были строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы подчиненные ихъ не притѣсняли церковныхъ людей и не нарушали принадлежавшихъ имъ правъ. Получивъ надъ духовенствомъ право совершенно независимаго суда, они съ тѣмъ вмѣстѣ принимали на себя обязанность имѣть строгій и неослабный надзоръ за тѣмъ, чтобы разбой, татьба и вообще никакое злое дѣло не оставались безъ преслѣдованія и наказанія. Въ случаѣ нарушенія этой обязанности, въ случаѣ небрежнаго отправленія правосудія, Митрополиты подлежали, по словамъ ярлыковъ, отвѣтственности передъ Богомъ; Ханы не признавали за собою права судить ихъ, но грозили имъ гнѣвомъ Божіимъ: «а не имешь того смотрити, говорили они..... и ты самъ вѣдаешь, каковъ отвѣтъ Богу за то воздати, и тотъ грѣхъ на тебѣ, а мы о томъ ни что же не имѣемъ». [372]

добрыхъ временъ и доселѣ, тако жъ и иные церковные молебницы, ино не надобе имъ мзда, ни которая пошлина, и не емлють у нихъ ничего, занеже они молитву творятъ за насъ къ Богу. И что есмя молвили, и то бъ есте всѣ вѣдали. Или что въ городѣхъ какія пошлины, или какое дѣло, или насилье будетъ имъ отъ кого, а тебѣ пожалуются, и то слово ихъ выслушай и дѣло ихъ по правдѣ прави»; въ ея же ярлыкѣ Митрополиту Ѳеогносту: «Пошлина ему не надобѣ, ни подводы, ни кормъ, ни запросъ, никаковъ даръ, ни почестье не воздаетъ никакова, ни люди его...... или гдѣ станутъ, да не емлютъ у нихъ ничего, такъ есмя молвили. А кто паки безпутно силу учинитъ какову, или пошлину замыслитъ, тотъ смертію умретъ».

[372] Въ ярлыкѣ Узбека сказано: «А знаетъ Петръ Митрополитъ въ правду, и право судитъ, и управляетъ люди своя въ правду, въ чемъ ни будь, и въ разбои, и въ помяномъ, и въ татьбѣ, и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ Петръ Ми-



5. Льгота отъ податей, дарованная Ханами духовенству, распространяема была въ ярлыкахъ не только на лицъ духовнаго званія, но даже и на семейства ихъ. Дѣти и братья священниковъ, діаконовъ и причетниковъ, жившіе съ ними въ одномъ домѣ, «единъ хлѣбъ ядуще и въ одномъ мѣстѣ живуще», пользовались вообще всѣми привилегіями, предоставленными духовенству. Но если они отдѣлились, изъ дому вышли, или же вовсе оставили свое сословіе, перестали служить Митрополиту, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, они выходили изъ разряда привилегированныхъ лицъ и подвергались дѣйствію общихъ узаконеній. Вообще пользоваться преимуществами, содержавшимися въ Ханскихъ ярлыкахъ, могли только тѣ, которые молились за Хановъ, и притомъ молились правымъ сердцемъ и правою

трополитъ единъ, или кому прикажетъ. Да вси покоряются и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты, по первымъ изначала закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ Царей грамотъ и дефтерямъ.......... А Митрополитъ правымъ путемъ ходитъ, да правымъ путемъ пребываетъ и спѣшится, да правымъ сердцемъ и правою мыслію вся свои церковная управляетъ, и судитъ, и вѣдаетъ, или кому повелитъ таковая дѣяти и управляти.... вся стяжанія и имѣнія ихъ церковныя и люди ихъ, и вся законы ихъ уложенные старые отъ начала ихъ, то все вѣдаетъ Митрополитъ, или кому прикажетъ.... такъ слово наше учинило, и дали есмя Петру Митрополиту грамоту сію крѣпости для, да сію грамоту видяще и слышаще вси людіе, и всѣ церкви и всѣ монастыри, и всѣ причты церковныя, да не преслушаютъ его ни въ чѣмъ, но послушни ему будутъ, по ихъ закону и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ»; въ ярлыкѣ Бердибека: «И ты, Алексѣй Митрополитъ, и весь вашъ поповскій чинъ, возмолвите, что есте пожалованы. И церковнымъ домомъ, и землямъ, и водамъ, огородамъ и виноградомъ, или что надъ церковными людьми учините черезъ пошлину, ино то на васъ; или кто разбоемъ и татьбою и ложью лихое дѣло учинитъ каково, а не имешь того смотрити, и ты самъ вѣдаешь, что будетъ тебѣ отъ Бога»; въ ярлыкѣ Атюляка: «И ты, Михайло Митрополитъ, возмолвишь, что такъ есмь пожаловалъ, да тѣмъ домомъ церковнымъ, или землямъ, или водамъ, и въ огородѣхъ и въ виноградѣхъ, или надъ людьми своими что учинишь чрезъ пошлину, ино то на тебѣ взыщется. Или кто учинитъ татьбу, или ложь, или иное какое злое дѣло, а не имешь того смотрити, или слуги твои почнутъ какову нужу церковнымъ людемъ твоимъ творити, ино то на тобѣ; и ты самъ вѣдаешь, каковъ отвѣтъ Богу за то воздати, и тотъ грѣхъ на тобѣ; а мы о томъ ничто же не имѣемъ»; въ ярлыкѣ Тайдулы Ѳеогносту: «А которые къ тебѣ не причастны огороды, винограды, воды, земли, а надъ тѣми какову неправду учинишь, и ты самъ вѣдаешь, каковъ отвѣтъ дати Богу, и тотъ грѣхъ на тебѣ».

мыслію. Сужденіе объ искренности ихъ молитвъ и, слѣдовательно, о томъ, достойны ли они были пользоваться Ханскими милостями, предоставлено было самому Митрополиту; такъ надо, кажется, понимать слава ярлыковъ: «что будетъ о нихъ у Митрополита въ мысли, то вѣдаетъ Митрополитъ». Сами Ханы въ это не вмѣшивались: «Аще ли кто, говорили они, имать неправымъ сердцемъ за насъ молити Бога, яко тотъ грѣхъ на немъ будетъ». 373

6. Въ случаѣ путешествія Митрополитовъ изъ Россіи въ Константинополь, по дѣламъ Церкви, имъ давались отъ Хановъ охранительные ярлыки, которыми запрещалось всѣмъ Монгольскимъ чиновникамъ останавливать ихъ на дорогѣ, притѣснять, учинять имъ насиліе, отнимать у нихъ коней и вообще мѣшать ихъ путешествію. Впрочемъ, до насъ дошелъ одинъ только ярлыкъ этого рода, а именно, данный Ханшею Тайдулою Митрополиту Алексѣю въ 1356 году на случай «коли ему лучится итти къ Царюграду». 374

373 «Въ ярлыкѣ Менгу-Темира сказано: «А попове единъ хлѣбъ ядуще и въ единомъ мѣстѣ живуще, и у кого братъ, или сынъ, и ти по тому жъ пожалованы будутъ; аще ли отъ нихъ отдѣлилися, изъ дому вышли, и тѣмъ пошлины и дани давать» (Подобное же постановленіе находимъ мы въ уставной грамотѣ В. Князя Василія Дмитріевича и Митрополита Кипріана о церковныхъ судахъ, распорядкахъ и пошлинахъ въ вотчинахъ духовнаго вѣдомства (1389 или 1404): «а поповичь, который живетъ у отца, а хлѣбъ ѣетъ отцовъ, ино той митрополичь: а который поповичь отдѣленъ и живетъ опричь отца, и хлѣбъ ѣстъ свой, а то мой Князя Великаго» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 9). «А попове отъ насъ пожалованы, по первымъ грамотамъ Бога молитѣ, стояще и насъ благословляюще; аще ли кто имать не правымъ сердцемъ за насъ молити Бога, ино тотъ грѣхъ на немъ будетъ, или иныя люди имать къ себѣ пріимати, хотя Богови молитися»; въ ярлыкѣ Узбека: «А что попы и дьяконы ихъ единъ хлѣбъ ядятъ и въ единомъ дому живутъ, у кого братъ, или сынъ, и тѣмъ по тому же пути, наше жалованье, ожъ кто будетъ отъ нихъ не выступилъ, а Митрополиту не служитъ, а живетъ тотъ себѣ именемъ поповскимъ, да не отъимается, но даетъ дань. А попы и дьяконы, и причты церковные пожалованы отъ насъ по первой нашей грамотѣ, и стоятъ молящеся за насъ Богу правымъ сердцемъ и правою мыслію; а кто учнетъ не правымъ сердцемъ о насъ молитися Богу, то грѣхъ на немъ будетъ. А кто будетъ попъ, или дьяконъ, или причетникъ церковный, или людинъ, кто не буде откуду ни есть, Митрополиту похотятъ служити и о насъ Бога молити, что будетъ о нихъ у Митрополита въ мысли, то вѣдаетъ Митрополитъ.»

374 «Сей Алексѣй Митрополитъ, коли пойдетъ ко Царюграду, и гдѣ кто ни будетъ, чтобъ его не замали, или силы бъ надъ нимъ не учинили ни какіе, или гдѣ ему

II. Жалованныя грамоты Русскихъ Князей, Великихъ и Удѣльныхъ, Княгинь и Царей, подобно ярлыкамъ Ханскимъ, были весьма однообразны по своему содержанію. Не только въ нихъ исчислялись по большей части одни и тѣ же привилегіи, но даже и самое исчисленіе ихъ дѣлалось почти всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ, по одной и той же, разъ принятой, формѣ. Впрочемъ, между жалованными грамотами существовали нѣкоторыя, довольно важныя, различія; во первыхъ, относительно содержанія отдѣльныхъ привилегій и во вторыхъ, относительно самой полноты ихъ исчисленія. Въ первомъ отношеніи не рѣдко случалось, что одна и та же привилегія подвергалась въ различныхъ грамотахъ болѣе или менѣе значительнымъ видоизмѣненіямъ: не измѣняясь ни сколько въ своей сущности, она, однако жь, въ однихъ случаяхъ получала весьма обширное, въ другихъ довольно тѣсное, значеніе. Съ другой стороны, весьма часто случалось также, что жалованныя грамоты различались между собою по степени ихъ полноты; ибо въ однихъ содержалось большее число привилегій, чѣмъ въ другихъ. Наконецъ, особымъ источникомъ многихъ, и притомъ весьма важныхъ, различій между жалованными грамотами было различіе во времени ихъ составленія. Позднѣйшія грамоты во многихъ отношеніяхъ отличались отъ древнѣйшихъ, какъ по тому, что происходившія съ теченіемъ времени измѣненія въ нравахъ и учрежденіяхъ уничтожали сами собою силу и практическое значеніе нѣкоторыхъ, прежде имѣвшихъ, большую важность, преимуществъ, такъ, и еще болѣе, по тому, что утвердившееся съ половины XVI столѣтія убѣжденіе въ несообразности исключительныхъ правъ духовенства съ интересами Государства имѣло своимъ естественныхъ и необходимымъ слѣдствіемъ частію ограниченіе, частію совершенное уничтоженіе многихъ отдѣльныхъ привилегій, принадлежавшихъ этому сословію въ прежнія времена. На всѣ эти различія, существовавшія между жалованными грамотами, будетъ обращено нами вниманіе въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для яснаго и полнаго уразумѣнія разсматриваемаго здѣсь предмета.

Опредѣлить въ нѣсколькихъ словахъ общій характеръ привилегій, составлявшихъ существенное содержаніе жалованныхъ грамотъ, весьма трудно, почти невозможно. Мы полагаемъ, впрочемъ,

---

лучится постоити, чтобъ его никто не двигнувъ ни коней его це имали, запеже за Іспобона царя, и за дѣтей его, и за насъ молитву творить.»



что онъ раскроется самъ собою изъ перечисленія всѣхъ этихъ привилегій и разсмотрѣнія каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Пока считаемъ достаточнымъ замѣтить, что большая часть правъ, предоставленныхъ духовенству этимъ путемъ, имѣли не столько гражданскій, сколько политическій, характеръ. По предмету своему, они относились преимущественно къ опредѣленію степени участія духовнаго сословія въ составѣ силъ и учрежденій государственныхъ; по этому важнѣйшія изъ нихъ заключались или въ льготахъ финансовыхъ, или въ привилегіяхъ судебныхъ. По существу своему, они предоставляли Церкви такую власть надъ имѣніями ея и людьми, которая по нашимъ современнымъ понятіямъ не соединяется ни сколько съ правомъ частной собственности и составляетъ исключительное, неотчуждаемое достояніе самаго Государства. По этому и слѣдствіемъ ихъ было образованіе изъ каждой монастырской, или церковной, вотчины особаго полунезависимаго и сомкнутаго въ себѣ міра, государства въ государствѣ. Чтобъ убѣдиться въ справедливости этого общаго заключенія, мы обратимся теперь къ разсмотрѣнію привилегій духовенства въ отдѣльности и постараемся указать на существо, видоизмѣненія, цѣль и практическое значеніе каждой изъ нихъ.

Къ привилегіямъ, которыми пользовалось духовенство въ своихъ недвижимыхъ имуществахъ и которыя основывались на грамотахъ жалованныхъ, тарханныхъ и несудимыхъ, принадлежали.

1 Право призывать на свои земли людей. Во многихъ жалованныхъ грамотахъ XIV, XV и XVI столѣтій встрѣчаются выраженія, изъ которыхъ видно, что Князья, какъ Великіе, такъ и Удѣльные, а въ послѣдствіи Цари, предоставляли духовнымъ властямъ, монастырямъ и церквамъ, имѣвшимъ въ своемъ владѣніи ненаселенныя земли, заселять ихъ людьми купленными, или призывать на нихъ людей свободнаго званія. Съ означенія этой именно привилегіи и начинается большая часть жалованныхъ грамотъ. Впрочемъ, означеніе ея дѣлалось по большей части не прямо, а косвенно, какъ будто существованіе ея предполагалось само собою. «И кого къ себѣ призовутъ людей на тѣ пустоши, или кого людей откупивъ посадятъ». За этимъ началомъ слѣдовало уже исчисленіе самыхъ правъ, предоставляемыхъ людямъ этого рода. [375] Цѣль этой привилегіи,

[375] Такъ, на пр., въ жалов. грамотѣ Нижегородскаго Великаго Князя Даніила Борисовича Спасо-Благовѣщенскому монастырю (1410—1417) сказано: «И кого



какъ очевидно съ перваго взляда, заключалась въ томъ, чтобы доставить духовенству возможность заселить и разработать принадлежавшія ему пустоши; само собою разумѣется, что если бы духовенство не имѣло право перезывать людей на свои земли, то и самая щедрость къ нему Правительства не приносила бы этому сословію ни какой пользы. Притомъ Правительство находило свою выгоду въ томъ, чтобы пустыя земли заселялись и разработывались; духовенство, съ своей стороны, дорожило этимъ правомъ и пользовалось имъ тѣмъ успѣшнѣе, что могло предоставлять крестьянамъ, которыхъ призывало на свои земли, несравненно болѣе выгодъ, чѣмъ частныя лица. Привлекаемые многочисленностію и важностію этихъ выгодъ, [376] крестьяне охотно оставляли земли служилыхъ людей и приходили на земли монастырскія. Впрочемъ, этимъ переходамъ ихъ изъ вотчинъ свѣтскихъ въ церковныя полагались нѣкоторыя препятствія уже въ древнѣйшія времена и притомъ самыми же жалованными грамотами. Въ грамотахъ этого рода, вмѣстѣ съ предоставленіемъ духовенству права призывать на свои земли людей, означались обыкновенно и ограниченія этого рода. Впрочемъ, объ этихъ ограниченіяхъ, объ ихъ смыслѣ и цѣли, а также о практическихъ послѣдствіяхъ, которыми они сопровождались, подробнѣе сказано будетъ ниже, при разсмотрѣніи отношеній Правительства къ имѣніямъ духовенства въ царствованія Ѳедора Ивановича, Бориса Годунова и Василія Шуйскаго. [377]

2. **Освобожденіе духовенства и крестьянъ его отъ податей и повинностей.** По свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ нашихъ источниковъ, еще Великій Князь Ярославъ издалъ особый Уставъ, которымъ освободилъ отъ платежа податей все вообще духовное

къ себѣ въ то село и на тѣ пустоши перезовутъ людей и тутошнихъ старожильцовъ, и тѣмъ людямъ» и т. д. («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 18); «не надобѣ моя дань.....» Въ жалованной грамотѣ В. Князя Василія Дмитріевича тому же монастырю (1423): «и кого къ себѣ на тѣ пустоши перезоветъ людей и тутошнихъ старожильцовъ, и тѣмъ людемъ...» (Тамъ же, т. I, N. 21). Примѣры такого рода представляются во множествѣ. См. ниже въ главѣ VIII. Впрочемъ, иногда привилегія эта высказывалась и въ прямыхъ выраженіяхъ. И объ этомъ также см. ниже главу VIII.

376 Въ чемъ именно состояли эти выгоды, мы увидимъ ниже, при разсмотрѣніи другихъ привилегій, которыми пользовалось духовенство.

377 См. ниже въ главѣ VIII.



сословіе. Уставъ этотъ дошелъ даже до настоящаго времени, но подложность его почти не подлежитъ сомнѣнію. [378] Освобожденіе вотчинъ духовенства отъ податей и повинностей основывалось у насъ на частныхъ тарханахъ, а вовсе не на общихъ узаконеніяхъ, какъ въ Греціи. По этому самому льгота эта никогда не распространялась на все духовное сословіе вообще, а составляла всегда частную, спеціальную привилегію извѣстныхъ монастырей и церквей. Одни изъ духовныхъ заведеній пользовались ею, другія нѣтъ: и хотя разсмотрѣніе жалованныхъ грамотъ показываетъ, что большая часть духовныхъ властей и монастырей освобождены были отъ финансовыхъ обязанностей, тѣмъ не менѣе правило это допускало довольно многочисленныя исключенія; иногда случалось даже, что изъ вотчинъ одного и того же монастыря, одни подлежали податямъ, другія нѣтъ. [379] Самый объемъ этой привилегіи былъ для разныхъ монастырей весьма различенъ, въ каждой жалованной грамотѣ онъ опредѣлялся особымъ образомъ. Такъ нѣкоторыя изъ духовныхъ заведеній вовсе освобождались отъ всякихъ вообще податей и поборовъ, какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ: «не надобѣ имъ, говорилось въ грамотахъ, ни дань, ни ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, на восмничее, ни законное, ни портное, ни скатертное, ни пятенное, ни новоженныя куницы, ни хмелеваго докладу,

---

[378] Въ Лѣтописцѣ Архангелогородскомъ (Москва, 1781), Ярославу приписанъ Уставъ, въ которомъ онъ говоритъ, между прочимъ: «далъ есми Митрополитомъ и Епископомъ и попомъ и дьякономъ, свободу по всѣмъ градамъ, не емлютъ съ нихъ, ни съ ихъ людей, ни мѣръ, ни явку, ни тамгу, ни восминичья». Карамзинъ (т. II, пр. 108) сомнѣвается, чтобы слово тамга употреблялось въ Россіи прежде нашествія Батыева. Митрополитъ Евгеній (см. Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской Іерархіи) говоритъ противъ этого, что многія слова Татарскія вошли у насъ въ употребленіе гораздо прежде Батыя, можетъ быть отъ Хазаровъ, Печенѣговъ, Половцевъ и другихъ народовъ. Во всякомъ случаѣ, Уставъ, приписываемый Ярославу, встрѣчаясь только въ одномъ спискѣ, весьма позднемъ, и являясь въ формѣ, совершенно отрывочной, ни какъ не можетъ быть признанъ подлиннымъ, тѣмъ болѣе, что объ изданіи его не упоминается ни въ одномъ изъ другихъ источниковъ.

[379] Такъ, на пр., изъ просьбы Введенскаго монастыря Ѳедору Ивановичу видно, что монастырь этотъ владѣлъ 6 обжами, изъ которыхъ двѣ только освобождены были отъ податей грамотою Ивана IV (См. «Допол. къ Акт. Истор.», т. I, N. 141). Въ началѣ каждой тарханной грамоты обозначалось обыкновенно съ точностію, на какое именно имущество дается грамота.



ни плющки, ни половниковъ, ни двора волостелева ни ставятъ, ни къ становщикамъ, ни къ десяцкому не тянутъ, ни въ какія пошлины, ни въ размѣты, ни иные имъ ни которые пошлины ненадобѣ». [580] Иногда при такомъ всеобщемъ освобожденіи монас-

[580] См. «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 99 (жалов. грамота В. Княгини Маріи Ярославны Митрополиту Геронтію, около 1473-1478 годовъ). Въ грамотѣ Ивана Калиты (1338—1340) Новгородскому Юрьеву монастырю сказано, что «земля Св. Юрья на Волоцѣ, кто сядетъ на земли Свят. Юрья, далъ есмь имъ волю, ненадобѣ имъ потягнути къ городу ни въ которую дань, ни въ подводы, ни въ кормы, ни въ станъ, ни въ который проторъ» (Тамъ же, т. I, N. 4). Въ грамотѣ Можайскаго Князя Ивана Андреевича Троицкому Сергіеву монастырю (1443) сказано про монастырскихъ крестьянъ: «не надобѣ имъ ни мыта, ни тамги, ни которыя дань, ни писчая бѣлка, ни ямъ, ни подвода, не надобѣ имъ ни которая моя дань, ни иная ни которая пошлина» (Тамъ же, т. I, N. 38). Въ грамотѣ Ивана III тому же монастырю сказано (1488): «кто у нихъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ учнуть жити людей, и тѣхъ ихъ людей къ дворскому, или къ сотскому съ черными людьми не тянутъ ни въ какіе протори, ни въ разметы; а намѣстницы мои Верейскія и ихъ тіуны кормовъ у нихъ не емлютъ» (Тамъ же, т. I, N. 122). Въ грамотѣ Великаго Князя Василія Ивановича Кассіано-Учемскому монастырю (1522) года: «и кто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ и въ починкахъ учнетъ жити людей, и тѣмъ ихъ людемъ къ социмъ и къ десяцкимъ съ черными людьми ни въ какіе разметы не тянутъ и пошлинъ съ ихъ не брать, ни сѣнъ моихъ не косятъ, ни коня моего не кормятъ, а намѣстницы... и тіуны кормовъ своихъ не емлютъ, и поборовъ своихъ не берутъ» (Тамъ же, т. I, N. 171). Въ жалов. грамотѣ Ивана IV Спасо-Прилуцкому монастырю (1546): «не надобѣ отъ... (ихъ людямъ) моя В. Князя дань, ни ямскіе деньги, ни пятиное, ни выводная куница, ни новоженной убрусъ, ни къ сотцкимъ, ни къ десяцкимъ съ тяглыми людьми не тянутъ ни въ какія проторы, ни въ разметы, ни въ иныя ни въ которыя пошлины» (Тамъ же, т. I, N. 208). Въ грамотѣ Ѳедора Ивановича Введенскому на Ояти монастырю (1597): «Велѣлъ имъ ихъ монастырскую отчину обѣлити отъ всякихъ податей, и отъ волостныхъ разметовъ, и отъ Новгородцкаго Митрополита, и съ тоѣ ихъ монастырскія вотчины.... никакихъ податей и оброку на нихъ имати не велѣлъ, а не надобѣтъ имъ и ихъ крестьянамъ и бобылемъ, которые у нихъ въ той ихъ вотчинѣ учнуть жити, въ мою Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи казну, моя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи дань, и ратные, конные и пѣшіе, люди, и посошная служба, и всякіе подати, и двора моего не дѣлаютъ, и кормовъ не даютъ, и сѣно не косятъ, и на ямѣхъ съ подводами не стоятъ, и ямщиковъ и охотниковъ на ямѣхъ не ставятъ, и подмоги имъ не даютъ, и за охотниковъ въ нашу казну денегъ не даютъ же, и ямскихъ дворовъ не дѣлаютъ, и по дорогамъ мостовъ не мостятъ, и намѣстничихъ и волостныхъ пошлинъ не даютъ, и дворовъ имъ не дѣлаютъ» («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I,

тырскихъ крестьянъ отъ податей дѣлалось исключеніе въ пользу одной только изъ нихъ; такъ, на примѣръ, въ одной жалованной грамотѣ, послѣ перечисленія всѣхъ налоговъ и повинностей, отъ которыхъ освобождались крестьяне, прибавлено: «ни иныя ни которыя пошлины имъ ненадобѣ, опричь одного монастырскаго яму.[382] Чаще всего подобныя исключенія дѣлались для пошлинъ церковныхъ.[382] Въ другихъ случаяхъ монастырскіе крестьяне освобождались отъ всѣхъ податей и повинностей, но за то на самый монастырь возлагалась обязанность уплачивать ежегодно извѣстное

N. 141). Въ грамотѣ Шуйскаго старицѣ Княгинѣ Александрѣ (1606): «Съ еѣ людей и со крестьянъ дани, и ямскихъ денегъ, ни примету, посошные службы, ни иные ни которые пошлины, ни помѣрнаго, ни пятинные явки, ни намѣстнича, ни волостныхъ кормовъ, имети не велѣлъ.... ни къ соцкимъ, ни къ десяцкимъ съ черными людьми, люди сіи и крестьяне ни въ какіе проторы, ни въ разметы не тянутъ и города не дѣлаютъ.... Такъ же есми старицу Александру пожаловалъ: своихъ Государевыхъ кормовъ, и посошскихъ кормовъ, имети на ней не велѣлъ и на ямъ.... ямщиковъ и всякимъ гонцомъ подводъ и проводниковъ у еѣ людей и у крестьянъ имати не велѣлъ же» («Акты Истор.», т. II, N. 70. См. также «Акты Истор.», т. I, N. 15 (1404), 35 (1418), 49 (1450), 108 (1499), 111 (1500); т. II, N. 61 (1605), 336 (1612), 347 (1605); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 122 (1578), 132 (1587), 207 (1471—1475), 223 (1577); «Акты Арх. Эксп.», т. II, N. 161 (1610), 166 (1610), 62 (1606); т. III, N. 84 (1616) и мног. друг.

[381] См. «Акт. Археогр. Эксп.», т. I, N. 131 (Жалов. грам. Ивана III Троицкому Сергіеву монастырю, 1494 года). Въ жалованной грамотѣ Ивана IV тому же монастырю, 1534 года, сказано: «не надобѣ... ихъ людемъ моя В. Князя дань, ни иныя которыя пошлины опричь яму и городового дѣла и посошныя службы, ни къ сотскимъ, ни къ десятскимъ не тянутъ ни въ какіе проторы, ни въ розметы» (Тамъ же, т. I, N. 179). См. еще тамъ же, т. I, N. 164 («опричь яму и посошныя службы,» 1517 г.); «Акт. Ист.», т. I, N. 74 («опричь Татарьскаго яму», 1462—1467 годовъ), 106 («опрочѣ посадничи половины,» 1498), и др.

[382] Въ жалованной грамотѣ Дмитровскаго Князя Юрія Васильевича Ильинскому монастырю на Ворѣ (1465) сказано: «и кто... въ тихъ селѣхъ и въ деревняхъ иметъ людей жити, и тѣмъ людемъ ненадобѣ ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, ни къ становщику не тянутъ ни въ какіе проторы, ни иные имъ ни которые пошлины ненадобѣ, опричь церковные пошлины» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 75). См. еще тамъ же, т. I, N. 102 (1476), 164 (1517); «Дополн къ Акт. Истор.», т. I, N. 46 (1561), 200 (1467) и др.

количество денегъ Правительству въ видѣ оброка, или подъ другимъ названіемъ.[383] Иногда при самомъ пожалованіи монастырю или церкви земли, Правительство облагало эту землю оброкомъ, взносъ котораго, независимо отъ всѣхъ другихъ обыкновенныхъ податей, составлялъ необходимое условіе самаго пожалованія.[384] Многія изъ жалованныхъ грамотъ содержатъ въ себѣ именно освобожденіе отъ этого оброка.[385] Въ нѣкоторыхъ тарханахъ подробно означались какъ тѣ подати, отъ которыхъ освобождались крестьяне монастырскіе, такъ и тѣ, къ платежу которыхъ они оставались обязанными.[386] Иногда въ грамотахъ такого рода означалось именно, что должны были платить монастырь и его крестьяне, такъ что при-

[383] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Волоцкаго Князя Ивана Борисовича Симонову монастырю. (1498) сказано: «И кто у нихъ на тихъ землягъ учнетъ жити людей, и тѣмъ людемъ ненадобѣ моя княжа... дань, ни ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, ни къ соцкому ни къ десяцкимъ съ тяглыми людми не тянутъ ни въ какіе проторы ни въ розметы, ни иные имъ ни которые пошлины ненадобѣ, ни роземнское, опричь посадничи половины.... А даютъ мнѣ Князю.... за дань и за всѣ пошлины, оброкомъ, съ году на годъ, на Рожество Христово, въ мою казну 8 рублевъ» («Акт. Истор.», т. I, N. 106»). См. также «Допол. къ Акт. Истор.», т. I, N. 17 (1479); «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 69 (1461), 217 (1548) и друг.

[384] Такъ, на примѣръ, въ одной грамотѣ Ивана IV Соловецкому монастырю (1556) сказано: «Пожаловали есмя ихъ, къ ихъ монастырю... волостью Сумою, а въ ней 78 обежъ съ полуобжею, да 33 варницы съ оброкомъ....., а варятъ, деи, въ тихъ варницахъ соль на монастырской обиходъ, а оброку, деи, съ тихъ своихъ съ монастырскихъ варницъ даютъ въ нашу казну по 5 рублевъ и по 8 денегъ Московскихъ на годъ» («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. III).

[385] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Дмитровскаго Князя Юрія Ивановича Срѣтенскому женскому монастырю (1509) сказано: «что ихъ слободка Ерусылимская въ Кашинѣ на посадѣ,..... а что даютъ съ той слободки оброку, на мой дворецъ, съ году на годъ по полтинѣ, и азъ, Князь Юрьи Ивановичъ, тимъ оброкомъ пожаловалъ игуменью Афонасью съ сестрами, далъ есмя имъ тотъ оброкъ къ монастырю; а впередъ имъ того оброку на мой дворецъ не давати» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 152). См. еще «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 111 (1556), 155 (1608); «Акт. Истор.», т. II, N. 31 (1600) и др.

[386] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Шуйскаго Воскресенскому монастырю (1608) велѣно съ монастырской вотчины «всякія подати платити съ бѣлыми сохами вмѣстѣ по тому жъ, какъ и съ иныхъ монастырскихъ вотчинъ.... всякія подати платятъ; а четвертныхъ оброчныхъ денегъ и пошлинъ, за намѣстничь доходъ рубль и 24 алтынъ, съ тое ихъ монастырскіе вотчины, по прежней грамотѣ, имати не велѣлъ» («Акт. Арх. Эксп., т. II, N. 85).

вилегія состояла собственно только въ точномъ опредѣленіи количества подати, а можетъ быть въ уменьшеніи его противъ обыкновеннаго и общаго размѣра. [387] Всего чаще, наконецъ, монастырямъ давались особые тарханы на освобожденіе того или другаго изъ ихъ имуществъ и промысловъ отъ какой либо одной специальной подати. Такъ, на пр., соляныя варницы и рыбныя ловли духовенства освобождались особыми грамотами, первыя отъ, такъ называемыхъ, запросныхъ денегъ, вторыя отъ оброка и другихъ податей, [388] которымъ подлежали они въ обыкновенномъ порядкѣ; особыми же грамотами освобождались многіе монастыри, нуждавшіеся въ сбытѣ лишнихъ произведеній и въ

---

[387] Такъ, на пр., въ жалов. грамотѣ В. Князя Василія Ивановича Троицкому Сергіеву монастырю (1517) сказано: «также есми игумена Іакова съ братіею пожаловалъ, что ихъ дворы у соли у Переславскіе, и они съ тихъ дворовъ даютъ волостелю соли Переславскіе корму въ годъ на три праздника, на Рожество Христово съ двора деньгу Московскую, на Великъ день тожъ, а на Петровъ день съ двора денгу же Московскую; а съ варницъ имъ давати корму, коли учнутъ топитися, ино со всякія варницы въ десять денегъ по двѣ плошки соли, а за плошку по три денги; а съ водолива по полуденгѣ со всякія жъ вари, оже будетъ водоливъ прихожей: а буде водоливъ тутошней, ино съ него нѣтъ ничего; да вѣсчего даютъ съ соли по полудензѣ съ подыма» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 164). См. еще тамъ же, т. I, N. 107 (1478—1484).

[388] Такъ, на пр., въ 1615 году Михаилъ Ѳедоровичъ далъ особую жалованную грамоту о несбираніи запросныхъ денегъ съ соляныхъ промысловъ Корельскаго Николаевскаго монастыря: «И нынѣ мы Корѣлскаго монастыря игумена Калистрата пожаловали, съ ихъ монастырскія соли запросныхъ другихъ денегъ, для ихъ скудости и разоренья, по прежней и по сей нашимъ грамотамъ, на Вологдѣ имати не велѣли» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 69). Впрочемъ, освобожденіе соляныхъ варницъ духовенства отъ пошлинъ, взимавшихся съ нихъ въ обыкновенномъ порядкѣ, встрѣчается также, въ числѣ другихъ привилегій, въ жалованныхъ грамотахъ смѣшаннаго содержанія». См., на пр., «Акт. Истор.», т. I, N. 49 (1450). Дополн. къ «Акт. Истор.», т. I, N. 46 (1551) и др.

[389] Такъ, на пр., между 1448 и 1454 годами В. Князь Василій Темной далъ особую грамоту Троицкому Сергіеву монастырю о томъ, чтобы «монастырскимъ рыболовамъ ловити волно по Волцѣ внизъ до Ярославскаго рубежа, всякою ловлею; а намѣстницы мои Углецкіе и ихъ тіуни, и мои ловчіе В. Князя, имъ не возбраняютъ, и на мою ловлю мои ловчіе тихъ монастырскихъ рыболововъ... не зовутъ, ни пошлинъ съ нихъ не емлютъ ни которыхъ («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 43). Иногда объ освобожденіи монастырскихъ рыбныхъ ловель и рыболововъ отъ податей упоминается особо отъ другихъ привилегій, но вмѣстѣ съ ними, въ жалованныхъ грамотахъ смѣшаннаго содержанія. См. на пр. «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 48 (1554), 130 (1584), 132 (1587) и др.

пріюбрѣтеніи нужныхъ для себя припасовъ, отъ такихъ пошлинъ, которыя взимались обыкновенно съ провоза и продажи товаровъ. [390] Наконецъ, въ концѣ большей части жалованныхъ грамотъ означалось особо отъ всѣхъ другихъ привилегій право монастыря не платить пошлинъ, взимавшихся обыкновенно при явкѣ грамотъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ: «а кому они сю нашу грамоту явятъ, и на нихъ явки никто не емлетъ,» говорилось обыкновенно въ такихъ случаяхъ. [391] Во многихъ жалованныхъ грамотахъ встрѣчается также освобожденіе монастырей Князьями и Царями отъ тѣхъ пода-

[390] Такъ, на пр., около 1471—1473 годовъ В. Княгиня Марія Ярославовна дала Кириллову монастырю жалованную грамоту слѣдующаго содержанія: «Что коли посылають своихъ старцовъ, или своихъ людей монастырскихъ, лѣтѣ въ лодьѣ, или въ судахъ въ малыхъ, съ монастырскимъ житомъ и солію, или съ иною монастырскою рухлядію, а не съ перекупнымъ товаромъ, а зимѣ на водѣхъ, рѣкою Шохсною, въ Луковнь и на усть Шохсны и во всихъ моихъ Великіе Княгини волостѣхъ Шохонскихъ, ино имъ ненадобѣ съ тихъ ихъ людей и съ соли, и жита монастырскаго, и со всн ихъ рухляди монастырскіе, мытъ, ни тамга, ни вѣсчее, ни по бережное, ни иные ни которыя пошлины» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 97). Подобныя же грамоты см. тамъ же, т. I, N. 77 (1465), 104 (1477), 116 (1486), 117 (1486), 126 (1490), 130 (1493), 133 (1496), 140 (1504), 146 (1506), 148 (1507), 167 (1520), 170 (1521); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 184 (1428 — 1434), 202 (1470 — 1475), 204 (1471), 232 (1611); «Акты Арх. Эксп.», т. II, N, 204 (1612); т. III, N. 86 (1616) и мног. друг. Иногда освобожденіе отъ податей этого рода встрѣчаются, вмѣстѣ съ другими привилегіями, въ жалованныхъ грамотахъ смѣшаннаго содержанія. См., на пр., «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 48 (1554), 122 (1578), 130 (1684), 148 (1598); «Акты Арх. Эксп.», т. II, N. 16 (1601) и др.

От нѣкоторыхъ другихъ податей духовенство освобождалось также особыми специальными тарханами. Такъ, на пр., въ 1480 году Углицкій Князь Андрей Васильевичь далъ особую жалованную грамоту Троицкому Сергіеву монастырю на освобожденіе крестьянъ одной изъ его вотчинъ отъ повинности ставить намѣстничій дворъ въ городѣ («Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 109). Въ 1555 году Иванъ IV далъ особую грамоту Ладожскому Васильевскому монастырю на освобожденіе его отъ намѣстничьяго корма («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 54). Въ 1608 году Шуйскій особою грамотою запретилъ требовать къ Царскимъ рыбнымъ ловлямъ цѣловальниковъ съ Троицкаго Устьшехонскаго монастыря (Тамъ же, т. I, N. 230). Онъ же въ 1608 году далъ особую грамоту Кирилло-Бѣлозерскому монастырю объ освобожденіи его вотчины отъ платежа ямскихъ денегъ («Акт. Арх. Эксп..», т. II, N. 84) и т. д.

[391] См. Акт. Арх. Эксп. т. I, N. 121 (1487), 136 (1500), 158 (1514), 159 (1515), 171 (1522), 175 (1532) и множество другихъ. Эту привилегію встрѣ-

тей и повинностей, которыя взимались съ нихъ въ обыкновенномъ порядкѣ въ пользу Епархіальнаго ихъ Начальства [592].

Независимо отъ этихъ различій, относившихся къ самому числу податей и повинностей, отъ которыхъ освобождаемы были крестьяне духовнаго вѣдомства, существовало еще различіе и въ самомъ времени, на которое предоставляема была эта льгота. Иногда крестьяне освобождались отъ податей навсегда, иногда на извѣстное только число лѣтъ, на 5-ть, на 10-ть, на 20-ть. Въ послѣднемъ случаѣ опредѣлялось обыкновенно, что по прошествіи льготнаго срока, они должны войти въ число лицъ, подлежащихъ общимъ постановленіямъ и не пользующихся никакими особыми привилегіями: «а какъ отсидятъ тѣ люди урочные лѣта, и они потянутъ съ старожильцы по силѣ.» [593] При этомъ дѣлалось иногда различіе между крестьянами,

---

чаемъ мы до самыхъ позднѣйшихъ временъ. См., на пр., «Акт. Истор.», т. IV, N. 166 (1662).

[592] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Ивана III Волотовскому монастырю, сказано (1500): «а что шло съ Волотовскаго монастыря Архіепископу Новгородскому, и его намѣстницу, и тіуну, и его людемъ, и діакомъ владычнимъ, и попомъ Софеійскимъ откупа и пошлинъ, и имъ откупа и пошлинъ Владыцѣ, и его намѣстнику, и тіуну, и его людямъ, и діакомъ владычнимъ, и попомъ Софійскимъ не давати ничего, и что Владыка Новогородской ставилъ у нихъ кони кормити, и Владыка у нихъ ставитъ одну лошадь кормити, да тѣ лошади у нихъ до году не перемѣняетъ» («Акт. Истор.», т. I, N. III). См. также «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 46 (1551), 48 (1554), 114 (1560), 130 (1584); «Акт. Арх. Эксп.», т. III, N. 89 (1617); «Полн. Собр. Зак.», т. II, N. 698 (1677) и др.

[593] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Нижегородскаго Князя Александра Ивановича Благовѣщенскому монастырю (1410—1417) сказано: «А кого къ себѣ игуменъ призоветъ людей изъ иного Княженія, а не изъ моее отчины, и тѣмъ людемъ пришлымъ ненадобѣ моя дань на 10 лѣтъ, ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни тамга, ни иная ни которая пошлина, а уживутъ 10 лѣтъ, и они потянутъ съ старожильцы по силѣ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 17). Въ жалов. грамотѣ Нижегородскаго В. Князя Даніила Борисовича тому же монастырю (1410—1417) сказано: «и того къ себѣ въ то село и на ти пустоши перезовутъ людей и тутошнихъ старожильцовъ, и тѣмъ людемъ ненадобѣ моя дань, ни ямъ, ни подвода, ни писчая бѣлка, ни иная ни которая пошлина на 3 года..... А какъ отсидятъ тѣ люди пришлые свои урочныя лѣта, и они потянутъ въ дань съ монастырскими людьми по силамъ» (Тамъ же, т. I, N. 18). Въ жалов. грамотѣ В. Князя Василія Дмитріевича Митрополиту Фотію (1421) сказано: «А кого отецъ мой Митрополитъ перезоветъ въ ту деревню людей изъ иныхъ Княженей, а не изъ моего Великаго Княженія, и тѣмъ людемъ пришлымъ на 10 лѣтъ ненадобѣ имъ моя дань, ни ямъ, и отсидятъ урокъ 10 лѣтъ, и они потянутъ

смотря по ихъ происхожденію; льготы предоставлялись имъ на большее или меньшее число лѣтъ, смотря по тому, были ли они старожильцы, или люди пришлые, новики, а что касается до послѣднихъ, смотря по тому, пришли ли они изъ того же удѣла, въ которомъ находилась монастырская, или церковная, земля. [394] Иногда особыя льготы предоставляемы были крестьянами старожильцамъ, оставившимъ монастырь, на случай возвращенія ихъ на прежнія мѣста. [395] Вообще, въ тарханныхъ грамотахъ всегда означалось съ точностію, кому именно предоставляется льгота: предоставлялась же она обыкновенно не только крестьянамъ монастырскихъ селъ и деревень, но и жителямъ принадлежавшихъ духовенству слободъ, или посадовъ, [396] монастырскимъ дворникамъ, [397] рыболовамъ, [398] соловарямъ и солевощикамъ [399] и вообще всѣмъ людямъ духовнаго вѣдомства.

въ мою дань и въ ямъ по силѣ» (Тамъ же т. I, N. 20). См. еще «Акт. Истор.», т. I, N. 13 (1402), 25 (1418), 28 (1425), 83 (1472); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 208 (1476) и мног. др.

[394] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ В. Князя Василія Дмитріевича Спасско-Благовѣщенскому монастырю (1423) сказано: «И кого къ себѣ на пустоши перезоветъ людей и тутошнихъ старожилцевъ, и тѣмъ людемъ на три годы не надобѣ ни которая моя дань....; а кого къ себѣ перезоветъ людей изъ иныхъ Княженей, а не изъ моеа отчины изъ Великаго Княженія, и тѣмъ людемъ пришлымъ на 10 лѣтъ ненадобѣ ни которая моя дань..... А какъ отсидятъ тѣ люди пришлые урочные лѣта, и они потянутъ съ монастырскими людьми по силѣ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 21). См. еще тамъ же т. I, N. 23 (1425), 102 (1476); «Акт. Истор.», т. I, N. 36 (1430—1456); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 193 (1451) и мн. др.

[395] Такъ, на пр., въ жалов. грамотѣ Нижегородскаго В. Князя Александра Ивановича Спасо-Евѳиміеву монастырю (1418) сказано: «А кто будетъ старожилцевъ моихъ людей изъ тихъ деревень разошлися, а придутъ опять на свои мѣста, ино что давали мой оброкъ въ дань веснѣ 10 алтынъ, ино имъ ненадобѣ тотъ оброкъ на 2 года; а уйдутъ 2 года, и они дадутъ по старому тотъ же оброкъ, вешнюю дань, 10 алтынъ, а осенью дань 10 же» («Акт. Истор.», т. I, N. 25).

[396] Такъ, на пр., въ жалов. грамотѣ Углицкаго Князя Андрея Васильевича Покровскому монастырю (1476) сказано: «Кого къ себѣ въ.... слободку перезовутъ жити изъ иныхъ Княженей, а не изъ моеи вотчины княжія Андреевы Васильевича, и тѣмъ ихъ людемъ слобожаномъ непадобѣть моя дань на 20 лѣтъ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 102).

[397] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Тверскаго В. Князя Михаила Борисовича Троицкому Сергіеву монастырю (1465) сказано: «Что себѣ купили дворъ съ поляною въ моей вотчинѣ В. Князя, въ Кашинѣ на посадѣ, у Ѳедосьи у Казариновы, и кто учнетъ въ томъ дворѣ жити людеій, ино тѣмъ людемъ не



Цѣль и причины предоставленія духовенству подобныхъ льготъ очевидны сами по себѣ. Они состояли въ желаніи увеличить доходы духовныхъ заведеній и, слѣдовательно, обезпечить, утвердить на прочныхъ началахъ благосостояніе ихъ. Этой цѣли трудно бы было достигнуть при множествѣ и разнообразіи податей и повинностей, тяготѣвшихъ въ прежнія времена надъ вотчинами частныхъ людей. Само собою разумѣется, что освобожденіе монастырскихъ крестьянъ отъ казенныхъ податей увеличивало доходы монастыря, потому что доставляло ему возможность облагать своихъ крестьянъ большимъ количествомъ оброка. [400] Благосостояніе крестьянъ тѣсно связывалось въ этихъ случаяхъ съ благосостояніемъ самыхъ владѣльцевъ. Въ частности побужденіями къ обѣленію монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ служило весьма часто желаніе содѣйствовать заселенію и разработкѣ земель, принадлежавшихъ духовенству, [401] бѣдность или обѣднѣніе монастыря, не имѣвшаго средствъ уплачивать обыкновенныя пода-

---

надобѣ ни дань, ни ямъ, ни дѣло мое, В. Князя, ни которыя пошлины, ни каковы тяготы, ни мытъ, ни тамга, ни пятенное, ни которые проторы, ни розметъ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 79). См. еще «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 200 (1471), 224 (1579); «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 69 (1461) и др.

398 Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Θедора Ивановича Николаевской Сторожевской пустыни сказано (1587): «съ рыбныхъ ловцовъ, которые ихъ монастырскіе ловцы ловятъ рыбу на Ладожскомъ озерѣ,.... никакихъ податей и оброку имати не велѣлъ; и не надобѣ имъ въ мою Царя и Великаго Князя казну моя Царя и Великаго Князя дань, и посошная служба, и всякіе мои подати, и двора моего не дѣлаютъ, и коня моего не кормятъ» и т. д...... («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 132).

399 Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ В. К. Маріи Ярославовны Митрополиту Геронтію (1473—1478) сказано: «Что Митрополича варница въ моей волости въ Нерехтѣ, да другая варница его же новомонастырская, что починокъ Реденскій, и кто Митрополичь соловарь иметъ отъ него тѣ варницы держати, а кто у него въ тихъ варницѣхъ и дворѣхъ иметъ жити и въ томъ починкѣ, повары, или водоливы, или окупленные люди домовые, и язъ Княгиня Великая пожаловала, не надобѣ съ тихъ варницъ и съ тихъ дворовъ и съ того починка Реденскаго ни дань, ни ямъ, ни подводы». и т. д.... («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 99).

400 Иногда это побужденіе прямо высказывалось въ грамотахъ. На примѣръ, въ жалованныхъ грамотахъ Тверскихъ Князей Тверскому Отрочу монастырю (XIV вѣка), въ слѣдъ за перечисленіемъ податей, отъ которыхъ освобождались монастырскіе крестьяне, прибавлено: «про все тѣ люди знаютъ Архимандрита службою и подъможеніемъ дому церковному святое Богородици» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 5). Ср. тамъ же, т. I, N. 34.

401 См. выше пр. 375—376 и 393—394.

тя, [402] стремленіе облегчить духовенству сбытъ его произведеній и пріобрѣтеніе нужныхъ для него припасовъ, желаніе доставить монастырямъ возможность производить съ успѣхомъ ихъ обыкновенныя промыслы: рыболовство, солевареніе [403] и т. под.

Само собою разумѣется, что съ теченіемъ времени въ объемѣ и значеніи этого рода привилегій должны были произойти значительныя измѣненія. Съ одной стороны, многія подати и повинности, отъ которыхъ въ прежнія времена освобождались духовныя заведенія, совершенно уничтожились; съ другой, мѣры, принятыя съ половины

[402] Такъ, на пр., жалованная грамота Михаила Θеодоровича Корельскому Николаевскому монастырю (1615) объ освобожденіи его соляныхъ промысловъ отъ запросныхъ денегъ дана въ слѣдствіе просьбы властей этого монастыря, слѣдующаго содержанія: «Въ прошломъ, деи, во 122 году Литовскіе люди и Черкасы монастырь и монастырскіе промыслы и вотчину воевали и разорили до основанья, и казну монастырскую взяли, и хлѣбъ коими стравили, и животину рогатую побили, а лошади монастырскія всѣ съ собою поимали, и старцевъ, и слугъ, и крестьянъ многихъ побили, а иныхъ жгли и мучили, и въ монастырѣ кельи и за монастыремъ дворъ, и въ вотчинѣ 13 дворовъ крестьянскихъ съ животиною и со всѣмъ животомъ сожгли, а послѣ, деи, того разоренья, не поставя они въ монастырѣ и въ вотчинѣ ни одной кельи, ставили по нашему указу и по приказу Двинскихъ воеводъ, у Архангельскаго города гостинные дворы и анбары, да рву копали 8 сажень, а ставилась имъ всякая сажень больши 15 рублевъ, а дворовая ставка въ 30 рублевъ, да они жъ, деи, платили въ подъемъ Князя Григорья Долгорукова за прошлой годъ 22 рубли съ полтиною, да конскаго корму 7 рублей съ пятиною, да въ тысячи платили 104 рубли, а преже, деи, сего во 121 году, въ Вологодское разоренье, Литовскіе люди и Черкасы на Вологдѣ дворъ монастырской и со всякими запасы и съ дощеникомъ сожгли, и они, деи, займуя въ великіе росты, завели вновѣ дощеникъ и соляный помыселъ .... и намъ бы ихъ пожаловати, для ихъ великія скудости и разоренья, монастырскія соли на Вологдѣ запросныхъ денегъ... имати не велѣти.» Самъ Царь въ своей грамотѣ говоритъ: «И нынѣ мы Корельскаго игумена Калистрата пожаловали, съ ихъ монастырскія соли запросныхъ... денегъ, для ихъ скудости и разоренія, имати не велѣли» («Акт. Арх. Эксп.», т. III, N. 69). Вообще примѣровъ такого рода весьма много. См., на пр., «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 122 (1578), 132 (1587), 142 (1597); 143 (1597); «Акт. Арх. Эксп.», т. II, N. 158 (1610); «Акт. Истор.», т. II, N. 137 (1609), 336 (1612), 339 (1612), 343 (1613) и мног. друг. Въ нѣкоторыхъ тарханныхъ грамотахъ именно говорится, что льгота отъ податей дается на церковное строенье, на свѣчи, темьянъ и ладанъ. См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.». т. II, N. 161 (1610).

[403] На эту цѣль указываетъ ясно самое существо привилегіи, т. е., освобожденіе отъ пошлинъ и податей монастырскихъ припасовъ (при привозѣ и продажѣ ихъ), рыбныхъ ловель и соляныхъ варницъ.



XVI столѣтія къ уничтоженію тархановъ, не смотря на общій ихъ неуспѣхъ, не могли не отозваться съ частности, при выдачѣ, или подтвержденіи жалованныхъ грамотъ. И дѣйствительно, мы видимъ. что между тарханами, выдававшимися въ XVII столѣтіи, и тарханами прежнихъ временъ, существовали въ этомъ отношеніи довольно значительныя различія. Во первыхъ, въ жалованныхъ грамотахъ позднѣйшаго времени исчисленіе податей, отъ которыхъ освобождались монастыри, дѣлалось уже совершенно не въ томъ видѣ, какъ въ грамотахъ прежняго времени; многихъ налоговъ, о которыхъ упоминалось въ грамотахъ XV и XVI столѣтій, мы уже не находимъ въ грамотахъ XVII, и наоборотъ, въ послѣднихъ является нѣсколько такихъ налоговъ, которые въ прежнихъ вовсе и не встрѣчались: такія опущенія и прибавки были весьма естественны, ибо о подати уничтожившейся не зачѣмъ было и говорить, тогда какъ о подати, вновь возникшей, упомянуть было необходимо. [404] Во вторыхъ, стремленіе къ совершенному уничтоженію тархановъ и постоянное увеличеніе Государственныхъ расходовъ, а, слѣдовательно, и потребности въ источникахъ дохода имѣли слѣдствіемъ общее уменьшеніе льготъ, которыми пользовалось въ прежнія времена духовенство. Изъ грамотъ и актовъ XVII столѣтія видно, что при трехъ первыхъ Государяхъ изъ дома Романовыхъ, и особенно при послѣднемъ изъ нихъ, большая часть монастырскихъ вотчинъ уже вовсе перестала пользоваться льготою отъ платежа податей, а тѣ изъ монастырей, которые сохранили за собою эту привилегію, пользовались ею далеко не въ той мѣрѣ, какъ прежде, и освобождались только отъ платежа нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, налоговъ. [405]

3. **Право взимать, вмѣсто правительства, извѣстныя подати съ извѣстныхъ лицъ.** Кромѣ обыкновенныхъ оброковъ и повинностей, которые налагались на крестьянъ ихъ владѣльцами духовнаго званія, послѣдніе, въ силу особой привилегіи, имѣли иногда

[404] Въ этомъ отношеніи достаточно сравнить между собою приведенные въ пр. 380 примѣры освобожденій духовенства отъ податей,—освобожденій, сдѣланныхъ въ различныя времена. Въ позднѣйшее время появилась, на примѣръ, прежде не существовавшая повинность ставить цѣловальниковъ къ кабацкимъ и другимъ казеннымъ сборамъ. Нѣкоторыя изъ жалован. грамотъ XVII столѣтія относятся именно къ освобожденію монастырскихъ людей отъ этой повинности. См., на пр., «Дополн. къ Акт. Истор.», т. IV, N. 230 (1608); т. II, N. 55 (1627); «Акт. Истор.», т. IV, N. 208 (1669) и др.

[405] См. объ этомъ ниже прим.

право взимать не только съ крестьянъ своихъ, но и съ другихъ не подвѣдомственныхъ имъ лицъ, извѣстныя подати, взимавшіяся въ обыкновенномъ порядкѣ въ пользу казны, и на взиманіе которыхъ, по самому существу ихъ, имѣло право одно только Правительство. Такимъ образомъ, духовенство древней Россіи пользовалось не только льготою отъ платежа казенныхъ податей, но отчасти и финансовою властію, т. е., правомъ сбирать подати на томъ же основаніи, на какомъ сбирало ихъ и само Правительство. Объ этомъ свидѣтельствуютъ прежде всего древнѣйшія жалованныя грамоты, данныя Князьями духовенству на владѣніе землями и селами. Такова, на примѣръ, грамота Мстислава Новгородскому Юрьеву монастырю, въ которой именно сказано, что монастырю предоставляется земля съ данями, вирами и продажами. [406] Въ грамотѣ В. К. Рязанскаго Олега Солотчинскому монастырю и во многихъ другихъ такихъ же грамотахъ XIII и XIV столѣтій употребляются тѣ же самыя выраженія. [407] Въ грамотахъ позднѣйшихъ они уже не встрѣчаются, [408] но привилегія, ими означавшаяся, продолжала существовать весьма

[406] См. «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 2.

[407] Такъ въ жалованной грамотѣ В. Князя Рязанскаго, Олега, Ольгову монастырю (XIV в.) сказано: «А далъ есмь св. Богородици дому Арестовское село, съ винами, и съ поличнымъ, и съ рѣзанькою съ шестьюдесять и со всѣми пошлинами» («Акт. Истор.», т. I, N. 2). Въ его же жалованной грамотѣ Солотчинскому монастырю сказано: «Придалъ есмь св. Богородици... Савицкой островъ..... и съ поземомъ, и съ рѣзанкою, и шестдесять, съ виною и съ поличнымъ, и съ безатшинами» (Тамъ же, т. I, N. 14. Почти тоже тамъ же, т. I, N. 13). Въ жалованной грамотѣ Нижегородской Княгини Маріи Спасо-Евѳиміеву монастырю (1425) сказано: «Дала есми въ домъ св. Спасу.... свое село Омуцкое.... а дала есми свое село Омуцкое св. Спасу въ домъ, такъ какъ было при моемъ Князи и при мнѣ, и съ судомъ, и съ татьбою, и съ поличнымъ, и съ тамгою и со всѣми пошлинами, занежъ то село Омуцкое къ городу не тягивало ни чѣмъ, ни какими пошлинами, ни душегубствомъ» (Тамъ же, т. I, N. 29). Въ жалованной грамотѣ Рязанскаго В. Князя Ивана Ѳедоровича Солотчинскому монастырю (1430—1456) сказано: «Далъ есми село свое Ѳилиповиче съ уѣздомъ,.... а рѣзанью и съ 60, вина, поличное и татинъ рубль, съ его села и уѣзда волостелю моему не идетъ, что учинится татба въ его уѣздѣ промежъ его людей» (Тамъ же, т. I, N. 36).

[408] Есть, однако же, исключенія; въ жалованной грамотѣ Королевича Владислава старицѣ Мареѳ (1610) сказано: «Пожаловалъ есми..... старицу Марѳу.... Устюжною Желѣзопольскою..... въ вотчину до еѣ живота со всѣми угодьи и доходы, которые доходы платили крестьяне въ нашу казну, въ Приказъ Ноугородцкаго Дворца» («Акт. Арх. Эксп.», т. II, N. 166).

долго. Такъ какъ большая часть монастырей, на основанiи несудимыхъ грамотъ, имѣли судебную власть надъ своими крестьянами, то весьма понятно, что они, при производствѣ суда, взимали съ подвѣдомственныхъ имъ лицъ тѣ же пошлины, какiя взимались въ подобныхъ случаяхъ Правительствомъ, или его чиновниками. Кромѣ того, весьма часто монастыри получали отъ Князей и Царей особыя жалованныя грамоты, которыми, съ цѣлью увеличенiя ихъ доходовъ, предоставлялось имъ право взимать, вмѣсто Правительства, пошлины: пятенную, таможенную, мытную, возничюю, роговую, помѣрную и другiя, какъ съ крестьянъ своихъ, такъ и съ нѣкоторыхъ чужихъ лицъ. При этомъ или въ жалованныхъ же грамотахъ, или въ особыхъ уставныхъ, опредѣлялись подробно предѣлы этого права, лица, на которыя оно распространялось, и порядокъ, въ которомъ духовенство должно было имъ пользоваться. Обо всемъ этомъ мы скажемъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ, при изложенiи доходовъ духовенства и способовъ, которыми они извлекались; замѣтимъ пока, что права такого рода предоставлялись монастырямъ до самыхъ позднѣйшихъ временъ, и что жалованныя грамоты конца XVII столѣтiя, вновь выдававшiяся монастырямъ, содержали въ себѣ, по большей части, именно эту привилегiю. [409]

4. Особыя преимущества относительно порядка взноса податей. Не всѣ владѣльцы духовнаго званiя, особенно въ позднѣйшее время, освобождаемы были отъ податей и повинностей, но тѣ, которые оставались обязанными къ платежу первыхъ и къ исправленiю вторыхъ, пользовались и въ этомъ отношенiи особыми преимуществами. Желая освободить ихъ отъ притѣсненiй мѣстныхъ финансовыхъ чиновниковъ, заботившихся иногда, при сборѣ податей, какъ о казенныхъ, такъ и о собственныхъ своихъ выгодахъ, Князья и Цари предоставляли нѣкоторымъ монастырямъ право не платить своихъ податей мѣстнымъ сборщикамъ, а привозить ихъ самимъ, въ извѣстные сроки, въ мѣстопребыванiе Князя, или Царя, для отдачи Княжескому, или Царскому, Казначею. Такъ, на примѣръ, Бѣлозерскiй Князь, Михаилъ Андреевичъ, въ 1468 году предоставилъ Кириллову Бѣлозерскому монастырю слѣдующее право: «что имъ давати дани въ мою казну отъ сбора до сбора, на годъ, по 10-ти рублей пятигривеннымъ серебромъ; а привозятъ то серебро сами, да отдаютъ въ мою казну моему казначею; а деньщики мои въ тѣ ихъ слободки

[409] См. выше пр. 301—303.



и въ деревни къ нимъ ни въѣзжаютъ, ни дани съ нихъ не емлютъ, ни писецъ мой ихъ не пишетъ». [410] Особенно важное значеніе имѣла привилегія эта для тѣхъ монастырей, вотчины которыхъ находились въ разныхъ областяхъ. Въ 1606 году власти того же Кириллова монастыря, въ челобитной своей Шуйскому, писали: «пріѣзжаютъ, де, на Бѣлоозеро наши (т. е., Царскіе) посланники, и Бѣлозерскіе приказные люди правятъ на нихъ старцахъ, и на слугахъ, и на крестьянахъ, безсрочно, великіе наши денежные доходы, и даточные люди и лошади велятъ къ себѣ водити со всее монастырскіе вотчины на Бѣлоозеро къ запискѣ и къ пятну; а монастырская, де, вотчина въ разныхъ городахъ, въ Московскомъ, и въ Коломенскомъ, и въ Дмитровскомъ, и въ Бѣжецкомъ Верху, и въ Ростовскомъ, и въ Костромскимъ, и въ Углицкомъ, и въ Пошехонскомъ, и въ Вологодскомъ уѣздѣ; и отъ того, де, ихъ монастырю чинятся убытки великіе, а ихъ, де, монастырская казна гинетъ напрасно, а монастырская, де, вотчина отъ того досталь пустѣетъ; и намъ (т. е., Царю) бы ихъ богомольцевъ своихъ и игумена Матвѣя съ братьею, или кто по немъ въ томъ монастырѣ иный игуменъ будетъ, пожаловати, велѣти имъ дать нашу Царскую жалованную грамоту, что имъ платить наши денежные доходы, и даточные люди, и лошади давати на Москвѣ за всю монастырскую вотчину, а о нашей службѣ писати къ нимъ въ монастырь, по прежнему, а наши бы посланники и Бѣлозерскіе приказные люди на Бѣлѣозерѣ и на ихъ старцахъ, и на слугахъ, и на крестьянахъ денежныхъ доходовъ, и людей, и лошадей даточныхъ, за всю монастырскую вотчину правити не велѣти.» [411] Просьба эта была дѣйствительно исполнена Царемъ. Въ позднѣйшее время мы также встрѣчаемъ примѣры предоставленій духовенству подобныхъ преимуществъ. [412]

---

[410] См. «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 201. Въ жалованной грамотѣ Θедора Ивановича Николаевскому Медвѣдскому монастырю (1584) сказано, между прочимъ: «а корму даютъ Ладожскому Намѣстнику съ монастырскихъ деревень, съ Вотцкіе пятины, на стану, по книгамъ, старецъ, или слуга монастырской, а Ладожской Намѣстникъ корму брати людей своихъ къ нимъ не посылаетъ» (Тамъ же, т. I, N. 130).

[411] См. «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 152.

[412] Такъ, на пр., въ 1619 году Михаилъ Θедоровичъ предписалъ съ вотчинъ и съ монастырей Патріарха, «и съ его дворянъ и дѣтей боярскихъ съ помѣстей, ямскіе деньги имати въ нашу казну на Москвѣ, въ Ямскомъ Приказѣ, а въ



5. **Освобожденіе владѣльцевъ духовнаго званія и ихъ приказчиковъ отъ подсудимости мѣстнымъ властямъ, свѣтскимъ и духовнымъ.** На основаніи общихъ обычаевъ и законовъ, дѣйствовавшихъ въ древней Россіи, лица духовнаго званія подлежали суду своихъ Епархіальныхъ Начальствъ во всѣхъ дѣлахъ уголовныхъ, кромѣ смертоубійства, разбоя и воровства, и въ тѣхъ дѣлахъ гражданскихъ, гдѣ истецъ и отвѣтчикъ принадлежали оба къ духовенству; въ важнѣйшихъ изъ уголовныхъ дѣлъ они подлежали суду мѣстныхъ свѣтскихъ властей; а въ тѣхъ дѣлахъ гражданскихъ, гдѣ одно изъ тяжущихся лицъ принадлежало къ свѣтскому знанію, они судились смѣснымъ судомъ, составлявшимся изъ духовнаго и свѣтскаго начальства подсудимыхъ. [415] Но изъ этого обыкновеннаго порядка допускались многочисленныя изъятія, которыя основывались на несудимыхъ грамотахъ и дѣлались въ пользу многихъ монастырей и церквей. Съ одной стороны, желаніе духовенства избавиться отъ стѣснительнаго, особенно въ финансовомъ отношеніи, суда мѣстныхъ свѣтскихъ чиновниковъ, имѣло то послѣдствіе, что многіе монастыри и церкви старались подчинить себя непосредственно суду Князя, или Царя, на правосудіе и снисходительность котораго они могли скорѣе надѣяться. Уступая этому желанію, Князья Удѣльные и Великіе, а въ послѣдствіи Цари, весьма часто освобождали въ своихъ грамотахъ владѣльцевъ духовнаго званія отъ всякой подсудимо-

---

городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людемъ ямскихъ денегъ съ Патріаршихъ монастырей и съ вотчинъ, и его дворянъ и дѣтей боярскихъ съ помѣстей имати и посланниковъ къ нимъ съ Москвы изъ Приказовъ и изъ городовъ Воеводамъ и ни какимъ приказнымъ людемъ посылать не велѣлъ». Это сдѣлано было для того, какъ сказано въ грамотѣ, «чтобъ отъ нихъ (т. е., отъ мѣстныхъ начальствъ) Патріаршимъ крестьянамъ продажъ и насильства ни котораго не было» («Дополн. къ Акт. Истор.» т. II, N. 49). Еще въ 1585 году Ѳедоръ Ивановичъ далъ Митрополиту Діонисію жалованную грамоту: «о не въѣздѣ въ его волости, въ монастырскія и въ села Митрополичьихъ дѣтей боярскихъ Государевымъ посланнымъ, губнымъ старостамъ, городовымъ приказщикамъ и розсыльщикамъ для денежныхъ сборовъ, и о взносѣ всякихъ податей съ церковныхъ недвижимыхъ имѣній въ казну на Москвѣ» (Карамзинъ, т. X, пр. 146). См. еще «Полн. Собр. Зак.», т. II, N. 698 (1677).

[415] См. статью Проф. Неволина: «О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго» («въ Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.», 1847, N. 11, Отд. II, стр. 157—162, 166—167).



сти намѣстникамъ, волостелямъ и тіунамъ. Вмѣстѣ съ этимъ они постановляли обыкновенно, что въ случаѣ какого либо иска на лицъ духовнаго званія, послѣдніе подлежатъ непосредственно суду самого Князя (Удѣльнаго, или Великаго), или одного изъ его бояръ, именно къ этому назначеннаго и называвшагося по этому введенным: «а кому будетъ,» говорилось обыкновенно въ грамотахъ, «чего искати на самомъ игуменѣ, или на его приказчикѣ, ино сужу язъ самъ, Князь, или мой бояринъ введенный.» [414] Послѣднее обстоятельство, т. е., назначеніе особаго боярина для производства суда надъ лицами духовнаго знанія, въ древнѣйшихъ грамотахъ означалось обыкновенно слѣдующимъ образомъ: «пожаловалъ есмь ихъ бояриномъ такимъ-то.» [415] Иногда о введенномъ бояринѣ въ грамотахъ вовсе не упоминалось, и лица духовнаго званія объявляемы были непосредственно подлежащими суду самого Князя. [416] Кромѣ игуменовъ и игуменій, въ несудимыхъ грамотахъ означались иногда, въ числѣ лицъ, получавшихъ эту привилегію, монахи и монахини, священники и діяконы. [417] Весьма часто въ грамотахъ этого

---

[414] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 88 (1471), 124 (1488), 164 (1517); «Акт. Истор.», т. I, N 87 (1473), 88 (1479) и др. Иногда то же самое означалось слѣдующимъ образомъ: «А кому будетъ чего искати на игуменѣ и на его приказщикѣ, ино его сужу Магмедъ Аминь Царь, или кому прикажу» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 135 г., 1498). См. еще тамъ же, т. I, N. 154 (1512), 175 (1532) и др. Или: «ино ихъ сужу язъ, Князь Великій, или нашъ дворецкой» («Акт. Арх. Эксп.» т. I, N. 159, г. 1515). См. еще тамъ же, т. I, N. 171 (1522), 208 (1546); («Акт. Истор.», т. I, N. 131 (1526) и др.

[415] Такъ, на пр., въ грамотѣ В. Князя Рязанскаго, Олега Ивановича, Солотчинскому монастырю (прежде 1402 г.) сказано: «А пожаловалъ есмь стольникомъ своимъ Александромъ Глѣбовичемъ и чашникомъ своимъ Григоріемъ Яковлевичемъ» («Акт. Истор.» т. I, N. 13). См. еще тамъ же, т. I, N. 36 (1430—1456), 81 (1464—1501) и друг.

[416] «А коли кому будетъ чего искати на игуменѣ, или на его приказщикахъ, ино ихъ сужу язъ, Князь Андрей Васильевичъ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 102 (1476). См. также («Акт. Арх. Эксп.», I, N. 99 (1473), 371 (1446), 373 (1455), 377 (1473) и друг.

[417] «А кому будетъ чего искати на игуменѣ, и на его братьи, или на ихъ приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ, Царь, Обдымъ-Летифъ, или кому прикажу» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 154, г. 1512). См. также тамъ же, т. I, N. 166 (1520), 171 (1522), 208 (1546); («Акт. Истор.» т. I, N. 83 (1472) и др. Иногда привилегія распространялась на поповъ и діяконовъ соборныхъ церквей: «а кому



рода упоминалось объ одномъ только монастырскомъ приказчикѣ: «кому будетъ чего искати на игуменовѣ приказчикѣ, или его сужу язъ, Князь Великій, или мой бояринъ введенной; а намѣстницы мои и ихъ тіуны игуменова приказчика не судятъ». [418] Монастырскіе, или Архіерейскіе, соловари и «купчины», приказчики, завѣдывавшіе монастырскими дворами въ городахъ, [419] и даже самые слуги или крестьяне духовнаго вѣдомства, [420] пользовались иногда также этимъ преимуществомъ. Въ несудимыхъ грамотахъ позднѣйшаго времени мѣсто боярина введеннаго, или дворецкаго, заступилъ Приказъ

будетъ чего искати на самихъ попѣхъ и на діаконѣхъ Дмитріевскихъ, или на ихъ приказщикѣхъ, ино ихъ сужу язъ, Князь Великій, или нашъ дворетцкой» (См. «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 159 (1515) и друг.

418 См. «Акт. Арх. Эксп.», т. I. N. 131 (1494). Въ большей части случаевъ говорилось просто: «А кому будетъ чего искати на игуменовѣ приказщикѣ, ино его сужу язъ, Князь Великій, или мой бояринъ введенной» См. «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 51 (1453), 60 (1456), 75 (1465), 95 (1471), 122 (1488), 136 (1500), 159 (1504), 217 (1548), 179 (1534); «Акт. Истор.», т. I, N. 74 (1462—1467), и друг.

419 Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ В. Княгини Маріи Ярославовны Митрополиту Геронтію (1473—1478) сказано: «А кому будетъ искати на Митрополичѣ соловарѣ, или на его приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ Княгиня Великая» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 99). Къ жалованной грамотѣ Дмитровскаго Князя Юрья Ивановича Троицкому Сергіеву монастырю (1507) сказано: «Куды пошлютъ своего купчину, съ какимъ товаромъ ни буди, во всю мою вотчину..... намѣстницы мои Дмитровскіе и Кашинскіе, и волостели, и ихъ тіуны того купчины......... не судятъ ни въ чемъ и приставовъ своихъ на нихъ не даютъ; а будетъ кому до того купчины каково дѣло, ино его сужу язъ, Князь, Юрья Ивановичъ, или мой бояринъ введеный« (Тамъ же, т. I, N. 148). То же самое сказано въ грамотѣ Вологодскаго Князя Андрея Васильевича (1467) о приказщикѣ, завѣдывавшемъ дворомъ Кириллова монастыря въ Вологдѣ («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 200).

420 При подтвержденіи жалованной несудимой грамоты Василія Ивановича Троицкому Сергіеву монастырю Иваномъ IV въ 1551 году сказано: «А кому будетъ чего искати на ихъ монастырскомъ прикащикѣ, и на слугахъ и на монастырскихъ крестьянахъ, ино ихъ сужу азъ, Царь и В. Князь, или мой бояринъ введенный» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 166). Въ грамотѣ Царя Шаалея Троицкому Бѣлопесоцкому монастырю (1532) сказано: «Кому будетъ чего искати на монастырскихъ крестьянахъ, или на монастырскихъ приказщикѣхъ, ино ихъ сужу язъ, Царь Шаалей, или кому прикажу» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 175).

Большаго Дворца; ему подчиняемы были владѣльцы духовнаго званія и подвѣдомственные имъ люди по дѣламъ всякаго рода, за исключеніемъ духовныхъ.[421] Мы уже замѣтили выше, что главная побудительная причина къ предоставленію духовенству такой привилегіи заключалась въ желаніи избавить его отъ стѣснительнаго и не всегда справедливаго суда мѣстныхъ властей; на правосудіе и благосклонность Князя духовенство могло скорѣе полагаться, чѣмъ на правосудіе и благосклонность его чиновниковъ, смотрѣвшихъ на судъ, какъ на источникъ своихъ доходовъ. Въ этомъ отношеніи, чѣмъ выше было поставлено лицо, облеченное властію суда и расправы, тѣмъ болѣе можно было ожидать отъ него снисходительности и законности; по этому многіе монастыри старались освобождаться отъ подвѣдомственности не только низшимъ свѣтскимъ властямъ, но и самимъ Удѣльнымъ Князьямъ, предпочитая находиться въ прямой и непосредственной зависимости отъ Великаго Князя Московскаго. Нѣкоторымъ изъ нихъ дѣйствительно удалось достигнуть этой цѣли и пріобрѣсти себѣ такимъ образомъ полную внѣземельность (l'exterritorialité).[422]

---

[421] См. ниже прим. 525.

[422] Такъ монастырь Іосифовъ Волоколамскій, терпѣвшій разныя притѣсненія отъ Волоцкаго Князя Θедора Борисовича (см. выше пр. 322), изъятъ былъ вовсе изъ его вѣдомства и поступилъ подъ непосредственное управленіе Великаго Князя Московскаго. Объ этомъ въ Посланіи самаго Іосифа Волоцкаго сказано слѣдующее: «А кто, Господине, у Князя у Θедорова въ дълѣ, Микула, да Копотъ, да Олеша Скобѣевъ, и мы тѣмъ говорили и били челомъ, чтобы печаловалися Князю, чтобы Князь жаловалъ, не грабилъ, и они, Господине, молвятъ такъ: Воленъ, де, Государь въ своихъ монастырѣхъ, хочетъ жалуетъ, хочетъ грабитъ. Ино, Господине, того ни въ древнихъ Царѣхъ Православныхъ, ни въ нашихъ Государѣхъ, Русскихъ Самодержцѣхъ, ни въ удѣльныхъ Князѣхъ не бывало, что церкви Божія и монастыри грабити. Аще ли жъ игуменъ, или инокъ, или попъ впадетъ въ нѣкое согрѣшеніе, и ни тѣмъ воздаютъ по коегождо согрѣшенію, а церковь, Господине, Божія и монастырь никогда же согрѣшаетъ. И язъ, послѣдуя Божественнымъ писаніямъ и прежь реченнымъ онымъ Святителемъ, игуменомъ и Царей Православныхъ суду, билъ челомъ Государю Православному, Самодержцу и В. Князю всеа Русіи, чтобы Государь пожаловалъ, монастырь Пречистые избавилъ отъ насильства Княжь Θедорова; а не пожалуетъ Государь, ино всѣмъ пойти розно, а монастырю Пречистыя пустъ быти. И Государь нашъ Князь Великій Василій Ивановичь всея Русіи не просто то дѣло учинилъ, думалъ съ Князи и съ Бояры, да отговорилъ съ отцемъ своимъ съ Преосвященнымъ Симономъ Митрополитомъ всеа Русіи, да со всѣми Святители, да и съ Архимандриты, и съ всѣмъ священнымъ Соборомъ, да по благословенію

Что вообще разсчетъ духовенства въ этомъ отношеніи былъ вѣренъ, показываютъ дошедшія до насъ правыя грамоты. Изъ нихъ видно, что въ бо́льшей части случаевъ почти всегда тяжебныя дѣла между монастырями и лицами свѣтскаго званія рѣшались высшимъ правительствомъ въ пользу первыхъ, даже и тогда, когда права монастырей далеко не были ясно доказаны. [425] Но то же, что мы сказали о свѣтскихъ властяхъ, можетъ быть сказано и о властяхъ духовныхъ. Епархіальные начальники и ихъ чиновники скорѣе могли притѣснять находившіеся въ ихъ вѣдомствѣ монастыри и церкви, чѣмъ Князья, или Митрополиты, управлявшіе всей Русской Церковью. По этому владѣльцы духовнаго званія часто домогались освобожденія

и по совѣту всѣхъ тѣхъ монастырь Пречистыя и мене грѣшнаго съ братьею взялъ въ великое свое Государство, и не велѣлъ Князю Өедору Борисовичу вступатися ни во что, а Преосвященный Симонъ Митрополитъ и всѣ Святители и Архимандриты и весь священный Соборъ, възрѣвъ въ Божественное Писаніе, мене съ братьею благословили, да и повелѣли тако творити.» («Древн. Россійск. Вивліое.», изд. второе, ч. XIV, ст. 188—190). И другіе монастыри получали по тѣмъ же причинамъ право внѣземельности, т. е., освобождаемы были отъ подвѣдомственности Удѣльнымъ Князьямъ; въ томъ же посланіи Іосифа Волоцкаго сказано: «А въ нашей землѣ Рустѣй вѣдомы, Господине, тебѣ были подобны тому вещи. Въ наши лѣта у Князя Василья Ярославича въ вотчинѣ былъ Сергіевъ монастырь, а у Князя у Александра у Өедоровича у Ярославскаго былъ въ вотчинѣ Каменской монастырь, а у Князей у Засѣкинскихъ былъ въ вотчинѣ монастырь Пречистыя, иже на Тользѣ. Да Князь Василей Ярославичь, и Князь Александръ Өедоровичь, и Князи Засѣцкіе, мало не побрегли тѣхъ монастырей, не толь честно почали ихъ держати, какъ прежніе ихъ Государи; а того у нихъ ни въ мысли не бывало, что разорити монастырь. И они, Господине, и того безчестья не могли стерпѣти.... Били челомъ Благовѣрному Государю, В. Князю Василью Васильевичу, и Князь Великій Василій Васильевичь тѣ монастыри взялъ въ свое Государство, да не велѣлъ тѣмъ Княземъ въ тѣ монастыри вступатись ни во что.»...... «Да коли Князь Великій Иванъ Васильевичь далъ брату своему Князю Борису Васильевичу Вышегородъ, и сказали старцу Пахнутью, что монастырь его доставается Князю Борису Васильевичу по Вышегородъ, и Пахнутій почалъ говорити, подобнихъ Сергіева монастыря: «Сергіевъ, де, монастырь Князь Великій взялъ же за себя у Ярославичевъ; ино хотя Князь Великій Вышегородъ, да и монастырь нашъ далъ Князю Борису, и язъ бію челомъ В. Князю, ино монастырь возметъ въ свою державу. Да опять Князь Великій не далъ монастыря Пахнутьева, ино по та мѣста, и рече только о монастырѣ» (Тамъ же, т. XIV, ст. 178 188).

[425] См. большую часть правыхъ грамотъ, помѣщенныхъ въ «Актахъ Юридическихъ», подъ NN. 1—26.

отъ суда епархіальныхъ начальствъ и непосредственнаго подчиненія суду Митрополитовъ и Великихъ Князей. Князья и Цари уступали и въ этомъ отношеніи ихъ желанію. Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе большей части несудимыхъ грамотъ: «А кому будетъ чего искати на игуменѣ, ино его сужу язъ самъ, Князь», показываетъ, что лица духовнаго званія поставляемы были по всѣмъ дѣламъ въ непосредственную зависимость отъ самого Князя, въ слѣдствіе чего они освобождались отъ суда не только свѣтскихъ, но и мѣстныхъ духовныхъ начальствъ. Въ нѣкоторыхъ несудимыхъ грамотахъ это высказывалось ясно и прямо: «Архіепископъ и его тіуны игумена и его братью не судятъ ни въ чемъ». [424] Къ этому прибавлялось иногда: «опричь духовныхъ вещей,» т. е., по дѣламъ духовнымъ игуменъ и братья оставляемы были въ зависимости своего Архіепископа. Впрочемъ, во многихъ случаяхъ не дѣлалось даже и этого исключенія; монастыри, подчиненные суду Великаго Князя по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ, подчинялись въ то же время по дѣламъ духовнымъ суду самого Митрополита и, слѣдовательно, совершенно выходили изъ вѣдомства своихъ мѣстныхъ начальствъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Епархіальное начальство всѣми мѣрами старалось противиться такимъ нарушеніямъ его власти и правъ. такъ, на примѣръ, дарованіе полной внѣземельности монастырямъ Іосифову Волоколамскому и Кириллову Бѣлозерскому имѣло слѣдствіемъ продолжительныя распри между этими монастырями и ихъ Архіепископами. [425] Впрочемъ,

---

[424] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Ивана III Волотовскому монастырю (1500) сказано: «Архіепископъ Новгородскій и его тіуни игумена и его братью не судятъ ни въ чемъ, опричь духовныхъ вещей; а чернцомъ своихъ игуменъ судитъ во всемъ самъ» («Акт. Истор.», т. I, N. III). Въ жалованной грамотѣ Василія Ивановича Чухломскому Покровскому монастырю (1518) сказано: «Митрополичьи десятинники, и ихъ тивуни, игумена Елизарья съ братьею, и поповъ, и слугъ, и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ.... А кому будетъ чего искати на самомъ игуменѣ, или на ихъ приказщикѣ, ино сужу язъ, Князь Великій, или мой дворецкой, и въ духовномъ дѣлѣ судитъ игуменъ отецъ нашъ, Варлаамъ, Митрополитъ всея Руссіи» (Тамъ же т. I, N, 126).

[425] Притѣсненія, сдѣланныя Архіепископомъ Новгородскимъ, Серапіономъ, монастырю Іосифову Волоколамскому, подробно изложены въ посланіи Іосифа Волоцкаго. (См. «Древ. Рос. Вивліоѳ.», изд. второе, ч. XIV, стран. 190—203). Архіепископъ мстилъ Іосифу за то, что онъ «отказался изъ его Архіепископья отъ К. Ѳедора и съ монастыремъ къ В. Князю безъ его вѣдома» (Карамз. XII, пр. 370).

не смотря на сопротивленіе Епархіальныхъ Архіереевъ, правомъ этимъ пользовались многіе монастыри, получившіе, въ слѣдствіе того, съ теченіемъ времени названіе Ставропигіальныхъ.[426]

Въ Новогородской второй лѣтописи сказано: «Въ лѣто 7017 свелъ Князь Велики Василій Ивановичь Архіепископа Серапіона съ Великаго Новагорода,... за то, что не благословилъ старца Іосифа на Ламскомъ Волоцѣ, что онъ изъ архіепископіи изъ Новгородской прешелъ, съ монастыремъ отказался въ митрополію» («Полн. Собр. Русс. Лѣтоп.» III, ст. 147). Распря между Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ и Ростовскимъ Архіепископомъ разсказывается слѣдующимъ образомъ въ Никоновой лѣтописи: «Того жъ лѣта (1478) бысть брань межъ Митрополитомъ Геронтіемъ и Васьяномъ Архиепискупомъ Ростовскимъ, о Кириловѣ монастырѣ; начать бо Геронтій отнимати отъ Ростовские епискупии, научаемъ Княземъ Михаиломъ Ондрѣевичемъ, тии бо чернецы Кирилова монастыря, превознесшись своимъ высокоуміемъ суетнымъ и богатствомъ, не восхотѣша быти подъ правдами Ростовскихъ Епискуповъ, ни повиноватися Ростовскому архіепискупу, забывше Господня словеси: яко, всякъ возносяйся смирится, а смиряясь вознесется; возмятошась і восколебашась, яко пьяни, и по пророческому словеси, вся мудрость ихъ поглощенна бысть, и мняшесь мудрии быти, обоюродѣвшесь, ослепи бо я злоба ихъ, и научиша Князя Михаила. Князь же Михайло начать Митрополиту о томъ, Митрополитъ же, повинуясь Князю Михаилу, и грамоты даде имъ, что Князю Михаилу вѣдати монастырь, а Ростовскому Архіепископу въ него не вступатись. Архіепискупъ же Вассіанъ нача ему бити челомъ В. Князю Ивану Васильевичю, и нача суда просити по правиламъ съ Митрополитомъ. Князь же великій, пославъ къ Митрополиту; Митрополитъ же не послушавъ его; Князь же великій пославъ взять грамоту Митрополичью у Князя Михаила, и повелѣ собору быти всѣмъ Епискупомъ и Архимандритомъ на Москвѣ, и даде судъ Архіепискупу на Митрополита. И многу взысканію бывшу, Митрополитъ же убоясь соборнаго суда и умоли Великаго Князя. Князь же Великій умири Митрополита со Архіепискупомъ, и грамоты издравъ, а Кириловъ монастырь указаша вѣдати по старинѣ Ростовскому Архіепискупу во всѣмъ. Се же все зло быть отъ тогда бывшаго Кириловскаго игумена новоначальнаго Ниѳонта новоначальныхъ черньцовъ, и отъ прихожихъ смутовъ; а старые старцы святые ихъ обители постриженики всѣ со слезами тогда молиша Бога и Пречистую Богородицу і великихъ чюдотворцевъ Леонтія и Кирилла, чтобъ Богъ укротилъ брань, а имъ бы жити въ повиновении у своего святителя Ростовскаго Архіепискупа, какъ жилъ ихъ преподобныи старецъ Кирилъ» («Никонов. Лѣтоп.» ч. VI, ст. 106—107).

[426] См. «Истор. Росс. Іерарх.», ч. II, ст. XXIV—XXVI; LI—LIV. Такіе Ставропигіальные монастыри появляются у насъ довольно рано; сохранилось преданіе, что въ 1159 году Андрей Боголюбскій далъ Кіево-Печерскому монастырю права и названіе Ставропигіи, повелѣвъ ему состоять подъ непосредственнымъ

Со времени Ивана IV въ нашемъ законодательствѣ появляется рядъ общихъ постановленій, имѣвшихъ цѣлью ограниченіе судебныхъ привилегій духовенства и опредѣленіе подсудности этого сословія сообразно съ древними церковными узаконеніями. Постановленія эти имѣли значительное вліяніе и на самое содержаніе несудимыхъ грамотъ, выдававшихся владѣльцамъ духовнаго званія въ послѣдней половинѣ XVI и во все теченіе XVII столѣтій. Обо всѣхъ этихъ измѣненіяхъ, которымъ подверглись съ теченіемъ времени судебныя преимущества духовнаго сословія, мы скажемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, при изложеніи отношеній Правительства къ имѣніямъ духовенства со времени Ивана III до Петра Великаго. [427]

6. **Предоставленіе владѣльцамъ духовнаго званія права суда и расправы надъ людьми, поселенными на ихъ земляхъ.** Всѣ люди, жившіе на земляхъ Архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ, подлежали въ обыкновенномъ порядкѣ суду мѣстныхъ свѣтскихъ властей по дѣламъ какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ. Но и въ этомъ отношеніи изъ общаго правила въ пользу духовенства дѣлались многочисленныя изъятія, даже столь многочисленныя, что они сами со временемъ сдѣлались почти общимъ правиломъ. Къ установленію подобныхъ изъятій Правительство побуждалось частію стремленіемъ упрочить независимость монастырей, оградивъ людей ихъ отъ вмѣшательства и притѣсненій мѣстныхъ чиновниковъ, частію желаніемъ обезпечить матеріяльное благосостояніе монастырскихъ крестьянъ, избавивъ ихъ отъ тѣхъ многочисленныхъ и тяжелыхъ пошлинъ, которыя взимались при производствѣ суда Княжескими чиновниками; для послѣд-

---

вѣдѣніемъ своимъ и Патріарха Константинопольскаго (См. выше прим. 73 и въ текстѣ). И въ позднѣйшее время продолжали предоставлять это преимущество нѣкоторымъ монастырямъ. Такъ, на пр., Патріархъ Никонъ уже во второй половинѣ XVII столѣтія подчинилъ непосредственно Патріаршему престолу нѣсколько монастырей, находившихся въ другихъ епархіяхъ. Распоряженія его были отмѣнены Соборомъ 1667 года, но въ послѣдствіи времени въ зависимость отъ Патріарха опять поставлены были нѣкоторые монастыри, находившіеся внѣ епархіальной его области. (См. «Полн. Собр. Закон.» N. 412 (1667), 1295 (1688), 1437 (1692). По упраздненіи Патріаршества, Ставропигіальные монастыри поставлены были въ непосредственную зависимость отъ св. Синода; въ 1762 году ихъ было 11 (См. «Истор. Росс. Іерарх.» II, ст. LXXXI).

[427] См. ниже главу VIII.



нихъ право суда имѣло преимущественно фискальное значенie, ибо составляло одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ ихъ дохода; по этому и изъятiя изъ подсудимости имъ нѣкоторыхъ классовъ лицъ влекло за собою, необходимо. вещественный ущербъ для судей и вещественную выгоду для подсудимыхъ. На это указываетъ и самое выраженie жалованныхъ грамотъ: «А кому изъ намѣстниковъ дамъ на грамотчиковъ грамоту, а на сiю мою грамоту грамоты нѣтъ.» Съ другой стороны, монастырь, получая власть суда надъ своими крестьянами, получалъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое право, которое не входитъ въ понятie частной собственности и составляетъ, обыкновенно, какъ ты замѣтили уже выше, неотчуждаемое достоянie самого Государства. Въ большей части несудимыхъ грамотъ означенie этой важной привилегiи дѣлалось слѣдующимъ образомъ: «А намѣстники наши и волостели и ихъ тiуны тѣхъ ихъ людей (т. е., монастырскихъ) не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что; а праветчики и доводчики поборовъ своихъ на нихъ не берутъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни по что; а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей игуменъ съ братьею сами во всѣмъ, или кому прикажутъ.»[428] Изъ самыхъ словъ этихъ уже видно, что вмѣстѣ съ освобожденiемъ отъ подсудимости мѣстнымъ чиновникамъ, соединялось и освобожденie отъ поборовъ, которые взимались ими, въ качествѣ какъ судей, такъ и административныхъ властей, получавшихъ, вмѣсто жалованья отъ казны, кормы отъ подвѣдомственныхъ имъ лицъ, а также отъ поборовъ и пошлинъ, взимавшихся въ пользу доводчиковъ и праветчиковъ, при исполненiи послѣдними судебно-полицейскихъ дѣйствiй. На случай смѣснаго суда, т. е., такихъ дѣлъ, въ которыхъ истецъ и отвѣтчикъ принадлежали къ лицамъ

[428] Примѣры предоставленiя духовенству этой привилегiи встрѣчаются весьма рано; первый изъ нихъ находимъ мы въ грамотѣ В. Князя Мстислава Новгородскому Юрьеву монастырю (1125—1132). Въ ней сказано: «Повелѣлъ есмь... отдати Буицѣ св. Георгыева съ данию и съ вирами и съ продажами» («Дополн. къ Акт. Истор.» т. I, N. 2). По той формѣ, которую привели мы въ текстѣ, привилегiя эта стала означаться въ грамотахъ, начиная съ XIV столѣтiя (См. «Акт. Арх. Эксп.» т. I, N. 4 (1338—1340), 5 (1361—1365), 17 (1410—1417), 18 (1410—1417), 19 (1414), 21 (1423), 23 (1425), 31 (1437), 34—34 (1437—1461), 36 (1438), 37 (1440), 38 (1443), 39 (1446), 41 (1448), 47 (1450), 51 (1453), 53 (1453), 56 (1455), и множество другихъ.



разнаго званія и подлежали вѣдѣнію различныхъ судей, постановлялось обыкновенно, что тяжбы монастырскихъ крестьянъ съ людьми городскими, становыми и волостными судятся общимъ судомъ, т. е., намѣстникомъ и его тіуномъ или его прикащикомъ, исполненіе же приговора ввѣряется надъ каждымъ изъ тяжущихся той власти, которой онъ подчиняется по своему званію: «А случится судъ смѣсной тѣмъ ихъ людемъ съ городскими людьми, или съ становыми, или съ волостными, и намѣстницы и волостели и ихъ тіуны судятъ, а игуменъ съ братьею, или ихъ прикащикъ, съ ними же судитъ; а правъ ли будетъ, виноватъ ли городской человѣкъ, или волостной, и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ и волостелемъ и ихъ тіуномъ, а монастырской человѣкъ, правъ ли будетъ, виноватъ ли, и онъ въ правдѣ и въ винѣ монастырю, игумену съ братьею, а намѣстницы наши и волостели и ихъ тіуны въ монастырскаго человѣка у нихъ не вступаются ни въ праваго, ни въ виноватаго.» [429] Такое освобожденіе отъ подсудности мѣстнымъ властямъ предоставлялось всего чаще крестьянамъ монастырскимъ, но нерѣдко также Архіерейскимъ, или церковнымъ; [430] въ большей части случаевъ оно именно было предоставляемо крестьянамъ, но иногда относилось также и къ другимъ лицамъ духовнаго вѣдомства, монастырскимъ дворникамъ, рыболовамъ, соловарямъ и солевозчикамъ, купцамъ, атаманамъ и осначимъ и т. под. [431] Самый объемъ этой привилегіи не всегда опредѣлялся одинаково въ несудимыхъ грамотахъ; иногда монастырскіе крестьяне освобождались отъ подсудности

---

[429] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.» т. I, N. 5 (1361—1365), 17 (1410—1417), 18 (1410—1417), 19 (1414, 21 (1423), 23 (1425), 31 (1437), 34 (1437—1461), 35 (1437—1461), 36 (1438), 37 (1440), 38 (1445), 39 (1446), 41 (1448), 47 (1450), 51 (1453), 52 (1453), 53 (1453), 56 (1455), 60 (1456), 75 (1465), и множество другихъ.

[430] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.» т. I, N. 23 (1425), 75 (1465), 99 (1473), 139 (1504), 159 (1515), и мног. друг.

[431] Такъ, на пр., грамотою Василія Темнаго привилегія эта была предоставлена людямъ, жившимъ въ соляныхъ варницахъ Троицкаго Сергіева монастыря (См. «Акт. Арх. Эксп.» т. I, N. 52 (1453); грамотою Тверскаго Князя Михаила Борисовича людямъ Троицкаго Сергіева монастыря, жившимъ въ Кашинскомъ его подворьи (см. тамъ же, т. I, N. 79 (1465); грамотою Новгородскаго Правительства старцамъ, атаманамъ и осначимъ, отправляемымъ властями Троицкаго Сергіева монастыря въ Двинскую землю (см. тамъ же, т. I, N. 104 (1477), и т. под.



намѣстникамъ и подчинялись суду игумена во всѣхъ вообще дѣлахъ. какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ; [452] иногда, и притомъ гораздо чаще, изъ дѣлъ, предоставленныхъ суду игумена, исключались важнѣйшія дѣла уголовныя: разбой, душегубство и татьба съ поличнымъ; [453] иногда исключеніе дѣлалось только для двухъ первыхъ, а послѣднія оставлялись въ вѣдѣніи игумена; [454] иногда, наконецъ, исключалось одно лишь душегубство, разбой же и татьба оставались подсудными монастырю. [455] Кромѣ того, иногда, какъ мы уже видѣли выше, на крестьянъ распространялась привилегія, дарованная ихъ владѣльцамъ и состоявшая въ правѣ отвѣчать по всѣмъ дѣламъ, гражданскимъ и уголовнымъ, передъ самимъ Княземъ, или его Бояриномъ Дворецкимъ. На измѣненіе и ограниченіе всѣхъ этихъ преимуществъ имѣло нѣкоторое вліяніе, возникшее съ половины XVI столѣтія, стремленіе къ уничтоженію исключительныхъ правъ духовенства. Впрочемъ, послѣдствія на самомъ дѣлѣ этого стремленія, подробнѣйшее разсмотрѣніе котораго относимъ мы къ одной изъ слѣдующихъ главъ, были въ началѣ весьма незначительны. Въ продолженіе всего XVII столѣтія Правительство не переставало выдавать владѣльцамъ духовнаго званія несудимыя грамоты, на основаніи которыхъ они продолжали пользоваться по прежнему правомъ суда и расправы надъ поселенными на ихъ земляхъ людьми. [456]

7. **Право владѣльцевъ духовнаго званія имѣть особыхъ приставовъ по суднымъ дѣламъ.** Извѣстно значеніе приставовъ въ системѣ древняго Русскаго судопроизводства; чиновники, носившіе это названіе, сосредоточивали въ рукахъ своихъ ту вѣтвь судебной дѣятельности, которая означается обыкновенно именемъ

---

[452] См., на пр., «Акт., Арх. Эксп.» т. I, N. 5 (1361—1365), 7 (1363—1389), 34 (1437—1461), 35 (1437—1461), 38 (1443), 39 (1446) 95 (1471), и мног. друг.

[453] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп. т. I, N. 4 (1338—1340), 60 (1456), 75 (1465) 79 (1465, 88 (1471), 99 (1173), и мног. друг.

[454] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп. т. I, N. 17 (1460—1417), 18 (1410—1417), 21 (1423), 139 (1504), 152 (1509), 154 (1512), 158 (1514), 159 (1515), 164 (1517), 166 (1520), 171 (1522) и мног. друг.

[455] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 19 (1414), 23 (1425), 31 (1437), 3 (1438), 37 (1440), 41 (1448), 47 (1450), 51 (1453), 52 (1453), 53 (1453), 56 (1455), 102 (1476, 136 (1500), и мн. др.

[456] См., на пр., «Акт. Истор.», т. III, N. 60 (1615), 76 (1618); IV N. 16 (1662) 254 (1675), и мног. друг.

судебной полиціи. Такъ какъ большая часть духовныхъ заведеній освобождены были, вмѣстѣ съ людьми ихъ, отъ подсудности обыкновеннымъ властямъ, то весьма естественно, что и чиновникамъ исполнительнымъ, находившимся при этихъ властяхъ, приставамъ, праветчикамъ, доводчикамъ, запрещалось въѣзжать въ монастырскія села и простирать свои дѣйствія на владѣльцевъ духовнаго званія и на подвѣдомственныхъ имъ людей. Вмѣстѣ съ этимъ, многимъ монастырямъ предоставлено было право имѣть особыхъ приставовъ, которые назначались Княземъ, или Царемъ, и могли только одни призывать къ суду и давать на поруку игуменовъ, прикащиковъ ихъ и монастырскихъ крестьянъ: «Се язъ Князь Великій игумена съ братьею пожаловалъ», сказано въ одной грамотѣ и повторяется во многихъ другихъ, съ нѣкоторыми только измѣненіями въ способѣ выраженія: «Далъ есми имъ своего пристава, Жука, и каково будетъ дѣло кому до людей до монастырскихъ, и они посылаютъ по нихъ моего пристава, Жука, а иные мои приставы по нихъ не ѣздятъ никто; а кто къ нимъ пріѣдетъ приставъ мой иной, опричь того моего пристава, и язъ ихъ людямъ на поруку ся ему давати не велѣлъ, ни къ сроку имъ ѣздити не велѣлъ; а хотя кто на нихъ безсудную возметъ не по того моего пристава срочной, который имъ данъ, или кого въ свое лицо пришлетъ, и та безсудная не въ безсудную». [437] Иногда на пристава, даннаго монастырю, налагалась, сверхъ того, обязанность призывать къ суду людей свѣтскаго званія, въ случаѣ иска на нихъ монастыря, или его крестьянъ, и самого игумена съ его прикащикомъ, въ случаѣ иска на нихъ со стороны людей свѣтскаго званія. [438] Иногда монастырь былъ не-

---

[437] См. «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 110 (жалов. грам. Ивана III Троицкому Сергіеву монастырю (1482).

[438] «А чего будетъ искати игумену, или его братьи, или ихъ людямъ и крестьянамъ монастырскимъ, на дѣтяхъ боярскихъ, или на моихъ крестьянахъ, или на комъ ни будь, и язъ Царь, пожаловалъ игумена Володимира съ братьею, далъ есми имъ даного пристава Олешу Тутыгу Филипова сына, а велѣлъ есми ему по тѣхъ людей, по ищей и по отвѣтчиковъ, ѣздити съ своей съ Царевою грамотою приставною, давати ихъ на поруки, да пишетъ имъ срокъ передъ меня, передъ Царя, а кому будетъ чего искати на игуменѣ, и на братьи, и на монастырскихъ прикащикахъ, или на монастырскихъ крестьянахъ, и онъ имъ пишетъ два срока, лѣтѣ Петровъ день, а зимѣ Крещенье Христово; а инымъ есми приставомъ своимъ, опричь того пристава даного, по игумена, и по братью, и

доволенъ назначеннымъ ему приставомъ: въ такихъ случаяхъ онъ обращался къ Правительству съ просьбою о назначеніи другаго на его мѣсто, и просьба эта по большей части удовлетворялась Правительствомъ. [439] Наконецъ, весьма часто монастырямъ назначались приставы не для судебныхъ дѣлъ, но для обереженія селъ ихъ отъ сильно ставившихся и бравшихъ съ нихъ кормы ѣздоковъ. [440] Для отысканія и возвращенія на прежнія мѣста крестьянъ, неправильно оставившихъ монастырь, [441] для поимки и наказанія пенею людей,

---

подъ ихъ людей, и по монастырскихъ крестьянъ ѣздити не велѣлъ, ни отъ кого ни въ чемъ; а которой мой Царевъ приставъ пріѣдетъ по игумена, и по братью по его, и по ихъ людей, и по монастырскихъ крестьянъ отъ кого въ чемъ ни буди, опричь даного пристава Олеши Тутыгн, и язъ Царь игумену, и его братьѣ и ихъ людямъ, и крестьяномъ монастырскимъ тѣмъ своимъ приставомъ на поруки ея давати не велѣлъ; а которой мой приставъ на поруки ихъ дастъ сильно, да и срочную накинетъ на нихъ, и язъ Царь къ тѣмъ срокомъ ѣздити имъ не велѣлъ; а хоти кто и безсудную грамоту на нихъ возметъ не по тому сроку, которой мой приставъ срокъ накинетъ на нихъ сильно, и та безсудная не въ безсудную («Акт. Арх. Өксп.», т. I, N. 154 г. 1512. См. еще тамъ же, т. I, N. 175 (1532), 159 (1515), 171 (1522), 189 (1540); «Акт. Истор. т. I, N. 157 (1551) и др.

[439] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Ивана IV Успенской Зосиминой пустынѣ (1540) сказано: «Что сии били челомъ о томъ: былъ у нихъ приставъ даной, Тихонъ Кулибоевъ, и тотъ, ден, приставъ имъ нелюбъ, дѣлъ монастырскихъ не бережетъ, и старцовъ, и слугъ, и крестьянъ монастырскихъ продаетъ; и язъ... пожаловалъ, далъ есми имъ пристава даного, которой имъ любъ, Михалка Васильева» («Акт. Арх. Эксп.» I, N. 189).

[440] Такъ, на пр., въ грамотѣ Ивана III Захару Зубову (1466—1478) сказано: «Билъ ми челомъ Троицкой игуменъ Сергіева монастыря.... съ братьею, а сказываютъ, что, де, у нихъ ихъ село Сколтиновское, да Единчѣевское въ Кинельскомъ уѣздѣ, и деревни тѣхъ селъ, и на тѣ, де, у нихъ село и деревни пролегла дорога не пошлая, Хомутовская; да ставится, де, у нихъ въ тѣхъ селахъ и въ деревняхъ мои бояра и дѣти боярскіе и всякіе ѣздоки, да емлютъ, де, кормъ себѣ и конямъ сильно, черезъ грамоту мою В. Князя. И язъ игумена съ братьею пожаловалъ, далъ есми имъ пристава тобя: кто имется у нихъ сильно ставиться да кормъ имати, давай тѣхъ на поруку, да ставь ихъ передо мною» («Акт. Арх. Эксп.» I, N. 82. См. еще тамъ же, т. I, N. 89 (1471), 113 (1485), 151 (1509) 159 (1515) и др.

[441] Такъ, на пр., въ одной грамотѣ Ивана III (1466—1478) сказано: «Билъ ми челомъ игуменъ Троицкой Сергіева монастыря, а сказываютъ, что, де, изъ ихъ селъ изъ монастырскихъ, изъ Шухобальскихъ, вышли крестьяне сей зимы о сборѣ; и язъ, Князь Великій, далъ есми имъ пристава, велѣлъ есми ихъ

въѣзжавшихъ въ монастырскіе лѣса, [442] для обереженія монастырскихъ владѣній отъ татей и разбойниковъ, [443] и тому подобныя. Всѣхъ такихъ людей приставы должны были давать на поруку и ставить для суда передъ Великимъ Княземъ. Замѣтимъ также, что иногда назначеніе монастырямъ особыхъ приставовъ производилось посредствомъ особыхъ грамотъ, исключительно относившихся къ этой привилегіи, [444] которую продолжали предоставлять духовенству до самаго конца XVII столѣтія. [445]

вывести; и гдѣ приставъ мой ихъ ни похочетъ въ моихъ селахъ, или въ слободахъ, или въ боярскихъ селахъ и въ слободахъ, и приставъ мой тѣхъ крестьянъ монастырскихъ опять выведетъ въ ихъ село въ Шухобольское, да посадити ихъ по старымъ мѣстамъ, гдѣ кто жилъ, до Юрьева дни до осенняго» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 83). Ср. тамъ же, т. I, N. 64 (1460).

442 Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Ивана III Троицкому Сергіеву монастырю (1485) сказано: «Что, де, ихъ лѣсы монастырскіе в Переславлѣ.... и въ тѣ, де, ихъ лѣсы ѣздятъ, сѣкутъ лѣсъ, боярскіе люди и волостные, безъ ихъ докладу; и кто въ тѣ лѣсы поѣдетъ безъ ихъ докладу монастырскаго, чей кто ни буди, и язъ на тѣхъ на всѣхъ далъ своего пристава Павла Ворону, а велѣлъ есми ему въ тѣхъ монастырскихъ лѣсахъ тѣхъ людей всѣхъ имати, которые безъ монастырскаго докладу поѣдутъ въ ихъ лѣсы, а въ торгу есми велѣлъ закликати изъ рубля, и велѣлъ есми тѣхъ всѣхъ ставити передъ своими намѣстники передъ Переславскими, и они на тѣхъ велятъ имать рубль заповѣднаго, по сей грамотѣ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 112).

443 Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Ивана III Троицкому Сергіеву монастырю (1485) сказано: «Что ми били челомъ о томъ, что ихъ крестьянамъ Илеменскимъ моихъ людей отъ Борович, и Кременчанъ, и Медынчанъ, и отъ иныхъ моихъ тамошныхъ людей, лиха учинится, много татьбы и разбоя, и язъ далъ пристава, Сеньку Кулпу, гдѣ ся лучитъ монастырскимъ крестьянамъ въ моей, В. Князя, вотчинѣ поличное выняти, или татя, или разбойника съ поличнымъ, на дорогѣ угонятъ въ моей же вотчинѣ, и язъ тому своему приставу, Сенькѣ, того татя съ поличнымъ велѣлъ поставити передъ собою; а у кого въ селѣ въ моей вотчинѣ татя имутъ, или поличное выймутъ, и язъ того велѣлъ дати на поруку и срокъ ему учинити передъ собою, передъ В. Княземъ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 113).

444 См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 110 (1482), 82 (1466—1478), 83 (1466—1478), 112 (1485). «Акт. Историч.», т. I, N. 157 (1552) и друг.

445 Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Алексѣя Михайловича Новодѣвичьему монастырю (1662 г.) сказано: «А кому будетъ какое дѣло до ихъ священниковъ, или дьяконовъ и дьячковъ, и до слугъ и до крестьянъ, ино ихъ судитъ дворецкой нашъ, а посылаетъ по нихъ даного пристава одного, которой имъ данъ.... а кто опричь того даного пристава дастъ ихъ на поруку, или срокъ на нихъ

8. **Назначеніе владѣльцамъ духовнаго званія особыхъ судныхъ сроковъ.** Въ этомъ отношеніи монастырямъ предоставлялась двоякая привилегія; съ одной стороны, имъ позволялось иногда людей, ихъ обидѣвшихъ, призывать къ суду во всякой срокъ, какой они сами сочтутъ нужнымъ назначить: «Кто ихъ людей монастырскихъ изобидитъ, изъ моей вотчины моихъ людей, разбоемъ, и грабежи, и татьбами, или какими ни будь дѣлами обидными, и язъ, Князь.... пожаловалъ есмъ, велѣлъ на тѣхъ людей, по своей грамотѣ, срочные наметывати во всей вотчинѣ передъ себя Князя.... а тѣ имъ срочные въ срочные.» [446] Съ другой стороны, многимъ монастырямъ и монастырскимъ крестьянамъ предоставлена была привилегія, вслѣдствіе которой ихъ можно было призывать къ суду только въ извѣстные сроки, разъ, или два въ году: «Также есми пожаловалъ: что, де, ихъ по тѣхъ крестьянъ по монастырскихъ... пріѣздятъ приставове мои, Великаго Князя, да наметываютъ, де, на нихъ сроки сильно въ дѣловое время, и язъ, Князь Великій, пожаловалъ, кто по ихъ крестьянъ мой приставъ пріѣдетъ, и онъ имъ пишетъ два срока въ году, зимѣ на Рожествѣ Христовѣ, а лѣтѣ на Петровъ день, а болѣ того имъ сроковъ не пишетъ; а хотя имъ мой приставъ сроки и запишетъ опричь тѣхъ сроковъ, по сей моей грамотѣ, и язъ, Князь Великій, ихъ крестьяномъ къ тѣмъ срокамъ ѣздить не велѣлъ; а хотя на ихъ возьметъ грамоту безсудную, и та моя грамота не въ безсудную.» [447] Эта вторая

накинетъ сильно..... и они къ тѣмъ срокомъ не ѣздятъ; а кто на нихъ безсудную возметъ, и та безсудная не въ безсудную, а приставъ ѣзду лишенъ» («Акт. Истор.», т. IV, N. 166). Въ жалованной грамотѣ того жъ Царя Кольскому Печенскому монастырю (1675) сказано: «А срочити ихъ на тотъ срокъ, кто у нихъ даной приставъ» (Тамъ же, т. IV, N. 254, стр. 559).

[446] См. «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 203 (жалованная грамота Вологодскаго Князя Андрея Васильевича Кирилову монастырю, 1471 года).

[447] См. «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 131 (жалов. грамота Ивана III Троицкому Сергіеву монастырю, 1494). См. еще тамъ же, т. I, N. 52 (1453), 154 (1512), 171 (1522), 175 (1532), 178 (1534), 217 (1548) и др. Иногда («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 41 (1445), 189 (1540) назначался одинъ только срокъ, иногда три; на пр., въ жалованной грамотѣ Ивана IV Троицкому Сергіеву монастырю назначены для призыва къ суду монастырскихъ людей три дня въ году, Крещенье, Петровъ день и Дмитріевъ день; въ той же грамотѣ сказано, что такого назначенія судныхъ сроковъ просили монастырскія власти: «А сказываютъ, что у нихъ ихъ села и деревни въ Кашинскомъ уѣздѣ..... и въ тѣ, де, въ ихъ села

привилегія встрѣчается въ грамотахъ гораздо чаще, чѣмъ первая; она имѣла особенную важность, потому что не только ограждала владѣльцевъ духовнаго званія и крестьянъ ихъ отъ неудобствъ, какія могли произойти въ слѣдствіе частныхъ, безпрерывно возобновлявшихся, процессовъ, но и затрудняло самое вчинаніе этихъ процессовъ людямъ свѣтскаго званія. Низшее дворянство, въ челобитной своей Михайлу Ѳедоровичу, 1641 года, въ особенности жаловалось на вредъ, происходившій отъ этой привилегіи духовенства, и просило ея уничтоженія. Просьбы его были дѣйствительно исполнены, судные сроки монастырскіе были отмѣнены, [458] и въ первые годы царствованія

и въ деревни въѣзжаютъ..... В. Князя приставы по посельскаго и по крестьянъ, да наметываютъ, де, на нихъ сроки частые, да ихъ выпродали, и они, де, съ того захудѣли и одолжали» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 178). Ср. тамъ же, т. I, N. 51 (1453).

458 Въ челобитьѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ написано: «Указано имъ на Патріаршихъ, и на Митрополичьихъ, и на Владычнихъ приказныхъ людей, и на крестьянъ, и на монастыри, въ обидахъ и во всякихъ исковыхъ дѣлахъ, судъ давати на три срока, на Семенъ день, на Рожество Христово, на Троицынъ день, и имъ, де, на тѣ сроки къ Москвѣ пріѣзжати не мочно, что въ то время живутъ по службамъ, да и въ городахъ на ихъ слугъ и на крестьянъ также суда не давати, и они изъ за нихъ людей и крестьянъ выводятъ и землю ихъ владѣютъ насильствомъ, и людемъ ихъ и крестьянамъ всякія обиды дѣлаютъ, а отъ суда отнимаются тѣми указными сроки, и противъ того поклеповъ на нихъ ищутъ большими монастырскими иски; и Государь бы ихъ пожаловалъ, на Патріаршихъ, и на Митрополичьихъ, и на Владычныхъ приказныхъ людей, и на крестьянъ, и на Троицкой и на иные монастыри, въ ихъ обидахъ и насильствахъ велѣлъ судъ давати безсрочно..... и Государь указалъ.... и бояре приговорили: На Патріаршихъ приказныхъ и на дворовыхъ людей, и на дѣтей боярскихъ, и на крестьянъ и на всякихъ чиновъ людей, которые живутъ въ Патріаршихъ въ домовыхъ вотчинахъ, во всякихъ дѣлахъ судъ давать безсрочно, на Патріаршѣ дворѣ... А на Митрополитовъ и на Архіепископовъ, на ихъ приказныхъ и дворовыхъ людей, и на дѣтей боярскихъ, и на крестьянъ, и на монастыри, и на Архимандритовъ и игуменовъ, и на монастырскихъ слугъ и на крестьянъ, и на поповъ и на весь церковный причетъ, во всякихъ дѣлахъ судъ давати въ приказѣхъ, гдѣ судимы, безсрочно..... А на пашенныхъ на всякихъ людей въ управныхъ дѣлахъ указалъ Государь и бояре приговорили: Судъ давати Октября съ 1 числа до Апрѣля по 1 число, а Апрѣля съ 1 числа Октября по 1 число суда не давати для пашеннаго времени, кромѣ татьбы, и разбоя, и поличнаго, и смертныхъ убійствъ» («Акт. Истор.», т. III, N. 92, ст. 110—112).



Алексѣя Михайловича, при самомъ подтвержденіи прежнихъ жалованныхъ грамотъ, стали означать въ видѣ ограниченія: «Велѣлъ ходить по тому, какъ въ сей жалованной грамотѣ писано, а въ судныхъ дѣлахъ указныя сроки нынѣ по нашему указу отговорены и быть по новому указу.» [449] Впрочемъ, самъ же Алексѣй Михайловичъ въ концѣ своего царствованія предоставлялъ эту привилегію нѣкоторымъ монастырямъ. [450]

9. **Освобожденіе крестьянъ духовнаго вѣдомства отъ законной отвѣтственности за смертные случаи, происходившіе въ ихъ селахъ.** Въ древней Россіи, въ случаѣ смертоубійства, виновникъ котораго не былъ отысканъ, или же хотя и находился на лицо, но былъ связанъ съ членами общины круговымъ ручательствомъ, извѣстная отвѣтственность возлагалась на всѣхъ жителей того мѣста, гдѣ совершено было преступленіе. [451] Многіе изъ монастырскихъ крестьянъ жалованными

---

[449] См., на пр., «Акт. Историч.», т. III, N. 142 (1646), 129 (1649), 94 (1650) и др.

[450] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Алексѣя Михайловича Кольскому Печенскому монастырю (1675) сказано: «А кому будетъ того Печенскаго монастыря до строителя, или до игумена, или до ихъ братья, или до монастырскихъ слугъ, и до служебниковъ и до бобылей дѣло, и имъ на строителя, и на игумена съ братьею, и на ихъ служекъ и на крестьянъ бити челомъ Намъ, Великому Государю, на Москвѣ; а срокъ имъ ставится къ суду на Срѣтеніе Господа нашего Іисуса Христа» («Акт. Историч.», т. IV, N. 254, стр. 559). Въ жалованной грамотѣ того же Царя Новодѣвичьему монастырю (1662) сказано: «А кому будетъ какое дѣло до ихъ священниковъ, или дьяконовъ и дьячковъ, и до слугъ и до крестьянъ, ино ихъ судитъ дворецкой Нашъ, а посылаетъ по нихъ даного пристава одного, которой имъ данъ, а даной приставъ пишетъ имъ въ году одинъ срокъ, Рожество Христово, а опричь того сроку иныхъ сроковъ на нихъ не наметываетъ; а кто опричь того даного пристава дастъ ихъ на поруку, или срокъ на нихъ накинетъ сильно, не по тому ихъ сроку, и они къ тѣмъ срокамъ не ѣздятъ; а кто на нихъ безсудную возметъ, и та безсудная не въ безсудную, а приставъ ѣзду лишенъ» (Тамъ же, т. IV, N. 166, стр. 320).

[451] Въ короткой редакціи Русской Правды сказано: «А яже убьютъ огнищанина въ разбои, или убійца не ищутъ, то вирное платити, въ неи же вири голова начнетъ лежати.» Въ пространной редакціи того же памятника сказано: «Аже кто убьетъ Княжа мужа въ разбои, а головника не ищютъ, то виревную платити, въ чьего же верви голова лежитъ, то 80 гривенъ; паки ль людинъ, то 40 гривенъ.» — «Которая ли вервь начнетъ платити дикую виру, колико лѣтъ заплатитъ ту виру, занеже безъ головника имъ платити; будетъ ли головникъ ихъ въ верви, то за нь къ нимъ прикладываетъ, того же дѣля имъ помогати голов-

грамотами именно освобождены были отъ этой отвѣтственности въ тѣхъ случаяхъ, когда душегубецъ находился на лицо, и подвержены ей въ извѣстной мѣрѣ, точно опредѣленной въ самой грамотѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда виновникъ преступленія не былъ отысканъ. [452] Кромѣ того, въ многихъ грамотахъ предоставлялось крестьянамъ духовнаго вѣдомства полное освобожденіе отъ всякой отвѣтственности за случайное лишеніе жизни, послѣдовавшее въ ихъ селѣ: «А кого у нихъ въ лѣсѣ дерево заразитъ, или кого звѣрь съѣстъ, или кого возомъ сотретъ, или кто съ дерева убьетца, или кто въ водѣ утонетъ, или кто подъ села и подъ деревни монастырскія приплыветъ убитая голова, или кто отъ своихъ утеряетца, а обыщетца то безъ хитрости, ино въ томъ крестьяномъ вѣры и продажи нѣтъ.» [453] Относительно осмотра такихъ мертвыхъ въ грамотахъ содержались различныя

нику, любо си дикую виру; по сплатити имъ въ обчи 40 гривенъ, а головничьство самому головнику, а въ 40 гривенъ ему заплатити изъ дружины свою часть; по оже будетъ убилъ или въ сварѣ, или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервинынѣ, аже ся прикладываютъ вирою» (Русская Правда, изд. Калачева, стр. 3, 5, 6). Въ уставной Двинской грамотѣ В. Князя Василія Дмитріевича (1398) сказано: «Оже учинится вора, гдѣ кого утепутъ, и нѣ душегубца изыщутъ, а не найдутъ душегубца, и за кровавую рану 30 бѣлъ, а за синюю рану 15 бѣлъ, а вина противу того» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 13). Въ уставной Бѣлозерской грамотѣ В. Князя Ивана III (1488) сказано: «А учинится у нихъ въ городѣ душегубство, а не доищутся душегубца, ино вины 4 рубля заплатятъ горожане, а учинится душегубство въ коемъ стану, или въ коей волости; а не доищутся душегубца, и они вины 4 рубля заплатятъ въ стану, или въ волости, въ коей душегубство учинилося; а доищутся душегубца, и они его дадутъ намѣстникомъ, или ихъ тіуномъ, а хрестьянамъ въ томъ продажи нѣтъ» (Тамъ же, т. I, N. 123).

[452] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Өедора Ивановича Николаевскому Медвѣдскому монастырю (1584) сказано: «А учинитца у нихъ душегубство, а не доищутся душегубца, и они дадутъ вѣры за голову 4 рубля Московскую; а будетъ душегубецъ въ лицахъ, и они душегубца дадутъ намѣстнику, или волостелю, или ихъ игуменомъ, а имъ въ томъ продажи нѣтъ» («Дополн. къ Акт. Историч.», т. I, N. 130). См. также «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 171 (1522); «Акт. Истор., I, N. 141 (1542); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 48 (1554), 114 (1560), 130 (1584), 189 (1448—1468) и др.

[453] См. «Акт. Историч.», т. I, N. 125 (жалов. грам. В. Князя Василія Ивановича Чухломскому Покровскому монастырю, 1518 г.) См. еще тамъ же, т. I, N. 141 (1542); «Допол. къ Акт. Историч.», т. I, N. 48 (1554), 130 (1584), 148 (1598), 190 (1448—1468), и др.

постановленія; предъявить ихъ слѣдовало или монастырскому прикащику, [454] или, напротивъ, Княжескому чиновнику; [455] послѣднему предписывалось иногда производить осмотръ не иначе, какъ въ присутствіи крестьянскаго старосты и лучшихъ крестьянъ; [456] при явкѣ мертвыхъ тѣлъ мѣстнымъ властямъ, съ монастырскихъ крестьянъ взимались пошлины, количество ихъ иногда опредѣлялось съ точностію въ грамотѣ; [457] иногда же крестьяне вовсе отъ нихъ освобождались. [458] Доводчикамъ, пріѣзжавшимъ осматривать тѣла, крестьяне должны были уплачивать ихъ путевыя издержки въ количествѣ, опредѣленномъ самыми грамотами. [459] Всѣ вообще привилегіи и постановленія этого рода встрѣчаются не только въ древнѣйшихъ грамотахъ XV и XVI столѣтій, но и въ позднѣйшихъ, т. е., принадлежащихъ какъ къ первой, такъ и ко второй, половинѣ XVII вѣка. [460]

---

[454] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Волоцкаго Князя Ѳеодора Борисовича Іосифову Волоколамскому монастырю (1500) сказано: «А кто тѣхъ ихъ людей по грѣхомъ съ древа убьется, или на водѣ утонетъ, или сгоритъ, и они того человѣка намѣстнику, и волостелю, и ихъ тіуномъ не являютъ, а являютъ монастырскому прикащику» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 136).

[455] Такъ, на пр., въ жалов. грамотѣ Ивана IV Троицкому Сергіеву монастырю (1543) сказано: «А которой монастырской человѣкъ, или Казакъ убьется съ костра, или въ урѣнѣ сгоритъ, или въ горнъ впадетъ»..., и т. д., и они явятъ намѣстникамъ нашимъ, и волостелемъ, и ихъ тіунамъ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 200); см. также «Дополн. къ Акт. Историч.», т. I, N. 190 (1448—1468).

[456] Такъ въ жалованной грамотѣ В. Князя Василія Ивановича Пухномскому Покровскому монастырю (1518) сказано: «А коли изъ Галича намѣстничи недѣльщики пріѣдутъ убитыя головы осматривати, и они осматриваютъ съ старостою волостнымъ, да съ нимъ лутчихъ людей человѣкъ 10, а по волости намѣстничимъ недѣльщикамъ самимъ не ѣздити, а безъ старосты и безъ лутчихъ людей недѣльщику убитыя головы не осматривати, и на поруки крестьянъ не давати» («Акт. Истор.», т. I, N. 125). Ср. «Доп. къ Акт. Истор.», т. I, N. 130 (1584).

[457] «А явки имъ (т. е., намѣстникамъ) имати съ человѣка по гривнѣ, которой убьется, или сгоритъ, или кѣмъ подкинутъ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 200) (1543). См. также («Допол. къ Акт. Истор.», т. I, N. 114) (1560), 130 (1584).

[458] «А намѣстникъ мой... или тіунъ, не возметъ у нихъ ничего («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 190, г. 1448—1468).

[459] «А посылаютъ (т. е., намѣстники) тѣхъ людей (т. е., убитыхъ) осматривати доводчиковъ своихъ, а доводчики у нихъ емлютъ ѣзду на версту по деньгѣ, а больши того не емлютъ ничего» («Акт. Истор.», т. I, N. 141 (1542). Ср. «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 48 (1554).

[460] См. «Акт. Истор.», т. III, N. 60 (1605), 108 (1622); IV, N. 166 (1662).

10 **Право монастырей держать собственное пятно для покупки и продажи лошадей.** Въ древней Россіи, частію въ предупрежденіе конокрадства, частію для фискальной цѣли, существовало установленіе, по которому продаваемую, или промѣниваемую, лошадь слѣдовало предъявить Княжескому пятенщику, для наложенія на нее особаго пятна или клейма, для записки ея въ особо заведенныя книги и для сбора при этомъ особыхъ пятенныхъ пошлинъ. [461] Многіе монастыри не только освобождены были отъ этихъ пошлинъ жалованными грамотами, но и получили сверхъ того право держать собственное пятно для лошадей, продаваемыхъ,

[461] О клейменіи лошадей упоминается уже въ короткой редакціи Русской Правды: «а за княжь конь, иже тои съ пятномъ, 3 гривны» (См. Рус. Правда, изд. г. Калачева, стр. 3). Подъ 1168 годомъ мы читаемъ въ лѣтописяхъ: «Бориславичи..... холопьи кони Мстиславли покрадоша въ стадѣ и пятна на нихъ свои въсклали» («Карамз.», II., пр. 422). Судебникъ Ивана IV содержитъ въ себѣ слѣдующія постановленія о пятнаніи лошадей, ст. 94: «А кто купитъ лошадь на Москвѣ, или въ Московскомъ уѣздѣ, и тѣмъ тѣ лошади пятнати у пятенщиковъ, на Москвѣ, да и въ книги написати по старинѣ; а пошлина пятенщикомъ имати по старинѣ жъ»; ст. 95: «А по городамъ и по волостямъ, гдѣ кто лошадь купитъ, или смѣнитъ, тутъ у намѣстниковъ, и у волостелей, и у ихъ пошлинниковъ и пятнаетъ. А записывати тѣ лошади въ книги у цѣловальниковъ діаку земскому, а пятенщикамъ имати съ купца деньга, а съ продавца деньга же; а цѣловальникомъ и діаку земскому у тѣхъ намѣстниковъ и у волостелей пятна ихъ образецъ писати въ книги, спору для. А кто купитъ лошадь въ своей волости, или вымѣнитъ да до такова жъ дни не запятнитъ и въ книги не запишетъ, и уличатъ его въ томъ, ино на томъ, кто купитъ, или вымѣнитъ, взяти намѣстнику, или волостелю, или пятенщику пропятенья два рубля; а кто поимается за ту лошадь и чего съ тою лошадью взыщетъ, доколѣ ее не запятналъ, и на томъ тотъ искъ взяти безъ суда, кто ее не запятнилъ. А дѣтемъ боярскимъ купленныя именовныя лошади пятнати по тому же. А въ служебномъ походѣ кто у кого купитъ лошадь, и кто у него за ту лошадь поимается, и тотъ, кто купитъ, поставитъ свидѣтелей человѣкъ 5, или 6 на того, у кого онъ купилъ, ино имъ судъ. А кто гдѣ купитъ лошадь, или вымѣнитъ, не въ своемъ присудѣ, тотъ тутъ и пятнитъ, а приведетъ ту лошадь къ себѣ непятнену, и уличитъ его въ томъ, ино на томъ пропятенье взяти, и у кого онъ въ присудѣ;» ст. 96: «А намѣстникамъ, и волостелямъ, и ихъ тіуномъ, и пятенщикомъ, въ городахъ и въ волостяхъ, непродажныхъ и доморощенныхъ лошадей не пятнати. А кто учнетъ въ городахъ и въ волостяхъ непродажныя и доморощенныя лошади пятнати, и доведутъ на него то, и кто на немъ чего взыщетъ въ тѣхъ лошадяхъ, и тѣ ему убытки платити безъ суда втрое, а въ немъ что Государь укажетъ» («Акт. Истор.», т. I, N. 153, ст. 248, 249).



или покупаемыхъ, ихъ крестьянами: «Также пожаловалъ ихъ есми, говорилось въ грамотахъ,» кони пятнать себѣ у своего у монастырскаго прикащика.» [462] Иногда означеніе этой привилегіи дѣлалось еще подробнѣе и яснѣе: «Кто тѣхъ крестьянъ монастырскихъ купитъ лошадь, или продастъ, или мѣнитъ, и они пятенщикамъ Новоторжскимъ не являютъ и коней у нихъ не пятнятъ, ни пошлинъ имъ не даютъ ни которыхъ, а являютъ своему прикащику монастырскому, и онъ у нихъ кони пятнаетъ пятномъ монастырскимъ, а пятно держитъ прикащикъ монастырской у себя; опричь монастырскихъ крестьянъ, иныхъ коней ихъ монастырскимъ пятномъ не пятнати». [463] Кромѣ права держать пятно для клейменія лошадей въ своихъ собственныхъ селахъ, нѣкоторые монастыри получили право пятнать и такихъ лошадей, которые вовсе не принадлежали ихъ крестьянамъ; такъ, на примѣръ, Троицкой Сергіевъ монастырь въ XVI вѣкѣ держалъ пятно и сбиралъ, на основаніи особыхъ жалованныхъ грамотъ, пятенныя пошлины въ Москвѣ и Казани. Вообще, привилегіи этого рода считались столько важными, что на нихъ давались иногда

[462] См. «Акт. Арх. Экспед.», т. I, N. 88 (Жалованная грамота Дмитровскаго Князя Юрія Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю, 1471 г.). Иногда, впрочемъ, монастыри только освобождались отъ пятенныхъ пошлинъ, не получая вмѣстѣ съ этимъ права держать собственное пятно; такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Царя Шаалея Троицкому Бѣлопесоцкому монастырю (1532) сказано: «Лошади у нихъ пятенщики пятнятъ, а отъ пятна у нихъ не емлютъ ничего, и въ книги пишутъ, а писчія деньги не емлютъ же» («Акт. Арх. Экспед.», т. I, N. 175).

[463] См. «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 118 (Жалованная грамота Ивана III Троицкому Сергіеву монастырю 1486 г.). См. еще тамъ же, т. I, N. 56 (1455), 102 (1476), 122 (1488), 131 (1494), 158 (1514), 217 (1548); «Акт. Истор.», т. I, N. 15 (1404), 74 (1462—1467), 194 (1575), и др. Иногда, впрочемъ, въ жалованныхъ грамотахъ запрещалось монастырямъ держать собственное пятно; такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ В. Князя Василія Ивановича Троицкому Сергіеву монастырю (1517) сказано: «А пятна игумену съ братьею въ тѣхъ своихъ селѣхъ и въ деревняхъ не держати; а кто у нихъ въ тѣхъ селѣхъ, и въ деревняхъ, и въ дворахъ, что у Соли, купитъ лошадь, или продастъ, или промѣнитъ, и они тѣ лошади пятнятъ у намѣстниковъ и у волостелей, или у ихъ пятенщиковъ; а доморощенныхъ своихъ лошадей не пятнятъ; а пятна имъ давати съ купца деньга Московская, а съ продавца деньга же Московская» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 164. Ср. «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 48 (1554).

[464] См. на пр. «Акт. Арх. Эксп.», т. II, N. 12 (1599); «Акт. Истор.», т. I, N. 194 (1575); ср. ниже прим. 685.



особыя грамоты. [465] Такъ какъ съ ними соединилось и право фискальное взиманія пошлинъ, то мы подробнѣе скажемъ объ нихъ ниже, при разсмотрѣніи доходовъ, которые получало духовенство съ своихъ крестьянъ. Замѣтимъ пока, что ихъ предоставляли монастырямъ до самыхъ позднѣйшихъ временъ, т. е., до самаго конца XVII столѣтія. [466]

11. Запрещеніе Княжескимъ чиновникамъ въѣзжать въ села духовнаго вѣдомства, ставиться въ нихъ и брать насильственно кормы, подводы и проводниковъ. Встрѣчаемое почти во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ запрещеніе мѣстнымъ Княжескимъ чиновникамъ, т. е., намѣстникамъ, волостелямъ, тіунамъ, приставамъ, праветчикамъ и доводчикамъ въѣзжать въ монастырскія села, было необходимымъ слѣдствіемъ существованія всѣхъ другихъ привилегій, исчисленныхъ нами выше, и въ особенности двухъ: освобожденія монастырскихъ крестьянъ отъ податей и предоставленія надъ ними суда и расправы самому игумену съ братіею. Не имѣя надъ монастырскими крестьянами ни финансовой, ни судебной, ни полицейской власти, княжескіе чиновники должны были оставаться совершенно чуждыми этому классу людей; имъ совершенно и не зачѣмъ было въѣзжать въ монастырскія села, по этому и самое запрещеніе это соединялось обыкновенно въ жалованныхъ грамотахъ съ означеніемъ финансовой независимости монастырскихъ крестьянъ. [467] Но сверхъ того, жалованными грамо-

---

[465] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 118 (1486); т. II, N. 12 (1599); «Акт. Истор.», т. I, N. 194 (1575).

[466] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.», т. III, N. 84 (1616); «Акт. Истор.», т. III, N. 60 (1615); т. IV, N. 166 (1662); «Акт. Арх. Эксп.», т. IV, N. 176 (1670).

[467] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ В. Князя Василія Дмитріевича Спасо-Благовѣщенскому монастырю (1423) сказано: «И тѣмъ людемъ пришлымъ на 10 лѣтъ ненадобѣ никоторая моя дань, ни писчая бѣлка, ни подвода, ни ямъ, ни тамга, ни мытъ, ни костки, ни восмьничее, ни вѣсчее, ни ѣзовое, ни побережное, ни становщики мои къ нимъ не въѣзжаютъ ни почто, ни намѣстницы мои, ни стольникъ, ни посельской, ни ихъ тіуни, не всылаютъ къ тѣмъ людемъ пришлымъ доводчиковъ своихъ поборовъ брати, ни судятъ ихъ, опроче душегубства и разбоя съ поличнымъ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 21). Въ жалованной грамотѣ Бѣлозерскаго Князя

тами весьма часто, какъ названнымъ выше чиновникамъ, [468] такъ и другимъ должностнымъ людямъ, не принадлежавшимъ къ составу мѣстнаго управленія, какъ, на пр., Княжескимъ посланникамъ и гонцамъ и всякимъ ѣздокамъ, [469] запрещалось ставиться въ монастырскихъ селахъ и брать насильственно съ крестьянъ кормы, подводы и проводниковъ. Это же запрещеніе распространялось иногда на Княжескихъ псарей, ловчихъ и сокольниковъ, [470] на Митрополичьихъ,

---

хайла Андреевича, Ѳерапонтовой пустыни (1437) сказано: «И тѣмъ людемъ ненадобѣ имъ моя дань на 10 лѣтъ, ни городное дѣло, ни ямъ, ни подводы, ни писчая бѣлка, ни иные ни которые пошлины, а волостели мои и ихъ тіуны къ игуменовымъ людемъ не всылаютъ, ни въѣзжаютъ ни по что, и не судятъ ихъ, опричь душегубства, а вѣдаетъ и судитъ ихъ игуменъ свои люди, самъ, или кому прикажетъ, и доводчики къ нимъ не въѣзждаютъ, ни побора у нихъ не берутъ» (Тамъ же, т. I, N. 31). Смот. еще тамъ же, т. I, 34 (1437—1461), 35 (1437—1461), 36 (1438), 37 (1440), 38 (1443), 41 (1448), 47 (1450), 51 (1453), 52 (1453), 53 (1453), 56 (1455), и множество другихъ.

468 Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Дмитровскаго Князя, Юрія Васильевича, Ильинскому монастырю (1465) сказано: «Также у нихъ въ томъ монастырѣ у св. Ильи и у тѣхъ людей монастырскихъ волостели мои, и ихъ тіуны, и доводщики не ставятся, ни кормовъ, ни подводъ, ни проводниковъ у нихъ не емлютъ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 75). См. еще тамъ же т. I, N. 81 (1466—1478); «Акт. Истор.», т. I, N. 70 (1462) и др.

469 Такъ, на пр., въ 1597 году Введенскій на Ояти монастырь просилъ Царя Ѳеодора Ивановича: «...... и намъ бы ихъ пожаловати... проѣзжимъ людемъ и нашимъ посланникамъ и гонцамъ у нихъ въ монастырѣ и у ихъ слугъ подводъ, и проводниковъ, и кормовъ своихъ и конскихъ, не имати и сильно у нихъ никому не ставитца.» Просьба эта была удовлетворена («Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 141). Въ грамотѣ Василія Темнаго Спасо-Евѳиміеву монастырю (прежде 1462 г.) сказано: «Что ихъ село Торки въ Суждалѣ, Князи мои и Бояре, и дѣти боярскіе, и люди дворные, и всякіе ѣздоки не ставятся, ни кормовъ, ни подводъ, ни проводниковъ не емлютъ, также и гонцы мои, В. Князя, въ томъ селѣ ихъ подводъ не емлютъ, опричь ратныхъ вѣстей» («Акт Истор.», т. I, N. 71). См. также «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 60 (1456), 65 (1460), 81 (1466—1478), 86 (1470) и мног. друг.

470 Такъ, на пр., въ жалов. грамотѣ Углицкаго Князя, Андрея Васильевича, Троицкому Сергіеву монастырю (1466—1478) сказано: «Также есмь игумена съ братьею пожаловалъ: мои ловчіе Княжи Ондрея Васильевича и псари въ ихъ деревни

или Архіерейскихъ, чиновниковъ, [471] а въ случаѣ военныхъ дѣйствій, и на всѣхъ вообще ратныхъ людей, отправлявшихся въ походъ. [472] Исключенія въ этихъ случаяхъ допускались только для людей, ѣхавшихъ съ подорожными, и для гонцовъ съ ратными вѣстями. [473] Иногда должностнымъ лицамъ запрещалось даже ѣздить чрезъ монастырскія села, и точно опредѣлялась дорога, по которой они должны были слѣдовать. [474] Очень часто, для огражденія этого права

не въѣзжають, ни кормовъ, ни подводъ, ни проводниковъ, ни сторожевъ не емлють, а сокольники мои Скарыновскіе въ ихъ деревняхъ на мои соколы куровъ не емлють; а коли ко мнѣ соколы принесуть, и они у нихъ въ ихъ деревняхъ не ставятся» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 81). См. еще тамъ же т. I, N. 96 (1471—1473), и друг.

[471] Такъ, на пр., въ жалов. грамотѣ Ивана III Волотовскому монастырю (1500) сказано: «Также владычни десятинники и люди владычни къ ихъ людемъ и къ Христіянамъ не въѣзжають ни почто, ни кормовъ, ни подводъ, ни проводниковъ у нихъ не емлють» («Акт. Истор.», т. I, N. 111); ср. также «Акт. Арх. Эксп.» т. III, N. 89 (1617), и друг.

[472] Такъ, на пр., въ 1471 или въ 1477 году Иванъ III писалъ «Князямъ, и воеводамъ, и Боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, и всѣмъ людемъ ратнымъ, кто ни пойдетъ на мою службу къ Великому Новгороду, чтобъ есте въ Прилуцѣхъ и въ деревняхъ Прилуцкихъ, въ Троицкихъ Сергіева монастыря, не ставились, ни кормовъ, ни подводъ, ни проводниковъ не имали» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 89). См. еще тамъ же, т. I, N. 98 (1473), и др.

[473] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Дмитровскаго Князя, Юрья Васильевича, Троицкому Сергіеву монастырю (1470) сказано: «Мои Князи и ратные воеводы, и дѣти боярскіе и пр......: въ тѣхъ ихъ селѣхъ и въ деревняхъ не ставятся, ни кормовъ, ни проводниковъ у нихъ не емлють, опричь того, кто погонитъ съ моею грамотою съ подорожною». («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 86). Въ жалов. грамотѣ Василія Темнаго Спасо-Евѳиміеву монастырю (прежд. 1462 г.) сказано: «гонци мои, В. Князя, въ томъ селѣ ихъ подводъ не емлють, опричь ратныхъ вѣстей» («Акт. Истор.», т. I, N. 71).

[474] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Василія Темнаго Троицкому Сергіеву монастырю (1428—1436) сказано: «Что ихъ монастырь св. Богородица на Князьмѣ, на Волковѣ горѣ, и на тотъ монастырь не ѣздятъ ни которые мои воеводы, ни которые ѣздоки не ставятся у нихъ въ монастырѣ, ни корму у нихъ не емлють, а ѣздятъ особцомъ, дорогою пошлою, по зарѣчью; а кто поѣдетъ съ дороги на тотъ монастырь, а не пошлою дорогою, особцомъ, быти отъ меня, отъ В. Князя

отъ нарушеній, весьма обыкновенныхъ въ прежнее время, [475] въ самой же грамотѣ опредѣлялись за нихъ особенныя наказанія, [476] а монастырямъ давались приставы для охраненія ихъ отъ нарушителей и для поставленія послѣднихъ передъ Великимъ Княземъ, или его судьею. [477] Часто на подобныя привилегіи давались особенныя грамоты, [478] и при томъ до самыхъ позднѣйшихъ временъ. [479]

12. Запрещеніе незваннымъ ѣздить въ монастырскія села на пиры и братчины. Складчинные пиры между гражданами, носившіе названіе братовщинъ или братчинъ, вошли въ обычай съ самыхъ древнихъ временъ и оставались въ употребленіи до самыхъ позднѣйшихъ. [480] Желая, съ одной стороны, избавить своихъ

въ казни» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 24). См. еще тамъ же, т. I, N. 65 (1560); «Акт. Истор.» т. I, N. 70 (1462), и друг.

[475] Въ большей части случаевъ подтвержденія этой привилегіи дѣлались по жалобамъ самихъ монастырей на ея нарушеніе; такъ, на примѣръ, въ грамотѣ Ивана III Захару Зубову (1466—1478) сказано: «Билъ ми челомъ... Троецкой игуменъ съ братьею, а сказываютъ, что, де, у нихъ ихъ село Скіятиновское, да Едичѣевское, въ Кинелскомъ уѣздѣ, и деревни тѣхъ селъ, и на тѣ, де, у нихъ села и деревни пролегла дорога не пошлая, Хомутовская, да ставятся, де, у нихъ въ тѣхъ селахъ и въ деревняхъ мои бояре и дѣти боярскіе и всякіе ѣздоки, да емлютъ, де, кормъ себѣ и конямъ сильно черезъ грамоту мою, В. Князя, и язъ игумена съ братьею пожаловалъ, далъ есми имъ пристава, тебя: кто иметься у нихъ сильно ставиться, да кормъ имати, давай тѣхъ на поруку, да ставь ихъ передо мной» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 82). Ср. тамъ же, т. I, N. 81 (1466—1478).

[476] Такъ, на пр., въ жалованной грамотѣ Ивана III Троицкому Сергіеву монастырю (1473) сказано: «А кто въ тѣхъ селахъ и въ деревняхъ станетъ и что возметъ, или что стравитъ, и на то ему платить вдвое, безъ суда и безъ исправы, а быть отъ меня, отъ В. Князя, въ казни» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 98). См. еще тамъ же, т. I, N. 65 (1460), 81 (1466—1478), 98 (1473), и друг.

[477] См. выше пр. 440.

[478] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 65 (1460), 81 (1466—1478), 113 (1485); «Акт. Истор.», т. I, N. 70 (1462), 71 (1462), и мног. друг.

[479] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.», т. III, N. 89 (1617), 95 (1618); «Акт. Истор.», т. IV, N. 166 (1662), 254 (1675), и друг.

[480] Въ Ипатіевской лѣтописи, подъ 1159 годомъ, при описаніи борьбы между Полоцкими гражданами и Княземъ Ростиславомъ, сказано: «И начаша Рости-

крестьянъ отъ незваныхъ гостей, принимавшихъ иногда насильственное участіе въ такихъ празднествахъ, и, съ другой стороны, предупредить различные безпорядки и даже преступленія, происходившія часто на этихъ пирахъ, монастыри испрашивали у Князей запрещенія всѣмъ постороннимъ людямъ, и въ особенности должностнымъ, пріѣзжать безъ зова на братчины ихъ крестьянъ. Князья, а въ послѣдствіи Цари, довольно часто помѣщали это запрещеніе въ своихъ грамотахъ и угрожали нарушителямъ сторогими наказаніями: «Кто у нихъ въ тѣхъ ихъ селахъ и въ деревняхъ живетъ людей, и къ тѣмъ ихъ людямъ, въ ихъ села и въ деревни, на пиры и братчины и о празницахъ, незваны пить не ѣздятъ, ни ходятъ никто. А кто къ тѣмъ ихъ людямъ на пиръ, или на братчину, или о празницѣ придетъ пить сильно, незванъ, а учинится тутъ какова гибель, и язъ велю правити безъ суда и безъ исправы на томъ, кто къ тѣмъ ихъ людямъ на пиръ и на братчину, или о празницѣ пріѣдетъ, или придетъ пить сильно, незванъ. [481] Привилегія эта предо-

слава звати льстью у братьщину къ Св. Богородицѣ къ старѣй, на Петровъ день, да ту имутъ и.» («Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.», т. II, ст. 83.) Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ братчина до сихъ поръ еще означаетъ общее пиво, общимъ иждивеніемъ сваренное на какой ни будь праздникъ, особливо на масляницу. См. «Чтенія въ Общ. истор. и древн. Россійскихъ 1846, годъ I, N. 1, отд. I, стр. 59.

[481] См. «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 72 (жалов. грамота В. Княгини Маріи Ярославовны Благовѣщенскому на Киржачѣ монастырю, 1462—1478 годовъ). Въ жалованной грамотѣ Ивана III Митрополиту Симону (1504) сказано: «Также есмь тѣхъ его селъ и деревень людей пожаловалъ: въ тѣ его села и деревни къ его христіанамъ намѣстниковъ нашихъ Московскихъ и волостелей нашихъ, тіуны и доводщики, и иные люди, намѣстничи и волостелины люди, кто ни буди, и мои В. Князя селчане, и боярскіе люди и христіане, и монастырскіе, и иной кто ни буди, на пиры и на братшины не званы пити не ѣздятъ; а кто къ нимъ пріѣдетъ на пиръ и на братшину не званъ, и они того вышлютъ вонъ безпенно; а кто у нихъ учнетъ пити силно, а учинится у нихъ тутъ какова гибель, и тому то платити вдвое, безъ суда и безъ исправы» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 139). См. еще тамъ же, т. I, N. 102 (1476), 104 (1477), 113 (1485), 122 (1488), 159 (1515), 171 (1522); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 48 (1554); «Акты Истор.», т. I, N. 59 (1455 — 1462), 74 (1462 — 1467), 111 (1500) и мног. друг. Эта привилегія казалась столь важною, что иногда давались на нее особыя грамоты. См., на пр., «Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 72 (1462—1478); «Акт. Историч.», т. I, N. 59 (1455—1462), и др.

ставляема была крестьянамъ духовнаго вѣдомства до самыхъ позднѣйшихъ временъ, [482] потому что существованіе ея не соединялось ни съ какимъ ущербомъ для интереса государственнаго.

13. Запрещеніе попрошатаямъ и скоморохамъ ѣздить въ монастырскія села. Это запрещеніе также помѣщалось въ жалованныхъ грамотахъ, по просьбѣ монастырей, и дѣлалось частію для огражденія нравственности ихъ крестьянъ, частію для обереженія ихъ отъ обмановъ и вымогательства. Такъ, на примѣръ, въ одной жалованной грамотѣ сказано: «Пожаловалъ есмь игумена съ братьею, что ихъ деревни монастырскіе на Колкачѣ, и въ тѣ, де, ихъ деревни изъ моихъ волостей ѣздятъ попрошаи жита просити... и попрошаи жита просити въ ихъ деревни не ѣздятъ,... а кто попрошаи поѣдутъ по ихъ деревнямъ жита просити,... Игуменъ съ братьею на тѣхъ сроки начетываютъ по сей грамотѣ, и учинятъ имъ срокъ передъ меня Князя.» [483] Еще чаще примѣнялось въ жалованныхъ грамотахъ запрещеніе это къ скоморохамъ: «Также скоромохи у нихъ въ тѣхъ селахъ не играютъ.» [484] Привилегіи этого рода, также по причинѣ ихъ безвредности для государства, предоставляемы были духовенству до позднѣйшихъ временъ. [485]

---

[482] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.», т. III, N. 67 (1615), 89 (1617 и 1646), 139 (1623), и друг.

[483] См., «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 96 (жалов. грам. Вологодскаго Князя Андрея Васильевича Кириллову монастырю, 1471—1473 год.). Ср. тамъ же, т. I, N. 113 (1485); 171 (1522); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 48 (1554), 148 (1598); «Акт. Истор.», т. I, N. 111 (1500), 125 (1518), и друг.

[484] См. «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 86 (жалов. грам. Дмитровскаго Князя, Юрья Васильевича, Троицкому Сергіеву монастырю, 1470 г.). Ср. тамъ же, N. 171 (1522); «Акт. Истор.», т. I, N. 125 (1518); «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 148 (1598), и друг.

[485] Такъ, на пр., въ 1657 году Митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, Іоною, велѣно было: «На Устюгѣ на посадѣ и въ Устюжскомъ уѣздѣ учинить заказъ крѣпкой, чтобъ отнюдь скомроховъ и медвѣжьихъ поводчиковъ не было, и въ гусли бъ и въ домры и въ сурны и въ волынки и во всякіе бѣсовскія игры не играли, и пѣсней сатанинскихъ не пѣли, и мірскихъ людей не соблазняли; а буде такіе люди впредь объявятся и указу сего святительскаго не послушаютъ, поводчики съ медвѣди учнутъ ходити и скомрахи въ гусли и въ

Мы обозрѣли теперь существенное содержаніе жалованныхъ грамотъ и перечислили тѣ привилегіи, которыя помѣщались въ нихъ обыкновенно. Но, кромѣ того, въ грамотахъ этого рода мы находимъ еще нѣсколько частныхъ преимуществъ, которыя предоставлялись нѣкоторымъ монастырямъ нѣкоторыми Князьями по поводу случайныхъ обстоятельствъ, и по большей части на извѣстное только время; сюда же можемъ мы отнести тѣ привилегіи, которыя встрѣчаются въ одной какой либо грамотѣ, много въ двухъ, и вовсе не упоминаются во всѣхъ остальныхъ. Укажемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ тѣхъ и другихъ. Такъ, на примѣръ, въ половинѣ XIV столѣтія Великій Князь Иванъ Калита предоставилъ крестьянамъ Новгородскаго Юрьева монастыря, жившимъ на Волокѣ, права невмѣшательства въ случаѣ войны между Великимъ Княземъ и Новгородомъ: «А коли размирье Князю Великому съ Новгородомъ, а тогды ихъ въ безадщину не ставити, ни обидити ихъ въ то время, но живутъ опричнь въ брезѣ Князя Великаго.» [486] Въ половинѣ XV столѣтія Великій Князь Василій Темной запретилъ пускать Вологодскихъ людей изъ Вологды къ Устюгу и къ Двинѣ съ товаромъ, «того дѣля, что коли не тихо въ землѣ,» но по просьбѣ Кассіяна, игумена Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, предписалъ Вологодскому и Устюжскому Намѣстникамъ, чтобы они пропускали «монастырскую лодью Кириллова монастыря съ ихъ товаромъ, или съ рожью, и ихъ людей монастырскихъ, или кого себѣ наймитовъ наймутъ, кормника, или осначевъ... доброволько съ Вологды на Устюгъ и на Двину торговати, не издержавъ ничѣмъ.» [487] Около того же времени, по поводу запрещенія возить сѣно по рѣкѣ Шекснѣ, сдѣланнаго Бѣлозерскимъ Намѣстникамъ, Бѣлозерскій Князь Михайло Андреевичь пожаловалъ

домры, и въ сурны, и въ волынки, и во всякія бѣсовскія игры играть, и сатанинскія пѣсни пѣть, и мірскихъ людей соблазнять, или мірскія люди тѣхъ скомраховъ и медвѣжьихъ поводчиковъ съ медвѣдьми въ домы свои пускати, а ему великому Святителю про то вѣдомо учинится, и тѣмъ людемъ, скомрахомъ и медвѣжьимъ поводчикамъ быть отъ него Святителя въ великомъ смиреньи и наказаніи безъ пощады, и во отлученіи отъ Церкви Божіей» («Акт. Арх. Эксп.», т. IV, N. 98).

486 «Акты Арх. Эксп.», т. I, N. 4.

487 «Дополн. къ Акт. Истор.», т. I, N. 186.



Кирилловъ монастырь, имѣвшій пожни по обѣимъ сторонамъ этой рѣки, позволилъ «черезъ ту заповѣдь, сѣна имъ свои монастырскіе по рѣцѣ по Шехстнѣ возить до крещенья, а послѣ Крещенья имъ рѣкою Шехстною не ѣздити, а сѣна не возити.» [488] Въ 1513 году Великій Князь Василій Ивановичь, особою жалованною грамотою, предписалъ старостамъ, десятскимъ и крестьянамъ Бѣлозерскихъ волостей, чтобы они старцевъ Ниловой Сорской «пустыни берегли отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ накрѣпко, чтобы имъ не было обиды ни отъ какого человѣка. А который старецъ учнетъ жить у нихъ въ ихъ пустыни безчинно, не по ихъ уставу, и язъ имъ велѣлъ того старца выслати вонъ; а не послушаетъ ихъ тотъ старецъ, а отъ нихъ вонъ не пойдетъ, по моему приказу, и велятъ вамъ старцы того черида выслати вонъ, и вы бы его выкинули вонъ, чтобы у нихъ не жилъ». [489] 1529 Въ году тотъ же Великій Князь особою жалованною грамотою, данной, по просьбѣ Троицкаго Сергіева монастыря, запретилъ всѣмъ безомѣны, чей кто ни буди, въ ихъ рощи и въ старые лѣса по дрова и по хоромной лѣсъ ѣздити. [490] Онъ же въ 1533 году особой жалованной грамотою предписалъ, чтобы въ Кирилловъ монастырь ни на которой праздникъ торговати не ѣздили ни съ какимъ товаромъ, «а кто въ Кириловъ монастырь учнетъ пріѣзжати съ товаромъ и учнетъ торговати, и тому отъ меня, Великаго Князя, быти въ казни и въ продажѣ. А приказалъ есмъ того беречи Бѣлозерскимъ городовымъ приказщикамъ,.... чтобъ одноличпо у Кирилова монастыря не торговалъ никто ни какимъ товаромъ; а кто пріѣдетъ въ Кириловъ монастырь торговати, и язъ тѣхъ людей велѣлъ имъ имати, да давати на поруки, да ставити передъ собою, передъ Великимъ Княземъ.» Привилегія эта дана была по просьбѣ самаго монастыря, жаловавшагося Великому Князю на то, что Бѣлозерцы пріѣзжаютъ въ монастырь торговать на праздникъ Пречистые и на чудотворцову память, и привозятъ съ собою питье, а напившись пьяны, сами межь себя бьются и монастырскихъ людей бьютъ, а монастырю въ томъ

---

[488] Тамъ же, т. I, N. 188.

[489] «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 157. Ср. тамъ же, т. I, N 161 (1515).

[490] Тамъ же, т. I, N. 174.



великое безчинье. [491] Кромѣ этихъ и многихъ другихъ, столь же специальныхъ, привилегій, въ жалованныхъ грамотахъ предоставлялось иногда монастырямъ право ловить рыбу въ Княжескихъ, или Царскихъ, водахъ, [492] въѣзжать въ казенные лѣса для рубки дровъ [493] и получить извѣстное количество денежной, или хлѣбной, руги Княжескихъ и Царскихъ казначеевъ. [494]

III. Жалованныя грамоты духовныхъ властей, т. е., Патріарховъ, Митрополитовъ и Архіепископовъ, давались обыкновенно монастырямъ, городскимъ и сельскимъ церквамъ, и церквамъ, находившимся въ монастырскихъ селахъ. Они содержали въ себѣ двоякаго рода привилегіи: финансовыя и судебныя. Разсмотримъ ближе тѣ и другія.

---

[491] Тамъ же, т. I, N. 177.

[492] Такъ, на пр., въ жалов. грамотѣ Князя Бѣлозерскаго, Михайла Андреевича, Кириллову монастырю (1485) сказано: «Пожаловалъ есми игумена Венедикта и всю братью Кирилова монастыря...., что есми имъ давалъ по 4 осетра до по 100 да по 20 стерлядей да по 200 судаковъ да по 200 лещей, и язъ за ту рыбу... далъ есми Пречистой Богородицѣ и Чудотворцу Кирилу въ домъ игумену съ братьею, въ Островскомъ ѣзу, черезъ годъ, свою ночь» («Акт. Арх. Эксп.» т. I, N. 114). Ср. тамъ же, т. I, N. 136 (1500). («Акт. Истор.», т. I, N. 192 (1575), и др.

[493] Такъ, на пр., въ жалов. грамотѣ Углицкаго Князя, Андрея Васильевича, Троицкому Сергіеву монастырю (1487) сказано: «Пожаловалъ есми монастырскихъ крестьянъ Илеменскихъ, освободилъ есми имъ въ свой лѣсъ въ Передольской ѣздити по дрова и по бревна и что имъ будетъ иное надобѣть въ лѣсѣ; а кто Илеменскихъ крестьянъ поѣдетъ по что въ мой лѣсъ въ Передольской, а посельской тѣмъ крестьянамъ дастъ узолки за своею печатью, сколько ихъ поѣдетъ въ лѣсъ» («Акт. Арх. Эксп. т. I, N. 121); ср. тамъ же т. I, N. 159 (1515), 199 (1543); «Акт. Истор.», т. I, N. 191 (1574) и др.

[494] Такъ, на пр., въ жалов. грамотѣ Өедора Ивановича Астраханскому Троицкому монастырю (1588) сказано, между прочимъ: «Пожаловалъ..... велѣлъ имъ въ ихъ монастырь, давать изъ Астрахани, по прежнему, нашего жалованья, годовые руги, изъ нашей казны, по 19 рублевъ денегъ, да хлѣба изъ нашихъ житницъ по 51 чети муки, да по 51 чети овса, на годъ, въ новую Московскую мѣру, на срокъ на Благовѣщеньевъ день.» («Акт. Истор.», т. I, N. 225); ср. тамъже, т. I, N. 128 (1521), 191 (1574); «Акт. Арх. Экспед.» т. I, N. 159 (1515), 161 (1515) и др.

1. Жалованными грамотами Митрополитовъ и другихъ духовныхъ властей духовенство освобождалось обыкновенно отъ податей и повинностей, разумѣется, отъ тѣхъ, которыя взимались съ него въ пользу епархіальнаго Начальства. [495] Освобожденіе это распространялось всего чаще на причты церквей въ монастырскихъ селахъ, [496] часто также на причты церквей, находившихся въ городахъ, въ казенныхъ волостяхъ и въ вотчинахъ людей служилыхъ, [497] иногда, наконецъ, на самые монастыри, т. е., на игуменовъ и братью. [498] Объемъ освобожденія опредѣлялся въ каждой грамотѣ различно, и къ этому присоединялось еще различіе въ самыхъ податяхъ, взимавшихся въ каждой епархіи. Иногда епархіальный Архіерей давалъ монастырю, или церкви, общую льготу отъ всѣхъ вообще податей и пошлинъ, какія только могли быть взимаемы въ его пользу, или же въ пользу его чиновниковъ, даньщиковъ, десятниковъ и другихъ: «Не надобѣ имъ, говорилось обыкновенно въ такихъ случаяхъ, моя дань Петровская и Рожественская, ни десятина, ни даньскіе пошлины, ни девятинныя пошлины, ни доводщичи, ни заѣздчичи, ни зазывщичи, ни благословенная куница, ни явленная куница съ грамотою, ни полотъ, ни иныя нѣкоторыя пошлины, ни что по ряду, ни казенныхъ алтыновъ не даютъ, ни пищего, ни людскаго». [499] Иногда, при такомъ общемъ освобожденіи отъ податей и пошлинъ, означалось, однако же, въ грамотѣ, что духовные, получившіе такую привилегію, должны заплатить, вмѣсто обыкновенныхъ налоговъ, извѣстную сумму по добровольному условію съ епархіальнымъ Архіереемъ. Такъ, кажется, надо понимать часто встрѣчающіяся въ

---

495 Объ этихъ податяхъ см. ниже въ главѣ VI.

496 См. «Акт. Эксп.», т. I, N. 54 (1455), 71 (1462), 85 (1468); 128 (1439), 202 (1544), 214 (1547), 293 (1576) и мног. друг.

497 См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 125 (1489), 294 (1576); «Акт. Истор.», т. I, N. 142 (1543), 150 (1549), 170 (1563), 198 (1577) и друг.

498 «Акт. Истор.», т. I, N. 181 (1572), 187 (1573), 189 (1574) и друг.

499 См. «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 125 (Жалов. грамота Ростовскаго Архіепископа Тихона Ризположенской церкви на Бородавѣ, 1489 г.). См. тамъ же, т. I, N. 54 (1455), 71 (1462), 85 (1468), 137 (1500), 168 (1520), 176 (1533) и мног. друг.

грамотахъ, въ слѣдъ за освобожденіемъ отъ всѣхъ вообще податей, выраженія: «А знаютъ меня, Архіепископа, сами собою, на Рожество Христово»; или же: «съ году на годъ». [500] Иногда выговаривалось прямо, что, вмѣсто всѣхъ обыкновенныхъ податей, налагается особый единовременный платежъ, количество котораго опредѣлялось при этомъ съ точностію: «Давати мнѣ за мой поѣздъ и за благословенную куницу, на всякъ годъ по 2 алтына, а десятинникомъ моимъ даютъ за кормъ, и за даръ, и за заѣздъ, и за всѣ десятинничи пошлины, на всякъ годъ по 5 алтынъ.» [501] Побужденіями къ предоставленію такихъ льготъ служили обыкновенно: бѣдность духовнаго заведенія, недостаточность числа прихожанъ, [502] недавнее соору-

---

[500] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 202 (1544), 214 (1547), 293 (1576), 294 (1576) и друг.

[501] См. «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 319. (Жалов. грам. Новгородскаго Архіепископа Александра Кириллову монастырю 1583 г.). См. также «Акт. Историч.», т. I, N. 142 (1543), 150 (1549), 170 (1563), 181 (1592), 187 (1573) и др.

[502] Такъ, на пр., обѣленіе причта Георгіевской Церкви въ Юсковичахъ Новгородскимъ Архіепископомъ Ѳеодосіемъ въ 1543 году сдѣлано было въ слѣдствіе слѣдующей просьбы прихожанъ этой церкви: «Били челомъ, а сказывали, что поставили онѣ въ своей Юсковской волостки церковь новую во имя Св. Георгія въ приходѣ старыя церкви Рождества Пречистыя Богородицы, что въ Отречинахъ; а приходу, деи, волостнаго мастари было у тое церкви, у старыя Отреченскія церкви 100, а 40 и 7 обжъ, и изъ того, деи, числа обжъ отъ тоэ отъ старыя церкви отошло приходу къ тремъ выставкамъ, въ Лавру ко Успенью Пречистыя Богородицы полпятидесять обежъ, а въ Шолто озеро къ Егорью Великому 20 обежъ, а къ ихъ, деи, церкви въ Юсковичи къ Егорью же Великому отошло приходу отъ тое старые церкви 22 обжи, а подъѣзду, деи, нашего на тое старую Отречинскую церковь положено 5 гривенъ Новгородская, да за куницу гривна Новгородская, да десятинникомъ нашимъ за кормъ и за даръ и за всѣ десятинничи пошлины 15 алтынъ и 2 деньги; а ихъ, деи, Юсковской волостки новой церкви Егорьевской попъ въ нашъ подъѣздъ и въ десятину пособляетъ къ старой церкви,.... въ Отречены; да въ той, деи, ихъ церкви Юсковской, Егорьевскому попу и всему причту церковному велика нужа бываетъ, что старые церкве Отреченской попъ, съ своимъ причтомъ церковнымъ емлютъ у нихъ въ подъѣздѣ и въ десятину не по расчету прихода, слишкомъ, всегды и съ великимъ придаромъ, и напрасными, деи, дѣлы ихъ клеплютъ, и десятинниковъ на нихъ насылаютъ, и ѣздъ на нихъ емлютъ, и въ томъ, деи, имъ отъ десятинниковъ и отъ того старыя церкви Отреченскаго

женіе церкви, [503] обѣднѣніе ея въ слѣдствіе мороваго повѣтрія, [504] или другаго подобнаго же несчастія, и тому под. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ податей въ грамотахъ такого рода помѣщалось, обыкновенно, запрещеніе Архіепископскимъ чиновникамъ ставиться у духовенства и брать съ него кормы, подводы и проводниковъ; если это и позволялось имъ, то не иначе, какъ съ ограниченіями: «А коли случится моимъ посланникамъ у нихъ ночлегъ, и имъ имѣти у нихъ кормъ свой людской, по ихъ силѣ, что ея у нихъ лучитъ, а съ собою имъ корму не имѣти; и подводы имъ имѣти у нихъ и проводники, по нашимъ подорожнымъ. [505] Особо, обыкновенно въ самомъ концѣ грамоты, упоминалось объ освобожденіи получавшаго ее духовнаго лица отъ платежа пошлинъ при явкѣ ея: «А явитъ сію мою грамоту нашимъ посланникамъ, и они съ нее не даютъ ничего». [506] Иногда опредѣлялось только количество пошлины, которую слѣдовало платить въ такихъ случаяхъ: «А коли явятъ сію мою грамоту десятинникамъ, и они даютъ въ нее явки алтынъ.» [507] Иногда, наконецъ, въ случаѣ замѣны обыкновенныхъ и общихъ

попа и всего причта церковнаго чинятца убытки великіе: и мнѣ бъ тѣхъ Юсковскихъ крестьянъ пожаловати, велѣти тое ихъ церкви Егорьевскому попу и всему причту церковному, къ старой церкви, въ Отреченской погостъ, въ свой подъѣздъ и во всѣ десятинничи пошлины, урокомъ пособляти за все про все.» («Акт. Истор.», т. I, N. 142). Въ тарханной грамотѣ Новгородскаго Архіепископа Пимена Успенской церкви, въ Устюжнѣ Желѣзопольской (1563) сказано: «Били намъ челомъ (попъ и діаконъ), а сказываютъ: прихода, деи, у тоѣ церкви.... 50 дворовъ да два двора пусты, а доходу, деи, имъ идетъ на годъ 3 рубли Московская, а иного, деи, доходу, опрично того, у нихъ нѣтъ; и мнѣ бъ ихъ пожаловати, своею данью, подъѣздомъ и десятиною обложити особно.» («Акт. Истор.», т. I, N. 170).

[503] См. выше примѣч. 364.

[504] См. выше примѣч. 364.

[505] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 296 (1577); «Акт. Истор.», т. I, N. 142 (1543), 189 (1574) и друг.

[506] См. «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 248 (1556), 296 (1577); «Акт. Истор.», т. I, N. 187 (1573), 197 (1577) и мног. друг.

[507] См., на пр., «Акт. Истор.», т. I, N. 181 (1572), 189 (1574) и 199 (1577) и друг.

податей единовременнымъ платежемъ опредѣлялись съ точностію въ самой грамотѣ сроки и порядокъ платежа; въ большей части случаевъ, въ видѣ особой привилегіи, предоставлялось духовенству право привозить свою подать къ извѣстному сроку въ епархіальный городъ, не прибѣгая къ посредству десятинниковъ и даньщиковъ: «А привозити имъ тѣ деньги,» сказано, на примѣръ, въ одной грамотѣ, «въ нашу казну, нашему казначею, на срокъ, зимѣ по Крещенію Господни, въ той же день.» [508]

2. Какъ монашествующее, такъ и бѣлое, духовенство освобождались весьма часто грамотами духовныхъ властей отъ подсудимости Митрополичьимъ, или Архіепископскимъ, десятинникамъ. Послѣднимъ запрещалось вмѣстѣ съ этимъ давать на поруки освобожденныхъ отъ ихъ суда духовныхъ и посылать за ними своихъ приставовъ, довотчиковъ и заѣздниковъ: «Намѣстницы наши и десятильники и ихъ тіуны Архимандрита и его братью на поруки не даютъ и не судятъ ихъ ни въ чемъ, и не всылаютъ къ нимъ ни по что всѣ наши пошлинники». [509] Освобожденныхъ отъ обыкновеннаго суда игуменовъ и монаховъ судилъ уже самъ Архіепископъ: «А кому будетъ дѣло до Архимандрита, и язъ по него посылаю грамоту и сужу его язъ самъ по правиломъ Св. Апостолъ и св. Отецъ». [510] Иногда Архіепископъ назначалъ при этомъ особыхъ бояръ для производства суда надъ привилегированными членами духовенства: «А пожаловалъ есмъ своими Бояры, Некрасомъ, Ивановымъ сыномъ, да Семеномъ, Кузминымъ сыномъ, да Иваномъ старцемъ Баскаковымъ». [511] Причты монастырскихъ церквей подчинялись обыкновенно суду игумена, а въ дѣлахъ духовныхъ—самого Архіепископа: «А кому будетъ до нихъ каково дѣло, ино ихъ судитъ игуменъ съ братьею сами и управу имъ чинять во всемъ, а кому будетъ до нихъ дѣло духов-

---

[508] См., на пр., «Акт. Истор.», т. I, N. 170 (1563), 181 (1572), 189 (1574), 198 (1571) и друг.

[509] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 54 (1455), 71 (1462), 85 (1468), 176 (1533), 293 (1576), 248 (1556), 214 (1547), 296 (1577); «Акт. Истор.» т. I, N. 181 (1572), 187 (1574) и мног. друг.

[510] См., на пр., «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 248 (1556); «Акт. Истор.» т. I, N. 181 (1572), 187 (1574), 189 (1574) и др.

[511] См. «Акт. Арх. Эксп.» т. I, N. 85 (1468).

ное, ино въ духовномъ дѣлѣ чиню управу язъ, Архіепископъ, самъ». [512] Въ случаѣ иска монастырской братіи, или церковнаго причта, на подвѣдомственныхъ Архіепископу людей, Архіерейскимъ Боярамъ и приказнымъ запрещалось брать съ истцовъ судебныя пошлины: «А пошлинъ своихъ судныхъ и всякихъ, и пересуду, и праваго десятка, и недѣльщики и доводчики своихъ хоженыхъ и отъ поруки у нихъ не емлютъ ничего». [513] Наконецъ, къ числу судебныхъ привилегій должно отнести также назначеніе особыхъ судебныхъ сроковъ для нѣкоторыхъ лицъ духовнаго званія: «Кому будетъ до того попа и до всего причта церковнаго каково дѣло, и мои недѣльщики даютъ ихъ въ тѣхъ дѣлахъ на поруки, да срокъ имъ чинятъ передъ меня, передъ Архіепископа, одинъ въ году, по Крещеніи Христовѣ, въ той же день; а кто на нихъ накинетъ срокъ и безсудную возметъ кто не по тому не по ихъ сроку, и тотъ имъ срокъ не въ срокъ, и безсудная не въ безсудную». [514] Но въ дѣлахъ духовныхъ даже привилегированныя лица могли быть призываемы къ суду безъ срока: «А кого тотъ попъ вѣнчаетъ въ роду, и племени, и въ кумовствѣ, и въ сватовствѣ, или иное на него и на весь причетъ церковной будетъ каково дѣло духовное, и наши десятинники и недѣльщики даютъ ихъ на поруки въ тѣхъ духовныхъ дѣлахъ, безурочно всегды». [515] Наконецъ, здѣсь же должны мы упомянуть о назначеніи нѣкоторымъ монастырямъ и церквамъ особыхъ приставовъ для призыва ихъ къ

---

512 См., на пр., «Акт. Арх. Эксп. т. I, N. 71 1462), 293 (1576), 296 (1577) и др. Впрочемъ, иногда причты монастырскихъ церквей подчинялись непосредственно во всѣхъ дѣлахъ суду самого Архіепископа: «А кому будетъ каково дѣло до тѣхъ поповъ, игуменовъ и діаконовъ, ино ихъ сужу язъ самъ, Архіепископъ Кирилъ, и управу имъ учиню во всемъ самъ,» сказано въ жалов. грамотѣ Ростовскаго Архіепископа церквамъ, находившимся въ селахъ Ѳерапонтовой пустыни (См. Акт. Арх. Эксп.» т. I, N. 176 (1533); ср. также тамъ же, т. I, N. 54 (1455), 214 (1547) и др. Подобнымъ же образомъ опредѣлялась подсудность тѣхъ причтовъ, которые находились при городскихъ и сельскихъ, не подвѣдомственныхъ монастырямъ, церквахъ (См., на пр., «Акт. Истор.» т. I, N. 142 (1543), 150 (1549) и др.

515 «Акт. Истор.», т. I, N. 197 (1577).

514 «Акт. Истор. т. I, N. 142 (1543), 181 (1572), 187 (1574), 189 (1574) и др.

515 «Акт. Истор. т. I, N. 142 (1543) 187 (1513), 189 (1574) и др.

суду и отдачи на поруки. Эта привилегія встрѣчается въ грамотахъ духовныхъ властей, также какъ и въ Княжескихъ: «Кому будетъ», сказано въ одной грамотѣ, «до того игумена, и до братьи, и до всего причта церковнаго, и до ихъ слугъ и до ихъ крестьянъ монастырскихъ, и до ихъ прикащиковъ, каково дѣло, и язъ далъ имъ недѣльщика своего, Никиту, Леонтіева сына, Кондакова, и мой недѣльщихъ даной въѣзжаетъ къ тому Игумену и къ братьи, и ко всему причту церковному, и къ ихъ слугамъ, и къ прикащикамъ, и къ ихъ крестьянамъ, и даетъ ихъ на поруку во всѣхъ дѣлахъ». [516] Чтобы познакомить вполнѣ съ содержаніемъ жалованныхъ грамотъ, данныхъ духовными властями, упомянемъ еще о двухъ привилегіяхъ, часто въ нихъ встрѣчающихся, впрочемъ, не имѣющихъ почти никакого отношенія къ вотчинному праву духовенства. Первою изъ нихъ предоставлялось монастырскимъ начальствамъ право принимать къ себѣ приходившихъ къ нимъ какъ изъ той же, такъ и изъ другихъ епархій, священниковъ, если только они имѣли ставленныя и отпускныя грамоты. [517] Вторая относилась къ освобожденію нѣкоторыхъ священниковъ отъ обязанности брать отъ Архіерейскихъ знаменщиковъ, такъ называемыя, знамена или вѣнечныя памяти, т. е., дозволительныя грамоты духовнаго начальства на вступленіе въ бракъ поименованнымъ въ нихъ лицамъ. Пошлины, которыя взимались при этомъ случаѣ съ вступавшихъ въ бракъ, предоставлялось собирать самому священнику, для доставленія ихъ, къ извѣстному сроку, за цѣлый годъ, Архіепископскому казначею. Весьма часто также право выдавать знамена и взимать пошлины, для доставленія ихъ

[516] «Акт. Истор.» т. I, N. 187 (1573).

[517] Такъ, на пр., въ жалов. грамотѣ Ростовскаго Архіепископа Іоанна Кириллову монастырю (1520) сказано: «Коли къ намъ придетъ священникъ изъ Митрополіи, или изъ Архіепископьи, брата моего Новгородскаго Архіепископа, или изъ которой епископьи, и игуменъ съ братіею возря у него въ грамоту ставленную и обыскавъ его, велитъ тому священнику священствовати у себя въ монастырѣ, и не будетъ у котораго священника грамоты ставленныя, и язъ тому священнику не благословилъ служити въ своей Архіепископьи и у нихъ въ монастырѣ; а которые священници придутъ къ нимъ моея Архіепископьи, и они у тѣхъ священниковъ, возря въ грамоту ставленную, да велятъ ему священствовати по моему благословенію, по моей грамотѣ» («Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 168). См. также тамъ же, т. I, N. 293 (1576), 247 (1556) и др.



Архіерею, предоставлялось самому монастырю, [518] въ пользу котораго обращались иногда и самыя пошлины: «А деньги собираетъ священникъ, да даетъ казначею Пречистыя Богородицы на ладанъ», [519] сказано въ одной грамотѣ Архіепископа Гурія Свіяжскому Богородицкому монастырю.

Въ заключеніе этого обзора считаемъ нужнымъ замѣтить, что жалованныя грамоты духовныхъ властей, подобно грамотамъ Царскимъ, давались и въ теченіе XVII столѣтія, [520] и что, по содержанію своему, онѣ были совершенно сходны съ грамотами предшествовавшаго времени.

[518] Такъ, на пр., въ жалов. грамотѣ Ростовскаго Архіепископа Досиѳея Кириллову монастырю (1542) сказано: «Что у нихъ въ монастырскихъ въ Кириловскихъ селахъ церквей, и у тѣхъ церквей попы вѣнчаютъ въ своихъ приходахъ Христіянъ безъ нашего знаменщика знамянъ, а знамяна емлютъ въ Кириловѣ монастырѣ у казначея, а отъ знаменъ платятъ казначею, съ отрока и съ вдовца, по 3 деньги, по старинѣ; а казначей, собравъ тѣ знаменныя деньги платитъ нашему знаменщику, кто будетъ нашъ знаменщикъ на Бѣлоозерѣ» («Акт. Арх. Эксп.», N. 195). Въ жалованной грамотѣ Вологодскаго Епископа Макарія Кирилову же монастырю (1574) сказано: «А пріѣзжаютъ тѣ священници (монастырской сельской церкви), съ году на годъ, къ намъ на Вологду.... и вѣнечную пошлину.... привозятъ съ собою вмѣстѣ всю сполна, безъ недобора, и отдаютъ въ нашу казну нашему казначею» (Тамъ же, т. I, N. 287; ср. тамъ же, т. I, N. 293 (1576), 296 (1577), 325 (1585) и др.

[519] «Акт. Арх. Эксп.», т. I, N. 248 (1556).

[520] См. выше прим. 292.



II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ЗАПИСКИ

НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ

ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ТАЙНАГО СОВѢТНИКА, СЕНАТОРА

И. В. Лопухина,

СОЧИНЕННЫЯ ИМЪ САМИМЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая «Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Сенатора, И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ, въ двухъ частяхъ», считаю нужнымъ сказать, съ своей стороны, что онѣ тщательно свѣрены мною по нѣсколькимъ спискамъ. Извѣстно, что сочинитель самъ роздалъ довольно списковъ своихъ «Записокъ» въ разныя руки и мѣста, въ томъ числѣ и для храненія въ Архивъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что нынѣ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, какъ это видно изъ письма его къ Управлявшему тогда онымъ, А. Ѳ. Малиновскому. Письмо это присоединилъ я къ концу второй части сихъ «Записокъ», изъ которыхъ ни одно мѣсто, ни одно выраженіе, даже слово не исключены ни кѣмъ, но все въ нихъ именно въ томъ самомъ видѣ, какъ въ подлинникѣ.

О. Бодянскій.

Ноября 21 дня, 1860 г.
Москва.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Когда Государь Императоръ Александръ Павловичъ воцарился, то я, имѣвъ щастіе по службѣ моей при Государѣ, родителѣ его, быть нѣсколько извѣстнымъ Его Величеству, принялъ смѣлость всеподданнѣйшимъ письмомъ изъявить ему чувствованія моего вѣрноподданническаго усердія и любви. Всемилостивѣйше отвѣчая мнѣ на сіе (отъ 25 Марта, 1801 года (Государь изволилъ увѣрить меня во вниманіи его на службу и труды мои.

Вступленіе свое на престолъ благодѣтельный Монархъ сей ознаменовалъ явленіями милостей, предвозвѣщавшими времена Титовъ и Маркъ-Авреліевъ.

Между прочими дѣлами его милосердія, уничтоженіе Тайной Экспедиціи весьма было блистательное. Оно имѣло въ предметѣ ея злоупотребленія; ибо впрочемъ, тайный судъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ столько жъ необходимъ, сколько никогда не можетъ справедливо быть наказаніе тайное, развѣ только когда одна цѣль его есть отечески исправить наказуемаго, скрывая притомъ его отъ стыда. Намѣреніе Государево при уничтоженіи оной экспедиціи самое благотворное было, но не соотвѣтствовало ему положеніе Сената, которому предоставилъ Государь постановить, какимъ образомъ производиться роду бывшихъ въ ней дѣлъ.

Сенатъ положилъ ввести дѣла сіи въ общій кругъ судопроизводства, и о людяхъ нижняго состоянія оканчивать по рѣшеніямъ Палатъ, съ согласія начальниковъ губерній, на основаніи законовъ.

Между кѣмъ же дѣлъ такихъ, и самыхъ пустыхъ, но тѣмъ не меньше бѣдственныхъ, особливо по словамъ, случиться не можетъ, какъ не между людьми нижняго состоянія, въ разсужденіи ихъ невѣжества и грубости нравовъ? Сколько бы жалкихъ жертвъ было строгости законовъ, которую Цари, и самые грозные, укрощали, когда подобныя дѣла доходили до ихъ собственнаго рѣшенія, и отъ коей кромѣ ихъ, никто не имѣетъ власти удалиться?

Не могли бы начальники губерній съ Палатами нисколько облегчать судьбу судимыхъ, не смѣли бы представлять о томъ, естьли бъ не сыскались еще и такіе, которые бы стали въ сихъ случаяхъ отмѣнною строгостью выслуживаться.

Не дерзко предполагать сіе, когда недавно видѣли, что въ самомъ Правительствующемъ Сенатѣ по дѣлу такого рода произошелъ между Гг. Сенаторами споръ единственно о числѣ ударовъ, и дѣло вошло по тому одному въ Общее Собраніе. *

---

* Дѣло сіе слушано въ Общемъ Собраніи Московскихъ Департаментовъ 13-го Іюля 1808 года. Оно производилось по доносу о словахъ, относящихся къ оскорбленію Царскаго Величества. За доносъ, не доказанной, Уголовная Палата опредѣлила, наказавъ двухъ человѣкъ (отца съ сыномъ) тѣлесно вмѣсто смертной казни, сослать на каторгу. Въ 6-мъ Департаментѣ Гг. Сенаторы утвердили рѣшеніе Палаты, съ опредѣленнымъ сю числомъ ударовъ, а другіе также утвердили и точно тѣми же словами, только съ прибавкою числа ударовъ вдвое. Не могли согласиться, и дѣло перешло въ Общее Собраніе, въ коемъ наконецъ всѣ согласились на меньшее число ударовъ. Я одинъ не полагалъ ихъ нисколько, и долгомъ совѣсти и самаго законнаго порядка счелъ подать слѣдующій голосъ:

«Нахожу въ дѣлѣ семъ возможность какъ умышленной клеветы.... такъ равно и упорства.... въ признаніи вины своей, и при справедливомъ, можетъ быть, показаніи первыхъ, ибо хотя въ мудрое укрощеніе неосновательныхъ и ложныхъ доносовъ опредѣляется законами тяжкое наказаніе за доносъ не доказанной, однако по многимъ опытамъ извѣстно, что иногда самой справедливой доносъ не можетъ быть доказанъ, или не докажется по нѣкоторому только стеченію обстоятельствъ, а въ сихъ случаяхъ найпаче достойны сожалѣнія неосторожные или простодушные и часто усердные доносители, и на такіе-то случаи весьма кстати, по мнѣнію моему, обращаемъ можетъ быть самимъ правосудіемъ столько же строгимъ, сколько и человѣколюбивымъ, нареченный законъ, что лучше безъ совершеннаго удостовѣренія десять виноватыхъ простить, нежели осудить на казнь одного невиннаго.

И такъ, уничтоженіе Тайной могло имѣть гибельнѣйшія для человѣчества слѣдствія, нежели ея существованіе во времена величайшей строгости.

По усердію моему къ общему благу, къ истинной славѣ Государевой, и по любви къ человѣчеству, хотѣлъ я представить о семъ отъ себя чрезъ письмо, которое, для поднесенія Государю, располагая я отдать другу моему, Сергѣю Ивановичу Плещееву, отправлявшемуся тогда въ С-Петербургъ проѣздомъ въ лучшіе края. Началъ было я и писать его, но приключившаяся вдругъ мнѣ болѣзнь помѣшала. Плещеевъ уѣхалъ; я долго пронемогъ, и между тѣмъ разсудилъ оставить оное до удобнѣйшаго случая, которой и подлинно мнѣ скоро представился, какъ опишу я въ своемъ мѣстѣ.

Государь изволилъ прибыть въ Москву на короткое время для коронаціи.

Во время пребыванія Его въ Москвѣ, Общее Собраніе Сената составляли 1, 5 и 6-й Департаменты. Въ собраніи самъ Государь изволилъ быть однажды и очень долго.

Въ присутствіи Его Величества разсматривали мы дѣло по жалобамъ о сборахъ въ одной губерніи въ пользу нѣкоторыхъ чиновниковъ и для угощенія Губернатора и разныхъ проѣзжающихъ знатныхъ лицъ. При семъ было между нами разсужденіе вообще о такихъ угощеніяхъ и о подносѣ хлѣба-соли. Одни находили то дозволительнымъ, а другіе нѣтъ, и я былъ въ числѣ послѣднихъ. Съ двумя изъ важныхъ Сенаторовъ вышелъ у меня громкой споръ. «Какъ», говорили они мнѣ, «по обычаю хлѣба-соли не принимать и не пріѣхать на обѣдъ, когда приглашаютъ? Вы сами много ѣздили по губерніямъ; не уже ли не принимали вы хлѣба-соли и не ѣздили на званые обѣды?» — «Всегда я принималъ и приму», отвѣчалъ я, «хлѣбъ печеный и какую нибудь глиняную, или серебряную, рублей въ пятокъ, солонку; обѣдать пойду ко всякому, начиная отъ перваго изъ чи-

---

Но настоящее дѣло, важное преступленіе въ себѣ заключающее, со всѣхъ сторонъ представляется принадлежащимъ къ такому роду дѣлъ, кои свой источникъ пріемлютъ отъ людей зловредныхъ, и коихъ отношенія могутъ имѣть вліянія, для общаго спокойства оскорбительныя; а потому я считаю приличнѣйшимъ, дѣло сіе для надлежащаго окончанія предоставить разсмотрѣнію извѣстнаго Комитета, учрежденнаго Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ прошломъ 1807-мъ году Генваря въ 13-й день.»



новниковъ губерніи до послѣдняго купца; но не приму я хлѣба-соли, ежели поднесутъ ее мнѣ на золотомъ блюдѣ и въ осыпанной алмазами солонкѣ, подъ какимъ видомъ можно выдумать способъ и большую деревню поднести. Также не соглашусь я на праздникъ для меня, про которой бы узналъ я, что въ тягость будетъ тому, отъ кого онъ мнѣ дается; а естьли свѣдаю, что собирается давать его цѣлый городъ, при чемъ обыкновенно дѣлается денежный сборъ, то поспѣшу запретить и пресѣчь, какъ злоупотребленіе».

Одинъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій держалъ мою сторону. Статью о сборахъ на угощенія и проч. въ оной губерніи положили мы изслѣдовать по порядку судомъ, что и Государь подтвердить изволилъ, а о хлѣбѣ-соли только поговорили. Но на другой, или на третій, день изданъ имянной указъ, коимъ повелѣвается, съ очень подробнымъ изъясненіемъ, отнюдь ничего не подносить и не принимать въ хлѣбъ-соль.

При семъ осмѣлюсь сказать, что намѣреніе сего указа изящное, но, въ разсужденіи долгимъ временемъ укоренившагося обычая, легче обуздать злоупотребленія, могущія происходить посредствомъ подноса хлѣба и соли въ вещахъ драгоцѣнныхъ, нежели совсѣмъ перевести простоты нравовъ обычай, въ хлѣбѣ-соли подносить вещи, подносщикамъ ничего почти нестоющія, какъ-то, на примѣръ: плоды и тому подобное.

Я думаю, что чѣмъ труднѣе обязательства закона, тѣмъ осторожнѣе издавать его должно. Ничто столько не ослабляетъ силу законовъ, какъ ихъ неисполненіе. А требовать исполненія невозможнаго, или крайне труднаго, есть только умножать виноватыхъ.

Еще громкое тогда было дѣло въ общемъ Собраніи Сената, но не въ присутствіи въ немъ Государя, К. П. А-ва съ нѣкоторымъ Малышевымъ, по условію о запроданномъ имѣніи и проч., рѣшенное 3-мъ Департаментомъ, и по жалобѣ А-ва внесенное въ Общее Собраніе.

Я не зналъ объ этомъ дѣлѣ, хотя вездѣ объ немъ говорили, но я всегда отмѣнно нелюбопытенъ былъ знать чужія дѣла такого рода, и признаться, что часто изъ благопристойности, слушая ихъ, не слышу. Разсказывали мнѣ объ немъ нѣкоторыя барыни вѣщуньи, только я или не слыхалъ, какъ говорю, ихъ разговоровъ, или не понялъ ихъ. Помню только, что они А-ва и казнили и вѣшали, сказывая, что и самъ Государь, слышно, расположенъ противъ него.

На другой день послѣ сихъ разсказовъ, пріѣхавши въ Общее Собраніе, примѣтилъ я, что они не совсѣмъ неправду сказывали. Генералъ-Прокуроръ говоритъ мнѣ, что рѣшеніе 3-го Департамента святое, и что я, конечно, съ нимъ согласенъ буду. «Посмотрю,» отвѣчалъ я: «естьли найду справедливымъ, то вѣрно соглашусь.»

Только что сѣли мы на свои мѣста, читаютъ имянной указъ о разсмотрѣніи онаго дѣла въ Общемъ Собраніи, а затѣмъ въ слѣдъ и дѣло стали докладывать. Необыкновенная такая спѣшность удивила меня и подтвердила мнѣ о томъ, что подлинно уже заключеніе о дѣлѣ сдѣлано. Я спрашиваю Оберъ-Секретаря, для чего онъ такъ спѣшитъ? — «Приказано,» отвѣчаетъ онъ мнѣ тихонько.

Изо всего увидѣлъ я, что дѣло это трактоваться будетъ не безъ предубѣжденій, шумно и, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, въ которыхъ принялъ я всегда себѣ за правило, сказать, или написать, свое мнѣніе — «да,» и «какъ изволятъ.» А потому, сохраняя слабую грудь свою отъ напраснаго спора и крика, взялъ я поскорѣе короткую изъ дѣла записку и, увидѣвъ изъ нея, что А-въ по законамъ правъ, тутъ же написалъ въ пользу его мое мнѣніе, которое и отдалъ Оберъ-Секретарю, сказавъ, что я при немъ и останусь. Нѣкоторые Сенаторы, и изъ знатнѣйшихъ, согласилися съ моимъ мнѣніемъ, только другими словами. Большинство же голосовъ было противъ, и объ иныхъ Генералъ-Прокуроръ, вѣроятно, прежде отобравъ ихъ мнѣнія, приказывалъ такъ записывать: «Ну, пиши, братецъ, что онъ согласенъ съ 3-мъ Департаментомъ.»

Замѣчательно было то, что послѣ А-вы, узнавъ о моемъ голосѣ, удивили крайнею благодарностью Князя П. В. Л., считая, что онъ, по знакомству своему съ ними, непремѣнно убѣдилъ меня къ тому своею просьбою, а я отъ него не слыхалъ о дѣлѣ ихъ ни слова, и помнится, не успѣлъ еще тогда и видѣться съ нимъ по пріѣздѣ его изъ Петербурга. Изумилясь они, какъ Князь имъ это сказалъ. Они не привыкли видѣть такихъ нелицепріятій въ случаяхъ подобныхъ ополченій..... и особливо не ожидали отъ меня, потому что никогда не былъ я съ ними въ пріятельскихъ связяхъ, а съ большимъ А-мъ было у насъ по службѣ Московской и неудовольствіе нѣкоторое.

Государь, предъ возвращеніемъ своимъ въ Петербургъ, изволилъ послать меня съ Юрьемъ Александровичемъ Нелединскимъ-Мелецкимъ осмотрѣть Слободскую Украинскую губернію и произвести въ ней нѣкоторыя изслѣдованія. Сей товарищъ мой, весьма извѣстной

по рѣдкимъ дарованіямъ его разума и столько же благородствомъ души отличающійся, имѣлъ ко мнѣ довѣренность уже до пристрастія. Онъ, конечно, сдѣлалъ бы все, и одѣлаетъ не хуже меня, но ни во что не входилъ отъ сказаннаго мною пристрастія, и даже, можно сказать, ослѣпленія, при всей необыкновенной остротѣ его ума. Не только во всемъ соглашался онъ со мною; но не хотѣлъ, чтобъ я и требовалъ его согласія, хотя не переставалъ я требовать онаго во всемъ.

При семъ-то осмотрѣ губерніи открылся мнѣ случай сдѣлать давно лежавшее уменя на сердцѣ представленіе о злоупотребленіяхъ, могущихъ произойти отъ постановленія Сената по дѣламъ уничтоженной Тайной Экспедиціи.

Въ тюрьмѣ Уѣзднаго города Богучара, между колодниками увидѣлъ я одного въ оковахъ на рукахъ и на ногахъ, имѣющаго лице, замѣтное по чертамъ добронравія и по глубокому на немъ унынію. Когда я подошелъ къ нему, то онъ зарыдавъ, повалился мнѣ въ ноги и просилъ, чтобъ избавить отъ погибели его съ дѣтьми, коихъ у него было одиннадцать. Успокоивая его надеждою на милосердіе Императора, спросилъ я, по какому онъ содержится дѣлу, и гдѣ оно? «По секрету,» сказалъ мнѣ на ухо Городничій, «а дѣло въ Уѣздномъ Судѣ.»

Я велѣлъ привести его въ ввечеру къ намъ на квартеру, а Уѣздному Судьѣ съ Секретаремъ принести все дѣло. Поговоря съ колодникомъ, разсмотрѣли мы съ товарищемъ дѣло и нашли, что содержаніе его самое глупое, и что судимый не заслуживаетъ никакого наказанія; однако, по порядку законному, долженъ быть непремѣнно обвиненъ и наказанъ, вмѣсто смертной казни.

Въ праздничный день доброй однодворецъ этотъ зашелъ въ питейный домъ выпить чарку вина. Тутъ же случился отпущенной въ домовой отпускъ матросъ, которой за разныя шалости отданъ былъ въ рекруты изъ того же селенія, когда братъ однодворца былъ въ ономъ головою. По старой злобѣ на брата, сталъ матросъ къ однодворцу придираться. Смирной однодворецъ отмалчивался, и только сказалъ глупую простолюдинскую пословицу, которой, по непристойности въ ней словъ, нельзя написать. Матросъ, переговоря и ее иначе, закричалъ: «Такъ-то ты говоришь?» и донесъ начальству на однодворца въ словахъ оскорбительныхъ Царскому Величеству, коихъ однодворецъ и не говорилъ. Десять свидѣтелей подтвердили доносъ клеветника.

По законамъ должно основываться на свидѣтельскихъ показаніяхъ, когда обвиняемый не можетъ ихъ ни чѣмъ отвести, т. е., не можетъ доказать, чтобъ они по враждѣ на него, или по чему ни есть, могли имѣть причину свидѣтельствовать ложно. Но можетъ ли это всегда доказано быть? Иногда человѣкъ имѣетъ себѣ такихъ непріятелей, которые готовы на него все всклепать и всякое ему зло сдѣлать; но онъ ни чѣмъ, такого расположенія ихъ доказать не можетъ. У меня перваго не безъ такихъ, и у многихъ конечно. Сверхъ того, можетъ иногда свидѣтель ложно сказать и по тому только, что или не такъ ему послышалось, или забылъ точныя слова, или не такъ ихъ понялъ; а въ подобныхъ дѣлахъ иные и отъ робости, отъ торопости, не вслушаясь, говорятъ ложь.

Потому-то я думаю, что справедливо обвинять можно по свидѣтельствамъ такихъ только свидѣтелей, которые не только не имѣютъ причины, но и не могутъ лжесвидѣтельствовать.

Не имѣя власти уничтожить дѣло, велѣли мы однодворца опять отвести въ тюрму, только уже безъ оковъ, которыя велѣлъ я съ него снять, прежде для того, что неприлично, говорилъ я, Городничему въ спальню къ Сенаторамъ вводить скованнаго, а послѣ обнадежилъ я его, что колодникъ не уйдетъ. Уѣздному же Судьѣ приказалъ я подать намъ, при секретномъ рапортѣ, выписку изъ сего дѣла, поручивъ проворному Секретарю поскорѣе это исполнить.

Отпустивъ ихъ, принялся я писать донесеніе Государю для отправленія по отходившей утромъ на другой день почтѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вострой Секретарь, вбѣжавъ ко мнѣ, спрашиваетъ, прикажу ли я законы выписать? Знавъ коротко, какъ въ уѣздахъ водится, я тотчасъ право догадался, для чего онъ меня спрашиваетъ, сказавъ, что когда дѣлается выписка, то порядокъ требуетъ, чтобъ и законы подведены были, и говорилъ я ему: «Скажи мнѣ правду, для чего ты объ этомъ спрашивалъ?» — «А для того, Ваше Превосходительство,» отвѣчалъ мнѣ бойкой Секретарь, «что, по данной вамъ власти, не угодно ли будетъ завтра при Васъ приказать и экзекуцію сдѣлать.

Нарочно описалъ я сіе, чтобъ показать образъ мыслей и расположеніе о дѣлахъ сего рода по уѣздамъ и губерніямъ, въ коихъ было оныя о большей части народа и оканчивать начали.

О дѣлѣ однодворца написалъ я отъ обоихъ насъ съ товарищемъ Государю донесеніе, въ коемъ, въ надеждѣ на Его человѣколюбіе,

представляли мы о семъ дѣлѣ, какъ о незаслуживающемъ уваженія, однако такомъ, которое по законамъ не можетъ быть уничтожено, и судьба страждущаго не можетъ облегчена быть иначе, какъ властію Императорскою; а по зделанному Сенатомъ о дѣлахъ сего рода постановленію, дѣло оное не можетъ дойти до Его Величества, и что мы, приказавъ продолжать слѣдствіе по точному обряду законовъ, осмѣлились предписать Губернатору, чтобъ когда оно внесется къ нему на разсмотрѣніе, то бы онъ никакого не дѣлалъ по оному исполненія до полученія Высочайшаго Указа.

Къ находившемуся же тогда при Государѣ, Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому, послали мы, для объясненія, при докладѣ выписку изъ дѣла, а я приложилъ къ нему, для поднесенія Государю, записку, съ пространнымъ разсужденіемъ моимъ о дѣлахъ сего рода и о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя могутъ выйти отъ самого уничтоженія Тайной Экспедиціи, какъ описывалъ я выше.

Въ запискѣ моей представлялъ я, съ какою тонкостью разбирать должно дѣла, особливо о словахъ, которыя иногда означать могутъ рѣшительное расположеніе ко злу, иногда еще нерѣшительное, а иногда произносятся только отъ вѣтренности, или невѣжества и проч., чего, однако жъ, законы не различаютъ. Но что, впрочемъ, сколь ни строги у насъ законы на дѣла сего рода, только я думаю, что, по уваженію ко всѣмъ отношеніямъ нравовъ и состоянія народнаго, неудобно спѣшить ихъ перемѣною, а всего лучше повелѣть всѣ по первымъ двумъ пунктамъ дѣла, по коимъ обвиняются люди, представлять Сенату и Его Величеству, дабы и справедливость въ производствѣ ихъ точнѣе соблюдена была, и Государь бы имѣлъ способы, въ отраду человѣчества, являть небесное свойство милосердія, особливо въ дѣлахъ, до оскорбленія лица Его касающихся, и проч., и проч.

Представленіе сіе принято было человѣколюбивымъ Государемъ съ отличнымъ благоволеніемъ, и на другой же день по полученіи его (17 Генваря, 1802 года) поскакалъ въ Харьковъ курьеръ съ повелѣніемъ немедленно освободить однодворца, а Сенату далъ указъ, чтобъ всѣ дѣла сего рода, подъ названіемъ преступленій, противъ первыхъ двухъ пунктовъ извѣстныхъ, согласно оному представленію, вносить въ Правительствующій Сенатъ, а ему съ мнѣніемъ своимъ о каждомъ доносить Его Императорскому Величеству и ожидать утвержденія.

Отъ 20 Генваря увѣдомилъ меня о семъ Д. П. Трощинскій слѣдующимъ письмомъ:

«Изъ всемилостивѣйшаго рескрипта Вашему Превосходительству, вмѣстѣ съ Юріемъ Александровичемъ даннаго, Вы изволили видѣть, съ какимъ расположеніемъ Его Императорскимъ Величествомъ приняты донесенія Ваши объ окончаніи порученнаго Вамъ въ Слободско-Украинской губерніи слѣдствія. Послѣднее Ваше донесеніе объ однодворцѣ Саласинѣ, судившемся въ Богучарскомъ уѣздѣ, не менѣе привлекло на себя Монаршее вниманіе, и, въ слѣдствіе онаго не только данъ Высочайшій указъ объ освобожденіи однодворца сего, но и вообще предписано дѣла сего рода не совершать въ Губернскихъ мѣстахъ, но, по ревизіи ихъ, представлять въ Правительствующій Сенатъ, а ему доносить Государю Императору. Принося Вашему Превосходительству истинную благодарность мою за всѣ благосклонныя выраженія и знаки довѣренности, коими угодно Вамъ было почтить меня во все теченіе сего дѣла, считаю себѣ пріятнымъ долгомъ соединить съ Вами совершенное мое удовольствіе, что труды и просвѣщеніе Ваши обратили на себя Монаршее благоволеніе,» и проч.

Всегда благодарю я Бога за оное сдѣланное мною представленіе, которымъ помогъ Онъ конечно многимъ избавиться отъ бѣдъ.

Товарищъ мой, которой, по окончаніи осмотра нашего, почти прямо проѣхалъ въ Петербургъ по своимъ надобностямъ, писалъ оттуда ко мнѣ: «Дѣло Саласина (секретное въ Богучарѣ) не только рѣшилось къ его избавленію личному, но и будетъ имѣть вліяніе на всѣ прочія таковыя же дѣла, изъ которыхъ по поводу сего многіе уже (сказывалъ мнѣ Дмитрій Прокофьевичъ), разсматриваны и привели въ удивленіе.»

Случай оной въ Богучарѣ былъ уже на возвратномъ пути нашемъ въ Москву изъ Харькова, откуда и донесенія всѣ объ осмотрѣ губерніи нами уже отправлены были.

Осмотръ сей удостоился отличнаго благоволенія Монаршаго, и мы имѣли счастіе получить слѣдующій рескриптъ:

Господа Тайные Совѣтники и Сенаторы, Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій! Съ совершеннымъ удовольствіемъ получилъ Я послѣднее донесеніе ваше объ оконченномъ вами слѣдствіи по жалобамъ жителей Богучарскаго уѣзда. Производство сего дѣла, исполненіе и другихъ порученій, особенно вамъ отъ Меня данныхъ, собственныя ваши примѣчанія на всѣ части Слободско-Украинской гу-

берніи, дѣлаютъ честь вашему просвѣщенію, правотѣ и видамъ справедливаго человѣколюбія. Изъявляя вамъ за сіе благодарность и пріемля за благо всѣ представленія ваши, Я далъ надлежащее по тому предписаніе; а въ уваженіе свидѣтельства вашего, пожаловалъ Харьковскаго Вице-Губернатора, Статскаго Совѣтника Кортвелина, въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, Директора училища, Коллежскаго Ассесора Кудрицкаго, въ Надворные Совѣтники и, сверхъ того, опредѣлилъ ему въ пенсіонъ, кромѣ жалованья, двѣсти пятьдесятъ рублей, въ подкрѣпленіе самому училищу приказалъ отпустить пять тысячь рублей, предполагая и впредь дѣлать ему вспоможеніе; Титулярнаго Совѣтника Шишкина утвердилъ въ Харьковѣ Городничимъ, и находившихся при васъ чиновниковъ, Щепина, Добачевскаго и Яковенкова, произвелъ слѣдующими чинами.

Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ:

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ.
Генваря 14-го,
1802 года.

Случившееся при осмотрѣ Слободско-Украинской губерніи, касательно называющихся Духоборцами, требуетъ также особливаго и подробнѣйшаго описанія.

Проѣзжая вмѣстѣ съ товарищемъ въ Харьковъ, остановились мы на сутки въ Бѣлгородѣ. Обѣдали у Архіерея. Вспомня, что при покойной Императрицѣ Екатеринѣ поручено ему было увѣщаніе находившихся въ тамошнихъ окрестностяхъ Духоборцовъ, полюбопытствовалъ я обстоятельно объ нихъ узнать отъ него. Нашедъ въ семъ пастырѣ только судью имъ самаго строгаго, коего и горячность излишняя въ разговорѣ объ нихъ мѣшала ему довольствовать мое любопытство, перервалъ я разговоръ. Тутъ же обѣдалъ одинъ чиновникъ, бывшій Земскимъ Исправникомъ во времена розысковъ надъ Духоборцами, которой помогалъ хозяину бранить ихъ.

День былъ зимній, самый ясной. Послѣ обѣда пошелъ я по городу прогуливаться съ онымъ чиновникомъ и распрашивалъ его наединѣ о Духоборцахъ. Повѣсть его состояла только въ брани же. — «Да изволите жъ ихъ знать?» спросилъ онъ меня. — «Нѣтъ.» И подлинно мнѣ тогда еще не случалось ни одного изъ нихъ видѣть. — «Извольте жъ ихъ посмотрѣть,» продолжалъ онъ; «похожи ли хоть мало на Христіанъ: кровинки въ лицѣ нѣтъ. Они, злодѣи, и въ церкви ха-

живали; да полно что, въ церкви стоитъ, а не это думаетъ. Только бывало и отрада душѣ, что оттуда ихъ вытащишь, да въ однихъ рубашкахъ палачьемъ дуть.»

«По чему жъ,» спрашивалъ я его, «знать было вамъ, что они думаютъ?» — Какъ же-съ, это видно,» отвѣчалъ онъ мнѣ.

Я видѣлъ, что говорить съ нимъ больше нечего, и уже довольно узналъ, какъ поступали съ этими людьми. Скоро имѣлъ я случай и съ нѣкоторыми изъ нихъ разговаривать.

Пріѣхавши въ Харьковъ, между прочими вѣдомостями, потребовалъ я особливую вѣдомость и о томъ, что происходило и происходитъ съ Духоборцами, живущими въ тамошней губерніи.

Губернаторъ подалъ мнѣ вѣдомость. При немъ же читая ее, нашелъ я, что въ царство покойной Императрицы нѣкоторые изъ нихъ заключены были въ тѣсныя заточенія и не возвратились. А при Государѣ покойномъ всякой Генералъ-Прокуроръ, въ слѣдствіе Губернаторскихъ представленій, объявлялъ именной указъ о ссылкѣ ихъ цѣлыми семействами въ разныя мѣста на поселеніе и на каторгу, и сослано ихъ такимъ образомъ не одно сто.

Всегда сопровождаемая мудрою терпимостью благость воцарившаяся въ Государѣ Императорѣ Александрѣ I отверзла всѣ темницы въ Россіи, и страдальцы оные освободились. Велѣно было ихъ водворить въ прежнія жилища и оставить въ покоѣ, предоставляя, въ случаяхъ нужды, духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, но безъ всякаго принужденія.

Въ Августѣ возвратились они въ свои домы, или лучше сказать, на мѣста опустошенныхъ домовъ ихъ, а въ Октябрѣ, по отзывамъ нѣкоторыхъ поповъ и чиновниковъ земской полиціи, начали ихъ уже опять увѣщевать. И для того отряжены были Епархіяльнымъ Архіереемъ два ученѣйшіе, какъ въ вѣдомости сказано было, Священника, и Земскаго Суда Засѣдатель съ командою.

«Вы сдѣлаете бунтъ,» говорилъ я Губернатору. «Люди не успѣли вздохнуть покойно, а ихъ опять тревожатъ.» Губернаторъ извинялся тѣмъ, что распоряженіе о увѣщаніи ихъ сдѣлано въ его отсутствіе, но что, конечно, никакихъ безпокойныхъ слѣдствій имѣть оно не будетъ. «За послѣднія вы будете отвѣчать,» сказалъ я ему, «и прикажите командѣ возвратиться; а чтобъ Священники теперь погодили трудиться, о томъ переговорите съ Преосвященнымъ.»

Это происходило у меня съ Губернаторомъ ввечеру поздо.

На другой день, которой былъ почтовой, по утру, только что я сѣлъ писать на почту, вбѣжалъ ко мнѣ Губернаторъ блѣдной, съ бумагою въ рукахъ и говоритъ мнѣ: «Ваше Превосходительство отгадали. Въ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ происходило увѣщаніе, бунтъ, и я пропалъ: Духоборцы не слушаются; говорятъ, что они Государя Помазанникомъ Божіимъ не признаютъ; распятому Господу Іисусу Христу не покланяются, и ни какихъ податей платить и Государственныхъ повинностей исполнять не хотятъ. Вотъ о семъ и секретной рапортъ ко мнѣ отъ Засѣдателя съ нарочнымъ (при которомъ приложенъ и напѣвъ ихъ, пѣснь или псаломъ, дурными стихами сочиненная), доказывающій ихъ безбожіе. Нѣкоторые изъ нихъ взяты подъ стражу, и Земскій Судъ отправился на мѣсто для слѣдствія.»

Успокоивалъ я Губернатора надеждою, что мы этотъ бунтъ не только укротимъ, да и предупредимъ; совѣтовалъ ему больше остерегаться и меньше робѣть.

«Что жъ прикажете дѣлать? спрашивалъ онъ меня. — «А вотъ что,» сказалъ я ему.» Повѣрьте, что все это произошло отъ того, что стали увѣщевать этихъ людей не во время, безъ нужды, не искусно, ожесточили ихъ и не такъ поняли. Доказательство тому—самой присланной къ вамъ напѣвъ ихъ; читайте его: онъ присланъ въ обличеніе ихъ невѣрія къ Спасителю, а преисполненъ благоговѣнія къ Нему. * Вѣрно ихъ спрашивали, что думаютъ о коронаціи, которая недавно была. Извѣстно, что обрядовъ ни какихъ они не уважаютъ, то, конечно, и о семъ надлежащаго понятія не имѣютъ. Да какая же нужда всякого теперь мужика, которой встрѣтится, спрашивать, что онъ думаетъ о коронаціи? Вѣрно ихъ заставляли кланяться образу, и они, по своимъ понятіямъ, не послушались. Вѣрно ихъ спрашивали, будутъ ли платить подати? Они, будучи теперь разоренные, нищіе, которые сами требуютъ помощи, ожесточились такимъ вопросомъ,» и проч.

«Итакъ, вотъ что Вы сдѣлайте. Пошлите тотчасъ туда нарочнаго. Прикажите всѣхъ, взятыхъ подъ стражу, освободить. Донесеніе объ увѣщаніи припишите тому, что не такъ ихъ поняли, какъ и подлинно. Земскому Суду сдѣлайте самый строгій выговоръ за то, что

---

* Въ напѣвѣ семъ написано было: «Покланяемся Христу, не мѣдному, не серебряному, не золотому, не кованному, и не литому, и не писанному, а Христу, Сыну Божію, Спасу міра,» и проч., и проч.



онъ въ такомъ дѣлѣ, не описавшись къ Вамъ и безъ Вашего наставленія, осмѣлился отправляться для слѣдствія на мѣсто; прикажите ему и съ командою тотчасъ выѣхать въ городъ, а Засѣдателю явиться сюда къ отвѣту. О возвращеніи же увѣщателей-Священниковъ извольте отнестись офиціально къ Преосвященному, а мы, на нынѣшней же почтѣ, донесемъ о всемъ томъ Государю.»

Губернаторъ вышелъ отъ меня исполнять порученное, а я началъ писать донесеніе Государю.

Товарищъ мой тогда былъ нездоровъ и спалъ еще. Когда онъ проснулся, я ему все разсказалъ и прочиталъ заготовленное мною донесеніе. При всемъ благоразуміи своемъ и человѣколюбіи, находилъ онъ поступокъ мой слишкомъ рѣшительнымъ и снисходительнымъ, и при всей неограниченной ко мнѣ довѣренности, этотъ разъ согласился онъ, кажется, только изъ нѣкоторой нѣжности, особливо его характеризующей.

Первое донесеніе о семъ Государю было слѣдующее.

«Изъ Харькова, Ноября 12-го дня, 1801 года.

Высочайшее Вашего Императорскаго Величества имѣя повелѣніе обратить здѣсь вниманіе на всѣ предметы, заслуживающіе уваженіе, особливымъ долгомъ поставили мы обратить оное на произшедшее по Изюмскому уѣзду, относительно такъ называемыхъ Духоборцевъ, о чемъ подробно изъясня въ представленной у сего выпискѣ Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше доносимъ слѣдующее. Прежде нашего сюда пріѣзда, начальство здѣшнее, отъ избытка, конечно, усердія, но не проникнувъ въ прямое существо высочайшаго о Духоборцахъ оныхъ указа Вашего, Государь, предприняло ихъ увѣщевать и обращать, едва только освободившихся отъ тяжкихъ узъ, разрѣшенныхъ милосердіемъ и мудрою терпимостью, воцарившимися въ священной особѣ Вашего Императорскаго Величества.

При ономъ нарядномъ увѣщаніи, вопросы, не искусно, конечно, сдѣланные, изторгли изъ увѣщеваемыхъ отзывы, какъ доносятъ увѣщатели, противные вѣрноподданническимъ обязанностямъ. Но весьма вѣроятно, что вновь раздраженный фанатизмъ отвѣтствовавшихъ, прежними ихъ бѣдствіями угнетенныхъ и разоренныхъ, облекъ слова ихъ жестокостью, въ сердцахъ не существующею, или недостаточное просвѣщеніе увѣщателей превратно ихъ поняло, а предразсудокъ уже противъ говорившихъ представилъ имъ оныя въ краскахъ гораздо больше черныхъ, нежели они въ самомъ дѣлѣ суть.

Такое заключеніе, думаемъ мы, основательно можно дѣлать, Всемилостивѣйшій Государь, изъ самаго противорѣчія, находящагося въ донесеніяхъ увѣщателей, относительно къ образу мыслей Духоборцевъ оныхъ въ религіи; ибо между прочими статьями доносятъ, что они «Распятому Господу Іисусу Христу не покланяются,» а въ нѣкоторомъ, такъ называемомъ, напѣвѣ (находящемся въ прилагаемой выпискѣ), котораго нелѣпость, въ свидѣтельство ихъ беззаконія, приводятъ, все показываетъ вѣру и благоговѣніе оныхъ людей къ воплощенію Господню. Заключеніе оное подкрѣпляемъ еще мы тѣмъ, что въ прилѣжныхъ, съ ласковостію, разговорахъ нашихъ съ нѣкоторыми изъ такихъ же Духоборцевъ въ Харьковскомъ уѣздѣ, несомнѣнно открыли мы, при чувствахъ особенной благодарности къ Вашему Императорскому Величеству, готовность повиноваться Монаршей власти, а всѣ земскія обязанности исполнять.

По выше донесенному слѣдствію увѣщанія, Изюмскій Нижній Земскій Судъ, движимый необдуманною ревностію и неопытностію, конечно, въ подобныхъ дѣлахъ, поспѣшилъ отправиться на мѣсто въ то селеніе, гдѣ происходило оное увѣщаніе, для изысканія и производства изъ того криминальнаго дѣла, и о такомъ опредѣленіи своемъ донесъ Губернатору съ нарочнымъ. Но когда Губернаторъ насъ о томъ увѣдомилъ, то мы, за долгъ сочтя весьма обратить на случай сей вниманіе, сообразно, думаемъ Августѣйшей благотворной волѣ Вашего Императорскаго Величества и дѣйствительнымъ средствомъ сохраненія общаго спокойства, толико драгоцѣннаго отеческому сердцу Вашему, настояли, чтобъ все оное приписано было недоумѣнію и неискуству увѣщателей, всякое тамъ слѣдствіе и розыскъ были бы тотчасъ пресѣчены, чтобъ никакого никому стѣсненія по сему дѣлу чинено не было, и естьли кто взятъ подъ стражу, то ни мало не мешкавъ, былъ бы освобожденъ, а что по время полученія сего отвѣтнаго предписанія уже произошло, о томъ бы, для надлежащаго уваженія, обстоятельно Судъ рапортовалъ и ожидалъ повелѣнія, какъ то означено въ предписаніи Губернаторскомъ, въ копіи находящемся въ прилагаемой выпискѣ, а Губернаторъ бы донесъ Вашему Императорскому Величеству, для Высочайшаго благоусмотрѣнія.

Настояніе о такомъ поступкѣ въ случаѣ семъ отъ главнаго здѣсь начальства сочли мы за нужное, дабы не воспалить фанатизмъ, котораго лучшая пища есть бросаться въ огонь и оковы, всего болѣе

его усиливающія и распространяющія, и дабы отвратить непремѣнное принесеніе жертвъ невинности, или невѣжества, крайней строгости правосудія, не могущей тутъ дѣйствовать съ пользою и успѣхомъ. Еще и по тому разсудили мы за правильное такъ сдѣлать, что образъ мыслей оныхъ Духоборцовъ довольно уже испытанъ Правительствомъ чрезъ прежніе розыски по Тайной Экспедиціи, которую упразднила именемъ и дѣйствіемъ та же великодушная благость Вашего Императорскаго Величества, которая и людей оныхъ изъ заточенія освободила.

Долгомъ также почитаемъ мы, касательно увѣщанія и вообще обхожденія съ оными Духоборцами (коихъ всѣхъ здѣсь небольшое число) изъяснить здѣшнему Начальству Августѣйшую волю Вашу, Государь, изображенную въ доставленныхъ намъ о томъ документахъ такъ: что въ повелѣніи, предоставлять духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, безъ всякого съ ихъ стороны принужденія, не должно разумѣть безвременныхъ, нарядныхъ, въ видѣ суда, образомъ, смущать и устрашать могущимъ, производимыхъ увѣщаній, но дѣлать то кстати, наблюдая расположеніе, стараясь въ самыхъ мѣстахъ ихъ жилищъ имѣть при церквахъ священниковъ, не столько отличающихся блескомъ школьнаго ученія и искуствомъ въ словопрѣніи, какъ истиннымъ благочестіемъ и усердною любовію къ закону Божію и Евангельскому ученію, жизнію своею свидѣтельствующихъ чувствованія свои и правила. Таковые пастыри, естественно, вкореня о себѣ доброе мнѣніе, привлекутъ къ себѣ довѣренность, найдутъ время, случаи и мѣста къ бесѣдамъ своимъ, и самыми простыми способами откроютъ пути къ подѣйствованію на сердца ихъ и умы, желающія просвѣщенія и къ закону Божію внутренно ревностныя, но заблуждающія въ образахъ и средствахъ. Что же касается до вѣрноподданническаго долгу и обязанности, то, слѣдуя мудрому Вашего Императорскаго Величества соизволенію, при обхожденіи съ ними съ кротостію и терпѣніемъ, требовать отъ нихъ, какъ отъ всѣхъ вообще, исполненія обязанностей, предписанныхъ указами Вашего Императорскаго Величества и Государственными законами, по общему Гражданскому и Земскому состоянію, съ неисполняющихъ оныя чинить взысканія по тѣмъ же законамъ, не входя въ мысленные источники и причины неисполненія; естьли бы же кто на дѣлѣ оказался прямо воз-

мутителемъ противу власти и общаго спокойства, съ тѣмъ поступать по всей точности и строгости законовъ.

Не оставимъ мы, Всемилостивѣйшій Государь, устремлять своего вниманія на оное дѣло, во все время бытности нашей въ здѣшней Губерніи, для исполненія Высочайшихъ препорученій намъ отъ Вашего Императорскаго Величества, которыя всѣ стараемся со всякою рачительностію найлучшимъ образомъ исполнять, и о всемъ будемъ въ свое время доносить Вамъ, Государь, съ искренностью и откровенностью, свойственными безпредѣльному усердію, коимъ повергаемся къ освященнымъ Вашимъ стопамъ.»

Возвратившіеся увѣщатели подтвердили мою догадку.

Въ отчетѣ своемъ сказали они, что подлинно первой отъ нихъ вопросъ Духоборцамъ былъ о коронаціи. Духоборцы, не имѣющіе къ обрядамъ уваженія, не могли сдѣлать имъ отвѣта удовлетворительнаго и сказали, что они всякаго Царя почитаютъ отъ Бога постановленнымъ, добраго — даромъ Божіимъ, а злаго — бичемъ за грѣхи. Поставили передъ нихъ образъ Спасителевъ и спрашивали ихъ, вѣруютъ ли они въ предстоящаго предъ ними Спасителя? Духоборцы отвѣчали: «Это не Спаситель, а доска расписанная.» Наконецъ ихъ спрашивали: «Будутъ ли они платить подати и рекрутъ ставить?» Они съ досадою говорили: «Мы нищіе: чѣмъ намъ подати платить! Какіе отъ насъ рекруты? Остался старой, да малой, да изувѣченной. Мы прежде служили Государю, какъ и другіе, а теперь—власть Его, не можемъ.»

Скоро собралось у насъ много Духоборцовъ. Нѣсколько ихъ пришло и изъ Екатеринославской Губерніи. Хотя для порядка сохранялъ я въ дѣлѣ ихъ форму секретнаго производства, однако, чтобъ не подавать видовъ, смущающихъ и привлекающихъ излишнее отъ народа любопытство, говаривалъ я часто съ ними и при всѣхъ, и обыкновенно ходили они ко мнѣ всякой день по утру. Они очень полюбили меня и говорили со мною откровенно. Кромѣ безмѣрныхъ, фанатическихъ, можно сказать, предразсудковъ противъ всякой наружности и скептическаго особничества и предпочтенія себя, нашелъ я въ нихъ понятія о Христіянствѣ самыя коренныя и правильныя. Сила духа вѣры въ нихъ весьма замѣчательная и общая. Никто почти изъ нихъ грамотѣ не знаетъ хорошенько, писать изъ многихъ, бывшихъ тогда у насъ, худо умѣлъ только одинъ, а всякой о законѣ говоритъ, какъ книга.

Соглашаяся съ ними, и по справедливости, въ томъ, что все существенное заключается во внутреннемъ, убѣждалъ я ихъ въ надобности и пользѣ ходить въ храмы, исполнять всѣ внѣшнія обязанности, повиноваться всѣмъ уставамъ церковнымъ: «Дѣлайте это», говорилъ я имъ, «хотя изъ любви къ ближнему, безъ которой не можно быть Христіяниномъ; дѣлайте это, по крайней мѣрѣ. для того, чтобъ ближнихъ вашихъ не вводить въ грѣхъ отвращенія отъ васъ и вражды! Да для чего жъ», спрашивалъ я ихъ, «перестали вы ходить въ церковь? Вѣдь вы прежде ходили, и все исполняли какъ и прочіе?»

«Признаемся,» отвѣчали они мнѣ, «въ грѣхѣ своемъ, что перестали ходить отъ досады, и теперь не можемъ переломить себя.»—Отъ какой же досады?» — «Ну, да какъ насъ начали изъ церквей-то таскать, да въ однихъ рубашкахъ бить палочьемъ, приговаривая: «Въ церкви стоишь, а не то думаешь.»

Что они не лгали, въ томъ я очень увѣренъ былъ отъ самаго бывшаго Господина Исправника, которой мнѣ хвалился такою палочною противъ нихъ войною, и которой изъ числа почитающихъ Христіянами только тѣхъ, у кого въ щекахъ румянецъ играетъ.

Наконецъ Духоборцы подали намъ прошеніе, въ коемъ, изъявляя свою вѣрность и усердіе къ Государю, просили исходатайствовать имъ позволеніе отдѣлиться въ особое поселеніе.

Въ слѣдствіе сего написали мы къ Государю, включаемое здѣсь, Донесеніе.

«Изъ Харькова. Декабря 3 дня, 1801 года.

Въ слѣдствіе нашего всеподданнѣйшаго донесенія Вашему Императорскому Величеству, отъ 12 числа Ноября, о происшедшемъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, по случаю безвременнаго увѣщанія, такъ называемыхъ Духоборцовъ, нынѣ за долгъ считаемъ донести, что, продолжая обращать самое прилѣжное вниманіе на дѣло сіе, всегда находили мы подтвержденіе нашего заключенія о томъ, что безвременное увѣщаніе оное производимо было и образомъ неискуснымъ, и вопросами неосторожными и напрасными, и что отвѣты увѣщеваемыхъ совсѣмъ не такъ были поняты.

Наконецъ, самые тѣ изъ оныхъ, которые найболѣе и съ такою важностью обвиняемы были, и которые и по прежде бывшимъ розыскамъ изъ главныхъ почитались, будучи, по настоянію нашему, освобождены, на сихъ дняхъ пришли къ намъ оправдать себя, и въ ласковомъ обращеніи, испытывая ихъ лично, мы совершенно удо-

стовѣрились въ справедливости нашего прежняго заключенія. Потомъ, испросивъ позволеніе, они намъ подали прошеніе, которое подтвердили при насъ и при Губернаторѣ здѣшнемъ, и которое мы при семъ осмѣливаемся въ подлинникѣ представить Высочайшему воззрѣнію Вашего Императорскаго Величества. Въ немъ совсѣмъ противное тому, что имъ приписывали, и мы свидѣтели искреннихъ чувствъ ихъ вѣрности, благодарности и почтенія къ Августѣйшей Особѣ Вашей, Всемилостивѣйшій Государь, простыми изреченіями въ прошеніи ономъ изображенныхъ.

Давно и довольно долженъ быть извѣстенъ ихъ образъ мыслей, хотя едва ли когда, осмѣлимся сказать, при испытаніи ихъ поступлено было съ полнымъ равнодушіемъ и со всѣмъ должнымъ уваженіемъ къ человѣчеству вообще, безъ различія лицъ. Однако, довольно извѣстно, что они, пріемля только духовное поклоненіе и совершеніе таинствъ единственно духомъ же во внутренности, отметаютъ всякую наружность въ религіи; а посему естественно, что не могутъ они уважать и обрядъ мѵропомазанія. Но они признаютъ Государей отъ Бога поставленными и за долгъ считаютъ имъ повиноваться, какъ и всѣмъ властямъ, отъ нихъ учрежденнымъ. А къ Особѣ Вашего Императорскаго Величества они, можно сказать, проникнуты признательностію и любовію, и, говоря о Вашемъ Величествѣ, всякой разъ прибавляютъ: «Онъ нашъ Государь, и человѣкъ добрый и милостивой.» Смѣло повторяемъ мы сіи слова ихъ простодушія, вѣдая, что вѣрноподданническая преданность въ простомъ чувствованіи особливо угодна истинно отеческой любви Вашей и великодушной благости.

Изъ всѣхъ селеній здѣшнихъ, Духоборцы, гдѣ они есть, и нѣкоторые изъ Новороссійской Губерніи были у насъ, Всемилостивѣйшій Государь, и всѣ изъявляли желаніе отдѣлиться въ особое поселеніе, не назначая никакихъ себѣ къ тому мѣстъ, и въ оныхъ, какъ и въ нужномъ имъ для того вспоможеніи, совершенно предаваясь Всемилостивѣйшей волѣ Вашей.

Мы за нужное считаемъ донести о томъ Вашему Императорскому Величеству, предполагая, что не найдется ли какого образа исполненія онаго на общую пользу Государственную и къ успокоенію самыхъ сихъ людей, устраненіемъ ихъ отъ случаевъ и причинъ быть притѣсняемыми иногда невѣжествомъ, или безразсудною ревностію, и удаленіемъ ихъ отъ вредныхъ послѣдствій вражды съ прочими

поселянами, которые подлинно ихъ не терпятъ, какъ и всѣ почти жители; а при томъ не пресѣкутся ли, или, по крайней мѣрѣ, не затруднятся ли, чрезъ самое сіе, способы имъ размножаться обращеніемъ къ себѣ другихъ.

Имѣвъ нынѣ довольно случая узнать оныхъ Духоборцовъ, осмѣливаемся сказать, что естьли бы заблагоразсуждено было переселить ихъ въ особыя мѣста, то, кажется, удобнѣе бы, не учреждая между ими, какъ между прочими поселянами, своихъ волостныхъ правленій, учредить надъ ними начальство, по примѣру бывшихъ въ экономическихъ волостяхъ коммисаровъ, или управителей, опредѣляя чиновниковъ честныхъ, добронравныхъ и несуевѣрныхъ.

Не теряя также, по связи общей, изъ виду полнаго присоединенія ихъ къ господствующей въ Россіи Православной Церкви средствами, истинному духу Христіянства приличными и сообразными сохраненію повсемѣстнаго спокойства, не безполезно, конечно, было бы тогда селенія оныя помѣстить не въ самой большой отдаленности отъ городовъ, или такихъ селеній, въ которыхъ могли бы просвѣщенные истиннымъ познаніемъ закона Священники, славою благочиннаго прохожденія своей должности, добраго житія и убѣдительнаго, сердечнаго проповѣданія слова Божія, привлекать къ себѣ оныхъ людей, которымъ, конечно, не столько нужно доказывать пользу и необходимость обрядовъ, какъ то, что ни какіе обряды не могутъ препятствовать существенному богослуженію и поклоненію внутреннему, которое подлинно есть коренное и котораго они не отвергаютъ.

Мудрая терпимость, каковую Ваше Императорское Величество столь великодушно являть изволите, и снисходительное, такъ сказать, забвеніе оныхъ людей съ стороны ихъ образа мыслей, всего дѣйствительнѣе могутъ ослабить энтузіазмъ, которымъ они весьма сильно и единственно водятся. Всякое принужденіе раздражитъ только энтузіазмъ сей, всякое утѣсненіе воспалитъ его. Прочіе раскольники, держимые закоснѣлостію навыка, или особливо выгодами корысти привлекаемые, могутъ, одни отвлекаться отсѣченіемъ средствъ пріобрѣтать оныя выгоды, или даже приведеніемъ въ состояніе необходимо терять предъ другими; иные могутъ убѣждаемы быть въ своихъ заблужденіяхъ, которымъ они слѣдуютъ часто болѣе по навыку, и которыя не укоренилися въ душахъ ихъ, а въ серд-

цахъ, по большей части, и вовсе не существуютъ. Но, такъ называемые, Духоборцы оные совершенно восхищены однимъ энтузіазмомъ, и столь бѣдны, что терять имъ нечего.

Бѣдность ихъ, Государь, прекрайняя: ибо они до конца разорены ссылкою со всѣми семействами на заточенія и въ работы, изъ коихъ освободило ихъ милосердіе и человѣколюбіе Вашего Императорскаго Величества. Домы ихъ и всѣ пожитки проданы. И хотя повелѣно было полученныя за оные деньги имъ доставить, и доставлены въ мѣста бывшей ихъ неволи, но все сіе продано за безцѣнокъ, и не могло иначе быть продано; а впрочемъ, какъ все оное въ подобныхъ случаяхъ дѣлается, то конечно извѣстно, осмѣлимся мы сказать, спасительной для ввѣренныхъ Вамъ народовъ опытности Вашей, Государь, и прозорливости.

Бѣдное состояніе оныхъ людей, коихъ и число здѣсь не велико, столько жалостно, что по истинѣ достойно обратить на себя воззрѣніе великой щедроты Вашего Императорскаго Величества, дающаго примѣръ земнымъ владыкамъ священнаго уваженія къ человѣчеству.

За долгъ поставили мы все оное всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, и мнѣніе наше смѣло и свободно представили, руководимы будучи безпредѣльнымъ усердіемъ къ Августѣйшей Особѣ Вашего Императорскаго Величества и къ пользѣ отечества. Вѣрноподданническою любовію цѣлуя скипетръ благоденствія его держащую руку Вашу, повергаемся къ освященнымъ Вашимъ стопамъ.»

Сіе Донесеніе отправили мы уже по окончаніи осмотра Слободской-Украинской Губерніи и собираясь вмѣстѣ съ товарищемъ возвратиться въ Москву чрезъ Богучарской уѣздъ той же Губерніи, въ которомъ надобно еще намъ было произвести нѣкоторое изслѣдованіе.

На первое донесеніе наше о Духоборцахъ не имѣли мы еще ответа. Признаюсь, что и не ожидалъ я пріятнаго. Я очень надѣялся на прозорливость и человѣколюбіе Государя, но не былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что ни сколько не могли подѣйствовать толки иныхъ изъ окружающихъ, такихъ, которые хотятъ выслуживаться, представляя вездѣ опасности, хотя ни одной прямой отвратить не умѣютъ, и которые хвалятъ, или порочатъ, дѣло не по тому, каково оно,

а по тому, кѣмъ оно сдѣлано.* Тѣмъ больше, думалъ я, толки такіе могли навлечь препятства, что тогда, со стороны образа мыслей моихъ, не могъ я еще столько извѣстенъ быть Государю, какъ послѣ имѣлъ я къ тому щастіе чрезъ нѣкоторые особливые случаи.

Впрочемъ, при всемъ производствѣ онаго дѣла о Духоборцахъ, съ начала самаго не ожидалъ я себѣ пріятности за него по службѣ, а предметомъ имѣлъ оказать услугу общей Государства пользѣ и человѣчеству, хотя бы самому и много потерпѣть за то досталось.

Наканунѣ выѣзда изъ Харькова, по обыкновенію своему проснувшись рано по утру, нашелъ я въ своей предспальнѣ дожидавшагося

---

* Особливо могъ я такъ думать по тому, что клевета и недоразумѣніе давно разглашаютъ, будто я превеликой защитникъ всякой секты и расколовъ, и заключеніе сіе обо мнѣ простирается до слѣпоты. Довольно сказать о томъ только два примѣра.

1. Передъ самою сею поѣздкою въ Харьковъ, видя у одного отличноразумнаго и ученаго Архіерея (который былъ то пріятелемъ, то гонителемъ моимъ и умеръ, кажется, первымъ), разговаривалъ я съ нимъ о расколахъ и о средствахъ укротить ихъ, представляя къ тому самыя дѣйствительныя, кромѣ жестокостей и тѣлесныхъ истязаній. На другой день Архіерей сей въ собраніи Синода, бывшаго тогда въ Москвѣ, разсказываетъ, что онъ съ ужасомъ вчерась слышалъ отъ меня самаго, какой я защитникъ и покровитель всѣхъ раскольниковъ, и что это такого рода расположеніе мое, которое не бездостойно даже вниманія Правительства. Другой Архіерей, съ которымъ мнѣ случилось говорить точно то же и въ тотъ же самый день, только ввечеру позже, съ удивленіемъ отвѣчалъ ему, что онъ наканунѣ же слышалъ отъ меня, напротивъ, самыя сильныя и дѣйствительныя средства къ пресѣченію расколовъ, но только жаль, что уже поздо ихъ употреблять, и пересказывалъ какія. Гонитель той, при всей лютости своего ополченія, смягчился, однако жъ, и утихъ, посовѣстясь, слово въ слово тоже, что и ему я говорилъ, слыша за мое же, отъ своего товарища, и еще старшаго.

2. Вошла въ Сенатъ жалоба отъ раскольника, крестьянина, на своего помѣщика (именно та, о которой говорю я выше въ сей второй части моихъ Записокъ), въ коей онъ особливо жалуется на то, что помѣщикъ мѣшаетъ ему раскольничать. Въ Сенатѣ дается резолюція, послабляющая просителю. Я за болѣзнію тогда не присутствовалъ. Не согласясь на такую резолюцію, далъ я голосъ, чтобъ жалобу эту передать въ Уголовный Департаментъ, для поступленія по строгости законовъ, въ укрощеніе буйства. При чтеніи моего голоса товарищи, въ первомъ движеніи, закричали: «Ну, извѣстно, что онъ за раскольника!» Это даже забавно.



меня Почтмейстера, который вручилъ мнѣ по эстафетѣ полученный отъ Императора рескриптъ.

Готовъ уже будучи прочитать себѣ неудовольствіе, долго не распечатывалъ я его, и распечаталъ гораздо послѣ, распрощавшись съ Почтмейстеромъ.

Но вотъ какой это былъ рескриптъ:

«Господа Тайные Совѣтники и Сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій! Пріимите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ Духоборцовъ. Я нахожу его столько же сообразнымъ просвѣщенію и благоразумнымъ вашимъ правиламъ, сколько и основаннымъ на справедливости и настоящемъ положеніи сихъ людей, и въ слѣдствіе того поручаю вамъ, въ продолженіе пребыванія вашего въ Слободско-Украинской Губерніи, наблюсти, дабы распоряженія, вами сдѣланныя, воспріяли точное ихъ дѣйствіе и послужили мѣстному начальству и на будущее время образцомъ поведенія его съ симъ родомъ людей. Вмѣстѣ съ симъ вразумляю Я Губернатора, какимъ образомъ должно располагать ему, назначенное при возвращеніи сихъ Духоборцовъ, увѣщаніе и, находя, между тѣмъ, что прежде предпріятаго тамошнимъ правительствомъ наряднаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе бы было помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ Правительству, должно бы было дать имъ почувствовать, что Правительство сіе въ разоренномъ ихъ положеніи готово простерть имъ руку помощи и покровительства, Я предписываю ему, войдя въ ихъ состояніе и описавъ ихъ нужды, представить Мнѣ, имѣютъ ли они домы, и естьли не имѣютъ, то сколько потребно будетъ на ихъ построеніе, дабы можно было дать имъ немедленно нужное пособіе.

Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный

На подлинномъ: Александръ.»

Въ С-Петербургѣ.
Ноября 27-го
1801 года.

До восхищенія пріятенъ былъ, конечно, сей рескриптъ, коего слова, изъявляющія терпимость и щедроту Государя, должны неизъгладимыми буквами начертаться въ славнѣйшихъ дѣяніяхъ человѣколюбія и просвѣщенія.

Успокоился и порадовался очень и товарищъ мой, и вотъ что онъ при этомъ сдѣлалъ. Черта почтеннаго характера, достойная быть извѣстною.

На одной эстафетѣ съ рескриптомъ симъ получилъ я письмо отъ Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, въ которомъ сей Министръ, отличною твердостью и рѣдкимъ въ дѣлахъ государственныхъ искуствомъ одаренный, писалъ ко мнѣ о томъ удовольствіи, коимъ онъ искренно участвовалъ при семъ случаѣ въ благоволеніи Монаршемъ, и въ концѣ письма своего писалъ поклонъ моему товарищу.

Товарищъ мой, благодаря его письмомъ, которое изготовилъ онъ послать съ фельдъегеремъ, коего, наканунѣ отъѣзда нашего изъ Харькова, надобно намъ было отправить въ Петербургъ, въ письмѣономъ написалъ, что «онъ ни сколько не можетъ участвовать въ благоволеніи отъ Государя, намъ оказанномъ, потому что онъ во все время ничего больше не дѣлалъ, какъ только то подписывалъ, что я напишу.» Я хотѣлъ его пріятельски изодрать, но онъ слишкомъ серьозно сказавъ, что поссорится со мною, вырвалъ его у меня, запечаталъ и отдалъ фельдъегерю. Шутя, я попробовалъ взять письмо у фельдъегеря; только тутъ дошло было подлинно до брани.

Такимъ образомъ началась исторія Духоборцовъ, которые, по нашему представленію, сходному съ ихъ желаніемъ, переселены въ особое жилище, на Молочныя Воды, съ щедрыми пособіями отъ милосердія Государева, и составляютъ теперь одну изъ лучшихъ колоній.

Поступокъ нашъ въ дѣлѣ семъ поставленъ былъ за образецъ начальствамъ всѣхъ Губерній Высочайшимъ именнымъ указомъ, которой чрезъ Генералъ-Прокурора объявленъ всѣмъ Губернаторамъ въ томъ же Декабрѣ 1801 года.

Въ публикѣ иные хвалили это дѣло, а большая часть осуждали, и всѣ критики и порицанія устремлялись на меня.

Бранили меня нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все, касающееся до религіи, есть ихъ монополія, и что безъ рясы и клобука не можно имѣть истиннаго просвѣщенія въ сей религіи, коея начало и конецъ есть Сый, вездѣ и вся исполняяй.

Бранили меня благочестивыми слывущіе старцы, кои не пропускаютъ обѣдней и прилѣжно разбираютъ, рыба ли вязига * и можно

* Подлинно зналъ я одну барыню, очень богомольную, разумную и еще мастерицу по Французски и по Нѣмецки, которая толковала съ Архіереями,

ли въ постные дни чай пить съ сахаромъ, потому что въ него, де, кладется кровь, и которые готовы безъ разбора подписывать людямъ ссылку, и всякую неправду для пріятеля, особливо для вельможи придворнаго.

Бранили думающіе о себѣ, что они философы и выше, какъ говорятъ они, предразсудковъ; которые презираютъ всѣ секты и расколы, хотя не знаютъ прямо, что такое секта, или расколъ; не знаютъ сами хорошенько, какой религіи, и съ надмѣнной улыбкою слабыхъ умовъ говорятъ: «Какъ будто нѣтъ честныхъ людей между язычниками, и какъ будто не было ихъ до Христа,» коему они не вѣрятъ.

Бранили охотники вмѣшиваться въ политику, которые, какъ бы заботясь о благосостояніи и твердости государства, кричатъ, что секты не должны быть терпимы, хотя также ни знаютъ, ни вѣдаютъ, что такое секта и въ чемъ состоитъ благосостояніе государства, и хотя они сами изъ ленточки, изъ титла какого нибудь Превосходительства, и особливо изъ знатной суммы ходячихъ достоинствъ, готовы на все пуститься.

Брани и толки такихъ господъ, и доселѣ продолжающіеся, принималъ я всегда очень равнодушно; но узнавъ, что и тамъ объ ономъ дѣлѣ Духоборцовъ перемѣняются заключенія, откуда вліяніе ихъ можетъ простираться и на общую пользу, не говоря о томъ, что и мнѣ лично въ нѣкоторой вредъ, ибо я о себѣ въ такихъ случаяхъ мало привыкъ думать, и по самому природному моему нраву, равнодушіе тутъ для меня не трудно; узнавъ о семъ, разсѣялъ я одну рукопись, въ которой описалъ все оное происшествіе съ Духоборцами, причины моего съ ними поступка, образъ мыслей моихъ о расколахъ и о томъ, какъ съ ними поступать вообще. Я помѣщу здѣсь сію рукопись, которая не могла быть напечатана, исключа изъ нея сказанное уже мною выше о семъ случаѣ. Къ сочиненію ея особливо побужденъ я былъ однимъ извѣстнымъ мнѣ письмомъ первенствующаго въ Синодѣ Архіерея, въ коемъ онъ, по нѣкоторому случаю, говоря о Духоборцахъ, писалъ: «Сей родъ сильно умножается и, не зная, что дѣлать съ нимъ, зѣло винятъ Ивана Владиміровича.»

можно ли ѣсть вязигу въ тѣ дни, въ которые по Уставу не положено ѣсть рыбу, и ей разрѣшили; почему-то, не упомню, вязигу къ рыбѣ не причитая.



ВЫПИСКА ИЗЪ РУКОПИСИ

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

ОТЗЫВЪ ИСКРЕННОСТИ.

Слышу, что умножается число, такъ называемыхъ, Духоборцовъ, и что за сіе винятъ меня.

Естьли бы я зналъ, что обвиненіе такое заключается только въ разныхъ толкахъ невѣжества и въ злорѣчіяхъ моихъ непріятелей (хотя я ихъ развѣ отъ того много имѣю, что никогда не могъ быть и не есть никому непріятелемъ), то я бы не только постыдился, да и полѣнился бы право себя оправдывать.

Но какъ разглашенія такія могутъ ввести въ ложное понятіе и изъ самыхъ благомыслящихъ людей тѣхъ, которые не знаютъ прямо обстоятельствъ, и какъ статья сія относится къ важному состоянію религіи и къ общественному благоустройству, то я, по чувствамъ моего благоговѣнія къ Церкви и ревностной любви къ отечеству, считаю за нужное нѣчто о семъ сказать.

I

Никогда, не только на бумагѣ, но ниже на словахъ, и съ самыми короткими пріятелями, не одобрялъ я оную секту. Всякая секта должна имѣть, и конечно имѣетъ, свои заблужденія.

Истинная религія есть ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, а новая тварь во Христѣ Іисусѣ, есть истинная натура Христіанства. Кто сего Евангельскаго и Апостольскаго о Христіанствѣ заключенія не приметъ, тотъ или врагъ Христіанству, или совсѣмъ никакого объ немъ чувства и понятія не имѣетъ.

Но для возведенія падшихъ грѣхомъ людей на оный таинственный путь Христіанской жизни, и для постояннаго ихъ къ тому препровожденія, при содѣйствіи Благодати свыше, нужны церковные

уставы, обряды, служенія, правительства, начальства и проч. А по сему и надобность учрежденной религіи есть самая священная и спасительная. И изъ всѣхъ, истину исповѣдающихъ, т. е., Христіанскихъ религій, уставъ Греко-Восточной Церкви почитаю я найлучшимъ, не по тому только, что я въ ней родился, но по убѣжденію сердца моего и разума.

II.

Исторія раздѣленій Церкви извѣстна. Они столько жъ естественны, сколько естественно заблужденіе людямъ, не могущимъ видѣть истину изъ точки прямаго на нее зрѣнія, а испытывающимъ ее по образамъ и оттѣнкамъ, слабостью разсудка природнаго. Отъ сего произошли всѣ раздѣленія (секты) и расколы. Политическія побужденія были всегда уже вторыми причинами. Фанатизмомъ ли суевѣрія, честолюбіемъ, или сребролюбіемъ руководствовались учредители сектъ, но всегда пользовались онымъ заблужденіемъ людей, слѣпотствующихъ на путяхъ къ истинѣ.

Источникъ всѣхъ почти расколовъ есть усердіе непросвѣщенное, исканіе лучшаго образа богослуженія, которое, конечно, раждается отъ усердія къ Богу: но безъ просвѣщенія, на самомъ подвигѣ усердія сего, въ заблужденіе войти можно. Для того же, кто, называясь христіаниномъ, во Христа не вѣруетъ, о Богѣ не помышляетъ, конечно, все равно, тотъ, или другой, образъ поклоненія, или совсѣмъ никакого. Таковой, конечно, не уклонится ни въ какую секту, и уклоняться ему не отъ чего.

Итакъ, самая ревность къ закону Божію, но свѣтомъ истиннаго разума не управляемая, заводитъ въ разнообразныя заблужденія и производитъ различные расколы и раздѣленія.

Не постигающій силы духа и внутренняго качества Христіанскаго и заключающій все въ одной внѣшности, боготворитъ ее и ею соблазняется. Разница въ литерахъ, въ какомъ нибудь обрядѣ, соблазняетъ и совращаетъ его. Онъ лучше согласится не величать Христа, нежели говорить тѣми, а не другими, словами, лучше совсѣмъ не будетъ молиться, нежели не тѣ употреблять внѣшніе знаки поклоненія, какіе употребляли его предки.

На семъ совратившихся самое большое число. Въ подвигѣ усердія непросвѣщеннаго, при суевѣрномъ обожаніи внѣшности, гораздо удобнѣе слабостямъ человѣческимъ удовлетворяться ея исполненіями, нежели сражаться со страстьми и отрицаться самолюбія.

Другіе впадаютъ въ противное, но также въ заблужденіе, и столько же удаляются отъ пути истиннаго. Понимая, что не во внѣшности заключается существенное, но не понимая пользу внѣшности и необходимость ея, какъ средства къ внутреннему, отвергаютъ внѣшнее, презираютъ образное, но не постигаютъ истиннаго, не вѣдаютъ существенной внутренности духовнаго. Разсужденія о Богѣ принимаютъ за созерцаніе божественнаго; молитву неустную, мысли о молитвѣ, за поклоненіе духомъ и истиною: безразсудное неуваженіе всякой внѣшности, при размышленіи о духовномъ, и при нѣкоторомъ стараніи естественными силами исполнять поверхность Христіанскихъ обязанностей, съ большимъ пожертвованіемъ самолюбію, почитаютъ жизнью духовною, внутреннимъ Христіанствомъ. Не вѣдаютъ, что созерцаніе небеснаго свойственно быть можетъ только чистому оку божественной премудрости, которая не входитъ въ злую душу и не обитаетъ въ тѣлѣ, оскверняющемся грѣхами; что поклоненіе духомъ и истиною есть жертвоприношеніе сердца, исполненнаго страха Господня, при живомъ, вѣрою и любовію ощущеніи присутствія Божія; что духовная жизнь внутренняго Христіанства есть безпрестанное распятіе плоти и страстей на внутреннемъ крестѣ самоотверженія и смиренія.

III

Изъ оной-то смѣси стремленія къ чистѣйшему поклоненію и ложнаго понятія о духовномъ родилась секта, такъ называемыхъ, Духоборцовъ

Кто именно ее учредилъ и точное время начала ея не извѣстно. Нѣкоторые изъ нихъ меня увѣряли, что уже слишкомъ сто лѣтъ существуетъ у нихъ такой образъ исповѣданія. Правительству же стали они извѣстны около 1770 года. Впрочемъ, хотя отъ начала своего имѣли они правиломъ не уважать ничего наружнаго, и все заключать единственно во внутренности и въ дѣятельномъ исполненіи Евангельскихъ заповѣдей, однако, они всегда ходили въ храмы, бывали у Свят. Причастія, въ храмахъ крестились, бракомъ сочетались, и всѣ внѣшнія обязанности Религіи исполняли. Сіе между ними продолжалось до самаго послѣдняго времени ихъ ссылокъ и заточеній.

Никакая секта въ новѣйшія времена не была столь строго преслѣдуема, какъ оные Духоборцы, и, конечно, не по тому только, что

они всѣхъ вреднѣе. Разными образами изтязывали ихъ, цѣлыми семействами ссылали въ тяжкія работы, заключали въ самыя жестокія темницы. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ такихъ, гдѣ ни стоять во весь ростъ, ни лежать протянувщись, нельзя было. Это мнѣ сказывалъ, хвалясь своимъ распоряженіемъ, одинъ изъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они содержались.

IV

Взятыхъ подъ стражу въ Слободско-Украинской губерніи Духоборцовъ велѣли мы съ товарищемъ тотчасъ освободить и уничтожить всякое надъ ними слѣдствіе, въ надеждѣ на прозорливость и человѣколюбіе Государя; а притомъ зная, что въ подобныхъ случаяхъ средства строгости всегда обращаются или въ несправедливое изтязаніе слабости и невѣжества, или въ пищу фанатизму, который тѣмъ укрѣпляется и воспаляется больше. Слѣпоту разума должно исцѣлять просвѣщеніемъ разума. Заблужденія духовныя исправлять надобно убѣжденіемъ духа, силою истины. Я думаю, что одна проповѣдь Евангельскаго ученія словами и книгами, при добродѣтельныхъ примѣрахъ, можетъ выводить изъ заблужденія совращающихся съ прямаго пути религіи. Исполненныхъ предразсудками противъ всякой внѣшности, или безразсудно прилѣпленныхъ къ какимъ либо особливымъ обрядамъ, никогда не убѣдишь въ пользѣ тѣхъ, а не другихъ. Опыты многихъ вѣковъ сіе доказываютъ. Но когда заблуждающіе въ ономъ будутъ просвѣщены и сердечно убѣждены въ существѣ животворнаго внутренняго Христіанства, тогда всякая для нихъ преграда на правильный путь сама собою разрушится, и они, при истинномъ на него вступленіи, узнаютъ и необходимую при томъ пользу внѣшности и обрядовъ для людей, изъ души и тѣла составленныхъ.

Совершенное отмѣтаніе Духоборцами всякой наружности, конечно, есть великое заблужденіе. Кромѣ установленныхъ въ Церкви таинствъ, коихъ предметъ есть освящать души и цѣлить тѣла силою вѣры, отверзая пути сокровенному дѣйствію духа Божія, всѣ уставы и обряды церковные спасительны и полезны; ибо въ нихъ устроены способы внѣшними упражненіями обращать самыя внѣшнія чувства на вспоможеніе духу, возбуждать сердце трогательностію совершенія служебныхъ обрядовъ, и видимыми образами, описаніями, чувственнымъ пѣніемъ невидимыхъ истинъ, сообщать объ нихъ разительное понятіе разуму.

Итакъ, отверженіе всякой наружности есть, конечно, заблужденіе. Но оно должно исправляться просвѣщеніемъ, а не жестокостью, хотя бы то и не въ сотняхъ семействъ. Убѣжденія нужны. Жестокость же не убѣждаетъ, но только раздражаетъ, или принуждаетъ надѣвать личину, которая въ религіи хуже раскола. Лучше, при усердномъ намѣреніи угождать Богу, отъ невѣжества заблуждать въ образѣ поклоненія, нежели играть имъ въ угодность людямъ.

* * *

Принявъ все сіе въ уваженіе, безпристрастные, разсудительные, уважающіе человѣчество и знающіе соотношеніе пользъ государственныхъ, конечно, не осудятъ того, что въ случаѣ семъ сдѣлалъ я съ моимъ почтеннымъ товарищемъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Въ самой первой день 1802 года возвратился я изъ Харькова въ Москву присутствовать въ Сенатѣ.

Весною очень заболѣли у меня ноги. Я собирался лѣчиться, и въ лѣтній мѣсяцъ отдохновенія пользоваться деревенскимъ воздухомъ, прогуливаясь въ прекрасномъ моемъ Аглинскомъ саду въ подмосковной, и въ немъ, на Юнговомъ острову, * у памятника Фенелону, герою моему, изъ первыхъ между мужами истинно великими, питать свое сердце самыми для души цѣлительными чувствами нѣжной любви къ человѣчеству.

Съ большимъ утѣшеніемъ занимался я планомъ этой моей деревенской жизни; но нечаянное призваніе къ новой должности опечалило было меня препятствомъ ему.

Меня выбрали Совѣстнымъ Судьею въ Москвѣ въ то время, какъ я не зналъ, что и выборъ производится. Я не хотѣлъ принять сей должности безъ соизволенія Государева; и всегда бы не охотно ее принялъ, потому что не предполагаю я возможности много въ ней успѣть дѣйствительнаго добра сдѣлать; однако, отказаться нельзя было; но, при всемъ усильномъ требованіи дворянства и настояніи Губернскаго начальства Московскаго о вступленіи моемъ въ оную должность, не вступалъ я прежде, нежели извѣстна мнѣ будетъ о томъ воля Государева; почему и представлено Ему было о семъ выборѣ отъ тогдашняго Московскаго Военнаго Губернатора, Фельдмаршала Графа Салтыкова.

---

* Рисунокъ этого острова и памятника Фенелону приложенъ къ № 4-му Вѣстника Европы въ Февралѣ 1809 года, и короткое описаніе ихъ и всего сада моего на стр. 298 сдѣлано издателемъ, Васильемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, которой отличается рѣдкими дарованіями въ литературѣ и чувствованіями прекраснаго сердца.

Для того неохотно принималъ я должность Совѣстнаго Судьи, что и подлинно въ Судѣ семъ, съ наилучшимъ намѣреніемъ учрежденномъ, но въ правилахъ своихъ требующемъ еще, кажется, дополненія, не знаю я, что можно по сіе время основательно сдѣлать лучшаго, нежели во всякомъ другомъ Судѣ.

Совѣстной Судъ вообще судитъ такъ, какъ и всѣ прочіе по законамъ, и правила его: 1, человѣколюбіе; 2, почтеніе къ особѣ ближняго, яко человѣку; 3, отвращеніе отъ угнетенія человѣчества (Учрежд. Губерн. 397) суть тѣ же, кои должны быть основаніемъ каждаго Суда, и безъ коихъ правосудіе отправляться не можетъ. Уголовныя дѣла судятся въ немъ только почти объ однихъ малолѣтнихъ, и по тѣмъ же законамъ, по которымъ дѣла сіи судились еще до учрежденія Совѣстнаго Суда.

Самой приличной Совѣстному Суду образъ сужденія былъ бы, конечно, по дѣламъ уголовнымъ, испытывать, такъ сказать, въ совѣсти побужденія къ преступленіямъ, или входить въ изслѣдованіе самыхъ сокровенныхъ ихъ причинъ, соображать качество и мѣру преступленій съ нравственными качествами каждаго преступника и съ силою возможности въ немъ удержать, или преодолѣть, себя, и потому соразмѣрное опредѣлять каждому въ надлежащемъ степени наказаніе. Но сіе невозможно. Не говоря уже о томъ, что недостанетъ человѣческой проницательности на точность таковыхъ испытаній и соображеній, невозможно оное и по тому, что и въ законахъ бы требовалась для того различительность и постепенность неестественныя. Не бываетъ, конечно, двухъ преступленій равныхъ, ежели во всей точности соображать ихъ съ побужденіями, предметами, обстоятельствами, свойствами и силами преступниковъ.

Отъ сего-то нерѣдко и случается, что два преступника, весьма различествующіе по внутреннему расположенію къ одинакому по внѣшнему своему виду преступленію, подвергаются равномѣрному наказанію закономъ, которымъ всѣхъ оныхъ оттѣнковъ различить и степени опредѣлить невозможно. И оное по внутреннему уравниваетъ уже одинъ Всевидящій Праведный Судія, въ очахъ Коего иногда преступникъ подъ мечемъ лютѣйшей и по суду человѣческому самой справедливой казни, достойнѣе такого, коего честности и добродѣтелямъ, по заключеніямъ же человѣческимъ, сплетаютъ вѣнцы и хвалы поютъ.

Въ дѣлахъ тяжебныхъ рѣшенія Совѣстнаго Суда тогда только дѣйствительны, когда, всѣ имѣющіе между собою тяжбу, или довольны, или когда которая нибудь сторона по миролюбію прекратитъ дѣло, безъ того же тщетенъ весь трудъ Совѣстнаго Суда, и плоды найлучшихъ его рѣшеній бываютъ тѣ, что тяжущіеся безотчетно объявятъ на нихъ свое неудовольствіе, и поведутъ свое дѣло надлежащимъ порядкомъ по законамъ, какъ будто бы въ Совѣстномъ Судѣ оно и не было.

Миролюбивые найдутъ способъ и безъ суда помириться между собою, или судомъ посредниковъ, которой есть самой естественной и основательной совѣстной судъ, когда добрая воля судящихся избираетъ его и повинуется его заключеніямъ. А охотники до тяжебъ и лицемѣры, иногда съ тѣмъ именно пойдутъ въ Совѣстный Судъ, чтобъ протянуть и больше запутать дѣло, притворяясь притомъ и въ миролюбіи, и зная, что они когда хотятъ, уничтожить могутъ все производство Совѣстнаго Суда.

Я думаю, что полезно было бы, для нѣкотораго удержанія отъ напрасныхъ въ Совѣстномъ Судѣ начинаній дѣлъ и объявленій неудовольствія на справедливыя рѣшенія его, опредѣлить, по крайней мѣрѣ, тяжелый штрафъ, которой взыскивать съ тѣхъ, кои, будучи недовольны рѣшеніемъ Совѣстнаго Суда, пойдутъ, куда по законамъ надлежитъ, и послѣ всѣхъ апелляцій окончательнымъ рѣшеніемъ обвинены будутъ. Здѣсь, по мнѣнію моему, тяжелый штрафъ столько жъ можетъ быть полезенъ, сколько неумѣренный во всѣхъ судныхъ и тяжебныхъ дѣлахъ, прочими Присутственными Мѣстами по обыкновенному теченію производимыхъ, можетъ судящихся иногда подвергать большимъ убыткамъ и, въ ободреніе неправой стороны, устрашать отъ справедливыхъ жалобъ, а Судей угрожать разореніемъ, и чрезъ то честныхъ принуждать выходить изъ службы, или невходить въ нее, а иныхъ торговаться съ тяжущимися и брать взятки вдвое за то, какъ рѣшить, да на расплату штрафа, въ случаѣ, что такое рѣшеніе не утвердится высшимъ мѣстомъ, которое также не безпогрѣшно.

О злоупотребленіи неумѣренныхъ штрафовъ, опредѣленныхъ за неправильныя рѣшенія и неограниченныхъ законами пеней, произвольно налагаемыхъ, кстати при семъ впишу я голосъ, которой подалъ я въ Общемъ Собраніи Московскихъ Сената Департаментовъ, по случаю наложеннаго однимъ бывшимъ Начальникомъ въ Москвѣ

и ея Губерніи взысканія на присутствующихъ Московскаго Магистрата.

Голосъ сей, по предложенію Министра Юстиціи, докладомъ согласившагося съ нимъ Общаго Собранія, поднесенъ былъ Государю Императору, съ тѣмъ, что не благоугодно ли Ему будетъ повелѣть Коммиссіи о составленіи законовъ, принять сей голосъ мой въ уваженіе для дальнѣйшихъ постановленій, на которой докладъ и послѣдовало Высочайшее соизволеніе Его Величества. *

Голосъ оной есть слѣдующій:

1) «За нужное считаю возобновить дѣятельнѣйшія мѣры къ воздержанію Начальниковъ Губерній и Губернскія Правленія отъ преступленія предѣловъ власти ихъ и должности, законами опредѣленныхъ, которое преступленіе есть источникъ всѣхъ въ Губерніяхъ неправдъ, безпорядковъ и притѣсненій.

2) При семъ же долгомъ поставляю, сообразя многіе опыты, сказать, чтобы точностью соблюденія законовъ и самымъ существомъ правосудія, требовалось заключить взысканія и положеніе пеней и штрафовъ, единственно въ тѣхъ случаяхъ и количествахъ, которые именно и точно опредѣлены законами, строго отвращая опредѣленіе пеней въ количествахъ произвольныхъ, и произвольное также обращеніе взысканій въ штрафахъ на Судей и чиновниковъ по такимъ дѣламъ, по коимъ оныя взысканія именно не повелѣваются законами.

За упущеніе въ самомъ важномъ уголовномъ дѣлѣ, и можетъ быть иногда умышленное, но со стороны умысла не доказанное, чиновникъ наказывается выговоромъ, строжае, нѣкоторымъ вычетомъ изъ жалованья, по крайней уже строгости отрѣшеніемъ отъ мѣста, а за погрѣшность, и часто неумышленную въ производствѣ, сопряженномъ съ интереснымъ искомъ, можетъ вышесказаннымъ взысканіемъ не только самъ подвергнуться нищетѣ, но всего лишиться могутъ такого чиновника дѣти и наслѣдники, которые, по мудрости

* Дѣло оное было по долговой претензіи купца Василья Девятаго на Московскомъ мѣщанинѣ Григорьевѣ. А жалоба отъ присутствующихъ Магистрата принесена была Сената въ 7 Департаментъ, въ коемъ произошли разныя мнѣнія. и потому дѣло разсматривалось въ Общемъ Собраніи, гдѣ поданъ оный голосъ. Докладъ же по сему голосу отправленъ былъ 17-го Іюля 1807 года, а именное повелѣніе о препровожденіи голоса въ Коммисію объявлено Общему Собранію 9-го Августа того же года.



милосердаго въ Россіи законодательства Государскаго, не лишаются имѣнія и за важнѣйшія Государственныя преступленія отцовъ и родственниковъ.

Не могутъ въ наказаніи таковыми взысканіями сохраниться и равенство и единообразіе, естественныя правосудію; ибо когда упущеніе не умышлено, то вина его равна, какъвъ дѣлѣ о маломъ, такъ и о большомъ искѣ; но въ первомъ, сдѣлавшій такое упущеніе, наказывается почти нечувствительно, особливо при безденежномъ состояніи, а въ послѣднемъ, и при самомъ иногда достаткѣ, совершенному разоренію и съ цѣлымъ семействомъ подвергается.

Тяжкіе сего рода штрафы могутъ, устрашая добронамѣренныхъ и честныхъ, но не безподверженныхъ, конечно, ошибкамъ, лишать службу полезнаго ихъ въ ней пребыванія, а злорасположенныхъ и лихоимцовъ побуждать къ большему удовлетворенію корыстолюбія, заставляя ихъ, собираясь на преступленіе беззаконнымъ производствомъ, усугубить оное еще предвареніемъ чрезъ преступленіе же, для запасу на то, чѣмъ бы было расплатиться за оное беззаконіе.

Самымъ тяжкимъ лишеніемъ чести личное наказаніе лица виновнаго, справедливѣе, конечно, нежели одно денежное наказаніе, но въ такомъ количествѣ, которое вмѣстѣ съ лицомъ симъ повергаетъ въ бѣдствіе и невинныхъ дѣтей и родственниковъ.

Я думаю, что къ лучшему отправленію суда подѣйствовать можетъ не столько тяжесть денежныхъ штрафовъ, отъ которой коварство лихоимства уклоняться найдетъ способы съ избыткомъ, и самая невинность часто пострадать можетъ, а честность, зная свойственную человѣчеству небезпогрѣшность и, благоразумно не надѣясь избѣжать ее, будетъ страшиться службы, и совсѣмъ отъ нея удаляться; не столько, говорю, тяжесть оныхъ штрафовъ и взысканій подѣйствовать можетъ къ лучшему и нелицепріятнѣйшему сусудопроизводству, какъ постепенное по начальству, и чрезъ разные, учрежденіями доставленные, пути, вниманіе на теченіе и производство дѣлъ, для сужденія и строгаго личнаго наказанія за пристрастія судящихъ, и для очищенія службы отъ таковыхъ, кои явнымъ невѣжествомъ, или малодушіемъ, ежели и непристрастіемъ, вредятъ сіи и оскорбляютъ святость суда. На примѣръ: разнообразныя рѣшенія, ежели не всегда означаютъ умышленную неправду, то непремѣнно, однако же, обнаруживаютъ неспособность, или невниматель-

ность, дѣлающія недостойными званія судейскаго. Частое отступленіе отъ своихъ мнѣній и перемѣна ихъ, ежели и не по лицепріимству, отъ сребролюбія производятся, то уже, конечно, или отъ неуваженія правды, или отъ малодушнаго лицепріятія, уступчивости и боязни сильныхъ происходятъ, что столько же несовмѣстно почтенному характеру судейскому. Желательно, чтобъ на сіе больше обращалось вниманіе, и чтобъ учредились удобнѣйшіе способы къ обнаруженію оныхъ поступковъ, заражающихъ судопроизводство.

Я осмѣлился о семъ распространиться, считая долгомъ званія моего, при всѣхъ случаяхъ откровенно и съ полнымъ усердіемъ дѣлать представленія, по мнѣнію моему, нужныя къ пользѣ правосудія и служенія Государственнаго.

И гдѣ же приличнѣе и полезнѣе могутъ быть такія разсужденія, какъ не въ собраніи сего верховнаго Правительствующаго Судилища?»

Итакъ я ожидалъ соизволенія Государева на выборъ меня въ Москвѣ Совѣстнымъ Судьею, неохотно готовясь вступить въ эту должность, и жалѣя, что она помѣшаетъ мнѣ долѣе прожить въ любезной моей подмосковной.

Но поручение мнѣ другой должности, столько нечаянное, отвело меня на нѣсколько лѣтъ отъ Москвы и на край Россіи. Наканунѣ полученія о выборѣ меня въ Совѣстные Судьи представленія, Государь изволилъ подписать Указъ о предсѣдательствованіи мнѣ въ Коммисіи, учрежденной для разбора споровъ и опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ.

Послѣ имѣлъ я щастіе слышать изъ устъ самаго Государя, что Онъ Самъ избралъ меня къ сему порученію, зная, какъ угодно Ему было при томъ сказать, мое безпристрастіе и любовь къ правдѣ и порядку.

И не слыхалъ я даже, что учреждается такая Коммисія, прежде нежели получилъ Указъ о ея мнѣ порученіи, при которомъ прислано было ко мнѣ начертаніе правилъ ея, обнародованныхъ напечатаніемъ на Русскомъ и Татарскомъ языкахъ.

Причиною учрежденія сей Коммисіи были жалобы Татаръ, подстрекнутыхъ завистью, непріязнью между собою и разными личностями дворянъ и чиновниковъ, начиная отъ нижнихъ до самыхъ вышнихъ, такъ что сіе касалось и до игранія знатнѣйшихъ ролей

при Дворѣ. Однимъ словомъ, сія Коммисія родилась больше отъ споровъ на паркетѣ, по которому охотники ходить всегда тѣснятся и скользятъ, нежели въ обильныхъ долинахъ и великолѣпныхъ горахъ романтической Тавриды, потому что, при самомъ отправленіи ко мнѣ Указа, ближайшіе по государственнымъ дѣламъ къ Государю, писали ко мнѣ, что Его Величество изволилъ поручить мнѣ сію Коммиссію, зная мое безпристрастіе, опытность и особливо твердость.

Хотя не имѣлъ я никакого понятія о положеніи Крымскомъ, но тотчасъ увидѣлъ изъ присланныхъ ко мнѣ правилъ неудобность исполненія. Не могъ я, однако, никакихъ сдѣлать о томъ представленій, не изслѣдуя и не удостовѣрясь на мѣстѣ.

Въ концѣ лѣта пріѣхавши въ Крымъ, открылъ я засѣданіе Коммисіи, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ собрала во всѣхъ подробностяхъ всѣ нужныя свѣдѣнія и, по соображеніи съ мѣстными обстоятельствами, постановя разсужденіе о всѣхъ неудобствахъ исполненія, какъ со стороны справедливости, такъ и порядка, просилъ я Государя о дозволеніи мнѣ пріѣхать въ Петербургъ для личныхъ объясненій.

Государь очень милостиво соизволилъ на пріѣздъ мой. Итакъ я отправился изъ Крыма черезъ Москву, въ которой просилъ я позволенія, для дѣлъ своихъ, прожить двѣ, или три, недѣли, какъ и въ Петербургъ просился на самое короткое время. Но за особыми, кромѣ Коммисіи, отъ Государя порученіями, не успѣвъ до позднихъ чиселъ Февраля выѣхать изъ Крыма, пріѣхалъ я въ Москву уже по начинавшей портиться дорогѣ, и не могъ въ ней больше пробыть осьми, или десяти, дней, а въ Петербургъ на короткое-то время пріѣхавши въ Мартѣ 1803 года, выѣхалъ изъ него въ Августѣ 1804 г. Государь изволилъ принять меня съ отмѣнною милостью. Скоро по пріѣздѣ имѣлъ я честь у Него обѣдать, и первыя слова его мнѣ были, что «Онъ съ особливымъ удовольствіемъ всегда дѣлаетъ мнѣ порученія, и съ такимъ же читаетъ всѣ мои бумаги; о Харьковской поѣздкѣ моей не забудетъ никогда.»

Представленія мои по Коммисіи Государь изволилъ одобрить и найти достойными вниманія; но какъ сіе дѣло Крымское, очень уважаемое Государемъ, трактовано было прежде въ Государственномъ Совѣтѣ, въ коемъ и Коммисіи основаніе положено, то угодно было

Государю, чтобъ и мои представленія разсмотрѣлъ Совѣтъ, при которомъ разсмотрѣніи и я бы всегда въ немъ былъ.

Въ первое о семъ собраніе свое Совѣтъ потребовалъ отъ меня соображенія всѣхъ предметовъ моихъ представленій, и мнѣнія, какимъ образомъ удобнѣе все это исполнить.

Сочиненіе сіе о рѣшительномъ жребіи хозяйственнаго состоянія Крымскихъ жителей немалаго, конечно, мнѣ стоило труда. Замѣчательно, что весь планъ его случилось мнѣ придумать, прогуливаясь въ Таврическомъ саду.

Въ ту же мою бытность въ Петербургѣ, желая сдѣлать оборотъ въ долгахъ моихъ, просилъ я Государя о покупкѣ у меня въ казну деревни и о пожалованіи мнѣ заимообразно денегъ. Записку о томъ, поднесенную Его Величеству, помѣщу я здѣсь, какъ такую, въ коей весьма справедливо и откровенно описаны всѣ причины моихъ долговъ, и какъ объясняющую самое нравственное мое расположеніе, кстати для сихъ историческихъ моихъ Записокъ.

«Дерзая испрашивать Всемилостивѣйшаго вспоможенія въ разстроенномъ состояніи моего имѣнія, нужнымъ считаю коротко разсказать исторію долговъ моихъ съ простосердечіемъ и откровенностью, которая мнѣ свойственна, особливо предъ Монаршимъ престоломъ.

Не родился я, конечно, охотникомъ до денегъ, но всегда ненавидѣлъ мотовство. Нельзя сказать, чтобъ никогда ничѣмъ я не жертвовалъ страстямъ моимъ и слабостямъ; однако, жертвы мои имъ, естьли имѣли, то самое малое вліяніе на долги мои. Не только не любилъ я пировъ и праздниковъ, и никогда не давалъ ихъ, но, можетъ быть, слишкомъ всегда былъ противъ ихъ предубѣжденъ. Не только не игралъ я никогда въ большія игры, но даже и въ такія, какихъ меньше не играютъ въ знатныхъ бесѣдахъ: въ самыя малыя играя, не проигрывалъ я, конечно, никогда нѣсколькихъ рублей безъ сожалѣнія, какъ напротивъ, никогда не подавалъ я бѣдному безъ нѣкотораго безпокойства о томъ, что не мало ли даю ему. Были обстоятельства, въ которыхъ разумъ мой считалъ должнымъ и силился удерживать мою руку, но ни одного, конечно, раза не успѣлъ. Простодушно описываю правду.

Съ одной стороны увѣренъ будучи, что частные люди очень могутъ содѣйствовать къ просвѣщенію Государства, и что всѣ попеченія Правительства, смѣю сказать, безъ сего содѣйствія не могутъ совершенно достигнуть въ томъ истиннаго предмета; а съ другой,

любя, страстно любя, полезное просвѣщеніе и ближнихъ, жертвовалъ я многимъ иждивеніемъ на воспитаніе юношества въ полезныхъ обществу наукахъ, и на изданіе книгъ, утверждающихъ корень чистой нравственности и добродѣтели. Въ томъ числѣ знатныя суммы употребилъ я не съ намѣреніемъ прибытка, однако, не имѣвъ намѣренія употребить ихъ и безвозвратно.

Но какъ стеченіе разныхъ случаевъ, обстоятельствъ и расположеній человѣческихъ, все оное нещастно представя въ видахъ совсѣмъ превратныхъ, наконецъ разстроило весьма поразительнымъ разрушеніемъ, то я изъ тѣхъ суммъ, которыя возвратить мнѣ слѣдовало, едва ли гривну получилъ за рубль.

Всѣ тѣ издержки дѣлалъ я въ долгъ, и въ томъ былъ, конечно очень неостороженъ. Но не для того, чтобъ себя оправдывать, а чтобъ искренно сказать, только всему прямую и естественную причину, скажу, что неосторожность оная во мнѣ происходила изъ одного источника съ тѣмъ, почему разумъ мой никогда не могъ удержать моей руки.

Въ долгъ же все для того, что жилъ при отцѣ моемъ, которой девяноста двухъ лѣтъ скончался въ 1797 году. И хотя онъ былъ самой доброй и благодѣтельной отецъ, и любилъ меня какъ только можно, однако, смотря на вещи по заключеніямъ своего времени, не только избыточнаго, но и многаго, необходимо нужнаго, не давалъ на содержаніе, не отъ скупости, или нелюбви къ дѣтямъ, но точно по смерть свою не вѣря, чтобъ рубля стоило то, за что въ новыя времена надобно было платить десять, особливо такъ думалъ онъ въ послѣднія одиннадцать лѣтъ своей жизни, въ которыя онъ, лишась зрѣнія, не выходилъ изъ комнатъ и крайнѣ ослабѣвалъ въ тѣлѣ, но, память имѣя здравую до послѣднихъ часовъ жизни, самъ управлялъ и распоряжалъ имѣніемъ, не позволяя мнѣ съ братомъ никакъ въ томъ участвовать. Мы хранили покой его и нисколько не нарушали его волю; даже необходимыя, по пристойности времени, для содержанія дому его, издержки, должно было дѣлать, скрывая отъ него и въ долгъ. Очень дорого мнѣ иногда стоило не допустить до него о долгахъ моихъ. Онъ былъ столь хорошаго расположенія, что мнѣ бы, конечно, простилъ и ничего бы не лишилъ меня, но для себя бы огорчился несносно.

Между тѣмъ корыстолюбіе, съ которымъ я принужденъ былъ имѣть дѣло и повиноваться ненасытнымъ его требованіямъ, весьма

возможными ему способами пользовалось моими обстоятельствами: и какъ же надобно было возрастать долгамъ моимъ при такихъ трудныхъ оборотахъ и нѣкоторыхъ, отмѣнно критическихъ, положеніяхъ чрезъ многіе годы!

Наконецъ, не смотря на все, не только не хотѣлъ я отослать моихъ кредиторовъ къ платежу въ бывшій вспомогательной банкъ, но, получая билетами его платежъ отъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ тѣхъ, которые по нѣскольку лѣтъ должны были отцу моему, съ заплатою пяти указныхъ процентовъ, коихъ больше не бралъ онъ никогда, что также, смѣю примѣтить, не очень обыкновенно: получая тѣ билеты, промѣнивалъ я ихъ, и большія суммы на ассигнаціи для заплаты своимъ кредиторамъ, которыхъ бы безъ того ввелъ я, конечно, въ убытокъ, какъ и собою тутъ испыталъ; ибо я промѣнивалъ или прибавлялъ, платя по десяти и по одиннадцати на сто. Лучше хотѣлъ я самъ понести убытокъ, и разорительной, нежели не сохранить моихъ обязательствъ другимъ.

Все сначала, мною здѣсь сказанное, извѣстно большей части безпристрастной публики обѣихъ столицъ.

Въ концѣ 1796 и въ началѣ 1797 года имѣлъ я вѣрные случаи нѣсколькими словами освободиться отъ моихъ долговъ, сохранивъ все имѣніе мое. Но хотя я думаю, что помощь отъ щедротъ Царскихъ есть самая справедливая, однако, не могъ я воспользоваться тѣми случаями, по нѣкоторой непобѣдимой стыдливости въ нравѣ моемъ, говорить о себѣ и просить. А при томъ, хотя я имѣлъ честь отмѣнно лестно быть призванъ, но я никогда немогъ легко и вообразить себѣ возможность просить даровъ и наградъ безъ заслугъ. Дѣла же мои между тѣмъ день отъ дня больше разстроивались.

И теперь, при всемъ неописанномъ моемъ увѣреніи на самую благость, царствующую въ Россіи, посадившій ее на престолъ видитъ, съ какою прискорбностью пишу я о себѣ, и что ни слова бы не сказалъ я, естьли бы не крайность заставила. Прибѣгаю къ средству сему, чтобъ сохранить мою честь, которою дорожу я въ видахъ любви къ правдѣ и человѣчеству; чтобъ успокоить жизнь мою, которую право я всегда провождалъ и расположенъ провождать или въ горячей любви къ престолу и отечеству, или въ усердной имъ службѣ, и чтобъ особливо сберечь какой нибудь кусокъ для моего брата, которой не только не дѣлился со мною, но въ един-

ственный, можетъ быть, примѣръ дружбы и добродѣтели, всею своею частью знатнаго имѣнія безропотно жертвовалъ мнѣ на помощь.

Крайность исторгла изъ меня и то изъясненіе о состояніи дѣлъ моихъ, которое осмѣлился я написать къ Государю Императору въ моей всеподданѣйшей прозьбѣ изъ Тавриды о позволеніи пріѣхать сюда для представленій, и прожить нѣсколько дней на дорогѣ въ Москвѣ. Довѣренность къ великой и щедрой душѣ Его водила моею рукою, и по истинѣ ему первому, во всю мою жизнь говорилъ я о себѣ съ такою откровенностью.

И по всему тому, приступая нынѣ къ прозьбѣ, въ полной же откровенности скажу, что Всемилостивѣйшее ей вниманіе будетъ Государская милость для меня великая, но дѣло щедроты Его тутъ будетъ справедливое. Я не прошу чрезвычайнаго, и не прошу такого, чего бы и безъ отличнаго благоволенія не получили служившіе не больше меня, не лучше, и ужь, конечно, не усерднѣе, ибо въ семъ не уступлю я никому.

Я прошу, чтобъ повелѣно было купить въ казну деревню, которую имѣю я въ Калужской губерніи, и проч.

Впрочемъ, предаюсь благоутробной волѣ Государя Императора, и повергаясь къ освященнымъ стопамъ Монаршимъ, сердечною любовію лобызая руку Александра Всемилостивѣйшаго, скажу, дѣло вѣрнаго подданнаго и сына отечества по возможности всѣми силами служить Государю и Отечеству, а Государю, Отцу Отечества, единственно принадлежитъ мудростью цѣнить заслуги и способности, благостью же щедроты своей опредѣлять милости.»

Подать сію записку принялъ на себя Графъ В. П. Кочубей, сей благоразумной, добронамѣренной, трудолюбивой Министръ, которому останусь я навсегда благодарнымъ, за его обязательное ко мнѣ расположеніе.

Государь изволъ отозваться, что онъ охотно благоволилъ бы исполнить мою прозьбу, но что Онъ деревень въ этотъ годъ ни у кого не покупаетъ, что денегъ въ Кабинетѣ нѣтъ, но что давно угодно Ему оказать мнѣ милость пожалованіемъ хорошей аренды, которую и пожаловалъ.

Подалъ я въ Государственномъ Совѣтѣ требованное имъ отъ меня мнѣніе о Крымскихъ дѣлахъ, и послѣ того мѣсяца три былъ я всякое собраніе въ присутствіи Совѣта. Много разсуждали, толковали, спорили, часто ничего не дѣлали — наконецъ рѣшили. Большин-

ство голосовъ было согласно съ моимъ мнѣніемъ, а три голоса были противъ. Государь изволилъ утвердить большинство голосовъ. Но когда поднесены ему были, для подписанія, заготовленныя къ тому бумаги, то Онъ, не подписавъ ихъ, оставилъ всѣ у себя.

Государь разсудилъ особливо за неудобное то, что Совѣтъ полагалъ мнѣ оставаться только Директоромъ Коммисіи и, присутствуя въ Сенатѣ, ѣздить въ Крымъ, когда заблагоразсужу, или когда надобность того потребуетъ. Мысль Государева о семъ была такая, что въ учрежденіи имъ Коммисіи много участвовала милостивая Его довѣренность лично ко мнѣ, но что ежели я не буду всегда тамъ на мѣстѣ, то Онъ не надѣется успѣховъ. И еще не могъ Государь ни какъ согласиться на установленіе апелляціи на Коммисію, о которой я представилъ и сильно настаивалъ, говоря, между прочимъ, слѣдующее:

«Хотя за особливую честь себѣ поставляю ту высокую довѣренность, коею опредѣленъ я Предсѣдательствующимъ въ такой рѣшительной Коммисіи, которая есть, конечно, одно судилище, не имѣющее въ учрежденіи на себя апелляціи, однако, по открывшимся на мѣстѣ причинамъ и по изъясненнымъ мною правиламъ пользы и правосудія, долгомъ любви къ правдѣ и благоустройству считаю представить, что нужно справедливо и съ общимъ порядкомъ сходно, учредить на Коммисію сію апелляцію въ Правительствующій Сенатъ.

Впрочемъ, и безъ того, по долгу правосудія, надобно же будетъ разсматривать жалобы на Коммисію, коихъ нельзя, чтобъ послѣ не было, или отъ естественнаго многимъ ослѣпленія въ правахъ своей собственности, или подлинно на погрѣшности разбора, каковымъ въ дѣлахъ подобныхъ я первый не имѣю самолюбія считать себя не подверженнымъ. Надобно уже будетъ принимать и разсматривать жалобы на Коммисію; но, безъ учрежденнаго порядка апелляціи, то будетъ смутно, для вышняго Правительства затруднительно, а для приносящихъ жалобы не только не удовольственно, ненадежно, но даже возмутительно быть можетъ, особливо для невѣжества и возженныхъ притязаній Татарскихъ.»

Учрежденіе въ концѣ прошлаго 1808 года Комитета для разсмотрѣнія рѣшеній Коммисіи, въ слѣдствіе разныхъ изъ Крыма жалобъ, оправдало оное, еще въ 1803 году, настоятельное представленіе мое о учрежденіи апелляціи надлежащимъ порядкомъ.



Послѣ вышесказанной мною остановки дѣла, для котораго пріѣхалъ я въ Петербургъ, еще мѣсяца три, или болѣе, не зналъ я, да и нѣкоторые изъ самыхъ ближнихъ къ Государю ничего же не знали, о его участи.

Многіе, не зная этого, а иные изъ такихъ, кои могли бы очень знать и знали, толковали, однако жъ, что я по своей охотѣ живу въ Петербургѣ, и чего-то добиваюсь. Много поводу къ сему подалъ за долго до того разнесшійся слухъ, что я буду Министромъ Юстиціи. Откуда онъ произошелъ, я и по сіе время не знаю; только онъ родился въ Петербургѣ, и такъ распространился въ немъ, какъ бы въ старой вѣщательницѣ, Москвѣ. Но я никогда бъ и не пожелалъ быть онымъ Министромъ, для того, что, по мнѣнію моему, ничьихъ глазъ и ушей не достанетъ всего того только прочитать и выслушать, что необходимо надобно въ семъ званіи, для истиннаго исполненія всей должности и для дѣйствительной пользы, не говоря о тѣхъ особливыхъ знаніяхъ и опытности въ разныхъ родахъ дѣлъ, которыя нужны Министру Юстиціи.

Слуху оному вѣрили нѣкоторые знатные и весьма чиновные, и для смѣху скажу, что онъ меня дарилъ иногда отмѣнными и очень примѣтными ласками отъ иныхъ изъ самыхъ такихъ господъ. Однако слухъ сей и разные умножившіеся при немъ обо мнѣ толки сдѣлали, думаю, то, что и мнѣ тогда поскользще прежняго на паркетѣ стало, хотя никогда очень твердою ногою на немъ не стоялъ. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось, изъ обхожденія со мною тѣхъ, кои, глядя на людей, составляютъ лица свои по справкамъ о фортунѣ ихъ при Дворѣ.

Но я былъ при томъ очень равнодушенъ, какъ и при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, распространяя на всѣ ихъ смыслъ стиха:

«La crime fait la honte et non pas l'echaffaud.

Не казнь приноситъ стыдъ, а преступленіе.»

Итакъ, послѣ неизвѣстности, нѣсколько мѣсяцовъ продолжавшейся, о участи рѣшеннаго въ Совѣтѣ Крымскаго дѣла, и въ концѣ уже Февраля 1804 года, вдругъ объявляются мнѣ отъ Государя, чрезъ, Министерство, многіе пункты, въ опроверженіе моихъ представленій и согласія Совѣтнаго, содержащіе въ себѣ новое положеніе, и на все оное требуется мое мнѣніе. Вникнувъ прилѣжно въ предложенное мнѣ, отвѣчалъ я, что все зависитъ отъ воли Государя; но когда Ему угодно знать мое мнѣніе, то не могу я чистосердечно сказать

иначе, что все оное неудобно и съ прямою пользою мѣстною, въ соображенiи ея съ общею Государственною, несогласно, и на все подалъ возраженiе на бумагѣ.

Тогда-то больше, нежели когда нибудь, заключали обо мнѣ, что я спорщикъ и упрямецъ, и между Министерства, при всей ласковости обхожденiя со мною, заочно говорили: «Что дѣлать съ нашимъ спорщикомъ Мартинистомъ? Противъ всего споритъ.» Надобно примѣтить, что на ихъ языкѣ Мартинистомъ называется тотъ, кто вѣритъ Христу и Евангелiю, а спорщикомъ — кто не соглашается на все изъ угожденiя Двору и имъ не притакиваетъ.

Нѣкоторые осуждали меня за то, что я представляю, и столько настоятельно, противъ того, что уже Государемъ учреждено и обнародавано. Иные хвалили мою смѣлость и твердость. Были и такiе, которые сравнивали меня съ Княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ. Но я ничего не находилъ въ поступкѣ своемъ, кромѣ долга.

Я думаю, что не представлять Государю о правдѣ и о томъ, чего требуетъ общее Государства благо, есть похищенiе истинной славы Государевой и собственности общаго и частнаго благосостоянiя, татьба, важнѣйшая многихъ родовъ ея, съ крайнимъ безчестьемъ строго по законамъ наказуемыхъ. Впрочемъ, для меня сдѣлать неправду въ судѣ и не спорить, или не представлять противъ того, что мнѣ кажется вредно и несправедливо, есть тоже, что нѣкоторымъ иныя кушанья, которыхъ желудокъ ихъ никакъ не варитъ и которыхъ они въ ротъ взять не могутъ. Это во мнѣ, какъ бы сказать, природной вкусъ, а не добродѣтель, которая должна быть дѣйствiе побѣды надъ собою. Это столько жъ мнѣ славно, какъ одному черные, а другому русые, волосы.

Кстати о Князѣ Яковѣ Ѳедоровичѣ Долгорукомъ и о смѣлости и твердости патрiотической.

Не хочу я, конечно, снять ни одного изъ неувядаемыхъ цвѣтовъ, покрывающихъ почтенный прахъ сего знаменитаго мужа, но скажу откровенно, что разодранiе имъ Указа Государева и удержанiе утвержденнаго самимъ же Государемъ опредѣленiя Сенатскаго, которое Долгоруковъ не подписавъ, запечаталъ съ заготовленными о исполненiи его Указами, не почитаю я столь великими дѣлами твердости и смѣлости, какими ихъ привыкли прославлять.

Что разодралъ Князь Яковъ Ѳедоровичъ, это, конечно, не есть поступокъ великодушiя, а запальчивости нрава, и въ такой степени,

въ коей себя и преодолѣвать неестественно. Слѣдственно, такія дѣла и не хотя дѣлаются. Расположеніе сіе нрава, конечно, поощрялось и образомъ тогдашняго обхожденія и нравомъ самаго Петра Великаго, которой ближнимъ позволялъ обходиться съ Нимъ просто и свободно, иногда до крайности; а Князя Якова Ѳедоровича онъ не только называлъ дядею, да и подлинно весьма близкимъ считалъ къ себѣ, уважая его и по лѣтамъ, которыми онъ много старѣе былъ Государя.

Но какое же при томъ было слѣдствіе оныхъ поступковъ Долгорукова? Не исполнить по волѣ Государевой для того, чтобъ замѣнить это тѣмъ, что еще гораздо угоднѣе и пріятнѣе ей будетъ. Надобенъ былъ Государю хлѣбъ; Долгоруковъ, противясь средству, къ тому назначенному, представляетъ другое, которое еще удобнѣе и столько жъ скоро исполниться можетъ. Надобны были работники; Долгоруковъ, оспоривая сдѣланное о томъ распоряженіе, находитъ способъ имѣть тѣхъ же работниковъ, и много выгоднѣе.

Это похоже на то, какъ бы, на примѣръ: пріятель мой, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, писалъ при мнѣ къ деревенскому своему управителю, чтобъ въ самую трудную пору и прежде времени собрать въ оброкъ десять тысячь, а я бы вырвалъ у него письмо, изодралъ и сказалъ ему: «Что ты дѣлаешь? Вѣдь ты крестьянъ-то разоришь! Вотъ тебѣ пятнадцать: возьми у меня; они теперь мнѣ ненадобны, а послѣ мнѣ заплатишь. Можетъ быть, въ первомъ движеніи пріятель, особливо нравомъ горячій, на меня и разсердился бы, но, конечно, скоро бы поблагодарилъ еще больше.

Смѣлость и твердость патріотическая истинно являются въ такихъ представленіяхъ, коими заставляешь того, кому представленіи сіи дѣлаются, оставлять любимыя его предпріятія, предпріятія, такъ сказать, страстей его и прихотей, безъ всякой имъ замѣны, совершенно обнаруживая ихъ вредность, или въ замѣчаніяхъ о безвозвратномъ сдѣланіи неправды, или погрѣшности политической. Однимъ словомъ, такія представленія, которыя въ корнѣ трогаютъ самолюбіе того, кому представляется, и чѣмъ далѣе отъ престола представляющій, тѣмъ почтеннѣе его представленія, чѣмъ большей онъ при томъ опасности подвергаетъ себя, тѣмъ онъ истиннѣе патріотъ-герой.

Наконецъ, совсѣмъ рѣшилось дѣло по моимъ представленіямъ о Крымскихъ земляхъ. Издано дополненіе къ начертанію правилъ Ком-



мисіи, во многомъ основанное на моемъ мнѣніи, а порядокъ производства дѣлъ и весь мой принятъ.

Главная цѣль представленій моихъ исполнена утвержденіемъ для тамошнихъ помѣщиковъ права собственности, которое рѣшеніями по прежнимъ правиламъ совершенно бы поколебалось.

Весьма желательно, чтобъ все, по оному дополненію, приведено было скорѣе къ концу, съ точнымъ наблюденіемъ справедливости и должнаго удовлетворенія Татарамъ и помѣщикамъ. Знаю, что меня укорили въ медленности дѣйствій Коммисіи: не безъ основанія думаю, что сіе внушено было самому Государю. Были такіе вѣтреницы и въ знатныхъ постахъ, которые даже въ письмахъ своихъ увѣряли, что я продолжаю Коммисію для того, что мнѣ выгодно жить въ Крыму и пріятно въ немъ властвовать, и сіе писали въ самое то время, когда я, по самой убѣдительной моей прозьбѣ къ Государю о увольненіи меня отъ Крымекой Коммисіи, получилъ уже предварительное извѣстіе о Его на то соизволеніи. Итакъ считали, что отъ меня медленно идетъ дѣло Коммисіи; но я уже скоро четыре года, какъ оставилъ ее, а она еще, кажется, очень не близка къ своему окончанію, не говоря о томъ, что еще только что учредился Комитетъ о пересмотрѣ ея рѣшеній, коихъ неприкосновенность и ненадобность подвергать апелляціи такъ жарко защищали, при настояніяхъ моего мнимаго упрямства и споролюбія.

Когда при отъѣздѣ изъ Петербурга откланивался я Государю, то Онъ очень милостиво изволилъ обойтиться со мною; приказалъ мнѣ обѣдать за Его столомъ, и послѣ обѣда, увѣря меня въ щастливой для меня надеждѣ Его Величества на мое усердіе, искуство, какъ изволилъ говорить, и любовь къ справедливости, сказалъ, что, наконецъ, Онъ видитъ, что нельзя такъ скоро кончить дѣлъ Коммисіи, и съ отмѣнною милостью обнявъ меня, отпустить изволилъ.

Проживши нѣсколько времени въ Москвѣ, по Высочайшему дозволенію, возвратился я въ Крымъ въ концѣ 1804 года и приступилъ къ распоряженію производствъ Коммисіи по изданному вновь дополненію къ ея правиламъ. Тяжбы еще не рѣшились, ибо предварительно надобно было дѣлать вызовы тяжущимся и выжидать срока на явку ихъ и документовъ. И я, ежели никакимъ рѣшеніемъ не одолжилъ никого, то ни однимъ же никого и не обидѣлъ, а Государственной интересъ сохранилъ самой важной — справедливость и порядокъ.

Между тѣмъ я не могъ никакъ, по домашнимъ обстоятельствамъ моимъ, оставаться въ Крыму, въ которой этотъ разъ и ѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ, побывъ тамъ нѣсколько времени, для исполненія воли Государевой, непремѣнно просить увольненія отъ Коммисіи, и, чрезъ три мѣсяца послѣ пріѣзда моего въ Крымъ, послалъ я о томъ въ собственныя руки прямо къ Государю письмо. Ни одинъ человѣкъ въ Крыму не зналъ, что я прошусь изъ него.

Я просилъ Государя найубѣдительнѣйшимъ образомъ. Писалъ къ Нему:

«Воля Вашего Императорскаго Величества для меня священна. Но на колѣнахъ предъ Вами признаюсь, Государь, что оставаться здѣсь было бы для меня тяжкое несеніе долга, а не то радостное исполненіе, съ какимъ я стремился всегда исполнять всякую волю моего Государя, и особливо Александра, великаго благостью, восхищающею меня и тѣмъ мудрымъ правленіемъ, предъ которымъ я благоговѣю, и которое насаждаетъ блаженство въ моемъ отечествѣ.

Дѣла Коммисіи здѣшней нѣсколько лѣтъ должны производиться непремѣнно, какъ я неоднократно доносилъ Вашему Императорскому Величеству по справедливости, которую говорить предъ Монаршимъ Престоломъ считаю я обязанностью первою въ служеніи Ему. Но самое нужное и главное сдѣлано. Правила учреждены, и я имѣлъ щастіе и смѣлость представить Вашему Императорскому Величеству надобность того преобразованія оныхъ, которое требовалось пользою края, пользою общею Государства и честію имени Вашего. Впрочемъ, Государь, готовъ я всю жизнь мою истощить на службу Вашего Императорскаго Величества, но отсюда всеподданнѣйше прошу увольненія,» и проч.

Отправя свою прозьбу, ѣздилъ я, для нѣкоторыхъ обозрѣній, по нагорной сторонѣ Крыма и наслаждался зрѣлищемъ сего неописаннаго собранія многихъ тысячь величественныхъ, прелестныхъ, ужасныхъ и восхитительныхъ картинъ, представляющихся во всей изящности разнообразія натуры.

На Страстной недѣлѣ говѣлъ я и причащался въ Егоріевскомъ монастырѣ, котораго мѣсто есть самая скрытая, страшными романтическими скалами пустыня, на великолѣпнѣйшемъ берегу Чернаго моря. Въ сіи, истинно мирные, дни моей жизни, составилъ я книжку подъ именемъ: «Отрывки для чтенія вѣрующимъ,» которую посвятилъ другу моему, Архіерею Черниговскому, Михаилу.

Послѣ сладостныхъ сихъ дней, послѣдовали горькія предчувствія печали, коею поразило меня скоро полученное извѣстіе о смерти роднаго моего брата и друга ближайшаго. Онъ былъ образецъ честности и любви братской. Во всю жизнь нашу не выходили мы за порогъ въ досадѣ другъ на друга.

Долго не получалъ я никакого отвѣта на мою прозьбу. Мѣсяца черезъ два получилъ я отъ Графа Кочубея письмо, коимъ онъ меня увѣдомилъ, что Государь соизволяетъ на мое увольненіе, но воля Его есть, чтобъ я оставался въ Крыму до назначенія мнѣ преемника, коего выборомъ Его Величество затрудняется.

Потомъ еще мѣсяца черезъ два обрадованъ я былъ полученіемъ слѣдующаго Рескрита:

«Иванъ Владиміровичь! Получивъ въ свое время прошеніе ваше объ увольненіи васъ отъ предсѣдательства въ Коммисіи о разборѣ Крымскихъ земель, Указомъ, вмѣстѣ съ симъ Правительствующему Сенату даннымъ, повелѣлъ Я васъ отъ сей должности уволить, предостовляя вамъ присутствовать по прежнему въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Удовлетворяя симъ желанію вашему, Я считаю справедливымъ поблагодарить васъ за ваши труды и изъявить вамъ мое сожалѣніе, что далѣе не могли ихъ продолжать. Пребываю вамъ благосклонный

Въ С-Петербургѣ,
Іюля 1-го дня, 1805 года.
На подлинномъ:

Александръ.»

Въ послѣднихъ словахъ сего Рескрипта, хотя очень милостивыхъ, примѣтилъ я, однако, неудовольствіе Государя на то, что я просилъ увольненія отъ Коммисіи. Примѣчаніе мое и подтвердилось послѣ; но я спокоенъ былъ, потому что просился не по недостатку усердія, а по совершенной невозможности долѣе оставаться въ Крыму, гдѣ и необходимости въ пребываніи моемъ для истинной пользы не было. О семъ, при нѣкоторомъ случаѣ, откровенно изъяснился я и Государю.

О выѣздѣ моемъ изъ Крыму жалѣлъ тамошній народъ, которой очень полюбилъ меня. Это тѣмъ замѣчательнѣе, а для меня лестнѣе, что я долженъ былъ быть противъ его, защищая по справедливости права дворянъ и новыхъ помѣщиковъ, которые, какъ я слышалъ, не столько, однако, меня любятъ.

Но тамошніе жители почти вообще, конечно, довольны мною. Недовольны были только тогдашніе начальники Губерніи, потому что

пребываніе мое тамъ немножко ихъ ограничивало, и особливо досадовали они на меня за то, что я вступился за нѣкоторыхъ бѣдняковъ, у которыхъ вымучили напрасное признаніе въ покражѣ казенныхъ червонцовъ, и оговоръ въ отдачѣ ихъ будто одному честному и достаточному Мурзѣ, коего также безъ всякаго основанія обыскивали, держали въ самой тѣсной тюрмѣ, срамили, водя по городу, какъ важнаго преступника.

По званію Сенатора, принявъ отъ всѣхъ ихъ жалобы, обратилъ я вниманіе Суда на сдѣланныя невиннымъ изтязанія, которыя изслѣдованіемъ и изобличены. Между тѣмъ я представилъ Сенату, и дѣло вошло въ него.

При слушаніи сего дѣла присутствовалъ уже я, возвратясь въ Москву, опять въ 6 Департаментѣ. Я далъ голосъ о защитѣ и воздаяніи невинности, и о поступкѣ по строгости законовъ съ тѣми, кои, гоня ее, столь много ихъ нарушили. Нѣкоторые согласились со мною, а иные съ Военнымъ Губернаторомъ, управляющимъ тамъ гражданскою частью, которой, въ своемъ представленіи, всячески старался навлекать подозрѣніе на невиннаго Джантемиръ Мурзу, и обвинять всклепавшихъ на себя отъ пытки. Пошло дѣло въ общее Собраніе. Лишь только въ него оно вступило, получается рапортъ, что подлинные воры найдены, а всѣ оные мученики Таврическаго Начальства ни сколько виноваты не были.

Въ Общемъ Собраніи оставалось мнѣ только удержать свой прежній голосъ. Съ нимъ тѣми или другими словами согласилися въ Общемъ Собраніи всѣ; только я слышалъ, что смѣялись нѣкоторые тому, что я, на высланной мною изъ дѣла запискѣ (ибо тотъ день я въ присутствіи не былъ), написалъ: «Радуясь, что, наконецъ, столь торжественно оправдалась невинность, которую имѣлъ я щастливой случай защищать, остается мнѣ только сослаться на прежній мой голосъ, въ Департаментѣ данной,» и проч. Смѣхъ надъ этими словами означаетъ немилость ко мнѣ товарищей, которую также я не заслужилъ, какъ Джантемиръ Мурза не заслуживалъ тюрмы, а естьли смѣялись не безграмотные, то жаль ихъ.

Еще вотъ что странно. Оправданіе мертваго Каласа читаютъ съ восторгами; а что свои безпокровные бѣдняки живые сидѣли въ тюрмахъ безвинно и пытаны, это дѣло кажется очень неважнымъ, и сдѣлается по немъ что нибудь развѣ по тому, что ужъ не льзя

иначе, или когда нѣтъ никакой подпоры тѣмъ, которые тѣснили и пытали!

Неужели отъ того, что тамъ Вольтеръ, Каласъ и Франція, а здѣсь Джантемиръ Мурза, поселяне, Мухинъ съ Гласовымъ, и Русская Таврида?

Впрочемъ, я удивляюсь, какъ можно защиту невинности и великимъ дѣломъ почитать: это дѣло должно быть самое натуральное. Не защитить невинность, когда можно, есть адская холодность, хуже злодѣйства, имѣющаго какое нибудь побужденіе.

Въ Сентябрѣ 1805 года, возвратясь въ Москву, началъ я присутствовать по прежнему въ 5 Департаментѣ Сената, которой тогда былъ переименованъ 6-мъ Уголовнымъ.

Но въ Департаментѣ семъ нашелъ я уже не по прежнему. Въ строгое, какъ говорятъ, время Павла I и въ первой годъ царствованія благодѣтельнѣйшаго изъ Монарховъ, Александра, въ которомъ отлучился я изъ присутствія онаго Департамента, старались общими силами, сколько можно, облегчать нещастную судьбу судимыхъ; но тогда уже, напротивъ, стремились осуждать сколько можно строжае, и не только ни мало не принимали на себя труда сыскивать въ законахъ и обстоятельствахъ дѣлъ, способы къ пощадѣ человѣчества, но не уважали ихъ и тамъ, гдѣ они сами собою представлялись зрѣнію и разсудку. На примѣръ: были споры о томъ, чтобъ не недѣлю, а мѣсяцъ, продержать въ смирительномъ домѣ. Основаніе такого спора столько жъ трудно доказывать, сколько излишне распространяться о его неосновательности. Были голоса, чтобъ сѣчь по жеребью десятаго. Хотя и прежде подобныя рѣшенія случались, но надобно, конечно, признаться, что напрасно и придумывать искать тому причинъ въ законной, или естественной, справедливости.

Было дѣло, что Уѣздный Судъ по догадкамъ заключилъ нѣсколько человѣкъ наказать нещадно кнутомъ и со всѣми обыкновенными знаками, вмѣсто смертной казни, сослать на каторгу. Палата, ревизуя, нашла, что по законамъ никакъ нельзя приговорить къ такой казни, ибо судимые не признались, и нѣтъ противъ ихъ также доказательствъ, которыя бы исключали всю возможность къ ихъ невинности (да и едва ли можно когда рѣшиться, не опасаясь ошибки, утвердить такія доказательства по одному изслѣдованію обстоятельствъ, ежели строго соображаться при томъ съ совѣстью и съ правилами основательнаго разумѣнія!). Но чтобъ не поощрять къ непризнательности,

Палата полагала сослать тѣхъ людей, по крайней мѣрѣ, на поселеніе; но и того, говорила она, по законамъ сдѣлать не можно, ибо они въ повальномъ обыску не опорочены, а съ мнѣніемъ своимъ о томъ, съ коимъ согласился и Губернаторъ, представила Сенату.

Что жъ Сенатъ сдѣлалъ? — Большая часть утвердили заключеніе Уѣзднаго Суда. Я, съ своей стороны, далъ голосъ, что не слѣдуетъ и разсматривать такого дѣла, по которому и приговора законнаго не сдѣлано, и что его должно возвратить въ Палату съ выговоромъ ей и Губернатору, ибо спрашиваться дозволяется о томъ только, на что нѣтъ законовъ, а на всѣ уголовныя и сему подобныя дѣла законы весьма ясны и достаточны. Итакъ, чтобъ она сама прежде постановила надлежащее по оному дѣлу рѣшеніе, которое и будетъ имѣть теченіе законное. Споръ этотъ былъ, помнится, послѣдній отъ меня въ 6-мъ Департаментѣ и, къ удивленію, конечно, ни одинъ не произвелъ больше въ немъ пустаго противъ меня шуму.

Много участвовало уже тогда въ такихъ несогласіяхъ учрежденіе раздачи, прежде слушанія дѣлъ, извѣстныхъ изъ нихъ записокъ. Въ собраніяхъ Сената уже не разсуждали о дѣлахъ, а высылали записки съ мнѣніями, на скорую руку написанными, или пріѣзжали съ готовыми въ засѣданіе и, не обременяя себя дальними разсужденіями, соглашались съ большимъ числомъ мнѣній, или съ кѣмъ больше понравится, (я имѣлъ честь не быть уже въ такихъ угодныхъ) или весьма съ предложеніемъ Оберъ Прокурора и тому подобными отношеніями.

Впрочемъ, учрежденіе сихъ записокъ весьма полезно, естьли бъ всегда сохранялась прямая цѣль его, и оно, какъ учрежденіе консультаціи, дѣлаетъ честь предпріимчивому, къ общему благу усердному, Министру и большому генію-поэту, которой представлялъ о сихъ учрежденіяхъ. Скажу только, что онъ не соблюлъ тутъ должной нѣжности къ формѣ, которая, однако, во многомъ заслуживаетъ священнаго уваженія.

Такимъ перемѣнамъ въ Сенатѣ прилично выходить по имяннымъ подписаннымъ Указамъ, а не по докладамъ Министровъ, или Генералъ-Прокуроровъ. Доклады пристойно Министрамъ подавать о тѣхъ Департаментахъ, коими они управляютъ, а Сенатъ Государь удостоиваетъ своимъ предсѣдательствомъ, и, конечно, ему извѣстно должно быть особливо все, что относится къ образу производствъ и правилъ Сената, которой есть то верховное Правительствующее суди-

лище, коего распространеніе правъ внесено и въ хронологію вещей достопамятныхъ.

Но не Министръ оный началъ, и не онъ послѣдній не соблюлъ той, по мнѣнію моему, почтенной нѣжности, о которой я сказалъ.

Итакъ, вышеписанная мною новость въ 6-мъ Департаментѣ очень затрудняла меня. Я выбралъ самую, по мнѣнію моему, лучшую въ такихъ случаяхъ сторону, омывать, по крайней мѣрѣ, свои руки и, подавая голоса, крѣпко держался ихъ, какъ и всегда.

Иные и соглашались со мною. Но естьли бъ и никто не согласился, то это не можетъ благомыслящаго человѣка отвести отъ справедливаго мнѣнія. Мнѣ часто говаривали (что жалко и повторять): «Вѣдь не будетъ же по твоему.» Какъ будто надобно рѣзать и грабить людей для того, что многіе ихъ грабятъ и рѣжутъ!

Однако больше, нежели вѣроятно, что оные споры мои были причиною, что, при новомъ росписаніи Сенаторовъ, очутился я въ 8 Департаментѣ, въ которомъ слишкомъ довольно Сенаторовъ было, и къ дѣламъ котораго я совсѣмъ не имѣлъ привычки.

Хотя Министръ Юстиціи на очень рѣзкое письмо мое о томъ къ нему отвѣчалъ мнѣ, что «самъ Государь изволилъ меня назначить, а онъ только тому радовался, желая, чтобъ всѣ лучшіе Гг. Сенаторы были въ апелляціонныхъ Департаментахъ, гдѣ больше соблазновъ,» но я не могу повѣрить, что сей родственникъ и въ прочемъ, конечно, доброжелатель мой, не участвовалъ въономъ переводѣ меня и съ своей стороны. Отдавая всю справедливость сему, отлично проницательному, Министру, знаю однако жъ, что неуступчивые очень ему непріятны.

Сначала не долго я присутствовалъ въ 8-мъ Департаментѣ. Особое порученіе отлучило меня на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Москвы.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Молніеносные подвиги Наполеона, — сего, Провидѣніемъ избраннаго, орудія на доказательства того, что всуе трудятся зиждущіе, аще не Господь созидаетъ, — въ концѣ 1806 года приближали опасность и къ Россійскимъ предѣламъ.

Сіе побудило тогда къ извѣстному и весьма памятному учрежденію временнаго земскаго войска или милиціи.

Нѣсколько Сенаторовъ отправлены были по Губерніямъ съ особливыми наставленіями, для наблюденія при семъ учрежденіи земскаго порядка, и особливо внутренняго спокойства и тишины. Моему надзору ввѣрены были Губерніи: Тульская, Калужская, Владимірская и Рязанская.

Чтобъ лучше представить, какимъ образомъ исполнялъ я сіе важное порученіе, и обстоятельства онаго времени, включу здѣсь выписку изъ моихъ донесеній, которыя долженъ я былъ тогда еженедѣльно посылать непосредственно къ Государю Императору.

ВЫПИСКА ИЗЪ ДОНЕСЕНІЙ.

Изъ Тулы, 4 Генваря, 1807.

«Отъ сердца, пылающаго любовію къ Вамъ и Отечеству, всеподданнѣйше приношу Вашему Императорскому Величеству поздравленіе съ началомъ отторженія врага всемірнаго спокойства.

Поспѣшивъ изъ Москвы къ исполненію повелѣннаго мнѣ въ Губерніяхъ, имѣлъ я первый неописанное удовольствіе обрадовать сею побѣдою * жителей здѣшнихъ и по дорогѣ. Никогда не видалъ въ народѣ даже похожаго на ту чувствительность, съ какою приняли сію вѣсть. Крестьяне плакали отъ радости.

---

* При Пултускѣ.

Скорое учрежденіе милиціи безпримѣрно глубокое впечатлѣніе на нихъ сдѣлало. Страхъ имъ представился ближе, нежели когда либо, при покровительствѣ свыше, можетъ онъ вѣроятно быть для Россіи. А потому всякое отдаленіе страха сего есть не только нынѣ радость, но оживленіе народу.

И для того-то, Государь, осмѣлюсь представить, что, при необходимости уже, конечно, составленія земскаго войска, сохраняя во всѣхъ случаяхъ, особливо настоящемъ, столь нужную дѣятельность, весьма, однако, полезно не спѣшить, или лучше сказать, не оказывать торопости, которая тотчасъ разливаетъ страхъ въ народѣ. Въ три дни здѣсь испыталъ я, сколько онъ успокоивается, сколько ободряется внушеніемъ того, чтобъ неослабно и съ найлучшимъ стараніемъ каждой, содѣйствуя въ спасительномъ дѣлѣ сооруженія общей обороны отечества, и можетъ быть, больше орудія успокоенія цѣлой Европы, не думалъ, однако жъ, чтобъ нѣсколько часовъ, нѣсколько дней промѣшкать опасно было, ибо разстояніе страха отъ предѣловъ нашихъ не днями считать должно: слава мощи, ихъ охраняющей!

Я увѣряю, и подлинно такъ думаю, что вооруженіе сіе есть точно временное, что, Боже избави Россію превратиться въ государство военное; что свойственно ей по праведнымъ однимъ причинамъ метать громы свои далеко за своими предѣлами; а между тѣмъ мирному ея поселянину природно, изощряя плугъ свой, о войнахъ и знать только по тѣмъ побѣдамъ, о коихъ разсказываетъ ему посѣдѣвшій въ нихъ ратникъ, котораго покоитъ онъ лаврами увѣнчанную старость.

Между тѣмъ, Государь, вездѣ усердіе и вѣрность достойны сыновъ Россійскаго Отечества. Гнусная лесть была бы, однако, увѣрять Ваше Величество, что учрежденіе милиціи не считаютъ крайне отяготительнымъ. Многіе мнѣ въ откровенности и здѣсь говорили, что гораздо бы лучше еще по одному, даже по два рекрута взять со ста, естьли уже необходимость того требуетъ.

Государь! Усердіе и любовь моя къ вамъ и Отечеству истинно неописанны. Я не хочу пережить спокойства и славы его и Вашей. Итакъ, конечно, говорю вамъ правду. Я жилъ въ Москвѣ и общій образъ мнѣнія извѣстенъ мнѣ. Весьма коротко знакомы мнѣ люди всѣхъ состояній. Нѣтъ никого, кромѣ водимыхъ видами личныхъ выгодъ, или легкомысліемъ, кто бы не находилъ учрежденіе милиціи

тягостнымъ и могущимъ разстроить общее хозяйство и мирность поселянской особливо жизни. Кто скажетъ Вамъ иное, Государь, тотъ обманщикъ, недостойной выговаривать именованіе Царскаго Престола, коего одно истинное украшеніе есть всемѣрное попеченіе о благѣ Царства, не могущемъ существовать безъ спокойства и личной безопасности, безъ которой не только безопасность предѣловъ государства, но и вся возможная слава и сила внѣ не дѣлаютъ народовъ щастливыми.

Еще съ вѣрноподданническимъ и патріотическимъ восхищеніемъ скажу, что повиновеніе, готовность, усердіе вездѣ являются во всемъ своемъ пространствѣ; но сіе-то общее чувство и требуетъ, конечно, самаго рачительнаго сбереженія, какъ самый драгоцѣнный залогъ прямой силы и твердости Отечества.

Расположеніе къ пожертвованіямъ денежнымъ и проч. возбуждено до чрезмѣрности. Конечно, во времена самой нужды только сіе можетъ быть пріемлемо. Похваляя здѣсь такое расположеніе, не считаю, однако жъ, Государь, за нужное, по видамъ истинной и прочной для Государства пользы, усиливать возбужденіе оное. Истощеніе частныхъ силъ и способовъ есть подрывъ общаго обилія и могущества.

Я былъ въ Москвѣ свидѣтелемъ того знатнаго приношенія, которое Московское купечество, славяся, сдѣлало раскладкою по гильдіямъ; но видѣлъ я отъ того ропотъ даже не между бѣднымъ купечествомъ, а у послѣдняго видѣлъ я и слезы отчаянія. Впрочемъ, они же это наложатъ на товары, и возвышеніемъ цѣнъ усугубится общественная трата.

Обыкновенно, нѣсколько человѣкъ завлекаютъ большее число по личнымъ видамъ собственной корысти, или честолюбія. И то, что кажется услугою обществу, и пріемлется таковою и награждается, часто бываетъ, въ прямомъ существѣ своемъ, совершеннымъ злодѣйствомъ обществу.

Когда должно говорить, то не могу говорить неправду Государю, и не такому, какъ Вамъ, рожденному быть истиннымъ Отцемъ Отечеству и примѣромъ благости Царскаго Сана. Вамъ, Государь, говоря правду, я выигрываю: ибо надѣюсь, что пріобрѣтаю чрезъ то Вашу милость. Но не побоялся бы я за правду для Отечества и гнѣва Царскаго, потому что Отечество люблю больше себя.

Осмѣливаюсь еще представить Вашему Императорскому Величеству слѣдующее:

1. Весьма бы нужно самое ясное предписаніе и точное во всѣхъ потребностяхъ опредѣленіе отношеній милиціоннаго начальства къ состояніямъ градскимъ и сельскимъ и къ вѣдомствамъ земскимъ, дабы заградить всѣ возможные пути къ притязаніямъ излишнимъ, нарушающимъ хозяйскія права и спокойство, и могущимъ смущать порядокъ гражданской части, пути, которые неопредѣленностью и неограниченностью точныхъ отношеній естественно отверзаются. Противодѣйствіе двухъ властей, конечно, можетъ воспрепятствовать успѣху дѣла. Нужно, весьма нужно, взаимное содѣйствіе и согласіе; но послѣднее столько же между людьми рѣдко, ежели не совсѣмъ при такихъ случаяхъ ненатурально, при движеніи страстей, свойственныхъ человѣчеству.

Власть Главнокомандующимъ областнымъ, столь торжественно и, вѣроятно, по самымъ основательнымъ причинамъ данная, не прострется, думаю, нисколько за предѣлы управленія милиціею.

2. Хотя и не сообщена еще намъ Инструкція или грамота, имъ данная 20 Декабря минувшаго года, но мнѣ извѣстно, что при назначеніи дней для экзерцицій милиціонныхъ, назначается въ ней день изъ опредѣленныхъ для работъ на помѣщиковъ.

Дни назначить, конечно, должно, и всего приличнѣе то сдѣлать по соображенію съ хозяйственною удобностью помѣщиковъ. Но, Всемилостивѣйшій Государь, повергаясь на колѣна предъ Вами, какъ вѣрнѣйшій подданный и сынъ отечества, усердствуя о спокойствіи его, всеподданнѣйше, всеубѣдительнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству инымъ образомъ изъясненія о томъ повелѣть, чтобъ, не возобновился Указъ, раздѣляющій время работъ крестьянскихъ на себя и на помѣщиковъ, ограничивающій власть послѣднихъ, несходно съ общею пользою, Указъ, котораго памятны слѣдствія при изданіи его, и который, смѣю сказать, хорошо, что оставался какъ бы безъ исполненія.

Въ Россіи ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самаго нашествія непріятельскаго, и не въ настоящемъ положеніи вещей. Я могу о семъ говорить безпристрастно, никогда истинно не дороживъ правами господства, стыдясь даже выговаривать слово холопъ, до слабости, можетъ быть, снисходителенъ будучи къ своимъ крестьянамъ. Первый, можетъ быть, желаю, чтобъ

не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, естьли бъ только то безъ вреда для нея возможно было; и наконецъ, будучи наканунѣ, по извѣстнымъ Вашему Величеству обстоятельствамъ, долговъ моихъ, не имѣть, можетъ быть, ни одной деревни.

Итакъ голосъ мой тутъ не только есть, но и долженъ быть, безпристрастенъ. И въ сихъ-то чувствахъ я увѣренъ, что ничего не можетъ быть пагубнѣе для внутренней твердости и общаго спокойства Россіи, какъ разслабленіе оныхъ связей. Внушенія никакія не помогутъ, ежели дѣйствія соотвѣтствовать не будутъ!

Я даже осмѣлился Главнокомандующему здѣшней области, Генералу Тутолмину, въ бесѣдѣ съ нимъ по дѣламъ милиціи, при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, обстоятельнѣйше совѣтовать, чтобъ, при назначеніи дней, не объявлять точно словами, раздѣляющими дни работъ крестьянъ на себя и на помѣщиковъ. Простите мнѣ, Государь: я доношу все откровенно.

Духомъ несказанной преданности вѣрноподданнической цѣлую благотворную Вашу руку. Да подписываетъ она только миръ и благоденствіе Россіи!»

Изъ Тулы, 11 Генваря, 1807.

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что въ Губерніи Тульской все благополучно, и изъ прочихъ, обозрѣнію моему ввѣренныхъ, ничего, кромѣ пріятнаго, не получалъ.

Поспѣшивъ изъ Москвы нарочно къ первому дню Новаго Года сюда, я засталъ еще здѣсь большую часть собранія Дворянскаго, а Предсѣдателей всѣхъ. Особо собравъ ихъ, съ Предводителемъ Губернскимъ, дѣлалъ я имъ надлежащія внушенія.

Рачительное также внушеніе сдѣлано отъ меня купечеству и мѣщанству. Сіе послѣднее и вообще людей нижшаго состоянія, почитаю за особливо нужное вразумлять и убѣждать. И дѣлаю то не нарядно, а въ короткости простаго обхожденія, въ простотѣ образа моей жизни, ходя пѣшкомъ и со всякимъ разговаривая. Въ такой же простотѣ осмѣливаюсь и Вашему Величеству доносить, чтобъ яснѣе представить.

Составъ земскаго войска идетъ съ найлучшимъ успѣхомъ и усердіемъ во всѣхъ, Высочайше ввѣренныхъ обозрѣнію моему, Губерніяхъ, Тульской, Калужской, Рязанской и Владимірской.

Общій духъ рвенія и вѣрности не можно описать довольно. Но не могу я также скрыть, Государь, и Боже меня избави скры-

вать отъ Васъ что либо, до спокойства и общей пользы отечества относящееся. Не могу скрыть, что частно, особливо въ тѣхъ состояніяхъ, изъ коихъ рядовые ратники набираются, много неудовольствій. Отцы, матери, естественно, жалѣютъ дѣтей, дѣти ихъ, и тому подобное.

Не можно еще ихъ увѣрить, чтобъ составляемое земское войско было временное, и что не тотчасъ они подвинуты будутъ противъ непріятеля, котораго каждой изъ нихъ, по безпримѣрной скорости учрежденія, и такова чрезвычайнаго, какъ есть учрежденіе столь многочисленной милиціи, считалъ, по крайней мѣрѣ, далеко уже внутри Россійскихъ предѣловъ, ежели не близко дверей своихъ. Едва и теперь отдыхаютъ отъ сей мысли.

Поразительное для всѣхъ впечатлѣніе нечаяннымъ учрежденіемъ симъ сдѣлано прежде, а распоряженія, успокоивающія, пришли послѣ, какъ-то: убѣжденія большія о временности земскаго войска; повелѣнія оставаться ему въ прежней одеждѣ; не брить лба и бороды; распоряженіе о пребываніи въ домахъ своихъ и проч.

Но и сіе не можетъ совершенно успокоить никакого рода поселянъ, ни помѣщиковъ. Хозяйство вообще разстроивается, не говоря еще о слѣдствіяхъ неисправимой на опытѣ неудобности слiянія властей, въ столь близкихъ и сплетенныхъ отношеніяхъ.

Повелѣвается поселянъ, вписанныхъ въ милицію, не употреблять ни въ какія посылки, или дѣла, которыя бы слишкомъ удаляли ихъ отъ мѣстъ жительства и проч., какъ и естественно. Но обыкновенная и необходимая въ самыхъ пахатныхъ мѣстахъ промышленность крестьянская и польза помѣщиковъ, требуетъ нерѣдкихъ отлучекъ отъ домовъ, и по положеніямъ оныхъ отъ городовъ, не близкихъ, для продажи хлѣба и издѣлья, для закупки лѣса, всякихъ надобностей домашнихъ и проч.

Есть же Губерніи въ числѣ назначенныхъ для милиціи, которыя и обилуютъ единственно отъ того, что большая часть лучшихъ изъ ихъ поселянъ занимаются промыслами въ отдаленныя мѣста и на долгое время. Каменьщики, плотники, трепачи, которые пеньку обдѣлываютъ, и пр. и пр. И то селеніе въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, въ коемъ остается сколько можно меньшее число людей для работъ домашнихъ.

Въ Губерніяхъ, порученныхъ моему обозрѣнію, приходитъ съ 15 не съ большимъ, и безъ малаго съ 14 ревизскихъ душъ, по одному

ратнику. Изъ числа же ревизскихъ душъ, въ самыхъ людныхъ селеніяхъ обыкновенно не больше половины бываетъ работниковъ. Таковыми въ деревняхъ считаются люди отъ пятидесяти лѣтъ, а здоровые иногда и старѣе, до 15 и 14 лѣтъ. Сколько же изъ такихъ въ милицію годныхъ остается? И изъ сколькихъ же по прямому разсчисленію долженъ вступить въ нее? Третій, четвертый и едва ли гдѣ пятый опредѣлится въ милицію изъ работниковъ, коихъ въ иныхъ мѣстахъ большая половина на большую часть года отлучаются, и далеко отъ домовъ своихъ, для тѣхъ обыкновенныхъ ихъ промысловъ, коими единственно содержатся тамъ селенія въ безбѣдномъ состояніи, какъ, на примѣръ: извѣстно мнѣ въ Губерніи Калужской.

При всей благоразумной дѣятельности и самомъ ревностномъ попеченіи тамошняго Губернатора, не уповательно, чтобъ точно въ назначенный срокъ можно было собрать въ оной Губерніи все положенное съ нея число ратниковъ; ибо Калужская Губернія промышленная, и большая часть жителей ея въ расходѣ по разнымъ и отдаленнымъ мѣстамъ. По симъ причинамъ Губернаторъ пишетъ ко мнѣ, что не торопится круто и требуетъ моего наставленія. Я осмѣлюсь, Государь, предписать ему съ своей стороны, чтобъ, имѣя въ предметѣ точность исполненія,' и нисколько въ немъ не ослабѣвая, въ чемъ на Г. Львова весьма положиться можно, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, гдѣ можно, однако, снизходилъ бы, не теряя ни одного возможнаго способа къ скорѣйшему успѣху. Осмѣлюсь предписать сіе для существенной пользы, для сохраненія общаго покоя, и наконецъ по необходимости. Крутость возмущаетъ; а людей разсыпанныхъ по всей Россіи вдругъ отыскать нѣтъ возможности. Въ селеніяхъ же промышленныхъ Губерній, и особливо въ зимнее время, остаются по большой части люди, имѣющіе свыше 50 и меньше 20 лѣтъ.

По убѣдительной прозьбѣ здѣшняго Градскаго Общества, которое, какъ и дворянское, отличилось здѣсь усердіемъ и важностію пожертвованій, осмѣлился я также отсрочить на семь дней наборъ, или вписаніе въ милицію Тульскихъ мѣщанъ. Они просили для того, чтобъ въ это время отыскать сколько можно изъ нихъ находящихся въ отлучкахъ, для назначенія справедливѣйшаго и для поставки людей больше годныхъ.

Сего требуетъ дѣйствительная польза. А что нѣсколько дней отсрочки ни въ какомъ тутъ случаѣ вредной разницы сдѣлать не

могутъ, то кажется ощутительно. Сколько же неторопливость въ настоящихъ обстоятельствахъ успокоиваетъ и одобряетъ народъ, начиная отъ самаго дворянства, то имѣлъ я удовольствіе, Государь, весьма видѣть здѣсь изъ опытовъ.

Истинная слава Вашего Императорскаго Величества и благо отечества, въ которомъ единственно и она блистать можетъ, суть первые у меня предметы въ дѣлѣ, Высочайшею Вашею довѣренностью порученномъ.

По искреннему моему къ нимъ усердію, еще откровенно донесу, что здѣсь, и въ самой Москвѣ, соблазняются тѣмъ, что въ то время, какъ одна часть Имперіи обязывается важною и затруднительною повинностію состава, вооруженія и снабженія земскаго войска, другая (не говоря о пограничныхъ Губерніяхъ), Манифестомъ 6 Декабря минувшаго года, только приглашается къ добровольнымъ пожертвованіямъ.

И подлинно, Государь, не сохраняется тутъ, по крайней мѣрѣ, видъ уравненія, толь облегчающаго общее ношеніе всякой тягости. Можетъ быть, что оныя, въ составъ милиціи не вошедшія, Губерніи и больше принесутъ, особливо при разныхъ средствахъ возбужденій, которыя, какъ уже я осмѣлился, по откровенности моей, доносить, не содѣйствуютъ, однако жъ, существенно къ основательной пользѣ отечества; кромѣ того, что разрождается отъ того междусобная зависть и размножаются случаи, подъ личиною рвенія, изощряться лукавству честолюбія, или корысти, на счетъ же общій, тѣмъ или другимъ образомъ.

Можетъ, быть принесутъ они и больше, но они имѣютъ право и ничего не приносить, тогда какъ прочія Манифестомъ же обязаны непремѣнно къ повинности въ мѣрѣ опредѣленной и тягостной. И право сіе дается имъ съ Монаршаго Престола, однимъ изъ тѣхъ во всенародное извѣстіе объявляемыхъ актовъ, коихъ правильность священнѣйшею печатью быть долженствуетъ.

Милосердѣйшій Государь! Прости мнѣ. Не могу о Вашемъ дѣлѣ, объ Отечествѣ, говорить Вамъ не то, что у меня на сердцѣ, не то. что въ мысляхъ у меня.

Много бы сказалъ я, за долгъ почелъ сказать, у ногъ Вашихъ, естьли бъ я имѣлъ щастіе быть при Августѣйшемъ лицѣ Вашемъ во время сихъ учрежденій.

Ваше Императорское Величество, конечно, милосердо бы простили и дерзость сыновняго усердія и погрѣшность, естьли бы представленія мои, при всей искренности ихъ, неосновательны были. Но опять донесу, что тоже бы представилъ и самому немилосердому Государю. Я былъ бы, конечно, жертвою моей преданности къ Престолу и Отечеству, но жертвою такою быть столько же для меня пріятно, сколько благоденствовать подъ скипетромъ Александра, не гнѣвающагося, конечно, за правду, а любящаго слышать ее.

За особливо нужное еще считаю представить благоусмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, для единообразнаго и общаго постановленія по милиціи, касательно убыли изъ нея людей, которую отъ смерти и утечьки естественно предполагать должно.

Ежели числу ихъ быть непремѣннымъ чрезъ всегдашнее наполненіе изъ тѣхъ же селеній, каковое положеніе кажется мнѣ есть, по крайней мѣрѣ, въ мысляхъ у милиціоннаго начальства, то сіе было бы не только неудобно, ибо всѣ бы въ селеніяхъ связаны были, и мѣщане, но и крайне несправедливо и неуравнительно.

На примѣръ: изъ двухъ селеній разнаго владѣнія, имѣющихъ въ себѣ по тысячѣ ревизскихъ душъ, изъ каждаго впишется въ милицію по 70 человѣкъ.

Между одними изъ сихъ помрутъ и разбѣжится въ одинъ годъ половина, а между другими ни четвертой доли, что весьма можетъ случиться по массѣ селеній. За что же первыхъ собратьи поселянъ, наполненіемъ изъ нихъ же, усугубится отягощеніе, и безвинно: ибо они могутъ быть всѣ столько же невинны въ утечкѣ собратьевъ своихъ, какъ и въ смерти ихъ? Розыскъ тутъ строгой по селеніямъ, особливо въ настоящее время, будетъ всегда притѣснителенъ, иногда возмутителенъ, и чаще безуспѣшенъ. Возлагать же за утечки оныя отвѣтственность на помѣщиковъ, или начальства сельскія, волостныя и мѣщанскія, было бы творить виноватыхъ.»

Изъ Тулы, 18-го Генваря, 1807.

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что въ Тульской Губерніи все благополучно; и въ прочихъ Губерніяхъ, обозрѣнію моему ввѣренныхъ, вообще спокойство и тишина царствуютъ. Чтобъ видѣть все ближе, былъ я въ разныхъ уѣздахъ. Вездѣ одинъ духъ усердія и покорливости.

Наилучшимъ образомъ приняты всѣ мѣры къ снаряду, продовольствію и вооруженію земскаго войска; люди готовы. Встрѣчается только

индѣ та неудобность, что по скорости назначенія надобно вписывать и одинокихъ; а изъ семейныхъ, въ отлучкахъ для обыкновенныхъ промысловъ, иные скрываются, чего нельзя было и не ожидать.

Нѣкоторыхъ видѣлъ я и весело, охотно записывающихся. Видѣлъ даже крестьянъ, очень здраво разсуждающихъ о нуждѣ усилить отечественное ополченіе. Всѣ пылаютъ одолѣніемъ неистоваго врага спокойства.

Не внесетъ онъ оружія своего въ нѣдра нашего Отечества. По крайней мѣрѣ не хотѣть дожить до того, должно быть лучшимъ чувствомъ Русскаго патріота. Едва ли сколько нибудь съ успѣхомъ проникнуть сюда можетъ и адское коварство его, къ дѣйствіямъ чрезъ обольщеніе черни. * Но дай, Боже, чтобъ, кромѣ такихъ непосредственныхъ и едва ли сбыточныхъ вліяній, сохранились въ ней связи подчиненности; чтобъ въ дворянствѣ и состояніяхъ учащихся не торжествовало ложное просвѣщеніе, на безвѣріи основанное, и чтобъ, наконецъ, не изострилось внутри пагубнѣйшее оружіе отъ злоупотребленій самаго земскаго войска! Не чрезъ мятежи и волненія его, но чтобъ столь природное людямъ властолюбіе его начальства, своевольство чиновниковъ его, на которое при такихъ случаяхъ неисчетные пути отверзаются, и могущая отъ того послѣдовать распутность толь многочисленной толпы рядовыхъ его ратниковъ, не обратилось бы въ оскорбленіе несносное и въ тягость возмутительную народу!

Итакъ, Государь, вѣрность и рвеніе вездѣ общія. Все Вамъ вѣрно, все любитъ Васъ до восхищенія. Но чувство бремени отъ земскаго войска общее же, какъ доносилъ я откровенно.

Всѣ, говоря, что щастливѣйшая будетъ та минута, въ которую отмѣнится сіе войско, продолжаютъ думать, что лучше, вмѣсто его, взять со ста по одному, даже по два, въ случаѣ крайности, обыкновенныхъ рекрутъ, безъ большой только браковки.

Затрудняются до боязни вліяніемъ начальства его, столь тѣсно сплетеннаго съ управленіемъ гражданскимъ и хозяйственнымъ состояніемъ при толикой степени власти.

---

* Предполагали, что непріятель будетъ дѣйствовать внутри Россіи чрезъ обольщеніе черни своими тайными агентами.



Полагая, что Ваше Императорское Величество изволили послать Сенаторовъ для перевѣсу ея, радуются здѣсь очень и моему пріѣзду.

Врученіе областнымъ начальникамъ вдругъ такой власти всѣхъ поразило. Признаюсь, Государь, что и я содрогнулся, когда, не предвидя близкой причины, услышалъ такое торжественное разрѣшеніе смертной казни... въ Россіи, гдѣ мечъ ея прежде всѣхъ странъ земныхъ отринутъ былъ — разрѣшеніе отъ руки, которой опредѣлено, кажется, подписывать одну милость и щастье народамъ.

Государь! То время, что или все вѣрно, или смертная казнь не удержитъ. Но когда устрашала она злодѣевъ? Они не думаютъ о казни, или бы бѣжали зла.

Государь! Пламеннымъ сердцемъ любви къ Тебѣ и Отечеству — у ногъ Твоихъ, руки Твои омывая слезами, говорю, будь только всегда Александръ, великій благостью! Она все преодолѣетъ.

Откровенно представляю образъ мнѣнія народнаго, и свою душу раскрываю предъ Вами, Государь. Руководствуюсь одними чувствами безпредѣльной вѣрности подданнаго, сына Отечества и десять лѣтъ имѣющаго честь носить званіе Сенатора, не для имяни только.»

Изъ Тулы, 24 Генваря. 1807.

«Въ трехъ донесеніяхъ моихъ предъ симъ Вашему Императорскому Величеству со всею откровенностью безпристрастія представилъ я все. На сей разъ важнѣйшаго донести ничего не имѣю.

Пріемлю только смѣлость представить Вамъ, Государь, слыша, что начальствомъ здѣшней области предполагается учредить нѣкоторой однорядокъ въ ѳеждѣ и рядовыхъ милиціи, какъ то: кафтаны покроя крестьянскаго, но по сотнямъ уравненные; особые пояса; на рукахъ перевязки съ шифрами; шапка одного манера и цвѣта и проч., и проч., что, конечно, не иное, какъ плодъ любви къ единообразію устройства, состарѣвшагося въ искуствѣ его Генерала Тутолмина.

Но по соображенію мѣстному, гораздо лучшимъ считаю все сіе оставить бы, естьли можно, ибо оно хотя въ мелочахъ, но все обязываетъ на повинности, еще новыя и не безубыточныя, умножаетъ случаи къ излишнимъ притязаніямъ, при злоупотребленіяхъ, ни въ чемъ и нигдѣ не избѣжныхъ, и, что всего важнѣе, больше утвердить можетъ народъ въ мысляхъ о невременности земскаго войска, и самаго его, или чрезъ сіи же мысли приводить въ уныніе, или особенностью такою, какъ и всякою, болѣе поощрять къ буйству, которое и безъ того весьма трудно будетъ отвращать при сліяніи

властей, крайне всегда неудобномъ для нашего народа. Наконецъ, всякое такое установленіе представляется отмѣною даннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ Указа и Правительствующему Сенату, чтобъ людей, въ милицію поступить имѣющихъ, одѣвать не иначе, какъ по примѣру обыкновенныхъ наборовъ, въ таковую же одежду, въ каковой они прежде ходили. А потому откровенно донесу, что и слухъ объ однорядкѣ ономъ, не съ удовольствіемъ пріемлется.

Вся же одежда и проч., по точному исполненію повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, уже всѣми приготовлена; и такъ отмѣна еще съ немалымъ всѣхъ убыткомъ затруднитъ.

Смѣло донося Вамъ, Государь, что знаю и думаю, повергаюсь къ освященнымъ стопамъ Вашимъ и цѣлую руку, отъ которой ожидаютъ всѣ побѣдъ и милостей.»

Послѣднее оное донесеніе приготовилъ я ввечеру, спѣша въ ту же ночь ѣхать въ Рязань. Ожидалъ только почты, которой надобно было притти въ тотъ вечеръ, считая, что я могу получить какой нибудь отзывъ на мое первое донесеніе.

И подлинно получилъ я Государевъ рескриптъ отъ 16 Генваря, въ которомъ и милость и гнѣвъ изъявлялись. Начатъ рескриптъ свидѣтельствомъ благоволенія за усердное исполненіе по Манифесту о милиціи. Потомъ Государь, сказавъ мнѣ, что «не сокроетъ Онъ отъ меня, что не безъ удивленія нашелъ Онъ въ донесеніи моемъ разсужденія, совсѣмъ постороннія сдѣланному мнѣ препорученію,» изволитъ описывать причины составленія временнаго ополченія, и заключать рескриптъ слѣдующими словами: «Я увѣренъ, впрочемъ, что каковъ бы ни былъ образъ вашихъ мыслей касательно составленія земскаго войска, но вы столько чувствуете долгъ вашъ, что потщитесь исполнить со всею ревностію и усердіемъ возложенную на васъ обязанность.»

О полученіи сего донесъ я слѣдующимъ письмомъ:

«Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества отъ 16 Генваря я удостоился получить.

Священнымъ долгомъ считалъ я откровенно доносить Вашему Императорскому Величеству образъ мнѣнія народнаго, а собственныхъ чувствъ моихъ не могъ скрыть отъ Васъ, и не скрою никогда.

Тѣмъ же чистосердечіемъ исполнены и всѣ мои донесенія. И нещастнѣйшая минута жизни моей будетъ та, въ которую навлечетъ



она гнѣвъ на меня Государя моего, нещастнѣйшая по безпредѣльной вѣрности и любви моей къ Нему и Отечеству.

Что касается до ревностнаго и усерднаго исполненія возложенной на меня обязанности, Всемилостивѣйшимъ ожиданіемъ чего заключается Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества, то осмѣлюсь сказать, что въ ревности и усердіи исполнять повелѣнія Ваши не уступлю я никому.

Всеподданѣйше подношу при семъ донесеніе, которое уже написано было при полученіи рескрипта.»

Написавъ сіе донесеніе, запечаталъ я его въ одинъ кувертъ съ приготовленнымъ прежде отъ того жъ числа и, отдавъ Почмейстеру для отправленія, спокойно сѣлъ въ кибитку и поѣхалъ въ Рязань.

Я продолжалъ писать къ Государю съ тою же искренностью и смѣлостью правды, какъ увидятъ изъ слѣдующихъ донесеній.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

ВЫПИСКИ ИЗЪ ДОНЕСЕНІЙ.

Изъ Рязани, 30-го Генваря, 1807.

«Духъ покорности и пламенной любви къ Вамъ, Государь, и Отечеству, тотъ же здѣсь, какъ и вездѣ. Равно и образъ общаго мнѣнія о учрежденіи земскаго войска такой же, какъ я прежде въ моей вѣрноподданнической откровенности доносилъ Вашему Императорскому Величеству.

Не изобильны пожертвованія въ Рязанской губерніи, имѣющей въ себѣ много бѣдныхъ дворянъ и купцовъ, но весьма добровольно и непрерывно приносятся.

Къ правильному назначенію рядовыхъ въ милицію представляетъ въ иныхъ мѣстахъ здѣшней губерніи нѣкоторое затрудненіе отлучка мѣщанъ и поселянъ въ разные промыслы, какъ-то: въ извозъ, въ работы, наемъ въ дальнія мѣста и проч., особливо изъ семейныхъ, что должно неизбѣжно иногда обращаться къ отягощенію одинокихъ. Есть такіе, кои скрываются, или нарочно удаляются, имѣя пашпорты, полученные прежде Манифеста о составленіи земскаго войска.

Безпокоятся и здѣсь также тѣми однорядками, о неудобности которыхъ представлялъ я Вашему Императорскому Величеству въ моемъ послѣднемъ донесеніи.»

Изъ Калуги, 7 Февраля, 1807.

«Нельзя пересказать, сколько народъ утѣшенъ Всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ отъ Вашего Императорскаго Величества отпускать и въ дальнія работы и промыслы. * Желательно только, чтобъ образъ исполненія сего установился, и сколько можно удобнѣйшій, чтобъ формы и разномысліе, ежели не прихоти исполнителей, не стѣсняли нисколько пользу сего, отеческою милостью къ народу начертаннаго, повелѣнія, и чтобъ милиціонное начальство въ связи своей, при исполненіи ономъ, съ начальствомъ гражданскимъ, руководствовалось всегда одними благородными видами частной хозяйской и общей отечества пользы.

Истинно, Государь, всякое облегченіе повинности земскаго войска неизобразимою благодарностью возноситъ къ престолу Вашего Императорскаго Величества сердца вѣрноподданныхъ, пылающія любовію къ Вамъ и усердіемъ безпредѣльнымъ.

Въ глубинѣ такихъ чувствованій повергается къ Вашимъ освященнымъ стопамъ.» и проч.

Изъ Калуги, 13 Февраля, 1807.

«Сердцемъ, которое горитъ желаніемъ, чтобъ все покорялось Россійскому скипетру, и чтобъ Ваша рука управляла имъ до позднѣйшей возможности жизни человѣческой, цѣлуя благотворную руку сію, приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше мое поздравленіе съ новою надъ врагами отечества знаменитою побѣдою, ** которую торжествовали здѣсь при восторгахъ, свойственныхъ чувствамъ любви и усердія Вашего народа къ Государю и Отечеству.

Отъ 7 числа сего мѣсяца доносилъ я Вашему Императорскому Величеству, что въ Калужской Губерніи земское войско готово, и все къ составленію его сдѣлано наилучшими мѣрами.

Нынѣ же, какъ о существеннѣйшемъ, донесу, что съ восхитительнѣйшею радостью принято Всемилостивѣйшее постановленіе Вашего Императорскаго Величества, опредѣляющее лѣта вступающимъ въ оное войско, отъ 17-ти до 50, *** и повелѣвающее на убылыя изъ

* Тогда вышло повелѣніе отпускать въ работы и промыслы; а до того, съ начала изданія Манифеста о милиціи, всѣхъ держали въ домахъ своихъ, къ отягощенію крайнему.

** При Прейсишъ-Эйлау

*** Сіи лѣта назначены были, съ отмѣною прежняго, сходно съ моимъ пред-



него мѣста рядовыхъ другихъ не требовать. Послѣднее тѣмъ паче обрадовало, что въ Инструкціи о должности чиновниковъ земскаго войска, отъ здѣшняго областнаго начальства составленной, къ неописанному затрудненію и отягощенію всѣхъ состояній, предписано уже было оное наполненіе, и изъ самыхъ тѣхъ участковъ, изъ коихъ случится убыль. * Вездѣ готовы люди, одѣты, снабжены и по возможности вооружены во всей точности, сходно съ Манифестомъ о учрежденіи милиціи и данными о томъ Указами Вашего Императорскаго Величества. Но отъ начальства ея требованія новыя, касательно образа одежды, рода и количества оружія и проч., производятъ во всѣхъ Губерніяхъ затрудненіе тѣмъ состояніямъ, кои обязываются на исполненіе онаго.

При семъ, по откровенности безпредѣльнаго усердія моего, не могу я, Государь, удержаться, отъ вѣрноподданническаго дерзновенія сказать, что хотя Вашему Величеству благоугодно было облечь Главнокомандующихъ обласнымъ земскимъ войскомъ такою властію, чтобъ во всѣхъ случаяхъ, до устройства областнаго войска относящихся, предписанія ихъ принимаемы и исполняемы были, какъ собственныя Ваши повелѣнія, но сіе, конечно, не о томъ, что было бы въ отмѣну оныхъ, какъ и самый Правительствующій Сенатъ, коего указамъ Монаршею довѣренностью издавна присвоена сія сила, не можетъ, конечно, дѣлать такихъ отмѣняющихъ предписаній.

По возложенной на меня обязанности представлять Вашему Императорскому Величеству образъ общаго мнѣнія о настоящемъ случаѣ внутренняго вооруженія, долженъ я донести, что власть оная, или лучше, возможность ею дѣлать устраняющіяся отъ точности извѣстной и всенародно объявленной воли Вашей предписанія такія и по такимъ предметамъ, о коихъ положенія должны и могутъ быть и не на мѣстѣ предвидѣны и вездѣ однообразны, по крайней мѣрѣ, приводитъ въ недоумѣніе всѣ земскія вѣдомства и большое разливаетъ стѣсненіе въ сердца.

Еще долгомъ считаю донести, что на представленіе вѣрноподданническаго усердія моего о неудобности назначать дни для збора и

ставленіемъ отъ 11 Генваря, въ коемъ представлялъ я и противъ онаго наполненія.

* Инструкціи, въ коей сіе предписано было, уже никогда послѣ не отыскивали.



ученья милиціи изъ дней подъ наименованіемъ работныхъ на помѣщика, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ своемъ Высочайшемъ ко мнѣ рескриптѣ изобразить, что оное, «хотя упомянуто въ данной грамотѣ Господамъ Главнокомандующимъ областными войсками, но сіе сказано собственно для нихъ;» однако въ помянутой же Инструкціи * отъ здѣшняго начальства сего войска, которая, по существу своему, конечно, всѣмъ извѣстна быть должна, именно назначаются два дни въ недѣли изъ работныхъ на помѣщиковъ. О семъ всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и первое мое представленіе осмѣлился сдѣлать.»

Изъ Владиміра, 1 Марта, 1807.

«Въ Губерніяхъ Тульской, Калужской, Рязанской и Владимірской спокойно все и благотишно.

Въ послѣднюю пріѣхавъ, здѣшнюю обозрю и изведаю на мѣстѣ все, повелѣнное Вашимъ Императорскимъ Величествомъ.

Проѣзжая, видѣлъ я у городскихъ и сельскихъ жителей неописанную радость о тѣхъ облегченіяхъ по милиціи, которыя Ваше Величество Всемилостивѣйше сдѣлать изволили. «Дай Богъ здоровья Государю!» говорятъ чистосердечно поселяне, прибавляя: «Когда-то совсѣмъ отмѣнится?»

Убѣждая ихъ въ томъ, что крайняя была надобность въ такомъ вооруженіи, увѣряю, что оно весьма временное, и что, конечно, отмѣнится, какъ скоро только можно будетъ. «Дай-то Богъ, дай-то Богъ!» отвѣчаютъ съ такимъ чувствомъ оживительной надежды, котораго истинно безъ слезъ почти видѣть нельзя.

Всемилостивѣйшій Государь! Я думаю, что у Монарха мудраго и добродѣтельнаго, истиннаго Отца Отечества, вѣрноподданническая любовь и усердіе должны давать право на смѣлость представленій и приближать къ престолу, нежели одинъ порядокъ чиновъ и Царедворскихъ должностей. Итакъ, въ моей предъ Вами откровенности, которую всегда я для себя считаю священнымъ долгомъ, осмѣлюсь сказать, что въ самомъ благодѣтельномъ царствованіи Вашего Императорскаго Величества благодѣтельнѣйшій будетъ тотъ день, въ который отмѣнится земское войско.

* Сія-то Инструкція тотчасъ тогда изчезла.



И четвертая часть его, обыкновеннымъ образомъ равно со всего государства собраннаго и воински устроеннаго, конечно, будетъ ополченіе гораздо дѣйствительнѣйшее, а для народу легчайшее; ибо совершенно общій образъ мнѣнія непрерывно есть тотъ, что лучше по одному, даже по два рекрута со ста, и отдѣленіе людей отъ настоящихъ званій въ прямое военное, столько же было бы полезнѣе къ удобнѣйшему устройству и нужно строгому управленію единоначальствомъ воинской власти, сколько нынѣшнее сліяніе властей представляетъ неудобства; а развлекательное положеніе въ состояніяхъ и земледѣльца, или промышленника, и купно ратника можетъ лишать ихъ способностей и къ тому и другому, питая между тѣмъ духъ буйства и своеволія.

Впрочемъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, до чрезвычайнаго числа умноженное войско можетъ со временемъ по разсмотрѣнію быть уменьшаемо, и изъ всякого рода организаціи возвращаемо въ мирныя хозяйственныя состоянія.

Примите, Государь, великодушно мои представленія; простите милосердо, естьли они неосновательны, но они всегда происходятъ единственно отъ такихъ чувствъ, по которымъ я имѣю щастіе быть до гроба

вѣрнѣйшимъ подданнымъ.

Изъ Владиміра, 8 Марта, 1807.

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что общая тишина и спокойство непрерывны въ здѣшней Владимірской и въ прочихъ, обозрѣнію моему ввѣренныхъ, Губерніяхъ, изъ коихъ еженедѣльно получаю извѣстія.

Все, касающееся до составленія земскаго войска со стороны гражданскаго начальства, при ревностномъ подвигѣ всѣхъ сословій Владимірской Губерніи, весьма хорошо устроено.

Духъ любви и усердія къ Вамъ и Отечеству безпредѣленъ здѣсь, какъ и во всей державѣ Вашего Императорскаго Величества, равно и образъ общаго мнѣнія о вооруженіи земскомъ, точно здѣсь такой же, какъ, по возложенному на меня долгу, въ откровенности доносилъ я изъ прочихъ Губерній.

Найтщательнѣйше внушаю я о временности онаго войска и о пребываніи рядовыхъ его въ нерушимости связей и повиновенія по ихъ кореннымъ состояніямъ. Сіе тѣмъ паче считаю нужнымъ, что уже появляется, какъ и естественно, хотя изрѣдка и въ неважномъ еще

видѣ, расположеніе къ своевольству, отъ несмысленныхъ заключеній, что уже подъ особливымъ живутъ начальствомъ, и плодъ заблужденія сего, доселѣ не вящшій, какъ въ нѣкоторыхъ развратное и домы истощающее пьянство, уклонность отъ хозяйственныхъ упражненій, малыя ослушанія, что все можетъ еще униматься не самыми строгими, только неупустительными, средствами, которыя и подтверждаю я бдительно употреблять въ самыхъ коренныхъ состояніяхъ оныхъ оруженосцевъ, т. е., въ земскомъ вѣдомствѣ и въ кругѣ волостныхъ и помѣщичьихъ властей, дабы исправляемые, купно съ исправленіемъ, больше убѣждались и въ томъ, что не выведены они изъ подчиненія властямъ онымъ.

Изъ Москвы, 18 Марта, 1807.

«Узнавъ здѣсь о полезномъ преобразованіи земскаго войска съ столь знатнымъ его убавленіемъ, благословилъ я, и конечно съ милліонами, любезнѣйшее Отечеству имя Ваше; духомъ неизобразимой радости поцѣловалъ Вашу руку, коей скипетръ вручило милосердіе небесъ къ человѣчеству. Да, едвали была когда въ Россіи радость, столь общая и столь чувствительная всѣмъ въ ней состояніямъ, какъ та, которая разольется онымъ спасительнымъ преобразованіемъ!

Не могъ я не начать симъ, Государь, отъ безпредѣльнаго удовольствія истинно вѣрноподданической любви къ Вашему Императорскому Величеству и пламеннаго усердія къ благу общему.

Высочайше мнѣ повелѣнное исполнилъ я во всѣхъ четырехъ Губерніяхъ, кои обозрѣнію моему ввѣрены были.

Во всѣхъ, относящееся къ внутреннему ополченію, учреждено и производится съ ревніемъ, отличающимъ Вашихъ подданныхъ.

Пожертвованія вездѣ продолжаются въ Губерніяхъ Тульской, Калужской, Владимірской и Рязанской, которыя, конечно, по справедливости удостоены будутъ Всемилостивѣйшаго ознаменованія Высокомонаршаго благоволенія Вашего Императорскаго Величества.

Исполнивъ все, повелѣнное мнѣ, возвратился я къ своему мѣсту, какъ предписано въ Высочайшемъ рескриптѣ Вашего Императорскаго Величества.

Смѣю надѣяться, что образъ исполненія моего угоденъ отеческой любви Вашей къ подданнымъ, великой душѣ и мудрой прозорливости Вашего Величества, ибо я руководствовался единственно неописаннымъ усердіемъ къ истинной славѣ Вашей и къ твердому благу Отечества.



Откровенность и вѣщаніе правды безъ всякихъ оттѣнокъ предъ Монаршимъ Престоломъ есть всегда для меня долгъ священный, не изгладимо впечатлѣвшійся въ сердце, совершенно преданное служенію Вамъ и Отечеству; а въ дѣлѣ, толико общественномъ и столь нѣжно касающемся непоколебимости благосостоянія Государственнаго, какъ есть настоящее вооруженіе внутреннее, и малое отступленіе отъ онаго правила моего, было бы, по мнѣнію моему, сущее предательство.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Преобразованіе земскаго войска, о которомъ я писалъ въ последнемъ моемъ донесеніи, подлинно обрадовало всѣхъ и облегчило несказанно; оно было сдѣлано точно такимъ образомъ, о которомъ имѣлъ я смѣлость усердія представлять Государю отъ 1-го Марта изъ Владиміра, только что не четвертая, а третья, часть оставлена была.

Скоро послѣ того и совсѣмъ перестало, какъ извѣстно, существовать сіе войско и возвратилось въ свои прежнія состоянія, кромѣ тѣхъ, коихъ помѣщики, или общества мѣщанъ и поселянъ казенныхъ, пожелали оставить на службѣ, для зачета въ рекруты.

Миръ, и съ сохраненіемъ чести Россійской Державы, въ Тильзитѣ заключенный, все успокоилъ.

Онъ весьма желателенъ былъ и полезенъ. Одинъ только неизбѣжный притомъ разрывъ съ Англіею много навлекъ неудобствъ разнаго рода.

Хотя я очень мало свѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ и коммерческихъ, однако при семъ могу, кажется, не безъ основанія осмѣлиться сказать, что главное искуство Россійской политики должно состоять въ томъ, чтобъ сколько можно не только меньше зависѣть отъ Европы, но и меньше связей съ нею имѣть, какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣю я обычаи, коихъ заразительная гнилость снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ Россійскихъ.

Хорошо бы имѣть военныя силы, съ удержаніемъ всегда неустрашимаго духа и нравовъ Русскихъ, во внутренности ополченія устроенныя по тактикѣ Тюренновъ, и Фридриховъ, для отраженія только непріятелей отъ предѣловъ Россійской Имперіи, слишкомъ обшир-

ной, и при нужномъ знаніи иностранныхъ языковъ, при упражненіяхъ въ изящныхъ и полезныхъ наукахъ и художествахъ, не стыдиться многихъ своихъ старинныхъ обычаевъ.

Покрой платья, цвѣтъ и доброта того, изъ чего оно шьется, не просвѣщаютъ, а покоряютъ частныхъ людей самой малодушной зависимости, цѣлое же Государство непримѣтно подвергаютъ очень большой къ ихъ ослабленію. Обѣдать не въ полдни, а въ шестомъ часу по полудни, а ужинать въ третьемъ за полночь, конечно, не есть ни умнѣе, ни великодушнѣе; а что тѣлу оно изнурительно и головѣ тяжело, то естественно.

Я думаю, что не меньше полезно отучить отъ того, чтобъ не считали необходимымъ употреблять сахаръ и кофе; всякой почти день, или, по крайней мѣрѣ, всякой выѣздъ, женщинамъ быть въ новомъ платьѣ и тому подобное, нежели завоевать нѣсколько провинцій, хотя и не меньше трудно.

Истинной патріотизмъ въ томъ, чтобъ желать Отечеству истиннаго добра и содѣйствовать тому всѣми силами; желать, чтобъ не на Французовъ, или Англичанъ, походили Русскіе, а были бы столько щастливы, какъ только они быть могутъ.

Что такое любить Отечество? Имѣть къ нему тѣ точно чувства любви, какія имѣютъ къ милой роднѣ своей, любить его подлинно, какъ добрыя дѣти любятъ своего отца. Будутъ ли они радоваться, видя, что отецъ ихъ въ красивыхъ нарядахъ и обширными владѣячами, таетъ и чахнетъ? И не будутъ ли лучше желать и стараться; чтобъ онъ выздоровѣлъ, когда еще можно?

Такъ, конечно: самыя суетныя привычки, самыя мелкія связи обычаевъ, обращаются въ тяжкія оковы.

Не имѣли бы мы по привычкѣ такой надобности въ сахарѣ, кофе, сукнахъ тонкихъ и прочемъ подобномъ, — и разрывъ бы съ Англіею въ Государствѣ едва извѣстенъ былъ.

Азіатцы, начиная отъ Пекина до Царяграда, могли бы, думаю, искреннѣйшими быть съ нами союзниками. Не много обезпокоятъ они и своею невѣрностью въ союзахъ. Всякая наша пушка у нихъ въ особомъ почтеніи. А размноженіе съ ними торговли, думаю, весьма бы могло быть полезно, съ большею удобностью сохранять въ ней всегда и перевѣсъ въ разсужденіи того, что меньше всегда причинъ уважать ихъ и опасаться.

Сколько одной пшеницы выпускать можно съ Турецкой стороны, при полезномъ переселеніи на нее пахарей изъ мѣстъ малоземельныхъ, и при усовершенствованіи земледѣлія, сего источника обилія и силы Государствъ.

Истинное богатство ихъ должно состоять не въ множествѣ монеты, а въ малой надобности въ деньгахъ. Государство, какъ и человѣкъ частный, чѣмъ меньше имѣетъ надобностей, тѣмъ меньше и зависимости отъ другихъ, тѣмъ больше въ себѣ господства и силы.

Я думаю, что составившаяся у насъ надобность Европейской торговли, въ такой пространной мѣрѣ причиною, что хитрость иностранныхъ торговцевъ, пока не сбавятъ гораздо съ нихъ нужды, никогда не допуститъ и купечество наше быть столько богатымъ, сколько оно должно и можетъ быть.

Хитрость сія въ змѣиномъ пронырствѣ своемъ неутомима. Естьли не можно сверху, то вползаетъ она снизу, и трудно изъ флеровыхъ ея сѣтокъ выпутываться безъ старинной Русской простоты и безсребренничества.

Но про все это знаютъ большіе... а мнѣ пора оканчивать свои Записки.

Кромѣ того рескрипта отъ 16 Генваря, 1807 года, которой вписалъ я здѣсь въ своемъ мѣстѣ, не получалъ я никакого отзыва на всѣ мои донесенія Государю при обозрѣніи Губерній, во время составленія земскаго войска, и ни одного отношенія по сему важному порученію ко мнѣ не было, послѣ перваго особеннаго отъ Государя наставленія, коимъ оное на меня было возложено.

При всѣхъ разсыпанныхъ, какъ извѣстно, наградахъ за эту милицію, Сенаторы, товарищи мои въ этомъ дѣлѣ, ничего не получили, по крайней мѣрѣ, двоимъ изъ Московскихъ Департаментовъ, знаю я, что и благоволенія сказано не было. Думали, что не я ли тому былъ причиною, ибо исключить меня, конечно, по справедливости было не можно.

А что Государь имѣлъ на меня неудовольствіе, то весьма открыто мнѣ было изъ самаго рескрипта Его. Впрочемъ, не хочу я повѣрить, чтобъ Онъ сколько нибудь прогнѣвался за то, что я представлялъ правду; но Онъ, вѣроятно, находилъ, что не мнѣ въ семъ случаѣ принадлежало дѣлать такія представленія.

Я, однако, по совѣсти считалъ за долгъ дѣлать ихъ при тѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, какія тогда были, и какія едва вѣками быва-



юты. Зная неудовольствіе на меня Государево, не безпокоился я ни одной минуты, по тѣмъ причинамъ, о которыхъ довольно изъяснено мною въ самыхъ донесеніяхъ, навлекшихъ отъ Него оное на меня неудовольствіе.

Время, и скоро, оправдало, конечно, въ очахъ Его всѣ мои представленія, и Онъ въ томъ же году ознаменовалъ ко мнѣ милость свою и притомъ характеръ свой прямо Царскій.

Сія черта истинно означаетъ величіе души Его и любовь къ правдѣ.

Награждать за пріятное, естественно очень; но послѣ гнѣва, которой также иногда и напрасной, естественъ въ кругѣ смертныхъ всѣмъ, никого не исключая, воспользоваться, такъ сказать, первымъ случаемъ къ награжденію знатнымъ отличіемъ того, на кого простирался гнѣвъ оный, есть дѣйствіе благотворительности великодушной, предпочитающей справедливое пріятному.

12 Декабря, 1807 года, Государь пожаловалъ нѣсколькихъ Тайныхъ Совѣтниковъ по старшинству въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники. Въ числѣ ихъ я пожалованъ былъ послѣдній. Иные изъ нихъ, я знаю, что очень того желали и давно искали, а мнѣ и на мысль не приходило, тогда особливо, получить этотъ чинъ. И вотъ какимъ образомъ я пожалованъ, какъ слышалъ я отъ довольно вѣрныхъ.

Государь приказалъ подать списокъ Тайныхъ Совѣтниковъ, пожалованныхъ въ 1796 году. Повѣряя списки самъ по печатному списку, издаваемому Герольдіею, увидѣлъ мое имя первое подъ послѣднимъ изъ поданныхъ Ему въ спискѣ. «Что жъ его тутъ не помѣстили?» спросилъ Государь. — «Онъ произведенъ въ 1797 году,» отвѣтствовали Его Величеству. — «Однако жъ въ началѣ,» отвѣчалъ Государь, «и такъ это мало разности,» — и Самъ изволилъ приписать мое имя. Но хотя бы это и не такъ происходило, все, однако жъ, пожалованіе меня послѣдняго, несомнительно означаетъ особое благоволеніе. Не можно, конечно, при производствѣ обойти безобидно, и потому случается, что для того, чтобы пожаловать одного, жалуютъ, не желая, нѣсколькихъ, кои его старѣе; но послѣдній, безъ всякого вида несправедливости, при производствѣ оставленъ быть можетъ, и пожалованіе его уже непремѣнно значитъ вниманіе милости.

Я благодарилъ за чинъ Государя письмомъ, въ которомъ осмѣлился дать нѣсколько примѣтить, что я чувствую и при семъ случаѣ все величіе души Его въ любленіи правды. Государь на первой почтѣ удостоилъ меня отвѣтомъ, въ которомъ изволилъ мнѣ сказать, что «Ему пріятно было въ письмѣ моемъ видѣть изъявленіе извѣстныхъ Ему моихъ чувствованій,» и проч. *

Нѣкоторые изъ ближайщихъ тогда къ Государю оказали себя въ разсужденіи меня совсѣмъ не подражающими Его добродѣтелямъ. Они по сіе время злобятся на меня за образъ моихъ мыслей о милиціи, въ планѣ коей они наиболѣе участвовали, и не постыдились въ пристрастіи и злобѣ обличить себя дачею такого голоса по дѣлу о долгахъ моихъ въ Общемъ Собраніи первыхъ 3 Департаментовъ, въ которомъ совершенно отступили отъ всякой справедливости и законовъ. **

По возвращеніи моемъ въ Москву изъ Губерній, бывшихъ подъ моимъ надзираніемъ, по случаю составленія земскаго войска, продолжая присутствовать въ 8 Департаментѣ, знакомился я съ апелляціонными въ немъ дѣлами, кои прежде никогда почти въ рукахъ моихъ не бывали. Продолжалъ я также и обычай мой не соглашаться на то, что несправедливымъ мнѣ кажется. Могу сказать, что я не выше неправды; но правда меня такъ выше, что я не смѣю и заикнуться противъ ее.

Въ ономъ Департаментѣ споры мои большею частію были по дѣламъ ищущихъ вольности отъ помѣщиковъ. Вдругъ приняли себѣ за правило всячески натягивать въ пользу таковыхъ ищущихъ, и это не по сердечному расположенію и не по законной справедливости, а для того, что угождать думаютъ тѣмъ Государю. Я никогда не соглашался удовлетворять прозьбамъ такихъ ищущихъ вольности, безъ совершеннаго, по законамъ, ихъ на то права.

Государю, конечно, угодно, чтобъ не оставались крѣпостными тѣ, кои подлинно ими быть не должны; но освобождать изъ крѣпостей

* Подтвержденіе онаго Монаршаго благоволенія ко мнѣ имѣлъ я щастіе видѣть въ пріѣздъ Государевъ въ Москву въ первыхъ числахъ Декабря 1809 года, въ которой, при отлично милостивомъ обхожденіи со мною, изволилъ Онъ пожаловать меня Кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго.

** Голосъ сей, съ пособіемъ малодушнаго угодничества, холодности къ правосудію и незнанія, былъ причиною, наконецъ, самаго несправедливаго и разорительнаго для меня рѣшенія онаго дѣла.



подборомъ подъ законы есть разрушеніе силы ихъ во вредъ общій. И кромѣ, вреда сего, какой же плодъ такихъ рѣшеній? Нѣсколько десятковъ, или сотенъ, не будутъ подъ властью помѣщиковъ съ тѣмъ, что большая изъ нихъ, может быть, часть сопьются, или голодные и нагіе скитаться будутъ по улицамъ и по дорогамъ.

Наконецъ, Министръ Юстиціи предложилъ, что не имѣетъ мѣста по такимъ дѣламъ и законъ о десятилѣтней давности, уничтожающей всякіе иски, и всѣ Департаменты сіе приняли, но я не согласился, и не соглашусь прежде нежели будетъ на то Указъ Государевъ, которой одинъ можетъ перемѣнять законы. Они должны исполняться по точнымъ ихъ словамъ, а въ толкахъ о разумѣ ихъ могутъ быть разномысліе и ошибки у всѣхъ Министровъ и Сенаторовъ.

Ежели въ оныхъ дѣлахъ не принимать закона о десятилѣтней давности, которой нынѣ одинъ ограничиваетъ время исковъ, то, натурально, и никакого времени уважать не должно; а за сто, за двѣсти, за триста лѣтъ, и для чего не больше, когда такъ — кто жъ найдутся крѣпостными? И такъ взволнуешь только людей самымъ малымъ числомъ такихъ рѣшеній, а многихъ сдѣлать общая польза, конечно не допуститъ. Цѣлыя селенія, многія тысячи душъ, станутъ производить иски вольности. Начнется дѣло перьями стряпчихъ, питающихся ябедою и подущеньемъ на нее, а кончится пушками, или, по крайней мѣрѣ, кнутьями и ссылками, ежели не висѣлицами, что также бывало.

И въ семъ случаѣ имѣю я предметомъ только общественную пользу; собственность моя ни сколько тутъ не вмѣшивается и не можетъ вмѣшиваться, какъ я очень изъяснилъ въ первомъ письмѣ моемъ по милиціи къ Государю изъ Тулы, отъ 4 Генваря, 1807 года.

Еще скажу, что я первой, можетъ быть, желаю, чтобъ не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, естьли бъ только то безъ вреда для нея возможно было. Но народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы, но сіе должно быть такъ расположено, чтобъ начальники Губерній, при обузданіяхъ тиранства, столько же бы страшились наказанія за малѣйшее при томъ излишество, или пристрастіе, и столько жъ бы увѣрены были не избѣжать того наказанія, сколько тираны за тиранство.

И еще скажу, что по сіе время въ Россіи ослабленіе связей подчиненности помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятельскаго. Свойственно мягкосердечію жалѣть и о томъ, когда не совсѣмъ еще отъ болѣзней оправившіеся, могутъ только прогуливаться въ больничномъ саду и пить и ѣсть только то, что имъ велятъ лѣкари; свойственно доброму сердцу желать, чтобъ они какъ можно скорѣе воспользовались полною для всѣхъ свободою; но дать ее имъ прежде времени, было бы ихъ же уморить.

У насъ въ рѣшеніяхъ принято оное правило всегда рѣшить въ пользу отбывающихъ отъ помѣщиковъ, отнюдь не изъ состраданія къ нимъ, и даже совершенно противъ своего желанія, но по тому только ошибочному понятію объ угодномъ, какъ я выше сказалъ, и чтобъ не спорить съ Министромъ Юстиціи.

На его предложеніе о томъ, что на дѣла сего рода десятилѣтняя давность не простирается, я, не согласясь, записалъ въ Общемъ Собраніи Московскихъ Департаментовъ слѣдующій отзывъ:

«Естьли не простирать на подобныя дѣла десятилѣтней давности, и никакимъ временемъ не ограничивать права ищущихъ вольности, то можетъ, въ общій подрывъ состоянія дворянскаго и коренными законами утвержденнаго преимущества его, неограниченное множество крѣпостныхъ людей отойти отъ своихъ помѣщиковъ. А при семъ сколько можетъ открыться путей и способовъ къ поползновенію людей, злонамѣреніемъ, или невѣжествомъ, водимыхъ, смущать простодушіе, часто, противъ истинной пользы своей, желающихъ оной свободы, и сколько можетъ возникнуть тяжебъ, разслабляющихъ неописанно полезныя для общественнаго покоя и благоустройства связей подчиненности!» 20 Марта, 1808.

Иные изъ товарищей очень хвалили мой патріотизмъ — и всѣ согласилися съ Министромъ.

Особливо настаивалъ я по дѣламъ подобнаго рода, чтобъ не лишать селенія солдатками безъ мужей своихъ прижитыхъ дѣтей, въ нихъ воспитанныхъ.

Законы очень справедливо укрѣпляютъ ихъ за помѣщиками, и въ селеніяхъ по воспитанію оставляютъ.

Отступленіе отъ сихъ законовъ есть поколебаніе права, которое можетъ отнестися къ общему подрыву дворянскаго состоянія и коренными законами утвержденнаго преимущества его, а равно и къ неустройству общественному возбужденіемъ безчисленныхъ тяжебъ

между крѣпостныхъ людей и помѣщиковъ, спокойно, полагаясь на законныя учрежденія и самымъ временемъ укрѣпленныя, владѣющихъ неограниченнымъ множествомъ подобныхъ, неосновательно вольности искать могущихъ, людей.

Такимъ образомъ изъяснился я о семъ еще въ Общемъ Собраніи Сената Московскихъ Департаментовъ. И, кромѣ нарушенія законовъ и описанныхъ мною слѣдствій отъ лишенія помѣщиковъ и селеній людей оныхъ, теряется еще истинная польза, которую приносятъ они Государству умноженіемъ самаго полезнаго въ немъ состоянія земледѣльцовъ, которое есть при томъ самой надежной и прочной запасъ воиновъ. Откуда, какъ не изъ за сохи, брали побѣдителей Карла XII и Фридриха II?

Споры мои въ Сенатѣ нѣсколько умножились въ концѣ 1807 года отъ того, что я мѣсяца два не могъ ѣздить въ присутствіе за болѣзнью въ лѣвой рукѣ, которую зашибъ я, упавши, очень больно. Однако дома читалъ я изъ дѣлъ записки и опредѣленія подписывалъ. Послѣднія приносили ко мнѣ обыкновенно подписанныя уже товарищами, и когда я находилъ резолюціи несогласныя съ моимъ о дѣлѣ понятіемъ, то принужденъ былъ давать противной голосъ.

Товарищи особливо со мною не любили соглашаться. «Не уже ли,» говорили, «одинъ всѣхъ умнѣе?» Сильнѣе этого резона не слышно было. — «Не уже ли, говаривалъ я имъ также въ пріятельской шуткѣ, одинъ Генералъ-Прокуроръ, или Оберъ-Прокуроръ, всегда всѣхъ умнѣе? а вы съ нимъ соглашаетесь?» — Иногда отвѣчали: «Ихъ это должность.» — Какъ будто нѣтъ каждаго Сенатора должности объявлять своё мнѣніе, и въ немъ по справедливости настаивать!

Расположеніе не соглашаться со мною отмѣнно оказалось въ одномъ дѣлѣ. Приходитъ въ 8 Департаментъ жалоба отъ нѣкотораго крестьянина на Господина и Госпожу свою. Дается резолюція: «Возвратить жалобу просителю, какъ не принадлежащую до сего Департамента.» Приносятъ ко мнѣ подписать о томъ опредѣленіе, уже подписанное моими товарищами. Я разсудилъ, что прозьбу оную возвращать, какъ только не принадлежащую до Департамента, есть то же, что заставлять просителя подавать ее въ другой, гдѣ она будто по приличности принята быть можетъ. А по законамъ — и весьма съ общею тишиною и благоустройствомъ сображеннымъ — отъ крѣпостныхъ людей на своихъ помѣщиковъ не велѣно принимать ни какихъ жалобъ и доносовъ, кромѣ какъ по первымъ двумъ пунктамъ.

За весьма нужное. почитая всегда уважать все то, что соблюдаетъ связь подчиненности помѣщикамъ, которой всякое ослабленіе ужасныя производило послѣдствія, и во исполненіе сказанныхъ законовъ думалъ я, что должно прозьбу оную передать въ Уголовной Департаментъ, для уваженія и поступленія по онымъ. Но имѣя въ виду удовлетвореніе имъ и пользу истинную, а не то, чтобъ только заспорить, или поставить на своемъ, чѣмъ право я даже гнушаюсь, и зная, сколько товарищи не любятъ со мною соглашаться, не подавалъ я голоса, а прежде приватно писалъ къ Оберъ-Прокурору, и долго старался, чтобъ перемѣнили резолюцію безъ моего участія, при подписаніи въ присутствіи опредѣленія, которое однимъ, или двумя, еще кромѣ меня, подписано не было. Однако и тутъ, т. е., чтобъ передать только бумагу въ другой Департаментъ: «Не ужели одинъ всѣхъ умнѣе?» — подѣйствовало. Не согласились. Я принужденъ былъ подать голосъ, съ которымъ согласился одинъ изъ товарищей, не присутствовавшій при слушаніи сего дѣла, и не подписавшій еще опредѣленія. Дѣло пошло въ Общее Собраніе, а мятежничество крестьянина, ожидавшаго отъ Сената рѣшенія, между тѣмъ питалось.

Когда вступило оно въ Общее Собраніе, то я на Запискѣ было написалъ, что какъ уже дѣло въ Общемъ Собраніи, то въ скорѣйшее укрощеніе буйства, не передавая въ 6 Департаментъ, прямо предписать Губернскому Начальству о поступленіи по законамъ. Но согласившемуся со мною товарищу показалось это по чему-то ненадобнымъ: «Ты меня завелъ,» говорилъ онъ, «въ свое мнѣніе, а теперь отступаешь.» Хотя по моему понятію и не было это отступленіе, однако, въ удовольствіе моему товарищу, я вычернилъ написанное мною, и подписалъ только, что остаюсь при своемъ голосѣ. Тѣмъ я доказалъ еще, что нѣтъ во мнѣ упрямства, которое многіе право очень напрасно во мнѣ полагаютъ.

Не отступалъ я, правда, въ Общемъ Собраніи никогда отъ своего мнѣнія, и не соглашался въ отмѣну его ни съ однимъ Генералъ-Прокуроромъ; только это отнюдь не изъ упрямства, или тщеславія, а подлинно думая, что мое мнѣніе справедливо. Кажется, и нельзя иначе думать, послѣ столькихъ переходовъ дѣла, ежели, разсудивъ объ немъ какъ должно, даешь свое мнѣніе. Едва ли перемѣнялъ я, помнится, резолюцію свою и въ Департаментѣ Уголовномъ, потому что дѣла его мнѣ твердо знакомы, и что производя ихъ съ тѣмъ

вниманіемъ, какое требуется ихъ важностью, рѣдко, крайне рѣдко, развѣ случиться можетъ справедливая надобность перемѣнить резолюцію.

При слушаніи въ Общемъ Собраніи дѣла по оной крестьянской жалобѣ, всѣ, однако, согласилися съ моимъ мнѣніемъ; остались только тѣ при резолюціи 8 Департамента, которые въ немъ ее давали. Скоро дѣло сіе возвратилось и изъ Консультаціи. Предложеніе по оному Министра Юстиціи довольно пространно. Заключеніе же его состоитъ въ томъ, что хотя сіе дѣло и принадлежитъ до 8 Департамента, но теперь уже отослать ту жалобу прямо изъ Общаго Собранія къ Начальнику Губерніи съ тѣмъ, чтобъ онъ велѣлъ, кому надлежитъ, по той прозьбѣ изслѣдовать, и по изслѣдованіи дать сему дѣлу законное теченіе. Притомъ Министръ говоритъ, что, ежели жалоба крестьянина окажется справедливою, то докажетъ недобронравіе и безчиніе (сирѣчь помѣщика) и проч.; ежели, напротивъ того, жалоба та будетъ несправедливою, то докажетъ возмутительность крестьянина,» и проч.

Всѣ по обычаю согласилися съ предложеніемъ Министра, а я записалъ слѣдующій отзывъ:

«Имѣя предметомъ единственно скорѣйшее укрощеніе буйства и соблюденіе общаго порядка силою законовъ, соглашаюсь я съ предложеніемъ Его Свѣтлости въ непосредственной отсылкѣ прозьбы крестьянина къ Начальнику Губерніи, но только съ тѣмъ, чтобъ было просто предписано о поступленіи въ семъ случаѣ по законамъ, ни сколько въ предписаніи семъ не подавая поводу къ разбору между помѣщиками и крестьянами. 29 Генваря, 1809 года.»

Въ прошломъ 1808 году три были по Сенату произшествій, особливо достопамятныя:

1. Объявлено отъ Государя Императора неудовольствіе за разногласіе по многимъ дѣламъ въ 7 и 8 Департаментахъ. 2. Для скорѣйшаго окончанія въ Московскомъ Общемъ Собраніи накопившихся дѣлъ, велѣно оному присутствовать и послѣ обѣда по середамъ. 3. Въ 7 и 8 Департаментахъ докладывать по осьми и по десяти апелляціонныхъ дѣлъ въ недѣлю.

Естьли бъ между Сенаторами была должная твердость единодушія, то надлежало бы о первомъ представить Государю въ справедливое оправданіе свое, а о послѣднемъ, изъ усердія къ истинному успѣху въ дѣлахъ, котораго не можетъ быть при скорости безмѣрной.

Могутъ голоса быть, конечно, и отъ охоты спорить и отъ разныхъ пристрастій; но можетъ быть разномысліе основано и на самомъ чистосердечномъ побужденіи къ правдѣ, при свойственныхъ человѣческому понятію ошибкахъ. А какъ и того и другаго безпогрѣшно всегда опредѣлить невозможно, то, кажется, полезнѣе для правосудія, чтобъ были споры, хотя иногда и неосновательные, нежели чтобъ не было ихъ, для того только, что боятся спорить.

Что жъ принадлежитъ до скорости, то она, по мнѣнію моему, гораздо вреднѣе медленности въ судопроизводствѣ. Лучше истцу подождать, но получить принадлежащее ему, нежели онаго лишиться чрезъ необдуманное, по скоропостижности, рѣшеніе. Лучше просидѣть годъ лишній въ тюрмѣ невинному, нежели, отъ незрѣлости уваженія поспѣшнаго суда, отправиться на каторгу.

И потому-то я не только не жалѣю теперь, что переведенъ изъ Уголовнаго Департамента, но очень бы опечалился, естьли бъ случилось опять въ немъ присутствовать, при такомъ образѣ теченія дѣлъ.

Спѣшить и хорошо дѣлать естественно развѣ на пожарахъ; но и на нихъ часто ломаютъ лишнее въ напрасной убытокъ людямъ.

Безмѣрною спѣшностью отнимутся всѣ способы хорошенько вникать въ дѣла, для должнаго объ нихъ разсужденія, и по неволѣ оставишь ихъ въ рукахъ у докладчиковъ, да у Оберъ-Прокуроровъ съ Генералъ-Прокуроромъ, отъ вліянія которыхъ они и такъ, по нещастью, всегда гораздо больше зависѣли, нежели надобно.

Въ Общемъ Собраніи два раза въ недѣлю докладываютъ по два и по три дѣла въ каждое. Это можно сказать, хотя, говоря о собраніяхъ такого важнаго Правительства, и неприлично бы — одно щегольство. Дѣйствительнаго же отъ того успѣха ни какъ быть не можетъ. Во первыхъ, едва ли чьихъ силъ достанетъ на прилѣжное прочтеніе по стольким дѣламъ всѣхъ Записокъ. Сіе должно естественно мѣшать хорошему разсмотрѣнію; а со стороны скорости, то, разчисливъ время, нужное для консультаціи по всѣмъ симъ, спѣшно рѣшимымъ, дѣламъ, и для обращенія изъ нея въ Сенатъ къ окончанію надлежащго производства, ясно откроется, что ни сколько отъ оной спѣшности прямо скорѣе оканчиваться дѣла не могутъ, а хуже разсматриваться и рѣшиться будутъ непремѣнно.

Впрочемъ, нынѣ почти труда не стоитъ заботиться Сенаторамъ разсматриваніемъ дѣлъ въ Общемъ Собраніи, и ломать свои головы

о томъ, какое въ немъ дать мнѣніе, развѣ для того только, какъ я нѣгдѣ сказалъ, чтобъ омыть свои руки; ибо такъ уже укоренился нещастной обычай большинствомъ голосовъ соглашаться съ предложеніями Министра Юстиціи, или какого нибудь моднаго Оберъ-Прокурора, что все равно, какъ бы они одни рѣшили дѣла, а Сенаторскія разсужденія и труды совсѣмъ становятся лишніе. Самихъ же Сенаторовъ слабость, конечно, тому виною.

Всегдашнее отступленіе отъ своихъ мнѣній и согласіе съ такими предложеніями, ясно обнаруживаютъ жалкое состояніе суда въ самомъ верховномъ Судилищѣ и Правительствѣ, коего долгъ наблюдать за правосудіемъ и во всемъ Государствѣ.

Тутъ-то можно бы кстати сказать: «Неужели одинъ всегда бываетъ всѣхъ умнѣе, и всегдашнее уваженіе къ такому одному не явно ли показываетъ презрѣніе правды и законовъ?»

Безпристрастіе, зрѣлое уваженіе и точность въ наблюденіи судебнаго порядка, должны быть неразрывны и составлять истинную натуру правосудія. Безъ того мертвы будутъ законы, сколько бъ хорошо они написаны ни были.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать, что законы всѣ хороши, только бы исполнялись, и никогда, конечно, не бываетъ зла отъ недостатка законовъ, а все отъ того, что не слѣдуютъ имъ и справедливости.

Могутъ, конечно, и законы быть хуже и лучше, и нужно перемѣнять ихъ иногда, такъ сказать, по времени и возрастамъ народовъ. Перемѣну сію, удобнѣе, думаю, дѣлать частно, ознакомливая людей постепенно съ каждымъ новымъ узаконеніемъ. Перемѣна же вдругъ цѣлаго круга законодательства въ Государствѣ самымъ уже тѣмъ громомъ, которой сопровождать ее долженъ, можетъ произвести въ умахъ колебаніе, коего послѣдствій вредъ, или пользу, трудно прежде отгадать.

Но все главное въ судопроизводствѣ дѣло — любовь къ правдѣ, вниманіе и порядокъ. Первая лучше не захочетъ судить, нежели спѣшить судомъ, а послѣднихъ при торопости сохранить невозможно.

Отъ этой-то, думаю, торопости, разсуждать мѣшающей, или отъ желанія, чтобъ какъ можно меньше входило дѣлъ, для того, чтобы выслуживаться мнимымъ успѣхомъ въ томъ, что нѣтъ у насъ дѣлъ, всѣ перерѣшены, думаю, отъ того, а не отъ совершенной, конечно,

холодности къ человѣчеству, вотъ что произошло въ 6 Уголовномъ Департаментѣ:

Вдругъ рѣшились на производства по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ о людяхъ нижняго состоянія не принимать жалобъ, которыя всегда въ Сенатѣ принимались, и сдѣлали о томъ опредѣленіе.

Оберъ-Прокуроръ, не находя онаго противнымъ закону, не пропустилъ, однако жъ, опредѣленія, потому что оно отмѣняетъ прежнія. Перешло дѣло въ Общее Собраніе. Всѣ согласились съ опредѣленіемъ, чтобъ не принимать жалобъ. Я далъ голосъ съ изъясненіемъ о пользѣ принятія оныхъ жалобъ и о могущемъ быть злоупотребленіи отъ непринимація ихъ. Со мною согласились трое.

По обыкновенной отсылкѣ дѣла на консультацію, получено предложеніе отъ Министра Юстиціи, который также находитъ, что не должно принимать такихъ жалобъ; но какъ они уже давно принимались, то, чтобъ не поступить противно указу, запрещающему разность рѣшеній, надлежитъ объ отмѣнѣ принятія тѣхъ жалобъ поднести Государю докладъ.

На сіе предложеніе Министра записалъ я слѣдующій отзывъ:

«Жалобы оныя, не апелляціоннымъ порядкомъ и безъ остановки безвременной теченія дѣлъ, болѣе десяти лѣтъ принимались въ 5, что нынѣ 6, Департаментъ, т. е., съ того времени, какъ уголовныя и слѣдственныя дѣла переданы были въ него изъ 2-го. Но по симъ самымъ переданнымъ дѣламъ, весьма мнѣ извѣстнымъ, ибо я въ то же время началъ присутствовать въ 5 Департаментѣ, видно, что во 2-мъ принимались оныя жалобы еще много лѣтъ прежде. До учрежденій о Губерніяхъ принимаемы онѣ были также въ Сенатѣ на рѣшенія Юстицъ-Коллегіи, Губернскихъ Канцелярій и проч., словомъ: едва ли не во все время существованія Правительствующаго Сената принимались онѣ.

Итакъ опыты цѣлаго уже столѣтія доказываютъ, съ одной стороны, сколько принятіе оныхъ жалобъ служило не рѣдко къ защитѣ и избавленію невинности, столько, съ другой, что не доходило еще число дѣлъ сего рода до такого множества, коимъ бы Сенатъ необнятно и для человѣчества безполезно затруднился. Естьли же бы до того, паче чаянія, и дошло, то и тогда было бы время принять мѣры къ ограниченію труда излишняго и безуспѣшнаго. Но доселѣ человѣчество часто избавлялось отъ напраснаго страданія, чрезъ разсматриваніе оныхъ жалобъ, а Сенатъ еще никогда по справедливо-

сти слишкомъ обремененъ имъ не былъ. Успѣхъ же въ первомъ, стоитъ того, чтобъ продолжать трудъ послѣдняго, и въ большомъ гораздо количествѣ.

Впрочемъ, Сенатъ всегда занимался уваженіемъ оныхъ жалобъ, только по мѣрѣ того, сколько которая изъ нихъ онаго заслуживала, и тогда только останавливалъ производство дѣлъ и приступалъ къ изслѣдованію объясненіями, когда находилъ обстоятельства основательныя, на неправость суда сомнѣніе навлекающія. Но, по крайней мѣрѣ, существовало обузданіе на неправду въ судахъ, по части столь тѣсно сопряженной съ жребіемъ жизни человѣческой, и свободной открытъ былъ путь къ скорой защитѣ. Когда же обузданіе оное снимется, то, естественно, усугубятся злоупотребленія отъ небрежности, или пристрастій неискоренимыхъ.

Не оскорбляя вообще самаго почтеннаго званія Губернаторскаго, можно осмѣлиться сказать, что бывали Губернаторы и не соотвѣтствовавшіе своему назначенію. Они получали и должное отъ правосудія за то возмездіе. Но естьли были такіе, то и впредь иногда быть могутъ, и пока подвергнутся справедливому оному возмездію, многіе и по сей важной части уголовной пострадаютъ отъ ихъ притѣсненія безъ преграды ему.

То же можно сказать и о судьяхъ, которыхъ выборъ еще затруднительнѣе, въ разсужденіи большаго ихъ числа. И не дерзко предположить, что когда снимется обузданіе, налагаемое принятіемъ въ Сенатѣ частныхъ жалобъ на рѣшеніе Уголовныхъ Палатъ и на производство дѣлъ уголовныхъ, ибо оставя принятіе первыхъ, несходно было бы даже съ естественнымъ порядкомъ принимать послѣднія; не дерзко, говорю, предположить, что, когда снимется оное обузданіе, то иногда случиться можетъ, что, по ссорамъ Губернаторовъ и судей съ помѣщиками, цѣлыя деревни въ рабочую пору сидѣть будутъ въ тюрмахъ и лучшіе крестьяне отправятся въ ссылку, а изъ казенныхъ поселянъ, мѣщанъ и прочихъ людей тѣхъ состояній, о коихъ дѣла не вносятся на ревизію Сената, богатые гораздо чаще подъ судъ попадаться станутъ.

Неправда и неусмотрѣніе вездѣ, конечно, быть могутъ, и въ вышнихъ судахъ, какъ и въ нижнихъ. Но чѣмъ больше имъ преградъ, тѣмъ спасительнѣе для невинности.

А по всѣмъ симъ причинамъ, сказаннымъ мною въ подкрѣпленіе даннаго отъ меня мнѣнія въ Общемъ Собраніи Правительствующаго

Сената по оному дѣлу о неприниманіи жалобъ, полагаю я, что не должно прерывать принятіе ихъ, столь многіе годы продолжавшееся и бывшее однимъ сколько нибудь способомъ къ защитѣ для милліоновъ, коихъ судьба по дѣламъ уголовнымъ совершенно и часто невозвратно оставляется въ самой зависимости отъ рѣшеній Губернскихъ.

Сверхъ того не нахожу я, чтобъ закономъ запрещалось принятіе въ Сенатѣ таковыхъ жалобъ, и чтобъ уваженіе оныхъ не принадлежало до верховнаго вниманія сего Правительствующаго Судилища, коему, въ Высочайшемъ Указѣ 1802 года, 8 Сентября, правомъ, должностью и обязанностью постановлено: «Пещись, какъ хранителю законовъ, о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія и прекращеніи всякихъ противузаконныхъ дѣяній во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ.

Докладъ же Его Императорскому Величеству считаю я занужное и Сенату приличное, разсудя въ Общемъ Собраніи и сообразивъ къ устройству лучшія мѣры, поднести о слѣдующемъ:

Апелляція на рѣшеніе Палатъ по дѣламъ уголовнымъ дозволяется, кромѣ тѣхъ подсудимыхъ, которые осуждены къ лишенію жизни, или къ лишенію чести, или къ торговой казни, т. е., по дѣламъ маловажнымъ. Кто теряетъ одну четверть земли, или нѣсколько рублей, тотъ имѣетъ всѣ способы и время, по крайней мѣрѣ, въ трехъ инстанціяхъ, защищать право свое, и всегда знать о теченіи своего дѣла.

А по самымъ важнымъ дѣламъ, осуждаемый къ лишенію жизни, чести, или торговой казни, съ первой минуты начала надъ нимъ слѣдствія, или взятья его подъ стражу, до послѣдней, въ которую объявится ему рѣшительной приговоръ, для отсылки его на казнь, не вѣдаетъ своей участи, не имѣетъ никакого способа опровергать несправедливыхъ объ немъ въ судѣ заключеній, какія бы сильныя на то доказательства имѣть ему ни случилось. Однимъ словомъ, совсѣмъ въ рукахъ у судящихъ; а безграмотной, каковыхъ по симъ дѣламъ большая часть, и въ показаніяхъ своихъ, по коимъ его судятъ, зависитъ отъ тѣхъ, которые ихъ записываютъ. Другому никому за такого страдальца законы не только ходатайствовать явно не позволяютъ, но строго запрещаютъ и знать объ дѣлѣ.

И весьма случаться можетъ, что истинно невинной и въ невинности своей спокойно ожидающій свидѣтельства ея справедливо-

сти отъ суда, вдругъ услышитъ, при открытыхъ дверяхъ Палаты, кнутъ себѣ, или ссылку. А Сенатъ просто и не свѣдаетъ никогда.

Всѣ пути его блюстительства и прибѣжища къ нему пресѣкаются; одинъ оставался — принятіе оныхъ жалобъ, которой нынѣ самъ Сенатъ уничтожаетъ. Присылка экстрактовъ изъ колодничьихъ дѣлъ уже давно отмѣнена, хотя и въ мое присутствіе въ Сенатѣ не разъ и по разсмотрѣнію экстрактовъ сихъ возвращали съ каторги, напрасно въ нее сосланныхъ.

Вотъ о чемъ, по мнѣнію моему, достойно Правительствующаго Сената поднести Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ, и хотя благонамѣреніемъ мудрости учреждена Коммисія о сочиненіи законовъ, но въ дѣлахъ, спасающихъ отъ гибели человѣчество, дорогъ и часъ.

Все сіе сказать при настоящемъ случаѣ, о чемъ я за долгъ званія Сенатора, по совѣсти и по усердію къ общему благу Государства, и за особенное щастіе всегда почту повторить оное предъ самымъ Августѣйшимъ лицемъ Государя Императора. 29 Генваря, 1809 года.»

Въ Общемъ Собраніи большинствомъ голосовъ опредѣлено, согласно предложенію Министра Юстиціи, поднести Государю докладъ о непринимаіи оныхъ жалобъ. А я, оставшись при своемъ мнѣніи, послалъ, на той же почтѣ (8 Марта, 1809 г.), на которой докладъ сей отправленъ къ Его Величеству, съ надписью: «Въ собственныя руки,» слѣдующее представленіе:

«Правительствующій Сенатъ, въ Общемъ Собраніи Московскихъ Департаментовъ, большинствомъ голосовъ опредѣлилъ поднести Вашему Императорскому Величеству докладъ о томъ, чтобъ не принимать въ Сенатѣ жалобъ на производство уголовныхъ дѣлъ о людяхъ нижняго состоянія, къ тяжкому наказанію присуждаемыхъ, такихъ жалобъ, кои всегда въ Сенатѣ принимались и которыя были для людей оныхъ однимъ путемъ прибѣжища къ вышнему Правительству, въ случаѣ невинности, или осужденій, превосходящихъ мѣру законнаго опредѣленія.

Разсуждая, что слѣдствіемъ этого могутъ быть большія злоупотребленія, во вредъ человѣчеству и правосудію, дважды изъяснялъ я въ Общемъ Собраніи о всѣхъ злоупотребленіяхъ, произойти могущихъ.

При большинствѣ голосовъ, по настоящему учрежденію Сената, голосъ мой долженъ сокрываться недѣйствительностью. Но, считая,

что дѣло сіе особливой есть важности, по существу своему въ общемъ кругѣ судопроизводства и по отношенію его къ жребію большаго числа людей въ Государствѣ, пріемлю смѣлость донести объ немъ Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше представляя при семъ на Высочайшее благоусмотрѣніе и данныя мною въ Общемъ Собраніи мнѣнія.

Симъ, по крайней мѣрѣ, успокоиваются чувствованія долга моего званія, одушевляемыя безпредѣльнымъ усердіемъ къ истинной Вашей славѣ и къ благу Отечества.»

Оканчиваю повѣсть о моихъ быляхъ. Не все разсказалъ я ихъ здѣсь, но не сказалъ я ни одной небылицы. Будетъ ли что еще въ жизни моей достойное описанія, и успѣю ли его сдѣлать, не знаю.

Quis scit, an adjiciant hodiernae crastina summae
Tempora dî superi? *
Horat. Lib. IV, Od. VII.

***

Теперь, посреди службы и Москвы обширной, живу я въ пустынѣ. Лучшіе друзья мои почти всѣ разлучены со мною смертью, или отсутствіемъ. Бесѣдою мертвыхъ друзей человѣчества, въ просвѣщенныхъ ихъ писаніяхъ, питаю я душу, а тѣло подкрѣпляю прогулкою и воздухомъ. Не ѣзжу я на вечерніе обѣды и на утренніе ужины. Не ѣзжу также въ театры, и для того, что не нашелъ я никогда ни одного, въ которомъ бы хотя на минуту можно забыть, что видишь актеровъ.

Но довольно нынѣ заниматься зрѣлищемъ великагó театра Вселенной, на которомъ чудесная быстрина сценъ весьма разительно вѣщаетъ, что міръ преходитъ....

Кстати скажу, что пишетъ о семъ ко мнѣ въ послѣднемъ письмѣ своемъ почтенной другъ Юнгъ-Штилингъ, сей небомъ просвѣщенный проповѣдникъ истины и предвѣстникъ явленій ея царства.

«Что касается вообще до хода вещей», пишетъ онъ, «въ политическомъ мірѣ, то со дня на день все больше раскрывается, и кому духъ предсказанія отверзетъ очи, тотъ скоро увидитъ, чему изъ того вытти должно. Наше же дѣло есть только пребывать въ бдѣніи, въ

---

* «Не знаю, доживу ли я до завтра» Переводъ короткой и самой вѣрной.

молитвѣ и въ прилѣжной борьбѣ съ грѣхами, приготовляя свѣтильникъ свой на срѣтеніе Господа.»

Гонитъ меня къ уединенію и наскучливость, такъ сказать, жизни, въ которой испыталъ я, хотя въ образчикахъ, всѣ мечты тщетнаго счастья, и знатность породы и чиновъ, коею такъ малодушно кичатся, и бренность богатства, и горечь сладострастія, и пустоту шумныхъ веселій и тщетныхъ похвалъ и почестей.

Пѣли меня стихотворцы, и не за деньги.* Меня пѣлъ, въ своемъ Владимірѣ, Херасковъ, которому недавно отданную справедливость, назначеніемъ отъ Россійской Академіи сочинить ему Похвальное слово, читалъ я съ чувствительною признательностью къ уваженію достоинствъ, приносящихъ Отечеству честь; къ которому нѣсколько лѣтъ питалъ я и доказывалъ искреннюю дружбу, и коего смерть оплакивалъ я всею нѣжностью сердца.

Итакъ, все часъ отъ часу болѣе убѣждаетъ меня, что для истиннаго щастья нужно только одно, которое вездѣ и всегда съ нами быть можетъ, и коего никто изъ смертныхъ не можетъ ни дать, ни отнять.

Подъ симъ первое добро есть дружба. Я имѣлъ друзей, конечно, по всему изъ лучшихъ въ Государствѣ, нѣкоторыхъ и теперь имѣю. Иные оставили меня, но я не переставалъ любить ихъ, хотя о потерѣ дружбы ихъ и не жалѣю, потому что они меня оставили.

Однако, есть еще у меня друзья добрые, и есть люди, которые конечно, меня помнятъ и любятъ!

Заключу повтореніемъ конца того завѣщанія, ** которое писалъ я къ нимъ нѣсколько лѣтъ назадъ, въ чувствованіяхъ очень непритворнаго памятованія о смерти:

---

* Всего лестнѣе для меня посланіе ко мнѣ изъ Рязани въ 1807 году, напечатанное въ Вѣстникѣ Европы, а послѣ особо. Лестно особенно по тому, что я совсѣмъ незнакомъ былъ съ сочинителемъ, не только чтобъ привлекъ его благосклонность какою нибудь услугою; да онъ ни въ какой и надобности не имѣетъ. Впрочемъ, похвала сія не можетъ ослѣпить меня; ибо я знаю, сколько свойственно пристрастіе энтузіазма такому доброму и благородному сердцу, какимъ отличается изящной оной поэтъ, украшающій Россійскую литературу произведеніями рѣдкихъ его дарованій.

** Сіе завѣщаніе напечатано при второмъ изданіи сочиненной мною драмы: «Торжество правосудія и добродѣтели или доброй судья, 1798 года, въ Москвѣ.»



«Друзья и всѣ, которые знають меня и любятъ! Когда я умру, не тратьте иждивенія на покровъ земли землею, художествомъ испещренною. Употребите оное лучше на возбужденіе въ добрыхъ сердцахъ скудости благодаренія къ Источнику всѣхъ благихъ даровъ.

Не пишите и не заставляйте писать мнѣ похвалъ. Да вы и сами сего не сдѣлаете, не для того только, что я ихъ не заслуживаю, но и для того, чтобъ не сравнять меня со всѣми тѣми, которыхъ хвалятъ.

Одинъ вздохъ искренней любви больше усладитъ мою память, нежели книга похвалъ, написанныхъ рукою хладнаго искуства.

Одна слеза нѣжности; — слезамъ печали, друзья мои, не давайте воли, изъ уваженія къ закону великодушія и добродѣтели; одна слеза нѣжности, пролитая на простой, муравою одѣтой, могилѣ моей, болѣе прославитъ мой прахъ, нежели великолѣпнѣйшее надгробіе, поставляемое алчнымъ наслѣдникомъ, радующимся смерти оставившаго ему тысячи, омытыя плачемъ ближнихъ.

Нѣтъ, друзья мои, не похвалъ и памятниковъ хочу я отъ васъ.

Возобновите ко мнѣ въ сердцахъ своихъ неразрывный, вѣчный узелъ дружбы, не умирающей съ тѣломъ и не ограниченной временемъ.

Поминайте меня горячею, вѣрною любовію ко всему тому, что было дорого и любезно моему сердцу.

Когда вспомните, что сердце сіе было вѣрнымъ хранилищемъ драгоцѣннаго залога дружбы вашей; что оно рыдало о всякомъ огорченіи вашемъ, и восхищалось всякимъ вашимъ удовольствіемъ, когда вспомните, что я плѣнялся красотами истины, хотя слабо соблюдалъ ея небесные уставы; что я усердно чтилъ во всемъ изящное, стремился любить человѣчество и ближнему служить готовъ былъ; что естьли кого и оскорбилъ, то безъ намѣренія и охотно бы согласился оное загладить величайшимъ прискорбіемъ самому себѣ.

Когда при томъ вспомните о моихъ порокахъ и слабостяхъ, гораздо превосходящихъ то малое добро, которое, можетъ быть, мнѣ случилось въ жизни своей ощутить и сдѣлать, то, друзья мои, изъ глубины пылающихъ любовію сердецъ вашихъ, пожелайте только, чтобъ не по заслугамъ моимъ, а по единымъ щедротамъ Благости



пилъ я неисчерпаемую чашу блаженства въ той непостижимой странѣ, гдѣ цвѣтетъ вѣчной садъ радости, гдѣ вѣчная жизнь, здравіе, спокойство, наслажденіе разливаются неизсякаемымъ Источникомъ, изъ котораго происходитъ всякое доброе дѣло и всякая мысль добрая.»

КОНЕЦЪ.

«Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы» И. В. Лопухина напечатаны сдѣсь во всемъ согласно съ подлинными. Сочинитель самъ роздалъ нѣсколько списковъ съ нихъ знакомымъ своимъ, между прочимъ онъ прислалъ одинъ списокъ и въ библіотеку Московскаго Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, при письмѣ къ начальнику онаго, А. Ѳ. Малиновскому, слѣдующаго содержанія:

«Ваше Превосходительство, какъ просвѣщеннаго любителя всякихъ произведеній Исторіи и Словесности и отличающагося въ нихъ искуствомъ, а при томъ по всегдашней пріязни, осмѣливаюсь дѣлать моимъ душеприкащикомъ, вручая книгу моихъ «Записокъ,» съ просьбою поставить ее въ библіотеку Архива, гдѣ есть и должно быть собраніе всего — не одной только золотой древности.... Не знаю, понравится ль моя книга. Впрочемъ, есть пословица: «Не любо не слушай, а врать не мѣшай.»

NB. Въ пословицѣ сказано «лгать не мѣшай;» только я это слово по совѣсти выкинуть былъ долженъ для того, что я въ повѣсти о моихъ быляхъ не всѣ разсказалъ ихъ; однако подлинно не сказалъ ни одной небылицы.»

На Архивной рукописи № 171 — 257 находится собственноручная надпись Лопухина:

«Въ Библіотеку Московскаго Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ поставилъ самъ

Лопухинъ.»

24 Декабря
1810.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПРАВО, ЕГО ИСТОЧНИКЪ, РОДИНА, ДУХЪ, ЯЗЫКЪ И ПАМЯТНИКИ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Право, разсматриваемое безотносительно, и тѣсная связь съ характеромъ народа.

§ 113. Не безъ намѣренія я подробно остановился на характерѣ народа. Теперь всѣ убѣждены въ томъ (хотя прежде и сильно возставали противъ этого), что право, наравнѣ съ языкомъ всякаго народа, находится въ тѣсной связи съ его характеромъ, съ его общественною и частною жизнію; что въ случаѣ, если эта послѣдняя, а вмѣстѣ съ ней и нравственныя силы народа примутъ другое направленіе, необходимо, на порогѣ новой жизни народа, вновь пересмотрѣть его право и, справившись съ прошедшимъ, исправить, или дополнить его. Если же прошедшее не въ состояніи дать что либо пригодное въ этомъ дѣлѣ, нужно поискать новыхъ основъ законодательства, которыя бы могли отвѣчать новымъ потребностямъ и духу времени.

§ 114. Этими словами я очертилъ путь, по которому шло Славянское право, развивая свою внутреннюю и внѣшнюю сторону, т. е., духъ и технику: въ нихъ указана и точка зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на развитіе его, разсматриваемое въ связи съ жизнію народа. Цѣль наша была показать, что Славяне тогда только оказывали истинную услугу своему законодательству, когда они заимствовали для него извнѣ столько, сколько могли обратить себѣ въ пользу и доброе употребленіе.

§ 115. Предложивши себѣ вопросъ, какимъ словомъ Славяне выражали то, что побуждаетъ насъ соблюдать справедливость въ отношеніи къ людямъ (Римское jus) и воздавать должное Богу (Римское fas), въ древнѣйшихъ памятникахъ мы находимъ слова: право и

правда, которыя значили тоже, что Римскія jus и fas. Объясняя корни этихъ словъ, филологи замѣчаютъ, что Славяне подъ ними разумѣли то, что начертано самимъ Богомъ въ сердцѣ первобытнаго человѣка; что всѣ смертные должны признавать и исполнять, какъ святое и ненарушимое; что они всегда будутъ признавать, какъ альфу и омегу страха Божія. [1]

§ 116. Когда же въ послѣдствіи человѣкъ сталъ измѣрять право одною пользою, и на столько соблюдалъ справедливость въ отношеніи къ другому, на сколько тотъ соблюдалъ ее въ отношеніи къ нему, или же на столько, на сколько онъ привыкъ почитать что ни будь за справедливое, то, въ слѣдствіе такого взгляда, Славяне съузили границы права и начали называть правдой всякое общеполезное постановленіе (Римское lex). При чемъ всѣ согласились въ томъ, что такъ какъ правда не только бываетъ учреждаема, но даже иногда обязана своимъ появленіемъ обычаю, то судья можетъ считать наравнѣ съ правомъ и обычай, если этотъ послѣдній не противорѣчитъ понятію правды, или если онъ дѣйствительно основанъ на ней, или на желаніи пользы странѣ своей. [2] Вотъ почему нашъ Лука Гурницкій твердилъ постоянно, что «то не право, и не можетъ быть такимъ, что противорѣчитъ всечеловѣческому смыслу», или [3] то, что всѣ вообще образованные люди не признаютъ

---

[1] См. Словарь Юнгмана подъ словомъ: pra, prawo, prawy, Миклошича Слов. право, и у Вацерада prawda, въ Судѣ Любуши и въ Псалтыри Маргариты X. 5: będze (Bóg) sędzicz swat w prawe y sędzicz będze lud w prawde, что значитъ: Всемогущій будетъ судить людей въ томъ отношеніи, въ какомъ они исполняли законъ божескій и человѣческій. Ѳома Щитный (около 1372 г.) также различаетъ эти два слова, и при томъ правдѣ придаетъ большее значеніе, а праву меньшее (neb na domácich rociéch viéce po pravdé, než po právu súditi sluszie a smlúvati lidi).

[2] Главныя основы права, данныя Чехамъ въ 1055 г. Брячиславомъ, носятъ названіе: Чешская Правда (justitia); см. Косьму, у Пертца XI, 76. Это подтверждаетъ одна Поморская грамота подъ 1238 г.; см. Codex Pomeraniae I, 562: «Faciemus justitiam, qualem judicii terre nostre dictaverit consuetudo», а Ругенская грамота, находящаяся въ собраніи Фабриція подъ 1249 г., отказывается «omni consuetudini, que pro jure in Theutonia sive Slavia servatur.» Также право называется правдой въ Русской Правдѣ § 12. 74. Расширивши значеніе этого слова, мы увидимъ, что объ этой правдѣ или правѣ говорится и въ Псалтырѣ Маргариты XVIII, 7: drogą prawoty albo prawdy.

[3] Wybor Pis. III, 716.

справедливымъ, или, наконецъ, что одинъ народъ не считаетъ полезнымъ для себя. Въ слѣдствіе этого и Польскій Сеймъ не разъ объявлялъ, постановляя что ни будь такое, о чемъ ссылался на древній обычай, что онъ этимъ не думаетъ вводить ничего новаго, а только насаждаетъ у себя то, что давно уже существуетъ у другихъ Христіянскихъ народовъ въ слѣдствіе обычая, или посредствомъ учрежденія. [1] Литовскій Статутъ это мнѣніе обратилъ въ законъ и предписываетъ судьѣ случаи, о которыхъ отечественное право умалчиваетъ, разбирать на основаніи законодательства другихъ Христіянскихъ народовъ. [2]

§ 117. Однако, иногда нужно было постановить, чтобы что ни будь да было же правомъ. Такъ какъ необходимость предписывала такія постановленія, то подобнаго рода право Славяне называли закономъ (это слово вполнѣ отвѣчаетъ Римскому lex), преимущественно по тому, что нужно же было окончить, или докончить, предписанное [3] законодателемъ; въ противномъ случаѣ ожидало наказаніе. Зародившись въ обычаѣ, право происходило само изъ себя, напротивъ того законъ постановлялся, и по своему качеству могъ быть весьма разнообразенъ. По понятіямъ древнихъ Славянъ, всѣ Христіяне имѣли одинъ законъ, котораго основаніемъ была Христіянская вѣра, а напротивъ того язычники имѣли различные законы. [4] Если какое ни будь постановленіе не противорѣчило праву, то его называли правдой, согласной съ закономъ; [5] если же оно противорѣчило праву, то говорили, что такое-то постановленіе несправедливо, что въ немъ нѣтъ Божьяго закона. [6] Однимъ словомъ, все,

---

[1] Янъ Альбрехтъ такъ говорилъ объ этомъ въ 1496 г.: «Quapropter instar legum optimarum municipalium in plerisque christianis dominiis sancitarum statuimus.» См. Бандтке, Jus Pol. 349.

[2] Стат. Литов. IV, 54.

[3] Конъ, искони, откуда zakono-noszcza, какъ мы читаемъ въ Псалтырѣ Маргариты, Псал. IX, 5.

[4] «Поганія не вѣдуще закона Божія, творяще сами собѣ законъ», говоритъ Несторъ.

[5] Въ Судѣ Любуши правда по закону. Въ Псал. Маргариты CXVIII, 77, есть выраженіе: Zakon twoy (Bože) prawda. Несторъ (Тимк. 7) такъ говоритъ объ этомъ: «Имяхуть бо обычаи свои и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ.»

[6] Несторъ, упрекая Бретонцевъ въ многожествѣ, говоритъ что «они безаконьная законъ отець творять независтьно, ни въздержаньно (Изд. Тимк. М. 1824 г., стр. 9).

что было обязательно для каждаго, походило на общественное учрежденіе, все это называлось то правдой, то правомъ, закономъ, или постановленіемъ. [1]

§ 118. У Славянъ законъ носилъ различныя названія, которыя перечислю при разборѣ Статутовъ. Здѣсь припомню только, что слова sąd, nalez, ortel означали въ Чехахъ и Польшѣ приговоры земскаго и градскаго суда; что у Славянъ Греческаго исповѣданія, а именно у Русскихъ, предписанія правительства высшимъ властямъ назывались указами, а низшимъ, т. е., тѣмъ, которые не имѣли своихъ дьяковъ (судейскихъ писарей), назывались памятью; [2] что подъ именемъ грамотъ разумѣлись такіе документы, которыми обезпечивались права какъ государства, такъ и частныхъ лицъ. У Славянъ Закарпатскихъ всякого рода постановленія носили названіе «писанной книги». Достойны также замѣчанія, такъ называемыя, тарханныя грамоты, въ силу которыхъ извѣстныя лица освобождались отъ древнихъ повинностей и не платили новыхъ. [3] Подъ, такъ называемыми, ввозными, сыскными, докончальными грамотами и царскою милостію разумѣлись правительственные акты, дозволяющіе ввести кого ни будь во владѣніе потеряннымъ помѣстьемъ (имѣніемъ, полученнымъ отъ Правительства), или дающіе право отыскивать его, если оно находилось уже въ чужихъ рукахъ, и наконецъ юридическіе акты, обезпечивающіе извѣстныя права, дарованныя какому ни будь лицу, подобно Сербскимъ «милостенкамъ.» [4]

§ 119. Каждый подданный зналъ, или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ знать, право земли своей; [5] но трудно было знать всѣ законы и постановленія, и потому не рѣдко можно было попасть за это подъ судъ безъ суда. [6] Для предупрежденія этого Возный объявлялъ во всеуслышаніе на торжищѣ о каждомъ новомъ поста-

---

1 «Omnes terras ad unum jus et unam legem communem reducemus», говорилъ въ 1430 г. Владиславъ Ягайло (См. Бандтке, Jus Pol. 232.

2 См. Уложеніе 1677, § 9. Полн. Собр. Зак. томъ II, 89.

3 § 43 Улож. X, 153, 1677 г. Полн. Собр. Зак. II, 109.

4 Уложеп. XVIII, 3, 5, 24, 1435 г. Акты Арх. Эк. I, 20.

5 «Cedebat per jus aliquod vel naturam». См. Gallus 94.

6 Матвей у Каллубка I,192: «Juris non imperitas quidam per iniquum, inquit, est ut mulcta sententiam anticipet.»

новленіи. Въ послѣдствіи, въ Польшѣ и Литвѣ было издано постановленіе, что всякій имѣетъ право считать законъ недѣйствительнымъ, если о немъ не объявлено во всеобщее вѣдѣніе. [1] Полагали, что коль скоро какое постановленіе обнародовано, всѣ его знаютъ. Обнародованіе закона принадлежало мѣстному суду. Обыкновенно, присланный отъ правительства Возный вручалъ суду вышедшее изъ Королевской Канцеляріи и снабженное Королевской печатью предписаніе, которое потомъ судъ читалъ по нѣскольку разъ въ разное время [2] на торгахъ, или передъ церковью, за тѣмъ списокъ съ него прибивалъ къ церковнымъ дверямъ, а другой вписывалъ въ градскую, или земскую книгу. Въ позднѣйшее время постановленія разсылались судамъ въ печатномъ видѣ, которые обнародывали ихъ такимъ же образомъ, какъ и прежде. [3] Вѣроятно, этотъ обычай обнародованія со временемъ уничтожился, потому что Трембицкій, (написавшій систему Польскаго права въ азбучномъ порядкѣ), въ предисловіи къ своему труду, жалуется на то, что правительство только печатаетъ свои постановленія, а не предписываетъ обнародывать ихъ съ амвоновъ и прибивать къ церковнымъ дверямъ.

Въ Москвѣ и въ сосѣднихъ областяхъ правительственныя постановленія или были привозимы биричемъ, [4] который читалъ ихъ на торгѣ, или, если они назначались въ отдаленныя области, а именно въ Сибирь, пересылались туда запечатанными. Такимъ же путемъ сносились между собой главныя присутственныя мѣста и управленія: написавши бумагу, запечатывали ее, и для того, чтобы кто ни будь не могъ перемѣнить печать и узнать содержаніе бумаги, чиновникъ, посылавшій ее, приписывалъ, какую онъ приложилъ печать. Это было постановлено въ первый разъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ дополненіяхъ къ Судебнику. [5]

---

[1] См. подъ 1505 г. Vol. legum 1,300, «publicari et proclamari»; также 1457 г. у Бандтке, Jus Pol. 237.

[2] «Aliquoties iterando», 1493 г., у Бандтке, ibid. 330.

[3] 1454, 1457, 1472, тамъ же 266, 278; 1576; см. Vol legum. II, 911; Лит. Ст. II, 6.

[4] По мнѣнію нѣкоторыхъ биричъ слово Азіятское, и отъ него произошло Итал. слово sbiro, но по Вацераду уже въ началѣ XII в. у Чеховъ такъ назывался (biruc) извѣстнаго рода судебный прислужникъ (praeco).

[5] См. § 36 Законъ о посыл.; § 99 Улож. IX, 8; XXI, 19; 1650 г. Собр. Зак. I, 223.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Извѣстія о первомъ появленіи права и закона въ туземныхъ источникахъ.

§ 120. Хорошо, когда люди, нося въ сердцѣ своемъ чувство правды, сами, по собственному побужденію, проводятъ ее въ жизни, руководствуясь обычаями предковъ своихъ, иначе обычнымъ правомъ. [1] Еще лучше, когда они совершенствуютъ свое право, придерживаясь не животнаго побужденія, но разума. Но всего лучше, когда люди, разсматривая юридически обычаи (которые, по словамъ Римскаго правовѣда, [2] наряду съ устными постановленіями, могутъ занимать мѣсто права и закона), съ почтеніемъ и съ нѣкоторымъ чувствомъ народной гордости отзываются о нихъ и начало ихъ относятъ въ самую глубокую древность. Дѣйствуя такимъ образомъ, облагороживаютъ самихъ себя и свои душевныя способности, показывая, что правда существуетъ для нихъ на свѣтѣ не съ вчерашняго дня, но что уже въ самой отдаленной древности простое слово обязывало столько же, сколько обязываетъ въ настоящее время письменное предписаніе. Но и въ томъ случаѣ народъ долженъ руководиться разумною силой духа времени, иначе онъ въ состояніи предать насмѣшкѣ и порицанію самыя основныя начала правды, какъ то случилось съ нынѣшними Англичанами.

§ 121. Каждому человѣку врождены чувства религіи и правды. Онъ постоянно оживляетъ ихъ въ себѣ, развиваетъ, сообразно той степени развитія, на которой самъ находится, и наконецъ завѣщаетъ ихъ потомству либо въ чистомъ, безпримѣсномъ, либо въ измѣненномъ, чуждымъ вліяніемъ, видѣ. Такому пути могло слѣдовать и

---

[1] См. Cod. Pomer. 827, 856, подъ 1248 годомъ: «Consuetudo, que jus zlavicum, vel theutonicum appellatur»; подъ 1249 г. «que jus slavicum publice appellatur»; или у Пертца XI, 688: «Suscepit ducatum Karinthie secundum morem incolarum»

[2] Ульпіанъ въ своемъ сочиненіи объ обязанностяхъ Проконсуловъ такъ говоритъ объ этомъ: «Diuturna consuetudo pro jure et lege in his, quae non ex scripto descendunt, observari solet.» D. de leg. I, 3.



Славянское право. Испытавши на себѣ Греческое влiянiе, оно могло, въ свою очередь, оказать влiянiе на Греческое право, чрезъ посредство Пеласговъ, которые любили вспоминать о томъ, какъ много они были обязаны Өракiйцамъ въ первобытную пору своей жизни. Извѣстно также, что между Иллирiйскими народами жили Пелопонезскiе и Коринөскiе родичи Гераклидовъ и Бахiадовъ, [1] и потому позволительно сдѣлать заключенiе, что они-то и познакомили Грековъ съ основами права, которое въ послѣдующiе вѣка носило названiе Славянскаго. Разсмотримъ же напередъ древнѣйшiе источники этого права.

§ 122. Не входя въ разсмотрѣнiе вопроса, принадлежали ли Агаөирсы, представленные Геродотомъ (IV, 28) въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ, къ семьѣ племенъ, изъ которыхъ выдѣлились въ послѣдствiи Славяне, можно сказать навѣрное, что обычаи ихъ, а равно также и мѣстопребыванiе, прилегавшее къ подножiю Карпатскихъ горъ, при истокахъ р. Мароша, заставили ихъ войти въ сношенiя, сначала съ Өракiйцами и Гетами (занявшими ихъ мѣсто около 310 г. предъ Р. Х.), а потомъ и съ другими народами, отъ которыхъ произошли Славяне. Обращу вниманiе на одно обстоятельство, вытекающее изъ сказаннаго. Извѣстно, что у обоихъ народовъ (разумѣемъ Славянъ и Агаөирсовъ) господствовалъ обычай заучивать на память отечественныя событiя и права. И дѣйствительно, Аристотель (жившiй около 335 г. предъ Р. Х.) свидѣтельствуетъ, что Агаөирсы, желая лучше удержать въ памяти законы страны своей, получили привычку повторять ихъ на распѣвъ. [2] Гельмольдъ (I, 16) говоритъ о Полабскихъ Славянахъ, что старики ихъ наизусть разсказывали событiя своего народа. Съ этимъ древнѣйшимъ извѣстiемъ о законахъ, признаваемыхъ мною Славянскими, находится въ связи слѣдующее важное извѣстiе о Гетахъ, сообщенное Iорнандомъ (XI). Онъ говоритъ, что мудрецъ Кенеусъ (иначе Дикенусъ), будучи жрецомъ у нихъ, сочинилъ имъ, такъ называемыя, Belagines, въ которыхъ предписывалось народу быть воздержнымъ, благотворительнымъ и жить по собственнымъ законамъ. Такъ какъ мы знаемъ изъ Страбона, (жившаго около 20 г. по Р. Х.), что мудрецъ этотъ былъ совре-

[1] Доказательства этому см. у Лелевеля, Narody 321, 355.

[2] См. Aristot. Problem. XIX, 28. Объ Агаөирсахъ ср. у Лелевеля, въ Narod. 335, 390.

менникъ его, то въ словахъ этого мы имѣемъ новое свидѣтельство о времени существованія древнѣйшаго Славянскаго права, уже не устнаго, а писаннаго. Замѣчу при томъ, что этѣ belagines означали право Государственныхъ чиновъ (ниже въ § 551 объяснено будетъ происхожденіе этого слова), которое намѣревался составить Грекамъ Дикенусъ, [1] какъ сказано будетъ въ послѣдствіи.

§ 123. Надобно думать, что этѣ законы были принесены также на Днѣпръ Дакійскими выходцами, прозванными въ послѣдствіи Полянами. Ибо Несторъ говоритъ, что Поляне, постоянно держа въ своей памяти «обычаи, законъ и преданья предковъ, жили по закону отець своихъ.» По его словамъ Поляне имѣли наклонность къ «кроткимъ и тихимъ обычаямъ», почитали своихъ родителей и родственниковъ и имѣли брачные обычаи, чего онъ не находитъ у другихъ, родственныхъ имъ, племенъ. Хотя онъ ничего не говоритъ о причинѣ такого явленія, но это произошло, вѣроятно, отъ того, что сіи послѣдніе были очень удалены отъ свѣточа тогдашней образованности, т. е., отъ Галичанъ и Ляховъ, и жили по сосѣдству съ Литвой и Чудью. [2] По всей вѣроятности, права, которыя были

---

[1] Сравни свидѣтельство писателей о Кенеусѣ или Дикенусѣ въ Narod. 411, 756, 762.

[2] Похвально желаніе исторически объяснить превосходство Полянъ со стороны ихъ быта и нравственности передъ всѣми другими, родственными имъ, племенами. Но основанія, которыми подкрѣпляется это мнѣніе, не выдерживаютъ строгой повѣрки. Не ужели Древляне, которые, по словамъ Нестора, жили какъ звѣри, и убивали другъ друга, отстояли на бóльшее разстояніе отъ средоточія образованія, т. е., отъ Галичанъ и Ляховъ, нежели Поляне, живпіе по Днѣпру, въ окрестностяхъ Кіева? Сочинитель не могъ не знать этого. Очевидно, рукой его водила въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, его задушевная мысль, что Поляне Днѣпровскіе пошли отъ Полянъ Вислянскихъ и обязаны этѣмъ послѣднимъ своимъ развитіемъ. Сдѣсь не мѣсто доказывать несостоятельность этой мысли; мы ее относимъ къ разряду патріотическихъ увлеченій, которыя иногда пестрятъ собою произведенія знаменитаго Польскаго правовѣда. Намъ кажется, что отзывъ Нестора о Полянахъ объясняется той точкой зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на нихъ. Извѣстно, что Христіянство привилось къ нимъ гораздо легче, нежели къ ихъ родичамъ. Изображая характеръ прочихъ Славянскихъ писменъ, Несторъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они, «не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ, живяху.» (Несторъ, изд. Тимковскаго, стр. 8). Эти благочестивыя слова даютъ намъ право предположить, что Поляне, «своими

Полянъ, были не только тогда обычаями, но и законами, и существовали не въ однихъ только преданіяхъ, но и письменно. Можетъ быть, они въ послѣдствіи вошли въ составъ Правды, данной въ 1016 г. Великому Новгороду Великимъ Княземъ Ярославомъ, посредствомъ которой онъ много способствовалъ образованію основнаго Русскаго права. Право это было утверждено Великими Князьями, а именно Всеволодомъ и Владиміромъ Всеволодовичемъ, на трехъ главныхъ основаніяхъ: на законѣ, грамотахъ и древнемъ обычномъ правѣ (старинѣ), и въ XII в. [1] оно повсюду называлось Русской Правдой.

§ 124. Вѣроятно, изъ этого же источника вытекло и Чешское право. Желая объяснить себѣ его происхожденіе, уже въ X в. говорили о немъ (въ Суду Любуши):

«У насъ правда по закону свату,
«Юже принесеху отци наши
«Въ сѣ же жирне власти (въ эти богатые края, презъ три рѣкы).»

Еще четыреста лѣтъ послѣ того начатки Чешскаго права возводили къ временамъ языческимъ, утверждая, что они были постановлены супругомъ Княжны Любуши (дочери Крака), земледѣльцемъ Премысломъ, съ согласія его кметовъ. [2] И это повторяли съ большою гордостію; ибо, по стариннымъ преданіямъ, Чешское, освященное обычаемъ, право было плодомъ вѣковой мудрости; его не навязала Чешскому народу воля одного человѣка, нѣтъ! Оно было при-

---

кроткими и тихими обычаями», и, слѣдовательно, и своею готовностію принять слово Божіе, проповѣдующее миръ и любовь, хоть отчасти предрасположили нашего лѣтописца къ нимъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, что Поляне стояли на одинаковой степени образованности съ своими родичами. По самому Географическому положенію своему, на пути изъ Варягъ въ Греки, они были выгоднѣе поставлены, чѣмъ другія племена Руси; быть можетъ, были въ сношеніяхъ съ образованной Византіей; все это должно было смягчить ихъ нравы и улучшить ихъ бытъ. Мы убѣждены, что родственныя, вмѣстѣ живущія, племена, особенно въ первобытномъ своемъ состояніи, не могутъ такъ рѣзко отличаться другъ отъ друга, какъ это представлено у Нестора. Невозможно, чтобы Поляне относились къ Древлянамъ, Вятичамъ и др., какъ Авель къ Каину. *Прим. Переводчика*

[1] Такъ слово въ слово выражается Троиц. Врем. 210, 220, и Новгор. лѣт. 91.

[2] Такъ говорятъ Андрей изъ Дубы и Викторинъ изъ Вшегердъ, о которыхъ скажемъ ниже.

нято и утверждено на вѣчѣ разумомъ цѣлаго народа; [1] наконецъ, преданія говорили, что права земли Чешской были въ нѣкоторомъ смыслѣ откровеніемъ самаго Божества. Каждый изъ присутствующихъ на_вѣчѣ, соглашался ли онъ съ какимъ ни будь предложеніемъ, или не одобрялъ его, долженъ былъ положить въ урну [2] черный, или бѣлый, шарикъ; по большему числу однихъ шариковъ передъ другими, произносился приговоръ [3] и провозглашался nalez, nalaz, т. е., налезнутая, найденная правда, [4] иначе: объявленная во всеуслышаніе воля народа.

§ 125. И Полякъ также гордился своими правами; ибо лѣтописцы, начиная съ древнѣйшихъ временъ, постоянно твердили ему, что Государственныя права (частное право было гораздо древнѣе Государственнаго), которыми управлялось и управляется Польское общество, возникли одновременно съ той порой, когда оно освободилось изъ подъ чуждой власти и образовало собою Польскій народъ; [5] что Короли, въ видахъ охраненія народа отъ чуждыхъ вторженій, заповѣдали искать правды не только въ установленіяхъ человѣческихъ, но также въ законахъ, или учрежденіяхъ, божественныхъ. [6] Законы Великой и Малой Польши, собранные въ одно въ Вислицкомъ Статутѣ, говорили ему, что, когда Казимиръ В. составлялъ ихъ при помощи народа, то содержаніе ихъ онъ почерпнулъ по большей части изъ древнихъ обычаевъ и, по всей вѣроятности,

---

[1] Въ Судѣ Любуши такъ говоритъ Княжна къ собравшемуся народу:

«Мои кмете, Леси и владыкы!
«Розрѣшите мое выповѣди,
«Будете ли у васъ по розуму.
«Не будете ль у васъ по розуму,
«Уставите има новы налезъ (установленіе).»

[2] Osudie svate въ Судѣ Любуши; также въ Псалт. Маргариты Псал. II, 2.

[3] Отсюда въ Польскомъ языкѣ: sąd (какъ Псал. Маргариты въ вышеприведенномъ мѣстѣ, такъ и въ Псал CXLIX, 89) значитъ и приговоръ и сосудъ. Ср. Словарь Линде подъ словомъ sąd.

[4] Псал. Маргариты, Псал. CV, 63 nalaz, Псаломъ LXXVI, 43, и LXXX, 48. nalezene.

[5] Ср. съ этимъ то, что говоритъ о Кракѣ Матѳей у Кадлубка I, 15, 16. Такъ и хочется повторить съ Ливіемъ: «Detur haec venia antiquitati.»

[6] Дитмаръ, у Перца 8, 833, такъ говоритъ о Болеславѣ Храбромъ: «Cum se multum peccasse (Болеславъ) ipse sentit, aut aliqua fideli castigatione perpendit, canonis coram se poni qualiterque id debeat, emendari, ut quaeratur, praecipit ac secundum haec scripta mox scelus peractum purgare contendit.»

имѣлъ въ виду и различныя княжества, на которыя распалась было Польша, по милости Болеслава Кривоустаго. Мы уже упомянули о нихъ въ краткомъ историческомъ обзорѣ, имѣя въ виду обратить вниманіе читателя на то, что обликъ Польскаго права, въ слѣдствіе того, что каждый удѣльный Князь гнулъ его по своей волѣ, или какъ то хотѣлось его подданнымъ, очень рано подвергся измѣненіямъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Славянское право въ иностранныхъ источникахъ.

§ 126. Промежутокъ времени между пятымъ вѣкомъ предъ Р. Х. и первымъ по Р. Х., далѣе между I и X по Р. Х., и наконецъ между X и XII по Р. Х., заключающій въ себѣ Агаѳирсовъ и Гетскаго Кенуса, Судъ Любуши, а также упоминанія о правѣ Полянъ Днѣпровскихъ и Вислянскихъ, о которыхъ говорятъ Несторъ 1136 и Матѳей по гербу Cholewa (ум. 1166 г.), пополняется извѣстіями о правахъ народовъ, обыкновенно называемыхъ варварскими или вообще Германскими, извѣстіями, которыя оставили намъ изъ Греческихъ писателей: Ефоръ изъ Кумъ 340 г., Аристотель 335, Діодоръ Сицилійскій за 6 л. передъ Р. Х., Страбонъ 19 л. по Р. Х., Лукіянъ Самосатскій 174 по Р. Х., а изъ Римскихъ Юлій Цезарь за 45 л. до Р. Х. и Тацитъ 97 л. по Р. Х. Извѣстія эти, хотя собственно не называютъ Славянъ по имени, все же имѣютъ преимущество передъ свидѣтельствами, помѣщенными въ предшествующемъ отдѣленіи, потому что говорятъ о правѣ не съ одной только внѣшней стороны, но выставляютъ на видъ такія его стороны и черты, какія мы находимъ только въ источникахъ чисто Славянскаго законодательства. Въ слѣдствіе этого я вывелъ себѣ заключеніе, что права народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Свевовъ и Германцевъ, безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ и Славянскимъ народамъ; ибо въ нашихъ источникахъ, гдѣ они помѣщены, нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ намека на то, чтобы наши праотцы могли ихъ заимствовать изъ Греческихъ источниковъ.

§ 127. Также въ позднѣйшихъ учрежденіяхъ народовъ Германскихъ, особенно въ тѣхъ, которыя писаны до Карла Вел. и въ его время, между V и VIII в. по Р. Х., мы находимъ новый, обиль-

ный источникъ для исторіи Славянскихъ законодательствъ. Извѣстія о нихъ становятся важными, въ особенности по тому, что нерѣдко являются подъ своимъ Славянскимъ именемъ. Въ 823 году Карлъ В. рѣшилъ споръ о престонаслѣдованіи между двумя сыновьями Короля Вильтовъ или Полабскихъ Лютичей «по обычному праву (ихъ) народа.» [1] Въ 849 года Нѣмецъ Такульфъ (одинъ изъ Графовъ Императора) славился своими познаніями въ Славянскихъ законахъ. [2] Однако жь должно замѣтить, что Славянскимъ правомъ называлось право какого нибудь изъ Славянскихъ народовъ только тогда, когда этотъ былъ самостоятеленъ; но какъ скоро онъ подпадалъ чуждому владычеству, права его носили имя господствовавшаго надъ нимъ народа. Зная это, мы поймемъ слова Гельмольда, который, разсказывая [3] о Ваграхъ, жившихъ на оконечности теперешней западной Мекленбургіи, говоритъ, что «они управляются Саксонскимъ правомъ.» Но на основаніи предисловія къ Саксонскому Зеркалу, о которомъ скажу подробнѣе ниже, Саксонцемъ назывался всякій, кто пріобрѣлъ права Саксонскаго обитателя, а по этому и Славяне, жившіе подъ властью Саксонцевъ, назывались также Саксонцами, а право ихъ носило названіе Саксонскаго права. Словомъ, тамъ, гдѣ жили Нѣмцы по Лабѣ, гдѣ господствовало Нѣмецкое законодательство, нѣтъ и помину о Славянскомъ правѣ. Подобное явленіе имѣло мѣсто и при управленіи Славянскихъ природныхъ Князей, которые, допустивши въ свою землю Нѣмецкихъ поселенцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ наводнили ее Нѣмецкимъ правомъ. И если гдѣ ни будь, какъ, на прим., въ Мекленбургіи, [4] существовало

---

[1] «Populus Wiltsorum filium ejus (regis Luibi), Milegastum, quia major natu erat, regem sibi constituit; sed cum is, secundum ritum gentis, commissum sibi regnum parum digne administrasset, illo abjecto, juniori fratri regium honorem deferunt. Statuit (Карлъ В.), ut is delatam sibi a populo potestatem haberet.» Einhard. Ann., у Перца I, 210. Ritus значитъ тоже, что и вышеприведенныя mos, consuetudo, jus.

[2] «Sciens leges et consuetudines Slavicae gentis, erat dux Sorabici litmitis.» См. Rudolf. Ann. ibid, 366.

[3] Helmold. I, 47. «Tenent Saxonum jura et Christianitatis nomen.»

[4] Объ jus Slavicum въ Мекленбургіи мы находимъ упоминаніе въ одной грамотѣ 1315 г., которая подъ нимъ разумѣетъ извлеченія изъ Нѣмецкаго права. Ср. Lisch, Jahrb. XV, 74, 234. Объ обычаяхъ тамошняго Славянскаго народа ср. тамъ же III, I, 114 и слѣд.

еще Славянское право, то это было исключеніе, которое держалось по тому лишь, что Славянское право обременяло крестьянъ болѣе, нежели Нѣмецкое и приносило поземельнымъ собственникамъ большіе доходы. Короче, Славянское право въ Полабской землѣ находилось въ такомъ же отношеніи къ Нѣмецкому, въ какомъ это послѣднее было къ нему въ Польшѣ, Чехіи и т. д. Ниже буду имѣть случай подробно разобрать эти отношенія.

§ 128. Я думалъ, что и въ учрежденіяхъ другихъ сосѣднихъ намъ народовъ, по примѣру Нѣмецкаго законодательства, найду богатый источникъ для исторіи Славянскихъ законовъ, но обманулся въ своихъ надеждахъ. Дѣйствительно, права народовъ Скандинавскихъ, а именно: Шведовъ, Норвежцевъ, Датчанъ, Англичанъ, а также права Бургундовъ, Визиготовъ, Лонгобардовъ, которые сначала долгое время находились въ постоянномъ общеніи съ Славянами, пока не поселились за рубежемъ Нѣмецкимъ, во Франціи и въ Сѣверной Италіи, доставили намъ кое-что для того; но изъ всего добытаго тутъ матеріяла едва ли что можно употребить съ пользою при сличеніи нашего права съ Старо-Нѣмецкимъ; потому что источникъ, знаменовавшій ихъ доисторическое сродство, изсякнулъ, да и самый духъ, оживлявшій ихъ нѣкогда, со временемъ какъ бы вывѣтрился. [1] Что же касается до Древне-Греческаго и Византійскаго права, то въ нихъ и того менѣе пришлось мнѣ поживиться. Первое, претворивши въ нѣдрахъ своихъ Пеласгическія начала, далеко отошло отъ небосклона Гето-Датскихъ понятій, и отошло еще въ то время, когда Кенусъ едва успѣлъ дать письменные законы народу, изъ котораго въ послѣдствіи образовались Славяне; второе же, развиваясь на началахъ Римскаго

[1] Главнѣйшіе источники этихъ правъ суть, Шведскаго: Corpus juris Sueo-Gothorum antiqui (и это же самое на Шведскомъ языкѣ), Volumina VII. Lundii 1852 г., in 4-to; Норвежскаго: Norges gamle Love indtil 1387 udgione ved R. Keyser og P. A. Munch. I Bind.—Norges Love aeldre end Kong Magnus Haakonssöns Regierings-Tiltraedelse i 1263. Christiania 1846 г., in f.; Датскаго: Hin Torna Lögbek islendinga sem nefnist Grágás, Codex juris Islandorum antiquissimi, qui nominatur Gragas. Hafniae 1829 г. in 4; Англійскаго: Ancient Laws and Institutes of England, изд. Веніам. Торпе, а также Юридическіе акты отъ короля Этельберта до Канута, и Codex diplomaticus aevi Saxonici, изд. Komble; наконецъ, Les lois Anglo-Normandes, editès par. M. Th. Stapleson. Что до Бургундскаго законодательства и др., то источники ихъ исчислены у Эйхорна § 29 и слѣд.

права, и не имѣло никакихъ точекъ соприкосновенія съ Славянскимъ. Оба эти права (Древне-Греческое и Византійское), отличаясь высокимъ развитіемъ и подчасъ искуственностію, не могли имѣть благотворнаго вліянія на Славянское право, отъ котораго вѣяло первобытною простотою. Нѣкоторые обрывки ихъ, относящіеся къ доисторической порѣ и указывающіе на нѣкоторое сродство Греко-Римскихъ юридическихъ понятій съ нашими, могутъ служить доказательствомъ того, что въ первобытное время какъ языкъ, такъ и понятія о правдѣ, у всѣхъ народовъ были одинаковы, и что только въ послѣдствіи, развиваясь отдѣльно, они получаютъ особыя отличительныя черты. Это видно почти изъ тождественныхъ понятій древнихъ Грековъ и Славянъ объ уголовномъ правѣ, [1] изъ обрядовъ при избраніи Царя, наблюдавшихся въ древнемъ Римѣ такимъ же образомъ, какъ они употреблялись въ средніе вѣки у Краинцевъ; [2] изъ исторіи образованія родовъ, откуда произошли Римскіе gentiles, наши родословные люди (herbownicy); изъ извѣстій древнихъ писателей объ общественныхъ поляхъ, существовавшихъ у Италійскихъ народовъ до появленія частной собственности, остатки этого ager publicus весьма замѣтны даже въ Юстиніяновыхъ сборникахъ: и наконецъ, это видно изъ постановленій о поземельныхъ собственникахъ (coloni), т. е., людяхъ, имѣвшихъ свою частную собственность или участокъ въ общинномъ владѣніи; изъ поземельныхъ налоговъ (decimae) и т. п. Но для того, чтобы опредѣлить отношенія, въ какихъ находилось Римское право къ Славянскому, нужно строго историческимъ путемъ доказать существованіе сношеній между обитателями первобытной Италіи съ одной, и Славянами съ другой стороны. Первая попытка въ этомъ родѣ принадлежитъ Ад. Іохеру, отличающаяся гораздо бо́льшею основательностью, нежели попытка Яна Колара, о которой см. въ Приложеніи. [3]

---

[1] Ср. Разсужденіе Авг. Маттеи о судахъ Аѳинскихъ, помѣщенное въ его Miscellanea philologica. 1809, Lipsiae et Altenburgi, въ 2 т.

[2] Ср. Livius I, 18, и повѣствованіе о Краинцахъ въ сочиненіи Яна Колара Staroitalia Slavanska. Ve Vidni, 1853, съ картой на стр. 568.

[3] Изданное имъ въ Вильнѣ небольшое на Латинскомъ языкѣ сочиненіе Pelasgia, могло бы быть очень важнымъ, если бы было утверждено на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Иностранныя права, обязательныя для Славянъ.

§ 129. Нѣмецкое и Церковное право были обязательны для всѣхъ Славянъ. Хотя Римское ограничивалось однимъ своимъ научнымъ значеніемъ, но оказывало большое вліяніе, особливо въ Польшѣ, на право, судоустройство и даже правленіе. Первое не вездѣ имѣло одинакую силу: въ одномъ мѣстѣ его вліяніе ограничивалось нѣсколькими отдѣльными личностями, въ другомъ цѣлыя сословія и даже общины пользовались имъ съ утвержденія верховной власти. Но другое (Церковное право) исключительно служило духовному чину. Что до третьяго (Римскаго права), то судья по собственному соображенію могъ его принимать, или нѣтъ, потому что во всякомъ случаѣ онъ не былъ обязанъ сообразоваться съ нимъ. Скажемъ теперь о каждомъ изъ этихъ правъ порознь.

§ 130. Нѣмецкое право досталось намъ удивительнымъ путемъ. Древній Римъ, отправляя излишнюю часть своего населенія или къ границамъ Италіи, или за границы ея, гдѣ имъ были основаны поселенія, оставлялъ за переселенцами право гражданства и, кромѣ того, предоставлялъ полную свободу судиться и рядиться, какъ хотятъ. Для насъ особенно важны поселенія такого рода, основанныя въ Германіи, потому что изъ нихъ еще въ X вѣкѣ, при содѣйствіи Католическаго духовенства, начали образовываться чисто Нѣмецкіе города, съ своимъ собственнымъ управленіемъ.

§ 131. Поселенія, основанныя Римлянами въ Германіи, были обыкновенными обронительными городами; въ слѣдствіе этого Католическіе Епископы избирали ихъ для своего мѣстопребыванія и испрашивали имъ преимущества у тамошнихъ государей (immunitas). Во время возобновленія Западной Римской Имперіи Франками и Нѣмцами, это обыкновеніе было очень распространено. Слѣдствіемъ его было то, что число привилегированныхъ городовъ во Франціи, Италіи и Германіи значительно увеличилось. [1] Это было новое явленіе въ тѣхъ странахъ, но не вездѣ, потому что это же самое мы замѣтили уже выше у Римлянъ. Извѣстно также изъ исторіи, что древніе народы не

[1] Eichorn, D. Staats-u. Rechts-Gesch., § 172, 224, a, b.



запрещали чужеземцамъ селиться на своей землѣ и управляться собственными законами, т. е., позволяли имъ, какъ мы теперь выражаемся, жить по пашпорту. Въ силу такого позволенія они были свободны отъ мѣстныхъ повинностей и налоговъ, но за то, съ другой стороны, не имѣли права пользоваться мѣстными законами, и рядились и судились своимъ собственнымъ правомъ. По всей вѣроятности, во время древнихъ Греческихъ республикъ, у Славянъ были другія отношенія къ поселенцамъ своимъ; но описанное нами отношеніе, получивши начало еще во времена Свевовъ, продолжалось почти до нашихъ временъ, и имѣло мѣсто не только въ отношеніи къ отдѣльнымъ личностямъ, но и къ цѣлымъ сословіямъ. Примѣръ этого видимъ у Чеховъ 1066, потомъ въ Польшѣ въ 1165—1173, и въ Силезіи 1175 г. [1] Это право поселенцевъ называлось то вообще Нѣмецкимъ правомъ, то, по мѣстности, на которой они утвердились, или же по имени страны, откуда они вышли; отсюда право Средское, Фрейбургское, Фламандское; это означало, что городамъ Средѣ, Фрейбургу, или же Фраконцамъ, Фламандцамъ было дозволено жить по своимъ правамъ.

§ 132. Дѣйствуя въ томъ же духѣ и увѣряя себя въ томъ, что нарядъ по чужимъ законамъ ни мало не оскорбляетъ народности, Славяне позволяли отечественныя селенія обращать въ чужія, равно какъ основывать новыя, съ управленіемъ чужеземнымъ правомъ. Въ Польшѣ это началось при Болеславѣ Кудрявомъ, между 1148 и 1173 г.; въ Чехахъ же и Моравіи этотъ порядокъ вещей показался дѣйствительно въ 1213 г. [2] Въ послѣдствіи (собственно, неизвѣстно въ

---

[1] О Польшѣ ср. Pierw. dz. 254 и слѣд. Первую привилегію подобнаго рода получило, въ 1175 г., отъ Силезіи, Силезское поселеніе Среда, приписанное къ Любушскому (Leubus) монастырю; оно теперь Неймарктъ, въ 4-хъ мил. отъ Вратиславы (въ грамотѣ; стоитъ: «Secundum jus, quod novi forenses utuntur);» срав. Urkund. Leub.; см. еще Stenzel, Urkund. 282. Лелевель (Rozbior, 213) ошибочно объясняетъ это мѣсто совѣтомъ родоначальниковъ. Въ одной грамотѣ 1275 г. (по изданію Ржищевскаго) читаемъ: «Ad locandum jure Theutonico tali videlicet jure, quali civitas Novoforensis circa Wratizlaviam est locata, que Sreda Polonice, Theutonice vero Neumarkt appellatur.» О другихъ названіяхъ ср. Stenzel, Urk. 104, 141, 336.

[2] По свидѣтельству Окольскаго I,319, Войцѣхъ и Дерславъ Ястршембицкіе должны были получить позволеніе ввести въ своихъ селеніяхъ, Якобовицахъ и Кобельникахъ, Нѣмецкое право. О Моравіи ср. Boczka II, 68: «Locatio secundum jus teutonicum hactenus in terris Boemiae et Moraviae inconsuetum.»

какое время), дошло до того, что дозволено было и отдѣльнымъ лицамъ Славянскаго племени, жившимъ въ Польшѣ и Чехіи, замѣнять отечественное право иностраннымъ. Этимъ путемъ рабочему человѣку можно было освободиться отъ барщины, въ чемъ онъ отчасти выигрывалъ, отчасти терялъ. Дѣйствительно, его положеніе было лучше, когда онъ, вмѣсто барщины, платилъ извѣстный оброкъ (чиншъ); но, съ другой стороны, онъ терялъ въ томъ, что изъ подъ земскаго права переходилъ подъ патримоніяльный судъ своего господина, что потомъ имѣло для него самыя пагубныя послѣдствія. Отсюда произошло то явленіе, что въ послѣдствіи Нѣмецкое право и эмфитевтическое или придворное (у Чеховъ purkrechtné, отъ Burg, дворъ) были равнозначительны. [1]

§ 133. Еще далѣе пошли, когда постановили, чтобы не только городскія общины (какъ у Нѣмцевъ), но и сельскія (чего тамъ не знали) управлялись особенными постановленіями, которыя относились къ земскому праву, какъ исключенія. Разница между ними и Нѣмцами въ этомъ случаѣ состояла въ томъ, что тамъ община, въ видѣ изъятія, пользовалась чисто отечественнымъ правомъ; мы же для этой цѣли либо заимствовались у другаго сосѣдняго народа, либо изъ заимствованнаго творили новое, или же, наконецъ, снабжали земское право особенными статьями, которыя были обязательны только для иностранцевъ и для тѣхъ изъ Славянъ, которые совершенно очужеземились. Такъ всѣ Западные Славяне заимствовали отъ Саксонцевъ Магдебургское право, съ которымъ одна лишь Польша соединила феодальное и земское право, взятое у тѣхъ же Саксонцевъ. Въ 1535 г., по распоряженію Сигизмунда I, это право должно было быть исключительно обязательнымъ для городскихъ общинъ и для отдѣльныхъ лицъ изъ горожанъ, что, однако жь, не удержалось. [2] Для той же цѣли Полабскіе Славяне, а вмѣстѣ съ ними и Поляки, воспользовались Любецкимъ правомъ. Первые предназначали его для городовъ, бывшихъ нѣкогда Славянскими, а теперь совершенно онѣмеченныхъ; послѣдніе хотѣли ввести его въ Прусскихъ городахъ, обитаемыхъ одними Нѣмцами. Крестоносцы же составили свой Законникъ изъ смѣси Магдебургскаго и Саксонскаго правъ, подъ именемъ Хелмин-

---

[1] 1301 г. у Ржищевскаго II, 156: jus Theutonicum seu emphiteuticum. Ср. Stenzel, Urkun. 172.

[2] Ср. Miscell. Crac. nova, стр. 93 и слѣд.

скаго, а Польскіе Армяне склеили отсюда свое законодательство, которое они считали своимъ народнымъ. Совершенно иначе поступалъ въ этомъ случаѣ Сербскій Царь Душанъ, который, для проживающихъ въ своемъ государствѣ Волоховъ, Албанцевъ, Саксонцевъ и Грековъ, велѣлъ составить новыя особенныя статьи и помѣстилъ ихъ въ свой Законникъ.[1] Что-то подобное замышлялъ и Казимиръ Великій, но для этого онъ пошелъ совершенно инымъ путемъ. Посредствомъ новыхъ прибавочныхъ статей къ Вислицкому Статуту,[2] онъ думалъ подорвать значеніе Нѣмецкаго права, но не успѣлъ въ этомъ. Если бы слѣдовавшіе за нимъ законодатели держались его примѣра, то Нѣмецкое право было бы потрясено въ своемъ основаніи, что принудило бы самихъ Нѣмцевъ совершенно отказаться отъ него и замѣнить его Польскимъ правомъ. Но по какому-то странному стеченію обстоятельствъ Нѣмцы въ послѣдствіи это дѣлали по собственной волѣ. Слѣдствіемъ этого было (какъ мы увидимъ ниже въ VIII Отдѣленіи) то, что наше городское Нѣмецкое право все болѣе и болѣе проникалось Польскими началами. Дѣйствуя въ духѣ Душана, Поляки и Литовцы дозволяли проживающимъ въ ихъ земляхъ Волохамъ управляться, такъ называемымъ, Волошскимъ правомъ, которое было не что иное, какъ изъятіе изъ отечественнаго законодательства. Наконецъ, Новгородцы и Псковичи, въ силу торговыхъ договоровъ, позволяли Нѣмецкимъ купцамъ, торговавшимъ у нихъ, пользоваться Нѣмецкимъ правомъ.

§ 134. Нѣтъ нужды говорить обо всѣхъ оттѣнкахъ этого права; довольно сказать о Магдебургскомъ и Любецкомъ правѣ, которыя

---

[1] Таковы въ Законникѣ Душана §§ 66, 81, 146 — 148.

[2] Такихъ прибавочныхъ статей пять; онѣ помѣщены въ, такъ называемомъ, четвертомъ всеобщемъ Вислицкомъ Статутѣ, IV, de foro competensi et scultetia въ §§ 6—10, и предписываютъ слѣдующее: Полякъ, позванный къ отвѣту въ Нѣмецкій судъ, приноситъ свое оправданіе только на тотъ пунктъ, который составляетъ предметъ жалобы; о другихъ же, связанныхъ съ нимъ, обстоятельствахъ онъ говоритъ только тогда, когда они упомянуты въ прошеніи; далѣе, Нѣмецъ, обвиняемый въ уголовномъ преступленіи надъ Полякомъ, наказывается по Польскимъ законамъ; съ другой стороны, зажигатели Нѣмецкихъ строеній получаютъ наказаніе на основаніи Польскаго права; наконецъ, какъ скоро Нѣмецъ хоть одинъ разъ забудетъ обратиться къ своему праву, то уже болѣе онъ не имѣетъ права пользоваться имъ; деревенскіе же судьи должны были признавать надъ собою власть господина, на землѣ котораго они поселились.

были основой всѣмъ другимъ. У береговъ Балтійскаго моря съ незапамятныхъ временъ процвѣтали своею торговлею многіе Славянскіе города, соединенные между собою торговыми узами и носившіе названіе Ганзейскаго Союза (отъ hanza вм. wanza, узелъ, союзъ, связь, Польск. węzeł). По мѣрѣ того, какъ одинъ изъ нихъ падалъ, погребенный въ собственныхъ развалинахъ, Нѣмцы вновь отстроивали его и съ этѣхъ поръ считали его своимъ городомъ. Такая участь постигла Любеку (Любекъ), которая, возродившись изъ пепла и получивши привилегію (1158) отъ Государя этой страны, Саксонскаго Князя, Генриха Льва, вскорѣ пріобрѣла такую извѣстность своими учрежденіями (дошедшими до насъ въ трехъ различныхъ изводахъ), что Прусаки охотно усвоивали ихъ себѣ и просили ее снабдить своей свободой и правомъ (jus et libertas) Нѣмецкіе и Славянскіе города, лежащіе у Сѣвернаго и Балтійскаго морей. Въ 1190 г. Адольфъ, Князь Голштинскій, ввелъ Любское право въ Гамбургѣ. Въ 1224 г. Виславъ I далъ позволеніе имъ пользоваться Любечанамъ, жившимъ на островѣ Рюгенѣ; 1242 года одинъ изъ мелкихъ Славянскихъ князьковъ ввелъ его въ своемъ городѣ Деминѣ (на Поморьѣ), а преемникъ его, Вратиславъ, въ Грефсвальдѣ 1250; въ 1255 Яромиръ, Князь Рюгена, утвердилъ его въ городѣ Бартѣ (Barth), и наконецъ Янъ Голштинскій дозволилъ пользоваться имъ одному изъ своихъ владѣній. [1]

§ 135. На Лабѣ лежалъ Славянскій городъ Дѣвинъ, который, онѣмечившись, сталъ называться Магдебургомъ, названіе, цѣликомъ переведенное изъ Славянскаго (Magd, дѣва, и Burg, городъ). Тамошній Архіепископъ, которому, еще при Мечиславѣ I, принадлежала Польская, или Познанская, епископія, имѣя въ своемъ подданствѣ Славянъ и Нѣмцевъ, старался слить ихъ въ одинъ народъ посредствомъ равноправныхъ привилегій. Каждый изъ нихъ тѣмъ болѣе долженъ былъ уважать народность другаго, что и другіе Полабскіе, Полуславянскіе и Полунѣмецкіе, города, какъ, на пр., Штендаль и Ютробогъ (Jüterbock), съ радостію приняли составленное для нихъ Магдебургское право, первый въ 1145 г., а послѣдній 1174 г. Наибольшимъ значеніемъ пользовались привилегіи, данныя Магдебургу

---

[1] Ср. Pierw. dz. 175, также Fabric. I, 8; II, 116, и Cod. Pomer. I,351,895, откуда видно, что «burgensibus in Grifeswolde» было дано «jus et libertatem, quam civitas Lubecensis habere dignoscitur.»



1188 г. Архіепископомъ Вихманномъ; списокъ съ нихъ въ послѣдствіи, около 1201 г., граждане Магдербурга подарили жителямъ г. Вратиславли, по усиленной просьбѣ этихъ послѣднихъ. Изъ нихъ-то мы убѣждаемся, что въ Магдебургѣ были въ ходу и Славянскіе обычаи, ибо въ § 8 упомянутой привилегіи читаемъ: «Если случится надобность издать новое постановленіе, а судьи въ это время будутъ отсутствовать, то Бургграфъ или Войтъ (Scultetus) имѣетъ право передать полномочіе изданія закона Думѣ, составленной изъ граждань (cives). Но такъ поступать Бургграфъ или Каштелянъ могъ только по общеизвѣстному Славянскому обычаю, передававшему ему право надзора надъ городами, лежащими въ его округѣ. [1]

§ 136. Изъ привилегій этѣхъ, умноженныхъ статьями Саксонскаго Зерцала, а также мѣстными судейскими рѣшеніями, образовалось, въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка, то славное Магдебургское право, судьбы котораго такъ сильно занимаютъ насъ въ настоящее время. Можно допустить, что въ Магдебургскомъ правѣ, до появленія привилегій, городское и земское право мало чѣмъ, а можетъ быть и совершенно, не различались между собою. Они находились другъ къ другу въ такомъ же отношеніи, въ какомъ и въ другихъ Славянскихъ городахъ, прежде нежели они раздѣлились у Западныхъ Славянъ на земское и городское. [2] Но вскорѣ Магдебургское право начало принимать все болѣе и болѣе исключительный характеръ: счастливой случай привелъ его къ соединенію съ Саксонскимъ Зерцаломъ, которое снова, такъ сказать, оземщило его. Это продолжалось до XV в., когда, въ слѣдствіе различнаго обряда жизни горожанъ и земскихъ людей, снова порвалась связь между полемъ и городомъ. Впрочемъ, это обособленіе должно было непремѣнно послѣдовать, потому что никто не зналъ, какъ предупредить его. Если бы тогда же была произведена регулировка городовъ, то есть, если бы были даны особыя постановленія о заработной платѣ, а во всемъ остальномъ уравнены съ селами, какъ это мы видимъ въ настоящее время во Франціи, то, нѣтъ сомнѣнія, что мѣра вполнѣ удовлетворила бы потребностямъ тогдашняго общества.

---

[1] Stentzel, Urk. 95, 270. Eichorn, § 284. Въ 1249 г. Штетинъ пріобрѣлъ себѣ право суда «secundum jurisdictionem eam, que in Magdeburch est;» въ Cod. Pomer. § 871.

[2] Pierw. dz. 253 и слѣд.

§. 137. Магдебургское право распространилось у насъ въ двухъ изводахъ. Иной видъ имѣло оно до соединенія своего съ Саксонскимъ правомъ, а иной видъ послѣ него. Выше мы исчислили всѣ тѣ Силезскіе, Чешскіе и Польскіе города, которые пользовались имъ въ пору перваго его извода; теперь назовемъ тѣ Польскіе города, которые, получивъ его уже во второмъ изводѣ, передали его въ такомъ видѣ и городамъ Русскимъ, лежащимъ по сю сторону Днѣпра. Еще до 1244 г. Болеславъ Стыдливый пожаловалъ Магдебургское право Кракову и Сандомиру. Не много спустя, 1257 г., онъ даровалъ Кракову еще лучшее право, объявляя, что хотя онъ вводитъ сюда то самое право, которымъ уже пользовалась Вратиславль (съ 1241, или 1242), но съ большими привилегіями. [1] Нѣмцы, проживавшіе на Руси во Львовѣ, Владимирѣ (на Волыни) и Луцкѣ въ 1287 г. имѣли своего войта. [2] Возвращая отъ Польши Русскія земли, Москва нашла здѣсь Магдебургское право и подтвердила его въ Кіевѣ, Каневѣ, Переяславлѣ и Стародубѣ, а также въ округахъ Нѣжинскомъ, Черниговскомъ, Козелецкомъ и Остерскомъ. [3] Здѣсь мы прекращаемъ свой перечень, отсылая желающихъ знать, какіе изъ Силезскихъ, Чешскихъ и Польскихъ городовъ получили Магдебургское право и когда, къ пособіямъ, которыя заключаютъ въ себѣ, если можно такъ выразиться, топографію права; [4] теперь остановлюся я на томъ, что у насъ собственно разумѣли подъ именемъ Магдебургскаго права, каково былъ его значеніе, направленіе и цѣль.

§ 138. Такъ какъ все дѣло состояло въ томъ, чтобы городу, имѣющему получить иностранное право, пожаловать привилегію, то въ 1231 г. Крестоносцы и дали ее Хельму, стольному городу Хельминской области, [5] крѣпко наказавъ называть ее не Магдебургскимъ,

---

[1] Ср. Fejer IV, I,356. Stentzel, Urk. 305. Грамота основанія Кракова объяснена въ Miscel. II, 60 и слѣд.

[2] Zubrzycki, Kronika 9.

[3] Okolski подъ 1424, г. III, 84. Пол. Собр. Зак. I, 622, 623. Piasecki, Chronika 175.

[4] Къ такимъ пособіямъ относятся: Urkunde Штенцеля и допол. въ Uebers. 1840 и слѣд; также Разсужденія I. В. Бандтке, и преимущественно: Starożytna Polska.

[5] Das alte Kulmiche Recht, von C. K. Leman. Berlin 1838 г. и K. G. Preatorius, Versuche über die Culmische Handfeste. Thorn 1842 г.

но Хельминскимъ правомъ; въ этомъ случаѣ они руководствовались той политикой, чтобы принадлежащій имъ городъ не думалъ, что можно быть подданнымъ своего отечества, а между тѣмъ пользоваться иностраннымъ правомъ. Эта мѣра Крестоносцевъ, какъ ниже скажемъ, имѣя важныя послѣдствія, могла бы произвесть еще важнѣйшія, если бы они умѣли взяться за дѣло. Въ послѣдствіи, сохраняя старое названіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы примиряя прошедшее съ настоящимъ, это право стали называть не Хельминскимъ, но уже «Магдебургскимъ, обязательнымъ для Хельминской области,» [1] сознавая, впрочемъ, тѣмъ, что неизвѣстно вполнѣ, что такое было въ самомъ дѣлѣ это право, Магдебургское ли, или какое ни будь другое, составленное по образцу его, на пр. Средское. [2] Короче, всякое исключительное право называлось у насъ вообще Нѣмецкимъ, или получало свое прозвище отъ города, гдѣ оно наиболѣе дѣйствовало. Случалось даже и то, что помѣщикъ, заключая условіе съ своимъ поселенцемъ, указывалъ ему на какой ни будь заграничный городъ, или лежащій въ его странѣ, и дозволялъ ему, въ видѣ исключенія, управляться правомъ этого города; [3] при семъ онъ объявлялъ, что если оно окажется, почему бы то ни было стѣснительнымъ для поселенца, то онъ готовъ замѣнить его другимъ. [4]

---

[1] 1342 г. «Exposuimus villam locandam jure Magdeburgensi prout in terra Culmensi tenetur.» См. Rzysz. II, 265, 278.

[2] 1355 г. «Et quia jura Sredensia sunt nobis prorsus incognita.» См. Narusz. въ примѣч. VI, 125; 1382 г. у Rzysz. II, 335. «Caeterum cum jura Magdeburgensia prorsus sint nobis incognita, omnia jura, dominium nostrum concernencia, reservamus.» Еще въ 1370 г. (Rzysz. II, 316) основано было поселеніе на Средскомъ правѣ.

[3] Въ 1260 г. позволено основать одинъ въ Великой Польшѣ городокъ «jure theutonico, eo videlicet jure, quo civitates nostre Poznan et Gnezne in eorum legibus pociuntur.» У Rzysz. Виславъ I, Князь Рюгенскій, въ 1234 г., далъ городу Стрѣлову (Stralsund) права города Ростока, а Мальхову права г. Шверина (въ 1236 г.) Cod. Pomer. I, 478, 515. Даже при основаніи какого ни будь селенія предписывалось, что одно только Нѣмецкое право можетъ имѣть силу въ немъ. См. Rzycz. подъ 1298 г. II, 143, и потому Штенцель (Urkunde, 106) ошибается, утверждая, что при Казимирѣ В. въ Польшѣ jus theutonicum и jus magdeburgense значили одно и то же.

[4] Въ 1491, 1635 Хельмское право замѣнено Магдебургскимъ. См. Wizerung. Нов. отдѣлъ X, 121 — 122.



§ 139. Видя, какъ свои и чужіе хлопочутъ о томъ, чтобы какъ ни будь уклониться отъ земскаго права, всякой мыслящій законодатель, сознавая, что это право имѣетъ свои недостатки, долженъ бы былъ, съ одной стороны, дополнить его этѣми статьями, а съ другой, успокоить всѣхъ ревнителей иностранныхъ учрежденій, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, чтобы они не пытались отложиться отъ роднаго права. Такой законодатель явился въ лицѣ Казимира В. Разсуждая о томъ, онъ отмѣтилъ два пути: одинъ велъ къ признанію необходимости Польско-Нѣмецкаго, такъ сказать, Статута, другой наводилъ его на мысль о соединеніи Нѣмецкаго права съ отечественнымъ. Обдумавши хорошо, куда приведетъ каждый изъ нихъ, онъ тотчасъ понялъ, что было бы безполезно избрать первый, потому что тогда Статутъ составили бы одни лишь изъятія изъ земскаго права, къ которымъ не слѣдовало бы прибавлять ничего новаго. А потому онъ обратился въ противную сторону, и устремилъ свои старанія къ тому, чтобы безъ всякихъ потрясеній Нѣмецкое право принаровить къ Польскому. Обративши вниманіе на судопроизводство и на уголовное право, онъ такъ преобразовалъ ихъ, что сами Нѣмцы оправдывали его реформу или, по крайней мѣрѣ, не порицали ее, особенно когда Казимиръ (въ пяти извѣстныхъ артикулахъ) согласилъ ее съ духомъ старинныхъ Нѣмецкихъ учрежденій. Во всякомъ случаѣ, онъ не поднималъ руки на Нѣмецкое право; напротивъ того, приказалъ ни въ чемъ не нарушать его, въ надеждѣ, что преемники, улучивъ удобное время, поведутъ его преобразованіе далѣе, къ полному удовольствію Нѣмцевъ.

§ 140. Будучи само по себѣ исключеніемъ изъ мѣстнаго законодательства, Нѣмецкое право, конечно, не могло сохраняться путемъ обычая и требовало письменнаго выраженія. Потому что въ противномъ случаѣ Польскій судья, разбирая, на основаніи его, какую ни будь тяжбу, не зналъ бы, что это въ самомъ дѣлѣ за право, особенно, когда оно каждую минуту принимало иную форму отъ безпрерывныхъ отступленій и привилегій. При томъ же и судебное устройство его было совершенно самобытно. Право судебнаго рѣшенія какого ни будь дѣла оно передавало Магдебургу, или искало судебной правды тамъ, гдѣ повелѣлъ основатель поселенія. [1] Же-

---

[1] 1325 г. у Rzysz. II, 636. «Item si alique cause in civitate nostra prenotata occurerint, quas forte Thomasius, nostre civitatis advocatus, una cum consulibus ibi-



лая помочь этому неудобству, Казимиръ В., слѣдуя примѣру Крестоносцевъ, которые, посредствомъ Хельмской привилегіи, добились того, что всѣ дѣла между ихъ подданными рѣшались окончательно не въ Магдебургѣ, но въ Хельмѣ, постановилъ, 1356 г., чтобы высшее судебное мѣсто для Малой Польши съ этѣхъ поръ находилось въ Краковѣ, остальныя же области: Познанская, Сандомирская и Львовская, чтобы имѣли тоже такой высшій судъ у себя. Но такъ какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что еще въ 1459 г. нѣкоторые обращались въ Магдебрргъ за рѣшеніемъ дѣлъ, то постановленіе Казимира В. должно имѣть слѣдующій смыслъ: онъ далъ право истцу принудить отвѣтчика разсудиться съ нимъ окончательно въ мѣстномъ судѣ, и хотя тяжущимся позволено было, по взаимному согласію, отправиться за границу за послѣднимъ рѣшеніемъ, но рѣшеніе это не имѣло обязательной силы въ ихъ странѣ, потому и всякой судья, рѣшившійся привести его въ исполненіе, рисковалъ всѣмъ своимъ имуществомъ, которое въ такомъ случаѣ отбиралось въ казну [2] Отсюда видно, какъ осторожно дѣйствовалъ Вислицкій законодатель въ дѣлѣ преобразованія Польскаго права, остерегаясь, чтобы чѣмъ ни будь не оскорбить Нѣмцевъ.

§. 141. Всѣ, принимавшіе участіе въ преобразованіи этого исключительнаго права, ничего не могли сказать противъ этой мѣры При томъ же она была направлена къ ихъ пользѣ, потому что она избавляла ихъ отъ необходимости скитаться по иностраннымъ судамъ. Равно также и Нѣмецкое уголовное право легко, безъ всякихъ потрясеній, замѣнено было Польскимъ, потому что послѣднее было несравненно мягче перваго. Зная все это, Казимиръ объявилъ, что онъ не имѣетъ намѣренія Нѣмецкое право замѣнить Польскимъ, напротивъ

---

dem, propter imperitiam suam dubitaret, et quod nusquam, nisi in civitate nostra Wladislaviensi, jus praefatum requirere debent; sin autem consules nostre civitatis prenotate jus prefatum invenire, propter ignorantiam forsan aliquam, non valerent; extunc nostri cives sepius dicte civitatis (Solec въ Куявіи,, de nostra bona voluntate, jus prefatum in civitate Culmensi aut in Thorun sibi querent.»

[1] J. W. Bandtkie, Hist. prawa Polskiego, 213 и слѣд.

[2] Такъ, по моему мнѣнію, должно понимать это постановленіе Казимира В. (у Бандтке, Jus Pol. 158 и слѣд), въ связи съ извѣстіемъ Записокъ Остророга (Pamięt. 43 и слѣд.), издатель которыхъ (тотъ же Бандтке) неправильно понялъ слова автора, отъ чего самъ противорѣчитъ тому, что сказано въ его Hist. pr. 217.

того желаетъ, чтобы оно дѣйствовало и въ послѣдствіи, но только въ первобытномъ своемъ видѣ, по смыслу котораго зачинщикъ долженъ быть судимъ по законамъ обиженной стороны, какъ то было установлено Лонгобардами еще въ 785 г. (о чемъ, однако жь, Вислицкій законодатель умалчиваетъ). [1] Слѣдствіемъ этого измѣненія въ уголовномъ искѣ было то, что всякій Нѣмецъ, позволившій себѣ насиліе надъ Польской женщиной, получалъ наказаніе не по своимъ, но по Польскимъ, законамъ.

§ 142. Преемники Казимира В. дѣйствовали въ его духѣ и уважали Нѣмецкіе законы, не только не позволяя себѣ измѣнять въ нихъ мѣръ, упомянутыхъ выше. но строго запрещая вносить въ него статьи Польскаго права; [2] однако жь, всѣ здравомыслящіе горячо желали, чтобы Нѣмецкое и Польское право слились въ одно, и чтобы между ними не было больше никакой разницы. [3] До слуха Короля Александра Ягайловца дошли эти желанія, а потому, думая, что теперь настало время оказать гораздо большее противу прежняго вниманіе Нѣмецкому праву, повелѣлъ онъ въ 1506 г. Магдебургское право (вѣроятно, въ томъ видѣ, въ какомъ Казимиръ Великій составилъ его для употребленія судьямъ въ высшемъ мѣстѣ Нѣмецкаго суда, въ Краковскомъ замкѣ), вмѣстѣ съ Саксонскимъ и Феодальнымъ, внести въ общій сводъ законовъ, и потомъ напечатать. Еще далѣе пошелъ въ этомъ дѣлѣ Сигизмундъ I, который поручилъ Матвѣю Сливницкому составить сводъ, который бы заключалъ въ себѣ общее уложеніе городскихъ судовъ, въ замѣнъ Магдебургскаго, а для земскаго права служилъ бы пособіемъ. дополняя собою шляхетское (jus militare). [4] Но намѣреніе его не могло быть

---

[1] «De diversarum generationum hominibus, qui in Italia commanent, volumus (говоритъ Пипинъ, побѣдитель Лонгобардовъ), ut ubicunque culpa contigerit, unde fuida crescere potest, per satisfactionem hominis illius, contra quem culpavit, secundum ipsius legem, cui negligentiam commisit, emendet.» Pertz III, 46. Ср. съ этѣмъ Вислиц. статутъ, §. 7.

[2] Такъ у Щигельскаго подъ 1456 г. читаемъ: «Removendo omnia jura Polonicalia, modos et consuetudines universales, quae ipsum jus Teutonicum plerumque consueverunt perturbare.» Это не что иное. какъ повтореніе постановленія 1432 г. (Nakielsk. 447), т. е., постановленія Казимира В. См. Paprockiego Herby rycerstwa Polskiego, 408.

[3] Ostrorog. Pamiętn. 51.

[4] J. W. Bandtkie, Hist. pr. 495

приведено въ исполненіе, по причинамъ, о которыхъ въ послѣдствіи распространюсь подробно, довольствуясь сдѣсь простымъ только упоминаніемъ о нихъ.

§ 143. Лелевель ошибается, думая, что «такъ какъ Польскіе горожане были Нѣмецкаго происхожденія, и такъ какъ они отдѣльно отъ народа были награждаемы Королевскими привилегіями, то народъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на чужестранцевъ и, въ слѣдствіе этого, они не могли слиться съ нимъ въ одно государственное тѣло; [1] когда же (продолжаетъ онъ) это отношеніе воздѣйствовало на законодательство, то это послѣднее тщетно прилагало старанія сблизить дворянъ съ горожанами, тѣмъ менѣе изъ нихъ составить одинъ народъ, равно какъ и изъ двухъ уложеній одно. Мнѣніе это неосновательно: напротивъ того, шляхта имѣла много общаго съ горожанами, заимствовала у нихъ нѣкоторыя постановленія, или же, по ихъ образцу, передѣлывала свои. Мало того: шляхта, преимущественно Мазовецкая, владѣла землею по Нѣмецкому праву, и тѣмъ показывала готовность отказаться отъ своихъ дворянскихъ правъ. [2] Однако жь, въ послѣдствіи, дѣйствуя болѣе и болѣе противъ воли своихъ Государей, шляхта разорвала связь съ горожанами и неоднократно устраняла ихъ изъ публичныхъ совѣщаній. Другая причина вражды шляхты къ горожанамъ заключалась въ томъ, что горожане, строго охраняя свои права, запрещали шляхтѣ производить въ городѣ какого бы то ни было рода безпорядки; всякій, въ нихъ уличенный судебнымъ порядкомъ, подвергался строгому взысканію, иногда даже смертной казни. И потому шляхта всячески старалась

---

[1] Lelewel, Considerations sur l'état politique de l'ancienne Pologne. Paris, 1844, 115, 117.

[2] Въ stat. Lęcz., у Бандке Jus Pol. 148, читаемъ: «Item statuerunt omnes dignitarii (terrae Lanciciensis): quod quando aliquis convictus fuerit in judicio, et datus per manum suo adversario, et si de captivitate evaserit, ipso facto non erit liber de debito: et hoc etiam habetur in jure Theutonico civili.» — По примѣру этого у насъ явилось постановленіе, что дѣти, прижитыя до замужества, признаются законными, какъ скоро ихъ родители вступаютъ въ бракъ (о чемъ ср. Bandtkie въ Rozprawach), хотя Саксонскія объ этомъ постановленія были отринуты Римско-Католическою Церковью. Въ St. Maz, у Bandtkie Jus Pol. 395, читаемъ: «Si aliquis nobilis in jure Culmensi residet solutio capitis more Culmensi, non more nobilium impendi debet.» Ср. ниже § 201.



ограничить права горожанъ, налегая преимущественно на заработную плату, ремесла и торговлю, и на получаемые ими отсюда выгоды и т. д. Пока Король сохранялъ свою силу, онъ защищалъ угнетенныхъ отъ обидъ и не позволялъ нарушать права ихъ; потому горожане крѣпко держались Короля и были заклятые враги Рѣчи Посполитой. Когда же Королевская власть сама подверглась различнаго рода стѣсненіямъ, то и города лишились своей защиты, сперва Польскіе, потомъ и Прусскіе, а за тѣмъ потеряли свои права и имущество. Кромѣ того, много дурнаго произошло и отъ того, что города были разъединены между собою: многолюдные и богатые не помогали малымъ, а всѣ вмѣстѣ не пытались защититься отъ нападеній шляхты. Въ этомъ положеніи сердце горожанъ перестало лежать къ Польшѣ, но оборотилось къ Нѣмцамъ, что продолжалось до самаго раздѣла Польши, когда они упали невозвратно, а вмѣстѣ съ ними погибла и шляхта. [1]

§ 144. Точь въ точь тоже самое было и въ Чехахъ; мы выше упомянули о привилегіи, данной въ 1066 г. Нѣмецкимъ жителямъ Праги; въ послѣдствіи начали надѣлять Магдебургскимъ правомъ селенія и также духовенство. (Въ настоящееe время Магдебургское право издается въ свѣтъ Рёслеромъ по рукописямъ XIII и XIV вѣковъ). Эти права, такъ какъ и у насъ, были замѣняемы другими; иногда же нѣкоторые города къ даннымъ имъ правамъ самовольно присоединяли новыя. [2] Только смѣшеніемъ Чешской и Нѣмецкой стихій въ правѣ можно объяснить то явленіе, что Чешскія горожанки находились подъ такой же опекой своихъ родныхъ, какъ и Нѣмецкія (in mundio), что супруги имѣли общую собственность, и что селяне по Нѣмецкому обычаю платили оброкъ и т. п. [3] Хотя еще между 1282 и 1314 г. Чехи весьма неблагопріятствовали Нѣмцамъ (судя по словамъ Далемила), презирали ихъ, какъ чужестранцевъ, вторгавшихся къ нимъ для высасыванія богатствъ страны, и въ слѣдствіе того искоса поглядывали и на города, хотя неизвѣ-

---

[1] Ср. Lelewel, Considerat. 106, 130, 320 и слѣд.

[2] Въ 1352 г. Моравскій городъ Оломуцъ замѣнилъ пріобрѣтенное имъ еще до 1229 г. Магдебургское право (Ср. Erben Reg. diplom. подъ № 743 г.) Вратиславльскимъ. Въ 1241 г. онъ ввелъ у себя обычаи Магдебурскаго Церковнаго феодальнаго права. См. Штенцеля Urk. 368; Бочка III, 141.

[3] Dobner, Monum. IV, 391, VI, 6, 7, I, 227.

стный писатель, [1] жившій около 1437 или 1439 г., опираясь на исторію, всѣ бѣдствія, постигшія Славянъ, приписывалъ проискамъ Нѣмцевъ, однако Чешскіе Короли Славянскаго происхожденія не думали преобразовывать городскіе суды и не предпринимали никакихъ мѣръ не только къ исправленію, но даже къ изданію городоваго права. И только Фердинандъ II, Ерцъ-Герцогъ Австрійскій, вступивши на Чешскій престолъ, запретилъ въ 1548 г. городамъ сноситься по судебнымъ дѣламъ съ Магдербургомъ. [2]

§ 145. И Угорскіе города тоже управлялись Нѣмецкимъ правомъ, съ тою только разницею, что имъ разъ навсегда было запрещено вершить дѣла въ Магдебургѣ. [3] Сводъ постановленій Нѣмецко-Угорскаго права никогда не былъ изданъ правительствомъ Въ Московскомъ государствѣ былъ особый Иноземной Приказъ, [4] называемый иногда и Посольскимъ, потому что въ немъ первоначально находили себѣ судъ и расправу люди иностранныхъ Пословъ. Въ этомъ Приказѣ судились Нѣмцы по своимъ законамъ, или по Русскимъ, смотря по тому, съ кѣмъ имѣли тяжбу, съ Русскими, или между собою.

§ 146. И Церковное право, въ свою очередь, тоже составляло особое самостоятельное отъ отечественнаго Славянскаго права; но, служа потребностямъ одного только сословія, оно не имѣло такой тѣсной связи съ мѣстнымъ правомъ, какъ Нѣмецкое; и потому, желая сказать о немъ нѣсколько словъ, мы будемъ, сколько возможно, кратки, по той причинѣ, что оно не имѣло у насъ обязательной силы (какъ это было у Нѣмцевъ), и на столько оказывало вліянія въ мѣстныхъ судахъ, на сколько это было угодно народу. Объявивши напередъ, что будутъ свято соблюдать всѣ постановленія духовенства, относящіяся къ дѣламъ вѣры, Славяне поспѣшили прибавить, что никогда не согласятся съ такими изъ нихъ, которыя прямо противоположны началамъ ихъ земскаго права. Изъ такихъ-то постановленій, составленныхъ на мѣстныхъ синодахъ, образовалось въ

---

[1] Изданъ Ганкой при второмъ изданіи Далемиловой Хроники.

[2] Dobner, Monum. VI, 196.

[3] Sulcer, III, 71 и слѣд

[4] Иноземный Приказъ часто упоминается въ Уложеніи. Ср. также подъ 1674 и 1679 г. въ Пол. Соб. Зак. I, 969; II, 232.

послѣдствіи мѣстное каноническое право (jus canonicum provinciale), которое будетъ мною разсмотрѣно въ слѣдующемъ томѣ. Равно также народъ не признавалъ обязательными для себя постановленія, составленныя на всеобщихъ соборахъ Западнаго духовенства, обыкновенно происходившихъ за границею, если они находились въ такомъ отношеніи къ свѣтскому праву. Это объясняетъ намъ причину, почему постановленія Тридентскаго собора не имѣли въ Польшѣ обязательной силы. [1]

§ 147. Не смотря на все это, право Вселенской Церкви обоихъ исповѣданій пользовалось у Славянъ большимъ уваженіемъ и оказывало свое вліяніе на земское право. Не только судьи, но и законодатели, смотрѣли на него, какъ на источникъ всякаго рода уставовъ и постановленій; и хотя оно преимущественно было въ ходу у Славянъ Православныхъ, но въ позднѣйшее время оно оказывало свое вліяніе также у Славянъ Католиковъ и даже Протестантовъ. Приведу слѣдующій примѣръ: по Славянскому древнему обычаю смертная казнь считалась слишкомъ жестокимъ наказаніемъ для преступника, и обыкновенно дозволялось ему выкупать свою голову; Протестанское духовенство у Дитмарсовъ восторжествовало надъ этимъ обычаемъ, и тяжкая пеня (głowszczyzna) была замѣнена смертною казнію. [2] То же самое поставилъ на Руси Владиміръ Св., по совѣту своихъ епископовъ. Сербское духовенство постоянно обращало вниманіе законодательной власти на Священное Писаніе, на постановленія Святыхъ Отцовъ и т. п. Подобно Русскому духовенству, оно нерѣдко вносило въ свѣтское право статьи изъ своего церковнаго устава; кромѣ того, оно тщательно сберегало своды различныхъ городскихъ постановленій, чѣмъ оказало неоцѣненную услугу Исторіи Славянскихъ законодательствъ. Въ этомъ отношеніи весьма важны рукописи, такъ называемой, Кормчей Книги, свода различныхъ постановленій Русской Церкви, въ приложеніи къ которымъ на концѣ помѣщается обыкновенно Русская Правда и другіе государственные Уставы, имѣвшіе для Руси непосредственно, или относительно, обязательное значеніе. Также духовенство ввело Византійское право въ судебныя мѣста: по крайней мѣрѣ этимъ можно объяснить, по мнѣ-

---

[1] J. W. Bandtkie, Hist. prawa, 499 и слѣд.

[2] Michelsen, въ предисловіи къ Ditmars. Rechtsquellen, das alte Ditmarschen, 22, 23.

нію Карамзина, [1] то явленіе, что судьи, уже по Судебнику Царя Ивана Васильевича, рѣшали нѣкоторыя дѣла, отвѣта на которыя они не находили въ отечественномъ законодательствѣ, на основаніи Византійскаго права. Многое изъ Церковнаго Греческаго права вошло и въ Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича: это былъ, такъ называемый, Номоканонъ, по которому судилось также и Русское духовенство, находившееся подъ властью Литвы и Польши. Татары, во время своего владычества надъ Сѣверной Русью, поступали также. Въ 1315 г. Ханъ Узбекъ подтвердилъ Митрополиту Кіевскому, Петру, право пользоваться Номоканономъ. Это же самое сдѣлалъ Александръ Ягайловецъ для Луки, Епископа Полоцкаго и Витебскаго, а Сигизмундъ I распространилъ это преимущество на всю Литву. Да и Станиславъ Августъ тоже обезпечилъ Русскому духовенству это преимущество [2]

§ 148. Римское церковное право появилось въ Польшѣ вмѣстѣ съ Латинскимъ исповѣданіемъ. Не говоря уже о многихъ грамотахъ, на него ссылаются статуты, конфедерація шляхты 1382 г., постановленія Владислава Ягайла, Казимира Ягайловца, Яна Альбрехта [3] и т. п. Вліянію этого права слѣдуетъ приписать раздѣленіе всѣхъ въ правовѣдственномъ смыслѣ на духовныхъ и свѣтскихъ, [4] раздѣленіе, которое, однако жь, не привилось къ языку государственныхъ бумагъ, тѣмъ болѣе, что у насъ въ XII вѣкѣ значительно упало вліяніе Церковнаго права, которое снова поднялось только при Сигизмундѣ III. Постановленія его, изданныя въ свѣтъ, касаются только предметовъ, имѣющихъ отношеніе либо къ десятинамъ, либо къ церковнымъ судамъ. Впрочемъ, объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе во второмъ томѣ нашего труда.

Съ увѣренностію можно сказать, что значеніе Нѣмецкаго и Церковнаго права въ Чехіи увеличивалось объ руку съ упадкомъ Чешской народности. Но нигдѣ у Славянъ духовенство не пользовалось такимъ сильнымъ вліяніемъ, какъ въ Угріи. Здѣсь-то оно при-

---

[1] И. Г. Р., т. IV, примѣч. 324.

[2] Danilowicz, въ Dorpater Jahrbücher II, 491 и слѣд.

[3] Ср. третій stat. Malop. § 5 и четвертый Wislicki § 28, также Bandtkie Jus Pol. 187, 247, 289, 339.

[4] См. Польскія права 1449 г., изд. Лелевелемъ въ Pomniki II, 13, 19.

брало въ свои руки все законодательство, составляло постановленія и имѣло большое вліяніе на судоустройство. Даже все производство суда въ Угріи было составлено Католическимъ духовенствомъ по образцу Церковнаго. [1]

§ 149. Достойны вниманія судьбы Римскаго права, преимущественно въ Польшѣ, потому что они изобличаютъ ложь одного древняго предсказанія, предъ которымъ поблѣднѣлъ и самъ Тацитъ. Ибо когда еще въ V вѣкѣ до Р. Х. древній Римъ былъ сожженъ Галлами, то жрецы Галльскіе говорили, что это предвѣщаетъ будущую силу Заальпійскихъ народовъ и упадокъ Римскаго могущества. [2] Боясь, чтобы не исполнилось это предсказаніе, Тацитъ вздумалъ издѣваться надъ нимъ, но напрасно: ибо если и исполнилось то̑, о чемъ вѣщали Друиды, если Римъ утратилъ свою власть надъ міромъ, то не сбылась другая половина предсказанія, исполненія которой такъ опасался историкъ. Римъ до сихъ поръ господствуетъ надъ всѣмъ образованнымъ міромъ своею духовною силою, и долго, долго будетъ еще господствовать. И, странное дѣло! Тѣ народы, которыхъ онъ такъ жестоко преслѣдовалъ, именно они-то и упрочили за нимъ господство въ Христіянскомъ мірѣ. Нѣмецкіе горожане, ненавидимые Славянской шляхтой, сохранили свѣточъ образованности только посредствомъ Римскаго права, которому они съумѣли доставить далеко большее уваженіе, нежели духовенство, даже въ земскихъ судахъ.

§ 150. Много нужно было времени и, смѣло можно сказать, только съ конца прошедшаго столѣтія, Славяне начали сознавать важность Римскаго права. Когда-то наши политики и историки [3] подсмѣивались надъ нимъ; теперь они, не колеблясь, твердятъ, что оно есть исполинское выраженіе Римскаго духа, внушающее къ себѣ удивленіе, равно какъ и почтеніе; что оно одно изъ всѣхъ законодательствъ земнаго шара, идя рука объ руку съ народностію, среди которой развивалось, могло обойтись безъ чужеземнаго вліянія, и

---

[1] Fessler II, 208, 808; III, 676.

[2] Tacit. Histor. IV, 54. «Fatali igne signum coelestis irae datum, et possessionem rerum humanarum, Transalpinis gentibus portendi, superstitione vana Druidae canebant.»

[3] Разобранные Лелевелемъ въ Rozb. 243 и слѣд., 248 и слѣд.

что хотя въ настоящее время оно представляетъ собою зданіе, въ которомъ едва ли можетъ удобно размѣститься какое ни будь изъ настоящихъ законодательствъ, не разрушивъ его, однако жь, художникъ-законодатель и теперь могъ бы воздвигнуть изъ его развалинъ новое юридическое зданіе, которое во всемъ будетъ отвѣчать потребностямъ времени. [1]

§ 151. Такой же взглядъ на Римское право господствовалъ и у нашихъ предковъ. Въ городскихъ судахъ оно дѣйствовало въ смыслѣ пособія; въ земскомъ же судѣ, гдѣ дѣла рѣшались по обычаю и по постановленіямъ, оно могло имѣть вліяніе на ходъ дѣла только въ томъ случаѣ, когда тяжущіеся съ обѣихъ сторонъ согласились на это, [2] или когда судья смотрѣлъ на него, какъ на лучшій источникъ судебной правды, а тяжущіеся не жаловались на рѣшеніе, добытое такимъ путемъ. Кромѣ того, Римское право служило ученымъ матеріяломъ для спеціалистовъ, для сочинителей государственныхъ актовъ и подчасъ для самихъ законодателей, которые, употребляя, наперекоръ народности, Латинскій языкъ въ письмѣ, предпочитали и въ правѣ Римскую терминологію, не заботясь о томъ, понимаютъ ли ее сами. [3] Сигизмундъ I, поручая Сливницкому составленіе всеобщаго свода законовъ, изъявилъ желаніе, чтобы онъ преимущественно заимствовался у Римскаго права. Это былъ самый удобный случай возбудить сочувствіе Польскаго народа къ Римскому праву; но для этого нуженъ былъ человѣкъ, который съ юридическими познаніями соединялъ бы художественное пониманіе права, словомъ, человѣкъ, какимъ, судя по его труду, отнюдь не

---

[1] Подробно разсуждаетъ объ этомъ Rud. Ihering въ сочиненіи своемъ: Geist des roem. Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwickelung. Leipz. 1852.

[2] 1315, 1326 г. у Rzysz. II, 203, 226: обѣ стороны отказываются uxilio juris canonici et civili.

[3] 1248 г. per stipulationem (другія рукописи прибавляютъ et acceptilationem) въ Cod. Pom. 798, 801; 1290 г. ex asse et in totum instituimus heredem; у Штенцеля, въ его Geschichte des Bisthum 252, 1308 г. actiones personales, reales atque mixte, 1312 г. compromittimus, 1349 г. plebiscita у Rzysz. II, 184, 190, 725; 1426 г. institor; 1474 г. litis contestatio у Bandtkie Jus Pol. 315. Техническія выраженія изъ Церковнаго и Римскаго права, находящіяся у Кадлубка, перечислены Лелевелемъ въ Polska sr. w. I, 314 и слѣд.

вицкій; ибо всякое художественное произведеніе (а къ такимъ, безъ сомнѣнія, относится Римское право) можетъ удачно передать только тотъ, кто обниметъ духомъ весь составъ его; тотъ дѣйствительно съумѣетъ изъ стараго матеріяла построить новое законодательство, которое, хотя внѣшнею стороною своею и не будетъ походить на Римское право, но за то будетъ проникнуто однимъ съ нимъ духомъ. Такой снимокъ съ Римскаго права представили Французы въ своемъ гражданскомъ уложеніи; напротивъ того, Нѣмцы смѣшали отдѣльныя части этого права съ своими мѣстными законами, такъ что ихъ право можно сравнить съ зданіемъ Готической архитектуры. [1]

§ 152. Сказанное мною о Польшѣ можетъ быть примѣнено къ Чехамъ и Униграмъ, съ тою только разницею, что сдѣсь, равно какъ и въ Силезіи, Римское право не было въ такомъ ходу, какъ у насъ. И Чешскіе акты, наравнѣ съ Силезскими, иногда ссылаются на Римское право, [2] а иногда заимствуютъ оттуда цѣлыя постановленія; [3] тоже самое замѣчаемъ и въ Угорскихъ государственныхъ актахъ, наполненыхъ извлеченіями изъ Римскаго и Каноническаго права. Словомъ, эти оба права, не получившія ни какого утвержденія, сдѣлались у Славянъ основаніемъ божескаго и человѣческаго наряда, что сильно говоритъ объ ихъ достоинствѣ. Жаль только, что ими не умѣли пользоваться, какъ слѣдуетъ. [4]

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Духъ, языкъ и техника права.

§ 153. Показавши значеніе права и древнѣйшіе источники, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о немъ, открывши и описавши отношенія его къ законодательствамъ чуждыхъ народовъ, я долженъ теперь обратить вниманіе на духъ его, языкъ, технику, чтобы по-

---

[1] О дальнѣйшихъ судьбахъ Римскаго права въ Польшѣ см. J. W. Bandtkie, въ Hist. pr. 496—499.

[2] Продолжатели Козьмы въ Scriptores rer. Bohemic. I, 468 говорятъ объ instituta de Ateliano tutore, а Силезская грамота, подъ 1343 г., въ Stenzel's Urk. 87, упоминаетъ объ «epistola Divi Adriani.»

[3] Заимствованныя изъ статей Пандектовъ de legatis; сдѣсь также находится, такъ называемое, beneficium excussionis, divisionis и, т. п.

[4] Ср. Piśmienn. II, 765.

знакомиться съ рѣчью, съ которой оно отзывалось къ народу, и оцѣнить ея вразумительность, точность и сподручность въ отношеніи къ народному пониманію; наконецъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что не всякое сочиненіе давало средства проникнуть въ идею, или духъ права. Ибо этотъ духъ есть не что иное, какъ мысль, оживляющая правду, мысль, именно связанная съ свойствами народа, на немъ основанная и съ своей стороны налагающая на него свою печать. Безхарактерный же народъ, не представляя собою ручательства, будетъ ли онъ постоянно руководствоваться чувствомъ правды, не возбуждаетъ къ себѣ довѣрія, ибо не знаешь, въ самомъ ли дѣлѣ онъ хочетъ служить правдѣ и положить ей крѣпкое основаніе въ своемъ законодательствѣ.

§ 154. Жрецы, подобные Кенеусу и другимъ, сдѣлавшись первыми насадителями врожденныхъ народу понятій о правѣ, которое они крѣпко связали съ его характеромъ, ими же развитымъ, и посредствомъ этого сдѣлавшимся болѣе способнымъ чувствовать правду, въ послѣдствіи такъ тѣсно связали право съ свойствами народа, что съ этѣхъ поръ оно всегда имѣло своимъ основаніемъ обычай и, развиваясь вмѣстѣ съ нимъ, постоянно обращало вниманіе на дѣйствительную правду, а не на точность выраженія. А потому народъ, уважая право, не заботился объ его формѣ, или иначе, онъ болѣе обращалъ вниманіе на сущность вещи, нежели на ея одежду, а слѣдовательно, пренебрегалъ юридическими формальностями, имѣя предубѣжденіе, что онѣ имѣютъ цѣлью скорѣе обличить неправду, нежели найти правду, и что провозглашаемыя ими заботы о цѣлости государства и благѣ человѣчества—одни слова, ясное доказательство чему онъ видѣлъ въ Римскомъ и въ феодальномъ Нѣмецкомъ правѣ: ибо первое ничего не видѣло возмутительнаго въ томъ, что человѣкъ считался вещью, или что чужеземцу не легко было поселиться въ ихъ странѣ. Нѣмецкое же феодальное право признавало вполнѣ разумнымъ, чтобъ отношеніе лица къ лицу не основывалось на взаимномъ уговорѣ (потому что, де, внѣшнія обстоятельства могутъ помѣшать этимъ отношеніямъ), а на зависимости одного человѣка отъ другаго.

§ 155. Никто не станетъ спорить относительно того, что здѣсь есть своя доля правды; но всякій согласится, что такой взглядъ на вещи заключаетъ въ себѣ много ложнаго. Но такъ какъ дѣло

пока не въ томъ, какъ думали Славяне о происхожденіи права, но въ томъ, каково было его поступательное развитіе, то мы считаемъ себя въ правѣ отложить первый вопросъ до третьяго тома, въ которомъ будутъ объяснены источники права, и постараемся дать отвѣтъ на второй. Мы уже имѣемъ понятія о взглядѣ Славянина на правду. Изъ этого взгляда вытекало убѣжденіе, что люди должны быть прямыми и справедливыми безотносительно и служить правдѣ, не взирая ни на что, что они должны удалять все, препятствующее ея развитію. Взглядъ этотъ долженъ былъ измѣняться сообразно съ обстоятельствами, въ которыхъ находился народъ во время своего государственнаго развитія, въ слѣдствіе чего право отлилось въ новыя, иногда прямо противоположныя старымъ, формы, и въ развитіи своемъ приняло два направленія: дворянское и народное.

§ 156. Русское и Сербское право (первое только отчасти дворянское, феодальное, а послѣднее полународное, полудворянское) преимущественно имѣло въ виду торговлю и земледѣльческую промышленность. Оно хотѣло утвердить ихъ на началахъ строгой справедливости и ею одною измѣрять всѣ торговыя сдѣлки, явныя, или предполагаемыя. По смыслу этѣхъ правъ община отвѣчала за каждаго изъ своихъ членовъ, отецъ за сына, господинъ за слугу, сначала безусловно, а въ послѣдствіи только въ томъ случаѣ, когда возникало подозрѣніе, что нарушеніе правилъ было выгодно для выше названныхъ лицъ, или что они дали съ своей стороны полномочіе для этого нарушенія.

§ 157. Права же Чеховъ, Поляковъ и Угровъ, въ слѣдствіе мѣстныхъ причинъ, приняли дворянскій оттѣнокъ, потому что Чешское дворянство развивалось на феодальныхъ началахъ, Польское на ленныхъ, а Угорское на совокупности обоихъ правъ, феодальнаго и леннаго. Это обстоятельство имѣло вліяніе на развитіе права, которое, внутри будучи проникнуто кроткимъ, даже мягкимъ, характеромъ, снаружи казалось жесткимъ, даже суровымъ. Самая внѣшняя форма его наводила на мысль, что оно много способствовало къ образованію владѣтельно-дворянскаго сословія въ Чехіи (подъ вліяніемъ Нѣмецкихъ феодальныхъ преданій) и Польшѣ (подъ вліяніемъ кастическаго начала); что въ этой послѣдней странѣ оно впервые встрѣтилось съ позднѣйшимъ Русскимъ мѣстничествомъ или родо-

словною чиновною лѣствицею, а въ первой и съ Итальянскою обрядностію, и что оба эти обстоятельства имѣли огромное вліяніе на судопроизводство вообще и на право наслѣдства въ особенности. Слѣдствіемъ этого вліянія было то, что, вопреки общему характеру Славянскаго права, Чешское законодательство погрязло въ формальностяхъ, и даже перещеголяло въ этомъ отношеніи Римское право, изъ всѣхъ Европейскихъ законодательствъ наиболѣе пропитанное формализмомъ; Польское же законодательство удержало у себя до временъ Владислава Ягайла главныя основы Салическаго права, на основаніи которыхъ одни только мужчины могли наслѣдовать поземельную собственность и владѣть ею. Но Угорское право, развиваясь подъ вліяніемъ двухъ этѣхъ, а равно также и другихъ, началъ, которыя оно тщательно собирало по Европѣ, было похоже на мозаическое изображеніе, росписанное пестрыми и странно подобранными одна къ другой, красками.

§ 158 Но юридическій языкъ (на который мы сейчасъ обратимъ вниманіе) не совпадалъ съ духомъ Славянскаго права вообще, а въ особенности въ такомъ его проявленіи. Изъ Предкарпатскихъ Славянъ только на Руси государственные акты и законы писались на родномъ языкѣ, и потому не удивительно, что, не смотря на недостатокъ просвѣщенія, здѣсь рано образовалась судебная техника, [1] которая не могла развиваться далѣе, по отсутствію науки права. Въ Польшѣ, Чехіи и вообще у всѣхъ Славянъ-Католиковъ судопроизводство происходило на Латинскомъ языкѣ; отечественный же языкъ употреблялся только въ присягахъ, реляціяхъ и т. п. Часто составители государственныхъ актовъ, или какихъ ни будь постановленій, затруднялись, какъ выразить по Латыни Польскій взглядъ на судебную правду. Ужь одно это обстоятельство должно было навести ихъ на мысль о необходимости замѣнить Латинскій языкъ отечественнымъ. Но, повинуясь предразсудкамъ своего времени, Славяне не могли еще рѣшиться тогда выражать свои законы на отечественномъ языкѣ, и предпочитали объ руку съ Латинскими терминами ставить свои Славянскіе (ибо послѣднихъ они не могли выразить по Латыни); Латинскій же языкъ, на которомъ писались государственные акты, характеризуется собраніемъ однозначащихъ

---

[1] Карамзинъ, т. II, прим. 303.

выраженій, [1] подобранныхъ одно къ другому безъ всякаго вниманія. Это мы замѣчаемъ въ актахъ, относящихся не только къ государственному праву, но и къ частному. [2] Въ Чешскихъ актахъ [3] это тѣмъ болѣе разительно, [4] что за этѣмъ наборомъ часто трудно бываетъ схватить смыслъ рѣчи. [5] Отсюда видно, что эта Латынь, еще худшая предыдущей (глоссаторской), не только не подвинула впередъ юридическія понятія у Славянъ, но даже отодвинула ихъ назадъ.

§ 159. Однако уже въ XIII и XIV в. Славянское право начало выбираться изъ этого хаоса на чистую дорогу. Сначала Чехи, а потомъ и Поляки, вняли голосу истины; какъ же они дѣйствовали въ этомъ направленіи, покажетъ намъ слѣдующее обозрѣніе.

Изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій Чешское наиболѣе обработано со стороны техники права, но тѣмъ не менѣе и оно, хотя въ незначительной степени, подверглось вліянію Нѣмецкаго языка. Въ памятникахъ Чешскаго права встрѣчаются слова, цѣликомъ заимствованныя изъ Нѣмецкаго языка, только снабженныя Славянскими окончаніями, на пр., Erb вм. Erbe, выше приведенное слово Burgrecht. Сюда же должно отнести выраженія, переведенныя съ Нѣмецкаго языка механически, безъ всякаго вниманія къ духу Чешскаго языка, на пр., napad (наслѣдство, der Erbefall). Да и безъ Латинскихъ варваризмовъ не обошлось, каковы: item, jus quatuordecimum и т. п. [6] Однако жь, не смотря на все это, всякій согласится, что если на Чешскомъ языкѣ можно было говорить о всякомъ юридическомъ вопросѣ точно, ясно, изящно, то безспорно онъ достигъ значительной степени совершенства. Упадокъ литературы былъ причиной того, что Чешскій языкъ обладаетъ теперь значительнымъ количествомъ обветшалыхъ словъ, почти непонятныхъ нынѣшнимъ Чехамъ. Однако жь, исключивъ изъ него слова, не соотвѣтствующія настоящей сте-

---

[1] Казиміръ В., отрекаясь отъ Силезіи (см. Sommersberg, I, 775), такъ выражается: «Renunciamus omni juri, actioni, quaestioni, proprietati et titulo.»

[2] Sommersberg, I, 849,874, bona tenenda, possidenda et habenda.

[3] Sommersberg, I, 777 подъ 1255 г.

[4] См. Sommersb. I, 778, 785, 835; Русскія грамоты (по Румянц. собранію) 1328 г. выражаются гораздо логичнѣе.

[5] Sommersb, I, 775, 842.

[6] Wlad. V. o sirote.

пени образованности, остальныя слова, сообразныя съ духомъ Славянской народности и настоящей образованности, легко привились бы въ литературѣ, а вдохнувши въ нихъ дуновеніе новой жизни, можно бы было замѣнить ими различные иностранные обороты, которые по сю пору пестрятъ языкъ Чешскихъ правовѣдовъ. И потому попытка г. Пеликана, [1] который въ недавнее время обратилъ вниманіе на техническое значеніе древнихъ Чешскихъ юридическихъ терминовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ собирать и объяснять ихъ, заслуживаетъ полную похвалу. Пусть идутъ по его слѣдамъ правовѣды и другихъ Славянскихъ племенъ и положатъ угловой камень зданію юридическаго Словаря, котораго когда ни будь дождется Славянское законовѣдѣніе.

§ 160. Я не вижу никакой необходимости излагать здѣсь всѣ обстоятельства, которыя содѣйствовали развитію Чешскаго юридическаго языка, потому что они сами легко раскрываются передъ всякимъ, кто только привыкъ смотрѣть на вещи съ высшей точки зрѣнія. И Римской юридической языкъ не достигъ бы той степени совершенства, которой тщетно добивались и добиваются древніе и новѣйшіе народы и, можетъ быть, никогда не достигнутъ до нея, если бъ Римляне не позаботились о томъ, чтобы каждый судился на своемъ народномъ языкѣ, чтобы на немъ писались всѣ государственные акты, и чтобы изъ канцелярій и судебныхъ мѣстъ выходили бумаги, писанныя языкомъ правильнымъ, яснымъ, толковымъ. Въ этомъ случаѣ Чехи, можетъ быть, безсознательно, сдѣлались преемниками Римлянъ, хотя, впрочемъ, они и принимали въ свой отечественный архивъ (за что, конечно, ихъ никто не упрекнетъ) акты, писанные на Нѣмецкомъ и Латинскомъ языкахъ, если только они имѣли какое ни будь отношеніе къ дѣламъ ихъ страны. [2]

§ 161. Въ Силезіи дозволено было судиться, а равно также писать юридическіе акты, либо по Чешски, либо другимъ языкомъ, подходящимъ въ Чешскому; слѣдствіемъ этого было то, [3] что даже

---

[1] Czas. V, 3, 328 и слѣд.

[2] Владиславъ I въ Saudu XXIII urzedn. mensz. Ferd. A. VI. Maks. XX, VI, 32, LXXII, 7.

[3] Pr. Szl. XXVII, VII, IX. Отъ 1506 г. до 1740 г. въ нѣкоторыхъ Силезскихъ княжествахъ судопроизводство происходило на Чешскомъ языкѣ; отсюда мно-

по покоренiи Силезiи всюду тамъ употреблялся Польскiй языкъ. Силезское нарѣчie также испещрено было Германизмами, которые вторгались туда и замѣняли собою Славянскiе обороты. Такъ, на пр., судебный приговоръ назывался по Силезски абшитъ. Но на сколько изященъ былъ Чешскiй судебный языкъ, на столько негоденъ былъ языкъ Латинскiй, и теперь еще подчасъ употребляемый въ Чешскихъ канцелярiяхъ. Доказательствомъ тому могутъ служить Чешскiе, Моравскiе и Силезскiе судебные акты. Впрочемъ, въ Моравiи они писались чаще на Моравскомъ языкѣ, нежели на Латинскомъ; но бывали случаи, что писывали иногда ихъ и на Нѣмецкомъ языкѣ. [1]

§ 162. Истребивши народность Полабскихъ Славянъ, Нѣмцы старались, и по сю пору стараются, уничтожить и языкъ ихъ. Время съ начала XIII по конецъ XV в. особенно памятно попытками ихъ въ томъ: въ 1293 г. въ Ангальтскомъ краѣ, въ 1327 въ Альтенбургскомъ, запрещено было употреблять Славянскiй языкъ въ судахъ. Въ 1327 г. въ городѣ Липскѣ (Лейпцигѣ), а съ 1474 г. и въ его окрестностяхъ, начало выводиться употребленie Славянскаго языка, и съ этого-то времени городъ этотъ началъ называться онѣмеченнымъ именемъ: Лейпцигъ. Въ началѣ XV в. въ горахъ Саксонiи, въ Мишнiи, Мекленбургiи, Западномъ Поморьѣ и на островѣ Рюгенѣ Сербскiй языкъ пришелъ въ совершенное забвенie. Послѣ тридцатилѣтней войны Нѣмцы начали особенно хлопотать объ уничтоженiи этого языка, какъ въ Сѣверныхъ Лужицахъ, гдѣ онъ схожъ съ Чешскимъ нарѣчiемъ, такъ и въ Нижнихъ Лужицахъ, гдѣ онъ ближе подходитъ къ Польскому. И теперь еще до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ (по исчисленiю Шафарика 142,000) говорятъ Лужицкимъ нарѣчiемъ, и хотя сильно тѣснятъ народность Лужичанъ, особенно подъ Прусскимъ владычествомъ, однако она держится еще довольно твердо. [2]

жество Чехизмовъ вторгнулось въ Польской языкъ, которымъ и теперь говоритъ простой народъ во всей нагорной Силезiи до Опавы. См. J. S. Bandtkie, Dz. I, 16. Pism. II, 341 и слѣд.

[1] 1409, 1412, 1426; у Штейнб. II, 128, 136.

[2] J. S. Bandtkie, Dz. I, 19. Czasopis Mać.-Serbsk. II, III, кн. 3., стр. 131 и слѣд.

§ 163. **Поляки всѣмъ народамъ, признававшимъ ихъ власть, оставили ихъ собственный языкъ: Лифляндцамъ Нѣмецкій (пользуясь этѣмъ, Краковскіе Нѣмцы уже въ 1548 году стали писать свои акты на Нѣмецкомъ),** [1] **Русскимъ — Русскій (что составляло одно изъ главнѣйшихъ правъ, дарованныхъ имъ Королями Польскими и Великими Князьями Литовскими при принятіи ихъ подданства).** [2] **Вслѣдствіе этого Лифляндцы и Русскіе употребляли въ судахъ каждый свой родной языкъ, и на немъ же дозволено было имъ писать всякого рода гражданскіе и государственные акты;** [3] **сами же Поляки, напротивъ того, даже въ государственныхъ бумагахъ держались чужаго, чаще всего Латинскаго, языка.** Есть основаніе думать, что Поляки въ древнее время писали свои акты на Чешскомъ языкѣ. [4] Но въ 1543 г. [5] наше законодательство обнародовало, что съ этого времени всѣ гражданскіе акты можно писать на Польскомъ, или на Латинскомъ, языкахъ. Однако, изъ всѣхъ судебныхъ мѣстъ только одинъ Государственный Трибуналъ (Казенная Палата) отозвался на предложеніе Правительства, и всѣ исходящія отъ себя бумаги писалъ по Польски. Въ земскихъ и городскихъ судахъ писали, болѣе по привычкѣ, то по Польски, то по Латыни, не смотря на то, что Поляки страстно любили свой родной языкъ. Напрасно Остророгъ доказывалъ нелѣпость этого обыкновенія и настаивалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, судебныя обязательства и договоры писались по Польски,—духовенство упорно стояло за Латынь, опираясь на то, что народный языкъ бѣденъ оборотами и выраженіями, и что на немъ трудно выражаться какъ устно, такъ и письменно. Такого мнѣнія держался и самый Кромеръ въ своемъ описаніи Польши,

---

[1] J. S. Bandkie, I, 295.

[2] Въ собраніи письменныхъ Русскихъ актовъ, хранящихся въ Сенатѣ, находится просьба къ королю Польскому, не означенная годомъ, въ которой вся шляхта и рыцарство Брацлавскаго воеводства обращаются, между прочимъ, къ королю съ слѣдующими словами: «Кды жъ, найяснѣйшій милостивый Кролю, то ся намъ дѣетъ надъ право и вольности наше, же листы зъ Канцеляріи Вашей Крол. Милости до насъ письмомъ Польскимъ выдаваютъ.»

[3] 1566 г. у Dog. V, 272, 1589 г. Vol. legum II, 1297.

[4] Чацкій, Dz. I, прим. 309.

[5] Pamiętnik Warsz. III, 341.

утверждая, что наша народная рѣчь не такъ обильна, какъ другія, и не такъ удобна для чтенія и письма, и это онъ говорилъ тогда, когда именно нашъ языкъ достигъ высокой степени совершенства, обладая весьма древними памятниками, съ которыми можно познакомиться въ изданной мною Исторіи Польской письменности.

§ 164. И смѣхъ и горе беретъ, когда станешь читать наши правительственные акты, набитые самой дикой Латынью; однако же (удивительное дѣло!) наша Латынь еще во многомъ лучше Латыни, употреблявшейся въ судахъ Англійскихъ, Угорскихъ и даже Нѣмецкихъ.[1] Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго мною, довольно бросить взглядъ на эти акты.[2] Хорошо было бы, если бы дѣло кончилось однимъ смѣхомъ, безъ вредныхъ послѣдствій для Польскаго языка, но, какъ нарочно, это безсиліе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высокопарная надутость выраженій, оказали дурное вліяніе на правовѣдственный языкъ Польши. Наиболѣе всего поражаетъ въ немъ многословіе и соединенная съ тѣмъ неточность выраженія, свидѣтельствующія о томъ, что писавшіе этѣ судебные акты не всегда имѣли здравыя понятія въ правовѣдѣніи. Въ примѣръ приведемъ слѣдующее постановленіе Сигизмунда Августа,[3] въ которомъ читаемъ такого рода выраженія: «возобновляемъ, уполномочиваемъ, подтверждаемъ и укрѣпляемъ, и твердымъ, постояннымъ, несомнѣннымъ, ненарушимымъ и неизмѣннымъ желаемъ сдѣлать на вѣчныя времена.»

§ 165. Не думайте, что эта неточность выраженія попадалась у насъ только въ правительственныхъ актахъ, и что со временъ Сигизмунда Августа нашъ юридическій языкъ освободился отъ чужеземнаго вліянія: напротивъ того, равнодушіе нашихъ судовъ къ своему языку продолжалось и въ позднѣйшее время.[4] Даже въ общинныхъ сельскихъ судахъ только въ такомъ случаѣ позволялось писать судебныя рѣшенія по Польски, когда нельзя было отыскать писца, который бы

---

[1] J. S. Bandtkie, Dz. II, 369.

[2] 1447, 1451, 1456 г. у Бандтке, Jus Pol. 252, 259, 296, 298, и тотъ же годъ у Щигельскаго 185, за 1386 г. у Накѣльскаго 329.

[3] 1550 г. Vol. 593.

[4] 1783, Resol. III, 6.

могъ свободно выражаться по Латыни. [1] Жалобы или иски часто писались по Латыни, не обращая вниманія на то, понималъ ли ихъ кто ни будь, или нѣтъ. Напрасно Гурницкій совѣтовалъ предкамъ нашимъ подражать въ этомъ случаѣ Чехамъ; [2] напрасно другіе обращали вниманіе судей на то, какъ эта Латынь вредитъ родному языку; послѣдніе оставляли безъ вниманія такіе совѣты, и не рѣдко вводили въ юридическую технику не только Латинскіе, но и Нѣмецкіе, термины: такъ, на пр., полюбовный третейскій судья назывался у насъ Oberman, а судейская палата — Stuba. [3]

§ 166. Не лучше было и въ Литвѣ. Передъ Владиславомъ Ягайломъ писали тамъ всѣ судебные акты на трехъ языкахъ: Нѣмецкомъ, Латинскомъ и Русскомъ, а со временъ Витовта преимущественно на Латинскомъ. [4] То же самое было и въ Русскихъ краяхъ Литвы: тамъ къ Русскому языку примѣшивалась Польщина и Латынь, въ чемъ можно убѣдиться изъ Уложеній, которыя я ниже намѣренъ перечислить въ §§ 205 — 209.

§ 167. Въ отношеніи къ техникѣ права я съ удовольствіемъ читалъ памятники Русскаго законодательства. Разсматривая съ юридической точки зрѣнія языкъ, на которомъ они писаны, нельзя не сознаться, что онъ еще далеко не развитъ, но и въ теперешнемъ своемъ видѣ онъ имѣетъ задатки, обѣщающіе ему продолжительное и бодрое бытіе.

§ 168. Не будетъ удивляться, что языкъ Закарпатскихъ Славянъ изобилуетъ чужеземными словами: Турецкими, Итальянскими и др., которыми преимущественно испещренъ Винодольскій Статутъ: все это было слѣдствіемъ обстоятельствъ, и могло быть устранено только путемъ науки.

---

[1] Ср. объ этомъ ниже §§ 226, 227. Статутъ Пчельниковъ, стр. 42, говоритъ: «Кто не можетъ дать обязательства на Латинскомъ языкѣ, тотъ пусть дастъ его на Польскомъ, было бы только безпечно.»

[2] Górn. Wyb. P. II, 764.

[3] 1456 г. у Bandkie Jus Pol. 296, 1726 г. Vol. VI, 435.

[4] Ярошевичъ, Obraz Litwy I, 175.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Взглядъ на Уложенія (Статуты).

§ 169. Исторію законодательства невозможно написать по тѣмъ источникамъ, на основаніи которыхъ составляется обыкновенно исторія народа; для этого нужно еще множество другихъ пособій. Чтобы представить въ органической связи событія политической исторіи, для этого нужно только достаточное количество источниковъ; напротивъ того, исторія права (если мы хотимъ написать что ни будь достойное этого имени) должна развиваться изъ органическаго цѣлаго, потому что она сама своего рода организмъ, въ которомъ право находитъ свое отраженіе. Короче сказать, одни историческіе памятники недостаточны для составленія исторіи права; для этого нужны еще уложенія, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ тѣмъ, въ составленіи которыхъ участвовали практическіе правовѣды. Ибо только художникъ въ состояніи выразить органическое художественное цѣлое, которому въ послѣдствіи новый художникъ, преслѣдуя мысль своего преемника во всѣхъ подробностяхъ, можетъ дать другой видъ.

§ 170. Начнемъ съ объясненія слова «Статутъ» и условимся, что подъ именемъ Статута мы будемъ разумѣть всякій юридическій памятникъ, заключающій въ себѣ нѣсколько разрозненныхъ юридическихъ фактовъ, подведенныхъ подъ одно начало. Стало быть, если нѣсколько юридическихъ фактовъ приняло видъ органическаго соединенія, то такое соединеніе называется Статутомъ (отъ Латинскаго statuere) или Уложеніемъ. Такимъ образомъ Статутами мы можемъ назвать собранія Сербскихъ (съ 1222 по 1228) и Булгарскихъ (съ 1259 по 1278) юридическихъ актовъ, изданныхъ Шафарикомъ; сюда же можно отнести, такъ называемые, nalezy или постановленія Чешскихъ вельможъ, составленные при участіи короля, или же ими самими; также постановленія, писанныя въ Великомъ Новгородѣ и имѣвшія цѣлью оградить Новгородское судопроизводство отъ вліянія Великихъ Князей Московскихъ и т. д. [1]

[1] Ср. Этѣ nalezy въ Архивѣ Палацкаго I, 56, III, 312, и Новгородскія постановленія (Новгородская судная грамата), Акты Ар. Эксп. I, 69 и т. п.



Итакъ не всякое постановленіе, вырѣзанное или написанное, или, какъ выражались Чехи и Русскіе, не всякая доска, или письмо, должно называться Статутомъ, но только то постановленіе, которое представляетъ собой извѣстную систему права.

Должно знать, что въ первобытныя времена всѣ достопамятныя событія вырѣзывались на деревѣ, или, по свидѣтельству лѣтописца, на доскахъ. [1] Не слѣдуетъ забывать и того, что приношенія для церквей и монастырей, обозначаемыя на клочкахъ пергамента, въ послѣдствіи были переписываемы, и изъ нихъ составлялся цѣлый актъ. Такъ, на пр., Болеславъ Храбрый предъ 1025 г. сдѣлалъ нѣкоторыя приношенія Тынецкому монастырю, находящемуся въ Малой Польшѣ; преемники его увеличивали эти приношенія до 1125 г., выдавая для этого отъ себя письменныя распоряженія; изъ этѣхъ записей составилась цѣлая грамота, приведенная въ порядокъ при Болеславѣ Стыдливомъ въ 1275. [2] Равнымъ образомъ Мечиславъ Старый, утвердивъ за монастыремъ Тржемешненскимъ данные ему Болеславомъ Кривоустымъ (до 1139 г.), его четырьмя сыновьями и еще многими другими лицами, въ разныя времена, дары и угодья, велѣлъ изъ нѣсколькихъ дарственныхъ грамотъ въ 1145 г. составить одну. [3] Такимъ же точно образомъ составилась Русская Правда, а также Литовскій Статутъ; первая изъ привилегій, данныхъ Новгороду Великимъ Княземъ Кіевскимъ, послѣдній—изъ привилегій, данныхъ Литвѣ Великими Князьями Литовскими, занявшими Польскій престолъ. Постепенно прибывавшія добавленія къ первой или новыя привилегіи въ свою очередь сдѣлались источникомъ для составленія общаго земскаго права, подобно тому, какъ записи о приношеніяхъ, собранныя воедино, составили одну привилегію, частный статутъ, потому что онъ

---

[1] Шафарикъ въ Aelt. Denk. 98. Троицкая лѣтопись, на стр. 210, говоритъ «а что ее на дъскахъ остало въ письмѣ.» На деревянной доскѣ была вырѣзана надгробная надпись Болеслава Храбраго. Ср. Лелевеля Polska sr. w. II, 318. Угро-Чешская хроника, писанная въ началѣ XI в., на стр. 98, такъ выражается: «fuit quaedam Tabula scripta literis antiquis, castro immurata.»

[2] Она напечатана мною въ «Варшавской Библіотекѣ» за 1842 годъ.

[3] См. подъ этѣмъ годомъ у Rzysz. II, 587 и слѣд. Другіе подобнаго содержанія акты разобраны Гельцелемъ въ его изслѣдованіи объ Андреевскомъ монастырѣ. См. Roczn. Towarz. Krak., томъ 1, выпускъ 2, стр. 16, 31.

касался одного только монастыря, или сословія, и одного предмета. Такой Статутъ имѣлъ весьма мало общаго съ уложеніемъ, которое составлялось изъ разрозненныхъ постановленій обычнаго и писаннаго права, приведенныхъ въ систему для частнаго употребленія. И въ свою очередь, отъ него весьма разнился (не способомъ составленія, а авторитетомъ права) всякій Статутъ, составленный по тѣмъ же источникамъ Правительствомъ, чтобы служить обязательнымъ для какого ни будь сословія, области, или даже цѣлой страны, статутъ, съ которымъ постоянно (а не когда взбредетъ на умъ) долженъ былъ справляться тотъ, кто, по своей должности, обязанъ наблюдать за исполненіемъ законовъ въ государствѣ. Обыкновенно подобнаго рода статутъ начинался постановленіями уголовнаго права и его судопроизводства (едва только касаясь политическаго и частнаго права), и останавливался на важнѣйшихъ только его частяхъ, въ особенности тѣхъ, которые находились въ близкомъ соприкосновеніи съ цѣлымъ.

§ 171. У нѣкоторыхъ народовъ, какъ, на пр., у Поляковъ и Чеховъ, частные статуты предупредили государственные; у другихъ, на пр., Винодольцевъ и Сербовъ, было наоборотъ. Русскіе въ этомъ случаѣ составляютъ середину: присоединивъ къ привилегіи Новгорода Великаго вѣчевыя постановленія Великихъ Князей и обычнаго права, они составили уложеніе, отличающееся большимъ разнообразіемъ составныхъ частей своихъ. Словомъ, Русскіе частнымъ путемъ дошли до того же, до чего Поляки и Сербы путемъ государственнымъ, первые послѣ Вислицкаго Статута, послѣдніе послѣ Законника Царя Душана; они не втискивали своего уложенья въ систему, а составляли его по мѣрѣ того, какъ онъ создавался жизнію.

§ 172. То же должно сказать о Статутахъ Полабскихъ Славянъ. Подобно Саксонскому, Швабскому и Ругенскому Статутамъ, они обязаны своимъ происхожденіемъ либо частному предпріятію, либо сеймамъ, подобно Статутамъ Дитмарсовъ; въ томъ и другомъ случаѣ они иногда пользовались авторитетомъ права, иногда нѣтъ. Словомъ, всѣ Славянскіе Статуты до самаго XV в. волею и неволею находились въ близкомъ соотношеніи не только съ Нѣмецкимъ народнымъ правомъ, но и съ Статутами, преимущественно съ Швабскимъ и Саксонскимъ. Иначе, какъ объяснить то, что множество Германскихъ

постановленій Славянскаго происхожденія долго существовало въ нашихъ уложеніяхъ, и, наоборотъ, множество Славянскихъ законоположеній, съ вѣдома, или безъ вѣдома, Нѣмцевъ, оканчивало свой вѣкъ въ Нѣмецкихъ Статутахъ? Впрочемъ, они знали, что Саксонскій Статутъ заключаетъ въ себѣ и Славянскія постановленія; что же касается до Швабскаго, то они этого не знали, да и теперь не подозрѣваютъ, что въ немъ замѣтно присутствіе Славянскаго права.

§ 173. Собранныя воедино, Уложенія эти и Статуты представляютъ величественный обликъ права, такъ, или иначе, приведеннаго въ систему, отлитаго въ разнообразныя формы народнаго, городоваго и дворянскаго уложенія, не смотря на всю ихъ порчу и т. п. Понапрасну трудился бы тотъ, кто въ настоящее время захотѣлъ бы составить изъ нихъ стройное цѣлое для дѣловаго употребленія: подобный трудъ, послѣ вѣковыхъ переворотовъ въ области законодательства, былъ бы совершенно безполезенъ. Употреблять же ихъ, какъ матеріялъ, при составленіи новыхъ кодексовъ, не только можно, но даже должно. Другое дѣло—исторія этѣхъ Статутовъ: она имѣетъ огромное значеніе какъ для науки права, такъ равно и для судебной практики. Чтобы доказать это, мы пересмотримъ Статуты и сеймовыя постановленія подробно, начиная съ Польскихъ, наиболѣе многочисленныхъ. Сначала я остановлюсь на ихъ внѣшнемъ строѣ, а потомъ попытаюсь проникнуть въ ихъ внутреннее содержаніе; наконецъ, чтобы высказать похвалу, или осужденіе, самому организму права, обозрю всю массу юридическаго матеріяла, въ немъ заключающагося. Цѣль трудовъ, подобныхъ моему, не въ томъ, чтобы представить до нельзя гладкій, съ одного разу отлитый образъ Славянскихъ законодательствъ, безукоризненно вѣрный въ самомалѣйшихъ подробностяхъ, но въ томъ, чтобы развернуть передъ глазами читателя общую ихъ картину, и при томъ такъ, чтобы она отразила въ умѣ читателя обликъ Славянскаго права съ его яркими, смѣло набросанными, чертами. Изображеніе это должно быть таково, чтобы зритель съ разу могъ опредѣлить особенность физіономіи права, заглянуть, такъ сказать, въ душу его; чтобы онъ, слѣдя за развитіемъ этого права въ длинной вереницѣ вѣковъ, могъ видѣть своими глазами, какъ постепенное движеніе Славянскаго племени въ области юридическихъ учрежденій, дошло до того итога, въ которомъ мы видимъ отраженіе всего Славянскаго законодательства.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Статуты онѣмечившихся Славянъ, преимущественно Полабскихъ.

§ 174. Преддверіемъ къ исторіи нашего законодательства служатъ Статуты Полабскихъ Славянъ. Статуты этѣ связываютъ собою нить Нѣмецкаго права съ нитью права Славянскаго, затканною первоначально въ Свевскую общину и порванною было въ Швабской; или они, въ, такъ называемомъ, Саксонскомъ Зерцалѣ, снова вызываютъ къ жизни Славянское право, которое, бывши всеобщимъ правомъ (jus commune) въ прежней Германіи, замерло только въ послѣдствіи у Нѣмцевъ, переселившись на Дунай, Варту, Вислу, Днѣпръ и Волховъ. Но и по смерти оно не оставило навсегда своихъ первобытныхъ жилищъ по Лабѣ: подобно падшему ангелу, носилось оно надъ ними, тревожа своимъ присутствіемъ поглотившее его Нѣмецкое право. Еще въ началѣ XIII в., въ древнемъ селищѣ Тацитовыхъ Вариновъ, Англовъ и т. п., позднѣйшихъ Древлянъ, а теперешнихъ Голштинцевъ и жителей Шлезвига, земледѣльцы назывались Славянами. [1] Тамошнее Славянское дворянство, уже онѣмечившись, пользовалось ленными правами, преобразованными въ духѣ Славянской народности; и когда эти права смѣшались съ Нѣмецкимъ законодательствомъ, то отъ того произошла такая путаница, что въ настоящее время трудно ее распутать. [2] Эта смѣсь значительной частью вошла въ четыре Нѣмецкихъ Статута; изъ нихъ Саксонскій и Швабскій называются Зерцалами, а Статутъ Дитмарсовъ и Ругіевъ не имѣетъ этого названія. Потому мы считамъ нужнымъ остановиться на этѣхъ Статутахъ, отмѣтивъ, что въ нихъ есть вообще Славянскаго, оставляя подробности до слѣдующихъ томовъ этого сочиненія.

---

[1] 1216 г. въ Urk. Samml. der Schlesw. и т. д. I, 191: «Si quos sumptus in excolenda silva circa Slavos cultores oportuerit adhibere;» далѣе тамъ же 454, подъ 1219 г.: «Cum in multa parte nostra diocesis (говоритъ епископъ Шверинскій), propter barbariem Slavorum, esset inculta.»

[2] C. G. Homeyer, Historiae juris Pomeranici capita quaedam. Berolini 1821. Mikrelii, Antiquitates Pomeraniae. Stetini et Lipsiae. Ср. шестую книгу стр. 42 и слѣд.



§ 175. Статутъ, который до 1271-го года назывался просто Правомъ, а съ этого года носитъ названіе Саксонскаго Зерцала, сдѣлался источникомъ законовъ для всей Сѣверной Германіи. Въ слѣдствіе этого онъ пользовался огромнымъ значеніемъ у тѣхъ народовъ, которыхъ Іорнандъ называетъ Славянами; и наоборотъ, не имѣлъ ни какого значенія у Антовъ (позднѣйшихъ Славянъ, Грековосточнаго исповѣданія). Понятно, что въ это Зерцало могло войти только частное право, въ слѣдствіе господствовавшаго въ средніе вѣка убѣжденія (которое сильно отразилось на всѣхъ Статутахъ), что всякій народъ можетъ судиться по своимъ собственнымъ законамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это не противорѣчитъ видамъ Правительства. Кромѣ того, въ тѣ времена существовало множество исключительныхъ правъ, частію Римскаго, частію мѣстнаго происхожденія. Послѣднія были не что иное, какъ постановленія обычнаго права, преданныя, или не преданныя, письму. Право Римскаго происхожденія дѣйствовало у покоренныхъ Римлянъ; Германцы же и другіе, жившіе посреди ихъ, разноплеменные народы пользовались обычнымъ правомъ. Если же случалось, что масса извѣстнаго народа довольствовалась обычнымъ правомъ, то постановленія этого права списывались для всеобщаго употребленія, а иногда составлялось изъ него уложеніе. Подобный случай о Саксонахъ переданъ намъ Витикиндомъ. [1] Разсказывая его, лѣтописецъ даетъ намъ понять, между прочимъ, что три главные народы, составлявшіе его государство, съ негодованіемъ смотрѣли на то, что ихъ право было слито съ Саксонскимъ въ одно цѣлое (lex Saxonum); по смерти Карла Великаго [2] они открытымъ возстаніемъ добились того, что Саксы позволили имъ имѣть отдѣльные списки права, чтобы каждый народъ могъ судиться по своему праву. Народы эти были:

---

[1] «A tribus etiam principibus totius gentis (Saxonum) ducatus administrabatur, certis terminis exercitus congregandi potestate contenti, quos suis locis ac vocabulis novimus signatos in Orientales scilicet populos, Angarios atque Westfaleos. Quo peracto aequo jure ac lege propria contentus potestate, unusquisque vivebat. De legum vero varietate nostrum non est in hoc libello dissere, cum apud plures inveniatur lex Saxonica (т. е., законы для многихъ народовъ, писанные подъ вліяніемъ Саксонскаго права), diligenter descripta.» См. Pertz, V, 424.

[2] Ср. Pierw. dz. 220 и слѣд.

ляне западные (Westfalai), жившіе на лѣвомъ берегу Лабы, у которыхъ существовало, неизвѣстно откуда заимствованное, общее владѣніе поземельною собственностію на равныхъ правахъ для мужа и жены, постановленіе, перенесенное сначала въ Швабское Зерцало, а потомъ въ Статуты Любскій, Силезскій и Хельмскій. По правой сторонѣ Лабы жили Поляне Восточные (Ostfalai), не признававшіе общаго супружескаго владѣнія, но допускавшіе одно лишь вѣно; [1] въ срединѣ между ними, на рѣкѣ Везерѣ, жили Ангары (Lęczanie), также признававшіе вѣнное право. [2] Народы, заселявшіе Саксонію: Венеды (такъ Нѣмцы называли Славянъ), Швабы, Голштинцы (въ старину Древляне), Стормары и Гавелы, имѣли каждый свое особенное право, вошедшее въ, такъ называемое, Саксонское Зерцало. Когда же произошло это Зерцало, и какое его значеніе?

§ 176. Въ настоящее время существуетъ мнѣніе, что Саксонскій Статутъ, принимать ли его за переведенный съ Латинскаго, или же полагать, что въ концѣ XII, или въ началѣ XIII в. онъ написанъ на Нѣмецкомъ какимъ-то Эйкомъ изъ Репхова, какъ утверждаютъ нѣкоторые Нѣмецкіе ученые. не составляетъ вполнѣ творенія Эйка, но есть извлеченіе изъ Законника, написаннаго гдѣ-то въ южной Германіи, для употребленія Саксонскихъ судей. Какъ эта книга вызвала въ послѣдствіи собою Зерцало Швабское, такъ точно и это извлеченіе послужило основаніемъ Саксонскому Зерцалу, начало котораго, равно какъ и Швабскаго, относится къ концу XIII в. [3] Насъ совершенно не касается этотъ споръ, поднятый по поводу содержанія и происхожденія обоихъ Статутовъ; довольно съ насъ того, что и тотъ и другой заключаютъ въ себѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, Славянскія права.

---

[1] О названіяхъ этѣхъ народовъ ср. Pier. dz. 30 и слѣд., и Grimm, Gesch. der deutsch. Sprache.

[2] Особенности законодательства этѣхъ народовъ изложены въ Lex Saxonum VIII, IX.

[3] Ср. Alexander et Daniels De Saxonici speculi origine ex juris communis libro Suevico speculo perperam nominari solito. Berol., 1852, противъ котораго выступили Гомейеръ и Т. Гауптъ въ, сочиненіи: Germanistische Abhandlungen. Mannheim, 1853, S. 110 и слѣд. Даніель защищаетъ свое мнѣніе въ: Alter und Ursprung der Sachsenspiegels. Berol., 1853.

§ 177. Саксонское Зерцало, образовавшееся въ разныя времена, заключаетъ въ себѣ право обитателей древней Саксоніи, безъ указанія на то, гдѣ нужно искать источниковъ того, или другаго, узаконенія. Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что между этѣми источниками были и Славянскіе, что также признавалъ и стихотворецъ XIII вѣка, превозносившій достоинства Зерцала, [1] и что, наконецъ, видно изъ самаго содержанія этого памятника. Чтобы уяснить это, я сдѣлаю краткій обзоръ судопроизводства и частнаго права по Саксонскому Зерцалу. Въ этомъ обозрѣніи я оставлю въ сторонѣ государственное и уголовное право, замѣтивъ только, что все, сказанное объ отношеніи побѣдителей, Саксонцевъ, къ побѣжденнымъ, Славянамъ (см. Зерцало, книга III, статьи 44, 45, 70, 72, 73), [2] убѣждаетъ насъ въ томъ, что, при такихъ отношеніяхъ, между ними не могло быть согласія, а слѣдовательно, и Славянское право не могло слиться съ Нѣмецкимъ въ такое цѣлое, въ какое послѣднее слилось съ Итальянскимъ и Испанскимъ правомъ, или же такъ, какъ слилось право народовъ, отъ которыхъ Славяне ведутъ свое происхожденіе, съ Норманнскими учрежденіями въ древней Германіи.

§ 178. Порядокъ судопроизводства у Мазуровъ, Сербовъ, Русскихъ, Чеховъ и Саксоновъ весьма сходенъ. По Саксонскому Зерцалу судья обязанъ былъ взять подъ свою защиту дѣвицу, или вдову, ищущую на своего опекуна; древнее обычное право Мазуровъ предписывало то же самое. [3] По Саксонскому Зерцалу, равно какъ и по Сербскому Законнику Царя Душана, исключительная обязанность Пристава состояла въ томъ, что онъ приводилъ въ исполненіе постановленіе

---

[1] Wende Saxen Recht ist hir an bekant, что значитъ: Сдѣсь (т. е., въ Зерцалѣ) помѣщено право Славянъ и Саксовъ.

[2] Раздѣленія этѣ сдѣланы издателями; въ рукописи ихъ нѣтъ. Ср. исторію Саксонскаго Зерцала у Эйхгорна, § 227, 279. Найстарѣйшая рукопись его не восходитъ, впрочемъ, далѣе XIV в., къ которому относится и упомянутая нами похвала этого стихотворца. Первое изданіе его вышло въ 1474 г., въ Базелѣ.

[3] «Officiales judicio praesidentes non debent causas aliorum procurare praeter orfanos et viduas miseras, a quibus succamerarius de vetera consuetudine, vel quem judex deputaverit, dicere causas et defendere tenetur.» См. Статутъ Мазовецкій у Бандтке, Jus Pol. 402, и Зерцало I, 41.

суда. [1] Жалоба на женатаго человѣка могла быть принесена только въ томъ мѣстѣ, гдѣ жила его жена; это было признаваемое закономъ мѣсто жительства отвѣтчика, не смотря на то, жилъ ли онъ сдѣсь съ своей женой постоянно, или только временно. [2] Точно также былъ одинъ и тотъ же образъ полученія наслѣдства по законамъ у Саксовъ, Русскихъ и Сербовъ. Правда, въ Сербскомъ Законникѣ это изложено гораздо короче, нежели въ томъ изводѣ Русской Правды, которая написана до появленія Зерцала, но, вообще говоря, въ обоихъ Уложеніяхъ это опредѣлено весьма отчетливо. [3]

§ 179. Въ постановленіяхъ частнаго права прежде всего обращаетъ на себя вниманіе общее владѣніе недвижимою собственностью всѣхъ родичей. Подобная же система владѣнія, въ основаніи своемъ имѣющая много общаго съ Славянскою, находится въ Зерцалѣ, какъ бы наперекоръ Нѣмецкому праву, т. е., дозволяется жить такимъ образомъ не только братьямъ, но и лицамъ, не находящимся между собою въ кровномъ родствѣ, съ тѣмъ только условіемъ, что вѣно жены одного изъ братьевъ-членовъ выключается изъ общаго владѣнія, и что если одинъ изъ нихъ спуститъ что-либо съ рукъ, то другіе за это не отвѣчаютъ. [4] Далѣе, въ наслѣдственномъ правѣ замѣчательно преимущество младшаго сына при раздѣлѣ наслѣдства предъ старшими, [5] а также право, предоставляющее вдовѣ жить съ дѣтьми въ имѣніи мужа. [6] Достойно вниманія также постановленіе касательно предоставленія пастьбищъ въ пользу жупъ, [7] а также постановленія о наказаніяхъ тѣмъ, которые окажутся виновными въ порчѣ чужаго поля въ ночное время въ засѣвѣ, или въ причиненіи смерти лицамъ, отъ которыхъ ждутъ наслѣдства. Постановленія этѣ

---

[1] См. Зерцало I, 53, 3. III, 56, и Законникъ Душана § 165.

[2] Зерц. I, 63, III, 51; ср. съ § 16 Prawa ziemi Czeskiéj.

[3] Русская Правда § 19, 20. Законникъ Душана § 193. Ср. Зерцало II, 35.

[4] Зерцало I, 12. Ср. постановленія Славян. права объ общемъ владѣніи недвижимой собственностью и о вѣнѣ. Нѣмецкіе родичи тѣсно соединялись между собою, единственно съ цѣлью отринутія постороннихъ притязаній на личность, или на собственность кого ни будь изъ нихъ. Ср. Eichhorn § 53.

[5] Зерцало III, 29 и всѣ Славянскіе Статуты.

[6] Ср. Зерц. III, 76, § 1, и ср. Рус. Правду § 50.

[7] Ср. Зерц. III, 49; I, 2, и ср. съ § 63—65 Законника Царя Душана.

встрѣчаются равно въ Зерцалѣ и въ Вислицкомъ Статутѣ, [1] и потому дѣлають вѣроятнымъ предположеніе, что этѣ, столь сходныя между собою, законодательства, должны происходить изъ одного и того же источника.

§ 180. Швабское Зерцало, [2] если его разсматривать съ той же точки зрѣнія, какъ Саксонское, разнится отъ него много тѣмъ, что въ государственномъ и частномъ правѣ еще ближе подходитъ къ Славянскому: что на мѣсто устарѣвшаго, преданнаго забвенію, вводитъ новое, болѣе соотвѣтствующее духу и потребностямъ времени.

§ 181. Ниже (въ § 417 и слѣд.) мы будемъ имѣть случай объяснить читателю, почему Славяне, выходцы изъ кастической Азіи, не знали раздѣленія на сословія до тѣхъ поръ, пока оно не было введено у нихъ варварами, и почему даже и тогда они раздѣлились не на три, какъ Нѣмцы, но на два сословія, изъ которыхъ къ первому относились знатные заслугами, а ко второму простые жители. На чемъ основывалась эта знатность, объ этомъ варварскіе народы имѣли различныя понятія. [3] Если всякій воинъ считался у Свевовъ знатнымъ, заслуженнымъ, то гораздо болѣе оказывалъ услугъ отечеству тотъ, кто, кромѣ военной службы, отправлялъ еще какую ни будь общественную должность. И дѣйствительно: всѣ высшей услугой отечеству считали отправленіе общественной должности; болѣе заслуженныхъ сначала они отличали титулами, а въ послѣдствіи и внѣшними знаками отличія. Новгородцы всякого, кто не былъ бояриномъ, называли просто мужемъ. [4] Въ Дубровникѣ волостелемъ (властелемъ) назывался тотъ, кто въ Сербіи носилъ названіе болярина. [5] Во времена Тацита, т. е., въ первомъ

---

[1] Ср. Зерц. II, 29, 3 и Статутъ Вислицкій четвертый § 28. Зерц. II, 47; I, 3 съ Стат. Висл. первымъ § 33, 35, и наконецъ Зерц. III, 84 съ Стат. Висл. четверт. § 33.

[2] Древнѣйшія рукописи его восходятъ къ концу XIII в.; первое же изданіе вышло 1480 г. въ Аугсбургѣ. Исторію этого юридическаго памятника см. Eichorn, § 282.

[3] Ср. § 444 и слѣд.

[4] Лѣт. Нестора 110, по изд. Археогр. Коммиссіи.

[5] Сербскіе Боляре по грамотѣ 1234 г. суть властели въ Дубровникѣ по грамотѣ 1235 и другихъ годовъ.

вѣкѣ по Р. Х., свободный Севъ наружно тѣмъ отличался отъ невольника, что зачесывалъ свои волосы назадъ; въ послѣдствіи, когда Севы совершенно, такъ сказать, ошвабились и распались на сословія, то болѣе знатные назывались «длинноволосыми,» а менѣе знатные «меньшими;» лица же, принадлежавшія къ самому высшему разряду, получали названія отъ занимаемыхъ ими должностей. [1] Что прежде было признакомъ знатности, то въ шестомъ вѣкѣ утратило всякое значеніе, потому что тогда всѣ свободнорожденные (ingenui) носили длинные волосы, хотя не всѣ назывались «длинноволосыми.» Названіе это скорѣй было почетнымъ, нежели сословнымъ, знакомъ; ибо въ сущности всѣ Швабы были равны между собою, всѣ служили отечеству и всѣ признавали себя его вассалами. Понятіе владѣнія землею у древнихъ Севовъ и позднѣйшихъ Швабовъ и Поляковъ было одинаково, и вездѣ стояло наровнѣ съ понятіемъ шляхетства. [2] Кто владѣлъ землею и ни отъ кого не находился въ зависимости, кромѣ какъ по земскому или мѣстному праву, тотъ былъ шляхтичъ; кто же переходилъ подъ защиту чужаго права и, вмѣстѣ съ тѣмъ, признавалъ надъ собою чью ни будь власть, тотъ терялъ шляхетское достоинство. Такъ рѣшительно говорилъ законъ о каждомъ свободномъ Швабѣ, признавшемъ надъ собой владѣльческое право; то же говорится и о Мазовецкомъ шляхтичѣ, если бы онъ отдался подъ защиту Нѣмецкаго права, сдѣлавшись Солтысомъ, или приписавшись къ оброчнымъ кметамъ, * въ такомъ случаѣ, пока онъ признавалъ Нѣмецкое право,

---

[1] Тацитовы ingenui (см. Germ. 38) у Кассіодора, писателя шестаго вѣка, называются capillati (ср. Merkel, De republica Alamanorum. Berol. 1840, въ примѣчаніи IV, 49). Остальное народонаселеніе называлось простымъ (provincialis), что сводится къ слову minoflidi (см. minores seu lidi; ср. въ прибавленіяхъ къ этому тому статью VIII·Minoflidi). Во времена Тацита всякій, кто не владѣлъ землею (kto obywatelem nie byl), причислялся къ невольникамъ.

[2] Сказанное Меркелемъ о Швабской шляхтѣ (De rep. Alam., прим. XIII, 29): «in Swewia ingenui fere omnes genus militare habebant et personalis libertas in dignitatem militum transiit,» можетъ быть отнесено и къ Польской.

* Чиншовыми или оброчными кметами назывались крестьяне, платившіе помѣщику за землю оброкъ или чиншъ. Чиншъ этотъ рѣдко бывалъ денежный (census pecunialis), чаще же отправлялся натурою. *Прим. Перев.*

пока былъ слугою частнаго лица, онъ терялъ свое шляхетство. [1] Нѣчто похоже на это было и у Саксоновъ. Земледѣльцы (Lechy), слившись съ ними въ одно государственное тѣло, въ послѣдствіи совершенно онѣмечились, пользовались правомъ землевладѣльцевъ третьяго разряда; тѣ же изъ нихъ, которые по жребію войны сдѣлались данниками, не имѣли и этого. Участь послѣднихъ раздѣляли и тѣ, которые согласились платить оброкъ (чиншъ), [2] а также и поселенцы (Landsassen). Всѣ они одинаково цѣнились государствомъ, за всѣхъ была назначена одинаковая вира. [3]

§ 182. Впрочемъ, вообще въ Швабскомъ Зерцалѣ заключаются тѣ же Славянскія права, что и въ Саксонскомъ Зерцалѣ; исключеніе составляетъ право родоваго владѣнія недвижимой собственностью, въ замѣнъ котораго Швабское Зерцало представляетъ общее владѣніе той же собственностью для однихъ супруговъ, чего, въ свою очередь, не знаетъ Саксонское Зерцало. По нашему мнѣнію, это указываетъ на успѣхъ законодательства; ибо право владѣнія недвижимою собственностью всѣмъ родомъ отжило свой вѣкъ (какъ это мы увидимъ въ слѣдующихъ томахъ этого сочиненія) и повсюду было исключено изъ Статутовъ самими Славянскими законодателями; мѣсто его оставалось пустымъ въ дальнѣйшемъ развитіи Славянскаго законодательства. Напротивъ того, развитіе промышленности и торговли въ Прирейнскихъ и Бельгійскихъ краяхъ было причиною того, что сдѣсь водворилось равное для обоихъ супруговъ право владѣнія недвижимою собственностью. Западные Поляне приняли его, какъ мы уже сказали, а Саксонское Зерцало отвергнуло изъ аристократическихъ побужденій. Въ слѣдствіе сношеній Аллемановъ съ Прирейнскими Свевами это право, посредствомъ городовъ, перешло въ

---

[1] Стат. Мазовецкій 1390 у Гельцеля Starodawne prawa polskiego pomniki 277, а также Stat. Горынскаго у Бандтке Jus Pol. 395; ср. съ тѣмъ, что было сказанно въ предыдущемъ примѣчаніи.

[2] Отсюда ихъ называли Pleghafte. Ср. ниже § 465, 542. До сихъ поръ бьются Нѣмецкіе ученые, чтобы откопать ихъ Нѣмецкое происхожденіе (ср. Gaupp, Germanistische Abhandlungen 112, 128 и слѣд.) и, смѣло можно сказать, никогда не откопаютъ.

[3] Зерц. III, 45, § 4, 6, 7.

Швабское Зерцало. Изъ городовъ Фрейбургъ, основанный въ 1120 г., наиболѣе усвоилъ его себѣ. Находясь уже въ XII вѣкѣ въ тѣсной связи съ Силезіею, жители Фрейбурга распространили и въ ней понятія объ общей супружеской собственности. Изъ Силезіи, посредствомъ Хельмскаго Статута, это право перешло въ Пруссію; привилегія на Хельмской Статутъ, выданная 1251 года извѣщаетъ, что всѣ наслѣдственныя дѣла должны быть рѣшаемы по Фламандскому праву, а извѣстно, что Фламандцы приняли постановленіе объ общемъ владѣніи супруговъ недвижимою собственностью. Окончательно оно утверждено Швабскимъ Зерцаломъ, которое еще прежде оказывало свое вліяніе на Хельмское право. [1]

§ 183. Теперь разсмотримъ Статутъ Дитмарсовъ; но прежде скажемъ нѣсколько слово о нихъ самихъ. Въ теперешнемъ княжествѣ Гольштинскомъ, принадлежащемъ Даніи, на берегу Сѣвернаго моря, лежитъ небольшой край, семь миль длиной и четыре шириной, съ стольнымъ городомъ Мельдорфомъ, населеніе котораго никогда не превышало пятидесяти тысячъ жителей. Въ 787 г. Карлъ Великій причислилъ этотъ край къ Епархіи Бременскаго Архіепископа подъ общимъ именемъ Фризіи, хотя край Дитмарсовъ и не относился къ Фризіи, и даже не былъ въ то время исключительно заселенъ одними Фризами, но въ немъ жили и Саксоны, какъ это можно заключить изъ самой жалованной грамоты Карла В.

§ 184. Названіе этого народа у однихъ писателей является такъ, у другихъ иначе, и это самое открываетъ большой просторъ догадкамъ объ его значеніи. Если не ошибаюсь, его можно сблизить съ словомъ Trzemeszanie (вм. Tremorzanie), соотвѣтствующимъ названію Поморяне, которое носили Славянскія племена, жившія при Балтійскомъ и Адріатическомъ моряхъ. Значеніе этого слова объясняется изъ самаго положенія страны Дитмарсовъ, подверженной морскимъ потрясеніямъ; [2] ибо нигдѣ въ этѣхъ странахъ море не угрожало такъ

---

[1] Ср. Чацкаго Dziela III, 486. Gaupp, въ сочиненіи Die Gutergemeinschaft in Schlesien, помѣщенномъ въ Zeitschrift fur Deutsche Rechtskunde, von Reyscher und Wilda III, 40 и слѣд.; онъ же въ Germ. Abhandl. 112, 138. Меркель тамъ же, въ примѣчаніи XII, 32, 34; XVI, 3. 9.

[2] Значеніе слова Dithmerschen, какъ его пишетъ Неокуръ, я теперь объясняю иначе, нежели прежде Pierw. dzieje 62), основываясь на одномъ толкователѣ



землѣ, какъ сдѣсь; даже невозможно было предпринять ни какихъ предосторожностей противъ этого. Довольно и того, что половина земли Дитмарсовъ была, можно сказать, завоевана у моря при помощи Фризовъ, весьма искусныхъ въ насыпаніи плотинъ. Этѣ Фризы были переселены сюда въ концѣ XII в. Архіепископомъ Бременскимъ и поселены на морскихъ берегахъ, вырванныхъ ими изъ рукъ моря.

§ 185. Разнообразную судьбу пережили Дитмарсы до 1559 г. Неизвѣстно, когда они уничтожили у себя зависимость отъ Архіепископа, но достовѣрно извѣстно, что они снова къ нему возвратились по доброй волѣ около 1059 г., когда потребовалось имѣть въ Нѣмецкомъ государствѣ ходатая по дѣламъ своимъ. Два великія потрясенія испытала эта земелька: первое; при помощи Ганзейскихъ городовъ, прошло благополучно; плодомъ его былъ Статутъ, утвердившій на цѣлый вѣкъ республиканское устройство страны; втораго же не пережили Дитмарсы, присоединившись къ Протестантству и, въ слѣдствіе того, лишившись подпоры въ Архіепископѣ, отъ котораго отложились. Покинутыхъ всѣми Дитмарсовъ Гольштинскіе князья силою покорили себѣ (1559). Съ этѣхъ поръ о нихъ ничего не было слышно до 1811—1816 г., когда Нибуръ, въ своей Римской исторіи, указалъ на большое сходство Римскихъ гентилiевъ съ Дитмарскими родами. Съ сего времени изслѣдователи начали обращать вниманіе на исторію и законы этого народца, познакомились съ его лѣтописцами (знаменитѣйшій изъ нихъ, Неокуръ, 1630), начали собирать грамоты и акты онаго. Важнѣйшія услуги оказали наукѣ въ этомъ дѣлѣ Дальманъ и Михельсонъ. Первый издалъ въ свѣтъ Неокурову Хронику, и въ извѣстіи о ней, равно также и въ своей Исторіи Даніи, онъ съ большимъ уваженіемъ и любовію говоритъ о Дитмарсахъ, а послѣдній, выпустивши въ свѣтъ собраніе ихъ грамотъ, напечаталъ, кромѣ того, собраніе ихъ законовъ, которые только въ 1447 г. были преданы письму, до тѣхъ же поръ сохранялись путемъ обычая. Законы этѣ весьма важны для исторіи Дитмарсовъ: въ первый разъ они были записаны послѣ великаго

Адама Бременскаго (Pertz IX, 289), у котораго оно встрѣчается въ формѣ Triesme (ri), очевидно отъ Древне-Славян. трѣти, и mere (вм. море). Другія рукописи выбрасываютъ R и выходитъ форма Diethmeri, откуда уже произошло Dith.... Но все это пустяки; одно только Triesmeri представляетъ какой ни будь смыслъ.



потрясенія, о которомъ мы уже говорили. Призваны были люди опытные и знающіе законы своей страны; они пересказали писцамъ всѣ тѣ древніе обычаи, имѣвшіе уже силу права, которые могли припомнить. Спустя нѣсколько лѣтъ пересмотрѣли этотъ списокъ законовъ, замѣнили одни постановленія другими, взятыми тоже изъ народной памяти, увеличили его (отъ 1467 до 1480 г.), и наконецъ прибавили къ нему Сеймовыя постановленія 1539 г. [1]

§ 186. Дальманъ, въ своей Исторіи Даніи, говоритъ, что «въ Дитмарсахъ-то мы имѣетъ образъ древнихъ Германцевъ, какими изобразили намъ ихъ Юлій Цезарь и Тацитъ.» Ни сколько не противорѣча этому мнѣнію, мы только припомнимъ читателю, что этотъ образъ напоминаетъ Славянъ, а не Нѣмцовъ; онъ отражается, какъ въ зеркалѣ, въ древнихъ Славянскихъ родахъ, которые мы не замедлимъ разсмотрѣть въ пятомъ Отдѣлѣ этого тома, оцѣнивая показанія Юлія Цезаря о Свевахъ. То же самое должно сказать и объ ихъ правѣ, которое представляетъ собою краснорѣчивое доказательство того, что народы, даже по смерти своей, т. е., утративъ уже свой родной языкъ, продолжаютъ еще жить въ исторіи своими учрежденіями, законами и обычаями. Неизвѣстно, когда и въ слѣдствіе какихъ обстоятельствъ Дитмарсы замѣнили свой языкъ Нѣмецкимъ, но достовѣрно то что въ государственной и домашней жизни они были Нѣмцами только по языку: доказательствомъ тому можетъ служить ихъ право, къ которому должно отнести все то, что сказано было нами о Саксонскомъ Зерцалѣ. Если мы разсмотримъ, на примѣръ, Статутъ 1447 г., то изъ него увидимъ, что у Дитмарсовъ также родъ отвѣчалъ за безпорядки, или убытки, причиненные кому ни будь однимъ изъ его членовъ, исключая воровства, за которое совершившій его наказывался смертною казнью, или платился всѣмъ имуществомъ, [2] ему одному принадлежащимъ; вдова не могла оста-

---

[1] Ср. Neocurus der Dithmersche, а также J. Adolfi, genannt Neocurus Chronik des Landes Dithmarsen, von J. C. Dahlmann. Kiel, 1818 и 1827; далѣе ср. Дальмана Dänische Geschichte, а именно: III, 258 и слѣд. Michelsen, 'Das alte Dithmarschen in seinem Verhältnisse zum Bremschen Erzstift. Schleswig, 1829. Его же, Urkundenbuch der Geschichte des Landes Dithmarschen. Altona, 1834; Его же, Sammlung altdithmarscher Rechtsquellen. Altona, 1842.

[2] § 4, 72 ср. съ § 56.

ваться подъ опекой родныхъ, [1] и т. п. Далѣе, какъ тамъ, такъ и здѣсь, братья имѣли одинаковыя права на отцовское наслѣдство; женщины не владѣли недвижимой собственностью наровнѣ съ мужчинами, а имѣли свои вѣна. Не говоря уже о другихъ Славянскихъ правахъ, замѣчаемъ, что Статутъ Дитмарсовъ болѣе всего сходится съ постановленіями Польскаго права касательно покражи хлѣба и другихъ предметовъ на нивѣ днемъ и въ ночное время, [2] мести, [3] строгости наказанія за обнаженіе меча въ судѣ, [4] запрещенія отдавать въ залогъ военные доспѣхи, [5] недопущенія родственниковъ къ наслѣдству послѣ убитаго брата, [6] порчи лѣсовъ, [7] назначенія вѣна [8] и, наконецъ, выкупа проданной собственности. [9]

§ 187. Статутъ Ругіевъ важенъ для насъ въ разныхъ отношеніяхъ, во 1) по тому, что заключаетъ въ себѣ, какъ мы уже сказали, Славянское право; во 2) по тому, что онъ принадлежалъ народу, который три раза находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, сначала посредствомъ Свевовъ, потомъ посредствомъ Карпатскихъ Хорватовъ и, наконецъ, посредствомъ Поморянъ.

§ 188. Упоминаемые въ первый разъ у Тацита, Свевскіе Ругіи отправились въ странствованіе во время переселенія народовъ; часть ихъ поселилась-было въ гористой странѣ по рѣкѣ Вагу, но Лонгобарды, въ пятомъ вѣкѣ по Р. Х., вытѣснили ихъ оттуда. Однако память о Ругахъ, Рузахъ, осталась въ Краковской Хорватіи, или позднѣйшей Моравіи. Воспоминанія этѣ, поставленныя рядомъ съ тѣми притязаніями по предмету границъ епископіи, которыя Нѣмецкіе Епископы предъявляли на Польшу, указываютъ на непрерывно продолжавшіяся сношенія нашей страны съ Полабскими Славянами. [10] Въ

---

[1] § 182.

[2] Ср. § 138, 139 съ Висл. Статутомъ первымъ § 33, 35.

[3] Ср. § 44 съ Zwod zupelny statutów Kazimirza W. § LXI.

[4] Ср. § 50 съ Статутомъ Пётрковскимъ 2-мъ § 5.

[5] Ср. § 52 съ Висл. Стат. первымъ § 23.

[6] Ср. § 80 съ Висл. четвертымъ § 33.

[7] Ср. § 140, 141 съ Пётрк. втор. § 25.

[8] Ср. § 197 съ Висл. первымъ § 30, 31.

[9] Ср. § 144, 146 съ Висл. первымъ § 12.

[10] Объ этой Хорватской Руси снова напомнилъ ученому міру г. Бѣлёвскій, по поводу чего Лелевель подробно распространяется въ Polska sr. wiek. IV, 517 и слѣд.

послѣдній разъ Польша пришла въ соприкосновеніе съ Ругіей при Болеславѣ Кривоустомъ, который, владѣя Поморьемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ владѣлъ и этимъ островомъ. [1] А если существовали такія близкія отношенія между Рюгеномъ и Польшею, то не можетъ быть ни какого сомнѣнія, что и права ихъ соприкасались между собою. Всякъ, кто только сравнитъ Статутъ Ругіевъ, составленный въ началѣ XVI-го вѣка, съ нашими законами, тотчасъ же убѣдится въ этомъ. [2] Подобно тремъ, прежде нами разсмотрѣннымъ, Статутамъ, онъ тоже писанъ на Нижне-Нѣмецкомъ (Plattdeutsch) нарѣчіи. Не желая повторять себя, мы не будемъ ничего говорить объ нихъ, и заключимъ это Отдѣленіе замѣчаніемъ, что Статуты онѣмеченныхъ Славянъ представляютъ собою звено, которое, связывая народное и письменное право Нѣмцевъ съ нашимъ, связываетъ ихъ и съ остальною областью Славянскаго права.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

Польша, Литва и соединенныя съ ними земли, разсматриваемыя со стороны ихъ юридическихъ памятниковъ.

§ 189. Законы помѣщались либо въ Статутахъ, либо ходили, какъ отдѣльныя постановленія. Они предавались письму государствомъ, или частными людьми, для собственнаго употребленія. Имѣя въ виду это раздѣленіе, мы сперва обозримъ Статуты, а потомъ перейдемъ къ Сеймовому законодательству.

I. СТАТУТЫ, СОСТАВЛЕННЫЕ ПРИ СОДѢЙСТВІИ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

§ 190. Обычное право появлялось на бумагѣ не иначе, какъ въ случаѣ крайней потребности. Это случалось тогда, когда частныя лица обращались къ Правительству съ просьбой уволить ихъ отъ исполненія общеобязательныхъ постановленій, или когда заключали между собою гражданское условіе, или же, наконецъ когда, народъ

---

[1] Naruszew. т. III, 212.

[2] Статутъ Ругійскій изданъ по двумъ, сличеннымъ между собою, спискамъ, подъ заглавіемъ: «Matthiae Normanni judicis provincialis Rugiae codex antiquissimi juris Vandalico-Rugiani,» въ сочиненіи «Monumenta anecdota, quae instruxit J. Car. Henr. Dreyer. Lubecae et Altonae 1760 г.»



принося въ жертву общественному благу нѣкоторые вредные обычаи, объявлялъ на Сеймѣ, что должно быть предано забвенію и что, на мѣсто его, должно сдѣлаться обязательнымъ. Таково, на прим., постановленіе Ленчицкаго Сейма 1180 г., касающееся злоупотребленій, соединенныхъ съ переѣздами высшаго дворянства, снова повторенное, безъ малаго черезъ двѣсти лѣтъ, въ Великопольскомъ Статутѣ.[1]

§ 191. Судебные акты, а равно также и Сеймовыя постановленія, списывали нѣкоторые законы, удержавшіеся посредствомъ обычая, или по предписанію Сейма (какъ это мы увидимъ въ послѣдствіи); но цѣльнаго ихъ собранія не было до самаго 1260 г., когда Малая Польша составила свой Статутъ, по ея слѣдамъ пошла и Великая Польша; около 1347 г. явился Великопольскій Статутъ. Статуты этѣ не имѣли общеобязательной силы закона; скорѣе ихъ можно назвать частными Сводами, составленными для потребностей отдѣльныхъ лицъ. Казимиръ Великій первый возымѣлъ мысль о составленіи Государственнаго Свода законовъ. Онъ достигнулъ того, что Великая и Малая Польша согласились соединить свои Статуты съ Вислицкимъ Статутомъ и имѣть въ обѣихъ земляхъ одинаковое судопроизводство и нѣкоторыя одинаковыя постановленія, и такимъ образомъ составилъ общій для всѣхъ Польскихъ земель Сводъ законовъ. Въ слѣдствіе сего, для судебнаго употребленія, изъ этѣхъ трехъ Статутовъ былъ составленъ сводный Статутъ, составители котораго, кажется, имѣли въ виду ту же цѣль, какъ и составители Римскихъ дигестъ. А такъ какъ этотъ Сводъ сдѣланъ былъ въ Краковской землѣ или въ Малой Польшѣ, то вотъ причина, по чему рукописи этого своднаго Статута привыкли называть **Краковскими** дигестами. Одной изъ такихъ рукописей пользовался Великій Коронный Канцлеръ, Янъ Ласкій, при составленіи своего собранія дѣйствующихъ законовъ Польши, которое было напечатано 1506 г. Это подало поводъ утвердиться ложному мнѣнію, будто бы Казимиръ В. въ 1347 г. за тѣмъ созвалъ Государственные Чины въ Вислицу, чтобы тутъ составить общее земское право и представить его на утвержденіе Сейма. Мнѣніе это раздѣлялъ и послѣдній издатель Вислицкаго Статута, а

---

[1] Lelewel, Polska sr. wiek. IV, 120, 121.

[2] Jus Polonicum codicibus veteribus manuscriptis et editionibus quibusque collatis edidit Joan. Vinc. Bandtkie. Varsaviae, 1831.

положивши въ основаніе своего труда Статутъ Ласкаго, не смотря на то, что еще года за три до изданія его труда Лелевель [1] неопровержимо доказалъ, что Вислицкій Статутъ имѣлъ первоначально иной видъ, не похожій вовсе на Статутъ Ласкаго. Разсмотримъ это.

§ 192. Статутъ Казимира Великаго. Понятно, что геній Казимира В. мечталъ о такомъ Сводѣ законовъ, который былъ бы обязательнымъ для всей Польши, для каждаго изъ ея обитателей, къ какой бы онъ народности ни принадлежалъ. [2] Но препятствіемъ къ исполненію его намѣренія явились обычаи, которые въ различныхъ областяхъ Польши замѣняли собою письменные законы; не малою помѣхою было также Нѣмецкое право, которое представляло собою изъятіе изъ Земскаго Права, а слѣдственно не могло быть помѣщено съ этѣмъ послѣднимъ въ одномъ Сводѣ.

§ 193. Не думая ни мало посягать на то и другое, Казимиръ рѣшился исправить устройство судовъ, что было ему можно сдѣлать, какъ высшему судьѣ въ государствѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велѣлъ пересмотрѣть вновь Нѣмецкое право и уничтожить тѣ постановленія его, которыя не согласовались съ общественной пользой, на что онъ также имѣлъ право; ибо Польскіе Государи, одарившіе Нѣмецкія поселенія различными привилегіями, могли взять ихъ назадъ, если того требовало общественное благо. Наконецъ, онъ убѣдилъ Великополянъ и Малополянъ сдѣлать шагъ къ сближенію своихъ юридическихъ обычаевъ, прежде рѣзко отличавшихся между собою. И дѣйствительно, обитатели Великой и Малой Польши съѣхались въ Вислицу съ своими Статутами и, внимательно разсмотрѣвши ихъ, старались, сколько возможно, сгладить наиболѣе рѣзкія отличія. Они отправились домой, снабженные новой Статутной книгой, которая носитъ названіе Вислицкаго Статута. Съ этѣхъ поръ онъ получаетъ обязательную силу для всѣхъ наравнѣ съ мѣстнымъ правомъ. Вотъ Статуты, которые, по мнѣнію послѣдняго ихъ издателя, по слѣдамъ котораго мы рѣшились итти, обнимаютъ весь кругъ законодательной дѣятельности Казимира.

---

[1] Krytyczny rozbiór statutów при его сочиненіи: Początkowe prawodawstwo polskie cywilne i kryminalne objaśnił Joach. Lelewel. Варш. 1828. Оно было также напечатано въ Rocz. Towarz. Przyjac. nauk w Warsz. 1830.

[2] Ср. Вступленіе и первый § Висл. Статута 1368 г., вошедшій въ § 119 Казимирова Свода.

194. а. Статутъ Малопольскій 1260 г. извѣстенъ намъ только изъ упоминанія его Папроцкимъ (въ Herb. rycerstw. 259). Есть основаніе думать, что онъ былъ распространенъ въ Вислицѣ, равно какъ есть доказательство и на то, что въ послѣдствіи онъ былъ увеличиваемъ разными источниками изъ Малопольскаго права.

б. Великопольскій Статутъ, неизвѣстно когда составленный (но только до Вислицкаго съѣзда), постигла та же участь. Онъ сохранялъ свою силу наравнѣ съ Вислицкимъ, и еще въ 1493 г. Король Альбрехтъ обезпечилъ его будущность, постановивъ, чтобы при судебныхъ рѣшеніяхъ въ Великой Польшѣ судьи обращали вниманіе на древніе обычаи. [1]

в. Статутъ Вислицкій 1347 г. соглашалъ и дополнялъ два названные нами Статуты; наконецъ

г. Статутъ Вислицкій 1368 г., упоминаемый Прилуцкимъ (см. § 234), былъ, по всей вѣроятности, систематическимъ собраніемъ Малопольскихъ законовъ, т. е., заключалъ въ себѣ вѣчевыя постановленія, состоявшіяся года за два до смерти Казимира (умершаго въ 1370 г.), также постановленія уголовнаго права, называемыя эдиктами, которыя Король, какъ высшій судья въ этомъ дѣлѣ, издавалъ, по обычаю Нѣмецкихъ Императоровъ (dicta pacis publicae).

§ 195. Теперь намъ слѣдовало бы разобрать рукописи этѣхъ Статутовъ и, такимъ образомъ, подтвердить сказанное нами выше, т. е., что Вислицкій Статутъ образовался совершенно иначе, нежели какъ мы читаемъ его въ изданіи Бандтке, что онъ состоитъ не изъ одной, двухъ, или трехъ, но изъ четырехъ, частей, и что этѣ части суть именно названные нами Статуты. Но разсмотрѣвши это дѣло, и согласившись въ главномъ съ мнѣніемъ новѣйшаго критика [2] о происхожде-

---

[1] 1493 г. у Бандтке, Jus Pol. 324: «In terris vero Majoris Poloniae videlicet Palatinatibus Posnaniensi et Calisiensi servetur consuetudo antiqua.»

[2] Іоакимъ Лелевель въ названномъ мною выше сочиненіи, а также въ Polska sr. wiek. III, 211 и слѣд., и Ромуальдъ Губе въ статьѣ, носящей названіе: Przyczynek do objaśnenda hisroryi statutu Wiślickiego (Bibl. Warsz. 1853 г., томъ I), критически разсмотрѣли происхожденіе Казимировыхъ Статутовъ. Гораздо глубже взглянулъ на это дѣло Антоній Сигизмундъ Гельцель въ сочиненіи, извѣстіе о которомъ будетъ помѣщено нами въ Приложеніи къ одному изъ слѣдующихъ томовъ.

ніи Статутовъ Казимира В., или, какъ назвалъ онъ, Полнаго Свода Казимировыхъ Статутовъ, мы удовольствуемся, только тѣмъ, что сказано объ этомъ имъ, а также старинными, Польскими и Русскими, переводчиками сихъ Статутовъ, а именно: Святославомъ изъ Войцѣшина 1449 г., двумя неизвѣстными 1460 и 1503 г., [1] и Русскимъ переводчикомъ Малопольскаго не своднаго Статута, [2] а, вмѣсто этого, остановимся на характерѣ и духѣ Казимироваго законодательства, и укажемъ путь, по которому можно доискаться въ немъ происхожденія того, или другаго, постановленія.

§ 196. Казимиръ В. имѣлъ большіе недостатки, [3] но и не мало достоинствъ, которые сглаживали ихъ, хоть и не совсѣмъ; потомство справедливо упрекаетъ его за нелѣпую политику съ Крестоносцами, тѣмъ болѣе, что во внутреннихъ дѣлахъ онъ былъ великимъ политикомъ; путемъ законодательства онъ по своей волѣ управлялъ ходомъ ихъ и умѣлъ такъ дѣлать, что выходило совсѣмъ не то, что, казалось, онъ дѣлалъ. Не разъ онъ явно вредилъ тѣмъ, къ кому, казалось, очень благоволилъ. Прозванный въ насмѣшку вельможами и шляхтой (говоритъ Длугошъ) «мужицкимъ королемъ», онъ хотѣлъ показать, что можетъ быть вмѣстѣ и «шляхетскимъ», и для этого старался придать еще болѣе блеска вельможескимъ родамъ и возвысить значеніе шляхты. Для достиженія этой цѣли, онъ настоялъ на томъ, что Малая Польша приняла древнее Великопольское постановленіе (являющееся въ первый разъ въ Салическихъ законахъ), въ силу котораго женщина не допускалась къ наслѣдованію недвижимой собственностью (do posiadania dziedzictw), которую должна была продать или кому ни будь изъ родственниковъ мужескаго пола, или же всякому, имѣющему тотъ же гербъ. Кромѣ того, онъ возстановилъ давно забытую классификацію рыцарства и вдохнулъ въ Малополянъ такую дворянскую спѣсь, какую прежде только изрѣдка можно было замѣчать въ нихъ. Словомъ, благо-

[1] Они изданы Лелевелемъ подъ заглавіемъ: «Księgi ustaw Polskich i Mazowieckich. Wiln. 1824.

[2] Онъ помѣщенъ въ «Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ» 1, 2 и слѣд. Лелевель распространяется о немъ въ статьѣ подъ заглавіемъ «Rozpatrzenie» и т. д.; см. Polska śr. wiek. IV, 3 и слѣд.

[3] Лелевель, въ Porówn. dwu powst. Pariż 1840, стр. 116 — 122, упрекаетъ его въ распутствѣ и безсиліи въ дипломатіи.

пріятствуя вельможамъ и дворянству, онъ тщательно оградилъ ихъ роды и родовую собственность; но это только такъ казалось. Въ самомъ же дѣлѣ Вислицкимъ Статутомъ, облегчившимъ раздѣлъ имѣній между братьями, онъ положилъ начало раздробленію родовъ. Въ послѣдствіи стало яснымъ, что онъ за тѣмъ раздѣлилъ шляхту на разряды, чтобы, возводя въ дворянское достоинство Солтысовъ и кметовъ, тѣмъ самимъ ослабить ея значеніе. Дѣйствительно, скоро оказалось, что всѣ этѣ права и преимущества, данныя Казимиромъ шляхтѣ, ни къ чему не ведутъ, такъ что еще при жизни его снова обратились къ прежнимъ учрежденіямъ, въ силу которыхъ сестра, по смерти братьевъ, наслѣдовала ихъ имѣніе. Однако, и на будущее время удержалось постановленіе, что простолюдинъ, пріобрѣтшій себѣ въ собственность (а не въ оброкъ) землю, тѣмъ самимъ становился дворяниномъ. [1]

§ 197. Такое направленіе законодательной дѣятельности, на видъ отсталое, а въ самомъ дѣлѣ поступательное, минующее или счищающее все ветхое и на мѣсто его вводящее новое; [2] такая дѣятельность, скажемъ мы, могла быть названа плодомъ новаго или, по крайней мѣрѣ, близкаго къ Казимиру времени, если бы не замѣчали въ ней такихъ обветшалыхъ постановленій, какія мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ Великопольскомъ Статутѣ, имѣющемъ сходство съ Салическимъ правомъ. Ученые, которые разсматривали этотъ Статутъ съ хронологической стороны, стараясь опредѣлить какъ можно точнѣе время появленія того, или другаго, постановленія, не достигли своей цѣли, [3] потому что избрали не тотъ путь, какой слѣдовало. Думаю, что только посредствомъ сравнительнаго изученія Казимирова законодательства съ законодательствами другихъ Славянъ можно, если не опредѣлить, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятнымъ время происхожденія того, или другаго, постановленія. Зная старинную связь Великополянъ съ Нѣмцами, можно предположить, что

---

[1] Ср. Stat. Wielk. daty wątpl. i Wislick., у Гельцеля § 17, съ Добрынскою грамотою 1367 г. у Ржищевскаго Codex dipl. Pol. II, 751, которою подтверждается право сестры наслѣдовать имѣніе послѣ умершаго брата, и ничего не говорятся о правѣ двоюродныхъ покупать это имѣніе.

[2] Въ статутахъ сказано: «Prout experientia nos docuit, consuetudine noscitur esse observatum, secundum tempora antiquiora, licet antiquitus fuerit observatum.»

[3] Сюда должно отнести все, сказанное Лелевелемъ въ Polska sr. wiek. IV, 121 и слѣд. о, такъ называемыхъ, pierwotnych ustaw zapiskach.

за головы ихъ, получаемыя владѣльцемъ, а также суровыя наказанія, сопровождающіяся увѣчьемъ,—все это перешло въ Великопольскій Статутъ съ Запада. Напротивъ того, если мы обратимъ вниманіе на то, сколько обязана Малая Польша умноженіемъ своего народонаселенія Придунайскимъ выходцамъ, то легко понять мягкость Малопольскихъ Статутовъ. Весьма важно въ этомъ случаѣ сравнить Великопольскій и Малопольскій Статуты съ Статутами Полабскихъ и Придунайскихъ Славянъ, ибо иначе трудно сказать что ни будь положительное о времени происхожденія того или другаго постановленія, даже если призовемъ на помощь себѣ всѣ извѣстія о немъ, встрѣчающіяся во вступленіяхъ къ той или къ другой статьѣ Статута, въ грамотахъ, въ сеймовыхъ рѣшеніяхъ и т. д.

§ 198. Статутъ Ленчицкій. Землѣ или, скорѣе, землямъ Ленчицкимъ придавали огромное значеніе, вѣроятно, по тому, что когда утвердилось названіе Польши для всѣхъ земель Польскихъ, то невольно приходило на мысль другое названіе Польскаго народа: Лугане, Ленчане. [1] Ленчицкая земля отъ 1268 по 1335 составляла отдѣльное княжество, но съ этѣхъ поръ, будучи присоединена къ Коронѣ, образовала, до самаго раздѣла Польши, Ленчицкое воеводство, имѣвшее своего Воеводу, [2] Каштеляна, [3] Старосту и свое особенное Уложеніе, состоявшее изъ шестидесяти осьми параграфовъ. Оно дошло до насъ только въ одномъ спискѣ; другой же, съ котораго сдѣланъ списокъ, относящійся къ 1463 г., утраченъ; оба писаны по Латыни. [4] Ленчицкій Статутъ, составленный въ 1419 г. точно такимъ же образомъ, какъ и Вислицкій, въ томъ же году былъ пополненъ постановленіями, предложенными на Сеймѣ собраніемъ Государственныхъ чиновъ и шляхтой Ленчицкой. Онъ состоитъ изъ постано-

---

[1] Pierw. dz. 376.

[2] Первый изъ нихъ, упоминаемый подъ 1210 г., былъ Krzesz herbu Kraje. Ср. исчисленіе Воеводъ въ Skarb. Сенкѣвича, I, 497.

[3] Первымъ называется подъ 1191 г. Петръ Дунинъ изъ Скржинна. Ср. тамъ же II, 220.

[4] Статутъ этотъ былъ изданъ I. В. Бандтке въ «Jus Polonicum» по списку, принадлежавшему Графу Сѣраковскому. Другой списокъ, который предполагали перевести на Польскій, принадлежалъ когда-то библіотекѣ Залускихъ. Ср. Бандтке у Бентковскаго, II, 212, а также Wiszniewskiego Hist. Liter. V, 180.

вленій обычнаго права, внося которыя на столбцы Статутной книги, Ленчичане, въ § 20, предоставили себѣ полную свободу аппеллевать на нихъ къ обычному праву всей земли Польской, а именно Краковскому, въ § 43 Нѣмецкому, также ссылаться на судебныя рѣшенія (см. §§ 29, 33), на постановленія Сейма (§§ 19, 24, 34, 51), и наконецъ на всѣ указы и предписанія, которыя либо заключаютъ въ себѣ какія ни будь новыя постановленія, либо расширяютъ обязательное значеніе прежнихъ на все пространство Польскаго государства. Великополяне, въ свою очередь, ссылались на Ленчицкій Статутъ, [1] который весьма важенъ, какъ памятникъ обычнаго права Сѣверныхъ Славянъ.

§ 199. Мазовецкіе Статуты. О старинномъ Мазовецкомъ правѣ мы не имѣетъ, до самаго 1377 г., ни какихъ свѣдѣній, словно какъ бы оно сглажено было изъ человѣческой памяти, если не считать болѣе чѣмъ краткія упоминанія о немъ, встрѣчающіяся тамъ и сямъ въ рукописяхъ. Въ 1377 г. Семовитъ, обладатель всей Мазовіи, на совѣтѣ въ Сохачевѣ, въ присутствіи своихъ сыновей (Яна, Князя Варшавскаго, и Семовита Черскаго), а также Каштеляновъ, Судей, Хорунжихъ, Подкоморихъ и шляхты, издалъ Статутъ, состоящій изъ восемнадцати §§, въ которомъ сказано было, что «всѣ постановленія древнихъ Сохачевскихъ, Черскихъ и Плоцкихъ князей (а именно Семовита, Тройдена и Владислава), уничтожаются,» такъ какъ земли ихъ достались ему во владѣніе. [2] Съ княженіемъ Семовита открывается новая пора въ исторіи Мазовецкаго законодательства: съ этого времени вся Мазовецкая земля судится однимъ этѣмъ Статутомъ, основаннымъ, впрочемъ, на древнихъ обычаяхъ. По этому свѣдѣнія о древнѣйшемъ Мазовецкомъ правѣ можно почерпать только изъ этого скуднаго источника. По смерти Семовита Мазовецкое Княжество распалось на двѣ половины, восточную и западную. Обѣ онѣ либо отдѣльно, либо совокупными силами, трудились надъ составленіемъ Уложеній, изъ которыхъ до насъ дошли слѣдующія: Черскій Статутъ обнародованный въ восточной части Мазовіи на Княжескомъ съѣздѣ 1389 г. и подтвержденный въ 1401,

---

[1] Въ 1488 г. ссылались на «mos et consuetudo terre Lanciciensis.» См. Rzysz. Cod., II, 579.

[2] Статутъ 1377 г., § 1, у Гельцеля 270.

1406, 1408, 1414, 1421 г. въ Варшавѣ, 1407 г. въ Новомъ Мѣстѣ, и наконецъ вторично въ Черскѣ 1421. Такъ какъ сдѣсь были собраны въ одно цѣлое замѣчательнѣйшіе Статуты западной и восточной Мазовіи (переведенные на Польскій по Мазурскому нарѣчію какимъ-то Матвѣемъ изъ Рожана, чиновникомъ Казначейства, каноникомъ Варшавскимъ и Черскимъ приходскихъ священникомъ), и такъ какъ, не много спустя, какъ мы сейчасъ увидимъ, появился цѣлый Сводъ законовъ, то, въ слѣдствіе этого, новые Статуты не показывались уже до самаго 1496 и 1511 г., и Мазовецкое право, вѣроятно, довольствовалось Статутами, составленными прежде для одной или для обѣихъ половинъ Мазовіи. Для западной Мазовіи было написано нѣсколько Статутовъ, которые обнародованы въ Закрочимѣ 1386, 1390, 1397, 1404, 1412, 1420, 1478 и 1482 г. Послѣдніе два дѣйствовали только въ одной Закрочимской области. Болеславъ V (ум. 1490), сынъ Яна, послѣдняго изъ Князей Плоцкихъ, издалъ въ 1472 г. Уложеніе для обоихъ княжествъ, которое было принято нѣкоторыми Мазовецкими землями, какъ вспомогательный источникъ права. Но гораздо раньше этого, въ 1426 г., Варшавскій Князь, Янъ, и его племянники, Плоцкіе Князья, Семовитъ, Тройденъ и Владиславъ, составляли Статутъ для цѣлой Мазовіи. Кромѣ того Владиславъ занимался тѣмъ же, вмѣстѣ съ Болеславомъ Черскимъ, въ Червенску въ 1452 г. Послѣдній, уполномоченный Владиславомъ, издалъ 1453 г. въ Закрочимѣ Уложеніе для обоихъ княжествъ, а въ томъ же самомъ году оба этѣ Князья обнародовали еще новый Статутъ въ Блонѣ. Все, сказанное до сихъ поръ, взято нами изъ Законника Горынскаго, къ которому мы скоро возвратимся. Рукописи, открытыя недавно Ант. Гельцелемъ, частію въ лучшихъ противъ прежняго спискахъ, частію совершенно неизвѣстныя, познакомили насъ съ Статутами 1377 и 1421 г. Нѣкоторые изъ новооткрытыхъ Статутовъ относятся къ концу XIV и началу, или срединѣ, XV в.; ихъ можно раздѣлить на три разряда. Древнѣйшіе изъ нихъ были обнародованы въ 1387 и послѣдующихъ годахъ Плоцкимъ Княземъ, Семовитомъ IV (княжившимъ съ 1381 до 1426), въ различныхъ городахъ, преимущественно въ Сохачевѣ и Плоцкѣ. Нѣкоторыя постановленія, относящіяся къ началу XV в. (а именно къ 1424, 1426, 4434 г.) въ особенности важны по тому, что они были плодомъ совокупной дѣятельности Мазовшанъ и Ленчицанъ, которые собирались для этой цѣли въ мѣстечкѣ Лонкошинѣ (те-

перь село подъ самымъ Кутномъ). Замѣчательно, что два первыя постановленія (1424 и 1426 г.), и въ особенности второе, имѣли силу менѣе, чѣмъ на годъ, будучи вызваны побѣгами крестьянъ, которые изъ селъ могли пробраться въ мѣстечка. Къ половинѣ XV в. (1426 — 1455 и 1462 г.) относится постановленіе обычнаго права Сохачевской земли, возникшее по поводу споровъ Христіанъ съ Жидами, а также актъ присоединенія земли Гостынской къ Коронѣ. Много подобнаго рода постановленій находится еще въ рукописяхъ; одно изъ нихъ, а именно привилегію, данную Равской землѣ 1496 г., я читалъ въ Сѣнявѣ, въ бумагахъ Нарушевича.

§ 200. Уложенія западной Мазовіи не приведены въ систему: объ этомъ не заботились ни мѣстные Князья, ни жители. По прекращеніи сдѣсь Княжескаго рода, земли западной половины Мазовецкаго княжества присоединены были къ Коронѣ и, по Польскому обычаю, превращены въ воеводства (а не въ княжества, какъ бывало въ Мазовіи). Съ этѣхъ поръ онѣ, пользуясь даннымъ имъ политическимъ правомъ, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ обращались къ Польскимъ Статутамъ. Онѣ едва могли выговорить себѣ право, въ случаѣ нужды, ссылаться на сводъ восточной части Мазовіи, приведенный въ систему около 1473 г. Такъ поступили присоединенныя къ Коронѣ земли въ 1462: Равская, Гостинская и Бельжская на Руси, и присоединенная 1476 г. земля Сохачевская и 1496 г. земля Плоцкая. Изъ всѣхъ этѣхъ земель образовано три воеводства: 1) Равское, въ составъ котораго вошли земли: Равская и Гостинская; 2) Плоцкое, состоявшее изъ области Плоцкой, и 3) Бельжское изъ земли Бельжской. Совершенно иначе было съ землями восточной Мазовіи, по смерти Князей ихъ 1526 г. тоже присоединенной къ Коронѣ. Земли этѣ сохранили свое политическое право, опиравшееся на древніе Статуты и привилегіи, данныя имъ 1529 и въ послѣдующихъ годахъ Сигизмундомъ Старымъ; ими управлялъ Королевскій намѣстникъ, котораго называли Вицесгерентомъ. Кромѣ того, онѣ имѣли свое особенное частное право, приведенное въ систему около 1473 г. Стефаномъ Водынскимъ, Пробстомъ Коллегіи Варшавской, Канонникомъ Плоцкимъ и Канцлеромъ Князя Болеслава. [1] Но когда этотъ Сводъ

---

[1] Рукопись этого кодекса (бумажная въ 4-ку) заключаетъ въ себѣ, кромѣ того, извлеченіе, или скорѣе, отрывокъ Магдебурскаго права, а также Статуты Мазовец-

законовъ устарѣлъ и не былъ уже въ состояніи отвѣчать потребностямъ времени, тогда, по повелѣнію Короля Сигизмунда, составлена была, подъ предсѣдательствомъ Вицесгерента Лаврентія изъ Пражмова, коммиссія изъ лицъ, подобныхъ тѣмъ, которыя засѣдали въ 1377 г. въ Сохачевѣ, т. е., изъ членовъ высшаго совѣта, и ей было поручено изданіе новаго Свода законовъ. Коммисія окончила свой трудъ въ 1531 г. на законодательномъ Сеймѣ въ Варшавѣ. Неизвѣстно, на какомъ языкѣ былъ написанъ этотъ новый Сводъ, на Латинскомъ, или на Польско-Мазовецкомъ. Извѣстно только, что Король не утвердилъ его, и нарядилъ новую коммиссію, которая 1536 г. въ Варшавѣ составила третій по порядку Сводъ Мазовецкихъ Статутовъ, который и былъ утвержденъ Сигизмундомъ Старымъ въ 1540 г. Спустя годъ, онъ былъ напечатанъ въ Краковѣ тамошнимъ книгопродавцемъ, Іеронимомъ Віеторомъ, а І. В. Бандтке перепечаталъ его въ своемъ изданіи. Въ ссылкахъ своихъ на этотъ Сводъ мы будемъ придерживаться этого послѣдняго изданія. Замѣчательно, что онъ не долго, всего тридцать семь лѣтъ, имѣлъ обязательную силу для всѣхъ; ибо присоединенные къ Польшѣ Мазуры, не желая и въ законодательномъ отношеніи ничѣмъ отличаться отъ ея жителей, приняли дѣйствующіе въ ней Статуты. Впрочемъ, для пользы бѣдной шляхты «выхлопотали они», какъ сами выражались, «нѣкоторыя пренужныя изъятія,» изъ которыхъ со временемъ образовался послѣдній Мазовецкій кодексъ, или скорѣе, Статутъ (Excepta y zwyczaje woiewodztwa Mazowieckiego). Читатель можетъ найти его во второмъ томѣ Wolumina legum подъ 1576 г., о которыхъ мы сейчасъ

кихъ Князей, относящіеся къ 1377 и послѣдующимъ годамъ и не похожіе на помѣщенные въ собраніи Бандтке. Такъ, на пр., у Бандтке 458, одна статья озаглавливается такимъ образомъ: «de jurium conservatione et bonorum non receptione,» а въ рукописи иначе: «de receptione bonorum per Ducem ordine juris non servato. Nec nisi convictum jure debet captivare.» Послѣ этѣхъ словъ на отдѣльной страницѣ читаемъ: «Statuta terrarum Masoviae per Vladislaum et Boleslaum duces edita compendiose,» которыя написаны на трехъ листахъ. За тѣмъ слѣдуетъ, приведенный въ систему, Мазовецкій кодексъ, такъ озаглавленный: «Statuta terre Mazovie ex libro olim Domini Stephani praepositi Varschoviensis Canonici Plocensis et illustrissimi principis Domini Boleslai etc. Cancellarii qui Cancellarius est (mortuus) feria secunda Pasce in Wars. Anno 1473.»

скажемъ. Теперь слѣдовало бы разобрать подробно Кодексы Лаврентія изъ Пражмова и Петра Горынскаго. Первый изъ нихъ до сихъ поръ еще находится въ рукописи: онъ будетъ изданъ мною въ шестомъ томѣ этого сочиненія, и тогда читатели познакомятся съ нимъ поближе. Разсматривая оба этѣ кодекса съ внѣшней стороны, мы не видимъ между ними никакого различія: они расположены совершенно по одному и тому же образцу и раздѣлены, такъ сказать, на законъ и его толкованіе. Подъ именемъ другаго кодекса я разумѣю собраніе Статутовъ, упомянутыхъ нами выше, а также привилегіи, данныя Мазурамъ Королемъ въ отвѣтъ на ихъ просьбы о приведеніи ихъ подъ одно право съ жителями Короны, но только въ такомъ случаѣ, когда онѣ не приводятся въ самомъ кодексѣ. Ибо Король не хотѣлъ, чтобы Мазовія совершенно отреклась отъ своего прошедшаго: не разъ онъ предписывалъ держаться старинныхъ обычаевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не стоятъ въ разрѣзъ съ новѣйшимъ законодательствомъ. [1] Но Лаврентій изъ Пражмова оставался глухъ къ этѣмъ увѣщаніямъ, и помѣстилъ въ своемъ кодексѣ только Статутъ Конрада, относящійся къ 1498 г. Такъ какъ этотъ Статутъ въ данномъ случаѣ былъ важнѣе всякаго другаго, то Горынскій расчленилъ его и размѣстилъ такимъ образомъ по всему кодексу, а на мѣсто его перенесъ множество другихъ Статутовъ, изданныхъ между 1377 и 1482 г. Во всемъ остальномъ, не исключая основы и содержанія, кодексъ Горынскаго былъ тотъ же кодексъ Лаврентія, только значительно распространенный. Словомъ, два названные нами кодекса необыкновенно сходны между собой въ началѣ и концѣ, но значительно разнятся въ срединѣ. Кодексъ Горынскаго полнѣе развиваетъ матерію, лучше формулируетъ законы и дополняетъ ихъ изъ старинныхъ Статутовъ. Но именно по тому, что онъ такъ крѣпко держится устарѣлыхъ понятій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не предлагаетъ средствъ для рѣшенія юридическихъ загадокъ, онъ подчасъ становится непонятнымъ въ подробностяхъ, на что мы представимъ примѣры, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, ближе познакомятъ вообще съ духомъ Мазовецкаго права.

---

[1] Ср. перепечатку Статута Горынскаго у Бандтке, стр. 414, подъ заглавіемъ: «Consuetudinum aliarum reservatio.»

§ 201. Очерчивая границы Свевовъ и подвигая ихъ до нынѣшняго Гданска, Тацитъ помѣстилъ въ ихъ предѣлахъ и жилища, такъ названныхъ въ послѣдствіи, Мазуровъ. Стало быть, Мазуры были одно изъ племенъ Свевскихъ и, по Нестору, принадлежали къ Ляшской или Польской семьѣ. Законы Мазовшанъ (какъ и вообще всѣхъ племенъ, жившихъ въ предѣлахъ древней Свевіи) скоро отразили на себѣ Германское вліяніе; остался одинъ Польскій языкъ, который притаился въ странѣ старинныхъ Древлянъ или позднѣйшихъ обитателей Люнебурга, жившихъ на лѣвомъ берегу Лабы, въ теперешнемъ королевствѣ Ганноверскомъ, и продолжалъ существовать такимъ образомъ до конца прошлаго столѣтія; [1] но еще не рѣшено, имѣлъ ли онъ и тогда свои особенности, и отличался ли отъ Великопольскаго языка шепелеватымъ выговоромъ звуковъ *cz*, *sz* и т. д., которыя произносятся въ немъ какъ *c* и *z*? [2] Такимъ образомъ старинные Древляне имѣли общій языкъ съ Великополянами и Мазурами, а потому и общее право, въ чемъ удостовѣряютъ насъ Мазовецкіе Статуты. Мы уже указали выше на слѣды этого явленія въ Статутахъ Славянъ Полабскихъ; теперь же укажемъ на слѣды гораздо древнѣйшіе, замѣченные еще въ древнемъ Салическомъ и Фризскомъ правѣ, хотя они, въ продолженіи длиннаго десятивѣковаго періода, частію сгладились, частію приняли другую форму. Салическое право не дозволяетъ пришлецу жить въ селеніи, если онъ не пріобрѣлъ на то права. Соотвѣтственно этому Мазовецкій Статутъ противится водворенію шляхтича въ какой ни будь волости, если онъ, не имѣя на то права, поселился въ ней самовольно. Какъ по Салическому праву голосъ одного человѣка изъ міра могъ воспрепятствовать поселенію пришельца, такъ и по Статуту, воли одного лица было достаточно для того, чтобы удалить поселенца изъ деревни. [3] По Фризскимъ законамъ и Мазовецкому Статуту [4] слѣдовало бдительно смотрѣть за каждымъ преступленіемъ; обвиненный въ подозрѣніи могъ очиститься не жре-

---

[1] Добровскій, Slovanka и слѣд.

[2] Ср. Pismien. II, 324 и слѣд.

[3] Ср. Салическое право, титулъ XLV «de migrantibus» съ Мазовецкимъ Статутомъ 1390 г. § 2 у Гельцеля стр. 277.

[4] Lex Fris. XIV. и Стат. Мазовецкій 1377 г. § 8, см. у Гельцеля 271.

біемъ, какъ требовали Фризскіе законы, а только посредствомъ присяги, которую онъ давалъ вмѣстѣ съ свидѣтелями (oczywistnikami). Но замѣчательно, что до сихъ поръ извѣстные намъ списки кодексовъ и Статутовъ Мазовецкихъ всѣ безъ исключенія употребляютъ слово врожба (wrožba), которое они ошибочно пишутъ, измѣняя *б* въ *д*, врожда (Старослав. вражда), что означаетъ месть, или знаменуетъ собою извѣстный способъ отысканія истины посредствомъ метанія жеребья. Мазовецкіе кодексы и Статуты, говоря объ этомъ способѣ, употребляютъ средневѣковую языческо-чародѣйскую Латинскую терминологію. Бросая жеребей, обыкновенно загадывали о томъ, дѣйствительно ли обвиняемый совершилъ преступленіе, и приговоръ жребія считался за откровеніе истины, былъ приговоромъ какъ бы всего народа. Съ приговоромъ была связана месть за преступленіе, а если виновный успѣвалъ скрыться, то его постигало изгнаніе изъ страны. Такого рода месть называлась по Славянски ворожьба, [1] а по Латыни laudum. [2] Въ Статутахъ Мазовецкихъ есть много подобныхъ выраженій, указывающихъ на древнее судопроизводство, [3] находящихся въ связи съ государственнымъ правомъ Славянъ, но по сю пору необъясненныхъ. [4] Въ Статутахъ и кодексахъ Мазовецкихъ встрѣчаются также упоминанія объ имѣніяхъ,

---

[1] Въ Статутѣ 1421 г. § 26 (у Гельцеля 287) стоитъ «inimicitia»; Матвѣй изъ Рожана переводитъ это слово на Польскій слѣдующимъ оборотомъ: «pomsta krwye yasz rzeczona yest po polsku wroszba.» Въ Статутѣ 1390 г. у Горынскаго 423 читаемъ: «ab inimicitia vulgariter wrožba;» ibid. 433 въ Статутѣ 1421 г. «vindicta sanguinis vulgariter dicta wrozbą.» Это слово встрѣчается и въ Статутѣ Лаврентія изъ Пражмова. Кромѣ того въ Стат. Горынскаго, 388, читаемъ: «ad sustinendum exilium a ducatu alias na wroszbą;» ibid. 400 «loco laudi antiqui alias wroszbą;» ibid. 407 «laudo terrestri alias wroszbą.» Также точно выражается и Статутъ Винодольскіїі въ §§ 29, 62.

[2] Du Cange подъ словомъ laudum. Старослав. слово вражба, какъ показываютъ словари, значитъ чары, *μαγεία*. Ср. это съ предыдущимъ примѣчаніемъ.

[3] Въ кодексѣ Горын. «poena pro capite nobilis faeminae dicta rucha;» въ Стат. 1390 г. читаемъ: «homagium, venia vulgariter pokora;» въ Статутахъ 1408 и 1453 г. potyczek (по Чешски zmatek). Ср. у Бандтке стр. 408, 422, 446, 456.

[4] Въ Мазовецкихъ Excepta 1576 г. послы называются selce, отъ słać, посылать. Въ Статутѣ 1421 г., § 30, встрѣчается слово wardężyn, вѣроятно, значащее прохожій (wargengus; ср. Du Cange подъ словомъ Warengangi).

снабженныхъ границами и не снабженныхъ. [1] Это разнообразіе содержанія придаетъ имъ необыкновенную прелесть и ставитъ ихъ, не смотря на то, что они дошли къ намъ въ позднѣйшихъ изводахъ, въ ряду древнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ источниковъ для Исторіи Славянскаго законодательства.

§ 202. Статуты чуждыхъ народовъ. Много народовъ, различныхъ по происхожденію и законодательству, проживало въ Польшѣ. Они не считались коренными жителями, а потому не имѣли права подавать голосъ на Сеймѣ. Изъ нихъ только Евреи и Армяне, въ слѣдствіе особенныхъ стараній, выхлопотали у Правительства потдвержденіе своихъ правъ. Сколько извѣстно, Болеславъ, Князь Великопольскій, первый утвердилъ (въ 1264 г. въ Калишѣ) представленный ему Евреями Статутъ, заключавшій въ себѣ общее для всѣхъ Евреевъ право, имѣвшее обязательную силу не только въ Германіи, [2] но и во всѣхъ Западно-Славянскихъ земляхъ. Статутъ этотъ подтверждали, конечно, не во всѣхъ подробностяхъ, послѣдующіе Князья и Короли Польскіе, какъ для Великопольскихъ и Малопольскихъ Евреевъ, такъ и для ихъ Мазовецкихъ и Червонорусскихъ собратій. Это видно изъ трехъ изводовъ Статута: Великопольскаго, даннаго Казиміромъ В. 1334 г., изданнаго І. В. Бандтке, Червонорусскаго 1337 г., находящагося по сю пору въ рукописи, и Мазовецкаго, составленнаго въ Сохачевѣ 1426—1455 г. Великіе Князья Литовскіе также точно дѣйствовали относительно тамошнихъ Евреевъ. Въ слѣдствіе этого составился одинъ общій Статутъ, обязательный для всѣхъ Евреевъ, жившихъ въ Польскомъ государствѣ и на Литвѣ, [3] который весьма важенъ и для Исторіи Польскаго права; ибо наши

---

[1] См. Лонкошынскія постановленія 1424 г. § 32, у Гельцеля 296. То же самое въ Excepta Mazowieck. Vol. II, 948.

[2] Eichorn § 350.

[3] Статуты Болеслава и Казиміра изданы Бандтке въ «Jus Polon.» Статутъ того же Казиміра для Червоно-Русскихъ Евреевъ находится въ рукописи въ библіотекѣ Осолинскихъ въ Львовѣ; ср. Dziennik liter. Lwowsk. 1852, N. 15; Статутъ Мазовецкаго Князя Болеслава, данный въ Варшавѣ и въ Черскѣ, также Статутъ Витовта, Великаго Князя Литовскаго, 1404 г., подтвержденный Сигизмундомъ I, помѣщены у Гельцеля 291, и у Дзялынскаго въ Zbiór praw Litew-

Князья и Короли, подтверждая этотъ Статутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ исчислили, какіе Польскіе законы обязательны для Евреевъ и какіе не обязательны, и опредѣлили, что въ этѣхъ законахъ обязано своимъ бытіемъ Польскимъ обычаямъ, а что Еврейскимъ. [1] Изъ этого памятника видно, что и въ старину Евреи были тѣ же, какими они остались до настоящаго времени, не усвоивши себѣ ни одного изъ достоинствъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ они жили и живутъ до сихъ поръ.

§ 203. Второй Статутъ принадлежитъ Армянамъ, которые, начиная преимущественно съ XIII в., живутъ на Руси въ большемъ числѣ. Тамошніе Князья предоставили имъ полное право судиться и рядиться по своимъ законамъ. Казиміръ В., овладѣвши Червоной Русью, подтвердилъ это право, что также сдѣлала Ядвига 1379 г. и послѣдующіе Короли. Сигизмундъ I, который пристально всматривался въ законы своихъ подданныхъ, сдѣлалъ запросъ Армянамъ, по какимъ законамъ они судятся? Тогда они изъ своихъ юридическихъ обычаевъ, а также изъ постановленій Вислицкаго Статута и Магдебурскаго права, составили какую-то смѣсь и написавши ее по Латыни, подали Королю. Она была утверждена въ 1519 г. на Пётрковскомъ Сеймѣ. Конечно, не все, что они тамъ написали, было признано правомъ; напротивъ того, Король сдѣлалъ много перемѣнъ въ ихъ Статутѣ, сблизивши его съ Польскимъ, земскимъ и городскимъ, правомъ. [2] Но такъ какъ не всякій Армянинъ зналъ по Латыни, а всѣ обязаны были знать законы, то Статутъ Армянскій въ XVI и XVII в. былъ переведенъ на Польскій языкъ. Рукопись этого перевода, несомнѣнно относящаяся къ XVI в., находится въ числѣ рукописей Львовской Армянской Капитулы; переводные же

---

skich 102 и слѣд. Объ Еврейскомъ Статутѣ писалъ Чацкій; см. Dziela III, 118 и слѣд.

[1] «Secundum, juxta terrae nostrae consuetudinem, Judaei juxta suam consuetudinem, statuimus, de speciali consensu statuimus, juxta constitutiones papae prohibemus,» говорили Болеславъ и Казиміръ. См. Бандтке «Jus Pol.» 9, 10, 12 — 15.

[2] Ср. вступленіе въ законъ о gajeniu sądu ormiańsk., а также статью о правахъ супруговъ. Желая придать этому праву болѣе блеска, Армяне пріурочили къ нему древнихъ царей своихъ, Іоанна и Теота, которые когда-то владѣли ими въ Азіятской Арменіи.

списки XVII в., переписанные довольно красиво и раскрашенные разноцвѣтными красками, весьма обыкновенны. Одинъ изъ нихъ я видѣлъ въ Корникѣ, другой принадлежитъ Императорскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, третій хранится въ Библіотекѣ Осолинскихъ. Переводъ же этого самаго Статута, совершенный 1601 г., изданъ Войцицкимъ по списку Якова Вардановича, Армянскаго юриста и старшины, сдѣланному имъ въ Львовѣ 1658 г. [1] Отъ предыдущихъ онъ отличается только складомъ рѣчи и способомъ выраженія. Латинскій подлинникъ Армянскаго Статута хранится въ Архивѣ Львовскаго Магистрата и имѣетъ нѣсколько списковъ. Одинъ принадлежитъ С.-Петербургской Археографической Коммиссіи, другой мнѣ случилось видѣть у г. Лося въ Львовѣ. Кромѣ того, какой-то безыменный юристъ расположилъ этотъ Статутъ по предметамъ въ азбучномъ порядкѣ. Денисъ Зубрыцкій въ Львовѣ обладаетъ такимъ спискомъ. Существуютъ также подлинныя привилегіи Польскихъ Королей, предоставляющія Армянамъ полное право пользоваться своими законами и свободою въ избраніи епископовъ. Онѣ идутъ отъ Казимира Вел., или 1367 г., до Владислава IV, 1640 г. [2]

---

[1] О переводной рукописи XVI в. ср. Dziennik literacki Lwowski 1853 г., N. 34. Войцицкій напечаталъ этотъ памятникъ въ первомъ томѣ изданной имъ «Библіотеки старинныхъ Польскихъ писателей» (Biblioteka staroż. pisarz. Pol.).

[2] Акты этѣ вычислены г. X. Z. въ статьѣ «Извѣстія о Польскихъ Армянахъ (Wiadomosć o Ormianach w Polsce),» напечатанной въ первомъ томѣ повременнаго изданія, выходившаго въ Львовѣ съ 1842, подъ заглавіемъ: «Biblioteka naukowego zakładu imienia Ossolińskich.» Кромѣ того нѣкоторые акты заключаются въ рукописи, читанной мною въ С.-Петербургѣ, въ Императорской Публ. Библіотекѣ, которая имѣетъ слѣдующее заглавіе: «W Imie Panskie Amen. Księga spisanych praw przywileiow y Dekretow similia praejudicata z roznych kontrowersyi potrzebnych ludziom Nacyi Ormianskiey we Lwowie teraz y napotem będącym od S. Pamięci Krolow Polskich y teraz szcześliwie Panującego Władysława IV Milosciwie nadanych pozwolonych y ferowanych tu nizey będących: z pilnym rewidowaniem y sumptem PP. Starszych a staraniem Pana Iwaszka Bernatowicza starszego teyże Nacyi ludzi będących na ten czas we Lwowie dnia Pierwszego Stycznia R. P. 1640.» Собраніе этѣхъ актовъ начинается подтвержденіемъ ихъ Королемъ Генрихомъ, потомъ слѣдуютъ Королевскія рѣшенія по дѣламъ, происходящимъ между Армянскимъ народомъ и его

§ 204. Армянское право для меня по сю пору загадочное явленіе. По своему характеру оно занимаетъ средину между Славянскою мягкостью и Азіятскою слабостію. Это—растеніе, развившееся подъ свободнымъ правленіемъ, но воспитанное какъ-то не по Европейски. Сказанное нами относится, впрочемъ, къ чисто Армянскимъ статьямъ, которыя въ переводѣ означены числами 4, 7, 65, 74, 86, 99 (по изданію Войцицкаго). Въ нихъ много страннаго, несообразнаго съ жизнію (на пр., статья о порчѣ мореходнаго судна или ладьи на морѣ), и даже отвратительнаго (статья о женщинѣ, разнимающей двухъ поссорившихся между собою мужчинъ). Остальныя же согласны во всемъ съ Славянскимъ правомъ.

§ 205. **Литовскіе Статуты.** Литовскій народъ, одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ Европы, прельщенный язычествомъ, къ которому хитрые жрецы приковали его цѣпью суевѣрныхъ обрядовъ, вдругъ протеръ глаза и, ослѣпленный блескомъ образованія окружающихъ его Славянъ и Нѣмцевъ, отрекся отъ старинныхъ понятій о государственномъ устройствѣ своего общества, подобно ребенку, котораго забавляетъ всякая новость и который съ жадностью бросается на всякую игрушку. Литвинъ бросался на то, или другое, учрежденіе сосѣднихъ народовъ, и стремительнымъ порывомъ старался усвоить себѣ Славянскія понятія о правдѣ и законѣ. Такъ мы, по крайней мѣрѣ, должны полагать, потому что въ правѣ, которое потомъ дѣйствовало въ Литвѣ, мы видимъ только чужое и ничего своего, народнаго. Однако жь, среди множества самыхъ разнообразныхъ понятій о правѣ, навязанныхъ ему чуждыми народами, Литвинъ никогда не отрекался отъ своихъ понятій о патріархальномъ правленіи, всосанныхъ имъ на лонѣ своей матери-земли. Феодализмъ грозилъ было истребить въ немъ это понятіе, но, принужденный обстоятельствами укротить свои порывы и дать мѣсто новому порядку вещей, онъ невольно самъ осыпалъ жителей Литвы все болѣе и болѣе новыми обезпеченіями свободы. Въ то время въ Литвѣ распространялись Сла-

старшиной; за ними идутъ Королевскія рѣшенія по тяжбамъ частныхъ лицъ между собою. Въ концѣ приписано: «Iako akta te wyjęte z Archivum Kapituly Archidiecezyi Lwowskiéj Ormiańskéj słowo w słowo są przezemnie przepisane w Lwowie dnia 7 Sierpnia 1824 roku świadczy; Onufry Czajkowski niegdyś Grodu Lwowskiego Registrator.»



вянскія законовѣдственныя представленія, и съ такой силой, что одно вытѣсняло другое, чтобы дать мѣсто третьему гостю: Русскія представленія уступали мѣсто Польскимъ, этѣ Чешскимъ, а этѣ послѣднія снова Польскимъ. Кончилось тѣмъ, что сдѣсь водворились Польскія понятія, которыя существуютъ въ Литвѣ и до сихъ поръ.

§ 206. Первая привилегія, данная въ 1387 году Литвѣ Владиславомъ Ягайломъ и братомъ его, Казимиромъ Скиригайломъ, имѣла цѣлью, освободить, «по желанію Польши,» Литовское дворянство отъ феодальнаго ига. [1] Всѣ послѣдующія привилегіи, [2] дававшіяся Литвѣ до времени Сигизмунда Августа, [3] написаны въ томъ же духѣ и имѣютъ цѣлью уравнять въ государственныхъ правахъ Литовскую шляхту съ Польской. Когда же, въ слѣдствіе Люблинскаго соединенія, 1569 г., Литва составила съ Польшей одно государственное тѣло, тогда привилегіи стали лишними, и въ Литвѣ принялись за исправленіе Статута. Статутъ этотъ обязанъ своимъ бытіемъ Сигизмунду I, который, на Сеймѣ въ Вильнѣ въ 1522 г., приказалъ составить одинъ, общій для всѣхъ, Статутъ: желаніе его было исполнено, хотя много прошло времени, прежде нежели Литовцы получили Статутъ въ томъ видѣ, какой намъ извѣстенъ въ настоящее время. Я постараюсь, какъ можно короче, изложить это дѣло, отсылая читателей къ прекрасному сочиненію Ярошевича, [4] гдѣ они найдутъ болѣе подробныя свѣдѣнія о Литовскомъ Статутѣ.

§ 207. Согласно приказанію Сигизмунда, [5] была снаряжена коммиссія для изданія Статута, плодомъ ея занятій было твореніе,

[1] «Ut juribus similibus utantur et fruantur, quibus et ceteri nobiles in terris aliis regni Poloniae potiuntur, ne videantur in juribus dispares, quos eidem coronae subjectos fecit unum.» См. Zbiór praw Litewskich. Poznań, 1841.

[2] См. тамъ же подъ 1413 г. привилегіи Ягайла и Витовта, данныя въ Городлѣ, Казимира Ягайловца 1457, Александра 1492, и наконецъ Сигизмунда I и Сигизмунда Августа 1522 г.

[3] Привилегія его, относящаяся къ 1506 г., будетъ помѣщена въ шестомъ томѣ этого сочиненія.

[4] Ярошевича Obraz Litwy. Wilno, 1844 и слѣд. въ трехъ томахъ. Ср. томъ II, 132 и слѣд.

[5] Zbiór praw Litewskich 121 и слѣд. Въ изданіи этомъ, начиная съ 26 листа, печать не всегда исправна.

которое пересмотрѣно и дополнено отъ 1524 по 1529 годъ (Альбертъ Мартиновичъ Гаштольдъ, Канцлеръ Литовскій, принималъ большое участіе въ этомъ дѣлѣ), а въ 1530 г. утверждено Королемъ. Статутъ этотъ былъ написанъ по Русски, но тотчасъ же переведенъ на Латинскій и вскорѣ на Польскій языкъ. Онъ состоялъ изъ тридцати отдѣловъ. До 1841 г. онъ оставался въ рукописи; въ этомъ же году онъ былъ изданъ, вмѣстѣ съ Латинскимъ и Польскимъ переводами, Гр. Титомъ Дзялынскимъ. [1] Въ первоначальномъ своемъ видѣ Литовскій Статутъ носилъ на себѣ отпечатокъ древнихъ суровыхъ обычаевъ и предразсудковъ и отличался строгостью карательныхъ мѣръ. Въ слѣдствіе этого, Литовская шляхта, для которой преимущественно составлялись Статуты (горожанъ имѣли въ виду на столько, на сколько они приходили въ соприкосновеніе съ шляхтою), просила Сигизмунда I въ 1548 г. передѣлать этотъ Статутъ. Это подало поводъ къ весьма важнымъ сужденіямъ, происходившимъ на Литовскихъ Сеймахъ съ 1544 по 1563 г. и изданнымъ недавно тѣмъ же Гр. Дзялынскимъ. Въ слѣдующимъ 1564 году Король поручилъ переработать старый, т. е., первый Литовскій Статутъ, и черезъ два года утвердилъ вновь передѣланный Статутъ. Такимъ образомъ произошелъ второй изводъ Литовскаго Статута. Онъ, подобно первому, былъ написанъ на Русскомъ и переведенъ на Латинскій и Польскій языки. Русскій подлинникъ его напечатанъ во «Временникѣ Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» (1855 г. книга 23). Переводъ же Латинскій и Польскій до сихъ поръ еще не изданы, о чемъ можно прочесть статью III, въ прибавленіяхъ къ этому тому.

Но и этотъ Статутъ подвергся измѣненіямъ. Въ томъ же году, какъ былъ утвержденъ (1566), и два года спустя, сдѣланы къ нему новыя прибавленія. Кромѣ того, требованія времени побуждали къ окончательной его переработкѣ, особливо когда соединеніе Литвы съ Польшей, послѣдовавшее 1569 г., измѣнило государственный бытъ областей, принадлежащихъ къ обѣимъ этѣмъ державамъ. Въ актѣ соединенія говорилось, между прочимъ, и о необходимости переработки Статута, въ слѣдствіе чего, при Стефанѣ Баторіѣ, были сдѣланы къ нему нѣкоторыя добавленія. Такимъ образомъ произо-

[1] Jaroszewicza Obraz Litwy, II, 133 и слѣд.

шелъ третій изводъ (редакція) Литовскаго Статута, которому Сигизмундъ III, въ 1588 г., далъ обязательную силу закона. Надъ составленіемъ этого извода съ безпримѣрнымъ усердіемъ трудился тогдашній Великій Канцлеръ Литовскій, Левъ Сапѣга. Но и этотъ трудъ не былъ бы послѣднимъ, потому что въ самый годъ соединенія шляхта подала Сигизмунду Августу новыя просьбы. [1] По всей вѣроятности, если бы долѣе пожилъ Сапѣга, то произошелъ бы еще четвертый изводъ Литовскаго Статута; ибо онъ скоро самъ замѣтилъ въ своемъ трудѣ много разныхъ погрѣшностей, которыя и желалъ устранить. Но дѣло ограничилось прибавленіемъ къ Статуту нѣсколькихъ постановленій и перепечаткой его, на что Литовскіе Чины исходатайствовали позволеніе у Сейма въ 1647 г. Третій изводъ Статута вышелъ первоначально тоже на Русскомъ; въ 1614 г. явилось второе изданіе, вмѣстѣ съ Польскимъ переводомъ. [2]

§ 208. Литовскій Статутъ представляется намъ великимъ законодательнымъ памятникомъ своего времени, какого не имѣла тогдашняя Европа. Его можно сравнить съ деревомъ, которое, вытянувши соки изъ вьющихся вокругъ него кустарниковъ, возвратило ихъ назадъ болѣе плодотворными и питательными. Чацкій, зная составныя стихіи Литовскаго Статута, Русскую, Польскую и т. д., недоумѣвалъ, есть ли въ немъ что и на сколько Литовскаго. Я намѣренъ прослѣдить по возможности проявленіе Литовской стихіи въ Статутѣ въ § 354 и слѣд.

§ 209. **Бѣлорусскій Статутъ.** Статутъ, названный нами Бѣлорусскимъ, открытъ Игнатіемъ Даниловичемъ въ Румянцовскомъ Музеѣ, въ Петербургѣ; по мнѣнію издателя, онъ писанъ между 1464 и 1468 г. Казимиръ Ягайловецъ составилъ его съ цѣлію обезпеченія частной собственности, которая подвергалась опасности отъ воровъ и отъ вторженія сосѣдей въ чуждыя границы, и потому

---

[1] Онъ изданъ Ярошевичемъ по рукописямъ въ его Obraz Litwy, II, 186 и слѣд.

[2] См. Jaroszew. II, 142 и слѣд. Рукопись Нѣмецкаго перевода Литовскаго Статута находится въ Корникѣ. Она имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Das gantze Statuten Buch der Grosz-Fürstenthumbs Littauen aus dem Polnischen ins Teutsche gebracht und geschrieben.» Имя переводчика неизвѣстно.

Статутъ преимущественно распространяется о наказаніяхъ, опредѣленныхъ за оба эти преступленія. Онъ говоритъ также о разграниченіи поземельной собственности, при чемъ, на ряду съ Бѣлорусскими обычаями, приводитъ соотвѣтствующіе имъ Смоленскіе. Это склоняетъ къ тому заключенію, что Статутъ, нами разсматриваемый, написанъ преимущественно для Бѣлой Руси; вѣрность этого заключенія подтверждаетъ еще то обстоятельство, что и сосѣди Бѣлоруссовъ, Полочане, ссылались на законы, данные имъ Витовтомъ.[1] Даниловичъ приготовилъ критическое изданіе этого Статута по двумъ спискамъ, относящимся въ XVI в., и издатель его труда, Рогальскій, пользовался, сверхъ того, еще третьимъ спискомъ, принадлежащимъ къ тому вѣку, и издалъ всѣ три въ Вильнѣ въ 1826 г. подъ заглавіемъ: «Статутъ Казимира Ягайловца (Statut Kazimirza Jagiellończyka).» Бѣлорусскій Статутъ имѣетъ весьма мало общаго съ другими Литовскими Статутами и привилегіями, не исключая и той, которая издана въ первый разъ Граф. Дзялынскимъ. а потомъ Археографическою Коммиссіею,[2] по вновь открытому Дзиковскому списку (въ Галиціи), ибо эти послѣдніе посвящены государственному праву, а Статутъ Казимира Ягайловца преимущественно имѣетъ въ виду частное, равно какъ и уголовное, право.

§ 210. Статуты Поморскіе и Прусскіе. Одна изъ вѣтвей Литовскаго народа съ незапамятныхъ временъ заселяла, вмѣстѣ съ Славянами, Прибалтійское Поморье. Она углубилась далеко на востокъ и была извѣстна подъ различными именами. Часть ея, сѣвшая на устьяхъ Вислы, называлась Пруссами; но жившіе гораздо западнѣе, носили общее названіе Поморянъ и говорили Польскимъ нарѣчіемъ, потому что принадлежали къ Польскому, а не къ Мазовецкому, корню. Такъ какъ земля, на которой жили Прусы и Поморяне, была мѣстомъ столкновенія различныхъ народностей, то и неудивительно, что у нихъ было различное управленіе и различные законы. Поморяне признавали власть своихъ князей и

---

[1] Ср. постановленіе, данное Полочанамъ въ 1456 г. Казимиромъ Ягайловцемъ, и изданное Археографическою Коммисіею въ Актахъ Запад. Россіи, т. I, стр. 72 и слѣд.

[2] Акты Истор. Запад. Россіи, т. I, стр. 80 и слѣд.

управлялись Каштелянами и родоначальниками. Верховная же власть надъ ними до XIII в. принадлежала Польшѣ; а около этого времени Поморяне признали господство Нѣмецкой Имперіи. Князья Поморскіе, размножившись, раздѣлили всю землю (за исключеніемъ Гданскаго Поморья, которое осталось за Польшею) на мелкіе удѣлы, а по смерти своей завѣщали ихъ частью Нѣмцамъ, частью другимъ Князьямъ своего рода. Послѣдніе, пріобрѣтая такимъ образомъ владѣнія, именовали себя Государями не только доставшихся имъ удѣловъ, но и тѣхъ Поморскихъ земель, которыя находились въ рукахъ Поляковъ, или Нѣмцевъ. [1] Изъ Поморскихъ Князей самые замѣчательные были Князья Штетинскіе. Они отличались большимъ влеченіемъ къ Польшѣ и даже замышляли стать къ ней въ подручныя отношенія, что видно изъ одного договора, хранящагося до сихъ поръ въ Главномъ Варшавскомъ Архивѣ. Однако, вмѣсто того, чтобы поддаться Польшѣ, они взяли отъ нея часть Гданскаго Поморья (Лавенбургскій и Битовскій уѣзды), которую имъ далъ 1526 г. Сигизмундъ I на правахъ леннаго владѣнія, до прекращенія мужескаго колѣна ихъ рода. [2] Какъ бы то ни было, но они не возвратили намъ Поморья которымъ овладѣли, впрочемъ, съ согласія Польши, вмѣстѣ съ Штетинскимъ княжествомъ, Брандербургскіе Маркграфы. Въ настоящее время Поморье принадлежитъ Пруссіи.

§ 211. Выше мы сказали, что призванные Мазовецкими Князьями противъ Пруссовъ Крестоносцы сами овладѣли Гданскимъ Поморьемъ и держались тамъ до 1454 г., опираясь на договоръ, заключенный ими въ 1343 г. съ Казимиромъ В., по которому послѣдній уступилъ имъ Поморье. Извѣстно также, что Поморяне и часть Пруссовъ въ послѣдствіи отложились отъ Крестоносцевъ и снова признали господство Польши. Но въ то время еще, когда Крестоносцы владѣли Поморьемъ, послѣдовалъ, въ 1249 г., при посред-

---

[1] О раздѣленіи Поморья на части ср. Balt. Stud. XI, 2, 118 и слѣд. Въ 1349 г. Штетинскій Князь такъ титуловалъ себя: «Dux stetinensis, dobrinensis, bidgostensis, Pomeranie, Sclavie, Cassubie terrarum ac Princeps Rugianorum.» См. Rsysz. II, 710.

[2] Vol. I, 469 и слѣд.

ствѣ Папы, пересмотръ всѣхъ Поморскихъ учрежденій. Изъ договора, заключеннаго по этому случаю, [1] узнаемъ, что Поморцы выговорили себѣ право пользоваться на будущее время Польскими законами. Напротивъ того, Пруссы не держались исключительно одного какого ни будь права: они употребляли Хельмское, Фламандское, Силезское (горные законы), Любецкое и даже свое обычное народное право (Jus Pruthenicum), о характерѣ котораго въ настоящее время трудно сказать что либо опредѣленное. Казимиръ Ягайловецъ, овладѣвъ въ 1454 г. землею Пруссовъ, не коснулся этѣхъ правъ, и тѣмъ обезпечилъ ихъ существованіе на нѣкоторое время; ибо въ послѣдствіи, съ согласія Государственныхъ Чиновъ Пруссіи, онъ распространилъ 1476 года Хельмское право на всю страну, за исключеніемъ трехъ городовъ: Брунсберга, Эльблонга и Фрауенбурга, которые, по собственному желанію, удержали у себя Любецкое право. [2]

§ 212. Въ 1511 г. Сигизмундъ Старый назначилъ Коммисію изъ Государственныхъ сословій Пруссіи (подъ предсѣдательствомъ Яна Ласкаго, Великаго Короннаго Канцлера), для составленія новаго Свода законовъ, который былъ бы обязателенъ для всей страны, за исключеніемъ Гданска. Въ новосоставленномъ Сводѣ говорилось кратко, но выразительно, что «мѣстные Земскіе суды закрываются, а вмѣсто нихъ учреждаются общіе Земскіе суды для горожанъ и поселянъ цѣлаго Поморья и Пруссіи, исключая городъ Гданскъ, гдѣ остаются во всей силѣ Городскіе суды, прежде тамъ существовавшіе; что мѣры для охраненія внѣшней безопасности государства будутъ предприняты такія же точно, какъ и въ Польшѣ.» Изданъ также торговой уставъ, полный стѣснительныхъ мѣръ для всѣхъ купцовъ, кромѣ Англійскихъ; сдѣлано уравненіе мѣръ и вѣса, опредѣлены права государства относительно выморочныхъ имѣній, и наконецъ, объявлено, что если и этотъ Статутъ окажется неудовлетворительнымъ, то Государственные Чины снова могутъ пересмотрѣть его, испросивши на это позволеніе отъ

[1] Онъ помѣщенъ у Дрегера въ Cod. Pom. и у Догеля.

[2] Czack. Dzieła III, 487 и слѣд. Kromeri Respl. 524 и слѣд.



Короля. [1] Но до этого не дошло. Правда, вмѣсто этого пересмотрѣли, или только сбирались пересмотрѣть, Хельмское право, потому что дѣло это осталось безъ послѣдствій, и новый пересмотръ Хельмскаго права не былъ утвержденъ. [2] Виною всему была Прусская шляхта, которая не хотѣла жить съ горожанами подъ однимъ и тѣмъ же правомъ. Въ слѣдствіе этого, оставивши имъ Хельмское право, она составила себѣ новый Прусскій дворянскій Законникъ, извѣстный подъ именемъ «Корректуры,» который утвержденъ Сеймомъ въ 1598 г. [3]

§ 213. Остается разсмотрѣть еще два Прусскіе Статута, изъ которыхъ одинъ имѣлъ обязательную силу для Гданска, а другой для Княжеской Пруссіи.

Мы уже выше сказали, что Гданскъ безпрестанно стремился образовать особенное владѣніе въ Пруссіи. Онъ этого достигъ, составивши, съ обширнымъ сосѣднимъ краемъ, республику, имѣвшую свое правленіе и законы. Долго, да и вовсе безполезно, было бы входить въ подробности этѣхъ законовъ, особливо, когда мы знаемъ, что всѣ они были не Славянскіе, но Нѣмецкіе. По этому мы упомянули сдѣсь только о древнѣйшихъ изъ нихъ, изданныхъ печати въ 1526 г. [4]

---

[1] Статутъ этотъ, состоящій изъ шести листовъ и списанный мною въ Сѣнявѣ, будетъ напечатанъ въ VI томѣ моего труда.

[2] Ср. J. W. Bandtkie Hist. prawa 489, 712 и слѣд.

[3] Vol. II, 1466.

[4] «Statuta et laudabiles Christianae ordinationes, tam ad spirituale, quam saeculare regimen attinentes. Per Sigismundum, Regem Poloniae, in sua Regali civitate Gdanensi erectae et constitutae, in praetorio ibidem lectae et traditae. Item juramentum eorundem civium in foro ab jisdem incolis susceptum.» Въ концѣ читаемъ: «Impressum Cracoviae per Hieronymum Vietorem anno 1526.» Экземпляръ на пергаминѣ въ 4-ку, въ Корникѣ; послѣдняя типографская помѣта ciij. То же самое и на Нѣмецкомъ, только экземпляръ неполный. Есть еще экземпляръ на Нѣмецкомъ, печатанный на бумагѣ (Gedrukt zu Crockaw durch Hieronymum Vietorem) и сохранившійся въ цѣлости. Это Статутъ органичный, данный Гдан-

§ 214. Поступая въ зависимость Польши, Пруссія не достигла исполненія всѣхъ своихъ цѣлей, потому что только западная половина ея успѣла освободиться отъ ига Крестоносцевъ, восточная же оставалась за ними до самаго 1525 года, въ которомъ Великій Магистръ Альбрехтъ, Маркграфъ, Бранденбургскій, сбросивши съ себя монашескую одежду, принялъ Протестантство и былъ признанъ Сигизмундомъ I-мъ свѣтскимъ Княземъ, подвластнымъ Польшѣ. Въ это время дворянство Восточной Пруссіи надѣялось соединиться съ дворянствомъ Западной, по крайней мѣрѣ, при посредствѣ однихъ и тѣхъ же законовъ. Но такъ какъ это не состоялось, то дворянство выпросило у своего Князя, въ 1620 году, особенный Статутъ, почитая «Корректуру» недостаточной. [1] А какъ и это право писано по Нѣмецки, то мы и надъ нимъ не станетъ останавливаться.

§ 215. Статуты Княжествъ Ленныхъ. Мы имѣли уже случай нѣсколько разъ замѣчать въ продолженіи этого сочиненія, что Феодализмъ никогда не былъ понутру Славянамъ, и что даже Ленная система приняла у нихъ иной характеръ, отличный отъ Нѣмецкаго; причины тому мы приведемъ въ слѣдующемъ и четвертомъ томахъ. Теперь же замѣтимъ то лишь, что каждый Феодальный край, переходя подъ зависимость Польши, тотчасъ освобождался отъ Феодальныхъ стѣсненій: это можно сказать о землѣ Велунской, присоединенной къ Коронѣ Казимиромъ В., тоже о княжествахъ Северскомъ, Освѣтимскомъ, Заторскомъ, напослѣдокъ о Пруссіи (Королевской), присоединенныхъ къ Польшѣ Казимиромъ Ягайловцемъ. Наоборотъ, тѣ княжества, которыя, подобно Пруссіи Княжеской, Подунайскимъ княжествамъ (Валахіи и Молдавіи), Ливонскимъ (Куроніи, Семигаліи), поддались Коронѣ и Литвѣ, пользовались особыми правами, называвшимся Ленными, имѣли свое управленіе, Статуты

ску послѣ усмиренія смятеній, возникшихъ было въ силу Протестантскаго исповѣданія. Новый изводъ Статута временъ Сигизмунда Августа, принятый Сеймомъ 1570 г., см. подъ этимъ же годомъ во II-мъ томѣ «Volumina Legum.»

[1] J. W. Bandtkie Hist. pr. 254 и слѣд., 320, 710.

и т. п., что все составляло особенное ихъ Уложеніе, обезпеченное имъ тѣмъ и другимъ государствомъ, Польшей и Литвой. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ этѣхъ краяхъ.

§ 216. Доселѣ нерѣшено еще, какого происхожденія было населеніе сихъ княжествъ, а потому трудно что ни будь сказать основательное о началѣ и духѣ законовъ, которыми управлялось это населеніе. Новѣйшія изслѣдованія въ этой области показываютъ, что Волохи и Молдаване, по происхожденію, вѣроятнѣе всего, Даки и Ѳракійцы, а названіе Румуновъ по тому получили, что усвоили себѣ языкъ Латинскій, или же языкъ ихъ, довольно сходный съ Латинскимъ, испоконъ находился въ родственномъ отношеніи съ языкомъ Ѳракійцевъ. То и другое предположеніе довольно вѣроятно; отсюда вытекаетъ, однако же, то заключеніе, что такъ какъ Румуны ведутъ родъ свой не отъ Римлянъ, то по тому не слѣдуетъ искать, наконецъ, и Волошскихъ законовъ въ Римскихъ. Этѣ законы большею частію опирались на обычаяхъ, и составляли для Молдаванъ и Волоховъ, поселившихся въ Польшѣ и Литвѣ, исключительное право. Стало быть, подъ Волошскимъ правомъ (Jus Valachicum), упоминаемымъ въ нашихъ постановленіяхъ, вовсе не слѣдуетъ разумѣть привилегій, дававшихся Господаремъ Валахіи и Молдавіи иностраннымъ купцамъ; равнымъ образомъ не слѣдуетъ считать этого права и Уложеніемъ сихъ земель, [2] но принимать его въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ Нѣмецкое право находилось въ отношеніи къ нашему.

§ 217. Равнымъ образомъ загадочнаго происхожденія и первобытное населеніе Ливоніи. Объ этомъ я скажу въ слѣдующемъ томѣ; сдѣсь же замѣчу то лишь одно, что край этотъ управлялся Орденомъ Меченосцевъ съ XII-го столѣтія и поддался Польшѣ въ 1561

---

[1] Лелевеля Narody, 737, 490, 607 и слѣд.

[2] Важная уставная таможенная грамота, данная Воеводой Александромъ 1407 г. Львовскимъ и Подольскимъ купцамъ, напечатана въ 1-мъ томѣ Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, стр. 30 и слѣд. Не меньшей важности и та уставная грамота, которую далъ Сигизмундъ III въ 1597 году, а издалъ Опольскій во II, стр. 230.



году. Часть, лежащая за Двиной, присоединена къ Коронѣ и Литвѣ, а часть, находящаяся на правой ея сторонѣ, оставлена подъ правленіемъ Великаго Магистра, Кетлера, поддавшагося Коронѣ, съ согласія Чиновъ. Онъ и преемники его владѣли этой частью Ливоніи подъ именемъ Княжества Курляндскаго и Семигальскаго. Та и другая часть Ливоніи управлялась обычнымъ правомъ, также постановленіями, основанными на Нѣмецкихъ законахъ разнаго времени.[1] Когда Стефанъ Баторій отнялъ Ливонію у Московскаго Государя и ввелъ въ нее новое устройство, государственныя постановленія этой страны были изданы въ свѣтъ;[2] но уголовное и частное право оставлено въ прежнемъ видѣ для тѣхъ, кто пріобрѣлъ уже дворянство подъ Польскимъ правленіемъ, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы дворянство, не составившее своего Свода правъ до того времени (1589 г.), употребляло право Магдебургское, либо Саксонское, и судопроизводство, употребительное въ земляхъ Прусскихъ.[3] Впрочемъ, вскорѣ за тѣмъ дворянство это составило, по примѣру дворянства Прусскаго, особый Статутъ изъ права Нѣмецкаго, Римскаго и Польскаго.[4] По окончаніи войнъ съ Шведами, часть Ливоніи осталась по прежнему при Польшѣ и была переименована въ Воеводство, которое стало управляться общими законами для всей Короны, равно какъ и Литовскимъ Статутомъ, и имѣло своего Воеводу, называвшагося Генераломъ, и своего Каштеляна.[5]

---

[1] Dogiel V, подъ 1566 и 1617 г. Теперь издаются они на иждивеніи Чиновъ, такъ называемыхъ, Прибалтійскихъ губерній. Ленное право, составленное по праву Саксонскому, было напечатано уже въ 1539 г. Ср. J. W. Bandtkie Hist. pr. 520.

[2] «Constitutiones Livoniae, post submotum ex Livonia Moschum a Serenissimo Stephano Poloniae Rege; sancitae. Cracoviae in offic. Nicolai Scharffenberger 1583,» въ 4-ку; на послѣднемъ печатномъ листѣ знакъ ciij. Въ нихъ заключаются только государственныя, торговыя, относящіяся до устройства судопроизводства и т. п. права, но уголовныхъ и частныхъ не имѣется. Вообще, это Статутъ органичный, приспособленный къ существующимъ законамъ, которые ни мало не уничтожены имъ.

[3] 1589 г. Vol. II, 1264 и слѣд.

[4] 1617 г. Dogiel V, 368 и слѣд.

[5] 1677 г. Vol. V, 483.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

ОТДѢЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

СУПРУЖЕСТВО.

I. Честныя правила и красота женщины имѣли для Сѣверныхъ жителей двойное достоинство, если соединялись съ здравымъ умомъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства и твердымъ духомъ. Вѣрили, что эти качества переходили отъ нея къ дѣтямъ, почему особенно уважались знатными женихами. [276] На это указываютъ слова Лодброка: «Я выбралъ для своихъ сыновей такую мать, которая передала имъ безстрашное сердце». [277] За то дѣвушка требовала отъ мужчины воинственности, доказанной храбростію въ морскихъ походахъ; она любила статный, высокій ростъ и воинственную осанку; мужественная наружность больше нравилась ей, нежели красивая, обличавшая, по тогдашнимъ понятіямъ, трусость и слабость, вовсе неприличныя мужчинѣ; [278] она отвергала стариковъ, однако жь, военную славу жениха предпочитала его юности. Такъ въ одной сагѣ Норвежская королевна, Ингеборга, дѣлая выборъ между двумя женихами, отдаетъ руку пожилому королю, Гётрику, но отказываетъ Олофу, не смотря на его цвѣтущую молодость. Она сравниваетъ ихъ съ двумя деревьями: одно съ зрѣлыми плодами, а другое едва пустило весеннія почки; «дурно, прибавляетъ она, покупать невѣрную

[276] Laxd. saga. Nials saga.

[277] Bjarkamal, str. 26 въ Ragnar Lodbr. saga.

[278] «Бѣлый человѣкъ—лѣнтяй и нерѣшительный,» старая поговорка въ Исландіи. Laxd. saga. И на нашемъ Сѣверѣ есть пословица: «Бѣленькія ручки отцу съ матерью не кормильцы.»

надежду». [279] Рагнвальдъ ярлъ, намѣреваясь внушить Ингегердѣ, дочери Олофа Скётконунга, склонность къ ея жениху, королю Олофу Дигре, говорилъ ей особенно про его подвиги и подробно разсказывалъ, какъ въ одно утро онъ взялъ въ плѣнъ пятерыхъ королей и присвоилъ ихъ землю и богатства. [280] Въ этомъ же смыслѣ поетъ Рагнаръ Лодброкъ: «Другъ дѣвушекъ долженъ быть отваженъ при звукѣ оружій.» [281] Домосѣды, никуда не выѣзжавшіе изъ отечества, не удостоивались ни какого вниманія дѣвицъ: подлѣ такихъ онѣ едва могли сидѣть. [282]

Равенство происхожденія было особенно важнымъ условіемъ, какъ со стороны жениха, такъ и невѣсты. Астридъ, дочь короля Олофа Триггвасона, хотѣла лучше нѣсколько лѣтъ повременить замужествомъ, нежели выходить за человѣка безъ имени (Tignar-name). [283] Въ томъ же смыслѣ отвѣчала жениху Рагнгильдъ, дочь Магнуса Великаго, когда дядя обручилъ ее съ Иваромъ Гакансономъ: «Вижу, сказала она, что я сирота: если бы живъ былъ мой отецъ, онъ не выдалъ бы меня за поселянина, хоть этотъ женихъ и красивъ, и въ уваженіи у всѣхъ, да и опытенъ во всѣхъ искуствахъ (Idrotten); отецъ выдалъ бы меня не иначе, какъ за короля.» [284] Равенство званія было общимъ правиломъ при древнихъ супружествахъ. Женщина не охотно отдавала руку тому, кто былъ не такого высокаго происхожденія и званія, какъ сама она; за то ей очень нравилось принадлежать человѣку изъ высшаго сословія. Много примѣровъ встрѣчается въ сагахъ, что мужья высокаго рода, женившись на незнатныхъ дѣвушкахъ, считали низшее происхожденіе своихъ женъ достаточнымъ предлогомъ развода, если бывали влюблены въ какую ни будь знатную женщину. Такъ Рагнаръ Лодброкъ хотѣлъ развестись съ Кракою, дочерью Норвежскаго поселянина, чтобы жениться на Ингеборгѣ, дочери Упсальскаго короля; но когда Крака открыла ему, что она дочь славнаго героя, Сигурда Фофнерсбане, и настоящее имя ея Аслаугъ, Лодброкъ оставилъ ее у себя и не

279 Goetriks и Rolfs saga.
280 Ol. Haralds. saga, у Снорре Стурлесона.
281 Bjarkamal, str. 23.
282 Eigils saga. Cp. Thorlacius, Matrimonia Boreal. vet.
283 Ol. Tryggvas. saga, у Снорре Стурлесона.
284 Harald Hårdrad. saga, у Снорре Стурлесона.



думалъ больше объ Ингеборгѣ.[285] Гаральдъ Гренске, Вестготландскій король, женатъ былъ на Астѣ, очень красивой и превосходной женщинѣ. Но влюбившись въ Сигриду Сторраду, вдову Шведскаго короля, Эрика Сегерселла, и мать Олофа Скётконунга, онъ хотѣлъ развестись съ Астою, какъ ни счастливъ былъ съ нею. Но она ночью зажгла тотъ домъ, гдѣ спалъ этотъ король съ другимъ незначительнымъ королемъ, сожгла ихъ, чтобы «отбить охоту, говорила она, у малыхъ королей ѣздить въ чужую землю и сватать меня.»[286]

II. Сами дѣвушки не могли располагать своею рукою. Отцы считали себя въ правѣ заботиться о счастьи дочерей; въ то время, когда вліяніе родовыхъ связей было очень сильно, всѣ дѣла, имѣвшія отношеніе къ нимъ, считались весьма важными для мужчинъ и не могли отдаваться на волю женщины.[287] И сыновья слушались отцовъ, но больше изъ сыновняго почтенія, нежели изъ подчиненности; отвѣчая сами за свои поступки, они могли и располагать ими, когда приходили въ возрастъ мужества и переставали жить на отцовскомъ хлѣбѣ. Но дочери находились въ безусловной волѣ отцовъ. «Какъ отецъ, я больше всѣхъ имѣю право располагать невѣстою, говоритъ Торъ Карлѣ Альвису: меня не было дома, когда просватали ее; но я одинъ могу обручать ее: тебѣ она не достанется безъ моей воли на то, и никогда не будетъ твоею женою.»[288] Когда красивая Исландка, Гальгерда, была просватана за Торвальда противъ ея воли, и отзывалась съ неудовольствіемъ на такой выборъ, отецъ сказалъ ей: «Не ужь-то думаешь, что я посмотрю на твою гордость и изъ за нея нарушу данное слово? Коли не соглашаешься по доброй волѣ, тебя заставятъ.»[289] Однако жь, рѣдко бывало, чтобы отцы, въ какихъ бы то ни было случаяхъ, пользовались во всей строгости отцовской властью. У нихъ было слишкомъ много чувства чести, чтобы тиранствовать надъ слабымъ поломъ; при брачномъ сватовствѣ они сначала узнавали расположеніе дочерей и ма-

---

[285] Ср. сочин. Шведск. истор., т. I, стр. 278.
[286] Ср. соч. Швед. истор. стр. 343.
[287] Ср. выше Государственное устройство.
[288] Alwismal въ старшей Эддѣ.
[289] Nials saga.

терей ихъ и нерѣдко отдавали это на ихъ волю. И братья поступали большею частію такъ же относительно своихъ сестеръ, если съ смертію отца наслѣдовали его неограниченное право располагать ихъ супружествомъ. Если же не было и братьевъ, это право переходило къ ближайшему родственнику (Giftoman). Женщина состояла подъ полною опекою мужчины: никакой договоръ ея не имѣлъ законной силы безъ совѣта и утвержденія близкаго родственника. Женихъ прежде всего долженъ былъ обратиться къ отцу невѣсты и передать ему предложеніе, bön. [290] Отъ того и сватовство называлось у Скандинавовъ bönord, просьба; кто отправлялся въ путь за сватовствомъ, о томъ говорили, что онъ состоитъ въ сватовствѣ. [291] Въ путь за сватовствомъ (bönords-för) онъ надѣвалъ лучшее платье и отправлялся съ отцомъ, или ближайшимъ родственникомъ. Когда предложеніе сдѣлано и принято благосклонно, начинали договариваться о брачныхъ условіяхъ. Женихъ объявлялъ, сколько имѣнія назначаетъ будущей женѣ: это называлось Mundr, Kvanar-mundr, женскій даръ; онъ объявлялъ даръ, который назначался отцу ея, что называли vingaef, дружескій даръ, отецъ невѣсты, съ своей стороны, назначалъ сумму приданаго, что было для его дочери вознагражденіемъ за потерю правъ на отцовское наслѣдство. Это носило названіе Fylgdh, Hemfylgdh, Hemgaef, Omynd. Дары состояли въ золотѣ, серебрѣ, рабахъ, скотѣ и домашней рухляди. Атле въ женскіе дары Гудрунѣ далъ много украшеній, тридцать рабовъ, семь хорошихъ служанокъ, много серебра; [292] Висбуръ подарилъ невѣстѣ, дочери Ауда Богатаго, золотую цѣпь и тридцать большихъ дворовъ. [293] Вестготскій законъ въ дары королевской невѣстѣ назначаетъ 12 марокъ золота, или, въ залогъ того, два двора. [294] По Норвежскимъ законамъ самая меньшая сумма даровъ была назначена въ 12-ть ёръ, даже для бѣдныхъ. [295] Пока женщины не имѣли законныхъ правъ на наслѣдство, эти дары съ приданымъ составляли собственность жены и выдавались

---

290 Westgöta Lagen, Gipt. B. II.

291 «At standa i kvonbaenum. Gunnlaug Ormst. saga.

292 Atlamal въ старшей Эддѣ.

293 Ynglinga saga.

294 Westg. Lagen, II. Gipt. B. I.

295 Håk. Adalst. Gul. Th. L.

ей по кончинѣ мужа. Въ случаѣ развода, она удерживала эту собственность, переходившую, по ея смерти, къ ближайшимъ роднымъ ея. Но если она умирала бездѣтной, то приданое ея возвращалось къ ея ближайшимъ родичамъ, или наслѣдникамъ.

Такой договоръ о дарахъ и приданомъ былъ непремѣннымъ условіемъ законнаго брака и, по сходству съ торговою сдѣлкою, потому что заключались условія, на какихъ дочь семейства поступала въ собственность мужа, назывался Brudkaup. покупкою невѣсты, Договоръ утверждался въ присутствіи родныхъ обѣихъ сторонъ. [296] Потомъ обручали жениха и невѣсту и * соединяли имъ руки. [297] Это обрученіе называлось faest, потому что женихъ, обручаясь съ невѣстою, собственно укрѣплялъ ее за собою, faesta saer konu (по Шведски faesta sug qvinnan, обручиться съ женщиной, собственно укрѣпить ее за собою). Сходка же, для этого состоявшаяся, faestninga staemma. Послѣ того онъ назывался faestimadr, женихъ (нынѣ faestman), а дѣвушка faestikona (faesteqvinna, faestmoe), невѣста. Бракъ, совершенный безъ такого faestning, назывался skyndi-bryllup, поспѣшнымъ, lausa-bryllup, слабымъ, и считался незаконнымъ. Всякая законная жена должна быть, по старинному выраженію, mundikeypt, куплена дарами, [298] или, по словамъ Вестготскаго закона, [299] maedh mund ok maedh maelae, даромъ и словомъ: это значило, что она была выдана за мужъ съ согласія отца и совѣта родныхъ по предварительному соглашенію. Она называлась mundgift kona, laghgift kona, adhalkona, брачною, законною женою, а дѣти ея — adhalkonu barn, законнорожденными, и имѣли право на одальную собственность. [300] Дѣвушка, вышедшая замужъ безъ такого обряда, сманенная, похищенная, или военноплѣнная, считалась frilla, наложницею, какое бы ни

---

[296] Nials saga. — Gunnl. Ormst. saga. Cp. Arngrimi Jonae Chrimog.

[297] Cp. Westg., Gipt. B. II. Въ древности при обрученіи не мѣнялись кольцами; хотя любящіе дарили ихъ другъ другу, но они еще не считались знакомъ faestning, или законнаго обрученія.

[298] Eigils saga. Въ томъ же смыслѣ въ старшей Эддѣ говорится о Герди, супругѣ Фрея, что она gullikeypt, куплена золотомъ.

[299] I. Aerfd. B. VII. II. Aerfd. B. X.

[300] Областные законы.

* Молотокъ Тора, положенный на колѣни невѣстѣ, освящалъ бракъ. На невѣсту надѣвали покрывало.



было ея происхожденіе, и дѣти, прижитыя въ такомъ бракѣ, назывались frillobarn, незаконными. Когда ярлъ Рагнвальдъ увелъ въ Норвегію Астриду, дочь Олофа Скётконунга и, безъ вѣдома отца, обручилъ ее съ Олофомъ Дигре, Олофъ Скётконунгъ говорилъ, что ярлъ продалъ ее въ наложницы. [301] Когда Гаральдъ Гарфагеръ, увлекшись страстію къ Сигфридѣ, красивой дочери Свассе, хотѣлъ тотчасъ же увести ее къ себѣ, отецъ дѣвушки замѣтилъ ему, что король долженъ обручиться съ нею и получить ее по закону. [302] Также и Аслаугъ отказалась уступить желаніямъ Рагнара Лодброка. «Болѣе будетъ чести, сказала она, для нашихъ дѣтей, если ты возмешь меня въ жены по законному обряду.» [303] Норманны съ такою строгостію соблюдали предписанія нравственности, что до брака не дозволяли никакого короткаго обращенія между женихомъ и невѣстою. Гордые, неиспорченные люди гнушались преступленій противъ дѣвственной чести, и всякое покушеніе такого рода со стороны жениха считалось тяжкою обидою не только невѣстѣ, но и всей ея родни. [304] Когда кто провожалъ невѣсту къ другу, или путешествовалъ съ чужою женой, то древній обычай [305] требовалъ, чтобы они, ночуя вмѣстѣ на одной постелѣ, клали между собою мечъ, [306] въ защиту цѣломудрія, или доску. На этотъ обычай намекаетъ Эдда и другія саги.

Случалось, что бракъ отлагался на многіе годы. Время отсрочки опредѣлялось при обрученіи: обыкновенно отлагали на три года, въ тѣхъ случаяхъ, если невѣста была очень молода, [307] или

[301] Olof Haralds. saga, у Сворре Стурлесона. Ср. соч. Шведск. истор. ч. I, стр. 411.

[302] Har. Hårfåg. saga, у Снорре Стурлесона.

[303] Ragn. Lodbr. saga.

[304] Ср. Thorlacius l. c. и Engelstoft, Om Qvindekjönnets Kaar hos Skandinaverne för Kristendommens indförelse.

[305] См. отрывки пѣсенъ о Сигурдѣ и Бриигильдѣ въ старшей Эддѣ.

[306] Gånga Rolfs, Sturlaug Starfs, Thorgrim Prudes и Viglunds saga со многими другими сагами.

[307] На Сѣверѣ, какъ и у Германцевъ, ранніе браки не были въ обыкновеніи. Встрѣчаются примѣры, что женщины выходили иногда за мужъ на 16-мъ или 18-мъ году; но эти случаи очень рѣдки; кромѣ того, что развитіе дѣвочекъ медленнѣе на Сѣверѣ, сами родители считали для себя постыднымъ торопиться замужствомъ дочерей. Вообще можно полагать, что женщина рѣдко выходила замужъ ранѣе 20-го года, а мущина женился ранѣе 25, или 30, года.

женихъ мало узналъ жизнь, или предстояло ему важное предпріятіе. Въ такомъ случаѣ дѣвушка называлась Heitkona. [308] Если онъ не являлся по истеченіи срока, невѣста могла выйти за другого. Но обыкновеннымъ слѣдствіемъ были кровопролитныя вражды, если женихъ по возвращеніи находилъ, что его невѣста помолвлена за другаго. Особливо тяжкою обидою считалось нарушеніе обѣщанія до срока: это требовало кровавой мести. Вообще, поединки за женщинъ случались часто. Потеря красивой дѣвушки, разумѣется, была непріятна; но, сверхъ того, страдало самолюбіе гордыхъ тогдашнихъ жениховъ, когда они видѣли, что имъ предпочитали другихъ, особливо если при томъ еще нарушалось данное обѣщаніе. Шведскій законъ позднѣйшаго времени постановляетъ, что если «чувство женщины перемѣнится» послѣ законнаго обрученія, то она обязана возвратить обручальные дары и заплатить 3 марки пени; сверхъ того, для возстановленія добраго имени жениха, должна была подтвердить присягою двѣнадцати мужчинъ, что «она не знаетъ ни какого порока, или недостатка за женихомъ и его роднею, и не знала того во время его сватовства и обрученія.» [309] Тотъ же законъ имѣлъ силу въ случаѣ нарушенія обѣщанія со стороны жениха; но тогда обручальные дары ему не возвращались. Если законно обрученная невѣста три раза въ одинъ годъ отказывалась выходить за своего жениха, то онъ собиралъ своихъ родныхъ и бралъ ее силою, гдѣ бы ни нашелъ; но она называлась законно взятою, (lagtagen), а не похищенною, (råntagen). [310]

III. Въ тѣ времена, когда похищеніе дѣвицъ и чужихъ невѣстъ принадлежало къ числу великихъ подвиговъ, путешествіе обрученной въ домъ жениха нерѣдко подвергалось опасности. Отъ того женихъ обыкновенно посылалъ за нею вооруженную толпу друзей и родственниковъ. Они должны были взять ее подъ свою защиту и отвести къ супругу (bonde sins), на супружеское ложе (siang hans). [311] Ихъ называли дружиной невѣсты. Подъ начальствомъ дружки, forvista man, пріѣзжали они, вооруженные, въ домъ отца невѣсты, и требовали себѣ мира и безопасности (grud) отъ хозяина. Онъ давалъ имъ миръ,

---

[308] Gunnlaug Ormst. saga.
[309] Westm. L. Aerfd. B. IV.
[310] Uplands L., Aerf. B. II., Söderm. L., Gipt. B. II. Westm. L., Aerf. B. VI. u VII.
[311] Söderm. L. Gipt. B. III., Westm. L., Aerf. B. IX.

отбиралъ у нихъ оружія, а сѣдла пряталъ подъ замокъ. [312] Дружка вмѣсто жениха принималъ приданое невѣсты (hemfylgdh). Попировавъ въ ея домѣ, дружина отправлялась вмѣстѣ съ нею, отцомъ ея и близкими родными, въ домъ жениха, гдѣ играли свадьбу. Вечеромъ невѣста провожалась съ торжествомъ на брачное ложе. На другой день, въ вознагражденіе за дѣвственность, [313] женихъ дѣлалъ ей подарокъ, называвшійся Hindradagsgaef, утренній даръ. [314] Съ этихъ поръ молодая получала названіе хозяйки, hausfreja, и связка ключей за поясомъ означала ея хозяйственныя права. Всѣ домашнія заботы принадлежали хозяйкѣ; мужъ обязанъ былъ только доставать все нужное для жизни; но его личное участіе въ хозяйствѣ считалось не только неприличнымъ для него, но и оскорбляло, по тогдашнему мнѣнію, права супруги. Исландецъ Рутъ, въ опроверженіе обвиненій жены, счелъ за нужное доказать свидѣтелями, что всегда предоставлялъ ей полную свободу въ дѣлахъ хозяйства. [315] Особливо шитье и починиванье платьевъ своими руками не шло къ воинственнымъ людямъ того времени. Это считали такимъ же обыкновеннымъ дѣломъ женщины, какъ и пряжа, тканье, приготовленіе бѣлья и всѣ хозяйственныя работы. Главный надзоръ за всѣми такими дѣлами принадлежалъ хозяйкѣ: она давала приказанія служанкамъ, назначала имъ работу; въ ея же распоряженіи находились и рабы. Это хозяйственное значеніе женщины называлось lykla-rad, завѣдываніе ключами, [316] bu-rad, завѣдываніе домомъ, или rad innan-stokks, внутреннее управленіе домомъ, въ отличіе отъ внѣшняго (rad-utan-stokks), управленія мужчины. Но тѣмъ только и ограничивалась власть домохозяйки. Во всемъ остальномъ она зависѣла отъ воли и власти мужа. Безъ его позволенія она не могла ни покупать, ни продавать что ни будь, ни выходить изъ дома для

[312] Oestgoeta L., Gipt. B. VIII.

[313] Att husfru sinae hedhrae. Ob virginitatem. Upl. L., Aer. IV.

[314] Потому что дарили утромъ послѣ брачной ночи, Hindradagher.

[315] Nials saga. Такъ отвѣчала и Гальгерда мужу, Гуннару, на вопросъ его, откуда она взяла кушанья, поданныя гостямъ? «Не мужское дѣло, сказала она, заниматься кухней». Nials saga. Когда Тордисъ, въ отвѣтъ на просьбу мужа, получше принять Эйольфа, спросила его, будетъ ли довольно для гостя одной каши, мужъ ея, Бёркъ, отвѣчалъ, что не его дѣло заботиться о кушаньяхъ. Eyrbyrggia saga.

[316] Этому отвѣчаетъ «potestas clavium» Римлянъ.

посѣщенія родныхъ, да и не могла оставаться у нихъ болѣе назначеннаго мужемъ срока. [317] Она не имѣла голоса при замужствѣ дочерей. Мужъ могъ наказывать ее, какъ хотѣлъ. Только съ Христіянствомъ появились законы, опредѣлявшіе наказаніе за побои женщины; въ древности она не пользовалась даже личными правами, и въ случаѣ совершеннаго ею преступленія, отдавалась для наказанія мужу, какъ своему господину: на немъ лежала отвѣтственность за ея вины. Однако жь, Скандинавы пользовались этою неограниченною властію надъ женщиною съ такой умѣренностію, какой нельзя бы и ожидать отъ ихъ воинственности: въ этомъ участвовало чувство женской красоты въ Скандинавахъ, ихъ мягкое и открытое для дружбы сердце; кромѣ того, походы и общественныя обязанности, лежавшія на нихъ, требовали частыхъ, на многіе мѣсяцы, отлучекъ изъ дома: тогда всѣ заботы о содержаніи дома лежали на хозяйкѣ, если сыновья были еще малолѣтніе и находились въ семействѣ; она была помощницею мужа, его утѣшеніемъ и подпорою; по рѣшительности, благоразумію и смѣлости она не уступала мужчинамъ: все это сообщало ей цѣну и значеніе въ глазахъ мужа; онъ не считалъ ее рабою, а уважалъ въ ней разумную мать семейства, раздѣлявшую съ нимъ заботы о домѣ и дѣтяхъ. Да и не по душѣ ему было домашнее самовластіе; самый духъ государственнаго управленія предписывалъ уваженіе къ личнымъ правамъ. Гдѣ, какъ на Востокѣ, верховная власть управляетъ подданными, какъ рабами, самовластіе и рабство проникаютъ во всѣ отрасли гражданскаго и семейнаго быта: всякой обходится съ близкими ему, какъ обращаются съ нимъ самимъ; пріучившись къ рабскому повиновенію, онъ требуетъ того же и отъ своихъ подчиненныхъ. Въ Скандинавіи основою государственнаго зданія была народная свобода; всѣ находились другъ къ другу въ равныхъ отношеніяхъ; высшіе чиновники въ государствѣ имѣли больше совѣщательную, нежели правительственную, власть; охраненіе взаимныхъ правъ было главною цѣлію законодательства: это воспитало въ народѣ чувство правомѣрности и имѣло послѣдствіемъ правила человѣчности, справедливости и умѣренности. Плодомъ того было велико-

---

[317] Nials saga. Въ числѣ совѣтовъ, которые Hervara saga заставляетъ Гауфудра давать его сыну, Гейдрекру, находится и этотъ: «Не позволяй женѣ часто навѣщать ея родственниковъ!»

душіе въ народныхъ свойствахъ Скандинавовъ, считавшее недостойнымъ для мужчины оскорблять безоружныхъ и слабыхъ. Находили постыднымъ браниться съ женщинами, [318] а поднимать на нихъ руку позволяли себѣ только въ сильномъ раздраженіи, если онѣ сами вызывали это своею безпорядочною жизнію. Древній образъ мыслей въ этомъ отношеніи видѣнъ въ отвѣтѣ Гарбарда Тору, который похвалялся, что прибилъ въ Глессё какихъ-то великановъ, злыхъ и лукавыхъ. «Какой стыдъ, Торъ, сказалъ Гарбардъ, бить женщинъ!» [319] Но Торъ оправдывалъ себя тѣмъ, что это скорѣе были волчицы, а не женщины. Всѣ древнія саги свидѣтельствуютъ, что обращеніе мужа съ женою запечатлѣно было любовью и уваженіемъ, не вредя значенію мужа, какъ главы семейства. Жена имѣла великое вліяніе на образъ дѣйствій мужа; она часто утишала его гнѣвъ, а иногда и сама подстрекала на смѣлое дѣло, ея совѣты и убѣжденія, если только были проникнуты умомъ и мужествомъ, рѣдко не имѣли успѣха; часто смѣлость жены вызывала уваженіе мужа. Голова Греттера Сильнаго была оцѣнена; всѣми покинутый, не находя нигдѣ пріюта, бродилъ онъ по Исландіи изъ одного мѣста въ другое; наконецъ, въ одну ночь былъ пойманъ крестьянами; связавъ его, они, однако жь, не надѣялись устеречь такого силача, и тутъ же положили повѣсить его. Это случилось въ одномъ городѣ, котораго начальникомъ былъ нѣкто Вермундъ. Его не было дома, и тогда Торборгъ, его жена, въ отсутствіе мужа, обыкновенно завѣдывала всѣми дѣлами. Съ большою дружиною явилась она на то мѣсто, гдѣ поселяне устроивали висѣлицу, тотчасъ освободила Греттера, взяла подъ свою защиту и прежде всего позволила ему укрыться въ ея помѣстьѣ. Когда Вермундъ воротился и узналъ о происшествіи, онъ строго спросилъ жену, какъ могла она отважиться на такое дѣло? «Я поступила такъ, отвѣчала Торборгъ, во первыхъ, для того, чтобы тебя почитали больше другихъ начальниковъ, за то, что имѣешь такую безстрашную жену; во вторыхъ, тетка Греттера, Грефна, хотѣла, чтобы я сохранила жизнь его; въ третьихъ, Греттеръ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ превосходный.»—«Ты умная женщина, отвѣчалъ

---

318 Volsunga saga.
319 Harbarz-ljód въ старшей Эддѣ.

Вермундъ; надо благодарить тебя за такой поступокъ.»[320] Твердость воли и разумъ Сѣверной женщины нерѣдко доставляли ей рѣшительный перевѣсъ надъ мужемъ: встрѣчаются въ сагахъ примѣры такихъ мужей, которые не смѣли выходить изъ подъ власти женъ.[321] Торбергъ Арнасонъ, уважаемый въ Норвегіи поселянинъ, для сохраненія мира съ женою, долженъ былъ цѣлую зиму давать у себя убѣжище Исландцу, Стену Скаптасону, убѣжавшему отъ короля, Олофа Дигре. Тѣмъ навлекъ Арнасонъ на себя ненависть короля, подвергнулъ опасности своихъ родныхъ и принужденъ былъ выслушать упреки своего брата, Финна: «Женнина власть, говорилъ этотъ, можетъ быть гибельна, если, боясь жены, нарушаютъ присягу законному королю.»[322]

О счастливыхъ супружествахъ саги говорятъ просто и сухо: «Они жили друга съ другомъ долго и счастливо;» о многихъ мужьяхъ онѣ выражаются такъ: «Онъ любилъ ее, какъ свои очи.» Надобно сознаться, что въ сагахъ есть супружества, представляющія сильные примѣры любви и самопожертвованія. Сколько погибло женъ, когда дома мужей ихъ были зажжены кровомстителями! Имъ предлагали спасаться, онѣ не выходили и сгорали съ мужьями. Нѣкто Флозе, въ Исландіи, съ сотнею воиновъ окружилъ и зажегъ домъ Ніала. Подошедши къ дверямъ, Флозе просилъ старика выйти вмѣстѣ съ женою, потому что, говорилъ онъ: «только твои сыновья заслужили мое мщеніе.» — «Я старикъ, возразилъ Ніалъ, и не въ силахъ отмстить за дѣтей, но не хочу и жить въ стыдѣ и позорѣ.» Флозе обратился потомъ къ женѣ Ніала, Бергторѣ: «по крайней мѣрѣ спасайся ты, хозяйка, я вовсе не желаю, чтобы ты сгорѣла.» «Въ юности, отвѣчала Бергтора, я стала женою Ніала и обѣщалась раздѣлять съ нимъ судьбу его.» Они легли на постель и оба сгорѣли.[323] Нерѣдко отчаянныя вдовы не могли переживать мужей и умирали въ слѣдъ за ними, или, медленно снѣдаемыя горемъ, доживали горькую жизнь. Это называлось на языкѣ ихъ: Springa of harmi, «сокрушаться отъ скорби.»[324] Такъ сокрушалось сердце Нанны,

---

[320] Grett. saga.

[321] Thorl Hraedes saga.

[322] Ol. Harald. saga, у Снорре Стурлесона.

[323] Nials saga.

[324] Godrunar-qvida въ старшей Эддѣ.

когда она увидѣла трупъ Бальдера; такъ умерла Тура съ печали по Олофѣ Триггвасонѣ. Потеря мужей часто сокращала жизнь ихъ неутѣшныхъ вдовъ. Вообще можно сказать, что хотя по закону мужья имѣли неограниченную власть надъ женами, но на самомъ дѣлѣ поступали съ ними по правиламъ супружеской любви и взаимнаго уваженія. Въ этомъ случаѣ можно примѣнить къ Скандинавамъ слова Тацита, [325] что «у нихъ добрые нравы имѣли болѣе силы, нежели хорошіе законы въ другой странѣ.»

IV. Если мужъ имѣлъ неудовольствіе на жену, или она оказывалась виновною въ преступленіи, то, вмѣсто того, чтобы пользоваться неограниченными правами супруга, онъ разводился съ нею и отсылалъ ее къ роднымъ. Въ то время бракъ почитался только гражданскимъ союзомъ. Мужъ имѣлъ право безъ дальнихъ околичностей удалить отъ себя жену, если находилъ это лучшимъ. Но разводъ безъ достаточной причины оскорблялъ родныхъ покинутой жены, мужъ подвергалъ себя ихъ мщенію, долженъ былъ возвратить приданое жены и обручальные дары; [326] даже она брала съ собою се полученное послѣ обрученія, подарки на зубокъ (fandfä) и друе, подаренные родителями и родными; все это почиталось ея собственностію подъ именемъ gripir konu, [327] которою мужъ располагать не могъ. [328] Эта обязанность лежала на всѣхъ мужьяхъ, которымъ силы и средства не дозволяли нарушать принятый въ подобныхъ случаяхъ обычай. Мужчины съ болѣе благороднымъ образомъ мыслей, желавшіе дать законный видъ своему разводу, призывали свидѣтелей и, въ ихъ присутствіи, объявляли разводъ: сначала возлѣ брачнаго ложа, потомъ у главныхъ дверей дома и, наконецъ, на тингѣ. [329] Въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе жены было велико, или мужъ спра-

---

[325] «Plus ibi bonos mores, quam alibi bonas leges valuisse». Tacitus, German.

[326] На этомъ основаніи, сыновья дочери Ауда Богатаго, прогнанной ея мужемъ, Упсальскимъ королемъ, Висбуромъ, требовали отъ него приданаго своей матери. Yngl. s. Ср. соч. Шведс. истор., ч. I, стр. 221.

[327] То же, что παράφερνα Греховъ и peculium uxoris Римлянъ. Gripir означаетъ всякую цѣнную вещь изъ движимаго имущества.

[328] Ср. Thorlacius, l. c.

[329] Nials saga.

ведливо негодовалъ на ея поведеніе, она не могла брать съ собою приданое. Скандинавы, въ особенности, требовали отъ своихъ женъ супружеской вѣрности. Замужняя женщина, найденная въ постелѣ съ посторонним, рѣшительно теряла всѣ права честной супруги;[350] мужъ выгонялъ ее изъ дома въ будничномъ платьѣ и притомъ поступалъ самымъ позорнымъ образомъ: по предписанію одного древняго закона, «онъ долженъ былъ привести ее къ порогу, сорвать съ нея плащъ и, отрѣзавъ у ней половину одежды назади, въ такомъ видѣ вытолкнуть за дверь.»[351] Впрочемъ, строгость семейныхъ нравовъ рѣдко допускала преступленія такого рода, и что касается до святости брака, то Скандинавская женщина имѣетъ полное право на тѣ похвалы, которыя Тацитъ приписываетъ Германкамъ.[352] Жены не любили терпѣливо сносить обиды со стороны мужей; строптивыя изъ нихъ нерѣдко отплачивали мужьямъ за прежнія оскорбленія. Храбрый Гуннаръ, въ Исландіи, имѣлъ тяжбу съ другимъ Исландцемъ, Гиссуромъ, и проигралъ ее. На тингѣ осудили его на изгнаніе. Немного не доѣхавъ до корабля, который разлучитъ его съ родиной, Гуннаръ сошелъ съ лошади, чтобы взглянуть еще разъ на свое помѣстье, и сказалъ: «Какъ оно хорошо! Никогда оно не казалось мнѣ такъ красиво: плетни готовы, нивы поспѣли для жатвы; ворочусь домой, не поѣду!» — «Не оставайся на потѣху врагамъ!» говорилъ ему братъ, провожавшій его. Однако жь, это было напрасно: братъ поѣхалъ одинъ. Гуннаръ, нарушивъ приговоръ, отдавалъ себя во власть враговъ; его убѣждали поручить домъ матери и сыну, и искать тихаго убѣжища съ Гальгердою у друзей; онъ одобрилъ это, но не ѣхалъ. Лѣтомъ на альтингѣ противникъ его, Гиссуръ, требовалъ его казни. Требованіе было законное, и Гиссуръ подговорилъ 80 человѣкъ убить противника. Послѣдній узналъ это отъ Ніала, возвратившагося съ альтинга, но не хотѣлъ вовлекать въ бѣду стараго друга и отказался принять помощь отъ его сыновей. Олофъ Павлинъ подарилъ Гуннару три драгоцѣнности: золотой перстень, красивый плащъ и собаку Сама, которую досталъ въ Ирландіи. Самъ имѣлъ

---

350 Westg. Lagen, I., Gipt. Balk. V.
351 Westg. Lagen, II. Gipt. B. V.
352 «Severa illic matrimonia nec ullam morum partem magis laudaveris.» — «Paucissima in tam numerosa gente adulteria». Tacitus, Germania.

большой ростъ, очень скоро бѣгалъ, былъ уменъ, какъ человѣкъ, и угадывалъ во всякомъ пришлецѣ хозяйскаго врага, или друга; противъ враговъ онъ не жалѣлъ себя. Олофъ сказалъ собакѣ: «Ступай за Гуннаромъ, и такъ же вѣрно служи ему, какъ и мнѣ!» Самъ тотчасъ же подошелъ къ своему новому господину, легъ у него въ ногахъ и былъ такъ же вѣренъ ему, какъ Олофу. Враги не могли ничего сдѣлать Гуннару, пока жилъ у него Самъ. Но однажды, ночью, они хитростію выманили собаку и убили. Гуннаръ проснулся: ему послышался вопль умирающаго. «Другъ Самъ, сказалъ онъ, тебя уже нѣтъ въ живыхъ!» Гиссуръ былъ благороденъ; ему легко было бы, окруживъ домъ противника, сжечь его со всей семьей: встарину часто случались подобные примѣры. Но Гиссуръ считалъ низкимъ истребить всю семью изъ за одного виноватаго. Онъ сдѣлалъ на домъ открытое нападеніе. Гуннаръ защищался храбро, но вдругъ порвалась тетива на его лукѣ. «Отрѣжь мнѣ свои кудри, сказалъ онъ женѣ, и вмѣстѣ съ матерью сплети изъ нихъ новую тетиву!» «Развѣ тебѣ это нужно?» спросила Гальгерда.» — «Жизнь моя зависитъ отъ того,» отвѣчалъ онъ. — «Теперь-то, сказала она, отплачу тебѣ за пощечину, [333] которую отъ тебя получила: что мнѣ за надобность, сколько времени ты можешь защищаться.» На это благородный Гуннаръ сказалъ только: «Каждый ищетъ чести по своему; долго я не стану тебя просить о томъ.» Онъ оборонялся еще нѣсколько времени, но наконецъ палъ отъ утомленія и ранъ. Эта Гальгерда была за двумя мужьями, и оба пали жертвою ея строптивости. [334]

И жены могли требовать развода. Это уравновѣшивало ихъ въ правахъ и спасало отъ жестокаго обращенія мужей. Однако жь, если онѣ покидали ихъ безъ достаточной законной причины, то не могли требовать назадъ приданаго и даровъ; въ этомъ случаѣ мужья даже имѣли право принудить ихъ воротиться. Гельга, дочь Исландца Торадра, въ отсутствіе мужа, Торгильса, ушла отъ него къ отцу, безъ всякой другой причины, кромѣ той, что мужъ былъ гораздо старѣе ея. Когда Торгильсъ прибылъ домой и узналъ объ этомъ, то вооружился и поспѣшно отправился къ дому тестя; онъ вошелъ въ комнату въ полномъ вооруженіи и, не говоря ни сло-

---

[333] Однако жь, это было не незаслуженное наказаніе для нея.
[334] Nials saga.



ва, взялъ Гельгу за руку и увелъ съ собою. Скапти, братъ Гельги, хотѣлъ было съ своими людьми гнаться за нимъ, какъ за похитителемъ сестры; но Торадръ, отецъ, сказалъ ему хладнокровно: «Торгильсъ взялъ ему принадлежащее: запрещаю его преслѣдовать.» И Торгильсъ удержалъ жену у себя. Однажды, когда они сидѣли на дворѣ, домашній пѣтухъ гонялся за курицею и билъ ее. Курица отчаянно кудахтала. «Видишь ли?» сказалъ Торгильсъ Гельгѣ.—«Что жь это значить?» спросила она. — «То же самое можетъ случиться и съ другими,» отвѣчалъ Торгильсъ. [335] Потомъ они жили хорошо другъ съ другомъ. Но если мужъ отказывалъ женѣ въ необходимомъ, не заботился о ней и дѣтяхъ, дурно обходился съ нею, обижалъ ея родныхъ, или изъ трусости не хотѣлъ помочь имъ противъ враговъ, то, по Исландскимъ обычаямъ, жена имѣла законныя причины искать развода съ такимъ мужемъ. Въ наибольшой зависимости отъ мужей находились женщины незнатнаго рода, съ небольшимъ приданымъ, и такія, которымъ нельзя было надѣяться на помощь родныхъ. Другія, напротивъ, столь же знатнаго происхожденія, какъ и ихъ мужья, и съ такимъ же сильнымъ родствомъ, позволяли себѣ такой горделивый тонъ, какимъ говорила Асгердъ своему мужу, Исландцу Торкелу. Гнѣваясь на ея поведеніе, Торкелъ не хотѣлъ раздѣлять съ нею ложе. Она сказала ему, что не станетъ долѣе просить его о томъ; если не признаетъ ее женою и не хочетъ забыть прошлаго, то она призоветъ свидѣтелей и объявитъ разводъ; тогда ея отецъ возьметъ назадъ приданое и дары, и она не будетъ больше стѣснять его ложа.» Торкелъ съ минуту молчалъ, потомъ одумался и возвратилъ ей права супруги. [336] Благородное обращеніе было обоюднымъ требованіемъ супруговъ. Такъ, Исландецъ Бардъ развелся съ Аудою, дочерью Сорре Добраго, за то, что она бросила въ него камнемъ, и онъ не хотѣлъ долѣе сносить ея дерзости; [337] такъ Гудруна развелась съ Торвальдомъ за то, что онъ далъ ей пощечину; [338] по тому же поводу развелась и Тордиса съ Бёркомъ Толстымъ. [339] Саги

---

[335] Floamanna saga. Этотъ самый Торгильсъ умеръ въ 1033 году, 85 лѣтъ отъ рода. Еще на 60-мъ году онъ убилъ обидѣвшаго его Норманна на поединкѣ.
[336] Gisle Sursons saga.
[337] Heidarviga saga. Müller's agabibl.
[338] Laxd. saga. Müll. Sagabibl.
[339] Gisle Sursons saga.



представляютъ много примѣровъ, что жены разводились съ мужьями, или угрожали возвратить имъ ключи, [340] если они не помогали ихъ роднымъ, или изъ какой ни будь низости измѣняли имъ. Бездѣйствіе и трусость особенно были не терпимы въ мужчинахъ Сѣверными женщинами. [341] Такъ порицала жестокими словами Олуфа, своего мужа, Торгалла, за то, что онъ у себя въ домѣ боялся защитить отъ враговъ своего гостя, Торда: «Несчастна та женщина, которая выбрала въ мужья тебя, труса и хвастуна.» [342] Не рѣдко матери сильною рѣчью пробуждали изъ лѣниваго бездѣйствія своихъ сыновей и подстрекали ихъ на смѣлое дѣло.

Иногда женщины дѣйствовали съ силою мужчины, какъ Исландка Торборгъ, объявившая на тингѣ, что она погубитъ всякаго, кто убьетъ ея брата, Горда, хотя ея мужъ, Эндриде, принадлежалъ къ числу злѣйшихъ его враговъ. Гордъ вскорѣ убитъ былъ оруженосцемъ Торстена. Эндриде пришелъ однажды домой съ многочисленнымъ обществомъ и разсказалъ женѣ объ этомъ происшествіи. Вечеромъ, когда супруги отправились спать, Торборгъ взяла съ собою саблю; удивленный мужъ спросилъ ее: «Не уже ли между нами будетъ вѣчная ссора»? Она требовала у него головы Торстена. На другой день Эндриде убилъ его. Тогда Торборгъ пожелала взять къ себѣ для воспитанія дѣтей убитаго. Мужъ позволилъ это, и всѣ хвалили поступокъ Торборги, говоря, что она честная женщина. [343] Древніе нравы придавали женщинамъ рѣшительно мужскія свойства. Когда Сигурдъ Дигре, ярлъ Оркадскихъ острововъ, вызванъ былъ на поединокъ Шотландскимъ ярломъ, Финнлейкомъ, онъ очень боялся превосходныхъ силъ соперника, потому что противъ каждыхъ 7-ми его воиновъ могъ поставить только одного; въ такомъ затрудненіи онъ совѣтовался съ матерью, Авдурою, очень умною и разсудительною женщиною. «Если бы я думала, что ты будешь такъ привязанъ

---

340 Какъ принятіе ключей было символомъ вступленія въ права домохозяйки, такъ возвращеніе ихъ означало потерю этихъ правъ.

341 Atlamal въ старшей Эддѣ. Гудруна упрекала Атле, что онъ всегда уступалъ, а никогда не держался крѣпко, что прежде она была за героемъ Сигурдомъ, и потеря его самая горькая для нея, и т. д.

342 Thord Hraedes saga.

343 Hordes и Holmoerla saga.

къ жизни, я уморила бы тебя въ моихъ нѣдрахъ. Знай, что судьба располагаетъ жизнію, и лучше умереть съ славою, нежели жить въ позорѣ.»[344] Ко временамъ такого Спартанскаго образа мыслей принадлежитъ также подвигъ женщинъ Верендскаго герада, въ Смаландѣ. Въ отсутствіе короля и его войска, Датчане вторгнулись въ Смаландъ. Женщины Верендскаго герада, подъ начальствомъ героини Бланды, удачною хитростію усыпили непріятелей и потомъ всѣхъ изрубили, такъ что не многіе воротились въ Данію, съ вѣстію о постыдномъ пораженіи. Воспоминаніе о такомъ подвигѣ было увѣковѣчено въ Смаландѣ разными преимуществами въ пользу женщинъ: въ этой области долгое время носили онѣ пышные поясы изъ краснаго сукна, или шелковой ткани, съ золотыми бахрамами, и невѣсты провожались подъ вѣнецъ со всѣми воинскими почестями. До сихъ поръ еще въ одномъ только Смаландѣ женщины пользуются правами наслѣдства наровнѣ съ мужчинами. Въ царствованіе Карла XI-го это право было у нихъ оспариваемо, но въ 1772 году король подтвердилъ его вновь.[345]

Разведенные супруги могли вступать во вторичный бракъ. Если же смерть расторгала бракъ, оставшіеся въ живыхъ изъ супруговъ имѣли полную свободу вступать въ новое супружество. Многоженство не было въ обычаѣ;[346] однако жь, не считалось нарушеніемъ

---

344 Orknejynga saga.

345 Лагманъ представлялъ королю, что такимъ правомъ женщины пользовались въ пяти герадахъ Тіогерадской округи: въ Кунгѣ, въ Альбо, Кинневаллѣ, Норрвидингѣ и Упвидингѣ; тамъ жена наслѣдовала пополамъ съ мужемъ, сестра съ братомъ, и этотъ обычай считался закономъ. Жители основывали его на томъ, что нѣкогда женщины этихъ герадовъ, въ отсутствіе своихъ мужей, побѣдили Датчанъ въ Бравальской рощѣ, что за то онѣ и пользуются правомъ наслѣдства наровнѣ съ мужчинами и имѣли на это грамоту, увезенную Христіаномъ II въ Данію; въ память этого подвига, предъ невѣстами во время свадебъ ходили барабанщики, а передъ женихами другіе музыканты; сверхъ того первыя носили поясы изъ ленты, или койму и называли ихъ военнымъ знакомъ. A. Celsii и E. Colliander's Diss. Acad. de Verendia Smolandorum. Вѣроятнѣе, что эта женская побѣда случилась въ началѣ среднихъ вѣковъ, и не въ языческое время.

346 Но, кажется, не было непозволеннымъ. Harald. Hårfågers saga (у Снорре Стурлесона) разсказываетъ о немъ, что онъ оставилъ девять своихъ женъ, когда

святости брака, если мужъ былъ въ связи съ служанками; онъ могъ имѣть и наложницъ, кромѣ законной жены — естественное слѣдствіе введеннаго многоженства. Однако жъ, дѣти, рожденныя отъ наложницъ, не имѣли ни того значенія, ни тѣхъ правъ, какими пользовались законнорожденныя. Послѣднія одни наслѣдовали одалы. Впрочемъ, и дѣти незаконнорожденныя не совсѣмъ исключались изъ наслѣдства: многіе отцы назначали имъ, съ согласія ближайшихъ наслѣдниковъ, большую часть своего имущества. Лагманъ Фолге въ Вестергётландѣ, говорятъ, отмѣнилъ это право наслѣдства незаконныхъ дѣтей (frillobarn). [347]

V. У древнихъ Скандинавовъ, такъ же какъ и у Грековъ, Римлянъ и вообще всѣхъ языческихъ народовъ, предѣлы отеческой власти были обширны; отцы имѣли полную власть располагать новорожденными, могли бросать ихъ, или принять въ семейство и воспитать. Если отецъ обрекалъ смерти новорожденнаго, тогда поручалъ рабу утопить его, или бросить въ ровъ. Человѣколюбивые рабы, изъ сожалѣнія къ невиннымъ, покинутымъ дѣтямъ, относили ихъ въ лѣсъ и, выбравъ мѣсто, близкое къ какому ни будь жилью, или большой дорогѣ, клали ихъ между камней, или въ древесныхъ дуплахъ, тщательно ограждали это убѣжище отъ птицъ и звѣрей, и тамъ оставляли малютокъ съ кускомъ мяса во рту, чтобы они не умерли съ голода. Не рѣдко случалось, что такія дѣти, оставшись въ живыхъ, бывали заботливо воспитаны тѣми, кто находилъ ихъ. Участь быть подкинутымъ постигала особливо такихъ дѣтей, которыхъ воспитаніе, если они рождены незаконно, могло наносить безчестіе семейству, или которыхъ мать, по какой ни будь причинѣ, не была любима отцемъ, или вѣщіе сны и пророчества заставляли опасаться отъ нихъ несчастія. Самые богатые и умные люди не

женился на Рагнгильдѣ богатой. Это хоть и не единственный, однако жъ, одинъ изъ весьма немногихъ, примѣръ многоженства. Въ этомъ случаѣ можно примѣнить къ Скандинавамъ слова Тацита о Германцахъ, съ которыми Сѣверные жители имѣютъ много общаго, не только относительно высокаго уваженія къ женщинѣ, но и вообще въ древнихъ нравахъ: «Singulis uxoribus contenti sunt, exceptis admodum paucis, qui non libidine, sed ob nobilitatem pluribus ambiuntur.»

[347] Westg. Lag. IV. 14.

считали неприличнымъ подкидывать своихъ дѣтей. [348] Обыкновенно, всеобщею и главною причиною подкидыванія была бѣдность, когда число дѣтей превышало средства для ихъ воспитанія. Отъ того-то введеніе Христіянской вѣры въ Исландіи встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны тѣхъ, которые ни какъ не умѣли понять, какъ можно и богатымъ и бѣднымъ воспитывать всѣхъ рождающихся у нихъ дѣтей и, сверхъ того, отказаться отъ лошадинаго мяса, составлявшаго лучшую пищу Исландцевъ. Они приняли Христіянство только подъ условіемъ, что оба эти обычая будутъ имъ оставлены. [349] Потомъ, когда собраніе народныхъ вождей, съ общаго согласія народа, запретило подкидывать дѣтей, оно также постановило, чтобы ни одинъ бѣднякъ, не имѣвшій средствъ кормить себя и дѣтей, не смѣлъ жениться, подъ страхомъ изгнанія съ острова. [350] Не думали, что государство будетъ сильнѣе, если его народонаселеніе увеличится множествомъ нищихъ.

Новорожденное дитя лежало на полу [351] до тѣхъ поръ, пока отецъ рѣшалъ: бросить ли его, или принять въ семейство. Въ послѣднемъ случаѣ, его поднимали съ земли и относили къ отцу, [352] который бралъ его на руки, обливалъ водою и давалъ ему имя. [353]

---

348 Gunnlaug Ormst. saga. Finnboge d. Starken saga. Vatns. saga. Ср. Эриксена De expositione infantum apud veteres Septentrionales ejusque causis.

349 Olof Tryggv. saga.

350 Срав. Arngrimi Jonae Chrimog.

351 Этотъ древній обычай далъ начало названію повивальной бабки, «Jordegumma», (Erdmütterchen), до сихъ поръ еще сохранившемуся въ Шведскомъ языкѣ. Не намекаетъ ли на этотъ же обычай и Нѣмецкое Hebamme, отъ heben, поднимать? (См. слѣд. примѣч.).

352 Это называлось at bera barn at faudor sinom, носить дѣтей къ отцу. Отъ того и borinn, Швед. boren, (Нѣм. geboren) собственно означаетъ не рожденнаго, но принесеннаго (bära) къ отцу и принятаго въ семейство: Ἀναιροῦμαι Грековъ, suscipere Римлянъ, Hebamme (отъ heben) Нѣмцевъ, намекаютъ на такой же древній обычай принимать дѣтей и носить ихъ къ отцу.

353 Кромѣ обыкновеннаго имени, назначаемаго при обливаніи водою, Скандинавъ получалъ еще другое, напоминавшее какой ни будь его подвигъ, или намекавшее на его свойства. Въ такихъ случаяхъ было въ обыкновеніи, вмѣстѣ съ именемъ, дѣлать и какой ни будь подарокъ. Такъ, когда Торлейфъ, сочинившій славную пѣсню въ честь Гакана ярла, прибылъ изъ Норвегіи въ Данію, Свенъ Твескеггъ далъ ему прозваніе ярла-скальда и подарилъ ему оснащонный корабль со всѣмъ грузомъ. Также когда Олофъ Тригтвасонъ назвалъ въ

Обливаніе водою было древній религіозный обрядъ, посредствомъ котораго ребенокъ посвящался богамъ-хранителямъ страны и рода. Съ этой минуты почитали его вступившимъ въ родство; убить такое дѣтя было бы преступленіемъ. [354] Въ отсутствіе отца, а иногда и при немъ, обязанность обливанія и назначенія имени ребенку принималъ на себя другой; для того обыкновенно избирали значительныхъ и богатыхъ людей; такъ, по крайней мѣрѣ, было у знатныхъ. [355] Этотъ обрядъ полагалъ начало самымъ тѣснымъ взаимнымъ отношеніямъ между воспріемниками и ихъ крестниками и обязывалъ ихъ къ взаимной дружбѣ и пріязни. Въ Ирландіи, во время сраженія у Гельга Дроплаугсона съ Гельгомъ Асбіорн-

---

шутку скальда Галльфреда Вандрада-Скальдомъ (почетное имя между скальдами), скальдъ спросилъ его: «Что же подаришь мнѣ, король, если я долженъ называться такимъ именемъ?» — «Вижу, отвѣчалъ король, тебѣ хочется почетнаго имени; такъ возьми этотъ прекрасный мечъ.» Тотъ же король требовалъ у Исландца Торстена показать свою силу и убить жертвеннаго вола, такого огромнаго и дикаго, какихъ никогда не случалось видать Олофу. Волъ страшно осерчалъ и казался раздраженнымъ. Торстенъ подбѣжалъ къ нему и такъ крѣпко ухватилъ за заднюю ногу, что, когда волъ отпрыгнулъ, его оторванная нога осталась въ рукахъ Торстена. Съ нею поспѣшилъ Торстенъ къ королю и получилъ въ награду имя Уксефота, съ перстнемъ въ подарокъ. Кромѣ такихъ именъ, было въ обыкновеніи давать прозванія по какому нибудь поводу, какъ и ныньче ведется между поселянами. Саги упоминаютъ о Торстенѣ, котораго прозвали рыбоѣдомъ за то, что былъ неутомимый рыбакъ; о Біернѣ, прозванномъ Біёрномъ на мѣху, за то, что торговалъ мѣхами; объ Эйнарѣ, получившемъ имя чаши радостей, по поводу двухъ драгоцѣнныхъ чашъ, подаренныхъ ему Гаканомъ ярломъ; о Тормодерѣ, прозванномъ Чернымъ, какъ уголь, поэтомъ (Kolbrunarskald) за пѣсню про одну смуглянку въ Исландіи; о Гуннлаугѣ, котораго прозвали Змѣинымъ языкомъ за остроуміе, и т. д. Подобныя прозванія давались разнымъ лицамъ по различнымъ случаямъ: отъ того отецъ и сыновья имѣли свои собственныя прозвища, или вовсе никакихъ. Наслѣдственныя имена были не въ употребленіи. Но обыкновенно отцовское имя прибавляли къ родовому (aettnamn), собственному имени каждаго лица и называвшемуся такъ отъ того, что употреблялось въ какомъ нибудь родѣ или фамиліи; этотъ обычай продолжался въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и даже нынѣ употребителенъ у поселянъ; на пр., Олофъ, сынъ Гаральда, назывался Олофъ Гаральдсонъ, Олофъ, сынъ Триггве, Олофъ Триггвасонъ и проч.

[354] Hordes и Holmveria saga.

[355] Harald Härf. saga, у Снорре Стурлесона.

сономъ, нѣкто Ёссуръ выступилъ противъ перваго, но этотъ сказалъ ему: «Я съ тобою не сражаюсь: ты обливалъ меня водой.» [356] Когда у дѣтей прорѣзывались зубы, отцы обыкновенно дѣлали имъ подарки, состоявшіе изъ рабовъ, или какой ни будь драгоцѣнной вещи. Эти подарки назывались Tandfae, собственно зубной скотъ. До 15-го года дѣти жили въ полной свободѣ и проводили время съ другими своими сверстниками въ занятіяхъ, свойственныхъ ихъ возрасту; дочери учились у матерей ткать, шить и другимъ женскимъ рукодѣльямъ; предусмотрительныя матери учили также дочерей понимать руны и исцѣлять раны. Нигдѣ не встрѣчается въ сагахъ, чтобы отцы жестоко наказывали сыновей; въ случаѣ сильнаго гнѣва, они прогоняли ихъ изъ своихъ дворовъ. Отношенія отцевъ къ дѣтямъ запечатлѣвались искреннимъ, взаимнымъ уваженіемъ. Дѣти слушались родителей, а отцы больше дѣйствовали на нихъ совѣтомъ и убѣжденіемъ, нежели приказаніями, и не рѣдко сами соглашались съ желаніями взрослыхъ дѣтей. Старинный обычай, замѣнявшій совершенный недостатокъ училищъ, состоялъ въ томъ, чтобъ отдавать дѣтей на воспитаніе умнымъ и разсудительнымъ друзьямъ. Если кто хотѣлъ другому оказать свое уваженіе и пріязнь, или еще тѣснѣе сойтись съ нимъ, то обыкновенно вызывался взять его сына на воспитаніе, и въ знакъ того, что принималъ всѣ отцовскія обязанности, сажалъ ребенка на колѣни къ себѣ, почему принятыя дѣти назывались въ старину Knesetningr. Новый отецъ всего болѣе старался обучить пріемыша всѣмъ искусствамъ, Idrotten, и наставить во всемъ, сообразно съ требованіями того времени, или, какъ говорилъ Бессе Мудрый Дроплаугу, вызвавшись воспитывать его сына, Гельге: «Я научу его всему разумному, что самъ знаю.» [357] Матери, лишенныя мужей, и отцы, часто отлучавшіеся изъ отечества, не могли сами воспитывать сыновей, потому считали полезнымъ удалять ихъ изъ роднаго дома, и между друзьями и родственниками всегда находили такихъ, которые брали на себя содержаніе и воспитаніе мальчиковъ, обходились съ ними, какъ съ родными дѣтьми, и добросовѣстно исполняли всѣ обязанности названнаго отца. Если у мальчиковъ не было родныхъ

---

[356] Helges и Grims saga.
[357] Helges и Grims saga.

отцовъ, воспитатели должны были награждать ихъ имуществомъ и устроивать ихъ счастіе. Такъ Ніалъ доставилъ названному сыну не только выгодную невѣсту, но и должность судьи въ Исландіи; такъ, пособилъ завоевать отцовское наслѣдіе король Англійскій, Ательстанъ, своему пріемышу, Гакану, сыну Гаральда Гарфагера. Погубить пріемыша, или причинить ему какой ни будь вредъ, почиталось низкимъ дѣломъ. Въ сагахъ рѣдко встрѣчается что ни будь подобное. Напротивъ, читаемъ въ нихъ много прекрасныхъ примѣровъ добросовѣстности, съ которою названные отцы исполняли свой долгъ, равно и сыновней признательности къ нимъ пріемышей. Между мальчиками, вмѣстѣ проводившими счастливые дни дѣтства въ играхъ и упражненіяхъ, подъ надзоромъ одного названнаго отца, часто завязывалась самая искренняя дружба, получившая столь высокое и прекрасное значеніе подъ именемъ названнаго братства.

ОТДѢЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

СПОСОБЫ ПРОПИТАНІЯ.

I. Содержаніе семейства, нерѣдко многочисленнаго, облегчалось охотою въ лѣсахъ, изобильныхъ дичью, также рыболовствомъ у морскаго берега, очень растянутаго въ длину, въ глубокихъ шхерахъ, во многихъ озерахъ и рѣкахъ. Символическія изображенія въ гербахъ различныхъ областей Швеціи указываютъ на эти промыслы, какъ на самые первые и долгое время важнѣйшіе для нихъ. [358] Саги упоминаютъ о ловлѣ сельдей на южныхъ берегахъ Норвегіи; ловля китовъ и моржей принадлежала къ промысламъ Сѣвернаго

[358] Такъ, на пр., Гестрикландъ имѣетъ въ гербѣ оленя, Емтландъ также оленя съ волкомъ у его горла и соколомъ на спинѣ. На звѣроловство указываютъ также стрѣлы, положенныя крестообразно, въ гербѣ Нерике; гербъ Ангерманландіи составляютъ три семги, и т. д.



края. Но изъ всѣхъ способовъ содержанія скотоводство было самое главное и значительное: отъ него поселянинъ получалъ свою главную прибыль; многочисленное стадо было для него подспорьемъ и лучшимъ богатствомъ, почему и всякое имущество въ древности означалось словомъ fae, скотъ. Отеръ, [559] жившій далѣе всѣхъ на сѣверѣ Норвегіи, въ Галогаландѣ, разсказывалъ королю Альфреду, что хотя онъ и изъ главныхъ людей въ томъ краю, однако жь, кромѣ 600 дворовыхъ оленей, имѣетъ не болѣе 20 коровъ, да столько же овецъ и свиней съ лошадьми, на которыхъ пашетъ. Отзывъ Отера о своемъ стадѣ, какъ о незначительномъ, показываетъ, что вообще у поселянъ, а особливо у зажиточныхъ, были стада гораздо многочисленнѣе И въ это время Швеція, преимущественно предъ всѣми другими Сѣверными странами, славилась особенно скотоводствомъ. О томъ извѣщаетъ насъ Адамъ Бременскій; онъ прибавляетъ, что во многихъ мѣстахъ Швеціи и Норвегіи пастухи были главные и лучшіе люди, вели патріярхальную жизнь и жили трудами рукъ своихъ. [560] Прекрасное состояніе скотоводства предполагаетъ уже великое множество домашней челяди и рабовъ, содержимыхъ на дворахъ поселянами, какъ для лѣсныхъ и полевыхъ работъ, такъ и для военныхъ набѣговъ. Обширные и изобильные травой луга, встрѣчавшіеся вездѣ на плохо населенной и воздѣланной землѣ, облегчали содержаніе многочисленныхъ стадъ. Лѣтомъ обыкновенно выводили скотъ на отдаленные выгоны и въ деревни съ хорошими лугами (что и теперь ведется во многихъ Шведскихъ областяхъ, особливо въ сѣверныхъ), почему и дома, поставленные въ такихъ мѣстахъ, назывались скотными избами, Saetur. Изъ такихъ выгоновъ, отдаленныхъ отъ главныхъ дворовъ и съ умноженіемъ населенности, обратившихся въ Boland, жилую землю, во многихъ мѣстахъ Швеціи составились деревни, даже цѣлые приходскіе округи. Впрочемъ, древніе Скандинавы не занимались исключительно скотоводствомъ, но очень уважали и земледѣліе, и въ сво-

---

559 Онъ жилъ въ послѣдней половинѣ IX-го вѣка, и тотъ самый, о которомъ говорили мы въ Походахъ Викинговъ.

560 «In multis Nordmanniae vel Suediae locis pastores pecudum sunt etiam nobilissimi homines, ritu patriarcharum et labore manuum viventes». Adam. Brem. De situ Daniae.



емъ родѣ были хорошіе земледѣльцы; доказательствомъ тому [361] праздники жатвы и особенное почтеніе къ Фрею, богу посѣва; также благоговѣйное воспоминаніе, жившее въ народѣ, о тѣхъ короляхъ, при которыхъ бывали счастливые. изобильные урожаи: сверхъ того, извѣстія, иногда мелькающія въ сагахъ, о состояніи Сѣверныхъ странъ. Когда св. Сигфридъ, во времена Олофа Скётконунга, прибылъ изъ Сканіи въ Веренде въ Смаландѣ, онъ нашелъ тамъ [362] всѣмъ изобильную землю, прекрасные луга и поля, богатыя рыбою воды, много пчелъ и меду, разныхъ дикихъ звѣрей въ густыхъ лѣсахъ. Адамъ Бременскій хвалитъ Сканію по изобилію въ пшеницѣ и товарахъ, [363] Швецію онъ описываетъ страною, чрезвычайно богатою пахатными полями и медомъ; [364] о Норвегіи сказываетъ одна сага, что когда при Олофѣ Дигре сѣверныя страны ея, нѣсколько лѣтъ къ ряду, посѣщалъ неурожай, поселяне, однако жь, понемногу перебивались, потому что у нихъ оставался еще прошлогодній хлѣбъ. [365] Ячмень, овесъ и рожь были самые обыкновенные роды хлѣба; упоминается и пшеница, но рѣдко, и то какъ предметъ торговли; ленъ встрѣчается въ числѣ произведеній, которыми Скандинавы платили королямъ подати около зимнихъ праздниковъ. [366]

---

[361] Изъ трехъ годовыхъ праздниковъ, установленныхъ во время язычества Одиномъ, одинъ, около зимы, посвященъ былъ хорошему урожаю; другой, въ половинѣ зимы, будущей изобильной жатвѣ; третій, около лѣта, побѣдѣ.

[362] «Vaerendia — — omnibus bonis abundans, piscosis fluminibus, apibus et melle repleta, agris fertilibus et pratis decorata, feris diversorum generum opulenta, silvis densissimis et magnis circumcincta». Historia S. Sigfridi въ Scriptores rerum Svecicarum medii aevi, II.

[363] «Sconia — — — opulenta frugibus divesque mercibus.» Adam. Brem. l. c.

[364] «Sueonia regio est fertilissima, ager frugibus et melle opimus, extra quod pecorum foetu omnibus antefertur; opportunitas fluminum silvarumque magna.» Adam. Brem. l. c.

[365] Olof Haralds. saga, у Снорре Стурлесона, гл. 123 (Ср. отдѣл. О государственномъ устройствѣ). Въ другомъ мѣстѣ (гл. 112) эта сага также говоритъ о неурожаѣ въ Норвегіи: тогда была трудная пора для всей сѣверной части государства, и тѣмъ тяжеле, чѣмъ сѣвернѣе; «но въ восточной части, продолжаетъ сага, пшеницы было вдоволь, также и въ Упландіи, а жителямъ Трондгейма пригодились большіе запасы прежняго хлѣба.» Въ Походахъ Викинговъ мы уже говорили, что во времена глубокаго язычества обработанной земли стало недостаточно съ размноженіемъ народа, и что это обстоя-



II. Сверхъ того Скандинавы вели обширную торговлю. Саги наполнены разсказами о людяхъ, прозванныхъ Гольмгардцами и Бярмаландцами, по ихъ путешествіямъ въ Гольмгардъ и Бярмаландъ. Другіе, по словамъ сагъ, ѣздили по торговымъ дѣламъ то въ Англію, то въ Дублинъ, въ Ирландіи, куда торговыя поѣздки [367] были очень обыкновенны, то въ Рудоборгъ въ Валландѣ [368] (Руанъ во Франціи); иногда вели прибыльную съ Лапонцами въ Финнмаркенѣ, которымъ привозили сало и масло, любимые предметы торговли этого народа, и въ обмѣнъ за то получали оленьи кожи, разные мѣха, птичьи перья, китовый усъ и корабельный канатъ изъ моржевой и тюленьей кожи. [369] Въ Викенѣ (прибережье на сѣверъ отъ р. Готы, теперь Богусланъ) многіе купцы проводили зиму и лѣто, какъ Датскіе, такъ и Саксонскіе; жители Викена [370] и сами часто ѣздили для торговли въ Англію, въ землю Саксовъ, во Фландрію и Данію; они и Готы очень роптали на несогласія у Олофа Скётконунга съ Олофомъ Дигре, [371] мѣшавшія торговымъ сношеніямъ ихъ подданныхъ. Въ Тунсбергъ, въ Норвегіи, приходили торговые корабли изъ Саксоніи и Даніи, изъ Викена и сѣверныхъ гра-

---

тельство, особливо когда присоединялись къ тому еще неурожаи, бывало причиною голода и дороговизны и главнымъ поводомъ къ переселеніямъ и великимъ походамъ. И во время Домальда, въ первые годы царствованія династіи Инглинговъ, случились три неурожайные года къ ряду, такъ что народъ долженъ былъ приняться за самую нужную пищу. Въ Упсалѣ были приготовлены великія жертвы; въ первую осень принесли на жертву вола, но и другой годъ былъ не лучше; во вторую жертвовали людей, но на слѣдующее лѣто неурожай былъ еще хуже. На третью осень множество Шведовъ сошлось на праздникъ въ Упсалу. Вожди держали совѣтъ и были того мнѣнія, что дроттъ (король) ихъ, Домальдеръ, причина народной невзгоды, потому положили принести его въ жертву за хорошій урожай. Они напали на него, убили и окропили сѣдалища боговъ кровью его. Ср. соч. Шведск. ист. т. 1., стран. 222.

[366] Каждая домохозяйка должна была давать мочку непряденаго льна, т. е., сколько можетъ захватить большимъ и среднимъ пальцами. Ol. Haralds. saga, у Снорре Стурлесона. Срав. соч. Шв. ист., ч. 1, saga 464.

[367] Ol. Tryggv. saga, у Снорре Стурлесона.

[368] Ol. Haralds. saga, у Снорре Стурлесона.

[369] Путешествіе Отера и Вульфстана, l. c.

[370] Ol. Haralds. saga, у Снорре Стурлесона. Ср. соч. Швед. истор., ч. I., стр. 390.

[371] Har. Hårfag, saga и Ol. Harald. saga, у Снорре Стурлесона.

ницъ Швеціи. Еще болѣе развита была торговля въ Гальсейри на Датской сторонѣ; по словамъ Исландскихъ сагъ, [372] туда собиралось много народа и производилась обширная торговля на ярмаркахъ, главныхъ на Сѣверѣ. Торговыя мѣста въ Сканіи также посѣщались кораблями разныхъ народовъ; Сканёръ былъ славный рынокъ, а Лундъ—богатый торговый городъ, обнесенный деревянными стѣнами, не всегда, однако жь, защищавшими его отъ нападеній сильныхъ Викинговъ. [373] Корабли, приходившіе изъ Сканёра и Гальсейри въ Норвегію, привозили пшеницу, солодъ и медъ; другимъ кораблямъ доставляли богатый грузъ изобильные рыбою берега Сканіи; въ IX вѣкѣ каждое лѣто видали въ Зундѣ флотъ, изъ купеческихъ кораблей, называемый Ёрезундскимъ. [374] Жители Викена торговали въ Гёталандѣ солью и сельдями; корабли изъ Исландіи привозили мѣха и сушеную рыбу; Норвежскіе и Датскіе брали тамъ рыбу, кожи, ворвань и мѣха, а привозили пшеницу, медъ, вино и сукно; [375] желѣзо и Валландскіе мечи, о которыхъ часто упоминается въ сагахъ, были также предметомъ торговли, хотя оружіе иностранной работы, вѣроятно, принадлежало къ числу вещей, большею частію пріобрѣтаемыхъ въ походахъ; рабы [376] также продавались и покупались на большихъ рынкахъ. Напротивъ,

---

[372] Faereyinga saga. — Ol. Tryggv. saga.

[373] Исландцы, Эйгиль и Торольфъ, разъѣзжали по Балтійскому морю (около 930 г.). Они посѣтили Куронію и имѣли счастіе спасти Датскаго Викинга Аке, вмѣстѣ съ сыновьями взятаго въ плѣнъ Куронскими поселянами. И этотъ присталъ къ нимъ. Воротившись въ Ёрезундъ, они совѣтовались, куда бы имъ направить путь за богатой добычей. Аке сказалъ, что «есть большой торговый городъ, по имени Лундъ; тамъ можно много найти богатства, но только жители будутъ упорно сопротивляться.» Нѣкоторые не совѣтовали дѣлать нападеніе на городъ; но Торольфъ и Эйгиль рѣшились попытаться. Высадились и пошли къ Лунду. Изъ за деревяннаго укрѣпленія, ограждавшаго городъ, жители оборонялись храбро. Особливо жестокій бой завязался у городскихъ воротъ, черезъ которые старались ворваться Эйгиль и его люди. Когда великое множество защитниковъ города пало, Эйгиль ворвался; бой продолжался и въ самомъ городѣ. Награбивъ тамъ много богатства, Викинги зажгли городъ и вернулись на корабли.» Eigils saga.

[374] «Eyra floti.» Eig. saga. Ср. Faereyinga saga.

[375] Eig. saga.

[376] Laxd. saga, у Снорре Стурлесона.

немного, или вовсе ничего, не говорятъ Исландскія саги о торговлѣ, особливо Шведской, на Прибалтійскихъ берегахъ. [377] Вѣроятно, изъ Швеціи приходили и тѣ товары, состоявшіе въ мѣхахъ, медѣ и воскѣ, которые отправлялись Русскими внизъ по рѣкѣ Днѣпру. Торговля же привлекала корабли многихъ народовъ въ Сигтуну или Бирку. Важность ея для страны указываетъ намъ Адамъ Бременскій въ описаніи общаго благосостоянія и изобилія въ Швеціи. «Страна, говоритъ онъ, полна иноземныхъ товаровъ; нѣтъ недостатка ни въ чемъ; всего много; золото и серебро, прекрасныя лошади и драгоцѣнные мѣха и все, чему удивляются другіе, тамъ ставятъ ни во что.» [378] Одна богатая и благочестивая женщина сдѣлала передъ смертію распоряженіе, чтобы все ея имущество роздали нищимъ внѣ предѣловъ страны, потому что въ Швеціи не было нищихъ, [379] либо они встрѣчались очень рѣдко. Доказательствомъ служатъ также отрываемые въ землѣ клады, состоящіе въ золотѣ, или серебрѣ. Множество Восточныхъ монетъ въ этихъ кладахъ привело насъ къ предположенію, что столько благородныхъ металловъ завезено сюда не Викингами, а посредствомъ торговли. Это еще болѣе подтверждается высокимъ мнѣніемъ, какое имѣли прежде о богатствѣ торговаго городъ Бирки или Сигтуны: у каждаго тамошняго купца [380] считали до 100 фунтовъ серебра. Епископъ Адальвардъ получилъ тамъ за одну обѣдню 70-ть фунтовъ серебра. [381]

III. Купцы торговыхъ городовъ не составляли еще особеннаго сословія и не одни занимались торговлею. Біёрнъ, король въ Вестфольденѣ, въ Норвегіи, сынъ Гаральда Гарфагера, имѣлъ торговые корабли, плававшіе въ чужіе края, и получалъ торговлею разныя драгоцѣнности и необходимыя для себя вещи. [382] Олофъ Дигре имѣлъ товарищемъ въ торговыхъ дѣлахъ съ Бярміею своего

[377] Срав. Походы Викинговъ.

[378] «Peregrinis mercibus omnis regio plena; nullis itaque egere dicas Sueones opibus; omnia enim instrumenta vanae gloriae, hoc est aurum, argentum, sonipedes regios, pelles castorum et marturum, quae nos admiratione sui dementes faciunt, illi pro nihilo ducunt.» Adam. Brem. l. c.

[379] «Quia hic minus pauperes inveniuntur». Vita Anscharii.

[380] Vit. Anscharii. Ср. соч. Швед. ист., т. I, стр. 292.

[381] Adam. Brem. l. c.

[382] Haral. Hårfag. saga, у Снорре Стурлесона.

придворнаго, Карли Галогаландскаго. [383] Славный Галльфредъ Вандрадаскальдъ каждое лѣто [384] ѣздилъ въ торговыя путешествія и былъ такъ богатъ, что имѣлъ собственные торговые корабли. Другой великій Сѣверный скальдъ, такъ часто упоминаемый въ сагахъ, [385] отправлялся по торговымъ дѣламъ въ Англію и Францію, когда Канутъ Великій готовился въ походъ на Норвежскаго короля, Олофа Дигре. Торговали короли, скальды, поселяне, воины. Многіе ѣздили то въ набѣгъ, то въ торговое путешествіе. Жители торговыхъ городовъ, у которыхъ торговля составляла главное занятіе, были въ то же время и воины, сами управляли судами, запасались оружіемъ и ратными людьми, потому что не рѣдко надобно бывало защищаться отъ нападеній Викинговъ. На купеческіе корабли, на которыхъ Ансгарій впервые пріѣхалъ въ Швецію, на дорогѣ сдѣлали нападеніе Викинги; купцы были въ такихъ силахъ, что отразили первое нападеніе, но при вторичномъ Викинги одолѣли и отняли у нихъ корабли со всѣмъ грузомъ. [386] Такую же участь имѣли купцы, съ которыми Аста, съ своимъ трехлѣтнимъ сыномъ, Олофомъ Триггвасономъ, [387] ѣхала изъ Швеціи въ Гардарикъ. Въ то время купцы, по необходимости, бывали хорошо вооружены и обыкновенно ѣздили большими флотиліями для безопасности въ дорогѣ. На сухомъ пути разбойники были грозою дорогъ, проходившихъ большими дремучими лѣсами. Изъ Конгагелла и Ліодгуса (Lödöse, Götaborg), двухъ старинныхъ торговыхъ городовъ, о которыхъ упоминается въ X-мъ вѣкѣ, товары провозились въ Вестготландію лѣсомъ, длиною въ два дня пути. Одна древняя сага сохранила объ этой дорогѣ слѣдующій разсказъ. Нѣкто Аудгислъ, имѣвшій въ Гёталандѣ дворъ и жену, возвращался изъ поѣздки въ Англію по торговымъ дѣламъ въ Конгагеллъ. Онъ привезъ съ собою много богатства. Повстрѣчавшись однажды съ Гальфредомъ Вандрадаскальдомъ, не задолго до того потерпѣвшимъ кораблекрушеніе и утратившимъ все имущество, Аудгислъ сказалъ ему: «Я дамъ тебѣ десять фунтовъ серебра и зимній пріютъ въ своемъ домѣ, если проводишь меня къ востоку въ Гёталандъ;

---

383 Olof Haralds. saga, у Сноppе Стурлесона. Ср. Походы Викинговъ.

384 Olof. Tryggv. saga.

385 Olof Haralds. saga, у Снорре Стурлесона.

386 Vita Anscharii.

387 Ср. соч. Шв. ист., т. I, стр. 337.



дорога не безопасна, и многіе, располагавшіе итти туда, остались дома.» Галльфредъ согласился. Они навьючили пять лошадей и сверхъ того имѣли порожнюю лошадь. Въ лѣсу попался имъ человѣкъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, шедшій съ восточной стороны: онъ былъ Шведскій уроженецъ и назывался Аунундъ. «Этотъ путь опасенъ, сказалъ онъ путешественникамъ, если вы идете въ восточную часть лѣса и не знаете его хорошо. Нѣкоторые говорятъ, что тамъ нельзя ходить съ какимъ бы то ни было добромъ; со мною, однако жъ, ничего не случилось, потому что знаю всѣ тропинки и стараюсь обходить мѣста, гдѣ живутъ разбойники. Если дадите мнѣ что ни будь, я, пожалуй, пойду съ вами.» Они обѣщали 12 серебряныхъ ёръ. Подъ вечеръ они подошли къ дому, построенному среди лѣса для путешественниковъ. Они уговорились, чтобы Аудгислъ принесъ воды, Галльфредъ развелъ огонь, а Аунундъ накололъ дровъ. Галльфредъ снялъ свой поясъ, къ которому привѣшенъ былъ ножикъ, какъ носили въ то время: ножикъ попалъ ему на спину, когда онъ набрасывалъ поясъ на шею и нагибался раздувать огонь. Въ ту же минуту Аунундъ вернулся назадъ, подошелъ къ Галльфреду, взмахнулъ своей большою сѣкирой и ударилъ его поперекъ спины. Ударъ пришелся въ ножикъ, и Галльфредъ получилъ только легкія раны по обѣимъ сторонамъ ножа: ухвативъ Аунунда за ноги, онъ повалилъ его и закололъ короткимъ мечемъ, который носилъ подъ платьемъ. Аудгислъ не возвращался. На разсвѣтѣ другаго дня Галльфредъ пошелъ искать его и нашелъ убитаго у колодца. Онъ понялъ, что Аунундъ былъ одинъ изъ людей, дѣлавшихъ опасною дорогу по глухимъ пограничнымъ лѣсамъ для купцовъ и другихъ путешественниковъ, которые ѣхали не съ пустыми руками. Похоронивъ Аудгисла, онъ взялъ его поясъ съ ножемъ и продолжалъ путь съ лошадьми и поклажею къ востоку; одно затрудняло его: онъ не зналъ дороги. Къ вечеру послышалось ему, что колютъ дрова въ лѣсу. Онъ отправился въ ту сторону и выѣхалъ на лѣсную засѣку. Человѣкъ, рубившій дрова, былъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, съ рыжею бородою, съ темными густыми бровями, и смотрѣлъ очень не ласково. На вопросъ Галльфреда онъ отвѣчалъ: «Меня зовутъ Біёрнъ: я живу не далеко отсюда въ лѣсу; пойдемъ ночевать ко мнѣ; въ моемъ домѣ будетъ для тебя довольно мѣста: я постерегу и твои товары.» Галльфредъ пошелъ съ нимъ, но крестьянинъ казался ему нѣсколько подозрительнымъ:

въ глазахъ у него такъ и сверкала жадность. Біёрнъ прекрасно угостилъ путника. На дворѣ было много народа. Ночью крестьянинъ и жена его легли на кровать съ дверцею впереди; въ той же комнатѣ помѣстился и Галльфредъ на кровати съ такимъ же отверстіемъ. Однако жь, боясь злаго умысла, онъ не раздѣвался и не ложился, но присѣлъ на краю постели и вынулъ мечъ, подаренный ему Олофомъ Триггвасономъ. Въ самую глубокую ночь крестьянинъ всталъ, взялъ копье и кольнулъ имъ въ кровать Галльфреда. Но этотъ ударилъ его мечемъ и ранилъ смертельно. Въ домѣ поднялся шумъ. Зажгли огонь, жена Біёрна бросила платьемъ въ Галльфреда, который приготовился къ оборонѣ. Его одолѣли, связали, повели на тингъ судить. Но поясъ и ножъ Аудгисла, которые онъ представилъ въ подтвержденіе своихъ показаній, были узнаны женою убитаго, умною Ингебергою. Она съ своимъ отцемъ, Тораромъ, отправилась на дворъ Біёрна. Тамъ нашли всѣ пожитки Галльфреда и ея покойнаго мужа. Послали людей въ западную сторону лѣса, и тогда оказалось, что подсудимый разсказывалъ правду. [388] Такая же гостинница для проѣзжихъ находилась на дорогѣ изъ Трондгема въ Іемтландъ. Эти пристанища въ дремучихъ пограничныхъ лѣсахъ, по которымъ пролегали торговыя дороги, назывались Saelohus. Они были обширны, можетъ быть, потому что купцы ѣздили многочисленными обществами для лучшей безопасности отъ разбойниковъ. Это можно заключать изъ разсказа, что однажды вечеромъ 12-ть купцевъ прибыли въ гостинницу Іемтландскаго лѣса и нашли тамъ ночлегъ для себя и помѣщеніе для товаровъ, хотя въ эту же ночь остановились тамъ и другіе проѣз-

---

[388] Онъ провелъ зиму у Ингеборги; съ нимъ обходились ласково; жителямъ было что разсказать про него. Онъ и Ингеборга, продолжаетъ сага, не гнушались другъ друга, не смотря на то, что одинъ былъ Христіяниnъ, а другая язычница. Онъ просилъ ея руки и получилъ ее. Спустя два года какой-то сонъ возбудилъ въ немъ желаніе вернуться въ Норвегію къ Олофу Триггвасону; съ нимъ пошла и Ингеборга. Она уже родила ему сына; другаго принесла въ Норвегія; вскорѣ потомъ умерла, и Галльфредъ очень тужилъ по ней. Перваго сына, Аудгисла, подававшаго большія надежды, онъ послалъ въ Швецію къ тестю, Торару, въ Гёталандѣ, другаго поручилъ одному почтенному человѣку въ Трондгемѣ для воспитанія, а самъ вернулся на родину, въ Исландію. Olof Tryggv. saga. Ср. выше прим. 55.



жіе. [389] Считалось предупредительнымъ и вѣжливымъ поступкомъ при отъѣздѣ съ ночлега оставлять наколотыя дрова, чтобы будущіе проѣзжіе тотчасъ же могли обогрѣться и осушиться.

Впрочемъ, о состояніи внутренней торговли мы знаемъ только, что тинги [390] и праздники соединялись съ ярмарками. На великомъ февральскомъ праздникѣ въ Упсалѣ (Göie, Февраль), во время общаго тинга, происходила и ярмарка, продолжавшаяся цѣлую недѣлю. Вѣроятно, то же обыкновеніе соблюдалось и въ другихъ областяхъ: мѣста жертвоприношеній и тинговъ были также мѣстами ярмарокъ. Отъ того, безъ сомнѣнія, получили начало многіе города въ Швеціи, на примѣръ, Скара [391] въ Вестготландѣ, Ліонгакёпунгеръ [392] (Линкёпингъ), въ Остгётландѣ, Стренгіанесъ [393] (Strengnaes) въ собственной Зюдерманландіи, Телге [394] въ Сеёдертёрне, Торсгаргъ (нынѣ Торсгелла) въ Рекарне, [395] и другія. Торговля была мѣновая; если же товары не отвѣчали одни другимъ въ цѣнѣ, то разница доплачивалась серебромъ и золотомъ по вѣсу. Мы уже говорили, въ первой части «Походовъ Викинговъ», [396] что для этой цѣли употреблялись разной величины золотые и серебряные перстни, или пластинки, разрѣзываемыя по мѣрѣ надобности, и что для того же пользовались и иноземною монетою. Въ это время еще не чеканили своихъ денегъ, по крайней мѣрѣ, до Олофа Скётконунга, а относительно монетъ, ему приписываемыхъ, мнѣнія археологовъ еще несогласны.

---

[389] Olof Haralds. saga, у Снорре Стурлесона. Ср. соч. Швед. ист. I, стр. 447.

[390] Ol. Haralds. saga, у Снорре Стурлесона.

[391] О немъ упоминается (въ Ol. Haralds. saga, у Снорре Стурлесона), какъ о торговомъ городѣ (Kaupstadr at Skörum) и пребыванія ярла и лагмана. Также называетъ его и Gunnlaug Ormst. saga. — И Адамъ Бременскій. (De situ Daniae) упоминаетъ «civitatem Gothorum magnam Scarane.»

[392] Нигдѣ не называется торговымъ городомъ: изъ Ostgota Lagen (Остгот. законовъ) видно, что онъ былъ мѣстомъ общаго тинга Остготовъ, и называется тамъ Lionga thing.

[393] См. Legenda saga Eskilli въ Script. rer. Svec. II.

[394] Упоминается у Адама Бременскаго l. c.

[395] Самое имя говоритъ о язычествѣ.

[396] См. Походы Викинговъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

РЕМЕСЛА, РУКОДѢЛЬЯ, ХУДОЖЕСТВА.

I. Всякой зналъ какую нибудь работу, сколько было нужно. Вообще, очень хорошо знали судостроеніе. Древнія саги часто говорятъ о людяхъ, бывшихъ отличными корабельными мастерами: но уже само собою понятно, что народъ-мореплаватель, подобный Скандинавскому, между которымъ всякой зажиточный поселянинъ владѣлъ кораблемъ, или нѣсколькими судами, долженъ былъ имѣть нѣкоторое искуство въ судостроеніи. Обыкновенно строили суда, заостренныя съ обоихъ концовъ и давали имъ видъ драконовъ, змѣй, или другихъ животныхъ; [597] передняя часть судна имѣла сходство съ головой животнаго, а задняя — съ хвостомъ его. Корабль, отнятый Олофомъ Триггвасономъ у Раудура Рамме, Норвежскаго поселянина, имѣлъ въ передней части голову дракона и оканчивался хвостомъ; распущенные паруса походили на крылья дракона. «Этотъ корабль, прибавляетъ сага, [598] былъ одинъ изъ лучшихъ во всей Норвегіи.» Военный корабль, на которомъ Олофъ Дигре, въ союзѣ съ королемъ Анундомъ, дѣлалъ опустошительный набѣгъ на Данію,

---

[597] Знаки крѣпкой силы, храбрости, покровителей-боговъ. И Друиды (какъ и по сіе время Индусы) считали особенно счастливыми змѣй и. другихъ животныхъ, и приписывали имъ оберегающую силу отъ злыхъ духовъ. Павзаній разсказываетъ, что передъ сраженіемъ при Саламинѣ показался драконъ на Аѳинскихъ корабляхъ: спросили объ этомъ предзнаменованіи Дельфійскаго оракула, который отвѣчалъ, что этотъ драконъ — герой Кихрей.

[598] Olof Tryggvas. saga, у Снорре Стурлесона.

назывался Visund или буйволъ: носъ корабля представлялъ голову буйвола, а къ кормѣ былъ придѣланъ змѣиный, или рыбій, хвостъ. Сигватеръ Скальдъ воспѣлъ его такъ:

Олофомъ посланъ въ бой съ пучиной
Визундъ съ расписаннымъ хвостомъ,
Рога вола порою той
Въ волнахъ обильныхъ окунулись. [399]

Другой корабль, которымъ тотъ же Король начальствомъ въ битвѣ при Несін, [400] съ Свеномъ ярломъ, назывался Karlshaufdi, «Молодецкая голова,» потому что на корабельномъ носу была Королевская голова, вырѣзанная самимъ Олофомъ: такія головы долго ставились на корабляхъ вождей въ Норвегіи. [401] Ихъ можно было снимать и опять ставить по произволу: по предписанію древнихъ Исландскихъ законовъ никто не могъ подплывать къ берегу такъ близко, что могли видѣть его оттуда, съ раскрытою пастью у головы корабля, чтобы не испугать духовъ — покровителей страны. [402] Бока кораблей обносились высокими деревянными брустверами, какъ для того, чтобы не дать непріятелю сцѣпиться для рукопашнаго боя, такъ и отъ напора волнъ при сильной бурѣ, для чего у мореходныхъ судовъ боковыя края обыкновенно были выше, нежели у военныхъ. Деревянные брустверы, или широкій край, обходили кругомъ всего корабля; самый брустверъ на всякой сторонѣ имѣлъ ворота, чрезъ которыя можно было выходить на края. По срединѣ корабля возвышалась единственная мачта, устроенная такимъ образомъ, что ее можно было снимать и опять ставить, смотря по надобности. Кромѣ того многія суда имѣли бугшпритъ, который, по желанію, убирался и выставлялся. Передняя и задняя части корабля были крытыя. Въ первой находился вѣстовой (Märkisman), въ послѣдней кормчій; мѣсто для гребцовъ называлось Roderkult (гребцовое мѣсто). Средняя часть корабля, Krappraum, была назначена для войска

---

399 Harald. saga, у Снорре Стурлесона. Ср. Magnus den Godes saga.

400 Это сраженіе происходило въ Вербное воскресенье, 30-го Марта, 1018 года. Ср. соч. Швед. ист. I, 379.

401 Ol. Har. saga, у Снорре Стурлесона.

402 Landnama.

и накрывалась палаткою изъ толстаго сукна, или парусины, для предохраненія людей отъ вліянія погоды. Обыкновенно предпочитались палатки чернаго цвѣта: * передъ сраженіемъ ихъ снимали изъ опасенія, чтобы онѣ не свалились. Въ передней и задней части судовъ находились черпальни: насосовъ въ то время не знали, и нѣсколько человѣкъ изъ экипажа всегда заняты были отливаніемъ воды ведрами, если море волновалось; отъ того-то въ сильную бурю не могли держаться подъ самымъ вѣтромъ, но принуждены бывали убирать паруса и плыть на веслахъ. Саги рѣдко опредѣляютъ мѣрою величину древнихъ кораблей, а обыкновенно по румамъ (пространствамъ, Räume), полурумамъ и лавкамъ для гребцовъ. Норвежскій законъ (Gulatings-lage) Гакана Адальстена предписываетъ, чтобы длинные корабли имѣли отъ 20 до 25 лавокъ; но если при сборѣ въ походъ, сказано въ законѣ, какой корабль нельзя было снабдить достаточнымъ числомъ людей, то надлежало обрубать корабельный руль и убавлять длину корабля, сообразно съ числомъ готоваго для него экипажа; однако жь, ни одинъ корабль не могъ имѣть менѣе 13-ти лавокъ. [403] Саги упоминаютъ о корабляхъ о 30, даже о 60-ти румахъ. Впрочемъ, слѣдуетъ еще рѣшить Археологіи, что разумѣли въ древности подъ именемъ румовъ и полурумовъ на корабляхъ. На «Длинной змѣѣ» (Ormen Lange), самомъ большомъ кораблѣ, построенномъ на Сѣверѣ за 1000 лѣтъ предъ симъ, было 34 рума: этотъ корабль имѣлъ 74 аршина длины; [404] слѣдовательно, равнялся величиною нашимъ небольшимъ фрегатамъ. [405] Суда, смотря по

---

[403] Håkan Adalstens Gulatings-Lag, Ledunga Balken.

[404] Olof Tryggvas. S. у Снорре Стурлесона (Копенг. изд.)

[405] Обыкновенно полагаютъ, что Rum означало пространство между скамьями гребцовъ, почему и думали, что корабль Канута Великаго, Драконъ, о которомъ сказано, что онъ былъ sextugur at ruma talee, имѣлъ шестьдесятъ такихъ скамей (Ср. соч. Швед. истор. I, стр. 433). Если для узнанія величины этого корабля принять мѣриломъ отношеніе, какое показано между длиною и числомъ румовъ корабля Длинная змѣя, то выйдетъ, что Драконъ Канута былъ огромнѣе самыхъ большихъ линѣйныхъ кораблей XIX-го столѣтія. Отъ того остается еще вопросомъ, на сколько справедливо разумѣть подъ именемъ румовъ скамьи гребцовъ? Ср. F. H. Jahn, om Nordens Krigsvae sen i Middelalderen (О военномъ искуствѣ на Сѣверѣ въ средніе вѣка).

* Weinhold, Altnord. Leben.



ихъ величинѣ, имѣли отъ 20 до 200 человѣкъ экипажа. Купеческія или ластовыя, суда, Byrdinger, были большія и крѣпкія; въ каждомъ помѣщалось до 20 человѣкъ; они плавали и въ открытое море; между прочимъ на нихъ торговали лѣсомъ. Всѣ суда, назначаемыя для военныхъ походовъ, имѣли общее названіе длинныхъ кораблей; одинъ родъ ихъ назывался шнеки, узкія и продолговатыя, съ низкимъ бортомъ и длиннымъ носомъ: эти быстрыя на ходу суда обыкновенно употреблялись для предпріятій, требовавшихъ поспѣшности. Аши (ascus) отличались отъ другихъ величиною: каждое вмѣщало до ста человѣкъ. На такихъ ашахъ Норманны дѣлали нападенія на Саксонію и Фрисландію и назывались по нимъ Ашманнами. По строительному матеріялу, суда назывались Эйхи, какъ еще нынѣ называются въ Богусланѣ малыя и узкія суда въ 16-ть аршинъ длины, ровнаго хода и строятся большею частію изъ выдолбленной пихты. Также легки и сверхъ того быстры на ходу были шюты, посылавшіяся для разузнанія впередъ большихъ кораблей. На этихъ, хотя и небольшихъ, судахъ, помѣщалось, однако жь, до 30 человѣкъ. Knorrar, кнеры, извѣстны были всѣмъ Германскимъ племенамъ. Рагнаръ Лодброкъ, для похода въ Англію, велѣлъ построить двѣ неслыханной величины кнеры; но его жена, Аслауга, отсовѣтовала ему плыть на нихъ, потому что лучше выходить въ море на длинныхъ судахъ. Кнеры средней величины легки и быстры на ходу. Ихъ не употребляли для военныхъ предпріятій. Крѣпки и удобны для войны были эллиди различной величины и обыкновенно обитыя желѣзомъ. Они свойственны не одному Сѣверу, но были извѣстны и Верхнегерманскимъ племенамъ. На Боденскомъ озерѣ большое, въ 100 футовъ длины, судно еще и нынѣ называется Lädin. Драхи (драконы), особенно великолѣпные корабли военныхъ флотовъ: они велики, прочны, съ высокимъ бортомъ и разными украшеніями. * Свое названіе они получили отъ драконовой головы на корабельномъ носу и хвостообразной кормы. [406] При распущенныхъ парусахъ они въ самомъ дѣлѣ походили на драконовъ. Саги описываютъ множество такихъ кораблей.

---

[406] Это примѣч. Стриннгольма мы считаемъ излишнимъ: оно говоритъ о названіяхъ разныхъ Норманнскихъ судовъ, приведенныхъ нами уже въ самомъ текстѣ.

* Weinhold, Altnord. Leben.



Пышнѣе всѣхъ украшенъ былъ драконъ Грольфа Гаутрексона, отбитый имъ у Викинга Гринара. Предъ выходомъ въ море Король велѣлъ расписать его разноцвѣтною краскою. Съ шеи до бортовъ онъ залитъ былъ золотомъ. Такую же нарядную наружность имѣлъ драконъ Гальдана Гривгсона: носъ отличался прекрасною рѣзною работою; корабль богато обитъ былъ сталью, однако жь, не имѣлъ недостатка и въ золотѣ. Длина такихъ кораблей была различна, смотря по числу веселъ; упоминаютъ объ одномъ въ 70 веселъ: онъ былъ, вѣроятно, очень широкъ, а вышиною походилъ на замокъ. Вообще Скандинавы украшали свои суда чрезвычайно пышно. «Они, по словамъ одного современнаго ученаго, [407] имѣли полное право щеголять кораблями, потому что не было ни одного народа, равнаго имъ въ мореплаваніи.» Нѣкоторые расписывали свои суда бѣлою и красною краскою: другіе дѣлали полосатые паруса, [408] многіе позолочивали носы кораблей; часто покрывались золотомъ [409] и кормы; въ ясную погоду борты кораблей увѣшивались позолоченными, раскрашенными щитами: все это вмѣстѣ составляло прекрасную военную картину.

У всѣхъ большихъ кораблей были особенныя названія. Скандинавы обыкновенно отличали собственнымъ именемъ дорогіе для нихъ неодушевленные предметы, и тѣмъ самымъ возводили ихъ на степень живыхъ существъ. Особливо одушевляли корабль: какъ герой обращается въ сраженіи съ просьбою и увѣщаніемъ къ вѣрному мечу, такъ и мореходецъ, въ минуту бури и опасности, говоритъ ободряющія слова кораблю: «Счастливый путь, Эллиди!» говорилъ Фридіофъ своему кораблю: «Мчись по волнамъ, бей въ чело и зубы чародѣйку, въ щеки и подбородокъ злую женщину, ломай ноги у чудовища!» И Эллиди слушался, потому что понималъ голосъ человѣка, и сокрушалъ хребетъ чародѣйки.

---

407 Finn Magnusen, Förelåsningar öfver Nordiska Archaebogia.

408 Исландецъ Финнбоге Сильный, проживавшій нѣсколько времени у одного поселянина въ Галогаландѣ въ Норвегіи, находилъ лучшее удовольствіе въ томъ, чтобы любоваться на красивые корабли, прохо ившіе мимо. Finnboge d. Starken saga

409 Разсказы о томъ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ въ сагахъ Олофа Триггвасона, Олофа Гаральдсона и въ другихъ сагахъ у Снорре Стурлесона.

* Weinhold, Altnord. Leben.



Изъ баснословныхъ кораблей извѣстны: Naglfar, построенный изъ ногтей всѣхъ умершихъ: на немъ, съ своею злою роднею, плыветъ исполинъ Гримъ на пагубу міра; потомъ корабль Фрея, такой искусной работы карликовъ, что стоило только распустить его паруса, и тотчасъ начиналъ дуть попутный вѣтеръ; этотъ корабль, не смотря на то, что въ немъ умѣщались всѣ боги въ полномъ вооруженіи, можно было складывать, какъ сукно, и убирать въ карманъ; корабль Бальдера, на которомъ сложенъ былъ костеръ этого бога, въ пламени поплылъ съ нимъ въ открытое море.

II. Скандинавы, какъ корабельщики и военные люди, не были незнакомы и съ кузнечнымъ дѣломъ. Даже такіе Короли, какъ Олофъ Дигрс и Гаральдъ Гардрадъ, и многіе знатные люди, подобные Рагнвальду ярлу на Оркадскихъ островахъ, славились не только искуствомъ владѣть оружіемъ, но и приготовлять его. Оружейный мастеръ пользовался такимъ же высокимъ уваженіемъ, какъ и скальдъ: ремесло его было почетное. Король Сигурдъ Сиръ, въ Норвегіи, имѣлъ на своемъ дворѣ оружейную; [410] кажется, и на всѣхъ зажиточныхъ дворахъ были такія оружейныя; саги упоминаютъ о наковальняхъ, мѣхахъ, молоткахъ, щипцахъ, какъ объ извѣстныхъ орудіяхъ. [411] Древнее названіе Далекарліи или ландгауптманнства Сторы Коппарберга, словомъ «Большая мѣдная гора» указываетъ, что приготовленіе желѣза изъ туземной руды не было вовсе неизвѣстно въ древности. Всего менѣе, однако жь, можно воображать себѣ разработку желѣзныхъ рудниковъ въ то время, когда механическія работы были мало извѣстны и химія принадлежала къ числу незнакомыхъ наукъ. За то болотная руда добывалась легко. Она встрѣчается вездѣ на Сѣверѣ подъ названіемъ: Mom въ Далекарліи, Orke или Waerke въ Герьедаленѣ и Іемтландѣ. Для приготовленія изъ нея металла, нужны только руки да немного труда. Слабымъ дуновеніемъ мѣховъ въ небольшихъ печахъ, или ямахъ, сложенныхъ изъ камня и глины, она могла переливаться въ небольшія плитки, извѣстныя подъ именемъ «болотнаго желѣза.» Этотъ простой способъ приготоленія, употребляемый въ верхней Далекарліи и другихъ отдаленныхъ мѣстахъ, подъ именемъ «болотной» работы и языческаго про-

---

[410] Olof Harald. saga, у Снорре Стурлесона.
[411] Eigils saga, и другія.

* Weinhold, Altnord. Leben.

изводства, безъ сомнѣнія, составлялъ горное дѣло, которымъ занимались во время язычества. Искуство приготовлять болотное желѣзо легко могло привести къ добыванію стали. Стальныя горы упоминаются въ Швеціи не задолго до введенія тамъ Христіянства. Для объясненія того, одинъ знатокъ горнаго дѣла говоритъ слѣдующее: [414] «Извѣстно, что грубое желѣзо черезъ переплавку въ горнилѣ слесаря, можетъ обратиться въ кузнечное и даже въ сталь; нѣкоторыя руды, и при особенномъ устройствѣ печей и измѣненномъ способѣ плавленія, даже грубое желѣзо въ переплавкѣ, могутъ доставить хорошее полосовое желѣзо и даже сталь; отсюда видно, почему сталь могла считаться туземнымъ произведеніемъ страны въ концѣ языческаго періода, и почему стальныя горы попали въ Государственное уложеніе 1303 года.» Сѣверное сказаніе о подземныхъ чернѣе смолы декельфахъ и карликахъ, жившихъ въ камняхъ и горахъ и приготовлявшихъ прекрасныя оружія, указываетъ на какихъ ни будь горцевъ, промышлявшихъ приготовленіемъ грубаго желѣза и очень искусныхъ въ кузнечномъ дѣлѣ. Также сказаніе объ искусныхъ Асахъ, какъ они разводили очаги, дѣлали наковальни, ковали молоты, щипцы и разныя другія орудія, указываетъ на древнее, еще въ доисторическое время извѣстное, знаніе металлическаго производства. Саги часто разсказываютъ объ искусныхъ кузнецахъ. Были также мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ: Два такіе мастера, находившіеся при дворѣ Сигрида Сторрады, были очень опытны въ этомъ ремеслѣ: взявъ большое кольцо, [415] подаренное Королевѣ Олофомъ

---

[414] J. E. Angman, Разсужденіе о состояніи и судьбахъ Шведскаго Горнозаводства. Vitterhets-Historie och Antiquitets Akademiens Handlingar. VIII.

[415] Она была мать Шведскаго Короля, Олофа Скётконунга. Олофъ Триггвасонъ сваталъ ее и получилъ ея согласіе. Потомъ онъ послалъ ей большое золотое кольцо, прежде висѣвшее на дверяхъ языческаго храма въ Гладарѣ и снятое Королемъ, когда храмъ, по его приказанію, стали ломать. Всѣ хвалили прекрасный подарокъ, считали его драгоцѣннымъ украшеніемъ, а Королева была въ восторгѣ. Тамъ находились два мастера золотыхъ дѣлъ. Чтобы всѣ могли любоваться кольцомъ, оно переходило отъ одного къ другому. Эти мастера взвѣсили его на рукѣ, пошептались другъ съ другомъ, однако жь не сказали ни слова въ похвалу кольца. Королева подозвала ихъ и спросила, отъ чего такое пренебреженіе къ Королевскому подарку? Не нашли ли они какой ни будь фальши въ немъ? Они отвѣчали, что кольцо съ подлогомъ, разломили

Триггвасономъ, они могли заключить по его вѣсу, что оно фальшивое. И въ Исландіи были кузнецы, умѣвшіе очищать серебро и приготовлять [414] изъ него разныя вещи; въ Норвегіи одинъ молодой человѣкъ, по имени Кале, за такое мастерство прозванъ былъ «Серебрянымъ Кале.» [415] По украшеніямъ, очень хорошей работы, оружіямъ и другимъ вещамъ, находимымъ въ родовыхъ курганахъ, можно судить, что Скандинавы были искусны въ металлическихъ издѣліяхъ. Многія мѣста въ сагахъ говорятъ также объ ихъ мастерствѣ въ рѣзной работѣ на деревѣ. Олофъ, сынъ Гескульда, за страсть къ щегольству прозванный Павлиномъ (Раа), начальникъ въ Даларнѣ, въ Исландіи, въ X-мъ вѣкѣ, построилъ, на своемъ дворѣ, такую огромную комнату для гостей, какой и не видано было прежде; всѣ стѣны и потолокъ украшались рѣзьбою на деревѣ, изображавшею сцены изъ Сѣверной Миѳологіи; «рѣзьба, прибавляетъ сага, была такъ искусна, что, по общему мнѣнію, нельзя бы было такъ хорошо убрать комнату обоями.» [416] Одинъ славный Исландскій скальдъ, Ульфъ Уггесонъ, воспѣлъ древнія сказанія, тотчасъ вырѣзанныя на деревѣ художникомъ. Это стихотвореніе называлось Husdrapa. До насъ дошло нѣсколько отрывковъ изъ него, изъ которыхъ видно, что одна вырѣзанная группа представляла погребеніе Бальдера и шествіе боговъ къ костру его; другая борьбу Тора съ змѣею Мидгарда и исполиномъ Имеромъ; третья бой Геймдала и Локе за одно украшеніе (Brisinga). По свѣдѣтельству Арнгрима Іонсона, Исландскаго ученаго XVI вѣка, въ его время можно было видѣть разную работу на деревѣ Торда Греде, великаго художника X-го столѣтія: она украшала балки и стѣны его дома. [417] Сказанія о мастерскихъ произведеніяхъ этого человѣка еще въ XVIII столѣтіи ходили въ Исландіи: на балкахъ различныхъ старинныхъ спаленъ

его и нашли мѣдь. Сигрида разсердилась: она говорила, что Олофъ, пожалуй, обманетъ ее и въ чемъ ни будь другомъ, если успѣетъ. На этотъ разъ ихъ размолвка кончилась миромъ; но когда Олофъ потребовалъ отъ невѣсты, чтобы она крестилась, женитьба разстроилась. Ср. соч. Швед. ист. I, стр. 344 и слѣд.

[414] Harald Gråfålls S., у Снорре Стурлесона.

[415] Ol. Tryg. S.

[416] Laxd. S.

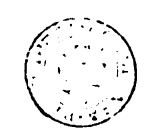
[417] Arngrimi Jonae Chrymog.

думали находить ровные и широкіе слѣды его рѣзца; есть сказаніе, что онъ вырѣзалъ на деревѣ самого себя верхомъ на лошади.[418] Другой Исландецъ, Торкелъ Гаукъ, велѣлъ у себя надъ постелью и креслами вырѣзать свои подвиги въ чужихъ краяхъ, битвы съ чудовищами, драконами и Викингами.[419] Есть много другихъ указаній въ сагахъ, что въ древности не было необыкновеннымъ украшать рѣзьбою панели камнатъ и большіе столбы домохозяйскихъ креселъ, также толстыя ножки скамеекъ и кроватей: на нихъ вырѣзывались особливо лики боговъ, богатырей и картины древнихъ событій, о которыхъ память сохранялась въ пѣсняхъ. Изъ разсказовъ о храмовыхъ идолахъ видимъ, что Скандинавы умѣли вырѣзывать изъ дерева цѣлыя статуи: онѣ не были грубой работы, судя по описаніямъ ихъ глазъ, чертъ лица, рукъ и всей осанки. Статуи были частію огромныя, сдѣланныя изъ цѣльнаго дерева, частію въ обыкновенный ростъ человѣка, съ живописными лицами и руками, одѣтыя въ платье. Когда Олофъ Триггвасонъ хотѣлъ принудить Норвежскихъ поселянъ въ Нордмёре къ Христіянству, Іернскеггъ, одинъ значительный поселянинъ, всталъ съ мѣста и сказалъ Королю: «Ахъ, кабы ты видѣлъ нашего бога Тора во всемъ украшеніи! Полагаемъ навѣрное, что чѣмъ дольше и пристальнѣе будешь смотрѣть на него, тѣмъ прекраснѣе онъ покажется тебѣ.» Король вошелъ въ храмъ съ нѣкоторыми изъ своихъ людей и поселянъ: всѣ были безъ оружія, кромѣ самаго Короля, державшаго въ рукѣ оправленную золотомъ палку. Въ храмѣ увидали множество рѣзныхъ изображеній боговъ. По срединѣ ихъ сидѣлъ Торъ. Онъ былъ высокаго роста и весь покрытъ серебромъ и золотомъ. Колесница, въ которой онъ сидѣлъ, съ украшеніями изъ золота, имѣла блестящій видъ. Въ нее запряжены были два козла, прекрасно вырѣзанные изъ дерева; колесница и козлы легко могли двигаться съ помощію колесъ. Рога козловъ обвивала золотая цѣпь. Вся работа была очень искусна. Король долго стоялъ и внимательно смотрѣлъ на статую. Іернскеггъ замѣтилъ это и сказалъ: «Не отгадалъ ли я, что Торъ понравится тебѣ, если его увидишь: мнѣ кажется, ты засмотрѣлся на него не глазами врага.» — «Совсѣмъ нѣтъ, возразилъ Король: я не думаю здѣсь

---

418 Antiqu. Annal. 1. Cp. Forn-nordiska Haefder.

419 Nials saga.





видѣть самаго Тора, а только статую его, которая безсильна противъ истиннаго Бога: въ этомъ я убѣжденъ.» Онъ подошелъ къ колесницѣ, перекрестился и дернулъ за цѣпочку, навитую на козловъ: они тотчасъ тронулись съ мѣста и пошли за нимъ. Іерискеггъ сказалъ съ усмѣшкою: «Что такое, Король, помирило тебя съ Торомъ и сдѣлало его рабомъ? Я видалъ разныхъ Королей, про другихъ читалъ саги, но никогда не слыхалъ, чтобы кто изъ нихъ возилъ колесницу Тора, и мнѣ думается, что ты показалъ ему великій примѣръ покорности и поступилъ на службу къ нему и другимъ богамъ.» Короля взбѣсили эти слова. Онъ взмахнулъ палкою и нанесъ Тору такой сильный ударъ, что тотъ упалъ съ колесницы и очень изломался; въ ту же минуту Королевскіе люди схватили другія статуи и сбросили ихъ съ пышныхъ подножниковъ. Сага, разсказывающая о томъ, [490] говоритъ, что Торкеллъ Дидрилъ, дядя Олофа Триггвасона, [491] нашелъ много серебряныхъ денегъ, которыя сохранялись Гаканомъ Ярломъ въ выдолбленномъ деревянномъ козлѣ: эта статуя обшита была настоящею козлиною кожею, походила на живаго козла и съ помощію колесъ могла двигаться, куда угодно. Вѣроятно, козелъ въ колесницѣ Тора имѣлъ такое же назначеніе въ какомъ ни будь языческомъ храмѣ, гдѣ, какъ въ надежномъ мѣстѣ, обыкновенно сберегали деньги и другія драгоцѣнности. [492] Торкеллъ отдалъ свою находку Олофу Триггвасону, но получилъ ее обратно, для поощренія въ поискахъ другихъ кладовъ, припрятанныхъ Гаканомъ Ярломъ. Однажды Торкеллъ провожалъ Короля лѣсомъ въ какое то отдаленное, глухое мѣсто, гдѣ стоялъ домъ. Вошедши туда, они увидали, что все было прекрасно прибрано: на высокомъ богатомъ креслѣ сидѣла женщина въ дорогомъ платьѣ. «Кто это?» спросилъ

---

[490] Ol. Tryggv. saga (Скальгольт. изд.)

[491] Тотъ же самый, что управлялъ Королевскимъ кораблемъ Траналомъ (журавлемъ) въ сраженіи при Свольдерѣ. Ср. соч. Швед. истор. I, стр. 355 и слѣд. Битва при Свольдерѣ, происходила въ 1000-мъ году: въ ней погибъ Олофъ Триггвасонъ, замѣчательный неудачными попытками ввести Христіянство на Сѣверѣ (въ Норвегіи). Его прежняя невѣста, Сигрида Сторрада, вышедшая за Эрика Побѣдоносснаго въ Швеціи, подговорила своего мужа къ войнѣ съ Олофомъ Триггвасономъ, у котораго и въ Норвегіи былъ страшный врагъ, Гаконъ Ярлъ. Отъ Эрика и Сторрады родился Олофъ Скетконунгъ, первый Христіянскій Король на Сѣверѣ, ум. въ 1024 году.

[492] Срав. Forn-nordiska Haefder.

Король. «Если вы знаете, отвѣчалъ Torkелъ, задушевную подругу Гакана Ярла, Торгерду Гергабруду, то она передъ вами.» Король началъ всматриваться пристальнѣе и увидѣлъ, что мнимая женщина—статуя богини Торгерды. Онъ взялъ себѣ ея пышныя платья, золотыя и серебряныя украшенія съ разными другими драгоцѣнностями, убранными въ двухъ ящикахъ, стоявшихъ возлѣ богини. Статую ея Король велѣлъ сжечь. По множеству идоловъ, не только украшавшихъ храмы, но и принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, можно заключить съ нѣкоторою вѣроятностію, что Скандинавы имѣли навыкъ и способность къ ваянію такого рода. Впрочемъ, до насъ не дошло ни одной статуи ихъ работы, чтобы судить объ ихъ искуствѣ. Стаи змѣй и прочія наружныя украшенія на древнихъ руническихъ камняхъ вообще не представляютъ особеннаго искуства въ исполненіи. Но рѣзьба на деревѣ была употребительнѣе и легче, чѣмъ на твердомъ камнѣ. Вылитые идолы, найденные въ Славянскихъ храмахъ, большею частію представляютъ искуство въ грубомъ состояніи; [423] но рѣзная работа, которою обыкновенно украшались внутреннія и наружныя стѣны храмовъ, по словамъ современныхъ писателей, [424] отличалась удивительнымъ мастерствомъ и красотою въ отдѣлкѣ: изображенія людей, птицъ и звѣрей были такъ естественны, что, казалось, будто они живутъ и дышатъ. Такъ же описываетъ и Саксо чрезвычайно искусную рѣзьбу [425] въ главномъ Рюгенскомъ храмѣ. Но, конечно, нельзя имѣть, слишкомъ высокаго понятія о произведеніяхъ тогдашняго искуства. Вѣроятно, жители Скандинавіи не отставали въ томъ отъ своихъ Прибалтійскихъ сосѣдей, Славянъ. Еще и нынѣ природная способность и склонность къ рѣзной работѣ отличаютъ Шведскихъ и Норвежскихъ крестьянъ, также и Исландскихъ. Видали ихъ прекрасныя произведенія, вырѣзанныя самыми грубыми орудіями и безъ всякой подготовки. Это перешло къ нимъ по наслѣдству отъ предковъ, которыхъ способность и любовь къ искуству доказывается удовольствіемъ, какое они находили въ украшеніи рѣзьбою кораблей и домовъ.

---

[423] Нѣкоторыя изъ нихъ вылиты съ большимъ вкусомъ и обличаютъ Греческій стиль и происхожденіе.

[424] См. житіе св. Оттона, Епископа Бамбергскаго въ «Script. rer. Bambergens.» Ср. Дитмара Хронику

[425] Lib. XIII.



III. Изображеніе дѣлъ храбрыхъ современниковъ и древнихъ замѣчательныхъ событій занимало красавицъ знатнаго происхожденія и составляло обыкновенный предметъ ихъ искуснаго тканья и вышиванья. Брингильда вышила по сукну [426] золотомъ славныя дѣла Сигурда: умерщвленіе Фафнера, похищеніе клада и смерть Регина. [427] Съ нею соперничала въ рукодѣльи несчастная дочь Короля Гюке, * красивая Гудруна. Вмѣстѣ съ Торою, дочерью Гакона, она работала обои; изображала на нихъ подвиги и игры богатырей, вышивала по тканью мечи, панцыри и весь королевскій нарядъ, также корабли Сигмунда въ минуту ихъ отплытія отъ берега; вышивала битвы Сиггара и Сиггейра въ южномъ краю. Она сама говоритъ о томъ въ пѣснѣ Эдды:

Мы спускались съ горы:
Путь нашъ длился пять дней,
Какъ увидѣла я
Гальфа свѣтлый чертогъ.
Съ полугодомъ семь лѣтъ
Въ этой Датской землѣ
Провела я съ Гаконовой Торой.

Въ утѣшенье мое
Тора выткала мнѣ
Золотыхъ лебедей,
Золотые Зюдландскіе замки.

На узорахъ у насъ
Красовались бойцы
Въ ихъ кровавыхъ бояхъ.
Вышивали мы съ ней
Какъ Король воевалъ:
Много въ свитѣ его
Краснопвѣтныхъ щитовъ
И удалыхъ бойцовъ:
Цѣлымъ войскомъ мечи шли да шлемы.

Какъ Сигмунда суда
Покидали страну,
Всѣ въ одеждѣ златой,

---

[426] «Hun lagdi sinn borda med gulle ok saumade.»

[427] Volsunga saga.

* Гюке побѣжденный и убитый Король; сыновья его пали въ бою; дочь отведена въ плѣнъ.



Всѣ съ рѣзною кормой.
Какъ сражался Сигаръ,
Какъ Сиггейръ воевалъ,
Вышивали мы съ Торой подругой. [428]

«Это было ея отрадою,» прибавляетъ сага; [429] въ томъ находила разсѣяніе ея глубокая грусть. Такими женскими рукодѣльями украшались обои, одѣвавшія въ торжественныхъ случаяхъ стѣны храмовъ и гостиныхъ комнатъ. Назадъ тому сто лѣтъ въ Исландіи сохранялось еще нѣсколько такихъ тканей съ картинами историческихъ событій. Между прочимъ онѣ дали намъ понятіе о наружномъ видѣ сѣверныхъ кораблей. [430] Въ Англіи, Франціи и Германіи стѣны также обвѣшивались обоями женской работы. Во Франціи дочери Карла Великаго, а въ Англіи Эдуарда Старшаго, славились подобными рукодѣльями. [431] Въ древнихъ сагахъ обои иногда упоминаются въ числѣ товаровъ, привозимыхъ купцами изъ чужихъ краевъ. Такимъ образомъ понятно, что многія и, можетъ быть, наибольшая часть обоевъ, украшавшихъ стѣны Сѣверныхъ храмовъ и комнатъ, завезены торговлею и Викингами. Впрочемъ, по словамъ древнихъ пѣсенъ и сагъ, эти рукодѣлья были знакомы Скандинавскимъ дѣвушкамъ и составляли предметъ ихъ обычныхъ занятій. Три дочери Рагнара Лодброка вышили славное знамя Рафенъ, потерянное Норманнами въ великомъ походѣ въ Англію, во 2-й половинѣ IX-го столѣтія. [432] Такое же знамя очень искусной работы получилъ отъ матери Сигурдъ, ярлъ Оркадскихъ острововъ; на немъ былъ вышитъ воронъ, распускавшій крылья для полета, когда знамя надувалось вѣтромъ. По словамъ матери Сигурда, она употребила все свое искуство на эту работу. [433] Есть такъ же разсказъ, что Олофъ

---

[428] Godrunr-harmr.

[429] Volsunga saga.

[430] Eggert Olafssens og Bjarne Pavelsens Reise igiennem Island (Путешествіе по Исландіи).

[431] Въ Нормандіи, въ церкви города Байе, еще въ прошломъ столѣтіи сохранялись и показывались въ годовые праздники старинныя обои, на которыхъ изображенъ былъ походъ Вильгельма Завоевателя въ Англію 1066 года, и другія замѣчательныя событія, находящіяся въ связи съ нимъ. Монфоконъ (въ Monuments de la monarchie Française) представилъ хорошіе очерки и описанія ихъ.

[432] См. Походы Викинговъ.

[433] Orkneyinga saga. Ср. Ol. Tryggv. saga.

Дигре велѣлъ Скальду Торфину воспѣть одно древнее событіе, изображенное на коврахъ комнаты, въ которой они сидѣли. Это была смерть Фафнера, составляющая предметъ пѣсенъ Эдды. [434] Посмотрѣвъ на ковры, Скальдъ написалъ на это стихи, въ которыхъ воспѣлъ, какъ выѣзжалъ гнѣвный витязь, какъ его сверкающій мечъ, съ силою вонзившись въ грудь дракона, остановился въ полу пещеры: кипящая кровь лилась по сторонамъ; герой хотѣлъ достать себѣ дичи: такъ называлъ онъ змѣиное сердце, которое варилъ и ѣлъ, чтобы сдѣлаться мудрымъ. [435]

ОТДѢЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ЖИЛИЩЕ И ЕЖЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ.

I. Дома древнихъ Скандинавовъ во многомъ различались постройкою отъ нынѣшнихъ. Домъ составлялъ длинный четвероугольникъ, котораго обѣ длинныя стороны обращены были къ югу и сѣверу. Въ домъ вели два главныхъ входа: одинъ съ восточной стороны, другой съ западной; первый назначался для хозяйки и назывался Kwendyr (женскія двери), послѣдній для хозяина и мужчинъ и подъ именемъ мужскихъ дверей, Karldyr, считался главнымъ. Войдя которою ни будь изъ этѣхъ дверей, видѣли по обѣимъ сторонамъ во всю длину комнаты рядъ лавокъ, называвшихся длинными. Лавка у южной стѣны, обращенная на полдень, была главная и называлась почетною (aerdri bekkr); въ срединѣ ея находились высокія кресла домохозяина: это было первое мѣсто, Andwegi Oendwegi. Лавка съ другой стороны, шедшая по сѣверной стѣнѣ, называлась низшею или сѣверною, uedri bekr; на половинѣ ея также находилось высокое кресло, annat или nordra Oendwegi, [436] противопо-

---

[434] Fafnismal и Sigurdaquida. Fafnis-bana. Ср. Skalda.

[435] См. Müller's Sagabiblioth. и Torfaei Proleg. hist. Norv.

[436] Отъ «and», противъ, и «vegr», стѣна, сторона, мѣсто. Andvegi (Aundvegi, Oendvegi), противоположное мѣсто; тѣ, которые сидѣли другъ противъ друга, назывались Oendvegismenn.

ложное мѣсто: оно приходилось напротивъ хозяйскаго, послѣ котораго было почетнѣйшимъ и отводилось обыкновенно для самаго знатнаго гостя, или такого, котораго хотѣли особенно отличить отъ другихъ. Оба эти кресла были нѣсколько выше лавокъ и съ обѣихъ сторонъ отдѣлялись отъ нихъ спинками и двумя большими столбами (Oendwegis sulur, кресловые столбы), считавшимися святынею дома;[437] лавки были широки, такъ что можно было положить за собою мечъ и щитъ. Передъ ними стояли столы. Но за лавками помѣщались кровати съ скамейками впереди; въ пышныхъ домахъ этѣ кровати устроивались въ глубинѣ комнаты и могли затворяться дверями, словно шкафы; онѣ составляли родъ альковововъ и назначались для гостей.[438] Во многихъ домахъ мѣсто западныхъ дверей замѣняла особенная лавка: за нею хозяинъ и хозяйка имѣли свою крытую кровать, Lokrekkia.[439] Эта лавка называлась поперечною, Thwerpallr, и соотвѣтствовала фронтонной скамьѣ Шведскихъ крестьянъ. И на ней также находилось почетное мѣсто. По сторонамъ были небольшіе чуланы для кушанья. Посреди комнаты обыкновенно находился очагъ: онъ состоялъ изъ большихъ, сложенныхъ въ видѣ круга, камней, или изъ каменнаго возвышенія, на которомъ горѣлъ огонь. Кромѣ голой земли, другаго пола не знали, и этотъ полъ устилался соломою. На потолкѣ были, такъ называемыя Windoegon или отверстія, которыми освящалась комната: черезъ нихъ же выходилъ дымъ. Отверстія, если угодно, могли закрываться затворками изъ прозрачной кожи. Двери и ножки кровати хозяина, спинка и столбы его креселъ, обыкновенно украшались разною рѣзьбою, о чемъ говорили мы выше: надъ кроватью висѣло его оружіе: мечъ и щитъ, копье, лукъ и стрѣлы, иногда шлемъ и панцырь. Обои, одѣвавшія въ торжественныхъ случаяхъ стѣны, можно было снимать и надѣвать опять.[440]

---

437 Ср. выше Государственное устройство.

438 Ср. примѣч. Эрихсена (93 и 104) къ Gunnlaug Ormst. Saga: также какъ въ Швед. изданіяхъ сагъ про Ганге Рольфа и Эрвара Одда, тамъ есть рисунки, изображающіе внутренность гостиныхъ и повседневныхъ комнатъ у древнихъ Исландцевъ.

439 Отъ «rekkia», кровать и «lykia» (praes. lyk), запирать.

440 Въ нѣкоторыхъ краяхъ Швеціи до позднѣйшаго времени сохранился у поселянъ этотъ старинный обычай обвѣшивать, а не оклеивать, стѣны комнатъ обоями въ большіе праздники, особливо о Рождествѣ. Вестердаль въ своемъ опи-

Эта комната составляла весь домъ; у небогатыхъ поселянъ она была вмѣстѣ кухнею, столовою и спальней, также гостиною и жилою комнатою. За то Короли, ярлы, богатые поселяне и вообще всѣ позажиточнѣе владѣльцы обширныхъ дворовъ, кромѣ общей, обыденной комнаты, имѣли особенныя комнаты для гостей, Veiyzlo-Stovur, гостинныя комнаты или залы (Hoell), но послѣднія собственно означали большіе великолѣпные чертоги боговъ, королей, ярловъ и другихъ властей. Зала походила устройствомъ на обыкновенную гостинницу, только была красивѣе и пышнѣе. Стѣны кругомъ убирались красивыми щитами, шлемами, панцырями, что придавало залѣ воинственную наружность, либо украшались красивою рѣзьбою, либо (и это, кажется, было въ общемъ обыкновеніи) обвѣшивались дорогими тканями пестрыхъ цвѣтовъ съ вышитыми, или вытканными, картинами. Лавки покрывались блестящими, нерѣдко дорогими, заграничными полавочниками; не только на креслахъ, но и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ на лавкахъ лежали великолѣпныя подушки. Такія комнаты вообще были очень обширны: когда богатые поселяне приглашали къ себѣ Королей во время ихъ путешествій, эти знатные гости не только умѣщались въ комнатахъ со всею, нерѣдко многочисленною, свитою, но въ такихъ случаяхъ обыкновенно сзывались на пиръ и всѣ значительные люди въ окрестности. Тамъ горѣлъ «продольный огонь» (огонь во всю длину пола); въ большихъ комнатахъ, посереди пола, во всю ширину комнаты, устроены были очаги, потому что на большихъ праздничныхъ пирахъ переносились черезъ огонь рога или кубки. Между столпами, подпиравшими потолокъ, помѣщались мѣста для спанья или кровати гостямъ. Но на большихъ дворахъ были особенные дома для ночлега чужеземцевъ. Такова опочивальня, куда приведенъ былъ Гаральдъ Гренске, когда Сигрида Сторрада [441] пригласила его на пиръ. Упоминаютъ также объ опочивальняхъ, которыя устроивались подъ кровлею. У Скандинавовъ были боковыя строенія, Bur, Stokkebur, Utebur, гдѣ сберегались не только съѣстные припасы вся-

---

санія обычаевъ Шведскихъ крестьянъ сообщаетъ о томъ слѣдующее: «Въ сумерки (Рождеств. сочельника), или нѣсколько раньше, старуха съ дочерью, или работницею, обвѣшиваютъ переднюю стѣну передъ столомъ, также и другую, длинною разрисованною тканью (bonader), изображающею Рождество Спасителя, трехъ волхвовъ, бракъ въ Канѣ Галилейской, или что ни будь въ этомъ родѣ.»

[441] Ср. соч. Швед. истор. I, стр. 343 и слѣд.



каго рода и разная хозяйственная рухлядь, но и находились комнаты для спанья. Въ Норвегіи такія зданія называются нынче «Stabur», [442] и поставлены на столбахъ, для удобнѣйшаго провѣтриванья сухихъ припасовъ, сохраняемыхъ тамъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швеціи и Норвегіи ихъ называютъ Stolpbot, столбовыми избами; въ Силлеіордѣ въ Норвегіи онѣ извѣстны подъ имененемъ Лофтовъ (Loft) и состоятъ изъ двухъ этажей: нижній служитъ кладовою для разной провизіи, въ верхнемъ же, куда всходятъ по лѣстницѣ, стѣны увѣшены платьемъ, кругомъ стоятъ сундуки, тоже съ платьемъ и другими вещами: эта верхняя комната—главная во дворѣ: тамъ спятъ молодые въ первую ночь: тамъ ночуютъ иноземцы, сохраняется лучшее добро; есть лофты, въ которыхъ стѣны уконопачены сукномъ, вмѣсто моха. [443] Это объясняетъ намъ, какъ устроивались лофты древнихъ Скандинавовъ и верхнія залы, упоминаемыя въ военныхъ пѣсняхъ, потому что, пока дымъ проходилъ чрезъ отверстіе въ крышѣ (Vidoega), верхнихъ комнатъ не могло быть въ тѣхъ зданіяхъ, гдѣ внизу находились очаги, и жилые покои. Отдѣльно отъ дома, но очень близко къ нему, находилось на дворахъ знатныхъ людей особое зданіе, назначенное для женщинъ, «Frustug аили Jungfrubur», на древнемъ языкѣ «Skemma, Dyngia,» гдѣ преимущественно сидѣли за шитьемъ и другимъ рукодѣльемъ дочери дома съ ихъ служанками (Skemmu-Meyer). Короли, ярлы, лангманы имѣли еще особое строеніе для бесѣдъ, «Malstofa», гдѣ совѣщались съ своими людьми и другими, желавшими поговорить съ ними о какихъ ни будь важныхъ дѣлахъ. Кромѣ этихъ и другихъ строеній: кухни, [444] пивоварни, пекарни, дворовой для рабовъ и разныхъ службъ, конюшень для лошадей, скотнаго двора, хлѣбныхъ амбаровъ, саги часто упоминаютъ объ особенномъ земляномъ домѣ, скрытномъ подземномъ жильѣ (Jard-Hus), прилегавшемъ потаенными ходами съ одной стороны къ главному дому, съ другой къ ближнему лѣсу, или рѣкѣ. Въ этомъ подземномъ жильѣ прятали драгоцѣнности, спасались и сами, въ случаѣ нужды, или

---

[442] Или правильнѣе «Stafbur,» отъ «Stafr,» подпора, и «Bur,» зданіе, назначенное для храненія чего ни будь.

[443] Ville, Sillejords Beskrivelse.

[444] Изъ саги про Эйгиля видно, что огнища (Elldhus, Elldaskali) составляли на дворахъ знатныхъ людей особенныя строенія, назначенныя для кухни. Впрочемъ, это названіе употреблялось вообще для строеній съ очагомъ, или для такихъ, которыя были вмѣстѣ кухнею и столовою.



укрывали своихъ друзей. Вѣроятно, оно было то самое, тотъ «Jord-Skemma, куда Эрикъ Біодаскалле въ Норвегіи привелъ свою дочь, Астриду, мать Олофа Триггвасона, когда она, убѣгая отъ Королевы Гунгильды, въ вечернюю пору пришла тайкомъ на королевскій дворъ. [445] Каменныя зданія, хотя не вовсе неизвѣстныя въ то время, были, однако жь, неупотребительны; просторныя жилища Королей и ярловъ и храмы большею частію строились изъ дерева, подобно надворнымъ службамъ поселянъ. Крыши крылись тесомъ, древесною корою и дерномъ (какъ и теперь въ Швеціи). Наружныя стѣны обмазывались дегтемъ для лучшаго предохраненія отъ вліянія воздуха. [446] Иногда обносили дома палисадомъ, либо досчатымъ заборомъ. На мѣстахъ большихъ тинговъ строились, такъ называемые, Buden, шатры или небольшіе домики для ночлега на все время праздниковъ, тинговъ и ярмарокъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ Исландіи, а вѣроятно и въ Швеціи, особливо во время Упсальскаго тинга. [447] Объ Исландскихъ шатрахъ извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ, особливо принадлежавшіе начальникамъ, были велики и просторны. Мѣста тинговъ получали [448] отъ того нѣкоторое сходство съ небольшимъ городкомъ.

II. Саги и пѣсни говорятъ о пуховыхъ постеляхъ и такихъ кроватяхъ, которыя завѣшивались тонкими занавѣсами, покрывались дорогимъ бѣльемъ и свѣтлосиними, искусно вытканными, одѣялами. Въ торжественныхъ случаяхъ у богатыхъ и знатныхъ людей столы покрывались сукномъ. Были тарелки и блюда. Въ древнѣйшее время у простыхъ людей кушанья клались передъ гостями прямо на столъ. [449] Свѣжая и сушеная рыба, жареное, вареное и вяленое мясо занимали главное мѣсто въ обѣдѣ Скандинавовъ. Лошадиное мясо и ветчина принадлежали къ числу ихъ лакомыхъ блюдъ. Молоко, свѣжее и кислое, служило обыкновеннымъ питьемъ, но особенно любимымъ

---

[445] Olof Tryg. s.

[446] Срав. C. Steenblochs разсужденіе (помѣщ. въ 3-й ч. Athene Мольбеха) о жилищахъ древнихъ Скандинавовъ: «Om de gamle Skandinavers Vaaningshuse.»

[447] Такимъ же образомъ въ нѣкоторыхъ краяхъ Швеціи при церквахъ и торговыхъ площадяхъ находится Marknands и Kyrk Stugor, площадные и церковные шатры.

[448] Cp. Noten (25) Erichsen's къ Gunnlaug Ormst. s.

[449] Heidarviga saga. Müll., Sagabibl. I.

напиткомъ было пиво. Умѣли приготовлять изъ молока сыръ и масло, также немаловажный родъ пищи. Пшеницу возили въ житницы и тамъ обмолачивали, потомъ мололи для муки (исключительное занятіе служанокъ) и сушили для солода. Изъ муки варили кашу и пекли хлѣбы, изъ солода приготовляли пиво и, съ прибавкою сотовъ, медъ, напитокъ, пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ на пирахъ; упоминается родъ меда, приправленнаго разными травами: онъ назывался Grasadur, [450] былъ очень хмѣленъ и крѣпокъ. Въ числѣ товаровъ, привозимыхъ на Сѣверъ, хотя и встрѣчается иногда вино, и изъ жизнеописанія Свят. Ансгарія видно, что оно существовало въ Биркѣ, однако жъ его употребленіе было еще очень ограничено. Садовые плоды и овощи были мало извѣстны. Ни послѣобѣденныя закуски, ни лакомыя блюда, не украшали столовъ. Поваренное искуство было просто и довольствовалось туземными произведеніями страны. Обѣдали и ужинали, какъ и въ наше время, въ полдень и вечеромъ; приходить къ столу не вмѣстѣ съ другими считалось важнымъ проступкомъ; [451] за обѣдомъ (Dagward) пили мало, за ужиномъ (Nattward) неумѣренно. [452] Порядокъ и трудолюбіе руководили ежедневными занятіями. Часто читаемъ въ сагахъ, что Скандинавы обыкновенно раздѣляли работы между людьми, жившими на дворѣ: домашними, рабами и вольноотпущенниками; одни работали въ полѣ, или въ лѣсу, другіе ловили рыбу, третьи занимались другимъ дѣломъ. И дѣти вождей и другихъ значительныхъ людей, когда находились дома, принимали участіе въ домашнихъ работахъ. Сыновья Ингемунда Торстенсона раздѣляли между собою работы такъ, что четверо изъ нихъ ловили рыбу, а пятый занимался другимъ, потому что «въ то время было въ обыкновеніи, прибавляетъ сага, чтобы дѣти знатныхъ отцевъ всегда были заняты чѣмъ ни будь.» [453] Гудмундъ Сильный, въ Исландіи, находилъ пріятнымъ для себя при-

---

450 Ol. Haralds. s., у Снорре Стурлесона.

451 «Сейчасъ же войди,» говорила хозяйка Эйнара Тамбаскельфера Гальдору Снорресону, когда этотъ убилъ Эйнарова родственника, Кале; «на тебѣ двѣ вины: одна убійство, а другая опаздываніе къ обѣду; ты никогда не приходилъ къ столу вмѣстѣ съ другими.» Ol. Tryg. s.

452 По крайней мѣрѣ, такой обычай былъ у Эрлинга Скіальгсона въ Норвегіи. См. Ol. Haralds. s., у Снорре Стурлесона.

453 Vatnsd. s.

нимать сыновей знатных лицъ и держать ихъ нѣсколько времени на своемъ дворѣ; съ ними обходились хорошо, за столомъ сажали ихъ возлѣ хозяина; но они должны были исправлять всѣ работы, встрѣчавшіяся во дворѣ. [454] Къ числу такихъ занятій принадлежало кузнечное и плотничное дѣло, также столярное и другія, необходимыя для дома. Хлѣбопашество, ремесла, искуства, торговля не составляли еще отдѣльныхъ занятій. Древніе поселяне были не только земледѣльцы и воины, но они знали всякое мастерство и разныя работы. Рафнъ Свенбіорнсонъ, въ Исландіи, считался вторымъ Велентомъ [455] въ металлическомъ и деревянномъ издѣльи, былъ поэтъ и прекрасный лѣкарь, сверхъ того правовѣдъ и ораторъ. [456] Рѣдкіе могли соперничать съ нимъ въ разнообразныхъ дарованіяхъ; но много было такихъ, какъ Торстенъ Кнарарсмидръ, поселянинъ, купецъ, [457] корабельный мастеръ и кузнецъ. И Олофъ Дигре былъ очень искусенъ въ кузнечномъ дѣлѣ, также и въ плотничномъ, сверхъ того тонкій оцѣнщикъ, какъ своей работы, такъ и чужой, [458] тотчасъ замѣчавшій недостатки. Въ настоящее время каждый изъ насъ посвящаетъ себя извѣстному роду занятій: все становится лучше и совершеннѣе; у древнихъ всякой былъ ремесленникъ, художникъ, умѣлъ дѣлать все, для него нужное; никто не отличался особенно въ одномъ какомъ ни будь мастерствѣ; никто у насъ не знаетъ столько ремеслъ, какъ они. Въ древности всякой пособлялъ себѣ самъ; каждое семейство жило для себя.

III. Въ тѣ времена страна находилась въ такомъ состояніи, что не рѣдко большіе пустыри отдѣляли одно жилье отъ другаго; никакія проѣзжія дороги не соединяли ихъ; тогда сообщеніе между разными мѣстами не могло быть велико. Однако жь, два обстоятельства помогали общенію: гостепріимство и собранія, повторявшіяся въ извѣстное время, на жертвоприношеніяхъ, тингахъ и ярмаркахъ. Гостепріимство—главная черта, отличавшая столько же Скан-

---

[454] Liosvetninga s. Müll., Sagabibl.

[455] Есть много древнихъ народныхъ сказаній про искуснаго художника Велента, Сѣвернаго Дедала. Ср. Müll. Sagabibl. II.

[456] Rafn Svenbjörnssons saga. Müll., Sagabibl.

[457] Ol. Haral. s., у Снорре Стурлесона.

[458] Ol. Haral. s. ,у Снорре Стурлесона.

динавскую древность, сколько Греческую и Персидскую. Пріемъ усталыхъ странниковъ и изъявленіе дружеской къ нимъ пріязни [459] принадлежитъ къ числу первыхъ предписаній, выдаваемыхъ Гавамалою за житейскія правила; примѣры противоположныхъ поступковъ были такъ необыкновенны, что причисляли тѣхъ къ Троламъ, а не людямъ, которые отказывали чужеземцу въ ночлегѣ, какъ пѣлъ Свипдагъ, возвращаясь изъ дальняго пути, въ досадѣ на то, что стражъ Фіёльсвиннъ не хотѣлъ впускать его въ жилище Менглёда:

«Что это за демонъ (Тролль)?
Стоя передъ домомъ,
Онъ не предлагаетъ
Страннику пріюта!
Жизнь твоя безславна,
Человѣкъ безчестный!». [460]

Дружескій пріемъ чужихъ и знакомыхъ странниковъ, радушное угощеніе, всякая услуга для нихъ на пути, составляли господствующій обычай всего Сѣвера; но нигдѣ онъ не соблюдался такъ строго, какъ между жителями Швеціи; они были гостепріимнѣе всѣхъ; появленіе какого ни будь гостя приносило имъ радость: они спорили между собою, кто достойнѣе принять его, оказывали ему всякую ласку, всѣ возможныя изъявленія дружбы; онъ могъ гостить у нихъ, сколько ему угодно, и когда покидалъ ихъ, давали знать о немъ роднымъ и друзьямъ, прося ихъ такъ же радушно угощать его. [461] Пока гостилъ путникъ, онъ находился подъ защитою его хозяевъ: выдать гостя считалось самымъ позорнымъ дѣломъ.

---

459 Здравіе дающему! Вотъ пришелъ гость, гдѣ же бы посадить его? Надобно посторониться, а то онъ, пожалуй, будетъ искать себѣ покоя за другими дверями. Для пришедшаго нуженъ огонь; у него озябли колѣнки; пища да платье нужны тому, кто ѣхалъ по горамъ, полотенцо и угощеніе необходимы для ночлежчика: пусть онъ найдетъ у тебя дружеское расположеніе, да радушную бесѣду.» Havamal. Str. 2 — 4.

460 Fjölsvinns-mal въ старш. Эддѣ.

461 »Quamvis omnes hyperboraei hospitalitate sunt insignes, praecipui sunt nostri Sueones, quibus est omni probro gravius hospitium negare transeunti, ita ut certamen habeant inter se, quis dignus sit hospitem recipere: cui omnia exhibent humanitatis jura, quot illic commorari voluerit diebus, ad amicos suos illum certatim per singulas dirigit mansiones». Adamus Brem. De situ Daniae.



ОТДѢЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ПИРЫ И ПОПОЙКИ.

Скандинавы вообще любили побесѣдовать и попировать съ друзьями и гостями. Пирами и вечеринками праздновались дни жертвоприношеній богамъ; то же было при началѣ зимы послѣ жатвы; по пріѣздѣ съ морскихъ набѣговъ, въ самые короткіе дни, въ знакъ радости о возвратѣ солнца; въ исходѣ зимы, чтобы, во ожиданіи близкаго лѣта, пить за побѣды. Это было урочное время въ году для пировъ. Тогда они пировали поочередно другъ у друга; иногда домовладѣльцы одного прихода складывались на кушанья и напитки и сходились въ назначенное время попить и повеселиться: «Для мужчинъ веселье, говоритъ сага, когда они пируютъ большимъ обществомъ.» [462] Кромѣ того поселяне, позажиточнѣе другихъ, давали нерѣдко пышные пиры въ то время, когда Король объѣзжалъ страну. Звали всѣхъ родныхъ и друзей на поминки (наслѣдный пиръ), на свадьбу, по какому бы то ни было случаю, подававшему поводъ къ веселью жителямъ околотка. Не скупились на кушанья, и все, что было лучшаго въ домѣ, подавали самое свѣжее и вкусное: мясо, рыбу, хорошее, крѣпкое пиво. На длинномъ столѣ, передъ которымъ стояли лавки, ставились кушанья; на другомъ, поменьше, стояли сосуды и кубки съ медомъ и пивомъ. Все было выметено, вычищено; зала прекрасно убрана. На высокомъ мѣстѣ южной лавки сидѣлъ самъ хозяинъ; напротивъ него самый знатный гость. Гости садились по достоинству и значенію: чѣмъ ближе къ хозяину, тѣмъ почетнѣе. На южной лавкѣ мѣста были значитель-

---

[462] Ol. Haralds. s., у Снорре Стурлесона.

нѣе, нежели на сѣверной. Въ тѣхъ комнатахъ, въ которыхъ, вмѣсто двери на западной сторонѣ, находилась длинная лавка, на ней сидѣли женщины. Самая знатная сидѣла въ срединѣ; прочія по сторонамъ ея и также по достоинству: чѣмъ болѣе имѣлъ значенія въ обществѣ мужъ, тѣмъ высшее мѣсто слѣдовало женѣ; порядокъ соблюдался строго; изъ за того выходили между гостями громкіе споры, кончавшіеся смертельною враждою между ихъ мужьями, считавшими неуваженіе къ женамъ обидою для своей чести. Гдѣ же не было поперечной лавки, женщины садились на южной, влѣво отъ главнаго мѣста, и на сѣверной на право отъ него; а мужчины помѣщались съ другой стороны. Однако жь, женщины и мужчины часто садились попарно и даже пили изъ одного кубка: этого не было въ обыкновеніи у однихъ Викинговъ, которые всегда садились и пили отдѣльно отъ женщинъ. На свадьбахъ почетное мѣсто поперечной скамьи занимала невѣста, другое, также почетное, тесть, третье женихъ, каждаго окружали близкіе родственники. Принимать и угощать гостей какъ можно радушнѣе, поручалось отъ хозяина особеннымъ лицамъ. [463] Кругомъ ходили наблюдатели съ водою и полотенцемъ, чтобы гости умылись передъ пирушкой: обычай, требуемый опрятностью, когда еще не знали вилокъ и за нихъ отвѣчали пальцы. Кубки (рога) обыкновенно наливали и подносили женщины, напоминая Валькирій, угощающихъ витязей въ Вальгаллѣ. Обычаевъ пить было много: Einmenning, питье въ одиночку, когда каждый одинъ выпивалъ свой кубокъ; Twimenning, когда двое мужчинъ, или мужчина съ женщиною, пили изъ одного кубка; Hwirfingsdryckia, круговая, когда бокалъ обходилъ все общество; Sweitardryckia назывался обычай Викинговъ пить всѣмъ вмѣстѣ за отдѣльнымъ столомъ; Witishorn, карательный кубокъ, осушалъ нарушитель законовъ пирующаго общества. Питье оживляло всѣ сходбища и пиры; играть свадьбу, собирать поминки, на древнемъ Скандинавскомъ языкѣ называлось «пить свадьбу, пить поминки.» Сѣверные жители ни сколько не уступали въ питьѣ своимъ родоначальникамъ, Ѳракійцамъ, и соплеменникамъ, Германцамъ. Состязаніе въ томъ, кто больше выпьетъ, не имѣло ничего необыкновеннаго въ ихъ пировыхъ обществахъ. Славные борцы въ такомъ

---

[463] Nials s. Vatnsd. s.



бою, однако жь, они иногда уступали силѣ хмѣльнаго, и опьянѣніе съ его обыкновенными послѣдствіями было не рѣдкимъ дѣломъ; [464] это видно не только изъ предостереженій, встрѣчающихся въ Гавамалѣ, но и изъ совѣтовъ, Брингильды ея любезному, Сигурду:

«А вотъ и шестой отъ Брингильды совѣтъ:
Хоть часто безумныя рѣчи межъ вами
Ведутся за кубкомъ разгульныхъ бесѣдъ,
Но ты съ отягченными хмѣлемъ друзьями
Не ссорься: у многихъ отважныхъ бойцовъ
Весь умъ отнимало разгулье пировъ.
Шумъ да пьянство многимъ принесло душевное горе,
Инымъ причинило смерть, другихъ ввело въ бѣду:
Мало ли какихъ мученій для человѣка?» [465]

Сюда принадлежитъ также древняя Исландская поговорка: «Если входитъ пиво, уходитъ разсудокъ,» потому что «часто, прибавляетъ сага, человѣкъ въ пьяномъ видѣ говоритъ много безумнаго, [466] чего никакъ не исполнить ему, когда вытрезвится.» Заботливое угощеніе гостей составляло требованіе древняго гостепріимства. Зажиточные поселяне и вожди любили показать свою чивость и богатство пышными пирами и поставляли въ томъ свою славу. Въ просторныхъ комнатахъ иногда собиралось до тысячи гостей. [467] Пиры обыкновенно продолжались многіе дни. На разставаньи дарили гостямъ подарки въ отплату за безпокойство въ дорогѣ и на память о радушіи и гостепріимствѣ хозяевъ. Вообще можно сказать о древнихъ Скандинавахъ, что они охотно и щедро раздѣляли съ друзьями богатство и добычу морскихъ набѣговъ. Великодушіе въ чувствахъ и поступкахъ и особенная потребность въ покоѣ и отдыхѣ, послѣ великихъ усилій, не допускали мелочной расчетливости.

---

[464] «Не лучшая ли поклажа въ дорогѣ наша мудрость? Не хуже ли всякой поклажи на пути хмѣльная голова? Пиво не такъ хорошо для людей, какъ говорятъ: чѣмъ больше мужчина пьетъ, тѣмъ менѣе сознаетъ себя. Надъ пьянымъ паритъ соколъ забвенія и крадетъ у него сознаніе. И я былъ опутанъ перьями этой птицы въ гостяхъ у Гунлёди. Тоже очень охмѣлѣлъ я и у Фялакса мудраго. Хорошо пить такъ, чтобы не пропивать разсудка.» Havamal.

[465] Brynhildar-qvida, I.

[466] Ol. Tryg. s.

[467] Спустя 14 дней по смерти отца, Олофъ Павлинъ (Раа) позвалъ «пить наслѣдственное пиво» 900 человѣкъ гостей. На другія поминки, собранныя сыновьями Гяльте, сошлось 1200 гостей. И это случилось въ Исландіи, гдѣ для

Ихъ цѣлію было жить самимъ и давать жить другимъ. Для стяжаній открывался предъ ними весь міръ: трудовъ и опасностей они не боялись.

II. Въ душахъ ихъ не было мѣста ни робкимъ заботамъ, ни тревожнымъ помысламъ. Они жили полною силы жизнью; ихъ правиломъ было: «Мужество лучше отчаянія, веселость лучше гореванья, въ какихъ бы то ни было случаяхъ.»[468] Имъ нравилось веселье, шумъ, радость. «Отъ чего гости такъ скромны и молчаливы?» спрашивалъ Норвежскій Король, Ёстенъ, когда въ одинъ вечеръ всѣ сидѣли за столомъ молча, потому что пиво было не хорошо: «На пирушкѣ, продолжалъ онъ, принято быть веселымъ; придумаемъ какую нибудь потѣху и развеселимся. Приличнѣе всего, сказалъ онъ брату, королю Сигурду, начать это съ насъ, братьевъ.»[469] Общественныя развлеченія посылались Скандинавамъ не каждый день: на то было положенное время. Тѣмъ праздничнѣе были ихъ собранія, поддерживавшія любовь къ общежитію и общественной образованности: тогда они вполнѣ предавались веселью и обыкновенно долго просиживали за кубкомъ въ шумныхъ разговорахъ. Въ сагахъ рѣдко описываются праздники и пиры безъ такого присловья: «Не было недостатка ни въ весельи, ни въ забавахъ, ни другомъ удовольствіи.»[470] Музыка и пляски также входили въ число извѣстныхъ развлеченій. Еще при Инглингахъ упоминаются арфисты и скрипачи: вмѣстѣ съ другими музыкантами они оживляли веселье пировъ при дворѣ Олофа Скётконунга.[471] Во многихъ сагахъ и пѣсняхъ упоминаются «сладкіе звуки арфы.» Это первый, обыкновенный и наиболѣе любимый инструментъ. Его звуки были знакомы богамъ и утѣшали князей и богатырей.[472] На свадьбѣ въ Глёсисваллѣ пре-

---

постройки залъ для пріема такого множества гостей должны были привозить строевой лѣсъ изъ Норвегіи. Въ добавокъ къ тому, что сказали мы выше объ устройствѣ Скандинавскихъ домовъ, надобно еще замѣтить, что если гости не могли всѣ помѣститься на лавкахъ, то ставились для нихъ низенькія скамейки (Forsäti, или Skarir).

[468] Fafnismal.

[469] Сага про Сигурда «Jorsalafahrer» (путешественника въ Іерусалимъ) и его братьевъ, у Снорре Стурлесона.

[470] «Ok skorti thar ei glaum ok gledi ok al skins fognuth.»

[471] Ср. соч. Швед. ист. I, стр. 228 и 415.

[472] Арфа встрѣчается въ Völuspa, Str. 34.

красно игралъ нѣкто Бозе: всѣ говорили, что не слыхали ничего лучшаго. Когда стали подавать «чашу въ честь Тора», Бозе взялъ другой аккордъ, многіе поднялись для танцевъ: столы, посуда, все, что находилось въ залѣ и не было привязано, вдругъ запрыгало; послѣ пляски усѣлись пить и наблюдать порядокъ чашъ, налитыхъ крѣпкимъ медомъ. Потомъ пришла чаша всѣхъ Асовъ. Бозе опять началъ играть другое, и взялъ такой высокой звукъ, что онъ раздался по всей комнатѣ. Всѣ вдругъ вскочили для пляски, кромѣ Короля, жениха и невѣсты. Опять усѣлись пить. Бозе сталъ передъ Королемъ и заигралъ новую піэсу. Потомъ пришла очередь тосту Одена. Бозе опять началъ играть другое: женщины поднялись и плясали не меньше мужчинъ; въ комнатѣ было очень шумно, и этотъ шумъ продолжался до тѣхъ поръ, пока всѣ усѣлись и стали пить здоровья, но никто не могъ выпить болѣе трехъ; веселились, шумѣли, разговаривали. Когда здоровья кончились, подали послѣднюю чашу за Фрея. На арфѣ Бозе была поперекъ натянутая струна. Онъ коснулся ея и заигралъ въ такомъ быстромъ темпѣ, что всѣ оживились: Король, женихъ, невѣста вскочили играть и плясать. [473] Особливо славились въ древности тѣ пѣсьни, которыя игралъ на арфѣ Гуннаръ передъ смертью. Отъ игры его, другаго Орфея, смягчались сердца мужчинъ, слезы катились по лицу женщинъ:

«Онъ взялъ арфу, прикоснулся
Къ золотымъ ея струнамъ,
Въ нихъ печальный звукъ проснулся,
И задумчивымъ женамъ
Слезы горькія навѣялъ;
Не любовь къ боямъ лелѣялъ
Въ сердцѣ сѣверныхъ мужей,
Нѣтъ! темнѣе и темнѣй
Лица храбрыхъ омрачались...
Пѣвецъ игралъ про тайный рокъ людей.
И балки стѣнъ въ той залѣ распадались... [474]
. . . .
Вотъ онъ заигралъ опять:
Арфа будто оживала,

[473] Herrauds и Boses s.
[474] Atlamal.

Какъ дѣвица распѣвала.
Что за голосъ сладкій, нѣжный!
Словно лебедь бѣлоснѣжный,
Заливалась золотая
Посреди змѣиной залы.» [475]

Сага заставляетъ Норну Гестъ повторять Гуннарову пѣсьню при дворѣ Норманнскаго Короля, Олофа Триггвасона. Однажды вечеромъ онъ взялъ арфу и игралъ на ней долго и такъ пріятно, что всѣ заслушались, потомъ съ особеннымъ искуствомъ подражалъ Гуннару, и наконецъ взялъ аккорды Гудруны, которыхъ еще никогда не слыхали. [476]

Мы не имѣемъ ни права, ни основанія, по чему могли бы составить себѣ высокое мнѣніе о музыкѣ древнихъ Скандинавовъ. Но какова бы ни была она (мы ничего не знаемъ о ней), однако жъ, по извѣстіямъ сагъ и по понятіямъ о древности въ XIII и XIV вѣкахъ, видно, что Скандинавы находили удовольствіе въ этомъ искуствѣ, и что оно не было вовсе незнакомо для нихъ. [477] Пѣніе красавицъ также приносило имъ удовольствіе. Надъ Гуннаромъ, въ предсмертныхъ страданіяхъ, при послѣднихъ минутахъ, еще носится обаяніе дѣвственной красоты:

«И въ пути провожала меня
Бѣлоснѣжная дочь Короля
До тѣхъ мѣстъ, гдѣ кончалися шхеры.
. . . .
Разставанье съ пѣснью милой
Было тяжело,
Съ этой пѣснью заунывной
Сотаскерскихъ дѣвъ.» [478]

---

[475] Gunnarsslagr, str. 3.

[476] Norne Gests s.

[477] Приводимыя саги о Норнѣ Гестъ, Герраудѣ и Бозе принадлежатъ къ романтическимъ произведеніямъ Исландской словесности и имѣютъ историческое достоинство только по тому, что передаютъ намъ понятія, составившіяся о древнемъ Сѣверѣ въ XIII и XIV стодѣтіяхъ, также воспоминанія, тогда еще жившія, о нравахъ и обычаяхъ Скандинавіи. По этой причинѣ и мы, при описаніи образа мыслей, нравовъ и обычаевъ во времена набѣговъ Викинговъ, кое что заимствовали изъ этѣхъ вымышленныхъ сагъ.

[478] Hervara s.

Сигурдъ Гаральдсовъ на поѣздкѣ съ дружиною въ Викенъ подъѣхалъ къ одному двору и услышалъ пріятный голосъ дѣвушки, которая молола на мельницѣ и пѣла. Увлеченный пріятной пѣснью, онъ слѣзъ съ коня и вошелъ на мельницу взглянуть на прекрасную пѣвицу. [479] Пѣніе, вѣроятно, болѣе музыки сопутствовало пляскамъ, особливо когда плясали Вики-вакк (Нѣмец. Wischiwaschi); женщины попарно съ мужчинами раздѣлялись на отдѣлы, и каждый, нѣсколько помолчавъ, запѣвалъ свою пѣсню, которой припѣвъ подхватывали хоромъ всѣ пляшущіе. Подъ пѣсню также вертѣлись въ Гринбротѣ (ломаньѣ кольца), когда составляли длинный кругъ подъ предводительствомъ передоваго плясуна, о которомъ говорили, что онъ разламываетъ кольцо, подходили подъ поднятыя руки послѣдней пары и всѣхъ прочихъ паръ и вертѣлись кругомъ, такъ что вся цѣпь пляшущихъ составляла переплетшуюся искусно толпу. Древнихъ плясокъ упоминается много, хоть мы и не знаемъ, въ чемъ состояли онѣ. [480] Болѣе важныя пляски сохранялись долго по введеніи Христіянства, когда І. Христосъ и святые заступили мѣсто Одена и древнихъ богатырей. Ихъ встрѣчаютъ въ различныхъ, употребительныхъ между поселянами, увеселеніяхъ о Рождествѣ, въ середу на первой недѣлѣ великаго поста, въ Івановъ день (Midsommar) и въ другіе праздники. Вѣроятно, не смотря на молчаніе о томъ сагъ, изъ глубокой древности ведетъ начало и пляска съ мечами, о которой говоритъ Олай Магнусъ, что она была въ употребленіи даже и въ его время, въ половинѣ XVI-го столѣтія. Пляшущіе сначала поднимали мечи въ ножнахъ и повертывались три раза кругомъ; потомъ обнажали мечи, также поднимали ихъ къ верху, съ легкостію и достоинствомъ въ движеніяхъ обращали ихъ другъ на друга, и въ этой примѣрной битвѣ составляли шестиугольную фигуру, называемую розою; вдругъ расходились опять и потомъ взмахивали мечами, образуя надъ головою каждаго четырехугольную розу. Движенія становились живѣе: подъ музыку и пѣсни клинки скрещивались съ клинками, и вдругъ общій прыжокъ назадъ оканчивалъ пляску. Олай, сообщившій намъ это описаніе, прибавляетъ: «Не бывъ очевидцемъ, нельзя вообразить себѣ красоты и величавости этой пля-

---

[479] Sigurds, Inges и Ostens Haraldssons s., у Снорре Стурлесона.

[480] Ср. Arngrim Chrymog. и Thorlacii Matrim. vet. Boreal.

ски, когда видишь цѣлое войско вооруженныхъ людей, бодро идущихъ въ бой, по указанію одного. Эта пляска особливо назначалась около поста; цѣлые восемь дней передъ тѣмъ не дѣлали ничего другаго, какъ только заучивали ее; даже духовныя лица принимали участіе въ пляскѣ, потому что движенія пляшущихъ были очень приличны.» [481] Игра въ шахматы и кости, также въ шашки, можетъ быть, походившая на наши, также была извѣстна въ древности. [482]

III. Но самымъ любимымъ и обыкновеннымъ развлеченіемъ древнихъ на собраніяхъ и пирахъ было слушать разсказы про богатырскіе подвиги и славныя дѣла, также саги и пѣсьни о замѣчательныхъ событіяхъ и великихъ людяхъ. На народныхъ пирахъ главное удовольствіе приносили также обѣты смѣлыхъ предпріятій, которые давалъ каждый изъ гостей, принимая кубокъ. Наперерывъ старались показать свое достоинство при этомъ случаѣ: каждый по своему происхожденію и значенію назначалъ для себя какой ни будь подвигъ, соединенный съ опасностію и соотвѣтствовавшій его имени и славѣ, будущей, или настоящей. На похоронномъ пирѣ, данномъ Свеномъ Твескеггомъ, въ память по отцѣ его, Гаральдѣ Блаатандѣ, на который приглашены были Іомскіе Викинги, Свенъ всталъ съ своего мѣста за первою чашею Браге (Bragafull) и далъ обѣтъ, что до истеченія трехъ лѣтъ онъ пойдетъ съ войскомъ въ западную Англію и не прежде оставитъ ее, пока не убьетъ Адальреда (Этельреда), или не выгонитъ изъ страны и не возьметъ его королевства. Это здоровье должны были пить всѣ, участвовавшіе на похоронномъ пирѣ. Когда выпили еще нѣсколько заздравныхъ кубковъ, большой дѣдовскій кубокъ поданъ былъ Сигвальду Ярлу, вождю Іомскихъ Викинговъ, котораго отецъ, Струтъ-Гаральдъ, также умеръ недавно. Сигвальдъ всталъ, принялъ кубокъ и далъ обѣтъ, что не минетъ трехъ лѣтъ, какъ онъ пойдетъ въ Норвегію разорять государство Гакона Ярла, котораго убьетъ, или выгонитъ. Торкелъ Высокій, братъ Сигвальда Ярла, обѣщался быть его товарищемъ въ походѣ, храбро

---

481 Olai Magni Hist. gent. Septentr. Cp. Tacit., Germ. c. 24.

482 См. Hervara s., Vatnsdaela s., Ragnar Lodbrok s., также и Olof Haraldssons s., у Снорре Стурлесона. Ср. соч. Швед. истор. I, стр. 422 и 472.



помогать ему и не бѣжать съ боя, пока не скроются изъ вида носы Сигвальдовыхъ кораблей и весла ихъ будутъ видны съ лѣвой стороны, въ случаѣ морскаго сраженія; если же сразятся на сухомъ пути, онъ не отступитъ до тѣхъ поръ, пока Сигвальдъ будетъ видимъ въ войскѣ, и его знамя не останется у него въ тылу. За Торкелемъ Буе Дигре, братъ его, Сигурдъ, сыновья Везете, начальника Борнгольма, также сказали свои обѣты. То же сдѣлали многіе другіе вожди; произнося обѣтъ, всякой пилъ за своего отца. [483] На всемъ Сѣверѣ такіе обѣты всегда давались на веселыхъ зимнихъ праздникахъ. [484] На это время обыкновенно откармливали самаго большаго борова, какого могли достать; это животное, по случаю возвращенія, приносилось въ жертву Фрею и Фреѣ, посылающимъ изобиліе. [485] Въ вечеръ праздника приводили его въ комнату: мужчины клали руки на его щетину и за чашей воспоминанія обѣщались совершить какой ни будь отважный подвигъ. Какъ бы ни были необдуманы эти обѣты, произносимые въ то время, когда головы обѣщающихъ ходили кругомъ отъ крѣпкаго меда, однако жь, они исполнялись вѣрно. Съ побѣдою, или смертью, но обѣтъ надобно было сдержать. Скандинавы любили также находить разсѣяніе въ томъ, когда всякій изъ пирующихъ сказываетъ свое главное искуство (Idrott); это было на пирѣ, данномъ Шведомъ Раудуромъ для Олофа Дигре въ Норвегіи; Король явился со всею дружиною. Когда всѣ развеселились за пиро-

---

483 Olof Tryggv. s, у Снорре Стурлесона Ср. Jomsviginga saga.

484 «Зимою о Рождествѣ, когда люди собрались на пиръ, Финъ, сынъ Свена, богатый и знатный человѣкъ въ Норвегіи, сказалъ: «Въ этотъ вечеръ дѣлаютъ обѣты на дальнемъ разстояніи около насъ: я обѣщаюсь, что...» Olof Tryggv. s.

485 Обычай, о которомъ воспоминаніе сохранялось между поселянами во многихъ мѣстахъ въ соблюдавшемся до новѣйшаго времени обыкновеніи печь большой пирогъ въ видѣ свиньи: онъ назывался «Рождественскою свиньею (Julgalt) и лежалъ на столѣ весь праздникъ. Послѣ Рождества многіе сушили его и сберегали до весенняго посѣва; половину его толкли въ порошокъ, смѣшивали съ овсомъ въ корзинкѣ, или рѣшетѣ, изъ котораго станутъ сѣять, и давали ѣсть лошадямъ, тащившимъ плугъ, другую же половину раздѣляли между рабами, которые сѣяли и заборанивали. Ср. Verelii Примѣчанія къ 14 гл. «Hervara Saga,» и Rudbeckii Atlantika II. Тацитъ (Germania) разсказываетъ объ Эстіяхъ (Готскихъ племенахъ на южномъ берегу Балт. моря), что они носили на своихъ шлемахъ изображеніе кабана, какъ священный знакъ матери боговъ (Фреи Скандинавовъ). Это напоминаетъ о шлемахъ, называемыхъ въ Сѣверныхъ миѳическихъ сагахъ и пѣсняхъ «Hildisvin,» военная свинья.»

вымъ столомъ, зашла рѣчь о даровитости каждаго: одинъ говорилъ, что умѣетъ отгадывать сны; другой, что по глазамъ человѣка узнаетъ его нравъ и поведеніе; третій, что во всей странѣ нѣтъ лука, котораго бы онъ не могъ натянуть; четвертый, что онъ не только стрѣляетъ мѣтко, но также умѣетъ бѣгать на лыжахъ и плавать; пятый, что, стоя съ весломъ въ челнокѣ, онъ можетъ такъ же быстро подплыть къ берегу, какъ судно на двадцати веслахъ; шестой, что гнѣвъ его никогда не пройдетъ, какъ бы долго ни замедлялось мщеніе; седьмой, что онъ никогда и ни въ какой опасности не покидалъ Короля; самъ Олофъ хвалился, что разъ увидавъ человѣка и вглядѣвшись въ него, онъ можетъ узнать его послѣ какого угодно времени: «Это, прибавилъ онъ, очень важно». Епископъ вмѣнялъ себѣ въ достоинство, что можетъ отслужить 12 обѣденъ, не имѣя надобности въ служебникѣ; а Біёрнъ Сталларе считалъ для себя славою, что говорилъ отъ имени Короля на тингѣ, ни мало не обращая вниманія, полюбятся ли его рѣчи кому бы то ни было Такимъ образомъ всякой сказывалъ свое дарованіе; сага прибавляетъ, что находили много удовольствія въ этомъ развлеченіи. [486] На пирушкахъ еще обыкновеннѣе было сравнивать себя съ другимъ и спорить, чьи заслуги и дѣла лучше. Это называли Mannjafnadr, мужскіе переговоры. Участіе въ томъ, какъ и въ другихъ развлеченіяхъ, принимали также и Короли. Объясненіемъ свойства такихъ пировыхъ бесѣдъ и вообще нравовъ древняго языческаго времени въ сліяніи съ нравами первыхъ вѣковъ Христіянства служитъ описанный сагою споръ о преимуществахъ между Норвежскими Королями, Сигурдомъ Іорсалафараре и его братомъ, Ёстеномъ. Оба Короля, разсказываетъ сага, однажды поѣхали зимою въ гости въ Упландію. Тамъ у каждаго былъ свой дворъ; но какъ эти дворы находились почти по сосѣдству, то поселянамъ казалось всего удобнѣе давать для Королей пиры то на дворѣ того, то другаго, попеременно. Разъ, когда гости сидѣли за столомъ молча, Король Ёстенъ предложилъ имъ выдумать какую ни будь потѣху. «Есть пировой обычай, продолжалъ онъ, выбирать человѣка, съ нимъ бы потягаться, и мы сдѣлаемъ то же: вижу, что мнѣ первому начинать эту забаву; такъ я выбираю тебя, сказалъ онъ

---

[486] Randulfs Thattr. Müll., Sagabibl. III.

Королю Сигурду, и буду спориться съ тобою, потому что мы равны санами и владѣніями, да и въ родѣ и воспитаніи также нѣтъ разницы.»—«А помнишь ли, сказалъ Сигурдъ, какъ я ронялъ тебя навзничь, когда бывало захочу, хоть ты былъ и старше меня годомъ?»—«Помню и то, отвѣчалъ Ёстенъ, что ты неспособенъ былъ къ такой игрѣ, гдѣ нужна ловкость.»—«Помнишь ли и то, продолжалъ Сигурдъ, какъ мы съ тобою плавали? Бывало, я могъ таскать тебя на морское дно когда хотѣлъ.»—«Я, возражалъ Ёстенъ, проплывалъ разстояніе не меньше твоего и не дурно нырялъ; притомъ умѣлъ бѣгать на конькахъ, такъ хорошо, что не знаю никого, кто бы со мною равнялся въ томъ, ну а ты бѣгалъ не лучше коровы.»—«Вождямъ полезнѣе и приличнѣе, продолжалъ Сигурдъ, мнѣ кажется, искуство мѣткой стрѣльбы изъ лука: не думаю, чтобы ты натянулъ мой лукъ, хоть и упрешься въ него колѣнками.»—«Я не такъ силенъ въ стрѣльбѣ, какъ ты, отвѣчалъ Ёстенъ, однако жь, разница въ этомъ не такъ еще велика межъ нами; за то гораздо лучше тебя бѣгаю на лыжахъ, а это считалось прежде также хорошимъ искуствомъ.»—«Мнѣ кажется, отвѣчалъ Сигурдъ, очень важно и прилично вождю, какъ главѣ другихъ, отличаться отъ нихъ ростомъ и силою, владѣть лучше всѣхъ оружіемъ и быть замѣтнымъ въ густой толпѣ народа.»—«Не менѣе славное качество, отвѣчалъ Ёстенъ, имѣть красивую наружность: это также дѣлаетъ замѣтнымъ и, кажется, идетъ къ вождю, потому что красота — справедливая принадлежность самаго лучшаго платья. Я получше тебя знаю и законы, а если дойдетъ до рѣчей, такъ я гораздо краснорѣчивѣе.»—«Можетъ быть, сказалъ Сигурдъ, ты и лучше моего знаешь крючкотворство, потому что у меня были другія важныя дѣла; никто не оспориваетъ, что ты и краснорѣчивъ, но многіе говорятъ, что не всегда можно на тебя полагаться, что твои обѣщанія значатъ не много, и что ты больше говоришь съ тѣми, которые при тебѣ, а это не по Королевски.»—«Это отъ того, отвѣчалъ Ёстенъ, что когда люди излагаютъ мнѣ свое дѣло, я прежде всего хочу, чтобы дѣло всякаго просителя было рѣшено, какъ ему лучше; потомъ приходитъ противная сторона, и все улаживается къ общему удовольствію; бываетъ, что и обѣщаю, чего просятъ у меня, потому что хочу, чтобы всѣ были довольны; пожалуй, если бы я хотѣлъ, меня бы стало наобѣщать всякаго зла, какъ дѣлаешь ты; впрочемъ, я не слыхалъ, чтобы кто пожаловался, что ты не держишь слова.»—«Были толки, возразилъ Сигурдъ,

что путешествіе, которое я сдѣлалъ, очень важно и прилично для вождя, а ты между тѣмъ сидѣлъ дома, какъ дочка у батюшки.»—«Ты тронулъ меня въ больное мѣсто, отвѣчалъ Ёстенъ; не началъ бы я этой рѣчи, если бы могъ не отвѣчать тебѣ; скорѣе, мнѣ кажется, я снарядилъ тебя въ дорогу, какъ сестрицу, когда ты еще и не думалъ собираться.» — «Ты, продолжалъ Сигурдъ, навѣрное слышалъ о многихъ моихъ сраженіяхъ въ Серкландѣ: я побѣдилъ во всѣхъ и добылъ при томъ довольно драгоцѣнностей, какія никогда и не заходили сюда; я пользовался уваженіемъ и отъ такихъ людей, которые были лучше меня, а ты, кажется, не стряхнулъ еще съ себя имени домосѣда; я ѣздилъ и въ Іерусалимъ, и по дорогѣ завернулъ въ Апулію, но тамъ не видалъ тебя, братъ! Я далъ Родгеру, богатому ярлу, Королевскій титулъ и одержалъ побѣду въ восьми сраженіяхъ, а ты ни въ одномъ изъ нихъ не былъ; я ѣздилъ къ отцовской могилѣ, а тебя не видалъ тамъ; въ этомъ путешествіи я доходилъ до Іордана, въ которомъ крестился Господь, и переплылъ черезъ рѣку, но и тамъ не видалъ тебя; на другомъ берегу ея есть въ болотѣ лѣсъ: тамъ, въ кустахъ, я завязалъ узелокъ; онъ дожидается тебя, потому что я обѣщался тогда, что ты либо развяжешь этотъ узелъ, либо исполнишь условіе, соединенное съ нимъ.»—«Немного, сказалъ Ёстенъ, я буду отвѣчать на то. Слышалъ я, что ты давалъ разныя битвы въ чужихъ краяхъ; но мои дѣла въ то время были гораздо полезнѣе для нашего государства; на сѣверѣ въ Вагѣ я велѣлъ поставить рыбачьи хижины, чтобы бѣднымъ людямъ было чѣмъ кормиться и поддерживать свою жизнь; тамъ же я велѣлъ выстроить домъ для священника и назначилъ имѣнія для церкви; а прежде въ этомъ мѣстѣ было все глушь и жили язычники; тамошніе люди будутъ помнить, что Ёстенъ былъ Королемъ въ Норвегіи. Черезъ Дофрефильды лежала дорога изъ Трондгема; тутъ проѣзжіе часто прощались съ жизнію, и для многихъ этотъ путь былъ самый несчастный; я велѣлъ поставить тамъ постоялый дворъ и назначилъ для того сумму: проѣзжіе будутъ знать, что Ёстенъ былъ Королемъ въ Норвегіи. Около Агденеса прежде все были дикія и глухія мѣста, пристани совсѣмъ не было, много кораблей погибало: теперь тамъ пристань, хорошій заливъ, да построена церковь; на горахъ, которая повыше, поставлены маяки, полезные для всѣхъ. Въ Бергенѣ я велѣлъ построить Королевскую комнату, да храмъ св. Апостолъ, въ промежуткахъ поставлено крыльцо: Короли послѣ насъ съ тобою вспомнятъ мое имя. Я воздвигъ храмъ

святаго Михаила и основалъ монастырь, потомъ поставилъ стапельный столбъ съ желѣзнымъ кольцомъ въ Сингольмскомъ проливѣ. Я также издалъ указъ, чтобы всякой уважалъ чужія права, а гдѣ живутъ по законамъ, тамъ обезпечено и правительство. Я покорилъ Норвегіи Іемтландцевъ миролюбивыми и благоразумными мѣрами, а не силою и войною. Положимъ, о томъ не стоитъ говорить; однако жь, не знаю навѣрное, столько ли отъ того пользы для поселянъ, сколько отъ твоихъ жертвоприношеній чорту въ убитыхъ Арабахъ, которыхъ отправилъ ты въ адъ. Что жь касается до узелка, что ты завязалъ мнѣ, у меня нѣтъ и въ помышленіи развязывать его: завязалъ бы я тебѣ узелокъ, кабы захотѣлъ, такой, чтобы ты и въ вѣкъ не попалъ въ Норвежскіе Короли, когда, воротившись домой, ты присталъ къ моему флоту съ однимъ кораблемъ. Пусть разсудятъ умные люди, чѣмъ ты выше меня. Знайте, господа въ золотыхъ цѣпочкахъ, что въ Норвегіи есть еже люди, которые потягаются съ вами.» Короли замолчали: они разсердились. Всякому хотѣлось быть выше другаго. [487]

Такой же споръ о преимуществѣ между Королями, Гаральдомъ и Гудрёдомъ, сыновьями Эрика Блодиксы и Гунгильды, имѣлъ бы печальную развязку, если бы не вступились благоразумные люди и не остановили ихъ. Эти Короли собрались въ морской набѣгъ и пили прощальную чашу; пирушка была славная; много разговоровъ велось за столами; напослѣдокъ, зашла рѣчь о самихъ Короляхъ. Гудрёдъ взбѣсился на то, что преимущество отдавали Гаральду: онъ говорилъ, что ни въ чемъ не уступитъ брату и готовъ доказать это на дѣлѣ; оба озлобились до того, что вызвали другъ друга на поединокъ и взялись за оружіе. [488] Случалось часто, что эти любимыя на Сѣверѣ состязанія порождали зависть, раздоры, ненависть, нерѣдко имѣвшія слѣдствіемъ кровопролитія. Въ важномъ ли дѣлѣ, или въ шуткѣ, при всякихъ случаяхъ въ Скандинавахъ пробуждалось самолюбіе, неразлучное съ воинственнымъ духомъ, и особенная щекотливость относительно чести. Никто не хотѣлъ уступить другому и быть ниже его. Они сами знали это и сознавались въ томъ явно. «И теперь также, какъ въ старину бывало, говорилъ Эрлингъ Скіальгсонъ Олофу Дигре, всякой изъ насъ, братьевъ, хочетъ быть лучше

---

[487] Сага про Сигурда Іорсалефараре и его братьевъ, у Снорре Стурлесона.
[488] Harald Gráfälls и Hákon Jarls saga, у Снорре Стурлесона.

другаго.» [469] Это гордое желаніе, питаемое военною жизнію и постояннымъ соперничествомъ въ битвахъ и подвигахъ, стало главною чертою Скандинавовъ, началомъ великихъ добродѣтелей и пороковъ, а въ слабыхъ людяхъ оно проявлялось въ мелочной завидливости и пристрастіи къ наружному блеску, за недостаткомъ истинной силы.

ОТДѢЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ПЛАТЬЯ И УБОРЫ.

Любя во всемъ блескъ, Скандинавы находили большое удовольствіе въ нарядныхъ платьяхъ, пышномъ оружіи, драгоцѣнной посудѣ. Между остатками глубокой древности въ могильныхъ курганахъ найдено множество золотыхъ колецъ, иныя вѣсомъ въ два съ половиною фунта, также цѣпочекъ, пряжекъ и другихъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній различнаго вида. Неменѣе богатыми находками представляются золотыя палочки, согнутыя въ кольцо и расположенныя соразмѣрно, съ привѣшенными къ нимъ другими меньшей величины, также проволоки необыкновенной толщины и длины изъ лучшаго золота; сверхъ того разныя вещи вѣсомъ отъ 20-ти до 100 червонцевъ: однѣ въ видѣ застежекъ или пряжекъ, другія похожи на гвозди; иныя съ вдѣланными въ нихъ глазками; найдены пуговицы изъ золота и слоновой кости, [490] ожерелья и бусы изъ различнаго вещества, изъ стекла, металла, дру-

---

[469] Ol. Haraldss. saga, у Снорре Стурлесона.

[490] Въ 1813 году въ одномъ открытомъ родовомъ курганѣ въ Медельпадѣ между прочимъ найдено такое множество пуговицъ, что ими наполнили двѣ югфру (32 на штофъ). Одна такая пуговица изслѣдована Барономъ Берцеліусомъ, который нашелъ, что она изъ слоновой кости. Iduna V.

сталя, янтаря, мрамора и смѣси; мечи съ изображеніями изъ накладнаго, очень массивнаго золота, [491] съ спиралями изъ стальной проволоки на головкѣ рукояти, другіе съ желѣзною рукоятью искусной работы и посеребреные. кубки изъ цѣльнаго золота, [492] золотыя и хрустальныя съ широкими золотыми ободками урны. [493] Много разныхъ вещей древней работы отрыто въ землѣ и найдено въ родовыхъ курганахъ. Многочисленность такихъ находокъ [494] напоминаетъ извѣстія [495] Адама Бременскаго объ изобиліи серебра и золота въ Швеціи и подтверждаетъ сказанія сагъ о древней пышности. Богатые землевладѣльцы и вожди, чрезвычайно пышно убирая свои комнаты рѣзьбою, блестящими обоями, дорогими полавочниками и подушками, украшали также столовую посуду и кубки серебромъ, золотомъ и живописью. [496] О праздникахъ они любили

---

[491] Два такіе, украшенные изображеніями, найдены въ Шлезвигѣ, между Тондерномъ и Рипенштифтомъ: одинъ въ 1633 году, вѣсомъ въ 6 Датскихъ фунтовъ 13 лотовъ, другой въ 1734, вѣсомъ въ 7 ф. и 10 лот. Золото было превосходное. Sjöborg, Inledning till kännedom af fäderneslandets Antiquiteter (Введеніе въ науку отечественныхъ древностей).

[492] Шесть изъ тонкаго золота найдены въ нъ 1685 году въ Мункёнѣ близъ Фіена.

[493] Одна хрустальная урна съ массивными золотыми бордюрами найдена въ Норвегіи, въ Бергенскомъ округѣ. Когда вырыли ее, она полна была костей и пепла.

[494] См. изд. Лиліегреномъ Förteckningar öfver fynd i Svensk jord (Перечень находокъ, сдѣланныхъ въ Швеціи). Впрочемъ, только 200 лѣтъ назадъ стали обращать вниманіе на древности, находимыя при копаніи рвовъ, или при вспахиваніи полей, и начали сохранять ихъ; о находкахъ, сдѣланныхъ со временъ введенія Христіянства до 17-го столѣтія, нѣтъ ни какихъ извѣстій; скрыты многія и изъ тѣхъ драгоцѣнностей, которыя найдены послѣ, когда еще имѣлъ силу указъ 1684-го года, предоставлявшій Коронѣ право владѣнія отрытыми вещами, также и двѣ трети цѣны ихъ, такъ что нашедшій получалъ только третью часть цѣны найденной вещи; многочисленнѣйшія находки начали быть извѣстными, и Королевское древлехранилище сдѣлало значительныя пріобрѣтенія съ 1734 года, когда общій законъ предоставилъ нашедшему всю цѣну отрытой и отданной въ казну вещи и сверхъ того восьмую часть или 12 съ 1/2 процентовъ награды.

[495] Ср. прим. 377.

[496] Примѣръ того встрѣчается въ соч. Швед. истор. I, стр. 307, гдѣ упоминается о пирѣ, который давалъ одинъ богатый поселянинъ въ Вермландѣ, по имени Аке, Королю Шведскому, Эрику Эмундсону, и Норвежскому, Гаральду Гарфагеру.



одѣваться въ красныя суконныя платья, подбитыя дорогими мѣхами, съ золотыми и серебряными застежками, иногда съ украшеніями изъ золота на рукавахъ. Они носили серебряные пояса съ пряжками; большія тяжелыя кольца охватывали кисти и локти рукъ. Исландецъ Скалагримсонъ получилъ объ Рождествѣ въ подарокъ отъ одного родственника шелковый плащъ, доходившій до пятъ, вышитый золотомъ и сверху до низу усаженный золотыми пуговицами. [497] Эндридъ Ильбредъ, богатый поселянинъ въ Трондгемѣ, всякой разъ, отправляясь къ королю, Олофу Триггвасону, рядился въ красный суконный кафтанъ; на правую руку надѣвалъ тяжеловѣсное золотое кольцо, на голову шелковую шапку, вытканную золотомъ и обвитую цѣпочкою изъ того же металла. [498] Дворянское платье (Tignar) одного ярла цѣнилось въ 20 марокъ золота; на одной шляпѣ его было на десять марокъ золотаго шитья. На дворъ этого ярла сдѣлалъ набѣгъ Викингъ, Буе Дигре, и разломалъ комнату, гдѣ хранились драгоцѣнности ярла; онъ взялъ два ящика, набитые золотомъ, награбленнымъ въ набѣгахъ. [499] Другой примѣръ въ доказательство богатствъ, приносимыхъ набѣгами, представляетъ разсказъ о походѣ на западъ Гутторма, знатнаго Норвежца, въ XI вѣкѣ; по возвращеніи оттуда, онъ получилъ десятый пфеннигъ изъ добытаго серебра и велѣлъ вылить изъ него въ свой и своего стамбо ростъ икону, въ сажень вышины; потомъ пожертвовалъ ее въ церковь Св. Олофа, гдѣ она и стояла нѣсколько времени. [500] Такое богатство, привозимое изъ набѣговъ и нажитое торговлею, въ золотѣ и серебрѣ, дорогихъ тканяхъ и другихъ драгоцѣнностяхъ, давало Скандинавамъ возможность являться въ народныхъ собраніяхъ и при другихъ торжественныхъ случаяхъ съ наружною пышностію и блескомъ, приличными ихъ роду и значенію, снисканному подвигами. Въ сагахъ попадаются безчисленныя описанія ихъ великолѣпнаго оружія. Видали воиновъ съ обитыми золотомъ и серебромъ сѣкирами, [501] другіе щеголяли въ золотыхъ шлемахъ и имѣли мечи съ оправленными въ золото рукоятками; не

---

497 Eigils saga.
498 Ol. Tryggv. saga.
499 Jomsvik. saga.
500 Har. Hardr. saga, у Сн. Стурлесона.
501 Ol. Trygg. saga Vatnsd. saga.

рѣдко бывали стрѣлы съ золотыми ободками, копья и щиты съ такою же насѣчкою. Въ богатомъ оружіи, дорогихъ платьяхъ, тяжеловѣсныхъ золотыхъ кольцахъ обыкновенно состояли подарки скальдамъ, воинамъ, гостямъ и роднымъ отъ Королей, ярловъ и другихъ владѣльцевъ. Древній Король сидитъ посреди своей дружины. Только что сдѣланъ побѣдоносный набѣгъ на непріятельскій край: смѣлая поѣздка на коняхъ моря, волнахъ, была успѣшна. За плечами Короля, по обѣимъ сторонамъ его и прямо передъ нимъ, стоятъ лучшіе сподвижники; возлѣ нихъ доблестные мужи, подальше молодые люди изъ дружины, еще далѣе гости. Надо раздавать награды; въ ногахъ Короля сидитъ пѣвецъ; подъ тихострунную арфу онъ запѣваетъ простую пѣсню, въ которой славитъ предковъ Короля и его самого, и хвалитъ вѣрность и способность его храбрыхъ. Королю приносятъ сундуки и кубки; въ нихъ лежатъ кольца на кольцахъ. Щедрая рука выбираетъ и вѣситъ: тяжесть кольца соразмѣряется съ важностью дѣла. Когда дѣло еще не полный подвигъ, Король вынимаетъ мечъ и сильнымъ ударомъ рубитъ кольцо пополамъ: «На этотъ разъ половина, впередъ цѣлое кольцо.» * Щитъ, полученный Скальдомъ Эйнаромъ отъ Норвежскаго ярла, Гакана, въ награду за пѣсню въ честь его, украшался золотыми полосами и живописными сценами древнихъ сагъ. [502] Саксо [503] также доставляетъ намъ подобныя описанія древнихъ щитовъ съ картинами, по видимому, не уступающихъ въ пышности тому художественному щиту Ахиллеса, который выковалъ и украсилъ живописью Вулканъ. [504]

Мужчины также очень любили возвышать нарядомъ красоту женщинъ. Они считали для себя честью наряжать своихъ дочерей прилично ихъ достоинству и происхожденію. Бывали отцы, находившіе это столь важнымъ, что, выдавая дочерей замужъ, заключали о томъ особенныя условія, подобно Ирландцу Освифу: при обрученіи дочери, Гудруны, съ Торвальдомъ Гальдорсономъ, онъ, въ числѣ разныхъ условій, выговорилъ для нея такое количество платья, которое поравняло бы ее въ нарядахъ съ другими женщинами равнаго съ нею происхожденія и состоянія. Торвальдъ обѣщалъ

---

[502] Eigils saga.

[503] Lib. V.

[504] Homeri Ilias, XVIII.

* Weinhold, Altnord. Leben.

невѣстѣ, что ни у одной женщины не будетъ такихъ прекрасныхъ нарядовъ, какъ у ней. [505] Гудруна припомнила это: послѣ свадьбы она обнаружила такое усердіе къ составленію собранія нарядовъ, что не было драгоцѣнности въ западной четверти Исландіи, которой не желала бы она имѣть. Къ числу женскихъ украшеній принадлежали красивыя, бѣлыя повязки на головѣ, [506] у знатныхъ вытканныя золотомъ, ожерелья и брошки, золотыя и серебряныя кольца, цѣпочки, пряжки. Они составляли главную потребность прекраснаго пола и не одинъ разъ порождали зависть и непріязнь между женщинами, если на пиры, или въ большія народныя собранія, одна являлась наряднѣе другой. Вообще, Скандинавы очень обращали вниманіе на приличіе и опрятность одежды, [507] вообще любили яркіе цвѣта, но также очень цѣнили тонкость тканей и лучшій покрой платьевъ. Мужчины носили узкіе панталоны и высокіе башмаки съ ременными завязками, длинныя куртки, камзолы сверху узкіе и широкіе въ бокахъ, поверхъ накидывали плащи, доходившіе до пятъ, [508] опоясывались поясами, къ которымъ привѣшивались цѣпочки съ ножами; на головѣ носили шапки, или шляпы. Густые, прекрасные волосы были украшеніемъ какъ мужчинъ такъ и женщинъ: на головѣ и бородѣ ихъ чесали, мыли, убирали съ большимъ тщаніемъ. То, что сначала было простымъ удовольствіемъ, стало потомъ нравственною гордостью; только свободный мужчина и непорочная дѣвушка носили развѣвающіеся по плечамъ волосы: у рабовъ и женщинъ дурнаго поведенія они обрѣзывались. Что жь удивительнаго, что на нихъ обращали особенное вниманіе и не забывали ихъ мыть, помадить и расчесывать? Сирены чешутъ на берегу свои длинныя кудри золотымъ гребнемъ; колѣни ихъ прикрыты златотканымъ сукномъ; онѣ поливаютъ свои волосы морскою водою. Молодые люди подстерегаютъ ихъ за этимъ занятіемъ. Дѣвушки рады, что прелести ихъ внушаютъ

---

505 Laxd. saga.

506 Laxd. saga.

507 Тордъ Ингунарсонъ, знатный Исландецъ, объявилъ женѣ разводъ за то, что она неприлично одѣвалась (именно, носила панталоны). Laxd. saga. Dahlm. Gesch. v. Dänem.

508 Eigils saga. Vatnsd. saga. Björn Hitdälakappes saga (Müll. Saga Bibl. I.) Magnus Erlingssons saga, у Сн. Стурлесона.



любовь; онѣ нежестоки, межъ ними нѣтъ ни одной Лоры, которая находила несчастное удовольствіе въ пагубѣ людей. *

На Сѣверѣ считались прекрасными одни бѣлокурые волосы: сносны были и каштановые, принадлежавшіе, по пѣснямъ Эдды, Лонгобардамъ и Готамъ. Описаніе Сигфрида съ черными волосами ясно показываетъ, что его считали за иностранца. Рыжіе волосы у любимаго народнаго бога, Тора; многіе Короли и значительные люди называются въ сагахъ рыжебородыми. Но черные волосы считались безобразіемъ; они были чужды и противны духу народа. Неразлучный съ ними темноватый цвѣтъ кожи, мрачная наружность, густая борода придавали черноволосому, по народному вкусу, что-то отвратительное: рабовъ обыкновенно представляли себѣ черными. Если же, не смотря на то, черноволосаго находили красивымъ, это считалось исключеніемъ. Такъ замѣчаетъ сага о Сторвиркѣ, сынѣ Старкада: «Прекрасенъ былъ лицомъ, хоть и съ черными волосами.» Хотя мужчины носили длинные приглаженные волосы, однако жъ кудреватые считались приличными для однѣхъ женщинъ. Норвежскій король, Магнусъ Босой, имѣлъ мягкіе, шелковистые волосы, падавшіе ему на плеча. У Викинга Бродера черные волосы доходили до пояса. Въ исходѣ XII-го вѣка носили волосы при дворахъ не длиннѣе, какъ до мочки уха, гладко зачесанные; на лбу остригали ихъ короче.

При описаніи красавицъ никогда не забываются длинные, шелковистые волосы. Рагнаръ Лодброкъ, славный витязь Скандинавскихъ сагъ, по смерти любимой жены, Торы, рѣшился остаться вдовцомъ, ввѣрилъ управленіе королевствомъ своимъ сыновьямъ, а самъ обратился къ прежнимъ опасностямъ морскихъ разбоевъ. Въ одно лѣто онъ прибылъ въ пристань близъ Спангареда, въ Норвегіи, и послалъ своихъ людей на берегъ испечь хлѣбъ. Они скоро вернулись назадъ съ подгорѣвшимъ хлѣбомъ и извинялись передъ Королемъ, говоря, что повстрѣчали чудную красавицу и, заглядѣвшись на нее, не занялись, какъ надобно, дѣломъ. Это была Крака, очень красивая дѣвушка; ея длинные волосы касались земли и блестѣли, какъ свѣтлый шелкъ. Она стала супругою Лодброка (Аслауга). Послѣ нея считалась красавицею въ Исландіи Гальгерда; не смотря на высокій ростъ, она могла покрывать всю себя

* Weinhold, Altn. Leben.



длинными волосами. Мы знаемъ также Сѣверную Изольду, которая однимъ волосомъ своей косы могла влюбить въ себя издалека: это Ингегерда, дочь Русскаго Короля, Греггвида, которая также могла окутывать себя длинными волосами, блестѣвшими какъ золото, или солома. На могилѣ покойной жены сидѣлъ Торгниръ, Ютландскій ярлъ. Надъ нимъ вилась ласточка. Она выронила шелковый клубокъ, на которомъ намотанъ былъ одинъ женскій волосъ, золотистый, длиною въ ростъ человѣка. Въ восхищеніи ярлъ клянется, что достанетъ ту, кому принадлежитъ этотъ волосъ; его наперсникъ, Біёрнъ, отгадываетъ тотчасъ, что это Ингегерда, дочь Греггвида.

Дѣвушки ходили съ распущенными волосами; невѣстамъ заплетали ихъ въ косы; замужнія накрывали голову сукномъ, покрываломъ, или шапочкою. *

Красоту мужчины составляли высокій ростъ, толстыя, широкія плечи, хорошо сложенные, соразмѣрные члены, свѣтлые, живые глаза и бѣлый цвѣтъ кожи. Кромѣ того отъ мужчины требовалось приличіе въ пріемахъ и поступкахъ. Дома онъ долженъ быть гостепріименъ, на пирахъ веселъ, на тингѣ краснорѣчивъ, къ друзьямъ щедръ, готовъ на отмщеніе врагамъ, расположенъ помогать роднѣ и друзьямъ , отнимать богатство у враговъ, храбръ и отваженъ въ какихъ бы то ни было случаяхъ. Таковы наружныя и душевныя качества, прославляемыя сагами въ древнихъ герояхъ; такъ понимала ихъ и Эдда, описывая славнаго Сигурда Фофнерсбане: она особенно хвалила его за то, что онъ «былъ щедръ на подарки, не любилъ бѣгать съ боя, отличался наружностью и умными рѣчами.» [509]

Немного встрѣчается указаній, что иноземные обычаи и нравы были причиною коренныхъ перемѣнъ въ древней Сѣверной жизни. Разстояніе было слишкомъ огромно, когда противоположныя религіи отдѣляли Сѣверъ отъ Юга. Кромѣ того на Сѣверѣ были ближе къ первоначальному семейному быту, почему и вся древняя Сѣверная словесность, всѣ общественныя дѣла, свойства, нравы, обычаи имѣли своеобразный видъ, были въ духѣ времени и народа. Но потомъ гроза Норманнскихъ набѣговъ прошла, Скандинавскія поселенія въ покоренныхъ земляхъ вступили въ болѣе дружеское знакомство и мирныя сношенія съ Христіанскими народами; единоземцы Скандинавовъ, поселившіеся въ чужихъ краяхъ, сами приняли

* Weihnold, Alt. Leb.

509 Sigurdar — quida I.



Христіанскую вѣру и стали примѣняться къ нравамъ тѣхъ странъ, гдѣ имѣли свои поселенія. Норманны обратились въ спокойныхъ наблюдателей чужеземныхъ обычаевъ; благодаря вліянію Христіянства, мало по малу устранилась преграда, отдѣлявшая народные обычаи и вѣру. Тогда и въ Скандинавскихъ земляхъ начали болѣе подражать чужеземнымъ обычаямъ, съ которыми ознакомились во время путешествій въ чужіе краи. Сага разсказываетъ [510] слѣдующее о первой главной перемѣнѣ въ древнихъ обычаяхъ во время Олофа Кирре: «Въ Норвегіи былъ древній обычай, чтобы главное Королевское мѣсто находилось посрединѣ длинной скамьи. Но Король Олофъ велѣлъ перенести его на высокую (западную) скамью, проходившую поперекъ залы, первый велѣлъ класть печи въ комнатахъ и посыпать полы соломою въ зиму и лѣто. Король Гаральдъ (Гардраде) и другіе Короли до него обыкновенно употребляли кубки, [511] подавали пиво съ Королевскаго мѣста черезъ огонь, и пили здоровье, кого хотѣли. Но Король Олофъ перенялъ у иноземныхъ Королей обычай ставить за своимъ столомъ слугъ, подносившихъ вино, какъ Королю, такъ и всѣмъ лучшимъ гостямъ (Tignarmaen). Онъ также устроилъ почетныя мѣста, гдѣ сидѣли его сановники, обращенные лицомъ къ Королю. Олофъ поставилъ въ Нидаросѣ большой домъ для пировъ и много другихъ домовъ для такого же назначенія въ разныхъ купеческихъ городахъ; прежде жители пировали поочередно другъ у друга, но съ этѣхъ поръ никто не могъ дѣлать пировъ нигдѣ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя пользовались Королевскимъ покровительствомъ и снабжены были всѣмъ необходимымъ для пира съ его же позволенія. Тогда начались въ торговыхъ городахъ пиры и попойки, на которые собирались рука объ руку, другъ съ другомъ. Въ это же время заимствовали разную пышность, иноземные обычаи и одежду. Вошли въ употребленіе нарядные чулки, зашнурованные около ноги, нѣкоторые носили на ногахъ и золотыя кольца. Явились кафтаны съ шнурами, застегнутые на бокахъ, рукава въ пять аршинъ длиною и такіе узкіе, что ихъ надобно было вздергивать до плечъ

---

510 Онъ былъ сынъ Гаральда Гардраде и по смерти его вступилъ на престолъ вмѣстѣ съ братомъ, Магнусомъ, въ 1066 году.

511 Скальдъ Стуфъ поетъ о Гаральдѣ Гардрадѣ: «Онъ, питатель кровожадныхъ птицъ (вороновъ), истребитель колецъ, хлѣбосолъ, самъ подошелъ ко мнѣ съ золотымъ кубкомъ и пилъ мое здоровье.»

лентами, высокіе башмаки, вышитые шелкомъ и выложенные золотомъ. Много другихъ нарядовъ вошло тогда въ употребленіе.» [512] Король Магнусъ, сынъ Олофа Кирре, по возвращеніи съ набѣга на Западъ, и многіе изъ его людей, переняли Западные обычаи и одежду, носили короткіе кафтаны и плащи, ходили босикомъ по улицамъ, за что этотъ Король и прозванъ босоногимъ (Barfot). [513]

Приходитъ время, когда все получаетъ новый видъ. Сѣверъ открытъ вліянію Юга; новая религія, по духу противоположная воинственному ученію Асовъ, посѣваетъ въ сердцахъ болѣе миролюбивыя правила и начала новыхъ отношеній въ обществѣ. Кровопролитные подвиги Скандинавовъ на морѣ и въ дальнихъ краяхъ на сушѣ смолкаютъ. Позднѣйшее время отмѣчаетъ ихъ позорнымъ именемъ. Это не безъ основанія. Однако жь, они произвели много полезнаго и великаго. Мы узнаемъ въ нихъ не дикихъ варваровъ, а воинственныхъ людей, которые находятся уже на первой степени образованія, такъ же подвизаются дома, чтобы завоевать что ни будь у довольно скупой природы, какъ и за предѣлами родины добываютъ государства мечемъ; они великодушны, способны на благородное дѣло; съ любовью легко было управлять ими, за то они не поддавались насилію и неправедной власти. Это рыцари въ своихъ отношеніяхъ къ прекрасному полу, очень веселые въ обхожденіи, охотники до общественныхъ развлеченій, гостепріимные и ласковые къ иноземцамъ: это честные и храбрые люди, выше всего ставившіе честь и свободу, поклонники великаго имени и славы. По духу, доступному высшей образованности, по сильной волѣ, мужеству, подвигамъ, они такъ же достойны того безсмертія, которое Гомеръ доставилъ своимъ героямъ.

---

[512] Olof Kyrres saga, у Снорре Стурлесона.
[513] Magnus Barfots saga, у Снорре Стурлесона.

V

СМѢСЬ

АКТЫ

О РАЗДѢЛАХЪ, ПРОМѢНАХЪ И ПЕРЕДѢЛАХЪ ЗЕМЛИ

ВЪ XVII И XVIII СТОЛѢТІЯХЪ.

Со времени начавшагося дѣла объ освобожденіи въ Россіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостнаго права, возникло въ періодическихъ изданіяхъ множество историческихъ статей, опредѣлявшихъ старинный бытъ земледѣльцевъ; между прочимъ поднятъ былъ вопросъ, доселѣ неудовлетворительно поясненный: бывали ли встарину временные передѣлы земли, которые въ настоящее время существуютъ по всей Россіи? Передѣлы эти, какъ извѣстно, наносятъ земледѣлію весьма немаловажный вредъ въ хозяйственномъ отношеніи. О передѣлахъ встарину земель я, съ своей стороны, не излишнимъ почитаю здѣсь приложить десять актовъ, писанныхъ въ XVII и началѣ XVIII столѣтій. Изъ этихъ актовъ видно, что передѣлы бывали въ слѣдствіе челобитныхъ самихъ помѣщиковъ по царскимъ грамотамъ, добровольные, и недобровольные, а равно какъ и безъ указовъ по частнымъ сдѣлкамъ или записямъ. Передѣлы эти случались довольно часто, особливо между землевладѣльцами-родственниками, даже безъ согласія однихъ съ другими. Сему доказательствомъ служитъ подлинная, хранящаяся у меня, челобитная Якова Высотскаго, поданная въ 1679 году, на имя Царя Θеодора Алексѣевича, въ которой Высотскій жалуется Царю въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ прошломъ, Государь, во 184 (1676) году били челомъ тебѣ, Великому Государю, братья мои родные, Василей, да Петръ, да Борисъ о справкѣ и передѣлѣ помѣстьица и вотчинки отца нашего, и, по твоему, Великаго Государя, указу, послана твоя, Великаго Государя, грамота на Кострому къ Воеводѣ, и велѣно то, отца нашего, помѣстьице и вотчинку отказать по вытной по четвертямъ

противъ нашихъ раздѣльныхъ записей, а не выборомъ. а откащикъ, Борисъ Приклонскій, дружа брату моему, Петру, воровски, для своей бездѣльной корысти, въ сельцѣ Савастьяновѣ да въ деревнѣ Лупочевѣ, отказалъ ему, Петру, выборомъ лучшую половину пашни, а мнѣ, холопу твоему, отказалъ худое и пустое мѣсто; а я, холопъ твой, въ то время былъ на твоей, Великаго Государя, службѣ, подъ Чегириномъ, въ полку Боярина и Воеводы, Князя Г. Г. Ромодановскаго; а безъ меня, холопа твоего, о передѣлѣ помѣстьица побить челомъ было некому. Пожалуй, Государь, не вели отъ того неправеднаго передѣлу мнѣ въ конецъ не погибнуть и разоритца.» Въ другихъ случаяхъ изъ представляемыхъ здѣсь актовъ ясно видно, что до формальныхъ передѣловъ земли пахались черезполосно, слѣдовательно, тоже передѣлялись. Изъ полюбовной записи 1626 года Вологодскихъ помѣщиковъ, Гаврила Янковскаго и Якова Рогановскаго, видѣнъ обычай тогдашняго времени о непередѣлѣ земли, довольно замѣчательный въ томъ, что за добровольные непередѣлы земли совершались тогда особыя обоюдныя сдѣлки между владѣльцами посредствомъ вознагражденія той или другой сторонъ уступкою въ вѣчную собственность крестьянъ съ ихъ домами, семействами и со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ крестьянскимъ имуществомъ. Изъ сего можно заключить, что передѣлы земель тогда почитались тяжелѣе самаго рабства въ хозяйственномъ отношеніи, особливо, у кого лучше была удобрена земля, почиталось ее уступить въ другія руки убыточнымъ. Изъ памяти Петра Высотскаго (№ 5) можно думать, что передѣлы въ черезполосныхъ владѣніяхъ разныхъ землевладѣльцевъ совершались частнымъ образомъ нерѣдко, и вѣроятно дѣлались съ дозволенія господъ и самими крестьянами. Достовѣрность такихъ періодическихъ передѣловъ показываютъ помѣщенные здѣсь Шуйскіе городскіе акты, изъ которыхъ видно, что пашенныя посадскія земли передѣлялись чрезъ каждое десятилѣтіе постоянно, даже огородныя земли подвергались тому же, равно какъ и луговыя мѣстности дѣлились каждогодно.

В. Б.

Акты.

1.

Се язъ, Гаврило, Ивановъ сынъ, Янковской, иноземецъ, Вологоцкой помѣщикъ, въ прошломъ во 133 году билъ челомъ Государю Царю и Великому Князю, Михаилу Ѳедоровичу, всеа Руси, Рохмистръ Яковъ Рогановской на Государево жалованье, на наши Вологоцкія помѣстья въ Сяжемской волости, о передѣлѣ (земли), и язъ, Гаврило, съ Яковомъ договорился полюбовно, што намъ помѣстьевъ своихъ не передѣляя, отдать мнѣ, Гаврилу, Якову Рогановскому изъ своего помѣстья, изъ Сяжемской волости, изъ своего жеребья, деревни Силуяновской, Ѳедьку Шебуню съ женою, и съ дѣтьми, и со всѣми его крестьянскими животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ, и съ соломою, опричь землянаго хлѣба, которой сѣянъ къ нонѣшному ко 134 году. Да что били челомъ Государю сестры мои двоюродныя, Миколаевскіе дочери Любомельскаго, Ульяна да Настасья, имали Государеву грамоту о земляномъ хлѣбѣ, которой сѣянъ былъ ко прошлому ко 133 году, и на отца ихъ, Миколая, а усадище въ деревнѣ Тимоѳеевской, а по раздѣлу то усадище досталося Якову Рогановскому, и по Государеву указу тотъ хлѣбъ велѣно зжать тѣми жъ ихъ крестьяны, и измолотя на землю выдать сѣмена Якову Рогановскому, а приполонъ хлѣбной велѣно отдать сестрамъ моимъ, Ульянѣ да Настасьѣ. И язъ, Гаврило, тово хлѣба поступился Якову Рогановскому изъ своего хлѣба выдать сестрамъ моимъ, Ульянѣ да Настасьѣ, пятнадцать четей ржи въ ту же мѣру, въ которую сѣяна была на отца нашего, Миколая. Да ко мнѣ жъ, Гаврилу, приставливалъ Яковъ Рогановской въ своей проѣсти и волокитѣ, въ крестьянскихъ ихъ убыткахъ и въ подводахъ, и мы съ нимъ, съ Яковомъ, въ томъ во всѣмъ помирилисъ, и впредь мнѣ, Гаврилу, на Якова Рогановскаго, на Государево жалованье, на наши помѣстья, о передѣлѣ не бить челомъ, а которово хлѣба сестръ своихъ язъ, Гаврило, поступился Якову Рогановскому, на Яковѣ не искать съ крестьянина. Язъ, Гаврило, поступился Ѳедьку Шебуню съ женою, и съ дѣтьми, и со всѣми животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ; да мнѣ жъ, Гаврилу, отдать Якову Рогановскому на срокъ, на Рождество Христово нонѣшняго 134 году. А учну язъ, Гаврило, впредъ на Якова Рогановскаго, на тѣ

наши помѣстья о передѣлѣ бить челомъ, или хлѣба котораго язъ, Гаврило, Якову поступился, и учну на Яковѣ искать, и крестьянина Ѳедьки Шебуна съ женою, и съ дѣтьми, и со всѣми ево крестьянскими животы, на тотъ срокъ не отдамъ, и на мнѣ, на Гаврилѣ, Якову взять по сей записи за волокиту и за убытки сто рублевъ денегъ. А на то послуси: Ларивонъ, Степановъ сынъ, Трусовъ, да Яковъ, Ивановъ сынъ, Лазыревъ, да Елизарей, Ивановъ сынъ, Голчинъ. А Запись писалъ Иванъ Холоповъ лѣта 7134 году.

На оборотѣ столбца написано:

К сей мировой Записи Гаврило Янковской руку приложилъ, послухъ Ларіонъ руку приложилъ, послухъ Яковъ руку приложилъ, послухъ Елизарей руку приложилъ.

2.

Се азъ, Иванъ, Семеновъ сынъ, Бобровской, въ нынѣшнемъ во 135 году отдалъ есьми Ротмистру Якову, Якимову сыну, Рогановскому, въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ Сяжемской трети, въ Бѣлтяевской слободѣ, Государево жалованье, свое помѣстье, пустоши, до его, Яковлева, живота пустошъ Бурулиху, да пустошъ Прокопиху, да пустошъ Ягодникъ, да пустошъ Березницы, да пустошъ Стольмиху, да пустошъ Клюниху, да пустошъ Пантючиху, да пустошъ Ивачиху, да у него, Якова, я, Иванъ, взялъ противъ тѣхъ пустошей въ той же Бѣлтяевской слободѣ, ево, Яковлеву, помѣстную деревню Афониху, а Сорочинская тожъ, до своего, Иванова, живота, съ пашнею и со всѣми угодьи, а въ ней крестьянъ: Янъ Гавриловъ, да Ивашко, и мнѣ, Ивану, у Якова въ тѣ свои пустоши, которые съ сей Записи писаны, до его живота не вступатца, ни женѣ моей, ни дѣтямъ; а не далъ я, Иванъ, тѣми пустошами Якову владѣти до его живота, и ему Якову взяти на мнѣ, Иванѣ, по сей записи заряду двѣсти рублевъ. А сіи мы Записи межъ себя полюбовно написали по противнямъ, а имъ послуси: Онисимъ, Левонтьевъ сынъ, Ушатовъ, да Наумъ, Ивановъ сынъ, Бородинъ, да Жданъ, Максимовъ сынъ, Гребеневъ. А Запись писалъ Дема, Ильинъ сынъ, Аверкіевъ, лѣта 7135 году.

На оборотѣ столбца подписано:

К сей Записи я, Иванъ Бобровской, руку приложилъ, послухъ Онисимко руку приложилъ, послухъ Наумко руку приложилъ, послухъ Жданко руку приложилъ.

3.

Царю, Государю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россія Самодержцу, бьетъ челомъ и являетъ сирота твой, Шуянинъ, посадской человѣкъ, Афонька Посниковъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 178 году, Іюня въ 6 день, отдалъ я, сирота твой, въ наемъ на десять лѣтъ [1] пахатную свою землю, Шуянину же, посадскому человѣку, Марку Мунину, и нанявъ онъ ту мою землю въ прошломъ году, посѣялъ рожью, а нынѣ мнѣ, сиротѣ твоему, въ той наемной землѣ отказываетъ, и пахать не хочетъ, и найму (платы) не платитъ, и меня, сироту твоего, заочно бранитъ. А какъ онъ, Марко, ту землю у меня, сироты твоего, по цѣнѣ нанялъ, и въ томъ уговоръ былъ на всѣ на десять лѣтъ, и въ томъ я, сирота твой, на него, Марка, и во брани и въ безчестьи принесу и подамъ Тебѣ, Великому Государю, челобитную. Мудрый Государь, Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожалуй меня, сироту своего, вели, Государь, до времени явку мою записать, покамѣста я на него, Марка, принесу въ его непостоянствѣ, и въ брани, и въ безчестьи своемъ, и подамъ тебѣ, Великому Государю, челобитную. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй.

На оборотѣ столбца написано:

179 (1671) года, Іюня въ 8 день, подана явка въ земскую Шуйскую избу. [2]

---

[1] То есть, на урочное время передѣловъ земли.

[2] О передѣлахъ встарину пашенныхъ городскихъ Шуйскихъ земель на десятилѣтіе, въ сихъ актахъ далѣе помѣщено два акта, NN 8 и 10-й. Кромѣ того, въ городахъ передѣлялись и общественныя городскія огородныя земли, что видно изъ имѣющейся у меня въ подлинникѣ отдаточной книги, озаглавленной такъ: «Книга посада Шуи Земскаго Старосты Ивана Смольянина, кому что дать найму погодно, нынѣшняго 173 году съ Майя съ перваго числа да по 183 годъ на десять лѣтъ.» Въ означенной книгѣ значится отданныхъ городскихъ Шуйскихъ земель числомъ 26 съ обозначеніемъ, на примѣръ: «отдано огородной земли Ивану Тырину подъ огородъ въ длину одиннадцать саженъ, поперегъ 15 саженъ, оброку на годъ 16 алтынъ 2 деньги,» и такъ далѣе. Изъ особаго записнаго столбца земской избы 7195 г. видно дѣйствіе выборныхъ и мірскихъ людей, что и луговая земля или покосъ дѣлились каждогодно. Косьба производилась на лугахъ: на Бражниковомъ лугѣ, Переволокѣ, Бойтовской кулигѣ, и на Фатьяновскомъ врагѣ, на складочные мірскіе деньги; скошенная трава дѣлилась числомъ копенъ по тягламъ. В. Б.

4.

Царю, Государю и Великому Князю, Ѳеодору Алексѣевичу, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцу, бьютъ челомъ и являютъ Стольника Князя Матвѣя Венедиктовича Оболенскаго люди ево, Петрушка Волковъ да Пронька Тюфяковъ, Боярина Князя Петра Ивановича Прозоровскаго, да Князя Василья Петровича, да Князя Алексѣя Петровича большаго Прозоровскаго, на людей, на Андрея Бабынина да на Ѳедора Бѣлянинцына. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 186 году, Апрѣля въ 26 день, пріѣхали они, Андрей да Ѳедоръ, города Шуи съѣзжей избы съ Подьячимъ, съ Тихономъ Ѳедоровымъ, да съ Приставомъ Ивашкомъ Игнатьевымъ, а сказали у себя Твою, Великаго Государя, передѣльную грамоту, и тѣ, Государь, люди, Твоей, Великаго Государя, передѣльной грамоты намъ не показали, только вычитали Шуйскаго Воеводы, Василья Михайловича Козлова, наказную память, а на насъ въ томъ передѣлѣ пишутъ Тебѣ, Великому Государю, силу. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь, Ѳеодоръ Алексѣевичь, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожалуй насъ, вели, Государь, челобитье наше и явку принять и записать, чтобы намъ впредь не погибнуть и отъ Тебя, Великого Государя, въ томъ дѣлѣ въ пенѣ не быть. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй.

На оборотѣ столбца написано:

186 года, Апрѣля въ 29 день, дана явка.

Ниже приписано къ сей явочной челобитной:

Петрушка Волковъ и вмѣсто Проньки Тюфякова руку приложилъ.

5.

Память мнѣ, Петру, Матвѣеву сыну, Высотскому. Въ нынѣшнемъ во 187 году, Іюня въ 28 день, далъ я сію память брату своему, Якову, Матвѣеву сыну, Высотскому, въ томъ, что раздѣлили мы въ сельцѣ Савостьяновѣ противъ записей пашню по полямъ, а въ тѣхъ же записяхъ у насъ написано, что мнѣ, Петру, въ ево, Яковлевѣ, полѣ, что отъ осиновой рощи, стоялъ яровой хлѣбъ на тѣхъ полосахъ, которыми я прежъ сего, до нынѣшняго роздѣлу, владѣлъ, а старыя гуменники по конечному роздѣлу достались мнѣ, Петру, а ему, Якову, строить свой гуменникъ; а понравилось ему мѣсто на той полосѣ, которою я напередъ сего владѣлъ, и нынѣ у меня посѣяно

яровымъ хлѣбомъ противъ саду подлѣ стараго гуменника, и я, Петръ, ему, брату своему, Якову, на той полосѣ, что у меня, сѣянъ яровой хлѣбъ къ конечному году, что онъ, Яковъ, подъ два овина, и подъ два гумна, и подъ токи займетъ мѣста, и мнѣ, Петру, на немъ, Яковѣ, того своего хлѣба не спрашивать, и Великому Государю о томъ хлѣбѣ, что онъ поставитъ два овина и два тока построитъ, не бить челомъ, а больше того мѣста ему, Якову, на той полосѣ, что у меня сѣялъ къ конечному году яроваго хлѣба подъ иное угодье, окромѣсь того, что подъ овины и подъ токи займетъ, больши того на той полосѣ того моего яроваго хлѣба не захватывать, и покамѣстъ я съ тое полосы яровой хлѣбъ сожну, гуменниковъ ему, Якову, не обгораживать, а проѣзжать ему, Якову, на ту полосу гумна и овины строить отъ садовой земли, чтобъ отъ проѣзду небольшая застава была, ѣздить двумя загонами, а больши не топтать. Въ томъ я, Петръ, ему, брату своему, Якову, и Память далъ. А Память писалъ по челобитью брата своего, Петра Высотскаго, Василій Высотской своею рукою.

6.

Память мнѣ, Петру, Матвѣеву сыну, Высотскому. Въ нынѣшнемъ во 187 году, Генваря въ тридесятый день, далъ я сію Память брату своему, Якову, Матвѣеву сыну, Высотскому, въ томъ, что надѣлили мы въ сельцѣ Савостьяновѣ пашню по полямъ, и что на моихъ, Петровыхъ, поляхъ лѣсу, окромѣ еловой рощи, и что на ево, Яковлевыхъ, поляхъ, окромѣ осиновой рощи, лѣсу, и тотъ нашъ лѣсъ раздѣлить и высѣчь всякому съ чужаго поля. Въ томъ я, Петръ, на себя и Память далъ. А Память писалъ Стрѣлецкаго Приказу площадной Подьячей Гришко Ѳедоровъ.

На оборотѣ столбца написано:

Къ сей Памяти Василій Высотской, вмѣсто брата своего роднаго и Петра Высотскаго, руку приложилъ.

7.

Память мнѣ, Петру, Матвѣеву сыну, Высотскому. Въ нынѣшнемъ во 187 году, Апрѣля 28 день, далъ я сію Память брату своему, Якову, Матвѣеву сыну, Высотскому, въ томъ, что досталось мнѣ по раздѣлу въ сельцѣ Савостьяновѣ поле, что отъ деревни Кондратова, а въ томъ полѣ сѣяна у насъ рожъ, и онъ, Яковъ, въ томъ же полѣ оставилъ земли подо пшеницу для вешнева сѣву; и мнѣ, Петру, на

той ево землѣ, которую прежъ сего владѣлъ, въ томъ полѣ къ конечному лѣту пшеницу дать посѣять и сжать, ни въ чемъ не спорить. Въ томъ и Память далъ. А Память писалъ, по челобитью брата своего, Петра, Василей Высотской своею рукою.

8.

Лѣта 7199 году, Апрѣля .... дня, Шуи посаду, вмѣсто земскаго Старосты, Бориса Селиверстова, Земской ларечной цѣловальникъ, Якушко, Ивановъ сынъ, Голяшинъ, и всѣхъ мірскихъ людей мѣсто: приговорили мы на сходкѣ, въ Земской Избѣ, раздѣлить по росписи пахатную землю во всѣхъ трехъ поляхъ по своимъ тягламъ впредъ на десять лѣтъ. Роспись первому полю [1] отъ Юрчаковскаго поля къ Троицѣ (монастырю) дѣлить подъ рожъ къ двусотому году. А длинникъ городить двадцати тремъ полосамъ отъ Юрчаковскаго поля; а кто не станетъ городить и учинитъ хлѣбу потраву, и на того огурщика (ослушника) бити челомъ изъ потравы за всякое прясло и барана; а раздѣлено то поле во 198 году. Другое поле отъ Убогаго дома дѣлить подъ рожъ на десять лѣтъ, а середней длинникъ городить спереди; съ первой полосы до запускной дороги на двадцать на три полосы; а кто не станетъ городить, и на того огурщика по тому же бити челомъ за всякое прясло и барана. Роспись третьему полю за рѣкою Тезою, что дѣлено подъ яръ ко 198 году, отъ рѣки Тезы, отъ Святаго колодца, впредъ въ десять лѣтъ, длинникъ ставить отъ рѣки Тезы, со всѣхъ полосъ, до Фатьяновскаго врагу, и отъ рѣки отъ Тезы до Московской дороги, полъ шесты полосы положили за пять полосъ.

На оборотѣ росписей подписано:

Къ сему приговору Земской ларечной, вмѣсто Земскаго Старосты, Бориса Селиверстова, и всѣхъ мірскихъ людей, по ихъ приговору, Якушко Ивановъ руку приложилъ.

Подлинный приговоръ писанъ на осьми склеенныхъ листахъ столбцомъ.

9.

Съ двусотаго году, Майя въ тридесятый день, Петръ, Матвѣевъ сынъ, Высотской, далъ сію росписку брату своему родному, Якову,

---

[1] Этихъ помянныхъ росписей полосамъ я здѣсь не привожу, почитая достаточнымъ помѣстить только ихъ заголовки.

Матвѣеву сыну, Высотскому. Владѣлъ я, Петръ, съ нимъ, Яковомъ, деревнею Лупочевымъ, пашнею и сѣнными покосы по полямъ; а нынѣ мы, по любовному своему роздѣлу, въ той деревнѣ, дворовыя мѣста и огороды, и гуменники, и пашни, и сѣнокосъ роздѣлили пополамъ, и мнѣ, Петру, досталось то поле, что нынѣ съ рожью, ему, Якову, досталось то поле, что нынѣ посѣяно яровымъ хлѣбомъ, а дворовыя мѣста, и огороды, и гуменники достались мнѣ, Петру, тѣ, которыми владѣли напередъ сего его, Яковлевы, крестьяне, а ему, Якову, достались дворовыя мѣста и огороды, и гуменники, которыми владѣли напередъ сего мои, Петровы, крестьяне; и по тому нашему раздѣлу крестьянъ, съ тѣхъ дворовыхъ мѣстъ довелось перевесть мнѣ, Петру, тѣмъ его, Яковлевымъ, крестьянамъ съ своего поля рожъ дать сжать, и свезти съ огородами и гуменники крестьянамъ нашимъ, моимъ, Петровымъ, и его, Яковлевымъ, нынѣшняго двусотаго и 201 году до вешнихъ садовъ всякому прежнимъ своимъ владѣть, а моимъ, Петровымъ крестьяномъ яровой хлѣбъ сжать, а сжавъ рожъ и яровой хлѣбъ, городьба снесть всякому своя, гдѣ кто напередъ сего горaживалъ. Въ томъ я, Петръ, ему, Якову, и росписку далъ; а росписи писаны межъ нами по противнямъ; а росписи писалъ, по повелѣнію Петра, Матвѣева сына, Высотскаго церкви Θеодора Стратилата попъ Стефанъ Михайловъ 7200 году, Майя въ 30 день.

На обороротѣ надписано:

Къ сей полюбовной росписи церкви Θеодора Стратилата попъ Алексѣй Самсоновъ; вмѣсто Петра, Матвѣева сына, Высотскаго, по его велѣнью руку приложилъ.

10.

Лѣта 1717 года, Майя въ .... день, Шуйскіе Земскіе Бурмистры, Никифоръ Бажановъ съ товарищи дѣлить первое поле отъ Троицкаго монастыря и отъ Юргаковскаго поля къ нынѣшнему 1717 году, впредъ на десять лѣтъ, тысяча семь сотъ по двадцать осьмый годъ, безпереговорно; а которые Шуяне посацкіе люди купили у кого тягло и деньги напередъ заплатили, и которые за тягло деньги взяли, а какого будетъ убытка, или кто умретъ, или куды отлучитца, и тому, кто у него тягло купилъ, тягло платить по десяти денегъ за всякой годъ въ Шуѣ въ Земскую Избу, а напередъ

во всѣ десять лѣтъ никому стороннимъ людемъ не отдавать. А буде кто чрезъ свой приговоръ отдастъ полосу кому стороннимъ людямъ пахать, или кто за купленные деньги вышеписанные деньги платить не станетъ, и у тѣхъ людей отнять полосы въ міръ и отдавать изъ міру, а полоса положена въ тяглѣ по три алтына по двѣ деньги.

Подлинный приговоръ писанъ на полулистѣ.

Сообщ. Соревнователь **Вл. Борисовъ.**

АКТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО ОБЫЧАЕВЪ, НРАВОВЪ, ОБРЯДОВЪ И ПОВѢРЬЕВЪ ШУЯНЪ

ВЪ XVII ВѢКѢ.

Каждая черта, самая малѣйшая, временъ былыхъ — драгоцѣнна. Тутъ не можетъ быть ничего неважнаго, лишняго, безполезнаго. Если мы съ благоговѣніемъ смотримъ на мѣдную монету временъ Царей и хранимъ ее, какъ святыню, то что же должно сказать о всякой строкѣ, которая или обогащаетъ важнымъ историческимъ фактомъ, освѣщая темную сторону какого нибудь событія, или свидѣтельствуетъ намъ объ образѣ жизни и понятіяхъ, объ обычаяхъ нашихъ предковъ?

Соч. Бѣлинскаго, часть I, стр. 377.

1.

Царю, Государю и Великому Князю, Михаилу Ѳеодоровичу, всея Русіи, и Великому Государю, Святѣйшему Филарету, Патріарху Московскому, всея Русіи, [1] бьетъ челомъ и являетъ холопъ Вашъ, Суздалецъ Васька Кишкинъ, на Твоего, Государева Патріарша Боярина, на Князя Ивана, Княже Юрьева сына Мещерскаго, да на Суздальца, сына Боярскаго, на Ивана, Яковлева сына, Игнатьева. Въ нынѣшнемъ, Государи, во 132 году, на завтрее Покрова Святые Богоро-

---

[1] Я съ своей стороны не излишнимъ почитаю предувѣдомить читателей, что въ помѣщенныхъ здѣсь челобитныхъ окончанія ихъ мною выпущены по тому, что содержатъ въ себѣ очень обыкновенныя повторенія словъ: «Царь, Государь, смилуйся, пожалуй» и проч. Эти приписки къ сущности прописываемыхъ въ челобитныхъ обстоятельствъ ничего не прибавляютъ, слѣдовательно, ничего и не убавляютъ. В. Б.

дицы, въ четвергъ, звалъ, Государи, меня къ себѣ обѣдати зять мой, Иванъ Тихоновъ, въ деревнѣ Мокѣевой, моихъ дѣтишекъ, двухъ дѣвокъ, Марьицу да Овдотьицу, да невѣстку мою, сына моего, Захаркову жену, Кишкина, Өедору; и я, Государи, съ дѣтьми своими да съ невѣсткою своею у зятя своего обѣдали, и тово жъ, Государи, дни подъ вечеръ дѣялося: приѣхалъ, Государи, тотъ Князь Иванъ Мещерскій съ людьми своими, съ Ивашкомъ, да съ Путилкомъ, да съ двема дружинами, да съ Еремкою и съ иными людьми въ ту жъ деревню, Мокѣево, ко Власу Тиронову на дворъ, а ото Власа, Государи, тотъ Князь Иванъ съ тѣми со всѣми людьми пришелъ зятя моего, къ Иванову крестьянину, Тиронова, къ Олешкѣ Ондрѣеву, на дворъ насильствомъ для вражды, да съ ними жъ, Государи, пришелъ къ тому къ Олешкѣ племянника моего роднаго Дмитріевъ, Челищевъ, бѣглой дѣтина, Ивашко Гавриловъ, а прозвищемъ Шолудякъ, отъ племянника моего бѣжавъ, животы ево побравъ; и велѣлъ, Государи, тотъ Князь Иванъ тому, племянника моего, бѣглому дѣтинѣ, Ивашку, меня, холопа Вашего, и дочеришекъ моихъ, и невѣстку мою безчествовать лаями, всякою позорною лаею, приходя подъ вокна, гдѣ я сидѣлъ у зятя своего съ дочеришками, съ невѣсткою своею, и я, холопъ Вашъ, тово бѣглова дѣтину велѣлъ поймать людишкамъ своимъ и привести къ себѣ, и тотъ, Государи, Князь Иванъ людемъ своимъ моихъ людишекъ, Мартына да Дружину Рышка, велѣлъ бить на смерть, и велѣлъ вопити ясакомъ Мещерскимъ, а по тово Ивана Игнатьева послалъ и по иныхъ воровъ, по друзей своихъ, по договору съ ними. И язъ, холопъ Вашъ, блюдяся ихъ и не дожидаяся тѣхъ воровъ многихъ людей, отъ зятя своего поѣхалъ къ себѣ въ деревню, и тово бѣглово дѣтину взялъ съ собою, чтобъ ево у меня не выбили, а дочеришекъ своихъ, дву дѣвокъ, и невѣстку свою оставилъ у зятя своего, да у дочери своей, у Ивановы жены, Тиронова, и послѣ меня, Государи, тово же часа вскорѣ пріѣхали къ тому Князю Ивану Мещерскому тотъ Иванъ Игнатьевъ и иные воры, незнаемые многіе люди, и тотъ, Государи, Князь Иванъ да Иванъ Игнатьевъ съ тѣми со всѣми людьми за мною гнались до рѣки до Шижегды въ саадацехъ, и съ саблями, и съ рогатинами, и съ самопалы, хотѣли меня убити до смерти, по прежней со мною недружбѣ; и язъ, Государи, отъ нихъ только чуть ушолъ къ себѣ въ деревнишко, а они, Государи, воротяся, приѣхавъ къ зяту моему, къ Ивану Тиронову на дворъ, учали въ

горницу ломитися, дочеришекъ моихъ и невѣстку мою хотѣли безчестити, а отъ нихъ, Государи, въ горницѣ запершися дочеришки мои и невѣстка моя учали вопити; и тотъ, Государи, Князь Иванъ да Иванъ Игнатьевъ съ людьми своими у повалушки замокъ збили и взяли, Государи, изъ повалушки дочеришекъ моихъ и невѣстки моей платья три опашня, да два лѣтника, да три шубы тѣлогрѣи, а дочеришокъ моихъ и невѣстку мою лаяли матерны и всякою позорною лаею, а по вокнамъ толкали, и кольемъ шибали, и бревномъ въ стѣну били, да трехъ жоночекъ моихъ, Марьицу, да Стефанидку, да Огафьицу, да крестьянку мою, Маврицу, Ушакову жену, которые были съ дочерьми моими и съ невѣсткою, безчестили.

2.

Царю, Государю и Великому Князю, Михаилу Θедоровичу, всея Русіи, бьетъ челомъ и являетъ сирота Твой, Государевъ, Шуйской Таможенной Голова, Шуянинъ, посадской человѣкъ, Мартинко Θоминъ, на Шуянянъ же, посадскихъ людей, на Григорья Васильева, да на зятя ево, на Захара Павлова. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 137 году, Октября въ 31 день, умысля воровски тотъ Григорей да Захаръ, взвели на меня, сироту Твоего, напрасно Твое, Государево, неудобное слово про подписную челобитную, да про Твою, Государеву, грамоту, и написалъ тотъ Григорей своею рукою имяна посадскихъ людей, и то затѣйное слово на меня, сироту Твоего, а призвалъ тотъ Захаръ къ себѣ на дворъ города Шуи соборные церкви Покровскаго попа, Пароенья Данилова, да Шуи посаду Борисоглѣбскаго попа, отца своего духовнаго, Ивана Прокопьева, да Никольскаго попа Ивана Никонова, запоя ихъ до пьяна тотъ Григорей да Захаръ, да къ той извѣстной ложной памяти велѣлъ тѣмъ попамъ руки приложить, а казали имъ запись, что будьто онъ, Гришка, даетъ на себя запись Шуяномъ, посадскимъ людямъ, всему міру, а подмѣнили имъ тое извѣстную память подставою. И послѣ, Государь, того тотъ Захаръ Павловъ въ Шуѣ въ Земской Избѣ передъ міромъ говорилъ тѣмъ, Пароену съ товарищи: Шуринъ, де, мой, Гришка Васильевъ, васъ, поповъ, обманулъ, казалъ, де, вамъ запись, а приложили, де, вы руки къ извѣстной памяти на Таможеннаго Голову, на Мартына Θомина, а въ той, де, памяти писаны имяна посадскихъ людей; и въ томъ, Государь, тѣ попы, Пароенъ съ товарищи, на того Захара и на Гришку били челомъ и являли

Тебѣ, Государю, что они такъ умыслили воровски на меня, сироту Твоево, а ихъ обманули подставою, запоя до пьяна.

Подлинная челобитная писана на столбцѣ, равно какъ и всѣ слѣдующіе акты.

3.

Лѣта 7132 году, Февраля въ 20 день.

Се азъ, вдова Марья Исаева, дочь Овцына, Иванова жена Левчанова, отпустила есьми послѣ мужа своего, по душѣ, кабальнаго своего человѣка, Ваську Иванова, съ женою ево, Палашкою, и съ дѣтьми, что онъ человѣкъ вольной, куды себѣ хочетъ, воля ему на всѣ четыре стороны, Божій онъ человѣкъ да Государевъ; въ томъ язъ, Марья, и отпускъ имъ отдала; а отпускную писалъ Богородицкой церковной дьячекъ, Богдашко Ѳедоровъ.

На оборотѣ отпускной написано:

Къ сей отпускной Григорій, Исаевъ сынъ, Овцынъ въ сестры своей, Марьиной, мѣсто руку приложилъ.

4.

Царю, Государю и Великому Князю, Михаилу Ѳеодоровичу, всея Русіи, бьетъ челомъ и являетъ сирота Твоя, посадская жена, Ульяна бабушка, Данилова дочь. Жалоба, Государь, мнѣ на зятя, на Ивана, на Якимова сына: приводитъ, Государь, ко мнѣ колодниковъ, а самъ, Государь, запиваетца до мертва; а я, Государь, человѣкъ недомашней, бабушка повивальная; а жена, Государь, ево человѣкъ одинакой, притомитца съ дѣтьми; а онъ, Государь, придетъ мертвъ пьянъ, иное мы ево отливаемъ водою, а иное онъ, Государь, озябетъ, а мы ево одва ототремъ снѣгомъ; а на насъ бы, Государь, тое кручины не было, неровенъ со колодники напьетца, а либо, Государь, ево подкинутъ подъ ворота, и на насъ бы тое кручины не было.

На оборотѣ написано:

Дана явка въ Земскую Избу 144 года, Генваря въ 28 день.

5.

Царю, Государю и Великому Князю, Михайлу Ѳеодоровичу, всея Русіи, бьетъ челомъ и являетъ Суздальскаго уѣзда, отчины Князь Григорья Семеновича Куракина, села Дроздова, нищей твой, Царской богомолецъ, Воскресенской попъ, Алексѣище, Суздальскаго

уѣзда, села Сидоровскаго, на Сергѣева крестьянина Казимерова Томила, прозвищемъ Проскурняка. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 146 году, на Масляной недѣлѣ, въ пятокъ, ѣздилъ я, богомолецъ Твой, къ Николѣ Чудотворцу, въ Шартомской монастырь, прощатись съ пряникомъ, и пріѣхалъ къ сестрѣ своей, къ Пятовской женѣ Гермонова, на дворъ, и пришелъ тотъ Сергѣевъ крестьянинъ, Томилко Проскурнякъ, съ иными многими людьми незнаемыми къ сестрѣ же моей, Татьянѣ, на дворъ, и учалъ, Государь, моего Князя Григорья Семеновича лаять и позорить всякою неподобною лаею, и меня, Твоего богомольца, убилъ и ограбилъ, и ножомъ въ руку покололь, и хотѣлъ до смерти зарѣзать, а попадьишко мое хаялъ всякою неподобною лаею, и ограбилъ, и сынишко моего, Мишку, убилъ и ограбилъ. А грабежемъ, Государь, снялъ съ меня, нищево Твоего богомольца, и съ сынишка моего, Мишки, денегъ пятнадцать рублевъ съ полтиною, да платья съ меня, богомольца Твоего, однорядку, сукно Английское темносине, цѣна пять рублевъ, да шапку вишневу съ пухомъ, цѣна три рубли, да съ попадьишка моево опашень, сукно багрецъ червленой, съ пуговицами серебряными, цѣна двѣнадцать рублевъ, да шапку золотную, цѣна шесть рублевъ, да ожерелье жемчужное, цѣна десять рублевъ, съ сынишка моего, Мишки, кафтанъ лазоревъ, цѣна четыре рубли, да шапку червату съ пухомъ, цѣна полтора рубли, да ожерелье жемчужное, цѣна полтора рубли; и всего, Государь, съ меня, съ нищаго Твоего богомольца, съ попадьишки и съ сынишка тотъ Сергѣевъ крестьянинъ, Томилко Проскурнякъ, грабежемъ взялъ денегъ и платья на пятьдесятъ на два рубли съ полтиною.

6.

Лѣта 7146 году, Апрѣля въ .... день, по грамотѣ Боярина Князя Дмитрія Мастрюковича Черкаскаго, и по челобитью Павловыхъ крестьянъ, Ивановича Волынскаго, Прокофей Твороговъ, да Парфеней Мотягинъ, да Священникъ Семіонъ Ивановъ, сыскивали Шуею посадомъ, посадскими людьми, Боярина Князя Д. М. крестьянъ: по дорогамъ и на торгу бьютъ ли, грабятъ ли, и Павловыхъ крестьянъ Ивановича Волынскаго, на торгу и по дорогамъ ково именемъ били и грабили? и въ нынѣшнемъ во 146 году, послѣ Рождества Христова, въ первое воскресенье, Потѣха Васильевъ, да Курдюкъ, Ивановы дѣти, да Семенъ Микулинъ, да Савелей съ товарищи съ

кобылкою ходили, и съ Павловыхъ крестьянъ шапки схватывали ли? Въ сыску Шуи посаду Староста Земской Иосипъ Кириловъ, да цѣловальники Ѳедоръ Васильевъ, сынъ Дыринъ, да Захарей Ѳедоровъ Шабуковъ, да посадскіе люди Сергей Ивановъ, и всѣ Шуяне посадскіе люди сказали: Потѣха и Курдюкъ, Ивановы дѣти, да Семенъ Микулинъ, да Савелей съ товарищи въ Шуѣ, на посадѣ, и въ тороговые дни, и послѣ торговыхъ дней, съ кобылкою ходили и со многихъ людей шапки схватывали. А мы въ сыску Шуи посаду Земской староста и всѣ посадскіе люди сказали вправду, то наша и сказка.

7.

Царю, Государю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всея Русіи, бьетъ челомъ и являетъ холопъ Твой, Гараська, Константиновъ сынъ, Замыцкой, на Архангельскаго дьячка, на Ларьку, Петрова сына, Попова. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 146 году, о Егорьевѣ дни вешнемъ, приволокся я, холопъ Твой, къ Архангелу Михаилу къ обѣднѣ помолиться, и въ тѣ поры въ церкви какъ сталъ священникъ пѣть молебенъ, и тотъ дьячекъ. Ларька Петровъ, стоя на крылосѣ, меня, холопа, Твоего, лаялъ всякою неподобною лаею, и похваляетца всякими похвалами злыми, татьбою и разбоемъ.

8.

Царю, Государю и великому Князю, Михаилу Ѳеодоровичу, всея Русіи, бьютъ челомъ и являютъ сироты Твои, Государевы, крестьяне Семена Константинова, сына Полтева, старостишко Ондрюшка Григорьевъ, да крестьяне Левка Петровъ, Захарко Игнатьевъ, Климко Леонтьевъ, Ивашко Никитинъ деревни Княжева. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 148 году, Декабря въ 25 день, разбили насъ, сиротъ Твоихъ, разбойники, [1] невѣдомо какіе лихіе люди, животишка наши и статки, деньги, платьи и лошади, и туши и полти свиныя и всякую рухлядь и животинка и статки все поимали, а насъ, сиротъ Твоихъ, мучили, а въ лице, Государь, ихъ не знаемъ: тому пора была ночная, а погоню за тѣми разбойниками не гонили, потому,

[1] Въ Шуйскомъ уѣздѣ и до сихъ поръ въ народѣ ходятъ расказы о старинныхъ разбойникахъ, довольно любопытные, особенно о Ѣдунѣ, Рудакѣ и Пугѣ. Крестьяне расказы эти въ длинныя зимнія ночи съ большою охотою слушаютъ отъ краснобаевъ сельскихъ. В. Б.

Государь, что гонять было за ними некому; и мы, сироты твои, были всѣ перевязаны; да они жь, разбойники, покинули на томъ разбоѣ: лукъ роговой, тетива шелкова, да обломокъ стали съ копьемъ, и мы, сироты Твои, отъ тѣхъ разбойниковъ въ конецъ погибли.

9.

Бьютъ челомъ и являютъ сироты твои, Шуяне, Посадскіе люди, староста Левка, Ивановъ сынъ, Пупковъ съ товарищи, и во всѣхъ Шуянъ посадскихъ людей мѣсто, Шуи посаду, на вдову на Онтонидку, на Тихановскую жену, Марину, да на дочь ее, Василиску. Пущаетъ къ себѣ на дворъ проѣзжихъ и прохожихъ всякихъ людей, безъ явокъ, и учала у себя держать блядню и корчьму. И въ нынѣшнемъ, Государь, во 157 году, Майя въ 30 день, мы, сироты Твои, били челомъ словесно Тебѣ, Государю, въ Шуѣ, въ съѣзжей избѣ, Воеводѣ, Семену Ильичу Змѣеву, на нее, Онтонидку съ дочерью, и воевода Семенъ Ильичь Змѣевъ, по Твоему, Государеву, указу, тое вдову Онтонидку приказалъ, за ихъ воровство, съ Шуи съ посаду выбить, и та вдова, Онтонидка, съ дочерью рняся тому, что мы, сироты Твои, на нее били челомъ, похваляется на насъ, сиротъ твоихъ, поподъ, табашной молки и всякими лихими дѣлы.

10.

Царю, Государю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всея Росіи, бьетъ челомъ и являетъ Суздальскаго уѣзду Твоего, Государева, дворцоваго села Дунилова, непахатной крестьянинъ, Савка Игнатьевъ, твоего же Государева, Дворцоваго села, Дунилова, на пахотнаго крестьянина, на Ивана, Осипова сына, Устинова. Прежъ сего, Государь, онъ, Иванъ, похвалялъ на меня, сироту Твоего, и на дѣтей моихъ всякимъ дурнымъ дѣломъ и смертнымъ убойствомъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 157 году, Октября въ 5 день, шелъ, Государь, по улицѣ сынишко мой, Ивашко, съ племянникомъ моимъ, съ Савкою, Григорьевымъ сыномъ, хлѣбника, а онъ, Иванъ Осиповъ, завидя сынишка моего, Ивашка, съ племянникомъ моимъ, дождался ихъ, и какъ будутъ онѣ противъ ево, и въ ту пору онъ, Иванъ, по нихъ сталъ стрѣлять изъ пищали, и одежду на сынишкѣ моемъ, Ивашкѣ, пищали пулькою пробилъ, а ихъ отъ смерти Богъ измиловалъ. Да въ нынѣшнемъ же, Государь, во 157 году, Сентября 10 числа, по твоему, Государеву, указу, выбрали меня, сироту Твоего, ко Твоему, Государеву, Таможенному дѣлу въ ларечные целовальники, и я, сирота Твой, изъ Таможни увидя

то побоище, прибѣжалъ, тутъ же и онъ, Иванъ, и за мною, сиротою твоимъ, съ ножемъ гонялся не по одну пору, только бы добрые люди у него меня, сироту Твоего, не отняли: и то, Государь, побоище, и какъ за мною съ ножемъ гонялся, видѣли, твоего жъ, Государева, Дворцоваго села Дунилова, и зарубежные многіе люди, да и впредь, Государь, на меня похваляется такимъ же озорничествомъ и смертнымъ убойствомъ. И буде, Государь, какое дѣло учинитца надъ нами, и мнѣ, сиротѣ Твоему, мимо того Ивана никула не выйти.

11.

Царю, Государю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всея Росіи, бьетъ челомъ и являетъ, Суздальскаго уѣзда. Твоего, Государева, богомолья, великаго Чудотворца Николы Шартомскаго монастыря, твой, Государевъ, нищей богомолецъ, Келарь чернецъ Варламъ, того жъ твоего, Государева, богомолья, на вотчинныхъ мирскихъ Старостъ села Пупка, на Павла Петрова, Чернецкой волости, да на Степана Тиханова. Въ нынѣшнемъ во 159 году, Апрѣля въ 8 день, приходили тѣ мірскіе Старосты къ Архимандриту въ келью, и Архимандриту говорили: Не отпущай, де, ты, Келаря. старца Варлама, изъ монастыря никуды, а прежде, де, того мы, бывшаго Келаря, старца Елевферія, за такое дѣло ковали.

12.

Царю, Государю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всея Русіи, бьетъ челомъ и являетъ холопъ Твой, Лушанинъ, Ивашко, Степановъ сынъ, Инвовъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 160 году, Декабря въ 4 день, приволокся холопъ Твой къ шурьямъ своимъ, Князь Григорью, да Князь Микитѣ, Князь Θедоровымъ дѣтямъ Гундоровымъ, въ гости, а онѣ, шурья мои, Князь Григорей да Князь Микита, били меня до полусмерти, и взяли на меня запись въ дву сотъ рубляхъ, въ приданой моей вотчинѣ, въ деревнѣ Столбцахъ, а Старцово тожъ, чтобы я Тебѣ, Государю, Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всея Русіи, на нихъ, Князь Григорья, да Князь Микиту, да Князь Θедоровыхъ дѣтей, Гундоровыхъ, не билъ челомъ и впредь не искалъ.

13.

Царю, Государю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержцу, бьетъ челомъ и являетъ

сирота Твой, Государевъ, Шуйскаго уѣзду, сельца Перевѣснова, Ильинской кабальной человѣкъ, Северьяновича Давыдова, Ондрюшка Изотовъ на женуево, Ильи Северьяновича, и на дѣтей его, на Ивана да на Данила. Служилъ я, сирота Твой, Государь, у того, Ильи Северьяновича, по кабальному холопству, и въ нынѣшнемъ, Государь, во 174 году, того Ильи Северьяновича судомъ Божіимъ не стало, а жена его и дѣти, Иванъ и Данило, не хотя мнѣ, противъ Твоего, Великаго Государя, указу и соборнаго Уложенія, отпускной дати, удержали и, оковавъ, на морозъ въ анбары мечутъ и всякими нестерпимыми побои бьютъ, покидаютъ замертво, а велятъ мнѣ на себя дать неволею служилую, и хотятъ меня, сироту Твоего, у себя въ холопствѣ держать всякими умыслы, и я, сирота Твой, Государевъ, о томъ, покиня у нихъ женишко свое, и дѣтишекъ, и животишка, поволокся бити челомъ Тебѣ, Великому Государю, къ Москвѣ.

14.

Царю, Государю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержцу, бьютъ челомъ сироты Твои, Шуи посаду Земскій Старостишко, Мишка Осиповъ, и во всѣхъ Шуянъ посадскихъ людей мѣсто: били челомъ Тебѣ, Великому Государю, мы, сироты Твои, на Шуйскаго Таможеннаго откупщика, на Москвитина, на Тимофея Ѳедорова, во всякихъ обидахъ и въ налогахъ, и по Твоему, Великаго Государя, указу и по грамотѣ изъ Приказу Большаго Приходу, за приписью Дьяка Ивана Золотарева, велѣно сыскать Шуею городомъ и всѣмъ уѣздомъ про нашу, сиротъ Твоихъ, отъ него, Тимофея, налогу и про всякую обиду, и, по Твоему, Великаго Государя, указу и по грамотѣ, изъ Суздаля Губной Староста Яковъ Стромиловъ, для обыску присылалъ Суздальскіе Губные Избы подъячева, Василья Годовикова, и про ево, Тимофееву, къ намъ налогу и про всякую обиду, подъячей Шуею городомъ и уѣздомъ обыскивалъ, а прежъ, Государь, нашего челобитья и обыскныхъ рѣчей мы, Государь, сироты, учинили сходъ, и на сходъ сошлися мы, сироты Твои, всѣ посадскіе людишки, и стали промежъ себя другъ другу спрашивать, что, всѣ ли платили пошлину Тимофею Ѳедорову, а буде, которому что додать, и тотъ человѣкъ за собою сказывай, и съ нимъ, Тимофеемъ, расплачивайся, чтобы намъ чистою и непорочною душою сказать, по Святѣй Евангельской Христовѣ непорочной заповѣди. И въ тое пору изъ насъ

сиротъ Твоихъ, зря на Спасовъ образъ, никто пошлины за собою не сказалъ, а сказали, что ему, Тимофею, пошлину платили всю сполна, а на иныхъ онъ, Тимофей, пошлину ималъ въ двое и въ трое. А нынѣ, Государь, изъ насъ, сиротъ Твоихъ, изъ мыльныхъ промышленниковъ, два человѣка, Микифоръ Степановъ, да Иванъ Корниловъ, учинили надъ нами воровски, стакався съ нимъ, Тимофеемъ откупщикомъ, учинили здѣлку.

15.

Царю, Государю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всея Великiя, и Малыя, и Бѣлыя Росiи Самодержцу, бьетъ челомъ и являетъ сирота Твой, Шуйскаго уѣзду, села Шижегды, церковной дьячекъ, Ивашко Ивановъ, тово жъ села Шижегды на попа, Тимофея Иванова, да на пришлова его бобыля, на Мишку Максимова, да на пономаря, на Ивана, Исаева сына, въ томъ, Государь, стакався онъ, попъ Тимофей, съ пришлымъ своимъ бобылемъ, съ Мишкою да съ пономаремъ, чинятъ мнѣ, сиротѣ Твоему, налоги большiя и всякiя обиды: росадникъ мой въ гумнѣ у меня насильствомъ сломали, и землю мою въ гумнѣ бобыль ево, Мишка, взоралъ и отгородилъ къ себѣ въ угородецъ; да онъ же, Государь, попъ Тимофей, въ полѣ старинную межу взоралъ, и полосу мою къ своей полосѣ приоралъ насильствомъ, и въ иныхъ мѣстахъ землею владѣетъ, а со мною не раздѣля. Да въ нынѣшнемъ, Государь, во 174 году, о Святой Недѣлѣ, что мы выходили съ образы хлѣбовъ, и онъ, попъ Тимофей, съ пономаремъ моихъ хлѣбовъ половину раздѣля, мою долю мнѣ не отдали, изхитрили промежъ себя. И онъ, Государь, попъ Тимофей, да пришлой ево бобыль, Мишка, да пономарь, меня, сироту Твоего, и женишко мое, и дочеришко, всегда бранятъ всякими скаредными словами и похвалнютца на меня, сироту Твоего, и на женишкое мое, и на дочеришко мое смертнымъ убойствомъ и всякимъ воровскимъ умысломъ. Да въ прошломъ, Государь, во 172 году, о Свѣтлой Недѣлѣ, въ деревню на Медвежьѣ, во врагу, онъ, попъ Тимофей, меня, сироту Твоего, билъ. Да онъ же, попъ, въ дому у Любима Васильевича Кишкина, меня, сироту Твоего, билъ же, невѣдомо за что; и онъ, Государь, попъ, бьючи меня, сироту, и браня всякими скаредными словами женишко мое и дочеришко, не простяся, литургiю Божiю служилъ. Да въ нынѣшнемъ же, Государь, году, Iюня въ 4 день, у церкви на паперти онъ, попъ Тимофей, при

прихожанахъ похваляется на меня, сироту Твоего, бить и увѣчить, а руки и ноги хочетъ переломать, а я, сирота Твой, одинокъ, безплемянной, хожу одинъ въ приходъ рано и поздно.

16.

Царю, Государю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцу, бьетъ челомъ и являетъ сирота Твой, Шуянинъ, посадской человѣкъ, Ивашка, Ивановъ сынъ, Лисинъ, на сына своего, на Якушку, что онъ, сынъ мой, Якушка, пьетъ и бражничаетъ, и меня, сироты Твоего, ни въ чемъ не слушаетъ, и не почитаетъ, а я, сирота Твой, ево, сына своего, Якушку, за ево непочитательство и за пьянство, сослалъ отъ себя съ двора.

17.

Бьютъ челомъ и являютъ сироты Твои, Государевы, Шуи посаду Земской Староста, Сенька Лукьяновъ, и во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто: волею Божіею и за умноженіе грѣховъ ради нашихъ, въ Шуѣ на посадѣ объявляютца грѣшные люди, порченые мужеска и женска полу, различными всякими совѣстьми мучими бываютъ, иные на свадьбахъ, а иные невѣдомою статьею, и мучатся многое время, а отъ чево какіе вражіе совѣсти чинятца, и того намъ, сиротамъ, недовѣдомо.

Упоминаемый Земскій Староста Семенъ Лукьяновъ въ этой должности былъ въ 1665 и 1671 годахъ.

18.

Царю, Государю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержцу, бьетъ челомъ и являетъ сирота Твой, Шуянинъ, посадской человѣкъ, Олешка Игнатьевъ Тюленевъ, на сына своего, на Якушку, что тотъ мой сынишко, Якушка, своимъ малоуміемъ меня, сироты Твоего, не слушаетъ, пьетъ и бражничаетъ; и буде гдѣ тотъ мой сынишко, Якушко, на какомъ плутовствѣ объявится, и Тебѣ, Великому Государю, было извѣстно.

На оборотѣ приписано:

179 году, Сентября въ 21 день; подана явка въ Земскую Избу.

19.

Царю, Государю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержцу, бьютъ челомъ и явля-

ютъ сироты Твои, Шуи посаду Земской Старостишко, Ганка Карповъ, да Ларечной Ганка Кириловъ, съ товарищи, и во всѣхъ Шуянъ, посадскихъ людей, мѣсто, на Шуянина же, на посадскаго человѣка, на Гришку, Иванова сына, Меркурьевскаго, что онъ, Гришка, плутаетъ и въ дому своемъ съ матерью своею мало живетъ, отходитъ невѣдомо куда, и дома многіе дни и ночи не живетъ, а ремесла и промыслу у нево, Гришки, никакова нѣтъ, ни чемъ не промышляетъ, и онъ, Гришка, гдѣ бъ не объявился въ какомъ воровствѣ.

Подлинная черневая 183 года.

20.

Роспись Шуянъ, что кому отнесли (подарковъ) на Москвѣ: Митрополиту отнесли пирогъ въ 4 алтына; да Ѳедору Алексѣевичу Головину отнесли пирогъ въ 3 алтына; да Петру Алексѣевичу пирогъ въ 3 алтына, 2 деньги; да Ѳедору Петровичу отнесли пирогъ въ 3 алт., 2 денги; да Воеводскимъ братьямъ пирогъ въ 1 алтынъ, 6 денегъ; да постоялова дано 2 алт., 2 деньги; да отъ явокъ же дано 3 алтына; да отъ явокъ же, что въ Приказахъ, подали отписки, пополъполтинѣ; да мостовщикамъ дано шесть денегъ.

По справкѣ съ другими актами вѣроятно эта роспись относится къ 1676 году.

21.

Лѣта 7184 году, Іюля въ 6 день, по Государеву, Цареву и Великаго Князя, Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержца указу, писцамъ, Стольнику Якову Васильевичу Нелединскому, да подъячему Елизарью Семенову, Шуи посаду Земской староста, Ивашко Васильевъ, съ товарищи, и всѣ Шуяне, посадскіе люди, сказали, по святой Христовѣ непорочной Евангельской заповѣди Господней: Ей же, ей, ей, перекрестя лице свое, гляда на Спасовъ образъ: Великаго Государя Дворцоваго села, Дунилова, и всей Мардасской волости, смѣжно нигдѣ Шуи посаду посацкая земля не сошлась, а гдѣ и сошлась въ сѣнныхъ покосѣхъ, и тутъ разошлась рѣка Шеза межъ тѣми землями стрежнемъ; то наша и сказка. А сказку писалъ, по велѣнью Земскаго старосты, Ивашки Васильева, съ товарищи и всѣхъ мірскихъ людей, Шуи посаду Земской Дьячекъ, Якушко Михайловъ.

22.

Царю, Государю и Великому Князю, Θедору Алексѣевичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержцу, бьютъ челомъ и являютъ богомольцы Твои, Шуйскаго уѣзду, Николы Чудотворца Шартомскаго монастыря Архимандритъ Наθанаилъ да Келарь старецъ съ братьею. Въ прошломъ, Государь, во 184 году, монастырской нашъ вотчинный крестьянинъ, деревни Высокова, Гришка Ортемьевъ, покинулъ полосу и пошелъ за плутовствомъ: пьетъ и бражничаетъ на кабакѣ безпрестанно; и буде гдѣ, Государь, онъ, Гришка, объявится на разбоѣ, или на какомъ воровствѣ, и всѣмъ бы отъ Тебя, Великаго Государя, не быть въ пенѣ и вотчиннымъ нашимъ крестьянамъ въ жестокомъ наказаніи.

23.

Царю, Государю и Великому Князю, Θеодору Алексѣевичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержцу, бьетъ челомъ и являетъ сирота Твой, Шуянинъ, посадской человѣкъ, Митрошка Θедоровъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 186 году, за недѣлю до Рождества Христова, пропали у меня, сироты Твоего, девять гусынь безвѣстно, и изъ тѣхъ, Государь, пропалыхъ моихъ гусынь пришла гусыня ко мнѣ, сиротѣ Твоему, на дворъ сама, а тѣ, Государь, достальные гусыни, либо, Государь, впредь объявятца. Да въ нынѣшнемъ же, Государь, во 186 году, послѣ того, какъ та моя пропалая гусыня, ко мнѣ, сиротѣ Твоему, пришла, и въ той моей гусынѣ приставалъ ко мнѣ, сиротѣ, Стряпчева Петра Григорьевича Кашинцова человѣкъ его, Осипъ Савельевъ, поклепавъ напрасно, будьто та гусыня ево, Осипова, а та, Государь, гусыня притоманная; а сказалъ онъ, Осипъ, что тое гусыню купилъ у Богданова человѣка, Яковлева сына, Ярцова, сельца Елизарова, у Лаврушки Игнатьева, и онъ, Осипъ, съ нимъ, Лаврушкою, не ходя въ судъ, въ той гусынѣ помирились, а меня, сироту Твоего, онъ, Осипъ, таскалъ и убытчилъ напрасно.

24.

Царю, Государю и Великому Князю, Θеодору Алексѣевичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержцу, бьетъ челомъ и являетъ сирота Твой, Суздальскаго уѣзда Твоего, Великаго Государя, Дворцоваго села, Дунилова, непашенной крестьянинъ, Мишка Васильевъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 189 году, Майя въ 10 день, Шуи по-

саду Староста поповской, Воздвиженской попъ, Тимофей, ималъ меня. сироту, въ Шуѣ, на Святительской дворъ, а сказывалъ духовное дѣло, будьто, де, въ дому моемъ дочь моя, дѣвица, порочна, и въ томъ онъ, попъ Тимофей, меня, сироту, на цѣпь сажаетъ, и таскаетъ и убытчитъ напрасно, а подлинно не обыскалъ; а кто ему про то извѣдалъ, извѣту не покажетъ, и тѣмъ меня, сироту, безчеститъ и домъ мой порочитъ.

25.

Царю, Государю и Великому Князю, Θеодору Алексѣевичу, всея Великія. и Малыя, и Бѣлыя Росіи Самодержцу, бьетъ челомъ и являетъ сирота Твой, Шуйскаго уѣзду, Телешевской волости, Стольника Ивана Даниловича Троханіотова, Старостишко ево, Луканка Яковлевъ, деревни Фокина на Григорья Левкѣевича Хотяинцова. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 190 году Декабря въ.... день были мы, сироты Твои на охотѣ Государя своего, на пустоши, Ивана Даниловича, на Демьяновѣ, ловили лисицъ и зайцы. И какъ будемъ, сирота Твой, на пустоши на Григорьевѣ Степановича Карпова, и пришелъ къ намъ онъ, Григорей Левкѣевичъ Хотяинцовъ, съ людьми своими, и билъ насъ, сиротъ Твоихъ, и ограбилъ, и снялъ съ насъ пять кафтановъ армяжныхъ, да пять топоровъ, да три тенята: а были, Государь, со мною, сиротою, на охотѣ Государя моево крестьяне. Да въ нынѣшнемъ же, Государь, во 190 году, Апрѣля въ 21 день, сынъ ево, Григорья Левкѣевича, Матвей Григорьевичъ Хотяинцовъ, пріѣзжалъ Государя нашего на пустошь, на Демьяново, съ людьми своими и крестьяниномъ своимъ самъ четвертъ, и пастуха нашего убили и изувѣчили, и скотину нашу, коровы и овцы, перебили. Да мы, же сироты Твои, ходили на пашню мимо села ево, и тотъ Матвей Григорьевичъ Хотяинцовъ, насъ и женъ нашихъ собаками на дорогѣ травилъ, и въ деревню нашу къ намъ, на Фокино, приходитъ, и дѣтишекъ нашихъ и женишекъ нашихъ бранитъ и бьетъ.

26.

Царю, Государю и Великому Князю, Петру Алексѣевичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцу, бьетъ челомъ и являетъ холопъ Твой, Ивашко, Ивановъ сынъ, Болотниковъ. Въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ, и въ нынѣшнемъ во 190 году, завладѣли у меня, холопа Твоего, землею во многихъ мѣстѣхъ, въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ

Телешовской волости, Иванъ да Семенъ, Ѳедоровы дѣти, Супонева, и похваляются на людишекъ и на крестьянъ моихъ побить до смерти; да они жъ, Иванъ, да Семенъ, Ѳедоровы дѣти, Супонева, приходили, невѣдомо для какого умыслу, къ крестьянишкамъ моимъ, въ деревню Захѣевку, и у крестьянъ моихъ, у Матюшки, да у Никошки, да у Данилка, собакъ потравили борзыми своими и гоньчими собаками, и побили до смерти, и впредь похваляются они жъ, Иванъ и Семенъ, на меня, холопа Твоего, и на людишекъ моихъ, и на крестьянъ, всякимъ дурномъ, и послѣднюю животину похваляются отогнать крестьянишекъ моихъ, и ихъ разогнать, и землею завладѣть.

27.

Царямъ, Государямъ и Великимъ Княземъ, Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцамъ, бьетъ челомъ холопъ Вашъ, Микитка Внуковъ. Въ нынѣшнемъ, Государи, во 192 году, и въ прошлыхъ годѣхъ, ѣздитъ Григорей, Микитинъ сынъ, Кайсаровъ на поля съ собаки многолюдствомъ, на нашъ, холопа Вашего, позёмъ по хлѣбомъ, и хлѣбъ толочитъ, и изгороды ломаетъ, и животину всякую собаками травитъ; и людишки мои станутъ говорить, что онъ хлѣбъ толочитъ и изгороды ломаетъ, а онъ моихъ людишекъ бьетъ и увѣчитъ, и впредь похваляется убивствомъ смертнымъ, а крестьяне ево, Григорьевы, насильствомъ у насъ, холопей Вашихъ, лѣсъ рубятъ.

28.

Царямъ, Государямъ и Великимъ Княземъ, Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцамъ, бьютъ челомъ и являютъ сироты Ваши, Суздальскаго уѣзду, Вашего, Великихъ Государей, Дворцоваго села Дунилова, непашенные Земскіе Старосты, Ивашко Емельяновъ, да Ивашко Григорьевъ, и во всѣхъ мѣсто села Дунилова непашенныхъ крестьянъ, того жъ села Дунилова на непашеннаго жъ крестьянина, на Ивашка, Григорьева сына, Хорошева. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 193 году, Ноября въ....день билъ челомъ Вамъ, Великимъ Государемъ, и извѣщалъ въ селѣ жъ Дуниловѣ въ съѣзжей избѣ, Хлѣбеннаго Дворца передъ Стряпчимъ, передъ Гавриломъ Семеновымъ Рожновымъ, отецъ ево, Ивашковъ, Семенъ, Дунилова непашенной крестьянинъ, Гришка, Васильевъ сынъ, Хорошевъ, и подалъ на него,

на сына своего, Ивашка, явочную челобитную въ томъ, что онъ, Ивашко, не сталъ ево, отца своего, Гришки, ни въ чемъ слушать, сталъ, де, чинить по своей волѣ, учалъ пить и бражничать, и отходя, де, отъ него, Гришки, многіе ночи ночуетъ въ людехъ, невѣдомо гдѣ, а ему, де, Гришкѣ, ево, сына своего, Ивашка, бить и учить мочи не стало.

29.

Царемъ, Государемъ и Великимъ Княземъ, Ивану Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ, бьетъ челомъ и являетъ сирота Вашъ, Шуянинъ, посадскій человѣкъ, Захарко Несмеяновъ. Въ нынѣшнемъ, Государи, во 194 году, Февраля въ....день, пришли ко мнѣ, сиротѣ, Шуйскіе площадные подъячіе, вѣдомые плуты, Матвей Григорьевъ, да Иванъ Михайловъ, и привесли порожніе столбцы бумаги и стали мнѣ они, подъячіе, говорить, чтобъ я, сирота, тѣ столбцы запорушилъ, и я сталъ ихъ подъячихъ спрашивать, къ какому, де, дѣлу тѣ столбцы будутъ? И они, подъячіе, мнѣ, сиротѣ, сказали: дѣло, де, самое малое, и я, сирота, взялъ у нихъ, подъячихъ, тѣ столбцы и посмотрѣлъ, и у тѣхъ порожнихъ столбцовъ приложена рука Шуйскаго Земскаго подьячаго, Якова Михайлова, да Шуйскаго же площаднаго подъячаго рука Алексѣя Рѣпина, и я, сирота, на тѣхъ ихъ руки смотря, тѣ столбцы запорушилъ, и тѣмъ меня, сироту, они, подъячіе, Матвей да Иванъ оболгали, что сказали дѣло, де, малое, а нынѣ, Государи, тѣ столбцы объявливаются въ великихъ крѣпкихъ записѣхъ.

30.

Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, Ивану Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу, и Великой Государынѣ, Благовѣрной Царевнѣ и Великой Княжнѣ, Софіи Алексѣевнѣ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ, бьетъ челомъ и являетъ сирота Вашъ, Великихъ Государей, Шуянинъ, посадской человѣкъ, Патрекейко, Герасимовъ сынъ, Посниковъ. Въ нынѣшнемъ, Государи, во 196 году, Іюля въ 3 день, сынишко мой, Карпушка, побрелъ на Макарьевскую ярманку для работы своей, а гдѣ будетъ сынишко мой, Карпушка, опричь работы объявится, на корчмахъ, или на разбоѣ, и мнѣ бъ, сиротѣ Вашему, въ ево воровствѣ, ни въ чемъ не погибнуть, а отъ Васъ, Великихъ Государей въ пенѣ и въ опалѣ не быть.

31.

Великому Господину, Святѣйшему Іоакиму, Патріарху Московскому и всея Россіи, бьетъ челомъ Володька, Ивановъ сынъ, Бастоновъ. Постигла, Государь, меня старость и болѣзнь, а обѣщаніе, Государь, у меня нынѣ, что постричца, а быть, по тому своему обѣщанію, а по твоему Святительскому благословенію, въ Суздальскомъ уѣздѣ, въ Николаевскомъ монастырѣ, что словетъ Шартомской. Пожалуй меня, вели постричь!

32.

7204 году, Февраля въ 19 день, по Указу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, и по приказу Воеводы, Өедора Ивановича Пивова, противъ челобитья Шуйскаго Земскаго Старосты, Бориса, Тимофѣева сына, Ламонова съ товарищи, Шуйской площади подъячей Алешко Афанасьевъ, Шуйской Приказной избы со сторожемъ, съ Мишкою Дементьевымъ, да съ Губнымъ цѣловальникомъ, съ Мишкою Ярофеевымъ, взявъ съ собою въ понятые стороннихъ людей для досмотру на Шуйскомъ градскомъ полѣ мертваго тѣла, на немъ битыхъ мѣстъ доѣзжали, а по досмотру то мертвое тѣло лежало на Шуйскомъ градскомъ полѣ, у рубежу, на большой дорогѣ, что словетъ запускная; да на томъ же мертвомъ тѣлѣ битыхъ мѣстъ по досмотру: обѣ щеки и ротъ биты красно и багрово, лобъ повыше бровей розшибенъ, и кровь текла; да на томъ же мертвомъ тѣлѣ рубащенко, да порчишка, да кавтанишка сѣрые, въ полъногъ, да на ногахъ обуто двои онучи серыхъ, однѣ новые, а другіе старые, да чулчишка серые жъ, навабзены (надѣты) лаптишка, подпоясанъ поясенкомъ жичанымъ (шерстянымъ), на томъ поясенкѣ двѣ привязки мошенныхъ, а мошны обрѣзаны. И то мертвое тѣло я, подъячей съ товарищи и сторонними людьми, осмотря и записавъ именно противъ выпеписаннаго челобитья, съ того мѣста, взявъ положили въ убогихъ домъ, [1] а свойственныхъ людей того мертваго тѣла у досмотру никого не явилось; а у досмотру и у подъему того мертваго тѣла со мною, подъячимъ, понятыхъ людей было: Суздальскаго уѣзду Боярина Князя Михайла Яковле-

[1] Домъ убогихъ въ Шуѣ, какъ видно изъ актовъ, существовалъ еще до 1636 года.

вича Черкасскаго вотчины ево, села Васильевскаго, деревни Сергѣева, крестьянинъ, Митька Матвѣевъ, Шуйскаго уѣзду Стряпчаго Петра Лукича Шестакова, деревни Дубковъ, крестьянинъ, Еремка Лукояновъ, Стольника Тимофея, Лаврентьевича сына, Кологриваго, деревни Лукоянова, крестьянинъ, Мишка Прокофьевъ; а доѣздъ и досмотръ писалъ я, Алешко, своею рукою.

33.

Великому Государю, Царю и Великому Князю, Петру Алексѣевичу, всея Великія, и Малыя, Россіи Самодержцу, бьетъ челомъ и являетъ сирота Твой, Шуянинъ, посадской человѣкъ, Ивашко Тѣлегинъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, 208 году, Генваря въ 24 день, Шуянинъ Ѳедоръ, Степановъ сынъ, Архиповской, меня, сироту Твоего, бранилъ, и безчестилъ, и называлъ меня подовинниковымъ сыномъ. Какъ, Государь, онъ, Ѳедоръ, меня всячески безчестилъ, и въ то число, Государь, былъ свидѣтель Шуянинъ Иванъ, Леонтьевъ сынъ, Ларюшинъ. Вели, Государь, ево, Ѳедора, въ Земской избѣ передъ Бурмистромъ допросить!.

34.

Великому Государю, Царю и Великому Князю, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя Россіи Самодержцу, бьетъ челомъ сирота Твой, Шуянинъ, посадской человѣкъ, Сенька, Андреевъ сынъ, Загребинъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 1700 году, Майя въ...день, Шуянинъ Иванъ, Андреевъ сынъ, Розмазинъ, бранилъ и безчестилъ мать мою, вдову, Алену, Тимофееву дочь, и говоритъ: Вѣдаю, де, я, какъ мать твоя деньги добыла, а меня, сироту Твоего, называлъ Онаньинымъ внукомъ, [1] и всячески, а я, сирота Твой, не Ононьинъ внукъ, и тѣмъ онъ мать мою и меня, сироту Твоего, обезчестилъ напрасно; а въ то время были и слушали свидѣтелемъ Шуяня, посадскіе люди: Василей, Борисовъ сынъ, Бабинъ, да Ѳедоръ, Афонасьевъ сынъ, Тѣлинъ, да Михайло, Осиповъ сынъ, Сырейшинъ. Вели, Го-

[1] Кто такой этотъ дѣдъ Ананія? Вѣроятно, лицо, отреченное людьми; замѣчательно, что Ананія и доселѣ живетъ въ простомъ Шуйскомъ народѣ и употребляется въ смыслѣ укоризненномъ, а въ старину, можетъ быть, лицо это было взято изъ какой либо древней повѣсти, потому что предки наши очень любили усвоивать такія прозвища для себя на всякой случай. В. Б.

сударь, въ Шуѣ, въ Земской избѣ, передъ бурмистромъ, Иваномъ Корниловымъ, съ товарищи, въ брани и въ безчестьи матери моей и въ безчестьи жъ моемъ, сироты Твоего, Ивана, допросить; а буде, онъ, Иванъ, въ допросѣ своемъ запрется, вели, Государь, свидѣтелей поставить, допросить, и свой милостивой указъ учинить.

35.

Великому Государю, Царю и Великому Князю, Петру Алексѣевичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцу, бьетъ челомъ сирота Твоя, Шуянка, вдова Анница, Петрова дочь, Ивановская, жена Михайлова сына, Болотова. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 1700 году, Сентября въ 20 день, была я, сирота Твоя, у Шуянина, у Петра, Яковлева сына, Лисина, на родинахъ жены ево, и тутъ же, за столомъ, былъ племянникъ мой, Шуянинъ, Гаврило, Степановъ сынъ, Болотовъ, всякими на меня словами издѣвочными находилъ, и недосидѣвъ онъ, Гаврило, стола, вышелъ вонъ, и въ то жъ время въ ношныхъ часахъ вѣдая то, что я у него, Петра, пришедъ ко двору моему, въ окна каменьемъ и грязью металъ, и перелѣзши чрезъ заборъ, въ сѣни ломился, а дверь изломалъ, невѣдомо для чего, и дочерей моихъ, двухъ дѣвокъ, бранилъ и безчестилъ. Они, дочери, видя ево, Гаврилово, озорничество, на улицу вонъ покричали и сосѣдямъ являли. Вели, Государь, въ Шуѣ, въ Земской избѣ, передъ Бурмистры его, Гаврила, допросить.

Сообщ. Соревнователь **Владиміръ Борисовъ.**

ОБЪ ОТТВОРЕНІИ НОВАГО ПУТИ ВЪ СИБИРЬ

ПОМИМО ВЕРХОТУРЬЯ.

По имянному блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны указу, состоявшемуся прошлаго 1739 года, Генваря 24 дня, повелѣно, чтобъ купцы съ товарами и съ деньгами и другихъ всякихъ чиновъ люди, какъ въ Сибирь ѣздили, такъ и оттуда въ Россію возвращались чрезъ Верхотурье, и прибывъ въ тотъ городъ, сами явились, и товары и протчіе свои пожитки, что при нихъ будетъ, объявляли, и на оные выписи и росписи, данные имъ изъ городовъ, подавали тамошнему Воеводѣ, и таможеннымъ Бурмистрамъ и досмотрщикамъ безъ всякой утайки, и по тѣмъ ихъ объявленіямъ всѣ ихъ товары и пожитки пересматривать противъ объявленныхъ выписей и росписей, каждую вещь порозиь, и ежели что у кого явится сверхъ оныхъ выписей и росписей лишняго, такіе товары и пожитки коной сковать, а тѣхъ людей, яко бъ такіе товары и пожитки найдены будутъ, штрафовать по прежнимъ указамъ. А ежели Воевода и таможенные Бурмистры и досмотрщики объявленныхъ товаровъ и пожитковъ каждой вещи порознь досматривать не будутъ, или пропустятъ какіе утайкою товары, или сверхъ указнаго, пожитки чего пропущать не велѣно, за то оныхъ, по отнятіи всѣхъ ихъ имѣніевъ, ссылать въ каторжную работу вѣчно. А чтобъ мимо Верхотурья никто впредь проѣзжать не дерзали, того ради во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которые вновь дороги проложены, учредить крѣпкіе заставы, и найкрѣпчайше приказать, ежели кто тѣми вновь проложенными дорогами, не явясь въ Верхотурье, поѣдетъ и на которой нибудь заставѣ пойманы будутъ, у такихъ людей всѣ ихъ товары и пожитки, хотя бы явлены, или не явлены были, конфисковавъ, присылать въ Сибирской Приказъ, а оныхъ плутовъ, не пропущая въ Сибирь, отсылать въ Москву, въ Сибирской Приказъ, за карауломъ, гдѣ ихъ накрѣпко распрашивать, и по изслѣдованіи, за то, что они, вѣдая указы, тѣми запрещенными дорогами, миновавъ Верхотурье, проѣхать хотѣли, штрафовать по прежнимъ указамъ, о чемъ во всемъ Государствѣ указами публиковано.

А послѣ того въ Сенатъ представляли:

Въ 1741 году, Ноября 25 дня, доношеніемъ, Сибирской Приказъ, по отпискѣ изъ Сибирской Губернской Канцеляріи, а въ ту Губернскую Канцелярію, по доношенію изъ Тобольской Ратуши, что на Верхотурье, купецкимъ людямъ съ товарами лѣтнимъ временемъ, за великими грязьми и болотами, проѣхать ни какими мѣрами не возможно, и за тѣмъ на Макарьевской ярманкѣ, Сибирской губерніи, купецкіе люди торгъ оставили, также изъ той ярманки Нижегородской, Казанской и Астраханской, и другихъ губерній и городовъ, купецкіе люди потому жъ въ Сибирскіе города не ѣздятъ, и за тѣмъ въ проѣздѣ лѣтнимъ временемъ препятствіемъ въ Верхотурьѣ и въ Екатеринбургѣ таможенной зборъ умалился. А какъ, де, съ 1731 въ прошедшихъ годахъ, купецкимъ людямъ былъ проѣздъ чрезъ Екатеринбургъ, то какъ въ Верхотурьи, такъ и въ Екатеринбургѣ, таможенный сборъ былъ съ немалымъ пополненіемъ, и по мнѣніямъ, де, Сибирской Губернской Канцеляріи изъ Сибирскаго Приказу, въ проѣздѣ купцамъ изъ Сибири въ Россійскіе города и въ Сибирь съ товарами чрезъ Екатеринбургъ въ лѣтнее время для Макарьевской, а въ зимнее, для Ирбитской, ярмонокъ съ таможеннымъ осмотромъ и со взятымъ указныхъ Сибирскихъ пошлинъ пропускомъ всемѣрно позволеніе учинить надлежитъ, для того, ежели тотъ свободной путь чрезъ Екатеринбургъ отворить, то уповательно, что тѣмъ свободнымъ путемъ въ Сибирь и обратно въ Россійскіе города купцы съ товарами своими проѣздъ будутъ имѣть охотнѣе, и отъ того въ сборѣ таможенныхъ пошлинъ можетъ быть не малое приращеніе.

Въ 1743 году, Мая 20 дня, Тайной Совѣтникъ, Кавалеръ и Оренбургской Губерніи Губернаторъ, Неплюевъ, при доношеніи своемъ со учиненного, обще съ Генералъ-Маіоромъ и Сибирской Губерніи Губернаторомъ, Сухаревымъ, для Высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества интересовъ, полезныхъ резоновъ, Марта 17 дня, 1743 года, опредѣленія, копію приложилъ, въ которой, между прочимъ, объявлено, что, для умноженія и распространенія Оренбургскихъ доходовъ и торговъ, весьма потребная со стороны Сибирской въ застроенныхъ Оренбургскихъ крѣпостяхъ Высецкой провинціи, учреждена ярманка въ Челябинской крѣпости, на которую пріѣздъ и торгъ имѣть Декабря съ 25 числа, для того, что въ Оренбургѣ

всегда Сибирскіе товары для продажи Азіатскимъ купцамъ и Киргисъ-Кайсакамъ потребны, сверхъ же того котлы мѣдные, чугунные и желѣзные, конскіе збруи и мелочи требуются жь, которыхъ нигдѣ такъ способно доставать, какъ съ Сибирской стороны отъ разныхъ заводовъ и для Оренбурга, гдѣ всякаго званія не малое число жителей, и всякіе Сибирскіе товары нужны. А чтобъ, де, для оной ярманки въ Сибирскихъ пошлинныхъ сборахъ никакого ущерба быть не могло, для того отъ Сибирской губерніи на выѣздѣ изъ Оренбургскаго вѣдомства учредить заставы, гдѣ такую жъ пошлину имать, какъ оная съ выѣзжихъ изъ Сибири купцовъ на Верхотурье берется; чего ради для обращенія, какъ Сибирскому купечеству съ наторгованными на ярманкѣ товарами потребно будетъ, паки въ Сибирскую губернію возвращаться, такъ Оренбургскимъ и прочимъ купцамъ съ той ярманки, для продолженія своихъ торговъ, ѣздить и на Ирбицкую ярманку, или въ другіе мѣста и города Сибирской губерніи; токмо, де, по указу велѣно всѣмъ, въ Сибирь ѣдущимъ купцамъ, ѣздить и явиться въ Верхотурье, а другими дорогами ѣздить запрещено, отъ чего и Челябинской ярманкѣ не малое помѣшательство; ибо купцу, которой бы пожелалъ ѣхать на Ирбицкую ярманку, или въ Тобольскъ, то на Верхотурье заѣзжать, для того одного, чтобъ тамо товары свои явить, излишняго будетъ нѣсколько сотъ верстъ, и путь неспособной, великіе горы.

А прошлаго 1751 года, Генваря отъ 29 дня, въ Сенатъ онъ же, Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ, Неплюевъ, да Брегадиръ Тевкелевъ, представляли, что для Средней Киргисъ-Кайсацкой Орды, которая выше Орска къ Сибирской сторонѣ кочуетъ, къ воздержанію Киргисъ-Кайсацкаго народа отъ противностей и продерзостей, для произведенія съ Киргисъ-Кайсаками торгу и мѣны, сверхъ Оренбургской, въ Троицкой крѣпости, торгъ и мѣну необходимо учредить опредѣлено; а что, де, до Оренбурга касается, то по оному уже отвсюду проѣздъ свободной, и почти изъ всего государства купцы пользуются, но Оренбургъ, де, способенъ для комерціи съ Меньшою Киргискою Ордою, и съ Хивинцами, Бухарцами и протчими дальнѣйшими народами, и для содержанія комерціи съ Середнею Киргисъ-Кайсацкою жъ Ордою, съ Ташкенцами, и Кашкарцами и Малою Бухаріею, коя нынѣ отъ большей части отъ Зюнгорскаго владѣльца зависитъ. Помянутая учрежденная ярмонка на Уйской линіи, въ Троицкой крѣпости, въ 1750 году, начата и отъ

Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ апробована, и хотя всѣ товары изъ Оренбурга туда были везены, и пошлина съ тѣхъ товаровъ въ Оренбургѣ взята, однако жъ получаемой съ лошадей съ Кашкарскихъ и Ташкенскихъ товаровъ, пошлины и другихъ таможенныхъ пошлинъ въ восемь мѣсяцовъ собрано 9000 рублевъ, да и серебра туда вывезено до ста пудъ, а и золота отчасти было, и хотя не противъ Оренбурга, однако жъ помощію Божіею уповательно, и тамо умноженію государственной пользы и казенныхъ доходовъ. А оная, де, Троицкая крѣпость лежитъ почти на одномъ меридіанѣ съ Тоболомъ, разстояніемъ въ шести стахъ верстахъ отъ него, и далѣе выше востока, къ полудни, нежели Ирбитъ, гдѣ славная Ирбицкая ярмонка, разстояніемъ назадъ отъ Троицкой крѣпости до 400 верстъ. И ежели бы и съ той Троицкой крѣпости повелѣно было купцамъ съ товарами отворить дорогу въ Сибирь, то бъ еще та, Троицкая ярмонка, въ пользѣ казенныхъ доходовъ, въ великомъ приращеніи быть могла, да и Сибирскіе доходы умноженіе бъ возъимѣли тѣмъ, что Китайскіе и Сибирскіе товары Киргисъ-Кайсакамъ и прочимъ Великой Татаріи народамъ потребны, а отъ нихъ въ Сибирь. Да хотя бы Сибирскіе купцы и съ Русскими въ Троицкой мѣну производили, однако жъ было бы то съ ихъ пользою и прибылью казенною; ибо кто повезетъ изъ Сибири тамошніе товары, тотъ не только Сибирскую пошлину заплатитъ, но и въ Троицкой равномѣрно жъ, и изъ Троицкой, которые товары повезутъ въ Сибирь, должны Сибирскую пошлину платить. И хотя, де, въ 1739 году, имяннымъ указомъ опредѣлено и найкрѣпчайше запрещено, что въ Сибирь изо всей Россіи и изъ Сибири въ Россію, кромѣ одной дороги чрезъ Верхотурье не ѣздить, но въ томъ нужды и умаленія въ купечествѣ не настояло; ибо какъ тотъ, имянной указъ состоялся, тогда не только Троицкой ярмонки, но и оной линіи и той крѣпости не было, да и въ Оренбургѣ купечество было однимъ имянемъ, а не существомъ. Да и кромѣ того, съ 1741 года Сибирская губернія и Сибирскій Приказъ за нужно признавали и Правительствующему Сенату представляли, чтобъ для одной Макарьевской ярмонки, другую дорогу чрезъ Екатеринбургъ нужно имѣть, кольми паче для той Оренбургской губерніи, и новаго купечества и пользы Высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества интересовъ отворить нужно; ибо изъ Сибири чрезъ Верхотурье не только въ Троицкую, но и въ Оренбургъ, ѣздить весьма далеко, и убыточно, и ни-

5

кто не ѣздитъ. А что, де, касается, дабы тайныхъ провозовъ не было въ Сибирь и изъ Сибири, о томъ учредить заставу на границѣ Кысецкой провинціи, между Сибирскою губерніею и Троицкою крѣпостью, гдѣ Сибирская Губернская Канцелярія разсудитъ, чтобъ никто не ѣздилъ, токмо какъ чрезъ тое заставу.

Да по сношенію оного жъ Тайнаго Совѣтника и Кавалера Неплюева, съ бывшимъ изъ Сибирскаго Приказу, въ 1750 году, у смотрѣнія надъ сборами на Ирбицкой ярмонкѣ, Совѣтникомъ Сушковымъ, а по представленію, что Сушкова, тому Приказу, оной Сибирскій Приказъ въ Сенатъ представляетъ, что по мнѣнію того Приказа, для умноженія Вашего Императорскаго Величества интересовъ и купеческой пользы, учредя по окончаніи Исецкаго, Шадринскаго и Окуневскаго дистриктовъ, кои отъ Сибирской къ Оренбургской губерніи приписаны, во всѣхъ пристойныхъ мѣстахъ, заставы и розъѣзды, а противу Шадринска, на границѣ таможню, чрезъ Исецкую провинцію въ Сибирь дорогу отворить надлежитъ, при каковомъ учрежденіи всѣ купцы, ѣдущіе въ Сибирь и изъ Сибири съ товарами, должны сами явиться, и по расцѣнкѣ, подлежащую по Сибирскимъ статьямъ и указамъ, съ товаровъ ихъ пошлину платить въ той таможнѣ; а которые миновавъ оную, отважатся другими мѣстами проѣзжать, и отъ заставъ, при объѣздахъ, будутъ пойманы, съ такими поступать по силѣ выше объявленнаго имяннаго, 1739 года, Генваря 24 дня, указа. А чрезъ Екатеринбургъ въ Казанскую губернію, для прежде назначенной, по представленію Тайнаго Совѣтника и Кавалера Неплюева, въ Челябинской, а нынѣ въ Троицкой крѣпости ярмонки, дороги отворять уже не надлежитъ, ибо какъ изъ Сибири чрезъ Оренбургскую въ Казанскую, и до Макарьевской ярмонки, такъ и изъ Казанской чрезъ оную жъ Оренбургскую въ Сибирскую губернію проѣздъ будетъ свободенъ, и тѣмъ найбольше, когда съ Азіятцами торгъ обновится и въ совершенство Троицкая ярмонка придетъ, по смежности и ближайшему разстоянію всѣхъ трехъ губерній, казенной таможенной сборъ, при опредѣленіи пограничныхъ командировъ и достойныхъ при таможняхъ Комиссаровъ, безъ сумнѣнія, умножится, а по крайней мѣрѣ, въ Сибирской губерніи, предъ нынѣшнимъ уменьшенія быть не можетъ; ибо, де, Сибирское купечество, кои до сего, а особливо тѣ, которые по малой суммѣ, по дальности чрезъ Верхотурье, въ Россійскіе городы сами не ѣзжали, въ Троицкую крѣпость и оттоль, какъ они, такъ и другихъ губерній купцы растор-

говався съ новыми товарами, съ платежемъ, за въѣздъ въ Сибирь, десятикопѣечной пошлины, ѣздить будутъ охотнѣе.

И Генваря 12 дня, сего 1752 году, Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше представлено, что, по мнѣнію Сената, для выше прописанныхъ Сибирскаго Приказу, и Тайнаго Совѣтника и Кавалера Неплюева, съ Бригадиромъ Тевкелевымъ, резоновъ и Сибирскаго Приказа мнѣнія, надлежитъ однимъ Россійскимъ купцамъ съ товарами для произведенія торговъ и пополненія въ пошлинномъ Вашего Императорскаго Величества доходѣ, зимнимъ и лѣтнимъ временемъ, какъ въ Сибирь, на Ирбицкую ярмонку, и въ другіе Сибирскіе городы, такъ и изъ Сибири въ Оренбургскую губернію, на Троицкую и другіе, тако жъ и на Макарьевскую ярмонки, за неспособнымъ чрезъ Верхотурье въ проѣздѣ купечеству путемъ, со учрежденіемъ, по окончаніи приписныхъ и Оренбургской губерніи, Исецкаго, Шадринскаго и Окуневскаго дистриктовъ, отъ Сибирской Губернской Канцелярія заставъ и розъѣздовъ, и противъ Шадринска, на границѣ таможни, осмотромъ всѣхъ товаровъ и со взятьемъ по Сибирскимъ статьямъ и по указамъ со всѣхъ товаровъ пошлинъ, чрезъ Исецкую провинцію и Оренбургскую губернію въ проѣздѣ позволеніе учинить и дорогу отторить, точію за вышеозначеннымъ блаженныя памяти, Государыни Императрицы, Анны Іоанновны, 1739 года, указомъ той дороги, объ отвореніи Сенатъ собою опредѣленія учинить не можетъ, прочимъ же, кромѣ купечества, всякихъ чиновъ людемъ въ проѣздѣ въ Сибирь, и оттуда въ Россію чрезъ Верхотурье, во всемъ надлежитъ исполнять по тому, 1739 году, указу. И когда на оное Высочайшей Вашего Императорскаго Величества указъ воспослѣдуетъ, то дабы Россійскіе купцы со всякими товары, кои въ Сибирь, тако жъ и изъ Сибири въ Оренбургскую губернію и на ярмонки и въ другіе Россійскіе городы, чрезъ Исецкую провинцію и Оренбургскую губернію ѣхать пожелаютъ, мимо заставъ и учрежденной съ Сибирской стороны, противъ Шадринска, таможни, не явясь въ той таможнѣ и не заплатя съ товаровъ пошлинъ, проѣзжать не дерзали, подъ изображенными, въ ономъ 1739 году, указѣ, штрафами о томъ публиковать вновь указами, о чемъ тогда, на основаніи указовъ въ Сибирскомъ Приказѣ, по сношенію съ Оренбургскою Губернскою Канцеляріею, сочиня публичному указу формуляръ, для апробаціи прислать въ Сенатъ, токмо на оное, Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества, указу еще не воспослѣдовало.

А Апрѣля 28 дня, сего жъ году, поданнымъ въ Сенатъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, доношеніемъ представляетъ, что, для полезнаго съ Киргисъ-Кайсаками и съ другими Азіятами Россійскому купечеству торгу при Оренбургѣ, а особливо при Троицкой крѣпости, за нужное признавается по представленію Тайнаго Совѣтника Неплюева и Бригадира Тевкелева, объ отвореніи, между Сибири и Оренбургской губерніи, окромѣ Верхотурской, другой дороги, для того наипаче, что Троицкая крѣпость къ Сибири весьма близкая, а чрезъ Верхотурье во оную, также и въ Оренбургъ изъ Сибири, ѣздить весьма далеко и убыточно, торгъ же при оной Троицкой крѣпости для Россійскаго купечества, также какъ и въ Оренбургѣ, полезный зачинается еще вновь, и тѣмъ надежда подается къ привлеченію и Средней Киргисъ-Кайсацкой Орды отъ Зюнгорцевъ къ здѣшней сторонѣ.

Того ради, Вашему Императорскому Величеству Сенатъ всеподданнѣйше представляетъ, и для полезнаго съ Киргисъ-Кайсаками и съ другими Азіятами Россійскому купечеству торгу, при Оренбургѣ, а особливо при Троицкой крѣпости, о отвореніи между Сибири и Оренбургской губерніи, окромѣ Верхотурья, дороги, какъ на прежній, такъ и на сей всеподданнѣйшій, доклады, проситъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшаго указа.

Подписали: Александръ Бутурлинъ, Князь Борисъ Юсуповъ, Князь Михайла Голицынъ, Иванъ Бахметьевъ, Князь Иванъ Щербатовъ и Князь Алексѣй Голицынъ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Поднесенные ко Всевысочайшему Вашего Императорскаго Величества разсмотрѣнію, отъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, обстоятельства и способъ къ безопасному проходу изъ Бухаріи и Хивы купецкихъ каравановъ, я всеподданнѣйше удостоился прочтенія, и сколько смыслу мочно есть, признаваю, яко всѣ тѣ обстоятельства справедливыя, да и изъясненный въ послѣднихъ двухъ параграфахъ способъ, за неимѣніемъ другихъ, по непостоян-

ству и лакомству Киргисъ-Кайсацкаго народа, чрезъ который тѣмъ караванамъ проходить должно, есть лучшій; но предѣлу въ дачѣ награжденія, по перемѣннымъ обстоятельствамъ, точно опредѣлить не можно; однако жъ, дабы большаго убытку не сдѣлать, такихъ награжденій болѣе не возвышать, какъ только отъ одной до двухъ копѣекъ съ рубля, во что товаръ при таможняхъ оцѣненъ будетъ; и то награжденіе, въ первыхъ только временахъ, предписаннымъ Государственною Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ, образомъ Губернаторамъ давать; а естьли въ обычай, а паче въ огласку придетъ и Киргисъ-Кайсаки къ тому привыкнутъ, то можно уже оное награжденіе приложить къ пошлинамъ, кой по большей части Россійскіе купцы, всѣ безъ изъятія, при покупкѣ, или мѣнѣ товаровъ съ Азіятскихъ снимаютъ на себя, а Казна отъ того убытку уже не понесетъ.

Всемилостивѣйшая Государыня,

Маія дня
1767 года.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ,
Князь Аврамъ Путятинъ.

Для Всевысочайшаго разсмотрѣнія Ея Императорскаго Величества.

По принятіи въ подданство Всероссійской Имперіи Киргисъ-Кайсацкаго народа, и по заложеніи Оренбурга, при чемъ одно изъ главнѣйшихъ намѣреній было, чтобъ въ сіе мѣсто привлеча Азіятскую Коммерцію, не оставлены безъ употребленія многіе способы къ проложенію безопасной дороги купеческимъ караванамъ, но многое по нынѣ и время прошло почти безъ всякаго успѣха.

Правда, караваны, какъ въ Оренбургъ, такъ и въ Троицкую крѣпость приходятъ уже ежегодно, однако жъ не инако, какъ подвергаясь въ пути опасности отъ Киргисъ-Кайсакъ.

Малая между Киргисъ-Кайсаками подчиненность, врожденная въ нихъ къ хищеніямъ склонность, а при томъ непостоянство и превратность ихъ Хана и протчихъ начальниковъ, иногда же и взаимная между ими зависть, содержатъ сей народъ въ крайней несообразимости.

Неоднократныя были отъ Хана и братьевъ его обѣщанія, не только словесныя, но и письменныя, о содержаніи въ порядкѣ

своего народа и о употребленіи всего возможнаго попеченія въ препровожденіи карававовъ, а напослѣдокъ и въ 1763-мъ году, въ бытность въ Оренбургѣ Губернаторомъ, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Волкова, Ханъ далъ письменное обязательство, которымъ всю безопасность идущихъ въ Оренбургъ на торгъ, и оттуда возвращающихся Азіятскихъ купеческихъ карававовъ, перенялъ на себя, обѣщавъ заблаговременно надежныхъ людей достаточное число избирать и предуготовлять, и изъ оныхъ одну половину къ Хивѣ, къ Бухаріи и къ протчимъ Азіятскимъ городамъ, а другую въ Оренбургъ отправлять, съ полнымъ къ тому наставленіемъ, кои тѣ караваны и препровождать могутъ, первые оттуда, а другіе отъ Оренбурга, но по самомъ и послѣ того короткомъ времени произошелъ грабежъ отъ Киргисъ-Кайсакъ двумъ Бухарскимъ караванамъ.

Сколь трудно Киргисъ-Кайсацкимъ народомъ руководствовать и собственнымъ ихъ начальникамъ ко всему доброму, столь легко они напротивъ того развращаемы быть могутъ и самымъ подлымъ человѣкомъ.

Прихотливость ихъ Хана и Солтановъ, будучи иногда съ здѣшней стороны не удовольствована по самой невозможности, часто производитъ въ нихъ огорченіе, заставливая не только попускать находящимся въ ихъ вѣдомствѣ, но нерѣдко и возбуждать на продерзости, такъ что, когда они, одумавшись, стараются ихъ уже унимать, толь меньше и находятъ въ нихъ послушанія, нежели какое быть могло бъ при непремѣнно продолжаемомъ съ ихъ стороны стараніи о введеніи въ нихъ добрыхъ порядковъ.

Нерѣдко также случается, что когда одинъ изъ ихъ начальниковъ и благонамѣреннымъ находится, и о безопасномъ препровожденіи карававовъ стараться начнетъ, другіе въ томъ ему препятствуютъ, не допуская, чтобъ одинъ получаемымъ за то отъ купцовъ награжденіемъ пользовался, находясь въ самомъ дѣлѣ многіе изъ нихъ и такіе, которые отнюдь не хотятъ ни малѣйшаго труда для того съ своей стороны употребить, а вмѣсто того расхищеніе идущихъ мимо каравановъ предпочитаютъ, по варварскому своему состоянію, быть могущей пользѣ отъ безопаснаго оныхъ препровожденія.

Къ тому жъ и Азіятскіе купцы едва ли строгой дѣлаютъ разборъ въ выборѣ для себя въ Киргисъ-Кайсацкомъ народѣ проводниковъ, понимая къ тому перваго изъ Киргисъ-Кайсакъ, имъ на дорогѣ попадающагося, изъ которыхъ подлой, чтобъ доброе дѣло

здѣлать, какъ ни есть еще безсильнѣе, нежели знатной, изъ оныхъ же торгующихъ Азіятъ, Бухарцы и Хивинцы, какъ ближайшіе къ Киргисъ-Кайсацкому народу, имѣя нерѣдко съ нѣкоторыми изъ сего народа дѣла, и зная, что они иногда чѣмъ либо противъ ихъ огорчены, не разбираютъ однако жъ и обстоятельствъ, при каковыхъ надежнѣе, или безнадежнѣе, можно имъ проѣзжать чрезъ Киргисъ-Кайсацкой народъ, да и отправляясь къ здѣшнимъ границамъ, едва ли когда между собою и соглашаются о предпріятіи такого пути многимъ вдругъ, но по большой части всякой изъ нихъ купецъ ѣдетъ съ своимъ товаромъ особливо, приводя Киргисъ-Кайсакъ въ искушеніе, вмѣсто того, что, при совокупномъ ихъ проѣздѣ, и сами въ состояніи находиться могли бъ имъ здѣлать отпоръ.

Не оставляется Азіятскимъ купцамъ, со стороны Оренбургскаго Губернатора, по данному ему отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ наставленію, въ бытность ихъ въ Оренбургѣ, потребныхъ дѣлать внушеній, о лучшемъ разборѣ проводниковъ и удобнаго времени, также и о совокупныхъ ихъ проѣздахъ.

Находя они отъ производимаго ими въ Оренбургѣ торга немалую прибыль, можетъ быть, не замедлятъ дѣйствительно такимъ образомъ поступать, какъ здѣсь желается; почему вся трудность и остается въ разсужденіи только Киргисъ-Кайсакъ.

По положенію Оренбургской губерніи и Азіятскихъ областей, въ Великой Татаріи находящихся, и съ одной стороны почти до Оренбургской губерніи, кочуя по дорогѣ отъ Хивы и Бухаріи, къ сей губерніи одинъ только Киргисъ-Кайсацкой народъ, а съ другой до самой Индіи и Китая простирающихся, давно, конечно, заведенной въ Оренбургѣ, торгъ въ великое возращеніе притти могъ бы, естьли бъ предъуспѣто было преодолѣть наносимыя въ томъ отъ Киргисъ-Кайсакъ препятствія.

При всей малой надеждѣ о совершенномъ оныхъ въ короткое время пресѣченіи, по худымъ успѣхамъ, по нынѣ бывшимъ, уважая, однако же, могущую быть отъ сей Коммерціи не малую Государственную пользу, вовсе въ томъ отчаяваться было бъ напрасно, но напротивъ того всѣ подающіеся и примышляемые способы къ тому и впредь употребляемы быть долженствуютъ, соображаясь съ неутомленнымъ Ея Императорскаго Величества Высочайшимъ Монаршимъ попеченіемъ какъ о всемъ, такъ особливо объ Оренбургской Коммерціи.

Киргисъ-Кайсацкой народъ, сколь еще теперь ни грубой, продерзкой и къ хищеніямъ склонной, но продолжительнымъ обращеніемъ при здѣшнихъ границахъ, отъ которыхъ оной напредь сего пребывалъ въ отдаленіи, и распространяющимся наконецъ, буде не въ обще въ цѣломъ народѣ, то въ большей изъ онаго части, удостовѣреніемъ о собственной ихъ пользѣ, отъ спокойнаго ихъ пребыванія и безпрепятственнаго допущенія проѣздамъ купеческихъ каравановъ быть могущей, чтобъ не возъимѣлъ лутчихъ мыслей и никогда просвѣщеннѣе сколько нибудь не сдѣлался, подобное сему положеніе, примѣромъ протчихъ народовъ, совсѣмъ противно было бъ.

И такъ, во вседолжное исполненіе Высочайшаго Императорскаго Величества повелѣнія и объявленія Киргисъ-Кайсацкому народу, что за безопасное отъ нихъ въ Оренбургъ препровожденіе купеческихъ каравановъ, дано будетъ имъ изъ Казны пристойное награжденіе нынѣ же и препоручено быть можетъ Оренбургскому Губернатору, нѣкоторымъ изъ ихъ начальниковъ, будто отъ себя чрезъ посылаемыхъ къ нимъ нарочныхъ, пристойнымъ образомъ внушить, при чемъ тѣ нарочные имѣютъ вступить съ ними въ обстоятельное изъясненіе и о способахъ, какіе они употреблять будутъ къ безопасному препровожденію; ибо, что касается до обѣщанія ихъ, то полученіе ими извѣстія о даваемомъ имъ за то награжденіи, конечно, будетъ оное, по лакомству ихъ, всеохотное; такія же внушенія и изъясненія и протчимъ изъ Киргисъ-Кайсакъ, которые другихъ познатнѣе, учинены быть могутъ, съ искуснымъ и безпримѣтнымъ изъ всѣхъ изъ нихъ вывѣдываніемъ, какою они имянно дачею, за безопасное каравановъ препровожденіе, довольными быть могли бъ.

Соображеніе отзывовъ одного Киргисъ-Кайсака съ отзывами другаго, послужитъ Оренбургскому Губернатору основаніемъ и къ его въ семъ дѣлѣ мнѣнію, и къ положенію въ обще съ тамошнею таможнею, и награжденія, какое съ меньшимъ затрудненіемъ Киргисъ-Кайсакамъ давано быть можетъ, на примѣръ, по одному ли со ста проценту, или по чему ни будь извѣстному за каждаго съ товарами верблюда; а изъ всего того по разсмотрѣніи потомъ здѣсь въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и предварительномъ сношеніи съ надлежащими мѣстами, и сдѣлано быть уже можетъ то правило, по которому впредь поступаемо быть имѣетъ, будучи нужно, такимъ образомъ оное распорядится, чтобъ ни Киргисъ-Кайсакамъ къ излишнимъ запросамъ повода не было, ни пограничнымъ начальникамъ къ недоумѣніямъ.

ОТВѢТЪ ГРАЖДАНИНА

НА РѢЧЬ, ГОВОРЕННУЮ Е. И. В. ОБЕРЪ-ПРОКУРОРОМЪ СЕНАТА НЕКЛЮДОВЫМЪ, ПО ПРИЧИНѢ ТОРЖЕСТВА ШВЕДСКАГО МИРА, 1790 СЕНТЯБРЯ, 5 ЧИСЛА.

Къ тебѣ пишу, служитель Сената, представляющему Сенатъ въ присутствіи его, и заставляющему по помаанію твоему, яко по знакамъ флигельманскимъ, кланяться мужей почтенныхъ прямо народъ могущихъ или, по крайней мѣрѣ, долженствующихъ представлять, яко бы они всѣ были невѣгласы; къ тебѣ пишу, не выбранному, но установленіемъ Сената утвержденному, краснобаю; къ тебѣ пишу, вѣщуну отъ народа, не знающему, кто ты и что будешь вѣщать.

Се есть первое твое званіе; коль оно законно и коль справедливо, то всякой благоразумной понять можетъ. Но казалось бы довольно тебѣ было, что ты предъ народомъ учинилъ себя, а не Сенатъ, посредникомъ между Государя и народа. Довольно бы тебѣ, что ты, бывъ приставомъ или воззрителемъ, иль лутче сказать подглядателемъ въ государственномъ правленіи, приносилъ за народъ благодаренія, что есть ни что иное, какъ бы кто самъ себя гладилъ; убо ты называешься «око государево», ибо ты его членъ, ибо членъ тѣла его, а не народъ благодареніи приносилъ и хвалы возсылалъ. Но зачѣмъ ты и тутъ въ хвалахъ твоихъ дерзнулъ основателя всего просвѣщенія Россіи, перваго содѣтеля нынѣшней ея славы и какая когда можетъ въ будущія времена случиться, ругательнымъ образомъ сравнивать съ сѣдящею на престолѣ Императрицею? Зачѣмъ ты, хотя принести лестный фиміамъ, вредъ самой славѣ сей Императрицы содѣлалъ? Ибо самый чинъ твой, самое установленіе въ подобныхъ случаяхъ благодаренія есть дѣяніе Петра Великаго; а

ты, дерзая охулять предсѣдящей на престолѣ садителя всего сего, не ясно ли изъявилъ, что лесть, а не искренность, говорила, и что ты не болѣе ей самой вѣренъ, какъ тому, кто установилъ чинъ твой?

Но приступаю къ твоей безумной и подлой бесѣдѣ и къ преступному соравненію. Оставя неприличныя твои реченіи,—начинаешь ты говорить, что «границы наши сѣверныя, токмо мирною стражею назираемыя, охраняемыя наипаче были святостію договоровъ; въ томъ и въ нашей невинности имѣли безопасность, (а) Швеція, поборница по Агарянамъ, свою надежду полагала найти себѣ отверстой путь на покореніе страны, ей сопредѣльной.» Единыя сіи твои краткія слова не показуютъ ли твое неразуміе? Упрекаешь ты Шведскаго Короля быть измѣнническимъ образомъ нарушителя святости мира и защитника Агарянамъ. Все сіе правда; можно бы про сего Государя, одареннаго нѣкоторыми изящными качествами, но не добродѣтельми, и болѣе сказать; но не тогда, когда Россія его признаетъ уже своимъ союзникомъ, но не тогда, когда Императрица въ забвеніе предала безсовѣстные его съ нею поступки, и не тогда, какъ въ восьми статьяхъ состоящій трактатъ, безъ утвержденій прежде бытныхъ, даетъ ему тысячу способовъ къ возобновленію войны. Царь Алексѣй Михайлычь за одну, написанную приватнымъ человѣкомъ, книгу, гдѣ дѣдъ его былъ охуляемъ, войну Польшѣ объявилъ и Смоленскъ взялъ. Людвикъ XIV, Король Французскій, за картину и медаль приватнаго человѣка, войну Соединенныямъ Нидерландамъ объявилъ и едва ихъ въ разореніе не привелъ. А ты предъ трономъ въ первые часы замиренія Государя, не разоружившаго свой флотъ, дерзаешь поносить. Но исполнилъ ли, по крайней мѣрѣ, ты предметъ свой, похваляя сѣдящую на престолѣ? Ты ясно признаешь, что недостаточная была осторожность. Могъ ли Шведскій Король въ единое мгновеніе построить галеры, вооружить корабли, собрать войско и протчее? Убо не могло по пребыванію нашего министра тамъ, или и по самымъ газетамъ, намѣреніе его сокрыто быть. Зачѣмъ же токмо мирная стража оставалась? Зачѣмъ не умножено было, хотя не на границѣ, но, по крайней мѣрѣ, въ близости войска?

Не знаешь ты и знаменованія словъ. Полки въ слѣдъ велѣній летѣть не могутъ; ибо велѣніи идутъ на встрѣчу тѣмъ, кому повелѣваютъ; убо полки летѣли хоть безъ крылъ, но по велѣніямъ.

Естли бы ты имѣлъ здравый разсудокъ, не вмѣстилъ бы то въ похвалу, что со вредомъ государства въ охуленіе можетъ обратиться. То правда, что поспѣшность собранія войскъ, вооруженія кораблей, строенія галернаго флота вѣчную славу Монархинѣ нашей содѣваютъ; то правда, что бодрость ея духу успокоила гражданъ и явила, коль онъ превыше нечаянныхъ случаевъ; то правда, что могла она давать нѣкоторыя общія наставленіи своимъ предводителямъ, весьма способствующія имъ въ морской и сухопутной сей трудной войнѣ, гдѣ мели и камни чинятъ плаванье опасно, гдѣ лѣса, горы, узины, озера и болота чинятъ всякое движеніе войскъ гибельнымъ; но могла ли она, сидя въ своемъ кабинетѣ, повелѣвать вѣтрами? Могла ли она точно предузнать, какія мѣста непріятелемъ заняты, и нѣтъ ли гдѣ погибели, естли за нѣсколько соть верстъ дадутся непремѣнныя повелѣнія? Вождь за полчаса часто не знаетъ, что онъ будетъ дѣлать; а ты духъ пытливости, которой она себѣ не присвояетъ, ей приписалъ. И наконецъ, могла ли она въ ту минуту знать, когда повелѣнія ея дойдутъ, что непріятель не здѣлалъ никакихъ противныхъ движеній? Наконецъ, благоразуміе ея могло ли ей позволить, чтобы она связала такъ повелѣніями своими руки своихъ вождей, чтобы они противныя естеству вещей дѣлали движенія по ея велѣніямъ, и не смѣли бы и полезнаго безъ повелѣнія ея предпріять? Убо сіе не токмо похвала, но есть охуленіе ей, ежели бы то правда было. Само бы политическое благоразуміе должно тебѣ воспрепятствовать такой вздоръ предъ трономъ говорить. Ты сказалъ, что все учреждала наша Императрица: убо вожди были слѣпые исполнители. Не отнимаетъ ли сіе у нихъ славы? Не лишаетъ ли сіе ихъ бодрости? Не унываютъ ли всѣ разумы? Не тухнетъ ли усердіе? Самыя награжденія, учиненныя имъ, въ ничто обращаются; ибо алмазы и злато не замѣняютъ славы.

Какую нелѣпость ты заболталъ: «Царь * отецъ (отцевъ) нашихъ!» Не зналъ ты, что сказалъ. Онъ Царь, Императоръ и благодѣтель твой. Царь — по продолжающемуся наслѣдству его крови. Онъ умеръ, но кровь его царствуетъ; убо то же почтеніе, какое ты имѣешь къ его потомкамъ, и къ предкамъ его долженъ сохранять. Яко побѣдитель, онъ — пока Россія пребудетъ — Императоръ Россіи, ибо самой сей титулъ отъ даванія солдатами побѣдителямъ произошелъ.

---

* Петръ Великій.

съ Росеи (ей) побѣждалъ: убо пребудетъ навсегда онъ у Россіянъ побѣдитель. Благодѣтель... Градъ, гдѣ ты болтаешь, Сенатъ, гдѣ ты имѣешь чинъ, стулъ, на которомъ ты сидишь, кавтанъ, которой ты носишь, выбритая борода, которая тебя не безпокоитъ, великолѣпіе, которое ты зришь, войско, о которомъ ты говоришь, флотъ, котораго ты побѣды хвалишь, Императрица, отъ древняго роду Ангальтовъ, владѣющая Россіею, суть все его дѣянія; то какъ онъ не будетъ вѣкъ благодѣтель Россіи?

Реченія твои и дерзки и несправедливы. Осмѣливаешься ты дѣлать сравненіе между великихъ Государей; не стыдишься, предстоя предъ трономъ единыя, унижать другаго. Говоришь ты о Петрѣ Великомъ: «ты велъ рукою власти; Екатерина II нравственнымъ убѣжденіемъ насъ поставила въ политическое бытіе.» Дабы такое рѣшеніе сказать, надлежало бы разсмотрѣть время и обстоятельства: когда была суровость, когда были предъубѣжденія и упрямство, власть, конечно, была нужна. Однако Петра Великаго обвинять не можно, чтобы онъ повсюду власть свою употреблялъ, и не старался бы и нравственнымъ просвѣщеніемъ народъ свой въ политическое состояніе приводить. Не имъ ли были устроены многія училища свѣтскія; не имъ ли учреждены многія семинаріи; не по повелѣнію ли его изданы катихизмы; не по повелѣнію ли его изданъ букварь для ученія юношеству, съ нравственными правилами для впечатлѣнія учащимся; не по повелѣнію ли его переведено множество книгъ? Не имъ ли добродѣтель, правосудіе и искренность всегда были награждаемы? Убо нравственные ли сіи способы? Не могу я умолчать при семъ въ похвалу царствованія Екатерины II, что милосердіе ея и старанія исправлять нравы наши заслуживае(ю)тъ какъ наше благодареніе, такъ и признанія потомства; но рѣчью твоей показанной образчикъ по крайней мѣрѣ показуетъ, что ты благотворительными дѣяніями ея мало воспользовался.

Неприличныя твои изъясненія на всякой строкѣ умножаются. Говоришь ты: «Желалъ ли ты, чтобы созданіе твое, флотъ Балтійскій, раченіемъ твоихъ пріемниковъ усиленный, былъ твердою обороною твоему граду и побѣдоносенъ явился державѣ твоего соперника»? Чудной вопросъ—спрашивать: желалъ ли кто, чтобъ то воспослѣдовало, для чего что дѣлается! Сіе подобно какъ спросить того, кто перо чинитъ, желаетъ ли онъ, чтобъ оно могло писать; или шпажника, для того ли онъ дѣлаетъ шпагу, чтобы она могла

колоть? А первый предметъ Петра Великаго въ созданіи флота и состоялъ не токмо сопротивлятися, но и превозмочь силу и наглость Шведскаго Короля. Не толь есть явно его намѣреніе, дабы проникнуть въ Средиземное море? а однако и о семъ заключать по поступкамъ его можно; ибо еще у любопытныхъ находятся грамоты, писанныя къ Черногорцамъ, дабы они взбунтовались противу враговъ Христіанскія вѣры; еще многіе изъ Черногорцевъ носятъ золотыя медали, данныя отцамъ ихъ отъ Петра Великаго. Побуждая ихъ къ бунту, конечно, мыслилъ имъ и помочь учинить. Сіе не могъ онъ учинить сухимъ путемъ, ради многихъ другихъ областей, чрезъ которыя должно проходить; но море, соединяющее всѣ націи свѣта, ему открытой путь подавало; и начало послѣдней экспедиціи во многомъ въ подражаніи сему было учинено. Доказываются такія намѣренія Петра Великаго и тѣмъ, что подъ видомъ торговли, посылалъ на военныхъ своихъ карабляхъ товары для торгу въ Кадиксъ, дабы учинить знакомѣе своимъ морскимъ офицерамъ путь Средиземнаго моря. Но что я говорю? Далѣе еще онъ виды свои распространялъ. Отъ него были посыланы тайные посланники, дабы учинить договоры съ морскими Американскими разбойниками, называемыми флибюстьеры, обѣщаль имъ свое покровительство, и чтобъ пріобрѣсти нѣкоторыя селенія въ Америкѣ. Но какъ вся рѣчь наша показуетъ незнаніе ваше въ вещахъ, и тщаніе токмо ваше состояло, высокія слова какъ ни есть сплетать, чтобы хотя не армоніей, но громкостію оглушить людей: по крайней мѣрѣ, естли бы вошли въ чувство человѣческое, уврили бы вы, что несть человѣка, который бы при начинаніи чего не далѣе бы виды свои простиралъ, нежели они въ самой вещи и могутъ быть; ибо надежда есть питательница человѣкъ. Земледѣлецъ, обсѣвая свое поле, мнитъ сторичную жатву получить, и дѣвка басни, несущая на продажу молоко свое, размышляла, какъ уже по степенямъ достигаетъ купить корову, и какъ теленокъ ея будетъ въ стадѣ прыгать. А ты лишилъ такія надежды мужа предпріимчиваго, дальномышленнаго, а потому и болѣе склоннаго простирать до безконечности свои надежды и желанія.

Но къ чему и въ семъ случаѣ было сіе упоминовеніе, къ чему сравненіе прежней Турецкой войны съ нынѣшнею? Флотъ нашъ, воспрепятствованъ Шведами, въ Архипелагу итти не могъ. Россія тогда единая противу Порты Оттоманской содержала войну, и, не имѣя

флота на Черномъ морѣ, съ малымъ войскомъ вездѣ поражала Турокъ, войски ея дошли вскорѣ до Дуная; небольшіе отряды проникли внутрь Болгаріи и до Варны. Бендеры, имѣющіе 30 тысячъ защитниковъ, четырнадцатью тысячами осаждающими были силою меча взяты. Но нынѣ Очаковъ, безъ правилъ укрѣпленная крѣпость и обнесенная ретраншементомъ, до полугоду въ осадѣ пребывала, и принуждены были дѣлать апроши къ слабому ретраншементу, а наконецъ не расположеніемъ, не искуствомъ, но помощію Божіею, по потери болѣе 20 тысячъ, была взята. Бендеры, хотя сіе дѣяніе и похвально есть, были не пройствомъ взяты, но куплены у измѣнника, который головою своею сіе заплатилъ. Въ четыре кампаніи еще многочисленные войски наши не достигли до Дуная, * Болгарія спокойно пребываетъ. Военный флотъ нашъ либо разбойническія дѣлаетъ набѣги, или токмо при нападеніяхъ защищается. Вѣдомости наши пусты о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ противу Турокъ; а тогда зрили поденный журналъ, полный славныхъ дѣяній, могущій составить порядочную поучительную для военныхъ людей исторію; а нынѣ развѣ токмо можно узнать, во сколько времени мы сколько Молдавской земли неподвижнымъ нашимъ стояніемъ унавозили. А все сіе съ великими силами, а тогда они были малы.

Однако не подумай, чтобы я нынѣшнія дѣйствіи нашей арміи противу Турокъ охулялъ. Можетъ быть, недѣйствія ея причины суть глубокія, и сокрытыя мнѣ и тебѣ политическія причины. Но здѣсь не объясненіи ихъ ты говорилъ, а дѣлалъ похвалу, слѣдственно, приводилъ къ сравненію знаемыя вещи; то коль оно есть невыгодно для настоящаго времяни; а тѣмъ противу желанія твоего охулялъ сѣдящую на престолѣ, а не похвалилъ ее.

Наконецъ, воспоминаешь ты нещастный случай Петра Великаго, тщася его унизить не токмо предъ Монархомъ на престолѣ, но и предъ подданнымъ его, что Графъ Румянцовъ заключилъ Кайнарджинской миръ въ самой тотъ день, когда былъ Прутской заключенъ; ибо въ такомъ отдаленіи, какъ есть Молдавія отъ Петербурга, думаю, не можешь ты уже Монархинѣ приписать, чтобы она всѣ дѣйствіи и станы учреждала. Миръ сей былъ нечаянной, слѣдствіе подступленія нашихъ войскъ подъ Шумлу и пораженія враговъ за Шум-

* Въ подлинникѣ: «до нуя».

лою; а доказываетъ сіе и то, что ниже посланной съ характеромъ министра, Обрѣзковъ, могъ при ономъ находиться. Но къ чему нынѣ воспоминаніе о несчастномъ Прутскомъ дѣлѣ? Не для того ли, чтобы сей ошибкою озлословить твоего и нашего благодѣтеля? Исторія, вѣрная вѣщательница бывшихъ приключеній, не можетъ оправдать, чтобъ Петръ Великій не учинилъ въ семъ случаѣ ошибку. Но воззримъ, каковъ онъ былъ въ ошибкѣ сей. Онъ хотѣлъ съ храбрыми и усердными своими войсками пробиваться сквозь враговъ, и лишь убѣжденъ прозьбами его подданныхъ, ради опасности, которой подвергается, согласился вступить въ договоры. Не утверждаю я напечатаннаго его письма въ анекдотахъ, которое, по крайней мѣрѣ, видъ истины имѣетъ; геройскій его духъ, являющій, что не для себя, но для отечества воюетъ, учинилъ ему предписать своему Сенату, дабы, въ случаѣ нещастія, плѣнъ его никакого вреда Россіи не учинилъ, избрать въ Россійскіе Монархи кого изсреди себя. Се есть геройство, се есть великодушіе, превосходящее все, что исторія намъ знаменитаго ни представляетъ. И я думаю, вышняя десница, которая имъ руководствовала, изволила ему сію ошибку учинить, дабы болѣе явилось величество его духа и доброта его сердца. Но воззримъ на самый заключенный его миръ и въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Главнѣе состоитъ отдача Азова и пропущеніе короля Шведскаго. Первое ничего для Россіи не значило; ибо самое Азовское море было признано симъ Монархомъ за неудобное къ мореплаванію большими кораблями, какое онъ хотѣлъ учредить, и зналъ онъ, что всегда можетъ градъ сей возвратить. Отпущеніе Короля Шведскаго въ разоренное и опустошенное государство токмо отнимало притчины у завидующихъ державъ Россіи что важное предпріять. Но какъ вы любите сравненіе, должны бы вы взглянуть на послѣдне заключенный миръ со Шведскимъ Королемъ; нашли бы его и при умноженіи силы Россіи, и при одержанныхъ побѣдахъ, едва не меньше ли выгоднымъ, нежели Прутской. Мы не уступили ничего, но и явили, что не могли укротить беззаконно начавшаго войну. Мы не уступили ничего своихъ земель, но лишилися права, означеннаго въ Нейштадскомъ трактатѣ, защищать права и вольности Швеціи. Заключили мы миръ съ Королемъ Шведскимъ, не упоминая ни о какихъ прежде бывшихъ трактатахъ; убо оставили въ неподлинности всѣ другія обязательства, связующія насъ со Швеціею. Мы тщетно по старобытности границы утвердили, издравъ

крѣпости, оставили ему пространное поле ко всѣмъ требованіямъ, каковыя захватцовой и вѣроломной человѣкъ имѣть можетъ. Мы признали его самодержавнымъ, или, лучше сказать, деспотомъ, а самымъ тѣмъ навели на себя опасность новыя войны, которой (при) установленіи Шведской вольности при Сенатѣ и народныхъ собраніяхъ мы не страшились. Мы заключили миръ, не принудя его разоружить свой флотъ, ни отозвать своихъ офицеровъ, служащихъ у Турокъ; убо мы не пріобрѣли надежнаго друга, побудили слабаго и предпріимчиваго врага какой новой вредный нечаянный ударъ произвести. Оставили его во всѣхъ его силахъ и союзникомъ враговъ нашихъ, а наложили на себя единственно тягость и убытокъ всегда вооруженнымъ быть противу друга, яко противу непріятеля.

Конечно, надобно думать, что политическія и сокрытыя причины понудили нашу Самодержицу такой миръ заключить; но они намъ неизвѣстны; убо и ошибка, учиненная Петромъ Великимъ, и сравненіе миру сюда не шло.

Но общимъ образомъ сказать: въ состояніи, въ какомъ нынѣ находится Европа, безумно будетъ каждому учинять сравненія между живущимъ нынѣ Государемъ и Петромъ Великимъ, а меньше еще въ Россіи, гдѣ все гласитъ его благодѣяніи. Я ни у кого не отъемлю, а меньше всѣхъ у нашей царствующей Государыни, чтобы не могъ кто сравняться разумомъ, величествомъ души и протчее (ибо щедръ Господь въ дарованіяхъ!) съ Петромъ Великимъ, но не имѣютъ они такого случая, чтобы сіе показать. Всѣ нынѣ царствующіе Государи нашли народы свои просвѣщенные, основанія положенныя, и токмо попеченіе ихъ состоитъ улутчать оныя, и тотъ превзойдетъ другихъ славою, который приведетъ оныя въ лутчее совершенство. Но Петръ Великій нашелъ грубость, суевѣріе, предъубѣжденіе, непросвѣщеніе, старые обычаи, законами и вѣками посвященные; а долженъ былъ устроять, исправить нравы и привести ихъ въ тихость, отгнать суевѣріе, побѣдить предубѣжденія отъ чужестранныхъ народовъ, и яко бы все въ Россіи порядочно было — ввести просвѣщеніе, котораго боялись, яко больные очи страшатся лучей солнечныхъ, превозмочь старые обычаи, законами утвержденные, помѣстной службы, и учредить регулярную армію, научить инженеровъ, завести флотъ, учредить торговлю, отрѣшить противуборника Монаршей власти — Патріарха, установить Синодъ; содѣлать разныя

правительства и назначить имъ предѣлы, умножить доходы, и для сего всегда создать людей, которыхъ оставилъ пріемникамъ своимъ, и пр., и пр., и все сіе среди бунтовъ и войны. То малое сіе начертанное, слабымъ перомъ изображенное, не умилитъ ли всякаго Государя, нынѣ живущаго? Убо хвала твоя не была хвала сѣдящей на престолѣ.

Не могу я окончить, чтобы еще не припомнить единаго неприличнаго вашего изъясненія. Въ самомъ началѣ вашея бесѣды сказали: «Сердца жертвенныя сыновъ ея (Россіанъ) приклонить къ лону матери своея». Мнѣ кажется, что и «жертвенныя сердца» слишкомъ свысока сказано; ибо хотя въ амблематахъ и пишутся алтари съ горящими сердцами, но естли вправду ихъ всѣ сожечь во всесожженіе, то тѣла мертвыя останутся. Но «приклонить къ лону» мнѣ кажется того хуже, да и неблагопристойно; ибо лоно есть пазуха. А что сочиняетъ хорошій разумъ въ единомъ реченіи или языкѣ, то должно и въ другомъ не смѣшно казаться. Лоно есть слово Славенское, по Русски же—пазуха, то хорошо ли будетъ реченіе: «приклонить къ пазухѣ матери своей»? Думаю, всякой засмѣется, да и неблагопристойно; а вы передъ трономъ сіе сказали.

И тако заключаю, что, конечно, Россіане хвалятъ и благодарятъ царствующую надъ ними Императрицу, но не въ такихъ изъясненіяхъ, какъ вы на нихъ затѣяли, и безъ униженія Петра Великаго, котораго жившіе отъ его времени, нынѣ живущіе и которые впредь будутъ жить, пока имя Россіанъ пребудетъ, всегда будутъ благодѣтелемъ своимъ и учредителемъ славы Россіи почитать.

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

ПРОШЕНІЕ

АЛЕКСѢЯ БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА

ОБЪ ОКАЗАНІИ МИЛОСЕРДІЯ ОБЕРЪ-КРИГСЪ-КОМИССАРУ СВѢЧИНУ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Къ Монаршимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ повергаю себя въ рабскомъ благоговѣніи, всенижайше прося, всещедрѣйшаго отпущенія пріемлемой мною смѣлости, молить о показаніи матерняго великодушія и милосердія Оберъ-Кригсъ-Комиссару Свѣчину. Сверхъ натуральнаго сожалѣнія, многія причины, да и собственная моя нужда, меня на то приводятъ; всѣ мои домашнія деревенскія письма и щеты Московскаго строенія съ нимъ захвачены; второе, честнаго человѣка имя, чрезъ толь многіе труды, службу, лѣта и непоколебимую вѣрность, мною пріобрѣтенное, я стражду́ющимъ вижу; ибо нещастіе его почти генерально приписуютъ всѣ злобѣ на него моихъ непріятелей за дружбу, съ каковою онъ въ мои домашнія дѣла въ Москвѣ вступился.

Но, Всемилостивѣйшая Государыня, я весьма удаленъ малѣйшее что либо о немъ сказать, ежели онъ по какимъ криминальнымъ дѣламъ въ крѣпость взятъ, и я сію смѣлость пріемлю только въ такомъ надѣяніи, что нещастіе его, буде не криминальное, то конечно токмо слѣдствіемъ нападковъ на него Камеръ-Коллегіи и лож-

ныхъ оклеветаній есть; и то отъ просвѣщеннаго Вашего Императорскаго Величества проницанія утаиться не можетъ, коль скоро токмо Ваше Императорское Величество повелите дѣло его себѣ всенижайше представить.

Природное Вашего Императорскаго Величества человѣколюбіе обѣщаетъ мнѣ услышаніе рабскаго моего прошенія, и въ твердомъ упованіи онаго имѣю честь быть съ глубочайшею венераціею и благоговѣніемъ

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій

рабъ,

Г. Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Ноября дня, 1750 г.

ЗАПИСКА

О

ЖАЛОВАНЬѢ СЛУЖИТЕЛЯМЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ КОМПАНІИ.

По имянному Ея Императорскаго Величества, за подписаніемъ собственныя руки, данному Соляной Конторѣ 1744 года, Іюня 24-го, указу, повелѣно на дачу Итальянской компаніи музыкантамъ и другимъ служителямъ жалованья, денежную казну отпускать по третямъ года, по требованіямъ Придворной Конторы, на наличное число людей, сколько когда тою Конторою требовано будетъ.

И въ силу онаго, тако жъ и по другимъ имяннымъ же Ея Императорскаго Величества указамъ, нынѣ на наличныхъ той компаніи служителей производится изъ соляной суммы на дачю того жалованья въ годъ по 31,409 р. 99½ к. (Въ томъ числѣ на Русскихъ танцовальщиковъ и танцовальщицъ 2450 р.)

А на кого именно и по скольку каждому въ годъ, онымъ приложенъ ниже сего особой реестръ.

Да окромѣ вышеписанной суммы надлежитъ быть въ дачѣ вновь принятымъ въ службу, по силѣ именныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ годоваго жалованья, тако жъ нынѣ наличнымъ въ прибавку Всемилостивѣйше обѣщаннаго, котораго, за неполученіемъ указовъ, нынѣ еще не производится.

А имянно:

Вновь принятымъ:

Кловыцынбалисту Роупаху по. . .	400 р.	Февраля съ 13 числа, 1755 года.
Пѣвчицѣ Шарлотѣ Шлаковской по	600 »	Апрѣля съ 7-го числа, 1756 года.

Выписаннымъ изъ Вѣны Каммергеромъ, Барономъ Сиверсомъ, валторнистамъ:

Фердинанду Келбелу по.	500 р.	Съ заключенія съ ними въ Вѣнѣ контракта Іюня съ 1 числа, 1756 года.
Леопольду Смиделю по	500 »	

Да когда они изъ службы уволены будутъ, то на обратной ихъ проѣздъ каждому по 150 рублей.

Да въ прибавку къ нынѣ получаемымъ окладамъ:

Доломліо скрипачу и Доломліо віолончелисту къ 900 р. кажд. по 200 р.	400 р.	Съ начала 1756 года.
Концертъ-Мейстеру Мадоніусу къ 1550 р. оставшей окладъ жены его по	600 »	Іюля съ 22 числа, 1755.
И того вновь принятымъ и прибавочнаго имѣетъ быть въ каждой годъ. .	3000 р.	

Да бывшаго при Оперномъ домѣ машиниста Карла Жибели женѣ, Катеринѣ Ивановой, за долговременную онаго мужа ея при Дворѣ службу, изъ окладу его въ каждой годъ, что Всемилостивѣйше соизволено будетъ.

А за оное она должна будетъ, въ случаѣ оперъ, на оперское платье травы рисовать и вышивать, не требуя за оное особливой платы, какъ ей до нынѣ чинено было, по 100 рублевъ отъ каждой оперы.

Да надлежитъ выдать Каммергеру и Кавалеру Барону Господину Сиверсу, чрезъ котораго вышеписанные валторнисты Келбель и Смидель выписаны, вмѣсто выданныхъ имъ собственныхъ его денегъ, на дорожной до Россіи проѣздъ, по 150 рублей каждому, 300 рублевъ, да въ число ихъ жалованья по 100 рублевъ каждому, 200 рублевъ, да за выписныя для оныхъ же валторнистовъ за 5 паръ валдогорновъ 315 рублевъ, всего 815 рублевъ.

РЕЭСТРЪ

кто имянно нынѣ на лицо при Итальянской компаніи служители находятся, и по скольку въ годъ жалованье получаютъ.

А имянно:	Имъ жалованы годовые оклады. Руб.	Коп.
Театральной Архитектъ и живописецъ Валеріаній.	2,500	—
Капельмейстеръ Арай.	2,000	—
Пѣвчій Саллетій.	3,500	—
Буфъ Компасій	1,500	—
Буфонка Гараній.	1,500	—
Мадониусъ скрыпачъ	1,550	—
Дологлио скрыпачъ	900	—
Дологлио віолончелистъ	900	—
Порта скрыпачъ	500	—
Статжи гобоистъ.	1,000	—
Віолончелистъ Гаспари Тонеки.	900	—
Анжело Вакарій скрыпачъ	600	—
Шнурпфель скрыпачъ.	500	—
Лютнистъ Тимофей Бѣлоградской, театральной стихотворецъ Антоній Денци	500	—
Валдгорнисты:	въ томъ числѣ за квартиру 100	—
Яганъ Марешъ.	400	—
Христофоръ Ѳричъ.	400	—
Трубачи:		
Антоніусъ Тицъ, Себастіанъ Гейнъ, Іозефъ Ганауеръ — каждому по.	266	66½
Балетмейстеръ Фозанъ.	1,400	—
Танцмейстеръ Жосетъ	1,000	—
Танцовальщики:		
Гостанно Андреоціи Торди.	1,350	—
Іозиѳъ Фабіано.	1,000	—
Жена его Фабіано жъ.	1,000	—

	Руб.	Коп
Мадамъ Коломба	1,350	—
Петръ Лафонъ, которой у компированія нотъ и сверхъ того играетъ на скрипицѣ	300	—
Франциско Вакари, которой во время оперъ и интермедіи сказываетъ рѣчи	100	—
Портной Рафаилъ	300	—
Канцеляристъ Федоръ Разумовъ	150	—
Театральной служитель Ландо	60	—
И того на вышеписанныхъ Италіанцевъ и прочихъ	28,959	99½

Рускіе танцовальщики и танцовальщицы:

Томасъ Леблонъ	400	—
Афонасій Топорковъ	350	—
Семенъ Брюховъ	250	—
Козма Орденовъ	250	—
Сергѣй Нестеровъ	180	—
Алексѣй Михайловъ	130	—
Авдотья Тимоѳѣева	260	—
Аграфена Иванова	250	—
Авдотья Лаврентьева	110	—
Марфа Максимова	110	—
Наталья Сергѣева	160	—
И того на оныхъ танцовальщиковъ и танцовальщицъ	2,450	—

Да изъ состоящихъ прежде при вышеписанной Италіянской Компаніи, которые въ нижеписанныхъ годахъ выбыли и нынѣ на оныхъ въ Придворную Контору денегъ не отпускается.

А имянно:

Балетмейстеру Жанъ Бабтистъ Ланде [1]	1,000	—
Буфонка Розина [2]	900	—
Буфонъ Крикъ [3]	1,300	—

---

[1] Въ 1746-мъ году, Февраля 26 умре.

[2] Въ 1746-мъ году, Февраля 13 дня, отъ Двора уволена.

[3] Уволенъ въ 1747-мъ году, Маія 23 дня.

	Руб.	Коп.
Старой Мадоніусъ [4]	500	—
Пасерини скрыпачъ [5]	500	—
Піери скрыпачъ [6]	400	—
Танцмейстера Фузана жена [7]	1,200	—
Тенористъ Жоржи [8]	937	50
Жена его, которая альта пѣла [9]	937	50
Пѣвчица Катерла [10]	600	—
Машинистъ Жибелли [11]	600	—
Музыкантъ Фридрихъ [12]	600	—
Музыкантъ Пикель [13]	500	—
Французъ Малье съ женою, которой обучалъ Французскаго языка обрѣтающихся во обученіи балетовъ [14]	300	—
Руская танцовальщица Аксинья Сергѣева [15]	350	—

Въ прошломъ 1736 году, по имянному блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, за подписаніемъ собственныя руки, данному того ради, Марта дня, Соляному Комиссарству указу, состояли при Италіянской компаніи музыканты, танцмейстеры, комедіанты и митермедіанты, съ нижеписанными годовыми оклады.

А имянно:	Годовые оклады. Рубли.
Антоній Ринальдъ	1,400
Елій Портезій	1,260
Козимо Тези съ женою	1,000

---

[4] Въ 1746 году, Марта 31 дня умре.
[5] Уволенъ въ 750 году, Генваря 30 дня.
[6] Уволенъ въ 748 году, Декабря 14 дня.
[7] Уволена въ 748 году, Декабря 6 дня.
[8] Уволенъ въ 1756 году, Іюля 12 дня.
[9] Въ 1756 году, Генваря 5 дня, умре.
[10] Въ 751 году, Маія 25 дня уволена.
[11] Въ нынѣшнемъ 1757 году, Февраля 26 дня, умре.
[12] Въ 752 году, Іюня 17 умре.
[13] Въ 1746 году, Апрѣля 24 умре.
[14] Въ 1744 году, Ноября 15 дня, отрѣшенъ.
[15] Въ 1756 году, Генваря 27 дня, умре.

Розе Мантремоли	900
Людовикъ Мадониесъ	1,050
Розе Рувинета	900
Францыскъ Арай	1,220
Филипъ Жоржей з женою	1,876
Петръ Маритжи	1,600
Доменико Крикъ	1,000
Антони Константини	600
Антони Константини жъ	400
Петръ Піери	400
Антони Пива	600
Доменико Дололио	600
Жаваній Казанове	800
Бернардъ Вулкани	600
Жена ево Лизабетъ	300
Юзепъ Дололи	600
Юзепъ Бруноро	900
Геронимъ Феррари	600
Доменикъ Занарди	650
Антони Малониесъ	500
Геронимъ Бонъ	500
Карлъ Жонбелли	350
Франческъ Эрманъ	400
Юзепъ Муци	400
Антони Армани з женою	200
Степанъ Бефелли	200
Яганъ Брунцъ	156
Юзепъ Барсатини	150
Перевотчикъ Петръ Медвѣдевъ	100
Перевотчикъ, при живописцѣ Боне, Федоръ Черкасовъ	48

При театре служители:

Павелъ Ниоли	36
Людовикъ Пасквили	36
Всего вышеписаннымъ служителямъ годовая сумма	22.332

При жизни блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, при Италіанской компаніи, валторнистовъ не имѣлось, а

имѣлись, по придворному, 1740 году, штату, валторнисты съ годовыми жалованья оклады:

Іозефъ Кипель	300
Антонъ Шмидъ	275
Матисъ Валковской	275
Яганъ Покорной	250
И того 4 человѣка	1,100

Нынѣ, по придворному списку, при Дворѣ Ея Императорскаго Величества, при гофъ-музыкѣ имѣются валторнисты:

Фрисъ	400	—
Мартынъ Скочинской	124	—
Антонъ Шмитъ		
Тарастіо, половинное жалованье получаютъ	137	50
И того всѣмъ	667	50

А по поданной изъ Придворной Конторы вѣдомости показанные при Италіанской Компаніи валдгорнисты:

Іоганъ Маремъ. . }
Христофоръ Фричь } по. . . . . 400 каждому.

Въ службѣ, при Дворѣ Ея Императорскаго Величества, при Италіанской Компаніи, находятся, по силѣ имяннаго Ея Императорскаго Величества, за подписаніемъ собственныя руки, даннаго Соляной Конторѣ Комисарства, прошлаго 1747 года, Декабря 3 дня, указа.

ЗАПИСКА О ДЕНЬГАХЪ,

СЛѢДУЮЩИХЪ ПОРТНЫМЪ И САПОЖНИКАМЪ ЗА СДѢЛАННЫЯ ИМИ ВЕЩИ.

По поданнымъ щетамъ отъ нижеписанныхъ мастеровъ надлежитъ заплатить заработныхъ денегъ и за прикладъ, а имянно,

Портнымъ:

	Руб. Коп.
Шефлеру за шитье платьица и за прикладъ 1754 году, Маія съ 7-го Ноября по 14-е число	42—40
Косману за шитье платьица и за прикладъ 1754 года Генваря съ 17 сего 1755 году Февраля по 23-е число. . .	247—17
Шихту за дѣло фижбеновъ 1754 Февраля со 12 сего 1755 году по Апрѣль мѣсяцъ.	53— »
Грамкину за шитье платьица и булочекъ и за прикладъ 1753 и 1754 годовъ.	91— »
Севрину за приложенную къ дѣланнымъ имъ платьямъ 1754 году, Генваря съ 28 Ноября по 12-е число крешенину.	37—50
Находящемуся при гардеробе Сержанту Степану Пастуховскому издержанныхъ собственныхъ ево денегъ 1753 Декабря съ 25 сего 1755 годовъ Генваря по 1-е число, къ высеканію лентъ и протчихъ разныхъ матерей для платьица на покупку инструментовъ, свинцу и дубу.	40—
Камеръ-динеру Бастидону за зделанныя парички 1754 Іюня съ 8 Декабря по 9 число	53—
Сапожнику Аменде за дело имъ сапожковъ и протчаго 1754 году Апреля съ 10 Ноября по 7-е число.	95—50

	Руб. Коп.
Да удержанныхъ по прежнему щету, поданному въ Москвѣ въ число четырехъ сотъ девяноста шести рублевъ пятидесятъ копѣекъ половина	251—25
И того	346—75
Башмашнику Степану Кирьякову за дело имъ башмачковъ двухъ сотъ пятидесяти двухъ паръ 1754 Генваря съ 1 сего 1755 году Генваря по 1-е число, за работу и за прикладъ.	312—80
Башмашнику Ивану Иванову за дело имъ башмачковъ и протчаго 1754 Генваря съ 11 сего 1755 году по Генварь мѣсяцъ, за прикладъ	41—60
Всего	1265—22

ВѢДОМОСТЬ

О

ЧИСЛѢ СОЛДАТЪ,

ПОТРЕБНЫХЪ КЪ СТРОЕНІЯМЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ПЕТЕРГОФѢ И СТРѢЛЬНѢ.

1754.

Коликое число къ С.-Петербургскимъ, Петергофскимъ и Стрѣлинскимъ работамъ въ нынѣшнемъ 1754 году солдатъ потребно:

		Человѣкъ:
1.	Къ строенію Новаго Зимняго дому къ землянымъ работамъ: къ битью свай и транспорту водянымъ путемъ всякихъ материаловъ, аще то строение производиться будетъ.	3,000
2.	Въ Петергофъ и Стрѣльну мызу, въ прибавокъ къ находящимся тамъ двумъ полкамъ	1,000
3.	Къ строению Новодѣвичья монастыря, въ прибавокъ къ гарнизонной 500 команды.	1,000
	И того	5,000

Марта 9 дня,
1754 года.

ЗАПИСКА
О
СУММАХЪ НА ПОСТРОЙКИ ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ.

О деньгахъ и о времени на строеніе:

Вашему Императорскому Величеству донесено по докладу Господина Генерала-Порутчика Ѳермора: что по учиненной смѣтѣ на новое строеніе съ перестройкою Зимняго дворца потребно денегъ 567,000 руб.

Оная смѣта учинена на два новыя ѳаса, на одинъ что къ лугу, на другой что къ духовникову двору, и по мѣрѣ прежней вышины, какая есть у другихъ двухъ ѳасовъ, то есть, къ Адмиралтейству и къ Невѣ, а оная вышина мѣрою 6 саженъ и 2 аршина.

По пріѣздѣ сюды Генерала-Порутчика Ѳермора и Оберъ-Архитекта Растрелія, въ разсужденіи о томъ строеніи соизволеніе Вашего Императорскаго Величества воспослѣдовало здѣлать оное выше прежней мѣры въ вышинѣ, и по оному дѣлается проэктъ, по которому вышина всему строенію имѣетъ быть 10 саженъ съ половиною и выше прежняго 4 сажени.

На оную вышину строенія новаго и прибавку на старыхъ съ перестройкою, при которой потребно будетъ всѣ кровли снимать, всѣ своды, полы и потолки переносить, а къ Невѣ рѣкѣ всему фундаменту и стѣнамъ толстоты прибавить, по примѣру вышеписанной смѣты, потребно милліонъ двѣсти сорокъ семь тысячь, а по новой смѣтѣ, приложенной при семъ, требуется только 860 тысячь; но которая смѣта правѣе, то время покажетъ, или милліонъ триста тысячь рублевъ. Ежели тѣмъ исправитца возможно будетъ, оную сумму раздѣля на два года, придетъ по шестисотъ по пятидесяти тысячь рублевъ на годъ.

А понеже на такую вышину строенія потребно на каменную работу работныхъ, полагая на каждой по одному ряду кирпича, чрезъ все строеніе 315 или 320 дней, какое число въ двухъ годахъ въ нынѣшнемъ 1754-мъ и въ будущемъ 1755, начиная работу ранѣе половины Апрѣля до половины Октября, набратца можетъ, оставя всѣ праздники большія и малыя.

Сіе положеніе на каждый день по одному ряду, для того:

1. Что всякой кирпичь, въ дѣло положенный, будетъ на воздухѣ съ известью связыватца 24 часа, и тѣмъ строеніе въ то жъ время, когда идетъ, тогда жъ и крѣпость свою съ удобнымъ просыханіемъ получаетъ.

2. Всѣ неполности въ заливкѣ видны и удобно наполнены быть могутъ.

3. А когда въ одинъ день многіе ряды здѣланы будутъ, тогда невидно будетъ, хотя гдѣ и худо кладено, а просыханіе и крѣпость на много лѣтъ не поспѣетъ.

Здѣлавъ вышину каменнаго строенія въ два года, третій годъ 1756, зиму и лѣто онаго, надобно дать на просушку каменнаго строенія и на уборъ внутренней, и потому необходимо нужно три года строенію продолжатца, а войтить во оной домъ Вашему Величеству прежде осени 1756 невозможно, да и то, ежели можетъ высохнуть и къ житью быть удобно.

И по сему неотмѣнно строенію оному дать времяни надобно три года, и сумму выше писанную, милліонъ триста тысячь, раздѣля на трое (или 860 тысячь, раздѣля на трое), придетъ по 286 тысячь; а буде на двое, то 430 тысячь, придетъ по четыреста по тритцати по три тысячи съ сотнями на годъ.

По толикому числу, или еще, какъ выше писано, по шести сотъ по пятидесятъ тысячь (по 430 тысячь) изъ соляныхъ денегъ за росходами изъ оныхъ взять невозможно.

То изъ которой суммы и почему, на годъ считая строеніе въ три года, или въ два года, взять, и о томъ указъ написать приказать изволите?

1754 года.



СЛѢДСТВЕННОЕ ДѢЛО

О СОВѢТНИКѢ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

ШУМАХЕРѢ.

Со времени царствованія Петра Великаго начинается новая эра для народа Русскаго. До Петра Россія жила какой-то особой замкнутой жизнію. Онъ первый доставилъ ей почетное мѣсто въ системѣ Государствъ Европейскихъ; онъ первый познакомилъ ее съ плодами Западной цивилизаціи, и ему же первому принадлежитъ высокая честь распространенія наукъ и просвѣщенія въ Россіи. Мысль объ этомъ занимала и его предшественниковъ; такъ Грозный старался пріобрѣсти Прибалтійскіе берега Ливоніи, для безпрепятственнаго принятія отъ Западной Европы плодовъ гражданственности и науки; этой же мысли былъ вѣренъ и Годуновъ: онъ хотѣлъ вызвать въ Россію изъ-за границы ученыхъ людей и учредить школы, гдѣ бы иностранцы учили Русскихъ разнымъ языкамъ. Только, встрѣтивъ сильное противодѣйствіе со стороны духовенства, Годуновъ не могъ осуществить своего намѣренія. [1] Привести его къ исполненіе суждено было безсмертному преобразователю Россіи, Петру Великому. Желая заимствовать отъ иностранцевъ все, достойное подражанія, Петръ предпринялъ путешествіе въ чужіе краи, и тамъ знаменитый

---

[1] Исторія Россіи, Соловьева, т. VIII, стр. 56.

Лейбницъ подалъ ему мысль объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Академіи Наукъ. Переписка Петра съ Лейбницомъ, дошедшая до насъ, служитъ яснымъ доказательствомъ тому, на сколько озабочивала Петра эта мысль и по возвращеніи въ Россію. Но занятый то войнами со врагами внѣшними, то внутренними крамолами, Петръ долго не могъ осуществить своего намѣренія. Только 20-го Генваря, 1724 года, состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи Академіи; а 22 Генваря того же года утвержденъ былъ и составленный Лейбъ-Медикомъ, Лаврентіемъ Блументростомъ, уставъ Академіи, которой назначено было на содержаніе 24,912 р. изъ доходовъ городовъ Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга. Академія раздѣлялась по уставу на три класса: Математическій, Физическій и Историческій. Отъ Академиковъ, кромѣ обязанности «науки производить и совершать», требовалось еще, чтобы они читали публичныя лекціи и имѣли при себѣ воспитанниковъ изъ Русскихъ, для приготовленія въ учители въ Гимназіи. Академія долженствовала состоять изъ 10 членовъ; сверхъ того при ней предполагалось имѣть особаго Секретаря и Библіотекаря, а для управленія хозяйственною частію — Директора, двухъ товарищей и одного Коммиссара надъ деньгами. По обнародываніи этого устава тотчасъ же было приступлено къ вызову ученыхъ изъ чужихъ краевъ Петръ звалъ лично нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Россію, предлагалъ самыя выгодныя условія, но смерть (28 Генваря, 1725 года) помѣшала ему совершить великія его начинанія; они приведены были въ исполненіе державной его супругоіі.

Вскорѣ по возшествіи на престолъ Императрицы Екатерины, прибыли въ Россію вызванные ею изъ за границы Академики; 15 Августа, 1725 года, они представлялись Императрицѣ въ лѣтнемъ Дворцѣ; первое публичное собраніе, или конференція, происходило 27 Декабря, 1725 года. Кругъ дѣйствія членовъ Академіи продолжалъ опредѣляться въ послѣдующія за тѣмъ царствованія. Такъ въ регламентѣ, данномъ Императрицею Елисаветою въ 1747 году, подробно изложены права и обязанности каждаго изъ членовъ Академіи и удвоена сумма отпускаемая на содержаніе ея. Въ 1783 году,

30 Сентября, Императрица Екатерина II утвердила проектъ тогдашняго Директора Академіи, Княгини Дашковой, объ учрежденіи въ Россіи такого ученаго общества, которое пеклось бы объ отечественномъ языкѣ. Засѣданія этого общества, извѣстнаго подъ названіемъ Россійской Академіи, начались съ 21 Октября, того же года. Въ 1841 году Россійская Академія, по смерти Президента ея, Шишкова, присоединена была къ Академіи Наукъ, въ видѣ Втораго ея отдѣленія. Теперь наша Академія имѣетъ цѣль другую, чѣмъ прежде, болѣе возвышенную: слѣдить за успѣхами наукъ, трудиться надъ усовершенствованіемъ ихъ и приспособленіемъ къ общественнымъ пользамъ, и всемѣрно содѣйствовать успѣхамъ Русскаго слова.

Дѣятельность нашей Академіи, ученые труды ея членовъ извѣстны теперь всей образованной Европѣ; извѣстно также и благотворное ея вліяніе на распространеніе просвѣщенія въ Россіи. Но въ первые годы существованія Академія не могла принести прямой пользы Россіи, имѣвшей тогда потребность въ средствахъ для первоначальнаго образованія, а не въ Профессорскихъ лекціяхъ, читавшихся при томъ на языкахъ иностранныхъ, доступныхъ тогда не для многихъ. Къ тому же между членами Академіи происходили постоянныя распри, отвлекавшія ихъ отъ должности. Причиной ихъ было то, что управленіе хозяйственною частію Академіи было поручено лицамъ, не принадлежавшимъ къ ученому сословію. Одною изъ такихъ распрей были ознаменованы и первые годы царствованія Императрицы Елисаветы Петровны.

Въ 1742 году Совѣтникъ Академіи Нартовъ подалъ Императрицѣ доносъ на другаго Совѣтника Шумахера, обвиняя его «въ непорядочныхъ поступкахъ и въ похищеніи многой казны.» Доношеніе свое Нартовъ подкрѣпилъ доказательствами. Самымъ важнымъ изъ нихъ было письмо къ нему переводчика Горлицкаго, въ которомъ онъ, уличая Шумахера въ похищеніи разныхъ вещей, принадлежавшихъ Академіи, и въ передачѣ ихъ Маклеру Сутову, говоритъ, что наконецъ и самъ Шумахеръ переселился къ означенному Маклеру. Примѣру Нартова послѣдовали:

Коммиссаръ Михаилъ Камеръ, Канцеляристъ Дмитрій Грековъ, Копіистъ Носовъ, ученикъ «грыдорованнаго» художества Поляковъ и др., и 12 Марта, 1742 года, подали доносъ на Шумахера въ растратѣ имъ казенныхъ денегъ. Важность возводимыхъ на Шумахера обвиненій побудила Императрицу обратить особенное вниманіе на это дѣло. Для разсмотрѣнія его, Именнымъ Указомъ 30 Сентября, 1742 года, учреждена была особая Коммиссія. Указъ 30 Сентября придаетъ особенное значеніе переселенію Шумахера къ Сутову. Это обстоятельство истолковано въ Указѣ «какъ явный знакъ Шумахеровой боязни отъ худыхъ его дѣлъ,» и Шумахера, вмѣстѣ съ Контролеромъ Гофманомъ, Канцеляристомъ Пауліемъ и книгопродавцемъ Прейсеромъ, велѣно было, тѣмъ же указомъ 30 Сентября, немедленно заарестовать, отобрать всѣ ихъ бумаги и осмотрѣть, не явится ли что, «ко вреду и ущербу Императорскаго Величества интереса касающееся;» также велѣно запечатать Академическую Канцелярію со всѣми ея дѣлами, Кунсткамеру, Библіотеку и книжную лавку со всѣми, находящимися въ нихъ, вещами; осмотрѣть и освидѣтельствовать «приходныя и расходныя книги, все ли въ нихъ противу приходу на лицо.» Членами означенной Коммиссіи, какъ видно изъ подписей на относящихся къ этому дѣлу бумагахъ, были: Головинъ, Степанъ Игнатьевъ, Князь Борисъ Юсуповъ; со стороны же Академіи, «для изъясненія и доказательства всѣхъ тѣхъ непорядковъ и похищенія оной казны,» помянутымъ же указомъ вмѣнено въ обязанность быть безотлучно Совѣтнику Нартову, Профессору Делилю, также и Коммиссару Камеру съ прочими доносителями. Обо всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ при производствѣ слѣдствія и что по оному открыто будетъ, члены Коммиссіи немедленно должны были доносить Императрицѣ. Первое донесеніе Коммиссіи послѣдовало отъ 24 Декабря, 1742 года. Изъ него видно, что Шумахеръ и прочіе, обвиняемые доносителями въ соучастіи съ нимъ, были арестованы и бумаги ихъ отобраны; но Коммиссія, по произведеніи слѣдствія и по разсмотрѣніи бумагъ Шумахера, нашла доносы ложными, и въ этомъ же донесеніи всепод-

даннѣйше испрашивала у Ея Величества позволенія освободить Шумахера изъ подъ ареста и возвратить ему шпагу, «понеже Коммиссія по нынѣ никакого важнаго преступленія его не видитъ.» Какъ изъ этого донесенія Коммиссіи, такъ и изъ дальнѣйшаго производства этого дѣла, видно, что она на нѣкоторыя обстоятельства въ немъ не обратила должнаго вниманія, а отъ того въ дѣйствіяхъ ея замѣтно какъ бы нѣкоторое послабленіе и пристрастіе въ отношеніи къ Шумахеру; это отчасти подтверждается и тѣмъ, что всѣ лица, участвовавшія въ доносѣ на Шумахера, за исключеніемъ Нартова, вопреки указа 1742 года, Сентября 30, не только устранены отъ участія при производствѣ слѣдствія по дѣлу Шумахера, но даже и были заключены подъ арестъ. Находясь подъ стражей, Камеръ и прочіе подали Императрицѣ прошеніе, въ которомъ просили Ея Величество «принять ихъ въ собственное свое охраненіе и повелѣть изъ подъ карауловъ освободить, дабы они впредь далѣе ко изысканію Ея Императорскаго Величества интереса поощреніе имѣть могли.» Но просьба эта не была уважена, и Коммиссія новымъ донесеніемъ Ея Величеству испрашивала указа, какъ поступить съ доносителями за ложные доносы, прилагая и свое мнѣніе относительно наказанія ихъ. Самая большая степень наказанія назначалась сю Горлицкому, обвинявшему Шумахера въ томъ, что онъ «установленіе блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго испровергъ и тщался злоумышленно науки искоренить и яко бы супостатамъ Отечества Россійскаго, Нѣмцамъ, всѣ Академическія тайны собщалъ.» Горлицкій, по мнѣнію членовъ Коммиссіи, подлежалъ такому же наказанію, которому подвергнулся бы Шумахеръ, если бы онъ оказался виновнымъ, т. е., смертной казни; но, въ уваженіе его многолѣтней службы и того, что онъ имѣетъ жену и дѣтей, Коммиссія смертную казнь предполагала замѣнить наказаніемъ, плетьми и ссылкой виновнаго на вѣчное житье въ Оренбургъ; присужденіе же достойнаго наказанія за ложный доносъ Совѣтнику Нартову Коммиссія предоставляла на «Высочайшее

соизволеніе Ея Величества,» прибавивъ отъ себя только, что онъ не можетъ управлять Академіей, «понеже наукъ не знаетъ, а необходимо надобно, чтобы опредѣленъ былъ Президентъ, а къ нему въ помощь за достойнаго исправленію оной Академіи Коммиссія признаетъ Совѣтника Шумахера.» Присудивъ такое наказаніе виновнымъ, Коммиссія въ то же время испрашивала и достойную награду потерпѣвшимъ, по ея мнѣнію, невинно Шумахеру и Унтеръ-Библіотекарю Тауберту, Она просила Ея Величество наградить Шумахера за то, что онъ «отъ злостныхъ доносителей претерпѣлъ не малый арестъ и досады;» слѣдующимъ чиномъ, Статскаго Совѣтника, а Тауберта, отрѣшеннаго отъ мѣста, чиномъ Коллежскаго Ассессора; и такъ какъ Именнымъ указомъ Петра Великаго объ учрежденіи Академіи Наукъ повелѣно, для надзора за ней, избрать Директора и двухъ товарищей, то Коммиссія и полагала должность Директора поручить Шумахеру, товарищами же къ нему опредѣлить Ададурова и Тауберта. На донесеніе это Высочайшаго соизволенія не послѣдовало,—велѣно только Шумахеру, Именнымъ Указомъ 1743 года, Декабря 4, «быть у дѣлъ въ Академіи Наукъ по прежнему,» а касающіяся до него дѣла разсмотрѣть въ Сенатѣ. Въ Правительствующемъ Сенатѣ, по обсужденіи всѣхъ, относящихся къ дѣлу, обстоятельствъ, 10-го Мая, 1744 года, послѣдовало слѣдующее рѣшеніе: 1) Переводчика Горлицкаго отослать на вѣчное житье въ Оренбургъ и опредѣлить его тамъ къ обученію молодыхъ людей; 2) Коммиссара Камера, Канцеляриста Грекова, Копіиста Носова, обвинявшихъ Шумахера въ похищеніи денежной казны и въ прочихъ преступленіяхъ, по наказаніи плетьми, сослать на житье въ Сибирь и къ дѣламъ ихъ тамъ не опредѣлять. Вотъ какой участи подверглись главные обвинители Шумахера. Не пострадалъ только одинъ Нартовъ; онъ удержалъ за собою прежнее мѣсто Совѣтника; запрещено только ему «Академіи Наукъ членомъ писаться, а именоваться настоящимъ Совѣтничьимъ чиномъ.» Изъ рѣшенія Сената не видно, награжденъ ли чѣмъ нибудь Шумахеръ, признанный невиннымъ, за арестъ и прочія непріятно-

сти, которымъ онъ подвергался, и уважено ли представленіе о немъ Коммиссіи?

Подробности этого любопытнаго процесса, бѣглый очеркъ котораго мы изложили теперь, заключаются въ прилагаемыхъ при семъ копіяхъ съ подлиннаго дѣла, къ сожалѣнію, не вполнѣ сохранившагося. Полагая, что всякій матеріялъ, восполняющій собою пробѣлы въ исторіи высокаго учрежденія, сдѣлавшагося въ послѣдствіи истиннымъ разсадникомъ наукъ и просвѣщенія въ Россіи, не можетъ не быть интереснымъ, мы сочли не лишнимъ сдѣлать извѣстными открытые нами документы по дѣлу Шумахера.

П. Ивановъ.

Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ, Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской,

От Коммиссіи слѣдствія о Академіи Наукъ

Всеподданнѣйшій рапортъ.

Понеже Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества имяннымъ указомъ, за собственноручнымъ Вашего Императорскаго Величества подписаніемъ, изъ Москвы, отъ 30 минувшаго Сентября, здѣсь полученнымъ Октября 7 числъ, сего 742 года, по поданнымъ Вашему Императорскому Величеству Академіи Наукъ Совѣтникомъ Андреемъ Нартовымъ доношеніямъ на Совѣтника Шумахера и на другихъ въ непорядочныхъ поступкахъ и въ похищеніи многой казны, а паче въ испровержении установленія въ наукахъ той же Академіи, отъ подчиненныхъ, Коммисара Михайла Камера съ товарищами, которые ихъ доношенія при ономъ Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества указѣ присланы, и при томъ партикулярное письмо отъ переводчика Горлицкаго, въ которомъ онъ къ Совѣтнику Нартову пишетъ, что Шумахеръ совсѣмъ переселился къ маклеру Сутову и прочее, и о томъ письмѣ въ ономъ имянномъ Вашего Императорскаго Величества указѣ написано, что то явный знакъ Шумахеровой боязни отъ худыхъ его дѣлъ, повелѣно Коммисіи слѣдствія о Академіи Наукъ, по полученіи того указа, онаго Шумахера и Контролера Гофмана, Канцеляриста Паулія и книгопродавца Прейсера, со всѣми ихъ имѣніями тотчасъ заарестовать и всѣ ихъ письма въ домѣ ихъ отобрать, и о всемъ по тѣмъ доношеніямъ изслѣдовать, безъ всякаго продолженія и упущенія, а въ партикулярныхъ ихъ письмахъ осмотрѣть, не явится ли что, ко вреду и ущербу Вашего Императорскаго Величества интереса касающееся, и буде явится, по тому жъ изслѣдовать; при которомъ слѣдствіи для изъясненія и доказательства всѣхъ тѣхъ непорядковъ о похищеніи оной казны быть (Совѣтнику быть) Совѣтнику Нартову и Профессору Делилью, тако же Коммисару Камеру, съ прочими доносителями безотлучно, и

---

[1] Выписано изъ книги, присланной изъ С.-Петербургскаго Сенатскаго Архива за N. $^{4}/_{1804}$, лист. съ 646 по 653.



что по оному Вашего Императорскаго Величества Высочайшему имянному указу учинено и впредь въ произведеніи слѣдствія происходить будетъ, о томъ Вашему Императорскому Величеству о всемъ доносить обстоятельно.

1. И во исполненіе того имяннаго Вашего Императорскаго Величества Высочайшаго указа, Совѣтникъ Шумахеръ и прочіе вышеобъявленные чины, со всѣми ихъ имѣніями, заарестованы, и всѣ ихъ письма въ домѣ ихъ отобраны.

2. Оныя письма Кадетскаго Корпуса Поручикомъ Полевымъ и Прапорщикомъ Наумовымъ описаны и въ Коммиссіи разсматриваны, по которымъ ничего того, чтобъ ко вреду и ущербу Вашего Императорскаго Величества интереса касалось, не явилось.

3. По объявленному письму Горлицкаго въ Коммисін о Академіи Наукъ слѣдовано, при которомъ слѣдствіи были: Совѣтникъ Нартовъ, Профессоръ Делиль и Переводчикъ Горлицкій съ прочими доносителями.

4. Токмо того, чтобъ онъ, Шумахеръ, къ Маклеру Сутову переселился, не нашлось.

5. А переводчикъ Горлицкій о томъ переселеніи къ Совѣтнику Нартову писалъ (какъ то видно по слѣдствію), затѣявъ напрасно, а имянно: яко бы сказывалъ ему Коммисаръ Камеръ, что гребцы отъ онаго Шумахера къ Сутову ящики ночью носили, а какіе и съ чѣмъ, не сказывалъ, и онъ, Горлицкій, не знаетъ.

6. А Камеръ показывалъ, что сказывалъ ему о томъ Копіистъ Носовъ.

7. А Копіистъ Носовъ сказалъ, что сказывали ему Академическіе гребцы, яко бы они ночью отъ Шумахера къ Сутову ящики носили, а какіе и съ чѣмъ, не знаетъ; и какъ къ тому допросу сталъ прикладывать руку, то означенную рѣчь: «отъ Шумахера къ Сутову,» по многомъ спорѣ яко бы ему того гребцы, и онъ, Камеръ, не сказывали, вычернилъ и написалъ своею рукою, черно.

8. А на очной ставкѣ съ Коммисаромъ Камеромъ сказалъ, что оную рѣчь вычернилъ онъ въ безпамятствѣ, а гребцы, де, о томъ подлинно ему, и онъ, Камеру, сказывали.

9. А гребцы, на которыхъ оный Носовъ показалъ, сказали, что они отъ Шумахера никогда никакихъ ящиковъ къ Сутову не нашивали; токмо, де, прошедшаго сего года лѣта перевезли они изъ за Невы рѣки отъ иноземца, а какъ его зовутъ, не знаютъ, къ

означенному Сутову съ фарфоровою посудою два ящика, и потомъ, де, объявленные Коммисаръ Камеръ и Копіистъ Носовъ спрашивали у нихъ, что не отъ Шумахера ль оные ящики носили, на что, де, имъ они сказали, что они никогда отъ Шумахера никакихъ ящиковъ не нашивали.

10. А Камеръ сказалъ, что, по сказкѣ объявленнаго Носова, у означенныхъ гребцовъ о ношеніи отъ Шумахера къ Сутову ящиковъ спрашивалъ, на что, де, они ему сказали, что они никогда ни какихъ ящиковъ къ Сутову не нашивали.

11. А Носовъ сказалъ, что яко бы оные гребцы ему о томъ прежде говорили; а какъ, де, въ другой разъ сталъ спрашивать, то, де, сказали, что не нашивали, а о томъ же и аукціонистъ, который названъ Маклеромъ, Сутовъ сказкою показалъ, что Шумахеръ никогда ничего къ нему не перенашивалъ.

12. Означенный же Горлицкій въ помянутомъ своемъ письмѣ писалъ, что жена Шумахерова, что мяконкое по чужимъ карманамъ распорядила.

13. А вопросомъ оная Шумахерова жена показала, что никогда и никому ни какихъ имѣнія своего вещей не отдавала.

14. А Горлицкій въ доказательство объявилъ, что въ Сентябрѣ мѣсяцѣ сего года, шелъ онъ въ вечеру мимо двора, гдѣ Шумахеръ живетъ, и видѣлъ съ крыльца идущую иноземку, у которой, де, подъ пазухою отдулось, а кто, де, она такова, не знаетъ, и въ такомъ, де, случаѣ думалъ онъ, что Шумахерова жена какія ни на есть вещи ему отдала, а болѣе доказательства не имѣетъ.

15. Доноситель Переводчикъ Никита Поповъ доносилъ, что изъ поданнаго предложенія отъ книгопродавца Прейсера и Кассира Розенъ-Гана, какимъ образомъ надлежитъ считать книжную лавку, усмотрѣлъ онъ, Поповъ, превеликое похищеніе интереса Вашего Императорскаго Величества, что оно въ той книжной лавкѣ отъ зачатія ея по нынѣ производится, и ежели, де, соблаговолено будетъ изслѣдовать, и въ томъ сыщется его правда, что щетомъ бумаги въ Типографіи и книжной лавкѣ, то онъ похищеннаго интереса о бумагѣ Академическими книгопродавцами и закрывателями ихъ воровства можетъ показать больше тридцати тысячь рублей.

16. А оные, книгопродавецъ Прейсеръ и Кассиръ Розенъ-Ганъ, допросами показали, что въ поданномъ отъ нихъ предложеніи расходъ бумаги при напечатаніи книгъ, написанъ былъ болѣе, нежели

оной исходитъ, ошибкою ихъ; и ту погрѣшность Контролеръ Гофманъ усмотря, объявилъ имъ; которую погрѣшность они увидя, признали за дѣйствительную, и оный Гофманъ тогда жъ переправилъ при нихъ, Прейсерѣ и Розенъ-Ганѣ, а воровства никакого какъ за собою, такъ и за другими, ни за кѣмъ не знаютъ.

17. А переводчикъ Поповъ въ доказательство объявилъ, что кромѣ, де, счету въ книжной лавкѣ бумаги (то есть, что по счету явится), доказательства, онъ, Поповъ, болѣе не имѣетъ, и воровство точное въ той лавкѣ, какое было ль, не знаетъ.

18. На Унтеръ-Библіотекаря Тауберта Коммисаръ Камеръ съ товарищами въ Коммисіи доносили: Октября 11 числа, по полудни, въ 10-мъ часу, объявилъ имъ Академіи сторожъ Глуховъ, что, де, онъ Таубертъ, приходя въ Канцелярію и въ старую судейскую, беретъ разныя письма большими связками и носитъ къ себѣ вверхъ, въ третій Департаментъ, въ данную ему каморку, а изъ той, де, каморки, дѣла и письма выносилъ чрезъ сторожа Данилова, и онъ, де, Таубертъ, при Академіи произведенъ по свойству происком Совѣтникомъ Шумахеромъ, и оную Палату, въ которой отправлялъ дѣла, по запечатаніи Совѣтникомъ Нартовымъ, онъ, Таубертъ, собою распечаталъ, явно къ оправданію Шумахера къ непорядочнымъ его поступкамъ.

19. А сторожъ Глуховъ допросомъ показалъ: объявленнымъ, де, Камеру съ товарищами, вышеписаннаго ничего не говаривалъ, понеже, де, онъ того, чтобъ Таубертъ какія письма связками, или и не въ связкахъ носилъ, не видалъ и не знаетъ.

20. А на оный допросъ доносители въ доказательство объявили, что оный сторожъ тѣ рѣчи говорилъ, пришедъ въ Экспедицію Лабораторіи механическихъ инструментальныхъ наукъ, при Переводчикахъ, Горлицкомъ и Поповѣ, Адъюнктѣ Ломоносовѣ, Канцеляристѣ Семеновѣ и Копіистѣ Ермолаевѣ, и въ томъ, де, они, Камеръ съ товарищами, на оныхъ свидѣтелей шлются.

А свидѣтели сказали:

21. Переводчикъ Горлицкій: Означенный, де, сторожъ говорилъ, что Таубертъ изъ старой Судейской беретъ разныя письма связками и носитъ наверхъ, а куда именно, того, де, онъ, Горлицкій, не слыхалъ.

22. Адъюнктъ Ломоносовъ: Означенный сторожъ говорилъ, что Таубертъ, распечатавъ свою каморку, гдѣ онъ отправленіе порученнаго ему дѣла имѣлъ, и носитъ письма, а куда и какія, и связками ль, того, де, онъ, Ломоносовъ, не слыхалъ.

23. Переводчикъ Поповъ, да Канцеляристъ Семеновъ сказали: Оный, де, сторожъ въ ту Экспедицію приходилъ ли, и какія слова говорилъ ли, того, де, они не знаютъ, понеже, де, они въ то время, Поповъ, въ оной Экспедиціи не былъ, а Семеновъ отлучался въ другіе покои.

24. Копіистъ Ермолаевъ сказалъ: Означенный, де, сторожъ въ объявленную Экспедицію приходилъ, а какія слова кому говорилъ ли, онъ не слыхалъ.

25. Въ отвѣтъ сторожъ Даниловъ показалъ: Оной, де, Таубертъ въ реченныя Канцелярію и въ старую Судейскую приходилъ ли, и письма какія въ верхній апартаментъ къ себѣ бралъ ли, того, де, онъ не знаетъ и не видалъ; а означеннаго, де, 11-го числа Октября, по полудни, въ 5 часу, онъ, Таубертъ, вышеобъявленную Палату распечаталъ и письма принесенныя чрезъ Типографскаго ученика къ напечатанію газетовъ, которыя онъ, Таубертъ, исправлялъ, взявъ, отдалъ ему, Данилову, для отнесенія въ Типографію, а болѣе того ни какихъ дѣлъ и писемъ, какъ чрезъ его, Данилова, такъ и самъ, оный Таубертъ, изъ той распечатанной Палаты не вынашивалъ.

26. Типографскій ученикъ Акимовъ о газетахъ показалъ то же, что и объявленный сторожъ Даниловъ, а болѣе, де, онъ, Даниловъ, въ ту Типографію ни какихъ писемъ отъ него, Тауберта, не принашивалъ.

На оные допросы доносители, Камеръ съ товарищами, объявили, что они на то доказательства болѣе не имѣютъ.

27. Унтеръ-Библіотекарь Таубертъ, въ допросѣ сказалъ, и по слѣдствію явилось, что оный Таубертъ произведенъ опредѣленіями бывшихъ въ Академіи Президентовъ, а дѣлъ и писемъ ни какихъ не вынашивалъ, и объявленную Палату распечаталъ по приказу Адмирала Графа Головина, для исправленія и отправленія въ тотъ день въ Москву газетъ и вѣдомостей, понеже тогда былъ день почтовый.

28. Того ради Вашему Императорскому Величеству Коммисія слѣдствія о Академіи Наукъ симъ всеподданнѣйше доноситъ, не соизволитъ ли Ваше Императорское Величество, по природному своему Монаршему милосердію, объявленнаго Шумахера изъ подъ ареста осво-

бодить, и отдать ему шпагу, понеже Коммисія по нынѣ ни какого важнаго преступленія его не видитъ; а ежели по прочимъ слѣдствіямъ въ чемъ явится виновенъ, то и тогда, по силѣ Вашего Императорскаго Величества указовъ, надлежащаго ареста и штрафа по дѣламъ своимъ избѣжать не можетъ.

Вашего Императорскаго Величества
Всеподданнѣйшіе рабы
Головинъ,
Степанъ Игнатьевъ,
Князь Борисъ Юсуповъ.

Декабря 24 дня,
1742 года.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица, Елисаветъ Петровна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая.

Бьютъ челомъ Академіи Наукъ Переводчики: Никита Поповъ, Иванъ Горлицкій, Комисаръ Михаилъ Камеръ, Студентъ Иванъ Пухортъ, Канцеляристъ Дмитрей Грековъ, а о чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

По поданнымъ нашимъ прошлаго 1742 году доношеніямъ о непорядочныхъ поступкахъ и похищеніи многой казны въ Академіи Наукъ, также и во испровержепіи наукъ, на Совѣтника Шумахера, присланъ Вашего Императорскаго Величества Высокоповелительный имянный указъ, за подписаніемъ собственные Вашего Императорскаго Величества руки, къ Его Высокографскому Сіятельству, Адмиралу и Кавалеру, Николаю Ѳедоровичю Головину, которымъ между протчимъ, повелѣно: Академическую Канцелярію со всѣми ея дѣлами, Кунстъ-Камеру, Библіотеку и книжную лавку со всѣми

---

[1] Выписано изъ книги, присланной изъ С.-Петербургскаго Сенатскаго Архива за N. 1204, листы 723 съ 729.



находящимися въ нихъ вещми, приходныя и расходныя книги, и о тѣхъ приходахъ и расходахъ указы и опредѣленіи запечатать, и учредя Коммисію, которой подтверждено тако: во первыхъ, забравъ всѣмъ вступившимъ съ начала учрежденія въ Академіи вещамъ, книгамъ каталоги, тако жъ записныя приходныя и расходныя книги, Библіотеку, Кунстъ-камеру, Книжную лавку, денежную казну и Канцелярію со всѣми ея дѣлами, и о тѣхъ приходахъ и расходахъ указы и опредѣленіи при немъ, Шумахерѣ, пересмотрѣть и освидѣтельствовать, все ль противъ приходу на лицо, и произведеніе Академіи съ ея принадлежностьми, со всѣмъ ли противъ учрежденія и по регламентамъ и указамъ Вашего Императорскаго Величества, Вседражайшаго Государя Родителя, Блаженныя и Высокославнѣйшія памяти, Его Императорскаго Величества, Петра Великаго, происходило; тако жъ и въ партикулярныхъ писмахъ осмотрѣть же, не явится ль что, ко вреду и ущербу интереса касающееся. и ежели что учинено въ противность тому, и чего въ положенныхъ сокровищахъ Вашего Императорскаго Величества не явится, то какъ о томъ, такъ и о всемъ протчемъ, что мы помянутыми доношеніями нашими показали, изслѣдовать безъ всякаго продолженія и упущенія, и при томъ слѣдствіи, для изъясненія и доказательствъ всѣхъ тѣхъ непорядковъ и похищенія Вашего Императорскаго Величества казны, быть Совѣтнику Нартову и Профессору Делилю, тако жъ и намъ, нижайшимъ, съ протчими доносительми безъотлучно.

2.

И во исполненіе того Высокоповелительнаго Вашего Императорскаго Величества имянного указу, хотя Кунстъ-Камера, Библіотека и нѣкоторыя Канцелярскія дѣла въ Академическихъ апартаментахъ отъ учрежденной Коммисіи и запечатаны, однако не всѣ, а еще нѣкоторыя каморы съ таковыми жъ дѣлами остались не запечатаны; а минувшаго Октября 11 числа, 742 году, Академической Канцеляріи сторожъ, Ларіонъ Глуховъ, пришедъ въ Экспедицію Лабораторіи Механическихъ и Инструментальныхъ наукъ, въ присудствіи Господина Совѣтника Нартова и при насъ. нижайшихъ доносителяхъ, четырехъ человѣкахъ, объявилъ, что изъ Канцеляріи и изъ старой Судейской, приходя иноземецъ, Унтеръ-Библіотекарь Еганъ Таубертъ, бралъ писма связками и носилъ къ себѣ въ верхней апартаментъ, въ данную ему каморку, изъ чего, де, онъ, Глу-

ховъ, тогда былъ опасенъ, чтобъ чего изъ дѣлъ имъ, Таубертомъ, похищено, или утрачено, и на немъ, Глуховѣ, взыскано не было, которое объявленіе въ то жъ время у него, Господина Совѣтника Нартова, того жъ числа въ той Экспедиціи при насъ, нижайшихъ, и въ журналъ записано: чего ради всѣ тѣ незапечатанныя каморы, впредь для осторожности оной Коммиссіи въ небытность присутствующихъ, объявленнымъ Господиномъ Совѣтникомъ Нартовымъ, по показанію нашему, того жъ числа и запечатаны. Но помянутой Нѣмецъ, Таубертъ, не взирая на то запечатаніе, въ презрѣніе команды, самовольно ту каморку, куды, по объявленію помянутаго Глухова, изъ Академической Канцеляріи и изъ Старой Судейскихъ Палатъ писма носилъ, собою, къ немалому подозрѣнію, распечаталъ, о чемъ отъ него, Господина Совѣтника Нартова, и Коммисара Камера, Его Высокографскому Сіятельству, Адміралу и Кавалеру, Николаю Ѳедоровичу, Господину Головину, персонально того жъ дня о всемъ репортовано. А понеже мы, нижайшіе, въ томъ немалое сумнѣніе имѣли, не вынесъ ли онъ, Таубертъ, какихъ нужныхъ дѣлъ къ оправданію Совѣтника Шумахера съ собою, то подали мы на него, Тауберта, во оную Коммиссію доношеніе; но въ той Коммисіи между нами и тѣмъ Таубертомъ, по тому нашему доношенію, начатъ обыкновенной судъ, въ которомъ (понеже оный сторожъ Глуховъ, незнаемо по какому пристрастію, во всемъ томъ заперся), вмѣсто того, чтобы онаго сторожа, потому что онъ объявленіе свое въ присутственномъ мѣстѣ учинилъ, распрашивать долженствовало, взыскиваютъ на насъ того Нѣмца Тауберта безчестія, яко бы мы то на него, Тауберта, напрасно затѣяли, а по дѣлу явствуетъ именно, что онъ, Совѣтникъ Шумахеръ, ему, Тауберту, всѣ дражайшіе Государственныя Минцъ-Кабинета и Кунстъ-Каморскія вещи безъ описи и безъ росписки въ сохраненіе, какъ честному человѣку, повѣрилъ, отъ которыхъ и ключи у себя имѣетъ; да онъ же, Таубертъ, къ тому драгоцѣнному сокровищу опредѣленъ безъ присяги, въ противность указамъ, и ежели бы между тѣмъ онъ, Шумахеръ, умеръ и изъ оныхъ вещей сколько бы чего пропало, то взыскать на комъ бы было?

3.

Что же до объявленной силы Высокоповелительнаго имянного Вашего Императорскаго Величества указу касается, то мы, нижайшіе, во исполненіе того, къ разсмотру и свидѣтельству всѣхъ тѣхъ

находящихся въ Академіи вещей, что въ оныхъ не явится, и Канцелярскихъ дѣлъ, чего по указамъ не исполнено, и ево, Шумахеровыхъ, непорядковъ, для изъясненія и доказательства, ко изысканію Вашего Императорскаго Величества интереса, по неоднократнымъ въ реченную Коммисію доношеніямъ не допущены. А хотя оная Коммисія письменно намъ и объявила, что до всѣхъ Академическихъ дѣлъ, какъ нынѣ, такъ и впредь, допускать насъ не надлежитъ, яко бы въ томъ имянномъ Вашего Императорскаго Величества указѣ имянно изъяснено, тако при которомъ слѣдствіи, то есть, какъ при разобраніи и разсмотрѣ Канцелярскихъ дѣлъ, все ли по силѣ указовъ происходило, такъ и при протчихъ вещахъ, въ томъ указѣ поминаемыхъ, для изъясненія и доказательства всѣхъ тѣхъ непорядковъ и похищенія Вашего Императорскаго Величества казны, быть Совѣтнику Нартову и Профессору Делилю, тако жъ и намъ, нижайшимъ, съ протчими доносительми безъотлучно Почему ясно разумѣется, что требуемыхъ отъ насъ, изъясненія и доказательства, по налишнымъ дѣламъ чинимы быть должны, а не на память, за что и подъ карауломъ нынѣ, яко злодѣи, отъ реченной Коммисіи содержимся напрасно, и ежели бъ объявленная Коммисія, по силѣ того Вашего Императорскаго Величества имянного указу, зачала (что ей надлежало), во первыхъ слѣдствіемъ о тѣхъ запечатанныхъ вещахъ и о Академическихъ дѣлахъ осмотръ и свидѣтельство, а мы бъ при томъ всемъ были и все то сами видѣли жъ, то бъ, для изъясненія къ доказательству, уже были и удовольствованы, и не только бы показанныя въ нашихъ доношеніяхъ ево, Шумахера, фальши и похищенія казны, но и большіе бы того еще вредительные Вашего Императорскаго Величества интересу непорядки наружу были выведены; ибо въ вышеобъявленныхъ Канцелярскихъ дѣлахъ находятся такія скрытыя его, Шумахера, фальши, которыхъ Коммисіи одной слѣдствіемъ своимъ безъ насъ познать никакъ не можно, какъ мы усмотрѣли два опредѣленія при щетной выпискѣ 1724 году, Марта 4, да Маія 3-го чиселъ, которые, въ противность Вашего Императорскаго Величества указамъ, учинены фальшиво, которую скрытую фальшъ дѣйствительно мы можемъ доказать; и того ради, по той силѣ Вашего Императорскаго Величества указу и ради показанныхъ отъ насъ причинъ, о допущеніи насъ до осмотру Академическихъ дѣлъ, Вашего Императорскаго Величества Всеподданнѣйше просимъ, не желая отъ другихъ въ томъ поношеніи быть, яко бы мы то напрасно затѣяли.

4.

А оная Коммисія, оставя слѣдствіе, которое оной во первыхъ чинить подлежало, начала между нами и Шумахеромъ судъ, аки бы то партикулярное челобитчиково исковое было дѣло, а не изъискание Государственнаго интереса, такъ что и доказательствъ отъ насъ многихъ, до изъясненія подлоговъ касающихся, весьма не принимаютъ, не смотря на то, что при такихъ случаяхъ доносителемъ всякую бы удобность показывать долженствовало; однако жъ мы, нижайшіе, въ такихъ утѣсненныхъ обстоятельствахъ будучи, по подданному нашему доношенію, въ тридцати осьми пунктахъ состоящему, того, Шумахера, по первымъ осми пунктамъ, по которымъ онъ допрашиванъ, подлинно въ похищеніи имъ казеннаго интереса обличили и доказали, что самое и по всѣмъ прочимъ пунктамъ, при случаѣ допущенія насъ до дѣлъ, ясно доказано жъ будетъ. Да сверхъ того имѣемъ на него, Шумахера, подозрѣніе, понеже при взятьѣ изъ двора ево, Шумахера, арестованныхъ партикулярныхъ писемъ и привезенныхъ для описи въ Коммисію явился въ тѣхъ писмахъ важно Государя, Вашего родителя, Его Императорскаго Величества Петра Великаго, собственной секретъ въ запечатанномъ пакетѣ, о которомъ онъ, Шумахеръ, признавъ по Генеральному Регламенту во удержаніи того пакета свою вину, тринадцать уже дней спустя послѣ запечатанія онихъ ево писемъ, въ тотъ день, когда тѣ его писма въ Коммисію привезены были, объявилъ, а не прежде; и такова великого секрета ему, Шумахеру, ежели бъ не для какого умыслу, въ домѣ своемъ удерживать не для чего было; ибо всѣ драгоцѣннѣйшія государственныя вещи, для большей безъопасности, хранятся въ Минцъ-Кабинетѣ, и въ томъ имѣемъ мы на оного Шумахера не малую невѣрку, не сообщалъ ли онъ того секрету и другимъ Государствамъ? Да сверхъ того онъ, Шумахеръ, по доношенію подмастерья Полякова, въ копированіи имъ секретной Камчатской карты на почтовой бумагѣ тайно, не въ показанномъ мѣстѣ и не чрезъ опредѣленныхъ на то людей, въ допросѣ, къ великому подозрѣнію, объявилъ, что будто бы онъ ту карту бралъ изъ Коммисіи описи Остерманскихъ пожитковъ, безъ всякаго писменнаго на то виду, тако жъ и скопировать ту карту тайно велѣлъ, яко бы въ пользу Академіи; а что на почтовой бумагѣ, а не на Александрійской, та карта снята, чего при обыкновенномъ сниманіи картъ ни-

когда не бываетъ, на то и резону никакого, кромѣ того, что будто для скорости, не имѣетъ, а и простыхъ Камчатскихъ вещей, не токмо такихъ важныхъ картъ, безъ Сенатского позволенія никому сообщать ни тайно, ни явно Указомъ Государыни Императрицы Анны Іоанновны не повелѣно, чтобы въ чужихъ краяхъ прежде здѣшняго о тѣхъ вещахъ извѣстно не было, и въ томъ мы не малую имѣемъ невѣрку, не сообщалъ ли онъ той карты въ другія земли? Но высокоучрежденная Коммисія, вмѣсто того, чтобы оного Шумахера, по силѣ Указу Маія 3 дня, 1725 года, составлявшегося, аки злодѣя, роспрашивать долженствовало, въ чемъ наша Вашему Императорскому Величеству покорнѣйшая состоитъ прозьба, представила объ немъ, Шумахерѣ, въ Высокій Кабинетъ, аки бы до него дальнѣй вины еще не находилося, и того ради свобожденіе ему изъ подъ аресту, незнамо, по какой къ нему склонности, исходатайствовала.

5.

Напротивъ того мы, нижайшіе, какъ сущіе злодѣи, и со всѣми почти нашими товарищи, оба арестованы, подъ крѣпкими караулами содержимся, и на Переводчикѣ Поповѣ взыскиваетъ вышереченная Коммисія собою заочного своего безчестія, по доношенію иноземца Фрейганга, на всѣхъ доносителей, по склонности къ своимъ, злобящагося, въ томъ, что онъ, Поповъ, говорилъ въ разговорахъ сущую о поступкахъ Коммисіи правду, толкуя тѣ Попова слова не въ ту, въ какую онъ говорилъ, силу, также и Секретарь оной Коммисіи, Андрей Ивановъ, къ таковымъ нашимъ задерживаніямъ многократно неполными своими выписками за недопрашиваніемъ отвѣтчиковъ по нѣкоторымъ статьямъ нашихъ доношеній и за непринятіемъ имѣющихся у насъ доказательствъ, причину подаетъ, на котораго мы, нижайшіе, сверхъ всего того по дѣламъ нашимъ, по силѣ указовъ, имѣемъ подозрѣніе въ томъ, что онъ всѣ наши дѣла и выписки, пункты и доказателствы, въ той Коммисіи супернику нашему, Унтеръ-Библіотекарю Тауберту, кажетъ и толкуютъ обще (а оной Таубертъ потомъ отвѣтчикамъ нашимъ объявляетъ), такожъ и въ домъ къ нему, Тауберту, означенной Секретарь вмѣстѣ ѣздитъ и компанію имѣютъ. Да онъ же Секретарь, Андрей Ивановъ, какъ по поданному доношенію подмастерья, Андрея Полякова, на Совѣтника Шумахера, къ прикрытію того Шумахера, изъ того доношенія при допросѣ о растощеніи непорядочнымъ образомъ казны, одинъ пунктъ утаилъ, и по оному ево, Шумахера, не допрашивалъ; а какъ оной Поляковъ

призванъ былъ для доказательства и сталъ изъ того утаеннаго пункта спорить, что то объявленной Секретарь учинилъ въ противность указамъ, и за то посаженъ на цѣпь и отданъ подъ крѣпкой караулъ, которой болѣе двухъ недѣль безвинно содержится; да сверхъ того онъ же, Секретарь Андрей Ивановъ, въ 740 году, за преслушаніе Вашего Императорскаго Величества Указу, для копанія земляныхъ каналцовъ дѣйствительно на недѣлю въ работу былъ сосланъ, о чемъ значитъ по дѣлу въ главной Полицимейстерской Канцеляріи: изъ того мы, нижайшіе, имѣемъ на него не малую невѣрку, и для того просимъ онаго Секретаря отъ всѣхъ дѣлъ нашихъ отрѣшить.

И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было, по всематернему своему ко всѣмъ вѣрноподданнымъ рабамъ природному милосердію, ради вышеписанныхъ поведеній, насъ, нижайшихъ, отъ налоговъ той Коммиссіи Вашего Императорскаго Величества Высочайшимъ защищеніемъ свободить и до дѣлъ Академическихъ, яко вѣрныхъ и присяжныхъ, для изысканія расхищенной Совѣтникомъ Шумахеромъ казны и учиненныхъ непорядковъ допустить, потому что въ тѣхъ дѣлахъ такія скрытныя подлоги находятся, которыя никто, невѣдущій Академическихъ порядковъ и поведенія, безъ насъ разобрать и показать ясно не можетъ, какъ мы уже нѣкоторые, по вышеписанному, и усмотрѣли и для безпристраснаго и правомѣрнаго разсмотрѣнія тѣхъ подлоговъ и непорядковъ, по чадолюбивѣйшей Вашего Императорскаго Величества милости, насъ, бѣдныхъ, къ добру отечества рачителей, въ собственное охраненіе свое принять и повелѣть изъ подъ карауловъ свободить, дабы мы, нижайшіе, впредь далѣе ко изысканію Вашего Императорскаго Величества интереса поощреніе имѣть могли; ибо мы, всеподданнѣйшіе раби, никакого предстательства къ Вашему Императорскому Величеству о себѣ не имѣемъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! Просимъ Вашего Императорскаго Величества о семъ нашемъ челобитьѣ рѣшеніе учинить. Генваря дня, 1743 году. Къ сему прошенію переводчикъ Никита Поповъ руку приложилъ. Къ сему прошенію переводчикъ Иванъ Горлицкій руку приложилъ. Къ сему прошенію Коммисаръ Михаилъ Стамитіевъ Камеръ руку приложилъ. Къ сему прошенію Студентъ Иванъ Пухортъ руку приложилъ. Къ сему прошенію Канцеляристъ Дмитрей Грековъ руку приложилъ.

Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ, Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской,

От Коммисіи о Академіи Наукъ всеподданнѣйшій докладъ.

По Высочайшему Вашего Императорскаго Величества имянному Указу, за подписаніемъ собственныя Вашего Императорскаго Величества руки, изъ Москвы, отъ 30-го числа Сентября, 1742 года, повелѣно, по поданнымъ Вашему Императорскому Величеству Академіи Наукъ Совѣтникомъ, Андреемъ Нартовымъ, доношеніямъ, той же Академіи подчиненныхъ, Комисара Камера, Канцеляриста Грекова, Кописта Носова, Студентовъ Ивана Пухорта, Прокофія Шишкарева, Михаила Коврина, Переводчиковъ Ивана Горлицкаго, Никиты Попова, Грыдорованнаго Художества ученика Андрея Полякова, на Совѣтника Шумахера и на другихъ, въ непорядочныхъ поступкахъ и въ похищеніи многой казны, а паче въ испроверженіи установленія въ наукахъ, изслѣдовать, а при томъ слѣдствіи, для изъясненія и доказательства всѣхъ тѣхъ непорядковъ и похищенія казны, быть Совѣтнику Нартову и Профессору Делилю, такожъ Комисару съ прочими доносители, и что въ произведеніи слѣдствія происходить будетъ, о томъ о всемъ Вашему Императорскому Величеству обстоятельно доносить.

И во исполненіе онаго Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества Указа, по означенному Переводчика Горлицкаго доношенію въ испроверженіи установленія въ наукахъ, въ Слѣдственной о Академіи Наукъ Коммисіи слѣдовано, а по слѣдствію явилось:

1.

Горлицкой пишетъ:

Якобы Совѣтникъ Шумахеръ съ начала Академіи уставлялъ свои порядки дикіе въ произвожденіи наукъ, какъ, де, и грамматика его перваго выходу являетъ; и будто ученики принуждены были разсыпаться въ разныя службы.

---

* Выписано изъ книги, присланной изъ С. Петербургскаго Сенатскаго Архива за N. 1204-мъ, листы съ 690 по 723-й.

А Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что оный Шумахеръ никакихъ дикихъ порядковъ не уставлялъ и грамматики не сочинялъ, а какъ науки производить, сдѣланы опредѣленіи бывшими Президентами съ Профессорами, и ученики какъ приходили, такъ и отходили собою по ихъ желанію; и Горлицкой ничего доказать не могъ, а объявилъ, что онъ думалъ, якобы все Шумахеръ чинилъ; и то онъ, Горлицкой, мнѣніемъ взялъ съ печатнаго листа о Академіи Наукъ, напечатаннаго Февраля 12 дня, 741-го года, въ которомъ объявлено, что Шумахеръ съ начала Академіи правитъ Канцеляріею и прочими Академическими дѣлами.

2.

Якобы отъ Шумахерова злого умышленнаго непорядка сущее безславіе, поношеніе, и уничтоженіе, и изсякновеніе наукъ и вмѣсто пользы вредъ происходитъ.

А по допросу Шумахерову, и по слѣдствію, ничего того не явилось, и Горлицкой доказать не могъ.

3.

Въ прожектѣ, де, написано, что науки не скоро въ народѣ расплодятся, то, де, Шумахеръ оное слово на свою мнимую пользу ухватилъ, да такъ и здѣлалъ, что въ восьмнадцать лѣтъ ни единаго Профессора изъ Русскихъ нѣтъ.

А Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что Профессоровъ Русскихъ не отъ Шумахера нѣтъ, о чемъ явствуетъ ниже сего въ 16-мъ пунктѣ именно, и Горлицкой доказать не могъ, ибо науки происходятъ отъ Профессоровъ, а не отъ Шумахера.

4.

Что въ прожектѣ написано: ибо когда разсудишь, что еще прямыхъ школъ, Гимназіевъ и Семинаріевъ нѣтъ и прочая, якобы Шумахеръ на сіе слово льстился, и прельстился, мня, якобы, де, онъ и первоположникъ былъ Гимназіи, почему и до сего числа продолжаетъ, а ученыхъ, де, не являетъ; и ежели бы, де, Шумахерово такое злое и превратное мнѣніе не было, то бъ, де, и Университетъ въ такое осмнадесятолѣтнее время показаться моглъ бъ, и якобы прежде бывшіе Профессоры, Бекенъ, Штернъ и другіе, видя напрасную трату казны отъ непорядковъ Шумахеровыхъ, вонъ выѣхали, и будто на ихъ мѣста Шумахеръ насадилъ своихъ креатуръ, и отъ его, де,

хитрозлобнаго способа науки не производятся и младыхъ людей учатъ медленно и неправильно, и надѣяться, де, можно, что и подъ державою бъ Всероссійскою, кромѣ Славаковъ, Грековъ и прочихъ православныхъ мужей премудрыхъ, довольно сыскалося бы и науки процвѣтали бы. Да онъ же, Шумахеръ, выбранныхъ по указу изъ Московскихъ училищъ учениковъ, что ни лучшихъ остроумныхъ богослововъ и философовъ, порекъ и порицаетъ негодными и непонятными, и опредѣлилъ нѣкоторыхъ къ другимъ дѣламъ, дабы чрезъ нихъ совершенно надежнымъ произведеніе наукъ искоренить и уничтожить.

А Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что ученые люди отъ здѣшней Императорской Академіи имѣются, а именно: Князь Антіохъ Кантемиръ, Докторъ Кондоиди, Докторъ Шилинъ, Ассессоръ Ададуровъ, Унтеръ-Библіотекарь Таубертъ и прочіе, всего по имяномъ девять сотъ шестьдесятъ два человѣка, которые съ начала Академіи въ Гимназіи разнымъ наукамъ обучались, къ чему чье желаніе было, и нынѣ дѣйствительно въ Гимназіи находится шестьдесятъ девять человѣкъ, изъ которыхъ многіе уже въ вышнихъ классахъ обрѣтаются, и Университетъ имѣется; а прежде бывшіе здѣсь Профессоры поѣхали во свое отечество по ихъ прошеніямъ, а не отъ Шумахеровыхъ непорядковъ, и напрасной траты казны не явилось, и на ихъ мѣста Профессоры опредѣлены бывшими Президентами, а не Шумахеромъ, и не креатуры его, и науки производятся, какъ надлежитъ, а Россійскаго народа ученыхъ людей для наукъ никого не сыскалось, и присланные изъ Москвы ученики нѣкоторые, а не всѣ, къ разнымъ дѣламъ опредѣлены, по ихъ прошеніямъ, бывшимъ Президентомъ Корфомъ, понеже, по свидѣтельству Профессорскому, къ наукамъ явились неспособны, а которые явились способны, тѣ обращаются въ наукахъ; и Горлицкой ничего о томъ доказать не могъ, токмо объявилъ, якобы онъ на словахъ Шумахеру въ 725 да въ 727 годахъ представлялъ о двухъ ученыхъ Малороссійцахъ, Іонасе, да о Васильѣ Дмитрашкѣ.

А Шумахеръ сказалъ, что онъ ему никогда не представлялъ.

5.

Якобы Шумахеръ изъ опредѣленной суммы на содержаніе Академіи изъ двадцати четырехъ тысячъ девяти сотъ двѣнадцати рублевъ чинитъ расходы находящимся въ Академіи иноземцамъ, а Русскіе, де, только смотрятъ.

А Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что жалованье всѣмъ производится, какъ иноземцамъ, такъ и Русскимъ, по трудамъ и заслугамъ.

6.

Явное, де, Шумахерово на Россію скрежетаніе, что въ восьмнадцать лѣтъ ни единаго Профессора Русскаго нѣтъ ни изъ какой классы, а тщится, де, такъ, чтобъ и впредь не видать.

А Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что для произденія въ Профессоры Русскіе Адьюнкты имѣются, Ломоносовъ и Тепловъ, тако же и Переводчикъ Голубцовъ и Студентъ Крашенинниковъ въ то же достоинство могутъ произойти; ибо въ нихъ надежда есть.

А Горлицкой объявилъ, что на то доказательства не имѣетъ.

7.

Яко бы Шумахеръ умысломъ уставилъ Эконома Фелтена, свойственника своего, которой, де, содержалъ трактиръ и съ Профессоровъ, Магистровъ и Студентовъ бралъ за пищу и питіе деньги, а дрова употреблялъ казенные.

А Шумахеръ сказалъ, и по слѣдствію явилось, что оный Фелтенъ опредѣленъ былъ Президентомъ Блюментростомъ, а дровъ казенныхъ на содержаніе трактира въ отпуску не явствуетъ.

8.

Яко бы Шумахеръ въ Академію опредѣлилъ Секретаря, иноземца Тидмана, и при немъ двухъ Канцеляристовъ, Нѣмцовъ же, а надлежало бы, де, быть Секретарю Русскому; оной же, де, Секретарь, принуждалъ переводить съ Россійскаго на Латинской, а не съ Латинскаго на Русской языкъ Профессорскія изданія; также, де, и Президентъ Корфъ велѣлъ перевесть Степенную Книгу съ Россійскаго на Латинской языкъ, дабы все, что у насъ тайно, было бы имъ явно.

А Шумахеръ сказалъ, и по слѣдствію явилось, что Секретаря Тидмана и двухъ Канцеляристовъ опредѣлилъ Президентъ Корфъ, и подозрѣнія на онаго Тидмана никакого не показано, и чтобъ принуждать что переводить съ Русскаго на Латинской языкъ Горлицкой ничего не доказалъ, а бывшій Президентъ Корфъ Степенную Книгу приказалъ перевесть для сочиненія Россійской исторіи.

9.

Такъ ли, де, Профессоры отправляютъ свои должности, какъ въ прожектѣ означено, о томъ, де, токмо Шумахеръ съ Нѣмцами извѣстенъ; ибо съѣзжаются одни, сидятъ запершись одни, и что дѣлаютъ, неизвѣстно, понеже, де, Россійцамъ допуску нѣтъ.

А Шумахеръ сказалъ, и по слѣдствію явилось, что Профессоры съѣзжаются и сидятъ не одни и не запершись, и дѣлаютъ, что по ихъ должности надлежитъ, и Россійскихъ допускаютъ; а Горлицкій сказалъ: чтобъ, де, въ Конференцію входить, о томъ ему было не объявлено и запрещенія ни отъ кого не было, а болѣе доказательства не имѣетъ.

10.

Яко бы Шумахеръ изданныхъ книгъ на Латинскомъ языкѣ въ переводъ не отдаетъ для того, что не всякъ по Латинѣ умѣетъ.

А Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что многіе книги о наукахъ переведены и напечатаны на Русскомъ языкѣ, и ежели бъ довольно было исправныхъ переводчиковъ, то бъ и всѣ Профессорскіе изданіи переведены были.

11.

Ежели бы, де, отъ Академіи востребовано было какое дѣло, дабы оно сыскано было, то, де, всеконечно надобно, дабы съ Нѣмецкаго, или Латинскаго, на Русской языкъ переводить то, что, де, Россіецъ на своемъ языкѣ со изъясненіемъ могъ бы показать; Шумахеръ же, заглаждая свой ядъ, не хотя открыть науки, забавляетъ токмо примѣчанійцами, исторійками и печатаными листочками Іовишевъ, Венеръ, Нимфъ и прочими, а сущаго, де, дѣла математическаго, юридическаго, анатомическаго и прочихъ наукъ на Россійскомъ языкѣ и духу не бывало, кромѣ единаго сокращеніица математическаго, да одного краткаго описанія коментаріевъ нѣкіихъ годовъ, а не всѣхъ.

А Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, какъ выше сего въ 10 пунктѣ объявлено, что многіе о наукахъ книги напечатаны на Русскомъ языкѣ; а когда, де, требованы были дѣла до разныхъ изысканій, то всегда отвѣтствовано на Русскомъ языкѣ, и науки открывали и открываютъ Профессоры, какъ надлежитъ, и Горлицкой ни о чемъ о томъ доказать не могъ.

12.

По прожекту уставлено ежегодно тремъ публичнымъ асамблеямъ быть, отъ чего бъ и чюжестраннымъ забава была, а Шумахеръ, де, оные асамблеи сочинялъ, на которыхъ Профессоры предлагали разныя изобрѣтенія на чужихъ языкахъ, и то, де, надѣюся, совершенно для чужестранныхъ, а Русскимъ, де, слышащимъ безъ пользы, нужда была вонъ выходить; а ежели бы, де, Русскіе Государя Императора Петра Великаго питомцы, яко уже мужи честные и свободныхъ наукъ исполненные, къ тому употреблены были, то бъ, де, могли Профессорскія предложенія, а иногда и свои, отъ Древностей, Анатоміи и Философіи и прочихъ наукъ на своемъ языкѣ показать, изъяснить и истолковать, и отъ того бы, де, не токмо славу и честь, но и ползу народу Россійскому явить, и отъ того, де, оные ученые люди, не реку отчаянно, и животъ свой скончали; одинъ, де, изъ четырехъ остался, да и тотъ того же ждетъ; а гдѣ, де, похвала Протектору, которая бъ отъ нихъ восписана была, самъ Богъ вѣсть.

А Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что оные асамблеи повелѣно сочинять и Профессорскіе изданіи предлагать на Латинскомъ языкѣ по прожекту, а Русскіе ученые люди, о которыхъ Горлицкой въ доказательствѣ объявилъ, бывшіе при Академіи переводчики: Сатаровъ, Ильинской, которые померли, да онъ, доноситель Горлицкой, ни какихъ изобрѣтеній на Русскомъ языкѣ показать, изъяснить и истолковать не могли, да и во всю ихъ бытность ничего Профессорамъ отъ нихъ, по обыкновенію Академическому, никогда предложено не было, и онъ, Горлицкой, о томъ подлинно доказать не могъ, и самъ о себѣ объявилъ, что онъ Филозофію зналъ, только некако позабылъ.

13.

Шумахеръ, де, всемѣрно надѣюся, Библіотекаремъ на время, яко Нѣмчинъ, по контракту учиненъ, а онъ, де, аки вѣковѣчный и Совѣтникомъ учинился, а для библіотеки, де, о умноженіи Россійскими книгами, которыхъ, де, совершенно не нѣтъ, не старался, токмо, де, что сыщетъ на Русскомъ, тотчасъ повелѣваетъ на свой языкъ переводить, дабы съ своими задушниками здѣшнее вѣдалъ подкоренное и сообщалъ своей братьѣ, супостатамъ нашимъ, Нѣмцамъ, чего бы, де, онѣ и за многіе милліоны никогда достать не могли,

а то, де, они даромъ, да еще съ богатымъ награжденіемъ, все до суха вычерпываютъ.

А Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что онъ принятъ по контракту безъ числа лѣтъ, а Совѣтникомъ пожалованъ по имянному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны Указу, а не собою учинился, и Россійскихъ книгъ въ библіотекѣ довольно имѣется. Шумахеръ же объявилъ, что съ Россійскаго на другіе языки переводятъ разные книги для сочиненія гисторей, географей и прочаго; а ежели бъ, де, Русскіе въ томъ достаточно ученые были, то бъ, де, могли оное сочинять и безъ переводовъ, и что, де, подкоренное не вѣдаетъ, и задушниковъ своихъ никого не знаетъ, и никому Россійскимъ супостатамъ, Нѣмцамъ, ничего не сообщалъ и никого супостатовъ не знаетъ, и что они даромъ съ богатымъ награжденіемъ вычерпываютъ, не вѣдаетъ; а Горлицкой противъ сего ничего доказать не могъ.

14.

Якобы Шумахеръ не токмо одного свойственника своего, Тауберта, изъ учениковъ Подбибліотекаремъ учинилъ съ страшнымъ жалованьемъ, но и еще, де, нѣсколько ихъ имѣетъ, и иноземца, де, Винцгейма, за то, что онъ библіотеку въ порядокъ приводилъ, въ Профессоры Астрономіи пожаловалъ.

А Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что Таубертъ Шумахеру не свойственникъ, развѣ то за свойство почитать, что Таубертовъ вотчимъ Шумахерову тестю внучатной братъ былъ, и въ Унтеръ-Библіотекари произведенъ и жалованье опредѣлено оному Тауберту опредѣленіями бывшихъ Президентовъ, по трудамъ и заслугамъ ево; да при библіотекѣ жъ обрѣтается Адьюнктъ Бремъ, опредѣленной Президентомъ Корфомъ; онъ же, Бремъ, обрѣтается и при Историческомъ классѣ, а болѣе никого иноземцовъ нѣтъ, и библіотеку Винцгеймъ въ порядокъ не приводилъ, и Профессоромъ опредѣленъ онъ по искуству ево въ наукахъ объявленнымъ же Корфомъ; а Горлицкой на сей пунктъ ничего не доказалъ.

15.

Въ прожектѣ написано: «Безъ живописца и грыдоровалного мастера обойтиться невозможно;» а Горлицкой доноситъ, что можно бы, де, живописца и грыдоровалщика имѣть Россійскихъ, ежели бы, де, у Шумахера добрая совѣсть была; надѣюся, де, что Россія не бѣдна художниками, и сію бы должность, а правду, де, сказать и не бол-

мую ли бы часть наукъ отправлять могла Россія; но понеже, де, о ней памяти у него не было и нѣтъ, то и она молчитъ.

А Шумахеръ показалъ, что живописца и грыдоровальщика совершенно ученыхъ, которые бъ могли учениковъ обучать и науки въ совершенство приводить, бывшіе Президенты и онъ, Шумахеръ, всячески старались, чтобъ Русскихъ сыскать, токмо, де, и по нынѣ сыскать не могли; и чтобъ и другіе науки отправлять могли Русскіе, онъ не знаетъ, ибо, де, и по нынѣ никого сыскать было не можно. А Горлицкой на сіе доказывать не сталъ, а объявилъ, что подано отъ него Вашему Императорскому Величеству доношеніе, на которое онъ ожидаетъ милостивѣйшей резолюціи, и за тѣмъ, де, онъ доказывать не смѣетъ.

16.

Въ прожектѣ написано: «Чтобъ пользу отъ обученіевъ имѣть, къ тому требуются угодные люди, которые гуманіора отъ части знаютъ и нѣкоторыя малое искуство Философіи и Математики имѣютъ, того ради весьма нужно, дабы каждому Академику одинъ, или два человѣка изъ младыхъ Студентовъ даны были и довольнымъ жалованьемъ снабдены, которые со всѣмъ прилежаніемъ обучатца и Академика вспомогать имѣютъ;» а противъ того собственною блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго рукою подписано: «Надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ Славенскаго народа, дабы могли удобнѣе Русскихъ учить, а какихъ наукъ, написать имянно.»

Горлицкой доноситъ, что Шумахеръ не проронилъ угодныхъ людей своихъ, Нѣмцовъ, изъ ихъ земли привесть, а изъ Славенска, де, народа заболно было промышлять, а которые, де, здѣсь подъ бокомъ, о тѣхъ и сердце ему разрывалось, а все, де, для того, чтобъ удобнѣе Русскихъ въ краткомъ времяни научить было невозможно; а которыхъ, де, вывезъ, а именно: Мюллера, Крафта и Вейтбрехта, тѣхъ здѣсь обучивъ, произвелъ въ Докторы и Профессоры съ великимъ жалованьемъ, а Русскихъ нѣтъ.

А Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что оные, Мюллеръ съ товарищи, не Шумахеромъ вывезены, но выписаны бывшимъ Президентомъ Блюментростомъ Студентами, по силѣ прожекта, и въ Профессоры произведены по свидѣтельству всѣхъ Профессоровъ, и жалованье имъ опредѣлено по контрактамъ оныма же, Блюментростомъ, а не Шумахеромъ; и изъ Славенска народа были здѣсь Адъ-

юнкты Плида и Ортхизе, такожъ и другіе въ Гимназіи были жъ учители, доноситель Горлицкой, и при Профессорѣ Дювернуа Максимъ Сатаровъ, тако жъ и Переводчики, Ильинской, Толмачовъ и Сечихинъ, для того, чтобъ удобнѣе въ краткомъ времяни научены были Русскіе, а болѣе, де, оныхъ какъ Русскихъ, такъ и Славенска народа ученыхъ людей и по нынѣ не сыскали; а по справкѣ съ присланнымъ изъ Кабинета Вашего Императорскаго Величества дѣломъ, которое было въ Сенатѣ, Президентомъ Блюментростомъ многократно отъ Сената требовано было, для придачи къ Профессорамъ и къ прочимъ наукамъ Студентовъ, которые бы обучены были прежде какимъ ни есть наукамъ, токмо по 736 годъ въ присылкѣ не было; а какъ въ томъ 736 году присланы, то изъ нихъ, которые явились способны, и опредѣлены.

17.

Въ прожектѣ написано, что «Президентъ или непремѣнный, или поперемѣнно одинъ по другомъ каждый годъ, или полгода, выбирается, и потребно, чтобъ Академіи Кураторы непремѣнные опредѣлены были, которые бы на оную смотрѣли, о благосостоятельствѣ ихъ и надобномъ пріуготовленіи старались;» а противъ онаго собственною блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго рукою подписано: надлежитъ учинить Директора и двухъ Товарищей и одного Коммисара надъ деньгами. А Горлицкой доноситъ, что Шумахеръ хватился за непремѣнного Президента и взялъ, де, на себя съ охотою то, что надлежало Директору и съ нимъ двумъ Товарищамъ, такъ въ наукахъ искуснымъ, какъ и онъ самъ, которыхъ, де, и не бывало; и ежели бы, де, Директоръ и два его Товарища были Россійскаго народа, Православные и добросовѣстные, то бы, де, сіи три человѣка не допустили до такихъ его злоковарныхъ и вредныхъ отечеству нашему умышленій.... къ тому жъ, де, Президентъ велми ученый и не супостатъ бы былъ Православію, понеже, де, таковые люди невѣрны, да и разнствіе закона но нуждѣ другъ другу противиться понуждаетъ.

А Шумахеръ показалъ, что отъ того, чтобъ долженъ быть Президентъ премѣнный за непремѣнного не хватался, и Президенты были опредѣленные по Имяннымъ Указамъ, люди искусные и науки знающіе, а имянно: Блюментростъ, Кейзерлингъ, Корфъ и Фонбревернъ, которые, де, и нынѣ обрѣтаются въ службѣ Вашего Импе-

раторскаго Величества, Блюментростъ въ Москвѣ, при Медицинскихъ дѣлахъ, Кейзерлингъ при Королевскомъ Польскомъ дворѣ, а Корфъ при Королевскомъ же Дацкомъ дворѣ, Полномочными Министрами, а Фонбревернъ здѣсь, въ Иностранной Коллегіи, Тайнымъ Совѣтникомъ, и чтобъ изъ нихъ кто былъ супостатъ Православію, не знаетъ, и злоковарныхъ и вредныхъ Россійскому отечеству умышленій никакихъ отъ него, Шумахера, не было.

18.

Горлицкій доноситъ, что плясунъ Нѣмчинъ Шмитъ, въ прожектѣ не упомянутой, какъ суще, де, непотребный къ честнымъ богодарованнымъ наукамъ, больше жалованья получалъ, нежели, де, бѣдные сироты, бывшіе Государя Императора Петра Великаго питомцы, и Шумахеръ, де, сожалѣлъ о такихъ Нѣмцахъ въ земли своей богатыхъ, дабы въ службѣ Государевой то не прожили, что они въ своемъ отечествѣ имѣли, и для того, де, дѣлалъ, чтобъ они довольни и нескудны были, а Россіецъ даромъ хоть зъ голоду умри.

А Шумахеръ показалъ, что танцмейстеръ, котораго Горлицкой написалъ плясуномъ, принятъ при бывшихъ Президентахъ, по силѣ Регламента или Инструкціи о Гимназіи, и жалованье получалъ по тѣмъ же опредѣленіямъ, а о Нѣмцахъ, де, чтобъ здѣсь не прожились, онъ, Шумахеръ, никакого сожалѣнія не имѣлъ, и всѣмъ, де, какъ иноземцамъ, такъ и Русскимъ, жалованье производится по достоинствамъ.

А справками отъ Академіи показано, что танцмейстеры съ 727 года были при Академіи по одному, и нынѣ есть, а опредѣляемы были и жалованье давалось по опредѣленіямъ бывшихъ Президентовъ, а въ Инструкціи, сочиненной въ 732-мъ году Профессоромъ Беером, написано, чтобъ обучающихся учениковъ танцованію обучать; а доносителю Горлицкому жалованья производится съ 725 году по сту по сороку по четыре рубли, да на квартиру по сороку рублевъ, и того по сту по осмидесятъ по четыре рубли на годъ; а Профессоры, тако жъ Ассессоръ Ададуровъ и Адъюнктъ Тепловъ, писменно Коммиссіи представили, что онъ въ наукахъ не великое искуство имѣетъ, какъ, де, то многіе въ его переводахъ отъ незнанія самыхъ первыхъ и легкихъ наукъ произшедшіе погрѣшенія явно показываютъ.

19.

Горлицкой доноситъ единымъ, де, словомъ, что либо Шумахеръ съ единодушными клевретами своими, Нѣмцами, ни дѣлалъ, все то чинилъ для собственной своей корысти и для полэы народу своему, по одинаковой природѣ и по ревности единаго закона, не минуя похвалы, славы и чести его, а Россіи, де, въ крайнее поруганіе, во многіе вѣки чаятелно отъ него незагладимые, всѣвая такимъ же супостатамъ отечества нашего, каковъ, де, онъ, Шумахеръ самъ, вмѣняя насъ не въ человѣки, но въ скоты, или воини (?) аки безсмертно въ благополучіи своемъ кипящіи, презирая неоцѣненный и ненарушимый прожектъ отца нашего, Государя Императора Петра Великаго, первоположника и защитника дражайшихъ наукъ и художествъ въ своемъ, отъ Бога наслѣдномъ, Всероссійскомъ народѣ.

А Шумахеръ показалъ, что онъ ничего того не дѣлалъ, и онъ не супостатъ, но присяжной и вѣрной рабъ, и прожекта, де, не токмо не презиралъ, но всячески старался, дабы по оному все въ совершенство привесть и пріумножить.

А Горлицкой на сей 19-й и на прочіе вышеписанные 16, 17 и 18 пункты доказывать не сталъ, для того жъ какъ и на 15-й пунктъ объявилъ, что подано отъ него доношеніе.

И тако по всему видно, что, какъ по вышеозначенному Горлицкого предложенію, испровержѳнія установленія въ наукахъ, такъ и по другимъ доносителскимъ доношеніямъ, никакихъ Совѣтника Шумахера непорядочныхъ поступокъ и похищенія казны, кромѣ забраннаго вина, о которомъ особливо Вашему Императорскому Величеству отъ Коммисіи всеподданнѣйше представлено, не явилось, но, какъ видно, всѣ оные доносители доносятъ изъ злости, а не по истиннѣ,

а имянно:

Коммсаръ Камеръ за то, что ему Шумахеръ не даетъ болшаго жалованья и рангу, а товарыщи ево, Канцеляристъ Грековъ прилучился въ сочиненіи ложного контракта, за что отъ Академіи и отрѣшенъ;

Копистъ Носовъ былъ по нѣкоторымъ дѣламъ въ Тайной Канцеляріи подъ слѣдствіемъ, да и нынѣ по слѣдствію прилучился въ ложномъ на Шумахера представленіи, якобы онъ со всѣми своими

именіями выбрался къ Маклеру Сутову, что значило не иное, какъ будто бъ Шумахеръ хотѣлъ куда бѣжать;

Переводчикъ Горлицкой за то, что онъ въ Профессоры не произведенъ, будучи не токмо въ наукахъ, но и въ переводахъ, мало искусной;

Гридоровалного художества подмастерья Поляковъ за то, что якобы мало жалованья даютъ и будто Шумахеръ ево собою ко оному художеству опредѣлилъ; а по слѣдствію явилось, что онъ опредѣленъ къ тому художеству по ево прошенію, которое онъ въ Академію подалъ писмянно за своею рукою;

Копистъ Пухортъ, за то, что ево въ Студенты не произвели, а по свидѣтельству въ Китайскомъ и Манджурскомъ языкѣ, которымъ онъ обучался, явился недостаточенъ;

Студенты: Шишкаревъ, Ковринъ и Старковъ, опредѣленные въ Географической Департаментъ, по силѣ резолюціи бывшаго Кабинета, для произведенія ихъ въ Геодезисты, доносятъ за то, якобы имъ мало жалованья даютъ, и будто ихъ Математикѣ и Астрономіи не обучаютъ, а по свидѣтельству явилось, что жалованье имъ производится, по силѣ вышеобъявленной резолюціи, по шести рублевъ на мѣсяцъ, и Математикѣ и Астрономіи ихъ обучаютъ; къ тому жъ опредѣленной къ той же наукѣ и съ тѣмъ же жалованьемъ Студентъ Чадовъ ни въ чемъ жалобы не приноситъ;

Переводчикъ Поповъ доноситъ за то, якобы ему жалованье же малое производятъ, а понеже другіе ево товарищи, Лебедевъ и Голубцовъ, ни въ чемъ жалобы не приносятъ.

Что же касается до Совѣтника Нартова и Профессора Делиля, то и они, какъ видно, изъ злости жъ доносятъ, а имянно: Нартовъ въ доношеніи, поданномъ въ Сенацкую Контору, написалъ, что Шумахеръ жалованья ему не даетъ, опредѣленного въ бывшее правленіе Анны Брауншвейгъ-Люнебурской, по тысячѣ по двѣсти рублевъ на годъ; а понеже, по Всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества имянному указу, опредѣленные сверхъ надлежащихъ окладовъ прибавочныя жалованья всѣмъ отрѣшены;

Онъ же Нартовъ въ другомъ доношеніи, поданномъ въ Сенатѣ, написалъ, Шумахеръ, де, во учиненное описаніе о Академіи Наукъ, злости ради, имяни ево, Нартова, не включилъ; да въ томъ же, де, описаніи написалъ, будто Государя Императора Петра Великаго намѣреніе было Академію Художествъ и Рукодѣлій поручить Академіи

Наукъ, чего, де, не бывало, и во обличеніе, де, тому свидѣтельствуетъ своеручное росписаніе собственной Его Императорскаго Величества руки, имѣющееся у него, Нартова, на что, де, и сумма особливая была опредѣлена, а Шумахеръ, де, на другое употребленіе въ Академію Наукъ безъ указу взялъ; оное доноситъ ложно, потому что въ Академію Шумахеръ другой никакой суммы, кромѣ опредѣленной, двадцати четырехъ тысячъ девяти сотъ двѣнадцати рублевъ, ни откуда не бралъ, а о Академіи Художествъ въ прожектѣ имянно написано, что сочинить Академію Художествъ и Наукъ, на которую и объявленная сумма, двадцать четыре тысячи девять сотъ двѣнадцать рублевъ, имяннымъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго Указомъ, подписанному на ономъ же прожектѣ, опредѣлена; а что у Нартова имѣется собственноручное Его Императорскаго Величества росписаніе о учрежденіи Академіи Рукодѣлной, оное надлежало Нартову объявить въ Сенатѣ, или въ Кабинетѣ, и требовать исполненія; но оного знатно и по нынѣ имъ не учинено, и сіе Его Императорскаго Величества намѣреніе въ дѣйство не произведено отъ него, Нартова, за что подлежитъ суду.

А Делиль доноситъ за то, что Шумахеръ ему жалованья жъ не давалъ; а по слѣдствію явилось, что оной Делиль въ Конференціи къ Профессорамъ не ходилъ и ничего не сообщалъ. На объявленнаго же Нартова Совѣтникъ Шумахеръ въ 742-мъ году Сенацкой Конторѣ представлялъ писмянно, что оной Нартовъ болшую часть своего при Академіи времяни на Артилерійскіе работы употребилъ и употребляетъ. А Дѣйствителъной, де, Камергеръ и Академіи Наукъ бывшей Президентъ, Фонъ Корфъ, поданнымъ въ бывшей Кабинетъ докладомъ требовалъ его, Нартова, болше всего въ Академію Наукъ для того, чтобъ начатой тріумфалной столбъ всѣмъ славнымъ баталіямъ и акціямъ и героичнымъ дѣламъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго на вѣчную, Высочайшему имени Его Императорскаго Величества, славу, окончать, токмо, де, онъ, Нартовъ, по многократнымъ ему отъ Академіи Наукъ о томъ напоминаніямъ, сего великаго и важнаго дѣла не только не окончалъ, но и чрезъ шесть лѣтъ оного не начиналъ.

Онъ же, Нартовъ, съ Профессоромъ Делилемъ, по вступленіи Коммисіи въ слѣдствіе при Конференціи, Архиву ученыхъ писемъ и шкафы Географическаго Департамента запечатали собою безъ всякой причины, и отъ того въ произведеніи наукъ остановку, а Профессорамъ

крайнюю обиду учинили, изъ чего разсуждается, что оной Делиль какое ни на есть имѣлъ пронырство, дабы сію, толь въ свѣтѣ славную, Академію привести въ безславіе и поношеніе, что и учинили; ибо чрезъ четыре мѣсяца отъ ево, Делилева, плутовскаго Совѣтнику Нартову представленія объявленная Архива и шкафы Географическаго Департамента были запечатаны, и отъ того Профессоры принуждены были праздно жить, да и напослѣдокъ, когда уже Коммисіи члены принуждены стали быть сами итти и оные распечатать, объявленной Делиль представлялъ, чтобъ не распечатывать, якобы имѣются во оныхъ дѣла, подлежащіе до Канцеляріи, а не до Конференціи; но какъ оной Делиль увидѣлъ, что въ то жъ время приказано караулному Офицеру, чтобъ онъ своею печатью запечаталъ, и чтобъ Делиль съ Профессорами, не утруждая Коммисію, потребное ему отъискалъ, и по отысканіи оставить тое архиву и шкафъ Географическаго Департамента Профессорамъ не запечатанные, то и требованіе свое оставилъ.

А въ Уложеньѣ напечатано, во 2-й главѣ, 17-й пунктъ:

«Будетъ кто на кого доводилъ Государево великое дѣло, или измѣну, а не довелъ, и сыщется про то допряма, что онъ такое дѣло затѣялъ на кого напрасно, и тому извѣтчику то же учинити, чего бы довелся тотъ, на кого онъ доводилъ.»

Въ 10-й главѣ 91-й пунктъ:

«Будетъ Боярина, или Околничего, или Думнаго человѣка обесчеститъ Столникъ, или Стряпчій, или Дворянинъ Московской, или гость, или дьякъ, или жилецъ, или Дворянинъ, или сынъ Боярской городовой, или иноземецъ, или дворовой человѣкъ, и на нихъ Бояромъ, и Околничимъ, и Думнымъ людемъ по суду, или по сыску править бесчестье, а будетъ кому изъ тѣхъ чиновъ Боярину, или Околничему, и Думному человѣку за безчестье платить нечимъ, ихъ бити кнутомъ.»

Въ Генеральномъ Регламентѣ, въ 50-й главѣ, напечатано, въ 4-мъ пунктѣ:

«Когда кто постороннему, кому не надлежитъ, тайности Коллегіины сообщитъ, резолюціи прежде времяни объявитъ, протоколы и потомъ, котораго члена голосъ, или мнѣніе, покажетъ.» Въ 5-мъ:

«Или кто по дружбѣ, или по враждѣ, или изъ взятковъ, или и другихъ намѣреній, что пренебрежетъ, которое ему чинить надлежало, таковымъ за преступленіе, какъ вышнимъ, такъ и нижнимъ, надлежитъ чинить смертная казнь, или вѣчная на галеру ссылка, съ вырѣзаніемъ ноздрей и отнятіемъ всего имѣнія; ежели же кто меньшее преступленіе учинитъ, какъ выше писано, таковымъ за преступленіе наказанія чинить ссылкою на галеру времянною, съ отнятіемъ всего, или части, имѣнія, или лишеніемъ чина и тяжкимъ штрафомъ (ежели въ первые) по силѣ прегрѣшенія.»

Въ Указѣ 1714-го года, Марта 17-го, о Фискалской должности, въ 4-мъ пунктѣ:

«Какъ въ письмахъ, такъ и на словахъ въ позывѣ всякого чина людемъ бесчестныхъ и укорительныхъ словъ отнюдь не чинить.»

Въ 5-мъ пунктѣ:

«Буде же фискалъ на кого не докажетъ всего, то ему въ вину не ставить (ибо не можно о всемъ оному акуратно вѣдать), а буде ни въ маломъ не уличитъ, но всѣ доносы ево будутъ не правы, однако жъ, ежели оной то учинилъ не для какой корысти, или злобы, то взять штрафъ съ него легкой, дабы впредь, лучше осмотряся, доносили.»

Въ 6-мъ пунктѣ:

«Буде же фискалъ какой ради страсти, или злобы, затѣетъ, и предъ судомъ подлинно истинно отъ того, на кого то взвелъ, обличенъ будетъ, то оному, яко преступнику, то жъ учинить, что довелось бы учинить тому, естьли бъ по ево доносу подлинно виноватъ былъ.»

718-го года, Генваря 19 дня, во 2-мъ пунктѣ:

«О дѣлахъ доносить и бить челомъ, кому гдѣ надлежитъ, судьямъ, и въ тѣхъ доношеніяхъ и челобитныхъ писать самую истинну, а лишнего ничего не писать, также и другихъ лишнихъ дѣлъ, кромѣ своей обиды, и что подлежитъ ко оправданію и свидѣтельству, ни какихъ не примѣшивать.»

720-го, Іюня 21-го:

«Всѣхъ преступниковъ и повредителей интересовъ Государственныхъ съ вымыслу, кромѣ самые простоты и недознанія ка-

знить смертію, а движимое и недвижимое имѣніе отписать на Его Императорское Величество.»

Военнаго артикула въ процессахъ въ 1-й главѣ, во 2-мъ артикулѣ напечатано:

«Паче всего надлежитъ челобитчику жалобы свои исправно доказать; ибо ежели челобитчикъ оного, о чемъ онъ жалобу приноситъ, доказать не можетъ, то можетъ потомъ отвѣтчикъ отъ суда освобожденъ быть; буде же оное дѣло тяжкого есть обвиненія, и челобитчикъ оного доказать не могъ, тогда надлежитъ ево противъ Уложенія наказать.»

Въ Морскомъ Уставѣ во 2-й части напечатано:

«Челобитчикъ имѣетъ челобитье свое право доносить и остерегать себя, чтобъ ничего не прибавлять, чего доказать не можетъ, но писать, что подлинно учинено; а ежели неправое челобитье учинитъ, то и онъ наказанъ будетъ, равно чему бъ былъ достоинъ тотъ, на кого онъ бьетъ челомъ.»

Въ Указѣ же 714 году, Іюня 15-го дня:

«Всякаго чина судьямъ всякіе дѣла дѣлать и вершить все по Уложенью, а по новоуказнымъ пунктамъ и сепаратнымъ указамъ отнюдь не дѣлать, развѣ тѣхъ дѣлъ, о которыхъ въ Уложеніи нимало не помянуто, а учинены на то не въ премѣну, но въ дополненіе Уложенья, новоуказные пункты:

А вышереченнымъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшимъ Имяннымъ Указомъ, присланнымъ въ Коммисію о Академіи Наукъ, 742 году, повелѣно:

Что по оному Вашего Императорскаго Величества Высочайшему Имянному Указу учинено и впредь въ произведеніи слѣдствія происходить будетъ, о томъ Вашему Императорскому Величеству о всемъ доносить обстоятелно.

Всемилостивѣйшая Государыня! Всеподданнѣйше Коммисія о Академіи Наукъ проситъ Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго указу съ показанными доносителями, Горлицкимъ, Поповымъ, Пухортомъ, Шишкаревымъ, Ковринымъ и Старковымъ, за ложные доносы, тако жъ и съ Профессоромъ Делилемъ, что повелѣно будетъ, учинить.

А по всенижайшему объявленной Коммисiи мнѣнiю, надлежитъ учинить:

а имянно:

1.

Горлицкому за то, что онъ доносилъ, якобы Шумахеръ установленiе блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго изпровергъ и тщался злоумышленно науки искоренить, и якобы супостатамъ отечества Россiйскаго, Нѣмцамъ, всѣ Академическiя тайны сообщалъ, и будто бывшiе Президенты были люди невѣрные, и якобы науки происходятъ и младыхъ людей учатъ медленно и неправильно, токмо ни о чемъ доказать не могъ, и по слѣдствiю ничего того не явилось, по силѣ вышеписанныхъ Уложенныхъ пунктовъ и всѣхъ Государственныхъ правъ, учинить тожъ, что надлежало бы учинить, ежели бъ Шумахеръ виноватъ былъ, вмѣсто смертной казни, въ разсужденiи ево, Горлицкаго, многолѣтной службы и старости, и что имѣетъ жену и дѣтей, учиня наказанiе плетми, послать въ Оренбурхъ на вѣчное житье; а что онъ, Горлицкой, Филозофскую науку нѣсколко и забылъ, однако жъ можетъ еще, будучи на свободѣ, младыхъ людей въ Оренбурхѣ обучать, и отъ того хотя малая полза отъ него будетъ.

2.

Переводчику Попову за то, что онъ доносилъ, якобы по книжной лавкѣ можетъ доказать похищенного интереса болше тритцати тысячь рублевъ, а въ доказательствѣ объявилъ, что кромѣ того, что по щету явитца точно, ни какова похищенiя не знаетъ, и будто науки происходятъ въ Гимназiи неправилно, токмо еще о всемъ, такоже по доношенiямъ Кописта Пухорта, Студентовъ Шишкарева, Коврина и Старикова, не дослѣдовано, что по слѣдствiю явитца, учинить по силѣ указовъ.

3.

А Профессору Делилю дать апшитъ за то, что онъ въ Конференцiю къ Профессорамъ не ходитъ и ни какихъ изобрѣтенiй имъ не сообщаетъ.

4.

А о Совѣтникѣ Нартовѣ Коммисiя предаетъ въ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволенiе, а при томъ Всепод-

даннѣйше представляетъ, что онъ Академіи Наукъ править не можетъ, понеже наукъ не знаетъ, а необходимо надобно, чтобъ опредѣленъ былъ Президентъ, а къ нему въ помощь за достойнаго исправленію оной Академіи Коммисія признаваетъ Совѣтника Шумахера, понеже онъ въ томъ весьма достаточенъ, къ тому жъ онъ съ начала Академіи обрѣтается, и въ порядокъ Кунстъ-Камора и Библіотека приведены чрезъ ево труды.

Что же онъ отъ злостныхъ доносителей претерпѣлъ не малой арестъ и досады, тако жъ и Унтеръ-Библіотекарь Таубертъ отъ настоящаго дѣла по ихъ же ложнымъ доносамъ отрѣшенъ, за оное не соизволитъ ли Ваше Императорское Величество, по своей природной Высокомонаршей милости, наградить Шумахера чиномъ Статскаго Совѣтника, а Тауберта Ассесоромъ, ибо и объявленной Таубертъ при оной Академіи не малые услуги, вообще съ Совѣтникомъ Шумахеромъ, показалъ въ приведеніи Кунстъ-Каморы и Библіотеки въ порядокъ, также и въ разныхъ, до наукъ касающихся, сочиненіяхъ.

А понеже по Высочайшему блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго Имянному Указу, подписанному собственною Его Императорскаго Величества рукою на прожектѣ о учрежденіи Академіи Художествъ и Наукъ, повелѣно учинить Директора и двухъ Товарищей, которые бы на оную Академію смотрили, о благосостоятелствѣ и надобномъ пріуготовленіи старались, то объявленную должность поручить означенному Шумахеру, а съ нимъ Товарищами опредѣлить Ассесора Ададурова и объявленного Тауберта; что же оной Ададуровъ обязанъ положенными на него въ Геролдмейстерской Конторѣ дѣлами, то для правленія Академическихъ дѣлъ можетъ имѣть назначенные дни и часы, а что онъ имѣть будетъ двойной трудъ, не соизволитъ ли Ваше Императорское Величество пожаловать его чиномъ Совѣтника.

А чтобъ оная Академія недостатку въ жалованьѣ не имѣла, о томъ необходимо потребно сочинить статъ, и на оной сумму опредѣлить, и оное сочиненіе стата, тако жъ и не дослѣдованные дѣла, не соизволитъ ли Ваше Императорское Величество повелѣть разсмотрѣть Академіи Наукъ Президенту, которой опредѣленъ будетъ, ему жъ и Библіотеку и Кунстъ-Камору освидѣтельствовать; ибо опредѣленнымъ нынѣ въ сію Коммисію членамъ, за многоположенными на нихъ другими дѣлами, обстоятелно пересмотрѣть менѣе дву лѣтъ не возможно.

И вышеписанное мнѣніе и представленіе Коммисія предаетъ въ волю и во Всевысочайшее милостивое разсужденіе Вашего Императорскаго Величества.

Вашего Императорскаго Величества
Всеподданнѣйшіе рабы:
Головинъ,
Степанъ Игнатьевъ,
Князь Борисъ Юсуповъ.

Въ нынѣшнемъ 1744-мъ году, Генваря 12 числа, въ собраніи Правительствующаго Сената докладывано, что въ 1743 году, Декабря 4 числа, по указу Ея Императорскаго Величества, за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества собственныя руки, повелѣно Совѣтнику Шумахеру быть у дѣлъ въ Академіи Наукъ по прежнему, а касающіяся до него по той Академіи дѣла, чего ради по Имянному Ея Императорскаго Величества Указу жъ 742 году, Сентября 30 дня, учреждена Коммисія, разсмотрѣть въ Сенатѣ. И во исполненіе того Ея Императорскаго Величества Указа о бытіи Совѣтнику Шумахеру въ Академіи, а Совѣтнику жъ Нартову у прежняго дѣла, у котораго онъ, до отрѣшенія Совѣтника Шумахера, былъ, въ Сенатѣ имъ объявлено, и въ Коммисію и въ Академію Наукъ о томъ Указы того жъ Декабря 5 числа посланы, и вышеписанные дѣла, кои слѣдовались въ Коммисіи, взнесены въ Сенатъ при доношеніи; да того жъ Декабря 8 дня изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества сообщены въ Сенатъ при реестрѣ поданныя Ея Императорскому Величеству отъ помянутой Коммисіи доношенія и репорты, а имянно: 1) 24 Декабря 742 году, что по силѣ имянного Ея Императорскаго Величества Сентября 30 дня указа, Совѣтникъ Шумахеръ и протчія въ томъ Указѣ объявленныя съ имѣніями арестованныя письма въ домѣхъ ихъ отобраны и въ Коммисіи разсматриваны, но по онымъ ничего того, чтобъ ко вреду и ущербу Ея Императорскаго Величества интереса касалось, не явилось; а по партикулярному письму Горлицкого къ Нартову о Академіи Наукъ слѣдовано, при которомъ слѣдствіи

---

* Выписано изъ книги Сенатскаго производства за N. общ. 269-мъ, частнымъ 2130-мъ, съ 1 по 27 листъ.

были: Совѣтникъ Нартовъ, Профессоръ Делиль и Переводчикъ Горлицкой съ протчими доносители, и при нихъ же, доносителяхъ, слѣдовано, токмо, де, того, чтобъ онъ, Шумахеръ, къ Маклеру Сутову переселился, не нашлось. И Горлицкой показалъ, якобы сказывалъ ему Комисаръ Камеръ, что гребцы отъ онаго Шумахера къ Сутову ящики ночью носили, а какія и съ чѣмъ, не сказывалъ, и онъ, Горлицкой, не знаетъ, а Камеръ показалъ, что сказывалъ ему о томъ Копистъ Носовъ. Носовъ показалъ, что сказывали ему Академическіе гребцы, якобы они ночью отъ Шумахера къ Сутову ящики носили, а какіе и съ чѣмъ не знаетъ: а гребцы сказали, что они отъ Шумахера никогда ни какихъ ящиковъ къ Сутову не нашивали; и Сутовъ показалъ, что Шумахеръ ни съ чѣмъ къ нему не переселялся. Тотъ же Горлицкой въ письмѣ писалъ: жена, де, Шумахерова, что мяконькое по чужимъ карманамъ распорядила; а Шумахерова жена сказала, что никому и никогда имѣнія своего не отдавала; а Горлицкой въ доказательство объявилъ, что въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 742 году шелъ онъ въ вечеру мимо двора, гдѣ Шумахеръ живетъ, и видѣлъ съ крыльца идущую иноземку, у которой, де, подъ пазухою отдулось, а кто, де, она такова не знаетъ, и въ такомъ, де, случаѣ думалъ онъ, что Шумахерова жена какіе ни на есть вещи ей отдала, а болѣе доказательства не имѣетъ. Да Переводчикъ Никита Поповъ доносилъ: ежели о бумагѣ изслѣдовать повелѣно будетъ, сколько щетомъ оной въ Типографіи и книжной лавкѣ, то онъ похищеннаго интереса въ той бумагѣ Академическими книгопродавцами и закрывателями ихъ воровства можетъ показать болѣе тридцати тысячь рублевъ, а книгопродавецъ Прейссеръ и Кассиръ Розенганъ допросами показали: воровства де, никакого, какъ за собою, такъ и за другими ни закѣмъ не знаютъ; а Поповъ въ доказательство объявилъ, что кромѣ, де, щету бумаги, то есть, что по щету явится, доказательства онъ не имѣетъ, и воровство точное въ той лавкѣ, какое было ль, не знаетъ. Коммисаръ Камеръ съ товарищи на Унтеръ-Библіотекаря Тауберта въ Коммисіи доносили: Октября, де, 11 числа объявилъ имъ Академіи сторожъ Глуховъ, что, де, Таубертъ, приходя въ Канцелярію и въ старые судейскіе палаты, носилъ, чрезъ сторожа Данилова, разные письма большими связками въ третій апартаментъ, въ данную ему каморку, и онъ же, де, Таубертъ, по запечатаніи Совѣтникомъ Нартовымъ, тое палатку собою распечаталъ; а сторожъ Глуховъ показалъ, что того ничего не говаривалъ, и не видалъ, и не знаетъ, и свидѣтели, на

которыхъ онъ, Камеръ, въ томъ слался, сказали не противъ его ссылки; а сторожъ Даниловъ показалъ: Таубертъ въ Канцелярію и въ Старую Судейскую приходилъ ли и письма какія въ верхней апартаментъ къ себѣ бралъ ли, не знаетъ, и не видалъ, а означенного, де, 11-го числа Октября онъ, Таубертъ, вышеобъявленную палатку роспечаталъ и письма, принесенныя чрезъ Типографского ученика къ напечатанію газетовъ, которыя онъ, Таубертъ, исправлялъ, взявъ, отдалъ ему, Данилову, для отнесенія въ Типографію, а болѣе, де, того никакихъ дѣлъ и писемъ, какъ чрезъ его, Данилова, такъ и самъ оной Таубертъ изъ той роспечатанной палаты не вынашивалъ; а Таубертъ сказалъ и по слѣдствію явилось, что объявленную палату роспечаталъ по приказу Адмирала Графа Головина, для исправленія и отправленія въ тотъ день въ Москву газетовъ и вѣдомостей, понеже тогда день былъ почтовой; и на оные допросы доносители, Камеръ съ товарыщи, объявили, что они на то доказательства не имѣютъ. 2) Марта 12-го, по доносу Коммисара Камера, Канцеляриста Дмитрея Грекова, Кописта Носова, Грыдорованного художества ученика Полякова и протчихъ Кунштъ-Каморы, Библіотеки, книжной лавки, академическія дѣла и денежная казна запечатана и партикулярные Совѣтника Шумахера письма забраны и описаны, точію по описи, по тѣмъ письмамъ ко вреду и ущербу казенного интереса не явилось; а по книжной лавкѣ перепись сочиняется при свидѣтельствѣ Коммисіи членовъ, и Совѣтника Нартова, и Профессора Делиля; да къ тому жъ по объявленнымъ доношеніямъ доносителей о Совѣтникѣ Шумахерѣ, слѣдовано по осми пунктамъ, въ тринадцати тысячахъ въ девяти стахъ въ восмидесяти въ восми рубляхъ; но токмо по слѣдствію къ похищенію Шумахерову и къ не принадлежащимъ расходамъ, кромѣ того, что за взятое Шумахеромъ вино, ничего не явилось, а употреблены тѣ деньги въ расходъ по опредѣленіямъ и указамъ; да по тому жъ доношенію Коммисара Камера съ товарыщи по дватцети по девяти пунктамъ о дватцети семи тысячахъ о стѣ осмидесятъ четырехъ рубляхъ, на которые въ отвѣтахъ Шумахеръ показалъ, что тѣхъ не принадлежащихъ расходовъ и упущенія доимки я щетамъ и протчихъ непорядковъ не чинилъ, и больши и съ того слался на Академическіе дѣла; а доносители, Камеръ съ товарыщи, на тѣ Шумахеровы отвѣты, чрезъ немалое время, никакова доказательства упрямствомъ своимъ не объявляютъ, и въ собраніи Коммисіи, и при Совѣтникѣ Нартовѣ,

и Профессорѣ Делилѣ, они, доносители, представляли, что они доказательство хотя на оные пункты и имѣютъ, только не ясное, покуда не допущены будутъ до всѣхъ Академическихъ дѣлъ. И хотя Генваря съ 1-го, за недоказательство тѣ доносители держатца подъ карауломъ, токмо требуютъ, чтобъ допустить до всѣхъ дѣлъ, о которыхъ не доносятъ. Изъ вышеписанныхъ же доносителей Поляковъ доноситъ на Шумахера, яко бы въ пересылкѣ тайной за море о Камчатской Экспедиціи ландкартъ, чего по слѣдствію не явилось, а онъ, доноситель, о томъ упрямствомъ своимъ не доказываетъ и чинитъ въ Коммисіи продерзости, и по мнѣнію Коммисіи Камеру, Грекову, Носову, учиня наказаніе, бивъ кнутомъ, сослать на житье въ Оренбурхъ, для того, что они, доносители, на Совѣтника Шумахера, какъ о похищеніи денежной казны, такъ и о непринадлежащихъ расходахъ по осми пунктамъ въ тринатцети тысячахъ девяти стахъ осмидесяти осми рубляхъ, не доказали, да и по слѣдствію за Шумахеромъ того похищенія и не принадлежащихъ расходовъ не явилось, но употреблены на самые настоящіе расходы по опредѣленіямъ указомъ и съ положенной на Академію по указу 724 году суммы; а что же явилось и съ казеннаго Французскаго и Воложскаго вина во взятьѣ имъ, Шумахеромъ, до пятнадцати анкерковъ, по цѣнѣ на сто на девять рублевъ; но то вино бралъ онъ, Шумахеръ, въ домъ свой и употреблялъ не все на свои расходы, но и на присланные въ Кунстъ-Камеру отъ Двора и отъ знатныхъ персонъ монстры, которые присылались въ ночи и анатомлены были въ домѣ ево, и требовали въ то время необходимо налитія тѣмъ спиртомъ, чтобъ не могли испортитца, и то велѣно опредѣленному къ тому рисовальнаго дѣла подмастерью, Андрею Грекову, записывать и имѣть книги; къ чему онъ и указомъ опредѣленъ былъ, но того онъ не записывалъ, и книгъ о томъ не имѣлъ, и по слѣдствію явилось, то упущеніе учинено отъ него, Грекова. Да сверхъ того тые жъ доносители, Камеръ, Грековъ, Носовъ, доносили: по двадцати по девяти пунктамъ, яко бы Шумахеромъ учинено не принадлежащихъ расходовъ, да въ доимкѣ по Академіи и по книжной лавкѣ упущенныхъ и щетовъ къ упущенію жъ интереса не окончано, всего о двадцати семи тысячахъ о стѣ восмидесяти рубляхъ; а Шумахеръ въ отвѣтахъ показалъ, что тѣхъ не принадлежащихъ расходовъ и упущенія доимки и щетамъ и протчихъ непорядковъ не чинилъ, и больши и съ того слался на Академическія дѣла, а доносители, Камеръ

съ товарыщи на тѣ Шумахеровы отвѣтныя дватцать девять пунктовъ чрезъ не малое время никакова доказательства не объявили, и сказали, что родня доказательство имѣютъ токмо неясное, а требовали, чтобъ допустить до всѣхъ Академическихъ дѣлъ, о которыхъ ни о чемъ и не доносятъ, да и дѣла по Академіи, которые запечатаны, обстоятельно никогда описаны не были, и той описи безъ разобранія дѣлъ, по усмотрѣніи Коммисіи, ни какъ скоро учинить не возможно, какъ о томъ и справкою изъ Академіи показано; и хотя Генваря съ 13 числа, 743 году, и до нынѣ оные доносители за неучиненіе на показанные пункты ясного доказательства содержатца подъ карауломъ, токмо не доказывали. Грыдорованнаго дѣла подмастерью, Андрея Полякова, бивъ же кнутомъ, сослать въ Оренбурхъ на житье, понеже, хотя онъ, Поляковъ, и доносилъ на Совѣтника Шумахера о самовольныхъ и непорядочныхъ расходахъ, и якобы въ пересылкѣ тайно за море о Камчатской экспедиціи ландкартъ, а по Шумахерову допросу и по слѣдствію той пересылки ландкартъ за море не явилось, а явились тѣ ландкарты, по скопированіи, не инде гдѣ, но въ Академіи, въ Конференціи, у Профессора Винцгейма, за печатью, которые и взяты въ Коммисію и въ собраніе: и въ оной Коммисіи при Совѣтникѣ Нартовѣ, да Профессорѣхъ, Делилѣ и Винцгеймѣ, и при немъ, Поляковѣ, распечатаны и, осмотря оныхъ ландкартъ, онъ, доноситель Поляковъ, объявилъ, что оные ландкарты тѣ самые, о которыхъ онъ доносилъ, да онъ же, доноситель, по своимъ пунктамъ на отвѣтные Шумахеровы пункты жъ упрямствомъ своимъ доказательства никакова не объявилъ, и въ Коммисіи предъ собраніемъ и при Совѣтникѣ Нартовѣ и Профессорѣ Делилѣ кричалъ и неучтиво говорилъ, что у него на допросъ Шумахеровъ доказательство готово, только, де, онъ объявлять не будетъ и судомъ Коммисіи не доволенъ. Онъ же Секретаря Иванова, который то слѣдствіе производилъ, называлъ воромъ напрасно и требовалъ съ нимъ суда о недопросѣ Шумахера изъ его, Полякова, доношенія по 3-му пункту, котораго производить не должно, понеже онъ, Шумахеръ, о томъ же, по доношенію Коммисара Камера, по тритцать четвертому пункту уже былъ допрашиванъ, о чемъ и ему, Полякову, было объявлено, и тѣмъ онъ объявлялъ себя быть довольнымъ, за что оной Поляковъ, Генваря съ 11, 743-мъ году, и донынѣ содержитца въ Коммисіи. скованъ подъ карауломъ, но токмо за упрямствомъ не доказываетъ же. Рисовальнаго дѣла подмастерья Грекова, за то, что

онъ по указу, данному изъ Академіи на приходъ и расходъ виноградного вина, книгъ не имѣлъ и ихъ не требовалъ и не содержалъ, и, оставя оныя Шумахеру, отпускалъ вино безъ указовъ, по словеснымъ приказамъ, и того не записывалъ, и по слѣдствію явилось: то упущеніе учинено отъ него, Грекова, высѣчь батожьемъ и быть по прежнему при Академіи, ибо онъ то учинилъ погрѣшеніе, а тому вину, которое онъ на рукахъ у себя имѣлъ, похищенія ни какова по слѣдствію, кромѣ отпуску къ Шумахеру, не явилось. Съ Совѣтника Шумахера, что онъ виноградное вино бралъ въ домъ свой и употреблялъ обще, какъ на домашніе свои расходы, такъ и на налитіе присланныхъ монстровъ, а книгъ на приходъ и расходъ Грекову, по силѣ присланнаго изъ Правительствующаго Сенату указу, 735 году, Декабря 31 числа, не дано, и записки объ отпускѣ того вина къ нему, Шумахеру, въ домъ Грековъ не имѣлъ, а онъ, Шумахеръ, того за нимъ не смотрѣлъ, деньги по покупной цѣнѣ, по силѣ Ея Императорскаго Величества, Декабря 15 дня, 741 году, указу, взыскать въ одинъ рядъ сто девять рублевъ, да за матеріалы казенныя, что надсмотрщикъ Шмидъ, съ 735 по 739 годъ, когда оной наймывался, а Шумахеръ жилъ въ томъ домѣ, за песокъ, глину и бревна, а надлежало было за тѣ матеріалы деньги вычесть изъ наемной цѣны у Мараксы, при выдачѣ денегъ, которые не вычтены и въ казну не возвращены, взыскать съ него жъ, Шумахера, а имянно: тритцать восемь копѣекъ, всего сто девять рублевъ тритцать восемь копѣекъ, и отослать къ расходу въ Академію. Что же Шумахеръ по двадцети девяти пунктамъ на доношеніе Камерово съ товарыщи въ отвѣтѣ показалъ о непринадлежащихъ расходахъ и о упущенной доимки по щетамъ, всего о двадцети семи тысячахъ о стѣ восмидесяти рубляхъ, и о протчихъ непорядкахъ, что не чинилъ, и больше того слался на Академическія о томъ дѣла, а доносители о томъ объявили, что они на то ясного доказательства не имѣютъ, о томъ, какъ съ Академіею по дѣламъ, такъ и съ протчими мѣстами, гдѣ надлежитъ, чинятца справки; однако жъ оное дослѣдовать и разсмотрѣть Президенту, которой въ Академію опредѣленъ будетъ. 3) Того жъ Марта 11-го, Переводчикъ Горлицкой пишетъ, яко бы Совѣтникъ Шумахеръ сначала Академіи уставлялъ свои порядки дикія въ произведенія наукъ, какъ, де, и граматика его перваго выходу являетъ, и будто яко бы принуждены были разсылаться въ разныя службы, и о протчемъ, по девятнатцети пунктамъ, исъ того

на пятнатцать пунктовъ по слѣдствію не явилось, и онъ, Горлицкой, не доказалъ, а на четыре пункта и доказывать не сталъ. И тако по всему видно, что, какъ по тому Горлицкаго предложенію и опровержению установленія о наукахъ, такъ и по другимъ доносительскимъ доношеніямъ, ни какихъ Совѣтника Шумахера непорядочныхъ поступокъ и похищенія казны, кромѣ забранного вина, не явилось, и доносятъ изъ злости, а не по истинѣ, а имянно: Коммисаръ Камеръ за неопредѣленіе ему большаго жалованья и рангу; Канцеляристъ Грековъ за отрѣшеніе отъ Академіи, понеже приличился въ сочиненіи ложнаго контракта; Копистъ Носовъ былъ по нѣкоторымъ дѣламъ въ Тайной Канцеляріи подъ слѣдствіемъ, и на Шумахера доноситъ ложно; Переводчикъ Горлицкой за непроизведеніе въ Профессоры, которой, де, не токмо въ наукахъ, но и въ переводахъ мало искусной; Грыдорованнаго художества подмастерья Поляковъ, будто его Шумахеръ къ тому художеству собою опредѣлилъ, а по слѣдствію явилось, что къ тому опредѣленъ по его письменному прошенію; Копистъ Пухортъ за неопредѣленіе ево въ Студенты, а онъ въ Китайскомъ и Манджурскомъ языкѣ чему обученъ—недостаточенъ; Переводчикъ Поповъ, да Студенты Шишкаревъ, Ковринъ и Старковъ, за малоопредѣленное жалованье: Нартовъ за отрѣшеніе Шумахеромъ опредѣленного ему въ бывшее правленіе Принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской двойного жалованья, по тысячѣ по двѣсти рублевъ, и что Шумахеръ же, во учиненное описаніе о Академіи Наукъ, имени ево, Нартова, не включилъ; на объявленного жъ Нартова Совѣтникъ Шумахеръ, въ 742 году, Сенатской Конторѣ представлялъ письменно, что оной большую часть своего при Академіи времени на артилерійскіе работы употребилъ и употребляетъ, а начатаго Тріумфальнаго столба всѣмъ славнымъ баталіямъ и акціямъ и героичнымъ дѣламъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императора Петра Великаго чрезъ шесть лѣтъ не начиналъ; Делиль, за удержаніе у него Шумахеромъ жалованья, для того, что онъ въ Конференцію къ Профессорамъ не ходилъ и ничего не дѣлалъ, а по мнѣнію Коммисіи Горлицкому за то, что онъ доносилъ яко бы Шумахеръ установленіе блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра испровергъ и тщался злоумышленно науки искоренить, и яко бы супостатамъ отечества Россійскаго, Нѣмцамъ, всѣ Академическія тайны сообщалъ, и будто бы бывшіе Президенты были люди невѣрные, и яко бы науки про-

исходятъ и младыхъ людей учатъ медленно, неправильно, токмо ни о чемъ доказать не могъ, и по слѣдствію ничего то не явилось, учиня наказаніе плетьми, послать въ Оренбурхъ на вѣчное житье. Переводчику Попову за то, что онъ доносилъ, яко бы по книжной лавкѣ можетъ доказать похищенного интереса больше тритцети тысячъ, а въ доказательствѣ объявилъ, что, кромѣ того, что по щету явится, точного никакого похищенія не знаетъ, и будто науки происходятъ въ Гимназіи неправильно, токмо еще о всемъ, тако жъ по доношеніямъ Кописта Пухорта, Студентовъ: Шишкарева, Коврина и Старкова, не слѣдовано, что по слѣдствію явитца, учинить по силѣ указовъ. Профессору Делилю дать апшитъ за то, что онъ въ Конференцію къ Профессорамъ не ходитъ и никакихъ изобрѣтеній не сообщаетъ, а о Совѣтникѣ Нартовѣ предано въ Высочайшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе, а притомъ представлено о опредѣленіи въ ту Академію Президента, и необходимо потребно сочинить статъ, и на оной сумму опредѣлить, и оное сочиненіе стата, также и не дослѣдованные дѣла, разсмотрѣть тому Президенту; ему жъ и Библіотеку и Кунстъ-Камору освидѣтельствовать, и буде имъ къ тому слѣдствію опредѣленнымъ, за много положенными на нихъ другими дѣлами, обстоятельно пересмотрѣть меньше дву лѣтъ не возможно. При тѣхъ же докладѣхъ сообщены поданные челобитные и доношеніи, а имянно: прошеніе, да доношеніе 743 году, Февраля, дня, Переводчиковъ: Попова, Горлицкаго, Коммисара Камера, Студента Пухорта, Канцеляриста Грекова, Грыдорованнаго дѣла подмастерья Полякова, яко бы въ доказаніи Шумахера, и что Коммисія въ томъ чинитъ посяжки и по силѣ указу не о всемъ слѣдовала; Совѣтника Нартова на ту жъ Коммисію, что слѣдовано о Шумахерѣ, неправильно и чтобъ отъ Коммисіи доклады разсмотрить съ подлинными дѣлами, да отъ Академіи Наукъ, за рукою ево жъ, Нартова: 1) о содержаніи Академіи и при ней художествъ и о излишнихъ служителяхъ, и имъ о жалованьѣ; 2) о Академическомъ долгу; 3) о дачѣ въ ту Академію нѣкоторой суммы до учиненія стата. И по указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, слушавъ тѣхъ всѣхъ докладовъ, доношеній, репортовъ, челобитенъ, приказали: 1) Переводчику Ивану Горлицкому, которой къ Нартову писалъ, что Шумахеръ къ Маклеру Сутову переселился, чего по слѣдствію не явилось, и будто жъ жена Шумахерова по чюжимъ карманамъ распорядила, причитая ко ухоровѣ

ихъ пожитковъ, а въ доказательствѣ своемъ показалъ только, что видѣлъ идущую съ крыльца квартеры Шумахеровой иноземку, у которой, де, подъ пазухою отдулось, а больше не показалъ; также, что онъ доносилъ, яко бы Шумахеръ, установленіе блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго испровергъ и тщался злоумышленно науки искоренить, и супостатамъ отечества Россійскаго, Нѣмцамъ, всѣ Академическія тайны сообщалъ, и будто бывшіе Президенты были люди невѣрныя и науки происходятъ и младыхъ людей учатъ медленно и неправильно, а при слѣдствіи ни о чемъ не доказалъ, и по слѣдствію того не явилось; и хотя было за такія ево ложныя доносы подлежало ему учинить то жъ, что бы по силѣ указовъ надлежало, ежели бы въ томъ явился виновенъ Шумахеру, но въ разсужденіи его, Горлицкого, долголѣтной службы и старости, изъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости, не чиня ему наказанія, послать въ Оренбурхъ на вѣчное житье и опредѣлить ево тамо ко обученію молодыхъ людей. 2) Коммисару Михайлу Камеру, Канцеляристу Дмитрію Грекову, Кописту Василью Носову, которые доносили на Совѣтника Шумахера о похищеніи денежной казны и о не принадлежащихъ росходѣхъ по осми пунктамъ, въ тринатцети тысячахъ въ девяти стахъ въ восмидесяти восми рубляхъ, въ чемъ не доказали, и по слѣдствію, какъ въ Коммискомъ докладѣ изъяснено, того похищенія и не принадлежащихъ росходовъ не явилось, но употреблены на настоящіе росходы по опредѣленіямъ и указомъ, а потому жъ своему доношенію на дватцать девять пунктовъ, яко бы Шумахеромъ же не принадлежащихъ же расходовъ учинено, да въ доимкѣ и щетовъ Академическихъ ко упущенію интереса не окончано на дватцать семь тысячъ на сто на восемдесятъ рублевъ, а на то ихъ показаніе по Шумахеровымъ отвѣтамъ, въ коихъ онъ показывалъ, что того не чинилъ и ссылался о томъ на дѣла, а оные доносители, чрезъ не малое подъ арестомъ содержаніе, отвѣтствовали, что хотя доказательство и имѣютъ, токмо не ясное, и требовали, чтобъ допустить ихъ до всѣхъ Академическихъ дѣлъ: хотя жъ подлежало жъ съ ними учинить то жъ, какъ и въ первомъ пунктѣ о Горлецкомъ написано, что было надлежало учинить Шумахеру, но, для вседражайшаго Ея Императорскаго Величества многолѣтного здравія и изъ Высочайшей милости, отъ того ихъ свободить, а за такой ихъ неправой по осьми пунктамъ доносъ, а по дватцети девяти пунктамъ недоказательство, учиня имъ наказа-

ніе плетьми, послать въ Сибирь на житье, а къ дѣламъ ихъ тамо не опредѣлять. Что же они просили, дабы, по вышепомянутымъ дватцети девяти пунктамъ, ихъ допустить до всѣхъ дѣлъ Академическихъ, и оное отставить, для того, что они не для чего иного то чинятъ, но токмо избывая по неправымъ своимъ доносамъ вины и тѣмъ бы время продолжить, да о чемъ и доносили, и до тѣхъ дѣлъ были допущены, то изъ нихъ по нѣкоторымъ пунктамъ не доказали, а по другимъ и не доказываютъ, и съ чего явно тотъ доносъ затеяли они напрасно, ежели жъ бы они сверхъ прежнихъ своихъ доносовъ за кѣмъ похищеніе казны, или преступленіе указовъ, подлинно вѣдали, то бъ надлежало имянно обьявить, а не на всѣ Академическія дѣла ссылатца. 3) Грыдорованнаго дѣла подмастерью Андрею Полякову, которой, сверхъ вышепоказанныхъ якобы непорядочныхъ росходовъ, на Шумахера жъ доносилъ въ пересылкѣ тайно за море о Камчатской экспедиціи ландкартъ, чего не явилось и онъ не доказалъ, а по слѣдствію Коммисіею о тѣхъ ландкартахъ явилось, которые оным Шумахеромъ со взятыхъ исъ Коммисіи объ Остерманѣ скопированы, тѣ отданы для содержанія секретно Профессору Винцгейму исъ Конференціи, отъ него жъ и за его жъ Профессорскою печатью въ Коммисію взяты, и по роспечатаніи, при немъ же, Поляковѣ, смотря ихъ отъ него объявлено жъ, что оныя ландкарты самыя тѣ, о которыхъ онъ доносилъ. Онъ же, Поляковъ, въ Коммисіи, во время засѣданія членовъ, кричалъ и неучтиво говорилъ, что онъ доказательства, кое надлежало ему о тайной ихъ ландкартъ Шумахеромъ пересылкѣ учинить, говорить не будетъ, и судомъ, де, Коммисскимъ недоволенъ; да онъ же, Поляковъ, при томъ же присутствіи Секретаря Иванова, находившагося при произведеніи того слѣдствія, называлъ воромъ, якобы по ево, Полякова, изъ четырехъ пунктовъ доношенію, по третьему Шумахеръ не допрашиванъ о самовольныхъ и непорядочныхъ росходахъ, а ему, Полякову, въ собранію жъ было объявлено, что о томъ же онъ, Шумахеръ, прежде, по доношенію Коммисара Камера, по тритцать четвертому пункту уже допрашиванъ, на которое онъ, Поляковъ, тогда жъ объявлялъ, что онъ тѣмъ безспорно былъ доволенъ. За такое ево, Полякова, ложное доношеніе о непорядочныхъ росходѣхъ, за недоказательство о пересылкѣ ландкартъ, за неучтивой въ судебномъ мѣстѣ поступокъ, высѣчь же плетьми и отослать по его художеству въ Московскую Типографію, въ которой жалованье ему давать про-

тивъ того, по чему онъ при Академіи получалъ, съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ по разсмотрѣнію. 4) Рисовальнаго дѣла подмастерью Грекову, о которомъ, по поданному отъ Коммисара Камера съ товарищи, доношенію чрезъ слѣдствіе явилось, что по данному ему изъ Академіи указу на приходъ иросходъ казеннаго вина книгъ по регламенту не имѣлъ и не требовалъ, и оное держалъ въ росходъ, и къ Шумахеру отпускалъ по словеснымъ приказамъ, за что, по мнѣнію Коммисіи, присуждено высѣчь батожьемъ и быть по прежнему при Академіи, понеже то учинилъ онъ первое погрѣшеніе, а тому вину похищенія имъ не явилось, учиня ему, по мнѣнію Коммисіи, наказаніе опредѣлить, кромѣ Академіи, по ево художеству, въ другое мѣсто, и у которыхъ доносителей пожитки ихъ запечатаны, а на нихъ казенной доимки съ 1730 году нѣтъ, оные имъ отдать по прежнему. 5) Съ Совѣтника Шумахера, за перебранные имъ исъ покупнаго въ Академію Францускаго вина, безъ опредѣленія и росписокъ, въ домъ свой пятнадцать анкирковъ, хотя и показывалъ, что исъ того не всѣ на свои росходы употреблялъ, но нѣкоторое число, на налитіе спиртомъ монстровъ; но въ томъ онъ, тако жъ и за казенные матеріялы въ наемной домъ Мараксинъ, что было изъ наемныхъ надлежало, а не вычелъ; тако жъ и въ томъ, что, по силѣ посланнаго исъ Правительствующаго Сената 735 года, Декабря 31 дня, указу, для записки такого казеннаго расходу, по регламенту книгъ не далъ: по мнѣнію Коммисіи, по силѣ Ея Императорскаго Величества состоявшагося въ 741 году, Декабря 15 дня, Всемилостивѣйшаго указа, взыскать съ него, Шумахера, въ одинъ рядъ всего сто девять рублевъ тритцать восемь копѣекъ, и отдать въ приходъ Академической, понеже онъ то учинилъ до состоянія онаго указа; а что на приходъ и расходъ книгъ не далъ, и за то подлежалъ быть штрафованъ, но, по силѣ вышеписаннаго жъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго указу, то ему упустить; ибо онъ то учинилъ до состоянія того жъ указу, а тѣмъ указомъ всѣ штрафы упущены. 6) Переводчикъ Никита Поповъ доносилъ, якобы онъ похищенной бумаги болѣе какъ на тритцать тысячь рублевъ изыскать можетъ, а при слѣдствіи показалъ, что онъ на то доказательства не имѣетъ, кромѣ того, что по щету явитца, а воровство, де, точное той бумаги было ль, того не знаетъ и къ черному допросу руку приложилъ, а къ бѣлому упрямствомъ не подписался, за что содержится подъ карауломъ; онъ же показывалъ, якобы науки происходятъ въ Гимназіи Академической

неправильно, и отъ Академіи Правительствующему Сенату репортовано ложно о издержанныхъ на него, Попова, и на другихъ учениковъ покупкою разныхъ вещей, которыхъ, де, они не получали, и объ отрѣшеніи ихъ отъ профессорскихъ наукъ безвинно, и о недачѣ имъ къ переводу книгъ о тѣхъ наукахъ, которымъ они обучались, и о отягощеніи переводами Канцелярскихъ дѣлъ, кои до тѣхъ наукъ не касаются; но о томъ въ Коммисіи не слѣдовано, и для того о томъ дослѣдовать определенному впредь въ ту Академію Президенту, а его, Попова, содержать до того времяни подъ карауломъ. 7) На Унтеръ-Библіотекаря Тауберта въ выносѣ имъ связками писемъ и въ роспечатаніи запечатанной Нартовымъ ево полатки доношеніе, какъ по слѣдствію явилось, во всемъ затѣйное, потому что на кого о ношеніи тѣхъ писемъ показывали и на свидѣтелей слались, того имянно они не показали; а что оной Таубертъ запечатанную Нартовымъ ево полатку распечаталъ, въ томъ вины ево нѣтъ, ибо онъ тогда то учинилъ приказомъ Адмирала Графа Головина. 8) А по вышеупомяненнымъ дватцети девяти пунктамъ доношенія Камерова съ товарыщи о непринадлежащихъ росходѣхъ и о упущенной доимкѣ по щетамъ о дватцати семи тысячахъ о стѣ осмидесяти рубляхъ и о протчихъ непорядкахъ, о чемъ Шумахеръ отвѣтами показалъ, что того не чинилъ и слался на Академическіе дѣла, а та Коммисія представляла, чтобъ о томъ дослѣдовать и разсмотрѣть Президенту, кто въ Академію опредѣленъ будетъ, и буде того въ скорости, а потомъ въ вѣдомости, поданной въ Правительствующій Сенатъ, въ 4 пунктѣ объявлено, что того меньше трехъ лѣтъ собрать и разсмотрѣть невозможно, и для того, что до щетовъ и свидѣтельства по приходнымъ и росходнымъ книгамъ денежной казны и всякого званія матеріаловъ и припасовъ принадлежитъ, о томъ, въ силу Ея Императорского Величества оной Коммисіи данного имянного указу, щеты освидѣтельствовать въ Ревизіонъ-Колегіи, и ежели явится на комъ какой начетъ, то оной Колегіи взыскать безъ упущенія, а въ Академіи все ли по учрежденію въ прожектѣ за подписаніемъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великого, и потомъ по силѣ жъ состоявшихъ указовъ, происходило, о томъ разсмотрѣть впредь опредѣленному въ ту Академію Президенту. 9) По доношеніямъ Студентовъ, Ивана Пухорта, Прокофья Шишкарева, Михайла Коврина, Семена Старкова, исъ которыхъ они доносили, какъ въ приложенной Правительствующему Сенату вѣдомости

отъ Коммисіи показано, а имянно, Пухортъ на Шумахера, на Фактора Кланнера и на Контролера Гофмана, въ непорядочной продажѣ книгъ и въ запущеніи многой доимки, и во взятьѣ ими книгъ, денегъ и о протчемъ; Шишкаревъ, Ковринъ и Старковъ, о недопущеніи ихъ къ надлежащимъ наукамъ и въ недачѣ имъ надлежащаго жъ жалованья, по которымъ, де, ихъ доношеніямъ въ Коммисіи, за показанными отъ нея резонами, еще не дослѣдовано; а докладомъ во мнѣніи объ нихъ показано, что по слѣдствію явитца, учинить бы по силѣ указовъ; о вышеобъявленномъ же Пухортѣ, въ реестрѣ съ содержащимися по той Коммисіи колодниками, показано, что онъ, Пухортъ, за неприкладываніе руки къ выпискѣ, по доносу его съ протчими, о выносѣ Таубертомъ писемъ, Декабря съ 16 дня, 742 году, содержитца; того ради оного Пухорта, до изслѣдованія о томъ, держать подъ карауломъ по прежнему, а по доношеніямъ же Коврина съ товарыщи разсмотрѣть, и о чемъ надлежитъ, изслѣдовать вновь опредѣленному въ Академію Президенту 10) Профессору Делилю, о которомъ Коммисія мнѣніемъ представила за то, что онъ въ Конференцію къ Профессорамъ не ходитъ и никакихъ изобрѣтеній имъ не сообщаетъ, для того бъ дать ему апшитъ; но того апшита ему, за поданнымъ отъ Правительствующаго Сената Ея Императорскому Величеству, объ отпускѣ Профессоровъ въ отечества ихъ, докладомъ, дачею обождать, а быть ему при Академіи жъ, и доколѣ при ней будетъ, жалованье производить ему по прежнему. А каковымъ изобрѣтеніямъ и протчему отъ того времени, какъ онъ въ Конференцію ходить пересталъ и ничего не сообщалъ, а отъ него, Делиля, сообщенныхъ быть надлежало, оные ему, по требованію, неотмѣнно сообщить. Буде же того и за симъ опредѣленіемъ исполнять не будетъ, о томъ протчимъ Профессорамъ представить на него Правительствующему Сенату. 11) О Совѣтникѣ Нартовѣ, что ему быть у прежняго дѣла, у котораго онъ былъ, до отрѣшенія Совѣтника Шумахера, по полученіи Ея Императорскаго Величества, Правительствующему Сенату, Декабря 4 дня, 743 году, указу, о бытіи помянутому Шумахеру въ Академіи по прежнему, резолюція уже учинена, и будучи ему, Нартову, у порученного прежняго ему дѣла, Академіи Наукъ членомъ не писатца, а именоватца настоящимъ Совѣтничьимъ чиномъ. А понеже весьма нужда требуетъ, чтобъ въ Академію опредѣленъ былъ Президентъ, къ тому дѣлу человѣкъ достойной, которому должно о всѣхъ Академическихъ чинахъ, и о ихъ должностяхъ, и о служителяхъ

и о протчемъ разсмотрить, и о чемъ потребно, представлять, потомъ доложить Ея Императорскаго Величества. Что же вышеписаные доносители представляютъ, а имянно, Переводчики: Никита Поповъ, Иванъ Горлицкой, Коммисаръ Камеръ, Студентъ Пухортъ, Канцеляристъ Грековъ, подмастерья Поляковъ: 1) что Академическіе апартаменты съ Канцелярскими дѣлами не всѣ запечатаны, а въ поданномъ Коммискомъ Марта 12-го докладѣ представлено, что, во исполненіе имянного Ея Императорского Величества указу, какъ Кунстъ-Камора, такъ и Библіотека, книжная лавка, Академическія дѣла и денежная казна запечатана, да въ поданной же отъ Коммисіи вѣдомости о вступившихъ въ нее, сверхъ присланныхъ при ономъ имянномъ указѣ доношеніевъ, дѣлахъ, во 2 пунктѣ показано: Профессоры, де, на Совѣтника Нартова доносили въ запечатаніи имъ самовласно, безъ указу, въ Конференціи архивы, въ которой здѣшней и чужестранной Академіи членовъ сочиненныя изобрѣтеніи и письменная о наукахъ кореспонденція: также, де, и шкафовъ, гдѣ ландкарты и протчія къ Географическому Департаменту извѣстія хранятца, а по слѣдствію явились оныя запечатаны безъ всякой притчины, и подозрѣнія не найдено, чего ради при немъ же, Нартовѣ, и роспечатаны, исъ чего явно то, что они писали ложно. 2) О выносѣ Таубертомъ писемъ по слѣдствію явился онъ невиненъ, о чемъ показано выше сего. А что они при томъ же, доносители, написали о опредѣленіи Шумахеромъ Тауберта къ Минцъ-Кабинету и Кунстъ-Камернымъ вещамъ безъ присяги, и повѣрилъ онъ ему безъ описи и безъ росписки и ежели бъ, де, онъ, Шумахеръ, умеръ, то изъ оныхъ вещей сколько бы чего ни пропало, взыскать на комъ бы было, и оное ихъ доношеніе отставить, понеже къ храненію и содержанію всего того указомъ опредѣленъ Совѣтникъ Шумахеръ, а онъ, Таубертъ, по силѣ бывшаго Кабинета резолюціи опредѣленъ только Унтеръ-Бибіотекаремъ. И ежели бы чего и подлинно не явилось, то бъ взыскано было на немъ, Шумахерѣ, да и отъ нихъ того, чтобъ исъ тѣхъ вещей чему именно похищеніе было, не показано. 3) О недопущеніи ихъ, доносителей, до всѣхъ Академическихъ дѣлъ, а до оныхъ, де, допустить ихъ надлежало, и буде въ нихъ находятца такія скрытыя Шумахеровы фальши, которыхъ Коммисіи одной слѣдствіемъ своимъ безъ нихъ, доносителей, якобы познать никакъ не можно, какъ, де, они усмотрѣли два опредѣленія при щетной выпискѣ, 724 году, Марта 4, да Маія 3-го чиселъ, которыя, де, учинены въ противность указомъ фальшиво.

А отъ Коммисіи докладомъ показано, что они до тѣхъ дѣлъ, о которыхъ доносили, допущены, но токмо на достальныя двадцать девять пунктовъ доношенія своего на отвѣты Шумахеровы доказывать не стали, а до тѣхъ дѣлъ, о которыхъ не доносили, допускать не подлежитъ, и для того то ихъ доношеніе отставить, ибо до всѣхъ Академическихъ дѣлъ допускать ихъ не слѣдуетъ, да о вышепоказанныхъ двухъ выпискахъ, о чемъ оныя и какой фальшъ учиненъ, имянно не показываютъ, да хотя бы подлинно въ чемъ передача была учинена, то бы, по силѣ вышеписанного имянного указу, на комъ надлежало, взыскана будетъ по щетамъ въ Ревизіонъ-Колегіи, исъ чего явно, что чинятъ для одного продолженія. А что они доносятъ, ежели бъ зачала Коммисія, во первыхъ, слѣдствіемъ о запечатанныхъ вещахъ и они бъ, доносители, при томъ были, то бъ, для изъясненія, къ доказательству найбольшіе интересу непорядки наружу были выведены; но понеже Коммисіи имяннымъ указомъ повелѣно Академическія вещи пересмотрѣть и освидѣтельствовать, что отъ той Комисіи и чинилось; а щеты сначала той Академіи произвести велѣно Ревизіонъ-Колегіи, зачѣмъ та Коммисія въ тѣ щеты и не вступала, и надлежитъ оныя учинить, въ силу того имянного указа, Ревизіонъ-Колегіи, и что по щету и по свидѣтельству на комъ явитца, то взыскать безъ всякого упущенія. 4) Якобы Коммисія, оставя слѣдствіе между ими и Шумахеромъ, производила судомъ такъ, что и доказательство многихъ отъ нихъ не принято, однако де, они, по первымъ осми изъ доношенія своего пунктамъ, въ похищеніи интереса, Шумахера обличили и доказали, да въ арестованныхъ, де, въ домѣ Шумахеровомъ письмахъ найденъ важной блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Великаго секретъ, и что оный же Шумахеръ явился подозрителенъ въ скопированіи Камчатскихъ ландкартъ на почтовой бумагѣ, коего, де, долженствовало роспрашивать, какъ злодѣя; но Коммисія, де, въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества представила, якобы дальней вины не находилось, и того, де, ради свободу ему исходатайствовала. А исъ поданныхъ отъ Коммисіи Ея Императорскому Величеству докладовъ и Правительствующему Сенату вѣдомости явно, что о всемъ чинено слѣдствіемъ, а не по формѣ суда происходило. И по онымъ осми пунктамъ, по слѣдствію Коммисіи жъ, какъ о томъ выше объявлено, доказательство ихъ, доносителей, кромѣ забраннаго Шумахеромъ вина и малаго числа матеріаловъ, вмѣсто показыванной суммы, тринатцати тысячь девяти-

сотъ осмидесять осми, только на сто на девять рублей не явилось; а о показанномъ секретѣ, ежели бы они подлинно за нимъ, Шумахеромъ, знали, что оной секретъ кому онъ объявлялъ, то тогда жъ доносить, и въ томъ на него доказать имъ было должно, а они того имянно не показываютъ. А когда у Шумахера въ домѣ письма арестованы, то онъ при томъ того жъ времени о томъ секретѣ объявилъ и показалъ, что о томъ книга за печатью бывшаго въ той Академіи Президента, Кейзерлинга, и та книга и отъ Шумахера о томъ доношеніе запечатаны жъ отъ Коммисіи, а о Камчатскихъ ландкартахъ до Шумахера никакому подозрѣнію по слѣдствію не явилось же, о чемъ показано выше сего, и исъ подъ аресту освобожень не по исходатайству Коммискому, но по особливому Ея Императорскаго Величества имянному указу. 5) О содержаніи ихъ, доносителей, подъ арестомъ, да о взыскиваніи на Переводчикѣ, Поповѣ, Коммисіею заочнаго своего безчестья и о подозрѣніи на Секретаря Иванова въ сообщеніи исъ пунктовъ и доказательствъ Унтеръ-Библіотекарю Тауберту, и что Шумахеръ, по доношенію Полякова, на третей пунктъ утайкою ево, Секретарскою, не допрашиванъ, а отъ Коммисіи докладомъ и вѣдомостью и реестромъ объ нихъ показано, что они содержатца по доношеніямъ своимъ за недоказательство, а не посяжкою Коммисіи, а на Секретаря Иванова, яко бы онъ Шумахера не допрашивалъ, писали ложно, ибо онъ, Шумахеръ, въ чемъ надлежало допрашиванъ, какъ о томъ показано выше сего. Совѣтникъ Андрей Нартовъ: 1) о запечатаніи имъ тѣхъ апартаментовъ, кои съ протчими отъ Коммисіи были не запечатаны, яко бы для казенного интереса; но когда отъ Коммисіи слѣдствіе о томъ произведено, то казенного вреда и убытковъ не показалось, да и печатать ему того было не должно, ибо то печатаніе Академическихъ департаментовъ именнымъ указомъ поручено было той Коммисіи, а не ему, Нартову. 2) Къ разсмотру и свидѣтельству находящихся въ Академіи вещей онъ, Нартовъ, и доносители не допущены; а по взятымъ изъ Коммисіи дѣламъ явствуетъ, что не токмо онъ, Нартовъ, но и Профессоръ Делиль и доносители къ тому были допущены. Что же оныя, по объявленнымъ отъ Унтеръ-Библіотекаря Тауберта каталогомъ, не всѣ освидѣтельствованы съ присылками и противъ того всѣ ль на лицо; о томъ отъ Коммисіи Правительствующему Сенату въ вѣдомости показано, что оного не окончано за производеніемъ слѣдствей, за описью книжной лавки и за насту-

пающимъ зимнимъ временемъ, ибо, де, вещи Золотого Кабинета и протчее хранятся въ студеныхъ полатахъ, да и для того, что, де, оного свидѣтельства, за положенными на присутствующихъ той Коммиссіи другими дѣлами, болѣе дву дней въ недѣлѣ имѣть было не можно, а по множеству, де, тѣхъ вещей обстоятельно пересмотрить меньше дву лѣтъ не возможно. И изъ сего видно о недопускѣ ево, Нартова, съ доносительми до того осмотру вещей представляетъ неправильно. А чего вещей по нынѣ противъ присылокъ не освидѣтельствовано, о томъ то свидѣтельство окончать немедленно. 3) Доказательствъ доносителевыхъ до изъясненія подлоговъ и Академического прожекта, за споромъ, Коммисія не принимала, и по показанію доносителя Камера на Секретаря Волчкова въ противныхъ указомъ поступкахъ, о которыхъ, де, спорахъ отъ него, Нартова, присутствующимъ неоднократно предлагаемо было, но оная, де, отъ него того не принимала, и споровъ въ протоколъ записывать не велѣла. А изъ слѣдствія Коммискаго видно, на которыя пункты они, доносители, въ чемъ доказывали, о томъ въ поданномъ Ея Императорскому Величеству докладѣ представлено имянно; а на протчія, когда сами они по многому принужденію доказывать, какъ онъ въ томъ же пунктѣ написалъ, не стали, то, слѣдовательно, и записывать было нечего. А по слѣдованіи по показаніямъ на Секретаря Волчкова въ вѣдомости и отъ Коммисіи объявлено, что не окончано за недопущеніемъ къ тому времени; и для того о томъ надлежитъ разсмотрить, и о чемъ надлежитъ изслѣдовать впредь опредѣленному въ ту Академію Президенту. 4) На Шумахера жъ, де, въ непорядочныхъ поступкахъ еще 733-мъ году бывшія при той Академіи Профессоры, въ пріусмотрѣніи своемъ, Правительствующему Сенату подали; а изъ бывшихъ Профессоровъ же, въ 739 году, изъ за моря писали на него жъ къ бывшему Графу Головкину съ немалою жалобою, которое, де, отъ него, Графа, тогда жъ Сенату представлено, и нынѣ имѣется въ архивѣ, а о чемъ именно, того не показалъ; того ради о томъ справясь, о чемъ на него, Шумахера, были представленія, и что учинено, выписавъ, предложить къ докладу. 5) Профессоры, де, нынѣ въ Академіи находящіяся, о новыхъ ими изобрѣтеніяхъ Канцеляріи Академіи не репортуютъ, и чрезъ три года никакого отъ нихъ извѣстія къ пользѣ Государственной не показано, о томъ разсмотрѣть и надлежащее опредѣленіе учинить впредь опредѣленному въ ту Академію Президенту; а между тѣмъ Профессорамъ, ежели

прежде то чинено было, о такихъ новыхъ изобрѣтеніяхъ, о чемъ надлежитъ, въ Академическую Канцелярію сообщать. 6) Между другими росходами показываетъ излишними произведеніе на почетныхъ Профессоровъ дачи; а понеже такое произведеніе не токмо за излишнее, но и нужное признаваетца, ибо оныя чинены за собственныя каждаго почетнаго Профессора, обрѣтающагося въ Европейскихъ Государствахъ и получаемыя въ Россійскую Имперію, труды, которыя изданія ихъ не токмо къ одной пользѣ, но и славѣ Ея Императорскаго Величества Государства принадлежатъ, и для того о тѣхъ дачахъ въ Академіи, справясь съ указами и опредѣленіями, сдѣлавъ обстоятельной экстрактъ и разсмотря, прислать въ Сенатъ при доношеніи немедленно. 7) Академическія Канцелярскія служители отъ Коммисіи безвинно содержаны и чрезъ запечатаніе книжной полаты въ продажѣ книгъ произошла остановка, и что казеннымъ книгамъ отъ Коммисіи жъ не учинено. А отъ Коммисіи вѣдомостью показано, что по многимъ той Коммисіи требованіямъ къ слѣдствію, въ силу данного Ея Имянного указа, и съ той Академической Канцеляріи надлежащихъ извѣстіевъ было не прислано; для чего Канцелярскія служители были задержаны и книжная полата запечатана въ силу Имянного указу. А опись книгамъ, за множествомъ ихъ, чрезъ книгопродавца Прейсера продолжалась Августа по 19 число, 743 года, а по учиненіи той описи ему, Прейсеру, отдавать, а Прапорщику Рассохину съ товарыщи, которыя по представленію ево жъ, Нартова, къ тому опредѣлены, принимать въ самой скорости, Коммисіею опредѣлено при свидѣтельствѣ Ассесора Мелесина, караульныхъ Оберъ-Офицеровъ при немъ, Нартовѣ, и Делилѣ, или кому о нихъ будетъ повѣрено; и потому оное ево, Нартова, доношеніе, о томъ на Коммисію явилось неправильно, да и вышеписанной бывшей книгопродавецъ Прейссеръ и съ нимъ Канцеляристъ Паули, по поданнымъ Ея Императорскому Величеству отъ доносителей доношеніямъ, имяннымъ указомъ арестованы, и не явитца ль въ ихъ партикулярныхъ письмахъ что ко вреду и ущербу казенного интереса, письма оныхъ забравъ, разсмотрѣть повелѣно, которыя и забраны и разсматриваны, но касающагося къ казенному ущербу ничего не явилось, и для того ихъ, Прейссера и Паули, освободить на добрыя поруки по указу и книги у нихъ, ежели которые по нынѣ не приняты, оныя всѣ показанному Мелесину пересмотрѣть, и по пересмотрѣ, ежели явятся всѣ сходны, то оные, по разсмотрѣнію Академіи, поручить въ содержаніи по прежнему

мнѣ же, и о содержаніи оныхъ и о продажѣ надлежащихъ книгъ въ народъ, Академіи Наукъ поступать по указомъ; буде же, паче чаянія, при осмотрѣ какихъ не явится, оныя на немъ, Прейсерѣ, взыскать безъ упущенія; а что онъ, Нартовъ, показывалъ о книгахъ, сочиненныхъ о Остерманѣ съ товарыщи, и о тѣхъ книгахъ уже рѣшеніе учинено и указами публиковано. 7) О долгахъ Академическихъ на бывшихъ Президентахъ: Блюментростѣ, пяти тысячахъ шестидесять одномъ, на Корфѣ—четырехъ тысячь трехъ стахъ тритцати девяти, да по книжной полатѣ, о запущенной бывшимъ книгопродавцемъ, Кланнеромъ, доимкѣ на судебныхъ мѣстахъ и партикулярныхъ разныхъ людѣхъ о двѣнатцети тысячахъ девяти стахъ двата цети рубляхъ, которой, де, Кланнеръ, не токмо не взыскавъ той доимки Шумахеромъ, за море отпущенъ, но ему жъ заслуженное жалованье и сверхъ того въ долгъ книгъ на четыреста на дватцать на четыре рубли выдано, а и по нынѣ не возвращено, и что онъ о помянутомъ долгу на Блюментростѣ въ Коммисію, а о протчей доимкѣ Правительствующему Сенату, представилъ, но Коммисія, де, не слѣдовала, а вѣдомостью изъ Коммисіи въ Сенатъ показано, что по тому ево, Нартова, о взысканіи съ вышепоказаннаго Блюментроста объявленного долгу и по взысканіи о присылкѣ въ Академію къ Дѣйствительному Тайному Совѣтнику, Господину Фонлестоку, промеморія, а въ Академію для вѣдома указъ посланы, и о томъ долгу надлежащаго опредѣленія требовать Академіи отъ него, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника; также и о протчихъ, подлежащихъ ко взысканію по той Академіи долговъ, на комъ надлежитъ, взыскивать и куда надлежитъ представлять отъ той же Академіи безъ упущенія. 9) Объ отданныхъ Шумахеромъ же бывшему Фельдмаршалу Миниху, изъ Библіотеки разныхъ книгъ, которыя, де, не возвращены, да о ватерпасѣ изъ Кунстъ-Каморы, собственной инвенціи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, которой, де, и по нынѣ Оренбурхской губерніи Геодезіи у Порутчика Зиновьева, Академіи Наукъ справясь, какія имянно книги тому Миниху были отданы, учиня реестръ, сообщить въ Конфискацію, которой по тому реестру отдать ихъ по прежнему въ Академію, а отъ Порутчика Зиновьева ватерпасъ, буде не возвращенъ, взять по прежнему жъ въ Академію. 10) О Контролерѣ Гофманѣ, у котораго Академическія приходныя и расходныя книги и щеты на рукахъ были, и на оныя Шумахеръ, яко бы въ порядочномъ казны

произведеніи слался, хотя, де, онъ, Гофманъ, Коммисіею больше шести мѣсяцевъ держанъ, но не допрашиванъ и умеръ. И на томъ же, де, Гофманѣ, сверхъ жалованья, забранныхъ осталось болѣе шестисотъ рублевъ, и о томъ ему, Нартову, и представлять не слѣдовало, ибо, по имянному указу о приходахъ и расходахъ денегъ и матеріаловъ, велѣно счеты учинить чрезъ Ревизіонъ-Колегію; того ради, по силѣ того указу, о всѣхъ приходахъ и расходахъ всякаго званія щеты по той Академіи ревизовать Ревизіонъ-Колегія, и на комъ что надлежитъ взыскать, оное на тѣхъ людѣхъ взыскивать безъ послабленія, тако жъ буде по подлинному свидѣтельству явятца при щетахъ такія излишнія деньги въ дачѣ Гофману, о томъ той Колегіи поступать по указомъ же. А что онъ, Нартовъ, писалъ поданныя отъ Коммисіи доклады, ему, Нартову, и Делилю не объявлены и къ выпискамъ и экстрактамъ доносители подписаться не допущены, и свидѣтели, де, допрашиваны безъ присяги; да Коммисія жъ, де, полагаетъ, что Шумахеръ же при прежнихъ Президентахъ воли не имѣлъ, а онъ, де, въ напечатанной 741 года, и въ правленіе Принцессы поднесенной, книгѣ о состояніи Академіи Наукъ о себѣ объявилъ, что съ самаго начала Академіи Канцелярію правилъ; да при томъ же объявилъ оной же, де, книги въ началѣ въ Грыдороваłной фигурѣ изобразилъ, будто бы Анна совершила, что Петръ Первый началъ, а чтобъ, де, оная Принцесса Анна якобы оную Академію совершила, то, де, онъ, Шумахеръ, приписалъ облыжно. А понеже, когда доклады со мнѣніемъ подаются, тогда до конфирмаціи оныхъ объявлять, кому не надлежитъ, не должно, а свидѣтелей къ присягѣ приводить не слѣдовало, ибо доносители на нихъ слались изъ воли своей, а къ выпискамъ и экстрактамъ не токмо бъ они рукъ приложили, но и по многимъ своимъ доносамъ и доказывать упрямствомъ не стали, а по протчимъ показали, что доказать больше не могутъ. А противъ доносу жъ Горлицкого Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что въ Академіи, какъ науки производить, здѣланы опредѣленіи бывшими Президенты съ Професоры, на что онъ, Горлицкой, доказать не могъ, а объявилъ, что онъ думалъ, якобы все Шумахеръ чинилъ и взялъ съ листа, въ Академіи Наукъ напечатанного, Февраля 12 дня, 1741 году, и съ чего явно, то представлялъ неправо. Онъ же, Нартовъ, въ доношеніи съ немалымъ на Коммисію нареканіемъ писалъ о недопускѣ доносителей до всѣхъ Академиче-

скихъ дѣлъ, о содержаніи ихъ же подъ карауломъ, о непорядкѣ въ произведеніи Коммисіею дѣлъ, о недоказательствахъ доносителей, по ихъ доношеніямъ, о найденномъ у Шумахера секретѣ, о Камчатскихъ ландкартахъ и о протчемъ, что все отъ доносителей было показано, и за тѣмъ было ему въ то вступать не надлежало, и явно себя показалъ, что онъ, Нартовъ, во всемъ съ тѣми неосновательными и ложными доносителями точное имѣлъ согласіе, а означенную книгу, печатанную въ 741 году, при Принцессѣ Аннѣ, изъ Академіи Наукъ прислать въ Сенатъ. Что же принадлежитъ до поправленія Академіи и при ней о Профессорахъ и протчихъ чиновъ и служителей, и о ихъ жалованьѣ, и о опредѣленіи изъ Кадетовъ, о томъ разсмотрить впредь опредѣленному въ ту Академію Президенту и представить въ Сенатъ. Показанные жъ имъ, Нартовымъ, по той Академіи долги на Принцессѣ Аннѣ двѣсти шесдесятъ рублевъ шесдесятъ двѣ копѣйки, на Принцѣ Брауншвейгъ-Вольфенбительскомъ сто пять рублевъ тритцать копѣекъ, на Остерманѣ два рубли восемдесятъ пять копѣекъ, на бывшемъ Генералѣ Биронѣ тритцать два рубли пятдесятъ шесть копѣекъ, бывшаго Генерала Фельдмаршала Миниха на Канцеляріи и на немъ десять рублевъ, на Баронѣ Менгденѣ двѣсти семдесятъ рублевъ одиннадцать копѣекъ, да на покойныхъ: Новгородскомъ Архіепископѣ Ѳеофанѣ дватцать шесть рублевъ тритцать копѣекъ, на Преосвященномъ Маркелѣ три рубли тритцать три копѣйки, и того семьсотъ сорокъ рублевъ четыре копѣйки, оныхъ Академіи въ долговой суммѣ не считать и изъ доимки выключить, а съ протчихъ всѣхъ, въ тѣхъ экстрактахъ показанныхъ, взыскивать на самихъ и на наслѣдникахъ ихъ Академіи неослабно. И кто изъ тѣхъ должниковъ получаетъ Ея Императорскаго Величества жалованье, о таковыхъ, для вычету и присылки въ Академію, сообщить въ тѣ мѣста, откуда оныя получаютъ; а изъ Колегей и Канцелярей, которое мѣсто чѣмъ должно, требовать немедленно заплаты; а чѣмъ должна въ ту Академію Сенатская Канцелярія, о томъ справясь и выписавъ, доложить немедленно; которые же доношеніи въ Коммисію вступили, сверхъ присланныхъ при Имянномъ указѣ доношеній, и показано, что по онымъ дѣла не рѣшены, тѣ разсмотрить и надлежащее опредѣленіе учинить впредь опредѣленному въ ту Академію Президенту, и для того о томъ оныя тогда и протчія, кои въ Поммисіи слѣдовались и симъ опредѣленіемъ рѣшены, отослать въ ту жъ Академію. Ежели жъ во Академіи дѣла, кромѣ Коммисіи,

запечатаны Совѣтникомъ Нартовымъ, а по нынѣ оные не роспечатаны, то оные при немъ, Нартовѣ, роспечатавъ, описать немедленно, и о роспечатаніи тѣхъ дѣлъ во Академію, и о чемъ куда надлежитъ, послать указы. Маія 10 дня, 1744 году.

Подписали: Князь К. Долгорукой, Князь И. Трубецкой, Графъ Г. Чернышевъ, Андрей Ушаковъ, Князь А. Куракинъ, Александръ Нарышкинъ, Князь Михайла Голицынъ, Иванъ Бахметевъ, Князь Алексѣй Голицынъ.

По листамъ скрѣпили: Оберъ-Секретарь Дмитрій Невѣжинъ, Секретарь Андрей Суровцевъ.

ПИСЬМА
РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ, ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ
И
ДРУГИХЪ ОСОБЪ КЪ НОВГОРОДСКИМЪ АРХІЕРЕЯМЪ,

ХРАНЯЩІЯСЯ ВЪ НОВГОРОДСКОМЪ СОФІЙСКОМЪ СОБОРѢ.

1.

От Императора Петра I-го, съ увѣдомленіемъ Преосвященному Митрополиту Іову, о взятіи въ плѣнъ Шведскаго Генерала Штенбока.

Честнѣйшій Отче!

Объявляю Вамъ, что нынѣ получили мы подлинную вѣдомость отъ Господина Генерала-Фельть-Маршала, Князя Меншикова, что Шведской Генералъ-Фельть-Маршалъ Штенбокъ, совсѣмъ отдался в полонъ, а сколько людей, также ружья и прочаго получено, тому при семъ прилагается реестръ, и сими добрыми вѣдомостми Вамъ поздравляемъ.

Петръ.

Изъ Санктпетербурха
въ 17-й Іюня, 1713 года.

Слова: Честнѣйшій Отче, написаны рукою самаго Императора Петра I.

2.

Преосвященному Іову, Митрополиту Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ, отъ Царевича Алексѣя Петровича, изъ Старой Руссы, съ изъявленіемъ благодарности за сообщеніе добрыхъ извѣстій съ Турецкой стороны.

Преосвященнѣйшій Владыко!

Писаніе Ваше и съ приложенными добрыми вѣдомостьми съ Турецкой стороны я получилъ, за что благодарствую, и впредь сего желаю, и съ тѣми вѣдомостьми споздравляю Вашей Святыни; еще же посланное отъ Васъ приялъ, за что благодарствую жъ.

Алексѣй.

Изъ Старой Русы
25 Іюля, 1713 года.

3.

Преосвященному Іову, Митрополиту Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ, отъ Царевича Алексѣя Петровича. Проситъ разрѣшенія на построеніе церкви во имя Рождества Пресвятыя Богородицы.

Преосвященнѣйшій Владыко!

Въ бытность мою въ Новѣгородѣ просилъ я благословенія у Вашего Преосвященства на основаніе и по созданіи на освященіе церкви во имя Введенія Богородицы, и нынѣ оная церковь заложена и строится по благословенію Вашему, только храма имя отмѣнено (нѣкоего ради прилучая), и заложенъ храмъ во имя Рождества тоя жъ Пресвятыя Богородицы, и на сіе отъ Вашего Святительства прощенія и благословенія требую.

Алексѣй.

Изъ Санктпетербурха
Сентября 7, 1713 г.

4.

Письмо Императрицы Екатерины I-й Преосвященному Іову, съ увѣдомленіемъ о взятіи Финскаго Княжества и столичнаго его города, Або, Августа 28 дня, 1713 года.

Честнѣйшій Отче!

Извѣствуемъ Вамъ, что вчерашняго дня нечаянно Его Царское Величество изволилъ сюда прибыть, слава Богу, благополучно, и объявилъ, что прошедшаго мѣсяца 28 дня, въ столичный Финскаго Княжества городъ, Абоу, вошли и съ помощію Божіею сіе Княжество овладѣли, чему при семъ прилагаемъ обстоятельную реляцію. И симъ Вамъ поздравляемъ. За симъ прося Вашего благословенія и пребываемъ.

Царица Екатерина.

Изъ Санктпетербурха
въ 15 д. Сентября, 1713 г.

5.

Преосвященному Митрополиту Іову, о взятіи Штетинской крѣпости.

Честнѣйшій Отче!

Объявляемъ Вамъ, что сего Октября въ 13 день получили мы вѣдомость изъ Помераніи отъ Генерала Фельтъ-Маршала, Князя Меншикова, что когда Россійскіе войска у Штетина штеркъ-шанцемъ овладѣли, то того жъ дня щастливо и къ помянутой Штетинской фортеціи апроши повели и въ четырнадцать дней подъ самой контрашкарпъ оными приближились, между тѣмъ же временемъ батареи и кетели были изготовлены, и потомъ какъ на оныя батареи пушки и на кетели мортиры поставилъ, то начали по оной крѣпости стрѣлять и бомбандировать Сентября въ ... день по утру о 9-мъ часу, чрезъ что того числа помянутая Штетинская крѣпость принудила себя къ здачѣ съ такимъ договоромъ, что горнизонъ, состоящей въ 4500 человѣковъ Оберъ-Офицеровъ и радовыхъ вонъ выпустить (что и учинено), и такъ сія славная Штетин-

ская крѣпость (то есть, главной или столичной Померанской городъ) отъ непріятеля счастливо взятъ съ малымъ урономъ нашихъ людей; и сими добрыми вѣдомостьми, что всемилостивый Богъ щастливо окончилъ сію кампанію, Вамъ поздравляемъ.

Петръ.

Изъ Санктпетербурха
въ 21 Октября, 1713 г.

6.

Преосвященному Іову, Митрополиту Новгородскому, съ увѣдомленіемъ о разореніи непріятельской арміи, стоявшей близъ Таватгуса.

Честнѣйшій Отче!

Предсимъ получили мы изъ Финляндіи отъ господина Адмирала Графа Апраксина, чрезъ нарочитаго куріера вѣдомость (а потомъ и чрезъ его самого, которой сюды 26-го числа сего мѣсяца щастливо прибылъ), что непріятельская армія, стоящая близъ Таваступса, подъ командою Генерала Маеора Армфелта, с помощію Божіею разорена, а какимъ образомъ оное учинено, и сколько чего взято, то прилагаемъ здѣ печатную реляцію, и симъ щастливымъ окончаніемъ сей кампаніи Вамъ поздравляемъ.

Петръ.

Изъ Санктпетербурха
въ 27 Октября, 1713 года.

Слова: Честнѣйшій Отче, писаны рукою самаго Императора.

7.

Честнѣйшему Отцу Θеодосію, Казначею Новгородскаго Архіерея, съ увѣдомленіемъ о полученіи письма и проч.

Честнѣйшій Отецъ!

Письмо Ваше и дорники получилъ, за что благодарствую; антиминсы мнѣ холстинные не надобно, но отласные.

Алексѣй.

Изъ Санктпетербурха
въ 26 д. Октября, 1713 года.

8.

Надписи нѣтъ.

Съ изъявленіемъ благодарности за радушное принятіе и угощеніе лицъ, посланныхъ отъ Императрицы.

Преосвященный Іовъ Митрополитъ!

Посланное писаніе отъ Святости твоей до насъ дойде, въ немъ же что явилъ духовныя своя въ подвизѣхъ молитвы за насъ до Всевышняго Бога, благодарствуемъ ти, Владыко, паки благодаримъ за благодѣтельства, отъ тебе бывшія и нашимъ посланнымъ, которымъ суще отечески показася, и премного облагодѣтельствова ихъ, и въ путь съ миромъ отправи. Сице подобныхъ же благостей отъ твоей Святыни и напредки надѣемся и благодарить подтверждаемся.

За симъ Апостольскаго духовнаго твоего благословенія и молитвъ прося, остаемся

Ц. Екатерина.

Изъ Москвы

Ноября въ 24 д., 1713 г.

9.

Преосвященному Іову, Митрополиту Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ.

Преосвященный Владыко!

За вся Ваша благая, явленная мнѣ въ Новѣградѣ, также и въ пути, зѣло благодарствую и впредь прошу, дабы не оставленъ былъ въ молитвахъ Вашихъ и писаніяхъ.

Алексѣй.

Отъ Новой Ладоги

Декабря 13-го дня, 1713 года.

10.

Честнѣйшему Отцу Θеодосію, Казначею Софѣйскому.

Честнѣйшій Отецъ Θеодосій!

За отправленіе лошадей мнѣ на пути отъ Васъ благодарствую, такожде и за вся благая, отъ Васъ мнѣ въ Новѣградѣ явленная.

Алексѣй.

Отъ Новой Ладоги
Декабря 3 дня, 1713 года.

11.

Надписи нѣтъ.

Преосвященный Владыко!

Пошелъ къ Вашей Святыни изъ деревни моей Дубенскаго рядку церкви Николая Чудотворца бывшаго Священника Ивана Самсонова зять, Потапъ Никитинъ, желая освященія пресвитерскаго на тестя своего мѣсто, и будетъ по расмотренію Вашей Святыни (въ чемъ на вашу волю полагаю) явится ко пріятію того святаго сана угоденъ, да освятится вашимъ рукоположеніемъ (безочередно); аще же неугоденъ явится, благоволи мнѣ отписать, и азъ буду иного искати.

Алексѣй.

Изъ Ладоги
Декабря 17 дня, 1713 года.

12.

Вручить сіе писаніе Преосвященному Іову, Митрополиту Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ. Съ извѣстіемъ, что Царица послала вспоможеніе на построеніе Сокольницкаго монастыря, и чтобы Преосвященный снисшелъ къ Преосвященному Аарону Епископу, да промедленіе его.

Всеблаженнѣйшій и всепреподобнѣйшій Архипастырь, въ Дусѣ же Святѣмъ любезнѣйшій нашъ отецъ и сладчайшій учитель, Преосвященнѣйшій Киръ Іовъ, Митрополитъ Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ!

Желаніе души моея, да всемогущая и вседержавная тріипостасная благость Божія сохранитъ Ваше Преосвященство, благо-

получно, мирно, здраво, душеспасительно и многолѣтно. При семъ возвѣствую Вашему Архипастырству, по обѣщанію моему послала я Вашей Святыни съ Аарономъ, Епископомъ Корельскимъ, сто рублевъ денегъ на строеніе пятибратскаго Соколенскаго монастыря; благоволи принять, во удобное строеніе того монастыря, по твоему разсмотрѣнію то наше подаяніе истощити, а о умедленіи сія присылки не позазри, поне бо же вѣстно Вашему Преосвященству, что уже не нынѣ и не только, но сугубо обѣщала дати, а умедлила, надежду имѣя на видъ Губернатора Корыхова, и объ отдаче къ нему и писано, но онъ сего не учинилъ, не вѣдую для чего, а сугубое достойное толикое жъ число желаю прислати, или съ собою привезть, аще Богъ изволитъ и жива буду въ грядущее лѣто.

Прошу Вашего Преосвященства, да не оставлена буду азъ и дщерь моя въ Вашихъ Архипастырскихъ святыхъ молитвахъ.

Еще прошу, надѣяся на Вашу Архипастырскую Духовную любовь: пожалуй, батюшка, не прогнѣвися на Аарона Епископа за укосненіе ѣзды его изъ Москвы; истинно неоднократно мы его удерживали, но онъ аще и не мало печаленъ былъ о разлученіи Вашего Архипастырства, но исполняя наше повѣлѣніе, не дерзнулъ чрезъ наше слово отъѣхать; паки просимъ, по своему благому состоянію отпусти ему сей долгъ.

Многогрѣшная, припадая къ стопамъ твоимъ Святительскимъ, о молитвахъ прошу,

Царица Парасковья.

Изъ Измаилова
14 Февраля, 1714 года.

13.

Преосвященному Іову, Митрополиту въ Новгородѣ, о разбитіи непріятельскаго небольшаго войска, стоявшаго возлѣ деревни Лапола.

Честнѣйшій Отче!

Вчерашняго числа получили мы изъ Финляндіи отъ господина Генерала-Лейтенанта, Князя Голицына, вѣдомость, что когда

оной увѣдомился (о непріятелѣ, что онъ стоялъ у Васцы), то, собрався съ нѣкоторою частію людей, а имянно: въ восьми тысячахъ человѣкахъ, на онаго пошелъ, и 19-го дня Февраля, у деревни Лапола, увидѣли онаго въ ордербаталіи стоящаго, а когда приближились наши, то оной зѣло десперадно нашихъ атаковавъ, а имянно, давъ залбъ изъ всѣхъ четырехъ шеренгъ вдругъ, и потомъ з багинетами пошли; наши видя то ихъ намѣреніе, принуждены то жъ чинить, но нашимъ то гораздо успѣло, что по вытерпѣніи непріятельскаго огня, свой залбъ дали и потомъ кололи; однако жъ съ помощею Божіею наши люди викторію одержали такъ щастливо, развѣ немногіе изъ непріятелей ушли, а прочіе всѣ на мѣстѣ остались и въ полонъ взяты, о чемъ пространнѣе объявлено въ печатной реляціи. И сими зѣло изрядными вѣдомостьми Вамъ поздравляемъ.

Петръ.

Изъ Санктпетербурха
въ 7 д. Марта, 1714 года.

14.

Преосвященному Іову, Митрополиту Новгородскому и Великолуцкому, о разбитіи непріятеля при Ангутѣ подъ начальствомъ Эреншелта.

Честнѣйшій Отче!

Объявляемъ вамъ, коимъ образомъ Всемогущій Господь Богъ Россію прославить изволилъ; ибо по многодарованнымъ побѣдамъ на земли, нынѣ и на морѣ вѣнчати благоволилъ; ибо сего мѣсяца въ 27 день Шведскаго Шаутьбейнахта Нилсона Эреншелта сообщилъ фрегатомъ и шестью галерами и двѣмя шхеръ-ботами, по многомъ и зѣло жестокомъ огню у Ангута, близъ урочища Рилахсфіелъ, взяли; правда какъ у насъ въ сію войну также и долиртовъ съ Франціею много, не токмо Генераловъ, но и Фелтъ-Маршаловъ брано, а флагмана ни единаго, и тако сею, иню, николиже у насъ бывшею викторіею вамъ поздравляемъ. А сколько съ помянутымъ Шаут-

бейнахтомъ взято офицеровъ, матросовъ и солдатъ и прочего, тако же что и нашихъ убито и ранено, тому при семъ посылаемъ реестръ печатной съ реляціею.

Петръ.

От Ангута близъ урочища Рилаксъ Фиелъ
Іюля въ 29 день, 1714.

15.

Преосвященному Іову, Митрополиту Новгородскому и Великолуцкому, о разрѣшеніи отъ бремени Императрицы рожденіемъ Царевны Маргариты.

Пречестнѣйшій Отче!

Извѣствуемъ вамъ, что сего мѣсяца противъ 8-го числа всемилосердый Господь Богъ святыми вашими молитвами меня отъ имѣвшаго бремени милостію освободилъ и любезнѣйшею насъ дщерію даровалъ, которой наречено имя Маргарита, и съ сею новорожденною Царевною вамъ поздравляемъ.

При семъ благодарствуемъ за письма ваши, такожде и за присланныя овощи.

За симъ благословенія вашего прося, остаюсь

Царица Екатерина.

Изъ Санктпитербурха
Сентября въ 12 день, 1714 г.

16.

Отцу Ѳеодосію (бывшему казначеемъ Новг. Арх. Дома).

Честнѣйшій Отче Ѳеодосій!

За писанія ваши, которые мы получили, благодарствую, и впредь сего желаю.

Алексѣй.

Изъ Санктъпитербурха
Генваря дня 4, 1715 года.



17.

Преосвященнаго Іова, Митрополита Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ, казначею отцу Θеодосію.

Честнѣйшій Отецъ Θеодосій!

Поѣхалъ отсюда отъ насъ въ Новгородъ Священникъ Θеодоръ Борисовъ для своихъ нуждъ, и когда онъ вамъ явится и будутъ какіе его нужды, прошу, чтобы онъ оставленъ не былъ, также что и до Архіерея ему будетъ какое прошеніе, дабы вы предстатели и заступники были.

Алексѣй.

Изъ Санктъпетербурха
Генваря 11 дня, 1715 года.

18.

Преосвященному Іову, Митрополиту Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ.

Преосвященный Владыко!

За прежде присланныя Вами ко мнѣ писанія зѣло благодарствую и впредь сихъ желаю, при семъ посылаю къ Вашему Преосвященству двѣ челобитныя отъ мужиковъ моихъ о освященіи церкви. Благоволи Ваша Святыня на то ихъ прошеніе прислать ко мнѣ грамоты благословенныя на освященіе тѣхъ церквей.

Алексѣй.

Изъ Санктъпетербурха
Марта 12 дня, 1715 года.

19.

Преосвященному Іову, Митрополиту Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ.

Преосвященный Владыко!

Послалъ я до Вашей Святыни антиминсъ новой, которому быть въ Рожественѣ; прошу о немедленномъ освященіи онаго, а мощи Святыхъ въ него положены, и подписанъ на Ваше имя здѣсь.

Алексѣй.

Изъ Санктъпетербурха
17 Марта, 1715 года.

20.

Преосвященному Іову, Митрополиту Новгородскому и Великолуцкому, съ увѣдомленіемъ о Высочайшемъ дозволеніи въ страннопріимныхъ домахъ въ Новгородѣ сдѣлать пристройки.

Пречестнѣйшій Архипастыры!

Изволили Ваше Архипастырство къ намъ писать, чтобъ позволено было въ Новѣградѣ, въ двухъ страннопріемницахъ придѣлать двѣ бани и поварни, и двѣ кельи небольшіе каменные, на что Его Царское Величество соизволилъ и оное строеніе указалъ Вамъ построить.

За симъ благословенія Вашего прося, остаюсь

Царица Екатерина.

Изъ Санктъпетербурха
въ 31 д. Августа, 1715 года.

21.

Собственноручное письмо Императрицы, безъ надписи, о позволеніи Гернгутерамъ жить въ Россіи, для разсмотрѣнія ихъ вѣры.

Преосвященный Дмитрій!

Между поселянами, нынѣ сюда въ Россію пріѣзжающими, явились депутаты Гернгутскіе, которые просили меня, чтобъ имъ позволено было Синоду, или Архіерею, кого я назначу, предложить догматы ихъ вѣры, которой лишь (какъ они сказываютъ) разнствуютъ отъ Лютерскихъ одними обрядами, а сіи послѣдніе говорятъ, что они нигдѣ терпимы быть не должны; того ради изволте, Ваше Преосвященство, выслушать ихъ, и потомъ дать мнѣ знать ваше мнѣніе. Одинъ изъ сихъ депутатовъ умѣетъ по Латыни и по Гречески и кажется весьма ученъ. Впрочемъ, въ ожиданіи Вашего отвѣта, препоручаю себя молитвамъ Вашимъ, есть къ Вамъ съ отличнымъ благоволеніемъ добросклонная

Екатерина.

Декабря 3, 1763 года.

22.

Митрополиту Дмитрію Новгородскому, о заключеніи купца Квасникова (мнимаго пророка) въ Иверскій монастырь подъ стражу.

Преосвященный Владыко!

Купца Тарускаго Андрея Квасникова, который по безумію своему пророчествуетъ, извольте затворить въ монастырь Епархіи Вашей Иверской, и тамъ содержать его не токмо не исходно, но и приказать, чтобъ никого къ нему, а особливо изъ простыхъ людей, не допускать, пера, бумаги и чернилъ не давать, и ни чѣмъ ему писать не дозволять, дабы онъ сумасбродными своими разговорами и письменными сказками не могъ никого приводить въ соблазнъ. Чего ради и нынѣ при немъ найденныя бумажки и сумазбродныя рукописныя книги огню предайте келейно. Для лучшей же осторожности,

приставьте къ нему двухъ гарнизонныхъ солдатъ безсмѣнно, и какъ ему, Квасникову, производить пищу и содержаніе братское изъ Коллегіи-Экономіи, такъ и солдатамъ, къ нему опредѣленнымъ, обыкновенную дачу гарнизонную отъ того мѣста, откуда они до сего получали. О чемъ вы сами извольте снестися какъ съ Коллегіею Экономіи, такъ и съ Губернаторомъ Новгородскимъ.

Марта 13, 1765 году.

23.

Митрополиту Дмитрію, о посланіи въ Свирской монастырь Графа Андрея Бестужева за неприличные поступки.

Письмо Императрицы Екатерины, отъ 31-го Генваря, 1766 года, къ тому же Преосвященному, о посланіи Графа Андрея Бестужева за неприличные въ гражданскомъ житіи поступки въ Свирской монастырь, подъ началъ по просьбѣ его отца.

24.

Собственноручное письмо Императрицы.

Преосвященный Дмитрій!

Вручителя сего, Князя Вяземскаго, посылаю къ Вамъ, для объясненія нѣкотораго сумнительства, касающагося до раскольниковъ, и прошу прислать чрезъ него ко мнѣ отвѣтъ.

Екатерина.

Числа не означено.

25.

Несобственноручное письмо Князя Менщикова къ Преосвященному Іову, съ увѣдомленіемъ о рожденіи дочери Маріи.

Въ Бозѣ Сіятельный Господине, Архипастырь пречестнѣйшій, мой любезнѣйшій отче и благодѣтелю!

Понеже вѣдаю, что Ваше Архипастырство, яко истинный нашъ возлюбленный Отецъ, всегда желаете вѣдать о всякомъ на меня

благополучіи, которые намъ отъ Всевышняго вашими ему угодными молитвами происходятъ. И того ради Вашему Архипастырству, по сыновней моей должности, извѣствую, что Всемогущій Господь Богъ, чрезъ Ваше ему выну благопріятные молитвы, изволилъ даровать намъ дщерь, которой наречено имя Марія, о которой прошу, дабы оная не оставлена была въ Вашихъ святыхъ молитвахъ, въ которые и самого себя купно со всѣми моими предавъ, пребываю навсегда

Вашего Архипастырства послушный сынъ и нижайшій слуга

Александръ Меншиковъ.

Изъ Санктпетербурга
Генваря 4 дня, 1712 года.

P. S. Каковы здѣсь получены изъ Помераніи вѣдомости, таковы къ Вашему Архипастырству посылаю, и оными добрыми вѣдомостьми Ваше Архипастырство поздравляю. И понеже за оную здѣсь полученную надъ непріятелемъ викторію Всевышнему Богу отправлено молебное благодареніе, того ради и Вашему Архипастырству у себя и во всей своей епархіи тожъ учинить надлежитъ. При семъ посылаю къ Вашему Архипастырству априсъ, купно съ печатнымъ извѣщеніемъ бывшему здѣсь въ 1 числѣ сего Генваря фейверку.

26.

Несобственноручное письмо Князя Меншикова объ освященіи церкви въ Ижорѣ.

Письмо князя Меншикова къ Преосвященному Іову объ освященіи церкви въ Ижорѣ пригласительное, писано изъ Санктпетербурга, Генваря 25 дня, 1712 года.

Слѣдующія за симъ письма и другія бумаги относящіяся къ Преосвященному Митрополиту Гавріилу Петрову, помѣщены въ написанной мною біографіи онаго Владыки.

Архим. Макарій.

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ

КЪ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ МИТРОПОЛИТУ ГАВРІИЛУ И ДРУГІЯ БУМАГИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ЕГО ЖИЗНИ И ХРАНЯЩІЯСЯ ВЪ НОВГОРОДСКОМЪ СОФІЙСКОМЪ СОБОРѢ.

1.

На первыхъ трехъ листахъ книги копія съ доклада Святѣйшаго Синода Императрицѣ о назначеніи Гавріила (бывшаго тогда Архимандритомъ Иконоспасскаго монастыря) Членомъ, вмѣстѣ съ другими, въ Синодальной Московской Конторѣ, каковое назначеніе, по случаю опредѣленія его во Епископа, другимъ докладомъ не состоялось въ сіе время (23 Октября, 1763).

2.

На четвертомъ листѣ Указъ Святѣйшаго Синода о бытіи Гавріилу, Синодальной Конторы Члену, Московской Духовной Академіи Ректору, Ставропигіальнаго Иконоспаскаго монастыря Архимандриту, Епископомъ Тверскимъ (30 Окт., 1763 года).

За тѣмъ помѣщены рескрипты и письма.

3.

Гавріилу, Епископу Тверскому, о пріѣздѣ Преосвященнаго въ С.-Петербургъ.

Преосвященный Владыко!

По всегдашнему Нашему къ вамъ благоволенію, желаемъ Мы васъ въ С.-Петербургъ. Того ради, по полученіи сего, извольте къ Намъ пріѣхать, ежели здоровье ваше не воспрепятствуетъ, а на проѣздъ вашъ Мы повелѣли Конторѣ Экономической отправить къ вамъ тысячу рублей.

Екатерина.

Декабря 22 дня,
1765 года.
С.-Петербургъ.

4.

Гавріилу, Епископу Тверскому, объ учрежденіи полезнѣйшихъ духовныхъ училищъ.

Преосвященный Владыко!

Мы вамъ чрезъ сіе рекомендуемъ потрудиться обще съ Преосвященнымъ Псковскимъ и вселюбезнѣйшаго Нашего сына учителемъ, Платономъ, объ учрежденіи полезнѣйшихъ духовныхъ училищъ, о чемъ Мы нынѣ пространнѣе изобразили Наше намѣреніе къ Преосвященному Псковскому, для общаго вашего свѣдѣнія. И сего ожидая, пребываемъ къ вамъ благосклонны.

Екатерина.

20 Февраля, 1766 года.

5.

Письмо пригласительное отъ 28 Марта, 1767 г., изъ Москвы. Ивана Елагина, которымъ онъ предлагаетъ Преосвященному явиться во Дворецъ, въ пятокъ, въ 9 часовъ утра. для нѣкоторыхъ, какъ сказано въ письмѣ, на поданной отъ него о Семинаріяхъ планъ объясненій. Далѣе слѣдуетъ копія съ реестра кандидатовъ на Архіерейскія мѣста и съ указа Святѣйшаго Синода о бытіи Гавріилу Синодальнымъ Членомъ.

6.

За симъ слѣдуетъ копія съ указа Святѣйшаго Синода о переведеніи Епископа Гавріила изъ Твери въ С.-Петербургъ во Архіепископа (22 Сент., 1770 года).

7.

Письмо, отъ Сентября 23 дня, 1773 года, отъ Григорія Теплова, которымъ онъ изъявляетъ волю Государыни припечатать поздравительную рѣчь его Государынѣ въ концѣ проповѣди, наканунѣ того дня имъ произнесенной.

8

Гавріилу Архіепископу о томъ, чтобы было молебствіе въ Казанскомъ Соборѣ по случаю мира (Кучукъ-Кайнарджійскаго съ Портою).

Преосвященный Владыко Гавріилъ!

Я намѣрена завтрешній день, то есть, въ воскресенье, принести благодарственныя Всевышнему молитвы за дарованный Намъ благословеніемъ Его дражайшій и полезный для Имперіи миръ въ церкви Казанскія Богородицы

Екатерина.

С.-Петербургъ.

2 Августа, 1774 года.

9.

О строеніи новаго монастыря подъ непосредственнымъ Его Преосвященства надзоромъ.

Преосвященный Архіепископъ С.-Петербургскій Гавріилъ!

Какъ строеніе Невскаго монастыря вамъ извѣстно по вашему пребыванію и начальству въ томъ монастырѣ, и требуетъ оно надзиранія ближайшаго, то мы, вѣдая вашу къ тому способность и усердіе къ трудамъ для славы храмовъ Божіихъ, поручаемъ вамъ, отъ нынѣ навсегда, главную дирекцію строенія сего монастыря и съ находящеюся для производства онаго Конторою, въ которой опредѣлили быть по прежнему у отправленія дѣлъ Конторскихъ и строительныхъ, Коллежскому Ассессору Ивану Бровцыну. Мы охотно желаемъ, чтобъ Ваше Преосвященство трудъ сей, къ благолѣпію Церкви Божіей служащій, на себя приняли, и пребываемъ къ вамъ благосклонны.

Екатерина.

Ноября 18 дня, 1774 года.

10.

Письмо отъ Декабря 25 дня, 1774 года, Генерала Адьютанта Григорія Потемкина, при которомъ препровождена къ Преосвященному, пожалованная Императрицею, бархатная мантія, для ношенія.

(Гавріиломъ объявлено объ этомъ въ Синодѣ 10 Марта, 1777 года, какъ видно изъ бумагъ Консисторскаго Архива.)

11.

Высочайшій Рескриптъ о томъ, чтобы Константинопольскій Патріархъ, Серафимъ, былъ встрѣченъ съ подобающимъ его сану уваженіемъ, за собственноручнымъ подписаніемъ Императрицы (въ Москвѣ 4 Сент., 1775 года).

12.

Преосвященный Гавріилъ Архіепископъ Новгородскій!

По желанію вашему, уволяю я васъ на три мѣсяца для осмотра Епархіи вашей, пребывая, какъ и всегда, вамъ доброжелательна.

Екатерина.

6 Маія, 1776 года.

Царское село.

13.

Собственноручный рескриптъ Павла Петровича о присылкѣ священника съ двумя причетниками въ церковь, построенную на Острову.

Царское Село,
Августа 31, 1777 г.

Ваше Преосвященство! Вамъ конечно извѣстно, что заложена и уже построена у меня на Острову церковь, но не имѣю Священника для служенія впредь. Прошу Ваше Преосвященство выбрать

мнѣ человѣка, котораго бы не столько знаніе, какъ поведеніе, было хорошо и при томъ не навлекло бы стыда мѣсту, равномѣрно и двухъ причетниковъ, которыхъ и прошу по выборѣ прислать ко мнѣ прямо, при вашей запискѣ. Я весьма одолженъ буду вамъ за сіе и пребуду навсегда вашимъ

благосклоннымъ

Павелъ.

14.

Къ Преосвященному отношеніе (секретное) отъ имени Ея Императорскаго Величества, Императрицы, за подписомъ Александра Безобразова, отъ 6 Іюля, 1780 года, изъ Петергофа, касательно Уніятскаго Митрополита, Іассона Смогоржевскаго. Въ немъ выражены мысли и желанія Императрицы касательно удобнѣйшаго возсоединенія Уніятовъ съ Православною Церковію: 1) чтобы, въ случаѣ вакансій на священническія мѣста, спрашивать прихожанъ безпристрастныхъ и просвѣщенію преданныхъ; 2) чтобы помѣщики тѣхъ мѣстъ заводили домовыя церкви Православныя, которыя бы можно было обращать въ приходскія, и 3) чтобы въ Полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ основать Архимандрію для того, чтобы духовенство этихъ мѣстъ превышало Римское и образованіемъ и поведеніемъ.

За симъ слѣдуетъ копія съ Высочайшаго указа Графу Чернышову касательно Митрополита Смогоржевскаго, отъ 2-го Іюля, 1780 года.

15.

Письмо Графа Григорія Орлова, отъ имени Императрицы, чтобы Преосвященный не безпокоился своимъ пріѣздомъ въ Царское Село 28 и 29 числъ. Изъ Царскаго Села 27 Іюня, 1783 года.

16.

О содѣйствіи Преосвященнаго въ открытіи Правленій въ Ревельской губерніи.

Преосвященный Господинъ Архіепископъ Новгородскій и С.-Петербургскій Гавріилъ!

Генералъ-Губернаторъ Графъ Браунъ имѣетъ Мое повелѣніе открыть Правленія въ Ревельской губерніи по образу, отъ Меня преднаписанному, а о времени имъ къ тому, за способное избираемомъ, увѣдомитъ онъ васъ. Я не сомнѣваюсь, что Ваше Преосвященство не оставите ему въ семъ, на пользу отечества устрояемомъ, дѣлѣ пособствовать, паче же общими ко Всевышнему молитвами предводительствовать вашими пастырскими, да судъ, правда и благо, Нами насаждаемыя, возрастятъ плодъ желаемый. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ,
Іюня 3, 1783 года.

17.

Высочайшій Рескриптъ объ открытіи Правленія въ Выборгской губерніи, за собственноручнымъ подписомъ Императрицы, изъ Царскаго Села 25 Іюня, 1783 года.

18.

Письмо Князя Потемкина объ отправленіи съ Полковникомъ Поповымъ писемъ Преосвященнаго о придержащихся Старообрядчества дѣлу къ Преосвященнымъ Могилевскому и Смоленскому, 9 Марта 1784 года, за подписомъ Князя.

19.

Письмо Великой Княгини Маріи объ освященіи церкви въ Павловскѣ, изъ Гатчины, 5 Сентября 1784 года, за собственноручнымъ подписомъ.

20.

Письмо Князя Потемкина о дозволеніи служить Старообрядческому Архимандриту, Іоасафу, имѣющему грамоту на санъ пресвитерскій отъ Патріярха Антіохійскаго, отъ 20 Генваря, 1786 года, за подписомъ Князя.

21.

Собственноручное письмо Салтыкова о помѣшательствѣ въ умѣ Протоіерея Петро-Павловскаго Собора, являвшагося къ Императрицѣ съ запискою, 18 Мая, 1786 года.

22.

Собственноручное письмо Князя Потемкина-Таврическаго, при которомъ онъ препроводилъ, пожалованную Императрицей, Архіерейскую митру Преосвященному Гавріилу, 11 Мая, 1789 года, изъ Дубровны (Могилевской губ.).

23.

Собственноручное письмо Платона Зубова, отъ 23 Февраля, 1792 года, съ приложенною при немъ собственноручною запискою Императрицы (безъ означенія имени), о разсмотрѣніи рукописнаго сочиненія (какого, не обозначено). На приложенной запискѣ написано: «Прошу Ваше Преосвященство прочесть приказать кому приложенное рукописаніе и здѣлать на оное замѣчаніе, сходно ли, либо противно, ученію Православной вѣры.»

24.

Письмо Павла Петровича изъ Гатчины, отъ 18 Ноября, 1792 года, о посвященіи Священника Гатчинской церкви, Исидора, въ санъ Протопресвитерскій, за собственноручнымъ его подписомъ.

25.

Ордеръ Императрицы Екатерины о расторженіи брака Княгини Елисаветы Шаховской съ Княземъ Арембергомъ, отъ 23 Декабря, 1794 года, за собственноручнымъ подписомъ Императрицы.

При семъ приложена копія съ указа Сенату о расторженіи брака, 24 Марта, 1792 года.

26.

Письмо Графа Платона Зубова, съ препровожденіемъ Высочайшаго указа о возобновленіи Симонова монастыря, 4 Апрѣля, 1795 года, за подписомъ Графа, въ С.-Петербургѣ.

27.

Рескриптъ Императрицы Екатерины, которымъ она соизволяетъ, по желанію Преосвященнаго, провести осень въ Новѣгородѣ, для поправленія здоровья, отъ 11 Августа, 1796 года, за собственноручнымъ подписомъ Императрицы.

28.

Отношеніе Князя Алексѣя Куракина, съ препровожденіемъ Высочайшей грамоты на Всемилостивѣйше пожалованное командорство статута Россійскаго ордена Андрея Первозваннаго, указа отъ 30 Апрѣля, 1797 года, и реестра селеній командорства, Іюля . . . дня. 1797 года.

Высочайшая грамота отъ Императора Павла Петровича о пожалованіи Преосвященному командорства, состоящаго въ Лужскомъ уѣздѣ, С.-Петербургской губерніи, отъ 17 Іюля, 1797 года.

29.

Рескриптъ Императора Павла Петровича, которымъ онъ, соизволяя на увольненіе Епископа Могилевскаго и Полоцкаго, Аѳанасія, спрашиваетъ мнѣнія Преосвященнаго, касательно кандидатовъ на его мѣсто и слѣдующаго ему пенсіона. Въ Гатчинѣ, 21 Августа, 1797 года, за собственнымъ подписомъ Императора.

30.

Ордеръ Императора Павла Петровича къ Преосвященному о вторичномъ и немедленномъ назначеніи кандидата въ Могилевскую Епархію. Въ Гатчинѣ, 27 Августа, 1797 года, за собственноручнымъ подписомъ Императора.

31.

Ордеръ Императора Павла Петровича, чтобы священники окрестныхъ С.-Петербургу селеній были снабжаемы пастырскими наставленіями и увѣщаніями, дабы тѣ поселяне, которые берутъ изъ Воспитательнаго Дома дѣтей на прокормленіе, исполняли обязанность свою рачительно и не единою только корыстію прельщаясь, а для большаго пресѣченія злоупотребленій доставляли бы Воспитательному Дому третныя, или полугодичныя, вѣдомости, съ показаніемъ въ нихъ числа умершихъ младенцевъ. Изъ Гатчины, 9 Октября, 1797 года, за собственноручнымъ подписомъ Императора.

32.

Рескриптъ Императрицы Маріи, при которомъ препровождено было къ Преосвященному десять тысячь рублей для раздачи неимущимъ по случаю рожденія Великаго Князя Михаила Павловича. 7 Февраля, 1798 года, за собственноручнымъ подписомъ Императрицы.

33

О соизволеніи отправиться Преосвященному въ Новгородъ для поправленія здоровья.

Преосвященный Митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій Гавріилъ!

Будучи всегда отмѣнно доволенъ службою вашею и личнымъ вашимъ здѣсь пребываніемъ, Я не иначе, какъ съ сожалѣніемъ получилъ прошеніе Ваше объ увольненіи васъ отъ Санктпетербургской Епархіи и объ отпускѣ для поправленія здоровья Вашего въ Новгородъ. Желая искренно, чтобы вы воспользовались надолго совершеннымъ здоровьемъ, желаю въ то же время, чтобы вы продолжили и пребываніе ваше съ Нами и управленіе обоихъ Епархіи по прежнему, и въ надеждѣ, что вы не откажете Мнѣ сего удовольствія, пребываю навсегда вамъ благосклонный.

Павелъ.

Въ Санктпетербургѣ.

Февраля 10 дня, 1798 года.

34.

О томъ же.

Преосвященный Гавріилъ, Митрополитъ Новгородскій и Олонецкій!

Письмо ваше Я получилъ и соизволяя на отъѣздъ вашъ въ Новгородъ, желаю, дабы силы ваши пришли въ лучшее состояніе, и увѣряя васъ о всегдашнемъ Моемъ къ вамъ благоволеніи, пребываю вамъ благосклонный.

Павелъ.

Г. Гатчина.

Октября 26 дня, 1799 года.

35.

Собственноручное письмо Императора объ увольненіи Преосвященнаго Гавріила отъ управленія Епархіями.

Преосвященный Митрополитъ Гавріилъ!

Съ удивленіемъ видя изъ полученнаго Мною письма просимый вами пенсіонъ и дозволеніе имѣть вамъ пребываніе ваше въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ, и находя, что вы милостями Моими награждены уже весьма довольно устроеніемъ вамъ при этомъ мѣстѣ, гдѣ вы находитесь, повелѣваю вамъ, не мысля о протчемъ, остаться въ Новѣгородѣ. О увольненіи же вашемъ далъ я свое повелѣніе.

Павелъ.

Санктпетербургъ.

Декабря 20 дня, 1800 года.

36.

Письмо къ Его Преосвященству о томъ, чтобы при входѣ Государя въ Успенскій соборъ (предъ коронаціей, въ недѣлю Ваій) пѣвчими былъ пѣтъ 9-й ирмосъ канона: Богъ Господь явися намъ. Отъ 28 Марта, безъ года и безъ имени писавшаго.

37.

Отношеніе Графа Безбородька объ отправленіи находящагося въ Даніи священника съ двумя причетниками въ экспедицію. Въ Санктпетербургѣ, 20 Декабря, 1789 года.

38.

Копія съ представленія Святѣйшаго Синода, отъ имени Его Преосвященства, объ оставленіи Мусина-Пушкина Оберъ-Проку-

роромъ Святѣйшаго Синода. Это представленіе сдѣлано по случаю назначенія Мусина-Пушкина Президентомъ Академіи Художествъ. На подлинномъ написано: «Съ удовольствіемъ вижу просьбу Вашего Преосвященства, Я инако и не разумѣла.»

Марта 5 дня, 1794 года.

39.

Копія съ отношенія Его Преосвященства къ Графу П. В. Заводовскому касательно храненія постовъ въ заведеніяхъ, по поводу жалобъ отъ учившихся въ Нормальномъ училищѣ духовныхъ воспитанниковъ. Іюля 1794 года.

Копія съ отвѣтнаго письма къ Преосвященному отъ Графа Заводовскаго касательно храненія постовъ въ Училищахъ, внушаемаго Преосвященнымъ.

40.

Копія съ отношенія Оберъ-Полиціймейстеру Рылѣеву, по дознаніи Преосвященнымъ, что на Сѣнной площади выставляются непристойныя картины. 23 Февраля, 1791 года.

На другой страницѣ копія съ письма Преосвященнаго къ Строителю Саровской пустыни, Пахомію, чтобъ онъ не отказывался отъ вручаемой ему начальствомъ должности.

Копія съ отношенія къ Полиційместеру Рылѣеву касательно непристойныхъ домовъ и происходящихъ отъ того соблазновъ. 8 Марта, 1793 года.

Копія съ отношенія Преосвященнаго къ Графу Заводовскому съ просьбою о возстановленіи Московскаго Симонова монастыря. 28 Іюля, 1794 года.

Сообщ. Д. Чл. **Архим. Макарій.**



ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ

О

КОНЧИНѢ ПРИНЦА ІОАННА АНТОНОВИЧА УЛЬРИХА.

ЗАПИСКА КАНЦЛЕРА В. П. КОЧУБЕЯ.

Іоаннъ Антоновичъ Ульрихъ, сынъ Антона Ульриха, Принца Брауншвейгъ-Вольфенбительскаго, и супруги его, Анны, Принцессы Мекленбургской, коея мать была дочь Россійскаго Царя, Іоанна Алексѣевича, сына Царя Алексѣя Михайловича, родился въ 1740 году. Царствовавшая тогда въ Россіи Императрица, Анна Іоанновна, родная тетка его матери, въ то же время нарекла его Наслѣдникомъ Россійскаго Престола.

Въ 1740 году, по кончинѣ Императрицы, Анны Іоанновны, Іоаннъ Антоновичъ Ульрихъ вступилъ было на престолъ, правленіе же приняла на себя мать его, Принцесса Анна, подъименемъ Регентши; но въ 1741 году, Ноября 25, Елизавета Петровна, дочь Императора Петра Великаго, отдаливъ Принцессу Анну отъ правленія, вступила сама на Императорскій Престолъ, вмѣстѣ же съ тѣмъ Императора Іоанна Антоновича, бывшаго еще во младенчествѣ, заключила въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Тамъ, въ отдаленіи отъ сообщества съ людьми, онъ возращенъ былъ безъ всякаго воспитанія и содѣланъ неспособнымъ не только къ обладанію народами, но и къ простому образу жизни.

Въ 1764 году, въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й. одинъ офицеръ, Мировичъ, вознамѣрился освободить сего невиннаго страдальца, но принесъ въ жертву Принца. Исполняя таковое необдуманное предпріятіе, заплатилъ за то своею жизнію

Вотъ истинная исторія сего происшествія, извлеченная изъ слѣдственнаго объ ономъ дѣла:

Василій, Яковлевъ сынъ, Мировичъ былъ Подпоручикъ Смоленскаго пѣхотнаго полка. Будучи самолюбивъ и надѣясь, что можетъ получить преимущество по желаніямъ и страстямъ, онъ «обижался несвободнымъ во Дворецъ вездѣ входомъ и недопущеніемъ его въ Эрмитажный театръ въ присутствіи Государыни». [1] Сверхъ того «недоволенъ былъ отказомъ Государыни въ просьбѣ его о возвращеніи ему нѣкоторой части изъ имѣнія, у предковъ его описаннаго».

Сими неудовольствіями доведя себя до крайности, вознамѣрился, наконецъ, освободить Іоанна Антоновича изъ Шлиссельбургской крѣпости и представить въ Петербургъ для возведенія на престолъ.

Для содѣйствія въ исполненіи сего предпріятія пригласилъ онъ, 8 и 9 Мая, 1764 года, давняго съ нимъ пріятеля, Великолуцкаго пѣхотнаго полка Поручика, Аполлона Ушакова, съ которымъ, послѣ взаимныхъ увѣреній, оба они, 13-го числа Мая, были нарочно въ Казанской церкви и «отслужили по себѣ акаѳистъ и панихиду, такъ какъ надъ умершими»; потомъ условились, чтобы о семъ дѣлѣ никому не объявлять, никого болѣе въ товарищи не принимать, освобожденіе Іоанна Антоновича произвести чрезъ недѣлю по отшествіи Государыни въ Лифляндію, въ сіе время Мировичу быть въ крѣпости караульнымъ офицеромъ, а Ушакову пріѣхать въ Шлиссельбургъ на шлюпкѣ, подъ видомъ курьера, въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, вручить Мировичу составленный ими отъ имени Іоанна Антоновича манифестъ, для прочтенія онаго солдатамъ расположить ихъ на свою сторону, и, освободя Іоанна Антоновича, препроводить его на шлюпкѣ въ С.-Петербургъ. Здѣсь представить его на Выборгской сторонѣ въ артиллерійскій лагерь на удачу и, съ помощію артиллерійскихъ служителей, опубликовавъ манифестъ, привести на-

[1] Сіи и другія подчеркнутыя слова (въ печати въ запятыхъ поставленныя) суть собственныя Мировича, выписанныя изъ его допроса.



родъ къ присягѣ; Государыню же и Великаго Князя «предать уединенію въ отдаленное мѣсто». Они осматривали сей лагерь и были въ крѣпости.

25-го Мая Ушаковъ посланъ былъ Военною Коллегіею изъ С.-Петербурга съ казною къ Генералу Князю М. Н. Волконскому. Онъ надѣялся, что изъ сей поѣздки возвратится до предпріятія Государынею путешествія въ Лифляндію, и что отлучка его не помѣшаетъ исполнить ихъ намѣренія, но на дорогѣ утонулъ въ рѣкѣ.

Мировичъ, лишившись сего товарища, послѣ многихъ осторожныхъ испытаній, не найдя другаго, рѣшился одинъ непремѣнно привести въ исполненіе свое предпріятіе; для чего, когда Государыня 20 Іюня отъѣхала въ Лифляндію, 3 Іюля не въ очередь, но за другаго офицера, пошелъ въ крѣпость въ караулъ. Тамъ 4 Іюля прохаживался по галлереѣ съ гарнизоннымъ Капитаномъ Власьевымъ, бывшимъ караульнымъ при Іоаннѣ Антоновичѣ, и замѣтивъ, что Власьевъ старается отклонить прогулку ихъ близъ мѣста пребыванія Іоанна Антоновича, пожелалъ было тогда же открыться Власьеву въ своемъ предпріятіи, почему и спросилъ его: «Не погубитъ ли онъ его прежде предпріятія?» Власьевъ на сіе отвѣчалъ, что если предпріятіе сопряжено съ его погибелью, то онъ и слышать о томъ не хочетъ. Послѣ сего Мировичъ не рѣшился объясниться Власьеву. Они, однако жъ, прохаживались и еще на пристани и напослѣдокъ разошлись, не говоря болѣе о семъ предметѣ.

Мировичъ, по приходѣ въ офицерскую караульню, открылъ свое намѣреніе своему вѣстовому, и съ помощію его пригласилъ на свою сторону нѣсколькихъ своей команды солдатъ, которые, однако жъ, дали въ томъ слово, одни изъ подчиненности, а другіе, думая, что Мировичъ оставитъ сіе дѣло, какъ невозможное.

Ночью, во второмъ часу, отъ Коменданта Бередникова присланъ былъ къ Мировичу унтеръ-офицеръ Лебедевъ, чтобы въ крѣпость пропущены были гребцы. Чрезъ нѣсколько минутъ, и именно въ половинѣ втораго же часа, сей унтеръ-офицеръ пришелъ опять съ объявленіемъ, что велѣно пропустить Канцеляриста. Когда же пришелъ въ третій разъ съ повелѣніемъ отъ Коменданта пропустить гребцовъ обратно изъ крѣпости, то Мировичъ заключилъ, что Власьевъ о разговорѣ его съ нимъ донесъ Коменданту. Будучи уже раздѣтъ, схватилъ онъ въ руки свой мундиръ, шляпу, шпагу, шарфъ

и проч. и, вбѣжавъ въ солдатскую караульню, закричалъ къ ружью. Команда собралась и по повелѣнію зарядила ружья съ пулями, а между тѣмъ у воротъ данъ приказъ, никого въ крѣпость не впускать.

Комендантъ въ сіе время вышелъ на крыльцо и спросилъ Мировича, для чего онъ собираетъ людей; но Мировичъ, вмѣсто отвѣта, съ ружьемъ въ рукахъ бросился на Коменданта и, сказавши ему: «Ты здѣсь держишь невиннаго Государя,» ударилъ его ружейнымъ прикладомъ такъ, что разбилъ лобъ, повредя и черепъ; потомъ схвативъ его за воротъ халата, отдалъ командѣ подъ караулъ.

Приведя въ такое положеніе Коменданта, онъ построилъ команду въ три шеренги и повелъ ее туда, гдѣ содержался Іоаннъ Антоновичъ. Отъ находившейся тамъ гарнизонной команды сдѣланъ былъ окликъ, и Мировичъ отвѣчалъ, что «иду къ Государю.» Когда же поравнялся съ сею командою, то отъ оной сначала однимъ караульнымъ, а послѣ четырьмя человѣками, выстрѣлено изъ ружей залпомъ. Команда Мировича выстрѣлила всѣмъ фронтомъ, а какъ и гарнизонная сдѣлала тоже, то Мировичева, отступя, требовала вида, по чему ей дѣйствовать. Мировичъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ вѣрный видъ и сходивши въ кордегардію, принесъ оттуда хранившійся въ ращелинѣ лжесоставленный манифестъ и прочиталъ изъ онаго тѣ мѣста, коими надѣялся возбудить въ солдатахъ ревность. По прочтеніи же поздравилъ ихъ съ Государемъ.

Послѣ сего посылалъ къ находившейся при Іоаннѣ Антоновичѣ караульной командѣ, чтобъ оная не палила, угрожая въ противномъ случаѣ пушечною пальбою. Караульная команда сначала не уважила сего требованія, но когда Мировичъ дѣйствительно привезъ пушку, то Капитанъ Власьевъ и Поручикъ Чекинъ, опасаясь потерять людей [1] и чтобъ не былъ похищенъ Принцъ, рѣшились сдаться не прежде, однако жъ, какъ отнявъ жизнь у сего несчастнаго Принца. [2]

Тиранство сіе произвелъ своими руками Капитанъ Власьевъ.

Мировичъ, получивъ извѣстіе, что гарнизонная команда сдается, вбѣжалъ немедленно на галлерею и схвативъ Поручика Чекина,

[1] У Мировича было 38, а у Власьева 16 человѣкъ.

[2] Умерщвленъ Капитаномъ Власьевымъ.



тащилъ въ сѣни, спрашивая: «Гдѣ Государь?» Чекинъ отвѣтствовалъ, что у нихъ «есть Государыня, а не Государь». Мировичъ толкнулъ его въ затылокъ и заставилъ отпереть двери въ казарму, но войдя, нашелъ Принца уже мертвымъ, повергнутымъ посреди казармы. — «Ахъ вы безсовѣстные!» вскричалъ онъ на караульныхъ офицеровъ. «Боитесь ли Бога! За что вы пролили кровь такого невиннаго человѣка?» Офицеры отвѣчали, что «имъ неизвѣстно, кто былъ сей человѣкъ, а знаютъ только, что онъ арестантъ, и что надъ нимъ поступлено по присяжной должности». Въ слѣдъ за тѣмъ солдаты ворвались въ казарму и требовали у Мировича позволенія заколоть самихъ офицеровъ, но Мировичъ запретилъ сіе, сказавъ имъ: «Теперь никакой помощи нѣтъ, и они правы, а мы виноваты;» подошелъ къ мертвому тѣлу и поцѣловалъ онаго руку и ногу. Тѣло сіе вынесено изъ казармы на кровати, въ сопровожденіи Мировича и всей команды, при которой веденъ былъ и Капитанъ Власьевъ, и поставлено было предъ фронтомъ. Тогда команда построилась въ четыре шеренги, а Мировичъ, чтобъ отдать послѣдній долгъ своего офицерства, велѣлъ бить утренній пробудокъ, потомъ сдѣлать въ честь мертваго на караулъ и бить полный походъ. Послѣ чего, поцѣловавъ руку мертваго, сказалъ: «Вотъ, господа, нашъ Государь, Иванъ Антоновичъ, и теперь мы не столько счастливы, какъ безсчастны; а всѣхъ больше за то я терплю, вы же не виноваты и не вѣдали, что я хотѣлъ сдѣлать; я буду и отвѣтствовать за всѣхъ васъ и всѣ мученія на себѣ сносить.» Проходилъ всѣ шеренги и цѣловалъ солдатъ; когда же сталъ подходить къ послѣднимъ четвертой шеренги, то капралъ Мироновъ, подойдя сзади, схватилъ его шпагу; Мировичъ, осмотрѣвшись, сказалъ, чтобъ самъ Комендантъ пришелъ взять оную, но Мироновъ, съ помощію другихъ, отнялъ шпагу; между же тѣмъ подошелъ и Комендантъ, сорвалъ съ него офицерскій знакъ, а самого отдалъ подъ караулъ при фронтѣ. Въ то самое время прибылъ съ командою Смоленскаго пѣхотнаго полка Полковникъ Римскій-Корсаковъ, и когда съ Маіоромъ Кудрявцевымъ подошелъ къ фронту, то Мировичъ сказалъ ему: «Можетъ быть вы не видали живаго Ивана Антоновича, такъ нынѣ мертваго можете посмотрѣть. Онъ кланяется вамъ теперь не духомъ, но тѣломъ.»

По арестованіи Мировича никакихъ болѣе безпокойствъ не происходило. Онъ отдалъ былъ въ С.-Петербургѣ подъ судъ, на-

ряженный изъ первыхъ чиновъ, въ томъ числѣ и духовныхъ. Судъ, по произведенному Генералъ-Поручикомъ Веймарномъ слѣдствію, приговорилъ: «отсѣчь голову и, оставя тѣло на позорище народу до вечера, сжечь оное потомъ, купно съ эшафотомъ.» Сіе исполнено 15-го Сентября, 1764 г., на С.-Петербургскомъ острову, на Обжорномъ рынкѣ (Сытномъ).

Мировичъ былъ весьма набоженъ, даже суевѣренъ, и всякія намѣренія записывалъ, съ наложеніемъ па себя духовныхъ обѣщаній.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ЖИЗНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

и

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЦАРСТВОВАНІЯ
ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

Всѣ, окружавшіе Императрицу Екатерину, увѣрены до сихъ поръ, что происшествія во время пребыванія Шведскаго Короля въ С. Петербургѣ суть главною причиною удара, постигшаго ее въ 4-й день Ноября 1796-го года, въ тотъ самый день, въ который слѣдовало быть сговору Великой Княжны Александры Павловны. По возвращеніи Графа Маркова отъ Шведскаго Короля, съ рѣшительнымъ его отвѣтомъ, что онъ на сдѣланныя ему предложенія не согласится, извѣстіе сіе столь сильно поразило Императрицу, что она не могла выговорить ни одного слова, и оставалась нѣсколько минутъ съ отверстымъ ртомъ, доколѣ камердинеръ ея, Зотовъ (извѣстный подъ именемъ Захара), принёсъ и подалъ ей выпить стаканъ воды. Но послѣ сего случая, въ теченіе шести недѣль, не было примѣтно ни малѣйшей перемѣны въ ея здоровьи. За три дня до кончины сдѣлалась колика, но чрезъ сутки прошла: сію болѣзнь Императрица совсѣмъ не признавала важною. Наканунѣ удара, т. е., съ 6-го числа на 7-е, она, по обыкновенію, принимала свое общество въ спальной комнатѣ, разговаривала очень много о кончинѣ Сардинскаго Короля и стращала смертью Льва Александровича Нарышкина.

7-го числа Марія Савишна Перекусихина, вошедши по обыкновенію, въ 7 часовъ утра, къ Императрицѣ, для пробужденія ея, спросила, каково она почивала, и получила въ отвѣтъ, что давно такой пріятной ночи не проводила, и за симъ Государыня, вставъ съ постели, одѣлась, пила кофе и, побывъ нѣсколько минутъ въ кабинетѣ, пошла въ гардеробъ, гдѣ она никогда болѣе 10-ти минутъ не оставалась, по выходѣ же оттуда обыкновенно призывала камердинеровъ для приказанія, кого принять изъ приходившихъ ежедневно съ дѣлами. Въ сей день она слишкомъ полчаса не выходила изъ гардероба, и камердинеръ Тюльпанъ, вообразивъ, что Она пошла гулять въ Эрмитажъ, сказалъ о семъ Зотову, но этотъ, посмотря въ шкафъ, гдѣ лежали шубы и муфты Императрицы (кои она всегда сама вынимала и надѣвала, не призывая ни кого изъ служащихъ), и видя, что все было въ шкафѣ, пришелъ въ безпокойство, и, пообождавъ еще нѣсколько минутъ, рѣшился итти въ гардеробъ, что и исполнилъ. Отворя дверь, онъ нашелъ Императрицу лежащую на полу, но не цѣлымъ тѣломъ, потому что мѣсто было узко и дверь затворена, а отъ этого она не могла упасть на землю. Приподнявъ ей голову, онъ нашелъ глаза закрытыми, цвѣтъ лица багровый, и была хрипота въ горлѣ. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь камердинеровъ, но они долго не могли поднять тѣла по причинѣ тягости и отъ того, что одна нога подвернулась. Наконецъ, употребя еще нѣсколько человѣкъ изъ комнатныхъ, они съ великимъ трудомъ перенесли Императрицу въ спальную комнату, но не въ состояніи будучи поднять тѣло на кровать, положили на полу, на сафьянномъ матрасѣ. Тотчасъ послали за докторами. Князь Зубовъ, бывъ извѣщенъ первый, первый потерялъ и разсудокъ: онъ не дозволилъ дежурному лѣкарю пустить Императрицѣ кровь, хотя о семъ убѣдительно просили его и Марья Савишна Перекусихина и камердинеръ Зотовъ. Между тѣмъ прошло съ часъ времени. Первый изъ докторовъ пріѣхалъ Рожерсонъ. Онъ пустилъ въ ту же минуту кровь, которая пошла хорошо; приложилъ къ ногамъ Шпанскія мухи, но былъ, однако же, съ прочими докторами одного мнѣнія, что ударъ послѣдовалъ въ голову и былъ смертельный. Не смотря на сіе, прилагаемы были до послѣдней минуты ея жизни всѣ старанія, искуство и усердіе не переставали дѣйствовать. Великій Князь Александръ Павловичъ вышелъ около того времени гулять пѣшкомъ. Къ Великому Князю Наслѣднику отъ Князя Зубова и отъ прочихъ знаменитыхъ особъ посланъ

былъ съ извѣщеніемъ Графъ Николай Александровичъ Зубовъ, а первый, который предложилъ и нашелъ сіе нужнымъ, былъ Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

Въ тотъ самый день Наслѣдникъ кушалъ на Гатчинской мельницѣ, въ 5 верстахъ отъ дворца его. Предъ обѣдомъ, когда собрались дежурные и прочія особы, общество Гатчинское составлявшія, Великій Князь и Великая Княгиня разсказывали Плещееву, Кушелеву, Графу Віельгорскому и Каммергеру Бибикову случившееся съ ними тою ночью. Наслѣдникъ чувствовалъ во снѣ, что нѣкая невидимая и сверхъестественная сила возносила его къ небу. Онъ часто отъ этого просыпался, потомъ засыпалъ и опять былъ разбуждаемъ повтореніемъ того же самаго сновидѣнія; наконецъ, примѣтивъ, что Великая Княгиня не почивала, сообщилъ ей о своемъ сновидѣніи и узналъ, къ взаимному ихъ удивленію, что и она то же самое видѣла во снѣ и тѣмъ же самымъ нѣсколько разъ была разбужена.

По окончаніи обѣденнаго стола, когда Наслѣдникъ со свитою возвращался въ Гатчино, а именно въ началѣ 3-го часа, прискакалъ къ нему на встрѣчу одинъ изъ его гусаръ, съ донесеніемъ, что пріѣхалъ въ Гатчино Шталмейстеръ Графъ Зубовъ съ какимъ-то весьма важнымъ извѣстіемъ. Наслѣдникъ приказалъ скорѣе ѣхать и не могъ ни какъ вообразить себѣ истинной причины появленія Графа Зубова въ Гатчинѣ. Останавливался болѣе онъ на той мысли, что, можетъ быть, Король Шведскій рѣшился требовать въ замужство Великую Княжну Александру Павловну, и что Государыня о семъ его извѣщаетъ.

По пріѣздѣ Наслѣдника въ Гатчинской дворецъ, Графъ Зубовъ былъ позванъ къ нему въ кабинетъ и объявилъ о случившемся съ Императрицею, разсказавъ всѣ подробности. Послѣ сего Наслѣдникъ приказалъ найскорѣе запречь лошадей въ карету и, сѣвъ въ оную съ супругою, отправился въ Петербургъ, а Графъ Зубовъ поскакалъ напередъ въ Софію для заготовленія лошадей.

Пока все это происходило, Петербургъ не зналъ еще о приближающейся кончинѣ Императрицы Екатерины. Бывъ въ Англійскомъ магазинѣ, я возвращался пѣшкомъ домой и уже прошелъ было Эрмитажъ; но вспомня, что въ слѣдующій день я долженъ былъ ѣхать въ Гатчино, вздумалъ зайти проститься съ Анною Степановною Протасовою. Вошедъ въ ея комнату, я увидѣлъ дѣвицу Полетику и одну изъ моихъ свояченицъ въ слезахъ: онѣ сказали мнѣ о

болѣзни Императрицы и были встревожены первымъ извѣстіемъ объ опасности. Анна Степановна давно уже пошла въ комнаты, и я послалъ къ ней одного изъ лакеевъ, чтобы узнать обстоятельнѣе о происшедшемъ. Ожидая возвращенія посланнаго, я увидѣлъ вошедшаго въ комнату скорохода Великаго Князя Александра Павловича, который сказалъ мнѣ, что онъ былъ у меня съ тѣмъ, что Александръ Павловичъ проситъ меня пріѣхать къ нему поскорѣе. Исполняя волю его, я пошелъ къ нему тотчасъ и встрѣченъ былъ въ комнатахъ камердинеромъ Парлантомъ, который просилъ меня обождать скораго возвращенія Его Императорскаго Высочества, къ чему прибавилъ, что Императрицѣ сдѣлался сильный параличный ударъ въ голову, что она безъ всякой надежды и, можетъ быть, уже не въ живыхъ. Спустя минутъ пять, пришелъ и Великій Князь Александръ Павловичъ. Онъ былъ въ слезахъ и черты лица его представляли великое душевное волненіе. Обнявъ меня нѣсколько разъ, онъ спросилъ, знаю ли я о происшедшемъ съ Императрицею? На отвѣтъ мой, что я слышалъ объ этомъ отъ Парланта, онъ подтвердилъ мнѣ, что надежды ко спасенію не было ни какой, и убѣдительно просилъ ѣхать къ Наслѣднику для скорѣйшаго извѣщенія, прибавивъ, что хотя Графъ Николай Зубовъ и поѣхалъ въ Гатчино, но я лучше отъ его имени могу разсказать о семъ несчастномъ происшествіи.

Доѣхавъ домой на извощикѣ, я велѣлъ запречь маленькіе сани въ три лошади и чрезъ часъ прискакалъ въ Софію. Тогда уже было 6 часовъ по полудни. Тутъ перваго увидѣлъ я Графа Николая Зубова, который, возвращаясь изъ Гатчино, шумѣлъ съ какимъ-то человѣкомъ, приказывая ему скорѣе выводить лошадей изъ конюшни. Хотя и вовсе не было до смѣха, однако же тутъ я услышалъ нѣчто странное: человѣкъ, который шумѣлъ съ Графомъ Зубовымъ, былъ пьяный Засѣдатель. Когда Графъ Зубовъ, по старой привычкѣ обходиться съ гражданскими властями, какъ съ свиньями, кричалъ ему: «Лошадей! лошадей! я тебя запрягу подъ Императора,» тогда Засѣдатель весьма манерно, пополамъ учтиво и грубо, отвѣчалъ: «Ваше Сіятельство, запречь меня не диковинка, но какая польза? Вѣдь, вѣдь я не повезу, хошь до смерти изволите убить. Да что такое Императоръ? Если есть Императоръ въ Россіи, то дай Богъ ему здравствовать; буде Матери нашей не стало, то ей виватъ!» Пока Графъ Зубовъ шумѣлъ съ Засѣдателемъ, прискакалъ верхомъ конюшенный Офицеръ, Маіоръ Бычковъ, и едва онъ остановилъ свою лошадь, пока-

зались фонари экипажа въ восемь лошадей, въ которой ѣхалъ Наслѣдникъ. Когда карета остановилась, и я, подошедъ къ ней, сталъ говорить, то Наслѣдникъ, услышавъ мой голосъ, закричалъ:... Ah, c'est vous, mon cher Rostoptchin!» За симъ словомъ онъ вышелъ изъ кареты и сталъ разговаривать со мною, распрашивая подробно о происшедшемъ. Разговоръ продолжался до того времени, какъ сказано, что все готово; садясь въ карету, онъ сказалъ мнѣ: «Faites-moi le plaisir de Me suivre; nous arriverons ensemble. J'aime à vous voir avec moi.» Сѣвъ въ сани съ Бычковымъ, я поскакалъ за каретою. Отъ Гатчино до Софіи встрѣтили Наслѣдника 5 или 6 курьеровъ, всѣ съ однимъ извѣстіемъ отъ Великихъ Князей, отъ графа Салтыкова и прочихъ. Они всѣ были съ записками, и я, предвидѣвъ это, велѣлъ изъ Софіи взять фонарь со свѣчею на случай, что если будутъ письма изъ Петербурга, то можно бы было читать ихъ въ каретѣ. Попались еще въ встрѣчу около 20 человѣкъ разныхъ посланныхъ, но ихъ мы ворочали назадъ и такимъ образомъ составили предлинную свиту саней. Не было ни одной души изъ тѣхъ, кои дѣйствительно, или мнительно, имѣя какія либо сношенія съ окружавшими Наслѣдника, не отправили бы нарочнаго въ Гатчино съ извѣстіемъ; между прочимъ, одинъ изъ придворныхъ поваровъ и рыбный подрядчикъ наняли курьера и послали. Проѣхавъ Чесменскій дворецъ, Наслѣдникъ вышелъ изъ кареты. Я привлекъ его вниманіе на красоту ночи. Она была самая тихая и свѣтлая; холода было не болѣе 3°; луна то показывалась изъ за облаковъ, то опять за оныя скрывалась. Стихіи, какъ бы въ ожиданіи важной перемѣны въ свѣтѣ, пребывали въ молчаніи, и царствовала глубокая тишина. Говоря о погодѣ, я увидѣлъ, что Наслѣдникъ устремилъ взглядъ свой на луну и, при полномъ ея сіяніи, могъ я замѣтить, что глаза его наполнялись слезами и даже текли слезы по лицу. Съ моей стороны, преисполненъ бывъ важности сего дня, преданъ будучи сердцемъ и душою тому, кто восходилъ на тронъ Россійскій, любя Отечество и представляя себѣ сильно всѣ послѣдствія, всю важность перваго шага, всякое онаго вліяніе на чувства преисполненнаго здоровьемъ, пылкостью и необычайнымъ воображеніемъ, самовластнаго Монарха, отвыкшаго владѣть собою, я не могъ воздержаться отъ повелительнаго движенія и, забывъ разстояніе между имъ и мною, схватя его за руку, сказалъ: «Ah, Monseigneur, quel moment pour Vous!» На это онъ отвѣчалъ, пожавъ крѣпко мою руку: «Attendez, mon cher, atten-

dez: J'ai vécu quarante deux ans; Dieu m'a soutenu; peut être donnera-t-il la force et la raison pour supporter l'état, au quel il me destine. Espérons tout de Sa bonté.»

Въ слѣдъ за симъ, онъ тотчасъ сѣлъ въ карету, и въ 8½ часовъ вечера въѣхалъ въ С. Петербургъ, въ которомъ еще весьма мало людей знали о происшедшемъ.

Дворецъ былъ наполненъ людьми всякаго званія, кои, собраны будучи вмѣстѣ столько же по званіямъ ихъ, сколько изъ любопытства, или страха, всѣ съ трепетомъ ожидали окончанія одного долговременнаго царствованія, для вступленія въ другое, совсѣмъ новое. По пріѣздѣ Наслѣдника, всякой, кто хотѣлъ, подвигнутый жалостію, или любопытствомъ, входилъ въ ту комнату, гдѣ лежало едва дышущее тѣло Императрицы. Повторялись вопросы то о часѣ кончины, то о дѣйствіи лѣкарствъ, о мнѣніи докторовъ. Всякой разсказывалъ разное, однако же общее было желаніе имѣть хоть слабую надежду къ ея выздоровленію.

Вдругъ пронесся слухъ (и всѣ обрадовались), будто Государыня, при отнятіи Шпанскихъ мухъ, открыла глаза и просила пить, но потомъ, чрезъ минуту, возвратились всѣ къ прежнему мнѣнію, что не осталось ожидать ничего, кромѣ часа ея смерти.

Наслѣдникъ, зашедъ на минуту въ свою комнату, въ Зимнемъ дворцѣ, пошелъ на половину Императрицы. Проходя сквозь комнаты, наполненныя людьми, ожидающими восшествія его на престолъ, онъ оказывалъ всѣмъ видъ ласковый и учтивый. Пріемъ, ему сдѣланный, былъ уже въ лицѣ Государя, а не Наслѣдника. Поговоря нѣсколько съ медиками и распрося о всѣхъ подробностяхъ происшедшаго, онъ пошелъ съ супругою въ угольный Кабинетъ и туда призывалъ тѣхъ, съ коими хотѣлъ разговаривать, или коимъ что либо приказывалъ. На разсвѣтѣ, чрезъ двадцать четыре часа, послѣ удара, пошелъ Наслѣдникъ въ свою комнату, гдѣ лежало тѣло Императрицы. Сдѣлавъ вопросъ докторамъ, имѣютъ ли они надежду, и получа въ отвѣтъ, что никакой, онъ приказалъ позвать Преосвященнаго Гавріила съ духовенствомъ, читать глухую исповѣдь и причастить Императрицу Святыхъ Таинъ, — что и было исполнено. Потомъ онъ позвалъ меня въ кабинетъ и изволилъ сказать: «Я тебя совершенно знаю таковымъ, каковъ ты есть, и хочу, чтобы ты откровенно мнѣ сказалъ, чѣмъ ты при мнѣ быть желаешь?» Имѣя всегда въ виду истребленіе неправосудія, я, не останавливаясь ни мало

отвѣчалъ: «Секретаремъ для принятія просьбъ.» Наслѣдникъ, позадумавшись, сказалъ мнѣ: «Тутъ я не найду своего счета; знай, что я назначаю тебя Генералъ-Адъютантомъ, но не такимъ, чтобы гулять только по дворцу съ тростью, а для того, чтобы ты правилъ военною частію.» Молчаніе было моимъ отвѣтомъ. Хотя мнѣ и не хотѣлось быть опять въ военной службѣ, но непристойно было отказаться отъ первой милости, которую восходящій на престолъ Государь собственнымъ движеніемъ мнѣ оказывалъ. Потомъ съ четверть часа онъ разговаривалъ съ Камеръ-Пажемъ Нелидовымъ, вѣроятно, о теткѣ его, Катеринѣ Ивановнѣ, которая столь важную роль играла до восшествія и послѣ восшествія Императора Павла на престолъ; она уже восемь мѣсяцевъ жила въ Смольномъ монастырѣ, поссорившись съ Великою Княгинею въ Гатчинѣ.

Между тѣмъ всѣ ежеминутно ожидали конца жизни Императрицы, и дворецъ болѣе и болѣе наполнялся людьми всякаго званія. Графъ Безбородко болѣе 30-ти часовъ не выѣзжалъ изъ дворца; онъ былъ въ отчаяніи: неизвѣстность судьбы, страхъ, что онъ подъ гнѣвомъ новаго Государя, и живое воспоминаніе благотвореній умирающей Императрицы наполняли глаза его слезами, а сердце горестью и ужасомъ. Раза два онъ говорилъ мнѣ умилительнымъ голосомъ, что онъ надѣется на мою дружбу, что онъ старъ, боленъ, имѣетъ 250 тысячь руб. дохода и единой проситъ милости, быть отставленнымъ отъ службы безъ посрамленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ соболѣзнуя, просилъ онъ о Трощинскомъ, который былъ его твореніе, и объяснилъ мнѣ, что уже восьмой день, какъ подписанъ указъ о пожалованіи его въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, но не отосланъ Грибовскимъ въ Сенатъ.

Вошедши къ Наслѣднику и отвѣчая на вопросъ его: «Что дѣлается во дворцѣ?» я нашелъ удобнымъ описать отчаяніе Графа Безбородко и положеніе Трощинскаго. Тутъ я получилъ повелѣніе увѣрить Графа Безбородко, что Наслѣдникъ, не имѣя никакого особеннаго противъ него неудовольствія, проситъ его забыть все прошедшее, и что считаетъ на его усердіе, зная дарованія его и способность къ дѣламъ; указъ же о пожалованіи Трощинскаго приказалъ мнѣ взять и отослать въ Сенатъ, что и было мною исполнено. Грибовскій, въ видѣ человѣка, желающаго исчезнуть, принесъ и отдалъ мнѣ указъ, сказавъ, что не онъ виноватъ, а Князь Зубовъ, который приказалъ не отсылать указа въ Сенатъ.

Наслѣдникъ, позвавъ Графа Безбородко, приказалъ ему заготовить Указъ о восшествіи на престолъ, а мнѣ поручилъ написать къ Князю Александру Борисовичу Куракину, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ поспѣшилъ своимъ пріѣздомъ въ С.-Петербургъ. Я, въ моемъ письмѣ давъ знать Князю Куракину объ отчаянной болѣзни Императрицы, отправилъ оное съ курьеромъ.

Въ часъ по полудни, въ корридорѣ, за спальною комнатой, накрыли столъ, за которымъ Наслѣдникъ и его Супруга кушали двое.

Въ три часа по полудни приказано было Вице-Канцлеру, Графу Остерману, ѣхать къ Графу Маркову, забрать всѣ его бумаги, запечатать и привезти; но не знаю, изъ чего Графъ Остерманъ вздумалъ, что препорученіе привезть бумаги налагало на него обязанность, чтобы онъ самъ внесъ ихъ во дворецъ; а какъ онѣ были завязаны въ двѣ скатерти, то Остерманъ, сквозь всѣ комнаты дворца, тащилъ эти двѣ кипы бумагъ точно такъ, какъ дѣти, играя, таскаютъ маленькія салазки, нагруженныя не по силамъ ихъ.

Наслѣдникъ, отдавъ мнѣ свою печать, которую навѣшивалъ на часахъ, приказалъ запечатать, вмѣстѣ съ Графомъ Александромъ Николаевичемъ Самойловымъ, кабинетъ Государыни. Тутъ я имѣлъ еще два доказательства глупости и подлости Александра Николаевича. Бывъ съ нимъ сперва знакомъ и имъ любимъ, я подпалъ у него послѣ подъ гнѣвъ за то, что о свадьбѣ моей сказалъ Графу Безбородко прежде, чѣмъ ему. Увидѣвъ теперь мой новый доступъ и ходъ, онъ вздумалъ сдѣлать изъ меня опять друга себѣ и сирячась, началъ увѣрять въ своей преданности и разсказывать о гоненіяхъ, кои онъ претерпѣлъ отъ Императрицы (которую называлъ уже покойною) за то, что представилъ къ награжденію какого-то Гатчинскаго лѣкаря. Но ни что меня такъ не удивило, какъ предложеніе его, чтобы, для лучшаго и точнаго исполненія повелѣнія Наслѣдника, касательно запечатанія вещей и бумагъ въ кабинетѣ, сдѣлать прежде имъ всѣмъ опись. Согласясь, однако же, со мною, что на сіе потребно нѣсколько недѣль и писцовъ, мы завязали въ салфетки все, что было на столахъ, положили въ большой сундукъ, а къ дверямъ приложили ввѣренную мнѣ печать.

Наслѣдникъ приказалъ Оберъ-Гофмаршалу Князю Барятинскому ѣхать домой; должность его поручилъ Графу Шереметеву, а Гофмаршалами назначилъ Графовъ Тизенгаузена и Віельгорскаго.

Съ трехъ часовъ по полудни слабость пульса у Императрицы стала гораздо примѣтнѣе, раза три, или четыре, думали доктора, что послѣдуетъ конецъ. Но крѣпость сложенія и множество силъ, борясь со смертію, удерживали и отдаляли послѣдній ударъ.

Тѣло лежало въ томъ же положеніи на сафьянномъ матрасѣ недвижно, съ закрытыми глазами. Сильное хрипѣніе въ горлѣ слышно было и въ другой комнатѣ; вся кровь поднималась въ голову, и цвѣтъ лица былъ иногда багровый, а иногда походилъ на самый живой румянецъ. У тѣла находились попеременно придворные лѣкаря и, стоя на колѣнахъ, отирали ежеминутно матерію, текшую изъ рта, сперва желтаго, а подъ конецъ черноватаго, цвѣта.

Въ комнатѣ, исключая Императорской фамиліи, внутренней услуги и факультета, была во все время Камеръ-Фрейлина, Анна Степановна Протасова, погруженная въ горесть. Глаза ея не сходили съ полумертваго тѣла ея благодѣтельницы. Еще до прибытія Наслѣдника въ С.-Петербургъ, Великіе Князья, Александръ и Константинъ, были въ мундирахъ тѣхъ баталіоновъ, коими они командовали въ Гатчинскомъ модельномъ войскѣ.

Часовъ въ пять по полудни Наслѣдникъ велѣлъ мнѣ спросить у Графа Безбородко, нѣтъ ли какихъ нибудь дѣлъ, времени не терпящихъ, и хотя обыкновенныя донесенія, по почтѣ приходящія, и не требовали поспѣшнаго доклада, но Графъ Безбородко разсудилъ войти съ ними въ кабинетъ, гдѣ и мнѣ приказалъ Наслѣдникъ остаться. Онъ былъ чрезвычайно удивленъ памятью Графа Безбородко, который не только по надписямъ узнавалъ, откуда пакеты, но и писавшихъ называлъ по именамъ. Сіе не такъ покажется чрезвычайнымъ, когда отличимъ бумаги однѣ отъ другихъ: всѣ были или отъ Генералъ-Губернаторовъ, или отъ начальниковъ разныхъ частей, кои еженедѣльно для формы присылали Государынѣ свои донесенія, а важныя и интересныя дѣла предоставляли перепискѣ съ Княземъ Зубовымъ, Графомъ Салтыковымъ и Генералъ-Прокуроромъ. При входѣ Графа Безбородко съ бумагами, Наслѣдникъ сказалъ ему, показывая на меня: «Вотъ человѣкъ, отъ котораго у меня нѣтъ ничего скрытнаго!» Когда же Графъ Безбородко, окончивъ, вышелъ изъ кабинета, то Наслѣдникъ, бывъ еще въ удивленіи, объяснился весьма лестно на его счетъ, примолвивъ: «Этотъ человѣкъ для меня даръ Божій; спасибо тебѣ, что ты меня съ нимъ примирилъ.» Въ теченіи

дня Наслѣдникъ разъ пять, или шесть, призывалъ къ себѣ Князя Зубова, разговаривалъ съ нимъ милостиво и увѣрялъ въ своемъ благорасположеніи. Отчаяніе сего временщика ни съ чѣмъ сравниться не можетъ; не знаю, какія чувства сильнѣе дѣйствовали на сердце его; но увѣренность въ паденіи и ничтожествѣ изображалась не только на лицѣ, но и во всѣхъ его движеніяхъ. Проходя сквозь спальную комнату Императрицы, онъ останавливался по нѣскольку разъ предъ тѣломъ Государыни и выходилъ рыдая. Помѣщу здѣсь одно изъ моихъ примѣчаній: войдя въ комнату, называемую дежурной, я нашелъ Князя Зубова сидящаго въ углу; толпа придворныхъ удалялась отъ него, какъ отъ зараженнаго, и онъ, терзаемый жаждою и жаромъ, не могъ выпросить себѣ стакана воды. Я послалъ лакея и подалъ самъ питье, въ коемъ отказывали ему тѣ самые, кои, сутки тому назадъ, на одной улыбкѣ его основывали зданіе своего счастія; и та комната, въ коей давили другъ друга, чтобъ стать къ нему ближе, обратилась для него въ необитаемую степь.

Въ 9-ть часовъ пополудни, Рожерсонъ, войдя въ кабинетъ, въ коемъ сидѣли Наслѣдникъ и Супруга его, объявилъ, что Императрица кончается. Тотчасъ приказано было войти въ спальную комнату Великимъ Князьямъ, Княгинямъ и Княжнамъ, Александрѣ и Еленѣ, съ коими вошла и Статсъ-Дама Ливенъ, а за нею Князь Зубовъ. Графъ Остерманъ, Безбородко и Самойловъ. Сія минута до сихъ поръ и до конца жизни моей пребудетъ въ моей памяти незабвенною. По правую сторону тѣла Императрицы стояли Наслѣдникъ, Супруга его и ихъ дѣти: у головы призванные въ комнату Плещеевъ и я; по лѣвую сторону доктора, лѣкаря и вся услуга Екатерины. Дыханіе ея сдѣлалось трудно и рѣдко; кровь то бросалась въ голову и перемѣняла совсѣмъ черты лица, то, опускаясь внизъ, возвращала ему естественный видъ. Молчаніе всѣхъ присутствующихъ, взгляды всѣхъ, устремленные на единый важный предметъ, отдаленіе на сію минуту отъ всего земнаго, слабый свѣтъ въ комнатѣ, — все сіе обнимало ужасомъ, возвѣщало скорое пришествіе смерти. Ударила первая четверть одиннадцатаго часа, Великая Екатерина вздохнула въ послѣдній разъ и, наряду съ прочими, предстала предъ Судъ Всевышняго.

Казалось, что смерть, пресѣкши жизнь сей Великой Государыни и нанеся своимъ ударомъ конецъ и великимъ дѣламъ ея, оставила тѣло въ объятіяхъ сладкаго сна. Пріятность и величество

возвратились опять въ черты лица ея и представили еще Царицу, которая славою своего царствованія наполняла всю вселенную. Сынъ ея и Наслѣдникъ, наклоня голову предъ тѣломъ, вышелъ, заливаясь слезами, въ другую комнату; спальная комната въ мгновеніе ока наполнилась воплемъ женщинъ, служившихъ Екатеринѣ.

Сколь почтенна была тутъ любимица ея, Марья Савишна Перекусихина. Находившись при ней долгое время безотлучно, будучи достойно уважена всѣми, пользуясь неограниченною довѣренностію Екатерины и не употребляя оной никогда во зло, довольствуясь во все время двумя, а иногда одною комнатою во дворцахъ, убѣгая лести и единственно занятая услугою и особою своей Государыни и благодѣтельницы, она съ жизнью ея теряла счастіе и покой, оставалась сама въ живыхъ токмо для того, чтобъ ее оплакивать. Твердость духа сей почтенной женщины привлекла многократно вниманіе бывшихъ въ спальной комнатѣ; занятая единственно Императрицей, она служила ей точно такъ, какъ будто бы ожидала ея пробужденія, сама поминутно приносила платки, коими лѣкаря обтирали текущую изо рта матерію, поправляла ей то руки, то голову, то ноги; не смотря на то, что Императрица уже не существовала, она безпрестанно оставалась у тѣла усопшей, и духъ ея стремился въ слѣдъ за безсмертною душою Императрицы Екатерины. Слезы и рыданія не простирались далѣе той комнаты, въ которой лежало тѣло Государыни. Прочія наполнены были людьми знатными и чиновниками, которые во всѣхъ происшествіяхъ, и счастливыхъ и несчастныхъ, заняты единственно сами собой, а сія минута для нихъ всѣхъ была тѣмъ, что страшный судъ для грѣшныхъ. Графъ Салтыковъ, вышедши въ дежурную комнату, натурально съ глупымъ и важнымъ лицомъ, которое онъ тщетно принуждалъ изъявлять сожалѣніе, сказалъ: «Милостивые Государи! Императрица Екатерина скончалась, а Государь Павелъ Петровичъ изволилъ взойти на Всероссійскій престолъ.» Тутъ нѣкоторые (коихъ я не хочу назвать, не по тому, чтобы забыты были мною имена ихъ, но отъ живаго омерзѣнія, которое къ нимъ чувствую), бросились обнимать Самойлова и всѣхъ предстоящихъ, поздравляя съ Императоромъ. Оберъ-Церемоніймейстеръ Валуевъ, который всегда занятъ единственно церемоніею, пришелъ съ докладомъ, что въ придворной церкви все готово къ присягѣ. Императоръ со всею фамиліею, въ сопровожденіи всѣхъ, съѣхавшихся во дворецъ, изволилъ пойти въ церковь. Пришедши, сталъ на

Императорское мѣсто, и всѣ читали присягу, въ слѣдъ за духовенствомъ. Послѣ присяги, Императрица Марія, подошедши къ Императору, хотѣла броситься на колѣна, но была имъ удержана, равно какъ и всѣ дѣти. За симъ каждой цѣловалъ Крестъ и Евангеліе и, подписавъ имя свое, приходилъ къ Государю и къ Императрицѣ къ рукѣ. По окончаніи присяги Государь пошелъ прямо въ спальную комнату покойной Императрицы, коей тѣло въ бѣломъ платьѣ положено было уже на кровати, и діаконъ на налоѣ читалъ Евангеліе.

Такимъ образомъ кончился послѣдній день жизни Императрицы Екатерины. Сколь ни велики были ея дѣла, а смерть ея слабо дѣйствовала надъ чувствами людей. Казалось, все было въ положеніи путешественника, сбившагося съ дороги, но всякой надѣялся попасть на нее скоро. Всѣ, любя перемѣну, думали найти въ ней выгоды, и всякой, закрывъ глаза и зажавъ уши, пускался безъ души разыгривать снова безумную лотерею слѣпаго счастія.

Графъ **Ѳ. Растопчинъ.**

Ноября 15-го дня, 1796 года.

(Конца недостаетъ.)

СПИСКИ

СЪ СОБСТВЕННОРУЧНЫХЪ ВЫСОЧАЙШИХЪ РЕСКРИПТОВЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, ПАВЛА I-ГО, АТАМАНУ ВОЙСКА ДОНСКАГО, ГЕНЕРАЛУ ОТЪ КАВАЛЕРІИ, ВАСИЛІЮ ПЕТРОВИЧУ ОРЛОВУ, О ПОХОДѢ ВЪ ИНДІЮ.

1.

Отъ 12 Генваря, 1801 года.
Въ С.-Петербургѣ.

Англичане приготовляются здѣлать нападеніе флотомъ и войскомъ на Меня и на союзниковъ Моихъ, Шведовъ и Датчанъ. Я готовъ ихъ принять, но нужно ихъ самихъ атаковать и тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ меньше ожидаютъ. Заведеніе ихъ въ Индіи самое лучшее для сего. Отъ насъ ходу до Индіи отъ Оренбурга мѣсяца три, да отъ васъ туда мѣсяцъ, а всего мѣсяца четыре. Поручаю всю сію экспедицію вамъ и войску вашему, Василій Петровичъ. Соберитесь вы со онымъ и вступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любою изъ трехъ дорогъ, или ивсѣми, подите и съ артиллеріею прямо чрезъ Бухарію и Хиву на рѣку Индусъ и на заведенія Англинскія, по ней лежащія; войско того края ихъ таковаго же рода, какъ ваше, и тамъ, имѣя артиллерію, вы имѣете полный авантажъ. Приготовте все къ походу. Пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить, или осмотрѣть, дороги; все богатство Индіи будетъ намъ за сію экспедицію наградою. Соберите войско къ заднимъ станицамъ, и тогда, увѣдомивъ Меня, ожидайте повелѣнія итти къ Оренбургу, куда пришедъ, опять ожидайте другаго итти далѣе. Таковое предпріятіе увѣнчаетъ васъ всѣхъ славою заслужить, по мѣрѣ заслуги, Мое особое благоволеніе, пріобрѣсть богатства и торговлю и поразить непріятеля въ его сердцѣ. Здѣсь прилагаю карты, сколько у Меня ихъ есть. Богъ васъ благослови!
Есмь вашъ благосклонный Павелъ.

Карты мои идутъ только до Хивы и до Амурдарьи рѣки, а далѣе ваше уже дѣло достать свѣдѣнія до заведеній Англійскихъ и до народовъ Индѣйскихъ, имъ подвластныхъ. П.

2.

С.-Петербургъ.
Генваря 12, 1801 года.

Индія, куда вы назначаетесь, управляется однимъ главнымъ владѣльцемъ и многими малыми. Англичане имѣютъ у нихъ свои заведенія торговыя, пріобрѣтенныя или деньгами, или оружіемъ, то и цѣль все сіе разорить и угнѣтенныхъ владѣльцевъ освободить и землю привесть Россіи въ ту же зависимость, въ какой она у Англичанъ, и торгъ обратить къ намъ. Сіе вамъ въ исполненіе поручая, пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

3.

С.-Петербургъ.
Генваря 13-го, 1801 года.

Василій Петровичъ! Посылаю вамъ подробную и новую карту всей Индіи. Помните, что вамъ дѣло до Англичанъ только, а миръ со всѣми тѣми, кто не будутъ имъ помогать; и такъ проходя, ихъ увѣряйте о дружбѣ Россіи, и идите отъ Инда на Гангесъ и тамъ на Англичанъ. Мимоходомъ утвердите Бухарію, чтобы Китайцамъ не досталась. Въ Хивѣ высвободите столько-то тысячъ нашихъ плѣнныхъ подданныхъ. Естьли бы нужна была пѣхота, то въ слѣдъ за вами, а не инако, прислать будетъ можно, но лутше кабы вы то одни собою здѣлали. Вамъ благосклонный Павелъ.

Возмите столько съ собою, сколько можно.

4.

Въ Михайловскомъ замкѣ.
Февраля 2 дня, 1801 года.

Господинъ Генералъ отъ Кавалеріи Орловъ 1-й! Въ отвѣтъ на донесеніе ваше отъ 23 Генваря не имѣю вамъ ничего инаго сказать, какъ апробую все, вами представленное. Пребываю вамъ благосклоннымъ Павелъ.

О пѣхотѣ же, будучи вашего мнѣнія, лутше не брать.

5.

Михайловскій замокъ.
Февраля 7-го, 1801 г.

При семъ посылаю къ вамъ маршрутъ, какой могъ для васъ достать; онъ дополнитъ вамъ карту и объяснитъ; экспедиція весьма нужна, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ вѣрнѣе и лутше. Вамъ благосклонный Павелъ.

Симъ маршрутомъ Я вамъ руки не связываю однако же.

ПО ДѢЛУ

О КНЯЗѢ А. И. ГОРЧАКОВѢ.

I

МНѢНІЕ

АДМИРАЛА МОРДВИНОВА.

Прежде, нежели приступить можно къ денежному взысканію съ подсудимаго, должно доказать преступленія, въ коихъ онъ обвиняемъ. Денежное взысканіе есть уже послѣдствіе доказаннаго преступленія.

Управляющій Военнымъ Министерствомъ, Князь Горчаковъ, предстоитъ суду Государственнаго Совѣта подъ укоризнами въ нижеслѣдующихъ уголовныхъ преступленіяхъ, кои въ докладѣ изложены сими словами:

1. Что «онъ, Князь Горчаковъ, Управляющій Военнымъ Министерствомъ, способствовалъ Государственному ущербу, понесенному Казною въ важныхъ и существенныхъ убыткахъ.»

2. Что «онъ, въ представленіи своемъ Комитету Гг. Министровъ, не упомянулъ вовсе о предположеніяхъ Генералъ-Провіантмейстера, опредѣлилъ Косиковскому, какъ бы произвольно, положительную цѣну и, сверхъ того, вопреки предположеній Генералъ-Провіантмейстера, назначилъ прибавить опредѣленные за перевозку запасовъ прогоны, которые могли остаться въ Казнѣ.»

3. Что «онъ, Князь Горчаковъ, въ представленіи Комитету Гг. Министровъ, вовсе умолчалъ о покупкѣ Лешерномъ въ Витебской губерніи провіантскихъ припасовъ, предъ тѣмъ самымъ временемъ произведенной.

4. Что «въ Комитетѣ Министровъ разрѣшено было заключить съ Косиковскимъ выше еще тѣхъ цѣнъ, какія полагалъ заплатить онъ самъ въ представленіи своемъ.»

5. Что «онъ, Управляющій Военнымъ Министерствомъ, не остановилъ вовсе заключенія съ Косиковскимъ контракта и не предоставилъ заготовленія хлѣба, согласно съ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Витебскому Губернатору »

6. Что «въ самой Ригѣ заготовленія провіянта и овса, вмѣсто подряда у Косиковскаго, можно было произвести дешевле и, сверхъ того, Казна сберегла бы издержки, потребныя на доставленіе въ Ригу подряжаемаго у Косиковскаго хлѣба; но за всѣмъ тѣмъ заключенія съ нимъ контракта не остановлено, къ явному для Казны отягощенію.»

7. Что «вмѣсто выдачи всей половинной суммы подрядчику, какъ положено было Комитетомъ Гг. Министровъ, предписалъ онъ, Управляющій Военнымъ Министерствомъ, выдать ему, при заключеніи контракта, только 100 тысячь рублей, а остальную сумму отправить съ Чиновникомъ, для выдачи на мѣстахъ дѣйствій его, по мѣрѣ надобности, и что таковая перемѣна имѣла цѣлію своею единственно выгоды Косиковскаго, сопряженныя съ явною для Казны потерею.»

8. Что «польза Казны, при заключеніи съ Косиковскимъ контракта, совершенно не была обезпечена; равнымъ образомъ въ послѣдствіи ни мало оная не соблюдалась, и въ пользу подрядчика допущены были отступленія отъ самаго контракта.»

9. Что «контрактъ съ купцомъ Маркеловымъ послѣдовалъ къ явному ущербу Казны, котораго и заключать бы вовсе было не должно, отъ чего произошелъ значительный казенный ущербъ.»

10. Что «отвѣтная записка, поданная, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, Комитету Гг. Министровъ, изложена имъ, Княземъ Горчаковымъ, несправедливо.»

Въ заключеніи доклада, представленнаго Его Императорскому Величеству, Управляющій Военнымъ Министерствомъ, Князь Горчаковъ, обвиняется въ злоумышленныхъ намѣреніяхъ и въ дѣяніяхъ вышней степени законопреступныхъ.

Всѣ статьи обвиненія, изложенныя въ рѣшительныхъ словахъ, заключаютъ въ себѣ дѣла самыхъ важныхъ уголовныхъ преступле-

ній, и Князь Горчаковъ, Военный Министръ 1812 года, стоитъ предъ Государственнымъ Совѣтомъ и законами, обреченный достойнымъ, по правдѣ, не менѣе смертной казни.

О преступникѣ таковой степени денежное взысканіе есть послѣднее обстоятельство, которое можетъ заслуживать уваженія Государственнаго Совѣта, и которое само собою, послѣ осужденія преступленія его, опредѣлится въ должной мѣрѣ Бухгалтерскимъ обыкновеннымъ вычисленіемъ; но и денежное взысканіе есть наказаніе; не доказавъ же предварительно вину, ничѣмъ наказывать не можно.

Смерть не избавляетъ Князя Горчакова отъ суда въ отношеніи его чести и нравственности дѣяній его; ибо мертвый онъ судимъ былъ, и когда быть можетъ наказанъ лишеніемъ оставшагося послѣ него имѣнія, то равно можетъ быть наказанъ и въ чести, которая равно составляла имущество его и на которую мертвый не теряетъ никогда права своего. Мертвый — безгласный, не могущій охранить свою честь и невинность, равно не можетъ удержать и обличенія, естьли бъ кто оное посягнулъ съ него снимать.

Въ томъ видѣ, въ которомъ представляетъ Коммисія Государственнаго Совѣта Общему Собранію онаго дѣло Князя Горчакова, оставляетъ она каждаго изъ сочленовъ, составляющихъ на сей случай уголовный верховный въ Россіи судъ, въ таковомъ же невѣдѣніи о существѣ дѣла, сужденію ихъ предоставленнаго, въ каковомъ они находились при прочтеніи доноса Коммисіи, обвинившей Управлявшаго Военнымъ Министерствомъ. Она не упоминаетъ ни о журналѣ Комитета Гг. Министровъ, ни о Высочайшемъ указѣ, данномъ Лешерну, ни о рескриптѣ, писанномъ Государемъ Императоромъ Князю Н. Ив. Салтыкову, ни о донесеніяхъ Лешерна, на счетъ затрудненій и невозможности снабдить провіантомъ, въ разоренной непріятелемъ губерніи, малаго числа войскъ; умалчиваетъ о всѣхъ тѣхъ бумагахъ, кои даютъ ясное и истинное понятіе о дѣлѣ; не оправдываетъ и не порочитъ тѣ статьи и изреченія, кои обращены были къ обвиненію подсудимаго Министра; оставляетъ въ неуваженіи всѣ обстоятельства тѣхъ временъ, кои дѣйствовали на мѣры, предпринимаемыя Княземъ Горчаковымъ, и кои въ истинномъ видѣ могли бы представить поступки его, къ обвиненію, или къ оправданію его служащія. Въ таковомъ видѣ, усѣченномъ, не доказанномъ, изслѣдованіе, сдѣланное Коммисіею, недостаточно для положенія

безошибочнаго мнѣнія. Кто изъ членовъ можетъ сказать мнѣніе свое, когда не приведено никакое обстоятельство въ ясность?

Совѣтъ обязанъ выслушать всѣ бумаги, кои касаются до дѣла Князя Горчакова, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ за себя говорить, и гласные свидѣтели его суть единыя бумаги.

Государственному Совѣту предстоятъ два сравнительные въ цѣнахъ расчеты: первый, начальный, чего продовольствіе провіантомъ Армій долженствовало бы стоить, естьли бъ выполнено было предписаніе Фельдмаршала Князя Кутузова-Смоленскаго, перевозкою на обывательскихъ подводахъ запасныхъ провіантовъ изъ Твери и Новгорода; вторый, по предположенному Княземъ Горчаковымъ способу и принятому Комитетомъ Гг. Министровъ, оставленіемъ тѣхъ запасовъ на мѣстахъ и покупкою новаго провіанта.

Является и третій, по истеченіи многихъ уже годовъ, который Коммисія пріемлетъ нынѣ за основаніе въ сужденіяхъ своихъ. Но первые оставили по себѣ памятники: три записки Управлявшаго въ то время Военнымъ Министерствомъ: журналъ Комитета Гг. Министровъ: Высочайшій указъ, данный Губернатору Лешерну; Высочайшій рескриптъ къ Фельдмаршалу Князю Салтыкову; донесенія сего послѣдняго къ Государю Императору; всѣ сношенія съ Генералъ-Провіантмейстеромъ и Управлявшимъ Военнымъ Министерствомъ, донесенія отъ различныхъ чиселъ отъ Губернатора Лешерна Провіантскому Департаменту, и таковое же отъ Военнаго Губернатора изъ Риги.

Предложенный Княземъ Горчаковымъ способъ продовольствія Армій, одобренный и утвержденный Комитетомъ Гг. Министровъ, въ отмѣну предписаннаго Фельдмаршаломъ Княземъ Кутузовымъ-Смоленскимъ, дорогаго для Казны, отяготительнаго и деньгами и ущербомъ въ скотѣ для народа, и неблагонадежнымъ въ выполненіи оказавшагося, оправданъ въ полной мѣрѣ опытомъ. Сей же третій, умственный, рѣшительный, но не скромный, останется предъ здравымъ разсудкомъ въ числѣ безчисленныхъ и безпредѣльныхъ соображеній ума, кои не всегда бываютъ вѣрны и удачны, и кои не ведутъ ни къ какому вѣрному заключенію; тѣмъ болѣе, когда обстоятельства временъ не согласуются съ оными.

1812 годъ не былъ въ числѣ тѣхъ, въ коихъ военныя мѣры могли быть основываемы на гаданіяхъ и надеждахъ, выправкахъ и

медленныхъ хозяйственныхъ мѣрахъ. Единыя рѣшительныя обезпечивали успѣхи и спасли Престолъ и Отечество. Кто бы не присудилъ тогда къ смертной казни того, который инаго не имѣлъ бы въ виду, кромѣ сбереженія денегъ? Но Князь Горчаковъ обезпечилъ продовольствіемъ Армію и сберегъ при томъ весь запасъ Тверскій и Новгородскій.

Какой бы приговоръ ни произнесли, но останется та непреложная истина, что противъ Князя Горчакова, который управлялъ Военнымъ Министерствомъ, во времена знаменитѣйшихъ и труднѣйшихъ событій военныхъ, для нанесенія на него хулы, нужно было употребить записку, никѣмъ не подписанную, на коей ни число, ни годъ не означены, и которая принята была за ясное доказательство къ обвиненію его, уклоняясь отъ бумагъ, кои содержали оправданіе его.

Естьли бы былъ живъ Князь Горчаковъ, то отвѣтъ его могъ бы быть въ нижеслѣдующихъ словахъ: «На мнѣ лежала обязанность благонадежно и даже вѣрно снабдить Армію провіантомъ въ то важное для Россіи время, въ которое спасено было Отечество, и отъ границы нашей когда Россійскія войска воспріяли шествіе свое на спасеніе Европы и совершеніе молебствія въ Парижѣ. Я избралъ для доставленія сего продовольствія купца Косиковскаго, яко старѣйшаго въ хлѣбномъ торгѣ, имѣющаго пространнѣйшія по Россіи торговыя связи, испытаннаго въ вѣрности поставокъ многими въ Казну подрядами. Онъ выполнилъ обязанность свою, и сдѣлалъ съ своей стороны болѣе, нежели обязанъ былъ письменнымъ договоромъ. Я заплатилъ ему дорогою, какъ въ томъ меня обвиняютъ, цѣною; но денежные расчеты не составляли въ то время главное попеченіе, хотя способомъ, мною предложеннымъ и употребленнымъ, въ Казнѣ и у народа сбережены многіе милліоны рублей и двѣ губерніи отъ разоренія спасены. За симъ отвѣтомъ другаго уже не даю.» Сей краткій и единый отвѣтъ не поразилъ ли бы молчанія желавшихъ вопрошать его далѣе?

Что же касается до нижнихъ чиновъ Военнаго Министерства, то они, не бывъ суждены въ Государственномъ Совѣтѣ, не могутъ быть подвержены ни какому отъ онаго предосужденію. Уголовный уставъ повелѣваетъ вопрошать и выслушивать отвѣты. Единый вопрошенный и имѣвшій всѣ способы къ оправданію своему можетъ токмо праведно быть признанъ подсудимымъ. Предосужденіе, изре-

каемое въ верховномъ судѣ, тѣмъ менѣе согласно съ разумомъ законовъ, что казнь можетъ совершиться на невинномъ въ нижнихъ судахъ, изъ единаго уваженія къ верховной власти, предосудительное мнѣніе свое предварительно огласившей.

1-го Іюня, 1818 года, таковая записка сообщена была нѣкоторымъ членамъ Совѣта, и была отправлена къ Графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, по дѣламъ Совѣта докладчику Государю Императору, при нижеслѣдующемъ письмѣ:

«Мнѣніе мое по дѣлу покойнаго Князя Горчакова Ваше Сіятельство удостоили принять благосклонно. Нынѣ оное дѣло вступило на рѣшеніе Государственнаго Совѣта, въ засѣданіи коего, по случаю отъѣзда моего, не могъ я быть. По свѣдѣнію, которое мнѣ дано, Коммисія Совѣтная оправдываетъ Князя Горчакова, обвиняя подчиненныхъ, но денежнымъ взысканіемъ наказываетъ его. Я написалъ замѣчанія на общій составъ доклада, кои, для свѣдѣнія Вашего, дозвольте мнѣ Вамъ сообщить.

Князю Горчакову не будетъ больно, естьли бъ неправедно его и обвинили, но будетъ тогда больно чести Государственнаго Совѣта и правосудію Россійскому.

У него осталось имѣнія мало, а потому присуждаются бывшіе его подчиненные недостатокъ доплатить. За то, что повиновались они своему Министру, безъ пререканія и съ должнымъ повиновеніемъ въ дѣлѣ, внѣ Военной Канцеляріи произведенномъ, ни Военный Уставъ, ни Св. Евангеліе, не предписуютъ ни какого взысканія, послѣдствіе коего можетъ быть нищета, или каторга. Сіи безмолвные, болѣе, нежели Министръ, достойны Христіянской любви и защиты въ дѣлѣ, гдѣ стригутъ ихъ до язвъ кровавыхъ, дабы обмыть неосторожно брошенную на нихъ грязь, и Князей тлѣннаго сего міра оправдать.»

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

АДМИРАЛА МОРДВИНОВА ПО ТОМУ ЖЕ ДѢЛУ.

«Всѣ бумаги, а найпаче подлинные акты, кои были въ разсмотрѣніи Коммисіи, по дѣламъ Провіантскимъ учрежденной, являютъ непорочность дѣянія, подъ опалу доведеннаго укоризною въ злоумышленномъ совѣщаніи и злонамѣренномъ производствѣ онаго. Да не объиметъ страхомъ таковая опала ревностныхъ къ Отечеству и Престолу служителей, и не удалитъ ихъ служеніе! Да не поколеблетъ довѣріе къ добродѣтели и достойной ея награды! Сего желать и радѣть о томъ самая польза Государственная требуетъ, налагая священный долгъ, выставленныхъ на позоръ отъ обидъ и хулы оградить правосудіемъ, содѣлавъ правду гласною.

Въ семъ дѣлѣ, знаменитомъ услугою, помраченномъ недостаточнымъ вниманіемъ, истина и разсудокъ изрекаютъ оправданіе, справедливость отвергаетъ обвиненіе и укоризну, а благодарность обязываетъ указать на великость усердія и пользы, оказанныхъ однимъ изъ первостепенныхъ въ то время Правителей Государственныхъ. Конецъ 1812 и начало 1813 годовъ останутся навсегда незабвенными сердцамъ благородныхъ Россіянъ.»

II.

МНѢНІЕ

ВИЦЕ-АДМИРАЛА А. С. ШИШКОВА.

1.

Въ Мнѣніи Адмирала Мордвинова по дѣлу Князя Горчакова сказано слѣдующее: «Комитетъ Гг. Министровъ изъявилъ ему, Князю Горчакову, въ журналѣ своемъ благодарность сими словами: ««Комитетъ, находя, что Г. Управляющій Военнымъ Министерствомъ, попеченіемъ своемъ о столь важномъ предметѣ, совершенно соединилъ всѣ возможныя общія пользы въ представленномъ имъ способѣ: ибо онымъ, во первыхъ, арміи въ полной мѣрѣ обезпечиваются въ продовольствіи, вмѣсто того, что обывательскія подводы не дошли бы съ провіянтомъ до назначенныхъ мѣстъ, и во вторыхъ, спасутся губерніи отъ конечнаго разоренія, положилъ: разрѣшить Управляющему Военнымъ Министерствомъ на заключеніе съ Косиковскимъ контракта.»»

При чтеніи сихъ строкъ въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта (Іюня 4 дня) Коммисія Государственнаго Совѣта утверждала, что Князю Горчакову не было изъявлено благодарности, и что Адмиралъ Мордвиновъ говоритъ сіе самъ отъ себя, въ слѣдствіе чего требовала, чтобъ о семъ сдѣлана была справка по Комитету, и уже по прочтеніи сей справки, повторившей вышеозначенныя слова, Коммисія удостовѣрилась (ибо далѣе требованій своихъ не продолжала), что сіи Комитетскія выраженія: «Господинъ Управляющій Военнымъ Министерствомъ, попеченіемъ своимъ о столь важномъ предметѣ, совершенно соединилъ всѣ возможныя общія пользы въ представленномъ имъ способѣ,» и проч., Адмиралъ Мордвиновъ могъ назвать похвалою, или одобреніемъ, или признательностію, или благодарностію, и всякимъ другимъ, подобный же смыслъ имѣющимъ, словомъ.

Въ прошедшее же общее собраніе Государственнаго Совѣта (Іюня 9), при чтеніи объясненныхъ мною причинъ, по коимъ отзывался я, что, по долгу и совѣсти моей, не могу бывшаго Военнаго Министра, Князя Горчакова, признать достойнымъ обвиненія и осужденія, Коммисія Государственнаго Совѣта, подобнымъ же образомъ, находила въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ моихъ, въ иныхъ, будто я сказалъ неправду, въ другихъ, будто говорилъ объ ней непочтительно. По симъ обстоятельствамъ нахожу я себя принужденнымъ принесть мои объясненія и, съ моей стороны, также покорнѣйше просить, чтобъ выраженія мои принимать по силѣ смысла ихъ, а не по приложенію къ нимъ такихъ толкованій, подъ какими ни я ихъ не разумѣю, ни сами они того не значатъ, а имянно:

1-е. При сличеніи выгодности мѣръ въ заготовленіи провіянта подрядомъ, съ неудобностію доставленія онаго на подводахъ, сказано у меня: «Польза мѣры сей доказывается и сущностію своею и событіемъ; ибо съ несравненною для Казны и народа выгодою Армія довольствована.» Выраженіе мое: «Армія довольствована,» Коммисія пріемлетъ за несправедливое, доказывая тѣмъ, что часть сего провіянта пришла на мѣсто, когда уже Арміи въ томъ мѣстѣ не было, и что по тому оная имъ не довольствовалась. Таковыя, послѣ уже случившіяся, произшествія, не относятся къ тому времени, о которомъ разсуждается, а потому я не входилъ и не считаю себѣ въ правѣ входить въ оное. Подъ выраженіемъ моимъ: «Армія удовольствована» разумѣю я, что требованіе Фельдмаршала Князя Кутузова неукоснительно исполнено, и провіянтъ по контракту весь доставленъ и принятъ. Если же часть онаго не успѣла, до отбытія войскъ, пріити въ тѣ мѣста, куда оный былъ назначенъ, и оттоль войска ушли впередъ, то опозданіе сіе, виновно ли оно, или не виновно, подлежитъ особому суду о подрядчикѣ, съ котораго взыскано ли то, или нѣтъ, есть вопросъ, до него не принадлежащій. Здѣсь же дѣло идетъ токмо о томъ, весь ли онъ провіянтъ поставилъ. Если весь, то, слѣдовательно, и та часть, которую онъ привезъ поздно, не пропала и употреблена на продовольствіе другихъ, сзади идущихъ, войскъ, или на иныя казенныя надобности. Вотъ въ какомъ разумѣ сказалъ я: «Армія удовольствована.» То же самое выраженіе находится и въ журналѣ Комитета Министровъ, гдѣ (какъ выше видѣть можно) сказано: «ибо онымъ способомъ, во 1-хъ, арміи въ полной мѣрѣ обезпечиваются въ продовольствіи,» и проч.

2-е. Подъ 3-мъ отдѣленіемъ, говоря о Князѣ Горчаковѣ, сказалъ я: «Обвиняютъ его, что онъ утаилъ отъ Комитета цѣны,» и проч. Коммисія замѣчаетъ, что въ ея сужденіяхъ нѣтъ слова: «утаилъ.» и что я самовольно приписываю ей не существующія въ бумагахъ ея выраженія. Сего толкованія Коммисіи о семъ словѣ не могъ я никогда себѣ представлять; ибо хотя въ сужденіяхъ ея нѣтъ онаго, но сказано о Горчаковѣ, что онъ обязанъ былъ цѣны представить Комитету, и не представилъ. Можетъ быть, я обманываюсь, будучи недовольно силенъ въ логическихъ заключеніяхъ; но по сіе время, кажется мнѣ, что выраженіе: «обязанъ былъ представить, и не представилъ,» есть точно то же, и въ существѣ своемъ ни мало не различествующее отъ выраженій: «сокрылъ, утаилъ.»

3-е. Въ концѣ объясненій моихъ, разсуждая о подчиненныхъ Князя Горчакова, сказалъ я, что и оныхъ, кажется, осудить не можно, яко лишенныхъ смертію его способа къ оправданію своему въ исполненіи его повелѣній, и что такое обвиненіе несообразно съ законами, охраняющими невинность и требующими къ осужденію доводовъ, основанныхъ не на догадкахъ, могущихъ легко быть ошибочными, но на самыхъ точныхъ, ясныхъ и неоспоримыхъ свидѣтельствахъ. Сіе общее разсужденіе мое, сіе, всѣми законами предписуемое, правило, которое привожу я въ напоминаніе самому себѣ, дабы, утверждаясь на немъ, поступить по долгу совѣсти и присяги, страшась въ толь важномъ дѣлѣ погрѣшить предъ Богомъ и Государемъ, Коммиссія обращаетъ въ нанесеніе ей оскорбленія, яко бы я объ ней говорю, что она основала на догадкахъ свои обвиненія; но здѣсь къ разрѣшенію предлежатъ три вопроса:

1) Откуда такое заключеніе? Гдѣ сказалъ я что либо о помилованіи? Изреченіе мое о самомъ себѣ, что я безъ ясныхъ доказательствъ, основываясь на однихъ предположеніяхъ и догадкахъ, не дерзаю осуждать человѣка, можетъ ли Коммисія относить къ себѣ? По этому, и о сказанныхъ ниже того словахъ моихъ, что я, по совѣсти моей, не могу признать Горчакова достойнымъ осужденія, Коммисія, такимъ же образомъ толкуя и относя ихъ къ себѣ, станетъ обвинять меня въ названіи ея безсовѣстною, поелику она его осуждаетъ? Но я опять вопрошу, откуда такое заключеніе? Если такимъ образомъ не изъ силы словъ моихъ, но изъ приложеній къ нимъ собственнаго своего толкованія, выводить смыслъ оныхъ, то ни единое слово мое не можетъ имѣть мѣста.

2) Буде же Коммисія поставляетъ въ оскорбленіе себѣ противность мнѣнія моего съ ея мнѣніемъ, то почему на меня одного обращаетъ она свое неудовольствіе? Многіе Гг. Члены Совѣта, каждый по своему разумѣнію и совѣсти, также не согласуются съ нею. Да хотя бы и одинъ я былъ, какое право имѣетъ она требовать отъ меня, чтобъ я, противъ собственнаго понятія своего, доказательства ея находилъ неопровергаемыми? Почему, представляя сужденіе свое на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, не позволяетъ она Члену онаго возражать противъ нея? Всякій судъ для того учреждается, чтобъ истина открывалась силою доводовъ, а не скрывалась подъ спудомъ безмолвнаго утвержденія всего, что сказано будетъ.

Наконецъ 3), хотя бы и точно слова мои относились къ Коммисіи, то и тогда не имѣетъ она ни причины оскорбляться ими, ни права требовать отъ меня, чтобъ я того не говорилъ. Таковое требованіе есть то же самое, какъ бы повелѣвать мнѣ всѣ ея разсужденія и предположенія находить неоспоримо доказанными, и чтобъ я не могъ и не смѣлъ имѣть собственнаго моего, противнаго ей, мнѣнія. Таковаго права Коммисіи признавать я не могу и не долженъ, поелику Богъ, Государь и законъ велятъ мнѣ судить по собственному моему разумѣнію и совѣсти, а не по разумѣнію другихъ. Я, какъ человѣкъ, конечно, въ заключеніяхъ моихъ могу ошибаться и погрѣшать, но, со всякимъ къ Коммисіи почтеніемъ, смѣю сказать, что и она также ошибаться и погрѣшать можетъ. Судъ мой, конечно, по несовершенству проницанія моего, легко можетъ быть неправъ, но въ подобномъ случаѣ разсудокъ и всѣ законы повелѣваютъ лучше погрѣшить умомъ, нежели сердцемъ, соглашаясь признавать за справедливое то, въ чемъ я ни малѣйше не убѣжденъ.

Іюня 16-го, 1818-го года.

МНѢНІЕ

ЕГО ЖЕ И ПО ТОМУ ЖЕ ДѢЛУ.

2.

Коммисія, при чтеніи Мнѣній, Адмирала Мордвинова и моего, оправдывающихъ Князя Горчакова, изъявила такое негодованіе и гнѣвъ, которые показываютъ, что она признаніе его невиннымъ беретъ къ сердцу и почитаетъ себѣ оскорбленіемъ. Таковая въ судіи горячность чувствъ весьма хороша при защитѣ человѣка, но при обвиненіи онаго являетъ, что судія, или непремѣнно желаетъ обвинить подсудимаго, или самъ внутренно чувствуетъ несправедливость своего суда. Безъ сихъ двухъ обстоятельствъ нѣтъ причины возгараться гнѣвомъ, или досадою, между тѣмъ человѣколюбіе и законы велятъ на судѣ любить оправданіе, а не обвиненіе, и не иначе дѣлать сіе послѣднее, какъ съ сожалѣніемъ, и тогда, когда уже нѣтъ ни какой возможности къ оправданію виновнаго. Даже и тогда всякому надлежитъ помнить самого себя. Самъ Спаситель нашъ, Іисусъ Христосъ, при осужденіи на смерть уличенной прелюбодѣйки, сказалъ народу: «Пусть тотъ изъ васъ броситъ въ нее камень, кто безгрѣшенъ.» Сія есть цѣль всѣхъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ, вездѣ и всегда твердящихъ: «Лучше оставить безъ наказанія десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго.» По симъ правиламъ, толь для правосудія и человѣчества нужнымъ, судія долженъ радоваться, когда оправдываютъ человѣка, а не оскорбляться. По моимъ чувствамъ, ежели бы я осудилъ человѣка, и кто другой оправдалъ его, то бы я возымѣлъ къ нему почтеніе.

Послѣ сихъ общихъ разсужденій, приступимъ къ ближайшему разсмотрѣнію, имѣла ли Коммисія право и причину негодовать на меня и требовать со мною суда. Она отнесла къ себѣ выраженіе мое, будто бы я объ ней сказалъ, что она основывала обвиненія свои не на ясныхъ доказательствахъ, но на догадкахъ. Первое,

таковое толкованіе о моихъ словахъ, не заключающихъ въ себѣ ни малѣйшаго къ ней отношенія, ни какою граматикою не можетъ быть доказано, выключая развѣ, когда Коммисія прикажетъ имъ не то значить, что они по общему смыслу значатъ. Но второе, оставимъ рѣчь о прежнихъ моихъ словахъ. Я теперь говорю прямо объ ней, что она обвиненія свои основывала на догадкахъ, и еще самыхъ невѣрныхъ и съ законами не сообразныхъ. Естьли бы я не обязанъ былъ на судъ ея изрекать мнѣнія, то остался бы въ молчаніи; но принужденъ будучи объявить мое съ нею согласіе, или несогласіе, я поставленъ въ необходимость выбрать одно изъ двухъ: или противъ совѣсти и чувствъ моихъ согласиться съ нею, или не согласиться и сказать причины, по которымъ не соглашаюсь. Перваго я никогда сдѣлать не могу; почитать сіе оскорбленіемъ отъ меня есть требовать, чтобъ я, въ угодность Коммисіи, забылъ долгъ свой и въ собственныхъ моихъ глазахъ самъ себя уничижилъ. Таковое требованіе чрезмѣру надмѣнно и несправедливо. Коммисія можетъ опровергать меня, сколько ей угодно, и я тоже; но оскорбляться выраженіями другъ противъ друга никто изъ насъ не долженъ, а особливо обвиняющій противъ оправдывающихъ, по тѣмъ общимъ правиламъ законовъ, что главная цѣль суда есть оправдать, а не обвинить, человѣка. Такимъ образомъ принужденный къ изреченію моего мнѣнія, съ начала удовольствовался я тѣмъ, что со всевозможною скромностію изъявилъ только свое несогласіе; но Коммисія съ негодованіемъ и гнѣвомъ поставляетъ мнѣ это въ оскорбительное для нея преступленіе. И такъ, я по неволѣ долженъ теперь уже сказать прямо, что нахожу судъ ея неправеднымъ, и вотъ мои доказательства:

Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ требуетъ, и въ самомъ скоромъ времени, доставленія провіянта подводами. Способъ сей оказывается разорителенъ и невозможенъ. Горчаковъ предлагаетъ и, съ утвержденія Комитета, дѣлаетъ подрядъ. Сей предложенный имъ способъ спасаетъ цѣлыя губерніи отъ разоренія и доставляетъ, въ сравненіи съ прежнимъ способомъ, Казнѣ болѣе 7 милліоновъ рублей прибыли. По прошествіи пяти лѣтъ обвиняютъ его за сей способъ, говоря, что онъ нанесъ онымъ Казнѣ убытокъ. Какимъ образомъ? Вотъ какимъ: Разсуждаютъ, чтобы онъ провіянтъ сей могъ дешевле купить на мѣстахъ, куда его везти, нежели здѣсь, въ Петербургѣ, подряжать — обвиненіе (естьли бы это и справедливо было) весьма строгое; ибо осуждать Министра, сдѣлавшаго 7 милліоновъ прибыли,

за то, для чего не сдѣлалъ онъ семи съ половиною, или осми, есть нѣчто чрезвычайное; но положимъ, что сего требуетъ строгость законовъ. По крайней мѣрѣ, надлежитъ точно доказать, что онъ сдѣлалъ сіе съ умыслу для какой либо себѣ, или подрядчику, корысти. Доказательства сіи не могутъ быть иныя, какъ слѣдующія:

1. Ясное показаніе, что въ тѣхъ мѣстахъ (откуда Фельдмаршалъ требовалъ, чтобъ привезти туда) хлѣба было изобильно, и что требуемое количество достать было можно.

2. Что тамъ находился надежный человѣкъ, подряжавшійся на законныхъ правилахъ требуемое количество провіянта поставить.

3. Что просилъ цѣны меньшія тѣхъ, за какія хлѣбъ подряженъ былъ здѣсь.

4. Что Военный Министръ обо всемъ ономъ былъ извѣстенъ, и все сіе скрылъ отъ Комитета.

Даже и при сихъ обстоятельствахъ, явно изобличающихъ Военнаго Министра, надлежало бы взять во уваженіе: 1-е, санъ и службу; 2-е, извѣстную всѣмъ честность его, безкорыстіе и вѣрное служеніе Государю и отечеству; 3-е, доставленную имъ Казнѣ прибыль, несравненно превосходнѣйшую сего изчисляемаго убытка; 4-е, смерть его и безгласность оправдать себя. Даже, повторяю, и при самыхъ ясныхъ доказательствахъ, законъ и правосудіе не могли бы причинъ сихъ не принять во уваженіе. Но что же скажемъ, когда вышеозначенныхъ доказательствъ не токмо нѣтъ, но и противное тому является въ дѣлѣ, а именно:

1. Въ тѣхъ разоренныхъ отъ непріятеля губерніяхъ не могло быть изобиліе хлѣба, какъ самое Фельдмаршальское требованіе о привозѣ онаго туда и всѣ донесенія оттуда то свидѣтельствуютъ.

2. Что требуемаго количества тамъ достать было не можно.

3. Что никакого подрядчика тамъ не было.

4. Что хотя о цѣнахъ къ Военному Министру и писано было, но гораздо прежде того, и при томъ, какимъ образомъ можно было утвердиться на цѣнахъ тамъ, откуда пишутъ, что нѣтъ хлѣба, и тогда, когда надлежало поставить оный вскорѣ и въ великомъ количествѣ? Долженъ ли былъ Военный Министръ о такомъ невѣрномъ и невозможномъ способѣ представлять Комитету, и буде бы представилъ, то могъ ли бы Комитетъ принять оный?

Между тѣмъ Коммисія главнѣйшее обвиненіе свое созидаетъ на дороговизнѣ сего подряда и на утаеніи цѣнъ отъ Комитета.

Какимъ же образомъ, соображая все вышесказанное мною, могу я согласиться съ нею? Гдѣ доказательства, которыми бы я убѣдиться могъ? Пусть Коммисія докажетъ, что и хлѣба тамъ было такое количество, какое требовалось, и подрядчикъ тамъ былъ и дешевле просилъ, тогда я сознаюсь, не въ винѣ моей предъ нею, яко бы оскорбилъ ее, но въ томъ, что я сужденіе мое основывалъ на недостаточныхъ свѣдѣніяхъ. Когда же сіи доказательства въ сужденіяхъ Коммисіи не только не выведены съ должною ясностію, но еще изъ дѣла являются противныя онымъ свидѣтельства, а между тѣмъ Коммисія на сихъ неясныхъ доказательствахъ и, слѣдственно, предположеніяхъ своихъ, основала свои обвиненія, то какими же словами могу я выразить причину несогласія моего съ нею, и есть ли возможность избѣгнуть мнѣ отъ ея на меня неудовольствій, когда она не словами моими, но противностію мнѣнія моего, оскорбляется?

Сверхъ сего, при чтеніи въ общемъ собраніи сужденія Коммисіи, дѣланы были вопросы, на которые ни коимъ образомъ правильно отвѣчать было не можно. Изъ таковыхъ вопросовъ былъ, на примѣръ, слѣдующій: «Подлежитъ ли Князь Горчаковъ отвѣтственности за то, что велѣлъ безъ всякаго обезпеченія залогами выдавать подрядчику деньги?» На таковый вопросъ иначе отвѣтствовать было нельзя, какъ «подлежитъ.» Но вопросъ сей совсѣмъ не сходенъ съ дѣломъ; ибо изъ дѣла видно, что Князь Горчаковъ отнюдь не давалъ сего приказанія; онъ, напротивъ, изъ недовѣренности къ подрядчику и съ нѣкоторымъ, можно сказать, утѣсненіемъ не далъ ему всѣхъ денегъ вдругъ, а велѣлъ на мѣстѣ выдавать по надобности. Слово «по надобности» не иное что значило, какъ «по поставкѣ хлѣба,» что и самыя слѣдствія показываютъ; ибо нигдѣ не видно, чтобъ подрядчику сдѣланы были какія либо передачи, или излишніе отпуски денегъ. Когда же деньги, по предписанію Горчакова, выдавались по поставкѣ хлѣба, яко уже принадлежащія подрядчику, то какія же нужны были тутъ обезпеченія? Вопросъ сей, по возраженію противъ онаго Члена Совѣта, Д. Т. С. Попова, былъ перемѣненъ; слова «безъ всякаго обезпеченія,» яко не сходныя съ дѣломъ и не сказанныя Горчаковымъ, были выпущены; однако же, вопросъ и безъ нихъ остался еще довольно завлекающимъ въ неправое сужденіе; ибо «подлежитъ ли отвѣтственности» есть со всѣмъ не то, что «подлежитъ ли

взысканію, или обвиненію.» Всякой человѣкъ почти во всякомъ случаѣ подлежитъ отвѣтственности, а взысканію, или обвиненію, токмо въ такомъ, когда отвѣтами своими не можетъ оправдаться. Отсюда происходитъ, что при вопросѣ «подлежитъ ли отвѣтственности» почти всегда должно сказать «подлежитъ;» но при вопросѣ «подлежитъ ли взысканію, или обвиненію,» не прежде можно сказать «подлежитъ,» какъ по разсмотрѣніи его вины Вопросъ: «подлежитъ ли отвѣтственности,» по смыслу своему, есть то же самое, что «подлежитъ ли отвѣту;» но сказавъ «подлежитъ» о мертвомъ человѣкѣ, есть, приговаривая его къ отвѣту, осудить безъ отвѣта, поелику онъ отвѣчать не можетъ. Таковые вопросы наклоняютъ болѣе къ обвиненію, нежели къ оправданію. Но всѣ законы, какъ выше объяснено, имѣютъ основаніемъ своимъ то, чтобъ въ подсудимомъ искать больше оправдать его, нежели обвинить; ибо страданіе невинности есть зло, несравненно превосходнѣйшее, нежели ненаказанность виновнаго, который, естьли избѣжитъ отъ человѣческаго, то не избѣжитъ отъ Божескаго, суда.

ПРОЕКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ О НИЩИХЪ.*

ГЛАВА I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И РАЗРЯДЫ НИЩИХЪ.

§ 1. Не взирая на устройство богоугодныхъ заведеній въ Россіи и на указы Правительства о пресѣченіи докучливаго бродяжничества, въ городахъ и селеніяхъ, на распутіи и въ храмахъ Божіихъ, вездѣ толпятся неотступные просители подаяній. Нищіе составляютъ какъ бы особенное званіе. Отъ нихъ не требуется вида для пропуска ихъ чрезъ заставы. Рубища ихъ говорятъ о родѣ жизни и ремеслѣ, въ которомъ часто они воспитываются отъ рожденія, мужаютъ и старѣются.

§ 2. Впрочемъ нищіе всегда и вездѣ были и будутъ. Вѣчный источникъ бѣдности обрѣтается въ самой природѣ человѣческой: въ неравенствѣ тѣлесныхъ и умственныхъ способностей, въ неравенствѣ искуства и трудолюбія, силы и здравія, счастія и несчастія. Отсюда неравенство состояній, отсюда богатство и нищета.

---

* Примѣчаніе. Этотъ Проектъ написанъ, по порученію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, однимъ изъ чиновниковъ его вѣдомства, въ 1829 г. Съ нѣкотораго времени у насъ опять сильно заговорили о нищихъ и нищенствѣ. Кажется, многое изъ предложеннаго сочинителемъ, хотя и за 30 слишкомъ лѣтъ, пригодится къ свѣдѣнію и соображеніямъ пишущихъ противъ этой язвы въ нашемъ народѣ. Во всякомъ случаѣ «Проектъ положенія о нищихъ» любопытенъ, какъ фактъ историческій, въ которомъ указано на нравы наши, на источники зла, на разряды христарадниковъ и попрошаекъ, на мѣры, искони противъ нихъ принимаемыя Правительствомъ, и т. д.

§ 3. Во многихъ Государствахъ Европы истощены уже, такъ сказать, всѣ мѣры къ искорененію нищенства: благотворительныя общества, вспомогательные капиталы, попечительныя заведенія. Однако оно вездѣ существуетъ, въ большей, или меньшей степени. Сіе, конечно, зависитъ отъ особенныхъ мѣстныхъ каждаго края причинъ.

§ 4. И такъ истребить нищихъ невозможно: но есть средства уменьшить ихъ число, однимъ преподавъ способы къ пропитанію, другимъ открывъ убѣжища, а иныхъ силою обративъ отъ бездѣйствія къ труду и занятіямъ.

§ 5. Чтобы достичь сей благодѣтельной цѣли, нужно прежде вникнуть въ происхожденіе нищихъ въ Россіи. Главнѣйшее количество ихъ считается въ городахъ, предпочтительно въ столицахъ и на ярмаркахъ; потомъ въ казенныхъ селеніяхъ: во владѣльческихъ же ихъ почти нѣтъ, или очень не много, кромѣ нѣкоторыхъ губерній, по извѣстнымъ причинамъ впавшихъ въ бѣдность и обремененныхъ недоимками.

§ 6. Источники происхожденія нищихъ суть слѣдующіе:

а) Продолжительная безбрачность молодыхъ людей и рѣдкое вступленіе во второй бракъ овдовѣвшихъ, не только въ мѣщанскихъ сословіяхъ, но и въ крестьянскомъ быту. Здѣсь таится корень бродяжничества, нищенства и преступленій. Отсюда сиротство незаконнорожденныхъ, неосѣдлость мужчинъ и женщинъ, способныхъ къ составленію семействъ; неизбѣжная нищета того и другаго пола подъ старость и при болѣзни, привычка къ праздноскитанію и самоизувѣченіе для избѣжанія работы и для полученія, такъ сказать, права на прошеніе милостыни и на тунеядство.

б) Скопище отставныхъ нижнихъ чиновъ, способныхъ и неспособныхъ къ работамъ, предпочтительно въ большихъ городахъ, къ обремененію градскихъ обществъ.

в) Своеволіе солдатскихъ женъ отъ первой минуты пріема мужей ихъ въ рекруты.

г) Причисленіе праздношатающихся Цыганъ къ городамъ.

д) Дарованіе отъ помѣщиковъ свободы дворовымъ людямъ, не знающимъ никакого ремесла, или неспособнымъ къ работѣ поденной, за пожилыми уже лѣтами, иногда за болѣзнями, нерѣдко за увѣчьемъ. Часто увольненіе таковое происходитъ при исполненіи

духовнаго завѣщанія наслѣдниками, не обращающими вниманія на то, что отпущенники, со времени состоянія завѣщанія до смерти завѣщателя, достигаютъ преклонной старости. Сіи вольноотпущенные, не имѣя, большею частію, никакого состоянія при выходѣ изъ господскаго дома, обременяютъ городскія общества, къ которымъ приписываются.

е) Сборъ мірскихъ подаяній, на бѣдныхъ ли, на сооруженіе ли храмовъ, по подпискамъ, или по книгамъ, выдаваемымъ отъ Духовнаго начальства. Переходъ съ таковыми книгами изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе монаховъ, монахинь, церковнослужителей и крестьянъ, не уменьшаетъ, но увеличиваетъ, сословіе нищихъ и праздношатающихся; при томъ, едва ли изъ собранныхъ такимъ образомъ денегъ половина достигаетъ своего предназначенія.

ж) Увѣчье, закоренѣлость болѣзней, слабоуміе, сиротство. Сюда принадлежатъ неспособные по малолѣтству, или дряхлости, къ работѣ, бездомныя сироты, безпотомственные старики, уроды, калѣки, безрукіе, безногіе, нѣмые, слѣпые (вмѣстѣ съ ихъ вожатаями), юродивые, дураки, дурочки.

з) Наконецъ, несчастное стеченіе обстоятельствъ: пожары, наводненіе, неурожаи, повальныя болѣзни, саранча, чума.

§ 7. За симъ нищихъ можно раздѣлить, по происхожденію и принадлежности ихъ, такимъ образомъ:

1) Нищіе, числящіеся по ревизіи въ казенныхъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ.

2. Нищіе, принадлежащіе городскимъ обществамъ.

3. Нищіе военнаго происхожденія.

4. Нищіе по необходимости, случайные или временные. Сюда принадлежатъ бѣдные, стыдящіеся своей нищеты.

§ 8. О временно впадающихъ въ бѣдность, отъ наводненія, чумы, саранчи и т. д. попечительное Правительство всегда заботится къ неукоснительному возстановленію ихъ благосостоянія. При появленіи повальныхъ болѣзней и падежа, равно какъ при скудости продовольствія отъ неурожая хлѣба, мѣстныя власти принимаютъ мѣры, предписанныя законами, и входятъ съ представленіями къ Начальству. Только пожары требуютъ нѣкотораго усиленія частныхъ пособій.

ГЛАВА II.

ОБЩІЯ НАЧАЛА.

§ 1. Нищенство то же, что и бродяжничество. Опытъ показалъ, сколь невозможно и безполезно изслѣдованіе о мѣстѣ рожденія и о зачисленіи по ревизіи непомнящихъ родства и безплакатныхъ, или безпачпортныхъ бродягъ. Въ слѣдствіе сего повелѣно отсылать ихъ въ Сибирь на поселеніе, или въ баталіоны и полубаталіоны военныхъ кантонистовъ. Основываясь на семъ примѣрѣ, смѣло можно заключить, что и приведеніе въ совершенную извѣстность количества нищихъ всѣхъ разрядовъ представитъ тѣ же затрудненія въ безконечной перепискѣ по сему предмету, въ непрестанныхъ препровожденіяхъ нищихъ на мѣста ихъ жительства, въ напрасныхъ издержкахъ, на сей конецъ, помѣщиковъ, градскихъ и сельскихъ обществъ.

§ 2. Въ предупрежденіе сихъ неудобствъ, постановляется полугодичный срокъ, отъ обнародованія правилъ къ искорененію нищенства, въ который всѣ, снискивающіе пропитаніе отъ мірскаго подаянія, должны добровольно возвратиться къ своимъ обществамъ.

§ 3. По мѣрѣ возвращенія ихъ, градскія и сельскія общества должны неукоснительно включить каждаго въ то семейство, къ которому онъ принадлежитъ; а малолѣтнымъ изъ сиротъ, увѣчнымъ, дряхлымъ и немощнымъ изъ безпотомственныхъ стариковъ дать пріютъ и необходимое содержаніе отъ міра, подъ опасеніемъ денежной пени, если таковые, оставшись безъ надзора, будутъ просить милостыню; здоровыхъ же изъ не имѣющихъ родства и осѣдлости обратить на общественныя работы и стараться въ послѣдствіи составить изъ нихъ семейства бракосочетаніемъ и водвореніемъ прочною осѣдлостію (Указъ 1801 года, 12 Генваря).

§ 4. Съ истеченіемъ полугодичнаго срока, отъ обнародованія сихъ правилъ, распредѣленіе нищихъ будетъ зависѣть отъ Попечительныхъ Комитетовъ, которые учредить въ Губернскихъ городахъ, подъ предсѣдательствомъ Гражданскихъ Губернаторовъ и подъ непосредственною подчиненностію Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 5. Поелику нищіе могутъ быть всѣхъ состояній, то Членами Попечительныхъ Комитетовъ назначить по прилагаемому штату: 1) Губернскаго Предводителя Дворянства. 2) Вице-Губернатора.

3) Управляющаго Удѣльными имѣніями. 4) Члена отъ Духовенства, по назначенію Епархіальнаго Начальства. 5) Градскаго Главу. 6) Депутата отъ мѣщанства.

§ 6. Губернскій Прокуроръ остается въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Попечительному Комитету, въ какихъ онъ поставленъ вообще къ Присутственнымъ мѣстамъ.

§ 7. Главнѣйшая обязанность Попечительныхъ Комитетовъ слѣдующая:

а) Размѣщеніе престарѣлыхъ, увѣчныхъ и немощныхъ по заведеніямъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія (Указъ 1730 года, Ноября 9, 380 статья Учрежденія о управленіи губерній. Указъ, 1830, Іюня 2, и Высочайшее повелѣніе 29 Апрѣля, 1826 года). Если же при нихъ, равно какъ и при нищихъ прочихъ разрядовъ, будутъ дѣти, которыхъ отцы и матери воспитать не въ силахъ и не въ состояніи, то распредѣлять ихъ, какъ будетъ сказано въ слѣдующихъ пунктахъ сего § о сиротахъ.

б) Размѣщеніе сиротъ, мужскаго пола до 8, женскаго до 14 лѣтъ, въ семьяхъ по селеніямъ и городамъ, съ платою за вскормленіе ихъ по условію (385 статья Учрежд. о Управ. Губ.).

в) Водвореніе сихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, по возрастѣ, въ тѣхъ семьяхъ, которыя пожелаютъ принять ихъ въ усыновленіе, съ согласія Общества.

г) Отправленіе мальчиковъ отъ 8 и до 17 лѣтъ въ Военное поселеніе, или Военно-Сиротскія Отдѣленія (Указъ 1807 года, Декабря 17; Высоч. утвержд. мнѣніе Гос. Сов. 22 Марта, 1828 года, и Указъ 9 Генваря, 1828 года).

д) Выдача дѣвочекъ отъ 14 лѣтъ и далѣе въ замужство и опредѣленіе ихъ, равно и вдовъ, прислужницами при Богоугодныхъ заведеніяхъ, или работницами на фабрики, заводы и промыслы (Указы 1736 года, Генваря 7, и 1807 года, Декабря 17).

е) Отправленіе способныхъ мужчинъ, отъ 17 до 35 лѣтъ, въ военную службу, а неспособныхъ къ службѣ, но по лѣтамъ и силамъ годныхъ къ работѣ, на Государственныя работы: при устроеніи каналовъ, шоссе, крѣпостей и тому подобное (Указы 1736 года, Августа 28, и 1775 года, Августа 12).



ж) Преподаніе способовъ къ возстановленію случайно впавшихъ въ нищету, отъ пожара и другихъ непредвидимыхъ обстоятельствъ (Высочайшій Рескриптъ на имя Дѣйствительнаго Каммергера Витовтова, 1802 года, Мая 16).

з) Повременное пособіе бѣднымъ стыдящимся, Дворянскаго и Духовнаго происхожденія, чиновникамъ Гражданскаго и Военнаго вѣдомства, отставнымъ, иногда и служащимъ.

и) Порученіе благотворительности мужскихъ и женскихъ монастырей юродивыхъ, такъ называемыхъ въ народѣ, блаженныхъ, дурачковъ и дурочекъ (Указъ 1724 года, Генваря 31).

і) Отправленіе нищихъ изъ иностранцевъ, не присягнувшихъ на вѣрноподданство Россіи, за границу.

§ 8. Для свидѣтельства способностей и неспособностей нищихъ къ службѣ и работѣ, Попечительные Комитеты должны приглашать Чиновниковъ Военнаго и Медицинскаго вѣдомства (Общій порядокъ для пріема рекрутъ).

§ 9. Признаніе увѣчными предоставляется Попечительному Комитету, а престарѣлыми полагать, примѣняясь къ Указу 1784 года. Марта 24 дня, подтвержденному 10 Февраля, 1808 года, записанныхъ по ревизіи не менѣе 60 лѣтъ.

§ 10. Всѣ дѣйствія и постановленія въ Комитетѣ должны быть вносимы въ журналы Присутствія и исполняемы по большинству голосовъ, а не согласные съ большинствомъ Члены обязаны подавать особыя мнѣнія; Производитель же дѣлъ — особый докладъ.

§ 11. Попечительный Комитетъ представляетъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ за каждый годъ, не позже Мая мѣсяца, отчетъ въ суммахъ, дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ къ уничтоженію нищенства и призрѣнію неспособныхъ сыскивать пропитаніе трудами.

§ 12. Частныя благотворительныя общества и заведенія не подходятъ подъ вліяніе Попечительныхъ Комитетовъ, но сіи послѣдніе могутъ предоставлять ихъ усмотрѣнію и способамъ собственныя средства и распоряженія къ призрѣнію бѣдныхъ, и буде таковыя общества и заведенія пожелаютъ облегчить Попечительные Комитеты, то передавать въ оныя тѣхъ сирыхъ, вдовыхъ, немощныхъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ, которые потребуются по ихъ назначенію (Права и преимущества, уставы и положенія таковыхъ обществъ и заведеній).

ГЛАВА III.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ НА БУДУЩІЯ ВРЕМЕНА МѢРЫ КЪ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЮ НИЩЕНСТВА ВЪ ГОРОДАХЪ И СЕЛЕНІЯХЪ.

§ 1. Семейная жизнь есть порука хорошей нравственности и трудолюбія. Нѣкоторое поощреніе на сей конецъ столь же нужно, какъ и побудительныя мѣры. Нѣтъ сомнѣнія, что съ прекращеніемъ безбрачности не токмо народонаселеніе увеличится, но празднопшатаніе, нищенство и многіе безпорядки уничтожатся. А потому поставить въ непремѣнную обязанность Вице-Губернаторовъ, Управляющихъ удѣльными имѣніями и вообще всѣхъ лицъ и властей, завѣдывающихъ казенными поселянами: а) привести въ извѣстность всѣхъ способныхъ къ супружеству по лѣтамъ, здоровью и состоянію вдовцовъ, вдовъ, холостыхъ людей и дѣвушекъ. б) Внушить имъ всѣ выгоды семейной жизни, какъ въ отношеніи домашняго быта по хозяйству, промысламъ и работѣ, такъ и въ отношеніи чистоты нравовъ; за симъ показать имъ всѣ невыгоды одиночества: скучную сиротливость ихъ среди земляковъ, неимѣніе дома и потомства, нищету при болѣзни и подъ старость; равно ужаснуть ихъ всѣми послѣдствіями грѣха, неизбѣжнаго въ безбрачности, и строго воспрещаемаго Евангеліемъ и наказываемаго Церковію. в) Возчувствовавшимъ всю истину подобныхъ внушеній, особенно же, такъ называемымъ, бобылямъ, батракамъ и сироткамъ, преподать всѣ возможныя пособія отъ Начальства и отъ сельскихъ обществъ къ первоначальному обзаведенію ихъ домоводства; а упорствующихъ остаться въ праздной, бездомной и порочной безбрачности поручать приходскимъ священникамъ для исправленія ихъ духовною эпитиміею и увѣщаніями. г) На будущее время, а именно: по истеченіи года отъ обнародованія сего положенія, наблюдать, чтобы въ казенныхъ разныхъ вѣдомствъ селеніяхъ вступали въ браки не ранѣе и не позже какъ: дѣвицы 14, или 15, мужчины 18 лѣтъ; въ случаѣ же смерти мужа, или жены, чтобы вдовство продолжалось не болѣе года; а при безбрачности, чтобы взыскивать съ того и другаго пола отъ положенныхъ 40 до 50 лѣтъ ежегодной пени по 10 р., и чтобы деньги сіи были употребляемы въ пособіе новобрачнымъ изъ бѣдныхъ въ обществѣ.

§ 2. Мѣра сія не распространяется на владѣльческихъ крестьянъ; ибо помѣщики, соблюдая собственныя выгоды, конечно, пекутся объ умноженіи браковъ и усиливаютъ способы возникающихъ семей къ первоначальному обзаведенію ихъ домоводства. Но мѣщане и вообще градскіе обыватели, обязанные рекрутскою повинностію, подвергаются правиламъ, изображеннымъ въ предыдущемъ §. Наблюденіе же за исполненіемъ оныхъ возлагается на Городовыя Думы, Ратуши, Магистраты и въ особенности Градскіе Головы.

§ 3. При обращеніи уволенныхъ отъ службы военныхъ нижнихъ чиновъ на родину, гдѣ часто, проводя нетрезвую и невоздержную жизнь въ праздности, они рано ли, поздно ли, впадаютъ въ нищету, постановить слѣдующія правила:

А. При увольненіи отъ службы отбирать отъ нихъ показанія: въ какую губернію, или область, въ какой именно городъ, мѣстечко, или селеніе намѣрены они обратиться на жительство?

Б. Сообразно симъ показаніямъ выдавать имъ свидѣтельства на шествіе къ предназначенному мѣсту по извѣстному пути.

В. При слѣдованіи ихъ наблюдать Градскимъ и Сельскимъ Полиціямъ, Внутренней стражѣ и Обществамъ, чтобы никто изъ нихъ, въ предупрежденіе праздношатательства и безпорядковъ, болѣе трехъ сутокъ въ одномъ по дорогѣ селеніи, или городѣ, не оставался; если же болѣзнь воспрепятствуетъ дальнѣйшему слѣдованію, то немедленно помѣстить больнаго въ гошпиталь, лазаретъ, больницу, до излѣченія.

Г. Если же кто изъ нихъ пожелаетъ, не взирая на данное показаніе при увольненіи отъ службы, причислиться въ селеніи, или въ городѣ, лежащемъ по пути его шествія, то сіе не возбраняется, и тогда поступать съ ними согласно нижеслѣдующимъ пунктамъ.

Д. При возвращеніи отставныхъ военныхъ нижнихъ чиновъ въ города, за поступленіемъ въ рекруты изъ помѣщичьихъ людей, или изъ мѣщанъ, буде не имѣютъ семейства въ городѣ, отводить имъ землю на городскихъ выгонахъ для огородовъ и домовъ, снабжая ихъ 50 рублями на первоначальное обзаведеніе по хозяйству.

Е. При возвращеніи ихъ въ казенное селеніе, если поступили изъ крестьянъ, буде не имѣютъ своего семейства, ввести ихъ въ семьи ближайшихъ родственниковъ, съ обязанностію работать наравнѣ съ другими.

Ж. Буде никто принять ихъ въ семью не пожелаетъ, выдѣлять имъ, по возможности, участки земли для воздѣланія и снабжать 50 руб. каждаго на постройку дома и первоначальное обзаведеніе по хозяйству.

§ 4. Сіи единовременныя пособія отнести на Государственное Казначейство, съ тѣмъ, чтобы сельскія и градскія общества наблюдали за дѣйствительнымъ ихъ водвореніемъ и обзаведеніемъ.

§ 5. Не желающихъ возвратиться на родину, или причислиться къ городу, сверхъ опредѣленія ихъ въ присяжные, сторожи, счетчики и въ прочія, присвоенныя имъ закономъ, мѣста, поселять, по благоусмотрѣнію Правительства, въ Новороссійскомъ краѣ, въ Малороссіи, въ Саратовской губерніи, или иныхъ странахъ. Опытъ подобныхъ поселеній, при Екатеринѣ Великой, оказался удобнымъ, и нынѣ существуютъ такія солдатскія слободы, на примѣръ, близъ Симферополя, въ Крыму, въ Нижегородской губерніи.

§ 6. Женъ и дѣтей, рожденныхъ послѣ поступленія ихъ на службу, препровождать къ нимъ на казенномъ иждивеніи, примѣняясь къ мѣрамъ, на сей конецъ употребленнымъ въ военныхъ поселеніяхъ, и токмо въ томъ случаѣ, если сыновья не поступили въ военные кантонисты, не составили собственныхъ семействъ, не имѣютъ прочной осѣдлости и не принадлежатъ никакому обществу, цѣху, сословію, а дочери находятся не въ замужствѣ и не во вдовствѣ, также не имѣютъ осѣдлости, промысла, торговли и ремесла.

§ 7. По принятіи рекрутовъ, жены ихъ получаютъ изъ Рекрутскаго Присутствія билеты на свободное жительство, гдѣ пожелаютъ, впредь до востребованія ихъ къ мужьямъ и съ тѣмъ, чтобы онѣ вели себя честно и добропорядочно (Выс. утв. 6 Февр. 1816 г. Дополненіе къ образованію Глав. Шт. Е. И. В.). Цѣль сего учрежденія — преподать имъ способы къ содержанію себя собственными трудами и занятіями, безъ всякой зависимости отъ помѣщиковъ. Но опытъ показалъ, что сія благодѣтельная мѣра обратилась во вредъ, какъ имъ самимъ, такъ и обществамъ. Большею частію онѣ оставляютъ свою родину, покидая безъ всякаго призрѣнія дѣтей, прижитыхъ до пріема мужей въ рекруты. Послѣ сего, разсѣявшись во всѣ стороны, то скитаются въ разныхъ городахъ и селеніяхъ, коснѣя въ праздности и распутствѣ, то появляются посреди нищихъ на большихъ дорогахъ, въ уединенныхъ монасты-

рахъ, или пустыняхъ, то, приселяясь къ стороннимъ селеніямъ и городамъ, тѣснятся, иногда нѣсколько женщинъ вмѣстѣ, въ полуразвалившихся хижинахъ, плетенкахъ, землянкахъ, на хуторахъ, на выгонной землѣ, въ степи, и тамъ, уклонясь отъ всякаго наблюденія полицейскихъ властей, представляютъ убѣжище порочнымъ людямъ, ворамъ, бѣглымъ, являютъ соблазнительные примѣры безнравственной жизни обывателямъ окрестныхъ селеній, распространяютъ неслыханныя между поселянъ заразительныя болѣзни, проистекающія отъ распутства и неопрятности.

Къ обузданію своеволія солдатскихъ и матроскихъ женъ, влекущаго за собою столь гибельныя послѣдствія во всѣхъ отношеніяхъ, постановляется:

А. Не увольнять ихъ изъ селеній и городовъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ по ревизіи, до возвращенія къ нимъ, или до востребованія ихъ на мѣсто водворенія мужей, послѣ отставки.

Б. Не позволять имъ покидать домы своихъ, или мужниныхъ, родителей, а тѣмъ болѣе малолѣтнихъ дѣтей, прижитыхъ въ крестьянскомъ, или мѣщанскомъ, состояніи.

В. Временныя отлучки допускать имъ не иначе, какъ съ согласія свекра, или отца, и по пачпортамъ, или плакатамъ. Отлучившіяся самовольно признаются бродягами, и давшіе имъ пристанище подвергаются отвѣтственности, постановленной законами за укрывательство военныхъ бѣглыхъ.

Г. Только вдовамъ, не имѣющимъ малолѣтнихъ дѣтей, дѣвушкамъ совершенныхъ лѣтъ и женамъ, не имѣющимъ также малолѣтнихъ дѣтей, ни отца, ни матери, ни свекра, ни свекрови, дозволять перечисленіе изъ родины въ иныя селенія, или города, на законномъ основаніи, т. е., съ согласія одного общества на увольненіе, а другаго на принятіе ихъ.

Д. За симъ въ билетахъ, выдаваемыхъ имъ отъ Рекрутскихъ Присутствій, означать, что оные даются имъ на свободное жительство въ мѣстахъ зачисленія ихъ по ревизіи, съ избавленіемъ ихъ отъ общественныхъ тягостей, отъ всякой повинности и работы помѣщику, но что онѣ должны вести себя честно, не предаваться лѣности, быть въ послушаніи отца и матери, свекра и свекрови, имѣть материнское попеченіе о вскормленіи и воспитаніи дѣтей, не отлучаться на сторону безъ вѣдома старшихъ родственниковъ и безъ

пачпорта, или плаката, и состоять относительно благочинія, порядка, тишины въ совершенномъ повиновеніи помѣщиковъ, управителей, старостъ, градскихъ и сельскихъ обществъ и Полицейскихъ властей.

Е. Не касаясь личной свободы солдатскихъ и матроскихъ женъ, вдовъ и дочерей, помѣщики, градскія и сельскія общества должны наблюдать за ихъ нравственностію и трудолюбіемъ, а въ случаѣ непослушанія, праздноскитанія, распутства и преступленій, предавать установленнымъ властямъ, для исправленія ихъ и поступленія съ ними по законамъ.

§ 8. Цыганъ, снискивающихъ пропитаніе ворожбою, пляскою, пѣніемъ и барышничествомъ лошадьми, отчислить отъ городовъ и водворить особыми селеніями на Оренбургской линіи, въ Астраханской губерніи, въ Кавказской области.

§ 9. Тѣхъ, которые не пожелаютъ селиться, оставить въ городахъ, но особымъ сословіемъ, отнюдь не смѣшивая вообще съ городскимъ обществомъ, и обязавъ ихъ отвѣтствовать за всѣ подати, повинности и недоимки Таборами, подобно Еврейскимъ Кагаламъ.

§ 10. При совершеніи актовъ на дарованіе свободы, того и другаго пола, крѣпостнымъ господскимъ людямъ, наблюдать:

а) Чтобы имъ было не болѣе 50 лѣтъ.

б) Чтобы они знали какое нибудь ремесло, или рукодѣліе, или, по крайней мѣрѣ, способны были къ поденной работѣ и во услуженіе.

в) Чтобы не имѣли хроническихъ застарѣлыхъ болѣзней, или явнаго увѣчья.

§ 11. Но если помѣщикъ увольняетъ цѣлое семейство, въ которомъ будутъ здоровые, способные къ трудамъ и работѣ молодые люди и женщины, то въ числѣ ихъ дозволяется увольнять и хворыхъ, или недужныхъ, стариковъ и старухъ, буде сіи послѣдніе сами не воспротивятся сему.

§ 12. Равнымъ образомъ дозволяется увольненіе неспособныхъ къ работѣ, хилыхъ, больныхъ, увѣчныхъ, стариковъ и старухъ, буде, вмѣстѣ съ симъ увольненіемъ, помѣщикъ обезпечитъ навсегда содержаніе ихъ, внеся единовременно обществу, которое пожелаетъ ихъ причислить, нѣкоторую сумму, по взаимному условію отъ 50 и до 300 р. на душу, или семью.

§ 13. Воспретить рѣшительно сборы добровольныхъ пожертвованій. Книги, для испрошенія пособій на сооруженіе, украшеніе храмовъ и другія церковныя надобности, выдавать сколь можно рѣже, и не иначе, какъ съ разрѣшенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, по причинамъ особенной важности, съ чрезвычайною осмотрительностію и при совершенной необходимости. При семъ наблюдать:

А. Чтобы книги сіи, а отнюдь не тетради, или отдѣльные листы, или подписки, были въ переплетѣ, прошнурованы, за скрѣпою Епархіальнаго Начальника, за подписью Гражданскаго Губернатора, и за печатьми того и другаго.

Б. Чтобы книги сіи поручались не иначе, какъ лицамъ духовнаго вѣдомства и происхожденія, грамотнымъ, благочестивымъ, благонамѣреннымъ, испытанной честности, хорошей нравственности и поведенія.

В. Чтобы книги сіи выдавались не болѣе какъ на одинъ, два, или три года, а послѣ сего срока онѣ должны обратиться, при отчетѣ, къ Епархіальному Начальству.

Г. Чтобы шатающихся съ образами на тарелкахъ, или блюдахъ, равно съ подписками, или тетрадями, признавать бродягами.

Д. Чтобы съ выдавшихъ таковыя тетради и отдѣльные листы, или подписки, взыскивать пени по сту рублей.

Е. Чтобы самихъ сбирающихъ пособія по установленнымъ книгамъ, если съ минованіемъ означеннаго въ нихъ срока, будутъ продолжать собираніе пожертвованій, также признавать бродягами.

§ 14. Изъ чрезвычайныхъ происшествій главнѣйшая причина бѣдности происходитъ отъ пожаровъ. Въ предупрежденіе скитанія погорѣлыхъ, сверхъ всѣхъ пособій, которыя, по мѣстнымъ возможностямъ, преподаются попеченіемъ Правительства, размѣщать ихъ, до обстройки, постоемъ въ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ. Нужныя распоряженія на сей конецъ предоставить распоряженію мѣстныхъ Полицій и Уѣздныхъ Предводителей Дворянства. Лица и Власти, обязанныя немедленно доносить, куда слѣдуетъ, о чрезвычайныхъ происшествіяхъ, должны будутъ, въ случаѣ пожара, объяснять въ подробности о мѣрахъ, принятыхъ къ предотвращенію скитанія, голода, нищеты и вообще къ возстановленію благосостоянія погорѣлыхъ.

ГЛАВА IV.

ПРАВИЛА КЪ УДЕРЖАНІЮ ЛЮДЕЙ ВСЯКАГО ЗВАНІЯ, ПОЛА И ВОЗРАСТА ОТЪ ПРОШЕНІЯ МИЛОСТЫНИ, ГДѢ БЫ НИ БЫЛО: ВЪ ЦЕРКВАХЪ, ДОМАХЪ, НА УЛИЦАХЪ, ПО ДОРОГАМЪ.

§ 1. Въ теченіи шести мѣсяцевъ отъ обнародованія Положенія о нищихъ, помѣщики, градскія и сельскія общества, монастыри, казенные и частные заводы, фабрики, промысла и всѣ начальства, имѣющія приписныхъ крестьянъ, фабричныхъ, работниковъ, прислужниковъ и проч., обязаны представить въ Попечительные Комитеты тѣхъ губерній, къ которымъ принадлежатъ, списки мужскаго и женскаго пола:

А. Объ отлучившихся самовольно, бѣжавшихъ, безъ вѣсти пропавшихъ.

Б. О нищихъ, какъ пребывающихъ на мѣстѣ зачисленія ихъ по ревизіи, такъ и зашедшихъ со стороны, особо о сирыхъ, о вдовыхъ, о женатыхъ и замужнихъ. Противъ каждаго лица означать лѣта, способность, или неспособность къ работѣ, образъ жизни, поведеніе, а противу увѣчныхъ и больныхъ: какая именно болѣзнь, или увѣчье.

В. О юродивыхъ, дуракахъ и дурочкахъ.

§ 2. Вмѣстѣ съ сими списками поименованныя Общества, Начальства, заведенія и помѣщики должны представить донесеніе о мѣрахъ, принятыхъ къ призрѣнію и водворенію нищихъ, сообразно § 3 главы II сего Положенія.

§ 3. На будущее время градскія и сельскія общества, помѣщики, заведенія, начальства, въ случаѣ самовольной отлучки и побѣга кого либо изъ своего вѣдомства, независимо отъ подачи въ узаконенный срокъ объявленія, гдѣ слѣдуетъ, обязаны доносить о семъ Попечительному Комитету, не позже какъ въ 7-ой день, подъ опасеніемъ денежной пени и потери людей, безъ зачета, если они будутъ пойманы въ числѣ нищихъ.

§ 4. По истеченіи шести мѣсяцовъ отъ обнародованія сего Положенія, Попечительные Комитеты размѣщаютъ и призираютъ нищихъ всѣхъ разрядовъ, какъ сказано въ § 7 главы II.



§ 5. При опредѣленіи способныхъ въ военную службу и при отправленіи малолѣтнихъ въ военно-сиротскія отдѣленія, или въ военныя поселенія, тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ пойманы съ узаконенными видами, и тѣхъ, о самовольной отлучкѣ которыхъ подано объявленіе куда слѣдуетъ въ узаконенный срокъ и, сверхъ того, въ теченіе семи дней отправлено донесеніе Попечительному Комитету, зачитаютъ помѣщикамъ и обществамъ за рекрутъ (Положеніе Комитета Гг. Министровъ, 27 Окт. 1825 и 19 Генв. 1826 года, Пунктъ 1 и 2).

§ 6. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ, при отдачѣ захваченныхъ нищихъ въ службу, въ военно-сиротскія отдѣленія, или военныя поселенія, обществамъ и помѣщикамъ зачета за рекрутъ не будетъ; но Попечительные Комитеты будутъ имѣть на нихъ зачетныя рекрутскія квитанціи отъ Казенныхъ Палатъ съ правомъ продажи, для усиленія своихъ суммъ.

§ 7. При размѣщеніи нищихъ, какъ сказано въ § 7 главы II, въ Богоугодныхъ заведеніяхъ и у кормилицъ, взыскивать съ обществъ, помѣщиковъ и начальствъ заводовъ, промысловъ и фабрикъ единовременной пени по сту рублей за каждаго человѣка и по столько же на ежегодное содержаніе каждаго.

§ 8. Общества, помѣщики и начальства могутъ, буде пожелаютъ, взять ихъ обратно подъ собственное призрѣніе (Выс. Полож. 1826 года, Апр. 29).

§ 9. Нищихъ, неспособныхъ къ службѣ, но годныхъ къ работѣ, отправлять на работы крѣпостныя, адмиралтейскія, городовыя, по устройству путей водянаго сообщенія, или сухопутныхъ дорогъ, наконецъ по горному производству и солянымъ промысламъ, а женщинъ, дѣвушекъ и вдовъ опредѣлять прислужницами и работницами на фабрики, заводы, въ богадѣльни, больницы и тому подобныя заведенія (Указъ 1715 года, Августа 12, пункты 5 и 6).

§ 10. *Для свѣдѣнія:* куда, сколько и въ какое время нужно, или возможно, употребить подобнаго рода людей, до истеченія шести мѣсяцевъ отъ обнародованія сего положенія, напечатать и разослать въ Попечительные Комитеты объявленія отъ всѣхъ Министровъ: гдѣ какого вѣдомства производятся, или предполагаются работы, вре-

менныя, или постоянныя и сколько, примѣрно, можетъ потребоваться въ означенныя мѣста работниковъ, сверхъ собственныхъ командъ, приписныхъ, или законтрактованныхъ, въ замѣнъ вольнонанимаемыхъ.

§ 11. Объявленія сіи повторять ежегодно и доставлять въ Губерніи не позже Марта мѣсяца, дабы Попечительные Комитеты, имѣя таковыя свѣдѣнія, могли, не теряя времени, отправлять нищихъ на работы посредствомъ этаповъ или подвижныхъ ротъ, снабжая ихъ, подобно бродягамъ, какъ одеждою, такъ и кормовыми деньгами по 25 коп. въ сутки изъ экстраординарной по губерніи суммы заимообразно, съ возвратомъ отъ тѣхъ вѣдомствъ, къ которымъ они будутъ доставлены.

§ 12. Срокъ выдержанія сихъ людей въ работахъ продолжать, или сокращать, отъ одного года до двухъ, трехъ лѣтъ и далѣе, смотря по ихъ усердію, поведенію и исправленію (3, 4 и 5 пункты упомянутаго положенія).

§ 13. Содержаніе сихъ работниковъ и работницъ, равно расходы по доставленію ихъ на мѣста работъ и по возвращенію ихъ послѣ срока къ обществамъ, помѣщикамъ и начальствамъ, отнести на суммы тѣхъ вѣдомствъ, которымъ они будутъ поручены; ибо цѣнность трудовъ ихъ, по всей справедливости, должна быть принята въ замѣнъ необходимыхъ на нихъ издержекъ (Предположеніе, примѣненное къ Указу 17 Декабря, 1807 года).

§ 14. Буде люди сіи никуда не потребуются за избыточнымъ числомъ работниковъ, то уже, по необходимости, ссылать ихъ на поселеніе, съ зачетомъ за рекрута, развѣ общества, или помѣщики пожелаютъ ихъ взять обратно, съ уплатою за ихъ содержаніе, до возвращенія на мѣсто жительства (Выс. утв. 22 Марта, 1828 года, Мнѣніе Госуд. Совѣта).

§ 15. Сила предыдущихъ §§ 13 и 14 относится только на тѣхъ изъ нищихъ, которые будутъ пойманы съ узаконенными видами, или же о самовольной отлучкѣ коихъ будетъ объявлено, какъ сказано въ § 3 сей главы. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ взыскивается единовременной пени, какъ сказано въ § 7, съ обществъ, помѣщиковъ и начальствъ по сту рублей за каждаго человѣка (Полож. Ком. Гг. ММ. 27 Окт. 1825 года и 19 Генв. 1826 года).

§ 16. Юродивыхъ, дурачковъ, дурочекъ общества, начальства и помѣщики должны доставлять въ Попечительные Комитеты, а за непредставленіе таковыхъ подвергаются они пени по сту рублей за каждое лицо.

§ 17. Попечительные Комитеты заботятся о нихъ, какъ сказано въ § 7 главы II.

§ 18. Нищихъ изъ отставныхъ нижнихъ военныхъ чиновъ, престарѣлыхъ, хворыхъ, изувѣченныхъ, равно таковыхъ же изъ солдатскихъ женъ, вдовъ и дѣвушекъ, содержать въ Богоугодныхъ заведеніяхъ на счетъ инвалиднаго капитала, и слѣдовательно общества и помѣщики ни въ какомъ случаѣ за нихъ не отвѣтствуютъ (Указъ 16 Сентября, 1807 года; Выс. повелѣніе 29 Апрѣля, 1826 года).

§ 19. Способныхъ къ работѣ изъ нищихъ военнаго происхожденія поселять, какъ сказано въ §§ 3, 4, 5, 6 и 7 главы III.

§ 20. Всѣ пени и штрафы остаются въ пользу Попечительныхъ Комитетовъ. Буде же таковыхъ виновные не внесутъ въ три мѣсяца отъ перваго чрезъ Губернское Правленіе требованія, то брать отъ обществъ и помѣщиковъ, по накопленіи недоимки до 500 рублей, рекрута, безъ зачета и потомъ деньги сіи возвращать Попечительнымъ Комитетамъ изъ суммъ Государственнаго Казначейства.

ГЛАВА V.

ОБЯЗАННОСТИ ПОМѢЩИКОВЪ, НАЧАЛЬСТВЪ ВСЯКАГО ВѢДОМСТВА, ГРАДСКИХЪ И СЕЛЬСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ, МѢСТНЫХЪ ПОЛИЦІЙ, МОНАСТЫРЕЙ, ПРИХОДСКИХЪ СВЯЩЕННИКОВЪ, БОГОУГОДНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

§ 1. Помѣщики, начальства и общества призираютъ сирыхъ, вдовыхъ, престарѣлыхъ, хворыхъ и увѣчныхъ, сообразно ихъ нуждамъ и собственнымъ средствамъ (Выс. Положеніе, 12 Генваря, 1801 года).

§ 2. Въ городахъ купечество и мѣщанство собирается ежегодно въ Городовой Думѣ, при Полицеймейстерѣ и депутатѣ отъ дворянства и отъ духовенства, для учиненія раскладки необходимой суммы на содержаніе бѣдныхъ.

§ 3. Купцы, мѣщане и всѣ обыватели, имѣющіе на городской землѣ собственность: строеніе, сады, пруды и проч., участвуютъ въ сей раскладкѣ. Не изъемлются отъ сей обязанности дворяне, служащіе и неслужащіе, военные и гражданскіе чиновники, фабрики, промыслы, учебныя заведенія, монастыри и сословія духовнаго происхожденія.

§ 4. Суммы сіи раздѣляются приходскимъ священникамъ, которые, вмѣстѣ съ церковными старостами и двумя, или тремя, прихожанами, или прихожанками, по выбору своего прихода, заботятся о призрѣніи неимущихъ въ приходѣ, о поддержаніи случайно впавшихъ въ нищету, объ облегченіи участи бѣдныхъ стыдящихся, о помѣщеніи нѣкоторыхъ въ богоугодныхъ заведеніяхъ вѣдомства Попечительныхъ Комитетовъ, съ платою, и въ частныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ, безъ платы, буде на сіе изъявится отъ оныхъ согласіе.

§ 5. Къ симъ суммамъ присовокупляются деньги, собираемыя въ церквахъ при богослуженіи особенными кружками на бѣдныхъ, сирыхъ и вдовыхъ; также всякое добровольное пожертвованіе благотворительныхъ особъ, обществъ, монастырей.

§ 6. Отчетъ въ сихъ суммахъ священники и сотрудники, или сотрудницы ихъ, представляютъ своимъ приходамъ, Городовой Думѣ, Попечительному Комитету и Епархіальному Начальству.

§ 7. Въ сотрудники и сотрудницы таковые, приходъ, какъ показано въ § 4 сей главы, избираетъ изъ всѣхъ состояній — и да не откажется никто отъ благочестиваго участія въ столь общеполезномъ дѣлѣ!

§ 8. При избраніяхъ сихъ постановляется, однако же, чтобы изъ двухъ, или трехъ, сотрудниковъ, или сотрудницъ кто либо имѣлъ недвижимую собственность въ приходѣ.

§ 9. Въ селеніяхъ раскладка можетъ быть и не денежная, но зерномъ, мукою, солью, овощами, яицами, мясомъ, рыбою, масломъ, молокомъ, холстомъ, нитью, овчинами, лаптями, онучами и проч.

§ 10. Для сего устроить волостныя общины (родъ страннопріимнаго дома) для всѣхъ приходскихъ деревень въ томъ селеніи, гдѣ находится церковный причетъ, подъ наблюденіемъ сельскаго священника и благочиннаго.

§ 11. Для снабженія общинъ овощами и хлѣбомъ отдѣлять для нихъ особые участки земли и обработывать міромъ.

§ 12. Въ общинахъ, кромѣ немощныхъ, могутъ быть помѣщаемы бѣднѣйшіе изъ сирыхъ, вдовыхъ и пожилыхъ, для прислугъ, работъ и порядка.

§ 13. Въ пособіе священникамъ приходъ назначаетъ по выборному для каждой деревни, которые будутъ собирать положенное по раскладкѣ, и по два, или по три старшинъ общины, которые будутъ хранить и расходовать собранное на нужды общинъ.

§ 14. Гдѣ есть монастыри, устроять сіи общины предпочтительно при монастыряхъ.

§ 15. Всякое добровольное пожертвованіе на бѣдныхъ и сборъ для нихъ въ церквахъ употребляется на нужды общины.

§ 16. Отчетъ въ деньгахъ, въ сырыхъ и выдѣланныхъ произведеніяхъ, въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по управленію общинами, приходскіе священники, старшины и выборные представляютъ ежегодно на мірскія сходки обществу и посылаютъ въ Попечительный Комитетъ и Епархіальному Начальству.

§ 17. Монастыри призираютъ юродивыхъ, дурачковъ и дурочекъ, безъ возмездія отъ Попечительныхъ Комитетовъ (Указъ 31 Генв., 1724 года).

§ 18. Бѣдныхъ, призираемыхъ въ городахъ и сельскихъ общинахъ, за ослушаніе, безпорядки, лѣность, нетрезвость, общества и помѣщики наказываютъ, смотря по силамъ, работою, содержаніемъ въ карцерахъ (темное, уединенное мѣсто), выдержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, наконецъ духовною епитимьею, по разсужденію приходскаго священника. Когда же всѣ сіи мѣры не обуздаютъ и не исправятъ развратныхъ, то предаютъ ихъ установленнымъ властямъ, для поступленія съ ними по законамъ.

§ 19. Вообще безпечныхъ въ домоводствѣ, лѣнивыхъ, праздноживущихъ, развратныхъ общества и помѣщики представляютъ въ рекруты, съ зачетомъ.

§ 20. Военные нижніе чины, водворившіеся послѣ отставки на родинѣ, или въ городахъ, за подобныя причины отсылаются на поселеніе.

§ 21. Общество, монастыри, священники, волостныя общины, частныя богоугодныя заведенія наблюдають, чтобы никто изъ призрѣнныхъ оными нигдѣ не скитался, для собиранія милостыни. Въ противномъ случаѣ смотрители и надзиратели заведеній, настоятели монастырей, старшины волостныхъ общинъ, приходскіе священники, общества и помѣщики платятъ всякой разъ по 100 руб. штрафу (Указъ Ноября, 9 1730 года).

§ 22. Всѣ власти, мѣста и лица обязаны наблюдать въ точности положеніе о нищихъ. Мѣстныя полиціи всякаго, испрашивающаго подаяніе, словесно, или по подпискамъ, Русскаго подданнаго, или иностранца, задерживаютъ и препровождаютъ къ обществу, если онъ изъ мѣстныхъ обывателей, и въ Попечительный Комитетъ, если онъ изъ зашедшихъ, или изъ иностранцевъ (Указъ 1741, Іюня 30).

ШТАТЪ

ГУБЕРНСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА.

	Число чиновъ.	Рубли.
Предсѣдатель — Гражданскій Губернаторъ	1	Жалованья не полагается.
Члены: Вице-Губернаторъ	1	
Управляющій Удѣльными имѣніями	1	
Духовная Особа	1	
Градскій Глава	1	
Депутатъ отъ мѣщанства	1	
Канцелярія:		
Производитель дѣлъ, по выбору отъ Дворянства	1	
Бухгалтеръ	1	750
Канцелярскихъ писцовъ	3 по 500 р. асс.	1500
На Канцелярскіе припасы	—	750
И того	11	3000

Примѣчанія: 1) Суммы сіи отпускать изъ процентовъ инвалиднаго капитала, яко составленнаго изъ пожертвованій всѣхъ сословій Государства.

2) Собранія Попечительныхъ Комитетовъ будутъ въ Приказахъ Общественнаго Призрѣнія, по назначенію Гражданскихъ Губернаторовъ, а потому на квартиру, отопленіе, освѣщеніе и сторожей никакихъ особенныхъ издержекъ не требуется.

3) Остатки за некомплектомъ Канцеляріи и отъ расходовъ присоединяются къ капиталу Попечительнаго Комитета.

4) Въ Канцелярскіе опредѣлять предпочтительно изъ бѣдныхъ способныхъ людей.

5) Суммы Попечительныхъ Комитетовъ имѣть въ особомъ храненіи въ Уѣздныхъ Казначействахъ.

ОБЪ
УМЕНЬШЕНІИ НИЩИХЪ ВЪ РОССІИ
И
СО ВРЕМЕНЕМЪ ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ ИХЪ.

Съ міру по ниткѣ — голому рубаха.

Какъ часто слышно: «Много нищихъ, много бѣдныхъ! Какой развратъ между ними! Они въ тягость не только обществу, но и самимъ себѣ!» Все это правда; никто не отвергнетъ этого. Но кто увеличиваетъ и распространяетъ количество бѣдныхъ, сумму разврата, тягость и заразу для общества? Мы всѣ — своимъ равнодушіемъ къ ближнему, своимъ, все презирающимъ, себялюбіемъ. Сколько несчастныхъ упрашиваютъ насъ о помощи, и какъ часто мы равнодушно проходимъ мимо ихъ, не только хладнокровно, но иногда съ огорченіемъ, что они безпокоятъ насъ своими просьбами, отказываемъ, говоря: «Богъ подастъ!» Мудрено ли, что бѣднякъ, видя свое отчужденіе отъ всѣхъ, съ отчаянія пускается на обманы, плутовства, развратъ и преступленія, для того только, чтобы утолить свой голодъ, свою жажду и защититься отъ непогоды кускомъ какой либо одежды; и онъ все это дѣлаетъ въ полной увѣренности, что ни одинъ изъ людей даже не удостоитъ поступковъ его какимъ либо замѣчаніемъ. Мало по малу нищіе до того привыкаютъ къ своему положенію, что всякое другое средство добывать себѣ кусокъ хлѣба считаютъ тягостью. Вотъ отъ чего большая часть просящихъ милостыни даже не охотно слушаетъ предложенія о какой либо работѣ. Послѣ этого также не удивительно, если у нѣсколькихъ десятковъ

тысячъ безпомощныхъ свои понятія о Богѣ, людяхъ, добродѣтели. Сколько заразы въ нихъ для цѣлаго общества и государства! Сколько тысячъ изъ нихъ суть не люди, а получеловѣки! Они вдвойнѣ несчастны! Наши гроши и рубли, даваемые порознь бѣднымъ, не спасаютъ ихъ отъ бѣдности, а только продолжаютъ ихъ бѣдственную жизнь, не уничтожаютъ нищенство въ самомъ корнѣ, а только соблазняютъ многихъ на нищенство легкою добычею денегъ.

Если'бъ кто описалъ и изобразилъ причины бѣдности, нравы, понятія, обычаи нищихъ; короче: представилъ въ наготѣ весь ужасъ бѣдствій, какимъ подвергаются неимущіе средствъ къ жизни, сколько слезъ исторгъ бы изъ глазъ каждаго! Сколько сердецъ подвигъ бы на помощь ближнимъ, вполнѣ заслужившимъ ее! А чрезъ то сколько тысячъ людей, душевно и тѣлесно погибавшихъ, сдѣлались бы и себѣ и отечеству полезными! Сколько возвысилась бы нравственность общая!

Теперь осмѣлюсь предложить средство, могущее ежегодно уменьшать значительное количество нищихъ въ Россіи.

О ЕДИНОВРЕМЕННОМЪ ВЗНОСѢ ДЕНЕГЪ ВЪ ПОЛЬЗУ БѢДНЫХЪ.

Въ Россіи въ 1841 году родилось Грекороссійскаго исповѣданія 2,186,430 душъ обоего пола; бракомъ сочеталось 476,731 пара также только Грекороссійскаго исповѣданія. Тѣхъ и другихъ годъ отъ году увеличивается. Но кто изъ родившихся и вѣнчавшихся можетъ утвердительно сказать: «Ни мы, ни дѣти наши не будемъ бѣдны во всю жизнь?» Рѣшительно никто. Если каждую раждающуюся душу обложить 5 коп. сер. единовременнаго взноса[1] въ пользу бѣдныхъ, и каждую вѣнчающуюся пару обложить 50 коп. сер. также единовременнаго взноса въ пользу бѣдныхъ, то за 1841 годъ получилось бы съ родившихся 100,000 руб. сер., полагая притомъ, что 186,430 душъ не даютъ ничего по бѣдности своей (при рожденіи недающіе относятся къ дающимъ какъ 1:10); также полагая, что 76,731 пара не въ состояніи внести за себя по 50 коп.

[1] Для чего же именно брать по поводу родинъ и бракосочетаній? Это и безъ того, для большинства, время тяжелое, расходное. Все равно, когда и по какому поводу взять — сущность предположенія состоитъ въ томъ, чтобы обязать всѣхъ новымъ налогомъ. Если допустить это, то, конечно, можно не только накормить нищихъ, но и вызолотить ихъ. Прим. В. Д.



сер., а остальные 400,000 паръ (при бракосочетаніи недающіе относятся къ дающимъ, какъ 1:6¼) дадутъ только по 50 коп. сер., получимъ съ бракосочетавшихся въ тотъ годъ 200,000 руб. сер., что, вмѣстѣ со взносомъ родившихся, составитъ 300,000 руб. сер. или 1,050.000 руб. асс. въ пользу нищихъ. И такимъ малымъ единовременнымъ пожертвованіемъ вѣнчающіеся выкупаютъ и себя и дѣтей своихъ изъ нищенства!

О ЛЕГКОСТИ ТАКОГО ВЗНОСА.

Какъ человѣкъ однажды родится въ жизни, то единовременный взносъ 5 коп. сер. въ пользу нищихъ нельзя считать тяжкимъ налогомъ. Также кто вступаетъ въ бракъ, тотъ уже чувствуетъ себя въ силахъ прокормить и себя и жену свою; значитъ, и тому не трудно внести 50 коп. сер. въ пользу неимущихъ [1]. Чтобъ убѣдиться въ легкости такого единовременнаго взноса и для крестьянъ, стоитъ только вспомнить, что сельскіе священники съ причтомъ своимъ, получающіе жалованье, обязаны ничего не брать за совершеніе таинствъ.

О ВОЗМОЖНОСТИ УВЕЛИЧЕНІЯ ЕЖЕГОДНАГО ДОХОДА.

1,050,000 р. асс. есть minimum дохода; но онъ годъ отъ году можетъ значительно увеличиваться. Въ человѣкѣ есть, такъ сказать, три момента, въ которые онъ наиболѣе расположенъ къ добру: 1) при рожденіи дѣтей, [2] 2) при бракосочетаніи, 3) при погребеніи близкихъ сердцу. Какъ предполагалось 186,431 душъ обоего пола, не могущихъ при рожденіи взносить за себя въ пользу бѣдныхъ по 5 коп. сер., а остальные 2 милл. взносили за себя только по 5 коп. сер., и тутъ собиралось 100,000 рублей серебромъ, то очень естественно думать, что доходъ съ этой статьи увеличится; [3] то же и по той же причинѣ можно сказать и о бракосочетавающихся. [4] При

---

[1] Для большей части крестьянъ и мѣщанъ это не мало, а чрезвычайно много. Мужикъ нерѣдко даетъ священнику за крестины, или повѣнчаніе, гривну мѣди, или пару лаптей. Прим. В. Д.

[2] Каждый вносить не за себя, а за дочь, или сына. Прим. В. Д.

[3] У кого 10 человѣкъ дѣтей, тотъ внесетъ 10 разъ. Прим. В. Д.

[4] Иногда очень трудно: это и безъ того время всякаго расхода, и крестьяне часто справляютъ скромную свадьбу, забравшись долгами на много лѣтъ. Прим. В. Д.



погребеніи близкихъ сердцу, человѣкъ найболѣе расположенъ къ благотворенію; слѣдовательно, учредивъ въ церквахъ кружки для нищихъ (что, впрочемъ, и теперь есть, но въ нихъ нѣтъ большаго сбора, потому что бѣдные предстоятъ дающему лично, и онъ, вмѣсто того, чтобы опустить что либо въ кружку, даетъ имъ по рукамъ, видя вкругъ себя бѣдность) и введя въ законъ, вмѣсто подачи нищимъ по рукамъ, класть жертвуемое въ кружку, [1] доходъ въ пользу нищихъ можетъ значительно увеличиться. Въ 4-хъ) Былъ бы предметъ, на который можно жертвовать капиталомъ съ пользою, а то въ Россіи всегда найдутся жертвователи. Такъ и тутъ можно думать, что и тогда будутъ существовать люди, которые съ душевною радостію не перестанутъ удѣлять по возможности въ пользу бѣдствующихъ ближнихъ своихъ, какъ и нынѣ дѣлается. Въ 5-хъ) Нищенство въ Россіи найболѣе отъ того, что низшій слой народа ни въ чемъ несвѣдущъ. Для распространенія свѣдѣній, которыя ни въ какомъ случаѣ не должны превышать состоянія простаго народа, можно издавать какое либо чтеніе; оно, при содѣйствіи Правительства [2] и дворянства Русскаго, проникнетъ и напитаетъ весь низшій слой народа, уничтожитъ множество предразсудковъ, поселитъ понятія чистыя, разъяснитъ крестьянину обязанности его и т. п. Выгода нравственная неисчерпаема! Отъ такого распространенія чтенія, при всевозможной дешевизнѣ его, соберутся значительные капиталы, которые, за исключеніемъ издержекъ (на пр., за уплатою сочинителю, за исключ. напечатанія), обращать въ пользу нищихъ.

Имѣя въ виду всѣ 5 статей, можно надѣяться, что доходъ въ пользу нищихъ упятерится, т. е., дойдетъ до 5 милл. р. асс.

О УДОБНОСТИ СБОРА ДЕНЕГЪ.

Что касается до сбора денегъ, при этомъ не придвидится особенныхъ трудностей. Рожденіе и бракосочетаніе записываются въ

[1] Законъ — класть въ кружку? т. е., приказано дѣлать добровольныя приношенія? Прим. В. Д.

[2] Можно, но не отъ Правительства; это не поведетъ у насъ ни къ чему. Это можно сдѣлать только черезъ Василья Васильевича Лонгинова, въ Москвѣ, у котораго народныя книжки отпускаются пудами, или мѣряются узлами и кушаками, а потомъ мѣняются на свиные пузыри и щетину. Прим. В. Д.



книги въ каждомъ приходѣ; въ тѣхъ же книгахъ стоитъ только ввести по одной графѣ, гдѣ родители и бракосочетающіеся собственноручно писали бы, сколько внесли въ пользу бѣдныхъ, по тѣмъ же графамъ видно будетъ, сколько было не жертвующихъ и изъ какого званія. Учрежденіе въ церквахъ и на рынкахъ кружекъ, [1] куда бы вносили вмѣсто подачи нищимъ по рукамъ, также не представляетъ особенныхъ трудностей.

О ДУХОВЕНСТВѢ.

Какъ ближайшее участіе въ уменьшеніи числа нищихъ, такъ и въ увеличеніи для нихъ дохода, будетъ имѣть духовенство вообще, то необходимо вмѣнить въ обязанность всѣмъ духовнымъ лицамъ, чтобы они словомъ и дѣломъ убѣждали прихожанъ своихъ къ благотворенію, и нигдѣ не опускали бы случая укрѣплять ихъ въ этой мысли. Кстати замѣтить, что образованіе духовныхъ лицъ должно для этой цѣли измѣниться къ лучшему. [2]

ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ КОМИТЕТА ДЛЯ РАЗБОРА И ПРИЗРѢНІЯ НИЩИХЪ ВЪ КАЖДОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ Россіи считается 51 губернія, 3 градоначальства, 3 управленія и 6 областей, всего 63; то изъ 5,000,000 р. асс. годоваго дохода для нищихъ причитается на каждую часть среднимъ числомъ до 80,000 р. асс. ежегодно, на кои очень можно въ каждой губерніи учредить Комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ. Прежде всего, по устроеніи Комитетовъ, произведется во всей Россіи размѣнъ нищихъ, потомъ призрѣніе ихъ, наконецъ совершенное уничтоженіе. [3]

О НИЩИХЪ.

Всѣхъ нищихъ можно раздѣлить на 4 рода:

1. Престарѣлые и увѣчные,
2. Дѣти обоего пола,
3. Здоровые и вполнѣ способные къ работѣ,
4. Такіе, кои стыдятся просить милостыни, но нуждаются въ помощи ближняго.

---

[1] Кружку поставить можно; это, конечно, не трудно; да какъ ее наполнить? Прим. В. Д.

[2] Есть искони не менѣе важныя причины на это. Прим. В. Д.

[3] На бумагѣ и по вѣдомостямъ Комитетовъ? Прим. В. Д.

1. Для престарѣлыхъ и увѣчныхъ необходимо устроить богадѣльни, и жителямъ ихъ доставлять работы, свойственныя ихъ лѣтамъ и знанію.

2. Для дѣтей нищихъ завести училища, въ которыхъ они должны жить и получить нравственное образованіе и усвоить себѣ нѣкоторыя необходимѣйшія знанія о сельскомъ хозяйствѣ вообще и ремесла: сапожное, портное, телѣжное, кузнечное, и т. п. Кромѣ того, должны знать чтеніе, письмо, 4 ариѳмет. дѣйствія (преимущественно счисленіе въ умѣ и знаніе всѣхъ Русскихъ мѣръ вообще), Законъ Божій, Священную исторію, истолкованіе Евангелій и церковное пѣніе. Дѣвушки, кромѣ Закона Божія, Свящ. исторіи и пр., должны знать домашнее хозяйство вообще, не исключая ухода за скотомъ, шитья деревенскаго бѣлья и т. п. Такимъ образомъ дѣти, когда выростутъ, будутъ имѣть средства честно добывать себѣ кусокъ хлѣба.

Главное при этомъ, чтобы образованіе ихъ не превышало ихъ состоянія, иначе произойдетъ не польза, а вредъ.

Такія дѣти поведутъ новое поколѣніе, разумѣется, лучшее, и разовьютъ во всякой губерніи разныя ремесла, которыя теперь у простаго народа въ самомъ жалкомъ положеніи. Все сказанное о дѣтяхъ нищихъ должно относить къ дѣтямъ обоего пола податнаго состоянія.

3. Нищихъ (крестьянскаго состоянія) здоровыхъ и вполнѣ способныхъ къ работѣ можно выселять въ малонаселенныя и плодородныя губерніи. Для такой цѣли Государь Императоръ не откажетъ въ вырѣзкѣ земли. Удаленіе нищихъ съ земли, на которой жили и умерли ихъ предки, будетъ для нихъ большимъ наказаніемъ и исправленіемъ, и между тѣмъ никто изъ сосѣдей не соблазнится такою помощію.

4. Четвертый родъ бѣдныхъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія: вникнувъ въ ихъ положеніе, необходимо помочь имъ такъ, чтобы, такъ сказать, сразу извлечь ихъ изъ бѣдности. Если, примѣрно, бѣдность ихъ произошла отъ потери лица, бывшаго подпорою многочисленнаго семейства, то малолѣтнихъ дѣтей стараться опредѣлить на казенное содержаніе въ заведенія, назначенныя для того званія дѣтей, или открыть какое либо новое заведеніе съ извѣстною цѣлью и т. п.; тѣмъ не мало облегчится участь каждаго члена семейства.

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСКОРЕНИТЬ НИЩЕНСТВО ВЪ РОССІИ.

Если предположить по 1 нищему на 100 жителей въ Россіи, то изъ 500,000 душъ обоего пола, остающихся въ живыхъ ежегодно, обречено на нищенство 5000 человѣкъ. Слѣдовательно, съ того года, въ который назначено Всеблагимъ Промысломъ исполниться этой мысли, уже не можетъ прибывать количество нищихъ; потому что на 5 милл. р. асс. годоваго дохода можно ежегодно спасти 5000 человѣкъ, полагая на каждаго изъ нихъ среднимъ числомъ 1000 р. асс. Предположивъ самому младшему нищему 1 годъ отъ рожденія, а жизни его 100 лѣтъ, можно видѣть, что нищенство въ Россіи должно уничтожиться во 100 лѣтъ.

Спаситель училъ: «Будьте милосерды, яко же и Отецъ вашъ Небесный»; заповѣдалъ каждому изъ насъ: «Люби ближняго своего, яко самъ себе,» и исполняющимъ его слова обѣщалъ блаженство: «Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.»

В. М.

Орелъ.

1844 года, Декабря 6-го дня.

О

ПОДДѢЛКѢ И ПОДМѢСИ ЧАЕВЪ

И

ОБМАНАХЪ ПО ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛѢ.

Кяхтинская чайная торговля наша, столь важная и значительная, не только собственно въ торговомъ, но и въ государственномъ отношеніи, никогда не нуждалась до такой степени въ поддержкѣ отъ Правительства, какъ нынѣ. Причины сему, какъ вообще всѣ сюда принадлежащія обстоятельства, въ отношеніи политическомъ, торговомъ, промышленномъ, а равно и вредные подлоги и обманы, по торговлѣ сей, излагаются въ настоящей Запискѣ. Для сего напередъ всего должно разсмотрѣть всѣ роды чаевъ, настоящихъ, или поддѣльныхъ, но не принадлежащихъ къ числу чаевъ Кяхтинскихъ.

Кантонскій чай, привозимый Англичанами моремъ изъ Китая и поступающій въ Россію чрезъ Финляндію и западныя границы въ числѣ контрабанды, конечно, много уступаетъ Кяхтинскому въ добротѣ, но за то вдвое и втрое дешевле его. Открыто, что, между прочимъ, печатныя обертки съ фирмою здѣшнихъ торговцевъ отправляются въ Финляндію, а по укладкѣ въ нихъ Кантонскаго чая, онъ ввозится обратно подъ именемъ Кяхтинскаго. Сверхъ того, къ сожалѣнію, поимка контрабанднаго чая никогда почти не вознаграждается: конфискованный чай продается только на условіи обратнаго вывоза за границу, въ противномъ же случаѣ истребляется; почему и покупаютъ его за совершенный безцѣнокъ, и то въ томъ только случаѣ, если надѣются обмануть таможню и спустить чай въ Россію; а какъ отъ продажной цѣны зависитъ и самая пеня, то и ея или вовсе нѣтъ, или она бываетъ самая ничтожная. Низшее качество Кантонскаго чая зависитъ, впрочемъ, не отъ перевоза моремъ, а отъ того, что это особый дешевый сортъ; кромѣ того, самая поддѣлка чая въ Англіи существуетъ съ давняго вре-

ксени, такъ что по отчету, представленному палатѣ Коммонеровъ въ 1783 году, показано было поддѣльнаго чая въ продажѣ за годъ 2 милл. килограмовъ или $\frac{1}{3}$ всего привоза, а въ недавнемъ времени открыты въ Англіи цѣлыя фабрики для поддѣлки чая. Въ Россіи встрѣчается онъ въ продажѣ въ Петербургѣ, большею частію только въ примѣси къ Кяхтинскому, а кромѣ того въ Балтійскихъ губерніяхъ по всей западной границѣ.

Нанкинскій или Семипалатинскій чай идетъ также изъ Китая и притомъ сухимъ путемъ, но не на Кяхту, а изъ западнаго Китая, Гульджи и Чугучака, на Сибирскую и Оренбургскую линіи, почему и составляетъ, относительно Китая, контрабанду. Этотъ чай равняется послѣднимъ разборамъ Кяхтинскаго; но, будучи покупаемъ на наличныя деньги, обходится гораздо дешевле его, потому что не мѣняется на произведенія наши, оцѣниваемыя Китайцами по произволу. Высокая пошлина наша затрудняетъ сбытъ Нанкинскаго чая; въ противномъ случаѣ его было бы много въ продажѣ, и притомъ не дороже рубля серебромъ за фунтъ. Мнѣнія относительно затрудненія, или поощренія, чайной торговли мимо Кяхты, прямѣйшимъ путемъ, различны: иные полагаютъ, что, для поддержанія Кяхтинской торговли, не должно допускать привозъ чая другими путями; иные же, напротивъ, что такая насильственная мѣра не можетъ быть благодѣтельна; что она вредитъ намъ, давая Китайцамъ возможность дѣйствовать на Кяхтѣ монополистами и устанавливать цѣны на чай свой по произволу; что, по сему, для общей пользы, чайной торговлѣ должно бы предоставить тотъ путь, который она приметъ сама собою, какъ болѣе выгодный.

За симъ слѣдуетъ особый родъ чая, составляющій переходъ отъ Китайскихъ чаевъ къ поддѣльнымъ; а именно: въ числѣ мошенничества по розничной чайной торговлѣ непослѣднее мѣсто занимаетъ спитой Китайскій чай. Половые въ трактирахъ и харчевняхъ выбираютъ остатки чая изъ чайниковъ, полоскательныхъ чашекъ, даже со столовъ, подносовъ и изъ лахановъ, вмѣстѣ съ лимонными корками, окурками сигаръ, табачнымъ пепломъ и другимъ соромъ, сдаютъ все это скупщикамъ, и въ особенности бутылочникамъ, собирающимъ также спитой чай по дворамъ и мелочнымъ лавкамъ у дворовыхъ людей. Этотъ чай просѣвается на грохоты и подмѣшивается въ свѣжій чай, а при употребленіи въ харчевняхъ, подцвѣчается еще жженымъ сахаромъ, для лучшаго настоя. Про-

мыслъ этотъ распространился до того, что даже въ самомъ Петербургѣ трудно купить въ розничной продажѣ простаго дешеваго чая, въ которомъ бы не было подмѣшано спитаго. Въ Англіи сильно жалуются на этотъ же обманъ, и Правительство открывало тамъ неоднократно заготовленіе и выдѣлку спитаго чая въ большомъ количествѣ.

Баданъ или Чагирскій чай изъ травы бадана (saxifraga crassifolia), употребляемый въ Сибири, особенно въ Томской губерніи, не имѣетъ сходства съ Китайскимъ чаемъ и не подмѣшивается въ него, а употребляется только почти въ видѣ лѣкарства, мѣстными жителями, почему и не касается вовсе нашего предмета. Онъ не составляетъ подлога, какъ и многія другія травы и сушеныя ягоды, употребляемыя подъ названіемъ чая.

За Баданомъ слѣдуетъ тотъ сортъ чая, который собственно составляетъ предметъ поддѣлки и мошенничества. Это есть, такъ называемый, Копорскій или Иванъ-чай, о которомъ должно распространиться подробнѣе.

Промыслъ этотъ возникъ, кажется, впервые около Петербурга; говорятъ, что дворовый человѣкъ Царскосельской вотчины г. Савелова, побывавъ съ Посольствомъ нашимъ во время царствованія Императрицы Екатерины II въ Китаѣ, и узнавъ тамъ выдѣлку чая, вздумалъ примѣнить ее къ нашимъ травамъ. Онъ удачно избралъ для этого траву кипрей (яровникъ, хрѣпяльникъ, epilobium angustifolium), растущій во множествѣ въ сѣверной и средней полосахъ Россіи. Въ послѣдствіи стали примѣшивать туда же и нѣкоторыя другія травы, какъ, на примѣръ, сокольникъ, веронику, пятилистникъ или могущикъ, и даже, для хорошаго настоя, березовыя почки, или самые молодые листья; а для поддѣлки, такъ называемаго, чайнаго цвѣта, пушистыя почки рябины. Говорятъ, что изобрѣтеніе послѣднихъ двухъ подмѣсей принадлежитъ Татарамъ. Выдѣлкой Копорскаго чая, для подмѣси Кяхтинскаго, стали заниматься у насъ вообще только въ концѣ прошедшаго столѣтія. Названіе Копорскаго дано ему отъ Копорья, мѣста первой или главной выдѣлки его. Петербургская губернія стала снабжать значительнымъ количествомъ этого произведенія Нижегородскую ярмарку, Москву, Балтійскія губерніи и проч.

Но вскорѣ промыслъ этотъ распространился. Около 1820 года г. Савеловъ переселилъ нѣсколько семей изъ Петербургскаго имѣнія

своего въ Московское, — и выдѣлка Копорскаго чая немедленно тамъ распространилась подъ названіемъ Иванъ-чая. По сему Копорскій чай и Иванъ-чай—одно и то же; но первое названіе дано ему въ Петербургѣ, а второе въ Москвѣ.

Копорскій чай продается обыкновенно отъ одного до трехъ рублей серебромъ за пудъ, тогда как Китайскій болѣе чѣмъ во сто разъ дороже; по сему огромныя выгоды этого промысла привлекли множество людей, а искуство выдѣлки вскорѣ до того усовершилось, что за Копорскій чай лучшей поддѣлки стали платить по 10 и 20 руб. сереб. за пудъ, и промыслъ распространился на цѣлую полосу, отъ Петербурга и Москвы до Казани.

Способъ выдѣлки Копорскаго чая состоитъ главнѣйше въ слѣдующемъ: снятые съ кипрея листья обвариваются кипяткомъ и парятся калеными каменьями, обыкновенно въ той же посудѣ, въ которой крестьяне бучатъ черное бѣлье свое, потомъ листья скатываются руками на рубчатыхъ доскахъ и сушатся въ этомъ видѣ въ печахъ. Въ послѣднее время производство это до того утончилось, что листья кипрея перетираются почти въ порошокъ, мѣсятся въ тѣсто, а потомъ скатываются и сушатся въ этомъ видѣ; при такой выдѣлкѣ чрезвычайно трудно узнать поддѣлку и рѣшить, какому растенію листья принадлежатъ. Вообще, изслѣдованіе это требуетъ опытнаго ботаника; небольшія частицы листьевъ кипрея могутъ быть отличены отъ чайныхъ только подъ микроскопомъ, по образованію зубчиковъ своихъ по краямъ листа.

Правительство въ первый разъ обратило вниманіе на обманъ этотъ въ 1816 году, когда Московское купечество и Американская Компанія наша жаловались на подрывъ чайной торговли. Подмѣсь и сборъ для сего травъ были Высочайше запрещены; то же повторено указами 1819 и 1833 годовъ, а въ 1834 приняты строгія мѣры для открытія и преслѣдованія виновныхъ; для чего Высочайше повелѣно было въ то время учредить въ Петербургѣ особую Коммиссію.

Тогда Копорскій чай, состоящій изъ одного кипрея, или изъ разныхъ поименованныхъ выше травъ, а равно какъ по себѣ, такъ и въ примѣси къ Китайскимъ чаямъ, найденъ былъ здѣсь во многихъ лавкахъ и магазинахъ, и даже у одного изъ первыхъ чайныхъ торговцевъ и тогдашняго Градского Главы въ столицѣ. Многіе подвергнулись законному строгому взысканію, были наказаны тѣлесно,

сосланы, или лишены добраго имени. Нѣсколько Московскихъ торговцевъ и люди помянутаго г. Савелова были также изобличены и наказаны.

Временно мѣра эта была чрезвычайно благодѣтельна для Кяхтинской торговли. Объ этомъ Правленіе Россійско-Американской Компаніи вскорѣ увѣдомило слѣдственную Коммисію, а чрезъ два года и Министерство Финансовъ подтвердило это гласно, сказавъ, въ «Видахъ торговли за 1836 годъ,» что промѣнъ товаровъ на Кяхтѣ, отъ мѣръ, принятыхъ противу поддѣлки чаевъ, усилился одной пошлиной на $3^1/_2$ милліона рублей.

Но какъ ни какая строгость закона не можетъ предупредить злоупотребленій, при недостаткѣ надлежащаго надзора, то польза принятыхъ мѣръ была только кратковременная. Съ 1834 года въ пользу дѣла этого не сдѣлано ничего: страхъ былъ вскорѣ забытъ и, по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, торговля Копорскимъ или Иванъ-чаемъ, а равно и спитымъ, вновь высушеннымъ Китайскимъ, далеко превзошла нынѣ прошедшіе годы, и все еще постепенно усиливается.

Медицинскій Совѣтъ призналъ траву кипрей безвредною для здоровья; чай составляетъ нынѣ уже необходимую потребность низшихъ сословій, въ особенности около столицъ и большихъ городовъ; люди эти не въ состояніи покупать настоящій Китайскій чай, а потому и могъ бы возникнуть вопросъ: не допустить ли замѣну дорогаго, иностраннаго произведенія, безвреднымъ домашнимъ растеніемъ? Но вопросъ этотъ требуетъ особыхъ соображеній, при чемъ ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить подмѣсь травы этой въ Китайскій чай. Это во всякомъ случаѣ есть мошенничество, которое тѣмъ болѣе и строже должно быть преслѣдуемо, что, составляя уже обманъ по себѣ, оно, сверхъ того, подрываетъ торговлю Кяхтинскую и Американской Компаніи. Обстоятельство это чрезвычайно важно, потому что отъ первой зависитъ множество фабрикъ нашихъ въ Москвѣ и промыслъ доставки чая и товаровъ за него по Сибири, а отъ второй зависитъ самое существованіе нашихъ Сѣверо-Американскихъ владѣній. На семъ основаніи, кажется, совершенно необходимо принять противу чайныхъ подлоговъ и обмановъ постоянныя и дѣйствительныя мѣры, для установленія коихъ должно войти въ нѣкоторыя предварительныя соображенія и въ подробности производства и торговли Копорскимъ чаемъ.

Мѣры 1834 г. не исправили сихъ промышленниковъ, но сдѣлали ихъ несравненно болѣе осторожными и искусными. Въ Петербургской губерніи Копорскій чай главнѣйше производится крестьянами: Ямбургскаго уѣзда, деревень Хотнежи, Мазанки, Ганбово, Твердаго; Царско-сельскаго уѣзда: Гусинки, Расколовки, Селище. Въ деревняхъ этихъ есть крестьяне, изъ коихъ до 20 человѣкъ извѣстны поименно, занимающіеся закупомъ травы въ большомъ количествѣ и сбывающіе запасы свои въ Петербургъ, Ригу, Ревель, Дерптъ и проч. Но торговцы такъ осторожны, что никогда не принимаютъ Копорскій чай прямо изъ рукъ сихъ крестьянъ, которые сами не знаютъ, куда товаръ ихъ поступаетъ. Въ Петербургѣ, на примѣръ, есть особые факторы или посредники, завѣдующіе этимъ дѣломъ: пятеро главнѣйшихъ также извѣстны поименно; но даже факторы эти никогда не принимаютъ товаръ прямо отъ крестьянина, а, условившись съ нимъ на словахъ, велятъ сдать куль въ извѣстную лавочку, или дворнику, сказавъ, что это трава для аптеки. Факторъ, съ своей стороны, также не повезетъ куля прямо въ магазинъ, или лавку, куда онъ слѣдуетъ; а, условившись съ купцомъ въ какое время, на какой улицѣ, или перекресткѣ, тотъ долженъ его принять, привозитъ туда куль на извозчикѣ, передаетъ и немедленно уѣзжаетъ. Вотъ почему факторовъ этихъ ловить на дѣлѣ чрезвычайно трудно; товара у нихъ нѣтъ и явныхъ уликъ на нихъ также. Дѣломъ этимъ занимаются здѣсь вообще тряпичники, бутылочники и нѣкоторые лавочники. О томъ, что кипрейникъ обработывается весьма искусно и мелко переминается, говорено было выше; изъ числа взятыхъ въ пятидесяти трехъ здѣшнихъ магазинахъ и лавкахъ чайныхъ пробъ простаго разбора, по тщательномъ разсмотрѣніи ихъ искуснѣйшимъ ботаникомъ, въ двухъ только найденъ кипрейникъ въ такомъ видѣ, что его легко было отличить; почти во всѣхъ прочихъ оказалась значительная часть спитаго чая и, кромѣ того, какая-то примѣсь въ порошкѣ, или въ перемытыхъ небольшихъ сверточкахъ, такъ что невозможно было отличить, изъ какой травы они состоятъ. Въ Москвѣ, Твери, Дмитровѣ, Торжкѣ было взято до двадцати чайныхъ пробъ: въ этомъ числѣ въ двухъ найдена примѣсь кипрея, въ двѣнадцати примѣсь частію неизвѣстнаго порошка, а частію истертыхъ и перемятыхъ листьевъ не чайныхъ, хотя и нельзя было опредѣлить, какихъ именно; въ большей части остальныхъ пробъ была примѣсь спитаго чая.

Кромѣ Петербургской губерніи, какъ оказалось по розыскамъ, Иванъ-чай выдѣлывается крестьянами въ разныхъ мѣстахъ, а именно:

Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, въ деревняхъ Парфенихи, Упихи, Хохловой, Сергѣевкѣ, Гари, Запруднѣ, Татьяниной, Быковой, Корюшевой, Гусенкахъ и проч.

Владимірской губерніи, Александровскаго уѣзда, въ деревняхъ: Бурцовой, Сосковой Задиловой, Гуслевой и проч.

Тверской губерніи, Калязинскаго уѣзда, въ Юркиной, Сорокиной, Бардиной и проч.

Изъ числа скупщиковъ, разъѣзжающихъ для этого нарочно по деревнямъ, раздавая задатки, поименно извѣстны одиннадцать человѣкъ. Иванъ-чай самъ по себѣ, или уже въ смѣси, нерѣдко возится въ города и на ярмарки въ поддѣльныхъ Китайскихъ ящикахъ, оклеенныхъ внутри свинцомъ; почему уже самая выдѣлка ящиковъ сихъ составляетъ значительный промыслъ Калязинскихъ крестьянъ (Тверской губерніи), которые отправляютъ ихъ въ Москву, Нижній и проч. Вообще, изо всѣхъ розысковъ видно, что главныя мѣста производства Иванъ-чая суть: Ямбургскій и Царскосельскій уѣзды Петербургской губерніи, Дмитровской уѣздъ Московской, Александровскій уѣздъ Владимірской и Калязинскій уѣздъ Тверской губерніи. Судя по огромному количеству этого чая, до нѣсколькихъ сотъ пудовъ, которое безъ труда закуплено было посланными агентами, и при томъ въ такое время, когда сборъ травы давно уже былъ оконченъ, видно, что промыслъ этотъ производится въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Безгласные розыски указали также на нѣсколькихъ купцовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Твери, Торжкѣ и Дмитровѣ, кои занимаются этою торговлей. Впрочемъ, самое большое количество поддѣльнаго чая идетъ прямо въ тѣ мѣста, гдѣ бываетъ распивочная чайная продажа, то есть, въ трактиры, рестораціи и харчевни.

Невозможно опредѣлить съ точностію, какъ великъ подрывъ чайной торговли отъ Копорскаго чая: но должно принять въ разсужденіе, во первыхъ: что послѣ строгаго преслѣдованія въ 1834 году, количество вывоза Кяхтинскаго чая внезапно увеличилось на 26 и 37 тысячъ пудовъ, [1] а за тѣмъ, въ продолженіе двухъ годовъ,

[1] Привозъ Кяхтинскаго чая составлялъ:

Въ 1831 году	133,914 пуд.		Въ 1834 году	155,789 пуд.	
— 1832 —	168,668 —		— 1835 —	181,198 —	
— 1833 —	157,256 —		— 1836 —	193,473 —	

опять стало упадать и, достигнувъ снова прежней цыфры, почти на ней остановилось, если только исключить три послѣдніе годы, гдѣ, по причинѣ разрыва Китая съ Англіей, привезено было на Кяхту несоразмѣрно большое количество чая, почему годы эти выходятъ вовсе вонъ изъ ряду. Между тѣмъ привозъ чая долженъ бы и въ прошедшіе годы значительно возрастать, потому что потребленіе его у насъ, безспорно, съ году на годъ усиливается. Во вторыхъ: само Министерство Финансовъ исчислило внезапное расширеніе сей торговли, въ 1835 году, однѣми пошлинами, на $3^1/_2$ милліоновъ рублей, или почти на одну треть противу привоза 1833 года. Все это доказываетъ безспорно, что спитой чай и Копорскій весьма чувствительно вредятъ Кяхтинской и Американской торговлѣ. Сверхъ сего, промыслъ этотъ, какъ обманъ и подлогъ, долженъ быть строго преслѣдуемъ, и тѣмъ еще болѣе, что большими выгодами при этомъ пользуются не крестьяне, собирающіе траву по заказу и не видящіе въ этомъ большаго преступленія, а безчестные торговцы, соблазняющіе къ тому первыхъ, обманывающіе покупщиковъ и выигрывающіе на томъ отъ 500 до 1000 процентовъ. По сей причинѣ на прейсъ-курантахъ здѣшнихъ встрѣчаются цѣны, за кои нельзя купить чай даже въ Нижегородской ярмаркѣ, а именно 6 руб. 50 коп,, и даже 6 руб. ассигн.

Теперь должно объяснить особенность Кяхтинской торговли. Купцы наши не могутъ расчитывать обороты свои по той цѣнѣ, по какой отдаютъ произведенія свои Китайцамъ, но по цѣнѣ, по которой чай продается на Нижегородской ярмаркѣ, или, лучше сказать, купцы наши вовсе не могутъ считаться съ Китайцами на деньги, а усчитываютъ товаръ на товаръ, опредѣляя въ послѣдствіи, во что имъ чай обошелся. Отъ этого Китайцы, дѣйствующіе единодушно, возвысили чай свой до такой нарицательной цѣны, что могутъ продавать въ Пекинѣ полученный за него товаръ нашъ дешевле того, какъ онъ продается у насъ, а наши купцы должны продавать чай въ такую цѣну, чтобы вознаградить потерю, понесенную на мѣнѣ и, сверхъ того, получить барыши; другими словами: наши потреби-

---

Въ 1837	—	161,937 пуд.	Въ 1839	—	194,171 пуд.
— 1838	—	177,540 —	— 1840	—	197,001 —

Въ послѣдніе три года (1841, 1842 и 1843) привозъ чая составлялъ 245 т., 261 т. и 229 т. Но годы эти, по причинѣ разрыва Китая съ Англіею, не могутъ итти въ сравненіе.

тели расплачиваются за барыши Китайскаго и Русскаго купца и за убытки послѣдняго. Вотъ причины дороговизны у насъ чая.

Настойчивость Китайскихъ купцовъ, недостатокъ единодушія въ нашихъ, самый образъ чайной торговли, черезъ Коммиссіонеровъ, которые въ такомъ дѣлѣ не могутъ замѣнить хозяевъ, и другія причины, дали Кяхтинской торговлѣ нашей такой невыгодный оборотъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, можетъ быть, предстояла еще возможность измѣнить отношенія сіи въ нашу пользу; нынѣ же, когда обстоятельства совершенно измѣнились и Англійскій аршинный товаръ наводнилъ весь Китай, для насъ нѣтъ возможности поднять цѣну на свой промѣнный товаръ, который тѣмъ только держится, что можетъ соперничать съ Англійскимъ, будучи продаваемъ въ Пекинѣ гораздо дешевле, чѣмъ его можно поставить въ Европѣ.

Вотъ причины, по коимъ необходимо нынѣ, не упуская времени, поддержать Кяхтинскую торговлю усиленіемъ сбыта чая, то есть, строжайшимъ преслѣдованіемъ поддѣлки его и возможною дешевизною его; для достиженія послѣдняго желательно было бы сбавить нѣсколько пошлину на Кяхтинскій чай. При совокупности сихъ мѣръ, Казна, вѣроятно, отъ этого ничего не потеряетъ, и уменьшенная пошлина вознаградится количествомъ привоза. Съ тою же цѣлію полезно было бы принять и нѣкоторыя другія мѣры, для облегченія и поощренія чайной торговли, какъ это въ большей подробности объяснено будетъ ниже.

ОБЪ УМЕНЬШЕНІИ ЦѢНЪ НА КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ.

Предметъ сей прямо относится къ вѣдѣнію Министерства Финансовъ, и здѣсь могутъ быть сдѣланы только нѣкоторыя указанія, кои въ подробностяхъ своихъ требуютъ еще соображеній и обсужденій.

Кяхтинскій чай всѣхъ добротъ и цѣнъ платитъ теперь пошлины 60 коп. сер. съ фунта, что установлено, для большаго удобства, по сдѣлкѣ съ купцами, хотя, по послѣднему тарифу, за низшіе сорты полагается 47, а за высшіе 75 коп. Такимъ образомъ фунтъ чая въ первыхъ рукахъ возвышается въ цѣнности болѣе, чѣмъ на два рубля ассигнаціями, или почти на одну треть здѣшней продажной цѣны. Чаи, за которые здѣсь платится болѣе трехъ рублей серебромъ за фунтъ, могли бы еще вынести подобную пошлину; но для простыхъ сортовъ и половина ея была бы еще слишкомъ высока; нѣтъ ни какого сомнѣнія, что сбытъ и потребленіе

простаго чая, при сбавкѣ двухъ рублей съ цѣны, увеличились бы въ большомъ размѣрѣ.

Другое затрудненіе заключается въ продолжительности оборота капиталовъ по Кяхтинской торговлѣ, потому что оборотъ этотъ совершается только въ двухгодичный срокъ, а слѣдовательно, и купцы должны расчитывать проценты свои на два года и имѣть всегда въ запасѣ большіе капиталы. Въ этомъ отношеніи было бы чрезвычайно полезно взимать пошлину за чай, или, по крайней мѣрѣ, часть ея не на Кяхтѣ, а по окончаніи расчетовъ на Нижегородской ярмаркѣ, или же въ Москвѣ. Таможенный учетъ могъ бы дѣлаться въ Кяхтѣ; а какъ дѣломъ этимъ занимается небольшое число значительнѣйшихъ купцовъ, то и казалось бы, что предполагаемая для нихъ льгота не могла бы представить для Казны большихъ затрудненій, между тѣмъ какъ она чувствительно облегчила бы чайную торговлю.

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ ПОДДѢЛКИ И ОБМАНА ВЪ ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛѢ.

Въ выдѣлкѣ Копорскаго чая легче всего изобличить крестьянъ, занимающихся симъ промысломъ, труднѣе поймать на дѣлѣ купцовъ, какъ это объяснено было выше, и еще затруднительнѣе уличить факторовъ или посредниковъ, и скупщиковъ.

По собраннымъ положительнымъ свѣденіямъ, можно бы теперь подвергнуть розысканію и преслѣдованію цѣлыя деревни и волости, гдѣ промыслъ этотъ, послѣ временной мѣры 1834 г., снова возникъ и процвѣтаетъ. Равнымъ образомъ, если бы внезапно осмотрѣть всѣ чайныя лавки и магазины, не только въ столицахъ, но и въ прочихъ городахъ, то, конечно, съ небольшими исключеніями, всюду почти найденъ будетъ Копорскій и спитой чай.

Слѣдствіемъ подобныхъ мѣръ было бы огромное, многосложное и чрезвычайно запутанное дѣло, по коему окажутся цѣлыя тысячи людей прикосновенными; многіе изъ нихъ будутъ строго осуждены, согласно съ нынѣшними законами, другіе, можетъ быть, не уйдутъ достаточно уличены и принесутъ въ послѣдствіи жалобу на причиненное имъ разстройство; словомъ, подобный ходъ дѣла былъ бы чрезвычайно многосложенъ и гибеленъ для большаго числа людей.

Между тѣмъ какъ самая цѣль предполагаемыхъ мѣръ заключается собственно не въ наказаніи виновныхъ за прошедшее и настоящее, а болѣе въ предупрежденіи будущаго зла, то и казалось бы болѣе удобнымъ и сообразнымъ съ дѣломъ удовольствоваться

поимкой Копорскаго чая, какъ на мѣстахъ выдѣлки его, такъ и въ нѣсколькихъ чайныхъ лавкахъ, ограничивъ дѣйствія свои, въ томъ и другомъ случаѣ, небольшимъ числомъ болѣе виновныхъ промышленниковъ и торговцовъ, для примѣра прочимъ. Тогда, конечно, поддѣльные и подмѣшанные чаи немедленно будутъ уничтожены повсюду самыми хозяевами, и цѣль Правительства, на первый случай, будетъ вполнѣ достигнута. На этотъ родъ дѣйствія согласенъ съ своей стороны и Г. Управляющій Министерствомъ Финансовъ, какъ онъ увѣдомилъ меня о томъ письменно. Съ моей же стороны все къ этому пріуготовлено такъ, что приступить къ сему можно во всякое время.

За симъ необходимо принять мѣры, чтобы благодѣтельныя для торговли дѣйствія сіи не ограничились, какъ въ 1816 и 1834 годахъ, единовременнымъ вліяніемъ; а этого нельзя достигнуть ничѣмъ, кромѣ постояннаго надзора. Надзоръ сей былъ когда-то возложенъ на Думу, которая, однако же, почти вовсе отъ него отказалась, подъ предлогомъ недостатка средствъ и свѣдѣній для изслѣдованія поддѣлки чаевъ; почему и торговые депутаты съ 1834 года ни разу не занимались этимъ дѣломъ и не заглядывали ни въ одну чайную лавку. Я полагаю, что обязанность внезапнаго осмотра чайныхъ лавокъ и магазиновъ и изслѣдованіе, нѣтъ ли въ чаяхъ какой либо подмѣси, должно возложить въ столицахъ на торговую полицію, при содѣйствіи опытныхъ химиковъ, или ботаниковъ, въ прочихъ же городахъ и уѣздахъ дѣло это должно возложить на особыхъ чиновниковъ, смотря по обстоятельствамъ, при содѣйствіи Городскихъ и Земскихъ Полицій.

Относительно спитаго чая, также не остается ничего болѣе дѣлать, какъ, разгласивъ принимаемыя Правительствомъ строгія мѣры противъ поддѣлки и подмѣси чаевъ вообще, наблюдать Полицейскимъ образомъ за ихъ исполненіемъ и взыскивать строго за каждый открытый обманъ, или подлогъ.

Для сего вообще необходимо установить довольно значительную пеню за каждый фунтъ поддѣльнаго, или подмѣшаннаго, чая, который открытъ будетъ въ продажѣ, по примѣру постановленій для торговой полиціи вообще.

Относительно Кантонскаго чая остается только повторить сказанное, то есть, что поимщики непремѣнно должны быть вознаграждаемы за открытіе контрабанднаго чая; въ противномъ случаѣ ввозъ его будетъ увеличиваться.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

1812 и 1813 ГОДАХЪ.

Мнѣ было восемь лѣтъ въ эту эпоху, столь памятную для Россіи и Европы.

Хотя цѣпь моихъ воспоминаній прерывается незрѣлостію возраста, однако, я помню многое; а какъ малѣйшая черта изъ жизни великихъ людей, такъ и малѣйшее обстоятельство великой эпохи, не лишены интереса, то я представляю читателю статью эту, внушенную мнѣ воспоминаніемъ.

Въ іюнѣ 1812-го года отецъ мой, возвратясь съ ярмарки нашего уѣзднаго города, Дорогобужа, отъ котораго имѣніе наше въ 18 верстахъ, а отъ Смоленска въ 70, былъ очень мраченъ; это обезпокоило мою мать и она спрашивала его: «Не слыхалъ ли чего непріятнаго?»

«Не стану тебя обманывать,» отвѣчалъ отецъ мой; «газеты должны были приготовить тебя къ необычайнымъ событіямъ, которыя готовы разразиться надъ нами: Наполеонъ, съ своими полчищами, перешелъ Нѣманъ.»

«Что будетъ?» вскрикнула матушка.

«Увидимъ,» говорилъ мой родитель, и скорыми шагами, заложивъ за спину руки, ходилъ по комнатѣ.

Ребенокъ, не понимавшій вполнѣ предстоящихъ намъ бѣдствій, я предчувствовалъ ихъ, и мои игрушки не такъ уже меня занимали.

Скоро послѣ того, сотоварищъ моего отца, по военной службѣ, бывшій тогда Исправникомъ по выбору Дворянства въ Смолен-

скѣ, Петръ Семеновичъ Веселовскій, пріѣхалъ къ намъ; матушка была нездорова и не выходила изъ своей спальни.

Какъ теперь смотрю на отца моего и Веселовскаго; какъ теперь слышу разговоръ ихъ.

У насъ, въ старомъ домѣ, была комната, называвшаяся диванною; по тогдашнему убранству, нѣсколько ступеней раздѣляли ее надвое; на возвышеніи, вокругъ стѣнъ, диванъ, обитый ситцемъ, съ бѣлыми цвѣтами, по желтому фону; на стѣнахъ висѣли гравированные портреты; ихъ было много, но три изъ нихъ остались въ моей памяти: Суворовъ, съ Фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукѣ; Костюшко, въ конфедераткѣ, похожей на колпакъ, и Бонапартъ, первый Консулъ Французской Республики, верхомъ на скачущей лошади.

На этомъ диванѣ, подъ этими портретами, сидѣли старые сослуживцы.

«И такъ, ты совсѣмъ выѣхалъ изъ Смоленска?» сказалъ отецъ мой.

«Совсѣмъ,» отвѣчалъ Веселовскій; «я везу Канцелярію; всѣ Предсѣдатели Присутственныхъ Мѣстъ также выѣзжаютъ и вывозятъ архивы; жители почти всѣ уже выѣхали; Губернаторъ выѣдетъ послѣдній. Спѣшите и вы: непріятель скоро будетъ въ Красномъ.»

Это было къ концу іюля.

28-го того мѣсяца моя мать разрѣшилась отъ бремени дочерью, единственной сестрою, которую я имѣю.

Къ крестинамъ съѣхались родные: Иванъ Ильичъ Радванскій былъ воспріемникомъ новорожденной.

«Ну, что другъ?» сказалъ онъ, «когда ты ѣдешь?»

«Надо на дняхъ», отвѣчалъ батюшка; «но, заплативъ акушеркѣ, которая не дождется минуты отправленія, потому что ея мужъ и семейство въ Смоленскѣ, у меня остается пятьдесятъ рублей ассигнаціями.»

«И у меня только пятьсотъ!» говорилъ Радванскій; «но я ѣду съ тестемъ, Малышевымъ; онъ богатъ, такъ я не буду нуждаться; подѣлимся.» И этотъ благородный человѣкъ вынулъ портфель, отсчиталъ двѣсти пятьдесятъ рублей и подалъ отцу моему, при словахъ: «Увидимся, дастъ Богъ, отдашь.»

Кончились крестины; приближалось 6-е Августа, воспоминаніе дня моего рожденія, какъ семейнаго праздника, но грустенъ онъ былъ тотъ годъ: въ этотъ самый день Смоленскъ занятъ непріятелемъ,

послѣ упорной и продолжительной битвы, въ которой нѣкоторые патріоты и не принадлежащіе къ строю участвовали; такъ помѣщикъ нашего уѣзда, Викентій Алексѣевичъ Воронецъ, бывшій въ отставкѣ, находясь тогда въ Смоленскѣ, сѣлъ за зубецъ стѣны крѣпости и, будучи хорошимъ стрѣлкомъ, счетомъ убилъ до двадцати непріятелей; послѣ сего возвратился въ деревню свою, забрался и выѣхалъ.

Экипажи, телѣги стояли на дворѣ нашей усадьбы; все укладывалось; моя мать была еще въ постелѣ; разстроенный видъ отца моего, моего учителя, всѣхъ, наполняли меня какимъ-то страхомъ; безпрестанно пріѣзжали то офицеры проходившихъ полковъ и ополченія, то члены Земской Полиціи.

Суматоха была страшная.

Вещи, которыхъ нельзя было забрать съ собою, снашивались въ одно мѣсто; рыли огромную яму и бросали ихъ туда; это подало мнѣ мысль сдѣлать то же съ моими игрушками: я собралъ дворовыхъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, моего возраста, собралъ своихъ лошадокъ, солдатиковъ и проч.; все это мы зарыли въ землю, посреди цвѣтника.

Между тѣмъ отецъ мой поѣхалъ въ уѣздный городъ Дорогобужъ, чтобъ получить болѣе подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ; вся дорога была покрыта шедшими полками, тянувшимися обозами и арміи, и жителей, покидавшихъ дома свои, не зная куда приклонить голову.

Самый городъ представлялъ необычайное движеніе; не было уголка, гдѣ бы не тѣснились люди.

Городничій, къ которому отецъ мой прямо пріѣхалъ, сказалъ ему: «Здѣсь есть Полковникъ, Адъютантъ Главнокомандующаго; онъ спрашивалъ меня о васъ и просилъ увѣдомить его, какъ только я васъ здѣсь увижу.»

«Кто такой?» спросилъ батюшка.—«Не помню фамиліи,» отвѣчалъ Городничій. Онъ тотчасъ послалъ разсыльнаго въ извѣстный домъ, съ извѣстіемъ къ тому Полковнику о прибытіи отца моего.

Скоро явился Полковникъ; то былъ Гельтъ, сослуживецъ батюшкинъ, какъ Адъютантъ Линденера; давно разстались товарищи; отецъ мой, оставившій службу, былъ мирный помѣщикъ, выгоняемый изъ своего убѣжища дивными событіями эпохи; Гельтъ, продолжавшій службу, былъ тогда Старшимъ Адъютантомъ Барклая де Толли.

Дорогобужъ, маленькій городокъ, однако жь порядочный для уѣзднаго, бывшій нѣкогда Удѣльнымъ Княжествомъ, котораго послѣднимъ владѣльцемъ былъ Димитрій Монастыревъ; лежитъ по обѣ стороны Днѣпра; на правой тянутся амфитеатромъ домики бѣдныхъ жителей, между ними двѣ церкви; на лѣвой дома, принадлежащіе болѣе одареннымъ фортуною; надъ всѣмъ этимъ возвышается насыпь, неизвѣстно когда и кѣмъ сдѣланная, окруженная глубокимъ рвомъ, гдѣ прежде былъ подъемный, а теперь простой мостъ; эта насыпь вѣнчается соборомъ, двумя корпусами Присутственныхъ Мѣстъ и Воеводскимъ домомъ; такое имя сохранилось ему въ преданіи, хотя онъ занимается теперь Городничимъ, далеко не Воеводою, какъ это слово прежде принималось.

Соборъ во имя Св. Екатерины построенъ по повелѣнію великой жены, носившей имя этой мученицы; кажется, во время путешествія Императрицы по Россіи.

На этой-то насыпи, называемой теперь валомъ, отецъ мой и Полковникъ Гельтъ ходили рука объ руку, сообщая одинъ другому свои мысли, опасенія и надежды.

«Могу ли,» сказалъ первый, «говорить съ тобою какъ старый товарищъ?»

«Прошу тебя объ этомъ,» отвѣчалъ второй.

«Что такое твой Генералъ?» спросилъ мой родитель.

«Великій человѣкъ, говорилъ, тронутый до слезъ этимъ вопросомъ, котораго смыслъ понималъ Адъютантъ Барклая де Толли; «великій человѣкъ, не понимаемый неблагодарнымъ народомъ, имъ спасаемымъ.»

«Что же все это значитъ?»

— «То, что Барклай не можетъ дать генеральное сраженіе; тогда вся Россія должна погибнуть: у него не болѣе тридцати тысячь войска; у Наполеона до полумилліона. Наша армія разъединена; главныя силы изъ Турціи, гдѣ война только что прекратилась. Ахъ! Кононовъ, если бы ты видѣлъ Главнокомандующаго ночью, когда онъ, бродя изъ угла въ уголъ, приближается къ разостланной картѣ Россіи, ставитъ булавку въ мѣстѣ, которое, по соображеніямъ своимъ, находитъ важнымъ, или крѣпкимъ, а потомъ, отходя отъ нея, проливаетъ слезы, повторяя: «И меня называютъ, считаютъ измѣнникомъ!» Если бы послѣ ты видѣлъ его днемъ, хладнокровно разговаривающимъ съ представляющимися къ нему и

дѣлающаго распоряженія; ты бы, какъ я, подивился ему, какъ генію, и пожалѣлъ бы о немъ, какъ о человѣкѣ.»

Этотъ разговоръ старыхъ товарищей узналъ я отъ отца моего тогда, какъ могъ уже понимать вещи; въ 1812-мъ году, котораго воспоминанія описываю, онъ былъ мнѣ неизвѣстенъ.

Отецъ мой возвратился, предоставивъ арміи весь скотъ нашей усадьбы; это было 5-го Августа; на другой день, въ самое то время, какъ Смоленскъ былъ взятъ непріятелемъ, или отданъ ему, мы выѣхали; но наканунѣ вечеромъ были въ большой тревогѣ: кто-то, запыхавшись, вбѣжалъ въ комнату съ объявленіемъ, что цѣлый полкъ непріятельскій скачетъ по проспекту къ нашему дому; отецъ взялъ пистолеты, саблю и пошелъ на встрѣчу; матушка и всѣ были въ страхѣ, но напрасно: это былъ отрядъ нашихъ Козаковъ; ихъ угостили, чѣмъ Богъ послалъ, и они отправились, совѣтуя намъ выѣзжать скорѣе.

Я сказалъ, что 6-го мы выѣхали. Сколько слезъ!

Въ каретѣ сидѣли моя больная мать, няня маленькой сестры моей, ея кормилица и я; корзина, въ которой лежала новорожденная, была поставлена между нами.

Выѣхавъ изъ воротъ и поворотивъ налѣво, разсѣлина между рощей, составлявшихъ садъ нашего дома, открыла этотъ домъ. «Прощай, Ивановское!» сказала мать моя и зарыдала. Плакали всѣ.

Мы выѣхали часу въ 5-мъ, или 6-мъ, вечера; ночлегъ долженъ былъ быть въ Дорогобужѣ, но страшный наплывъ войскъ, занявшихъ всѣ квартиры, не позволялъ и думать найти тамъ пристанище; мы остановились на Искожѣ, въ двухъ верстахъ отъ города; но и тамъ съ трудомъ нашли для себя уголокъ въ сараѣ мѣщанина Шульгина; экипажи, обозъ, все это ночевало подъ открытымъ небомъ.

Въ первый разъ въ моей жизни увидѣлъ я тогда бивуаки; Козаки недалеко стояли въ полѣ; мелькавшіе огни, движеніе, неуловимый говоръ, ржаніе лошадей, новизна предмета, все оживляло для меня квартиру военной жизни; мнѣ было весело, но кругомъ видѣлъ я лишь мрачныя, грустныя лица.

Мы назавтра отправились далѣе; черезъ весь Дорогобужъ ѣхали шагомъ: такъ много было народа на улицахъ; верстахъ въ 26, по большой Московской дорогѣ, менѣе чѣмъ въ верстѣ отъ нея, по лѣвую сторону, въ с. Жашковѣ, жила тогда старая дѣвица,

Настасья Алексѣевна Арсеньева; мы заѣхали къ ней; но уже въ домѣ лежалъ раненый графъ Паленъ, а дворъ весь уставленъ былъ обозами, такъ что мои родители могли только поговорить съ ней нѣсколько минутъ въ саду.

Въ такомъ же, какъ Арсеньева, отъ города разстояніи жили отъ нея, въ с. Бѣломірѣ, наши родственники, Потемкины; къ нимъ заѣхали мы. Старуха мать, которой два сына были въ то время въ арміи; невѣстка, жена старшаго сына, съ нѣсколькими маленькими дѣтьми, и три дочери, вотъ лица, составлявшія это семейство.

Скажу теперь, изъ кого состояло наше: мои родители, я, моя сестра, бабушки: Потемкина и Куломзина, да родная сестра отца моего, Ольга Никитична Кононова, не задолго пріѣхавшая къ намъ погостить изъ Симбирской губерніи и, вмѣстѣ съ нами, выгнанная изъ дома.

Надо разсказать, какъ Куломзина стала членомъ нашего семейства: она жила верстахъ въ 15 отъ насъ; хотя мой отецъ и мать очень ее любили и уважали, но она не была въ короткой связи съ нами.

Наканунѣ нашего отъѣзда она къ намъ пріѣхала; вошла вся заплаканая, обняла насъ, опустилась на диванъ и вынула бумажникъ, а изъ него три синенькихъ пятирублевыхъ ассигнаціи, бросила ихъ на столъ, говоря отцу моему: «Вотъ все, что у меня есть; возьми это и возьми меня съ собою; а нѣтъ — прикажи меня бросить въ рѣку!» Она рыдала.

Боже! Какія минуты бываютъ въ жизни человѣческой!

Отецъ мой, тронутый до слезъ, сказалъ ей: «Поѣдемъ вмѣстѣ, тетушка; не обѣщаю вамъ хорошаго, но вы раздѣлите судьбу нашу.»

Еще былъ съ нами мой учитель, Дмитрій Александровичъ Оглоблинъ, и обозъ болѣе сорока подводъ, да человѣкъ двадцать пять и болѣе прислуги.

Пробывъ нѣсколько дней у Потемкиныхъ, мы ѣхали далѣе, все еще не зная куда; вблизи отъ Колоцкаго монастыря было имѣніе Бланка, у котораго мы и прежде бывали, с. Прасолово; но Борисъ Карловичъ съ семействомъ еще за время переселился въ Тамбовскую свою деревню; хотя хозяевъ не было, управляющій принялъ насъ очень хорошо, зная связь нашу съ его господиномъ, да

и вообще въ то время вездѣ были гостепріимны къ несчастнымъ изгнанникамъ; онъ пріютилъ насъ.

Въ Колоцкій монастырь прибыла тогда икона Смоленской Божіей Матери, сопровождаемая Епископомъ нашимъ, Иринеемъ, почтеннымъ старцемъ, хорошо знакомымъ моему отцу.

Каждый день родитель мой ѣздилъ къ Архіерею, получавшему частыя свѣдѣнія изъ арміи; такъ прошло, кажется, съ недѣлю. Мои занятія съ Оглоблинымъ продолжались.

Наконецъ, однажды, отецъ мой, возвратясь изъ монастыря, объявилъ, что надо ѣхать: армія наша отступала къ Москвѣ; непріятель ее преслѣдовалъ.

И мы поѣхали, также какъ останавливавшіяся въ селеніи, прилежащемъ монастырю, семейства сосѣда нашего, Александра Васильевича Вакселя, Андрея Богдановича Лыкошина и другихъ изгнанниковъ.

Тутъ воспоминанія мои смутны, вѣроятно, отъ безпрерывной перемѣны мѣстъ; знаю только, что на Москву ѣхать было нельзя: туда не пускали, опасаясь накопленія народа, и мы продолжали наше горестное путешествіе по старой Калужской дорогѣ, на Верею и Боровскъ.

Гдѣ-то, въ Калужской губерніи, узнали мы о кончинѣ моего крестнаго отца, Василія Ѳедоровича Шепелева, у котораго батюшка былъ нѣкогда Адъютантомъ. Эпизодъ изъ жизни Шепелева, извѣстный мнѣ, весьма замѣчателенъ по отвагѣ увезти балетчицу Петербургскаго театра, къ которой особенно благоволилъ Императоръ Павелъ I-й; влюбленный Генералъ былъ посланъ на Кавказъ разгнѣваннымъ Монархомъ; возвратясь оттуда, онъ еще служилъ нѣсколько лѣтъ при Александрѣ I-мъ, вышелъ въ отставку, жилъ въ деревнѣ; въ 1812-мъ году былъ избранъ начальникомъ Калужскаго ополченія, но скоро умеръ.

Съѣхался съ нами пріятель отца моего, Ѳедоръ Ивановичъ Лыкошинъ, также съ семействомъ своимъ бѣжавшій отъ нашествія. Этотъ почтенный человѣкъ, еще среднихъ лѣтъ тогда, Нѣмецъ Эглазъ, старикъ, въ парикѣ, съ длинной тростью, съ желѣзнымъ наконечникомъ, служившей ему щупомъ, потому что онъ имѣлъ неодолимую страсть искать клады, и мой отецъ, сидѣли у стола постоялаго дома, всѣ очень грустные; въ другой комнатѣ лежала больная мать моя.

«Проѣзжайте, какъ можно скорѣе эту дорогу,» говорилъ въ пол-голоса Лыкошинъ; «Французскіе мародеры бродятъ въ окрестностяхъ и могутъ напасть.»

На другой день мы проѣзжали лѣсомъ; вдругъ два Козака закричали: «Стой!» и остановили лошадей нашихъ, заскакавъ напередъ.

Смоленскій Губернаторъ, Баронъ Казимиръ Ивановичъ Ашъ, со своимъ Правителемъ Канцеляріи, Виноградовымъ, ѣхалъ въ двуместной каретѣ; Козаки очищали ему дорогу; поровнявшись, съ нашей каретой, Баронъ вѣжливо поклонился матушкѣ и говорилъ своимъ Нѣмецкимъ выговоромъ: «Э, Милостивая Государыня, Анна Ифановна, мое поштеніе!»

А матушка съ сердцемъ сказала: «Богъ съ тобой! Перепугалъ на смерть.»

Переправясь черезъ Оку, кажется въ Каширѣ, мы были застигнуты страшной бурей; переправа шла медленно на паромѣ, потому что было множество экипажей; мы съ родителями и маленькой сестрой переѣхали изъ первыхъ, и какъ городъ былъ еще не совсѣмъ близко, то должны были провести нѣсколько часовъ въ плетеной лачушкѣ, служившей кабакомъ; при обозѣ нашемъ была черная собака; ее звали хайка; о ней забыли, оставили на берегу; по возвращеньи, мы нашли ее дома; у нея нога была прострѣлена; вѣроятно, она, бѣжавъ тою же дорогою, пошла подъ Бородино во время самаго сраженія; увидѣвъ насъ, она бросилась и изъявляла каждому свою радость.

Гдѣ-то, чуть ли не тамъ же, въ Каширѣ, былъ Городничимъ Потемкинъ, оказавшійся родственникомъ бабушкѣ; въ Рязани была тогда цѣлая улица домовъ, окрашенныхъ желтой краской, съ зелеными ставнями; мы остановились на нѣсколько дней въ имѣніи знакомыхъ намъ Ракитиныхъ, с. Карѣевѣ; никого изъ нихъ не было, а нашли мы тамъ много ихъ родныхъ, также какъ и мы, выгнанныхъ изъ домовъ своихъ; это были семейства Тумило-Денисовича, Велички и другихъ дворянъ Смоленскихъ.

Не могу сказать утвердительно, гдѣ, но помнится въ Рязанской губерніи, мы обѣдали на постояломъ дворѣ; послѣ обѣда бабушка и батюшка легли отдохнуть; матушка работала; мнѣ велѣно было быть смирнымъ; я сидѣлъ тихо и молча смотрѣлъ въ окно, передъ которымъ стояли экипажи; лошади были привязаны вокругъ и кормились; не вдалекѣ виднѣлись кустарники; все призатихло; долго

сидѣлъ я и задумавшись глядѣлъ въ даль; вдругъ Михайла, нашъ кучеръ, вышелъ изъ избы, гдѣ остальные люди всѣ спали, утомленные долгимъ походомъ; онъ посмотрѣлъ вокругъ и, видя только одного меня, сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я молчалъ: какъ мнѣ оно же было прежде приказано и, подстрекаемый любопытствомъ, я исполнилъ его желаніе; онъ подошелъ къ нашей желтой, четвероместной каретѣ, отворилъ ее, что-то вынулъ, потомъ заперъ ее и взошелъ на козлы, пошарилъ тамъ и, сойдя, надѣлъ на спину котомку; тогда онъ опять пристально посмотрѣлъ на меня и пошелъ въ березникъ: я не понималъ, что это значило, но когда пришло время запрягать лошадей, оказалось, что Михайла и еще два изъ крестьянъ обоза ушли; всѣ встревожились; я разсказалъ, что видѣлъ; сомнѣнія въ побѣгѣ не оставалось, но отыскивать было некогда; мы отправились безъ нихъ; людей у насъ было достаточно; кѣмъ замѣнить ушедшаго кучера, легко нашли.

Когда мы возвратились на родину, Михайла бросился къ ногамъ моихъ родителей и, рыдая, просилъ прощенія: «Я люблю васъ, господа, говорилъ онъ, но у меня оставались жена и дѣти, сгрустнулось по нихъ, я не могъ выдержать, простите меня!»

Тронутые его раскаяніемъ, родители мои отъ души простили его, тѣмъ охотнѣе, что онъ былъ всегда хорошимъ человѣкомъ, преданнымъ имъ; они увѣряли его, что ни сколько на него не сердятся; это, однако, не успокоило добраго слуги, чувствовавшаго свой проступокъ; онъ мучился совѣстію, грустилъ, чахъ и, получивъ чахотку, скоро умеръ; передъ смертію онъ все еще просилъ прощенія.

Вотъ примѣръ привязаности къ помѣщикамъ. Опишу противный: у насъ былъ молодой парень, Петръ; онъ ѣздилъ форрейторомъ. Когда все уже было готово къ выѣзду, 6-го Августа, описанному мною, пришли сказать, что Платонъ, отецъ его, и его жена, оставляютъ сына при себѣ и не позволяютъ брать его. Батюшка велѣлъ ихъ позвать; они пришли и съ наглымъ видомъ объявили, что не отпустятъ сына, прибавляя: «Прошла ваша власть, ѣдете сами, Богъ вѣдаетъ куда; Богъ вѣдаетъ, что съ вами будетъ, не даемъ сына!»— Въ то время, подобная выходка одна могла повести къ бунту. Отецъ мой сказалъ: «Пусть такъ, пусть сынъ вашъ остается; но знайте, что если я возвращусь, онъ въ первый наборъ будетъ рекрутъ.» Они отвѣчали съ дерзостію: «Не стращайте, не стращайте! Не вернетесь, батюшка!»

По возвращеніи такая наглость требовала наказанія, въ примѣръ другимъ; то, что было сказано, исполнено: Петра отдали въ солдаты; мать и отецъ его оплакали свою глупость, но поздно; они скоро послѣ того умерли оба; впрочемъ, были стары; но не мудрено, что это обстоятельство ускорило ихъ кончину; сынъ ихъ и теперь живъ; онъ въ отставкѣ и иногда ко мнѣ приходитъ изъ Дорогобужа, гдѣ находится на жительствѣ.

Въ Тамбовѣ мнѣ купили маленькую саблю, которой я вертѣлъ, воображая, что рублю Французовъ; въ Тамбовской же губерніи заѣзжали мы къ Б. К. Бланку; тамъ, въ с. Борисовкѣ, видѣлъ я, въ другой разъ, родную тетку жены его, Анну Петровну Бунину, женщину-поэта, автора «Паденія Фаетона.»

Все семейство Бланка очень было намъ радо, а бабушку Куломзину, двоюродную тетку хозяйки дома, уговорили они остаться у нихъ; тамъ она и пробыла все время нашего изгнанія, а мы отправились, съ опредѣленой цѣлью, искать убѣжища на родинѣ моего отца, въ Симбирской губерніи. Уже были мы въ Саратовской; на постоялый дворъ, гдѣ мы остановились, выѣхали къ намъ на встрѣчу нѣкоторые родные; мы переѣзжали отъ одного къ другому, всѣ спѣшили наперерывъ оказывать свое сочувствіе и дружбу; но цѣлью нашей поѣздки былъ Сызранскій уѣздъ.

Тамъ, въ с. Голодаевкѣ, Архангельское тожъ, мѣстѣ рожденія батюшки, было небольшое достояніе, оставшееся ему послѣ дѣда моего и отданное батюшкой сестрѣ своей, Ольгѣ, съ нами тогда бывшей; но это достояніе было недостаточно, чтобъ прокормить всѣхъ насъ: людей съ нами было человѣкъ тридцать, лошадей, кромѣ упряжныхъ, болѣе сорока подъ обозомъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Голодаевки жилъ Григорій Алексѣевичъ Рокотовъ; еще въ дѣтствѣ зналъ онъ отца моего, который даже живалъ у него, будучи ребенкомъ; къ нему пріѣхалъ мой родитель.

«Ба! ба! ба! любезный Акинѳій!» сказалъ этотъ почтенный старикъ, снимая свой колпакъ. «Тебя съ семействомъ Французы выгнали изъ дома; пусть мой домъ будетъ вашимъ! Гдѣ вамъ помѣститься въ Голодаевкѣ? Пріѣзжайте ко мнѣ; что Богъ мнѣ далъ, все раздѣлимъ виѣстѣ, во время вашего бѣдствія. Я помню Пугачева, а Бонапартъ не лучше его. Здорово!» Онъ обнялъ моего отца, который отъ слезъ не могъ проговорить ни слова.

Съ Сентября 1812, по Май, или Іюнь, 1813 года, мы жили у почтеннаго Рокотова; все, что можетъ быть сдѣлано для успокоенія несчастныхъ, было имъ не забыто.

Бабушку мою, по одинаковому отчеству и фамиліи, онъ долго считалъ родной сестрой Князя Таврическаго, пока та сама не объяснила ему его ошибку, сказавъ, что знаменитый Потемкинъ ей только дальній родственникъ, и что она никогда его не знала.

Этотъ Г. А. Рокотовъ былъ человѣкъ столь же оригинальный, какъ достойный; не смотря на то, что былъ очень богатъ и, какъ видите, не скупъ, онъ, собственно для себя, не допускалъ ни какой роскоши; дома всегда ходилъ въ нагольномъ тулупѣ, а при выѣздахъ, которые дѣлалъ рѣдко, надѣвалъ байковый сюртукъ.

Въ баню ходилъ непремѣнно каждую субботу; парился сильно и потомъ, прямо съ полка, лѣтомъ или зимою, какая бы ни была погода, все равно, выходилъ на дворъ и обдавался холодной водою; тогда возращался домой, въ своемъ тулупѣ и туфляхъ на босую ногу, садился у отвореннаго окна своей комнаты, — тамъ не было зимою двойной рамы,—выпивалъ стаканъ квасу, принесеннаго со льду, и спрашивалъ чаю, уже заранѣе для него приготовленнаго.

Такъ поступалъ во всю жизнь свою, а жилъ болѣе восьмидесяти лѣтъ.

Онъ никогда ни съ кѣмъ не имѣлъ никакого судебнаго дѣла; кому давалъ деньги въ займы, не бралъ ни процентовъ, ни заемныхъ писемъ, ни росписокъ, а только записывалъ въ свою книгу.

Его семейство состояло изъ внуковъ Амбразанцовыхъ, дѣтей его дочери; онъ доставилъ имъ воспитаніе, состояніе, пекся о нихъ.

Всѣ они изъявляли намъ ту же дружбу, какъ достойный ихъ дѣдъ; словомъ, если бы не воспоминаніе о покинутой и разоренной родинѣ, мы были бы у нихъ, какъ у себя.

Память о Рокотовѣ и его семействѣ сохраню я вѣчно; но могу ли, долженъ ли забыть о Василіи Борисовичѣ Бестужевѣ и всѣхъ его? Они много были намъ полезны въ ту горькую годину.

Сверхъ того у него былъ пріятный домъ, своя музыка, всѣ удобства богатаго человѣка и большое, любезное семейство. Мы у него часто бывали.

Онъ выдалъ батюшкѣ бумаги, касающіяся нашей фамиліи и найденныя въ сундукѣ, оставшемся послѣ смерти тетки его, Кононовой, урожденной Бестужевой, которая была опекуншею моего дѣда

и о которой я пространнѣе говорю въ другомъ мѣстѣ этѣхъ Записокъ. При отъѣздѣ онъ благословилъ отца моего образомъ, съ изображеніемъ Св. Николая, совсѣмъ не такимъ, какъ мы привыкли видѣть на иконахъ. Преданіе говоритъ, что это копія съ подлиннаго изображенія Святителя, писаннаго при его жизни; не могу утверждать того, но очень наклоненъ вѣрить, что это такъ, и всякій, кто увидитъ это изображеніе, думаю, согласится, что это долженъ быть портретъ, а не вымышленное лицо.

Еще многихъ помню я изъ людей того времени и края; но все это туманно, смѣшано, такъ что я самъ себѣ не могу дать въ томъ отчета въ этихъ сбивчивыхъ воспоминаніяхъ. кромѣ того, что всѣ они имѣютъ свѣтлыя струны для моего сердца.

Батюшка зимою 1813 года ѣздилъ одинъ домой и писалъ изъ бывшаго Ивановскаго: тамъ все было разорено.

Онъ опять возвратился, и наконецъ мы отправились въ обратный путь, при слезахъ и желаніяхъ намъ счастія всѣхъ насъ любившихъ; ѣхали той же дорогою, заѣзжали туда же, куда и первый разъ, но, странно, воспоминанія мои о томъ не такъ свѣжи; думаю, что ожиданіе, желаніе, нетерпѣливость увидѣть родину тому причиной.

Путь нашъ былъ менѣе медленъ, какъ прежній, но все не спѣшенъ; наконецъ мы были уже въ своей губерніи, подвигались къ родному пріюту и увидѣли свое Ивановское; пріѣхали: за радостію ничего не помню, кромѣ того, что насъ встрѣтили какъ бы изъ мертвыхъ воскресшихъ.

Распросамъ, разсказамъ конца не было; печаль исчезла, она стала — прошедшее; будущее улыбалось, будущее казалось свѣтло.

Мы зажили въ своемъ Ивановскомъ; домъ нашъ былъ разграбленъ: ни оконъ, ни дверей, не говоря уже о мебели, не было: родители мои помѣстились въ людскихъ избахъ; мы, съ учителемъ, въ банѣ, во рву сада, и такъ прожили болѣе года; тутъ воспоминанія мои начинаютъ быть менѣе сбивчивыми, и я надѣюсь не ошибаться и быть отчетливѣе въ хронологическомъ порядкѣ.

Правительство дѣлало многія и большія пособія; учреждены были для того особые Комитеты; забылись понесенныя утраты; обезпеченіе, послѣ отчаяннаго положенія, заставило забыться, и то, что было пособіемъ, обратилось въ гибель, потому что породило ту роскошь, къ которой безъ него состоянія не допускали.

Конечно, тѣ пособія для людей благоразумныхъ, скромныхъ, употребившихъ деньги на дѣло, были основаніемъ ихъ новаго благоденствія; но много ли такихъ людей?

Казалось, всѣ съ ума сошли; все плясало, веселилось; тамъ балъ, тутъ съѣздъ, вездѣ празднества, пирушки, въ Смоленскѣ общественныя увеселенія, такъ, что Аракчеевъ, присланный для изысканія средствъ возстановить разоренное дворянство на прежнюю ногу, говорятъ, писалъ Государю, что, смотря на образъ жизни, наряды, экипажи помѣщиковъ, онъ не видитъ, чтобъ они разорены были.

Все это накопляло тѣ бѣдствія, которыя тяготятъ теперь надъ всѣмъ дворянскимъ сословіемъ губерніи, съ малыми, или рѣдкими, исключеніями въ финансовомъ отношеніи.

Рокотовъ не забылъ насъ и по возвращеніи нашемъ; зная, что у насъ все разорено, онъ прислалъ намъ зимою, съ 1813 на 1814-й годъ, обозъ съ разной провизіей; чего тамъ не было? Кадки меда, свиныя туши, разная крупа, балыки, — всего множество.

Бестужевъ, при отправленіи нашемъ изъ ихъ стороны, далъ двѣ коровы и быка, Англійской породы, на заводъ, потому что у насъ не было ни штуки скота, ни господскаго, ни крестьянскаго, равно и лошадей у мужиковъ; заразительныя болѣзни, тогда вездѣ по Смоленской губерніи существовавшія, изъ двухъ сотъ пятидесяти душъ, за моими родителями бывшихъ, унесли семьдесять пять; женскаго пола умерло столько же; вездѣ въ селеніяхъ стояли бочки съ дегтевою водою; болѣзни не скоро истребились; словомъ, положеніе было страшное; а все прошло, все пережили.

Припомню нѣкоторые разсказы того времени дворовыхъ людей нашихъ, оставившихся на мѣстѣ, во время нашествія непріятеля. По взятіи Смоленска и по проходѣ нашей арміи, стали сначала появляться одни мародеры; потомъ скоро въ Ивановское прибылъ Понятовскій, съ своимъ корпусомъ; онъ помѣстился въ нашемъ домѣ, занявъ въ немъ только двѣ комнаты, одну, называвшуюся длинненькой, другую спальню; остальныя предоставилъ онъ офицерамъ его штаба; войско расположилось въ полѣ, куда снесено было много мебели изъ дома; ее нѣсколько могли собрать послѣ, но большая часть или пропала, или была разломана; у крыльца дома стоялъ часовой и не пускалъ въ него старуху Мароу, няню моей матери, которая шла съ жалобой къ Генералу; но Понятовскій смотрѣлъ въ это время въ окно и приказалъ впустить ее.

Пусть разсказываетъ сама Марѳа: «Вотъ, батюшка, и вхожу я къ Его Превосходительству; красивый такой мой голубчикъ, ласковый и по Русски хорошо говоритъ. «Что тебѣ надо, старушка?» спросилъ онъ. Я ему поклонъ, и говорю: «Солдаты ваши разобижаютъ насъ; все поотняли, такія бестіи; послѣдняя была холстина; я на смерть себѣ приготовила; стрятала подъ печь, и тамъ нашли, и ту вытащили; прикажите отдать.»—«Что дѣлать, старушка, на то война.» сказалъ Генералъ. Я заплакала. «Не плачь,» говорилъ онъ; «вотъ тебѣ за твою холстину,» и онъ насыпалъ мнѣ на руку много мелкихъ денегъ; чай, кабы счесть, такъ больше, чѣмъ холстина стоила. Я его поблагодарила и ушла. Дерни меня нелегкая сказать часовому; онъ также былъ Полякъ, такъ понималъ по Русски; дерни меня сказать ему: «Вы, канальи, грабите людей, а Генералъ вашъ, дай Богъ ему здоровья, не таковъ,» и покажи я ему деньги, что тотъ мнѣ пожаловалъ: онъ меня подъ ладонь, деньги разсыпались; навалились другіе солдаты, какъ воронья, все подобрали, мнѣ ни гроша не досталось; я глядь на домъ—Генерала у окна не было; я было опять на крыльцо, меня прогнали; залилась я слезами, да и не помню, что было послѣ.»

Мѣстоположеніе нашей усадьбы въ такомъ видѣ: на утесистой горѣ большой домъ; подъ горою довольно широкая рѣка, Ужъ, впадающая въ Днѣпръ; о ней упоминаетъ Карамзинъ гдѣ-то, говоря о войнахъ съ Поляками: Смоленская губернія всегда была ключемъ Россіи; по ту сторону рѣки пространный лугъ; на немъ былъ отрядъ Козаковъ въ то время, какъ Понятовскій занималъ Ивановское; произошла небольшая стычка, перепалка, въ которой убитъ одинъ Козакъ и одинъ Полякъ; тѣло перваго не знаю куда дѣлось, но тѣло втораго погребено его товарищами подъ самыми окнами нашего дома; они надъ его могилою поставили крестъ, приготовленный однимъ изъ нашихъ дворовыхъ для его не задолго умершей дочери.

Когда мы возвратились, батюшка приказалъ вырыть это тѣло и похоронить на общемъ кладбищѣ; при томъ была отслужена панихида по неизвѣстномъ врагѣ нашемъ; онъ смертію своей примирился съ нами и отецъ мой видѣлъ въ немъ только человѣка.

Въ длинненькой комнатѣ, которую занималъ Понятовскій, на колоннѣ была надпись его руки; въ ней онъ упоминалъ о взятіи Смоленска, о приходѣ своемъ въ Ивановское и о времени своего тутъ

пребыванія; подписано было: «Понятовскій, Августъ 1812 г.»; все на Польскомъ языкѣ.

Эта надпись сохранялась до 1818 г. Тогда домъ былъ разломанъ и выстроенъ на томъ же мѣстѣ другой; знаменитая колонна подверглась общей участи: неизвѣстно, что съ нею сталось.

Много еще слуховъ и преданій о 1812 г. собрано мною: они будутъ помѣщены въ своихъ мѣстахъ моихъ Записокъ. Въ 1837-мъ году былъ я на мѣстахъ, гдѣ въ 1812-мъ мы, какъ изгнанники, нашли радушный пріютъ и утѣшеніе; но многихъ, кого бы мнѣ хотѣлось видѣть, не было уже на свѣтѣ: такъ скоро проходятъ поколѣнія; другіе переселились; словомъ, я мало кого нашелъ изъ тѣхъ, кого зналъ тамъ въ 1812-мъ году.

А. Кононовъ.

МНИМАЯ МУЧЕНИЦА.

Возсоединеніе Унитовъ съ Православною Церковію въ 1839 г. сильно встревожило Папистовъ. Въ Латинскомъ мірѣ возникли толки, сплетни, клеветы. Заграничные журналы завопили противъ «колоса на глиняныхъ ножкахъ» (такъ называли они Россію). Наконецъ Ультрамонтаны выдумали мученицу, которая разсказывала всякую небывальщину въ Римѣ. Росказни ея повторялись журналами. Имъ многіе, даже и изъ Русскихъ, вѣрили на слово. Самъ Государь сталъ было сомнѣваться въ правильности дѣйствій, употребленныхъ по дѣлу возсоединенія лицъ. Не знали, какъ успокоить его. Въ Февралѣ 1846 довелось мнѣ погостить въ Петербургѣ. Сижу я за утреннимъ кофе: вдругъ дверь отворяется — передо мной Л. В.

«Здравствуйте, Николай Васильевичъ! Извините, что я завернулъ къ вамъ немножко рано. Боялся васъ не застать.»

«Извините, что застали меня въ халатѣ. Я не ожидалъ вашего посѣщенія.»

«Э, ничего (садится). Я къ вамъ съ просьбой.... съ поклономъ отъ моего графа и отъ Н.

«На что же понадобился имъ отставной Губернаторъ, праздный Москвичъ, случайно попавшій въ Петербургъ на нѣсколько дней?»

«Вы читаете Journal des débats?»

«Каюсь.»

«Мы знаемъ, что вы ничего не добиваетесь, что вы вполнѣ независимы по своему положенію въ свѣтѣ....»

«Да, ничего-съ!»

«Выведите же насъ изъ недоумѣнія. Скажите откровенно, на сколько тутъ, во всѣхъ этихъ статьяхъ объ Унитскомъ дѣлѣ, правды и преувеличенія?»

«Очень радъ разъяснить все, какъ было.»

«Вы, разумѣется, какъ уже не служащее, а свободное частное лицо, вы можете смѣло все говорить, не опасаясь какихъ либо непріятностей.»

«Вы знаете, что я и на службѣ всегда говорилъ и писалъ, какъ и что думалъ, видѣлъ, чувствовалъ. И теперь ни утаивать ничего, ни прикрывать никого не намѣренъ.»

«Такъ скажите же....»

«Въ такомъ важномъ дѣлѣ на словахъ объясняться трудно. Дайте мнѣ справиться съ памятью. Я составлю Записку и завтра же доставлю ее вамъ.

«Очень, очень будемъ благодарны.»

«Я надѣюсь успокоить всѣхъ графовъ »

«Такъ это дѣло еще не такъ худо?»

«Одно скажу: тутъ все ложь!»

«Такъ, до свиданья!»

«До завтра!»

На другой день Записка была доставлена. Дни черезъ три меня благодарятъ отъ имени всѣхъ графовъ. Государь успокоенъ. Въ Парижскую Миссію отправлено возраженіе на всѣ возгласы Журнала пренiй. Я возвратился въ Москву.

Подставная мученица называлась, или назвалась, Макреной Мечиславской (Makrena Mieczysławska). Польскіе Ксендзы: Рылло, Еловицкій и Лейтнеръ (Ryllo, Recteur de la Propagande; Jelowicki, Recteur de Saint-Claude; Leitner, théologien de la Propagande), собрали всѣ бредни мнимой мученицы въ небольшую книгу, которая и напечатана въ Парижѣ въ 1846 г. (Librairie Catholique Polonaise).

Время, къ которому относится безстыдная выдумка какой-то бродяги-самозванки, совпадаетъ съ Ноябремъ и Декабремъ 1838 года, т. е., небывалыя истязанія, высылка изъ Минска въ Витебскъ Унитскихъ монахинь и изнуреніе ихъ тамъ голодомъ и холодомъ въ Русскомъ монастырѣ, только что населенномъ монахинями изъ Ярославля и Козачками съ Дона! все это относится къ зимнему времени 1838 года.

Я Всемилостивѣйше назначенъ былъ Начальникомъ Минской губерніи въ концѣ Декабря, а пріѣхалъ въ Минскъ въ половинѣ

Февраля. Предмѣстникъ мой, Кн. Давыдовъ, прежде моего назначенія, сдалъ уже должность Вице-Губернатору Шахматову. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ этой повѣсти, названное Губернаторомъ Ушаковымъ, [1] вовсе не схоже фамиліею ни съ Давыдовымъ, ни съ Шахматовымъ. Слѣдовательно, тутъ написано: вмѣсто Губернаторъ Сушковъ, Губернаторъ Ушаковъ или Ушковъ, что довольно схоже съ моей фамиліею, особенно для Французовъ, которые всѣ чужеземныя имена передѣлываютъ на свой ладъ.

Главный Начальникъ губерній Минской, Виленской, Гродненской и области Бѣлостоцкой, Кн. Долгоруковъ, самъ оклеветанный Іосифъ (Симашко) [2] были тогда въ С.-Петербургѣ. Слѣдовательно, все приписываемое ему — явная ложь. Въ Минскѣ тогда былъ православный Архіепископъ Никаноръ. [3] Унитскій Антоній (Зубко) обозрѣвалъ свою епархію, и я видѣлся съ нимъ въ Диснѣ, черезъ которую я началъ знакомиться съ положеніемъ губерніи. Если бы что нибудь подобное было до меня и такъ незадолго, я бы это немедленно узналъ и по дѣламъ и по слухамъ, тѣмъ болѣе, что нѣсколько фанатиковъ изъ Поляковъ Латинскаго исповѣданія громко роптали на святое дѣло возвращенія Унитовъ въ лоно родной, Православной Церкви.

Въ дѣлахъ, подлежавшихъ тайнѣ, въ числѣ которыхъ были и всѣ дѣла по возсоединенію Уніи, нѣтъ ни строки о противодѣйствіи монахинь-Базиліянокъ. Я тѣмъ смѣлѣе это утверждаю, что всѣ секретныя дѣла Канцеляріи Губернаторской, отъ начала Польскаго мятежа и церковныхъ безпорядковъ до сдачи мною губерніи, я самъ всѣ перечиталъ, перебралъ, какія можно было, кончилъ и сдалъ въ Архивъ къ особому храненію. Ихъ легко всѣ вытребовать сюда и повѣрить съ истиною моихъ словъ.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль моего управленія Минскою губерніею, я имѣлъ свѣдѣнія о всѣхъ происшествіяхъ, слухахъ и толкахъ изъ самыхъ вѣрныхъ рукъ — отъ Уѣздныхъ Предводителей Дворянства, которые и лично, и частными письмами, или записками, сообщали мнѣ обо всемъ, откровенно и немедленно; ибо

---

[1] Uszakoff.

[2] Въ послѣдствіи Митрополитъ.

[3] Позже Митрополитъ С.-Петербургскій и Новгородскій, Первенствующій Членъ въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ. Онъ умеръ въ 1856 г.



знали, что они всегда останутся въ сторонѣ; стало быть, если бы эта сказка имѣла какое ни будь основаніе, она бы дошла до меня въ продолженіе трехъ лѣтъ пребыванія моего въ губерніи.

Между тѣмъ, обозрѣвая уѣзды, я видѣлся съ обращеннымъ духовенствомъ, посѣтилъ одинъ изъ женскихъ Базиліянскихъ монастырей (въ Слуцкѣ), и нигдѣ ни отъ кого не было мнѣ жалобъ на гоненія, притѣсненія, или хоть малѣйшую несправедливость со стороны Епархіальныхъ Начальствъ (Тогда въ губерніи было три Епархіи).

Теперь постараюсь отыскать источникъ Бельгійской, или Французской, сказки.

Въ упомянутыхъ мною дѣлахъ я помню происшествіе въ Минскомъ Бенедиктинскомъ монастырѣ. При Князѣ Давыдовѣ открылось черезчуръ безнравственное поведеніе монахинь. Было произведено слѣдствіе, и при этомъ не одна, помнится, монахиня уличена въ беременности, чтобъ не сказать болѣе. Двухъ, или трехъ, изъ нихъ оттуда перемѣстили. Объ этомъ должно быть свѣдѣніе и по вѣдомству г. Шефа Жандармовъ. Не этотъ ли случай далъ поводъ: 1) Законное слѣдствіе въ Латинскомъ монастырѣ назвать гоненіемъ и истязаніемъ монахинь Унитскихъ. 2) Перемѣщеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ другой монастырь назвать высылкою цѣлой толпы Базиліанокъ изъ Минска въ Витебскъ, да еще торжественно, съ распятіемъ въ рукахъ и подъ покровительствомъ начальника губерніи. 3) Какую ни будь бѣглую изъ этихъ же, или другихъ, Латинскихъ монахинь назвать Униткою и мученицею. 4) Безчинство и безнравственность ихъ перенести на голову Православныхъ монахинь въ Витебскѣ, населивъ его чисто Русскими уроженками и Казачками съ Дона! и напослѣдокъ 5) Перенести на Русскихъ всѣ, исторіею описанные, подвиги Ляховъ и сатанинскую утонченность ихъ въ изобрѣтеніи мукъ и пытокъ для захватываемыхъ коварствомъ и клятвопреступленіемъ ратоборцевъ Запорожья и Украйны, въ годину языческихъ гоненій на Православіе отъ Поляковъ, Папы, Іезуитовъ и Жидовъ, въ годину рѣзни и отступничества; наконецъ, въ годину безсмысленной выдумки Уніи, которую и предлагали, какъ послѣднее звено, гибнувшимъ въ потокахъ крови и огня, и вмѣстѣ съ тѣмъ называли холопскою вѣрою!... Вотъ эта холопская вѣра и остается только въ странахъ ея изобрѣтателей и распространителей. Собственно же въ Россіи: «отторженные въ 1596 г. насиліемъ, возсоединены любовію въ 1839.»

У Французовъ все кончается шуткой, смѣхомъ или, какъ говоритъ ихъ же пословица, пѣсенкой: «et tout finit par la chanson.» Такъ и здѣсь: Journal des débats (Журналъ прѣній) заключилъ длинный рядъ своихъ клеветныхъ на Россію статей коротенькой рѣчью: «M-ieur Souschkoff est connu comme un être despote et cruel (или—не помню буквально выраженія — est reconu pour un être и т. д.), c'est pour quoi il a eut cette mission (Сушковъ извѣстенъ, какъ человѣкъ жестокій и самоуправный, или самопроизвольный — (не знаю, какъ лучше перевести по Русски деспотическій), потому-то и было возложено на него это порученіе (т. е., дѣло возсоединенія Унитовъ въ Минской губерніи).

Всего забавнѣе, что №, въ которомъ напечатанъ этотъ отзывъ, послѣднее слово Журнала прѣній, принесъ Сушкову и читалъ, смѣючись, во всеуслышаніе хозяевъ и гостей, Французскій Консулъ, Графъ Мeжанъ. Доказательство, какъ сами Французы вѣрятъ толкамъ, вѣстямъ и мнѣніямъ своихъ журналовъ.

Н. Сушковъ.

О
ВОДВОРЕНИИ НИЖНИХЪ ВОЕННЫХЪ ЧИНОВЪ. [1]

Три вопроса требуютъ разрѣшенія: 1) о водвореніи нижнихъ чиновъ, по увольненіи ихъ отъ военной службы, 2) о призрѣніи престарѣлыхъ и увѣчныхъ, или больныхъ солдатъ, и 3) о составленіи отдѣльнаго капитала на предметъ ихъ водворенія и призрѣнія.

По первому вопросу: а) Не говоря уже о малоземельныхъ и мелкихъ имѣніяхъ, отъ нѣсколькихъ тяглъ до 200 и 300 ревизскихъ душъ, даже богатыя землею владѣнія, съ населеніемъ отъ 1000 до 2000 и болѣе душъ, не могутъ, хотя бы совершенно отдѣльными участками, жертвовать удобною землею, и жертвовать при томъ почти безпрерывно, вѣчно, по мѣрѣ появленія отставныхъ и отпускныхъ солдатъ, такъ какъ при увеличеніи отъ ревизіи до ревизіи народонаселенія, вездѣ нужны запасныя земли. [2]

б) Мало имѣній, которыя бы не нуждались, или въ лѣсахъ, не только строевыхъ, но и дровяныхъ, или въ покосахъ и выгонахъ, или въ проточной водѣ и даже въ прудахъ и колодцахъ, или въ усиленномъ удобреніи полей, для чего необходимы скотные дворы, и такимъ образомъ недостатокъ въ томъ или другомъ заставляетъ дорожить вдвое, втрое всѣми угодьями, каждымъ кустикомъ, каждой струйкой воды, каждымъ овражкомъ.

в) При независимости нижнихъ чиновъ отъ сельскаго начальства, какъ обуздать ихъ при пьянствѣ, буйствѣ, корчемствахъ, кражахъ, притонахъ развратнымъ солдаткамъ, бродягамъ и военно-

---

[1] Писано по случаю разныхъ слуховъ, ходившихъ въ обществѣ, о мѣрахъ къ тому.

[2] Вводить же солдатъ въ общіе участки, значило бы вводить опять черезполосность, переверстывать и дробить каждый годъ поля и луга, стѣснять болѣе и болѣе крестьянъ, уничтожать огороды и окружать дворы помѣщичьихъ земледѣльцевъ постройками независящихъ отъ помѣщика обывателей.

бѣглымъ, при угонахъ скота, при порубкахъ лѣса, при потравѣ хлѣба и огородовъ, и т. п.? Жалобы, слѣдствія и уголовныя дѣла, со всѣми возможными наказаніями виновныхъ, разорительны для помѣщика и крестьянъ, такъ какъ все это отвлекаетъ отъ хозяйства и полевыхъ работъ, а здѣсь потеря времени дороже денежныхъ тратъ.

г) Если солдатъ, нечаянно, по безпечности и т. д., зажжетъ лѣсъ, скирду сѣна, овинъ, ригу, деревню, чѣмъ, какъ и кто вознаградитъ разоренныхъ за ихъ убытки?

д) Если предположить военныя въ помѣщичьихъ владѣніяхъ водворенія, то, при двухъ рядомъ поселеніяхъ, вольныхъ или военныхъ землевладѣльцевъ, и крѣпостныхъ или помѣщичьихъ крестьянъ, не возникнутъ ли со временемъ пагубныя изъ ихъ столкновеній послѣдствія для тѣхъ и другихъ? Такъ, на примѣръ, въ деревняхъ небольшихъ, бѣдныхъ, при нетрезвости, лѣности и неисправности крестьянъ, не пожелаютъ ли эти послѣдніе также освободиться изъ подъ власти помѣщичьей, не будетъ ли иногда ослушанія съ ихъ стороны, буйства и наконецъ явнаго противъ владѣльца возстанія?.... Напротивъ того, въ имѣніяхъ многонаселенныхъ, богатыхъ, торговыхъ, крестьяне будутъ смотрѣть на своихъ сосѣдей, какъ на гостей незванныхъ, какъ на завладѣвшихъ ихъ собственностью, какъ на враговъ, и рано ли, поздно ли, обоюдная ненависть между ими обнаружится во всей силѣ.

е) Наконецъ, помѣщики и общества, большею частью, ставятъ въ рекруты людей порочныхъ, буйныхъ, нетрезвыхъ, лѣнивыхъ и неисправныхъ въ оброкѣ, податяхъ и т. д. Это единственная узда, особенно на дворовыхъ людей, которые легче утрачиваютъ добрые нравы отъ праздности и отъ роскоши, въ которую впадаютъ при частыхъ посѣщеніяхъ трактирныхъ заведеній, гдѣ они сладко ѣдятъ, пьютъ пуншъ, курятъ цигары и проигрываютъ все, что случится подъ рукою, на бильярдѣ и въ карты. Нынче эти люди боятся рекрутства, и при возвращеніи изъ службы къ помѣщику, если бы даже и не исправились отъ прежнихъ пороковъ, знаютъ, что имъ надобно вести себя осторожно и трудиться, чтобы быть терпимымъ въ имѣніи. Тогда же они съ торжествомъ будутъ глядѣть на помѣщика: они не только не зависятъ отъ него, но они такіе же владѣльцы, какъ и онъ. Иногда, можетъ быть, иной, закоснѣлый злодѣй, будетъ и мстить старостѣ, или обществу и самому помѣщику, зажигательствомъ, воровствомъ, дракою, ябедою и т. д.

По второму вопросу: Для призрѣнія увѣчныхъ, дряхлыхъ и неизлѣчимо-больныхъ солдатъ и солдатокъ существуетъ Инвалидный капиталъ, который, наростая % съ 1813, или 1814 г., имѣетъ постоянные къ увеличенію своему источники.

По третьему вопросу: Чтобы составить еще другой, для водворенія и призрѣнія военно-нижнихъ чиновъ, капиталъ, потребуется новый, значительный и вѣчный, налогъ, что повлечетъ за собою ропотъ всѣхъ податныхъ сословій. Уже и теперь крестьяне съ неудовольствіемъ смотрятъ на солдатокъ, получающихъ паекъ въ деревняхъ, полагая, что и хлѣбные магазины пойдутъ на нихъ же, а вовсе не на предметъ своего учрежденія. Впрочемъ, при Инвалидномъ капиталѣ, войска имѣютъ и значительныя суммы артельныя.

Все, однако же, вышесказанное должно быть принято Начальствомъ, какъ только личныя участвующихъ въ настоящемъ совѣщаніи убѣжденія, соображенія и предположенія; но на рѣшительное какое либо пожертвованіе, со стороны и отъ имени Дворянства, они права не имѣютъ, такъ какъ уполномочія, при выборахъ, на это имъ не дано, и окончательное разрѣшеніе возникшихъ вопросовъ можетъ зависѣть только отъ полнаго собранія Дворянства, при чемъ, по настоящему дѣлу, каждый, самый мелкопомѣстный, долженъ имѣть свой голосъ, наравнѣ съ богатыми, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о его правахъ, собственности и благосостояніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

V

СМѢСЬ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.